

9 (3)

M 17

КНЯЗЬ В. П. МАКСУТОВЪ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ
СЪ ОТДАЛЕННѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЭПОХИ МАКЕДОНСКАГО ЗАВОЕВАНІЯ.

ЕГИПЕТЪ И ФИНИКІЯ.

ТОМЪ I.
КНИГИ I—IV.

Цѣна 6 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „Бережливость“, Невскій, № 139.
1905.

КНЯЗЬ В. П. МАКСУТОВЪ.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ

СЪ ОТДАЛЕННѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО ЭПОХИ МАКЕДОНСКАГО ЗАВОЕВАНІЯ.

Египеть и Финикія.

ТОМЪ I.

Книги I—IV.

Цѣна 6 руб.

Установленнаго
"Вицебратъ" и "Вицебратъ"
"Вицебратъ" и "Вицебратъ"
БІБЛИОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ♪
Типографія „Бережливость“, Невскій, № 139.
1905.

524425

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашъ вѣкъ обширныхъ и богатыхъ результатами археологическихъ изысканій изученіе исторіи древняго Востока сдѣлало поразительные успѣхи, которые, благодаря новѣйшимъ раскопкамъ и изслѣдованіямъ, произвели переворотъ, напоминающій, по своему относительному значенію, современные успѣхи естествознанія. Чуть не ежеднневно совершаются открытія новыхъ, неизвѣстныхъ доселѣ папирусовъ и клинообразныхъ надписей, проливающихъ свѣтъ на то или иное явленіе въ сферѣ культурно-исторической жизни даннаго народа, исчезнувашаго во тьмѣ временъ, извлекается изъ нѣдръ восточной почвы найденная въ древнихъ гробницахъ различная утварь, наглядно рисующая степень развитія его матеріальной культуры, откапываются нерѣдко высокохудожественные остатки зодчества, литературы и искусства, лежавшіе въ землѣ не одно тысячелѣтіе, издаются, наконецъ, систематическія изслѣдованія, посвященныя выясненію разнообразныхъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей или бытомъ вымершихъ націй.

Съ каждымъ ударомъ желѣзной лопаты археолога наука все глубже и глубже проникаетъ въ область сѣдой легендарной старины, раскрывая намъ ея тайны, разъясняя и подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя библейскія сказанія, являвшіяся до прошлаго столѣтія единственнымъ документальнымъ памятникомъ по исторіи давно умершей, но въ старину мощно властвовавшей надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ культуры народовъ семитической расы.

Благодаря указаннымъ источникамъ и нѣмымъ памятникамъ сѣдой древности, представляющимъ осязательныя доказа-

тельства того культурнаго развитія, до котораго дошли древніе восточные народы, выработавшіе продолжительной исторической жизнью извѣстныя политическія, религіозныя и общественныя основы и предъявившіе на зарѣ новаго вѣка часть своего цивилизованнаго багажа,—благодаря всѣмъ этимъ даннымъ, говоримъ мы, является возможность составить себѣ не только опредѣленное понятіе объ исторіи колыбели человѣческой цивилизации, въ которой впервые зажглись свѣтильники знаній, но и, прослѣдивъ, въ предѣлахъ доступности источниковъ, главнѣйшіе моменты ея бытія, выяснить съ возможной полнотой всемірно-историческое значеніе исчезнувшихъ націй Востока.

Но несмотря на относительное богатство матеріала, вынесеннаго ориенталистами на Божій свѣтъ изъ мрака подземныхъ гробницъ и пещеръ, наши свѣдѣнія въ указанномъ отношеніи оставляютъ желать еще очень многого какъ относительно всесторонности обрисовки культурно-бытовыхъ чертъ народовъ классическаго Востока, такъ равно и касательно важнѣйшихъ историческихъ моментовъ ихъ политическаго прошлаго. При наличности упомянутыхъ условій становится яснымъ, что при разрѣшеніи вопросовъ, которые не освѣщены памятниками, находящимися еще въ болѣе глубокихъ слояхъ восточной почвы, въ однихъ случаяхъ приходится довольствоваться простыми догадками, не имѣющими права претендовать на безусловное научное признаніе, въ другихъ—необходимо принимать въ расчетъ чисто лингвистическія и даже этимологическія соображенія, способныя пролить хоть нѣкоторый свѣтъ на изучаемую эпоху, въ третьихъ случаяхъ, наконецъ, приходится отмѣтить несостоятельность сколько нибудь внятнаго отвѣта памятниковъ на обращенные къ нимъ весьма многіе вопросы, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи науки, не располагающей еще, несмотря на результатъ раскопокъ и изслѣдованій, достаточнымъ запасомъ фактическаго матеріала.

Нельзя упускать изъ вида и того обстоятельства, что въ исторіи исчезнувшихъ народовъ Востока почти не приходится прислушиваться къ голосу лѣтописей по той простой причинѣ,

что или ихъ не существуетъ, или онѣ искажены до неузнаваемости и отъ нихъ не остается и тѣни того, что онѣ представляли первоначально. Естественно, что въ указанномъ отношеніи голосъ остается за археологіей, глубже всѣхъ остальныхъ наукъ заглядывающей въ доисторическую даль и раскрывающей передъ нами картины самаго отдаленнаго прошлаго. Но и здѣсь необходимо держаться извѣстныхъ границъ. Для археолога, сапера науки, цѣнно само по себѣ всякое археологическое явленіе независимо отъ его значенія, тогда какъ для историка представляютъ интересъ лишь тѣ археологическія явленія, которыя могутъ способствовать уясненію той или другой стороны культурно-политической жизни даннаго народа и его бытового уклада. Перефразируя одно изъ своеобразныхъ положеній средневѣковой схоластики, можно сказать, что археологія есть прислужница исторіи, и съ этой точки зрѣнія имѣетъ право на существованіе лишь постольку, поскольку она занимаетъ мѣсто въ свитѣ исторіи, иначе же названная наука, составляя пищу археологическихъ червячковъ и перезубрившихъ дилетантовъ, становится просто на просто предметомъ празднаго любопытства. Тоже самое относится и до остальныхъ спутницъ исторіи—филологіи и нумизматики, обязанныхъ своимъ научнымъ характеромъ, благодаря связи ихъ съ исторіей.

Указанная точка зрѣнія легла въ основу предлагаемаго сочиненія въ томъ смыслѣ, что, почерпая руководящія данныя и суммируя результаты, достигнутые археологическими и филологическими изысканіями, мы въ то же время придерживались строго историческаго метода, избѣгая всякой спеціализаціи и лишь опираясь на матеріаль, добытый путемъ раскопокъ и подлежащій соответственной научной комбинаціи, вытекающей изъ итога научныхъ изслѣдованій, насколько послѣдніе оказались въ состояніи привести къ тѣмъ или другимъ выводамъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ замѣчено выше, историкъ чрезвычайно трудно достигнуть въ этомъ отношеніи до идеальной полноты, чему, помимо указанныхъ условій, много способствуетъ недоступность научныхъ источниковъ и документовъ, разбросанность

ихъ по всему міру, а равно и нѣкоторая, неизбѣжная, впрочемъ, отрывочность свѣдѣній объ той отдаленной эпохѣ, которой посвящено наше сочиненіе. Понятно, что при перечисленныхъ условіяхъ стремленіе къ обладанію научнымъ матеріаломъ въ возможной полнотѣ не можетъ не быть труднодостижимо вслѣдствіе неизбѣжныхъ пропусковъ и пробѣловъ, благодаря которымъ серьезный историческій трудъ значительно проигрываетъ въ изображеніи картинъ прошлой исторіи человѣчества.

Что подобные пропуски и недочеты найдутся въ предлагаемой книгѣ мы нисколько не сомнѣваемся и потому всякія указанія на неточность или ошибочность выводовъ и вообще всякого рода замѣчанія въ этомъ отношеніи будутъ нами приняты съ благодарностью. Конечно, въ большинствѣ случаевъ, высказывая наше личное мнѣніе, болѣе или менѣе мотивированное, мы въ то же время далеки были отъ мысли считать его за неоспоримое. Вѣдь въ наукѣ, какъ и въ самой жизни, нѣтъ ничего безусловнаго, а все лишь относительно, т. е. условно, слѣдовательно, можетъ быть утверждаемо или отрицаемо, однимъ словомъ, оспариваемо.

Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что обоснованное знаніе состоитъ не въ томъ только, чтобы познать, какова данная вещь, но и въ томъ, чтобы знать, почему она не можетъ быть иной. Вотъ объ это-то „почему“ нерѣдко спотыкается историкъ-исслѣдователь даже ближайшей къ нашему времени эпохи, что же можно сказать про оріенталиста, зашедшаго въ полурасчищенные восточныя дебри? Не смотря на собственныя изысканія и изслѣдованія, не взирая на работы своихъ предшественниковъ, пролагающихъ ему пути и снабжающихъ извѣстнымъ научнымъ багажемъ, онъ долженъ двигаться медленно, ощупью, оріентируясь по признакамъ частью сомнительнымъ, а частью и прямо невѣрнымъ и въ то же время обладать такимъ обостреннымъ критико-историческимъ чутьемъ, которое помогало бы ему разобраться въ лабиринтѣ сбивчивыхъ, неясныхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ данныхъ, подсказывая разрѣшеніе затрагиваемыхъ вопросовъ, разрѣшеніе возможно

ближе подходящее къ истинѣ и являющееся слѣдствіемъ тщательнаго анализа историческихъ фактовъ, установленныхъ наукой. Читатели даже не подозрѣваютъ, сколько времени и усилий потрачено нами, чтобы разобраться въ тѣхъ подъ часъ существеннѣйшихъ вопросахъ, матеріалъ для которыхъ еще не очищенъ критикой и которые полнѣйшимъ молчаніемъ обходятъ древніе памятники.

Знакомясь съ современной исторической литературой, которая, можно сказать, увеличивается день ото дня, мы встречаемся съ капитальными произведеніями выдающихся западныхъ ориенталистовъ: вродѣ Масперо, Эрмана, Лепсіуса, Бругша, Бунзена, Эберса, Опперта, Делича, Лейярда, Смита, Раулинсона, Ленормана, Дункера, Моверса, Ренана, Мюллера и мног. друг., разработавшихъ на основаніи существующаго матеріала исторію того или другого восточнаго государства или составившихъ себѣ извѣстность научными трудами по общей исторіи древняго Востока. Русская историческая литература почти не обладаетъ, къ сожалѣнію, подобными оригинальными сочиненіями, если не считать извѣстную книгу г. Тураева „Богъ Тотъ“, — серьезное изслѣдованіе въ области древне-египетской культуры, написанное живымъ прекраснымъ языкомъ и отличающееся солидной эрудиціей. Затѣмъ можно указать на нашего труженика въ области египтологіи В. С. Голенищева, сдѣлавшаго не одно цѣнное открытіе въ сферѣ литературной дѣятельности фараонскаго Египта. Наконецъ заслуживаютъ вниманія труды Е. А. Пасыпкина и З. А. Рагозиной. Вотъ, кажется, и всѣ представители современной русской ориентологіи, по крайней мѣрѣ, изъ тѣхъ, которыхъ мы знаемъ и съ сочиненіями которыхъ знакомы.

Но отдавая должную справедливость какъ западно-европейскимъ, такъ равно и русскимъ ученымъ, вносящихъ большій или меньшій вкладъ въ общую сокровищницу человѣческаго знанія и такъ или иначе двигающихъ впередъ разработку научныхъ вопросовъ, мы не можемъ, однако, не выразить искренняго сожалѣнія, что большинство историковъ-ориенталистовъ ограничиваются въ своихъ трудахъ изложеніемъ либо одной по-

литической исторіи даннаго государства, либо одной культурной, либо — въ лучшемъ случаѣ — той и другой вмѣстѣ и почти не касаются или касаются вскользь, такъ сказать, *en passant* военной исторіи Востока и основъ военного искусства, выработанныхъ древними восточными народами, очевидно, не принимая въ расчетъ того весьма важнаго обстоятельства, что состояніе военного искусства данной эпохи служить лучшимъ показателемъ цивилизаціи, и что изучая послѣднюю, невозможно игнорировать первое, такъ какъ оно слишкомъ тѣсно переплетается со всѣми остальными сторонами народной жизни. Повторяя азбучную истину, можно сказать, что въ процессѣ образованія націй военная власть играетъ обыкновенно такую значительную роль, что вся политическая организація создается ею; вотъ почему въ началѣ своего гражданскаго развитія общество по необходимости организовано для военной дѣятельности и только въ конечной стадіи своего развитія оно является преимущественно промышленнымъ. Отсюда понятна зависимость военного дѣла отъ общаго состоянія культуры и цивилизаціи, накладывающихъ на искусство веденія войны особую печать, а между тѣмъ эта-то зависимость почти совсѣмъ игнорируется въ трудахъ историковъ-ориенталистовъ.

Нужно признаться, что помимо неполноты и разрозненности фактическаго матеріала, касающагося названной отрасли искусства — съ одной стороны, тутъ немаловажную роль играетъ некомпетентность всѣхъ этихъ лицъ въ разнообразнѣйшихъ вопросахъ военного дѣла, ибо составить о послѣднемъ сколько нибудь ясное и опредѣленное понятіе немислимо безъ солиднаго знанія прикладной стороны искусства веденія войны, элементовъ разрушенія (Артиллерія), созиданія (Фортификація), организаціи (Военная Администрація) и собственно боя (Тактика), пропущенныхъ сквозь стратегическую призму. Иначе научная сторона подобнаго историческаго сочиненія безъ надлежащей группировки матеріала и безъ соотвѣтственнаго освѣщенія совершенно исчезнетъ подъ наплывомъ какого то военного дальтонизма, давая

въ конечномъ итогѣ амальгаму. Съ другой стороны, историческій писатель, незнакомый съ теоріей военнаго искусства, обращая вниманіе читателей на политическую или бытовую жизнь даннаго государства, въ большинствѣ случаевъ, довольствуется краткимъ обзоромъ его войнъ, исходя, очевидно, изъ того убѣжденія, что для страны несравненно важнѣе результатъ той или другой боевой операціи, того или иного сраженія, нежели производство послѣднихъ, могущее интересовать однихъ спеціалистовъ.

Съ принципіальной стороны мнѣніе это совершенно вѣрно: дѣйствительно, для всякаго воюющаго государства гораздо болѣе важны послѣдствія отъ выигранной или проигранной битвы, чѣмъ всѣ подготовительные марши-маневры и вообще эпизодическій процессъ боя, но становясь на историческую точку зрѣнія, единственно въ данномъ случаѣ примѣнимую, позволимъ себѣ замѣтить, что подобное воззрѣніе основано на какомъ то предразсудкѣ. Исторія есть наука и какъ наука она занимается изученіемъ причинъ историческихъ событій и законовъ, которые управляютъ исторической жизнью народовъ. Разъ задача всемірной исторіи заключается въ томъ, чтобы воспроизвести прошлую картину существованія человѣчества, охватывая всѣ стороны его культурно-исторической жизни, то, естественно, она не можетъ не расширить своихъ рамокъ, выдвигая собственную сущность, какъ сумму множества слагаемыхъ, въ число которыхъ должны входить и политика, и культура, и соціально-экономическія отношенія, и военное дѣло и т. д.; однимъ словомъ, исторіи необходимо охватить прошлую историческую жизнь общества, по возможности, со всѣхъ сторонъ быта. А кому же неизвѣстно, что военное дѣло, съ какой бы точки зрѣнія на него ни смотрѣть, есть одинъ изъ необходимыхъ элементовъ государственной жизни, безъ котораго не существовалъ и не можетъ существовать ни одинъ правильно развитой политическій организмъ? Исторія показываетъ, что народъ только тогда получалъ право голоса въ сферѣ международныхъ отношеній, тогда только пріобрѣталъ важное въ лѣтописи человѣчества значеніе, тогда только активно участвовалъ въ ходѣ прогрессивнаго его движенія, когда

умѣлъ поддержать свою политическую самостоятельность оружіемъ, когда оказывался способнымъ охранять и развивать оригинальность своихъ собственныхъ (національныхъ) стремленій; умѣнье отразить силу силой является первымъ испытаніемъ пробуждающагося народнаго самосознанія; выдержавшій этотъ искусь—получаетъ право на развитіе національныхъ силъ; невыдержавшій—принужденъ или растаять при самомъ своемъ возникновеніи, или же выполнять въ сонмѣ народовъ-руководителей подчиненную, пассивную, такъ сказать, служительскую роль ¹⁾).

Максъ Іенсъ справедливо замѣчаетъ, что націи могутъ долгое время существовать съ негодными общегосударственными и юридическими установленіями, такъ какъ законы и права постоянно унаслѣдуются подобно вѣчной болѣзни, но военныя учрежденія, которыя точно также гнилы, тянутъ весь народъ неумолимо въ пропасть, такъ какъ ихъ пригодность или негодность рѣшаетъ вопросъ,—„быть или не быть“ ²⁾).

Наконецъ исторія ясно говоритъ, что народъ даже невоинственный, не желающій знать солдатства, въ критическіе моменты скоро убѣждается, что военная честь ни что иное, какъ честь самого государства и частица чести каждаго гражданина въ отдѣльности. Нельзя разсматривать военное пораженіе само по себѣ, независимо отъ тѣхъ факторовъ, которые обусловили его наличность: проигрышъ компаніи, какъ результатъ военныхъ пораженій, есть ни что иное, какъ пораженіе всего правительственнаго строя и правительственной системы, являющихся, въ свою очередь, послѣдствіемъ расшатавшагося и лишеннаго здоровыхъ народныхъ соковъ государственнаго организма, заржавѣвавшего и окостенѣлаго въ подгнившихъ устояхъ. Война выдвигаетъ не однѣ лишь военныя задачи, не одни вопросы политическаго преобладанія, а сама судьба народовъ, скрестившихъ оружіе, нерѣдко подвергается тяжкимъ испытаніемъ.

¹⁾ В. Заболотный. „Опытъ къ рациональному разрѣшенію вопроса: что такое война?“ 1900. гл. I, стр. 5.

²⁾ Максъ Іенсъ. „Военное дѣло и народная жизнь“, перев. Шульмана, подъ редакціей А. К. Пузыревскаго. 1898 г. стр. 3.

Вышеприведенными разсужденіями мы хотѣли выдвинуть тотъ фактъ, что исторія военнаго искусства, клонящаяся къ выясненію состоянія послѣдняго въ различныя историческія эпохи, не можетъ быть оторвана отъ универсальной, всеобщей исторіи, а наоборотъ должна переплетаться съ ней самымъ тѣснымъ образомъ. Событія въ исторіи слѣдуютъ другъ за другомъ независимо отъ человѣческой воли, хотя у насъ и проявляется стремленіе руководить ими, подчинивъ ихъ нашему контролю, но ходъ исторической жизни народовъ не можетъ развиваться такъ систематически, какъ какое-нибудь сочиненіе и въ исторіи все дѣлается такъ, какъ иначе и не можетъ дѣлаться при данныхъ условіяхъ.

Мы вдалились бы въ слишкомъ большія подробности и вышли бы изъ тѣхъ рамокъ, какія намѣтили себѣ при составленіи настоящаго предисловія, если бы захотѣли доказать приведенное положеніе болѣе фактически и съ утомительною обстоятельностью: для нашей цѣли достаточно подчеркнуть тѣсную связь между бытовой жизнью народовъ и ихъ военными учрежденіями, развитіе которыхъ всегда идетъ параллельно развитію націи, такъ сказать, пульсируетъ съ нимъ однимъ и тѣмъ же тактомъ. Отсюда ясно, что изученіе состоянія военнаго искусства народа не можетъ не принадлежать къ области исторіи, ибо знаніе существующихъ основъ военнаго дѣла, знаніе времени, мѣста, условій, мотивовъ и результатовъ военной дѣятельности данной націи есть наука историческая и ее слѣдуетъ изучать при помощи историческаго метода.

Много лѣтъ занимаясь исторіей, принимая участіе въ разработкѣ самыхъ разнообразныхъ историческихъ вопросовъ и въ то же время имѣя честь принадлежать къ военному званію сословно, мы поставили цѣлью настоящаго труда съ одной стороны—возстановить извѣстное равновѣсіе между политикой, культурой и военнымъ дѣломъ въ томъ видѣ, въ какомъ названные элементы комбинировались между собою у древнихъ народовъ Востока, а съ другой—на основаніи доступнаго матеріала и въ предѣлахъ собственнаго умѣнія—

прослѣдить ходъ ихъ историческаго процесса въ зависимости отъ тѣхъ разнообразныхъ условій, которыя оказали вліяніе на поступательное движеніе послѣдняго, иначе говоря, мы задались сложной цѣлью изобразить извѣстное взаимодѣйствіе между „дѣянiями“ даннаго народа и его „бытомъ“.

Прежде, нежели приступить къ рѣшенію подобнаго культурно-военно-политическаго уравненія и слѣдуя намѣченному плану, мы постараемся выдѣлить извѣстные члены въ одну сторону, неизвѣстные—въ другую, причемъ однимъ изъ неизвѣстныхъ, подлежащихъ выдѣленію и опредѣленію, будетъ постановка военнаго дѣла у народовъ древняго Востока, конечно, настолько, насколько она обрисовывается дошедшими до насъ памятниками. Въ нашихъ послѣдующихъ трудахъ, которые будутъ касаться болѣе близкой къ нашему времени эпохи, мы надѣемся возстановить полную фактическую равноправность между членами указаннаго историческаго уравненія, такъ какъ располагаемъ для этой цѣли достаточнымъ запасомъ матеріала, благодаря которому состояніе военнаго искусства данной эпохи уже не тонетъ въ непроницаемомъ туманѣ, а наоборотъ освѣщено проходящими сквозь этотъ туманъ многочисленными лучами свѣта.

Что касается развитія затронутаго вопроса въ предлагаемомъ сочиненіи, то мы просимъ читателей обратить вниманіе на то немаловажное обстоятельство, что хотя изученіе исторіи классическаго Востока, сообразно новѣйшимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, дѣлаетъ значительные успѣхи и все болѣе и болѣе привлекаетъ вниманія образованнаго общества, возбуждая въ немъ интересъ къ народамъ сѣдой древности, но со всѣмъ тѣмъ не только детальная, но и сколько нибудь полная разработка исторіи давно минувшихъ вѣковъ оставляетъ желать еще очень многаго. Факта этого нельзя упускать изъ виду; вотъ почему при указаніи на цѣль настоящаго сочиненія была сдѣлана оговорка въ томъ смыслѣ, что въ немъ преслѣдуется попытка возстановить извѣстное равновѣсіе между культурно-политическими и военными элементами, входившими въ той

или другой формѣ въ историческую жизнь восточныхъ народовъ, ибо, если общая исторія вымершихъ націй, благодаря современнымъ открытіямъ и наличности доступнаго матеріала, обрисовывается болѣе или менѣе явственно, то за то исторія военного искусства, вслѣдствіе неполноты и разрозненности данныхъ, относящихся къ военному дѣлу, по необходимости, остается еще въ полутьмѣ, разсѣять которую въ состояніи лишь новыя изысканія.

Эпоха, которую мы переживаемъ, по справедливости, можетъ быть названа эпохой спеціализаціи и монографій, чему много способствуетъ разросшаяся до необозримыхъ предѣловъ историческая литература, памятники которой,—не скажемъ изучить и подвергнуть критикѣ, а только ориентироваться въ ихъ массѣ—дѣлаютъ непосильными для одного человѣка общіе труды и заставляютъ историка видоизмѣнить методъ научнаго изслѣдованія. Одно время мы сами думали посвятить себя изслѣдованію нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ въ области древней ориентологіи, но предпринятый нами трудъ вскорѣ разросся до такихъ размѣровъ, что мы пришли къ мысли, сокративъ и популяризовавъ его, включить составленную монографію въ общеисторическое сочиненіе, касающееся названной эпохи, нынѣ погруженной въ политическую Нирвану.

Переходя къ разсмотрѣнію находящагося въ настоящее время въ распоряженіе у науки историческаго матеріала, вынесеннаго археологами изъ нѣдръ восточной почвы, нельзя не отмѣтить его крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи между государствами вымершихъ націй; въ большинствѣ случаевъ, для изученія отдаленнаго прошлаго какой нибудь одной страны имѣется значительный притокъ матеріаловъ, увеличивающійся *crescendo*, благодаря новымъ открытіямъ и раскопкамъ, тогда какъ для изученія исторіи другой страны о сравнительномъ обиліи источниковъ не можетъ быть и рѣчи.

Указанное обстоятельство не могло, конечно, не повліять на нашу работу или, точнѣе, на внѣшнюю облицовку послѣдней. Читатели дальше увидятъ, что исторія Египта изложена много

полнѣе, чѣмъ, на примѣръ, исторія Финикіи, что главнымъ образомъ объясняется количествомъ матеріала, нѣкогда погребеннаго „подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ“ и нынѣ вынесеннаго оттуда египтологами, тогда какъ археологическія изысканія на почвѣ древней Финикіи далеко не ссужаютъ современную науку притокомъ свѣжаго матеріала—и въ результатѣ обнаруживается большой пробѣлъ. Вотъ почему исторія этой послѣдней страны, изложенная въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ классическихъ писателей съ присоединеніемъ сюда кое какихъ свидѣтельствъ, добытыхъ на основаніи памятниковъ, не можетъ претендовать на абсолютную полноту, по крайней мѣрѣ, при современномъ состояніи древней ориентологии, предъявляющей лишь отрывочныя свѣдѣнія о культурномъ и социальномъ развитіи обитателей сѣвернаго Ханаана.

Весь матеріалъ предлагаемаго труда расположенъ такимъ образомъ, что при внимательномъ чтеніи выводы получаются сами собой. Поэтому мы въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ въ концѣ главъ старались отштриховывать итоги, сообразуясь всякій разъ со степенью важности послѣднихъ и ихъ научной поучительностью.

Цѣльность и послѣдовательность въ трудѣ—качества, конечно, весьма почтенныя и возраженія противъ нихъ не имѣютъ никакого смысла, не слѣдуетъ только впадать въ тенденціозность, въ стремленіе подвести все подъ одинъ уровень и такимъ образомъ договариваться до явныхъ нелѣпостей. Въ исторіи древняго Востока, при ея отрывочности и сбивчивости, болѣе, чѣмъ въ какой либо иной, мы на каждомъ шагу натываемся на безчисленныя противорѣчія, разобраться въ которыхъ не такъ то легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Можно ли при такихъ условіяхъ стричь историческіе факты подъ одну гребенку? Конечно, не мало попадалось и попадаетъ тенденціозныхъ историковъ (стоитъ только вспомнить Ланфре, автора извѣстной исторіи Наполеона I), которые гнули и гнутъ историческую истину съ полнымъ произволомъ, играя фактами и прячась подъ каскадъ заученныхъ словечекъ,

но слѣдовать примѣру подобныхъ историковъ едва ли для когонибудь назидательно.

Насколько цѣльность и послѣдовательность нашего труда находились въ соотвѣтствіи съ исторической дѣйствительностью, вычитанной изъ памятниковъ, и съ характеромъ изображаемой эпохи, мы неуклонно старались сообразоваться съ ними, но тамъ, гдѣ, по нашему мнѣнію, истина находилась въ явномъ противорѣчій съ указанными качествами, мы не колеблясь становились на сторону первой, предпочитая выносить упреки въ отсутствіи цѣльности и послѣдовательности, чѣмъ въ сознательномъ искаженіи исторической дѣйствительности и растягиванія послѣдней на заранѣе заказанную колодку.

Весьма возможно, что въ нашихъ сужденіяхъ и выводахъ кое въ чемъ мы, дѣйствительно, погрѣшили, но такова уже натура человѣка: не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а кто хочетъ чтонибудь дѣлать, долженъ мириться и съ ошибками, неизбежно проскальзывающими въ его работѣ, какъ плодами недостаточной или неправильной оцѣнки (иногда совершенно естественной при скудости источниковъ) историческихъ явленій и произвольной мотивировкѣ послѣднихъ.

Краткость—преимущество, конечно, не безусловное, но тѣмъ не менѣе, насколько это оказалось возможнымъ, въ предлагаемомъ трудѣ не упущено изъ виду и этого качества, столь необходимаго для научнаго сочиненія, представляющаго не спеціальное изслѣдованіе того или другого частнаго вопроса въ области политики, культуры или военнаго дѣла, не монографію, требующую всесторонности и полноты изслѣдованія, а преслѣдующаго болѣе общую цѣль,—изображеніе прошлой исторической жизни Востока и процесса развитія его культуры съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Не прикладывая къ исторіи этой колыбели человѣческой цивилизаціи экономическаго и соціальнаго масштаба и не выводя произвольныхъ заключеній о рѣшающемъ значеніи указанныхъ факторовъ на судьбу вымершихъ націй, мы полагаемъ, что разъ задача исторіи сводится къ изображенію прошлой жизни общества, охва-

тывая всё стороны его быта, то единственно правильной точкой зрѣнія на дѣятельность и развитіе этого общества не можетъ не явиться только одна точка зрѣнія,—всемирно-историческая ¹⁾).

Здѣсь умѣстно будетъ упомянуть о томъ, что извѣстная теорія „культурно-историческихъ типовъ“, установленная Н. Я. Данилевскимъ и представляющая новую формулу для построения исторіи, несмотря на многія свои достоинства, врядъ ли можетъ претендовать на научное первенство. Въ основѣ теорія культурно-историческихъ типовъ есть отрицаніе культурнаго объединенія человѣчества, отрицаніе исторической преемственности цивилизаціи и культурнаго взаимодействія между историческими націями одной и той же эпохи. Вотъ почему, не будучи сторонниками теоріи Данилевскаго, мы старались заложить нашу работу на фундаментъ болѣе универсальномъ, нежели шаткая гипотеза „типовъ“, не взирая, повторяемъ, на ея многія цѣнныя достоинства.

Переходя къ разсмотрѣнію характера предлагаемаго сочиненія, считаемъ нелишнимъ замѣтить, что подавлять читателя, мало знакомаго съ исторіей древняго Востока, массой мелочныхъ фактовъ и обиліемъ разныхъ несущественныхъ подробностей, нерѣдко имѣющихъ стороннее отношеніе къ предмету, значить предложить ему взамѣнъ серьезнаго историческаго чтенія какую то окрошку, въ которой главное, второстепенное и третье-

¹⁾ „Соціальныя идеи, получившія въ XIX в. главнымъ образомъ экономическое содержаніе, являются съ исторической точки зрѣнія ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ въ область матеріальныхъ интересовъ личности и хозяйственной жизни общества тѣхъ принциповъ, которые предыдущее культурное и политическое развитіе вырабатывало въ сферахъ духовной и государственной жизни, т. е. въ религіи и морали, въ философіи и наукѣ, въ публичномъ и частномъ правѣ. Чисто экономическая эволюція поставила для разрѣшенія рядъ вопросовъ, но за самое ихъ разрѣшеніе взялась культурная мысль, всѣмъ предыдущимъ развитіемъ своимъ подготовленная къ тому, чтобы научно понимать дѣйствительную жизнь по категоріи истины и указывать на путь къ ея улучшенію во имя справедливости“. (Н. Карѣевъ. „Исторія Западной Европы въ новое время“, т. V, гл. XXII, 517—518).

степенное смѣшаны въ самыхъ произвольныхъ пропорціяхъ и въ которой нескоро разберешь, что же собственно считать важнымъ и что неважнымъ, пристегнутымъ лишь для того, чтобы лучше освѣтить данное историческое явленіе. Немудрено, что при наличности вышеприведенныхъ условій, читатель, разбивая свое вниманіе между множествомъ мелочей и побочныхъ фактовъ, интересныхъ иногда лишь съ археологической точки зрѣнія, оказывается не въ состояніи во всей цѣлости охватить теченіе исторической жизни народа, а тѣмъ болѣе подмѣтитъ ея отличительныя черты, иначе говоря, здѣсь страдаетъ идейная сторона науки и теряется изъ виду само общество за отдѣльными сторонами его быта.

Руководствуясь высказанными соображеніями, мотивированными, надѣмся, въ достаточной степени, а также принимая во вниманіе цѣль и характеръ настоящаго труда, мы старались придать послѣднему такой видъ, чтобы все главное, основное, существенное выдѣлить изъ опутывающихъ его частныхъ, отгнать наиболѣе выдающіяся эпохи, въ которыя рельефнѣе всего выразилось культурное и соціальное развитіе древнихъ восточныхъ народовъ и, сводя разнообразныя проявленія ихъ историческаго бытія къ главнѣйшимъ основаніямъ, вложеннымъ въ ходъ развитія человѣческой культуры, выяснить съ возможной для настоящаго времени полнотой исторію цивилизаціи вымершихъ народовъ Востока.

Въ то же время мы, по возможности, исключали изъ повѣствованія саги и легенды, такъ какъ съ одной стороны, не отвергая вполнѣ ихъ значенія и притомъ немаловажнаго, старались придерживаться строго исторической основы, пользуясь новѣйшими открытіями и изысканіями ориенталистовъ, а съ другой—положительно отказываемся снискать интересъ къ нашей книгѣ внѣшней анекдотической занимательностью. Это обстоятельство нежелательно еще и потому, что отступая отъ безусловной истины или, по крайней мѣрѣ, стремясь объяснить многія явленія народной или государственной жизни способомъ, который далеко не можетъ быть признанъ научнымъ, оно ли-

шаетъ исторію ея дѣйствительнаго характера и переходитъ въ область нравоучительной сказки.

Кому неизвѣстно, что несмотря на помощь критики, дающей возможность разобратъся среди противорѣчивыхъ показаній писателей, подробности о самыхъ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ не всегда отличаются точностью, и все таки люди зачастую строятъ свои историческія знанія на анекдотахъ! Дѣйствительная внутренняя связь событій, а не искусственная завязка, сообщающая историческому происшествію видъ романа,— вотъ средство, съ помощью котораго исторія можетъ сдѣлаться учительницей человѣчества. Къ сожалѣнію, эта „учительница“, непрерывно расчитываясь съ людскою глупостью, учитъ, что она никогда ничему и никого не научила и уроки ея въ людской памяти, въ большинствѣ случаевъ, проходятъ даромъ, причемъ нерѣдко забывается, что человѣчество подчинено неумолимому закону—возврату вещей.

Предлагаемое сочиненіе содержитъ въ себѣ исторію шести государствъ древняго Востока: Египта, Финикіи, Ассиріи, Халдеи, Мидіи и Персіи, причемъ исторія Ассиріи соединена съ исторіей Халдеи, а исторія Мидіи—съ исторіей Персіи.

Первыя два государства входятъ въ I-й томъ, остальные два—во II-й.

Мы не рѣшились, однако, включить въ наше сочиненіе исторію Іудеи и Индіи, какъ того, казалось бы, требовалъ общій планъ. Хотя развитіе библейской критики и экзегетики представило намъ исторію евреевъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, тѣмъ не менѣе всемірно-историческое значеніе гонимаго библейскаго племени обуславливалось совершенно иными данными, нежели тѣ, которыя были вложены въ основаніе исторической жизни прочихъ народовъ Востока, да и вліяніе провиденціальной миссіи іудаизма сказалось лишь подъ конецъ исторіи древняго міра, когда послѣдній покинулъ прежній культъ и міеологію для монотеизма, призваннаго обновить все человѣчество.

Что касается до Индіи, то отсутствіе ея исторіи въ настоящемъ сочиненіи объясняется тѣмъ, что названная страна

являлась вполне обособленной отъ остальныхъ государствъ азиатскаго Востока и лишь достигнувъ высокой самобытной культуры, она была втянута во всемирную исторію.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ указать на главнѣйшіе источники и пособія, какъ русскіе, такъ равно и иностранныя, которыми мы пользовались во время работы и историческая цѣнность которыхъ, не могла, разумѣется, быть равнозначущей.

1. Андерсенъ. Исторія вымершихъ цивилизацій Востока. Перев. съ англ. 1898.
2. Астафьевъ. Древности Вавилоно-Ассирійскія по новѣйшимъ открытіямъ. 1882.
3. Аховъ. Очерки изъ исторіи Армянскаго государства. 1897.
4. Адамантовъ. Краткая исторія развитія математическихъ наукъ. Кіевъ 1904.
5. Ampère. Des Castes et de la transmission hérédit. des professions dans l'anc. Egypte. 1848.
6. Amélineau. Les idées sur Dieu dans l'ancienne Egypte. Paris 1893.
7. Bart. Babel und israelitisches Religionswesen. 1903.
8. Бругшъ. Исторія фараоновъ перев. Властова, С.-П.Б. 1880.
9. Brugsch. Histoire d'Egypte dès les premiers temps de son existence jusqu'à nos jours. Leipzig. 1859.
10. Brugsch. Die neuesten aegypt. Gräberfunde. Berlin 1882.
11. Brugsch. Entzifferung d. mer. Schriftdenkmäler. I Abtheil. Leipzig. 1887.
12. Bunsen. Aegyptens Stelle in d. Weltgeschichte. Hamb. 1845.
13. Bouriant. Rapport sur une mission dans la Haute Egypte. 1877.
14. Бремъ. Путешествіе по сѣверо-восточной Африкѣ. Перев. съ нѣм. С.-П.Б. 1869.
15. Botta et Flandin. Monuments de Ninive 1846.
16. Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англии, пер. Буйницкаго С.-П.Б. 1896.
17. Вейсъ. Исторія одежды, вооруженія, построекъ и утвари народовъ древняго міра, пер. Чаева т. I. Москва 1873.
18. Володихинъ. Архитектурный стиль. ч. I, С.-П.Б. 1898.
19. Гюнтеръ. Исторія культуры, перев. съ нѣм. С.-П.Б. 1901.
20. Гелльвальдъ. Исторія культуры. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Перев. съ нѣмецк. С.-П.Б. 1898.

21. Готтенротъ. Исторія внѣшней культуры. Пер. съ нѣмецкаго Клячко, С.-ПБ. 1900.
22. Герцбергъ. Исторія Греции. Перев. съ нѣм. А. В. Прахова, Кіевъ 1899.
23. Грюнбергъ. Handwörterbuch der Staatswissenschaften. 1897.
24. Golénischeff. Sur un ancien conte égyptien. Leipzig. 1881.
25. Gruppe. Die griechische Kulte und Mythen in ihren Reziehungen zu den orientalischen Religionen.
26. Дреперъ. Исторія умственного развитія Европы, пер. подъ редакціей Лучицкаго. Кіевъ 1897.
27. Дюкудре. Исторія цивилизациі отъ древнѣйшаго до нашего времени, пер. подъ редакціей Коропчевскаго. Москва 1898.
28. Delitzsch. Babel und Bibel. Berlin 1903.
29. Delattre. Esquisse de géographie Assyrienne. Paris 1883.
30. Delattre. Le Peuple et l'empire des Medes, jusqu'à la fin du règne de Суахаре. I vol. Bruxelles 1888.
31. Delattre. L'assyriologie depuis XI ans. 1891.
32. Duncker. Geschichte der Arier in der alten Zeit. Leipzig 1878.
33. Deveria. La nouvelle table d'Abydos. Paris 1864.
34. Dümichen. Zur geographie des alten Aegypten. Leipzig 1895.
35. Дармштетеръ. Ormazd et Ahriman: Leurs origines et leur histoire. Paris 1877.
36. Hommel. Geschichte Babylonien und Assyrien. Berlin 1885.
37. Hervé. L'Égypte 1883.
38. Heeren. Politique et Commerce des peuples de l'antiquité 1826.
39. Hugonnet. En Egypte. Le Caire-Alexandrie. Les pyramides. Paris. 1883.
40. Hovelacque. L'Avesta, Zoroastre et le Mazdeisme. I v. Paris 1880.
41. Heuzey. Catalogue des figurines antique de terre cuite du Musée du Louvre. Paris 1882.
42. Erman. Die Pluralbildung im Aegyptischen. Leipzig 1878.
43. Erman. Aegypten. u. aegypt. Leben im Alterthum. 2 Ausg. Tüb. 1896.
44. Eisenlohr. Altaegypt. Untersuchungsacten üb. Beraubung v. Königsgräbern. Wien. 1888.
45. Іенсъ М. Военное дѣло и народная жизнь, перев. Шульмана подъ редакціей А. К. Пузыревскаго. Варшава 1898.
46. Кунъи. L'Art antique. 1896.
47. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры. Перев. подъ редакціей Рейнгольда. Кіевъ 1897.

48. Корелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. Москва 1895.
49. Ковнеръ. Исторія медицины. Кіевъ 1878.
50. Карѣвъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды. С.-П.Б. 1895.
51. Клингенъ. Среди патріарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго Востока, ч. I С.-П.Б. 1898.
52. Lenormant. Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres Mediques.
53. Lenormant. Les premières civilisations. Etudes d'histoire et d'archéologie. Paris 1874.
54. Lenormant. Les Origines de l'histoire d'après la Bible et les traductions des peuples Orintaux. Paris 1882.
55. Lepsius. Denkmäler aus Aegypten und Ethiopien. Berlin 1849.
56. Lepsius. Wiederöffnung 2-er Pyramiden. Berlin 1881.
57. Липпертъ Ю. Исторія культуры, перев. Острогорскаго и Струве. С.-П.Б. 1895.
58. Латышевъ. Очеркъ греческихъ древностей. С.-П.Б. 1889.
59. Летурно. Эволюція рабства, пер. съ франц. 1896.
60. Летурно. Эволюція торговли, пер. съ франц. 1898.
61. Loret. La flore pharaonique.
62. Любке. Иллюстрированная исторія искусствъ. С.-П.Б. 1890.
63. Lüttke. Aegyptens neue Zeit. Beitrag zur Culturgeschichte. Leipzig. 1873.
64. Лейярдъ. Nineveh and Babylon. 1850.
65. Леббокъ. Начала цивилизациі, перев. 1890.
66. Maspero. Histoire ancienne des peuples de l'Orient. Paris 1878.
67. Maspero. Memoire sur quelques papyrus du Louvre. Paris 1883.
68. Maspero. Voyage d'inspection en Egypte en 1884.
69. Maspero. Lectures historiques. 1892.
70. Maspero. Les Origènes. Egypte et Chaldée. Paris 1895.
71. Morgan. Recherches sur les origenes de L'Egypte. 1896.
72. Müller M. Asien und Europa nach altaegyptischen Denkmälern. Leipzig 1893.
73. Metchnikoff. La civilisation et les grands fleuves historiques. 1899.
74. Meyer. Gllossen über den Thontafelbriefen von Tell-el-Amarna. 1891.
75. Мензисъ А. Исторія религиі, пер. съ англ. 1897.
76. Мармери. Прогрессъ науки, перев. съ французскаго. 1896.
77. Meltzer. Geschichte der Karthager. Berlin 1879.

78. Mariette. Les papyrus égypt. du Musée de Boulaq publ. en facsimile. Paris 1871.
79. Mariette. La galerie de L'Égypte ancienne à l'exposition du Trocadéro. Paris 1878.
80. Mariette. Voyage dans la Haute Égypte. 2-vol. Paris 1893.
81. Моверсъ. Das phoenizische Alterthum. 1849—50.
82. Mignot. Memoires sur les Pheniciens.
83. Новосадскій. Культь кавировъ въ древней Греции. Варшава 1891.
84. Naville. Textes relatifs au mythe d'Horus, recueillis dans le temple d'Edfou. Genève 1870.
85. Оппертъ Ю. Le Peuple et la langue des Mèdes. Hanover 1862.
86. Пасыпкинъ. Военное искусство древняго Египта. С.-П.Б. 1901.
87. Пузыревскій. Изслѣдованія боя въ древнія и новѣйшія времена. Извлечение изъ сочин. Ardant du Pique. Варшава 1893.
88. Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité.
89. Pognon. L'inscription de Bavian, texte, traduction et Commentaire. Paris 1879—1880.
90. Petrie Flinders. Egyptian decorative art. London 1895.
91. Rialle. Agni, Petit-fils des Eaux dans le Vêda et l'Avesta. Paris 1869.
92. Reclus. Nouvelle geographie Universelle.
93. Rougé de. Etudes s. le rituel funéraire des ancien. Egyptiens. Paris 1860.
94. Rougé de. Memoire s. l'origine égypt. de l'alphabet phénicien. Paris 1874.
95. Renan. Mission de Phénicie en cours de publication. Paris 1865.
96. Revill. La religion à Rome sous les Severe. Paris 1885.
97. Revill. La religion romaine d'Auguste aux Antonins.
98. Rawlinson. The five great Monarchies of the Ancient Eastern World. London 1865.
99. Рагозина. Древнѣйшая исторія Востока. 4 книги С.-П.Б. 1902—1903.
100. Ritter. Die Erdkunde im Verhältnis zur Natur und zur Ceschichte des Menschen. Berlin 1886.
101. Smith G. Assyrian Discoveries, an account of explorations. London 1874.
102. Salvolini. Campagne de Rhamsès le Grand (Sesostris) contre les Schéta et leur alliés. Paris 1835.
103. Soury Jules. Contes et romans de l'ancienne Egypte.

104. Schiaparelli. Del sentimento religioso de gli antichi Egiziani secondo i monumenti. Torino 1877.
105. Тураевъ Б. А. Богъ Тотъ. Лейпцигъ 1898.
106. Тураевъ Б. А. Къ исторіи Хеттскаго вопроса. С.-П.Б. 1900.
107. Тураевъ Б. А. Остатки финикійской литературы. С.-П.Б. 1903.
108. Тэйлоръ. Первобытная культура. пер. подъ ред. Коропчевскаго, 2 изд. С.-П.Б. 1896.
109. Thiele. Egyptische und Mesopotamische Godsdiensten. 1872.
110. Thiele. Babylonisch-Assyrische Geschichte. Erster Theil. Gotha 1886.
111. Фонъ-дерь-Гольцъ. Краткій очеркъ искусства веденія войны въ наше время. Переводъ кап. Кольшмидта подъ редакц. А. К. Пузыревскаго. Варшава 1896.
112. Фридендеръ. Civilisation et moeurs romaines du regne d'Auguste à la fin des Antonins. Paris 1872.
113. Фюстель де Куланжъ. Древняя гражданская община. Пер. съ французскаго 1995.
114. Foucart. Les Associations religieuses chez les Grecs.
115. Schweinfurth. Im Herzen von Afrika. 1878.
116. Chabas. Revue rétrospective à propos de la publication de la liste royale d'Abydos. Paris 1865.
117. Schrader. Die Keilinschriften und Geschichtsforschung. I vol. Giessen 1878.
118. Schrader. Zur Kritik der Inschriften Tiglath-Pileser's, des Asarhaddon und des Asurbanipal. Berlin 1880.
119. Spiegel. Eranische Alterhumskunde. Leipzig 1873.
120. Spiegel. Die Altpersischen Keilinschriften. 1881.
121. Chelu. Le Nil. 1891.
122. Charmes G. Cinq mois au Caire.
123. Wallon. Histoire de l'esclavage.
124. Wiedemann. Une stèle du musée égypt. de Florence et l'immortalité de l'âme chez les anciens égyptiens. 1878.
125. Winckler. Die Völker Vorderasiens. Leipzig. 1899.
126. Woenig. Die Pflanzen im alten Aegypten, ihre Heimat, Geschichte. Cultur. und Verwendung im sozial. Leben. Leipzig. 1886.
127. Vogue de. L'Architecture du I-er au VII-e siècle en Syrie. Paris 1868.
128. Vigouroux. La Bible et les Découvertes Modernes en Palestine, en Egypte et en Assyrie. Paris 1884.
129. Volney. Chronologie des rois lydiens.

130. Классическіе писатели: Геродотъ, Ктезій, Страбонъ, Аріанъ, Діодоръ, Теопомпъ, Полліенъ, Ксенофонтъ, Манеонъ, Берозъ, Филонъ, Плутархъ, Полибій, Юстинъ, Плиній, Аврелій Викторъ, Апулей, и мног. друг.

Настоящій указатель источниковъ далеко не полонъ, ибо, какъ замѣчено выше, въ списокъ вошли лишь главнѣйшіе матеріалы по исторіи древне-восточныхъ государствъ; что же касается до болѣе мелкихъ пособій, которыми мы пользовались при составленіи нашей книги, то на нихъ сдѣланы ссылки въ соответственныхъ выноскахъ, подъ текстомъ. Стремленіе удешевить изданіе побудило насъ, однако, ограничить, по возможности, количество ссылокъ, играющихъ роль оправдательныхъ документовъ и подкрѣпляющихъ то или другое положеніе, въ увѣренности, что обращаясь къ сочиненіямъ, по которымъ мы работали, не трудно будетъ, если потребуется, провѣрить приводимыя доказательства. Равнымъ образомъ, дабы не увеличивать стоимости изданія, намъ пришлось отказаться не только отъ рисунковъ, клише которыхъ было уже заказано нами въ Лейпцигѣ, но—что гораздо важнѣе—отъ географическихъ картъ, вдвойнѣ желательныхъ какъ для того, чтобы слѣдить за стратегическимъ обзоромъ операцій, такъ равно и для той цѣли, чтобы разбраться среди путаницы географическихъ понятій, уснащающей прошлое человѣчество и требующей безусловнаго устраненія.

Независимо отъ пользованія печатными источниками, которые, къ слову сказать, не всѣ изданы удовлетворительно, намъ приходилось много работать по источникамъ рукописнымъ, разбирать іероглифическіе тексты и клинообразныя надписи, что представляло крайне неблагоприятный трудъ, такъ какъ письменность исчезнувшихъ народовъ Востока не легко поддается пониманію.

Въ бытность нашу за границей, насколько позволяло время, мы работали по первоисточникамъ Берлинскаго музея и Лувра, благодаря чему намъ удалось пополнить работу нѣкоторыми цѣнными документами, относящимися къ исторіи давно минувшихъ вѣковъ, и сгруппировать ихъ въ извѣстной системѣ, по-

среди разнороднаго и случайнаго матеріала, который, по необходимости, долженъ и по сіе время привлекаться къ дѣлу.

Благодаря новѣйшимъ открытіямъ и изслѣдованіямъ древній Востокъ начинаетъ постепенно раскрывать намъ свои тайны, хотя далеко еще то время, когда исторія этой первой главы человѣческой культуры появится, наконецъ, передъ нами во всеоружіи достовѣрности и окончательно разсѣетъ мракъ, ее окружающій. А пока необходимо двигаться по скользкой и еще дѣвственной почвѣ Востока, двигаться медленно, ощупью и даже спотыкаясь, такъ какъ въ этомъ движеніи—жизнь науки.

Прося у читателей снисхожденія къ недостаткамъ предлагаемаго сочиненія, представляющаго первый опытъ оригинальной исторіи древняго Востока при извѣстномъ равновѣсіи культурно-политическихъ и военныхъ началъ, входившихъ въ народную жизнь восточныхъ націй и въ ихъ государственный правопорядокъ, мы ласкаемъ себя надеждой, что книга наша, несмотря на недостатки ея во многихъ отношеніяхъ, можетъ возбудить нѣкоторый интересъ не только у специалистовъ, но и вообще въ образованномъ мірѣ, главнымъ образомъ, у военныхъ людей, для которыхъ она собственно и предназначается.

Если принять во вниманіе наличность тѣхъ условій, среди которыхъ производилась наша работа и которыя такъ или иначе могли повліять на ея цѣнность, то станутъ понятными многія слабыя стороны нашего сочиненія и его пробѣлы. Это объясненіе, разумѣется, не можетъ служить оправданіемъ, равно какъ и не можетъ не заставлятъ насъ ожидать серьезной и вѣской критики со стороны специалистовъ. Порадуемся, если судьба намъ улыбнется и трудъ нашъ будетъ почтенъ не оправдательными или обвинительными вердиктами, въ которыхъ мы совѣмъ не нуждаемся, а хотя и строгой, но во всякомъ случаѣ безпристрастной и солидной критикой, а пока замѣтимъ вотъ что: каждый писатель, будь то историкъ, публицистъ, беллетристъ или бытоописатель, каждый изъ нихъ, говоримъ мы, усваиваетъ себѣ особый слогъ, лично ему принадлежащій и

отражающей, въ известныхъ чертахъ, индивидуальный складъ личности пишущаго.

Манера излагать свои мысли не можетъ быть одинакова у всѣхъ писателей, не исключая и тѣхъ изъ нихъ, которые погружаются въ мертвящую скуку „ислѣдованія“ съ ея якобы научнымъ высокимъ „штилемъ“. Въ указанномъ отношеніи между ними существуетъ громадная разница: у одного писателя способъ изложенія своихъ мыслей весьма близко подходитъ къ тому, что называлъ Амьель «ronron dialectique incessant font l'effet d'un moulin à paroles», другой же, напротивъ, въ предѣлахъ общепринятости, называетъ въ своемъ трудѣ вещи, предметы и понятія такъ, какъ они есть на самомъ дѣлѣ, не стараясь прикрыть невидные изъ нихъ красивыми именами.

Въ особенности въ сочиненіяхъ, до известной степени, тяжелыхъсныхъ, построенныхъ на данныхъ такой сухой науки, какъ археологія, и имѣющихъ претензію общедоступной формой изложенія заинтересовать читателей, облегчая имъ пониманіе прочитаннаго, въ такихъ трудахъ, повторяемъ мы, слогъ долженъ быть легкой, живой и достаточно изобразительный: иногда короткая фраза въ десять словъ скажетъ вамъ гораздо больше, чѣмъ цѣлая страница скучнѣйшихъ разсужденій, отъ которыхъ, кромѣ тумана, ничего въ головѣ не остается.

Помнится, покойный А. П. Агалѣевъ, безвременно погибшій геройской смертью на „Петропавловскѣ“, ознакомившись въ рукописи съ одной изъ главъ настоящаго сочиненія, выразилъ свое мнѣніе о нашей манерѣ писать въ слѣдующихъ словахъ: „Между нами говоря, у тебя слишкомъ много перцу и претенціозности, но все же для твоей работы это гораздо лучше, нежели сухія и безжизненные разглагольствованія, дѣйствующія на читателей, какъ снотворный гипнозъ“.

Нисколько не прячась за авторитетъ даровитаго профессора и лихого офицера генеральнаго штаба, орлиный взоръ котораго вдумчиво всматривался въ глубь жизни, мы не можемъ не подчеркнуть, что въ вышеприведенной фразѣ заключается *все*, что намъ необходимо высказать по поводу слога, приня-

таго въ предлагаемомъ сочиненіи, во всякомъ случаѣ вполнѣ корректнаго и допустимаго въ исторической литературѣ.

Намъ остается только выразить искреннюю благодарность, во первыхъ, тѣмъ лицамъ, съ которыми мы вели бесѣды по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ настоящей книги и къ голосу которыхъ старались прислушаться, а, во вторыхъ, многимъ изъ товарищей, которые настолько были любезны, что предоставили въ наше распоряженіе имѣвшіеся у нихъ историческіе матеріалы.

Съ чувствомъ особой живѣйшей признательности считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннюю благодарность заслуженному ординарному профессору Николаевской академіи генеральнаго штаба, генераль-маіору П. А. Гейсману, который, ознакомившись съ рукописнымъ оригиналомъ нашего труда, разобралъ послѣдній съ поразительной обстоятельностью и сдѣлалъ много въ высшей степени цѣнныхъ замѣчаній, принятыхъ нами къ свѣдѣнію. Сожалѣемъ только о томъ, что солидная и разносторонняя рецензія почтеннаго профессора, вынужденнаго погрузиться въ археологическую пыль, по нѣкоторымъ причинамъ, не могла быть использована нами въ той мѣрѣ, въ какой это представлялось желательнымъ.

Кромѣ того считаемъ нужнымъ выразить благодарность профессору С.-Петербургскаго университета Б. А. Тураеву, безъ ориентирующихъ указаній котораго было бы трудно приняться за серьезный трудъ по исторіи древняго Востока, затѣмъ Е. А. Пасыпкину, М. В. Ливенсону, Б. И. Шелковникову, Н. П. Якимову, В. В. Сахарову, С. Е. Бурштыну, В. К. Нестерову, А. Ф. Соколовскому, В. В. Никитину, М. П. Перевощикову и офицерамъ генеральнаго штаба: А. В. Усову, Б. К. Жегочеву, П. А. Коцебу, М. И. Кіяновскому, А. В. Ротштейну, Ѡ. Т. Рябинкину, К. Л. Еврейнову и Е. Ф. Новицкому.

Не можемъ не упомянуть здѣсь о томъ, что нѣсколько цѣнныхъ указаній по поводу настоящаго труда было получено нами отъ нынѣ покойныхъ труженниковъ военнаго дѣла: А. К. Пузыревскаго, съ которымъ во время нашей службы въ

Варшавѣ намъ неоднократно доводилось бесѣдовать на интересную тему искусства веденія войны и „заоблочной стратегіи“, затѣмъ Г. Р. Васмунда и, наконецъ, упомянутого выше, большаго нашего пріятеля, А. П. Агапѣева.

Миръ праху ихъ, да будетъ легка имъ земля!...

Для изданія настоящаго сочиненія Главнымъ Штабомъ, на разсмотрѣніе котораго мы представили свою рукопись, было ассигновано намъ небольшое пособіе, за каковую любезность и поддержку считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность и. д. начальника Главнаго Штаба, генераль-лейтенанту П. А. Фролову, затѣмъ Начальнику Военно-Статистическаго отдѣла Главнаго Штаба, генераль-маіору В. П. Целебровскому и Начальнику VIII-го Архивно-Историческаго отдѣленія того же Штаба, генеральнаго штаба полковнику О. О. Вивіенъ де Шатобренъ.

Обширный трудъ этотъ, надъ которымъ намъ пришлось проработать около 8-ми лѣтъ, былъ почти готовъ къ печати къ началу 1901 года, когда полученная нами командировка по службѣ заставила прервать его, а послѣдующія затѣмъ обстоятельства долгое время не дозволяли вернуться къ прерванной работѣ.

Въ настоящее время намъ не приходится сожалѣть о столь продолжительномъ перерывѣ, такъ какъ за три года накопилось достаточно свѣжаго матеріала для того, чтобы переработавъ, согласно новѣйшимъ источникамъ, кое какіе отдѣлы названнаго сочиненія и, мѣстами, закрѣпивъ то, что казалось тогда менѣе установленнымъ, представить исторію исчезнувшихъ народовъ Востока подъ угломъ зрѣнія современной исторической науки, въ значительной степени проливающей свѣтъ на первые шаги исторіи человѣчества.

Князь В. Максудовъ.

3 февраля 1905 года,

С.-Петербургъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
17	13 снизу	воздание	воздаянія
51	19 сверху	создающей	созидающей
74	4 "	getrit féodal	retrait féodal
84	10 "	продолжительницамъ	продолжательницамъ
85	1 снизу	Metchikoff	Metchnikoff
88	11 "	складывало	складывала
108	25 сверху	Петоириту	Пентоириту
139	2 снизу	égyptien	égyptien
175	10 сверху	изслѣдованіи ¹⁾	изслѣдованіи
207	14 "	5.	4.
231	21 "	актера	автора
289	2 снизу	L'art antique	L'art antique
352	20 сверху	pun	при
364	8 "	e'est	c'est
385	21 "	свойствѣственный	свойственной
404	9 "	Psarou	Psarou
407	19 "	царствовать,	царствовать
443	6 "	мѣнять	лннять
497	20 "	Туханхаммона	Туганхаммона
565	8 "	не прислали	прислали
569	22 "	въ Египтѣ	въ Египеть
566	20 снизу	вникъ	внесъ
586	7 сверху	Египта	Египта
600	12 "	Финики	Финикии
619	2 снизу	1793 г.	1893 г.
619	15 сверху	фетитизма	фетишизма
656	16 "	вооруженный	вооруженный

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Книга I.

Египетъ.

I. Естественно-историческія условія страны.

Огромная песчаная равнина, прилегающая съ сѣвера къ Аравіи и отдѣляемая отъ нея узкимъ водянымъ пространствомъ Краснаго моря, образуетъ въ своей восточной части длинный, зеленѣющій оазисъ плодородной земли, тѣсно зажатый между двумя параллельными горными хребтами и какъ бы вдвинутый въ громадную площадь голой и безцвѣтной пустыни. Сжимаемый ея песчаными волнами, этотъ крошечный, въ сравненіи съ нею, островокъ зелени, вытянутый и узкій на большей части своего протяженія, представляетъ ту знаменитую сѣверо-африканскую долину, по оси которой протекаетъ единственная рѣка Нилъ, оплодотворяющій періодическими разливами обширную пойму сѣверо-восточнаго угла Африки. Окаймляющія справа долину великой египетской рѣки, Аравійскія горы, пустынные, скалистыя и прорѣзанныя глубокими поперечными долинами, круто спускаются къ Красному морю, которое лишь узкимъ перерывомъ отдѣляетъ Сахару отъ обширной, но и столь же пустынной и безжизненной Аравіи, составляющей съ ней, съ географической точки зрѣнія, одно нераздѣльное цѣлое. Слѣва поднимаются желтоватыя гранитныя скалы Ливійской горной цѣпи, защищающія долину нижняго Нила отъ наноснаго всепогребающаго песку сосѣдней пустыни и затѣмъ въ видѣ невысокихъ холмовъ постепенно сливающимся съ песчанымъ океаномъ.

Къ югу оба горныхъ хребта сближаются между собою настолько, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуютъ настоящія ущелья, тогда какъ къ сѣверу, постепенно понижаясь, они вдругъ разступаются у Каира

и узкая долина, зажатая между горными тисками, вѣрообразно расширяется въ обширную дельту.

По мѣткому опредѣленію одного путешественника, вся фигура страны представляетъ, по очертаніямъ, большое сходство съ финиковой пальмой, которая такъ присуща египетскому пейзажу и такъ тѣсно связана съ хозяйственнымъ бытомъ самого народа.

Медленно и постепенно могучая кормилица-рѣка ежегодными разливами отвоевала отъ сосѣдней пустыни болѣе простора для своего извилистаго ложа и затаивъ наноснымъ иломъ морской заливъ, образовала на его мѣстѣ плодородную низменность. Потребовались многія тысячелѣтія для выполненія подобной колоссальной работы, такъ какъ русло великой исторической рѣки залегаетъ въ каменистомъ бассейнѣ и сжатая имъ въ узкой долинѣ, окаймленной двумя горными цѣпями, она принуждена была пробиваться черезъ твердый песчанникъ, перемежающійся съ гранитомъ.

Цѣпь черныхъ скалъ — естественная граница между нильскимъ оазисомъ и Нубіей—пересѣкаетъ рѣку и расходится широкимъ полукругомъ на обоихъ ея берегахъ, образуя загражденную скалистымъ валомъ котловину. Валъ этотъ состоитъ частью изъ цѣльныхъ массъ, частью же изъ отдѣльныхъ, нагроможденныхъ другъ на друга обломковъ скалъ, возвышающихся изъ стараго морского бассейна, который окружали прежде, чѣмъ могучій Ниль отвоевалъ себѣ свободный путь. Отсюда вверхъ Ниль на далекомъ пространствѣ свободенъ отъ стѣсняющихъ его скалъ, но уже не можетъ снабжать пустынные берега своей живительной влагой: на большомъ пространствѣ не видно здѣсь ничего, кромѣ захирѣвшихъ сорныхъ травъ и растений, между которыми желтый сыпучій песокъ катится все далѣе внизъ, какъ будто желая доставить пустынѣ побѣду надъ оплодотворяющей рѣкою. Протекая по Египту въ спокойномъ величїи и врѣзываясь въ окружающую его пустыню, Ниль въ Нубїи бурливъ, стремителенъ и скованъ высокими скалистыми берегами.

Орошая долину Египта, рѣка обратила этотъ небольшой клочекъ земли въ мѣстность сказачнаго плодородія, которое обезпечивало чело-вѣку ту степень благосостоянія, безъ которой не могли быть положены основы цивилизаціи: своими благодѣтельными наводненіями Ниль не только создавалъ новую плодородную почву для орошаемой имъ страны, но и создалъ вмѣстѣ съ тѣмъ культурно организованное общество.

Вотъ при наличности какихъ условій нильскій оазисъ получилъ огромное историческое значеніе, сдѣлавшись средоточіемъ древне-египетской культуры, представлявшей разительную противоположность

съ варварствомъ остальныхъ народовъ Африки, изъ которыхъ ни одинъ не могъ выйти изъ первобытнаго состоянія, бывшаго слѣдствіемъ бесплодія почвы и невыгодныхъ географическихъ условій. Въ самомъ дѣлѣ: съ темносиняго, почти всегда безоблачнаго неба солнце непрерывно льетъ свои горячіе лучи, пересохшая земля многіе годы подрядъ напрасно томится ожиданіемъ освѣжающаго дождя, — и лишенная влаги мѣстность обращается въ безжизненную пустыню, подобную извиистой долиинѣ Нубіи, пустыню, которую не могъ одолѣть самъ гигантъ рѣчного міра—Ниль.

Слѣдовательно, вся многовѣковая историческая жизнь древняго Египта, его оригинальная цивилизація и культура находились въ тѣсной зависимости отъ плодородія почвы, а плодородіе это являлось слѣдствіемъ разливовъ великой египетской рѣки, оставившей за орошаемой ею страной названіе „дара Нила“. Все, что не орошается ежегодными наводненіями необитаемо и не производитъ ни хлѣбовъ, ни овощей, ни деревьевъ, ни даже травы; воды тамъ нѣтъ совсѣмъ и лишь изрѣдка можно найти нѣсколько колодцевъ, болѣе или менѣе высыхающихъ на постоянно горячемъ воздухѣ атмосферы. Итакъ, мощный гигантъ рѣкъ, Ниль — это жизнь Египта или, правильнѣе, это самъ Египетъ. Если бы такъ случилось, что рѣка повернула отъ своего теперешняго русла въ сторону или хотя бы только перестала приносить землѣ свою ежегодную дань періодическими орошеніями, территория Египта немедленно обратилась бы въ необитаемую пустыню. Времена года въ странѣ регулируются Ниломъ, безчисленные поколѣнія существуютъ и живутъ своей исторической жизнью только потому, что Нилу изъ года въ годъ угодно повторять свою великую творческую работу ¹⁾.

Мы нарочно остановились на указанныхъ физическихъ особенностяхъ страны, ибо не зная ихъ, нельзя составить себѣ понятія о характерныхъ чертахъ египетскаго народа, равно какъ и о его цивилизаціи, достигшей столь почтеннаго возраста.

Обращаясь къ разсмотрѣнію географическаго положенія Египта, слѣдуетъ сказать, что послѣдній лежитъ между 24°6' и 31°35' сѣв. широты, простираясь въ длину на 1.100 верстъ, а въ ширину около 270 верстъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ дельты и около 12 верстъ поперекъ долины. Площадь его равна 29.400 кв. верстамъ, но собственно на обработанную часть территоріи приходится всего 21.000 кв. верст., включая сюда поверхность водъ рѣки Нила и каналовъ.

¹⁾ Metchnikoff «La civilisation et les grands fleuves historiques». 1899. Гл. VIII, стр. 193.

Площадь страны, кромѣ общаго паденія съ юга на сѣверъ, т. е. по оси теченія Нила, имѣетъ еще паденіе боковое отъ восточнаго аравійскаго берега вплоть до крайнихъ границъ западной параллельной Нилу цѣпи ливійскихъ оазисовъ, достигая въ конечныхъ пунктахъ уровня, лежащаго ниже поверхности моря. Такимъ образомъ оба господствующихъ профиля страны выражаются линіей общаго пониженія на сѣверъ и западъ, различаясь тѣмъ, что наклонъ первой общей профили нѣсколько усиливаетъ паденіе, начиная съ вершины дельты до морского берега, тогда какъ наклонъ второй характеризуется постепеннымъ уклономъ до конечныхъ западныхъ пунктовъ безъ усиленія паденія ¹⁾).

Природа нильскаго оазиса не отличается большимъ разнообразіемъ: плодоносныя поля, прорѣзанныя каналами, тамъ и сямъ рѣдкія пальмы и на дальнемъ горизонтѣ монотонныя очертанія горъ, — все это не такая картина, которая могла бы сильно дѣйствовать на воображеніе и духъ народа. Какая безконечная разница съ природой Эллады! Раскинувшаяся подъ самымъ чуднымъ небомъ Европы, древняя Греція должна была сильно вліять на ея обитателей, должна была пробудить въ нихъ идеализмъ и довести его до высшаго выраженія, содѣйствовать ихъ практической дѣятельности и избавить ихъ взоръ отъ того узкаго горизонта, который ложился тяжелой свинцовой крышкой на древнѣйшія азіатскія и африканскія страны, окруженныя затрудняющими правильныя сношенія пустынями, среди которыхъ онѣ играли только роль обширныхъ оазисовъ. Рѣзкія очертанія горъ, вырисовывающихся въ яркомъ свѣтѣ на голубомъ небѣ, должны были не мало способствовать тому, что умъ грековъ приобрѣлъ склонность къ изящнымъ линіямъ и гармоніи, образующую характерную черту греческаго гениа. Грекъ ставилъ красоту выше всего, видѣлъ въ ней знакъ благоволенія боговъ и даже право на божественный апоѳеозъ. Родина его—одна изъ красивѣйшихъ странъ въ мірѣ, вслѣдствіе сочетанія горныхъ и морскихъ видовъ и необыкновенной прозрачности и ясности воздуха, благодаря чему съ вершины Парнаса можно было окинуть взоромъ громадное пространство отъ Олимпа до Тенара, т. е. видѣть всю Грецію съ ея берегами, заливами и горами.

Что же мы встрѣчаемъ въ Египтѣ? Пустыня безводная, голая, безцвѣтная, неизмѣнная съ трехъ сторонъ обхватываетъ страну фараоновъ и чуть не засыпаетъ ее своимъ желтымъ пескомъ. Почва, весною лишенная растительности, сухая, пыльная, растрескавшаяся кажется

¹⁾ Клингенъ «Среди патриарховъ земледѣлія народовъ ближняго и дальняго Востока». 1898. II, 146.

продолженіемъ окружающей ее пустыни; осенью, орошенная разли-
тіемъ Нила, она становится озеромъ или, вѣрнѣе, обширнымъ моремъ,
а когда рѣка возвращается въ берега—безконечнымъ болотомъ.

Ничего нѣтъ удивительнаго, что географическія условія жизни
обоихъ народовъ оказали на исторію ихъ совершенно различныя влія-
нія и они также мало похожи были другъ на друга, какъ день на
ночь.—Принадлежа по геологическому строенію къ третичной форма-
ціи, а отчасти къ эоценовой, большая часть пластовъ нильской до-
лины, лежащихъ подъ новѣйшими наносами рѣчного ила, состоитъ
изъ глинистыхъ сланцевъ, песчаника, нуммилитовыхъ известняковъ
и мергелей. Въ періодъ разлива рѣки происходитъ постоянное пере-
мѣшеніе и смѣшиваніе частицъ, какъ унесенныхъ Ниломъ изъ глу-
бины экваторіальной Африки, такъ равно и принесенныхъ сосѣдней
пустыней и такимъ образомъ получается болѣе однородное смѣшеніе
ила съ пескомъ, что составляетъ лучшее удобреніе почвы. Первая
терраса эоценоваго горнаго поднятія начинается близъ Каира. Это
горы Мокаттама (нынѣ Джебель-Ахмаръ, т. е. красныя горы), со-
стояція изъ горизонтальныхъ пластовъ свѣтложелтаго известняка, въ
нижнихъ слояхъ богатаго глиною, но твердѣющаго по мѣрѣ возвы-
шенія надъ горизонтомъ. Около горъ Мокаттама выступаетъ группа
міоценовыхъ формацій, пропитанныхъ солью, изъ вывѣтриванія кото-
рыхъ состоитъ песокъ пустыни. Горизонтальныя наслоенія непрерывно
тянутся до Нубіи, даже до вторыхъ водопадовъ съ тою разницей, что
около Сіута оканчивается известнякъ, богатый нуммилитами, а около
Фивъ, въ нижнихъ частяхъ хребтовъ находимъ мягкій песчаный извест-
някъ, на которомъ лежатъ болѣе твердые слои мелкозернистаго извест-
няка, послужившаго матеріаломъ для многихъ превосходныхъ произ-
веденій египетскаго рѣзца ¹⁾.

Въ топографическомъ отношеніи страна раздѣляется на два есте-
ственныхъ отдѣла, настолько рѣзко обозначенныхъ самой природой,
что они еще издревле сроднились съ понятіемъ населенія: Нижній
Египетъ или Дельта, занимающій сѣверную часть оазиса, и
Верхній Египетъ или Фиваида, простирающійся до первыхъ
нильскихъ пороговъ. Указанное раздѣленіе упоминается въ надпи-
сяхъ на древнѣйшихъ памятникахъ эпохи фараоновъ, но точно опре-
дѣлить, гдѣ именно оно начинается все-таки довольно затруднительно.
Но памятники упоминаютъ иногда и о Среднемъ Египтѣ, кото-
рому въ эпоху римскаго владычества, независимо отъдробнаго раз-

¹⁾ Врушъ «Исторія фараоновъ», перев. Властова. 1880. Гл. I, стр. 3.

дѣленія на округа (nomes), было присвоено греческое наименованіе Гептаномиды, подъ коимъ оно и извѣстно у классическихъ писателей. Для удобнѣйшаго обзора достопримѣчательныхъ мѣстъ и городовъ въ древней монархіи фараоновъ мы будемъ придерживаться названнаго трехобластнаго раздѣленія Египта, тѣмъ болѣе, что оно вполне соотвѣтствуетъ ходу его политической жизни и исторіи.

Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что собственно историческимъ дѣленіемъ монархіи фараоновъ являлось двухобластное, чему яснымъ доказательствомъ служатъ изображенія царей въ двухъ коронахъ, надѣваемыхъ отдѣльно или соединяемыхъ вмѣстѣ на одной главѣ, а это обстоятельство указываетъ на слѣды политической самостоятельности обѣихъ частей Египта на разсвѣтѣ ихъ исторіи. Во всякомъ случаѣ совершенно безразлично, слѣдовать ли одному дѣленію или другому и если мы отдаемъ предпочтеніе трехобластному раздѣленію, то это дѣлается исключительно для удобства.

1. Дельта. Сѣверная часть страны или Нижній Египетъ (др.-егип. То-Мехитъ, арабск. Масръ-эль-Бахеиріэ, коптск. Сахетъ)—большая низменность, орошаемая многочисленными развѣтвленіями Нила и сливающаяся на западѣ съ ливійской, а на востокѣ съ аравійской пустынями, представляетъ расширяющуюся вѣерообразную полосу плодородной земли, которую съ обѣихъ сторонъ охватываетъ песчаное море. Вступая въ пойму этой части Египта и разливаясь по ней необозримой водной скатертью, близъ древняго поселенія Керказоръ, Нилъ вливается въ Средиземное море семью рукавами, связанными цѣлой сѣтью естественныхъ и искусственныхъ каналовъ. Рукава эти слѣдующіе: 1. Болъбитскій (теперь Розетта), простирающійся на сѣверо-западъ и соединенный съ Александріей посредствомъ канала Махмудіэ (11 миль длины); 2. Фатнитскій (теперь Даміетта), направляющійся сначала къ сѣверу, а затѣмъ постепенно уклоняющійся на сѣверо-востокъ; 3. Канопскій (теперь Ма-ддіехъ) къ юго-востоку отъ нынѣшняго Абукира; рукавъ этотъ подходитъ къ послѣднимъ склонамъ Ливійской пустыни; 4. Себеннитскій, продолжавшій путь Нила по долинѣ и направлявшійся почти прямо къ сѣверу; слѣды его и теперь видны въ озерѣ Burgos; 5. Пелузійскій, тянувшійся въ сѣверо-восточномъ направленіи и оканчивавшійся почти у самыхъ предѣловъ сирійской пустыни; 6. Танитскій и 7. Мендезійскій. Слабые слѣды двухъ послѣднихъ рукавовъ теряются въ озерѣ Мензалехъ, продолженіемъ котораго служатъ озера: Абу-Балла, Тимзахъ и оба Горькихъ. Въ настоящее время боль-

шинство названныхъ рукавовъ занесено пескомъ и негодно для судоходства; они оставили свои древнія устья и питали только вѣтви Розетты и Даміетты, которыя и въ древности считались самыми солидными. Если мы взглянемъ на карту, то замѣтимъ, что пространство, заключенное между Канопскимъ и Пелузійскимъ рукавами образуетъ треугольникъ, одну сторону котораго составляетъ морской берегъ. Вотъ естественныя границы той Дельты, которая по своему необыкновенному плодородію дѣлала Египетъ житницей древняго міра. Пространственное отношеніе названной части страны выражается слѣдующими цифрами: длина, начиная отъ раздвоенія рѣки до морского берега равняется 173 верстамъ по прямой линіи и 257 верстамъ — по теченію рѣки; наибольшая же ширина основанія Дельты отъ Абукира до Пелузіума доходитъ, какъ сказано выше, до 270-ти верстъ. Благодаря близости Средиземнаго моря, Дельта обладаетъ болѣе сырмъ климатомъ, чѣмъ остальная страна, а атмосферическіе осадки способствуютъ развитію растительности, которая носитъ на себѣ признаки вторженія средиземноморской флоры. Вопросъ о происхожденіи нильской Дельты, какъ созданія ежегодныхъ разливовъ великой египетской рѣки, будетъ разсмотрѣнъ въ своемъ мѣстѣ и тамъ же будетъ выяснено постепенное возвышеніе почвы Египта подъ вліяніемъ особыхъ естественно-географическихъ условій.

Переходимъ къ обзору наиболѣе достопримѣчательныхъ городовъ Нижняго Египта въ періодъ владычества фараоновъ.

1. Г е л и о п о л и с ь (егип. Ану, въ Библии Онъ, арабск. Аинъ-Шемсъ, нынѣ деревня Матаріе), городъ солнца, названный такъ греками, потому что былъ посвященъ богу солнца и заключалъ знаменитѣйшій изъ его храмовъ. Расположенный на правомъ берегу Нила и построенный на искусственномъ возвышеніи, городъ солнца считался однимъ изъ религіозныхъ центровъ страны и имѣлъ нѣчто въ родѣ жреческой богословской школы, пользовавшейся извѣстностью даже за предѣлами Египта.

Въ Гелиополисѣ находились два знаменитыхъ обелиска (см. Искусство), воздвигнутыхъ за 1625 лѣтъ до Р. Х. фараономъ Тутмесомъ III у входа въ храмъ бога Ра. Тринадцать столѣтій стояли они на стражѣ около названнаго храма и почти столько же столѣтій пробыли въ Александріи, а теперь одинъ изъ нихъ находится въ Центральномъ паркѣ Нью-Йорка, а другой украшаетъ набережную Темзы въ Лондонѣ.

Въ военномъ отношеніи Гелиополисъ представлялъ укрѣпленный пунктъ въ видѣ прямоугольной нефланкированной ограды, возведенной по принципамъ древнѣйшей эпохи.

2. Т а н и с ь (егип. Цоанъ, нын. мѣстечко Санъ), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Египта, о которомъ въ надписяхъ упоминается какъ о городѣ съ иноземнымъ (семитическимъ), населеніемъ извѣстнымъ подъ именемъ „народовъ передней стороны востока“. Въ Танисѣ найдены слѣды построекъ царей XII-й династіи и нѣсколько статуй фараоновъ. Важное стратегическое значеніе Таниса, съ одной стороны, обусловливалось его близостью къ морю, съ которымъ онъ соединялся при помощи широкаго Танитскаго рукава, а съ другой — его расположеніемъ при началѣ прикрытаго крѣпостями великаго пути, шедшаго на сѣверовостокъ черезъ Пелузіумъ или на востокъ черезъ Мигдоль, которые, являясь передовыми форпостами Дельты, выходили на Сирійскую дорогу.

3. П е л у з і у м ь (егип. Перема, теперь Суэцъ), „ключъ Египта“, сильная крѣпость, расположенная на самомъ восточномъ рукавѣ Дельты, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ теперь проходитъ Суэцкій каналъ, приближаясь къ Портъ-Сауду. Близъ него находятся такъ называемые *источники Моисея* (арабск. Ауэнъ-Мухса). Это небольшой оазисъ, служащій мѣстомъ отдыха караванамъ послѣ долгаго странствованія въ песчаной пустынѣ. Число пальмъ, осѣняющихъ этотъ оазисъ и по нынѣ то же самое, которое упоминается въ Библии. „И пришли къ Елиму, гдѣ было 12-ть источниковъ воды и 70-ть пальмъ, и стали тутъ станомъ надъ водами“ ¹⁾.

4. М и г д о л ь (Самхудъ) развалины котораго находятся на восточной сторонѣ озера Мензалеха, подобно Пелузіуму, считался сильной крѣпостью и принималъ немаловажное участіе въ оборонѣ страны противъ непріятельскихъ вторженій съ востока (см. Исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ).

5. На 31^о параллели сѣвер. широты, на обоихъ берегахъ Болбитскаго рукава развалины колоссальной стѣны указываютъ мѣсто древняго С а и с а (егип. Саи, теперь деревня Са-эль Хагаръ), считавшагося важнѣйшимъ изъ ниже-египетскихъ городовъ; подобно Геліополису, онъ былъ извѣстенъ богословской школой, а къ концу египетской исторіи ему выпала честь быть столицей страны и резиденціей ея царей.

Въ городѣ находился высѣченный изъ цѣльной скалы небольшой храмъ, перевозка котораго съ острова Элефантины (см. ниже), гдѣ онъ былъ изготовленъ, потребовала трехлѣтняго упорнаго труда трехъ тысячъ человекъ. Ограда Саиса представляла изъ себя обширный прямоугольникъ, совершенно пассивный въ смыслѣ фланковой

¹⁾ Исходъ XV, 27.

обороны и была построена изъ необожженаго кирпича, какъ и большинство сооруженій той эпохи.

6. **К а н о п ъ** (егип. Карба или Карбана, Карбанить ассирійскихъ клинообразныхъ надписей, нынѣш. Абукирь), упоминаемый въ первый разъ въ такъ называемомъ *Rarugus Naggis*, начертаннаго во времена Рамзеса III, находился при истокѣ самаго западнаго рукава Дельты. Этотъ молодой, сравнительно, городъ былъ втянутъ въ политическую жизнь страны лишь подъ конецъ Фиванскаго періода и потому вліяніе его на ходъ событій обнаружилось много позднѣе остальныхъ ниже-египетскихъ городовъ.

7. Между Пелузіумомъ и Себеннитскимъ рукавомъ лежалъ **М е н д е с ъ** (егип. Диду, теперь Ашмунъ-эръ-Руманъ), большой торговый городъ, внутри котораго находилась укрѣпленная цитадель **А ц а б ъ** (библ. Оцебъ ¹⁾).

8. На параллели 30°, на правомъ берегу Фатнитскаго рукава, къ сѣверозападу отъ нынѣшняго Сагасига, находился **Б у б а с т ъ** (егип. Пи-Бастъ, теперь Телль-Баста), въ который въ древности стекалось болѣе полумилліона народа для поклоненія мѣстной богинѣ (см. Религія).

Подъ конецъ египетской исторіи упомянутый городъ игралъ довольно значительную роль и, подобно Танису, основалъ мѣстную царскую династію (Бубастиды) въ лицѣ фараона Шашанка I (см. исторію Египта).

9. **Б у з и р и с ъ** (егип. Пи-узири) на востокъ отъ Фатнитскаго рукава. Этотъ городъ былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ культа Озириса въ Нижнемъ Египтѣ.

10. Ближе къ югу Дельты находился **А т р и б и с ъ** (нын. Тель-Атрибъ), въ которомъ процвѣталъ культъ „пресвѣтлаго“ Гора и богини Хуть.

11. Крѣпости **Х а - У а р ъ** (Аварисъ), **Ц а р у** (Тсоръ) и **Д а ф н е** (Тунепъ).

12. **П е - и р у**, **А а - н е х т ъ** и **Ш е р у х а н ъ** — мѣста знаменитыхъ битвъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на свою древность и богатство города Дельты имѣли второстепенное значеніе для исторіи страны и хотя впоследствии достигли политическаго первенства, но въ это время расшатанная монархія фараоновъ уже исчерпала свои жизненные силы и готовилась испустить послѣдній вздохъ. Основаніе Александріи, сдѣлавшейся центромъ торгово-промышленной дѣятельности,

¹⁾ Исаія 48, 5.

что называется, доканало ихъ окончательно и къ началу христіанской эры большинство нижне-египетскихъ городовъ обратилось въ небольшія деревушки.

2. Гептаномида. Слѣдующая къ югу полоса носила, какъ мы знаемъ, названіе Средняго Египта или Гептаномиды (какъ называлась она въ Римскую эпоху, Эль-Уэстани арабовъ), столицей которой являлся Мемфисъ (египетск. Маннофри или Менъ-неферъ, теперь деревня Мить-Рагипегъ), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ египетскаго царства, сильная крѣпость и тотъ центральный пунктъ, вокругъ котораго постепенно завязывался крѣпкій государственный узелъ. Мемфисъ лежалъ къ югу отъ нынѣшняго Каира, у выхода изъ долины, образуемой двумя горными цѣпями, сопровождающими теченіе Нила до Дельты. Какъ увидимъ ниже, нигдѣ въ мірѣ религія не вліяла такъ сильно на народную жизнь, какъ въ Египтѣ и весь Мемфисъ представлялъ ни что иное, какъ обширное святилище, въ которомъ не прекращалось богослуженіе. Въ городѣ находился большой храмъ, посвященный богу Фта, патрону Мемфиса, а также было выстроено святилище для священнаго быка Аписа,—общенациональной египетской святыни, на поклоненіе которой всегда стекалось множество паломниковъ и богомольцевъ со всѣхъ концовъ страны (см. культъ животныхъ). Столица Гептаномиды состояла изъ стараго города, крѣпости или, вѣрнѣе, городской цитадели, извѣстной подъ именемъ Бѣлой Стѣны и нѣсколькихъ кварталовъ, изъ которыхъ главный, Анхтоуй сдѣлался впоследствии, въ персидскую эпоху, любимымъ мѣстопробываніемъ иностранцевъ, преимущественно финикійскихъ купцовъ,—торгашей изъ Тира и Сидона.

Крѣпость имѣла высокія стѣны и массивныя башни, а равно широкой и наружный ровъ съ эскарпомъ, контръ-эскарпомъ и гласисомъ, высота котораго была, впрочемъ, крайне незначительна. Съ перенесеніемъ резиденціи фараоновъ въ другіе города, какъ то въ Фивы, затѣмъ въ Саисъ и, наконецъ, въ Александрію (при Птоломеяхъ) начался упадокъ Мемфиса, но окончательный ударъ нанесло ему въ VII вѣкѣ нашей эры (642 г.) основаніе Амръ-ибн-ал-Асомъ по соседству мусульманской столицы Каира (собственно Масръ-эль-Кахирахъ, т. е. побѣдитель ¹⁾), куда перешло его населеніе; многіе мемфисскіе храмы и дворцы были разобраны, чтобы добыть матеріаль для

¹⁾ Н. А. Мѣдяковъ. «Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ». Спб. 1897 г. стр. 283, прилож. II.

постройки каирскихъ зданій, городъ постепенно разрушался, исчезалъ и нынѣ на мѣстѣ первопрестольной столицы фараоновъ находится бѣдная арабская деревушка, которую окружаетъ небольшой пальмовый лѣсокъ. Единственное воспоминаніе о столь обширномъ городѣ, имѣвшимъ когда то около четырехъ миль въ окружности представляетъ одинъ только холмъ, который арабы называютъ Т е л ь-М е н ф ѣ. Недалеко отъ Мемфиса лежалъ Т у р у (Туроу), знаменитый богатѣйшими известковыми каменоломнями, разрабатывавшихся почти безъ перерыва до арабской эпохи.

Къ сѣверу отъ главнаго города Гептаномиды ливійская цѣпь прерывается и открываетъ входъ въ долину А р с и н о э (здѣсь находился городъ Ш е т ь греч. Крокодилополисъ, впоследствии принявшій названіе одноименное съ упомянутой долиной), нынѣ Э л ь-Ф а і у м ѣ (Faouim), которая сначала сжата съ обѣихъ сторонъ горами, но по мѣрѣ протяженія къ западу все расширяется и, наконецъ, образуетъ родъ амфитеатра. Большой каналъ, называемый каналъ Юсифа (теперь Бахрѣ-Юсуфъ отъ собственного имени знаменитаго султана Саладина) и находящейся на западной сторонѣ Нила, между Дарутъ-э-Серифомъ (27°30' сѣвер. широт.) и Абузиромъ (29°30'), орошая долину ведетъ къ озеру М е р и (отъ египетскаго fiom-nte-meri, т. е. озеро наводненій), выкопанному въ глубокой древности человѣческими руками, но нѣтъ сомнѣнія, что оно естественный водяной бассейнъ, значительно расширенный. (Въ настоящее время на южномъ концѣ исчезнувшаго озера, на небольшомъ возвышеніи находится арабская деревушка Сеннуресъ). Весьма долго сомнѣвались относительно положенія этого бассейна и думали видѣть его въ лежащемъ къ западу, въ большомъ природномъ озерѣ Биркетъ-эль-Керунъ, пока французу Linant de Bellefonds не удалось точными изслѣдованіями опредѣлить и указать несомнѣнные слѣды искусственнаго Меридова озера. Последнее лежало въ юго-восточной части Фаіума; здѣсь самое углубленіе почвы и развалины бывшихъ каменныхъ дамбъ указываютъ весьма точно, гдѣ оно нѣкогда находилось.

При наступленіи наводненія открывали шлюзы канала и воды рѣки устремлялись въ бассейнъ. Если же поднятіе Нила было недостаточно, воду проводили въ озеро и, такъ сказать, запирали въ резервуаръ для орошенія не только Фаіума, но и всего лѣваго берега Нила до моря. А когда сильное наводненіе угрожало плотинамъ, обширные водоемы искусственнаго озера оставались открытыми и бассейнъ изливалъ свои воды въ ближайшія къ нему мѣстности.

Нужно сказать, что естественно-географическое положеніе названной мѣстности представляло два существенныя преимущества для

устройства здѣсь превосходнаго резервуара: съ одной стороны, послѣдняя была настолько удалена отъ Нила, что наводненіе не достигало ее непосредственно, а съ другой—она была не выше уровня нильской долины. Меридово озеро имѣло когда-то болѣе ста верстѣ въ окружности и посреди его возвышались тогда двѣ пирамиды, увѣнчанныя колоссальной статуей фараона-соорудителя Аменемхата III и его супруги, царицы Себекнефру (см. ниже).

Спускаясь къ юго-восточному краю долины, можно было встрѣтить величественныя развалины, которыя считались остатками знаменитаго Лабиринта (по-египетски *Lore-ro-hunt*, т. е. храмъ у входа въ озеро), возбуждавшаго удивленіе древнихъ туристовъ и путешественниковъ ¹⁾. Фасадъ этого четырехугольнаго массивнаго зданія, сооруженнаго при XII-ой династїи, былъ сдѣланъ изъ бѣлаго известняка, а остальная часть дворца — изъ сѣраго гранита. Лабиринтъ, по рассказамъ классическихъ писателей, заключалъ въ себѣ три тысячи комнатъ, изъ которыхъ половина находилась подъ землею. Узкіе коридоры, искусно перепутанные, соединяли эти тысячи залъ, куда нельзя было проникнуть безъ проводника. Страбонъ говоритъ, что всякій, попавъ въ Лабиринтъ, чувствовалъ себя какъ бы потеряннымъ среди запутаннаго ряда небольшихъ темныхъ комнатъ, покрытыхъ вмѣсто крышъ цѣльными каменными глыбами и соединенныхъ такъ искусно переплетенными проходами, что иностранецъ, вздумавшій войти сюда безъ проводника, рѣшительно не могъ бы самостоятельно выбраться ²⁾. Залы украшены были статуями, стѣны и потолки покрыты рисунками, іероглифами и барельефными изображеніями. Ни одно слово надписей не проливаетъ свѣта на значеніе Лабиринта, и потому остается пока въ силѣ предположеніе, что онъ былъ одновременно и дворцомъ и храмомъ, гдѣ помѣщались статуи божествъ или умершихъ царей, священныя одежды и вообще принадлежности культа. По сообщенію Геродота, въ центрѣ главной массы зданія находилось двѣнадцать большихъ залъ съ колоннами, при чемъ шесть залъ своими выходами были обращены къ сѣверу, а остальные шесть—къ югу ³⁾. Что касается до общаго расположенія этого удивительнаго зданія, причисленнаго къ семи чудесамъ свѣта, то оно состояло изъ трехъ соединенныхъ строеній, занимавшихъ пространство въ 600 футовъ длины и 500 футовъ ширины; четвертая изъ меньшихъ сторонъ была занята пирамидой, имѣвшей 300 квадратныхъ футовъ въ основанїи.

¹⁾ Vit. Sever. c. 17. Pompon, Mel. I. 19.

²⁾ Страбонъ. XVII, 1.

³⁾ Геродотъ. II, 168.

Въ ней покоился прахъ фараона, строителя дворца. На восточной сторонѣ стѣны комнатъ поднимались на 10 футовъ надъ землею, а съ вершины пирамиды открывался правильный планъ всего зданія, отъ котораго теперь, ничего не осталось, кромѣ незначительныхъ развалинъ.

Къ западу отъ Мемфиса, на лѣвомъ берегу Нила, на протяженіи пятнадцати миль къ югу, тянется рядъ надгробныхъ сооружений фараоновъ, — пирамиды, величайшій въ свѣтѣ городъ мертвыхъ. Общее число ихъ доходитъ до сорока и онѣ составляютъ нѣсколько группъ; три самыя большія изъ нихъ принадлежатъ къ такъ называемой Гизехской группѣ (по имени арабской деревушки Эль-Гизе) и носятъ имена своихъ предполагаемыхъ строителей. Мы еще вернемся къ этимъ могучимъ гигантамъ при разсмотрѣніи памятниковъ древне-египетской архитектуры и тогда описанію ихъ удѣлимъ достаточно мѣста, а пока замѣтимъ здѣсь, что болѣе семидесяти такихъ пирамидъ возвышались когда-то одновременно на грани пустыни, лежащей къ западу отъ лѣваго берега Нила. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ разрушена, засыпана знойнымъ пескомъ пустыни, а вся одежда изъ дорогого камня, покрывавшаго пирамиды, исчезла, употребленная въ дѣло позднѣйшими поколѣніями. Но за то Гизехскіе гиганты продолжаютъ стоять непоколебимо уже нѣсколько тысячелѣтій, оправдывая извѣстное выраженіе: „все боится времени, только время боится пирамидъ“.

Сами небеса мѣнялись, но эти грандіозные памятники не измѣнились. „Имъ было уже пятьсотъ лѣтъ, когда Южный Крестъ исчезъ съ горизонта прибалтійскихъ странъ“ 1). Подобно горамъ, виднѣются они издали на возвышенной скалистой равнинѣ, посреди песчаныхъ, труднопроходимыхъ холмовъ, скупенныхъ вѣтромъ пустыни.

Еще въ римскую эпоху пирамиды представляли нѣсколько иное зрѣлище, нежели теперь. Каменные плиты, покрывавшія ихъ до верху, были еще всѣ цѣлы, внѣшнія стороны состояли изъ четырехъ наклонныхъ и покрытыхъ іероглифами плоскостей, оканчивавшихся къ верху остріемъ 2). Но несмотря на то, что внѣшняя облицовка величайшихъ надгробныхъ сооружений исчезла, вѣка не могли сокрушить пирамидъ и эти массивные гиганты и досель стоятъ непоколебимо, точно не чувствуя тяжести вѣковъ.

Возлѣ пирамиды Хеопса лежитъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-египетской скульптуры, — исполинскій сфинксъ,

1) Humboldt.

2) Diodor. I, 64; Plin. H. N. XXXVI, 76.

высѣченный изъ цѣлой гранитной глыбы и изображающій фигуру льва съ человѣческой головой; онъ почти весь засыпанъ желтымъ пескомъ пустыни и въ настоящее время видны только его плечи, шея и украшенная царскимъ вѣнцомъ голова. Въ виду того, что описанію сфинкса, этой „неразгаданной загадкѣ“ будетъ отведено соответствующее мѣсто при разсмотрѣніи египетской скульптуры и ваянія, полагаемъ достаточнымъ ограничиться здѣсь однимъ упоминаніемъ объ этомъ колоссальномъ памятникѣ поля пирамидъ, окруженнаго многочисленными гробницами. Равнымъ образомъ и по тѣмъ же причинамъ мы не будемъ здѣсь вдаваться въ описаніе храмовъ, обелисковъ, пилоновъ и т. п. замѣчательныхъ памятниковъ египетскаго зодчества, такъ какъ, повторяемъ, объ нихъ поведемъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ (см. Искусство). Къ югу отъ поля пирамидъ, почти на рубежѣ ливійской пустыни, находится поле Саккара, главную достопримѣчательность котораго, кромѣ уступной пирамиды, составляетъ открытый Маріеттомъ Серапеумъ (Serapeum),—огромная высѣченная въ скалѣ гробница священныхъ Аписовъ съ прилежавшимъ къ ней храмомъ; отъ послѣдняго не осталось никакихъ слѣдовъ, а аллея изъ сфинсковъ, которая вела къ Серапеуму, разрушена и засыпана всепогребающимъ пескомъ пустыни.

Итакъ почва средняго Египта, усѣянная многочисленными остатками сѣдой старины, представляетъ намъ тѣ величественные и колоссальные памятники, подобныхъ которымъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ въ мірѣ. Но значеніе этой части страны не исчерпывается грандіозными проявленіями искусства: *Гептаномида въ Египтѣ играла ту же роль, какую взяла для исполненія Суздальская земля на Руси или какую присвоилъ себѣ Бранденбургъ въ Пруссіи* и въ этомъ смыслѣ, въ смыслѣ объединительныхъ тенденцій, Мемфисъ — это настоящая египетская Москва. Вліяніе на судьбу страны названной части фараоновскаго Египта было огромное: постепенное просачиваніе вновь созданной египетской народности въ первобытное населеніе нильскаго оазиса, при чемъ исходнымъ пунктомъ, такъ сказать, операционнымъ базисомъ служила именно Гептаномида, — вотъ та культурно-политическая роль, которая была возложена ходомъ исторіи на разсмотрѣнную нами часть древняго Египта. Отсюда же исходилъ первый толчекъ не только къ центростремительнымъ тенденціямъ фараоновъ Древняго Царства, но и къ прочному зарожденію на берегахъ Нила самобытной и оригинальной цивилизаціи.

3. **Фиваида.** Самую южную часть нильскаго оазиса занималъ Верхній Египетъ или Фиваида (егип. Та-ресъ, т. е. южная страна, Маресъ коптовъ и арабск. Эсъ-Саидъ) съ главнымъ городомъ „стовратными“ Фивами ¹⁾ (греческ. Диосполисъ, егип. Тапить), мѣсто-пробываніемъ солнечнаго бога Аммона (см. Религія). Въ эпоху кульминаціонной точки своего могущества и величія, когда въ періодъ возвышенія Юга Фивы сдѣлались столицей всего Египта и центромъ политической жизни края, городъ, расположенный по обоимъ берегамъ Нила, занималъ протяженіе около четырнадцати верстъ вдоль по рѣкѣ.

Время основанія Фивъ въ точности неизвѣстно, но судя по памятникамъ, важное значеніе названнаго города пріобрѣтается при XI-ой династіи, а начиная съ эпохи Тутмесидовъ (XVIII-ая династ.) и вплоть до персидскаго завоеванія, городъ не перестаетъ украшаться рядомъ великолѣпныхъ построекъ и памятниковъ, продолжающихся непрерывно въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ.

Собственно резиденція фараоновъ была расположена на восточной сторонѣ Нила; здѣсь находился городъ живыхъ съ его улицами, площадями, царскими дворцами и храмами. Западный же берегъ священной рѣки представлялъ совсѣмъ иное зрѣлище и служилъ некрополемъ (егип. Вастъ), т. е. городомъ мертвыхъ; тамъ, въ этомъ мѣстѣ вѣчнаго успокоенія, находились кладбища и связанные съ ними многочисленныя сооруженія, постройки, гробницы и т. п. принадлежности царства вѣчнаго покоя.

Ни одно мѣсто въ Египтѣ и, можетъ быть, въ цѣломъ мірѣ не представляетъ такихъ величественныхъ, любопытныхъ развалинъ и чудныхъ памятниковъ, какъ Фивы. Теперь, когда европейская наука раскрыла смыслъ многочисленныхъ іероглифовъ и всякаго рода изображеній, покрывающихъ эти развалины, онѣ встаютъ передъ нами какъ живой краснорѣчивый отрывокъ изъ давнопрошедшихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, величественные обломки этого города еще и теперь, послѣ двадцати четырехъ столѣтій опустошенія и запустѣнія, представляютъ одно изъ самыхъ чудныхъ зрѣлищъ, какое только можно видѣть. Для насъ станетъ понятенъ восторгъ солдатъ арміи Деза (Desaix), которые, преслѣдуя войска Мурада-бея, и приблизясь къ громаднымъ аркамъ, аллеямъ изъ сфинксовъ, обелискамъ, храмамъ и дворцамъ, прониклись умиленіемъ передъ живописными древними развалинами Фивъ. Вслѣдъ за торжественнымъ и глубокимъ молча-

¹⁾ Подъ именемъ «ста вратъ» разумѣлись великолѣпные пилоны (см. ниже), стояшіе въ многочисленныхъ фиванскихъ храмахъ, а вовсе не городскія ворота, что совсѣмъ не имѣетъ смысла для Фивъ.

нѣмъ, воцарившимся въ рядахъ утомленной пережитыми и ожидаемыми опасностями маленькой арміи, послѣдовали оглушительные аплодисменты, точно эти нѣмые памятники сѣдой старины были цѣлью, къ которой она стремилась и предназначены служить вѣнцомъ ея побѣдъ.

Восточную часть развалинъ составляютъ массивныя постройки Луксора (егип. Апитъ-Риситъ, арабск. Эль-Куссуръ) и Карнака (егип. Апе). Луксоръ представляетъ сочетаніе храмовъ, галлерей, арокъ, пилоновъ и обелисковъ. Святилище съ колоннадой было выстроено фараономъ XVIII-ой династіи Аменготепомъ III, а остальная часть ея, со включеніемъ большого двора, статуй, пилоновъ и двухъ обелисковъ, изъ которыхъ одинъ теперь украшаетъ парижскую Place de la Concorde, воздвигнута Рамзесомъ II (XIX династ.). Кромѣ того, какъ увидимъ ниже, большинство фараоновъ поддерживало и ремонтировало тѣ части сооруженій, которыя приходили въ ветхость, что видно изъ многихъ картушей, найденныхъ на стѣнахъ святилища ¹⁾.

Карнакъ, подобно Луксору, являлся когда то цѣлымъ городомъ храмовъ, отъ котораго сохранилась знаменитая зала колоннъ (salle hypostyle),—самая громадная и великолѣпная развалина въ мірѣ. Мы не будемъ давать здѣсь подробнаго описанія великаго храма Аммона въ Апе, такъ какъ отмѣчая только мѣста находженій важнѣйшихъ памятниковъ, разсмотримъ послѣдніе въ своемъ мѣстѣ при обзорѣ древне-египетскаго строительнаго искусства. Здѣсь замѣтимъ только, что Карнакскій храмъ, начатый фараономъ Сети I, оконченъ его сыномъ Рамзесомъ II, статуя котораго въ видѣ гранитнаго колосса стоитъ передъ входомъ въ храмъ. Кромѣ грандіозной salle hypostyle, въ массивномъ сооруженіи находится еще много разнаго рода комнатъ и залъ, въ родѣ залы Бубастидовъ (между храмомъ и вторыми пилонами), залы каріатидъ съ четырнадцатью колоннами и съ обелискомъ царицы Хатасу, зала 18-ти колоннъ, воздвигнутая Тутмесомъ I, salle des ancêtres, зала Ху-Мену съ двадцатью колоннами и т. п. Въ западной группѣ развалинъ особенное вниманіе привлекаютъ тѣ изъ нихъ, которыя лежатъ близъ коптской деревушки Мединетъ-Абу: храмъ и дворецъ Рамзеса III съ великолѣпными пилонами, окруженные замѣчательной колоннадой, украшенной рисунками, изображающими подвиги фараона, затѣмъ окружающія обширный дворъ храма галлерей, покрытыя скульптурными изображеніями и, наконецъ, соб-

¹⁾ Имена царей въ надписяхъ окружались всегда продолговатыми ободками съ параллельными сторонами и закругленными вершинами; это и есть *картуши* (cartouches).

ственно храмовое святилище, совершенно, впрочемъ, разрушенное и превращенное въ кучи мусора.

Къ сѣверу отъ Мединетъ-Абу и къ востоку отъ мѣстности Деиръ-эль-Медине видны развалины величественнаго зданія, на половину храма, на половину дворца, съ рядомъ пилоновъ, колоннъ, залъ и дворовъ—Рамессеума, названнаго такъ Шамполлиономъ. Колоссальная гранитная фигура въ пятьдесятъ три фута высотой, въ настоящее время разбитая, представляла Рамзеса II сидящимъ на тронѣ и по своимъ размѣрамъ превосходила статуи Аменготепы III (Колоссъ Мемнона, см. ниже Скульптура). По словамъ Ампера, когда онъ вскарабкался на руку исполинской статуи, ему показалось, что онъ поднялся на скалу ¹⁾. Размѣры ея будутъ приведены ниже.

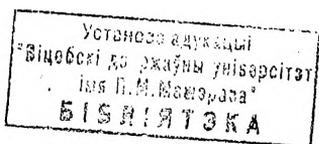
Также интересны развалины храма въ Деиръ-эль-Бахри. Храмъ этотъ былъ выстроенъ царицей Хатасу и посвященъ ею своему отцу Тутмесу I и брату-супругу-Тутмесу II (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ). Въ камерахъ храма найдено множество мумій и саркофаговъ, принадлежащихъ эпохѣ послѣднихъ династій. Гробницы Драхта-бу-эль-Нега и въ особенности Шех-абд-эль-Курнахъ, вырубленные въ скалистомъ кряжѣ, представляютъ значительный историческій интересъ и до сихъ поръ усердно посѣщаются египтологами. Но самыми интересными гробницами являются тѣ, которыя расположены въ ущельи Бабъ-эль-Молука; здѣсь мы о нихъ только упомянемъ, такъ какъ описаніе ихъ по необходимости должно быть отложено до своего мѣста и мы вовсе не имѣемъ ни желанія, ни надобности забѣгать впередъ, потому что, какъ замѣчено выше, здѣсь преслѣдуется цѣль,—отмѣтить мѣстонахожденіе главнѣйшихъ памятниковъ зодчества и ваеніе, отнюдь не болѣе.

Въ упомянутомъ ущельи Бабъ-эль-Молука отысканы гробницы нѣкоторыхъ фараоновъ XX-ой династїи (Сетнахта, Рамзеса III, Рамзеса VI, царицы Таузеръ) и XVIII-ой (Аменготепы III и Аи).

Гробницы царицъ находятся въ Бабъ-э-Султанатъ и состоятъ изъ многихъ высѣченныхъ въ скалѣ камеръ, украшенныхъ картинами и скульптурными изображеніями; большая часть найденныхъ гробницъ принадлежитъ къ XVIII-ой (царица Ти), XIX-ой (принцесса Бить-Анати) и XX-ой династіямъ.

Таковы главнѣйшія развалины и памятники Фивъ. Наглядно говорятъ они о самой блестящей эпохѣ египетской исторїи, послѣдовавшей за изгнаніемъ Гиксовъ, т. е. о фараонахъ XVIII-й и XIX-ой

¹⁾ J. J. Ampère «Recherches sur l'Égypte».

династїи, которые украсили городъ самыми великолѣпными сооруже- нїями. Нужно еще замѣтить, что къ Фивамъ когда то примыкали два укрѣпленныхъ лагеря, командовавшихъ обоими берегами рѣки и при- крывавшихъ столичный городъ на нѣкоторомъ разстоянїи ¹⁾.

Упадокъ Фивъ начался при XXI-й династїи, когда резиденція фараоновъ была перенесена на сѣверъ, въ мѣстности Дельты и го- родъ потерялъ свое политическое первенство. Съ этихъ поръ Фивы испытали не малую долю бѣдствїй: они были взяты и разграблены сначала эѳіоплянами, потомъ ассиріянами и, наконецъ, персами. Земле- трясеніе въ 27 г. до Р. Х. на половину разрушило величественную столицу фараоновъ и въ настоящее время на ея развалинахъ воз- никло нѣсколько бѣдныхъ арабскихъ деревень, меланхолически со- зерцающихъ археологическія богатства и погибшую славу великаго египетскаго города.

Къ сѣверу отъ Фивъ, на обоихъ берегахъ Нила находился Аби- досъ (егип. Абуду, теперъ Арабадъ-эль-Мадфуне), почитавшійся свя- щеннымъ городомъ: онъ былъ средоточїемъ культа Озириса (см. Ре- лигія), могила котораго посѣщалась множествомъ паломниковъ и бо- гомольцевъ, стекавшихся сюда во дни празднествъ со всего Египта. Знатные и богатые люди нерѣдко избирали Абидосъ мѣстомъ своего погребенія, дабы въ мѣстности „царя запада“ ожидать момента сча- стливаго возрожденія ²⁾. Близъ города находилось священное поле У пакъ, на которомъ происходили торжественныя празднества въ честь абидосскаго бога и между прочимъ совершался таинственный обрядъ культа „плаваніе по водѣ“. Развалины царскаго дворца обра- щаютъ на себя вниманіе высѣченнымъ въ камнѣ сводомъ, а въ не- давнее, сравнительно, время, среди группы руинъ, французскимъ кон- суломъ Миліо, была найдена такъ называемая *абидосская таблица* (Table d'Abydos), представляющая историческій барельефъ съ имен- ными картушами тридцати фараоновъ. Ея дубликатъ даетъ *новая абидосская таблица* (La nouvelle table d'Abydos), отысканная раскоп- ками Марїэтта и лучше сохранившаяся.

Въ фортификаціонномъ отношенїи Абидосъ довольно близко под- ходилъ къ идеѣ крѣпости въ видѣ центральной огады съ дополни- тельными укрѣпленїями, вынесенными за наружную ограду; сначала за послѣднюю было вынесено укрѣпленіе Комъ-эсъ-Султанъ, а затѣмъ, когда городъ расширился и названное укрѣпленіе вошло въ

¹⁾ Пасыпкинъ. «Военное искусство древняго Египта». 1901 г. стр. 151.

²⁾ Плутархъ. De Jside et Osiris. 20.

городскую черту, вмѣсто него былъ выстроенъ новый „фортъ“ Шунетъ-эсъ-Зебибъ ¹⁾. Кладбище Абидоса, по увѣренію переводчика Бругша, не представляетъ ничего интереснаго ²⁾.

На западномъ берегу Нила, подь 25° сѣв. широты лежалъ городъ Тебъ (греч. Апполонополисъ), теперь Эдфу съ великолѣпнымъ храмомъ Гора, построеннымъ въ эпоху Птолемеевъ и благодаря раскопкамъ Маріэтта прекрасно сохранившимся. Сколько кажется, это замѣчательное сооруженіе, заложенное въ 237 году до Р. Х. Птолемеемъ III Эвергетомъ, находится на мѣстѣ древнѣйшаго храма, воздвигнутаго въ періодъ Тутмесидовъ и исчезнувшаго съ лица земли. Не входя въ подробности, достаточно сказать, что храмовая постройка Птолемеевъ, украшенная массивными пилонами (15 сажень высоты и почти столько же ширины каждый), іероглифами и разнаго рода изображеніями, представляетъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ памятниковъ египетскаго зодчества.

Сни (греч. Латополисъ), теперь Эснехъ съ развалинами древнѣйшаго храма, воздвигнутаго въ честь Хнума и реставрированнаго Птолемеями; впрочемъ храмъ этотъ въ точности не изслѣдованъ. Хутнатонъ (теперь Телль-эль-Амарна), резиденція, построенная фараономъ-еретикомъ Аменготепомъ IV (см. исторію Египта въ Ново-Оиванскій періодъ). Произведенныя раскопки вывлекли на свѣтъ Божій многочисленныя плитки съ клинообразными надписями, составляющими дипломатическую переписку фараоновъ XVIII-й династіи съ азіатскими вассалами и проливающими новый свѣтъ на тогдашнія международныя отношенія. Эти любопытные памятники государственнаго архива, сбереженные почвою Телль-эль-Амарны, благодаря трудамъ Винклера, Деляттра, Шейля, Галеви и Петри, переведены и снабжены комментаріями, частью же не вполне разобраны, такъ какъ многія глиняныя дощечки содержатъ надписи на неизвѣстныхъ языкахъ. Надо ожидать, что съ разработкой найденныхъ документовъ откроются чрезвычайно важныя и интересныя для насъ данныя относительно политики, исторіи, религіи и культуры древнѣйшихъ народовъ Востока, находившихся между собою въ дѣятельныхъ и оживленныхъ сношеніяхъ, какъ это можно заключить на основаніи телль-эль-амарненскихъ матеріаловъ, ожидающихъ издателей и изслѣдователей ³⁾.

¹⁾ Пасышкнъ, *ibid.* 144.

²⁾ Бругшъ, *Ист. фараон. пер.* Властова. Прплож. II, 771—772.

³⁾ Б. А. Тураевъ. «Очеркъ исторіи изученія финикійской древности» въ «Истор. Обзорн.» 1893 г. т. VI, 65—66. Азіатскій отдѣлъ Берлинскаго музея имѣетъ счастье обладать единственнымъ письмами изъ Іерусалима, написанными до путешествія евреевъ въ землю обѣтованную.

Нѣсколько южнѣе 28° параллели, близъ г. Миніа, лежитъ деревня Бенни-Хассанъ, гдѣ открытъ рядъ замѣчательныхъ гробницъ фараоновъ XII-ой династіи и множество надписей, покрывающихъ эти гробницы, помѣщающіяся въ близъ лежащихъ пещерахъ.

Южнѣе остальныхъ городовъ Фиваиды лежалъ Филе или Пилакъ (араб. Анасъ-эль-Вогудъ), расположенный на одномъ изъ нильскихъ острововъ того же наименованія. Этотъ крошечный островокъ (170 сажень длины и 59 саж. ширины) имѣетъ видъ продолговатой барки, служащей основаніемъ для храмовъ Озириса и Изиды; отъ обоихъ храмовъ уцѣлѣли портики, ворота, колоннады и старинные барельефы на стѣнахъ. Кругомъ острова проходитъ прекрасно выстроенная каменная терраса, возведенная въ новѣйшее время. На юго-западѣ острова недавно открыты развалины храма времени Нектанеба I съ 14 колоннами. Островъ Филе считался столь священнымъ, что ни одна птица не смѣла будто бы летать надъ нимъ и ни одна рыба жить въ водахъ у его береговъ.

Къ западу отъ Филе находится островъ Бигэ (егип. Сенемъ), посвященный Хнуму и Изидѣ. По сообщенію Плутарха, на этотъ островъ никто не допускался, кромѣ жрецовъ. Развалины покрываютъ почти весь Бигэ, но, какъ кажется, не восходятъ далѣе эпохи Птолемеевъ, хотя найденная статуя фараона Аменготепы II заставляетъ предполагать, что на островкѣ существовали постройки эпохи XVIII-ой династіи.

Въ близкомъ сосѣдствѣ съ названными островами лежитъ прелестный своею вѣчно зеленѣющей растительностью, напоминающій изумрудъ, островъ Абъ или Абу (классич. Элефантина, арабск. Эль-Азхаръ, т. е. островъ цвѣтовъ, теперь Гезуреть-Ассуанъ) съ городомъ того же имени, отъ котораго въ настоящее время остались лишь груды развалинъ, равно какъ и отъ стоявшихъ на островѣ храмовъ, воздвигнутыхъ Тутмесомъ III и Аменготепомъ III.

Будучи южной гаванью Египта, Элефантина служила складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ изъ странъ внутренней Африки, главнымъ образомъ, слоновой кости, отчего и получила это названіе (éléphant).

Собственно городъ, какъ свидѣтельствуютъ курганы и остатки береговой стѣны, стоялъ на южной оконечности острова, берега котораго были укрѣплены со всѣхъ сторонъ отчасти невысокими стѣнами, отчасти дамбами, образовавшими закрытыя гавани. По сообщенію Геродота¹⁾, въ Элефантинѣ всегда находился гарнизонъ на случай втор-

¹⁾ Геродотъ II, 30.

женія сосѣднихъ эіоплянъ, часто тревожившихъ своими набѣгами южныя границы фараоновскаго царства.

Недалеко отъ перечисленныхъ выше острововъ находятся такъ называемыя нильскіе водопады. Каждый изъ нихъ состоитъ изъ цѣлаго ряда пороговъ, которые на протяженіи нѣсколькихъ миль дѣлаютъ судоходство по рѣкѣ крайне затруднительнымъ и опаснымъ. Отъ устья Атбары до границъ Египта насчитываютъ пять водопадовъ. Особенно замѣчательны по своей своеобразной красотѣ водопады при Уади-Хальфа (второй) и при Ассуанѣ (первый); водопады Уади-Хальфа представляютъ хаосъ черныхъ скалъ, окруженныхъ пѣной бѣшено несущихся волнъ, которыя съ шумомъ прорѣзываются черезъ острые пороги. Ассуанскіе водопады состоятъ изъ трехъ группъ, изъ которыхъ самая неприступная группа имѣетъ лишь пять сажень ширины; нижняя группа походитъ на зубчатую стѣну скалъ, среди которыхъ надъ водою выдаются до двадцати камней. Между Филе и Элефантинной высота водопада достигаетъ всего одной сажени. У скалъ перваго водопада, тамъ, гдѣ стремящаяся къ морю рѣка сбрасываетъ послѣдніе оковы, кончается Египетъ и начинается Нубія.

Воды Нила, насыщенные углекислотой, при постоянномъ сильномъ треніи о стѣнки каменныхъ пороговъ, медленно, но вѣрно разрушаютъ ихъ. Есть цѣлый рядъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ, что во время, предшествующее появленію историческаго народа въ Египтѣ, многіе пороги уже исчезли, а теперешніе пороги достигали несравненно большей высоты. Въ пятидесяти пяти верстахъ отъ Ассуана, внизъ по теченію, Ниль прорывается съ большой силой между двумя высокими скалами изъ твердаго песчаника... Именно здѣсь, гораздо ближе къ Каиру, чѣмъ первый катарактъ, воздвигался послѣдній могучій порогъ, подпиравшій на большую высоту напоръ рѣки въ чотыреста саж. шириной. Медленно подтачиваемый, онъ оборвался, наконецъ, и рѣка бурнымъ водопадомъ обрушилась на лежащія ниже, отложенныя ею же аллювіальныя рыхлыя образованія, и размыла ихъ, врѣзавшись въ нихъ глубоко своимъ ложемъ. Она продолжала эту работу каждое половодіе, и вотъ огромныя площади доселѣ орошаемой земли обратились въ пустыни, только въ разгаръ половодія заливаемыя на небольшія пространства ¹⁾.

Ниже этихъ пороговъ, на правомъ берегу священной рѣки, гдѣ теперь находится Ассуанъ, лежалъ городъ Сіена (Сунъ или Суанъ), расположенный среди горъ Ту-Тешеръ. По всей вѣроятности, это была

¹⁾ Клингенъ, цит. соч. II, 168.

не болѣе какъ деревушка, въ которой жили рабочіе, но въ качествѣ таковой она имѣла не меньшее значеніе, чѣмъ Элефантина. Сюда съ древнѣйшихъ временъ подвозился къ берегу Нила „мат“ (mat) или, по Геродоту, „эфіопскій камень“, ломка котораго производилась по близости; здѣсь онъ нагружался на суда, отвозившія его къ мѣсту назначенія. Названная мѣстность дала дорогому камню, состоящему изъ соединенія кварца, полевого шпата и слюды, названіе „сіэнитъ“, оставшееся за нимъ и до сихъ поръ¹⁾. Многочисленныя надписи даже на памятникахъ, относящихся ко второму и третьему тысячелѣтію до нашего лѣтоисчисленія, и множество другихъ іероглифовъ въ близъ лежащихъ каменоломняхъ, свидѣтельствуютъ о быломъ значеніи этой рабочей деревушки. Отъ Сіены до о. Филе когда то шла громадная стѣна, возведенная по правиламъ оборонительныхъ оградъ того времени и имѣвшая назначеніе отражать непріятельскія нападенія. Въ настоящее время отъ нее сохранилось нѣсколько жалкихъ развалинъ. Къ сѣверу отъ Фивъ, на правомъ берегу Нила находился г. Коптосъ (егип. Кобти, нын. Кефть), сильная крѣпость и важнѣйшій торговый рынокъ Верхняго Египта, а на лѣвомъ—Тантареръ (позже Тентира, нын. Дендера), укрѣпленный пунктъ, обнесенный оградой въ видѣ обширнаго прямоугольника съ двумя массивными воротами. Развалины этой ограды сохранились до нашего времени.

На югѣ Фиваиды лежалъ Сильсилисъ (егип. Хонну), знаменитый своими каменоломнями, находившимися на восточномъ берегу Нила. Благодаря превосходному качеству песчаника Сильсилиса, близости рѣки и удобству нагрузки на плоты и лодки тяжестей съ обоихъ береговъ, каменоломни эти являлись центромъ самыхъ важныхъ и обширныхъ каменныхъ работъ во всемъ Египтѣ. Судя по памятникамъ, Сильсилисъ былъ значительнымъ городомъ, являясь однимъ изъ центровъ египетской науки и просвѣщенія.

Гермополисъ южный (егип. Хмуну, нын. Ашмуненъ) игралъ довольно важную роль въ египетской мифологіи и, подобно Абидосу, считался священнымъ. Здѣсь процвѣталъ культъ „владыки града восьми“—Тота (см. Религія). Изъ остальныхъ городовъ Фиваиды укажемъ еще на Гермонтисъ (нын. Эрментъ), Саутъ (гр. Ликополисъ, нын. Сіуть) съ гаванью Гомрой, Гераклеополисъ (егип. Хинензу), отъ котораго теперь остались группы холмовъ и кургановъ и Апу (Хеммисъ, нын. Ахминъ), въ которомъ процвѣталъ культъ перваго египетскаго фараона (см. исторію Египта).

¹⁾ Ср. «Исторія міра» Гюяра, 1900 года стр. 134. Авторъ полагаетъ, что слово «сіэнитъ» принято для означенія горной породы, не встрѣчающейся вовсе близъ г. Сіены.

Изъ крѣпостей этой части страны отмѣтимъ Кубань, Семнехъ, Куммехъ, Сесеби и Омбось, описаніе которыхъ отлагаетъ до своего мѣста.

4. Оазисы. Къ западу, въ различныхъ разстояніяхъ отъ Нильской долины, подобно островамъ въ песчаномъ морѣ, попадаются отдѣльныя полосы плодородной земли — оазисы, которые Страбонъ довольно картинно сравниваетъ съ пятнами, разсыянными на кожѣ пантеры.

Для образованія оазиса необходимо котловинное или долинообразное углубленіе почвы, ибо безъ бьющаго ключа или, по крайней мѣрѣ, искусственнаго колодца, немислима сколько нибудь богатая растительность, а вода въ пустынѣ встрѣчается только или въ гористыхъ мѣстностяхъ или въ самыхъ глубокихъ низменностяхъ. Какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ песчаное море составляетъ контрастъ съ волнующимся океаномъ, такъ и острова его представляютъ противоположность островамъ водной пустыни, такъ они не возвышаются надъ окружающей поверхностью, а напротивъ углубляются въ нее. Вода здѣсь или появляется въ видѣ ключа, или находится на незначительной глубинѣ надъ поверхностью почвы; ея изобиліе и качество обусловливаютъ характеръ оазиса. Итакъ видъ „уаха“ (какъ называютъ оазисъ арабы) приблизительно слѣдующій: среди пустыни встрѣчается углубленіе, ограниченное съ одной стороны скалистой стѣнной хомады (т. е. сухою каменною возвышенностью, плато), а съ другой—къ нему подходятъ песчаныя дюны, покрывая болѣе или менѣе обширныя пространства, которыя съ высокихъ мѣстъ кажутся свѣтлыми пятнами на темномъ фонѣ хамады. По дну этого углубленія текутъ ключи довольно чистой воды, пробуждающей и вызывающей жизнь, вдвойнѣ цѣнную въ необитаемой пустынѣ. Вокругъ бѣгущаго ручья возникаетъ зеленѣющая группа растений. Подъ тѣнью высокихъ финиковыхъ пальмъ растутъ здѣсь абрикосовыя и персиковыя деревца, гранатникъ съ его огненно-красными цвѣтами, мимоза со своими сочными листьями, а виноградная лоза обвиваетъ стволы пальмъ и зелеными гирляндами перекидывается съ одного дерева на другое.

Живительное начало оазисовъ, ихъ добрый геній, такъ сказать, есть финиковая пальма. Только подъ тѣнью царицы деревьевъ могутъ расти другія деревья, только подъ ея тѣнью не сохнетъ вода, этотъ лучший даръ въ пустынѣ, только она одна дѣлаетъ Сахару проходимою и даже обитаемою. Финиковая пальма не любитъ дождя. Сверху ее должно освѣщать только знойное безоблачное небо, но корни ея

нуждаются въ сильной влагѣ. Будь эта влага,—горя нѣтъ, что желтая пыль жадно ложится на листья ея,—подъ жгучимъ солнцемъ она раскрываетъ все новые и новые листья, какъ бы радуясь зною и пыли. Арабская пословица говоритъ, что голова финиковой пальмы должна быть въ огнѣ, а ноги въ водѣ. Въ этихъ словахъ глубокая истина. Вся организація этого удивительнаго дерева такова, что она кажется нарочно созданною для жизни въ оазисѣ посреди пустыни. Мимозы и пальмы—характерныя деревья всѣхъ оазисовъ, не исключая и тѣхъ, гдѣ вслѣдствіе обилія источниковъ и колодцевъ можно было развести сады и поля. Здѣсь онѣ, какъ на передовомъ посту противъ наносныхъ песковъ пустыни, окаймляютъ оазисъ только съ внѣшней стороны, между тѣмъ, какъ внутренняя часть его предоставлена растеніямъ, болѣе требовательнымъ и болѣе нуждающимся въ водѣ. Вблизи источниковъ или у колодцевъ часто разстилаются прекрасныя сады, въ которыхъ воздѣлываются всѣ сорта фруктовыхъ деревьевъ сѣверной Африки.

Какъ ни благодѣтельны оазисы, они слишкомъ рѣдки, уединены, разбросаны и переходъ черезъ Сахару всетаки мучителенъ и опасенъ.

Подвижныя пески, долгія каменистыя хамады, жгучій зной, сопровождаемый рѣзкими пониженіями температуры ночью (разница ея, по изслѣдованію Duveugier, колеблется между 4,7⁰ сам. низк. и 67,7⁰ наиб. высок.), ядъ горячаго вѣтра, пыльные смерчи, небо безъ облаковъ и земля безъ тѣни, громадность пути, отдаленность колодцевъ другъ отъ друга,—все это составляетъ тяжелыя препятствія для перехода. Послѣ сильныхъ песчаныхъ бурь, когда кажется, что вѣтеръ будто вылетаетъ изъ раскаленной печи,—такъ онъ горячъ и сухъ—пыль долго виситъ въ воздухѣ, небо дѣлается красно-желтымъ, а солнце кажется тусклымъ, огненнымъ шаромъ. Вечеромъ черныя утесы хамады горятъ какъ раскаленные уголья въ лучахъ заходящаго солнца.

Ночью же небо Сахары разстилается надъ нею въ несравненной красотѣ. Въ долгіе часы ночного странствованія мрачная хамада вполне овладѣваетъ душой человѣка, покоряетъ его своей необъятностью, безмолвіемъ, страшнымъ отсутствіемъ звука, мрачной тѣнью горныхъ громадъ и волшебствомъ луннаго освѣщенія ¹⁾.

Почва великой пустыни состоитъ большею частью изъ гравія или крупнозернистаго песку, размельчающагося подъ ногами верблюда. Растенія рѣдки. Чаще всего встрѣчаются въ Сахарѣ чернобыльникъ или колючая мимоза. Единственные представители животнаго міра,—

¹⁾ С. Мечъ «Сахара и Нилъ». 1888, 22—23.

скорпіоны, ящерицы, ехидны, а изъ насѣкомыхъ—муравьи. Мухи, слѣдующія за караваномъ, не переносятъ такой жары и по прошествіи нѣсколькихъ дней умираютъ. Среди путешественниковъ, обезсиленныхъ лишеніями и усталостью, часто господствуетъ такъ называемый Ragle—родъ мозговой лихорадки, когда болѣзненно настроенное воображеніе рисуетъ ему самыя причудливыя картины, которыя всего болѣе согласуются съ пламенными желаніями минуты, съ жаждой воды и покоя. Эта fata-morgana основана, какъ извѣстно, на законѣ, что лучъ свѣта, проходящій не черезъ однородную среду, преломляется, что именно и должно происходить, когда нижніе слои воздуха неравномѣрно разрѣжаются вслѣдствіе обратнаго лучеиспусканія раскаленного песка. Контрастъ между зеленѣющими плодородными уголками и безжизненной знойной пустыней дѣлаетъ ихъ болѣе прелестными въ глазахъ человѣка, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ. Долина Нила есть самый большой и наиболѣе знаменитый изъ такихъ оазисовъ, но и помимо его, какъ въ Ливійской пустынѣ, такъ равно и среди песчаного моря Сахары встрѣчаются много другихъ, хотя, конечно, по своимъ крошечнымъ размѣрамъ они не могутъ и мечтать о какомъ бы то ни было сравненіи съ величественной, зеленѣющей лентой нильскаго оазиса. Изъ нихъ мы отмѣтимъ слѣдующіе:

1) Сивахъ или, какъ называли его древніе, Аммоніумъ, въ которомъ находился храмъ съ прорицалищемъ бога Аммона (см. Религія). Лазурныя озера, разбѣяныя среди зеленѣющей равнины, рощи финиковыхъ пальмъ, маслины, померанцевыхъ, лимонныхъ и гранатовыхъ деревьевъ, двадцать ключей прѣсной и почти столько же соленой воды придаютъ оазису древняго бога видъ настоящаго земного рая. Отъ стоявшаго въ древности здѣсь знаменитаго храма Аммона, оракула котораго приходилъ вопрошать Александръ Македонскій, не осталось никакихъ ясныхъ слѣдовъ.

2) Уахъ-эль-Харге (Хибисъ), извѣстный подъ именемъ Великаго оазиса, занимаетъ низменность, состоящую изъ крошечныхъ кусочковъ культурной земли, раздѣленной пространствомъ безъ всякой растительности. Въ оазисѣ находятся развалины храма Аммона.

3) Уахъ-эль-Дахель находится къ западу отъ Эль-Харге. Это одинъ изъ самыхъ плодородныхъ оазисовъ Ливійской пустыни съ горячими и холодными источниками и богатыми плантаціями масличныхъ, лимонныхъ и апельсинныхъ деревьевъ, перемежающимися съ огромными рощами финиковыхъ пальмъ. Эль-Дахель также изобилуетъ остатками древностей и въ немъ, какъ и въ Эль-Харге, можно видѣть въ настоящее время развалины храма бога Аммона.

4) Фарафрэ (что значитъ „бьющій ключъ“), вѣроятно, Trinythis древнихъ.

5) Въ долинѣ, окруженной скалами, расположенъ Уахъ-эль-Бахріэ или Малый оазисъ, представляя изъ себя возвышенное плато на высотѣ 100—126 метровъ надъ поверхностью моря.

Всѣ названные оазисы въ древности принадлежали къ Египту.

Изъ остальныхъ „впадинъ пустыни“ стоитъ назвать Феццанъ, Триполи, Ауджелла, Куфра ¹⁾, Агадема, Уаргла, Бискра, Ятъ, Кауаръ и Бильма.

Между оазисами Ауджелла и Куфра лежитъ широкая (до 300 верстъ ширины) полоса серира—крайнее выраженіе однообразія, пустоты и отсутствія жизни.

Сериръ—это необозримое пространство, усыпанное мелкими камешками, галькой, кусками округленнаго вѣками кремня, величиной отъ горошины до грецкаго орѣха. Пустыня въ такихъ мѣстахъ равна какъ столъ и, синѣя вдаль, сливается съ небомъ. Герардъ Рольфъ, знаменитѣйшій изъ путешественниковъ по Сахарѣ, замѣчаетъ, что эта мѣстность всегда будетъ бѣлымъ пятномъ на картахъ, потому что на ней нѣтъ рѣшительно ничего, а равна она до такой степени, что глазъ не замѣчаетъ на ней ни малѣйшихъ возвышеній или пониженій.

5. Ниль и его разливы. Ниль (егип. Яро)—великій іероглифъ египетской исторіи—принадлежитъ къ числу величайшихъ рѣкъ земного шара; длина его (6.000 верстъ) превосходитъ длину всей Европы, начиная отъ сѣверо-восточной до юго-западной ея оконечности, равняясь приблизительно пространству между Лиссабономъ и Екатеринбургъ. Нужно сложить двѣ Волги, вытянувъ ихъ предварительно въ прямомъ направленіи, чтобы получить Ниль ²⁾. Съ самыхъ отдаленныхъ историческихъ временъ происхожденіе источниковъ этой рѣки интересовало какъ древній, такъ и новый міръ, жаждавшій раскрыть „тайну Нила“, но удалось это и то не вполнѣ лишь въ сравнительно недавнее время и мы, благодаря открытіямъ Спика и Гранта, знаемъ только, что два водныхъ колосса огромнаго африканскаго континента—Ниль и Конго—выходятъ изъ различныхъ, но довольно близкихъ между собой источниковъ. Блестящія открытія этихъ офицеровъ были такимъ образомъ достаточны, чтобы рѣшить вопросъ объ африкан-

¹⁾ Куфра, находящаяся въ самой бесплодной части Сахары, съ 1895 года служитъ мѣстопробываніемъ главы мусульманской секты Сенусіе—Сиди-эль-Махди.

²⁾ Рѣка эта въ два раза длиннѣе Дуная, въ пять разъ Рейна и составляетъ $\frac{1}{7}$ всего земного обхвата.

скомъ водораздѣлѣ и тщетно Ливингстонъ продолжалъ свои поиски источниковъ Нила въ тѣхъ болотистыхъ низменностяхъ Бенгваоло, которыя принадлежатъ уже къ бассейну Конго.

Ниль состоитъ изъ двухъ рѣкъ: Баръ-эль-Азрека (Bahr-el-Azreq, по абиссински Абая т. е. „мутный“) или Голубого Нила и Баръ-эль-Абіада (Bahr-el-Abiad т. е. „прозрачный“), Бѣлаго Нила,—названіе, которое онъ сохраняетъ до Хартума, гдѣ съ нимъ соединяется Азрекъ. Эта послѣдняя рѣка беретъ начало въ болотахъ Абиссинскаго плоскогорія, на высотѣ болѣе трехъ верстъ и протекаетъ черезъ небольшое озеро Цана (Дембея, въ Габешѣ), лежащее подъ 35° восточ. долготы (парижск. мерид.) и 12° сѣв. шир., на высотѣ 5.658 ф. надъ уровнемъ моря. Выйдя изъ него, она цѣлымъ рядомъ водопадовъ спускается ниже и ниже и, наконецъ, втискивается въ узкую извилистую щель, по которой и выходитъ изъ Абиссиніи, чтобы вступить въ знойную равнину. На первыхъ 600 верстахъ своего теченія Азрекъ течетъ, какъ горный бурный потокъ, а ниже Сенаара разбиваетъ свои волны о два высокихъ порога, сохраняя тѣмъ не менѣе большую скорость. Изъ притоковъ Голубого Нила главные: слѣва—Туматъ, а справа—Дендеръ и Рахадъ, ниспадающіе съ самыхъ крутыхъ склоновъ абиссинскихъ массивовъ. Отъ Хартума, лежащаго приблизительно подъ 30° в. д. (парижск. мерид.), Ниль течетъ первоначально на сѣверъ, потомъ поворачиваетъ на востокъ, описывая большую кривую линію, охватывающую пустыню Бахіуда.

Абіадъ вытекаетъ изъ озера Укереве, названнаго Спикомъ въ честь покойной англійской королевы Викторіей-Ніанцей, самаго большого прѣсноводнаго озера земного шара (1.515 кв. миль), лежащаго на высокомъ плато вышиной отъ 675 до 800 саж. надъ уровнемъ моря, вблизи прилегающихъ къ нему съ сѣверо-запада обширныхъ плодородныхъ земель Уганды. Черезъ сѣверную часть упомянутаго озера проходитъ экваторъ.

По выходѣ изъ Укереве Абіадъ принимаетъ сперва стокъ озера Мвутанъ-Нцигге (M'voutan Nzighe), открытаго Самуиломъ Беккеромъ и названнаго имъ Альбертъ-Ніанцей, въ которое впадаетъ съ юго-востока открытая Стенли и питаемая потоками снѣжной группы Рувензори рѣка Семлека, естественное продолженіе которой составляетъ Абіадъ. Въ озеро Альберта, входящаго въ предѣлы негритянскаго государства Уніоро, рѣка спускается цѣлымъ рядомъ пороговъ и водопадовъ, изъ которыхъ самый большой и самый красивый—водопадъ Мёрчисона. Здѣсь рѣка, въ полверстѣ шириною, внезапно суживается до 25 сажень и падаетъ между двумя горными

скалами съ высоты 16-ти сажень въ естественный бассейнъ, полный шума и пѣны. Цѣлый столбъ водяныхъ брызгъ стоитъ какъ дымъ надъ водопадомъ, волнуясь и играя красками радуги, а еще выше на скалахъ качаются прекрасныя, изящныя пальмы.

Послѣ этого водопада рѣка внезапно расширяется и дѣлается тихой-тихой. Можно подуматъ скорѣе, что это просто заливъ озера Альбертъ-Ніанца, чѣмъ тотъ же потокъ, который еще недавно такъ шумно неся между скалами. Пройдя озеро Мвутанъ, Абиадъ принимаетъ множество довольно значительныхъ притоковъ: Собатъ (Sobat, араб. Баръ-эль-Макада ¹⁾), берущій начало съ южныхъ склоновъ Абиссиніи, изъ озера Бассо-Нарокъ (между 35° и 36° сѣв. шир.) и пересыхающій въ сухое время года, Рѣку Газелей (Баръ-эль-Газаль), называемую въ верхнемъ теченіи Баръ-эль-Арабъ, вытекающую изъ Дарфура, Рѣку Жирафовъ (Баръ-эль-Серафъ), протекающую по болотистой мѣстности и считающуюся скорѣе побочнымъ рукавомъ Бѣлаго Нила, чѣмъ его притокомъ, Баръ-эль-Джебелъ (Bahg-el-Djebel), т. е. горная рѣка и мн. друг.

Подъ 16° сѣв. шир. близъ Хартума воды Абиада сливаются съ Азрекомъ подъ общимъ названіемъ Нила, а сѣвернѣе 15° соединенныя въ одномъ руслѣ рѣки сперва скатываются по террасамъ, а потомъ разсѣкаютъ собой продольную долину. Отъ Хартума до Шанди рѣка судоходна; отъ послѣдняго пункта до Эль-Каба встрѣчаются три порога, между Уль-Дерасомъ и Герандидомъ ихъ насчитывается семь, а между Дале и Уади Хальфа—девять. Близъ Берберы Нилъ круто поворачиваетъ на юго-западъ, описывая большую дугу и охватывая въ этомъ теченіи степь Короско, при старой Донголъ, онъ вновь принимаетъ сѣверное направленіе, а отъ Уаиди Хальфа до Филе опять направляется на востокъ.

Проходя отъ Ассуана до моря и образуя близъ Филе такъ называемый первый водопадъ, Нилъ снова поворачиваетъ на западъ (между Кенехомъ и Сухагомъ) и отъ 30 меридіана, между Сіутомъ и Миніехомъ, принимаетъ сѣверное направленіе до вершины Дельты. Послѣдній притокъ Нила—Атбара или Токацца (древній Астоборасъ), образуемая изъ Баръ-Саламы и Ангареба, вливаетъ въ великую рѣку воды сѣверной Абиссиніи. Атбара бѣдна водой, которая бываетъ въ ней только отъ половины іюня до половины сентября, когда обильные тропическіе дожди поливаютъ Абиссинскую гор-

¹⁾ Древніе географы знали о существованіи Собата. У Эратосесна рѣка эта названа *Astasobas*; шплуки зовтъ ее *Гахъ* или *Тельфіу*, а динки—*Кити*.

ную страну, гдѣ находятся источники этой рѣки; въ періодъ же засухи Атбара совсѣмъ пересыхаетъ. Объ ея значеніи въ процессѣ заиле- нія и оплодотворенія Египта будетъ сказано вслѣдъ за симъ при уяс- неніи дѣйствительной роли къ созданію нильскаго оазиса со стороны Азрека и Абиада, разнообразныя свойства которыхъ, при извѣстномъ взаимодѣйствіи между собою, стремятся отлить тѣло страны.

Ниже Хартума Ниль уже не принимаетъ притоковъ, а ниже Ассуана обнаженныя скалы, которыя сжимали до сихъ поръ священ- ную рѣку, отходятъ нѣсколько другъ отъ друга. Отсюда начинается долина наводненій, т. е. историческій Египетъ. Когда, плывя противъ теченія великой рѣки, путешественникъ оставляетъ позади себя сѣ- веровосточное суживаніе береговъ между „горами цѣпи“, ландшафтъ внезапно измѣняется: Египетъ или нижняя часть рѣчной долины, образующая при приближеніи къ морю необозримую равнину, остается позади путешественника и передъ глазами его воздвигается пред- дверіе Нубіи. По выходѣ изъ озера Мвутанъ-Нцигге Ниль, шириною 500—2.000 метровъ, змѣится широкими излучинами между двумя зе- ленѣющими берегами. Посреди фарватера глубина его равна отъ 5 до 12 метровъ, такъ что даже крупныя суда могли бы ходить киломе- тровъ на двѣсти внизъ по теченію отъ озера. Острова и островки, покрытые богатой растительностью, словно букеты папируса, поднима- ются изъ воды и окаймляютъ берега. Такіе плавучіе острова состоятъ изъ водяныхъ растений, перепутавшихся между собою; мѣстами они покрываютъ рѣку въ большемъ числѣ, соединяются вмѣстѣ и скры- ваютъ Ниль на значительномъ протяженіи. Все теченіе его отъ Гон- докора до устья Собата почти сплошь затянута толстымъ ковромъ водяныхъ растений. Становясь изъ года въ годъ все толще, все плот- нѣе, этотъ коверъ порастаетъ папирусомъ, даже кустарникомъ и со- вершенно скрываетъ рѣку, которая течетъ подъ нимъ медленно и лѣниво. Благодаря быстрому образованію такихъ травяныхъ острововъ, Ниль часто задерживается въ своемъ поступательномъ движеніи и бываетъ принужденъ вырывать для себя новыя русла.

На равнинѣ, протягивающейся на западъ отъ современнаго Нила, дѣйствительно можно во многихъ мѣстахъ замѣтить остатки древнихъ руселъ, по которымъ нѣкогда двигался Ниль ¹⁾.

Итакъ, многочисленныя притоки мощной рѣки, пробѣгая черезъ обширныя тропическія лѣса и болота, уносятъ массу всякихъ расти- тельныхъ остатковъ, перепутанныхъ тысячами всевозможныхъ вода-

¹⁾ Metchnikoff. цит. соч. 186—187.

ныхъ растений, разселяющихся по спокойной и тихой водной поверхности мѣстами цѣпенѣющихъ рѣкъ; послѣднія въ зависимости отъ срока распредѣленія періодическихъ дождей, имѣютъ свои опредѣленные періоды спячки. Во время этой спячки болотныя растенія размножаются въ огромномъ количествѣ и образуютъ широкіе покровы, фильтрующие сквозь себя всю эту великую водную систему, и съ каждымъ днемъ засоряя все болѣе и болѣе свободные фарватеры. Но минетъ засуха и кончается спячка великой рѣки: начинается опять пора тропическихъ дождей; Ниль прорываетъ живыя плотины; своимъ богатырскимъ плечомъ онъ сбрасываетъ съ себя это „великое иго рѣкъ“, мѣтко прозванное такъ арабами еще въ отдаленное время ¹⁾).

Бѣлый Ниль, многоводный и текущій медленно Голубого, можно сказать, создалъ Египетъ, а Голубой, принося массу пластическаго матеріала для кальмотажа нильской долины, даровалъ ей жизнь. Безъ водъ Баръ-эль-Азрека Египетъ никогда не достигъ бы всемірно-историческаго значенія, а безъ Баръ-эль-Абіада и вовсе не существовалъ бы. Что касается до Атбары, то, протекая по плодороднѣйшимъ аллювіальнымъ почвамъ, она приноситъ Нилу самый богатѣйшій по массѣ и качеству илъ, составляющій лучшее удобреніе почвы. Значеніе пороговъ, черезъ которые пробиваются воды священной рѣки, таково, что безъ нихъ разливы послѣдней были бы слишкомъ быстры и кратковременны, а слѣдовательно, не принесли бы всей той пользы, какую отъ нихъ можно ожидать. Препятствіе къ правильному развитію судоходства, которое представляетъ наличность этихъ скалистыхъ грядъ, по сравненію съ оказываемой ими пользой, въ указанномъ отношеніи не можетъ не являться дѣломъ второстепеннымъ. Селу высказалъ это совершенно опредѣленно. „Если бы катарактовъ не было — говорить онъ—то ихъ необходимо было бы создать вновь“. Медленное, но постоянное разрушеніе естественныхъ запрудъ-пороговъ замѣтно отражается на пониженіи уровня рѣки; урегулированіемъ ея пошатнувшихся силъ заняты теперь европейскіе инженеры.

Количество воды, приносимой Ниломъ изъ глубины обширнѣйшей клоаки Африки, не одинаково во всѣ годы, что, главнымъ образомъ, происходитъ отъ неполнаго соответствія между притоками водъ съ Атбары и Азрека съ водами Абіада, притокъ котораго медленно текущій Собать иногда пересыхаетъ даже въ полную воду. Наконецъ, пройдя послѣдній порогъ у Ассуана, Ниль вступаетъ въ пойму Египта

¹⁾ Клингенъ, loc. cit., I, 155.

и, образуя обширную дельту, вливается въ Средиземное море семью рукавами, изъ которыхъ теперь уцѣлѣло лишь два (см. выше).

Таковъ путь этого мощнаго гиганта рѣкъ, бассейнъ котораго по сдѣланнымъ вычисленіямъ равняется 2.700.000 квадр. верстъ.

Древніе египтяне не знали источниковъ своей кормилицы-рѣки, она казалась имъ моремъ и по словамъ полинявшей сказки, сочиненной жрецами, находились въ увѣренности, что Нилъ ниспадаетъ съ неба, а его ежегодные разливы якобы образуются отъ переполненія слезами глазъ богини Изиды. Если вѣрить Геродоту, покровъ этой тайны былъ поднять только для одного человѣка,—жреца при храмѣ богини Нейтъ въ Саисѣ,—обстоятельство, которое нельзя не отнести къ нововведенію Саисской эпохи; въ древности, говорятъ, одинъ только фараонъ „зналъ“ тайну Нила и это было одно изъ главнѣйшихъ правъ, вызывавшихъ къ нему благоговѣніе народа. Излишне прибавлять, что знаніе этой „тайны“, если оно только было, являлось очень далекимъ отъ ясности непоколебимыхъ естественныхъ законовъ, которые стали извѣстны лишь теперь, раскрывая древнѣйшую тайну священнаго Нила и замѣняя мистическій жреческій дурманъ ясной физико-механической формулой взаимодействія между океаномъ и данной географической средой,—африканскимъ материкомъ.

Изъ описанія страны видно, что большинство городовъ и селеній было расположено вдоль священной рѣки, дававшей жизнь цѣлому краю и снабжавшей его влагою, безъ которой самъ Египетъ превратился бы въ такую же безжизненную пустыню, какъ и окружавшія его страны. Въ томъ видѣ, въ какомъ Нилъ вышелъ изъ области великихъ центрально-африканскихъ озеръ, онъ навсегда останется однимъ изъ первыхъ рѣчныхъ гигантовъ древняго и новаго міра; питаясь въ своихъ истокахъ экваторіальными дождями, онъ оказывается достаточно могучъ, чтобы, не изсякая и не затеряясь, пройти громадныя пространства болотъ, а затѣмъ сыпучихъ знойныхъ песковъ, отдѣляющихъ его отъ моря.

Когда наступаютъ жары, способствующіе таянію снѣговъ на высокихъ горахъ экваторіальной Африки, а затѣмъ въ восточномъ Суданѣ и Эіюші, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ прорывается черезъ горный проходъ у Ассуана и гдѣ высится горный массивъ Абиссиніи, привлекающій дождевые пары съ Индійскаго океана, замѣчено, что въ моментъ вступленія солнца въ зенитъ нашего сѣвернаго полушарія, воды рѣки къ концу мая мѣсяца начинаютъ подыматься, а черезъ восемь или девять недѣль наводненіе достигаетъ крайней степени. (Разливъ Голубого Нила начинается съ іюня и обнаруживается въ Хартумѣ на двадцать дней ранѣе Бѣлаго).

Рѣка измѣняетъ свой внѣшній видъ и вода ея, теряя прозрачность, становится зеленоватой, липкой и мутной. Это измѣненіе состава и цвѣта вода, благодаря которымъ рѣка въ указанное время получаетъ названіе Зеленаго Нила, происходитъ отъ огромной массы воды, застаивающейся на широкихъ песчаныхъ равнинахъ Судана. Прогнивь съ полгода подъ жгучими лучами тропическаго солнца, эта испорченная масса рѣсной воды смѣшивается съ новымъ наводненіемъ и опять попадаетъ въ русло рѣки, которая тѣмъ временемъ быстро поднимается, мутнѣетъ и принимаетъ темнокрасный цвѣтъ, похожій на кровь, при чемъ быстрота теченія увеличивается и воды несутъ массу пѣны. Въ этотъ періодъ времени рѣка носитъ наименованіе Краснаго Нила (арабск. Ма-Ахмаръ), вода котораго не имѣетъ вредныхъ примѣсей, замѣчающихся въ ней во время господства Зеленаго Нила, и отличается пріятнымъ освѣжающимъ вкусомъ. Поэтому жители нильскаго оазиса запасаются водою, наполняя ею цистерны и резервуары при самомъ началѣ наводненія, такъ какъ пьющіе испорченную воду Нила испытываютъ невыразимыя страданія мочевого пузыря.

Какъ выше выяснено, разливъ Нила объясняется тропическими дождями (Харифа, т. е. грозовые ливни), которые льются въ гористыхъ мѣстностяхъ Абиссиніи и наносятся пассатными вѣтрами, дующими безъ перерыва на всемъ пространствѣ Тихаго океана, мѣняя лишь по временамъ свое направленіе, благодаря дѣйствию муссоновъ.

Около 10 іюня рѣка начинаетъ подниматься, но сначала чуть-чуть замѣтно, въ срединѣ іюля поднятіе идетъ уже быстро, чему не мало способствуетъ масса мутной воды, приносимой изъ Абиссиніи. Само собою разумѣется, что поднятіе это не происходитъ одновременно по всей странѣ: со дня, когда Ниль начинаетъ подниматься у острова Филе или у Сіены, проходитъ еще полныхъ двѣ недѣли, пока въ Мемфисѣ замѣтять первые слѣды повышенія воды. Поднятіе продолжается, приблизительно, до 7—8 октября, когда воды Нила достигаютъ наибольшей высоты. Въ это время рѣка стоитъ выше обыкновеннаго уровня на три или на четыре сажени въ Каирѣ и на семь или на восемь сажень въ Ассуанѣ. Начиная съ 7—8 октября уровень воды понижается и рѣка постепенно входитъ въ свое обычное ложе, оставляя тончайшій слой бураго ила, состоящаго изъ разложившихся вулканическихъ камней, которые приносятся изъ Абиссиніи водами Азрека и составляютъ лучшее удобреніе почвы. Анализы, данные для него учеными, весьма несходны между собою, сообразно давности его отложенія или близости къ рѣкѣ, но по большинству образчиковъ, онъ

на сто частей частей содержитъ: 0,48 алюминія, 0,18 углекислой извести, 0,9 углерода, 0,4 магнезій, 0,6 окиси желѣза, 0,4 кремнезема и 0,11 чистой воды. Въ періодъ наводненія нильская вода содержитъ на тысячу частей четыре части ила и кромѣ того въ ней находятся частицы, приносимыя изъ всѣхъ мѣстностей огромнаго бассейна священной рѣки: грязь Атбары, остатки перегнившихъ животныхъ изъ болотъ Баръ-эль-Азрека, водоросли и травы Баръ-эль-Абіада и рѣки Газелей (Баръ-эль-Газаль).

Такимъ образомъ вся суть плодovitости орошеній Нила заключается въ жирномъ илѣ, который осаждаеть могучая рѣка: иль этотъ ложится частью по наводняемой мѣстности, частью въ русло рѣки, остальной уносится въ море. Почва, которая только что оросилась, покрыта слоемъ черной земли, и на этотъ слой всякое послѣдующее орошеніе неизбежно накладываетъ новыя наслоенія. Благодаря нанесу такого матеріала рѣка въ теченіе безчисленныхъ лѣтъ возвышала собственное дно и окружала себя слоями наносной земли, понижающимися съ обѣихъ сторонъ по направленію къ пустынѣ. Ежегоднымъ наслоеніемъ Ниль постепенно возвысилъ почву Египта, а въ первобытныя времена, предшествовавшія появленію историческаго человѣка, осадокъ этотъ образовалъ даже всю Дельту. Съ теченіемъ времени, благодаря наносамъ ила, Нижній Египетъ превратился въ болото, которое уже въ послѣдствіи и съ величайшей медленностью, заполняясь кальмотажемъ, обратилось въ сухую и обитаемую мѣстность. А въ доисторическія времена Дельта вся была покрыта водою и волны Средиземнаго моря доходили до подножія песчанаго плато, надъ которымъ высятся большія пирамиды. Постоянное возвышеніе почвы Египта не вездѣ равномернo, а именно оно уменьшается по направленію къ нижнимъ частямъ рѣки, такъ что развалины сохранившихся еще древнихъ городовъ теперь уже не поднимаются надъ поверхностью почвы, а напротивъ углублены въ землю. Египетскій берегъ на Средиземномъ морѣ медленно, но постепенно понижается, чему доказательствомъ служатъ высѣченныя въ раковичномъ песчаникѣ новѣйшей геологической эпохи гробницы, теперь покрытыя моремъ; нѣкогда обработанныя и густонаселенныя мѣстности покрыты теперь водами озеръ Маддіеха и Мензалеа, на днѣ которыхъ еще нынѣ можно различить развалины зданій. Но по отношенію къ верхнимъ частямъ рѣки возвышеніе почвы Египта идетъ все *crescendo*, хотя и съ величайшей для того медленностью. Вычислено, что въ теченіе 20 лѣтъ почва страны подъ влияніемъ отложеній ила поднимается всего лишь на одинъ дюймъ, что средняя толщина илистой почвы въ настоящее

время равна 33 футамъ и слѣдовательно около 7920 лѣтъ понадобилось для образованія этого толстаго слоя плодородной египетской почвы. Такъ понижается уровень рѣки при повышеніи береговъ.

Высота разливовъ великой египетской рѣки не всегда одинакова: иногда она бываетъ такъ незначительна, что Ниль заливааетъ лишь небольшое пространство,—и тогда является неурожай, такъ какъ почва Египта ничего не въ состояніи производить безъ такого орошенія. Ежегодныя разлитія Нила, обновляющія и возрождающія этотъ уголокъ сѣверной Африки, совершаются съ удивительной правильностью, подобно восходу и заходу солнца. Какъ могли прибрежные жители не боготворить эту рѣку? „Привѣтствуемъ тебя, Ниль, тебя, дающаго жизнь Египту!“ такъ славили его жрецы во времена фараоновъ. Извѣстно, что въ древности въ торжественной процессіи приносили къ рѣкѣ изображеніе молодой дѣвушки и бросали его въ воду, чтобы вымолить обильный урожай; можетъ быть даже, что этотъ обрядъ составлялъ остатокъ человѣческихъ жертвоприношеній въ честь священнаго Нила. Современный арабскій праздникъ Іомъ-Экберъ-эль-бахръ, т. е. день полноты рѣки, въ которомъ главную роль играетъ украшенный цвѣтами, пальмовыми вѣтками и колосьями земляной столбъ, называемый эль-Арузэ (невѣста) несомнѣнно ведетъ свое происхожденіе отъ глубокой древности и имѣетъ связь съ указаннымъ обычаемъ фараоновскаго Египта. Это чудо въ рѣкѣ, выходящей изъ своего русла въ опредѣленное время, чтобы оплодотворить землю поражало древнихъ, которымъ не было извѣстно, что всѣ рѣки, источники которыхъ или теченія находятся въ жаркомъ поясѣ, представляютъ подобный же феноменъ. Чтобы объяснить его себѣ, они прибѣгали къ тысячѣ странныхъ предположеній, которыя можно прочесть у Геродота и Діодора. Настоящая причина этихъ разлитій, угаданная нѣкоторыми древними географами, напр., Эратосееномъ и Агатархидомъ, заключается, какъ мы знаемъ, въ періодическихъ дождяхъ, которые изливаясь въ верхней Абиссиніи повышаютъ воды Азрека и являются такимъ образомъ предтечами наводненія.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что если бы конфигурація центральной экваторіальной Африки была иной, т. е. если бы названная часть Африки лежала сравнительно невысоко надъ уровнемъ моря, то Ниль не въ силахъ былъ бы донести свои воды до Средиземнаго моря, границы Нубійской бесплодной пустыни широко раздвинулись бы къ сѣверу и къ югу, саванны Судана обратились бы въ узкую полосу и не было бы вовсе Египта ¹⁾. Восточная гряда гранитныхъ и известковыхъ хол-

¹⁾ Клингенъ, loc. cit. III, 172.

мовъ со стороны Аравіи сжимаетъ долину наводненной наиболѣе тѣсно, какъ будто бы для того, чтобы въ концѣ своего долгаго и славнаго пути волны Нила не повернулись къ Красному морю, что, безъ сомнѣнія, самимъ роковымъ образомъ отозвалось бы на судьбахъ Египта и на исторіи древняго міра. А между тѣмъ, подѣ влияніемъ центробѣжной силы вращенія земли около своей оси, рѣка подымала непрестанно свой правый берегъ и вплоть до настоящаго времени передвигалась съ запада на востокъ, ближе къ Красному морю, какъ бы убѣгая отъ пустыни Сахары. Крутизна нильскаго берега увеличивается по мѣрѣ подъема на югъ; въ нижней части Дельты она не выше 2-хъ метровъ надъ низкимъ уровнемъ воды, а начиная отъ Каира, уже отъ 6 до 7 метр. и, постепенно возвышаясь, доходитъ до 11 метровъ въ Верхнемъ Египтѣ. Слѣдовательно, для того, чтобы произвести разливъ въ южной Оивайдѣ, необходимо поднять уровень воды во время ея прилива на 11—12 метровъ и не менѣе 13 метровъ, чтобы получить достаточное наводненіе. Въ Среднемъ Египтѣ для разлива необходимъ подъемъ на 7 метр. 56 сант. и отъ 8 до 9 метровъ, чтобы произвести хорошее орошеніе. Цифры эти почти не расходятся къ тѣмъ, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ за три тысячи триста лѣтъ.

Уровень наводненія, какъ объясняетъ Вольней въ своемъ „Relation d'Egypte“, понижается по мѣрѣ того, какъ русло рѣки, менѣе сжатое, открываетъ ей болѣе широкую площадь, независимо отъ массы воды, всасываемой почвою. Повышенія и пониженія уровня водъ Нила образуютъ, такъ сказать, три правильныхъ сезона въ Египтѣ, гдѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ все относящееся до земледѣлія и проч. регулируется только измѣненіями уровня благодѣтельной рѣки—кормилицы населенія, ютившагося на ея берегахъ.

Неправильности разлива, который бывалъ то слишкомъ обилень, то чрезвычайно скудень—превращали страну или въ обширное болото или въ безжизненную пустыню, сожженную палящими лучами африканскаго солнца. Значить не только недостатокъ, но и обиліе воды во время половодія могло быть губельно для нильской долины, стѣсненной со всѣхъ сторонъ объятъями пустыни. Чтобы усилить плодородіе почвы, провести воду въ мѣста, не заливаемые рѣкою, а также урегулировать высоты уровня воды, какъ при недостаточномъ, такъ и при слишкомъ обильномъ разливѣ Нила, еще въ глубокой древности были устроены многочисленныя гидравлическія сооруженія, описаніе которыхъ отлагается до своего мѣста.

Плиній Старшій, лично посѣтившій страну фараоновъ, такъ описываетъ результаты разлитія великой священной рѣки: „Правильное

разлитіе поднимаетъ воду на 16 локтей; при меньшей высотѣ вода не покрывала всего нужнаго для земледѣлія пространства, и нельзя было бросать сѣмянъ въ сухую почву. А при большей высотѣ вода требовала лишнее время для своего отлива, чѣмъ замедлялись полевныя работы; сѣмена также нельзя было сѣять на почву слишкомъ еще влажную и, слѣдовательно, упускалась опредѣленная для того пора. Египетъ боится той и другой крайности: при 12-ти локтяхъ высоты ему предстоялъ голодъ, при 13-ти онъ еще опасался недостатка въ продовольствіи; 14 локтей уже радовали жителей, 15 производили успокоеніе, а 16 обѣщали обиліе и вызывали восторгъ“.

Нѣкоторые рисунки на памятникахъ сохранили намъ любопытныя сцены, производимыя разливомъ рѣки. Вотъ, на примѣръ, стадо коровъ, застигнутое быстрымъ приливомъ; только ихъ поднятыя шеи и рогатыя головы еще торчатъ изъ воды. Подлѣ видна лодка съ тремя людьми, которые, очевидно, хлопчутъ о спасеніи животныхъ. Двое изъ нихъ сидятъ и усердно гребутъ; третій стоитъ въ лодкѣ и въ лѣвой рукѣ держитъ весло, а правую бросаетъ веревку четвертому человѣку, находящемуся на берегу. Тутъ же рядомъ плыветъ огромный крокодилъ, что указываетъ и на другую опасность, грозящую и людямъ, и животнымъ.

Пространство земли, охватываемое наводненіями Нила, весьма незначительно съ географической точки зрѣнія: начинаясь у Ассуанскаго водопада, страна простирается до Средиземнаго моря, какъ сказано выше, отъ 24°6' с. ш. до 31°35' с. ш.; средняя ширина равна приблизительно семи милямъ, а пахотная земля занимаетъ не болѣе пяти миль.

Вся поверхность орошаемой и удобной земли въ Дельтѣ равняется 4.500 кв. миль, а пахотная земля Египта—2.255 кв. миль—пространство совершенно незначительное, сравнительно съ тѣми 7 милліонами народу, которое оно прокармливаетъ. Итакъ всѣ блага и всѣ бѣдствія страны зависѣли отъ Нила и поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что египтяне съ особымъ благоговѣніемъ поклонялись своей кормилицѣ—рѣкѣ, какъ благодатному существу, отъ котораго зависѣло ихъ собственное существованіе; въ самомъ дѣлѣ, нѣсколькими локтями ниже или выше поднимается вода,—и это приводитъ къ голоду или, наоборотъ, къ обильному урожаю.

Въ древности Ниль былъ многоводнѣе; во время разлива онъ поднимался гораздо выше и затоплялъ болѣе обширное пространство, нежели теперь, на что существуютъ указанія іероглифическихъ надписей.

Такъ изъ надписей, начертанныхъ на скалахъ близъ Семнеха и Куммеха явствуетъ, что во времена XII династїи, за 43 столѣтія до нашего времени, самая высокая вода достигала высоты на 8,17 метра выше самаго высокаго разлива за послѣднее столѣтіе, а средняя высота превосходила настоящую среднюю высоту на 7 метровъ. Теперь Ниль не больше и не меньше, какъ обмелѣвшая водная аорта Египта, нуждающаяся въ урегулированіи своихъ силъ.

Чѣмъ же можно объяснить уменьшеніе водъ и водныхъ осадковъ въ странахъ бассейна Нила? Съ одной стороны причиной этого послужилъ огромный прорывъ высокаго каменнаго порога, который повлекъ за собою значительное уменьшеніе площади орошенія въ земляхъ, лежащихъ къ верховью отъ него, и серьезное затрудненіе для навигаціи; кромѣ того многіе пороги исчезли, а теперешніе значительно уменьшились. Съ другой стороны и это, пожалуй, главное, „усыханіе“ системы Нила находится въ зависимости отъ уменьшенія количества тропическихъ дождей, а это обстоятельство зависитъ отъ постепеннаго обезлѣсенія Восточнаго Судана. Извѣстно также, что озерная система Центральной и Южной Африки занимала въ прежнее время несравненно болѣе широкое протяженіе, чѣмъ теперь: озеро Альбертъ-Ньянца, составляющее одинъ изъ истоковъ Бѣлаго Нила, уменьшается въ такой поразительной степени, что, по мнѣнію Стенли, черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ оно изсякнетъ совершенно, если усыханіе будетъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ.

Вездѣ, куда достигаютъ волны, земля становится плодородной, а непосредственно за этимъ предѣломъ начинается голая, лишенная растительности пустыня. Въ Египтѣ Ниль имѣетъ, такимъ образомъ, два русла: большое, которое онъ занимаетъ разъ въ годъ во время своего разлива и малое, которое составляетъ его обычное ложе; все, что не входитъ въ черту его большого русла есть пустыня, граница между которой и покрытой растительностью почвой большею частью проведена такъ рѣзко, что можно стоять одной ногой въ пустынь, а другой—на плодородной землѣ.

Чтобы покончить окончательно съ Ниломъ и его разливами, скажемъ два слова объ нильской водѣ. Если принять въ соображеніе, что всякая вода, употребляемая египтянами для питья, варки, мытья и купанія идетъ только изъ Нила,—ибо вода въ каналахъ тоже нильская вода—если добавить, что только отъ Нила страна становится плодородной, что всякое замедленіе правильныхъ наводненій имѣетъ слѣдствіемъ неминуемую дороговизну и голодъ, что осушеніе рѣки равносильно голодной смерти для всѣхъ живыхъ существъ,—то легко

понять высокое уваженіе, которое питали древніе Египтяне къ своему Яро. Вода священной рѣки имѣетъ особенно пріятный вкусъ; всѣ путешественники древняго и новаго міра согласны въ томъ, что никакая другая вода не можетъ съ ней сравняться, что подало поводъ одному изъ нихъ замѣтить: „Между водами она то же, что шампанское между винами“. Ученые египетской экспедиціи нашли ее крайне чистую, почти тождественною съ дистиллированной. Нечего и говорить, что понятіе о превосходствѣ нильской воды не есть абсолютное, но только относительное. М. Robinet мы обязаны гидротиметрическимъ анализомъ ея, произведеннымъ въ Каирѣ въ 1862 г., по которому она показывала на гидротиметрѣ 7,50°. Что касается до температуры ея, то по наблюденіямъ 1872 г. послѣдняя колебалась между 14,2° (январь) и 28° (августъ). Средняя годовая была 21,4°. Замѣчательно и то обстоятельство, что стоя въ цистернахъ и резервуарахъ вода Нила никогда не загниваетъ даже при большихъ африканскихъ жарахъ. Лучшій вкусъ воды въ январѣ.

Не только древніе обитатели нильскаго оазиса считали воду своей рѣки символомъ всего лучшаго, что есть въ этомъ мірѣ, но и нынѣшніе арабы питаютъ къ ней глубочайшее уваженіе. Они говорятъ: „Кто пилъ воду Нила, тотъ насильно возвратится, чтобы пить ее снова“. Что нильская вода хороша,—это можетъ быть, но, что она „наилучшая вода въ мірѣ“, съ этимъ можно свободно не соглашаться, какъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ это одинъ изъ путешественниковъ по Африкѣ—извѣстный Э. Брэмъ ¹⁾.

6. Флора. Монотонна, но не лишена своеобразной прелести, картина, представляемая египетскими ландшафтами; взоръ путешественника нигдѣ не можетъ открыть даже слѣдовъ присутствія лѣса и лишь кое гдѣ, мѣстами, встрѣчаетъ небольшой перелѣсокъ, жиденскую рощицу и отдѣльныя дикорастущія деревья.

Хотя почва страны, благодаря ежегоднымъ разливамъ Нила, отличается баснословнымъ плодородіемъ и послѣ спада водъ обращается въ сплошную ниву, покрываясь богатѣйшею растительностью, тѣмъ не менѣе флора Египта, тѣсно связанная со свойствами почвы, не можетъ считаться богатой.

Изъ большихъ деревьевъ здѣсь произрастаютъ различные сорта акаціи (*Acacia nilotica*—свидѣтельница первобытной эпохи Египта) и сикоморъ; послѣдніе въ большомъ количествѣ употреблялись

¹⁾ Э. Брэмъ. «Путешествіе по Сѣверо-Восточной Африкѣ» 1869, 42—43.

древними египтянами на гробницы для мумій. Финиковая пальма (*Phoenix dactilifera*), имѣвшая въ странѣ до пятнадцати разновидностей, росла тамъ почти безъ всякаго ухода то одиночкой, то смыкаясь въ небольшіе рощицы, живописно вырисовывавшіяся на окраинахъ горизонта нильской равнины.

Въ верхнемъ Египтѣ и въ сѣверной Нубіи растетъ особый видъ пальмы, разываемой думмъ (*Cusifera thaebaica*), которая отличается отъ остальныхъ пальмъ своимъ вѣтвистымъ стволомъ, пускающимъ вѣтви почти отъ самой земли. Дерево очень цѣнное, но плоды маленькіе и невкусные. На югѣ встрѣчался боабабъ—гигантъ лѣсной флоры. Абрикосовыя, фиговыя, гранатовыя и тамариндовыя (*Tamarix articulata*) деревья украшали сады: египтяне умѣли цѣнить прохладительную древесную тѣнь. Одно изъ часто встрѣчающихся на гробницахъ Новаго Царства,—это изображеніе богини, подающей изъ за вѣтвей дерева прохладительное питье мертвецу.

Часто фараоны съ гордостью возвѣщали въ своихъ надписяхъ о томъ, какъ они ввозили въ страну изъ-за границы различныя деревья и старались культивировать ихъ въ своей монархіи. Въ большинствѣ случаевъ деревья не употреблялись въ качествѣ строевого матеріала и если въ сохранившихся деревянныхъ памятникахъ попадаютъ куски хорошаго дерева, то оно почти всегда оказывается привознымъ: суковатое, труднообрабатываемое дерево мѣстной сикоморы годилось лишь для самыхъ грубыхъ работъ и домашнихъ подѣлокъ.

Водяныя растенія развивались въ странѣ съ необыкновенной пышностью, придавая нильскому оазису довольно своеобразный видъ. Два вида водяныхъ растеній пользовались громадной извѣстностью, благодаря той роли, какую они играли въ исторіи, религіи и какъ въ свѣтской, такъ равно и въ священной литературѣ фараонскаго Египта.

Это были папирусъ, росшій среди стоячихъ водъ, затоновъ и болотъ Дельты и лотосъ, сдѣлавшійся мистической эмблемой Ти-ваиды. Папирусъ, какъ сельскохозяйственное растеніе, игралъ огромную роль въ странѣ: изображеніями его покрыты всѣ барельефы гробницъ, но самъ онъ, вслѣдствіе своей распространенности въ обыденной жизни, не имѣлъ особаго письменнаго знака. Ростъ названнаго растенія достигалъ до двухъ сажень; подводная часть стебля бѣлая, надводная—бурозеленая. Корневище мягкое, сочное, съ ароматическимъ запахомъ употреблялось въ пищу въ жареномъ и вареномъ видѣ. О значеніи папируса, какъ матеріала для бумаги, мы будемъ говорить особо. Именемъ лотоса египтяне обозначали три различныхъ

вида кувшинокъ: бѣлый (*Nymphaea alba*), голубой (*Nymphaea coerulea*) и розовый (*Nymphaea nelumbo*). Изъ этихъ видовъ наиболѣе распространенъ былъ голубой лотосъ, изображеніе котораго часто встрѣчается на памятникахъ ¹⁾. У двухъ первыхъ разновидностей лотоса плоды сходны съ плодами мака, плодъ—коробочка съ зернышками, у третьяго (розовый лотосъ иногда называется египетскимъ бобомъ, *Nelumbium speciosum*, священнымъ лотосомъ) плоды находятся на стеблѣ отдѣльномъ отъ цвѣтка, выходящемъ прямо изъ корня и внѣшнимъ видомъ напоминающемъ пчелиный сотъ. Растеніе это употреблялось въ пищу, цѣликомъ, изъ него готовили муку, хлѣбъ, кашу, употребляли въ свѣжемъ или сушеномъ видѣ и т. п. ²⁾, а пріятно пахучіе цвѣты голубого лотоса шли на дамскіе букеты и на украшеніе женскихъ головокъ.

Въ настоящее время папирусъ и лотосъ совершенно исчезли изъ Египта и красуются лишь на изображеніяхъ памятниковъ.

Третье характерное растеніе для водно-болотной формаціи—это водяной каштанъ (*Trapa bispinosa* Rox),—плавающая однолѣтная трава съ густымъ волосистымъ покровомъ на нижней части листьевъ. Какъ кажется, изображеніе болотнаго растенія у Эберса ³⁾ приближается по виду къ листьямъ *trapa*.

Главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ въ странѣ была пшеница, первобытная родина которой осталась неизвѣстной и до сихъ поръ; кромѣ нея воздѣлывали ячмень, оливу (полба, *Triticum spelta*), маисъ (однозернянка, *Triticum monosocum*), сорго или индійское просо (*Sorghum halapensis*). Это послѣднее растеніе вырастаетъ очень быстро, достигая болѣе двухъ сажень вышины и давая обильный урожай, обезпечивающій дневное пропитаніе цѣлой семьи обитателей Нубии и Верхняго Египта однимъ лишь сорго или его разновидностью, просомъ дурра (*Sorghum vulgare*). Овесъ былъ неизвѣстенъ въ Египтѣ, такъ какъ растеніе это европейское и распространилось оно по культурному міру много столѣтій позже. Волошскій горохъ, чечевица и нѣсколько сортовъ клещевины (*Ricinus communis*) росли сами собой на поляхъ. Изъ числа самородныхъ египетскихъ растеній можно указать на красивый софлоръ (*Carthamus tinctorum*) производящій шафранъ, употребляемый для окрашиванія. Въ софлорѣ слѣдуетъ различать два красивыхъ вещества: одно —

¹⁾ См. наприм. прекрасное изображеніе лотоса и всѣхъ частей растенія въ гробницахъ Бенп-Хассана. Rosellini M. C. XI. A. Thaer «Die Altaegyptische Landwirtschaft».

²⁾ Діодоръ, I, 34.

³⁾ Эберсъ. «Aegypten» т. I, 116.

желтое, не имѣющее примѣненія, другое—красное, служащее для окрашиванія тканей и извѣстное подъ именемъ кармаина (софлорнаго кармина). Оливковое дерево (*Olea europaea*) встрѣчалось довольно рѣдко и ограничивалось лишь нѣсколькими округами, главнымъ образомъ, въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Красному морю и въ горахъ южной Нубіи.

Культура винограда появляется съ самыхъ незапамятныхъ временъ и въ древнѣйшихъ гробницахъ Schweinfurth отыскалъ изюмъ изъ большихъ черныхъ ягодъ съ синеватымъ пушкомъ.

Изъ тыквенныхъ и бобовыхъ растений можно назвать огурцы, арбузы и дыни. Растеніе египетскаго огурца очень похоже на растеніе нашего, но оно чрезвычайно пушисто, цвѣтки имѣетъ маленькіе, плоды эллиптическіе, довольно водянистые, съ тѣломъ такой же плотности, какъ у дыни, вкусомъ же нѣсколько сладковатымъ и съ чрезвычайно освѣжающимъ сокомъ. Молодой плодъ пушистъ, но достигнувъ зрѣлости дѣлается гладкимъ.

Изъ остальныхъ огородныхъ растений древніе египтяне воздѣлывали лукъ (простой и рѣпчатый), баджанъ, лупинъ, дикій просвирнякъ и чеснокъ, служившіе обычной пищей низшимъ классамъ населенія. Правительство со своей стороны обращало особое вниманіе на культивированіе и воспитаніе тѣхъ растений, которыя были предназначены къ употребленію въ пищу.

Наше описаніе древне-египетской флоры и номенклатуры растений не будетъ достаточно полно, если мы не упомянемъ о тѣхъ растеніяхъ, которые сохранились въ катокмбахъ и саркофагахъ умершихъ.

Въ египтологическомъ музеѣ Каира въ числѣ другихъ рѣдкостей находится древнѣйшій въ мірѣ гербарій ¹⁾. Онъ составленъ изъ растений и цвѣтовъ, найденныхъ въ древне-египетскихъ гробницахъ въ состояніи изумительной сохранности, которая дозволила размочить засохшіе растительные остатки въ горячей водѣ и затѣмъ поступить съ ними, какъ съ экземплярами современныхъ гербаріевъ. Такъ, на примѣръ, въ цвѣткахъ мака сохранились такія нѣжныя части, какъ тычинки; изумительно сохранился и колеръ нѣкоторыхъ цвѣтковъ: красный колеръ мака, желтый у амбатча (*Sesbania aegyptiaca*), красно-фіолетовый у *Delphinium*, красно-коричневый у софлора и т. д. Цвѣтки эти при сравненіи съ живыми экземплярами представляютъ лишь нѣсколько потускнѣвшую, менѣе яркую окраску. Другой раз-

¹⁾ Онъ имѣетъ за собою три тысячи лѣтъ, между тѣмъ какъ старѣйшій изъ нашихъ гербаріевъ существуетъ не болѣе четырехсотъ лѣтъ.

ницы между ними нѣтъ. Въ изсохшихъ листахъ арбуза сохранилось еще столько хлорофила, что опущенные въ горячую воду, они придавали ей зеленую окраску.

Въ удивительно сложномъ похоронномъ культѣ древнихъ египтянъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь впереди, слѣдуетъ различать двѣ разныхъ формы пользованія растеніями. Погребальная камера древняго египтянина была его „вѣчнымъ домомъ“ и подобно дому снабжалась всѣми необходимыми вещами и припасами. Въ числѣ ихъ были плоды, лѣкарства, мази, смолы и т. п.; все это размѣщалось въ большихъ и малыхъ глиняныхъ сосудахъ на полу камеры, вмѣстѣ съ кушаньями и напитками; послѣдніе состояли изъ вина и пива, но какъ пиво, такъ и вино давались не въ формѣ уже готовыхъ продуктовъ, а лишь въ формѣ основного матеріала для ихъ добыванія. Вмѣсто вина въ погребальную камеру клали виноградъ, вмѣсто пива— солодъ, т. е. проросшія зерна пшеницы. Мы уже упоминали о найденныхъ въ гробницахъ ягодахъ черно-синяго винограда, добавимъ только здѣсь, что онѣ принадлежатъ къ той же породѣ, какая существуетъ и по сіе время въ Египтѣ и такъ хорошо сохранились, что позволяли съ точностью химически опредѣлить количество содержащагося въ нихъ сахара.

Въ совершенно новомъ видѣ представляется, на основаніи новѣйшихъ изысканій, извѣстная легенда о сѣменахъ ржи или пшеницы, найденныхъ при муміяхъ и сохранившихъ будто бы способность проростанія.

Дѣло въ томъ, что всѣ сѣмена хлѣбныхъ растеній клались въ гробницы предварительно высушенными и поджаренными на огнѣ, не говоря уже про то, что, зачастую, употребляемая при погребеніи зерна покрывались лакомъ, какъ это теперь основательно выяснено химіей. При наличности вышеприведенныхъ условій становится совершенно понятнымъ, что всѣ опыты надъ хлѣбными сѣменами и зернами, взятыми дѣйствительно изъ древне-египетскихъ гробницъ, не могли не привести къ отрицательнымъ результатамъ.

Растенія и цвѣты приносились умершему египтянину также и въ видѣ символической жертвы, имѣвшей магическую силу. Освященные извѣстными обрядами, вѣнки и гирлянды растеній и цвѣтовъ получали даръ сохранять въ памяти умершаго не только содержаніе молитвъ и прошеній, необходимыхъ ему въ загробной жизни, но также и ритуаль ихъ произнесенія. Вѣнки оплетались вокругъ головы муміи: гирлянды помѣщались въ формѣ концентрическихъ круговъ на груди, а также въ тѣсномъ пространствѣ между муміей и стѣн-

ками гробницы; чтобы умѣститься здѣсь, гирлянды должны были быть очень плоскими, вслѣдствіе чего онѣ получали совершенно особую форму, нигдѣ болѣе не встрѣчающуюся. Кожеобразные листья два раза складывались поперекъ, принимая видъ маленькихъ пакетиковъ, а послѣдніе нализывались на полосу разрѣзанныхъ листьевъ финиковой пальмы и служили какъ бы щипцами для удержанія вкладываемыхъ въ нихъ отдѣльныхъ цвѣтковъ и даже лепестковъ.

Такія гирлянды, достигающія иногда нѣсколькихъ аршинъ длины, встрѣчаются уже въ гробницахъ древнѣйшей эпохи вмѣстѣ съ пучками цвѣтовъ, лежащихъ въ художественномъ безпорядкѣ по бокамъ мумій. Напротивъ, вѣнки, оплетавшіеся вокругъ головы и приготовлявшіеся изъ оливковыхъ листьевъ, появляются лишь въ греко-римскую эпоху. Для „цвѣточныхъ“ жертвъ, приносившихся умершимъ, употреблялись преимущественно: голубой и бѣлый лотосъ, макъ, штокъ-роза (*Alcea ficifolia*), кавал. шпоры (*Delphinium orientale*), красивый софлоръ, желтые цвѣты, *Chrysanthemum coronarium* и т. д.

По примѣру грековъ и римлянъ, у которыхъ сельдерей (*Arium graveolens*, двухлѣтнее огородное растеніе семейства зонтичныхъ—*umbelliferae*) былъ растеніемъ, посвященнымъ умершимъ, въ египетскихъ гробницахъ встрѣчаются многочисленные вѣнки изъ стеблей и листьевъ сельдеря.

Изображеніе луковичнаго растенія изъ семейства лилейныхъ, лиліи (*Lilium*), то и дѣло попадаетъ въ іероглифахъ и обозначаетъ то кратковременность жизни, то свободу и надежду. Кромѣ того, бѣлыми лиліями, повидимому, украшались тѣла умершихъ молодыхъ дѣвушекъ; по крайней мѣрѣ подобная лилія была найдена на груди муміи молодой египтянки, хранящейся теперь въ Луврскомъ музеѣ. Изъ этого же цвѣтка египтяне готовили знаменитое въ древности благовонное масло—сузинонъ, о которомъ подробно говорится у Гиппократъ въ его трактатѣ, „о природѣ женщины“.

Что касается до растеній, помѣщавшихся въ погребальную камеру въ качествѣ хозяйственныхъ припасовъ, то изъ нихъ найдены: *Medicago hispida*, *sinapis arvensis*, *Linum humile*, *Pinus pinea*, *Lagenaria vulgaris*, *Lensesculenta*, *Faba vulgaris*, *Ficus carica*, *Juniperus phoenica*, *Balanites aegyptica* и мн. др.

Кромѣ того довольно часто встрѣчается лавзонія (хенна, *Lawsonia inermis*), извѣстное растеніе, изъ котораго добывается красящее вещество, до настоящаго времени употребляемое въ индо-араб-

скомъ мѣрѣ для окрашиванія ногтей въ желтовато-красный цвѣтъ. Египтяне знали растеніе это подъ именемъ *surgus* и употребляли на окраску обертокъ мумій. Въ настоящее время оно попадаетъ довольно часто даже въ окрестностяхъ Александріи и наполняетъ ее благоухающимъ, хотя нѣсколько острымъ запахомъ своихъ цвѣтовъ. Необходимо еще упомянуть о *Nitraria tridentata*; это колючій кустъ съ листьями сѣро-зеленаго цвѣта даетъ красивые, круглые плоды, очень сочные, похожіе на плодъ *suppressus*. Названное растеніе покрываетъ всѣ дюны при устьи Дельты, а равно берега Средиземнаго и Краснаго морей.

Вслѣдствіе рѣдкости и дороговизны цвѣтовъ въ древнемъ Египтѣ пользованіе ими принадлежало исключительно богатымъ лицамъ, тогда какъ несостоятельные люди должны были ограничиваться одними изображеніями цвѣтовъ на гробовыхъ крышкахъ своихъ умершихъ родственниковъ. Египтянинъ страстно любилъ цвѣты и мы видимъ ихъ почти на всѣхъ памятникахъ,—цвѣты приносятъ въ даръ богамъ, осыпаютъ ими саркофаги, они служатъ лучшимъ украшеніемъ комнатъ. Сады со своими роскошными цвѣтниками, съ деревьями, привозимыми нерѣдко изъ далекихъ странъ и распространявшими отрадную прохладу, были предметомъ особой гордости жителя фараоновскаго Египта. Историческіе памятники свидѣтельствуютъ, что около 1650 г. до Р. Х. царица Хатасу (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ) снарядила эскадру изъ пяти кораблей въ страну Пунтъ (мѣстность къ югу отъ Коссеира, между южной Аравіей и африканскимъ берегомъ Сомали) для перевозки въ Египетъ между остальными произведеніями и растеній той земли. Тридцать одно дерево, дающія благоуханную смолу, пересаженныя въ большія кадки, приносятся туземцами, при чемъ каждое дерево требуетъ для переноски соединенной силы шести человѣкъ. Въ картинѣ весьма живо и вѣрно изображена тяжелая работа матросовъ и туземцевъ при укладкѣ и упаковкѣ вещей. Надпись поясняетъ эту сцену:

«Тяжело нагружаются корабли чудными произведеніями земли Пунтъ, разнымъ подѣлочнымъ лѣсомъ божественной земли, грудями благоуханной смолы, живыми ладонными деревьями, предметами изъ чернаго дерева и слоновой кости, обдѣланными въ чистое золото земли Аму, солодковымъ корнемъ, деревомъ Хеситъ, куреніемъ Ахемъ, священной смолой, сурьмой (краской) для глазъ...¹⁾»

А Тутмесь III велѣлъ нарисовать въ одномъ изъ притворовъ храма Аммона въ Карнакѣ различныя растенія, вывезенныя имъ

¹⁾ Бругшъ. «Исторія фараоновъ», XIII, 295—296.

во время походовъ въ Сирію и въ страны верхняго Нила (см. Садоводство).

Но и частные люди не уступали въ этомъ отношеніи фараонамъ; въ продолженіе четырехъ столѣтій египетская флора, само по себѣ довольно бѣдная, обогатилась по крайней мѣрѣ десятками двумя полезныхъ и декоративныхъ растений, — яблонями, миндальными и гранатовыми деревьями, новыми разновидностями винограда и фигъ.

Недостатокъ дерева, годнаго для кораблестроенія, препятствовалъ въ значительной степени превращенію Египта въ морскую державу (этому были, впрочемъ, и другія причины) и въ указанномъ отношеніи заключалась одна изъ причинъ, почему, выступивъ на путь иноземныхъ завоеваній, египетскіе фараоны стремились захватить въ свои руки поросшія лѣсомъ богатые области сосѣдней Сиріи.

7. Фауна. Двѣ породы животныхъ, живущихъ теперь на берегахъ Нила, именно лошадь и верблюдъ совсѣмъ не встрѣчаются на памятникахъ древнѣйшей эпохи и составляютъ какъ бы пріобрѣтеніе позднѣйшихъ временъ. Древніе египтяне, безъ сомнѣнія, знали верблюда, который въ большомъ количествѣ содержался населеніемъ Сиріи и Аравіи, и караваны ихъ, вѣроятно, доходили по меньшей мѣрѣ до сосѣднихъ городовъ, граничавшихъ съ монархіей фараоновъ. Они даже сложили новый глаголь „kamalikamali“ (смет. gamal)— „становиться на колѣни“,—такъ они были удивлены манерой „корабля пустыни“ становиться на колѣни, чтобы принять на себя ношу, но при всемъ томъ, какъ сказано, они никогда не изображали его на своихъ памятникахъ. Надо полагать, что тутъ скрывается какая нибудь причина предубѣжденія или суевѣрія, намъ неизвѣстная; почему бы, кажется, исключить изъ памяти такое животное, которое какъ бы самую природою приуровнено къ нуждамъ страны. Двугорбые верблюды (*camelus bactrianensis*) водятся только въ прохладныхъ мѣстностяхъ возвышенной Азіи, въ Сиріи же и въ Африкѣ есть только одногорбые. Де Гаспаренъ ¹⁾ говоритъ по этому поводу: „Верблюды разнятся между собою не родомъ и не горбомъ, есть одинъ только родъ и одинъ горбъ, ихъ надо различать по аллюру: верблюдъ—это лошадь упряжная, дромадеръ—верховая. Верблюдъ подымаетъ большія тяжести и идетъ шагомъ,—дромадеръ несетъ человѣка и рысью“. Иными словами, обыкновенный верблюдъ есть типъ (*gemel*), а дромадеръ (*hedjini*

¹⁾ Незвѣстный. «Египетъ» 1882, стр. 23.

или mahari) усовершенствованная порода, въ родѣ чистокровной ¹⁾.— Такимъ образомъ можно, кажется, признать фактъ знакомства древнихъ египтянъ съ верблюдомъ, хотя бы какъ съ животнымъ чужеземныхъ народовъ; извѣстно только, что въ Египтѣ онъ распространился лишь при арабахъ.

Что касается до лошадей, то впервые онѣ появляются на памятникахъ въ эпоху XVIII-ой династїи и, какъ предполагаютъ, занесены въ Египетъ кочевниками-сеμίтами. Съ этихъ поръ верховая ѣзда входитъ во всеобщее употребленіе и крупныя египетскія лошади начинаютъ славиться даже за предѣлами страны. Фивы, Мемфисъ, Гермополисъ и Гераклеополисъ въ эпоху XIX-ой династїи имѣли свои обширныя конскіе заводы (ahait), для которыхъ въ видахъ улучшенія породы лошадей закупаются въ Сирїи породистые жеребцы и кобылы.

Надписи надгробныхъ памятниковъ довольно ясно знакомятъ насъ съ домашними животными фараоновскаго Египта. Такъ, мы видимъ длиннорогаго быка (*Bos taurus*), прародителя европейскаго рогатаго скота, изъ лучшихъ представителей котораго обыкновенно выбирали Аписа (см. Религія), каменнаго барана (*Capra Sinaitica*), жившаго въ древности, какъ и теперь, въ горахъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ, муфлона (*Ovis tragelaphus*) и нѣсколько видовъ антилопъ: газель (*Antilope dorcos*), посвященную богинѣ Изидѣ, которой приносили въ жертву дѣтенышей этого животнаго, черную сабельную антилопу (*Aegoceros niger*) и степную антилопу или сайгу (*Cervicapra saiga*). На одномъ изъ памятниковъ послѣдній видъ представленъ ручнымъ стадомъ.

Нѣсколько разновидностей козъ (напр. Фивская коза, *Hircus thebaicus*, разводившаяся въ Верхнемъ Египтѣ и изображенная на памятникахъ весьма вѣрно; она нѣкоторымъ образомъ составляетъ переходъ отъ козъ къ овцамъ и во всякомъ случаѣ представляетъ замѣчательное явленіе въ ряду своихъ собратій), жирнокожечная овца (*Ovis steatoruga*), упоминаемая на памятникахъ IV династїи, длинноухая и короткоухая свинья (*Sus scrofa domestica*), занесенная кочевниками, но считавшаяся нечистымъ животнымъ и разводимая въ Дельтѣ исключительно для семитовъ, африканскій степной осель (*Asinus africanus*) съ короткой гривой и поперечными полосами на ногахъ, — таковы главные представители прирученныхъ четвероногихъ. Осель и въ древности представлялъ изъ себя выдающееся по силѣ и вынос-

¹⁾ Дромадеръ дѣлаетъ около 200 верстъ въ двѣнадцать часовъ и такой ѣзды, конечно, не выдержитъ ни одна лошадь.

ливости животное, про которое упоминается на памятниках древнейшей эпохи ¹⁾. Бзда на немъ стала входить въ употребленіе приблизительно за три тысячи лѣтъ до начала нашей эры (см. Скотоводство).

Одинъ англійскій ученый нашель, что египетскій богъ Сеть (см. Религія) на всѣхъ изображеніяхъ представляется съ рѣзко охарактеризованной головой о капи. Такимъ образомъ можно заключить, что египтянамъ было извѣстно существованіе этого животнаго, исчезнушаго съ тѣхъ поръ изъ Египта, чтобы скрыться въ дѣвственныхъ лѣсахъ Конго, гдѣ его нашли въ 1901 году.

Если къ названнымъ выше млекопитающимъ прибавить обыкновенную кошку, особую породу собакъ съ тонкой мордой, заостренными ушами и пушистымъ хвостомъ, затѣмъ таксу (*Canis vertagus*), африканскую борзую (слугхи) съ длинными и прямыми ушами и, наконецъ, собаку-гіену (*гіеноидъ*), дрессировавшуюся для охоты,— то указанными видами почти и исчерпываются домашнія животныя страны фараоновъ.

Въ эпоху Средняго Царства фауна домашнихъ животныхъ обогатилась донгольской собакой съ кривыми ногами и темно-красной шерстью; потомки этой породы въ современномъ Египтѣ здравствуютъ и до сихъ поръ.

Изъ хищныхъ животныхъ въ странѣ можно было встрѣтить нубійскаго дикаго кота (*Catus maniculatis*), изображенія котораго на еиванскихъ памятникахъ, какъ кажется, доказываютъ, что это та самая кошка, которую египтяне держали за домашнюю, особую породу волковъ (*Canis lupaster*), обыкновеннаго шакала (*Canis aureas*), маленькую лисицу (*Vulpes pallida*), полосатую и пятнистую гіену (*Нуаена striata* и *Нуаена crotuta*), болотную рысь (*Lynx chaus*) леопарда или пардера (*Felis Leopardus*), тигрокота (*guépard*, *Cynailurus guttatus*) и льва (*Felis leo*), жившаго какъ въ Нубіи и въ Верхнемъ Египтѣ, такъ равно и посѣщавшаго долины нижняго Нила. Два послѣдніе вида хищныхъ,— гепардъ и левъ—дрессировались для охоты и памятники изображаютъ намъ различныя сцены прирученія названныхъ животныхъ.

Изъ семейства грызуновъ попадались зайцы (особая порода, *Lepus abyssinicus*, араб. эрнебъ — небольшое туловище и громадныя уши), крысы (*Mus rattus*), мыши (*Mus musculus, agrarius, sylvaticus*), тушканчики (*Dipus aegyptius*, араб. джербоа) и т. п. На берегахъ

¹⁾ См. наприм. «*Les Papyrus de Berlin*» 433. Maspero *Or. de L'Ég.* 427, гдѣ упоминается, что у одного египетскаго вельможи эпохи Древняго Царства, по имени Хиркуфа было до 300 ословъ въ обозѣ.

Нила жили двѣ амфибіи, дѣлавшія доступъ къ рѣкѣ опаснымъ для людей и животныхъ: бегемотъ (*Hippopotamus amphibius*, егип. эгемотъ) и крокодилъ (*Crocodylus vulgaris*, егип. суки). Еще во времена Плинія бегемоты очень часто попадались выше Саиса ¹⁾, а въ IV столѣтіи нашей эры они окончательно удалились въ Нубію ²⁾. Большая рѣдкость, чтобы теперь бегемотъ плылъ внизъ по рѣкѣ у горной цѣпи Ферри, которая считается южной границей странъ солнца. Другое дѣло въ восточномъ Суданѣ. Тутъ только Африка принимаетъ вообще свою настоящую фizioномію, тутъ лѣса и рѣки населены еще въ самомъ дѣлѣ замѣчательными животными. Во всѣхъ большихъ рѣкахъ и озерахъ внутренней Африки, на югъ отъ 14°, бегемотъ продолжаетъ еще быть обыкновеннымъ явленіемъ ³⁾.

Что касается до крокодиловъ то они продержались до нашихъ дней, хотя преслѣдуемые огнестрѣльнымъ оружіемъ и прогрессивно увеличивающимся развитіемъ пароходства они отступаютъ все далѣе и далѣе на югъ и, надо полагать, что въ близкомъ будущемъ должны будутъ совсѣмъ скрыться за второй водопадъ. Точно также исчезаетъ большая черепаха (*Trionyx niloticus*), которая теперь не встрѣчается ближе какъ за первымъ водопадомъ, вверхъ по теченію.

Родъ обезьянъ (*Cynocephalus sphinx*), которыхъ древніе египтяне считали священными и держали въ храмахъ, кажется, не принадлежитъ къ кореннымъ обитателямъ страны; ихъ доставали съ верховьевъ Нила, какъ и обезьянъ того же рода, показываемыхъ нынѣ фокусниками въ Каирѣ.

Что древніе египтяне знали слона (*Elephas*), въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: изображенія его нерѣдко фигурируютъ на памятникахъ, но само собой разумѣется, что животное это было привозное, подобно носорогу (*Rhinoceros africanus*), рога котораго были недавно найдены де Морганомъ въ Верхнемъ Египтѣ ⁴⁾ при раскопкахъ.

Изъ остальныхъ животныхъ можно еще назвать ихневмона или фараонову мышь (*Herpestes ichneumon*, егип. hems, араб. эль-нимсъ), небольшое плотоядное животное семейства виверовыхъ, занимающее въ Египтѣ мѣсто нашей куницы. Древніе египтяне до знакомства съ домашней кошкой, держали въ домахъ ихневмоновъ для ловли мышей и даже считали это животное священнымъ, быть можетъ потому, что ихневмоны уничтожали яйца крокодиловъ. Въ

¹⁾ Plin. H. N. XXVIII, 121.

²⁾ Ammian. Marc. XXII, 15.

³⁾ Брэмъ, цит. соч. II, 320.

⁴⁾ De Morgan «Recherches sur les origines de l'Égypte» 1897 г. 68—69.

настоящее время фараонова мышь сильно преслѣдуется у себя на родинѣ, какъ опаснѣйшій врагъ домашней птицы.

Картины памятниковъ Бени-Хассана изображаютъ тотъ же родъ вампировъ и летучихъ мышей (изъ коихъ самый крупный нетопыр, *Pteropus Egyrptiacus*), который и теперь встрѣчается въ огромномъ количествѣ во всѣхъ уединенныхъ пещерахъ, развалинахъ и гротахъ.

Между ящерицами чаще всего встрѣчались нильскій мониторъ (*Turipambis*, араб. варранъ-эль-бааръ) и такъ называемая деско-ящерица развалинъ, которая изображается на памятникахъ.

Змѣи всегда были очень многочисленны въ Египтѣ, онѣ изображены въ іероглифическихъ надписяхъ, въ скульптурѣ и живописи; особенно часто встрѣчается изображеніе рогатой змѣи и *Naja haje*, сдѣлавшейся исторической подъ именемъ аспида Клеопатры (*G. Cleopatrae*) и фигурирующей какъ священный символъ царскаго величія. Наконецъ, нерѣдко попадались пирамидная змѣя (*E. rugamidum, scythale*), випера (*céraste*), ужъ съ капюшономъ, *Echis Ravo* и т. д.

Изъ прочихъ земноводныхъ, наиболѣе встрѣчающихся въ странѣ, необходимо отмѣтить водяную лягушку (*Rana esculenta*) съ желтоватозеленой спиной, темными пятнами и свѣтложелтыми боковыми линиями и пятнистую жабу (*Bufo variabilis*) съ зелеными пятнами на грязно-бѣломъ фонѣ.

Обращаясь къ царству пернатыхъ, слѣдуетъ сказать, что именно въ немъ заключалось главное богатство египетской фауны.

Къ числу домашнихъ птицъ, прирученныхъ съ древнихъ временъ принадлежали гуси (*chenalorex*) и утки (*Anas*), составлявшие важную хозяйственную статью въ домашней жизни египтянина; искусственная выводка гусей и утятъ была извѣстна въ глубокой древности. Куры (*Gallus domesticus*) вошли въ число домашней птицы уже во времена греческаго владычества и потому изображеніе ихъ на древнѣйшихъ памятникахъ не встрѣчается вовсе.

Изъ полевыхъ птицъ попадались воробей (*Passer montanus*), сорока (*Pica caudata*), ласточка (*Hirundo rustica*), снѣгирь (*Pyrrhula vulgaris*), египетскій соловей (*Agrobates galactodes*), горлица (*turtur auritus*), куропатка (*Perdrix chukar*), перепелъ (*Coturnix communis*), жаворонокъ (*Alauda*), малиновка (*Erythacus rubecula*), дикій голубь (*Columba livia*), драхва, пѣночка, зябликъ и проч.

Представителями голенастыхъ были: 1) величайшая изъ всѣхъ птицъ страусъ (*Struthio camelus*), разрисованныя яйца котораго на-

ходятъ въ древнѣйшихъ доисторическихъ гробницахъ; въ древности названная птица водилась въ большомъ количествѣ въ степяхъ, прилегающихъ къ долинѣ Нила; 2) священный ибисъ (*Ibis religiosus*), считавшійся предвѣстникомъ разлитія Нила и позднѣе явившійся синонимомъ Тота (см. Религія); 3) голубая и пепельная цапля (*Ardea cinerea*), которая въ видѣ ручного стада представлена на памятникахъ; 4) бѣлый аистъ (*Ciconia alba*), одна изъ немногихъ птицъ, почти совершенно лишенныхъ голоса; 5) розовый фламинго (*Phoenicopterus roseus*) съ огненнокрасными крыльями, длинными ногами и клювомъ загнутымъ посрединѣ колѣнчато книзу; 6) Марабу (*Leptoptilus crumenifer*) и 7) Бакланъ или морская ворона (*Phalacrocorax*), приученный къ ловлѣ рыбы. Такъ на гробницѣ сановника Patah. Нотер. (въ эпоху V династіи) видно изображеніе рыбака, въ рукахъ у котораго находится бакланъ.

Между хищными птицами древняго Египта заслуживаютъ вниманія: орелъ (*Haliaeetus*), египетскій сипъ (*Neophron percnopterus*), ястребъ (рыжій нубійскій, черный и бѣлый или фараонова курица), коршунъ (*Milvus ater*), соколъ (*Falco*), большая рогатая сова (*Asio*), сычъ (*Surnia noctua*), филинъ-пугачъ (*Bubo maximus*) и мног. друг.

Нильскія воды изобиловали рыбой, которою буквально кишѣли рукава священной рѣки, богатые семействами, родами и видами рыбъ. Наиболѣе часто встрѣчались: латусъ (окунь ¹⁾), сипренъ (егип. рами, арабск. биннге), пестрый голавль, *Polypterus*, сомъ (*Silurus glanis*, араб. раадъ), оксирикъ (*mormyre oxyrhinque*), чебакъ (*Lepidotus*), нѣсколько видовъ *Pimelodus*, изъ которыхъ одна—*chausumage*—найдена сохранившеюся въ Фиванскихъ гробницахъ, и фагакъ (*tetrodon-fahaka*). Эта послѣдняя рыба, имѣющая способность надуваться по произволу, имѣетъ устьянное колючками брюхо и напоминаетъ ежа.

Когда же послѣ наводненія Ниль входитъ въ свое обычное ложе, фагакъ вмѣстѣ съ иломъ остается на поляхъ и становится добычей хищныхъ птицъ и въ особенности мѣстныхъ жителей, которые ловятъ его въ огромномъ количествѣ.

¹⁾ Эта священная рыба и теперь еще въ значительномъ количествѣ водится въ водахъ Нила. Нѣкоторые города, какъ напр., Эснехъ поддерживали спеціальныи культъ названной рыбешки, вслѣдствіе чего этотъ въ древности знаменитый и многолюдный городъ во времена греко-римскаго владычества былъ названъ Латополисомъ. Жители его не только считали живую рыбу *Iates* божествомъ, но старались также предохранить ее отъ разрушенія. Эти оригинальныя рыбы муміи были недавно изслѣдованы Лорте и Гюгенкомъ.

Устья Нила всегда переполнены морской и рѣчной рыбой, приплывающей сюда во время нереста (метанія икры). Древніе египтяне были страстными рыболовами и сцены поимки рыбъ то и дѣло попадаютъ на барельефахъ (см. Рыболовство).

Точно также на памятникахъ мы встрѣчаемъ изображенія различныхъ насѣкомыхъ: мухъ (*Musca domestica*), стрекозъ (*Libellulidae*), разноцвѣтныхъ бабочекъ (*Lepidoptera*), короткошейкъ (*Bupreste*), священныхъ жуковъ (черныхъ и зеленыхъ, *Atenchnus sacer*), ось, пчелъ съ желтыми и черными полосами, *сi mex* (клопы), москитовъ и пауковъ (*arachnides*), между которыми встрѣчается скорпионъ (*Scorpionus*).

Изъ надписей на памятникахъ видно, что египтяне придавали священное значеніе двумъ родамъ жуковъ, очень похожихъ по формѣ но различныхъ по цвѣту: черный, который здравствуетъ въ Египтѣ и досель, и зеленый, попадающійся въ настоящее время только за Донголой. Шарикъ, который священный жукъ скатываетъ передними лапками, чтобы положить потомъ туда свои яички, считался у обитателей нильскаго оазиса эмблемой міра, подобно тому какъ самъ *Atenchnus sacer* служилъ символомъ безконечности и создающей силы (см. ниже).

Изъ насѣкомыхъ, принадлежащихъ къ числу вреднѣйшихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, являлась саранча (*Acridium tartaricum*, егип. са-нохемъ, т. е. пыльное насѣкомое), истреблявшая съ невѣроятной быстротой все, что только въ состояніи истребить: посѣвъ, траву, листья, кору деревьевъ и т. д.

Гдѣ спускается ея рой, тамъ онъ покрываетъ землю на пространствѣ приблизительно отъ 32-хъ до 36-ти верстъ въ длину, отъ 12 до 16 аршинъ въ ширину и на аршинъ въ высоту. Это была восьмая изъ десяти казней. „Настало утро и восточный вѣтеръ нанесъ саранчу... Она покрыла лицо всей земли, такъ что земли не было видно, и поѣла всю траву земную и всѣ плоды древесные“ ¹⁾. Только, благодаря баснословному плодородію нильской долины голодъ наступаетъ не за каждымъ полетомъ саранчи; жатва, конечно, погибаетъ, но въ тотъ же годъ поспѣваетъ другая, а то и третья. Для борьбы съ этимъ страшнымъ бичемъ въ древнемъ Египтѣ, какъ кажется, не было выработано никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ, что совершенно понятно, такъ какъ даже въ наше время вопросъ о наиболѣе дѣйствительныхъ способахъ борьбы съ саранчею предоставленъ еще отдаленному будущему.

¹⁾ Исходъ, X, 13.

8. Геологическое строение Египта. Выше были указаны главные черты геологического строения долины Нила, от гранитных формаций Ассуана до наносов Дельты. Большая часть пластовъ, лежащихъ подъ новѣйшими наносами рѣчного ила, состоитъ изъ мергелей, глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ. Ближайшія къ обоимъ берегамъ крутыя возвышенности Аравійскаго и Ливійскаго хребтовъ состоятъ изъ известняковъ, простирающихся отъ Джебель-Сельсилеха до самаго моря. Среди старыхъ геологическихъ породъ залегли рѣчные иловатые наносы, образовавшіеся изъ продукта распада полевошпатовыхъ породъ, разрушенныхъ рѣкою и унесенныхъ ею изъ отдаленныхъ странъ экваторіальной Африки.

Въ эоценовую эпоху третичной формации большая часть названнаго материка не существовала и Египетъ находился еще подъ водою.

Въ міоценовый періодъ онъ, за исключеніемъ Дельты, уже вышелъ изъ воды вмѣстѣ съ прилегающей къ нему частью Аравіи, которая въ то время еще не отдѣлялась отъ него Краснымъ моремъ. Ливійскаго хребта не существовало, а Ассуанскій рѣзко отграничивалъ Египетъ отъ Нубіи и не пропускалъ на сѣверъ воды центральной Африки, не имѣвша къ тому же стока къ Средиземному морю.

Въ концѣ пліоценоваго періода третичной формации Дельта вынырнула изъ Средиземнаго моря, волны котораго хлынули къ югу вплоть до Ассуана ¹⁾, а въ началѣ четвертичнаго образовалось Красное море и волны Нила пробили себѣ путь вдоль теперешней Ливійской пустыни (Баръ-бала-ма, т. е. сухая рѣка, такъ называютъ арабы древнѣйшее ложе Нила, почти параллельное его нынѣшнему теченію).

Въ диллювіальную эпоху рѣка создала, наконецъ, свое постоянное русло и главнѣйшее очертаніе рельефа страны, ею орошаемой; въ то же время, къ концу указаннаго періода Ниль, хотя медленно, но постоянно понижалъ свое дно, которое возвышалось по всей линіи наносовъ отложеніемъ крупныхъ и тяжелыхъ частицъ въ видѣ валовъ по дну и обоимъ берегамъ. Изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе продолжался процессъ творческой работы, обширная сѣть болотъ и побочныхъ протоковъ (уади) постепенно заполнялось кальмотажемъ, русло рѣки также постепенно передвигалось на востокъ, ближе къ Красному морю—и рельефъ Египта приблизился понемногу къ настоящему.

Покончивъ съ образованіемъ контура тѣла страны, перейдемъ къ разсмотрѣнію горнаго богатства Египта.

¹⁾ Chelu «Nil.» 175.

Обширная площадь гранита Сіены представляет преимущественно особый родъ гранитной формы, извѣстной подъ именемъ сіэнита (красный гранитъ), хотя существуютъ еще очень много его разновидностей и другихъ примитивныхъ породъ: гнейсъ, кристаллическая горная порода, сходная съ гранитомъ, но отличающаяся отъ послѣдняго слоистымъ сложениемъ, плотный полевой шпатъ, слюдистый сланецъ, амфиболитъ и др. Розовый сіэнитъ, самый красивый изъ перечисленныхъ породъ, служилъ для возведенія вѣчныхъ монолитовъ, египетскихъ памятниковъ, обелисковъ, сфинксовъ, колоссальныхъ статуй и саркофаговъ. Прочія разновидности употреблялись главнымъ образомъ на подѣлки предметовъ роскоши.

Горная порода вулканическаго происхожденія, базальтъ (черный и зеленый) также служила матеріаломъ для изготовленія статуй. Необходимо прибавить, однако, что хотя базальтъ и отличается твердостью, тѣмъ не менѣе онъ легко вывѣтривается и потому не годится для построекъ. Кромѣ базальта встрѣчался еще родъ нефрита (зеленчакъ), твердаго, плотнаго минерала, принимающаго прекрасную шлифовку и изумруды, которые славились по всему древнему Востоку. На одномъ изъ острововъ Краснаго моря Torasos въ эпоху Птолемеевъ добывался топазъ, драгоценный камень, представляющій собою въ химическомъ отношеніи фтористыя соединенія кремнекислаго глинозема.

Наконецъ куски лавы и обсидіана (родъ агата), приносимые бишаріеями въ Ассуанъ, свидѣтельствуютъ, что въ странѣ, ближайшей къ Красному морю, должны быть древніе вулканы. Дѣйствительно, къ югу отъ Джебель-Омара, на плато Макаттамъ возвышается потухшій вулканъ ¹⁾. Отъ Эснеха мелкозернистый кремнистый песчаникъ смѣняется известковыми образованиями, преимущественно нуммилитоваго раковистаго известняка, образуя у Тура и Маассара богатѣйшія известковыя каменоломни, изъ которыхъ вытесывались гигантскія сооруженія фараоновъ—пирамиды (См. Архитектура).

Между Коссеиромъ (у Краснаго моря) и Джебель-Сельсилехомъ (у Нила) находятся знаменитыя діоритовыя каменоломни, а въ сѣверныхъ частяхъ (между 28° и 29° сѣв. шир.) горъ Бухана лежали алебастровыя каменоломни фараоновъ.—Минеральные продукты составляютъ лишь ограниченную часть богатствъ Египта. Надалеко отъ древняго Мемфиса находится долина натровыхъ озеръ (Уади Нат-

¹⁾ Ср. Prokesh-Osten «Die Nilfahrt» p. 26, гдѣ онъ, повидимому, склоненъ отрицать вулканическое происхожденіе горныхъ породъ странъ, прилегающихъ къ Красному морю. Мы слѣдуемъ Reclus и Morgan.

рунь), прорѣзывающая западную цѣпь холмовъ нильской долины. Составъ этой щелочной соли различный; среднее количество составныхъ частей, найденное въ соли озеръ Терранеха, представляетъ; 52% хлористаго натрія 23% углекислаго натра, 11% сѣрнистаго, 3% кремнистаго и глинистаго песку, 0,9 углекислой извести, 0,2 окиси желѣза и 9,7 воды. Содержащая соли вода изъ озеръ проникаетъ въ почву, оплодотворяетъ ее и, испаряясь при естественномъ жарѣ, оставляетъ соль въ видѣ пыли или твердой коры, толщиною иногда отъ 6 до 8 дюймовъ. Очищенные куски натра отличаются яркозеленымъ цвѣтомъ. Натръ находятъ также на востокѣ отъ Нила къ сторонѣ Краснаго моря, на высотѣ Суэца и Фивъ и подобныя залежи идутъ до самаго Сенаара.

Въ древности, подобно тому какъ и теперь, жители производили чрезвычайно выгодную торговлю щелочной солью, такъ какъ въ монархіи фараоновъ послѣдняя употреблялась для бальзамированія труповъ, а равно шла на фабрикацію стекла.

О металлахъ и объ ихъ добываніи будетъ сказано ниже.

Что касается до песковъ, лежащихъ по бокамъ долины и воздѣланныхъ земель, то слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ мѣстахъ видно только поперемянное наслоеніе песку и ила, а подъ слоємъ растительной земли залегалъ пластъ морского песку,—что относится, безъ сомнѣнія, собственно къ Нильской долинѣ,—который доходилъ до скалъ.

Благодаря превосходному качеству песчанника, близости рѣки и удобству нагрузки на плоты и лодки тяжестей съ обоихъ береговъ, каменоломни Сильсилиса были центромъ важнѣйшихъ и обширнѣйшихъ работъ во всемъ древнемъ Египтѣ. Самыя замѣчательныя каменоломни находятся на правомъ (восточномъ) берегу рѣки; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ огромные, рѣзко очерченные прямые углы въ 50 или 60 футовъ высоты, другія имѣютъ форму грубыхъ, но правильныхъ террасъ.—Каменоломни на лѣвой (западной) сторонѣ менѣе значительны и не такъ доступны.

На югѣ, у границъ Египта, вблизи Сіены лежала въ древности и лежитъ нынѣ „Красная гора“ Ту-Тешеръ, изъ которой добывался твердый какъ желѣзо гранитъ съ красными и черными пятнами, превосходно принимавшій шлифовку и полировку.

Ближе къ Красному морю, въ нѣдрахъ горнаго хребта вулканическаго происхожденія, прорѣзаннаго поперекъ многочисленными долинами, добывался порфиръ, горная порода, основная часть которой состоитъ изъ полевого шпата и кварца. Въ древнемъ Египтѣ утилизировалась, главнымъ образомъ въ качествѣ декоративнаго

камня, разновидность его,—красный порфиръ, ломка котораго производилась въ обширныхъ размѣрахъ.—Къ сѣверу отъ Джебель-Сельсилеха лежатъ, какъ сказано, известковыя образования разнаго геологическаго возраста, начиная съ эоценоваго періода третичной формации, а къ югу—архейскія породы, имѣющія большое распространение въ Нубіи и Верхнемъ Суданѣ, прорѣзанныя пластами гнейса и гранита, но надъ всѣмъ преобладаютъ твердые нубійскіе песчаники, изъ которыхъ воздвигнуто въ Фивахъ множество храмовъ и памятковъ ¹⁾).

Такимъ образомъ Джебель-Сельсилехъ является раздѣльнымъ пунктомъ между известковыми образованиями и песчаниками.

Что касается до гейзеровъ, то наличность ихъ установлена въ доисторическомъ Египтѣ, и даже теперь близъ хребта Джебель-Ашаръ можно видѣть окаменѣлый лѣсъ, ведущій свое происхождение со временъ исчезнувшихъ горячихъ ключей, которыхъ не засталъ уже историческій Египетъ.

9. Климатъ. Климатъ нильской долины былъ чрезвычайно жаркій. По мнѣнію Швейнфурта, онъ, измѣняясь во времени, перешелъ постепенно отъ тропическаго къ средиземно-морскому. Безъ сомнѣнія, климатъ страны созданъ подъ сильнымъ воздѣйствіемъ сосѣдней Сахары, явившейся дѣятельнымъ факторомъ географической среды и вмѣстѣ съ Ниломъ создавшей тѣло Египта.

Нужно знать, что знойная и раскаленная пустыня устанавливаетъ совершенно самостоятельную систему вѣтровъ и ихъ опредѣленную смѣну: вѣтры сѣверныхъ румбовъ дуютъ большую часть года и ими главнымъ образомъ опредѣляется характеръ мѣстнаго климата. Благодаря установленію въ лѣтній періодъ времени господства тока на Египетъ со стороны Средиземнаго моря, климатъ отличается умѣренной температурой, достаточной влажностью и въ общемъ его можно сравнить съ южноевропейскимъ климатомъ, конечно, съ оговоркой. Начиная съ марта и до конца апрѣля дуетъ горячій южный и юго-восточный вѣтеръ, съ іюня и до конца зимы снова дуютъ вѣтры сѣверныхъ румбовъ, которые своей силой значительно превосходятъ вѣтры пустыни.

Значеніе послѣднихъ тѣмъ не менѣе огромное, такъ какъ благодаря имъ: 1) уничтожаются малярійныя скопленія, вредныя для здоровья людей и животныхъ, т. е. оздоравливается воздухъ; 2) быстро

¹⁾ Клингенъ, loc. cit., 145.

осушаются болота и наплывы ила и 3) происходит сильное испарение, черезъ что усиливается нитрификація почвы.

Господство сѣверныхъ вѣтровъ спасаетъ страну отъ занесенія пескомъ пустыни, увлажняетъ температуру и умѣряетъ самый климатъ. При идеальномъ благопріятномъ направленіи вѣтровъ и ихъ опредѣленной смѣнѣ послѣдній отличается цѣлебными свойствами, которыя обезпечили за Египтомъ славу лучшаго зимняго курорта для больныхъ грудными и иными органическими болѣзнями.

Въ римскую эпоху врачи считали лучшимъ средствомъ противъ начинавшагося истощенія силъ морское путешествіе въ Египетъ; многіе больные, для которыхъ климатъ Италіи оказывался слишкомъ суровъ, не теряли надежду выздоровѣть подъ болѣе благодатнымъ небомъ, въ краѣ, гдѣ никогда не падалъ снѣгъ, гдѣ не проходило одного дня безъ солнечнаго сіянія и гдѣ лѣтній зной умѣрялся пасатными вѣтрами ¹⁾).

Въ Верхнемъ Египтѣ дождь бываетъ очень рѣдко, одинъ разъ въ 5—10 лѣтъ, когда надъ нимъ разражаются тропическіе ливни. По мѣрѣ движенія отъ экватора къ сѣверу, все удлиняется срокъ промежутка бездождія, пока, наконецъ, приблизительно подъ 7° сѣв. шир. не устанавливается совершенно опредѣленный климатическій режимъ, заключающій два рѣзко отличныхъ періода: сухой и дождливый.

Въ Нижнемъ Египтѣ дождь не рѣдкость и даже въ февралѣ мѣсяцѣ иногда случаются градобитія. „Тогда и ленъ, и ячмень были побиты, потому что ячмень колосился, а ленъ далъ головки. А пшеница и полба не были побиты, потому что онѣ были позднія“ ²⁾).

Снѣгъ, даже изморозь неизвѣстны Египту ³⁾, но росы очень обильны отъ ноября до марта и желтый песокъ глубоко насыщенъ сыростью.

Въ Каирѣ годовая температура (по наблюденіямъ Galі) = 20,9 ц.; средняя зимняя = 13,4, средняя лѣтняя = 29,8 ц. Въ Александріи: средняя годовая = 20,7, зимняя = 15,4, лѣтняя = 25,6. Максимальная абсолютная за весь періодъ наблюденій (10 лѣтъ): для Александріи 44^{1/10} и Каира 47°.

Число дождливыхъ дней въ Каирѣ въ среднемъ выходило не болѣе 12—13, а въ Александріи 25—30. Дожди почти исключительно приходятся на позднюю осень и зиму. Говоря вообще, климатъ Верх-

¹⁾ Діодоръ, XVII, 52.

²⁾ Исходъ, IX, 31—32.

³⁾ Мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ сказку Abdul-Ablatif, что будто-бы антиохійскій патріархъ Денисъ Джальмарі нашель Нилъ замерзшимъ.

няго Египта, хотя болѣе жаркій, но и болѣе здоровый и постоянный, нежели климатъ Дельты. Прекрасное темносинее небо никогда не заволакивается тамъ ни малѣйшимъ облачкомъ, а эта постоянная ясность, прозрачность и сухость воздуха составляетъ главную причину, почему многочисленные памятники фараоновскаго Египта такъ хорошо сохранились отъ столь отдаленнѣйшихъ временъ.

Почти одновременно со смѣной сѣвернаго вѣтра южнымъ, около весенняго равноденствія и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ перерывами, начинается дуть раскаленный вѣтеръ — шамсинъ (егип. шемемъ, араб. semoum, т. е. отравленный), воздвигающій страшную песчаную бурю.

Предвѣстникомъ самума въ пустынь является, обыкновенно, черная точка, поднимающаяся надъ горизонтомъ и быстро растущая. Въ это время солнце дѣлается блѣднымъ, какъ луна и воздухъ наполняется горячей, удушливой пылью и мельчайшимъ раскаленнымъ пескомъ.

Какъ только показалась зловѣщая точка, все живое спѣшитъ укрыться, спрятаться, улетѣть. Мелкая пыль, которую несетъ съ собою самумъ, проникаетъ въ глаза, въ уши, въ носъ, въ ротъ, въ легкія и можетъ обусловить задушеніе. Но если дѣло и не доходитъ до этого, то все таки быстрое испареніе, иссушая кожу, воспаляя глотку и страшно усиливая потоотдѣленіе, производитъ мучительную жажду, которую, обыкновенно, нечѣмъ удовлетворить, такъ какъ не только запасная вода, но и сокъ деревьевъ подъ вліяніемъ высокой температуры самума быстро испаряются. Караваны гибнутъ иногда отъ одной только жажды, поэтому обычныя ихъ тропы въ пустынь устьяны поблѣвѣвшими отъ времени костями людей и животныхъ.

Самумъ есть самый страшный врагъ каравановъ, пересѣкающихъ песчаная пустыни Африки: ему приписывается гибель пятидесятитысячной арміи, которую сумасшедшій Камбизъ послалъ для покоренія аммонійцевъ и сожженія храма египетскаго бога. Иногда буря продолжается около часу, но бываетъ и такъ, что она бушуетъ нѣсколько дней, превращая день въ ночь. „И была густая тьма по всей землѣ Египетской три дня. И не видали другъ друга три дня и никто не вставалъ съ мѣста своего три дня“ ¹⁾. Это была девятая изъ десяти казней египетскихъ.

Человѣкъ, поставленный въ устьѣ печки—говорить Лебасъ—можетъ только получить слабое понятіе того чувства, которое произво-

¹⁾ Исходъ, X, 22—23.

дить самумъ. Это болѣзненное состояніе тотчасъ проходить, какъ только вѣтеръ принимаетъ другое направленіе.

Но вліяніе климата—продолжаетъ тотъ же путешественникъ—дѣйствуетъ несомнѣнно, подрывая исподволь здоровье и болѣе продолжительное пребываніе въ Луксорѣ причинило смерть многимъ изъ нашихъ людей. Нельзя акклиматизироваться подъ этимъ бронзовымъ небомъ, надо тамъ родиться, чтобы безнаказанно дышать огненнымъ воздухомъ.

Иногда съ шамсиномъ соединены особыя явленія, изъ которыхъ самое интереснѣйшее есть желтокрасный песокъ, тонкій, совершенно какъ пыль и по своему внѣшнему виду подходящій къ истолченной корицѣ; когда онъ падаетъ въ воду, то послѣдняя тотчасъ же дѣлается красною. Профессоръ Эренбергъ того мнѣнія, что такимъ образомъ въ древнія времена внезапно всякая вода принимала цвѣтъ крови. Изслѣдуя красную пыль подъ микроскопомъ нашли, что она состоитъ изъ различныхъ минераловъ, остатковъ растений и мелкихъ инфузорій. Явленіе это распространяется до Средиземнаго моря и извѣстно подъ именемъ краснаго тумана.

Несмотря на нѣкоторыя эпидеміи, свойственныя собственно Египту, климатъ страны нельзя не признать вполне здоровымъ, хотя это, конечно, не исключаетъ извѣстной повторяемости нѣкоторыхъ специфическихъ болѣзней, которыя такимъ образомъ наглядно подчеркиваютъ несовершенство египетскаго климата. Такъ, однимъ изъ печальныхъ послѣдствій шамсина обыкновенно является а ад тъ, т. е. чума, которая, повторяясь черезъ извѣстныя промежутки времени (черезъ 10—15 лѣтъ), свирѣпствуетъ главнымъ образомъ въ Дельтѣ, похищая въ названной мѣстности иногда четвертую часть населенія. Въ Библии чума упоминается какъ послѣдняя изъ десяти казней. „И сдѣлался великій вопль по всей землѣ Египетской, ибо не было дома, гдѣ не было бы мертвеца“ ¹⁾.

При вѣяніи шамсина чума передается съ ужасающей быстротой: смерть почти неизбежна, выздоравливаетъ лишь ничтожная часть.

Эта заразительная болѣзнь микробнаго, какъ полагаютъ, происхожденія, напоминая нѣкоторыми симптомами тифъ, характеризуется опухольями лимфатическихъ сосудовъ на шеѣ, подъ мышками, въ пахахъ, извѣстными подъ именемъ чумныхъ бубоновъ и переходящими въ нагноенія злокачественнаго характера.

Описаніе другихъ болѣзней, находящихся въ зависимости отъ климатическихъ условій, мы отлагаемъ до своего мѣста (см. Меди-

¹⁾ Исходъ, XII, 30.

цина), а пока упомянемъ лишь о главнѣйшихъ, къ числу которыхъ относятся лихорадки (перемежающіяся, гастрическія и тифоидальныя), воспаленія глазъ (ophthalmie), происходящія отъ насыщеннаго пылью воздуха, простая діаррея, слоновая проказа (элефантіазисъ), диссентерія, нильскій прыщъ и нѣкоторыя другія. Всѣ болѣзни въ странѣ скоротечны.

Итакъ климатъ Оиваиды жаркій и сухой (чему не мало способствуетъ близость песчаныхъ пустынь Сахары и Аравіи, лежащихъ въ теплыхъ тропическихъ широтахъ), тогда какъ климатъ Дельты болѣе влажный и умѣренный; какъ уже было указано, въ Верхнемъ Египтѣ большую часть года (приблизительно триста дней) дуетъ сѣверный вѣтеръ, приносящій желанную прохладу странѣ, сжигаемой палящими лучами африканскаго солнца. Въ надписяхъ мы читаемъ чуть не цѣлые гимны „пріятному сѣверному вѣтру“, въ которомъ каждый египтянинъ или, вѣрнѣе, каждый житель Оиваиды видѣлъ присутствіе высшихъ благодѣтельныхъ силъ, старающихся облегчить челоувѣку тягости земной жизни.

Дѣйствительно, подъ неумолимыми лучами безоблачнаго солнца благодѣтельный сѣверный вѣтеръ имѣлъ въ древнемъ Египтѣ наибольшее число поклонниковъ и обожателей.

2. Населеніе фараоновскаго Египта.

О происхожденіи египтянъ много спорили и спорятъ. Языкъ ихъ указываетъ на древнюю связь съ семитическими языками (что, впрочемъ, ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ сродство языковъ не всегда совпадаетъ съ близостью породы), между тѣмъ какъ антропологи находятъ тѣсное родство между египтянами и народами верхней долины Нила. Историческія данныя и изслѣдованія, произведенныя надъ муміями, доказываютъ, что обитателей страны фараоновъ слѣдуетъ причислить къ кавказскому племени, но ближайшее родство ихъ съ которой нибудь изъ вѣтвей названнаго племени до сихъ поръ не опредѣлено положительно. Одни изслѣдователи полагаютъ, что египетская народность явилась плодомъ смѣшенія бѣлой семитической расы съ темной эѳіопской, близкой къ негритянскому типу; другіе утверждаютъ, что по своему этнографическому характеру египетская раса примыкаетъ къ бѣлымъ племенамъ Передней Азіи.

Мы лично склоняемся къ мнѣнію, выраженному Маріэттомъ, что древніе египтяне принадлежали къ той вѣтви кавказскаго племени,

которая носитъ названіе кушитской (couschite) и которая имѣетъ нѣкоторыя особенности, отличающія ее отъ семействъ арійскаго и семитическаго. Кушитами называютъ обыкновенно первобытное населеніе юго-западной Азіи, хотя названіе это съ антропологической точки зрѣнія, подтверждается настолько же, сколько и туранской расы. Имя Кушъ встрѣчается на самыхъ древнихъ памятникахъ Египта, но противъ тождества его съ библейскими Кушами можно возразить очень многое, такъ какъ хронологія египтянъ восходитъ къ эпохѣ, гораздо болѣе отдаленной, нежели еврейская.

Древніе египтяне считали себя издревле туземными и первобытными обитателями нильской долины, которая, по мнѣнію ихъ, составляла сердце и средоточіе вселенной. Въ настоящее время уже не подлежитъ сомнѣнію, что они выходцы изъ Азіи: предки египтянъ, проникнувъ въ долину Нила черезъ Суэцкій перешеекъ (а можетъ быть непосредственно моремъ черезъ Коссеиръ, предполагая ихъ изъ Іемена, какъ допускаютъ это Вругшъ, Швейнфуртъ, Видеманъ и Глазеръ), частью смѣшались съ автохтонами той страны, именно черной расой, частью оттѣснили ее къ верховьямъ рѣки.

Маріэттъ полагаетъ, что пришельцы проникли въ нильскую долину, тогда пустынную, уже съ готовой цивилизаціей. Но съ другой стороны ученые натуралисты (напр. Gaillardot) утверждаютъ, что въ концѣ третичной эпохи, предшествовавшей временамъ фараоновъ, долина Нила была покрыта богатой растительностью, чему служитъ доказательствомъ окаменѣлый лѣсъ у Каира; стало быть, она была обитаема, и поэтому нѣтъ причины отвергать существованіе первобытнаго населенія до переселенія кушитовъ. На присутствіе на берегахъ Нила въ Египтѣ первобытной расы негровъ указываютъ также Maspero и Lepsius; Шамполлионъ младшій считаетъ древнихъ египтянъ принадлежащими къ расѣ, совершенно сходной съ Kennous или Барабра, современными обитателями Нубіи, а по мнѣнію Видемана, аборигены Египта были происхожденія родственнаго съ ливійцами; они были покорены пришлымъ народомъ и, обращенные въ рабство, составили со временъ Древняго Царства низшіе классы населенія ¹⁾.

Какъ бы то ни было, не беря на себя разрѣшеніе этой серьезной этнографической проблемы, считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ эпоху, предшествовавшую фараоновской цивилизаціи, по крайней мѣрѣ, въ Верхнемъ Египтѣ происходило большое смѣшеніе племенъ какъ пер-

¹⁾ Изъ новѣйшихъ открытій видно, что въ періодъ каменнаго вѣка въ Египтѣ жили семиты, которые частью были покорены выходцами изъ Азіи, частью же оттѣснены къ Дельтѣ, гдѣ и составили нѣчто въ родѣ очага семитической культуры на берегахъ Нила.

вобитныхъ, такъ равно и прибывавшихъ въ долину Нила кушитовъ, семитовъ и хамитовъ, создававшихъ путемъ обмѣна крови и подбора цѣлый рядъ промежуточныхъ оттѣнковъ расъ, въ которыхъ наиболѣе значительной являлась примѣсь негровъ. При помощи послѣдовательнаго всасыванія и ассимилированія названныхъ народностей могла образоваться указаннымъ путемъ весьма однородная и типичная египетская раса, сохранившая свои отличительныя признаки до нашихъ дней. И дѣйствительно, въ исторіи нельзя найти другого такого устойчиваго и живучаго типа, какъ египетскій. Процессъ, который совершался въ объединенномъ народѣ, вліяніе котораго сдѣлалось въ послѣдствіи очагомъ для египтизаціи и отчасти поглощенія сосѣднихъ народностей, принявшихъ невольное участіе въ послѣдовательной метизаціи для выработки опредѣленной расы, можно сравнить съ тѣмъ, что произойдетъ, если къ жидкостямъ разнаго цвѣта примѣшать яркій окрашивающій составъ. Густая примѣсь передастъ свою окраску всѣмъ веществамъ, которыя придутъ съ нею въ соприкосновеніе.

То же самое произошло и съ древнимъ Египтомъ, населеніе котораго культурно, такъ сказать, переливалось въ сосѣднія африканскія страны и преобразовало ихъ на египетскій ладъ: цивилизація шла не внизъ по Нилу, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи, а скорѣе подымалась вверхъ противъ его теченія.

Скульптурныя изображенія и картины, находящіяся на памятникахъ, даютъ намъ достаточно полное представленіе о наружности древняго египтянина. Послѣдній представляется всегда человѣкомъ высокаго роста, худощавымъ, широкоплечимъ, съ хорошо развитой грудью, мускулистыми руками, худыми ляшками и большой головой (долихоцефалы). Плечи его нѣсколько приподняты, а узкія ступни ногъ плоски къ оконечности, вслѣдствіе привычки ходить безъ обуви. Большіе открытые глаза, низкій, но широкій лобъ, короткій и круглый носъ, курчавые волосы и толстыя губы,—вотъ общія черты, встрѣчающіяся на памятникахъ. Цвѣтъ кожи, повидимому, разнообразился отъ свѣтлоричневаго и почти бѣлаго у высшихъ классовъ населенія, особенно у женщинъ, до темнокоричневаго у остальной массы народа.

Въ нынѣшнихъ потомкахъ народа фараоновъ—феллахъ до сихъ поръ проглядываетъ основной египетскій типъ: они, особенно ихъ женщины, носятъ на себѣ отпечатокъ своихъ предковъ; тотъ же разрѣзъ черныхъ, глубокихъ и блестящихъ глазъ, полуприкрытыхъ длинными рѣсницами, тѣ же дугообразныя брови, тотъ же мясистый носъ, толстыя губы, круглый подбородокъ и гибкій станъ. Другое племя—к о п т ы (которыхъ арабы въ насмѣшку называютъ фараонами,

э'фираунъ)), хотя и выродившіеся подъ вліяніемъ иноземныхъ нашествій и въ значительной степени примѣшавшіе къ основному египетскому типу разнообразныя этнографическія наслоенія, вопреки мнѣнію Шамполліона ¹⁾, все таки, подобно феллахамъ, должны быть разсматриваемы какъ потомки фараоновскаго народа, тѣмъ болѣе, что даже въ ихъ внѣшнемъ обликѣ замѣтны характерныя черты ихъ предковъ, изображенныхъ на памятникахъ. Языкъ ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ отъ древне-египетскаго языка, тѣсная связь котораго, по даннымъ сравнительнаго языкознанія, съ языками семитическимъ и, отчасти, арійскимъ, заставляетъ предполагать близкія отношенія, существовавшія нѣкогда между египтянами и народами индоевропейской и семитической семьи.

Борьба съ наводненіями научила пришельцевъ регулировать теченіе рѣки и справляться съ мѣстными неудобствами: цѣлымъ рядомъ воздвигнутыхъ ими искусственныхъ сооружений они сдѣлали безвредными слишкомъ сильныя разливы Нила и окрѣпшая почва явилась удобной для земледѣльческихъ занятій. Страну они свою называли не Египтомъ, а Кемі (Kimit, у евреевъ Misraim, у ассиріянь Mussur, у арабовъ Misr, у турокъ Misir, у древнихъ персовъ—Мудрайя), т. е. черноземомъ въ отличіе отъ болѣе свѣтлой почвы сосѣдней пустыни.

Необходимыя работы по ирригаціи, вытекавшія изъ физическихъ условій нильской долины, плодородіе которой находилось въ зависимости отъ работъ, оказали на исторію Египта столь рѣшительное вліяніе, что ихъ невозможно игнорировать. Система общественныхъ работъ, регулирующихъ и развивающихъ благотѣльные эффекты наводненій, образуетъ здѣсь стройное цѣлое, объединяющее составныя части необходимой связью и комбинирующіе ихъ отдѣльныя дѣйствія на всемъ протяженіи отъ пороговъ Сіены вплоть до моря. Достаточно одной части работы не быть исполненной, чтобы всѣ остальные части очутились въ опасности. Пусть только одна какая либо провинція вверхъ по теченію рѣки допуститъ свои каналы заполниться иломъ, прекратитъ поддержаніе ихъ въ полной исправности, равновѣсіе окажется поколебленнымъ и для другихъ провинцій, и урожай будетъ испорченъ на громадномъ протяженіи, можетъ быть даже во всей странѣ.

Необходима всюду одинаковая бдительность, необходимо, чтобы въ цѣломъ системы и въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ царствовало одно общее направленіе и чтобы всѣми управляла одинаковая дѣя-

¹⁾ Champollion Figeac «Egypte ancienne», p. 27.

тельная энергія. Ни одинъ народъ не доводилъ до такихъ широкихъ размѣровъ повиновенія царской власти, не возносилъ самаго понятія ея на такую высоту, не признавалъ за ней столь упорно божественныхъ свойствъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что ни одинъ народъ не испытывалъ настолько интенсивно необходимости въ ней всюду, гдѣ дѣло касалось условій матеріальной жизни и производства всего необходимаго для пропитанія. Общественная собственность народа, Ниль, наводнялъ всю землю сразу и одинаково, и раньше, чѣмъ геометры вымѣрили и расцѣпили землю, онъ обратилъ ее въ коллективную собственность. Ирригаціонные каналы, необходимые для земледѣлія, тамъ, гдѣ эксплуатація почвы перешла зону регулярныхъ наводненій, могли быть вырыты и поддерживаемы только множествомъ рабочихъ, трудившихся вмѣстѣ.

Передъ земледѣльцами Нила стояла альтернатива: быть всѣмъ равными или всѣмъ быть рабами одного повелителя, туземнаго или иностранца. Жителями первобытнаго Египта диллема была разрѣшена во второмъ смыслѣ и они всѣ превратились въ рабовъ (?). Понятія эволюціи, прогресса были бы лишены смысла, если бы съ первыхъ своихъ шаговъ на исторической сценѣ человѣчество уже умѣло въ самыхъ трудныхъ условіяхъ разрѣшать проблему добровольной солидарности въ ея наивысшихъ формахъ ¹⁾.

Культурное развитіе Египта, какъ увидимъ ниже, преслѣдуетъ чисто практическія цѣли; высшія задачи и духовное творчество были мало понятны древнему египтянину, который не могъ возвыситься до отвлеченныхъ умствованій, создавая въ границахъ, поставленныхъ его натурой лишь достойныя удивленія величественныя памятники ²⁾.

Здѣсь были на лицо всѣ благопріятнѣйшія условія для быстрого и непрерывнаго роста органически сплоченнаго государства, создаваемаго на берегахъ священной рѣки одинъ изъ крупныхъ очаговъ цивилизаціи, въ которомъ культивировались туземные и пришлые элементы культуры. Первобытное населеніе древнѣйшаго Египта до покоренія его пришельцами, значительно измѣнившими этнографическій типъ туземнаго населенія, по своимъ социальнымъ особенностямъ, представляло нѣкоторые зачатки того порядка вещей, который укоренился среди обитателей историческаго Египта. Огромное многочисленность, относительно кроткіе нравы мирныхъ скотоводовъ, сильно развивающееся чувство стадности, ведущее къ утратѣ воли и въ то же

¹⁾ Metchnikoff, loc. cit., 197—198; Elisée Reclus «Nouvelle Geographie Universelle», v. X; ср. Lenormant, «Histoire ancienne», 117—118.

²⁾ Meyer, «Geschichte des alten Egyptens». 27.

время къ неизбежному исходу—единоличному управленію, отсюда органически воспитанныя въ теченіе многихъ вѣковъ дисциплина и послушаніе народныхъ массъ,—подготовляли крупное политическое завоеваніе и богатую почву для созданія грандіозной цивилизаціи ¹⁾.

Терпѣливо переносилъ египтянинъ жизненную невзгоду, работалъ не складывая рукъ, слѣпо подчинялся своимъ царямъ и строилъ имъ пирамиды. Хотя онъ чуждался иноземцевъ и предпочиталъ жить такъ, какъ жили его предки, однако духъ предприимчивости и жажды новизны бралъ всегда перевѣсъ надъ духомъ упорнаго консерватизма, который въ видѣ понятнаго историческаго противорѣчія могъ отлично уживаться съ прогрессивнымъ стремленіемъ интеллектуальной расы. Египтяне обладали крупными достоинствами, которыя выгодно отличаютъ этотъ народъ отъ остальныхъ исчезнувшихъ націй Востока. Изумительное трудолюбіе, стойкость характера, практической смыслъ, наклонность къ строгой дисциплинѣ, религіозность—эти черты отразились съ лучшей стороны на ихъ цивилизаціи, но они не могутъ быть поставлены на ряду съ другими народами древности, неизмѣримо превосходившими ихъ своими природными дарованіями, а потому и цивилизація эта оказалась не столь плодотворною. По словамъ Эрмана, Египетъ всегда игралъ второстепенную роль во всемірной исторіи и развитіе его духовной жизни ознаменовалось не особенно выдающимися результатами, а потому позволительно предположить, что предки теперешнихъ феллаховъ не слишкомъ много превосходили своихъ потомковъ. Только то, чѣмъ нынѣ отличаются феллахи—неутомимое трудолюбіе и сноровка, способность къ разнообразной области техники—создало величіе этого племени въ отдаленныя эпохи ²⁾.

Никогда не рѣшались египтяне признать что либо отжившимъ въ своемъ языкѣ, письменности, государственныхъ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ: уваженіе къ старинѣ не имѣло у нихъ границъ. Конечно, время брало свое, возникала потребность новыхъ порядковъ, измѣнялись воззрѣнія, вслѣдствіе ли собственнаго опыта или чужеземныхъ вліяній, но допуская какое либо нововведеніе, они тщательно сохраняли и то, что оно призвано было замѣнить.

Этотъ крайній консерватизмъ особенно рѣзко проявлялся въ области религіозныхъ вѣрованій, о которыхъ мы подробно поговоримъ впоследствии при обзорѣ религіи, міеологіи и теологическихъ умозрѣній этого народа и тогда же отмѣтимъ начавшіяся зачатки прогресса въ указанной сферѣ.

¹⁾ Клянгенъ, цит. соч. V, 290.

²⁾ Эрманъ, «Die Pluralbildung im Aegyptischen», 41.

Существуетъ мнѣніе, что жители фараоновскаго Египта представляли изъ себя народъ въ высшей степени серьезный, сосредоточенный и замкнутый, который былъ всегда занятъ мыслью о будущей жизни, придавая земному существованію совершенно ничтожное значеніе и взирая на него, какъ на неизбежное бремя. Однимъ словомъ, проводится нѣчто въ родѣ извѣстной параллели и противоположности жизни земной, плотской и жизни загробной, духовной, изъ коихъ послѣдняя превосходила будто бы первую въ міросозерцаніи народа. Мнѣніе это безусловно ошибочное: древніе египтяне были веселымъ, бодрымъ народомъ, съ необыкновенно живымъ жизнерадостнымъ чувствомъ и наивной вѣрой въ лучшее будущее. Они возсылали богамъ молитвы о сохраненіи жизни и о продолженіи ея „до совершеннѣйшей старости ста десяти лѣтъ“.

Въ связи съ наклонностью къ веселью мы встрѣчаемъ въ народѣ склонность къ веселымъ шуткамъ и островамъ, часто переходящимъ границы приличія. Даже ѣдкия рѣчи и колкости были въ чести среди народа и даже въ молчаливыхъ камерахъ гробницъ слышится говоръ болтливой толпы ¹⁾. Діонъ Александрійскій говоритъ, что свойственныя египтянамъ остроуміе и насмѣшливость доходили въ Александріи до необузданной дерзости; самыя сильныя особы, даже самъ императоръ и люди, осыпавшіе ихъ благодѣяніями, не были избавлены отъ насмѣшекъ и никакая опасность не могла удержать александрийцевъ отъ этой склонности ²⁾.

Къ числу племенныхъ пороковъ египетскаго народа, которые ясно выставляетъ намъ многовѣковая исторія страны фараоновъ, слѣдуетъ отнести жадность къ наживѣ, низкопоклонство передъ высшими и высокомерное чванство передъ низшими, коварство, зависть и сластолюбіе. Національный характеръ египтянъ казался и грекамъ и римлянамъ странной смѣсью противорѣчивыхъ и большею частью непріятныхъ и дурныхъ свойствъ. Ихъ умъ и остроуміе вошли въ поговорку въ римскую эпоху; остроты ихъ славились своею мѣткостью и колкостью, а также и непристойностью; ихъ наглость и надменность, дерзость и безстыдство въ рѣчахъ считались безпримѣрными въ Римѣ. Они были способны на самыя отважныя дѣла и въ то же время терпѣливо переносили рабство. Они были сладострастны и изнѣжены, но съ изумительной твердостью переносили пытку ³⁾.

¹⁾ Бругшъ, цит. соч. 83.

²⁾ Діонъ Александр. 367; ср. Philo leg. ad. 570.

³⁾ Intpp. Martial IV, 42, Plin. paneg. c. 31; Herodian. I, 17; Juv. XV, 45.

Конечно, характеристика, данная египтянамъ классическими писателями, относится къ позднѣйшей эпохѣ, когда Римъ объединилъ подъ своею властью весь извѣстный тогда міръ, переливая въ него элементы греко-римской культуры, но тѣмъ не менѣе основныя черты древне-египетскаго національнаго характера въ общемъ переданы правильно.

Если исключить нѣсколько несущественныхъ чертъ, воспринятыхъ отъ побѣдителей и, такъ сказать, привитыхъ извнѣ, то нравственный обликъ устойчивой расы, въ сущности, является однимъ и тѣмъ же какъ въ эпоху императорскаго Рима, такъ равно и въ отдаленную эпоху пирамидъ.

Сословія. До сравнительно недавняго времени Египетъ приводился обыкновенно наряду съ Индіей, какъ образецъ кастовой организаціи, но теперь, благодаря трудамъ египтологовъ, выяснилось, что свидѣтельства классическихъ писателей и, слѣдовательно, основывавшіяся на нихъ утвержденія старыхъ ученыхъ, относительно существованія въ древнемъ Египтѣ наслѣдственныхъ кастъ, должны быть оставлены, какъ невѣрныя, потому что вовсе не подтверждаются источниками.

Хотя наслѣдственность занятій была общимъ правиломъ въ фараоновскомъ Египтѣ и сынъ наслѣдовалъ часто занятія отца, но обстоятельство это, которое замѣчается въ массѣ другихъ обществъ, никоимъ образомъ не доказываетъ, чтобы наслѣдственность занятій была безусловна и всеобща. Египетскій народъ не былъ строго раздѣленъ на касты и потому послѣднее слово было бы правильнѣе перевести словомъ „корпорация“, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ современныхъ ученыхъ (Амперь).

А если не было кастъ, т. е. безвыходныхъ замкнутыхъ сословій съ наслѣдственностью занятій, съ которыми каста гораздо болѣе имѣетъ связи, чѣмъ съ религіозными вѣрованіями, то значитъ въ народѣ фараоновъ не могъ развиваться и кастовый духъ, доведенный до индійской рѣзкости.

Въ египетскомъ обществѣ могли, конечно, образоваться семейства и отдѣльные роды, которые становились носителями опредѣленныхъ и наслѣдственныхъ призваній, но о замкнутости послѣднихъ не можетъ быть и рѣчи.

Единственная каста, о существованіи которой въ Египтѣ дѣйствительно можно говорить, была каста жрецовъ, однако и ея полное образованіе, какъ увидимъ ниже, должно быть отнесено лишь къ позднѣйшему періоду египетской исторіи.

1. Жрецы. Въ Египтѣ, какъ въ большей части первобытныхъ государствъ, характеристической чертой общественнаго быта было преобладаніе жрецовъ, каста которыхъ, достигшая большого значенія въ эпоху Рамессидовъ, считалась почетнѣйшей и своимъ преобладающимъ вліяніемъ господствовала надъ остальными сословіями.

Занимая высшія должности по всеѣмъ отраслямъ управленія и составляя въ государствѣ нѣчто въ родѣ привилегированной знати, преслѣдующей свои кастовыя интересы, жрецы были поставлены въ такія условія, что независимо отъ настоящаго своего призванія, имѣли возможность вліять на весь строй государственной жизни и даже давать послѣдней извѣстное направленіе.

Совершенная независимость положенія ихъ сословія обезпечивалась и тѣмъ, что послѣднее владѣло особыми участками земли, освобожденными отъ налоговъ и податей и составлявшими около трети плодороднаго пространства Египта.

Дабы закрѣпить за собой эту собственность и сдѣлать ее ненарушимой, жрецы выставляли ее подаркомъ богини Изиды (см. Религія), которая во время своего пребыванія на землѣ назначила имъ третью часть государства. Здѣсь мы встрѣчаемся съ первымъ во всемирной исторіи теоретическимъ оправданіемъ притязаній духовенства, только послѣднее ссылается на египетскую богиню, тогда какъ ревностный поборникъ „божескаго царства“, папа Григорій VII основываетъ свои притязанія на мнимомъ „дарѣ Константина“, будто бы подарившаго западную римскую имперію папѣ Сильвестру I-му.

Въ обоихъ случаяхъ истинная подкладка событій мало чѣмъ разнится одна отъ другой.

Въ большинствѣ случаевъ названные земельные участки были отдаваемы въ аренду частнымъ лицамъ, а получаемый съ нихъ доходъ шелъ въ пользу какъ того храма, отъ котораго зависѣли земли, такъ равно и на содержаніе жрецовъ.

По словамъ греческихъ писателей, служители боговъ ничего не тратили изъ собственныхъ имѣній, такъ какъ каждый изъ нихъ получалъ свою порцію пици и напитковъ.

Главою жреческаго сословія являлся первосвященникъ (нѣчто вродѣ патріарха)—важнѣйшее лицо въ государствѣ послѣ царя.

Служители культа распались на нѣсколько категорій, болѣе или менѣе почетныхъ, смотря по божествамъ, которымъ они служили и по роду занятій. Но далеко не всѣ изъ нихъ совершали богослуженіе: однимъ поручались только заботы о предварительныхъ приготовленіяхъ къ жертвоприношенію, другіе завѣдывали музыкой при

различныхъ религіозныхъ празднествахъ и церемоніяхъ, третьи выполняли низшія обязанности: носили во время священныхъ процессій статуи боговъ, заботились о чистотѣ жертвенныхъ сосудовъ и т. п.

Сверхъ того, для жрецовъ, какъ для главныхъ посредниковъ между небомъ и землей, существовало нѣсколько степеней посвященія въ тайны религіи и каждый служитель бога могъ проходить ихъ не иначе, какъ одну за другой.

Какъ только что указано, значеніе жрецовъ зависѣло отъ той категоріи, къ какой они принадлежали, но достигшихъ высшей степени посвященія всегда было очень немного. Въ эти же религіозныя тайны посвящались вступившіе на престолъ цари и кромѣ послѣднихъ не могли быть открыты ни одному лицу другого сословія. Только въ позднѣйшее время отъ этого правила стали дѣлаться отступленія, но и тогда свѣтскіе люди допускались лишь къ низшимъ степенямъ посвященія.

Что касается этого тайнаго ученія, приписываемаго жрецамъ, то многіе ученые сомнѣваются даже въ его существованіи, а если бы оно и было на самомъ дѣлѣ, то мы не можемъ судить о немъ и вынуждены отыскивать его слѣды въ различныхъ болѣе или менѣе отрывочныхъ текстахъ, что, въ свою очередь, представляетъ крайне неблагоприятную задачу, такъ какъ египетскіе религіозные тексты вообще нелегко поддаются пониманію.

Смысль многихъ изъ нихъ, по всей вѣроятности, умышленно до такой степени затемненъ, что лишь комментаріи позднѣйшаго времени проливаютъ на нихъ нѣкоторый свѣтъ и хоть нѣсколько помогаютъ разобратъся въ мистическихъ надписяхъ, предназначенныхъ для выраженія тайнъ религіи.

Должности свои жрецы передавали обыкновенно по наслѣдству и одинъ изъ сыновей являлся преемникомъ своего отца, прочія сыновья примыкали къ числу соискателей теплыхъ жреческихъ мѣстъ, хотя принципиально, особенно въ раннія эпохи египетской исторіи, никто не могъ быть лишенъ права домогаться такого мѣста и кормиться отъ народнаго благочестія.

Если представить себѣ всѣ эти отношенія, то становится понятнымъ, что, несмотря на кажущуюся равноправность кандидатовъ, кастовый характеръ жречества, всегда сильнаго и вліятельнаго, постепенно прокладываетъ себѣ путь къ полнѣйшей обособленности и замкнутости отъ остальныхъ классовъ населенія. Точно также оказывается, что наряду съ жрецами, пользовавшимися постоянными дохо-

дами, всегда существовало громадное число такихъ служителей боговъ, которые не имѣли опредѣленной и постоянной кліенты.

При наличности указанныхъ отношеній, имъ чрезвычайно полезны были различныя практическія знанія, въ особенности искусства письма и зодчества. Въ самомъ дѣлѣ, можно полагать, что проекты и рисунки зданій, служившихъ преимущественно религіознымъ цѣлямъ, какъ то храмовъ, усыпальницъ, пирамидъ и проч., равно какъ и скульптурныя украшенія и живопись на нихъ принадлежали жрецамъ, которые одни обладали необходимыми для того познаніями.

То же самое можно сказать о научной дѣятельности служителей египетскихъ боговъ.

Для занятія такими искусствами и науками ни одно сословіе страны фараоновъ не располагало въ такой мѣрѣ досугомъ, какъ вполнѣ обезпеченное жречество, которое, какъ сказано, позднѣе образуетъ здѣсь уже совершенно замкнутую касту съ исключительной привилегіей служенія культу ¹⁾.

Постепенно скоплялись въ ея рукахъ огромныя богатства, тѣмъ болѣе, какъ мы уже знаемъ, во владѣніи жреческой корпораціи находилась большая часть недвижимостей, за которыя не уплачивалось никакихъ налоговъ.

Ниже будетъ выяснено, что на долю боговъ выпадала значительная часть военной добычи и контрибуціи, наложенной на побѣжденнаго врага, не говоря уже про массы плѣнныхъ, обращавшихся въ рабство и предназначавшихся для занятій при храмахъ и для обработки священныхъ земель.

Оиванскому богу Амону (см. Религія) принадлежало въ одной столицѣ около сотни домовъ съ садами, а въ остальномъ Египтѣ,— обширныя полевые угодія, лѣса, звѣринныя и рыбныя ловли. Масса сокровищъ выманивалось жрецами и на остальные храмы, которыхъ настроили безъ счету по всей странѣ для столь же безчисленныхъ боговъ.

Нечего и прибавлять, что управленіе этими многочисленными имѣніями, составлявшими настоящее государство въ государствѣ, находилось всецѣло въ рукахъ служителей того или другого божества, которые, прикрываясь его именемъ и не будучи отнюдь свободными отъ

¹⁾ Херемонъ, стоякъ у Порфирія говорить, что уваженіе, оказываемое египетскимъ жрецамъ, основывалось на томъ, что, отказавшись отъ всякаго земного труда, они посвятили свою жизнь созерцанію и познанію божества. Ихъ походка медленна, ихъ видъ серьезенъ; они никогда не смѣются, снисходя лишь иногда до улыбки. См. *Fragm. Hist. Graec.* изд. Didot, III, 491—498 и Буассе «*Religion romaine*», т. I, 357.

духа любостязанія, управляли этими имѣніями по произволу и наби-вали свою и безъ того толстую мошну, что называется, за милую душу.

Духовная власть, отдѣлившись отъ свѣтской, въ большинствѣ случаевъ, превращается въ ея злѣйшаго врага и лишь въ видѣ исключе-нія, и то при особыхъ, благопріятно сложившихся историческихъ обстоя-тельствахъ между обѣими властями можетъ установится извѣстная со-лидарность „трона и алтаря“.

Это вѣрно теперь и еще болѣе было вѣрно двѣ тысячи лѣтъ на-задъ, когда, начиная съ эпохи XI-й династіи, египетскіе жрецы на-чинаютъ мало по малу вырывать у фараоновъ прерогативы духовной власти послѣднихъ, а къ концу эпохи Рамессидовъ они вполнѣ за-брали въ свои цѣпкія руки то, чего лишена была власть свѣтская, — повиновенія „не за страхъ, но и за совѣсть“.

Преслѣдуя свои кастовые интересы, отлично умѣя скрывать волчьи мысли подъ овечьими шкурами и фабрикуя для массы елейно-археологическіе идеалы, жрецы искренно презирали свой народъ и находили выгоднымъ держать его въ постоянной слѣпотѣ, укрѣпляя всѣми спо-собами цѣпи невѣжества и безотвѣтнаго слѣпотаго поклоненія измучен-ныхъ и приниженныхъ классовъ, тяжелую участь которыхъ отказы-валось понимать ихъ зачерствѣлое, постное сердце...

Каждый разъ, когда заносилось въ страну какое нибудь вѣрова-ніе и механически примыкало къ старому, всегда находились такіе жрецы, которые съ радостью открывали ему двери, потому что это усиленно содѣйствовало ихъ престижу, ихъ славѣ и укрѣпляло ихъ власть надъ суевѣрнымъ и, въ позднѣйшую эпоху, нравственно раз-вѣнчаннымъ народомъ.

Какъ уже было упомянуто, жрецы занимали большинство выс-шихъ государственныхъ должностей и въ то же время являлись почти исключительными носителями высшихъ знаній: не слагая съ себя ду-ховнаго сана и сопряженныхъ съ этимъ саномъ религіозныхъ функ-цій, они могли быть судьями, врачами, архитекторами, начальниками провинцій и полководцами. Такимъ образомъ жреческія должности, по крайней мѣрѣ, первоначально вовсе не имѣли исключительности, а часто соединяясь одни съ другими, такъ что одно и то же лицо могло носить титулъ жреческій, военный и гражданскій ¹⁾.

Представители египетскаго духовенства жили въ зданіяхъ, при-надлежащихъ къ храмамъ тѣхъ божествъ, которымъ они служили и,

¹⁾ Fr. Lenorman «Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres Mediques». I vol. p. 149.

по свидѣтельству греческихъ писателей, должны были соблюдать обязанности, предписанныя членамъ ихъ сословія. Законъ требовалъ, чтобы они брили возможно чаще волосы на всемъ тѣлѣ, а голову и брови черезъ каждыя два дня, далѣе жрецамъ вмѣнялось въ неуклонное исполненіе купаться дважды въ день и дважды въ ночь, почему при каждомъ храмѣ, вблизи котораго они жили, неизбѣжно находился прудъ. Имъ воспрещалось употреблять въ пищу рыбу и свинину, а равно не дозволялось и многоженство, которое, какъ кажется, было распространено среди высшихъ классовъ.

Въ опредѣленные дни жрецы обязаны были поститься, при чемъ постъ соблюдался самый строгій. Они не имѣли права носить шерстяныхъ издѣлій, а должны были довольствоваться холщевымъ халатомъ и легкими сандалями изъ папируса. Последнее запрещеніе вызывалось тѣмъ, что служители культа обязаны были соблюдать важнѣйшую внѣшнюю добродѣтель—опрятность. То же самое значеніе имѣло и бритье волосъ. На египетскихъ картинныхъ изображеніяхъ всегда можно узнать жреца по бритому теменю и лицу.

Объ ихъ одѣянιάхъ при богослуженіи будетъ сказано ниже.

Стремленіе къ внѣшней чистотѣ и опрятности составляло одну изъ характерныхъ чертъ египетскаго жречества: животныя, обреченныя на закланіе, осматривались жрецами не столько для того, чтобы узнать, здоровы ли они, сколько для того, чтобы по внѣшнимъ признакамъ судить о ихъ чистотѣ, т. е. обращалось вниманіе на одну обрядовую сторону.

Вездѣ, гдѣ народъ не успѣлъ еще освободиться отъ наложенныхъ на него оковъ, духовенство распространяло свои предписанія далеко за предѣлы священныхъ предметовъ на всевозможныя мірскія отношенія, устанавливая законы для образа жизни, пищи, опрятности и наблюдая за ихъ исполненіемъ.

Въ древнемъ Египтѣ мы находимъ цѣлый рядъ такихъ постановленій, которыя изъ страны фараоновъ перешли къ евреямъ и частью исполняются ими до сихъ поръ; такъ, напримѣръ, обычай обрѣзанія несомнѣнно египетскаго происхожденія и былъ усвоенъ евреями въ видѣ подражанія ¹⁾).

Можно думать, что обрѣзаніе, какъ древнѣйшій халдейскій обычай, существовавшій задолго до ухода Авраама изъ Ура, было заимствовано евреями изъ Месопотаміи, а не изъ страны фараоновъ. Положительно этого вопроса мы здѣсь не рѣшаемъ за отсутствіемъ данныхъ.

¹⁾ Фр. Кольбъ «Исторія человѣческой культуры», т. I, стр. 95.

Такое громадное вліяніе духовенства въ Египтѣ объясняется тѣмъ, что это было самое образованное изъ всѣхъ сословій страны, тѣсно сплоченное, объединенное однимъ и тѣмъ же корпоративнымъ духомъ и являвшееся главнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ богами, на алтари которыхъ религиозный египетскій народъ несъ большую часть своего матеріальнаго и духовнаго богатства.

Служители боговъ имѣли особыя богословскія школы или коллегии; въ которыхъ самыя знаменитыя находились въ Фивахъ, Мемфисѣ и Геліополисѣ (Ану).

2. Воины. Слѣдующимъ по значенію представляется сословіе воиновъ, пользовавшееся въ древнемъ Египтѣ большимъ уваженіемъ, чѣмъ имѣеть названный классъ въ клерикальныхъ государствахъ, такъ какъ богатая и цвѣтущая лента нильскаго оазиса, будучи окружена полудикими воинственными племенами, представляла для послѣднихъ сильную приманку.

Военное сословіе зависѣло исключительно отъ царя и тѣмъ самымъ давало ему силу, безъ которой онъ сдѣлался бы простымъ орудіемъ въ рукахъ вліятельнаго и неуязвимаго жречества. Первоначально въ Египтѣ не было постоянной арміи и ее замѣняло народное ополченіе, созываемое въ минуту опасности, когда государству грозило иноземное нашествіе, но уже начиная съ эпохи VI-й династїи мы можемъ отмѣтить появленіе регулярныхъ войскъ, развитіе которыхъ и въ позднѣйшее время шло въ ногу съ развитіемъ ополченскихъ дружинъ, составлявшихъ родъ мѣстныхъ войскъ данной области.

По мѣрѣ того, какъ страна фараоновъ выходила изъ политическаго ничтожества, объединяясь этнографически и территоріально и постепенно устраняя элементы междуусобія и раздѣленія, которые бродили еще въ неокрѣпшемъ организмѣ государства, національное постоянное войско начинаетъ проявлять свою живую мощь, являясь однимъ изъ важнѣйшихъ ферментовъ въ только что отлившемся государственномъ тѣлѣ Египта.

Законъ, пытаясь приспособить государственную организацію къ условіямъ натурального хозяйства, перенесъ на одну часть населенія воинскую повинность, какъ привилегію и соединилъ съ нею надѣлъ землю, который, какъ и военное званіе, переходилъ по наследству. Законодатель, очевидно, имѣлъ въ виду помощью указанной мѣры и матеріальными выгодами, ею доставляемыми, привязать военное сословіе къ государству и, создавая такимъ образомъ націо-

нальную армию, не имѣть надобности прибѣгать къ наемникамъ, а съ другой стороны считалъ цѣлесообразнымъ ввѣрить охраненіе государства людямъ, владѣющимъ недвижимой собственностью, къ защитѣ которой они должны были прилагать всѣ усилія.

Вотъ какимъ образомъ сословіе египетскихъ воиновъ сдѣлалось владѣльцами поземельной собственности, — преимущество, раздѣляемое имъ съ царями и духовенствомъ. Для нихъ, слѣдовательно, воинская повинность не была несчастной случайностью, какъ для рекрутъ, поставляемыхъ низшими классами населенія, а являлась выполненіемъ наслѣдственной повинности.

Во владѣніи военнаго сословія находились, какъ сказано, пожалованныя ему ленныя помѣстья, приблизительно въ три съ половиной гектара каждое (гектаръ = 0,91533 русской десятины) или, по Геродоту, двѣнадцать аруровъ, которые были освобождены отъ всякаго рода налоговъ и передавались по наслѣдству по прямой или боковой линіи, подъ условіемъ поголовной личной службы въ строю, причемъ всѣ собственники поземельнаго имущества вносились въ особые списки, хранившіеся у военнаго начальника нома (области).

Въ мирное время лишь небольшая часть сословія воиновъ призывалась на службу отчасти въ гвардію фараона, а главнымъ образомъ въ пограничныя мѣстности Оиваиды и Дельты, гдѣ лежали отведенныя имъ земли, но въ случаѣ войны они выступали поголовно всѣ, исключая тѣхъ изъ нихъ, которые могли сослаться на старость, болѣзни и т. п. причины, освобождающія отъ строевой службы, да и тутъ отецъ слишкомъ старый, чтобы служить самому, замѣнялся сыномъ, а за неимѣніемъ его ближайшимъ родственникомъ.

Призывъ на службу этихъ людей производился всегда очень быстро, потому, что исправность и быстрота были тутъ обусловлены если не храбростью и не сознаниемъ долга, то во всякомъ случаѣ личнымъ интересомъ: всякій, кто не явился бы тотчасъ по первому призыву, былъ бы лишенъ помѣстья, а семья его ввергнута въ нищету ¹⁾.

Такимъ образомъ земельное имущество военнаго сословія нельзя безусловно разсматривать какъ аллодіальную собственность, которой онъ могъ распоряжаться по произволу; скорѣе это была собственность бенефициальная, т. е. такое поземельное имущество, которое въ сущности находится только въ пользованіи владѣльца, хотя бы и не въ срочномъ.

¹⁾ Maspero «Lectures historiques», 1900, 64.

Въ концѣ концовъ, закрѣпленная обычаемъ привилегія принимаетъ характеръ безусловной наслѣдственности: какъ и у насъ на Руси, „помѣстья“ и „вотчины“ мало по малу стали здѣсь синонимами, хотя государство не отказывалось отъ своего „*retrait féodal*“, а разъ даже и практически напомнило о срочности жалуемыхъ земель, когда фараонъ Псаметихъ I (XXVI династія) отказался возвратить военному сословію земельныя владѣнія, конфискованныя эѳіоплянами.

Къ несчастію для страны, нервъ военнаго могущества Египта былъ въ это время уже прорванъ и національное войско начало исчезать подъ наплывомъ наемниковъ. Оскорбленное предпочтеніемъ послѣднихъ фараонами и лишенное земельной собственности сословіе воиновъ, въ количествѣ двухсотъ тысячъ, удалились изъ Египта для основанія поселеній по ту сторону водопадовъ (см. исторію Египта въ Саисскій періодъ).

Возможность такого массоваго выселенія служить доказательствомъ исключительнаго положенія военной корпораціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ эта катастрофа является поворотной точкой для исторіи Египта ¹⁾, хотя, быть можетъ, явленіе это, до извѣстной степени, было неизбежное: могущество войска и могущество народа должны развиваться совмѣстно и другъ черезъ друга, во всѣхъ отношеніяхъ равномѣрно.

А разъ къ концу египетской исторіи было порвано съ національными традиціями и греко-карійскіе наемники сдѣлались скорѣе орудіемъ царей, чѣмъ защитниками народа, то существованіе національной египетской арміи, какъ особой корпораціи, сложившейся долгимъ историческимъ путемъ, при наличности указанныхъ условій, было бы анахронизмомъ.

О военномъ искусствѣ египтянъ мы будемъ говорить впоследствии, а пока замѣтимъ здѣсь, что нація эта менѣе всего отличалась воинственностью. Страна ихъ была не обширна, но матеріальными своими богатствами могла вполне удовлетворить потребностямъ ея обитателей; съ сѣвера и востока ограждало ее море, съ запада—песчаная степь. Конечно, были у египтянъ не совсѣмъ пріятныя сосѣди, но находились они въ такомъ варварскомъ состояніи, что серьезной опасности съ ихъ стороны не представлялось.

Еще Діодоръ совершенно основательно видѣлъ въ этомъ счастливымъ стеченіи обстоятельствъ главную причину того, что подданные фараоновъ въ теченіе долгаго ряда столѣтій не имѣли поводовъ слишкомъ прославиться своимъ оружіемъ. Быть можетъ военная до-

¹⁾ М. Іенсъ «Военное дѣло и народная жизнь», 1898, II, 35.

блесть не лежала въ самой природѣ египтянъ и если когда нибудь они и проявляли ее, то въ большинствѣ случаевъ не иначе, какъ при содѣйствіи значительнаго числа чужеземцевъ.

Не отличаясь воинственностью, подданные фараоновъ, естественно, не любили военной службы, а египетскіе писатели, какъ увидимъ ниже, находили въ бѣдствіяхъ солдатской жизни неисчерпаемый источникъ для сатиры.

Они изображали война еле живымъ отъ голода и жажды, оборванцемъ, переносящимъ побои за малѣйшую оплошность, который избѣгаетъ смерти отъ стрѣлы врага только для того, чтобы погибнуть отъ утомленія въ походахъ, и этой нелестной картинѣ противопоставляли безпечальную жизнь „писаря“ (подъячаго, чиновника), протекавшую спокойно среди изобилія и почета.

Не зная, насколько нарисованная египетскими книжниками картина соотвѣтствовала дѣйствительности, трудно, конечно, выводить заключеніе о положеніи военнаго класса въ древнемъ Египтѣ, но, что сословіе воиновъ, по характеру своей службы, оказывая самое рѣшительное вліяніе на развитіе могущества государства, находилось въ то же время въ подчиненномъ положеніи относительно гражданскихъ властей и что при подобномъ положеніи дѣль ему жилось, дѣйствительно, не легко—это говоримъ утвердительно.

Въ странѣ фараоновъ образовалось гораздо болѣе гибельное несоотвѣтствіе между общественнымъ положеніемъ классовъ, чѣмъ въ остальныхъ государствахъ древняго Востока, и въ особенности, въ позднѣйшій періодъ исторіи Египта, была больна армія. Очевидно для Египта наступали инныя времена—времена глубокаго упадка.

Обезсиленная четырьмя вѣками непрерывныхъ войнъ, страна потеряла способность къ мало мальски серьезному сопротивленію, а населеніе, уменьшенное военными наборами, не обладало уже энергіей прежнихъ лѣтъ. Подъ наплывомъ греческихъ и карійскихъ наемниковъ быстрыми шагами шло разложеніе національной египетской арміи, разложеніе, закончившееся грандіозной эмиграціей въ Эіопію и подготовившее окончательное паденіе монархіи фараоновъ.

Эта массовая эмиграція въ тотъ моментъ, когда истощенная страна наиболѣе нуждалась въ сохраненіи своихъ силъ, пагубно отразилась какъ на внутреннемъ благосостояніи египетскаго государства, такъ и на внѣшней его политикѣ, которая не могла уже задаваться преслѣдованіемъ намѣченныхъ ею обширныхъ цѣлей.

Въ ту минуту, когда персидскія полчища наводнили Египетъ, страна не могла защищаться и было достаточно одного Пелузійскаго

погрома, чтобы сдѣлать Камбиза обладателемъ всей нильской долины, жизненная сила которой была уже почти исчерпана и Египетъ съ указанной эпохи, можно сказать, не принадлежалъ болѣе самъ себѣ.

Подраздѣленіе военнаго сословія на гермоевлянъ и каласиріянъ (каласирись—передникъ изъ прозрачной матеріи, имѣвшій форму короткой юбки, спускавшейся складками, см. Одежда), какъ кажется было родовое или мѣстное, во всякомъ случаѣ оба указанныхъ подраздѣленія составляли лишь разновидности одного и того же сословія, до сихъ поръ еще не выясненнаго.

Если вѣрить греческимъ писателямъ, то гермоевяне занимали номы (области) Саисъ, Бузирись, Пампремись, островъ Просопитесь и проч., а каласиріяне—Бубастъ, Танись, Мендесъ, Атрибись, Себеннитъ и нѣк. друг.

Общая численность регулярныхъ войскъ Египта можно принять въ сто тысячъ, но въ дѣйствующей арміи число ихъ не доходило и до половины указанной цифры. О вспомогательныхъ войскахъ, которыя упоминаются еще во времена Древняго Царства, мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Итакъ, благодаря земельнымъ надѣламъ, воины пріобрѣтали въ странѣ положеніе нѣчто въ родѣ феодальнаго дворянства, иначе говоря, это былъ порядокъ лагеря, перенесенный на общественныя отношенія. Непрерывныя войны и постоянныя опасности нападеній извнѣ, возмущеній внутри страны, рано или поздно должны были вызвать особый военный классъ. Но, конечно, по условіямъ своей экономической жизни послѣдній не могъ быть постоянно подъ оружіемъ, жить непрерывной лагерной жизнью и потому, какъ сказано выше, въ мирное время только часть войскъ призывалась на службу, главнымъ образомъ, въ пограничныя мѣстности и отчасти въ составъ гарнизоновъ городовъ и крѣпостей.

Жалованіе воинамъ полагалось только тогда, когда они попадали на службу въ царскую гвардію и въ этомъ случаѣ каждый изъ нихъ ежедневно получалъ опредѣленную порцію хлѣба, мяса и вина.

Владѣя надѣлами и обрабатывая ихъ руками слугъ и рабовъ или отдавая земельныя участки въ аренду, воины кормились отъ земледѣлія, скотоводства, охоты и рыбной ловли и, естественно, скорѣе тяготѣли къ своей кормилицѣ-землѣ, чѣмъ къ крѣпости или лагерю, куда ихъ призывали съ соблюденіемъ извѣстной очереди.

Эти „сборы“ бывали подчасъ очень тягостны для зажирѣвшаго дворянства, попавшаго въ марсово колесо и осужденнаго нести строевую службу, которую такъ нелестно изображали египетскіе писатели.

Независимо отъ военнаго сословія, занимавшаго въ арміи большую часть офицерскихъ мѣстъ, въ странѣ находились и такія войска, которыя поставлялись низшими классами населенія.

Участь такихъ рекрутъ была значительно тяжелѣе участи привилегированнаго военнаго класса, для котораго, какъ указано, строевая служба являлась выполненіемъ наслѣдственной обязанности.

Попадая въ армію, рекруты эти уводились въ далекія страны Сиріи и Эѳіопіи и почти никогда не возвращались къ своему очагу.

Мы еще вернемся къ нимъ, когда у насъ будетъ рѣчь о комплектованіи и внутреннемъ устройствѣ египетскихъ войскъ.

Съ воцареніемъ XVIII-ой династіи военный классъ получилъ такое значеніе, какого никогда не имѣлъ ни прежде, ни послѣ и фараоны, опираясь на многочисленную вооруженную силу, могли выступить на путь иноземныхъ завоеваній.

3. Народъ. Изъ всего того, что намъ передаютъ памятники, изображенія, остатки надписей, все древне-египетское населеніе можетъ быть раздѣлено на двѣ половины: классъ господствующій, повелѣвающій и классъ подчиненный, классъ паріевъ; эти два класса противопоставляютъ другъ другу, какъ благородные господа и какъ простой народъ.

Послѣдній нигдѣ не выступаетъ на болѣе свѣтломъ фонѣ, являясь вездѣ только простымъ орудіемъ въ рукахъ знатныхъ и богатыхъ; его презираютъ—и онъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что въ потѣ лица своего и въ грязи своей тяжелой работы добывать себѣ свое скудное пропитаніе; съ дѣтства до смерти влачить онъ свое убогое, беспросвѣтное существованіе, находясь вѣчно подъ угрозою палки и крика начальника ¹⁾.

Народный классъ, заключавшій въ себѣ всю массу трудящагося люда, податнаго и подчиненнаго слоя населенія, въ глазахъ привилегированныхъ сословій являлся ни болѣе ни менѣе какъ „вонючей толпой“, предназначенной служить въ качествѣ рабочей силы и обязанной трудиться съ утра до вечера ради насущнаго хлѣба.

Къ этимъ низшимъ слоямъ принадлежало торговое сословіе и весь трудящійся классъ, начиная отъ земледѣльцевъ,—самаго почетнаго въ странѣ рабочаго сословія до пастуховъ, ремесло которыхъ считалось самымъ низкимъ; особеннымъ презрѣніемъ награждался трудъ свинопасовъ, которымъ запрещался не только доступъ въ храмы, но и всякое смѣшеніе съ другими классами.

¹⁾ Brugsche «Die Aegyptologie» 1891, 77, 80.

Земледѣльческое населеніе не имѣло собственныхъ полей, такъ какъ согласно закону, владѣніе полевыми угодьями всецѣло принадлежало царю и высшимъ классамъ; попадались, конечно, мелкіе собственники, хозяйничавшіе въ своихъ благопріобрѣтенныхъ участкахъ, но, во-первыхъ процентъ таковыхъ былъ самый ничтожный, а во-вторыхъ, эти собственники покупали только собственно право на пользование землею, которая и практически и принципиально принадлежала фараону и имущимъ классамъ.

По указаннымъ причинамъ положеніе земледѣльческаго класса было весьма печальное, похожее на положеніе нынѣшнихъ феллаховъ, которые не имѣютъ собственности, но обрабатываютъ землю въ Египтѣ въ пользу властителя. Уже одно то, что земледѣльцы не имѣли собственной земли, а жили въ качествѣ арендаторовъ на чужихъ земляхъ—уже одно это дѣлало ихъ людьми полусвободными, находившимися въ зависимости отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которымъ они обязаны были уплачивать весьма значительный оброкъ за обрабатываемую землю и исполнять разнаго рода повинности; къ тому же земледѣльцы въ древнемъ Египтѣ не пользовались правомъ свободного перехода, будучи прикрѣплены къ своимъ аренднымъ участкамъ и оставаясь такимъ образомъ вѣчными арендаторами—колонами.

Кромѣ того они были отягощены множествомъ всякаго рода государственныхъ податей и налоговъ, высасывать которыя отлично умѣли доморощенные финансисты, постигшіе немудреное дѣло прямого обирания народа. Изъ 4.321.000 гектаровъ удобной земли въ древнемъ Египтѣ, фараонъ занималъ 1.848.000, жрецы—1.440.000, а военный классъ—1.033.000 гектаровъ ¹⁾).

Народная масса, тупая, загнанная и невѣжественная, не пользовалась никакими правами и будучи „въ дурномъ запахѣ“ осуждена была стать жертвой множества піявоковъ, высасывавшихъ ея неистощимую кровь.

Понятно, что одно только хорошо зналъ „каналья“,—свою гражданскую добродѣтель—послушаніе. Онъ самъ думалъ также, какъ его воспитатели: идеаль, созданный не имъ, сложился въ его душѣ въ видѣ одного изъ предвѣчныхъ законовъ, которымъ повинуется движеніе вселенной.

---

¹⁾ Moreau de Jonnes «Statistique des peuples de l'Antiquité», v. I, p. 32. Въ Египтѣ попадались также и фригольдеры (свободные землевладѣльцы), пріобрѣтавшіе земли покупкой, но ихъ было немного, да и выходили то они, главнымъ образомъ, изъ служилой знати.

Простолюдинъ такъ свыкъся со своей судьбой, что ему и въ голову не приходило роптать на свою злосчастную долю, мало того, страдая подъ ударами своихъ притѣснителей и изнемогая подъ тяжестью, настоящей „египетской“ работой, онъ умѣлъ сохранять бодрость духа и беззаботную веселость.

Если членъ рабочаго сословія въ древнемъ Египтѣ—этомъ классическомъ мѣстѣ самой беспощадной и безжалостной расточительности народнаго труда и народной жизни, пренебрегалъ работой, его безъ всякихъ церемоній колотили палками, при чемъ количество ударовъ строго регламентировалось закономъ (см. Юстиція).

„Человѣку дана спина для того, чтобы ее бить“—высказывали свое убѣжденіе мудрецы фараоновскаго Египта, рекомендуя палку, какъ самое дѣйствительное средство держать въ уздѣ подчиненныхъ.

Употребленіе дубинки получило широкое распространеніе среди населенія, при чемъ сфера ея дѣйствій не ограничивалась одними податными сословіями, но затрагивала собой и высшіе классы, начиная съ перваго министра фараона и кончая послѣднимъ изъ его рабовъ.

Было бы явленіемъ вполне достойнымъ эпитафіи, которая передала бы его на удивленіе грядущихъ поколѣній—говорить Maspero—если бы кто даже изъ благородныхъ прожилъ свой вѣкъ „не будучи ни разу битъ палкой передъ судьей“ ¹⁾. Только дубинка, значить, объединяла до извѣстной степени египетскій народъ, такъ какъ въ всѣхъ другихъ отношеніяхъ между высшими сословіями и низшими была непроходимая пропасть, которая рѣзко раздѣляла населеніе на двѣ части: одни командуютъ, другіе рабски повинуются.

Рабочія силы всего народа находились въ безусловномъ распоряженіи малой части его,—вотъ что давало возможность воздвигать тѣ громадныя сооруженія, которыя свидѣтельствуютъ о порядкѣ вещей, гдѣ умѣнье и искусство обращались во вредъ тѣмъ, кому должны были бы приносить пользу.

Не слѣдуетъ думать, что жители Египта благоденствовали подъ властью фараоновъ. Они страдали подъ ударами своихъ притѣснителей и первымъ средствомъ взиманія податей съ крестьянъ была палка. Пусть только взглянуть на гигантскія массы пирамидъ; онѣ рассказываютъ внушительнѣе, чѣмъ живая рѣчь и написанное слово о слезахъ и страданіяхъ цѣлаго народа обреченнаго создавать для вѣчности памятники тщеславія фараоновъ ²⁾.

¹⁾ Maspero «Or. de L'Ég.» 338.

²⁾ Вругшъ, loc. cit. 87.

Въ общемъ, конечно, это справедливо, но съ другой стороны нельзя не признать, что нѣкоторые ученые слишкомъ увлекаются, приписывая народу такое участіе въ грандіозныхъ предпріятіяхъ египетскихъ правителей, какое было ему совершенно несвойственно: не слѣдуетъ забывать, что все великое создается только единодушнымъ напряженіемъ силъ всѣхъ классовъ общества, а потому, объяснять успѣхъ построекъ величественныхъ сооружений одной суровой тираніей фараоновъ, по меньшей мѣрѣ, бездоказательно.

Со всѣмъ тѣмъ угнетенное положеніе простолюдина въ древнемъ Египтѣ не подлежитъ сомнѣнію; въ послѣдствіе при разсмотрѣніи экономическаго положенія египетскаго рабочаго мы укажемъ на характеръ его труда, а равно и на тѣ общественныя условія, среди которыхъ находился жалкій пролетарій-рабочій, осужденный на сѣрую, безцвѣтную жизнь. Всякій, кто имѣлъ хоть какія нибудь права въ монархіи фараоновъ, такъ или иначе возвышался надъ народной массой, могъ безнаказанно показать свою власть надъ беззащитнымъ простолюдиномъ и попріжать его тѣмъ или другимъ способомъ.

„Ничто не мѣшало,—говоритъ Масперо,—развращенному князю или чиновнику разорять и угнетать по своему произволу народъ, которымъ онъ управлялъ. Достаточно было одного приказа, и барщина обрушивалась на собственность любого селенья: у поселянъ отнимали рабовъ, земли ихъ оставались невоздѣланными...“¹⁾ . Насколько эти кулаки раболѣпствовали наверху, настолько же кичливо обращались съ низшимъ классомъ, эксплуатируя его въ свою пользу.

Единственнымъ выходомъ изъ столь жалкаго положенія, въ которомъ прозябалъ древне-египетскій рабочій или простолюдинъ, являлось образованіе: оно открывало путь къ самымъ высшимъ должностямъ и бывали примѣры, что сынъ простого крестьянина, начавшій карьеру гдѣ нибудь въ провинціальной конторѣ записываніемъ отпуска хлѣба или овощей, кончалъ послѣ долговременной ревностной службы управленіемъ чуть не половиной Египта.

На гробницахъ высшихъ сановниковъ то и дѣло встрѣчаются надписи: „сынъ неизвѣстныхъ родителей“, а памятники фараоновъ со своей стороны свидѣтельствуютъ, что „въ царствованіе Его Святости каждому подданному не закрывалась всякая дорога“²⁾.

¹⁾ Maspero, Ibid. 339.

²⁾ Здѣсь какъ будто проводился современный американскій принципъ: give everybody a chance—дай каждому возможность выдвинуться.

Въ указанномъ отношеніи принадлежность къ низшему классу не служила преградой къ возвышенію и способный человекъ могъ подняться до высочайшихъ ступеней служебной іерархіи. Вотъ почему званіе писаря цѣнилось такъ высоко, что родители часто подвергали себя большимъ лишеніямъ, чтобы доставить только своему сыну заманчивое званіе, открывавшее доступъ къ дальнѣйшей служебной каррьерѣ.

О службѣ „писарей“ и ихъ занятіяхъ будетъ говоритья вслѣдъ за симъ.

Мы должны еще сказать, что рабочіе и ремесленники были подчинены строгой дисциплинѣ и, составляя подобно средневѣковымъ Handeverker'amъ общины или цехи, имѣли свои особыя кварталы и управлялись старшинами, отъ которыхъ получали обязательныя для нихъ приказанія и распоряженія.

Недобросовѣстность и произволъ этихъ старшинъ зачастую ставили несчастный рабочій людъ въ положеніе безвыходное и не получая установленнаго продовольствія, нерѣдко остававшагося въ амбарахъ ихъ начальства, они чуть не умирали съ голоду. Небольшія вспышки рабочихъ, раздражавшіяся стачками послѣднихъ, въ древнемъ Египтѣ далеко не были рѣдкостью (см. ниже).

Но за то въ фараоновскомъ Египтѣ всегда былъ спросъ на трудъ и неизвѣстна была оборотная сторона денежнаго хозяйства—безработица, этотъ бичъ современнаго экономическаго строя. Что касается до земледѣльцевъ, то, какъ мы указывали, положеніе ихъ тоже не представлялось привлекательнымъ, ибо, будучи арендаторами, а не собственниками поземельныхъ участковъ и не имѣя въ то же время права оставлять ихъ, они всецѣло находились въ рукахъ имущихъ классовъ, которые въ случаѣ надобности могли уступать ихъ вмѣстѣ съ правомъ собственности на землю.

При подобныхъ условіяхъ и подъ давленіемъ мертвящей административной опеки, нѣтъ ничего удивительнаго, что національное чувство никогда не было особенно развито въ низшихъ классахъ народа, которому одинаково плохо жилось какъ подъ чужеземнымъ господствомъ, такъ равно и подъ владычествомъ собственныхъ фараоновъ и потому въ большинствѣ случаевъ они довольно равнодушно относились къ политическимъ переменамъ, отъ которыхъ имъ собственно не было ни тепло, ни холодно: разсудительный народъ не тѣшилъ себя несбыточными иллюзіями и прекрасно понималъ, что если политическіе перевороты и принесутъ какіе нибудь осязательные плоды, то уже навѣрно ему не удастся ихъ и понюхать, что въ

сущности мѣняется только ошейникъ, а на самомъ дѣлѣ все останется такъ, какъ было раньше, если не сдѣлается еще хуже, да и не все ли было равно населенію, кто угнеталъ его непосильными работами и податями—свой ли царь, „божественный“ фараонъ или чужеземный властитель?

3. Администрація и право.

Политическое устройство Египта почти не измѣнялось во все продолженіе исторіи монархіи фараоновъ, въ которую ни перемѣна династій, ни соперничество царей не вносили особыхъ видоизмѣненій до тѣхъ поръ, когда вмѣшательство иностранцевъ не отбросило умиравшій фараонизмъ съ исторической арены.

1. Фараонъ. Оффициально глава государства носилъ названіе „царя верхней и нижней земли“; имя фараонъ (какъ называетъ его Библия) означаетъ, повидимому „сынъ бога Ра“ или, какъ производятъ его Бругшъ отъ имени Пер-ао, т. е. высокій (великій) домъ; по египетски же царь назывался сутенъ и неб-нутиръ, т. е. господинъ богъ.

„Египтяне—говорить Діодоръ—почитаютъ и обожаютъ своихъ царей наравнѣ съ богами; сила верховной власти, которою Провидѣніе дало царямъ, имъ кажется признакомъ божественности“.

Приведенное мѣсто греческаго историка вполне согласно съ данными, вытекающими изъ изученія памятниковъ. Въ самомъ дѣлѣ обитатели фараоновскаго Египта были глубоко убѣждены въ божественномъ происхожденіи своего царя и въ полнѣйшемъ сходствѣ послѣдняго съ его отцомъ, великимъ богомъ солнца, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дошедшихъ до насъ привѣтственныхъ гимновъ.

«Возри на меня, Восходящее солнце, ты благолѣпиемъ своимъ освѣщаешь міръ, лучезарный дискъ среди людей, ты разгоняешь тьму въ Египтѣ. Лицъ твой подобенъ лику твоего отца, когда онъ возносится къ небу, и твои лучи расходятся во всѣ стороны. Нѣтъ мѣста, лишеннаго созерцанія твоей красоты, ибо слова твои опредѣляютъ судьбу всѣхъ земель. Когда ты возлежишь въ своемъ чертогѣ, ты внемлешь всему, что творится въ странѣ, ибо ты имѣешь милліоны ушей. Твой взоръ горитъ ярче звѣзды небесной и видитъ лучше солнца. Когда кто говоритъ, хотя бы говоряція уста были скрыты между

четырех стѣнъ дома, произнесенныя слова доходятъ до твоего уха. Если совершается какое нибудь тайное дѣйствіе, оно не укроется отъ твоего зора. О, царь, милостивый повелитель, дающій дыханіе жизни всему существу!»

Слѣдовательно, фараонъ въ сущности являлся видимымъ богомъ, но при жизни его божественная душа облечена въ человѣческую форму, отъ которой она освобождалась послѣ смерти и тогда царь становился настоящимъ богомъ, такъ что послѣ cadaго царствованія египетскій пантеонъ обогащался новымъ божествомъ.

Поэтому на памятникахъ встрѣчаются иногда изображенія, какъ царь приноситъ жертву самому себѣ, т. е. своей божественной душѣ; послѣ же смерти, какъ сказано, эта двойственность прекращалась, царь возводился въ рангъ божества и въ честь его, какъ и въ честь остальныхъ боговъ, строили храмы и назначали особыхъ жрецовъ, служившихъ иногда при алтаряхъ нѣсколькихъ усопшихъ монарховъ заразъ.

Такъ какъ фараонъ считался посредникомъ между небомъ и землей, то египтянинъ, обращаясь съ просьбой къ богамъ, старался придать ей такой видъ, какъ будто она исходитъ отъ самаго царя, ибо это служило надежнымъ ручательствомъ, что молитва будетъ услышана.

Такимъ образомъ царямъ, считавшимся раздавателями всякихъ благъ, создали въ древнемъ Египтѣ настоящей культъ; при жизни, когда они всходили на тронъ, имъ приподносились титулы: „глава провосудія“, „сына бога солнца“, „великаго бога“, „добраго бога“ и т. д., а по смерти ихъ утверждали въ санъ боговъ. Царское и божеское достоинство были сходны.

Культъ фараоновъ былъ такъ постояненъ и такъ почитаемъ, что обоготвореніе царей продержалось вплоть до эпохи Птолomeевъ.

При своемъ первомъ появленіи на страницахъ египетской исторіи, фараонъ совмѣщаетъ въ себѣ не только всѣ религіозныя и общественныя учрежденія, но и представляетъ собою квинтъ-эссенцію столь абсолютнаго деспотизма, что размѣры его было бы трудно выразить даже на нашемъ современномъ, весьма точномъ и чрезвычайно развитомъ языкѣ ¹⁾.

Дѣйствительно, патриархальный деспотизмъ прожившаго уже свой героическій періодъ первой молодости фараонизма выразился, во-первыхъ, въ идеѣ самообоготворенія, т. е. установленія культа самаго себя, а во-вторыхъ—въ постройкѣ грандіозныхъ надгробныхъ

¹⁾ Metchnikoff, *ibid.* 203

усыпальницъ, являющихся двойнымъ олицетвореніемъ земного и небснаго безсмертія.

Итакъ фараонъ былъ въ одно и то же время главой государства и главой религіи, потому что въ древнемъ Египтѣ религія и государство были нераздѣльны. По ученію египетскаго духовенства, тогда еще бывшаго въ мирѣ со свѣтской властью, фараонъ есть намѣстникъ божества на землѣ и въ его жилахъ течеть не простая человѣческая кровь, а божественная, переходящая къ потомкамъ. Вотъ почему съ пресѣченіемъ мужской линіи, право престолонаслѣдія предоставлено было женщинамъ, какъ продолжительницамъ „солнечной расы“, почему основатель слѣдующей династіи для узаконенія своего права на престоль, старался связать себя или своихъ сыновей съ божественной семьей брачными узами. Разъ это было сдѣлано, узурпація считалась узаконенной и подданные фараоновъ могли утѣшать себя мыслью, что корона не перешла къ обыкновеннымъ смертнымъ.

Престоль былъ наслѣдственный и, повидимому, „сынъ солнца“ пользовался неограниченной властью, но на самомъ дѣлѣ она была значительно связана коллегіей жрецовъ, занимавшихъ мѣста первыхъ совѣтниковъ, правами, обычаями и древними законами страны, считавшимися у народа священными, установленными божествомъ.

Хотя царь помимо жрецовъ обращался къ богамъ, приносилъ имъ жертвы, посвящалъ храмы, иначе говоря являлся высшимъ духовнымъ руководителемъ народа, тѣмъ не менѣе какъ „первый жрецъ страны“ долженъ былъ исполнять самыя точныя и подробныя постановленія относительно своей частной и общественной жизни, которая такимъ образомъ была опутана страшнымъ формализмомъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что подобная опека, подъ которой всегда обреченъ былъ находиться царствующій государь, была послѣднему особенно стѣснительна.

Діодоръ, лично посѣтившій Египеть, говорить по этому поводу¹⁾.

„Этимъ обычаямъ цари подчиняются вовсе не съ неудовольствіемъ и не противъ воли; скорѣе они убѣждены, что ведутъ счастливѣйшую жизнь, тогда какъ другіе люди (думаютъ они) неразумною преданностью чувственнымъ удовольствіямъ приводятъ къ многимъ поступкамъ, которые ставятъ ихъ въ опасность. Нѣкоторые часто и сознаютъ, пожалуй, что не хорошо то, что у нихъ на мысли, а все таки дѣлаютъ зло, увлекаемые или любовью, или ненавистью или другою страстью. Напротивъ у египетскихъ царей не встрѣчается ни ма-

¹⁾ Діодоръ I, 31.

лѣйшей опрометчивости, пока они слѣдуютъ образу жизни, установленному самими разумными людьми“.

Съ другой стороны, благодаря особымъ условіямъ общественнаго быта, энергичный правитель могъ пріобрѣсти почти абсолютную власть и, сломивъ вліяніе жрецовъ, царствовать по произволу.

Мы уже говорили, что со времени XI-й династіи начало усиливаться жрецеское сословіе, составившее дружную касту, которая въ теченіе вѣковъ все болѣе и болѣе освобождалась отъ подчиненія соперничавшей власти, постепенно захватывая ея духовныя прерогативы.

Борьба между фараонизмомъ и жречествомъ была неизбежна, такъ какъ сліяніе церкви съ государствомъ всегда влечетъ за собою какъ присвоеніе царскихъ функцій клерикальной властью, такъ и узурпацію клерикальныхъ полномочій царями.

Эта ожесточенная борьба за первенство, подобная борьбѣ папства и имперіи, красной нитью проходитъ черезъ исторію фараоновскаго Египта. Оба противника иногда заключали перемиріе для того, чтобы продолжить общую свою агонію, но въ силу того, что двѣ неограниченныя власти не могутъ существовать рядомъ, они уже заранѣе были осуждены на гибель ¹⁾.

Какъ вездѣ на Востокѣ, царское достоинство было окружено ореоломъ святости и царь являлся предметомъ глубочайшаго благоговѣнія.

Привѣтствовали его, падая ницъ на землю („на животъ свой“, какъ выражаются надписи), дотрагиваясь до послѣдней лицомъ, при чемъ считалось великой милостью, когда царь позволялъ вмѣсто этого обряда поцѣловать свои колѣна, изображали его, какъ и боговъ, въ видѣ исполина въ нѣсколько разъ большаго, чѣмъ обыкновенные люди.

Всякій шагъ, всякое официальное дѣйствіе монарха разсматривалось какъ актъ священнодѣйствія, которое совершалось при пѣніи торжественныхъ гимновъ. Фараону воздаются въ полномъ смыслѣ слова божескія почести и говоря о немъ его называютъ Его Святость; нельзя приблизиться къ нему иначе, какъ величая его владыкой вселенной.

Никакое дѣло, хотя бы самое незначительное, не можетъ быть доведено до его свѣдѣнія, не напомнивъ ему длинными рѣчами о его собственной божественности и сверхестественномъ происхожденіи. Это

¹⁾ Metchikoff, Ioc. cit. 206.

не придворное раболѣпство Востока, не эпическое ливрейное красно-рѣчіе дворцовыхъ хронографовъ, а искренняя вѣра подданныхъ въ божественное происхожденіе своихъ фараоновъ, которыхъ посему и надлежало обожать, какъ неземныхъ существъ и „властителей права“.

Титулъ царя былъ разработанъ самымъ тщательнымъ образомъ: кромѣ собственнаго личнаго имени, принадлежавшаго ему какъ „сыну Ра“ (напр., одного изъ фараоновъ XVIII-й династіи, Тутмеса I называли Аа-хеперъ-кара, т. е. „Великій жизнью духъ Ра“), царь принималъ еще четыре различныхъ имени, къ которымъ присоединялся безконечный рядъ хвалебныхъ эпитетовъ.

Понятно, какое обаяніе должно было давать въ Египтѣ могуществу верховной власти подобное превозвышеніе царскаго достоинства; могущество это здѣсь принимало характеръ положительнаго идолопоклонства.

По отношенію своихъ царей древніе египтяне были только трепещущими рабами, обязанными самой религіей слѣпо исполнять ихъ приказаніе; самые могущественные царедворцы и чиновники составляли только покорную челядь фараона, а самая незначительная благосклонность къ нимъ со стороны послѣдняго считалась достойной упоминанія въ ихъ эпитафіяхъ, какъ самые блестящіе военные титулы ¹⁾.

Двойная корона Египта украшала голову какъ „великихъ фараоновъ“, героевъ-полководцевъ, далеко раздвинувшихъ предѣлы своей монархіи, такъ равно и „фараоновъ—лѣнивцевъ“, прятавшихъ свой божественный ликъ въ роскошныхъ дворцахъ и окружавшихъ себя непроницаемой стѣною посредниковъ и довѣренныхъ лицъ. Какъ первые, такъ и вторые не знали народныхъ нуждъ или, вѣрнѣе, не хотѣли ихъ знать и потому, разумѣется, не могли дѣйствовать во имя того принципа, что благо цѣлаго народа должно быть высшимъ закономъ, передъ которымъ ничтожны всѣ присвоенныя права и привилегіи.

Послѣ кончинѣ „сына солнца“ вся страна носила по немъ трауръ. въ теченіе 72 дней, храмы запирались, прекращалось всякое богослуженіе, на весь народъ налагался постъ: никто въ это время не смѣлъ употреблять мяса, пшеничнаго хлѣба, винограда и вина.

Если вѣрить свидѣтельствамъ греческихъ историковъ, по окончаніи срока траура происходилъ слѣдующій странный обрядъ. Набальзамированное тѣло фараона, положенное въ великолѣпную гробницу, ставилось при входѣ въ склепъ, вокругъ собирався народъ и жрецъ обращался къ нему съ приблизительно слѣдующими словами.

¹⁾ Ленорманъ, цит. соч. 155—156.

«Народъ Кеми! Это царь твой, лежащій здѣсь, просить тебя о почетномъ погребеніи. Кто можетъ обвинить умершаго въ злодѣйствѣ, кто имъ былъ обольщенъ или обманутъ, кому онъ причинилъ вредъ тѣлесный или по имуществу, противъ кого онъ въ иномъ чѣмъ либо повиненъ, тотъ пожалуйся на него. Кто можетъ доказать, что онъ убійца, кто знаетъ за нимъ какое нибудь дурное дѣло, кому онъ причинилъ какое нибудь страданіе,—тотъ выходи и жалуйся на него. Кто пожалуется ложно, тотъ наказаніе за вымышленную вину навлечетъ на собственную голову, но если у кого есть справедливое основаніе къ жалобѣ, тотъ выходи прямо безъ страха и робости».

Подобный призывъ повторялся три раза и если недовольныхъ не оказывалось, то жрецъ поднималъ руки и произносилъ слѣдующую формулу оправдательнаго приговора:

«Мы держали судъ надъ тобою, государь Кеми, и нашли тебя невиннымъ. Я, какъ начальникъ судей, объявляю тебя чистымъ отъ всякаго злодѣянія, погребеніе твое совершится, спи тихо и безмятежно, чистый! Иди туда къ судейскому престолу великаго Озириса и блаженъ ты, если его мудрость найдетъ тебя столь же невиннымъ, какъ и мы, твои земные судьи!»

Если же народъ былъ недоволенъ управленіемъ покойнаго царя, то голосъ его раздавался такъ безцеремонно, что о почетномъ погребеніи фараона нечего было и думать: вмѣсто погребенія въ собственной усыпальницѣ, онъ хранился вмѣстѣ съ прочими смертными.

Насколько справедливы здѣсь сообщенія Геродота и Діодора судить довольно трудно; по крайней мѣрѣ въ современной исторической литературѣ не безъ основанія оспаривается вѣрность подобныхъ сообщеній.

Такъ Ленорманъ замѣчаетъ по этому поводу: „что касается народныхъ собраній для суда надъ царемъ послѣ его смерти, о которомъ говорятъ греческіе авторы, то это просто чистый вымыселъ. Умершій царь былъ такимъ же богомъ, какъ и живой. Если и находятся въ египетскихъ лѣтописяхъ нѣсколько царей, лишенныхъ погребенія, имена которыхъ были стерты съ памятниковъ, то это было не вслѣдствіе народнаго приговора, но по приказу другого царя, желавшаго поступить со своимъ соперникомъ, какъ съ узурпаторомъ“ ¹⁾.

Тексты ни единымъ словомъ не упоминаютъ о существованіи народнаго суда, съ которымъ насъ знакомятъ греческіе историки, почерпнувшіе свои свѣдѣнія отъ египетскихъ жрецовъ, можетъ быть умышленно вводившихъ въ обманъ простодушныхъ путешественниковъ.

¹⁾ Lenormant, *ibid* 157.

Поэтому съ увѣренностью можно сказать, что при возрѣнїи египтянъ на божественность своего царя, власть котораго не имѣла вѣса, числа и мѣры, и при ихъ живой религіозной вѣрѣ, народный судъ надъ усопшимъ фараономъ не могъ существовать ни въ дѣйствительности, ни въ теорїи.

Судъ надъ царемъ, божественность происхожденія котораго не подлежала для древнихъ египтянъ ни малѣйшему сомнѣнїю, былъ бы богохульствомъ, тѣмъ болѣе непростительнымъ, что по установившемуся въ странѣ мнѣнїю „царь не могъ худо дѣлать“ ¹⁾, а разъ это было дѣйствительно такъ,—идея народнаго суда уже не могла имѣть мѣста.

2. Номы. Обращаемся теперь къ рассмотрѣнїю административныхъ функцій въ томъ видѣ, въ какомъ послѣднїя существовали въ древнемъ Египтѣ. Для болѣе яснаго представленія о нихъ слѣдуетъ имѣть въ виду историческій характеръ образованія монархїи фараоновъ, тѣмъ болѣе, какъ увидимъ ниже, ходъ этого процесса находился въ извѣстномъ соприкосновенїи съ установленїемъ религіознаго культа.

Дѣло въ томъ, что первыя пришельцы на берега Нила, подраздѣляясь на многочисленныя, но родственныя другъ другу племена, отчасти отгѣснивъ, отчасти слившись съ аборигенами, образовали въ разныхъ мѣстахъ занятой ими страны нѣсколько мелкихъ независимыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое имѣло свои собственныя административныя учрежденія, свои законы и свой религіозный культъ.

Но зародившаяся здѣсь монархическая власть, опираясь на полную солидарность съ интересами народной жизни, постепенно начала сносить всѣ препятствовавшїя ея объединительнымъ стремленїямъ перегородки и мало по малу складывало всѣ крупныя и мелкія территорїальныя дробы въ одно цѣлое. Съ теченїемъ времени всѣ эти микроскопическія государства слились воедино и образовали Нижнїй Египетъ въ области Дельты и Верхнїй Египетъ или южную страну, простиравшуюся отъ начала Дельты до перваго нильскаго водопада.

Объединившись подъ однимъ скипетромъ или, вѣрнѣе, подъ гегемонїей верховнаго вождя, молодое и неокрѣпшее государство, составляя наслѣдіе фараоновъ, оказалось не въ силахъ вполнѣ переработать политическіе инстинкты въ новомъ направленїи, какъ вызванныя продолжительной исторической жизнью самостоятельной общины.

¹⁾ Ср. англійскїй принципъ: «the king cannot wrong».

Первоначальное дѣленіе Египта не исчезло: мелкія государства обратились въ провинціи и дали толчекъ къ новому политическому раздѣленію на административные округа, которымъ греки дали названіе *номовъ* (*nomes*), удержавшееся за ними и въ наукѣ.

Не слѣдуетъ думать, что съ окончаніемъ процесса сліянія цѣлаго муравейника княжествъ, копошившихся въ нильскомъ оазисѣ, въ одинъ стройный государственный союзъ, въ положеніи послѣднихъ произошла слишкомъ рѣзкая перемѣна. Напротивъ, одушевляемая духомъ партикуляризма, они долго и упорно отстаивали свою обособленность. Да иначе и быть не могло, разъ эти княжества, пристегнутыя къ центральному ядру не въ нѣжномъ возрастѣ и низведенныя на степень номовъ, передъ тѣмъ долго жили самостоятельно, успѣли выработать своеобразный типъ политической, а отчасти даже культурной и, быть можетъ, застались историческими воспоминаніями.

При наличности этихъ условій становится понятной относительная самостоятельность номовъ: въ каждомъ изъ нихъ была своя администрація, они платили фараону подати, поставляли ему милицію, но управленіе ими принадлежало наследственнымъ правителямъ, хотя фараоны и присвоили себѣ право утверждать ихъ въ званіи *номарха* и этимъ низвести ихъ на степень простыхъ сановниковъ.

И такъ продолжалось въ теченіе многихъ вѣковъ: провинціи приростали и отваливались безъ смертельныхъ потрясеній. Справедливо приравниваютъ подобный порядокъ вещей къ феодальной системѣ.

Каждый номъ въ свою очередь подраздѣлялся на нѣсколько частей и въ составъ его входили: 1) главный городъ (*нутъ*), средоточіе военнаго и гражданскаго управленія и религіозный центръ области; 2) плодородныя земли (*оуоу*), засѣваемые хлѣбными растеніями и ежегодно удобряемыя наводненіемъ; 3) болотныя земли (*роу'оу*), никогда не просыхавшія, благодаря присутствію озеръ, оставляемыхъ разливами Нила и, по мѣрѣ обсыханія, обрацаемыя въ пастбища и 4) отводные каналы, необходимые для земледѣлія и навигаціи. Число номовъ не всегда было одинаково.

Такъ во времена греческаго господства Птолемеевъ ихъ насчитывалось 36 въ *Оивайдѣ*, 16—въ *Гептаномидѣ* и 10—въ *Дельтѣ*, а въ эпоху фараоновъ различали двѣ области, Верхній Египетъ и Нижній, при чемъ каждая изъ указанныхъ подраздѣленій заключала въ себѣ 22 нома. Смотря по потребностямъ управленія, номы соединялись иногда два въ одинъ или, наоборотъ, одинъ раздѣлялся на два; многіе изъ нихъ были чисто искусственными, созданными по образцу старинныхъ подраздѣленій.

На стѣнахъ нѣкоторыхъ египетскихъ храмовъ находятся списки этихъ областей, благодаря чему представляется возможность составить таблицу номовъ, хотя бы и въ періодъ относительно позднѣйшій.

Современная египетская администрація не признаетъ древняго подраздѣленія на номы, но сохраняетъ естественное дѣленіе страны на Нижній и Верхній Египетъ; послѣднему подданные фараоновъ всегда давали нѣкоторое первенство надъ Нижнимъ.

Приводимъ составленную нами таблицу номовъ фараоновскаго Египта.

1. Верхній Египетъ (Та-ресь, т. е. южная страна).

- 1 номъ Та - Хонтъ или Кенсъ (нын. Нубія, Беледь-эль Барабра) съ глав. гор. Абу (Элефантина).
- 2 » Тесъ - Горъ (греч. Аполинополитъ, нын. Эдфу) съ глав. гор. Тебъ (нын. Дебу).
- 3 » Тенъ (греч. Латополисъ нын. Эснехъ) съ глав. гор. Хебенъ (нын. Эль-Кабъ).
- 4 » Усъ (Тсамъ, поздн. Фатирисъ) съ глав. гор. Ни (Фивы, греч. Диосполисъ, нын. Мединетъ-Абу).
- 5 » Горти (греч. Коптитесъ) съ глав. гор. Кобти (нын. Кефтъ).
- 6 » Емсугъ (Тамъ, позд. Тентерисъ) съ глав. гор. Тантареръ (нын. Дендера).
- 7 » Сещещъ (греч. Фаяитъ, нын. Гонъ) съ глав. гор. Га (араб. Гу).
- 8 » Абту (гр. Тинитъ, нын. Арабатъ-эль-Мадфуна) съ глав. гор. Абуду или Абту (Абидосъ).
- 9 » Сохемъ (гр. Панополисъ) съ глав. гор. Апу (Хеммисъ нын. Ахминъ).
- 10 » Уотъ (Ттсетъ, гр. Афродитополисъ, нын. Адфегъ) съ глав. гор. Тебу (нын. Эдфу).
- 11 » Шасъ - Готелъ (греч. Гипселитъ, нын. Сотъ) съ глав. гор. того же имени.
- 12 » Туфъ (греч. Антеополитъ) съ глав. гор. Ни-ент-бакъ (теп. Кау-эль-Кебиръ).
- 13 » Хесфъ - Хентъ (Атефъ-Хентъ, Ликополисъ верхній) съ глав. гор. Саутъ (нын. Сіутъ).
- 14 » Хесфъ - Пеху (Атефъ-Пеху, Ликополисъ нижній) съ глав. гор. Косъ (теперь Кузія).
- 15 » Унъ или Онъ (греч. Гермополисъ южн.) съ глав. гор. Хмуну (нын. Ашмуненъ).
- 16 » Махъ (рим. Антинойтесъ) съ глав. гор. Хутнатонъ (нын. Тель-эль-Амарна).

- 17 номъ Анупу (гр. Кинополитъ, нын. Эль-Каисъ) съ глав. гор. Каза (теп. Самалутъ).
- 18 » Себъ (гр. Оксиринхитъ) съ глав. гор. Ха-Сутень (впосл. Бегнезагъ).
- 19 » Усебъ съ глав. гор. Пимаза (теп. Бех-маза).
- 20 » Ам-хонтъ (гр. Гераклеополисъ) съ глав. гор. Хинензу (Гераклеополисъ великій).
- 21 » Ам-пеху съ глав. гор. Смен-горъ.
- 22 » Теп-ахе (нын. Атфіе) съ глав. гор. того же имени.

2. Нижній Египетъ (То-Мехитъ, т. е. сѣверная страна).

- 1 номъ Себитъ-Хетъ (Мемфитесь) съ глав. гор. Мемфисъ (Маноффи, нын. Мить-Рагипегъ).
- 2 » Хонтъ-Тешеръ (Героополисъ) съ глав. гор. Тентъ (Аа)-Лимъ.
- 3 » Аа (греч. Латополитъ) съ глав. гор. Сохемъ (нын. Аузимъ).
- 4 » Аментъ (гр. nome Libya) съ глав. гор. Ни-ент-гали (Аписъ).
- 5 » Сени-рисъ (Alexandrinogum) съ глав. гор. Цога (теп. Канонъ).
- 6 » Сени-емхитъ (гр. Саитесь) съ глав. гор. Саи (Саисъ нын. Саэль-Хаггаръ).
- 7 » Ка-Ситъ (греч. Ксоисъ) съ глав. гор. Хсоу (нын. Хезуу).
- 8 » Метелитесь съ глав. гор. Сенти-Ноферъ (нын. Метелись).
- 9 » Сестроитесь съ глав. гор. Суккотъ (Тхукотъ, Сестрое).
- 10 » Аси (Бузирисъ) съ глав. гор. Пузиръ-неб-татъ.
- 11 » Ка-Кемъ (Атрибитесь) съ глав. гор. Хатахирабъ (Атрибисъ, Гатрибъ, нын. Тель-Атрисъ).
- 12 » Ка-Хебесъ (Кабазусъ) съ глав. гор. того же имени.
- 13 » Ка-Ѳебъ (Себеннитъ) съ глав. гор. Тебнутирь (Себеннитъ нын. Саманхудъ).
- 14 » Уакатъ (Гелиополитесь) съ глав. гор. Онъ Сѣверный (Гелиополисъ, теперъ Матаріе).
- 15 » Хонтъ-Аботъ (Танитесь) съ глав. гор. Цоанъ (Танисъ).
- 16 » Тотъ или Тутъ (Гермополитесь) съ глав. гор. Пи-Тутъ (Гермополисъ малый).
- 17 » Харъ (Мендезіусъ) съ глав. гор. Пи-би-неб-дадъ (Мендесъ или Диду).
- 18 » Самхутъ (Діосполитесь) съ глав. гор. Пи-ху-ен-Аммонъ (Діосполисъ малый).
- 19 » Хабу (Бубастисъ) съ глав. гор. Пи-Бастъ (Бубастъ, нын. Тель-Баста).
- 20 » Ампеху (Бутикусъ) съ глав. гор. Пи-Уто (Буто или Пауцатъ).
- 21 » Саптъ (Сапти) съ глав. гор. Косемъ (теперь Фагусъ).
- 22 » Фарбѣтитесь съ глав. гор. Сетень (римск. Фарбѣтусъ).

Какъ уже было упомянуто, въ эпоху римскаго владычества семь номовъ, отдѣленныхъ отъ Верхняго Египта и соединенныхъ подъ однимъ управленіемъ, составили особую провинцію Гептаномиду (Средній Египетъ). Нынѣшнее правительство, сохраняя, какъ сказано, естественное раздѣленіе страны на Нижній и Верхній Египетъ, подраздѣляетъ названныя части на нѣсколько областей (мохафза) и провинцій (мудиріэ).

Нижній Египетъ.

1. На востокъ отъ Даміетты.

Кальюбіэхъ, главный городъ	Бенха.
Харкіэхъ » »	Загазихъ.
Дакахліэхъ » »	Эль-Мансура.

2. На Дельтѣ.

Менуфіэхъ, главный городъ	Шибень.
Гарбіэхъ » »	Танта.

3. Между Розеттой и Ливійской цѣпью.

Бехерахъ, главный городъ	Даманхуръ.
Гизехъ » »	Гизехъ.

Верхній Египетъ.

1. Пров. Бени-Суэфъ глав. гор. Бени-Суэфъ.

Фаіумъ, главный городъ	Медине-эль-Фаіумъ.
Миніэхъ » »	Миніэхъ.
Сіуть » »	Сіуть (Ассіуть).
Жиржехъ » »	Сухагъ (Дендера).
Кенехъ » »	Кенехъ.
Эснехъ » »	Эснехъ.

2. Берегъ Краснаго моря (Коссеиръ)

Массова.
Суагимъ.
Така (съ Кассалой).

3. Восточный Суданъ.

Хартумъ, глав. гор. Хартумъ.
Донгола ¹⁾ и Берберъ (Эмъ-Мехерефъ), глав. гор. Донгола.

¹⁾ Донгола—средняя часть Нубіи по теченію Нила; на лѣвомъ берегу послѣдняго раскинулась Новая Донгола (Донгола-эль-джедде) а на правомъ — Старая (Донгола-эль-аджуса).

Сенааръ и Даръ-Фацокль, глав. гор. Сенааръ.

Кордофанъ, глав. гор. Эль Обейдъ.

Баръ-Эль-Абиадъ (Бѣлая рѣка).

Мы уже говорили, что каждый изъ административныхъ округовъ или номовъ имѣлъ свою полную систему управленія съ наслѣдственнымъ правителемъ (номархомъ) во главѣ, который въ своей области могъ распоряжаться почти безконтрольно, разъ онъ выполнялъ всѣ вассальныя обязанности, состоявшія изъ личныхъ услугъ, ежегодныхъ податей, уплачиваемыхъ обыкновенно произведеніями земли, да выставленія, по требованію, извѣстнаго контингента рекрутъ, сообразно величинѣ области и густотѣ ея населенія.

Религіозная власть нома также сосредоточивалась въ рукахъ номарха, который такимъ образомъ являлся верховнымъ жрецомъ въ своей области.

Эти наслѣдственные правители, лишенные своихъ самодержавныхъ правъ и низведенные на степень областныхъ намѣстниковъ, дѣятельность которыхъ протекала подъ контролемъ царскихъ чиновниковъ, въ глубинѣ души не переставали хранить надежду на восстановление прежняго порядка вещей: продолжительное несовершеннолѣтіе государя, послѣдовательный рядъ неспособныхъ царей, дворцовая революція, нашествіе чужестранцевъ или даже просто неудачная война, разрушившая обаяніе царствовавшей династіи, — и они овладѣвали утраченной властью, лишь номинально подчиняясь верховенству фараона ¹⁾.

Изъ всего сказаннаго выше ясно, что номы нельзя разсматривать какъ исключительно административныя дѣленія монархіи фараоновъ, а слѣдуетъ видѣть въ нихъ остатки независимыхъ общинъ, которыя жили собственной исторической жизнью до тѣхъ поръ, пока не были поглощены центральной властью.

Объединеніе однородныхъ политическихъ атомовъ рано или поздно должно совершиться, такъ какъ это законъ всякаго историческаго развитія, двигающій народы отъ областной обособленности къ національному единству.

То же самое произошло и здѣсь, съ тою лишь разницей, что духъ партикуляризма, какъ слѣдствіе продолжительной самобытной жизни, не переставалъ существовать въ присоединенныхъ областяхъ въ теченіе тысячелѣтій.

¹⁾ Maspero «Lectures historiques», 60—61.

Поэтому можно сказать, не впадая въ ошибку, что государственная власть фараоновъ не столько логически расчленялась на свои составныя части, не препятствующія цѣлому быть цѣлымъ, сколько дробилась на отдѣльныя, полусамостоятельныя цѣлыя, по крайней мѣрѣ, въ раннія эпохи египетской исторіи. Такимъ образомъ номархи играли въ своихъ областяхъ роль маленькихъ царьковъ, составляя главный источникъ оппозиціи существовавшему государственному порядку и становясь во главѣ всякаго движенія, разъ оно направлялось противъ центральной власти, самое понятіе о которой долгое время не могло уложиться въ честолюбивой головѣ египетскаго номарха.

Подлѣ областнаго намѣстника—жреца стояли подчиненные ему чиновники, которымъ греки дали названіе то пар х о в ъ, управлявшіе государственными землями области, житницами, складами, хлѣбными магазинами, мѣстными войсками (ополченскія дружины) и т. п.

Жители нома выполняли всѣ повинности: они строили храмы, крѣпости, различныя зданія, прокладывали дороги, устраивали каналы, дамбы, шлюзы, однимъ словомъ исполняли предписанныя имъ общественныя работы и сверхъ того выставляли контингентъ годныхъ для перенесенія тягостей походной жизни рекрутъ, когда странѣ грозила война.

Номы были тщательно размежеваны одинъ отъ другого и на границахъ ихъ ставились межевые камни. Области враждовали не только съ центральной властью, (что, впрочемъ, случалось при наличности особо благоприятныхъ для того условій), но и сами съ собой. Часто мы видимъ, что жители одного округа угрожаютъ нападениемъ жителямъ другого, вслѣдствіе возникавшихъ между ними спорныхъ вопросовъ религіознаго или экономическаго свойства. Иногда враждующія стороны прибѣгали къ оружію и требовалось вмѣшательство вооруженнаго силою войска царя, чтобы прекращать возникавшія междоусобія, возженыя властолюбивыми князьями номовъ и честолюбивыми жрецами ¹⁾).

Военная власть области первоначально всецѣло находилась въ рукахъ номарха, который считался непосредственнымъ начальникомъ ополченскихъ дружинъ и могъ распоряжаться ими по произволу, но по мѣрѣ усиленія центральной власти это важное преимущество было отнято фараонами, не безъ основанія видѣвшими въ областныхъ войскахъ наиболѣе дѣйствительныя орудія къ осуществленію сепаратистическихъ стремленій номарховъ.

¹⁾ Бругшъ loc. cit. 81.

Теперь имъ оставленъ былъ одинъ пустой титулъ, а дѣйствительная власть надъ войсками передана особымъ „начальникамъ солдатъ“ ¹⁾. Несомнѣнно, что указанной мѣрой не только парализовались центробѣжныя стремленія и тенденціи областныхъ намѣстниковъ, лишенныхъ матеріальной силы, но и достигалась и другая цѣль: въ номахъ усиливался центростремительный элементъ, правда, сначала чуть чуть замѣтный, неувѣренный въ себѣ и пока еще безъ прочныхъ началъ, но съ теченіемъ времени и по совокупности съ остальными объединительными тенденціями фараоновъ, представившій весьма солидную силу, о которую не разъ разбивался вдребезги партикуляризмъ номарховъ.

Исторія Египта, насколько разъяснили ее намъ спасенные отъ вѣчнаго забвенія памятники, свидѣтельствуетъ о постоянной борьбѣ, иногда явной, большей частью, скрытой и глухой, но всегда напряженной между фараонами и князьями номовъ, самостоятельность которыхъ не могла быть сломана въ теченіе всей исторіи страны и пала вмѣстѣ съ судорожно умиравшимъ и выродившимся фараонизмомъ.

3. Чиновничество. Въ Египтѣ мы встрѣчаемся даже въ самыя древнія періоды его исторіи съ такой системой административной централизаціи, какую классическій міръ усвоилъ себѣ уже въ эпоху упадка. Египетъ, если такъ можно выразиться, былъ зараженъ какимъ то чиновничьимъ сифилисомъ, который развѣдалъ истерзанное и помятое жизнью государство.

Дѣятельность этого цѣлаго легіона чиновниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ писарей или, говоря по русски, подьячихъ, была изумительна; на каждомъ шагу проявлялся ихъ контроль и руководство.

Загнанные низшіе классы не сознавали хорошо собственныхъ потребностей, въ нихъ замирала жизнь и они, естественно, не могли сдѣлать шага безъ помощи выдравшагося изъ ихъ же братіи мелкаго, но уже чваннаго и плутоватаго писаришки.

Масперо такъ опредѣляетъ египетскаго писаря. „Это человѣкъ, который умѣетъ читать, писать и знаетъ административные крючки и формулы, а также высчитать проценты; если же онъ получилъ высшее образованіе, то оно ему служить необходимымъ дополненіемъ для достиженія высшей карьеры; если онъ знатнаго происхожденія, оно даетъ ему возможность занять видное положеніе въ администраціи или у вліятельнаго богача, если у него самого ничего нѣтъ“.

¹⁾ Пасыпкинъ, *ibid.* I, 10.

Цѣлая пропасть отдѣляла писарей отъ простаго народа подвергавшагося безпощадной эксплуатаціи съ ихъ стороны; народную массу они держали въ ежевыхъ рукавицахъ и смотрѣли на нее какъ на непріятеля, котораго можно и должно обирать въ свою пользу.

Вооруженные тростниковымъ перомъ и со сверткомъ папируса или кожи въ рукѣ, они появляются при всѣхъ сценахъ жизни Египта, на многочисленныхъ изображеніяхъ мы видимъ писаря въ обычной его позѣ, сидящимъ сгорбившись передъ кипой документовъ или наблюдающимъ за сборомъ податей; въ рукахъ у него папирусъ, на которомъ онъ чертитъ что-то палочкой, а другая запасная палочка торчитъ у него за ухомъ.

Весьма понятно, почему въ странѣ фараоновъ такъ высоко цѣнилось званіе писаря: помимо матеріальнаго обезпеченія, связаннаго съ этимъ званіемъ, съ нимъ соединялась единственная возможность выхода изъ угнетеннаго положенія.

Въ администраціи встрѣчались настоящія династіи писарей, члены которыхъ занимали преемственно одни и тѣ же мѣста по сту лѣтъ и болѣе, и, такъ сказать, воспитывавшіе въ себѣ канцелярскій ядъ путемъ наслѣдственности, тѣмъ болѣе, что способному писарю открывался доступъ къ самымъ высшимъ должностямъ Египта, что самымъ положительнымъ образомъ подтверждаютъ памятники. Къ своему званію писаря готовились болѣе или менѣе продолжительнымъ ученіемъ, сопровождаемымъ спартанскими истязаніями. Съ 6—7 лѣтъ мальчика посылали въ школу, при чемъ, выражаясь по современному, на одной и той же скамьѣ зачастую сидѣли рядомъ сынъ бѣднаго писаря и сынъ богача-землевладѣльца, призванные оба поучаться мудрости. Въ школѣ имъ преподавали начатки чтенія, письма и счета, а затѣмъ они попадали въ науку къ опытному писарю педагогу и съ нимъ вмѣстѣ посѣщали контору, мастерскую или мѣста, гдѣ производились работы. Тамъ они проводили продолжительное время въ перепискѣ и копированіи писемъ, циркуляровъ, судебныхъ документовъ, разныхъ счетовъ и т. п. дѣловыхъ бумагъ, для приученія къ составленію послѣднихъ въ своей будущей писарской практикѣ.

При этомъ ученикамъ давались для списыванія и изученія нѣчто въ родѣ тетрадей съ образцами слога наиболѣе выдающихся литературныхъ произведеній египетскихъ авторовъ. Будущее крапивное сѣмя здѣсь вдоволь зубрило и строчило, стремясь проникнуться канцелярской мудростью и основательно пройти программу, которая, какъ можно видѣть, была очень проста, незамысловата и имѣла то практическое достоинство, что была выполнима.

Такимъ образомъ возникъ разрядъ „ученыхъ писарей“, которые выступаютъ не только какъ чиновники и администраторы, но и какъ представители науки и литературы.

Для каждаго подъячаго, даже не предназначавшагося въ бюрократическій заводъ, грамотность была необходимымъ условіемъ, такъ какъ въ фараоновскомъ Египтѣ обо всѣхъ доходахъ и расходахъ велись самыя подробныя записи и отчетности: мы видимъ чиновниковъ, являющихся въ царское казнохранилище и переписывающихъ число сокровищъ и цѣнныхъ вещей, видимъ ихъ и на полѣ богатаго землевладѣльца, записывающихъ число головъ принадлежащаго ему скота или отмѣчающихъ количество хлѣба въ его житницахъ, однимъ словомъ въ ту древнѣйшую эпоху, въ которую насъ переносятъ памятники, мы можемъ видѣть примѣненіе письменности въ каждодневномъ быту.

Мудрено ли, что писарь въ Египтѣ былъ большимъ человѣкомъ, на карьеру котораго взирали съ завистью, несмотря на то, что часто „предки его были люди неизвѣстные“ и самъ онъ происходилъ изъ податнаго сословія, изъ „вонючей толпы“.

Располагая цѣлой арміей рабски-послушныхъ чиновниковъ, пропитанныхъ испареніями хамства, низостей и карьеризма, фараоны постепенно захватили въ свои руки всю власть надъ государствомъ, подавляя различныя враждебныя этой власти силы и руководя безправной народной массой по произволу.

Жалованіе чиновникамъ и писарямъ производилось натурой и, кажется, было довольно значительное, но мы имѣемъ свѣдѣнія, что часть писарского содержанія присваивалось начальствомъ, смотрѣвшимъ на свои должности какъ на дойную корову, которая должна была выкармливать ихъ карманный интересъ.

Однако подчиненные, которые теоретически, а еще болѣе практически, знали всю подноготную въ лабиринтѣ тогдашняго крючкотворства, умѣли вознаграждать себя на счетъ низшихъ классовъ населенія, производя въ свою пользу разные поборы, торгуя правосудіемъ и утайная часть положеннаго вознагражденія рабочимъ, отчего не разъ возникали стачки и народныя волненія.

Собственно коронными чиновниками Египта считались занимавшіе должности Муръ (предстоятели), Сехатъ (просвѣтители) и Уръ (великіе), къ нимъ же причислялись все окружавшіе фараона чиновники, исполнявшіе различныя придворныя обязанности и именуемые общимъ именемъ Емхетъ, т. е. свита. Высшимъ сановникамъ фараонъ жаловалъ слѣдующіе титулы: Ерпа (наслѣдственно-великій), Ха

(князь), Сетъ (свѣтлѣйшій), Семеръ-Уатъ (довѣренный другъ) и нѣкот. друг. 1).

Итакъ управленіе Египтомъ отъ древнѣйшихъ временъ до эпохи персидскаго владычества находилось въ рукахъ надежнаго фараонскаго орудія—многочисленной бюрократіи, обязанности которой, для того времени, были точно разграничены и которая, исписывая массу терпѣливо все сносившихъ папирусовъ, вела свою отчетность въ самомъ исправномъ порядкѣ. Это была громадная машина съ множествомъ приводовъ и хорошо пригнанныхъ колесъ, управляемая фараономъ и правильный ходъ которой зависѣлъ главнымъ образомъ отъ непрекословнаго повиновенія младшихъ членовъ общества вышнимъ. Въ древнемъ Египтѣ писалось очень много и убійственный канцеляризмъ съ не менѣе убійственнымъ рутинерствомъ свилъ себѣ прочное гнѣздо на берегахъ священнаго Нила.

Между дошедшими до нашего времени папирусами находится огромное число административныхъ донесеній, отчетовъ, представленій и докладовъ, изъ которыхъ видно, что фараонскій Египетъ былъ зараженъ какой-то противоестественной страстью къ перепискѣ и бумагомаранію и что по поводу самага ничтожнаго дѣла строчилось большое количество папирусовъ. Изъ-за какого-нибудь не внесеннаго въ вѣдомость мѣшка съ зерновымъ хлѣбомъ производилась переписка, тянувшаяся иногда продолжительное время, при чемъ дѣло зачастую погрязало въ бумажной волокитѣ.

Случалось нерѣдко и такъ, что бдительный контроль, долго копавшійся въ различныхъ отчетахъ и реестрахъ, обнаруживалъ казнокрадство, находя поддѣльные цифры въ вѣдомостяхъ съ цѣлью скрыть хищеніе изъ хлѣбныхъ складовъ, практикуемое писарями и амбарными смотрителями, большинство которыхъ были отъявленные воры и казнокрады, думавшіе только о томъ, чтобы потуже набить свои карманы и попользоваться казеннымъ добромъ.

Такъ изъ одного „хлѣбнаго“ слѣдствія выяснилось, что въ житницѣ, принадлежавшей богу Аммону, въ моментъ, когда ее запирали, содержалось двѣ тысячи четвериковъ пшена, а спустя три мѣсяца оказалось, что изъ этого количества украдено восемьсотъ четвериковъ, при чемъ было удостовѣрено, что кража эта совершена писарями, представленными вести отчетность по приходу-расходу пшена, что имъ удалось благодаря, если не прямому, то по крайней мѣрѣ, косвенному содѣйствію со стороны алчныхъ амбарныхъ смотрителей.

1) Бругш. Ibid. 112.

Отсюда видно, что казнокрадство въ древнемъ Египтѣ процвѣтало не менѣе, чѣмъ въ наше время и, надо полагать, приводило виновныхъ въ казенное помѣщеніе, именуемое тюрьмою, а въ исключительныхъ случаяхъ и на висѣлицу, какъ это можно усмотрѣть изъ дѣла библейскаго „хлѣбодара“, очевидно, замѣшеннаго въ кражѣ припасовъ изъ царскихъ житницъ.

Фараону принадлежали имѣнія, земли, усадьбы, дома, склады и дворцы, состоявшіе подъ управленіемъ и наблюденіемъ чиновниковъ, пользовавшихся всѣми выгодами приближеннаго положенія: одни изъ нихъ завѣдывали житницами и амбарами, другіе имѣли наблюденіе за царскимъ погребомъ, третьи вѣдали его кухней и пекарнями, четвертые—чесали высочайшихъ собакъ и т. п.

Были и такіе, обязанности которыхъ состояли въ изысканіи увеселеній для фараона и его семейства: эти господа устраивали разнаго рода празднества, увеселительныя прогулки, зрѣлища, ловя всякій случай къ разнообразію торжествъ или же просто на просто пускали въ ходъ свое умѣнье балагурить и, благодаря своему шутовству, умѣли выслуживаться и прекрасно обдѣлывать свои дѣлишки. Понятно, какое тутъ раздолье было интриганамъ!

Дворъ и страна управлялись именными повелѣніями фараона какъ словесными, такъ равно и письменными, передаваемыми номархамъ при помощи многочисленнаго чиновничества, которое какъ мы видѣли, глубоко всосалось въ государственную жизнь страны, представляя изъ себя злокачественный чирій на общественномъ строѣ Египта, постепенно заражавшій его надломленный государственный организмъ чиновничьимъ ядомъ.

Удивляться этому нечего: если даже въ настоящее время не всѣ государства дошли до мысли, что „pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins“ (хорошо управлять, значитъ управлять какъ можно меньше), то что же сказать о древней монархіи фараоновъ?

Между чиновниками рѣдко попадались талантливые люди, но за то, подобно вообще людямъ, воспитывающимся въ канцеляріяхъ, всѣ они отличались громаднымъ трудолюбіемъ, необыкновенной аккуратностью, доходившей до педантизма и поразительной усидчивостью при работѣ, доставлявшей имъ почетъ и матеріальныя выгоды, что впрочемъ, не мѣшало этимъ алчнымъ писаришкамъ брать взятки и вообще позволять себѣ незаконные источники доходовъ, выжимая послѣдніе изъ низшаго податнаго класса.

Къ высшимъ сановникамъ древняго Египта принадлежали еще члены такъ называемой, *коллегии Великихъ Юга*, т. е. собранія на-

чальниковъ южныхъ областей, которые жили обыкновенно при дворѣ царствовавшаго фараона и исполняли разнообразныя порученія по управленію провинціями, судебнымъ дѣламъ, искусственному орошенію и т. п. Въ общемъ ихъ можно приравнять къ чиновникамъ высшаго ранга въ египетской іерархіи.

4. Юстиція. Законодательная дѣятельность древней страны фараоновъ намъ мало извѣстна, за то о содержаніи законовъ, насколько можно въ этомъ отношеніи вѣрить Діодору, мы знаемъ многое такое, что можетъ дать понятіе объ оригинальномъ взглядѣ египтянъ на право.

Основной принципъ египетскаго законодательства заключался въ томъ, что слѣдуетъ *лишить преступника возможности повторить преступленіе*. Поэтому, напримѣръ, за выдачу непріятелю государственныхъ тайнъ присуждали къ отрѣзанію языка, за поддѣлку металлическихъ слитковъ, игравшихъ въ странѣ роль монетъ, вѣсовъ и печатей, а равно и за составленіе ложныхъ актовъ лишали обѣихъ рукъ и т. д.

Другое основное начало, господствовавшее въ законодательствѣ, сводилось къ тому, что *должно предупреждать преступленія*, и что всякій, кто пренебрегалъ названной обязанностью, подлежалъ наказанію. Сообразно съ этимъ взглядомъ, всякого, кто видѣлъ совершеніе убійства и не старался ему воспрепятствовать, наказывали, какъ за пособничество.

Если свидѣтель былъ поставленъ въ физическую невозможность предотвратить совершеніе убійства, то ему вмѣнялось въ неуклонную обязанность донести суду на виновныхъ, если же онъ этого не исполнялъ, то ему отсчитывали узаконенное число палочныхъ ударовъ и на трое сутокъ лишали пищи.

Наконецъ третья особенность египетскаго законодательства, по увѣренію греческихъ писателей, отмѣчена той оригинальной чертой что можно было *обвинить челоѵка судебнымъ порядкомъ даже послѣ смерти* и въ случаѣ доказаннаго преступленія покойникъ лишался чести погребенія.

По египетскимъ законамъ преднамѣренное убійство наказывалось строже, чѣмъ у грековъ и римлянъ, но было сдѣлано исключеніе въ томъ отношеніи, что тотъ, кто убиваетъ существо, которому самъ далъ жизнь, по воззрѣнію законодателя, не такъ виновенъ, какъ убійца посторонняго челоѵка.

Исходя изъ подобнаго воззрѣнія, законъ наказывалъ родителей, обвиненныхъ въ убійствѣ собственныхъ дѣтей, лишь тѣмъ, что три дня и три ночи сряду они принуждены были подъ надзоромъ стражи держать на рукахъ трупъ убитаго ими ребенка.

Осужденная на смерть беременная женщина подвергалась казни только послѣ родовъ, такъ какъ считалось несправедливымъ заставлять невинное существо раздѣлять наказаніе виновной матери и проступокъ, совершенный однимъ лицомъ, искупать смертію двухъ.

За насиліе, учиненное надъ свободной женщиной, виновнаго подвергали оскотленію, ибо въ преступленіи этомъ законодатель видѣлъ наличность трехъ проступковъ: оскорбленіе, развратъ и спутаніе принадлежности дѣтей.

За прелюбодѣяніе, совершенное по обоюдному соглашенію, мужчина присуждался къ полученію тысячи ударовъ палками, а женщина къ отрѣзанію носа; очевидно, законодатель имѣлъ въ виду подобнымъ физическимъ уродствомъ лишить адюльтрису вѣроятной возможности обольщать сильную половину рода человѣческаго, основательно рассуждая, что безноса я женщина для мужчины совсѣмъ не находка. Впрочемъ, къ послѣднему свѣдѣнію, сообщаемому тѣмъ же Діодоромъ, мы, признаемся, относимся съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ будетъ показано далѣе, египтянки далеко не щеголяли добродѣтелью и развратъ въ странѣ фараоновъ былъ явленіемъ обычнымъ, которое, что называется, было въ порядкѣ вещей, не привлекая особеннаго вниманія, а при наличности указанныхъ условій врядъ ли допустимы столь суровыя наказанія, не говоря уже про то, что извѣстный древне-восточный обычай узаконилъ плотское сближеніе мужчины съ женщиной на почвѣ чисто религіозной подкладки (см. Положеніе женщинъ).

Правосудіе въ фараоновскомъ Египтѣ соблюдалось весьма строго и судебная организація, въ которой господствовало выборное начало, а не бюрократическое, была почти независима отъ царской власти. Замѣчательнымъ постановленіемъ являлось, что должники за долги свои не отвѣтствовали своею личностью, но должны были обезпечивать ихъ собственнымъ имуществомъ.

Совсѣмъ иное было, на примѣръ, въ древнемъ Римѣ, когда несостоятельный должникъ могъ быть не только выгнанъ изъ своего земельного участка, который былъ предоставленъ плебею лишь условно, но и проданъ за долги въ рабство, не упоминая уже про то, что за такими обдолжавшимися лобусами гонялись съ кандалами и тюрьмами чуть не по всей Италіи.

Въ указанномъ отношеніи страна фараоновъ была несомнѣнно впереди.

Геродотъ говоритъ о законѣ, разрѣшавшемъ займы подъ залогъ муміи предковъ, при чемъ неисправный должникъ лишался чести быть погребеннымъ въ семейномъ склепѣ и лишалъ этой почести тѣхъ изъ дѣтей, которые умирали до выплаты всей задолженной суммы.

Ростовщичество было ограничено и проценты не могли превышать основнаго капитала; долгъ считался недѣйствительнымъ, если должникъ утверждалъ торжественной клятвой, что онъ ничего не долженъ кредитору, который не могъ представить документа, удостоверяющаго его право на полученіе долга.

Какъ это ни странно, но воровство было терпимо; занимавшіеся этимъ „ремесломъ“ составляли особое общество со своимъ начальникомъ, который велъ реестръ всѣмъ украденнымъ вещамъ и отъ котораго можно было возвратить послѣднія, уплативъ въ пользу воровской шайки четвертую часть ихъ стоимости.

Колдовство само по себѣ въ преступленіе не вмѣнялось; кто желалъ имъ заниматься, тому законъ этого прямо не запрещалъ, преслѣдовалась только цѣль колдовства, если она клонилась кому-нибудь во вредъ. Колдовство было орудіемъ преступленія, но не преступленіемъ.

Изъ дошедшихъ до нашего времени контрактовъ, найденныхъ въ гробницахъ и касавшихся продажи и найма недвижимыхъ имуществъ, видно, какими гарантіями и формальностями была окружена собственность въ монархіи фараоновъ. Къ сожалѣнію, въ папирусахъ, намъ извѣстныхъ, не имѣется ни одного оригинальнаго и достовѣрнаго документа, который относился бы къ гражданскому процессу ¹⁾.

По словамъ Діодора, клятвенное преступленіе наказывалось смертью, ибо въ немъ, по понятію египтянъ, сосредоточивалось два преступленія самыхъ тягчайшихъ: одно противъ боговъ, другое противъ людей. Каждый египтянинъ—продолжаетъ греческій историкъ—долженъ былъ, по требованію, представить въ судъ письменное свидѣтельство съ указаніемъ своихъ средствъ къ существованію; тотъ, кто доставлялъ ложныя свѣдѣнія или же пріобрѣталъ средства къ жизни незаконнымъ путемъ приговаривался къ смерти. Ложнаго доносчика подвергали тому наказанію, какое было опредѣлено за преступленіе, о которомъ онъ доносилъ.

Ни одинъ судья не имѣлъ права назначить произвольнаго наказанія; въ этомъ отношеніи былъ установленъ точный предѣлъ ка-

¹⁾ Lenormant, цит. соч. 161.

рательной власти, предоставленный объявителю приговора, при чемъ судьи, осудившіе невиннаго челоуѣка на смерть, подвергались закономъ такой же карѣ, какъ если бы совершили убійство.

За маловажные проступки наказывали палками или лишали въ теченіе извѣстнаго времени содержанія, за болѣе крупныя — ссылали въ каменоломни, отбирали имущество, рубили головы и вѣшали. Позволеніе самому лишиться себя жизни разсматривалось какъ милость, даваемая фараономъ и распространялось главнымъ образомъ на привилегированныя классы. Съ теченіемъ времени смертная казнь замѣнялась ссылкой въ каменоломни и принудительной работой въ общественныхъ постройкахъ.

Благодаря прочтеннымъ въ послѣднее время папирусамъ, знакомящихъ насъ со многими египетскими учрежденіями и установленіями, можно составить себѣ представленіе объ уголовномъ законодательствѣ въ странѣ фараоновъ и освѣтить до тѣхъ поръ тусклый вопросъ о пыткѣ.

Пытка, какъ способъ отбирать свидѣтельскія показанія и вынуждать признанія обвиняемыхъ, въ Египтѣ примѣнялась ко всѣмъ преступникамъ, обвиненнымъ въ чемъ-либо. Если обвиняемый умеръ, то передъ началомъ судебного засѣданія пытали членовъ его семейства, оставшихся въ живыхъ, которые должны были отвѣчать за него на вопросы суда. Повидимому наиболѣе примѣняемою пыткой египетскаго уголовного законодательства являются палочныя удары.

Сцены битья палкой встрѣчаются на самыхъ древнихъ памятникахъ въ огромномъ изобиліи. Виновный изображенъ нагнувшимся или лежащимъ на землѣ и получаетъ удары, расточаемые ему представителемъ власти.

Было ли ограничено число ударовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ указѣ фараона Херемхиба (см. Исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ), гдѣ опредѣляется число палочныхъ ударовъ для каждаго отдѣльнаго случая.

Такъ, между прочимъ, въ этомъ указѣ говорится: „Законъ будетъ примѣненъ къ нему посредствомъ ста палочныхъ ударовъ до тѣхъ поръ, пока не откроется пять ранъ на его тѣлѣ“. Палочныя удары, какъ свидѣтелямъ, такъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ обвиняемымъ и преступникамъ, наносились по рукамъ и ногамъ. Rarugus Maueг опредѣляетъ совершенно ясно цѣль этого: къ преступникамъ была примѣнена пытка посредствомъ палочныхъ ударовъ по рукамъ и по ногамъ, чтобы дать имъ наглядное понятіе о томъ способѣ, посредствомъ котораго было совершено ими преступленіе.

Формула судебного протокола слѣдующая: „Воръ Несумонту былъ призванъ. Онъ былъ допрошенъ съ примѣненіемъ наказанія палкой по рукамъ и ногамъ“. Если преступникъ умиралъ ранѣ начала судоразбирательства, то, какъ сказано, на его мѣсто призывался его родственникъ, который долженъ былъ отвѣчать за него и, слѣдовательно, также подвергался предварительной пыткѣ.

Жрецъ (т. е. очевидно жреческій ученикъ) Несуамонъ, сказано въ *Rarugus Maueg*, былъ вызванъ судомъ на мѣсто его умершаго отца. Онъ былъ допрошенъ подъ пыткой. Судьи сказали ему: „Скажи намъ, какъ пришелъ твой отецъ съ этими людьми, бывшими его сообщниками“.

Онъ отвѣчалъ имъ: „Правда, мой отецъ находился съ ними, но такъ какъ въ то время я былъ маленькимъ ребенкомъ, то не могу объяснить какъ это случилось“. Очевидно, отвѣтъ Несуамона не понравился судьямъ и онъ былъ снова подвергнутъ пыткѣ и при слѣдующемъ допросѣ измѣнилъ показаніе. „Я увидалъ работника Агутиннофера“, говорилъ онъ послѣ вторичной пытки: „Несуамонъ вмѣстѣ со сторожемъ Ноферомъ, сыномъ Мервера и работникомъ Н., всего троихъ. Я ихъ видѣлъ и, правда, золото было унесено, а я знаю этихъ людей“.

Несуамона въ виду сбивчивости его показаній и того обстоятельства, что ранѣ онъ ссылался на свой юный возрастъ, пытаются еще разъ, и онъ повторяетъ все показанное имъ и окончательно обвиняетъ видѣнныхъ имъ лицъ въ кражѣ золота.

Изъ вышеизложеннаго видно, что по египетскимъ уголовнымъ законамъ пытка примѣнялась нѣсколько разъ подрядъ, особенно въ томъ случаѣ, когда обвиняемый отказывался отвѣчать послѣ первой пытки.

Женщины также не были изъяты отъ примѣненія къ нимъ пытки: одинъ изъ папирусовъ повѣствуетъ о томъ, что нѣкая Анири была привлечена судомъ къ отвѣтственности, при чемъ была подвергнута палочнымъ ударамъ по рукамъ и ногамъ.

Изъ содержанія *Rarugus Maueg* можно заключить, что въ древнемъ Египтѣ существовало нѣсколько степеней палочныхъ ударовъ: просто палочные удары, палочные удары съ пристрастіемъ и строгіе палочные удары, какъ они называются въ текстѣ протоколовъ египетскаго судопроизводства.

Масперо слѣдующимъ образомъ рисуетъ трагическую сцену палочной экзекуціи. Обвиняемый лежитъ распростертый на землѣ, обнаживъ тѣло для ударовъ. Двое друзей держатъ его за руки, двое

за ноги... Кругомъ раздаются вопли жены и сына, обращенные къ палачу:

„Бей по землѣ! ради боговъ, бей по землѣ, господинъ!..“ И въ самомъ дѣлѣ—продолжаетъ Масперо—зачастую палачъ только дѣлаетъ видъ, что истязуетъ жертву: свирѣпый свистъ и удары бича градомъ сыпятся, ударяя въ землю среди дикихъ завываній несчастнаго, который не жалѣетъ глотки, чтобы сыграть роль, какъ можно реальнѣе ¹⁾.

Право первородства не существовало въ фараоновскомъ Египтѣ: всѣ дѣти, не исключая незаконнорожденныхъ, имѣли одинаковыя права на наслѣдство и законъ совсѣмъ не допускалъ различія между ними.

Объ имущественныхъ правахъ женщинъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Что касается, вслѣдъ за симъ, до остальныхъ правовыхъ постановленій, то древній Египетъ, какъ вѣрно замѣчено, представлялъ собою образецъ *полицейскаго государства*, гдѣ все до мельчайшихъ подробностей регулировалось формальностями и предписаніями.

Каждому занятію, ремеслу, искусству, каждой отрасли промышленности соотвѣтствовала извѣстная корпорація, въ которой наслѣдственность занятій устанавливалась, впрочемъ, скорѣе естественнымъ порядкомъ, нежели давленіемъ закона.

Здѣсь мы какъ будто встрѣчаемся съ предтечей средневѣкового городского быта, въ которомъ люди, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же ремесломъ, соединялись вмѣстѣ для взаимной помощи, поддержки и защиты во имя общихъ интересовъ, но въ то время какъ организація кучки безправныхъ египетскихъ ремесленниковъ предназначалась для достиженія мелкихъ цѣлей во имя специальныхъ интересовъ, организованная общественная сила средневѣковыхъ цеховъ могла пригодиться, и дѣйствительно пригодилась для иной, болѣе высокой и крупной цѣли.

Должности судей замѣщались большею частью лицами изъ жреческаго сословія, при чемъ онѣ нерѣдко соединялись съ административными должностями, что можно видѣть на примѣрѣ номарховъ, безконтрольно распоряжавшихся и учинявшими расправу каждый въ своей области.

Если вѣрить извѣстіямъ, сообщаемымъ греческими писателями, то изъ трехъ городовъ, въ которыхъ находились лучшія жреческія коллегіи (Мемфисъ, Геліополисъ и Фивы), выбирались тридцать судей жрецовъ, по десяти отъ каждаго города съ предсѣдателемъ во главѣ,

¹⁾ Maspero. *Or. de L'Ég.* 342.

который имѣлъ на шеѣ особый знакъ своего достоинства — золотую цѣпь, надѣвавшуюся при открытіи засѣданія.

Дѣлопроизводство лишено было устности и гласности и производилось письменнымъ порядкомъ: обвинитель или истецъ подавалъ жалобу, въ которой указывалъ на размѣръ вознагражденія, слѣдующаго ему въ возмѣщеніе убытковъ (при гражданскомъ процессѣ) или же просилъ о наказаніи виновнаго (въ уголовныхъ дѣлахъ).

Обвиняемый или его защитникъ составляли письменный отвѣтъ на каждый пунктъ жалобы противной стороны, послѣ чего судъ приступалъ къ произнесенію приговора, объявляемаго, впрочемъ, также письменно, на свиткѣ папируса и скрѣпленнаго печатью председателя, который, вслѣдъ затѣмъ, снималъ съ себя золотую цѣпь и надѣвалъ ее на оправданнаго или выигравшаго процессъ, чѣмъ и заканчивался разборъ дѣла, считавшагося рѣшеннымъ окончательно.

Такъ была поставлена на берегахъ Нила процессуальная сторона судопроизводства.

Кромѣ судей, надписи еще упоминаютъ о лицахъ, носившихъ титулъ „тайные учителя, изслѣдующіе слова“. Что это были за должности сказать трудно: можно только предположить, что такъ назывались старые крючкотворы или, выражаясь современнымъ языкомъ, слѣдователи по особо важнымъ дѣламъ, производившіе точное разслѣдованіе исключительныхъ происшествій, заключавшихъ въ себѣ признаки особыхъ преступленій.

Такимъ образомъ въ отношеніи правосудія древній Египетъ былъ обставленъ весьма недурно, но со всѣмъ тѣмъ нельзя безусловно довѣрять надгробнымъ надписямъ, въ которыхъ всегда подчеркивается правосудіе судьи и его ревностное стремленіе предупредить неправду. До насъ дошла надгробная надпись одного изъ областныхъ правителей, намѣстника Хмуну (Гермополисъ), посвященная прославленію качествъ честнаго номарха, по имени А м е н и, который жилъ при фараонѣ Усургусенѣ I (см. XII династія) и, повидимому, зарекомендовалъ себя прекраснымъ и справедливымъ администраторомъ—судьей.

«Я былъ добрый начальникъ — гласитъ эта надпись — я любилъ свою страну... я самъ работалъ и весь номъ былъ также постоянно въ работѣ. Никогда не огорчилъ я даже малаго ребенка, никогда не обидѣлъ вдову, никогда не отталкивалъ земледѣльца, никогда не злоупотреблялъ я посылкой казенныхъ людей для моихъ хозяйственныхъ личныхъ работъ. И не было голода, не встрѣчалось голоднаго даже въ годы бѣдствій въ управленіе мое, потому что я обрабатывалъ всѣ земли съ сѣвера до юга въ номѣ Мннн... Я не давалъ никогда предпочтенія богатому передъ бѣднымъ»...

Насколько здѣсь можно довѣрять этому памятнику—другой вопросъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что среди продажныхъ чиновныхъ тунеядцевъ, плодившихъ тяжбы и торговавшихъ юстиціей, могли встрѣчаться и такіе высоконравственные правители, какимъ, судя по вышеупомянутой надписи, былъ Амени.

Подводя итогъ сказанному, мы должны признать, что несмотря на нѣкоторыя слабыя стороны древне-египетской юстиціи, она всегда стояла на стражѣ справедливости и закона, защищая интересы всѣхъ классовъ общества и въ указанномъ смыслѣ далеко оставила за собою и германскую юстицію конца XVIII вѣка, и наши дореформенные суды, дѣла въ которыхъ, при плохомъ гражданскомъ законодательствѣ, рѣшались по произволу ¹⁾.

Это было истинное разореніе сель: устроился новый судъ—все равно, что завелся новый кабакъ. Какая безконечная разница съ юридической равноправностью всѣхъ классовъ населенія передъ лицомъ закона въ древнѣйшей монархіи фараоновъ!

5. Судебные процессы. До нашего времени дошли обширныя выдержки изъ актовъ, относившихся къ двумъ судебнымъ процессамъ. Одинъ изъ упомянутыхъ актовъ касается широкоразвѣтвленнаго заговора, мѣстомъ дѣйствія котораго служилъ гаремъ одного изъ фараоновъ XX династіи—Рамзеса III.

Наука обязана покойному Деверіа первымъ объясненіемъ туринскаго папируса, которое пролило свѣтъ на это въ высшей степени любопытное сказаніе ¹⁾.

Мы не станемъ приводить здѣсь полностью судебный папирусъ Турина, равно какъ и отдѣлы папирусовъ Lee et Rollin, содержащихъ въ себѣ отрывки изъ актовъ, относящихся къ указанному заговору, но постараемся въ общихъ чертахъ познакомить читателей съ ходомъ уголовного процесса, возникнувшаго изъ открытія дворцоваго заговора, нити котораго, какъ видно изъ содержанія Туринскаго папируса, проходили не только черезъ гаремъ, но и черезъ всѣ придворныя переднія и дѣвичьи.

Одна изъ наложницъ Рамзеса III, по имени Ти (Thi), задумала устроить дворцовую революцію и свергнуть этого фараона съ пре-

¹⁾ Отсюда и родилась извѣстная поговорка, пущенная въ ходъ нашими подъячими и стряпчими: «Законъ—это дышло, куда повернешь, туда и вышло».

²⁾ Deveria «La papyrus judiciaire de Turin», гдѣ находится переводъ документовъ этого процесса, снабженный комментаріями.

стола, чтобы облечь царской властью своего сына Пентоириту ¹⁾; взбалмошная, но энергичная бабенка, стремившаяся къ своей цѣли съ упорствомъ разозленной кошки, не только встрѣтила полное сочувствіе своихъ гаремныхъ подругъ, но и сумѣла заручиться содѣйствіемъ придворныхъ чиновниковъ, которые преслѣдуя свои цѣли, оказались весьма склонными къ предстоявшей перспективѣ — мутить воду и потомъ ловить въ ней рыбу.

* Списокъ доморощенныхъ заговорщиковъ папирусъ приводитъ цѣликомъ. Кромѣ шести женщинъ, игравшихъ роль главныхъ запѣвалъ въ революціонномъ хорѣ, участіе въ заговорѣ приняли:

Управляющій домомъ Ти, нѣкій

1	Бокакамонъ.	{ Первый служилъ посредникомъ между придворными и женщинами гарема, равно какъ и трое остальныхъ которые (говоритъ папирусъ) «связали себя клятвой, чтобы учинить злодѣяніе господину своему».
2	Местусура.	
3	Панаукъ.	
4	Пентуауу.	
5	Пиниеемтуаммонъ (землемѣръ), знавшій о заговорѣ, но не донесшій о немъ.	

6 Землемѣръ Карпуса.

7 » Хамапетъ.

8 » Хаеммаауро.

9 » Сетиемитуть.

{ Папирусъ обвиняетъ названныхъ лицъ въ томъ, что находясь «на службѣ женскаго дома они слышали рѣчи, о которыхъ умолчали», иначе говоря въ умышенномъ недонесеніи о заговорѣ.

10 Совѣтникъ (?) Уарома. «ушной свидѣтель, державшій уста закрытыми».

11 Военачальникъ Піасъ. «имѣлъ дѣятельное соучастіе съ Бакакамономъ».

12 Принцъ Петоириту. «принималъ участіе въ заговорѣ за мать свою Ти».

13 Помощникъ Бокакаммона, Аххибсетъ.

14 Казначейскій писарь Пилока.

15 Совѣтникъ Инни.

16 Казначей Пикети.

17 Военачальникъ Банемусъ.

{ Были привлечены къ суду за то, что фактически принимали участіе въ заговорѣ и слушали «рѣчи Бокакаммона, не донося о томъ, а послѣдній кромѣ того получилъ посланіе отъ сестры, уговаривавшей его совершить злодѣяніе противъ своего господина».

18 Совѣтникъ Ханутенамонъ.

19 Служитель Аменхау.

20 Писарь Піари.

{ Обвинялись и были привлечены къ суду какъ «ушные свидѣтели», знавшіе о заговорѣ, но не донесшіе о немъ.

21 Совѣтникъ Пи-Бастъ.

22 Писарь Маи.

23 » Мессуи.

{ Названные придворные были замѣшаны въ заговоръ, но въ чемъ фактически выразилось участіе въ немъ cadaго неизвѣ-

¹⁾ Очевидно фиктивное имя.

24 Писарь Шатъ-Сотемъ.	} стно, такъ какъ въ слѣдствіи, веденнымъ надъ заговорщиками не достаетъ многихъ частей; съ большей или меньшей вѣроятностью можно лишь допустить предположеніе, что они принадлежали къ числу «ушныхъ свидѣтелей», которые, будучи освѣдомлены о заговорѣ, не донесли о немъ.
25 Военачальникъ Таинахта.	
26 » Нанаи.	
27 » Камонъ.	
28 Знаменосецъ Хора.	
29 Совѣтникъ Небцефау	
30 Жрецъ богини Сехетъ Ири.	

Для вящаго успѣха конспиранты сочли, разумѣется, долгомъ прибѣгнуть къ волшебству; въ собственной библиотекѣ фараона, при содѣйствіи каменщика, по имени Атирма отыскали они книгу, содержащую всѣ тайны магіи и по рецептамъ ея состряпали изъ воска нѣсколько куколъ, которые, если бы удалось только внести ихъ во дворецъ, распространили бы тамъ убійственную заразу или, какъ сказано въ отчетѣ о судѣ надъ заговорщиками, „хотѣли привести въ исполненіе всякія гнусности и злодѣянія, внушающія ужасъ всѣмъ богамъ и богинямъ“.

Но нѣтъ, говорятъ, такого заговора, въ которомъ не было бы своего Іуды; нашелся онъ и здѣсь, хотя мы не знаемъ его имени. Виновные были отданы подъ судъ, при чемъ фараонъ особенно заботился, чтобы происшествіе это не огласилось въ публикѣ. Вотъ его подлинныя слова, обращенныя къ судьямъ:

„О чемъ злоумышляли эти люди, я не знаю, послѣдите обнаружить истину, выслушайте ихъ, приговорите виновныхъ къ смертной казни и пусть они примутъ смерть отъ собственной руки“.

Очевидно, преступники были судимы не обыкновеннымъ, а чрезвычайнымъ судомъ. Имена судей полностью сохранены папирусомъ. Это были:

1 хранитель казны Монтуемтауи.	7 Совѣтникъ Піарусунъ.
2 » » Паифроуи.	8 » Тутрехноферъ.
3 носитель опахала Каро.	9 Переводчикъ Пенреннъ.
4 Совѣтникъ Пибесатъ.	10 Писарь Маи.
5 » Кеденденъ.	11 » Праемхибъ.
6 » Ваалмахаръ.	12 Знаменосецъ Хора.

Послѣдній показанъ въ числѣ подсудимыхъ и, надо полагать, какъ замѣшанный въ заговоръ, онъ дѣйствительно былъ лишенъ своего мѣста и званія, раздѣливъ участь остальныхъ преступниковъ; по крайней мѣрѣ въ туринскомъ папирусѣ встрѣчается косвенное указаніе въ видѣ назначенія новаго судьи Меріусіаммона вмѣсто бывшаго, которымъ, по всей вѣроятности былъ упомянутый знаменосецъ Хора.

Что касается до писаря Маи, имя котораго фигурируетъ какъ въ числѣ преступниковъ, такъ равно и въ спискѣ судей, то это, конечно, совпаденіе, вызванное аналогіей между именами.

Чрезвычайный судъ, какъ и слѣдовало ожидать, приговорилъ заговорщиковъ „къ увольненію отъ жизни“, т. е. къ смертной казни, при чемъ по милости фараона они исполнили приговоръ сами надъ собой, оканчивая жизнь самоубійствомъ. Менѣе виновныхъ пощадили, отрѣзавъ имъ лишь носы и уши за то, что они „упустили дать полное показаніе при ихъ допросахъ“. Какъ поступили съ главными руководительницами заговора, гаремными женщинами и ихъ ближайшими пособницами,—намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Другой изъ дошедшихъ до насъ судебныхъ актовъ былъ направленъ противъ шайки воровъ, избравшихъ предметомъ грабежа многочисленныя царскія гробницы на западной сторонѣ Фивъ ¹⁾.

Разграбленіе этихъ богатыхъ усыпальницъ (главнымъ образомъ къ концу эпохи Рамессидовъ), при пошатнувшейся нравственности народа, было самымъ зауряднымъ дѣломъ и составляло для воровъ вѣрнѣйшее средство наживы. Могилы древнѣйшихъ фараоновъ обкрадывались не менѣе могилъ богатыхъ сановниковъ.

Нужно знать, что при фараонахъ-завоевателяхъ каждая война доставляла въ страну извѣстный контингентъ военноплѣнныхъ сирійцевъ, ливійцевъ или негровъ, а при послѣднихъ Рамессидахъ поставщицей людей вмѣсто войны, такъ долго сохранявшей за собой это право, становится торговля, вызывающая обильный спросъ на не менѣе обильныя предложенія.

Съ теченіемъ времени всѣ эти плѣнные или рабы, мужчины и женщины, благодаря смѣшаннымъ бракамъ, утрачивая отличительныя національныя черты, сливались съ чистокровными египтянами, распатывая древнюю живучую расу и понижая ея наслѣдственные культурные признаки.

Эта адаптація, образовавшаяся путемъ естественной дѣятельной селекціи (подбора), шла настолько успѣшно, что въ конечномъ итогѣ, черезъ пять-шесть поколѣній, получился особый приспособленный и уравненный типъ обитателя нильской долины. Въ южную часть страны обильно вливалась кровь чернаго человѣка, а Дельта широко распахнула свои двери всевозможнымъ націямъ съвера и съверо-запада.

---

¹⁾ Въ папирусѣ Аббота, составляющемъ собственность Британскаго музея, есть упоминаніе о взломѣ и ограбленіи древнихъ царскихъ гробницъ во времена XX династіи и о произведенномъ по этому поводу слѣдствіи.

Благодаря растворенію чистокровной египетской наці въ океанѣ чужеземной, полуварварской культуры, образовалась раса довольно таки смѣшанная и пестрая, въ которой, какъ это обыкновенно бываетъ, соединялись все недостатки и пороки смѣшанныхъ расъ.

Плѣнные и рабы, для пріобрѣтенія которыхъ специально предпринимались походы, послужили, если такъ можно выразиться, испанской мухой, вытягивавшей обильную дрянь изъ національнаго государственнаго тѣла.

Можно себя представить, какъ глубоко должно было быть развращено подобное населеніе, атомы котораго были заражены недугомъ нравственнаго и житейскаго разгильдяйства.

Большинство этихъ господъ, составлявшихъ своего рода историческое несчастье фараоновскаго Египта, было занято при храмахъ, занимаясь ремеслами, связанными съ культомъ умершихъ и обычаемъ бальзамированія труповъ, нѣкоторые находились въ непосредственной зависимости отъ фараона или верховнаго жреца, исполняя различныя черныя работы и, наконецъ, малая часть оставалась свободной на горе себя и людямъ.

Понятное дѣло, что всевозможныя преступленія совершались среди этого вѣчно нуждавшагося, безпокойнаго люда, представлявшаго собой народъ отпѣтый, по которому давно уже плакалась висѣлица.

Наиболѣе многочисленныя преступленія сводились къ грабежу и кражѣ.

Кладбища являлись источникомъ богатой поживы для египтянина той эпохи, такъ какъ многія усыпальницы и могилы заключали въ себя муміи, покрытыя золотомъ и драгоценными камнями, что, конечно, не могло не возбуждать алчности грабителей.

Въ предупрежденіе профанаціи могилъ, пирамиды, какъ увидимъ ниже, до такой степени сбивчиво изрѣзывались ходами и корридорами, прямыми, изогнутыми, пересѣченными и перекрещенными между собою, что спустя нѣкоторое время и самъ строитель едва ли узналъ бы, гдѣ что положено внутри этихъ запутанныхъ храминъ. Сверхъ того, чтобы спасти хоть часть сокровищъ, въ усыпальницы закладывали по два клада—одинъ по дешевле клали на виду, такъ сказать, на приманку и добычу ворами, другой же настоящій и цѣнный, запрятавали въ самую глубь и такимъ образомъ иногда удавалось вводить въ обманъ алчныхъ грабителей.

Пробраться во внутренность катакомбы и достигнуть саркофага было нелегко и представляло очень сложную, трудно разрѣшимую задачу по той простой причинѣ, что требовалось производство

значительныхъ подкоповъ. Указанное обстоятельство, конечно, не могло быть по плечу одному человѣку и потому для облегченія задачи авантюристы стали соединяться въ воровскія шайки, занимавшіяся исключительно обираемъ могилъ.

Очевидная слабость правительства (то была эпоха господства „фараоновъ-лѣнивцевъ“), недовольство управляемыхъ классовъ, слабость надзора и собственная алчность грабителей столкнулись и зазвучали однимъ согласнымъ аккордомъ.

Подкупивъ крупными взятками мѣстную полицію, а иногда и при благосклонномъ участіи послѣдней, шайки грабителей смѣло взламывали гробницы, похищали драгоценности и обирали муміи, не только не щадя царскихъ усыпальницъ, но и предпочитая грабежъ ихъ всѣмъ остальнымъ могиламъ.

Бывало и такъ, что эти разбойники, проникнувъ во внутрь катакомбы и расхитивъ утварь, терзали мертвецовъ, мирно покоившихся въ глубинѣ своихъ могилъ, т. е. разбивали самыя муміи, чтобы похитить положенныя внутри ихъ драгоценности и потомъ для скрытія слѣдовъ преступленія такъ искусно приводили разбитую мумію въ прежній видъ, что по внѣшности никто не замѣтилъ бы, что она обкрадена. Въ составъ воровскихъ шаекъ входили люди всевозможныхъ профессій: тутъ были и простые рабочіе, и бродяги, и чиновники, и жрецы, и потомки выродившейся знати, и даже члены полиціи.

Весь некрополь подвергался систематическому грабежу.

Въ царствованіе Рамзеса IX судебное слѣдствіе, назначенное египетскимъ губернаторомъ Хамусомъ, открыло, что подземная гробница фараона XIII-й династіи Совкумсауфа была ограблена до чиста, что подъ склепы Энтуфа IV (XI-й династіи) и Аменофиса III (XVIII-й династіи) былъ сдѣланъ подкопъ и что та же участь угрожала усыпальницамъ другихъ царей ¹⁾.

Главныхъ виновниковъ оскверненія гробницъ судъ приговаривалъ всегда къ смертной казни, а пособниковъ къ наказанію плетью (ихъ драли нещадно), но, повидимому, подобная расправа мало приводила къ желаннымъ результатамъ, такъ какъ обкрадываніе гробницъ продолжалось систематически до того времени, пока Египетъ не испустилъ послѣдняго вздоха.

Нечего и прибавлять, что процессы противъ грабителей могилъ (которые, къ слову сказать, умѣли водить за носъ самыхъ изворот-

¹⁾ Папирусъ Абботъ.

ливыхъ сутягъ) всё относится ко времени упадка, когда матеріально и нравственно оскудѣвшая страна перенесла уже много крупныхъ потрясеній и перешла предѣлъ своей гражданской славы. Въ періодъ же разцвѣта Египта о подобныхъ процессахъ мы ничего не слышимъ.

6. Полиція и прочія административныя функціи. О поддержаніи внутренняго порядка и о выполненіи изданныхъ повелѣній заботилась тщательно организованная полиція, чиновъ которой по легко объяснимымъ причинамъ вербовали изъ чужеземныхъ племенъ, преимущественно изъ ливійцевъ и негровъ.

Названіе одного нубійскаго племени, покореннаго еще въ эпоху Древняго Царства, — Мацаи (мазіу) въ позднѣйшее время стало общеупотребительнымъ словомъ для обозначенія полицейскаго, а затѣмъ и солдата.

О способности этого племени къ полицейской службѣ мы ровно ничего не знаемъ, извѣстно только, что „египетскіе жандармы“, поднявшись съ низшихъ стадій культурно-общественной лѣстницы и обратившись въ „начальство“ надъ разоренной и приниженной массой, исполняли свои обязанности съ похвальной ревностью. Они наблюдали за общественнымъ порядкомъ и спокойствіемъ, употреблялись какъ сыщики при производствѣ всякаго рода слѣдствій, сопровождали арестантскіе транспорты, вынюхивали преступниковъ и т. д.

Эти фараоновскіе опричники, распространившіеся по Египту съ быстротой чужаднаго растенія, находились въ вѣдѣніи старшаго полицейскаго начальника, называвшагося Урѣ, которому, какъ видно изъ надписей, сверхъ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, поручался надзоръ за общественными постройками и работами не только въ предѣлахъ страны, но и внѣ ихъ. Въ послѣднемъ случаѣ за порядкомъ, напримѣръ, въ золотыхъ рудникахъ Нубіи или мѣдныхъ на Синайскомъ полуостровѣ наблюдали особо командированные мацаи, которые, сверхъ того, придавались иногда къ военнымъ отрядамъ.

Восточная окраина страны, населенная семитами и вообще „чужимъ народомъ“, находилась подъ управленіемъ Хиръ-Пита, т. е. „начальника чужеземцевъ“, званіе котораго имѣло, какъ кажется, и военное значеніе; въ помощь ему былъ приданъ цѣлый рой писарей, занимавшихся дѣломъ управленія и плодившихъ, разумѣется, огромную переписку, которой всё они кормились. Вмѣстѣ съ Адономъ, т. е. окружнымъ начальникомъ Хиръ-Питъ подчинялся фараоновскому Мер-н-ут-с-а-ту, который былъ чѣмъ то въ родѣ визиря и издавалъ постановленія, дѣйствуя царскимъ именемъ.

Изъ кн. Бытія ¹⁾ видно, что честь быть „Адономъ всей земли“ принадлежала Иосифу, пользовавшагося титуломъ шаллитъ и возведеннаго въ санъ Цаенатпаанеха, т. е. намѣстника Сестроитскаго нома.

Какъ на одно изъ характерныхъ культурныхъ явленій заслуживаетъ упоминанія то обстоятельство, что одна изъ Гизехскихъ гробницъ величаетъ лежащаго въ ней сановника первыхъ временъ VI-й династіи „завѣдующимъ книжнымъ домомъ“.

Слѣдовательно, уже въ ту отдаленную эпоху существовала литература настолько значительная, что наполняла библіотеки, цѣлые книжные дома, и этому придавалась такая важность, что храненіе царской библіотеки поручалось высокопоставленному придворному чиновнику.

О самой литературѣ у насъ рѣчь впереди.

По скудости достовѣрныхъ источниковъ трудно составить себѣ сколько нибудь опредѣленное понятіе о различнаго рода административныхъ органахъ фараоновскаго Египта, тѣмъ болѣе, что недостатокъ матеріала въ этомъ отношеніи особенно чувствителенъ; не доставляя ничего кромѣ пустыхъ именъ и титуловъ, толкомъ ничего не объясняющихъ или объясняющихъ очень мало, найденные отрывки папирусовъ не могутъ оказать изслѣдователю въ области египтологіи всей ожидаемой отъ нихъ пользы.

Такъ, напримѣръ, должность извѣстнаго библейскаго вельможи, Потифара, жена котораго пыталась соблазнить молодого еврея, означена семитическимъ словомъ Сарисъ; что такой за Сарисъ и въ чемъ заключались обязанности, связаннаы съ этой должностью, сказать довольно мудрено, несмотря на то, что названіе послѣдней встрѣчается въ египетскихъ надписяхъ и въ позднѣйшія времена, а равно упоминается въ Библии, въ книгѣ пророка Даніила ²⁾ и въ книгѣ Эсфирь ³⁾.

И такихъ досадныхъ недомолвокъ можно насчитать очень много.

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что политическіе перевороты и революціи влекли за собою многочисленныя перемѣны во многихъ отрасляхъ общественной власти, особенно при позднѣйшихъ династіяхъ, когда междоусобныя войны и гражданскіе перевороты приводили страну въ состояніе крайняго упадка и разложенія.

¹⁾ Кн. Бытія, 45, 8.

²⁾ Кн. прор. Даніила I, 3.

³⁾ Кн. Эсфирь I, 10.

О военныхъ должностяхъ, титулахъ и званіяхъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, равно какъ и объ остальныхъ спеціальныхъ органахъ государственной власти, нерѣдко совмѣщавшихся въ одномъ и томъ же лицѣ.

Указанный административный строй древняго Египта въ главныхъ своихъ чертахъ просуществовалъ нѣсколько тысячелѣтій, не смотря на массу переменъ, произведенныхъ какъ вторженіями чужеземцевъ и ихъ вліяніемъ, такъ равно и внутренними нараставшими потребностями общества.

4. Религія.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи религіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ историческомъ изслѣдованіи, важно понять зависимость, существующую между религіей какого нибудь народа съ одной стороны и степенью его цивилизаціи, его экономическимъ, политическимъ и социальнымъ развитіемъ съ другой. Вѣрованія составляютъ ту совокупность непродуманныхъ понятій, наклонностей, склада ума, моральныхъ предрасположеній, которою живетъ человѣчество и которая у большинства людей измѣняется очень медленно и безсознательно для нихъ самихъ.

Язычники не знали ни проповѣди, ни преподаванія вѣры, ни религіознаго воспитанія, ни общихъ публичныхъ собраній въ видахъ духовнаго совершенствованія. Сдѣлать человѣка болѣе добродѣтельнымъ не было призваніемъ служителя языческой религіи. Философскія ученія объ обязанностяхъ человѣка оставались большею частью внѣ всякой связи съ религіозными обрядами храма. Соединеніе этихъ двухъ задачъ, сліяніе нравственнаго воспитанія съ религіей посредствомъ торжественныхъ обрядовъ, съ цѣлью пробудить въ человѣкѣ сильное стремленіе къ непосредственному единенію съ небомъ, было важнѣйшимъ подвигомъ христіанства. Однако попытки этого рода мы встрѣчаемъ въ фараоновскомъ Египтѣ, какъ это будетъ выяснено далѣе.

И политическія, и гражданскія учрежденія страны находились въ тѣсной связи съ религіей; фараонъ въ буквальный смыслъ слова считался воплощеніемъ божества на землѣ; жрецы, помимо непосредственныхъ своихъ обязанностей, какъ служителей культа, принимали

видное участіе въ управленіи государствомъ, забирая въ свои руки контроль надъ административными функціями страны; никакая черта не разграничивала свѣтскую сферу отъ духовной.

Повидимому нельзя пожаловаться на скудость источниковъ для изученія названнаго вопроса,—изъ множества текстовъ, обнародованныхъ до сего времени, едва-ли не девять десятыхъ относятся къ религіи и мы видимъ, что вниманіе ученыхъ сосредоточивается за послѣдніе годы главнымъ образомъ на ней, благодаря чему по указанному предмету имѣется обширная литература, обладающая солидными научными достоинствами.

И несмотря на подобную кропотливую работу выдающихся египтологовъ, приводящихъ, повидимому, весьма вѣскіе аргументы и доказательства въ подкрѣпленіе своихъ гипотезъ, не только тѣ или другія подробности, но и самая сущность религіозныхъ воззрѣній древнихъ египтянъ истолковывается нерѣдко совершенно различнымъ образомъ.

Даже народамъ древняго міра все египетское казалось почтеннымъ и таинственнымъ, и дѣйствительно нѣкоторая таинственность до сихъ поръ наполняетъ воздухъ живучей нильской долины, особенно когда дѣло касается разсмотрѣнія религіознаго культа страны.

Извѣстнѣйшіе изслѣдователи въ области египтологіи признаются, что при современномъ состояніи науки нельзя еще написать исторію египетской религіи, а нѣкоторые писатели, пытавшіеся составить ея очеркъ, рѣзко отличаются другъ отъ друга, принимая за исходный пунктъ религіозныхъ воззрѣній египтянъ діаметрально противоположныя теоріи.

Недоразумѣніе сводится главнымъ образомъ къ тому, была-ли религія обитателей страны фараоновъ монотеистической, несмотря на проглядывающій сквозь бессмысленныя формы разнообразный политеизмъ или, напротивъ, будучи анимистической, она является квинтъ-эссенціей самаго грубаго многобожія. Фактически, однако, нельзя отрицать нѣкотораго противорѣчія, лежащаго въ основѣ египетской религіи и оно не объясняется удовлетворительнымъ образомъ ни тѣмъ, ни другимъ взглядомъ.

Видеманъ въ недавно изданной имъ книгѣ „Die Religion der alten Aegypter“ между прочимъ замѣчаетъ, что въ теченіе вѣковъ умъ египтянина не могъ не трудиться надъ истолкованіемъ мифовъ, надъ вопросами соотношенія разныхъ божествъ, число которыхъ постоянно возрастало и культъ въ началѣ простой превратился въ болѣе сложный; возникли новыя воззрѣнія, причемъ и прежнія оставались

въ полной силѣ; всѣ они были признаваемы одинаково обязательными и непреложными.

Вотъ почему въ текстахъ, какъ самыхъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ эпохъ, можно найти указанія на разнообразныя формы религіозныхъ вѣрованій, — политеизмъ, пантеизмъ, поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ и т. д. Въ сущности, добавляетъ Видеманъ, можно говорить о различныхъ религіозныхъ представленіяхъ египтянъ, но не объ египетской религіи (Man kann in Aegypten wohl von verschiedenen religiösen Vorstellungen reden, aber nicht von einer aegyptischen Religion).

Египтяне, несмотря на неоднократныя попытки въ этомъ отношеніи (ихъ мы коснемся ниже), не могли привести свои религіозныя воззрѣнія въ сколько нибудь стройную систему, что, однако, не смущало ихъ, но порождаетъ въ насъ сильныя недоумѣнія, когда мы стараемся дать себѣ отчетъ въ ихъ вѣрованіяхъ.

При наличности указанныхъ условій ничего нѣтъ удивительнаго, что нѣкоторые ученые считаютъ систематическое изложеніе египетской религіи почти неразрѣшимую задачу при современномъ состояніи науки. Это и понятно.

Всматриваясь въ сущность религіозныхъ воззрѣній народа фараоновъ, нельзя не видѣть, что религія его обнимаетъ такіе элементы, которые на первый взглядъ не имѣютъ между собою ничего общаго и кажутся прямо таки несогласованными другъ съ другомъ, затрудняя надлежащее разрѣшеніе затронутого вопроса.

Для того, чтобы сколько нибудь разобраться въ послѣднемъ и прослѣдить главнѣйшія проявленія религіозныхъ воззрѣній въ древнемъ Египтѣ, мы должны припомнить историческое происхожденіе монархіи фараоновъ, сконцентрировавшей вокругъ себя цѣлый рядъ административныхъ общинъ или номовъ, представлявшихъ въ древнѣйшую эпоху независимыя, обособленныя другъ отъ друга политическія цѣлыя.

Въ каждомъ изъ этихъ микроскопическихкихъ государствъ была своя религія; по всей вѣроятности нѣкоторыя божества—небо, земля, небесныя свѣтила, особенно солнце—были одинаково почитаемы всюду; но большинство божествъ существовало только для извѣстной области и никакія узы не соединяли ихъ. Хотя съ теченіемъ времени они, какъ мы видѣли, были поглощены центральной властью и низведены на степень провинцій, но тѣмъ не менѣе, просуществовавъ продолжительное время самостоятельно и запасшись историческими воспоминаніями, они не забыли о своей бывшей независимости и, строго

говоря, никогда не переставали существовать как отдѣльныя государства внутри поглотившей ихъ монархіи.

Было уже сказано, что въ положеніи этихъ скованныхъ между собою провинцій и въ ихъ социальномъ-экономическомъ строѣ не произошло рѣзкой перемѣны черезъ подчиненіе ихъ верховному властителю объединенной страны: каждый номъ имѣлъ свои собственныя областныя войска, свою систему налоговъ и свой собственный религиозный культъ, выработанный исторической жизнью общины задолго до того времени, когда она вошла въ составъ объединенной нильской монархіи. Естественно, что сепаративныя особенности каждой пристегнутой къ центральному ядру микроскопической ячейки сказались рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни, въ томъ числѣ и въ религиозныхъ.

Объединеніе различныхъ, хотя и родственныхъ культовъ, поддерживавшихъ свою сравнительную независимость другъ подлѣ друга, произошло не ранѣе того, какъ египетская религія прошла черезъ много вѣковъ развитія и значительно позднѣе того времени, когда Верхній и Нижній Египетъ, выйдя изъ сферы территориальнаго дробленія и мельчанія, соединились подъ однимъ скипетромъ.

Одну изъ наиболѣе удачныхъ попытокъ пролить свѣтъ на настоящій характеръ религиозныхъ вѣрованій египетскаго народа сдѣлалъ Пичманъ въ статьѣ, появившейся въ „Zeitschrift fur Ethnologie“. Онъ остановился на мысли, впервые высказанной еще писателемъ прошлаго столѣтія де-Броссомъ, въ книгѣ „Du culte des dieux fétiches ou parallèle de l'ancienne religion de l'Egypte avec la religion de la Nigritie“. Авторъ приведеннаго сочиненія старался разъяснить этотъ вопросъ путемъ наблюденія надъ дикими племенами, населяющими сѣверный берегъ Африки.

Предполагая, что египтяне принадлежали къ одному происхожденію съ послѣдними, де-Броссъ утверждаетъ, что основой вѣрованія древнихъ жителей нильской долины былъ фетишизмъ, подъ которымъ слѣдуетъ понимать такого рода религиозное воззрѣніе, когда чудодѣйственная сила признается за отдѣльными предметами обыденной жизни, составляющими предметъ поклоненія.

Какъ уже упомянуто, Пичманъ считаетъ догадку де-Бросса имѣющей достаточное основаніе. Если отличительной чертой фетишизма, говоритъ онъ, слѣдуетъ считать вѣру въ чудодѣйственную силу заклинаній, чаръ, талисмановъ, амулетовъ, если въ известной религіи это вѣрованіе преобладаетъ надъ всѣми другими, то мы имѣемъ право въ этомъ смыслѣ признать религію египтянъ вполне религіей фети-

шизма (haben wir das Recht die aegyptische Religion in diesem Sinne als eine durchweg fetischistische zu bezeichnen).

Такимъ образомъ фетишизмъ, какъ кажется, является древнѣйшей формой религіи страны, иначе говоря, обожаніе нѣкоторыхъ видимыхъ предметовъ предшествовало у египтянъ почитанію ихъ, какъ носителей духа. Въ этомъ убѣждаетъ насъ между прочимъ и то обстоятельство, что еще въ текстахъ пирамидъ нерѣдко встрѣчаются параллельныя мѣста, гдѣ имя того или другого божества прямо замѣнено изображеніемъ предмета, съ нимъ связаннаго, напримѣръ, вмѣсто имени Кеба (Себъ) мы встрѣчаемъ іероглифъ земли, чего нѣтъ нигдѣ во всей послѣдующей литературѣ, Сетъ оказывается съ детерминативомъ камня, вмѣсто имени Тота постоянно встрѣчаемъ іероглифъ ибиса ¹⁾).

Общій ходъ исторіи египетской религіи мало чѣмъ отличался отъ ея хода у другихъ языческихъ, особенно семитическихъ народовъ; главныя отличія обусловливались природой Египта.

Такъ сухость климата и возможность сохранять тѣла были одной изъ причинъ необыкновеннаго у другихъ народовъ развитія ученія о загробномъ мірѣ; вѣчно ясное небо выдвинуло на первый планъ религію солнца со всѣми ея разнообразными и нерѣдко странными догматами и ученіями; зависимость жизни страны отъ Нила наложила также свою печать на ея религію, проникнувъ ее всю миѳомъ Озириса.

Къ числу специальныхъ особенностей египетской религіи, поражающихъ во всѣ времена, особенно же во времена упадка, иностранцевъ относится и культъ животныхъ, который существовалъ, правда, и въ другихъ религіяхъ, но въ египетской достигъ наибольшаго развитія. Здѣсь природа страны имѣла огромное вліяніе на воображеніе ея первобытнаго обитателя, но, не играла-ли роли въ этомъ процессѣ и раса? ²⁾).

Какъ бы то ни было, въ религіи народа фараоновъ, какъ увидимъ ниже, заключены вѣрованія, относящіяся ко всѣмъ ступенямъ религіознаго развитія, начинаая отъ тотемизма и обоготворенія явленій природы и кончая нарождавшейся идеей о единствѣ Божьемъ.

Съ особеннымъ благоговѣніемъ поклонялись египтяне своей рѣкѣ, отъ которой зависѣло плодородіе страны, а слѣдовательно, и ихъ жизнь. Гимнъ въ честь *Tsaf-en-Ta* (кормильца міра) носитъ ясно выраженный оттѣнокъ фетишизма, т. е. чистѣйшаго обоготворенія такого

¹⁾ Б. Тураевъ «Богъ Тотъ», гл. 1, стр. 8.

²⁾ Ibid. 7.

явленія, которое съ материалистической точки зрѣнія представляетъ нѣчто вполне конкретное и естественное; если онъ идетъ дальше тѣхъ границъ, какихъ когда-либо достигала теософія, то лишь потому, что воодушевившая его рѣка по природѣ отмѣчена дѣйствительно единственнымъ въ своемъ родѣ исключительнымъ характеромъ ¹⁾.

Ниль, почитаемый какъ любимое божество, представлялся всегда въ образѣ тучнаго человѣка, на головѣ котораго красовался вѣнокъ изъ присовъ; иногда его изображали несущимъ ящикъ съ четырьмя вазами, наполненными священной водою, хлѣбомъ, плодами и цвѣтами.

1. Культъ животныхъ. Изъ дошедшихъ до нашего времени памятниковъ видно, что въ древнемъ Египтѣ находилось около десяти видовъ священныхъ деревьевъ и около сотни видовъ священныхъ животныхъ, культъ которыхъ, являясь наслѣдіемъ фетишизма, держался въ границахъ, доступныхъ народному пониманію и никогда до позднѣйшихъ временъ не утрачивалъ своей силы ²⁾.

Дѣйствительно, кромѣ великихъ боговъ, изображавшихся въ видѣ людей, снабженныхъ эмблемами человѣческаго могущества, страна (или въ частности каждый номъ) имѣла еще боговъ-звѣрей, поклоненіе которымъ приурочивалось къ данной мѣстности, почитавшей ихъ не иначе какъ съ тѣми божествами, коимъ они были посвящены.

Представитель священнаго вида сидѣлъ, стоялъ, ползалъ или прыгалъ подѣ сумрачными сводами египетскаго храма и въ почитавшемъ его округѣ сородичи этого животнаго пользовались особымъ покровительствомъ и уваженіемъ.

Въ томъ номѣ, гдѣ священнымъ животнымъ являлась кошка, всѣ кошки были неприкосновенны и всякое оскорбленіе, нанесенное имъ, повергало въ трепетъ суевѣрное населеніе области:

Геродотъ сообщаетъ слѣдующее объ *аіэлурусъ*, какъ онъ называетъ нашего пріятеля кота. „Если гдѣ нибудь въ Египтѣ случится пожаръ, то люди вовсе не заботятся объ огнѣ, а о своихъ кошкахъ. Они становятся кругомъ нихъ и стерегутъ; если изъ ихъ круга убѣжить хоть одна кошка и погибнетъ въ огнѣ, то египтянами овладѣваетъ глубокая печаль. Если кошка умретъ сама по себѣ, то всѣ обитатели дома сбриваютъ себѣ (въ знакъ траура) брови. Мертвыхъ кошекъ помѣщаютъ

¹⁾ Мечниковъ, цвт. соч. 193.

²⁾ По словамъ Боссюэта, «у египтянъ все было божествомъ, кромѣ самого Бога», — выраженіе скорѣе остроумное, нежели вѣрное относительно религіи подданныхъ фараоновъ и представляющее нѣкоторую аналогію со словами Грановскаго: «Въ буддизмѣ нѣтъ мѣста божеству» (Грановскій. Собр. сочин., 4 изд., стр. 626).

въ священныя комнаты, бальзамируютъ и потомъ пересылаютъ въ городъ Бубастъ“.

Діодоръ, со своей стороны, рассказываетъ, какъ очевидецъ, что даже въ то время, когда египтяне всячески старались снискать благоволеніе Рима, просьбы ихъ царя Птолемея не могли спасти жизнь римскому легіонеру, нечаянно убившему кошку: несчастный солдатъ былъ умерщвленъ разъяренной толпой, отомстившей такимъ образомъ за смерть своего бога.

Кромѣ письменныхъ памятниковъ, доказательства обожанія кошки мы находимъ на многихъ египетскихъ памятникахъ и муміяхъ, хотя относительно послѣднихъ слѣдуетъ замѣтить, что находятъ муміи не только одной домашней кошки, но также до сихъ поръ дико живущей въ странѣ такъ называемой болотной рыси (*lynx chaus*). Это послѣднее животное имѣетъ густой мѣхъ желтовато-сѣроватаго цвѣта и на немъ замѣтны сплошныя темныя полосы. Замѣтимъ здѣсь кстати, что народы классическаго міра, за исключеніемъ нѣкоторыхъ путешественниковъ, не имѣли понятія о нашей домашней кошкѣ и впервые познакомились съ этимъ миловиднымъ звѣрькомъ уже послѣ обращенія Египта въ римскую провинцію (30 г. до Р. Х.).

Нечего и прибавлять, что четвероногій египетскій „богъ“ былъ тотчасъ же утилизированъ ими для ловли мышей и съ теченіемъ времени, аклиматизировавшись въ Европѣ, выказалъ свое необычайное мастерство, сдѣлавшее его полезнымъ домашнимъ животнымъ.

Въ сосѣднемъ номѣ почиталась не кошка, а какое-нибудь другое животное, напримѣръ, крокодилъ, обезьяна, козелъ, баранъ или совершалось поклоненіе нѣкоторымъ земноводнымъ и птицамъ, змѣѣ, ибису и т. п., при чемъ различіе въ почитаніи божествъ нерѣдко служило поводомъ къ междуусобной войнѣ между областями, такъ какъ случалось, что животное, почитаемое священнымъ въ одномъ номѣ, ожесточенно преслѣдовалось въ другомъ.

До какой степени эта рознь въ области религіозныхъ вѣрованій поддерживалась даже до позднѣйшихъ эпохъ, свидѣтельствуемъ слѣдующій фактъ: уже при римскомъ владычествѣ между двумя округами вспыхнула настоящая война изъ-за того, что жители одного изъ нихъ, считавшіе въ числѣ своихъ божествъ одну изъ рыбъ, именно оксирика (*могуге охугһинге*), умертвили собакъ, которыхъ боготворили по сосѣдству съ ними.

Во время голода египтяне (подобно тому какъ теперь еще поступаютъ индусы) лучше соглашались погибать сами, нежели лишать корма священныхъ животныхъ, а тѣмъ болѣе убивать ихъ.

Иногда отдѣльное животное становится священнымъ во всей странѣ, ибо хотя первоначально культъ его и былъ мѣстнымъ, но съ увеличеніемъ политическаго или административнаго значенія нома онъ могъ распространиться далеко за предѣлы послѣдняго и пріобрѣсти такимъ образомъ обще-національное значеніе; говоря иначе, съ расширеніемъ значенія нома соотвѣтственно увеличивалось и поклоненіе чтимому въ немъ божеству-животному путемъ включенія въ число его поклонниковъ населенія остальныхъ областей. Эти отдѣльные экземпляры боговъ-звѣрей, въ которыхъ присутствіе божественной силы узнавалось по опредѣленнымъ примѣтамъ и признакамъ, составляли, такъ сказать, обще-египетскія святины.

Таковы были быкъ Аписъ или Гапи мемфисскій, быкъ Мневисъ и птица Бону (Fenix) гелиополисскіе, крокодилъ Сухосъ (Субекосъ), козелъ изъ Бинебеда (Мендесса) и священный жукъ скарабей (ateuchus или scarabaeus sacer). Особеннымъ поклоненіемъ пользовался въ странѣ первый. Несмотря на то, что существуетъ довольно обширная литература о культѣ египетскаго Аписа, сущность его не можетъ считаться совершенно выясненной.

По словамъ греческихъ писателей, Аписъ имѣлъ двадцать девять особенностей, отличавшихъ его отъ остальныхъ быковъ не божественнаго происхожденія. Онъ былъ чернаго цвѣта съ бѣлымъ треугольнымъ пятномъ на лбу, имѣлъ хвостъ съ двойнымъ пучкомъ волосъ, подъ языкомъ особый наростъ въ формѣ жука, а на спинѣ изображеніе коршуна или орла съ распростертыми крыльями. Понятное дѣло, что большинство этихъ знаковъ не существовало въ дѣйствительности, но жрецы умѣли находить ихъ и видѣть въ нихъ требуемые символы.

Извѣстно, съ какимъ торжествомъ праздновали египтяне открытіе быка съ такими примѣтами. Его владѣльца щедро награждали, а нашедшій рогатое божество жрецъ получалъ за свою счастливую находку болѣе ста тысячъ рублей золотомъ на наши деньги. Самого Гапи доставляли по Нилу на священной баркѣ и въ золотой каютѣ въ Мемфисъ, гдѣ помѣщали его въ притворѣ, прилегавшемъ къ главному храму бога Фта и воздавали этой рогатой скотинѣ божескія почести. Жрецы объясняли благоговѣйно слушавшему ихъ народу, что Аписъ родился отъ божественной коровы, которую таинственнымъ образомъ оплодотворила сошедшая съ небесъ молнія и которая несмотря на то, что родила, все-таки осталась дѣвственницей. Законъ воспрещалъ убивать коровъ и вкушать ихъ мясо, чтобы случайно не была убита такимъ образомъ мать будущаго Гапи.

Запрещеніе это, однако, не относилось къ быкамъ, которыхъ убивали, приносили въ жертву (для чего, главнымъ образомъ, шли быки съ красной мастью) и употребляли въ пищу ихъ мясо, но не иначе, какъ съ разрѣшенія жрецовъ, которые тщательно осматривали такое животное, чтобы удостовѣриться, что это не Аписъ. Божественный сынъ божественной коровы служилъ оракуломъ приходящимъ къ нему за совѣтомъ и смыслъ его прорицаній истолковывалъ особо назначенный для этой цѣли духовный пройдоха.

Пророческое значеніе имѣли всѣ дѣйствія рогатой святыни; на-примѣръ, завоеваніе Египта Августомъ (30 г. до Р. Х.) священный быкъ возвѣстилъ необыкновеннымъ ревомъ.

Продолжительность жизни Гапи не должна была превышать извѣстнаго срока, установленнаго законами: по прошествіи двадцати пяти лѣтъ, если быкъ не обнаруживалъ желанія околѣть, уставшіе ожидать его смерти жрецы, при пѣніи духовныхъ гимновъ, топили зажившееся животное въ священномъ бассейнѣ и оно становилось богомъ, получая имя Озоръ-Аписа и сверхъ того особую гробницу, называвшуюся греками Серапеумомъ и открытую раскопками Мариетта.

Въ объясненіе столь страннаго обычая, какимъ въ данномъ случаѣ является утопленіе божества, чтимаго всей страной, слѣдуетъ сказать, что происхожденіе названнаго обычая находилось въ связи съ установленіемъ египетскаго лѣтоисчисленія.

Дѣло въ томъ, что каждые двадцать пять лѣтъ (считая по 365 дней въ году) луна въ тотъ же день года, въ томъ же часу являлась опять въ томъ же самомъ видѣ; поэтому каждые двадцать пять лѣтъ египтяне начинали въ своемъ лѣтоисчисленіи новый періодъ (см. Астрономія), и чтобы сдѣлать общеизвѣстнымъ это начало новаго періода, каждую четверть вѣка заводили новаго священнаго быка.

Кстати сказать, что хотя принято называть мѣсто погребенія Аписовъ Серапеумомъ, но это названіе не совсѣмъ точно. Правда, богъ Сераписъ, культъ котораго распространился гораздо позже, именно при Птоломеяхъ, имѣетъ связь съ Гапи, но его нельзя смѣшивать съ нимъ уже по одному тому, что Сераписъ, затронутый александрійскимъ синкретизмомъ, не чисто египетскій богъ, тогда какъ Аписъ—національное божество страны фараоновъ. Послѣдній, являясь „второю жизнью Фта“, культъ котораго восходитъ далеко за эпоху пирамидъ, имѣлъ храмъ въ Мемфисѣ, а послѣ соединенія съ Озирисомъ (т. е. послѣ смерти) погребался въ катакомбахъ. Названіе Серапеума—храма, построеннаго при катакомбахъ позднѣйшему богу, введенному при

Птоломеяхъ, можетъ относиться только къ самому храму, а не должно быть примѣняемо къ катакомбамъ Аписа, находящимся въ связи съ нимъ ¹⁾).

Какой бы смертью не умиралъ божественный быкъ, отъ собственной ли старости или захлебнувшись въ водѣ священнаго бассейна, общественная жизнь въ фараоновскомъ Египтѣ останавливалась на два мѣсяца и на населеніе налагался трауръ, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока не находили ему достойнаго преемника изъ безупречныхъ по масти и сложенію быковъ и всеобщая скорбь не смѣнялась шумными ликованіями и празднествами въ честь новаго Гапи.

Повидимому меньшимъ почетомъ пользовалась другая египетская святыня, Сухосъ — ручной крокодилъ, жившій въ небольшомъ озерѣ, вблизи нынѣшняго Мединетъ-эль-Фаіума (греч. Крокодилополисъ, египетск. Пи-Себекъ) и имѣвшій особыхъ жрецовъ, которые кормили его мясомъ, поили виномъ и получали отъ прожорливаго бога предсказанія ²⁾).

Умершихъ священныхъ животныхъ подвергали бальзамированію, послѣ чего ихъ перевозили въ тѣ города, покровителями и патронами которыхъ состояли божества, коимъ посвящались избранные звѣри и птицы: кошки—въ Бубастъ, коршуны въ Буто, ибисы—въ Гермополисъ.

Еще въ 1872 году Маріеттъ писалъ Бругшу, что раскопки у Серапеума (при деревнѣ Абусирѣ) обнаружили цѣлыя усыпальницы ибисовъ; въ одной изъ нихъ на землѣ найдена большая мумія размѣровъ и формы человѣческой муміи, но съ головой ибиса и прической Тота, въ которой находился голубой павіанъ съ деревяннымъ луннымъ дискомъ на головѣ. Съ внѣшней стороны муміи — золотыя изображенія шести геніевъ и надпись: „говоритъ Тотъ, богъ великій, серапейскій, любимый Аммономъ“.

Мумія отправлена въ Вѣнскій музей, гдѣ въ прошломъ (1897) году будучи изслѣдована при помощи лучей Рентгена, оказалась конгломератомъ ибисовыхъ останковъ. Муміи павіановъ также приготовлялись, хотя дошло ихъ до насъ несравненно менѣе, что и понятно въ виду сравнительной рѣдкости этихъ животныхъ и большей трудности сохранить ихъ трупы. Извѣстна только одна такая мумія во Флоренціи: окутанный въ пелены звѣрь сохранился въ сидячемъ положеніи ³⁾).

¹⁾ Prokesch-Osten. «Die Nilfahrt.» р. 262. Культъ Аписа просуществовалъ до эпохи императора Юліана.

²⁾ Страбонъ, XVII, I, 38.

³⁾ Туравъ. «Богъ Тотъ», 144.

Поклоненіе животнымъ сохранилось до конца существованія египетской религіи, но оно имѣло въ глазахъ жрецовъ и образованныхъ людей совершенно иной смыслъ, нежели прежній фетишизмъ. Въ нихъ они видѣли не боговъ, а священные предметы, черезъ которые можетъ проявляться божественная сила, почему и *животные эти разсматривались какъ священныя вмѣстителица, въ которыхъ боги оставляли частицу своего божества*. Въ природѣ священныхъ животныхъ образованные египтяне видѣли нѣчто такое, что заставляло считать ихъ особенно пригодными для воплощенія божественныхъ существъ.

Причины, по которымъ то или другое животное считалось особенно излюбленнымъ извѣстнымъ божествомъ, конечно, не всегда возможно прослѣдить, но чаще всего онѣ основывались на представленіи ближайшаго соотношенія между качествами того или другого божественнаго существа и природными свойствами животнаго. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени и съ теоретическимъ развитіемъ египетской религіи образованные классы стали приурочивать извѣстныхъ животныхъ къ извѣстнымъ богамъ, взирая на первыхъ какъ на земное воплощеніе послѣднихъ.

Что касается до грубой и суевѣрной массы населенія, то ей было совершенно недоступно чисто духовное представленіе о божествѣ: если она ощущала потребность обратиться къ богу съ молитвой или жертвой, то необходимо было, чтобы богъ находился передъ ней налицо, въ той или другой формѣ.

Бога этого представляли въ образѣ животнаго или еще чаще по странному и свойственному Египту соединенію, голову животнаго приставляли къ человѣческому тѣлу. Но жители береговъ Нила, удаленные отъ идолопоклонства другихъ языческихъ народовъ, предпочли воздавать почести живымъ образамъ своихъ боговъ, нежели недвижимымъ, сдѣланнымъ изъ камня или металла, и эти живые образы они нашли въ животныхъ, которыхъ они избрали эмблемою идеи, выраженной въ понятіи о каждомъ богѣ ¹⁾.

Этотъ тотемизмъ всегда казался страннымъ и смѣшнымъ народамъ классической древности, обнаруживавшимъ нескрываемое отвращеніе къ звѣропочитанію. Ихъ писатели безъ зазрѣнія совѣсти потѣшались надъ диковинной націей, которая молилась быкамъ, вмѣсто того, чтобы приносить ихъ въ жертву и хныкала надъ околѣвшими кошками, вмѣсто того, чтобы сдирать съ нихъ шкуры.

¹⁾ Lenormant, loc. cit, 194.

Мы уже говорили о томъ, что культъ животныхъ явился наслѣдіемъ фетишизма и только впоследствии былъ приведенъ образованными египтянами въ символическую связь съ божествами, но, конечно, нельзя допустить, чтобы основой такого культа при самомъ его возникновеніи служилъ символизмъ.

Такъ это или нѣтъ, но боги стали изображаться то въ своей человѣческой, то въ своей животной оболочкахъ, при чемъ послѣдніе элементы комбинировались во всевозможныхъ соотношеніяхъ. У Озириса голова быка, Горъ является въ видѣ человѣка съ соколиной головой, Гаторъ имѣетъ видъ женщины съ головой и рогами коровы, у Анубиса (Анапу)—голова шакала, Бастъ—женщина съ кошачьей головой, Хнумъ имѣетъ голову барана, „царь книгъ“ Тотъ—ибіокефаль и т. д. и т. д.

Встрѣчаются также божества съ человѣческими тѣлами и съ головами млекопитающихъ животныхъ. Такова, на примѣръ, баснословная птица Бону, извѣстная болѣе подъ греческимъ именемъ феникса. Она представляла изъ себя родъ пигалицы съ длинными развѣвающимися на головѣ перьями и считалась воплощеніемъ Озириса.

По вѣрованію египтянъ, эта таинственная птица, обладавшая такимъ чуднымъ голосомъ, что пѣніемъ ея заслушивалось само дневное свѣтило-солнце, прилетала каждые пятьсотъ лѣтъ съ запада и садилась на храмъ солнца, гдѣ сама себя сожигала на пахучемъ кострѣ, затѣмъ воскресала изъ пепла молодой и улетала на востокъ.

По другому сказанію, каждую ночь, когда богъ солнца спускался въ подземный міръ, фениксъ, олицетворявшей собою зарю, умиралъ и снова воскресалъ каждое утро, привѣтствуя своимъ пѣніемъ восходящаго бога; поэтому образъ птицы, созданной фантазіей египетскаго народа, сталъ символомъ воскресенія въ христіанскомъ искусствѣ, какъ эмблема вѣчнаго обновленія.

Немаловажное значеніе въ религіозномъ культѣ страны имѣлъ также скарабей, священный жукъ, изображенія котораго находятъ въ древнихъ подземныхъ храмахъ, наряду съ изображеніями остальныхъ священныхъ животныхъ. Воздавая жуку божескія почести, египтяне были убѣждены, что подобно фениксу, возрождавшемуся изъ своего пепла, и онъ по смерти своей возрождается изъ изготовленнаго имъ самимъ шарика, матеріаломъ для котораго служитъ пометъ; въ шарикѣ же они видѣли образъ міра въ его дневномъ движеніи.

По мнѣнію египетскихъ мудрецовъ, священный жукъ катитъ свой шарикъ съ востока на западъ въ направленіи видимаго движенія солнца, зарываетъ его въ землю на двадцать восемь дней, а въ

двадцать девятый день возвращается къ зарытому шарикѣ, вынимаетъ его изъ-подъ земли, вскрываетъ и бросаетъ въ Нилъ; отъ погруженія въ священную воду изъ шарика выходитъ новый жукъ.

По первой же версіи, какъ сказано, скарабей возрождался изъ своего пепла и сообразно такой аллегорической метаморфозѣ служилъ для древнихъ египтянъ символомъ безсмертія; изображеніемъ его замѣщали они въ муміи сердце, извлекаемое изъ тѣла при бальзамированіи (см. ниже), а многіе и при жизни носили на себѣ изображеніе священнаго жука въ видѣ амулета.

На могильныхъ памятникахъ часто встрѣчаются сдѣланныя изъ камня фигуры жука, на плоской брюшной сторонѣ котораго вырѣзаны іероглифическія надписи.

Изъ всего того, что было говорено нами относительно существованія въ фараоновскомъ Египтѣ культа священныхъ животныхъ, слѣдуетъ, что поклоненіе послѣднимъ было лишь осязательной формою богопочитанія, оправдывавшейся въ египетской теологіи воззрѣніями, недоступными для народа, для котораго, въ силу его субъективныхъ свойствъ, всегда оставалось скрытымъ все то, что было наиболѣе возвышенное, осмысленное и философское въ религіозномъ культѣ и въ его внѣшнихъ проявленіяхъ.

2. Великіе боги. Первоначальныя космогоническія понятія древнихъ египтянъ не заключали въ себѣ ни малѣйшаго признака символизма и это происходило главнымъ образомъ потому, что для народа страны фараоновъ природа представлялась одушевленной чувствительностью, страстями, потребностями, наклонностями, если не тождественными, то чрезвычайно сходными съ тѣми, какія присущи человѣку: небо, солнце, звѣзды, земля, вода—были существами мыслящими и дѣйствующими.

Изъ Геродота мы узнаемъ, что даже въ его время огонь у египтянъ считался одушевленнымъ существомъ, которое пожирало все, что бы ни приняло, и потомъ, насытившись, умирало вмѣстѣ съ пищей. И о богахъ египтяне имѣли точно такое же представленіе, какъ о людяхъ; боги ѣли, пили, испытывали голодъ и жажду, предавались радости и печали, не были свободными отъ людскихъ слабостей.

Существованіе ихъ было неизмѣримо продолжительнѣе, чѣмъ человеческая жизнь, но все таки оканчивалось смертью; власть ихъ была велика, но не безгранична. Вообще во всемъ міросозерцаніи египтянъ, замѣчаетъ Видеманъ, человѣкъ и только человѣкъ былъ

мѣриломъ вещей (Der Mensch und nur der Mensch war das Mass der Dinge).

Подчинившись идеѣ антропоморфизма, египтяне представляли себѣ рожденіе боговъ аналогично съ рожденіемъ людей, перенеся на первыхъ тѣ понятія, которыя они составили о роли половъ въ этомъ таинственномъ актѣ природы. Само собой понятно, что человѣческая природа, которой египтяне надѣляли своихъ боговъ совершенно не относилась или во всякомъ случаѣ относилась очень мало къ ихъ внѣшнему виду, такъ какъ еще въ доисторическое время великіе египетскіе боги изображались съ атрибутами животныхъ.

Послѣднее обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что даетъ поводъ признать двѣ религіи, различныя по природѣ, независимыя по происхожденію, существующія бокъ-о-бокъ и стремящіяся установить согласіе, сліяніе другъ съ другомъ. Конечно, египетская религія состояла изъ двухъ слишкомъ глубоко отличавшихся другъ отъ друга элементовъ, чтобы могло возникнуть между ними совершенное единство, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не обладалъ достаточной силой для уничтоженія другого, но со всѣмъ тѣмъ стремленіе ихъ установить извѣстное согласіе, сліяніе другъ съ другомъ несомнѣнно.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, представляется намъ процессъ египетской религіи, въ которой, какъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, мы находимъ удивительное смѣшеніе самыхъ возвышенныхъ идей съ грубѣйшимъ суевѣріемъ.

Древнихъ жителей страны фараоновъ, какъ и большинство первобытныхъ націй, особенно занимало солнце и связанная съ нимъ явленія, поэтому о солнечныхъ богахъ составилось наибольшее количество религіозныхъ сказаній. Такихъ боговъ было очень много, потому, что при сліяніи областей или номовъ между собою подъ главенствомъ одного властителя (см. выше), въ каждомъ изъ нихъ сохранялся культъ своего собственнаго бога солнца, который, какъ уже указано, при усиленіи политическаго значенія нома, простиралъ свое вліяніе далеко за границы послѣдняго, при чемъ возвысившееся такимъ образомъ божество получало свое мѣсто въ храмѣ другихъ боговъ, увеличивая такимъ образомъ число обитателей египетскаго Олимпа.

Богъ Ра, на примѣръ, имѣлъ 14 лицъ, т. е. 14 образовъ его личности развились во столькихъ же номахъ. Но если одно божество могло указаннымъ образомъ раздѣлиться на многихъ, то могъ происходить и обратный процессъ: два и болѣе боговъ при помощи простаго соединенія именъ сливались въ образъ новаго бога.

На почвѣ подобныхъ воззрѣній возникъ процессъ приравниванія по крайней мѣрѣ главнѣйшихъ, пользовавшихся выдающимся значеніемъ боговъ къ солнцу, отождествленіемъ съ нимъ и указаніи каждому изъ божествъ, существовавшихъ въ доисторическія времена въ образахъ, рѣзко отличавшихъ ихъ одинъ отъ другого, его мѣста въ общей солнечной системѣ.

Собственно религіозной организаціи въ Египтѣ не существовало, равно какъ и всѣ культы божествъ страны не приводились въ одну систему, несмотря на произведенныя попытки въ указанномъ отношеніи со стороны передовыхъ умовъ, старавшихся уяснить взаимныя отношенія божествъ.

Мало того: каждый жрецъ или служитель божествъ могъ въ однихъ случаяхъ отъ религіознаго культа одного нома перейти къ религіозному культу другого. Такой мѣстный характеръ египетскихъ боговъ былъ источникомъ слабости религіи и мѣшалъ ея развитію, въ исторіи котораго, хотя одна группа боговъ слѣдуетъ за другою, но тѣмъ не менѣе *мѣстныхъ божества не упразднялись и не могли быть упраздненными.*

Вотъ почему попытки уничтожить старинные установленные культы всегда оканчивались неудачей, вызывая сопротивленіе затронутаго въ своихъ вѣрованіяхъ народа, тогда какъ прибавленіе новаго божества, даже въ качествѣ верховнаго вполнѣ допускалось и было терпимо. Невѣжественную толпу не поражало это обиліе высшихъ боговъ, изъ которыхъ каждый прославлялся своими жрецами какъ богъ боговъ, но болѣе образованные и мыслящіе египтяне не мирились съ подобнымъ фактомъ и пытались подыскать ему удовлетворительное объясненіе.

Ниже мы коснемся этихъ попытокъ, въ которыхъ сказалось послѣднее слово жреческой мудрости и постараемся уяснить ихъ значеніе въ исторіи развитія египетской религіи, а пока замѣтимъ, что всматриваясь въ процессъ послѣдней и оглядываясь на пройденные ею пути, не трудно опредѣлить четыре послѣдовательныхъ стадій развитія названной религіи: фетишизмъ смѣнился обоготвореніемъ олицетворенныхъ явленій природы, затѣмъ боги стали основателями государства и покровителями разныхъ сторонъ общественной жизни и, наконецъ, хотя и довольно смутно, зародилась мысль, что подъ различными именами и признаками человѣчество чтитъ одно и то же божество, сила котораго проявляется во всѣхъ явленіяхъ природы.

Въ египетской религіи, подчинявшейся подобно остальнымъ, извѣстнымъ историческимъ законамъ, что съ теченіемъ времени всѣ

религіозныя вѣрованія подвергаются глубокому измѣненію, всегда существовали реформаторскій духъ и богословскія школы, стремившіяся замѣнить грубыя формы культа болѣе возвышеннымъ религіознымъ міросозерцаніемъ. Но—удивительное противорѣчіе!—послѣдующая стадія не уничтожила предшествующихъ и въ концѣ концовъ получилась такая масса боговъ и вѣрованій, что сами жрецы, несмотря на нѣкоторыя попытки, не были въ состояніи выработать строго опредѣленное религіозное ученіе.

Въ силу указанныхъ условій невозможно правильно классифицировать религіозную систему, въ которой рядомъ съ грубымъ идолопоклонствомъ встрѣчаются болѣе или менѣе глубокіе философскіе принципы. Въ результатъ вышло, что она не могла пойти дальше полу-пантеистическихъ умозрѣній еиванской школы.

Переходимъ къ разсмотрѣнію личности великихъ египетскихъ боговъ, касаясь ихъ лишь настолько, насколько это входитъ въ планъ сочиненія.

1. *Ра*—„отецъ боговъ и людей“ означаетъ солнце и въ этомъ значеніи является представителемъ свѣта и огня въ ряду четырехъ элементовъ вселенной. Культъ Ра процвѣталъ главнымъ образомъ въ Ану (Геліополисѣ), гдѣ было выработано религіозное ученіе, по которому названному богу отдавалось первенство передъ остальными богами; онъ былъ признанъ единымъ божествомъ, существовавшимъ до начала вещей, тогда какъ другія божества признавались лишь его различными формами.

Съ точки зрѣнія египтянъ не представлялось ничего страннаго въ томъ, что ему приписывалась всеобъемлющая творческая дѣятельность: только подъ вліяніемъ солнца могла пробудиться повсюду жизнь, все пребывало бы въ мертвенномъ состояніи, если бы не было согрѣто его лучами, а такъ какъ египтянинъ представлялъ его себѣ одареннымъ, подобно человѣку, разумомъ и волей, то отсюда былъ одинъ шагъ до признанія его главнымъ виновникомъ всего существующаго. Это божество какъ высшаго, такъ и подземнаго міра, вышедшее изъ хаоса и создавшее боговъ. При мірозданіи помогаль Ра его сынъ Шу, богъ вѣтра, являющійся, впрочемъ, довольно часто въ надписяхъ синонимомъ палящаго солнца, заливающего всю долину Нила потоками горячаго свѣта. Египтяне представляли себѣ ежедневное движеніе солнца плаваніемъ Ра въ золотой лодкѣ по небесному пространству.

Ночью эта священная ладья опускается въ Амъ-Дуатъ или подземный міръ, раздѣляющійся на двѣнадцать частей или, вѣрнѣе, часовъ, потому что на прохожденіе каждой изъ нихъ требовался часъ времени. Въ воображеніи народа фараоновъ царство того свѣта представлялось ему подобіемъ и отраженіемъ земного: такъ находились своего рода номы съ городами, селеньями и полями, а по срединѣ подземнаго міра протекала широкая рѣка, по которой совершало свое плаваніе скрывшееся съ небснаго свода солнце. Населеніе этихъ адскихъ областей было очень густо и состояло изъ демоновъ и злыхъ духовъ въ такихъ чудовищныхъ формахъ, какія способны изобрѣсти только самая необузданная и расходившаяся фантазія.

Въ такой то темный, безпросвѣтный міръ вступаетъ священная лодка Ра: онъ сидитъ въ каютѣ своей золотой ладьи со скипетромъ въ одной рукѣ и съ символомъ жизни въ другой. Верховнаго бога окружаетъ многочисленная свита: на передней части ладьи стоитъ Анубисъ, божество съ головой шакала, имѣющее въ египетской мифологіи значеніе посредника двухъ міровъ, а на задней нѣсколько другихъ божествъ.

Входя въ пространство перваго часа священная лодка окружается множествомъ душъ умершихъ, которыя по окончаніи своего земного поприща поспѣшили сюда въ надеждѣ, что имъ удастся найти мѣсто въ священной ладѣ солнца и такимъ образомъ выбраться изъ мѣста мученій. Впрочемъ этой чести удостоиваются лишь немногія избранныя, а остальные безжалостно отгоняются отъ источника ихъ спасенія, какъ недостойныя.

Между безчисленными чудовищами и полчищами страшныхъ демоновъ, находящимися въ области мрака и смерти, не подчиненной животворящему царю лучезарнаго свѣтила, самая страшная змѣя Апопи. Она, знаменующая собою мракъ, непримиримый врагъ солнца, врагъ тѣмъ болѣе опасный, что для побѣды надъ нимъ необходимо содѣйствіе магическихъ формулъ и заклинаній, заставляетъ лучезарнаго бога солнца обращаться къ содѣйствію и помощи своей божественной свиты. Здѣсь верховному богу помогаютъ: „сердце Ра“ и „водитель боговъ въ преисподней“, богъ луны Тотъ, дѣйствующій своими чарами при прохожденіи мытарствъ преисподней, богиня западнаго неба Гаторъ, считавшаяся покровительницей „земли Мафека“ (на Синайскомъ полуостровѣ), затѣмъ богини Изида (см. ниже) и Селькъ, вѣчно юный Горъ и нѣкоторыя другія божества.

То отдѣленіе, въ седьмомъ часѣ, гдѣ находится Апопи, имѣетъ болѣе шестидесяти сажень въ длину и столько же въ ширину и на

всемъ этомъ пространствѣ адскій змѣй извивается кольцами. Впродолженіе борьбы демона тьмы съ благодѣтельнымъ божествомъ солнца богиня Селькъ держитъ Апопи за шею, а другое божество, именуемое „господиномъ своихъ мечей“—за хвостъ; къ тому же магическія заклинанія Тота и волшебныя чары Изиды обезсиливаютъ чудовище, которое изнемогаетъ подъ наносимыми ему ударами.

Наконецъ священная лодка Ра, покончивъ путь въ преисподней, опять возвращается въ царство дня, разсыпая золотые лучи источника жизни и свѣта—побѣдоноснаго солнца. Таково было представленіе древнѣйшихъ обитателей нильской долины о движеніи лучезарнаго свѣтила по небесному своду и о скрытіи его подъ горизонтомъ.

Надгробная колонна, хранящаяся нынѣ въ Берлинскомъ музеѣ, содержитъ въ себѣ въ видѣ надписи хвалебный гимнъ богу солнца, который мы передадимъ здѣсь въ переводѣ de Rougé.

«Хвала тебѣ, Саху, божественное дѣтище, ежедневно рождающееся отъ самогo себя! Хвала тебѣ, сіяющему въ водахъ небесныхъ для дарованія жизни! Имъ создано все, что существуетъ и движется въ небесахъ. Хвалу тебѣ, Ра! Когда оно пробуждается, лучи его несутъ жизнь всему чистому. Хвала тебѣ, создавшему первообразы въ ихъ совокупности! Когда оно прячется, пути его становятся невѣдомыми. Хвала тебѣ, когда ты вращаешься въ высшей области; приближающіеся къ тебѣ боги дышатъ радостью».

Богъ солнца и основатель египетскаго государства, Ра (изображавшійся обыкновенно съ головой ястреба, а иногда въ видѣ краснаго ребенка на груди у матери, богини Гаторъ, одѣтой въ голубое платье, усыпанное звѣздами), хотя и обладаетъ многими сверхъестественными качествами, но имѣетъ также всѣ человѣческія слабости, будучи доступенъ обману, подверженъ болѣзнямъ, старости и т. п.

Согласно различнымъ религіознымъ ученіямъ, существовавшимъ въ отдѣльныхъ частяхъ государства, богъ этотъ носилъ двойныя имена: Хнумъ-Ра и Аммонъ-Ра съ головой барана, Себекъ-Ра съ головой крокодила, Тумъ-Ра въ человѣческомъ образѣ и съ царской короной на головѣ, Ра-Гармахи съ съ ястребиной головой—почитались въ разныхъ областяхъ страны, какъ одно и тоже божество.

2. *Озирисъ*—(Osiris) абидосскій богъ солнца обожался во всѣхъ частяхъ страны, которая въ мифѣ о немъ яснѣе всего выразила свои религіозныя понятія.

Онъ—тоже олицетвореніе солнца, но не дневнаго, видимаго на небесномъ сводѣ, но солнца нижняго полушарія, побѣжденнаго мракомъ и скрывающагося въ подземномъ мірѣ.

Говоря иначе, Озирисъ есть солнце преисподней и эмблема другой жизни—царства того свѣта. Согласно съ вышеупомянутомъ миеомъ, „благой богъ“ родился отъ Себа, бога земли и богини неба, Нутъ (Нуитъ), которые, по словамъ того же миеа, пребывали въ вѣчномъ совокупленіи, при чемъ вторая покоилась на первомъ. Богъ вѣтра Шу проникъ между ними и приподнялъ богиню неба, оторвавъ ее отъ бога земли и сдѣлавъ такимъ образомъ возможнымъ рожденіе абидосскаго бога.

Послѣдній съ самаго начала имѣлъ женой сестру свою Изиду. Братъ Озириса, носившій полусемитическое имя Сеть или Сутехъ (греч. Тифонъ) жилъ и живетъ съ нимъ въ постоянной враждѣ, но не одинъ изъ нихъ вполне побѣдить не можетъ.

Словомъ, миеъ о немъ—это повтореніе вѣчной исторіи о борьбѣ со зломъ, при чемъ въ данномъ случаѣ проявляется дуализмъ, который, собственно говоря, не имѣетъ мѣста въ египетской религіи, такъ какъ боги страны существа свѣтлыя и добрыя, готовые придти на помощь къ человѣку и только въ борьбѣ между братьями можно усмотрѣть дуалистическую подкладку.

Какъ въ моральномъ отношеніи, такъ и въ сферѣ внѣшнихъ явленій природы, Озирисъ сила добрая, между тѣмъ какъ Сеть—воплощеніе всего того, что египтянинъ считалъ злымъ: болѣзни, тьмы и жгучаго иссушающаго вѣтра пустыни.

Нельзя не замѣтить здѣсь, что хотя древнѣйшій египетскій пантеонъ причислялъ Сета къ числу боговъ зла, но съ теченіемъ времени, послѣдній пересталъ считаться безусловно злымъ божествомъ и мало по малу обратился въ верховнаго бога азіатскихъ семитовъ (Вааль), являясь такимъ образомъ исключительно богомъ чужеземцевъ.

По словамъ полинявшей легенды, Озирисъ царствовалъ на землѣ къ великому благу человѣчества, даровалъ Египту законы и научилъ жителей земледѣлю.

Слава брата возбудила зависть Сета, который изготавилъ роскошно украшенный ящикъ и на пиршествѣ предлагалъ подарить его тому, кто сумѣетъ помѣститься въ немъ. Удалось это только Озирису, но крышка была тотчасъ же захлопнута и ящикъ пущенъ въ море.

Убитая горемъ Изида, въ сопровожденіи семи скорпионовъ, служившихъ ей проводниками, бросилась отыскивать трупъ своего вѣроломно погубленнаго мужа; во время этихъ поисковъ и странствованій въ болотахъ Дельты она родила сына „пресвѣтлаго“ Гора (Horus), который явился, такъ сказать, патентованнымъ мстителемъ за отца.

Между тѣмъ послѣ долгихъ поисковъ Изида нашла трупъ Озириса и привезла его въ Египетъ, но „великій мощью“ Сеть нашель его здѣсь, разрубилъ на куски и разсѣялъ ихъ по разнымъ мѣстамъ. Горъ собралъ разрозненныя останки отца и съ помощью Изиды, Тота, Анубиса и Нефтиды (Nephtis, супруга Сета,—олицетвореніе почвы, которой не достигаютъ нильскія наводненія, подобно тому какъ сестра ея Изида олицетворяла оплодотворенную землю), подвергнувъ ихъ бальзамированію, послѣ чего „почтенный“ (spsre) Тотъ, великій магъ и чародѣй, воскресилъ Озириса.

Но побѣда, одержанная Горомъ надъ сатанинскимъ божествомъ пустыни и его 72-мя сообщниками, была неполная: Озирисъ переселился царствовать въ Аменти или въ подземный міръ, а самъ побѣдоносный Горъ господствуетъ только днемъ, какъ богъ солнца, обновляющагося каждое утро, и долженъ уступить ночь мрачному Сету. Даже и днемъ иногда вѣроломному богу тьмы удается восторжествовать на нѣсколько мгновеній надъ благодѣтельнымъ божествомъ солнца.

Солнечное затмѣніе („день ужаса“) объяснялось тѣмъ, что Сеть въ образѣ дикаго вепря нападаетъ на Гора и вырываетъ у него лѣвый глазъ, но богъ Тотъ вылѣчиваетъ окривѣвшее божество солнца и восстанавливаетъ ему зрѣніе.

Такимъ образомъ борьба Гора и Сета—продолженіе исторіи Озириса. По правдоподобию замѣчанію Кралля, она представляетъ изложеніе мифологическимъ языкомъ связи явленій Нила съ небесными. Почти также истолковываетъ символическое значеніе этого мифа и Дункеръ. Когда уровень водъ Нила начиналъ понижаться—говоритъ названный ученый—и знойныя вѣтры, дувшіе съ юга, вытѣсняли прохладный сѣверный вѣтеръ, а дневной жаръ палилъ землю—вотъ время, когда Тифонъ убивалъ Озириса. Когда же Египетъ снова оплодотворялся наводненіемъ Нила, когда солнце сіяло въ новомъ блескѣ, когда начинали выростать новые плоды, то рожденный около зимняго солнцеворота Горъ выросталъ и побѣждалъ Тифона. Сынъ Озириса, мстящій за своего отца, изображалъ собою обновленную силу солнца, возродившуюся жизнь природы и новыя благодѣянія года.

Независимо отъ указаннаго объясненія борьба между богами имѣетъ чисто астрономическое значеніе: Горъ—небо; оба ока его—солнце и луна. Сеть, вырывая одно око, является виновникомъ мрака. Тотъ, какъ богъ луны, восполняетъ это поврежденіе, торжествуя надъ мракомъ въ полнолуніе, „восполняя око“ и „возвращая его хозяину“; точно также и зимній мракъ, убыль дней египтяне объясняли такимъ

же образомъ, но на этотъ разъ страдающимъ было уже правое око, а періодъ страданія не полмѣсяца, а полгода, начиная со дня солнцестоянія ¹⁾.

Въ знаменитомъ и чрезвычайно интересномъ письменномъ памятникѣ древности, извѣстномъ трактатѣ Плутарха, Озирисъ, Изида и Сеть представляютъ постепенно различные принципы природы, именно: солнце, луну, сырость, Нилъ, воспроизводящую жизнь теплоту, жаръ, вѣтеръ и т. д.; эти предметы мѣняютъ свои мѣста и являются другъ за друга такъ часто, что нельзя не придти къ убѣжденію о безконечномъ видоизмѣненіи болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ фантазіи древней теософіи.

Для египтянъ миѣ объ Озирисѣ послужилъ одной изъ формъ, въ которыхъ выразились ихъ представленія о вѣчной борьбѣ добра и зла, стройнаго порядка и хаоса.

Эта ежедневная борьба, служившая символомъ жизни божества, была также символомъ человѣческой жизни, не ограничивающейся только земнымъ существованіемъ. Если „благой богъ“ умеръ, но затѣмъ былъ снова вызванъ къ вѣчному существованію, то такой же участи въ состояніи достигнуть по смерти своей и человѣкъ: и онъ можетъ превратиться въ Озириса, занять мѣсто среди боговъ и вмѣстѣ съ земными радостями испытывать въ загробномъ мірѣ такія, какія доступны только небожителямъ.

Миѣ объ Озирисѣ былъ такимъ образомъ почерпнуть изъ ежедневнаго и безконечно повторяющагося народженія и смерти солнца, которое въ образѣ Ра свѣтитъ на небѣ въ продолженіе двѣнадцати часовъ дня и затѣмъ поглощается тьмою.

Мы уже знаемъ, что египтяне не могли представить себѣ своей страны иной и въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ они ее видѣли; бюрократическое устройство съ фараономъ во главѣ должно было быть современной ей и возводилось къ богамъ. Но всѣ боги въ одинаковой степени не могли служить идеалами и образцами фараоновъ; болѣе всего годился для этого Озирисъ „благой богъ“ и наиболѣе подобный человѣку, но онъ былъ убитъ, сошелъ въ преисподнюю и возродился въ видѣ „пресвѣтлаго“ Гора, который и сдѣлался представителемъ живущаго и благополучно царствующаго фараона ²⁾.

Распространенное въ древней Греціи ученіе орфиковъ, существенно примыкающее къ таинственному культу Діонисія, имѣетъ

¹⁾ Тураевъ «Богъ Тотъ» IV, 42.

²⁾ Вругшъ, loc. cit, III, 92, гдѣ говорится, что Ра представлялъ царствующаго фараона, Озирисъ—умершаго, см. Тураевъ, цит. сочин. III, 35.

много общаго съ содержаніемъ міеа объ Озирисѣ ¹⁾ и египетское вліяніе въ этомъ отношеніи несомнѣнно, но совсѣмъ тѣмъ трудно рѣшить, что было у орфіковъ своего и что заимствовано. Вѣрно лишь то, что ученіе объ Озирисѣ и орфическое ученіе обязаны своимъ возникновеніемъ и широкимъ распространеніемъ религіозной потребности мыслящихъ людей, которые неудовлетворялись обычными формами вѣрованій и культовъ ²⁾.

Нельзя сказать, чтобы фізіономія абидосскаго бога отличалась опредѣленностью: то онъ спутникъ Ра и помогаетъ ему въ борьбѣ съ чудовищами Амъ-Дуата, то властитель подземнаго міра и судья умершихъ. Во всякомъ случаѣ, будучи солнечнымъ божествомъ, однимъ изъ формъ Ра, Озирисъ въ то же время являлся богомъ Аменти и ученіе о немъ служило основой того цикла загробныхъ вѣрованій, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь впереди, когда мы коснемся египетскихъ представлений о будущей жизни.

Египетскіе жрецы признавали въ отцѣ Гора символъ „совершившагося бытія“, такъ какъ по ученію ихъ, богъ этотъ выражалъ собою „то, что было вчера“, т. е. прошедшее, тогда какъ Горъ служилъ символомъ возврата оконченнаго существованія „новой жизни“, того, „что будетъ завтра“, будущаго, иначе говоря онъ знаменовалъ возрожденіе въ вѣчномъ круговоротѣ земныхъ явленій.

Такимъ образомъ религіозное міровоззрѣніе потребовало болѣе общей формулы, болѣе величественнаго и глубокаго содержанія и оно вылилось въ законченномъ культѣ поклоненія „пресвѣтлому“ Горубогу солнца, источнику всего сущаго, творцу всякой жизни, истины на землѣ и прообразу безсмертія за гробомъ.

3. *Фта*—(Phta, собственно Птахъ), божество Мемфиса въ эпоху Древняго Царства (при первыхъ шести династіяхъ) занимало мѣсто верховнаго бога въ египетскомъ Олимпѣ. Надписи прославляютъ Фта какъ „художника сонма боговъ, сотворившемъ всѣ существа“. При храмѣ его находилось, какъ мы уже знаемъ, святилище Аписа, котораго называли „второю жизнью Фта“ и который такимъ образомъ сдѣлался земнымъ представителемъ невидимаго божества. Титуль главнаго жреца этого бога надписи называютъ „Великимъ художествомъ“, очевидно, намекъ на Фта, какъ на бога—архитектора или зодчаго въ высшемъ значеніи этого слова.

¹⁾ Діодоръ I, 96.

²⁾ Латышевъ «Очеркъ греческихъ древностей» ч. 2, отд. V, гл. 20, стр. 228.

Греки отождествляли „созидающаго“ со своимъ Гефестомъ, а египетскіе теологи позднѣйшихъ временъ считали его солнечнымъ божествомъ. „Онъ отецъ всѣхъ боговъ, первый существующій... господинъ правды“.

Фигура этого бога еще менѣе опредѣленна, чѣмъ фигура Озириса и легко вступаетъ въ соединеніе съ другими божествами, образующими изъ себя триады или тройцы, состоящіе изъ бога отца, богини матери и бога сына.

Сынъ считался единосущнымъ отцу и всѣ трое составляли не трехъ отдѣльныхъ боговъ, а одно божество въ трехъ лицахъ. Въ данномъ случаѣ самъ Фта являлся богомъ-отцемъ, богомъ-сыномъ—дѣтище Фта Имготепъ (первоначально Нофератумъ), носившій названіе „умиротворяющаго“, а богиней этой триады была Сохетъ, считавшаяся покровительницей роженицъ и обоготворяемая въ Бубастѣ подъ именемъ Бастъ, символомъ которой являлась кошка.

О тождествѣ названной богини съ Саисской Нейтъ (Нить) врядъ ли можно говорить серьезно, какъ это мы постараемся выяснить въ своемъ мѣстѣ.

Памятники указываютъ намъ, что въ храмѣ Фта въ Мемфисѣ, который въ честь своего божественнаго патрона носилъ наименованіе Ха-ка-Фта, т. е. домъ богопочитанія Фта, чтилась священная змѣя Цотефъ, посвященная богу, а равно въ числѣ священныхъ деревьевъ фигурировали персиковое, тутовое и акація, считавшіяся подъ особымъ покровительствомъ мемфисскаго бога.

Послѣдній, какъ упомянуто, часто вступаетъ въ соединеніе съ остальными божествами и въ египетскомъ пантеонѣ гораздо рѣже встрѣчается одинъ Фта, нежели его искусственныя дополненія: Фта-Соккари и Фта-Соккаръ-Озирисъ; храмъ послѣдняго недавно былъ открытъ на полѣ пирамидъ, близъ сфинкса.

4. *Аммонъ*—подобно Фта, рѣдко встрѣчается одинъ, обыкновенно онъ соединенъ съ какимъ нибудь другимъ богомъ, главнымъ образомъ съ Ра. Культъ названнаго божества развился въ Фиваидѣ, но онъ занялъ первое мѣсто въ египетскомъ пантеонѣ въ сравнительно позднее время, именно при воцареніи XVIII-ой династіи (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ).

Подобно всѣмъ солнечнымъ богамъ, Аммонъ олицетворялъ солнце, къ которому обращены всѣ духовные гимны, оставленные намъ литературой эпохи Рамессидовъ.

При разсмотрѣннн фнзюномн еиванскаго бога мы сталкиваемся съ тѣми же чертами, съ которыми встрѣчались въ миѣѣ объ Озирисѣ; ежедневное движеніе солнца по небесному океану и его борьба съ тьмою отъ момента появленія лучезарнаго свѣтила на востокѣ до момента исчезновенія его на западѣ сдѣлалось эмблемой жизни этого бога, получившаго столь обширное поклоненіе на протяженіи почти всего нильскаго оазиса въ эпоху Новаго Царства.

Было уже говорено о томъ, что съ увеличеніемъ политическаго значенія территоріальной дробн фараоновскаго Египта—нома, чтимое въ послѣднемъ божество, распространяя свое вліяніе за предѣлы области, получало болѣе обширное поклоненіе со стороны своихъ ревностныхъ служителей.

Въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся съ подобнымъ же явленіемъ: какъ только центръ политической жизни перемѣстился въ „стовратные“ Оивы, божество названнаго города, Аммонъ поспѣшилъ пріобщить къ своему культу возможно большее число поклонниковъ изъ остальныхъ областныхъ центровъ, вынужденныхъ такимъ образомъ повысить рангъ новаго божества въ ущербъ собственному, мѣстному богу.

По ученію еиванскихъ жрецовъ, ревностныхъ сторонниковъ культа Аммона, которымъ они прикрывали достиженіе совсѣмъ не религіозныхъ цѣлей, не говоря уже о томъ, что распространеніе сферы вліянія этого бога доставляло имъ полную возможность кормиться отъ благочестія вѣрующихъ, Аммонъ вмѣщалъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ весь египетскій Олимпъ, такъ какъ всѣ остальные божества, взаимно поглощаясь другъ другомъ, терялись въ высшемъ еиванскомъ богѣ.

Ученіе о божественномъ единствѣ, проблески котораго встрѣчаются въ древнѣйшихъ текстахъ, хотя развивалось постепенно и достигло, наконецъ, полного выраженія, но тѣмъ не менѣе на ряду съ нимъ продолжали существовать прежнія вѣрованія и культы и очень живое, въ позднѣйшее время, представленіе о божественномъ единствѣ прекрасно уживалось съ вѣрованіемъ во множество боговъ: послѣдніе становятся лишь въ подчиненное положеніе къ Аммону, но фактически не исчезаютъ и храмы ихъ попрежнему наполняются молящимся людомъ. Со всѣмъ тѣмъ значеніе Аммона въ странѣ, начиная съ эпохи Новаго Царства, особенно при Рамессидахъ, нельзя не признать огромнымъ.

Еиванскіе жрецы, включая сюда и низшее иррегулярное духовенство, ревностно, съ энтузіазмомъ апостоловъ пропагандировали сво-

его бога и умѣли привязать къ нему не только массу вѣрующихъ, но, что было, пожалуй, важнѣе, придерживающія власти: въ самомъ дѣлѣ, съ Аммономъ совѣщаются фараоны о своихъ вооруженныхъ внѣшнихъ предпріятіяхъ, онъ направляетъ войска къ побѣдамъ, получая львиную долю добычи, захваченной на полѣ сраженія или полученной въ видѣ обязательной дани съ побѣжденных. Систематически возрастающее изъ поколѣнія въ поколѣніе богатство ¹⁾ сдѣлало верховнаго жреца почти такой же важной особой, какъ и самъ фараонъ.

Можно было даже, не дѣлая большой натяжки—замѣчаетъ Масперо—сказать, что для него (т. е. для Аммона) и для него одного, египтяне предпринимали завоеваніе Азіи. Одновременно съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія, возрастало безпрестанно и духовное преобладаніе жреческаго сословія. Видя, какъ сильные міра воздавали почести повелителю Өивъ, жрецы увѣрили себя, что еиванскій богъ имѣлъ право на такое же почетное положеніе среди другихъ боговъ. Они считали Аммона единственнымъ истиннымъ богомъ, рядомъ съ которымъ другіе боги не имѣли никакого значенія ²⁾.

Впослѣдствіи мы увидимъ, что фараонизмъ, такъ много содѣйствовавшій возвышенію и прославленію Аммона, съ исчезновеніемъ мистическаго жреческаго дурмана, вступилъ въ упорную борьбу съ культомъ еиванскаго бога и пытался даже, въ лицѣ Аменофиса IV (см. ниже), дать Египту новаго бога Атона (солнечный дискъ), который могъ бы замѣнить упраздненное божество въ его верховныхъ прерогативахъ. Здѣсь мы опускаемъ исторію искусственнаго замѣщенія одного бога другимъ, потому что изъ всего этого ровно ничего не вышло. Не отрицая необходимости сломить силу вліятельнаго и неуязвимаго жречества, опиравшагося на культъ Аммона и присвоившаго себѣ право развѣнчивать монарха въ глазахъ народа, похищая функции его божественной власти, нельзя не признать величайшей ошибкой, что правительство названнаго фараона вздумало колебать то, что хорошо ли, дурно ли, но твердо стояло, потому что стояло давно и, пользуясь своею давностью, имѣло за себя всѣ симпатіи народа.

Пропаганда Аммона не ограничивалась однимъ Египтомъ, но распространялась и въ Элладѣ, главнымъ образомъ благодаря славѣ

¹⁾ Вотъ напр., что имѣлъ Аммонъ: 564 статуи, 81.322 вассала и слугъ, 421.362 головы крупнаго и мелкаго рогатаго скота, 433 сада и огорода, 868.168 аруръ земли подъ рожью, 83 корабля, 65 городовъ, мѣстечекъ и селеній въ томъ числѣ 7 въ Азіи и т. д., однимъ словомъ $\frac{1}{10}$ частью всей Нильской долины. См. Maspero. «La fortune d'un dieux égyptien» въ «Journal des débats». 1903.

²⁾ Масперо, цит. соч. V, 209.

его прорицалища, находившагося среди зеленѣющихъ рощъ ливійскаго оазиса Сивахъ. Извѣстно, что великій завоеватель Азіи, Александръ Македонскій, посѣтилъ прорицалище еиванскаго бога, принесть ему жертву и выслушалъ пріятныя предсказанія.

Что касается до изображеній Аммона, то послѣдній, судя по памятникамъ, представлялся либо въ человѣческой оболочкѣ, либо къ ней придѣлывали одну или нѣсколько бараньихъ головъ; по крайней мѣрѣ, въ *Rarugus Harris*, заключающимъ въ себѣ между прочимъ одно изъ магическихъ заклинаній, читаемъ: „...Это произносится надъ изображеніемъ Аммона *о четырехъ головахъ овна на одной шеѣ*, нарисованномъ на глинѣ съ крокодиломъ подъ ногами и прославляющими его Хмуну направо и налѣво“...

Божественную тріаду великаго еиванскаго бога составляли Муть—олицетвореніе женскаго элемента въ божествѣ, нѣчто въ родѣ египетской Иштаръ и сынъ, „происшедшій изъ чрева Муть“—Хонзу (Ирсехру, т. е. руководитель), лунное божество Фивъ, который чтился здѣсь подъ особой формой Хонзу-е-мусъ-Ноферготепъ и который уже въ эпоху Средняго Царства былъ обличень съ Тотомъ ¹⁾.

Въ развалинахъ знаменитаго храма Аммона въ Карнакѣ (Апе) найдены многочисленныя сидяція фигуры „божественной матери“ Муть съ львиной головой изъ чернаго гранита, поставленныя въ одинъ и два ряда по стѣнѣ храма, такъ что этихъ изображеній должно было быть до пятидесяти, когда храмъ былъ въ цѣлости ²⁾.

Такимъ образомъ, подводя итогъ сказанному о культѣ Аммона, нужно придти къ заключенію, что послѣдній вмѣщалъ въ себѣ зарождавшійся на берегахъ Нила монотеизмъ, а существованіе многихъ боговъ объяснялось, какъ сказано, тѣмъ, что они только различныя наименованія Аммона, его разновидности воплощенія и многочисленныя имъ же созданныя его составныя части. Но такъ какъ поддерживавшійся въ теоріи монотеизмъ не ставилъ границъ многобожію и право послѣдняго на существованіе было признано, то монотеизмъ не имѣлъ никакого практическаго вліянія на народную религію.

5. *Тотъ*. Прекрасное изслѣдованіе г. Тураева „Богъ Тотъ“, появившееся въ 1898 году, пролило много свѣта на характеръ этого божества и уяснило значеніе послѣдняго въ области исторіи древне-египетской культуры и религіи.

¹⁾ Культъ Хонзу получилъ распространеніе въ Египтѣ не ранѣе господства XX династіи. См. Тураевъ, цит. соч. VI, 81. Бругшъ «Исторія фараоновъ», XIX, 602.

²⁾ Бругшъ «Исторія фараоновъ» XV, 394.

Заимствуемъ изъ труда современнаго русскаго ориенталиста слѣдующія данныя, относящіяся къ богу луны и его дѣятельности въ сферѣ культурно-религіозной жизни страны фараоновъ.

На памятникахъ Древняго Царства кромѣ сопоставленія, „владыки словесъ“ съ богомъ солнца, мы видимъ Тота и богомъ луны, и побѣдоноснымъ борцомъ за покойника противъ враждебныхъ силъ, и помощникомъ его во время загробнаго путешествія (см. ниже Судъ въ Аменти), и противникомъ Сета, и, кажется, богомъ книгъ, и возвратившимъ Гору его око. Независимо отъ сего въ текстахъ проглядываетъ значеніе Тота какъ бога культуры по преимуществу, бога письменности и государственнаго строя.

Отсюда намъ будутъ совершенно понятны тѣ эпитеты, которыми египетская религія украшала Тота и которые добросовѣстный изслѣдователь привелъ съ цитатами своего замѣчательнаго труда,—напримѣръ: „царь книгъ“, „удовлетворяющійся правдой“, „дважды великій“, „сугубо величайшій“, „возлюбленный“, „царь вѣковъ“, „счисляющій“ и т. д. и т. д., словомъ число эпитетовъ Тота переваливаетъ за 170, которые всѣ можно найти въ приложеніи къ книгѣ г. Тураева (стр. 167—175).

Переходя къ эпохѣ Средняго Царства, изслѣдователь отмѣчаетъ значеніе Тота какъ бога измѣренія, числа и мѣры, которому былъ посвященъ локоть, а равно и вѣсы, названные въ текстѣ „очень вѣрными, тотовыми“. Его считаютъ изобрѣтателемъ іероглифовъ, „писцомъ“ боговъ, „сосчитавшимъ небо и (все), что на немъ“.

Тексты переходнаго времени сближаютъ этого бога съ Хонзу, который приводится съ эпитетами, напоминающими Тота, при чемъ, повидимому, нѣтъ сомнѣній въ тождествѣ обоихъ боговъ. Въ качествѣ бога мѣры и суда Тоту присваиваются эпитеты „справедливый, точный, соразмѣрный“, что, очевидно, относится къ судейскимъ функциямъ „Владыки града Восьми“ (т. е. Хмуну, Гермополисъ, гдѣ процвѣтала культъ Тота).

Въ Новомъ Царствѣ Тотъ выступаетъ не прототипомъ чиновниковъ или ученыхъ, какъ раньше, а учредителемъ культа, жрецомъ всѣхъ главныхъ религіозныхъ центровъ Египта, совершителемъ важнѣйшихъ обрядовъ, положенныхъ на праздники египетскаго года. Вмѣстѣ съ тѣмъ богъ премудрости и правды является своего рода магомъ и чародѣемъ, заклинанія котораго распространяются не только на простыхъ смертныхъ, но и на боговъ. Во время загробнаго путешествія онъ учитъ умершаго магическимъ формуламъ, знаніе которыхъ гарантируетъ усопшему благополучный исходъ взвѣшиванія не-

зависимо отъ дѣйствительныхъ качествъ сердца и какъ „водитель боговъ въ преисподней“, содѣйствуетъ своими заклинаніями благополучному плаванію лодки Ра въ Амъ-Дуатъ.

Кромѣ своей магической роли, Тотъ беретъ подъ свое покровительство кастовое поддержаніе семейныхъ традицій, равно какъ заботится и о порядкѣ престолонаслѣдія. Особенно любили прибѣгать къ его санкціи цари, законность которыхъ могла возбудить сомнѣнія. Мы постоянно встрѣчаемъ его въ роли „хронолога и историографа“, причемъ онъ является богомъ долготѣія. Въ папирусѣ Rhind встрѣчаемся неоднократно съ представленіемъ о томъ, что время жизни человѣка, количество лѣтъ ея отсчитывается Тотомъ.

Въ позднюю эпоху, независимо отъ сопоставленія Тота съ Хонзу, проглядываетъ желаніе сблизить перваго съ Шу, причемъ богъ вѣтровъ дѣйствительно принимаетъ функціи Тота, но со всѣмъ тѣмъ и вопреки мнѣнію Бругша, нельзя считать Шу однимъ изъ мѣстныхъ формъ, „владыки града Восьми“. Что же касается до отношеній Фта и Тота, двухъ боговъ, довольно близкихъ по нѣкоторымъ функціямъ, но никогда не отождествлявшихся, то вопросъ этотъ и по сіе время остается открытымъ.

Обращаясь къ рассмотрѣнію изображеній Тота, слѣдуетъ сказать, что главныхъ формъ у названнаго бога было двѣ: ибисъ и павіанъ; обѣ онѣ употреблялись довольно произвольно и безразлично, однако уже съ IV-й династіи мы встрѣчаемъ въ Уади Махара Тота въ видѣ человѣка съ головою ибиса и жезломъ въ рукахъ—это первое извѣстное изображеніе божества. Кромѣ того, хотя и рѣдко, Тотъ изображался въ видѣ луннаго диска. На надгробной плитѣ Туринскаго музея мы видимъ лунный корабль съ сидящимъ на немъ ибиокефальнымъ Тотомъ съ луннымъ дискомъ на головѣ и передъ нимъ павіана съ луннымъ окомъ въ рукахъ.

Въ качествѣ „владыки правды“ Тотъ—ибіокефаль иногда соединяетъ лунный головной уборъ съ эмблемой правосудія—страусовымъ перомъ.

Наиболѣе употребительныя изображенія Тота (число ихъ простирается до шестнадцати) читатель можетъ найти въ вышеназванномъ сочиненіи г. Тураева, гдѣ между прочимъ имѣется изображеніе Тота въ формѣ муміи на саркофагѣ музея древности Императорскаго Юрьевскаго университета (№ XVI-й).

Послѣднюю главу своего труда изслѣдователь посвящаетъ рассмотрѣнію женскихъ элементовъ Тота, приходя къ заключенію о полной неустойчивости представленій древнихъ египтянъ объ этихъ до-

полненіяхъ и объ отсутствіи древней традиціи, которую замѣнили искусственныя построенія.

Объемъ нашего сочиненія не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, исчерпать все содержаніе интереснаго изслѣдованія г. Тураева, но и изъ того, что было приведено выше, нельзя не придти къ заключенію, что русская историческая литература обогатилась сочиненіемъ строго научнымъ, въ высшей степени интереснымъ и достойнымъ изученія. Можно только замѣтить,—хотя, право, въ подобныхъ вещахъ трудно полагаться на собственное сужденіе и лучше довѣриться проникательности почтеннаго изслѣдователя,—что транскрипція собственныхъ именъ оставляетъ кое чего желать въ смыслѣ ихъ безусловной правильности, согласію съ установившимся порядкомъ начертанія и критической оцѣнки.

Греки, какъ извѣстно, отождествляли Тота со своимъ Гермесомъ, который назывался у нихъ такъ же, какъ и Тотъ, „трижды величайшимъ“ (трисмигистомъ) и обладалъ многими общими съ Тотомъ свойствами.

Варьированія представленія Тота-Гермеса, совершавшіяся въ теченіе многихъ вѣковъ, не могли не быть очень разнообразными и сложными. Одно изъ нихъ, отождествленія Гермеса и „Логоса“, вмѣстѣ съ бросающимися въ глаза чертами сходства идеи „Логоса“ съ идеєю, лежащею въ основѣ указанныхъ нами „владыкъ словесъ“, яено указываетъ на громадную устойчивость признанія слова самостоятельно-существующею силою. Подъ вліяніемъ собирательнаго воздѣйствія этихъ представленій роль Тота въ египетской религіозной системѣ поднимается до высоты совершенно исключительной.

6. *Горъ и прочія божества.* Въ миѣѣ объ Озирисѣ мы уже сталкивались съ „пресвѣтлымъ“ Горомъ и къ сказанному о немъ выше можемъ прибавить весьма немного. Въ весьма распространенной въ Египтѣ легендѣ, передаваемой Плутархомъ, говорится, что послѣ побѣды Гора надъ убійцей своего отца — Сетомъ, богиня Изида оказалась слишкомъ мягкой къ послѣднему и воспрепятствовала сыну окончательно справиться съ коварнымъ богомъ тьмы. „Тогда—сообщаетъ Плутархъ—величество Гора разгнѣвалось противъ матери Изиды, подобно южной пантерѣ, и она бѣжала предъ нимъ... Онъ отсѣкъ ей голову, а Тотъ превратилъ ее заклинаніями и помѣстилъ въ видѣ головы коровы“ ¹⁾.

¹⁾ Плутархъ De Iside. 19.

При помощи такихъ то легендъ обитатели фараоновскаго Египта старались объяснить свою зоолатрію, приче́мъ столь характерный образчикъ толкованій исходилъ отъ самихъ же жрецовъ.

Нужно замѣтить, что въ египетской мифологіи имѣется нѣсколько божествъ, носящихъ имя Гора; этотъ Горъ, старшій изъ нихъ, сливается съ Ра, первымъ богомъ солнца въ двойномъ названіи Ра-Гармахи съ, существъ, которому приписывались высочайшіе атрибуты. Символомъ этого бога служилъ отдыхающій левъ съ человѣческой головой,—фигура часто встрѣчающаяся въ изображеніяхъ фараоновъ.

Въ музеѣ Императорскаго Общества любителей древней письменности имѣется небольшая каменная фигурка, представляющая экземпляръ довольно распространеннаго предмета, извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ *Гора на крокодилахъ*. Богъ Горъ представленъ нагимъ младенцемъ, стоящимъ на двухъ или болѣе крокодилахъ; обѣими руками онъ давитъ различныхъ гадовъ: змѣй, скорпіоновъ и т. п., а также и вообще опасныхъ животныхъ, напр., львовъ ¹⁾.

Гору былъ посвященъ лотосъ (Nelumbo), символъ солнца, считавшійся колыбелью молодого солнечнаго божества. Изображеніе этого цвѣтка фигурируетъ даже въ погребальныхъ текстахъ пирамидъ Древняго Царства.

По свидѣтельству памятниковъ, каждому фараону, какъ преемнику Гора, вмѣнялось въ обязанность при принятіи царскаго достоинства совершить извѣстное число торжественныхъ церемоній, точно опредѣленныхъ закономъ и которыя, по священному преданію, вели свое начало и были установлены при восшествіи на престолъ самого Гора. Всѣ эти церемоніи изображены въ самомъ храмѣ Рамзеса III въ Мединетъ Абу ²⁾.

На большинствѣ рисунковъ Горъ-младенецъ изображается въ характерной позѣ съ пальцемъ, опущеннымъ на уста.

Изъ остальныхъ божествъ древне-египетскаго пантеона укажемъ на слѣдующихъ:

1) Анубисъ, „владыка некрополя“, культъ котораго процвѣталъ главнымъ образомъ въ номахъ Хесфъ-Хентъ и Ануу (Кинополитесъ), изображался съ головой шакала (иногда собаки) и былъ спутникомъ умершаго человѣка во время странствованія послѣдняго въ подземный міръ.

¹⁾ Б. Тураевъ «Описаніе древне-восточныхъ предметовъ въ музеѣ Императорскаго Общества любителей древней письменности». 1900 г. стр. 3.

²⁾ Бругшъ, loc. cit, III, 93.

2) Монтъ, богъ войны, подобно Хонзу, считался сыномъ Аммона и древнимъ покровителемъ Фивъ; по крайней мѣрѣ въ одной изъ надписей, поименованный богъ прямо названъ „владыкою Фивъ“.

3) Себъ (Себекъ), почтенный родитель Озириса, служилъ чѣмъ то въ родѣ бога времени, изображая „нераздѣльное время, вѣчность“ и въ то же время олицетворяя землю; мы уже знаемъ, что въ текстахъ пирамидъ вмѣсто имени этого бога часто ставится іероглифъ земли.

4) Богиня Нейтъ (Нить) саисская. Въ святилищѣ ея найдена прекрасная статуя съ надписью, смыслъ которой Шамполлионъ истолковываетъ такъ: „Я—все: прошедшее, настоящее и будущее; покрывала моего не поднималъ никто изъ смертныхъ, но солнце есть мое рожденіе“. Надпись такимъ образомъ указываетъ, что египетская Афина не раздѣляла супружескаго ложа ни съ кѣмъ изъ смертныхъ или боговъ; съ другой стороны дается знать, что и сама она не произошла отъ какого либо супружескаго союза божествъ, но есть божество вѣчное, изначальное, хотя и натуральное, такъ какъ „изъ ея лона рождается свѣтъ солнца“.

При наличности указанныхъ данныхъ не только невозможно отождествлять Нейтъ съ Сохетъ, но и нельзя смотрѣть на первую какъ на мѣстное, саисское наименованіе Изиды, какъ это иногда проскальзываетъ въ литературѣ.

5) Богини Гаторъ (любви и плодородія) въ Дендеръ и Маатъ—богиня справедливости, бывшая скорѣе олицетвореніемъ идеи, чѣмъ дѣйствительно мифологическимъ популярнымъ божествомъ. Ее считали супругою Тота, но какъ таковая, она выступаетъ только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

6) Х н у м ъ изображался съ головой барана и чтился главнымъ образомъ въ Абу.

7) С а к к а р и—богъ усопшихъ въ Мемфисѣ (онъ же Фта, см. выше).

8) Богини Селькъ и Нефтида (Nephtis), супруга „мощнаго“ Сета.

9) Боги: Шу, Херибакуфъ, Вепуатъ, Меримутефъ, Тефнутъ, Хепри, Дуамутефъ, Менъ и мн. друг., о которыхъ мы здѣсь говорить не станемъ. Хотя классическія названія божествъ не вполне соотвѣтствуютъ представленію египтянъ, но принимая во вниманіе, что выработка греческой религіи ¹⁾, производилась подъ силь-

¹⁾ Мы склоняемся къ мнѣнію Тиле (Thiele) который признаетъ арійское происхожденіе греческихъ божествъ, но за то приписываетъ религіямъ Востока сильное вліяніе на развитіе мифовъ и культовъ древней Эллады. (Thiele «La religion des Phéniciens»).

нымъ вліяніемъ Востока, особенно Египта, возможно до известной степени сопоставить боговъ обоихъ народовъ. Такимъ образомъ:

1. Аммонъ	нѣкот. обр.	соотвѣтствуетъ	греческому	Зевесу.
2. Себъ	”	”	”	Хроносу (Сатурну).
3. Озирисъ	”	”	”	Діонисію (Вакху).
4. Горъ	”	”	”	Апполону.
5. Фта	”	”	”	Гефесту (Вулкану).
6. Тотъ	”	”	”	Гермесу.
7. Изиды	”	”	”	Геѣ.
8. Нейтъ	”	”	”	Аѳинѣ.
9. Гаторъ	”	”	”	Афродитѣ.
10. Маатъ	”	”	”	Ѳемидѣ.
11. Монтъ	”	”	”	Аресу (Марсу).
12. Имготепъ	”	”	”	Эскулапу (Асклепію).
13. Шу	”	”	”	Эолу.

Повторяемъ, что приведенная таблица далеко не имѣетъ характера безусловнаго параллелизма, имѣя въ виду дать лишь относительное понятіе о характерѣ древне-египетскихъ божествъ путемъ сопоставленія послѣднихъ съ богами классическаго Олимпа.

Не слѣдуетъ забывать, что древніе греки не знали дуализма, враждебной противоположности между природой и духомъ, они не отдавались безавѣтно во власть природы и силъ чувственнаго міра, не доходили, подобно индійскимъ браманамъ, до отрицанія физической природы, ради приближенія къ существу боговъ.

Чувственная и духовная сторона была у нихъ въ такой гармоніи, какой не знали народы Востока, а чествованіе греческихъ боговъ не имѣло въ своемъ основаніи ни принципиальной противоположности между богами и людьми, ни робкаго страха или суроваго аскетизма, наблюдаемыхъ у народовъ Востока, для которыхъ очеловѣчиваніе боговъ всегда казалось непростительнымъ богохульствомъ.

Въ отличіе отъ египтянъ греческое язычество уже давно привыкло къ антропоморфическому взгляду на своихъ боговъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ слова древняго мыслителя: „боги суть безсмертные люди, люди—смертные боги“.

Ни священныя исторія, ни догматика грековъ не покоились на прочной основѣ откровенія, содержаніе котораго могло бы считаться безспорнымъ. Въ дѣлахъ религіи для эллиновъ не было другого масштаба и формы, кромѣ человѣческаго чувства и мысли, существовавшихъ и развивавшихся въ самой тѣсной связи съ жизнью; рядомъ

съ этимъ стояли, конечно, предписанія оракуловъ и различныя толкованія знаменій, но и они только отражали на себѣ настроеніе времени ¹⁾.

Таковы отличія въ религіозномъ міросозерцаніи обоихъ народовъ.

3. Геологическія умозрѣнія. Выше было замѣчено, что въ наиболѣе развитой части египетской націи обнаружилось стремленіе глубже понять и возвышеннѣе представить себѣ природу божества, не удовлетворяясь болѣе миеомъ или образомъ, а стараясь отыскать логическую формулу, разсвѣляющую туманность мистической системы.

Здѣсь уже дѣйствовали законы исторіи, въ силу которыхъ всякое начало, разъ проникшее въ жизнь, стремится развиваться до крайнихъ возможныхъ предѣловъ. Наслѣдственные хранители священныхъ знаній—жрецы, а равно и всѣ образованные люди, вдумываясь въ значеніе великихъ боговъ—Ра, Озирисъ, Фта, Аммона, Гора и многихъ другихъ, замѣтили, что всѣ они—олицетвореніе одного и того же лучезарнаго свѣтила солнца, а, слѣдовательно, различныя имена одного и того же божества. За кажущимся разнообразіемъ божествъ они прозрѣвали такимъ образомъ божество единое, чуждое всякихъ формъ и наименованій.

Отсюда *не далеко было до единобожія*, до мысли о томъ, что міръ созданъ и управляется однимъ существомъ, которое есть вѣчное, неизмѣнное, „единственно творящее въ небѣ и на землѣ, не будучи сотвореннымъ“.

Дѣйствительно, въ позднѣйшихъ египетскихъ текстахъ мы находимъ чрезвычайно возвышенное ученіе о божествѣ. „Богъ одинъ—говорится тамъ—и нѣтъ никого другого около него. Богъ есть духъ первоначальный, существовавшій, когда еще ничего не существовало. Богъ вѣченъ, не имѣетъ конца. Богъ незримъ, никто не видалъ лица его: онъ тайна для всякаго созданнаго имъ существа. Богъ есть истина; онъ живетъ истиной, которая вызвана имъ на свѣтъ. Богъ есть жизнь и жить можно только имъ. Богъ отецъ всѣхъ божествъ; онъ прогремѣлъ словомъ своимъ и возникли божества: они появились по изреченію устъ его. На небѣ покоится глава его и земля служить ему подножіемъ. Богъ милосердъ къ своимъ почитателямъ; онъ внемлетъ тому, кто его призываетъ. Богъ защищаетъ слабого отъ сильнаго, награждаетъ того, кто служитъ ему и покровительствуетъ тому, кто слѣдуетъ за нимъ“... и т. д.

¹⁾ Ranke «Weltgeschichte» 1 Theil, 62.

По мнѣнію Бругша, тексты такого рода важны не потому только, что въ нихъ выражаются представленія египтянъ о божествѣ, но и по содержащейся въ нихъ морали; если сопоставить эти изреченія съ тѣми, въ которыхъ многія знатныя лица изложили правила, руководившія ими въ жизни, то, по мнѣнію Бругша, мораль египтянъ является намъ почти въ христіанскомъ свѣтѣ (in beinahe christlichem Lichte).

Несомнѣнно, что въ египетской религіи, какъ это замѣчено выше, можно подмѣтить извѣстное приближеніе къ монотеизму, но уже съ раннихъ временъ опредѣленіе единаго существа, владыки міра, исказилось раздѣленіемъ божественныхъ свойствъ, превратившихся, въ свою очередь, въ личности и въ божества, не говоря уже о томъ, что самыя условія страны мѣшали осуществленію идеи монотеизма какъ общаго вѣрованія и какъ дѣйствующей системы. Поэтому трудно найти въ Египтѣ чистый монотеизмъ, вѣру въ Бога, помимо Котораго не существуетъ другого божества.

Мы только что видѣли, что въ приведенномъ отрывкѣ текста, въ которомъ содержится столь возвышенное ученіе о божествѣ, прямо говорится: „Богъ есть отецъ всѣхъ божествъ“...

Отсюда ясно, что многобожіе допускалось и высшими образованными классами, а простой народъ, стоя на низшихъ ступеняхъ религіознаго развитія, поклоняясь животнымъ и олицетвореннымъ явленіямъ природы, насквозь былъ проникнутъ идеей политеизма. Для него было вполне достаточно, что боги существуютъ; онъ вѣровалъ въ нихъ, не углубляясь въ смыслъ своихъ вѣковыхъ вѣрованій, но рано или поздно не могла не возникнуть потребность уяснить, что именно эти божества представляютъ собой и ихъ взаимныя отношенія.

Среди выдающихся передовыхъ умовъ древне-египетскаго жречества попадались лица, стремившіяся глубже проникнуть въ тайны религіи и посвятившія жизнь исканію Бога. Не безъ вліянія послѣднихъ сдѣлана была попытка выработки опредѣленнаго монотестическаго міросозерпанія. Въ богословской школѣ въ Гелиополисѣ преподавалось ученіе, по которому самый чистый и высокій образъ бога солнца былъ не тотъ Ра-Гармахисъ, который былъ извѣстенъ народу своими звѣриными или птичьими атрибутами, а само солнце, являвшееся каждый день на небѣ въ видѣ огненнаго шара и своими лучами дававшее міру свѣтъ и жизнь. Ему дали особое имя: „Ра-Гармахисъ, веселящійся на горизонтѣ, свѣтъ сущій въ солнцѣ“. Смыслъ этой фразы неясенъ, но также неясенъ онъ былъ, вѣроятно, и египетскимъ теологамъ того времени.

Вообще надъ процессомъ выработки религіознаго міросозерцанія трудились различныя жреческія школы и, какъ мы знаемъ, выработали ученіе, по которому Ра былъ признанъ единымъ божествомъ, существовавшимъ до начала вещей, а другія божества являлись лишь различными его формами, т. е. каждый богъ рассматривался какъ частная форма проявленія, или какъ отдѣльный, видимый съ одной стороны, образъ абсолютнаго божества.

Впрочемъ ученіе это, появившееся на свѣтъ стараніями той же геліополисской жреческой школы, нельзя признать безусловнымъ монотеизмомъ: при абсолютномъ единствѣ Бога въ названномъ ученіи признается существованіе цѣлаго сонма божествъ, въ рукахъ которыхъ находится управленіе міромъ; божества эти составляютъ ни что иное, какъ олицетворенные божественные атрибуты, получившіе, такимъ образомъ, отдѣльное отъ Бога бытіе.

Нечего и прибавлять, что традиціонное еврейское представленіе о трансцендентности и совершенной отдѣльности Бога отъ видимаго, конечнаго міра не могло придти въ голову древне-египетскимъ теологамъ, ученіе которыхъ хотя и получило въ странѣ широкое распространеніе, но, конечно, не могло произвести кореннаго переворота въ народныхъ вѣрованіяхъ. Это и понятно: нельзя было принудить населеніе той или другой египетской области отказаться отъ мысли, что божество, которое оно привыкло считать своимъ защитникомъ и прибѣгать къ его покровительству во всѣхъ невзгодахъ, должно утратить свое значеніе только потому, что мѣсто его въ пантеонѣ занято какимъ то другимъ богомъ, считавшимся единымъ.

Мѣстныя божества такъ тѣсно сплелись со всей общественной и частной жизнью, что почти невозможно было отдѣлить ихъ; порвать съ ними, значило порвать связь съ историческимъ прошлымъ.

Областные начальники (номархи), со своей стороны, не могли допустить, чтобы боги ихъ нома, защитники ихъ былой національной независимости, потеряли прежнее обаяніе, будучи поглощены единымъ божествомъ, подобно тому, какъ власть самихъ номарховъ съ теченіемъ времени сконцентрировалась въ рукахъ единаго властителя: жертвуя, по необходимости, политической независимостью, они хотѣли сохранить религіозную.

Въ подобномъ рѣшеніи вопроса заключалась главная причина того, почему на народной религіи такъ мало отразились мудрствованія первоклассныхъ жреческихъ школъ, которыя совокупными силами пытались разрѣшить реальнѣйшую изъ проблемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проблему вѣчную.

Попытка религиознаго преобразованія, предпринятая Аменофисомъ IV (см. исторію Египта въ Ново-Өиванскій періодъ), стремившимся сконцентрировать всѣ египетскіе культы въ поклоненіи единому богу солнца, всемогущему и всемірному, поглощающему въ себѣ всѣ божескія функціи, окончились неудачей, встрѣтивъ упорное сопротивленіе какъ со стороны народа, ничего не понимавшаго въ этомъ лабиринтѣ головоломныхъ и противорѣчивыхъ его воззрѣнію понятій, такъ и особенно со стороны богоусерднаго жречества, видимо соображавшаго, что скрываетъ за собой фараоновская система—воздвигать алтарь противъ алтаря.

Такимъ образомъ попытка установить въ египетской религіи нѣчто въ родѣ монотеизма не встрѣтила сочувствіе въ народѣ, да иначе и быть не могло: подданные фараоновъ не могли понять такой исключительности, они вѣрили во многихъ боговъ и, поклоняясь ревностно одному богу, не отрицали существованія и могущества остальныхъ боговъ въ разныхъ мѣстахъ. Они считали только ихъ ниже своего главнаго божества, но въ душѣ отдавали имъ извѣстную дань почитанія.

Равнымъ образомъ, каждый единственный богъ почитался такимъ только въ одной своей области (тогда онъ назывался нутиръ) или городѣ и никогда не поднимался до значенія единственнаго обще-національнаго бога ¹⁾. Въ глазахъ египтянъ не только низшая мелкая челядь ихъ Олимпа, но и чужеземные боги были истинными и могущественными существами, каждый на своей землѣ.

При положеніи, занимаемымъ богами, послѣдніе не могли исчезнуть, такъ какъ связь ихъ съ извѣстнымъ мѣстомъ поддерживала въ нихъ жизнь, но они были всѣ такъ похожи другъ на друга, что одинъ изъ нихъ могъ считаться формою другого и множество ихъ—формой одного изъ нихъ. Божество, сдѣлавшее всего болѣе въ процессѣ поглощенія другихъ боговъ въ своей собственной сущности,—это Ра, великій богъ солнца.

Выдѣленіе изъ массы божествъ отдѣльной группы „великихъ боговъ“ свидѣтельствовало о попыткѣ поставить на первое мѣсто боговъ господствующаго округа и затѣмъ присоединить къ нимъ тѣ божества, поклоненіе которымъ было болѣе или менѣе распространено во всей монархіи фараоновъ. Но такъ какъ центръ политическаго господства въ различныя эпохи исторической жизни Египта мѣняется, то, понятное дѣло, измѣняются и религиозныя системы божествъ въ за-

¹⁾ Maspero loc cit. I, 26.

висимости отъ времени ихъ составленія и отъ того мѣста, гдѣ эти божества чтились. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ Мемфисскій циклъ божествъ входятъ одни боги, въ Фиванскій—другіе, въ Саисскій—третьи.

Отсюда само собою явствуетъ, что *боги политически господствующаго нома или города мѣняются въ зависимости отъ перемѣщенія центра господства*, при чемъ большая часть ихъ является лишь повтореніемъ одинъ другого при различныхъ политическихъ и географическихъ условіяхъ. Такъ Саккари считался богомъ усопшихъ въ Мемфисѣ, подобно тому, какъ Озирисъ былъ имъ въ остальныхъ мѣстахъ страны и все различіе между названными богами сводилось въ сущности къ весьма незначительнымъ отгѣнкамъ мѣстнаго культа. Солнце, обоготворяемое въ одной области подъ именемъ Ра, никогда не носило въ ней имени Шу, подъ которымъ ему воздавались почести въ нѣкоторыхъ другихъ номахъ; одинъ и тотъ же номъ могъ имѣть своихъ боговъ солнца и усопшихъ, но никогда съ именемъ одного божества не связывалось представленіе о солнцѣ и загробномъ мірѣ въ одно и то же время ¹⁾.

Итакъ мы лишній разъ убѣждаемся, что подобіе политическаго феодализма, пустившаго глубокіе корни въ общественную и бытовую жизнь египетскаго народа, привело къ подобію феодализма въ области религіи—богословскій багажъ толкомъ не разобранъ и не приведенъ въ порядокъ,—но со всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ сознаться, что раздѣленное такимъ образомъ религіозное чувство населенія отнюдь не ослабѣвало и даже явилось въ послѣдствіи единственнымъ чувствомъ объединявшимъ обезсиленную страну.

Все сказанное доселѣ о процессѣ развитія религіозныхъ вѣрованій народа фараоновъ достаточно, кажется, объясняетъ, почему многіе ученые (напр. Фр. Ленорманъ) признаютъ въ древнемъ Египтѣ существованіе религіи официальной, вызванной государственными требованіями, въ отличіе отъ религіи народной, все содержаніе которой исчерпывалось бессмысленными формами и грубѣйшимъ суевѣріемъ.

Какъ уже выяснено, египетская религія имѣла характеръ почти исключительно эмблематическій, но такъ, повторяемъ, понимали ее только образованные люди и тѣ немногіе жрецы, которые достигали полнаго посвященія въ ея тайны. Народная же масса, напротивъ, была искренно убѣждена въ дѣйствительномъ существованіи вели-

¹⁾ Maspero, *ibid.* XV, 715, гл. I, 24.

кихъ боговъ и боговъ-звѣрей, вѣрила буквальному значенію тѣхъ мифовъ, какіе про нихъ рассказывали и которые должны бы были служить ей аллегорическимъ представленіемъ догматовъ, и такимъ образомъ пришла къ чистому идолопоклонству.

Невѣжественная и суевѣрная толпа прямо таки считала, что богъ находится въ его статуѣ, точно также какъ католическая толпа считала святого за одно съ его изображеніемъ. - Отсюда расплодилась масса суевѣрныхъ обрядовъ, которые въ свою очередь жрецамъ приходилось защищать, отыскивая въ нихъ глубокой и скрытый смыслъ.

По мѣткому замѣчанію г. Тураева, на народныя массы дѣйствуетъ не возвышенность представленій, а то, что особенно сильно поражаетъ воображеніе, при чемъ сродство религіозныхъ представленій съ эстетическими вовсе не является аксіомой, напротивъ, болѣе отталкивающее и безобразное болѣе дѣйствуетъ и болѣе находитъ себѣ почитателей ¹⁾.

Объ изображеніяхъ боговъ и ихъ атрибутахъ было говорено выше. Египтянина нисколько не поражало безобразіе соединенія чловѣческихъ тѣлъ со звѣринными или птичьими головами, если только оно отвѣчало его требованіямъ: мы не должны забывать, что его изображенія боговъ прежде всего были для него предметами культа, а совсѣмъ не произведеніями искусства.

Въ смыслѣ системы и культа египетскую религію врядъ ли можно считать полнымъ монархическимъ политеизмомъ въ теократической формѣ. Египетскій политеизмъ не былъ вполнѣ монархическимъ, потому что въ немъ было нѣсколько божественныхъ монархій, и только благодаря произвольной теоріи, что всѣ главные боги въ сущности составляютъ различныя имена одного и того же бога, можно достигъ представленія о чистой монархіи. Но несомнѣнно, что эта религія была теократической въ строгомъ смыслѣ этого слова. Само божество царствовало черезъ своего сына, который въ качествѣ неограниченнаго царя, воплощалъ и представлялъ его на землѣ ²⁾. Да и вообще народы Востока привыкли чтить своего царя какъ существо высшаго порядка; эта вѣра, какъ бы не измѣнялась потребность въ такомъ представленіи сообразно съ нравами и предразсудками времени, является здѣсь постоянной основой монархіи, и даже всякой иной формы господства.

Заканчивая обзоръ древне-египетской религіи, считаемъ не лишнимъ отмѣтить то весьма важное обстоятельство, что не смотря на

¹⁾ Тураевъ, цит. соч. V, 74.

²⁾ Тиле «Египетская религія», 7.

обиліе превосходныхъ изслѣдованій въ этой области, изученіе ее подвинулось слишкомъ мало, особенно неполны наши знанія объ энеадахъ, ученіе о которыхъ лежало въ основѣ египетскаго богословія классическаго времени.

Профессоръ Эрманъ справедливо говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Религія египтянъ представляется намъ въ такомъ видѣ: цѣлая вереница боговъ всякаго разряда; всѣ они рѣзко отличаются между собой и между тѣмъ совершенно тождественны, нѣкоторые пользуются особымъ почетомъ, при чемъ каждый въ свою очередь признается главнымъ, единымъ верховнымъ владыкой всего существующаго; мифологія, въ которой совмѣщены несомѣстимые мифы, словомъ хаосъ не имѣющій ничего себѣ подобнаго, и хаосъ этотъ не только никогда не упорядочился, но въ теченіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ процвѣтанія египетской религіи, съ тѣхъ поръ, какъ были начертаны тексты пирамидъ, становился все безобразнѣе“.

По словамъ Э. Мейера, отличительной чертой египетской религіи было полное отсутствіе въ ней какого-либо этического элемента; конечно, египетскій богъ требуетъ соблюденія нравственнаго закона,—такъ, на примѣръ, божество свѣта есть источникъ всего добраго и хорошаго въ противоположность мрачному Сету.

Но если изъ подобныхъ возрѣній у иранцевъ вытекало требованіе, чтобы человѣкъ дѣлалъ выборъ въ вѣчной борьбѣ между добромъ и зломъ, то практическому по природѣ своей египтянину такая высота помысловъ и такое углубленіе въ смыслъ религіи были совершенно недоступны. Для него боги — разнообразныя, но въ сущности безразличныя величины, изъ которыхъ онъ старается извлечь для себя какъ можно болѣе пользы, и если не оказываетъ ему помощи божество благое, то съ одинаковымъ рвеніемъ онъ готовъ прибѣгнуть къ злымъ божествамъ, какъ, на примѣръ, къ Сету.

Вполнѣ раздѣляя взглядъ почтеннаго ученаго, добавимъ отъ себя, что древніе обитатели страны фараоновъ, отдавая полное преимущество доброму началу, какъ видимому проявленію тайной божественной силы, въ отношеніи служенія началу зла, напоминаютъ отчасти нынѣшнихъ Іезидовъ или поклонниковъ дьявола, живущихъ въ Иракъ-Аджемі и въ сѣверной Месопотаміи, которые, какъ извѣстно, чтутъ только злое начало, объясняя, что служеніе богу не имѣетъ другой цѣли какъ только умилостивленіе его гнѣва, а такъ какъ доброе начало само по себѣ уже милостиво, то незачѣмъ призывать его и поклоняться ему. У египтянъ Сеть такое же божество, какъ Ра и Озирисъ и заслуживаетъ такого же поклоненія, какъ и названные боги.

Итакъ въ отличіе отъ религіи народной, пропитанной жреческимъ дурманомъ, въ странѣ господствовала и такая, которая, заключаая въ себѣ нѣсколько возвышенныхъ догматовъ, составляла нѣчто въ родѣ ученой теологіи, въ основаніи которой находилась идея о Божьемъ единствѣ ¹⁾.

Исканіе истины было и здѣсь и „что есть истина“—этимъ интересовались выдающіеся умы избранниковъ націи за долго до того римскаго патриція, холодному воображенію котораго недоступно было пониманіе Истины вочеловѣчившейся.

Ученые теологи фараоновскаго Египта въ своемъ стремленіи отыскать Предвѣчную Первопричину хотя смутно и сбивчиво, но все-таки доходили до идеи, прекрасно выраженной нашимъ поэтомъ, что

Богъ одинъ есть свѣтъ безъ тѣни,
Нераздѣльно въ немъ слита
Совокупность всѣхъ явленій,
Всѣхъ сіяній полнота...

Смутно признавая правильность этой идеи ²⁾, они въ то же время не скрывали отъ себя, что

Мірозданіемъ раздвинуть,
Хаосъ мстительный не спитъ:
Искаженъ и опрокинутъ
Божій образъ въ немъ дрожить...

4. Культъ. Выше мы видѣли, что дуализмъ въ религіи египтянъ почти отсутствовалъ, хотя вѣроученіе и миеологія ихъ покоились на двухъ началахъ: добромъ и зломъ. За основаніе своего вѣроученія они принимали положеніе, что все рождается отъ хорошаго начала и уничтожается дурнымъ. Говоря иначе, въ солнцѣ, которое способствовало созрѣванію хлѣбовъ, ускоряло растительность, наполняло свѣтомъ ихъ храмы и жилища, египтяне видѣли лишь благодѣтеля, однимъ словомъ, добро; совершенно наоборотъ, въ бурѣ и другихъ атмосферическихъ явленіяхъ, въ тьмѣ, во времени года, когда прекращается растительность всякаго рода, египтяне видѣли только врага, т. е. зло.

Они были убѣждены, что первое начало сильнѣе второго; хотя оно и не обладало могуществомъ окончательно уничтожить послѣднее,

¹⁾ О попыткахъ къ философскому обоснованію религіи, которыхъ мы уже отчасти коснулись, подробнѣе поговоримъ ниже.

²⁾ Т. е. признавалось, что Богъ не фикція, не идея, не отвлеченіе, а сама Реальность и единственная изъ реальностей.

но тѣмъ не менѣе должно было по возможности уменьшать и облегчать тѣ бѣдствія, которыя стремилось производить начало зла. При своемъ благочестіи и живой искренней вѣрѣ въ боговъ подданные фараоновъ воздвигали въ честь божества великолѣпные храмы, назначеніе которыхъ сводилось, впрочемъ, скорѣе къ тому, чтобы доставить чтимому божеству прекрасное мѣстопробываніе, чѣмъ собирать большую толпу народа на богослуженіе.

Само собою разумѣется, что храмы строились чаще всего въ такихъ мѣстахъ которыя уже раньше по тѣмъ или другимъ причинамъ были освящены культомъ и въ которыхъ иногда уже стояли статуи и жертвенники. Но въ то время, какъ дворы храма были открыты для многочисленныхъ поклонниковъ, въ немъ самомъ находилось такое мѣсто, куда могли проникать одни жрецы и посвященные и гдѣ совершались жертвоприношенія.

Послѣднія состояли большею частью въ куреніяхъ, въ приношеніи питья и пищи, разныхъ плодовъ, овощей, свѣжихъ хлѣбовъ и т. п. безкровныхъ жертвъ.

Независимо отъ сего, практиковалось и сожженіе жертвъ, при которыхъ были убиваемы животныя.

Какую именно жертву слѣдовало принести божеству въ каждомъ данномъ случаѣ и какіе при этомъ соблюдать обряды—объ этомъ существовало множество спеціальныхъ правилъ и предписаній, измѣнявшихся по мѣстностямъ и храмамъ и обусловливавшихся самыми разнообразными причинами, которыхъ нерѣдко сами служители культа не могли объяснить удовлетворительнымъ образомъ.

Въ общемъ нужно, однако, сказать, что сожженіе жертвъ по крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время, не получило особеннаго распространенія, хотя нѣтъ сомнѣній, что первоначально оно практиковалось въ значительныхъ размѣрахъ и въ числѣ жертвъ въ древнѣйшія времена мы встрѣчаемъ человѣческія; въ этомъ отношеніи сообщенія Діодора подтверждаются изображеніями.

Богослуженіе въ странѣ фараоновъ отличалось необыкновенной пышностью; все было рассчитано на то, чтобы поразить воображеніе народа и поднять его религіозное чувство, что, какъ мы видѣли, не мѣшало жрецамъ морочить грубую, невѣжественную и суевѣрную толпу, систематически отстраняя ее отъ всякаго высшаго духовнаго развитія; ничего нѣтъ удивительнаго, что она съ большимъ благоговѣніемъ, что называется, разиня ротъ присутствовала на всѣхъ этихъ церемоніяхъ, пріобрѣтавшихъ въ ея глазахъ значеніе святости и со-всѣмъ не понимая ихъ высшей духовной стороны.

Во дни большихъ праздниковъ священныя изображенія и животныя въ торжественной процессіи проносились по землямъ, принадлежавшимъ храму или даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, по всему ному, между полями и жилищами народа, который такимъ образомъ знакомился со своимъ божествомъ, пребывавшимъ обыкновенно въ великолѣпномъ уединеніи ¹⁾).

Подобно многимъ странамъ древняго міра, культъ боговъ въ фараоновскомъ Египтѣ являлся дѣломъ государственнымъ, а не личнымъ, составляя необходимую отрасль общественнаго служенія и мы видимъ, что божество въ своемъ священномъ ковчегѣ слѣдуетъ за арміей на войну, которая пріобрѣтала такимъ образомъ въ глазахъ народа характеръ священный, покровительствуемый божествомъ.

Причтъ древне-египетскаго храма, въ зависимости отъ значенія послѣдняго, состоялъ изъ 4—10 и болѣе лицъ, обязанности которыхъ были строго урегулированы, а подробности культа и многочисленныя религіозныя формулы опредѣлены въ точности до мелочей. Жертвоприношенія, украшенія и облаченія статуи бога, а также ношеніе ея въ торжественной процессіи,—все это входило въ кругъ важнѣйшихъ обязанностей служителей культа. Что касается до молитвъ и славословій,—то, конечно, жрецы знали ихъ, какъ говорится, „къ зубу“, но повторяли ихъ машинально, не придавая смысла каждому слову и довольствуясь лишь общимъ созвучіемъ.

Титулы жрецовъ (уэбы, херихебы) были довольно таки разнообразны, вслѣдствіе стремленія сдѣлать изъ священнослужителей земныя подобія тѣхъ божествъ, которымъ они служили.

Такъ мемфисскій первосвященникъ носилъ титулъ „великаго руководителя работъ“ („Великій художествомъ“, какъ называютъ его надписи), что вполне соответствовало значенію бога Фта (см. выше), таинскій именовался „владыкой правды“, ксоитскій „сокровеннымъ“, гермополиссскій, „великій изъ пяти“ и т. д. На обязанности уэбовъ, какъ извѣстно изъ берлинскаго ритуала, лежало исполненіе ежедневныхъ обрядовъ; такъ мы встрѣчаемъ возженіе огня, кажденіе, открытіе лица, созерцаніе, умашеніе благовоніями и месдемомъ, употребленіе анти.

Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что и остальные обряды также продѣлывались и также сопровождались ритуальными формулами, смыслъ которыхъ былъ не всегда ясенъ. Кромѣ послѣднихъ, въ извѣстныхъ мѣстахъ службы, пѣлись гимны въ честь бога.

¹⁾ А. Мензисъ. «Исторія религіи» 1898. IX, 114.

Г. Тураевъ приводитъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, заглавіе котораго приведено выше, одинъ изъ древнѣйшихъ гимновъ— *ежедневная молитва Тоту*,—передаваемый здѣсь въ нѣкоторомъ сокращеніи:

«О боги небесные, о боги земные!.. восточные! Придите и посмотрите на Тота, увѣнчаннаго уреемъ (короной). Онъ возложилъ на себя двѣ короны въ Уну (Гермополисъ), чтобы царствовать надъ людьми. Ликуйте въ чертогѣ Кеба тому, что онъ совершилъ. Молитесь ему, возвышайте его, величайте его, ибо онъ—владыка сладости. Онъ управляетъ множествомъ, какъ бы велико оно ни было. Всѣ боги и богини величаютъ сегодня Тота; онъ снабжаетъ ихъ часовни, ихъ культъ (?) въ ихъ храмахъ.

Пропѣвъ этотъ вступительный панегирикъ, авторъ гимна, призывая бога уже лично къ себѣ и молясь ему, боговзываетъ:

«Слава тебѣ Тотъ!.. Я твой особенный поклонникъ; дай мнѣ домъ и имущество, устрой меня, дай мнѣ возможность жить на землѣ живыхъ... Всели любовь ко мнѣ, похвалу мою... сладость мою, защиту мою въ тѣла, въ сердца, въ утробы всѣхъ людей... Порази моихъ враговъ обоюго пола при жизни и по смерти моей. Это говорится лицомъ, приносящимъ жертву Тоту, который дѣлаетъ человѣка правогласнымъ противъ враговъ его передъ трибуналомъ всякаго бога и всякой богини. Онъ верховный всѣхъ боговъ и богинь по повелѣнію великой энеады».

Приводя „ежедневную молитву Тоту“, почтенный изслѣдователь замѣчаетъ, что этотъ любопытный текстъ, можетъ быть, единственный въ своемъ родѣ, самъ называетъ себя ритуальнымъ, выдавая себя за „ежедневную молитву“ богу и влагая въ уста „человѣка, приносящаго ему жертву“. Конечно, онъ едва ли употреблялся въ общественномъ культѣ, скорѣе всего онъ былъ принадлежностью культа частнаго, практиковавшагося со стороны „особенныхъ“ почитателей ¹⁾).

Молитва представляетъ собой самый простой и непосредственный актъ общенія съ божествомъ, самую первоначальную форму или, такъ сказать, ядро всякаго богопочитанія; всѣ прочіе богослужебные обряды могутъ быть рассматриваемы какъ второстепенные аксессуары или проводники молитвы.

Древній египтянинъ, земной человѣкъ, съ земнымъ міросозерцаніемъ не могъ, конечно, не молиться о мірскихъ благахъ—цѣли его трудовъ и пламенныхъ желаній, и молитва его была чисто земная: домъ, имущество, наказаніе враговъ, безбѣдное существованіе, увеличеніе собственнаго кошта, профитъ—вотъ о чемъ ревностно просилъ

¹⁾ Б. Тураевъ, цит. соч. III. 138.

онъ небо, вотъ чего алкала душа послѣдняго подданнаго фараоновъ. Не такова была, получившая всемірную извѣстность, молитва язычника Платона.

„Зевсъ владыка, подай намъ благо, молимъ ли мы тебя о немъ, или нѣтъ, и избавь насъ отъ зла, даже если мы о немъ молимъ“¹⁾. Безконечная разница религіозныхъ воззрѣній привела и къ безконечной разницѣ способовъ обращенія къ божеству, на которое оба народа смотрѣли подъ различными углами зрѣнія.

Въ честь Тота первый мѣсяцъ года, посвященный ему, назывался тотомъ (см. ниже) и день 19 тота (16 сентября) считался обще-египетскимъ праздникомъ, что подтверждается какъ спискомъ Эдфу, такъ и особенно сообщеніемъ Плутарха²⁾.

Здѣсь, кстати, можно коснуться вопроса объ египетскихъ говорящихъ статуяхъ, интересный очеркъ которыхъ Масперо помѣстилъ недавно въ „Journal des Débats“³⁾.

По словамъ знаменитаго египтолога, боги Аммонъ, Фта и др. часто выражали поклонникамъ свою волю таинственными словами, знаками или движеніями. Для того, чтобы облегчить имъ способъ сообщенія съ людьми приготовлялись особыя механическія статуи. До насъ не дошло, по крайней мѣрѣ, Масперо не видалъ ни одного образца этихъ говорящихъ статуй, но извѣстно, что онѣ были преимущественно деревянные, крашенныя или золоченыя и состояли изъ различныхъ соединенныхъ подвижныхъ частей. Руки поднимались и опускались, голова кивала, но нѣтъ свѣдѣній, чтобы ноги приводились въ движеніе.

Когда къ этимъ механическимъ изображеніямъ боговъ обращались за совѣтами, то они давали отвѣты или словами или жестами; иногда они произносили цѣлыя рѣчи, а въ другихъ случаяхъ довольствовались однимъ наклоненіемъ головы. Но если эти статуи говорили и дѣлали движенія, то долженъ былъ кто нибудь говорить и дѣйствовать за нихъ, такъ какъ онѣ сами были предметами неодушевленными. Дѣйствительно, пишетъ Масперо, существовали въ каждомъ храмѣ жрецы, которые принимали на себя исполненіе этихъ обязанностей. Такимъ образомъ статуя представляла священный предметъ, осѣненный божествомъ; это была какъ бы часть самого бога: нѣкоторая доля его мощи и силы присутствовала въ статуѣ, являвшейся представи-

¹⁾ В. В. Латышевъ, «Очеркъ греческихъ древностей» г. II, гл. VIII, стр. 64.

²⁾ Плутархъ, De Iside, 68.

³⁾ Maspero «Les statues parlantes dans l'Egypte antique» въ «Journal des Débats» 21 decembre 1898.

тельницей божества и въ это божественное одухотвореніе изваянія свято вѣрили какъ народъ, такъ и сами жрецы.

Послѣдніе не таились, а поступали открыто, на глазахъ всѣхъ; они имѣли опредѣленное мѣсто въ духовной іерархіи, въ церемоніяхъ, въ процессіяхъ. Самый наивный и легковѣрный египтянинъ, обращающійся къ такому богу-оракулу, очень хорошо зналъ, что въ отвѣтъ на его вопросъ не сама статуя киваетъ головою, а что жрецъ, стоящій сзади, тянетъ за веревку, которая нагибаетъ голову божественной статуи; когда статуя изрекала какое нибудь предсказаніе, опять-таки всѣ знали, что это говоритъ жрецъ, а не сама статуя.

Поэтому жрецы не прибѣгали къ обману, какъ это казалось бы современному культурному человѣку, и всѣ были убѣждены, что черезъ ихъ посредство смертные входили въ сношеніе съ богами. Но если такъ обстояло дѣло, то невольно спрашиваешь себя, какъ народъ и даже люди знающіе, аристократы и цари могли вѣрить совѣтамъ, происхожденіе которыхъ было столь сомнительно, а также естественно приходитъ въ голову мысль, что, по крайней мѣрѣ, въ послѣднія времена фараоновскаго Египта не принялъ ли этотъ обычай характеръ выжившей традиціи, которой не придавали никакого значенія.

Но согласно свидѣтельству письменныхъ памятниковъ нельзя не признать, что къ этимъ сношеніямъ между богами и людьми черезъ жрецовъ относились совершенно серьезно до самаго исчезновенія язычества, и что сами жрецы глубоко уважали исполненіе своихъ обязанностей: они съ дѣтства привыкли вѣрить, что божественныя души обитали въ статуяхъ и подходили къ нимъ не иначе какъ съ почтительнымъ религіознымъ страхомъ. Каждый разъ, какъ поклонникъ требовалъ ихъ посредничества для сношенія съ богами, они подготовлялись молитвами и совершеніемъ установленныхъ обрядовъ къ исполненію своихъ обязанностей, подобно тому какъ поступали духовныя особы всѣхъ религій при совершеніи церковныхъ требъ. Жрецъ, становясь возлѣ статуи, ждалъ осѣненія свыше, и хотя, разумѣется, всего только и дѣлалъ, что самъ себя гипнотизировалъ, но все же дѣлалъ и говорилъ по глубокому внутреннему убѣжденію лишь то, что ему казалось внушено было свыше, не сомнѣваясь, что въ эту минуту на него нисходилъ духъ божества и неземная сила водила его голосомъ или руками.

Конечно, бывали случаи обмана, но даже тогда полагали, что боги умѣли устроить дѣло такъ, что дурное намѣреніе жреца имѣло благой результатъ и онъ, желая обмануть вѣрующаго, помимо своей воли сообщалъ настоящее изреченіе Аммона или другого бога.

Говорящія статуи, по замѣчанію Масперо, считались до того живыми существами, что во время войны онѣ дѣлили судьбу мѣстности, гдѣ находились. Народъ-побѣдитель былъ убѣжденъ, что его богъ побѣдилъ; онѣ смѣло сокрушала идоловъ побѣжденнаго или забирала ихъ въ плѣнъ, и ставилъ въ капищахъ своихъ боговъ въ наивной вѣрѣ, что чужіе боги стали рабами его боговъ. При возвращеніи боговъ обратно тому, у кого ихъ отняли, на нихъ дѣлали надписи, свидѣтельствовавшія объ ихъ пораженіи и плѣнѣ.

Такимъ образомъ объ обманахъ жрецовъ, о порабощеніи ими въ указанномъ отношеніи суевѣрнаго народа не можетъ, кажется, быть и рѣчи; служители боговъ были не менѣе суевѣрны, чѣмъ народъ, и если встрѣчались исключенія изъ этого общаго правила, то несомнѣнно лишь единичныя и очень рѣдкія.

Итакъ мы видимъ какъ въ названномъ случаѣ, такъ равно и въ приведенныхъ выше (см. Культъ животныхъ), что оракулъ—наиболѣе извѣстная форма откровенія божества—занималъ въ религіозномъ культѣ страны довольно высокое мѣсто; Египетъ слѣдуетъ считать родиной оракуловъ; греческіе оракулы египетскаго происхожденія и въ этомъ отношеніи страна фараоновъ оказала грекамъ плохую услугу: трудно повѣрить, что иногда даже образованнѣйшіе люди съ благоговѣніемъ и страхомъ преклонялись передъ надувательствомъ оракуловъ и проникались подобными чувствами передъ нелѣпнѣйшими выдумками жрецовъ! Про народную массу нечего и говорить: погруженная въ суевѣріе, она была лучшимъ матеріаломъ, изъ котораго возникло неограниченное господство духовенства.

Нужно сказать, однако, что греческіе жрецы, должности которыхъ считались какъ бы особымъ видомъ магистратуры и которые не составляли даже духовенства въ собственномъ смыслѣ, благодаря оживленнымъ сношеніямъ со всѣми областями эллинскаго міра, обладали такими обширными знаніями и такою политическою мудростью, что по крайней мѣрѣ въ лучшія времена, прикрываясь авторитетомъ своего бога, руководили всею общественною и религіозною жизнью Эллады.

Все сказанное относится главнымъ образомъ къ знаменитѣйшему изъ оракуловъ античнаго міра—Дельфійскому, прорицалище котораго пользовалось огромнымъ уваженіемъ и авторитетомъ въ древнемъ мірѣ вплоть до совершеннаго упадка языческихъ вѣрованій.

Глубокая вѣра въ полную зависимость всѣхъ явленій природы и всей человѣческой жизни отъ воли боговъ и въ то, что магическія заклинанія и чары могутъ оказать существенную помощь человѣку была общераспространена въ Египтѣ. Впрочемъ послѣднее явленіе

можно подмѣтить и у тѣхъ народовъ, религіозное міросозерпаніе которыхъ достигло высшихъ ступеней. Надписи, найденныя въ пяти пирамидахъ фараоновъ V-й династіи, содержатъ, среди огромнаго количества текстовъ, богатый выборъ магическихъ заклинаній, формулъ и проклятій. Повидимому, этотъ странный вздоръ имѣлъ особенную привлекательность для обитателей фараоновскаго Египта, такъ какъ образчики подобныхъ изреченій повторяются во всѣхъ остальныхъ пирамидахъ, вѣроятно, для назиданія грядущимъ поколѣніямъ. Также сильно распространена была вѣра въ колдовство: болѣзнь приписывалась дѣйствию злыхъ духовъ и лечилась заклинаніями при помощи лицъ, надлежащимъ образомъ обученнымъ волшебству и магіи, — двумъ искусствамъ, съ которыми мы встрѣчаемся всюду, начиная съ религіи. При помощи гаданій и наблюденій внутренностей животныхъ думали узнавать будущее, — искусство, которому себя посвящали не только одни шарлатаны.

Чтобы заговоръ имѣлъ болѣе силы, его наговаривали на амулетъ, который тотчасъ же одѣвался на шею. Иногда для этого служилъ перстень, на которомъ была вырѣзана рука мужчины. Его навязывали на тесемку, которую связывали узломъ каждое утро и каждый вечеръ, пока не образовывалось семь узловъ. Во многихъ музеяхъ можно видѣть плоскіе камни, на которыхъ вырѣзана мужская раскрытая рука съ вытянутыми пальцами и прижатыми одинъ къ другому.

Извѣстно, что многіе народы питали ужасъ къ *рыжимъ людемъ или животнымъ*. Они сжигали ихъ, чтобы избѣжать гнѣва боговъ. Даже тѣ, которые не питали такой ненависти къ рыжимъ, все-таки относились къ нимъ иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ, ссылаясь на то, что убійца Озириса, Сеть-Тифонъ, былъ рыжій. Если ребенокъ родился рыжій или его мать имѣла этого цвѣта волосы, то его окружали особыми предосторожностями, чтобы помѣшать Тифону овладѣть имъ. Въ такомъ случаѣ читали „заговоръ рыжей женщины, родившей существо“. Писецъ не смѣлъ записывать, что она родила „ребенка“, такъ какъ отъ „тифонской“ матери могло родиться лишь проклятое существо. Чтобы такому ребенку покровительствовали двѣ сестры Озириса — Изиды и Нефтисъ — враждебныя его богу, египтяне составили слѣдующее заклинаніе:

«Привѣтъ вамъ, Изиды и Нефтисъ, лощащая нити божественной тесьмы о семи узлахъ, которою я покровительствую тебѣ, о здоровое дитя, сынъ такой-то, чтобы ты былъ здоровъ, благополученъ, и въ милости у всѣхъ боговъ и богинь, чтобы ты низвергнулъ всѣхъ непріятелей, которые соперничаютъ, чтобы были низвергнуты всѣ непріятельницы, чтобы замуравился ротъ, кото-

рый колдуетъ противъ тебя, какъ замуравлены рты семидесяти семи ословъ въ озерѣ Дадъ; я знаю ихъ; я знаю ихъ имена, но тотъ, который ихъ совсѣмъ не знаетъ и все-таки хочетъ сдѣлать зло этому ребенку, чтобы пострадалъ отъ нихъ, и будетъ такъ».

Амулетъ долженъ былъ состоять изъ семи круглыхъ бусъ изъ порфира, изъ семи золотыхъ бусъ, изъ семи льняныхъ волоконъ, скрученныхъ двумя сестрами матери, изъ которыхъ одна должна крутить, другая лощить. Изъ всего этого дѣлался талисманъ о семи узлахъ, надъ которымъ читали молитву четыре раза и затѣмъ навязывали на шею ребенку.

Календарь былъ наполненъ счастливыми и несчастными днями, удобными и неудобными для особыхъ предпріятій. Напр., 17 Атира (марта) Сеть умертвилъ Озириса. Египтяне были убѣждены, что въ этотъ день зло повсюду торжествуетъ надъ добромъ и самыя лучшія предпріятія должны причинить человѣку вредъ: онъ не долженъ переступать порога своего дома, отложить всякія занятія до тѣхъ поръ, пока не наступитъ утро слѣдующаго дня.

9 Шояка (нашъ апрѣль), когда, по преданію, или вѣрнѣе сказать, басни, Горь отомстилъ Сету за своего отца Озириса, считался днемъ великой радости и любое начинаніе въ этотъ день должно увѣнчаться успѣхомъ. Какъ подробнѣе будетъ объяснено ниже, египтяне раздѣляли двѣнадцатъ часовъ отъ восхода солнца до его заката на три части, по четыре часа въ каждой, и потому предсказанія о частяхъ дня были у нихъ троякія: одна изъ этихъ частей могла быть благопріятна, а другія нѣтъ, какъ это можно заключить изъ ниже-слѣдующихъ примѣровъ:

5 Паофи (февраль). Дурень, дурень, дурень; остерегайся женщинъ; рожденный въ этотъ день погибнетъ отъ любви.

6 Паофи. Хорошъ, хорошъ, хорошъ; великое веселіе на небесахъ; боги наслаждаются отдыхомъ; рожденный въ этотъ день умретъ отъ пьянства.

4 Паофи. Дурень, дурень, хорошъ; никоимъ образомъ не выходи до вечера изъ дома; рожденный въ этотъ день погибнетъ отъ заразы.

4 Тоби (май). Хорошъ, хорошъ, хорошъ; чтобы ты не увидѣлъ должно служить для тебя счастливымъ предзнаменованіемъ; рожденный въ этотъ день переживетъ всѣхъ лицъ своего дома.

11 Тоби. Дурень, дурень, дурень; не приближайся къ огню; Ра истребилъ имъ въ этотъ день всѣхъ своихъ враговъ; рожденный въ этотъ день никогда не будетъ пользоваться хорошимъ здоровьемъ. И т. д. въ томъ же духѣ.

Понятное дѣло, что при безграничномъ господствѣ суевѣрія значеніе специалистовъ по этой части было чрезвычайное, и конечно, да-

леко не всё они производили впечатлѣніе ярмарочныхъ шарлатановъ. Всякій разъ, когда въ текстахъ упоминается о мудрецахъ, челоуѣкахъ, отличающихся ученостью, можно безошибочно предполагать, что это были чародѣи. И слово „премудрый“ — по египетски *рехіухетъ* (греч. *іерограмматъ*) означаетъ „знахарь“.

Вліяніе суевѣрія, составлявшаго существенную, основную часть культа египтянъ, отражалось на всемъ, даже, какъ увидимъ далѣе, на наукѣ и естественно рождается вопросъ, могла ли религія такого рода содѣйствовать просвѣтленію нравственныхъ понятій египетскаго народа.

Французскій египтологъ Ревилью въ своемъ изслѣдованіи „*La morale égyptienne*“ замѣчаетъ: „Странное дѣло, между тѣмъ какъ у другихъ народовъ мораль является естественнымъ выводомъ изъ религіи, можно подумать, что у египтянъ она сложилась какъ бы независимо отъ нея“.

Впрочемъ многое, о чемъ приходилось намъ говорить до сихъ поръ, уяснится еще болѣе, когда мы займемся вопросомъ о загробной жизни и коснемся того цикла вѣрованій, который былъ вложенъ въ основаніе древне-египетскихъ воззрѣній на будущую жизнь.

Прежде чѣмъ, однако, обратиться къ разсмотрѣнію этихъ воззрѣній, необходимо сказать нѣсколько словъ объ особомъ видѣ культа — религіозныхъ мистеріяхъ.

Представитель старой школы и неутомимый труженикъ въ области египтологіи, покойный Бругшъ (*Brugsch*) въ своемъ сообщеніи, сдѣланномъ въ 1881 году въ Берлинѣ, выяснилъ, что изслѣдованіе религіозныхъ мистерій принадлежитъ къ труднѣйшимъ областямъ египетской археологіи, такъ какъ къ обычнымъ трудностямъ языка, которыя еще можно превозмочь, присоединяются: намѣренно затемненный способъ выраженія, символическія и условныя обозначенія.

На основаніи найденныхъ документовъ, вводящихъ насъ въ тайны мистерій, авторъ „Исторіи фараоновъ“ различаетъ мистеріи трехъ категорій.

Первая обнимаетъ всё тайныя ученія, заключающіяся въ надписяхъ и свиткахъ папируса.

Второй родъ мистерій составляютъ символы и огромная масса изображеній и фигуръ, которыя покрываютъ большую часть храмовыхъ стѣнъ; присоединенный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ текстъ далъ возможность найти ключъ къ языку и этихъ символовъ.

Третью группу составляютъ священнодѣйствія мистерій, таинственныя церемоніи, которыя состояли въ драматическомъ предста-

вленіи кончины и пробужденія Озириса, и по своему характеру, быть может, походили на оберраммергаускія представленія.

Содержаніе мистеріи касается сущности божества, бренности тѣла и загробной жизни, возникновенія міра и мірового порядка, а сущность мистерій, ихъ основная мысль—„истина“ (!); истина для нихъ то же, что и божество,—она конечная цѣль человѣческихъ стремленій. Мистическія сочиненія называютъ божество „великой тайной“ и другими аналогичными наименованіями, которыя приводитъ въ своемъ сообщеніи Бругшъ. Что всего удивительнѣе, мистеріи знаютъ только единое божество—опять признаковъ различія между вѣрованіями культурнаго класса и суевѣрной толпы, дошедшей до самого неудержимаго политеизма, о чемъ, впрочемъ, мы уже говорили.

Трудно прослѣдить съ точностью воззрѣнія мистерій на человѣческую душу и на ея загробное существованіе, такъ какъ въ зависимости отъ различій условій времени и мѣста обнаруживается замѣтное несходство воззрѣній.

Если мы будемъ держаться воззрѣній, господствовавшихъ во времена Геродота, то увидимъ слѣдующее: судьба человѣческой души находитъ свой символъ въ мифѣ объ Озирисѣ (см. выше). Послѣдній погибаетъ отъ руки своего брата Тифона (Сеть), символа всѣхъ бѣдствій, и его оплакиваетъ неутѣшная Изиды. Погребеніе бога и жалобы Изиды составляютъ содержаніе церемоній, которыя праздновались ежегодно въ декабрѣ, т. е. въ такое время, когда въ Египтѣ умираетъ природа. Статуи мертваго бога клались въ гробы и съ обычною торжественностью погребались въ пещерѣ подъ персиковыми деревьями при похоронномъ пѣніи жрецовъ. Въ то же время зарывались сѣмена въ глиняныхъ сосудахъ съ землею. При наступленіи дня восхода сѣмянъ жрецы опять сходились для торжественнаго собранія и громогласно возглашали: „Озирисъ возсталъ!“¹⁾

Значительное сходство въ обрядахъ и самой сущности знаменитыхъ Элевзинскихъ мистерій съ египетскими мистеріями Изиды заставляетъ думать, что первоначальнымъ мѣстомъ образованія такого культа была страна фараоновъ. Фукаръ же положительно утверждаетъ, что Элевзинскій культъ имѣетъ египетское происхожденіе и начало его восходитъ ко времени сношенія грековъ съ Египтомъ задолго до начала греческой исторіи²⁾.

Чтобы окончательно покончить съ религіознымъ культомъ страны, упомянемъ о логическомъ концѣ религіозной эволюціи язычества—

1) Фр. Кольбъ. «Исторія человѣческой культуры» 1897 г. ч. I, стр. 92.

2) P. Foucart. «Des associations religieuses chez les Grecs», 1873. 62.

синкретизмъ, игравшемъ выдающуюся роль въ эпоху императорскаго Рима при Антонинахъ и, главнымъ образомъ, при Северахъ.

Концентрація всѣхъ языческихъ культовъ вокругъ довольно сложнаго и туманнаго солнечнаго монотеизма представляетъ собой послѣдній фазисъ античнаго язычества; самымъ популярнымъ и наиболѣе распространеннымъ изъ всѣхъ восточныхъ культовъ, существовавшихъ въ римскомъ обществѣ указанной эпохи, былъ культъ Изиды.

Но это божество, которому поклонялись то какъ морской богинѣ, то какъ богинѣ плодородія, то какъ царицѣ подземнаго міра, не древнеегипетская Изида, а значительно измѣненная и синкретизированная отъ соприкосновенія съ греческой цивилизаціей сладострастная богиня ¹⁾).

Таинственно туманные и расплывающіеся символы египетскихъ боговъ производили чарующее впечатлѣніе на римлянъ, когда въ римскомъ обществѣ проснулся мистицизмъ, вѣра въ возможность таинственнаго сліянія челоуѣка съ богомъ и развилась искренняя вѣра въ чудо.

Эта жажда чуда съ неудержимою силою влекла въ исконную страну чудесъ, въ Египеть, который всегда поражалъ фантазію грековъ и римлянъ. Съ другой стороны при началѣ религіозной реакціи естественно было предпочитать благочестивый Востокъ равнодушному Западу, тѣмъ болѣе, что ошеломляющая древность Египта, всегда вѣрнаго своимъ богамъ, придавала особый авторитетъ его религіи. Вотъ почему восточные и преимущественно египетскіе боги завоевали римскія симпатіи.

Причина этого успѣха чрезвычайно характерна. Миѣ объ Озирисѣ и Изидѣ, какъ понимали его древніе, заключалъ въ себѣ обстоятельное изображеніе загробной жизни, служеніе богинѣ—постепенное приготовленіе къ загробному существованію путемъ личнаго совершенствованія. Огромная популярность культа—несомнѣнное свидѣтельство, что этимъ вопросамъ придавали громадную важность.

Но этимъ не исчерпывается культурно-историческое значеніе культа: самая его организація чрезвычайно поучительна. Онъ имѣлъ характеръ мистеріи (см. выше), для участія въ которой необходимо предварительное посвященіе.

Такимъ образомъ мистицизмъ въ отношеніи къ божеству приводилъ къ таинственной мистеріи въ культѣ. Это—новая религіозная потребность, которая стояла въ противорѣчій съ прежними обычаями.

¹⁾ Revill. «La religion à Rome sous les Sévère». 1885. гл. IV, 131.

Старый культъ былъ доступенъ каждому и происходилъ подь контролемъ государства; мистерія ускользала отъ правительственнаго надзора и требовала предварительной нравственной подготовки. Индивидуализмъ въ религiи, сказавшійся въ полномъ устраненiи государственнаго вмѣшательства въ отношенiя человѣка къ богу и болѣе глубокое пониманiе культа, чѣмъ обычная покупка милости за быка или поросенка, обнаруживается здѣсь самымъ несомнѣннымъ образомъ....

Та часть служенiя Изидѣ, которая совершалась открыто, обнаруживаетъ двѣ черты, неизвѣстныя въ національномъ культѣ: стремленiе къ нравственному назиданiю и подвигамъ въ аскетическомъ духѣ и желанiе вызвать сильное душевное движенiе ¹⁾.

Нужно, однако, сказать, что склонность къ аскетизму была естественнымъ послѣдствiемъ распущенности нравовъ; такая нравственная дряблость, которая приводила къ порокамъ, мечтала освободиться отъ виновности въ порокѣ внѣшними знаками покаянiя ²⁾.

Къ тому же культъ Изиды пользовался въ Римѣ дурной репутацiей, такъ какъ поклонницы богини избирали ея храмъ для постыдныхъ цѣлей, а жрецы и служители Изиды обыкновенно занимались сводничествомъ ³⁾, профессiей, какъ извѣстно, самой прибыльной.

По словамъ Моммзена, чѣмъ легкомысленнѣе была дѣвка, тѣмъ набожнѣе она почитала Изиду. Жрецы богини старались пропагандировать ся культъ не столько покровительствуя разврату кающихся, сколько выставляя на видъ свои претензiи на святость и на обладанiе откровенiями высшаго порядка ⁴⁾.

Такимъ образомъ съ отголоскомъ восточныхъ (и въ частности египетскихъ) вѣрованiй мы встрѣчаемся въ эпоху паденiя классической цивилизацiи, когда объединенное человѣчество выразило, наконецъ, назрѣвшую потребность въ единой и общей религiи, къ воспринятiю которой оно было подготовлено долгимъ историческимъ путемъ.

5. Ученiе о загробной жизни. Эсхатологическiя представленiя обитателей фараоновскаго Египта не отличались большой ясностью, да иначе и быть не могло, разъ вѣрованiя слагались и видоизмѣнялись въ теченiе тысячелѣтiй и никогда не возникала попытка привести ихъ въ систему, которая дала бы сколько нибудь опредѣленное представленiе о личномъ существованiи послѣ смерти.

¹⁾ Корелльчъ. «Паденiе античнаго міросозерданiя» 1895, ч. II, 30—31.

²⁾ Plutarch. Conjug. graec. 19.

³⁾ См. Joseph. A. S. XVIII, 3, 4.

⁴⁾ Revill. Ibid. 60.

Подобно многимъ первобытнымъ народамъ, древніе египтяне не могли примириться съ мыслью, что смерть есть явленіе естественное и неизбѣжное и внезапное прекращеніе жизни представлялось для нихъ какъ нѣчто непонятное. Наиболѣе образованные и искусившіеся въ тайнахъ религіи жрецы утверждали, что ничто не уничтожается, умереть, по ихъ мнѣнію, значитъ только принять новую форму и смерть они понимали какъ инцидентъ въ сущности не прекращавшій земной жизни, а открывавшій путь къ ея вѣчному продленію. Геродотъ говоритъ, что они первые открыли безсмертіе души, признавая послѣднюю истеченіемъ всемірной души или ея частицей, которая въ большей или меньшей степени воодушевляетъ все живущее и проникаетъ даже въ неорганическіе предметы.

Это вѣрованіе въ безсмертіе души никогда не отдѣлялось отъ идеи возмездія за дѣла человѣческія, совершавшагося за гробовой доской. Но кромѣ души, по представленію египтянъ, существуютъ еще другіе духовные элементы, отношеніе которыхъ къ душѣ опредѣлить довольно трудно.

1. Двойники. Важнѣйшая изъ этихъ составныхъ частей, упоминаемая въ каждомъ поминальномъ текстѣ, это такъ называемый Ка, духовный двойникъ человѣка, воспроизводящій мельчайшія черты послѣдняго, являясь то мужчиной, то женщиной, то ребенкомъ, смотря по полу, возрасту и другимъ отличительнымъ признакамъ даннаго существа.

На многочисленныхъ рисункахъ и изображеніяхъ мы видимъ, что при человѣкѣ находится вполне точное, такъ сказать, фотографическое его отраженіе, т. е. дѣйствительно двойникъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Въ текстахъ этотъ Ка обозначается условнымъ знакомъ, имѣющимъ видъ согнутыхъ подъ прямымъ угломъ двухъ рукъ, причемъ предплечье и кисть руки изображаются приподнятыми вертикально.

Но удивительнѣе всего было то, что, по понятію египтянъ, у неодушевленныхъ предметовъ, даже у вещей, сдѣланныхъ человѣческими руками, находились свои собственные двойники, воспроизводившіе всѣ ихъ признаки. Боги тоже не отставали въ этомъ отношеніи и имѣли своихъ двойниковъ, а тѣ изъ нихъ, которые совмѣщали въ себѣ различныя божественныя формы, даже нѣсколько, такъ, напримѣръ у Ра, какъ мы знаемъ, ихъ могло быть цѣлыхъ четырнадцать.

Но во второй стадіи своего развитія представленія о загробной жизни измѣнились, въ душѣ стали видѣть не грубую копію тѣлеснаго человѣка, а сущность человѣческой природы, такъ сказать, квинтъ-эссенцію послѣдней, хотя и это воззрѣніе имѣло подѣ собой матеріальную основу. Душу эту египтяне представляли себѣ въ видѣ птицы Ба, изображавшуюся въ образѣ ястреба или журавля, что внушило грекамъ предположеніе въ существованіе египетскаго метемпсихоза, — ученія о переселеніи душъ, — котораго въ дѣйствительности не было. Эта самая Ба въ видѣ хохлатаго журавля или ястреба съ человѣческой головой и руками вылетаетъ изъ человѣческаго тѣла тотчасъ послѣ смерти ея обладателя и переносится въ „другой міръ“.

Наконецъ, наряду съ представленіемъ о душѣ, какъ о двойникѣ человѣка и о ней же, какъ о Ба, т. е. при полной равноправности обоихъ воззрѣній на загробную жизнь, возникаетъ третье представленіе, отличающееся болѣе духовной сущностью, нежели Ка и Ба. Душу стали представлять въ видѣ луча, пламени или свѣта, которому дано было названіе Ку (khou—лучезарный). По смерти человѣка Ку оставляла міръ и, снабженная всею человѣческой мудростью, а равно и необходимыми талисманами, присоединялась къ свитѣ лучезарныхъ боговъ свѣта.

Всѣ эти представленія о душѣ уживались вмѣстѣ и египтяне одновременно вѣрили и въ Ка, и въ Ба, и въ Ку, иначе говоря, считали, что человѣкъ обладаетъ не одной душой, а нѣсколькими. По ихъ первоначальнымъ понятіямъ, душа не умираетъ ни на минуту, но со всѣмъ тѣмъ продолжительность ея существованія зависитъ отъ сохранности ея бывшаго тѣла.

Одновременно съ наступленіемъ процесса разложенія трупа, начинаетъ гаснуть и разрушаться душа; ея сознаніе затемняется и самое существо постепенно умаляется до того, что она представляетъ собою лишь форму, лишенную самосознанія и наконецъ исчезающую, если отъ скелета умершаго ничего болѣе не останется. Является, слѣдовательно, очевиднымъ, что *для будущей жизни требовалось воскресеніе не только души, но и тѣла*; только въ томъ случаѣ, когда всѣ части, изъ которыхъ состоитъ человѣкъ—тѣло, двойникъ (Ка) и душа—соединяется вмѣстѣ и можетъ быть обезпечено вѣчное загробное существованіе; отсюда ревностныя заботы о сохраненіи трупа (бальзамированіе), ибо если послѣдній не уцѣлѣетъ и превратится въ прахъ, то и двойникъ, лишенный своей оболочки, неминуемо долженъ погибнуть. Но, по странному противорѣчію египетскихъ воззрѣній, на случай гибели или пропажи муміи изготовлялся, какъ мы знаемъ, дубликатъ

ей въ видѣ статуи, въ которую могла бы вселиться душа. Но только этотъ дубликатъ долженъ былъ быть возможно болѣе похожимъ на оригиналь, чтобы Ка не ошибся и не вселился въ чужую статую.

Поэтому египетскіе скульпторы (см. Искусство) прилагали всѣ старанія, чтобы лицо такой поддѣльной муміи представляло дѣйствительное изображеніе лица покойника, остальное же тѣло изготовлялось по общему шаблону.

Признавая и поддерживая культъ двойниковъ, египтяне удовлетворялись мыслью, что мертвые продолжаютъ свое существованіе въ подземномъ мірѣ и, естественно, старались доставить имъ не только все необходимое для жизни, но и предметы роскоши и земныхъ удовольствій.

Исходя изъ того взгляда, что предоставленный самъ себѣ и лишенный соотвѣтственныхъ заботъ и попеченій, двойникъ въ своемъ одиночествѣ чувствуетъ голодъ и жажду, обитатели древняго Египта прилагали всѣ заботы о доставленіи ему всего нужного; по убѣжденію ихъ, если никто не заботится о двойникѣ близкихъ людей или предковъ, то вынуждаемый голодомъ, послѣдній покидаетъ гробницу и ночью скитается по окрестностямъ, бросаясь съ жадностью на самые отвратительные нечистоты и объѣдки. Озлобленный противъ людей, которые забыли о немъ, онъ мучаетъ ихъ, причиняя имъ тяжкія болѣзни. Бываютъ и такіе двойники, которыхъ ничѣмъ нельзя ублажить: это злые по инстинкту, преслѣдующіе самыхъ близкихъ родныхъ безъ всякой основательной причины, единственно по злобѣ; ихъ то чрезвычайно и боялся суевѣрный египтянинъ.

Въ особенности подъ ихъ власть подпадали слабыя существа, напр., беременныя женщины и новорожденные и для изгнанія ихъ существовали заклинанія, образчикъ которыхъ приводитъ Эрманъ въ своей книгѣ „*Laubersprüche für Mutter und Kind aus dem Papyrus 3.027 des Berliner Museum*“ (1902).

Вотъ, напр., формула одного заговора:

«Разсѣйся, мертвецъ, приходящій скрытно во тьмѣ, спиною съ искаженнымъ лицомъ, разсѣйся, обманутый тѣмъ, для чего ты пришелъ! Если ты пришелъ поцѣловать этого ребенка—я тебѣ не позволю его лобызать. Если ты пришелъ утишить его плачь, я не позволю тебѣ его утѣшить! Если ты пришелъ сдѣлать ему вредъ—я не допущу до этого! Если ты пришелъ взять его—я тебѣ не позволю это сдѣлать! Я ему сдѣлалъ противъ тебя заговоръ изъ латука, который колется изъ вреднаго для тебя чеснока, изъ меда, сладкаго для людей и неприятнаго для мертвецовъ, изъ шиповъ, изъ плетешки прядева, изъ рыбьей позвоночной кости».

Попеченіе объ умершихъ лежало, разумѣется, главнымъ образомъ, на ихъ ближайшихъ родственникахъ, на которыхъ была возложена нравственная обязанность приносить жертвы, что въ переводѣ на прозаическій языкъ означало совершать опредѣленныя приношенія пищи и питья душѣ.

Но такъ какъ число отдаленнѣйшихъ предковъ умножалось въ геометрической прогрессіи, то уже съ давнихъ поръ стала ощущаться потребность въ обеспеченіи за душой умершаго необходимаго содержанія. Особымъ жрецамъ, „служителямъ Ка“ выдавалась единовременно извѣстная сумма или въ распоряженіе ихъ поступала часть помѣстій, доходы съ которой шли на снабженіе гробницы всѣмъ необходимымъ и на правильное совершеніе обрядовъ.

Но гораздо чаще въ гробницу усопшаго вкладывали маленькія изображенія кухонъ и хлѣбопекаренъ или изображали на гробницахъ и стѣнахъ склеповъ разнаго рода рисунки, имѣвшіе таинственное значеніе: всѣмъ были извѣстны магическія заклинанія и заговоры, посредствомъ которыхъ можно было доставить умершему пользование всѣми этими вещами и изображеніями.

Умершій видѣлъ на стѣнѣ, какъ ѣдятъ и пьютъ, видѣлъ разнообразныя яства и самъ насыщался ими; видѣлъ какъ идутъ на охоту— и самъ принималъ въ ней участіе и т. д., однимъ словомъ, передъ покойнымъ протекала вся земная жизнь съ ея интересами, заботами, утѣхами и онъ становился причастнымъ къ ней благодаря талисманамъ, обеспечивавшимъ умершему дѣйствительное пользованіе изображенными на стѣнахъ склеповъ вещами, предметами, произведеніями полей и садовъ и т. п.

Изъ надписей узнаемъ, что родственники умершаго, радѣя о душѣ его, умоляютъ всякаго проходящаго мимо гробницы помочь имъ въ этомъ отношеніи своими заклинаніями и молитвами. Почти на каждомъ могильномъ камнѣ написана обращенная къ прохожимъ просьба подумать о благѣ умершаго и произнести завѣдомо дѣйствительный заговоръ въ родѣ слѣдующаго: „Тысячу кружекъ пива, тысячу булокъ, тысячу быковъ, утокъ и т. д. за душу умершаго (имя рекъ)!“

Но не одни удовольствія ожидали покойныхъ въ царствѣ того свѣта; они должны были воздѣлывать священныя поля Озириса, при чемъ каждый умершій получалъ свой надѣлъ. Разумѣется, что представителямъ высшихъ классовъ египетскаго общества, особенно въ эпоху Новаго Царства, подобная участь совсѣмъ не улыбалась, они наравили отъ нея отвергнуться, и въ результатѣ явился ушебти (отвѣтчикъ).

Эта деревянная или металлическая статуэтка въ формѣ муміи съ земледѣльческими орудіями или амулетами въ рукахъ, будучи положена въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ въ особый ящикъ, помѣщалась въ гробницу съ назначеніемъ „замѣнять“ покойника въ его полевыхъ работахъ за гробомъ ¹⁾. Этихъ статуэтокъ весьма много во всѣхъ музеяхъ.

Понятное дѣло, что земная жизнь человѣка при этомъ не имѣла вліянія на существованіе его за гробомъ, разъ надъ нимъ совершались установленные обряды, аккуратно произносились положенныя молитвы самими ли родственниками умершаго или продажными наймитами и вообще выполнялся установленный ритуаль.

Но другая сторона культа умершихъ, развившаяся впоследствии, сводилась къ болѣе духовной основѣ: стали переносить душу въ міръ совершенно отличный отъ земного и къ вѣрѣ въ будущую жизнь присоединять вѣру въ достойное возмездіе за добрыя и злыя дѣла, совершенныя во время земного существованія.

2. *Судъ въ Аменти.* Такимъ образомъ съ одной стороны, оставленіе душою тѣла и возвращеніе къ нему, помѣщеніе статуй, припосеніе усопшему пищи и питья, возобновленная жизнь, подобная земной жизни, съ жилыми домами и пахотными полями—всѣ эти представленія связываютъ египетскую религію съ религіями болѣе грубыхъ человѣческихъ расъ.

Съ другой стороны, смѣшанное нравственное и обрядовое мѣрило, по которому судились умершіе, приурочиваетъ эти первобытныя и даже дикія понятія къ высшему соціальному развитію ²⁾.

Первое, что ожидало душу за гробомъ—это судъ повелителя подземнаго міра Озириса, до котораго она достигаетъ пройдя безконечный рядъ самыхъ разнообразныхъ мытарствъ. Для того, чтобы выйти оправданнымъ изъ этого суда необходима не только добродѣтельная жизнь, но и знаніе религіознаго ученія, нужныя свѣдѣнія изъ котораго таинственно сообщалъ умершему жрецъ во время похоронъ, стараясь увѣрить загробныхъ враговъ своего кліента, что послѣдній ни кто иной, какъ самъ авторъ страшныхъ для нихъ магическихъ формулъ и заклятій—Тотъ, божественный секретарь эннеады.

Самымъ важнымъ изъ всѣхъ источниковъ, проливающихъ свѣтъ на эсхатологическія понятія фараоновскаго Египта, представляетъ такъ

¹⁾ В. Тураевъ «Опис. древн. восточн. предм. въ музеѣ Импер. Общ. Любит. древн. писъм.» 1900. 1—2.

²⁾ Тэйлоръ «Первобытная культура», 2-е изд. 1897. т. II, гл. XIII, 159.

называемая Книга Мертвыхъ (Rituel funéraire, Das Todtenbuch ¹⁾ или по египетски p-r-m-h-g-w— „начало главы объ исходѣ днемъ, словъ воскрешенія и восхваленія, выхода и входа въ преисподней“), заключающая въ себѣ полное изложеніе египетскихъ вѣрованій объ участи души послѣ смерти и имѣвшая назначеніемъ просвѣтить умершаго магическими формулами, знаніе которыхъ ему было необходимо для безпрепятственнаго шествія по загробному міру.

Въ основу упомянутой книги, одинъ экземпляръ которой клали въ гробницу вмѣстѣ съ муміей, было положено ученіе объ Озирисѣ, „благомъ богъ“, владыкѣ Аменти. Будучи чѣмъ то въ родѣ погребальнаго требника, Книга Мертвыхъ представляетъ собою сборникъ молитвъ, возникавшихъ постепенно въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ и въ которыхъ по этому самому нечего отыскивать какую либо послѣдовательность.

Нѣкоторыя главы книги кратки, другія обширны, но цѣль ихъ одинаково состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить умершаго, чрезъ какія мытарства ему надлежитъ пройти и къ какимъ магическимъ средствамъ онъ долженъ прибѣгнуть при всякой встрѣчающейся опасности для достиженія загробнаго блаженства.

Приводимъ заголовки нѣкоторыхъ главъ „вѣчной книги“:

Глава 39. „Глава отраженія всѣхъ пресмыкающихся“ имѣетъ волшебную силу для защиты покойника отъ загробныхъ гадовъ.

Глава 51. „Глава не даванія идти безразсудно въ преисподней“.

Глава 89. „Соединенія души съ тѣломъ въ преисподней“, гдѣ между прочимъ говорится: „...Тотъ, кто будетъ знать эту главу, не поразится тѣло его, не удалится душа отъ тѣла его“ ²⁾. И т. д. въ томъ же родѣ.

Для умершихъ отнюдь не были необходимы всѣ тексты, вошедшіе въ книгу: онъ самъ при жизни или его родные послѣ кончины его, выбирали такіе, которые почему либо казались имъ наиболѣе подходящими. Случалось и такъ, что тексты заготовлялись впередъ и оставалось только вписать въ нихъ имя того, для котораго они были приобрѣтаемы; какъ видно изъ уцѣлѣвшихъ папирусовъ указанный способъ практиковался довольно часто.

Особенно любопытно въ образцахъ Книги Мертвыхъ ³⁾ изображеніе залы посмертнаго судилища, изображеніе, встрѣчающееся,

¹⁾ Т. е. книга Тота. Названіе не вполне точное, такъ какъ поименованный богъ есть «Предсѣдатель книжныхъ залъ» и въ указанномъ смыслѣ не одинъ этотъ папирусъ, но и всякій былъ «книгою Тота».

²⁾ Тураевъ, цит. соч. 5—6.

³⁾ Книга Мертвыхъ состоитъ изъ 165 главъ.

впрочемъ, и на нѣкоторыхъ египетскихъ памятникахъ эпохи Нового Царства.

Тутъ на первомъ планѣ возсѣдаетъ на тронѣ властитель Аменти-Озирисъ. На головѣ его конусообразный шлемъ съ двумя страусовыми перьями и уреусомъ (загнутая вверхъ голова священной змѣи—неизмѣнная принадлежность египетской короны), въ одной рукѣ бичъ, а въ другой скипетръ—знакъ царской власти.

Передъ трономъ — жертвенный столъ, на которомъ находятся хлѣбъ, курильница съ благовоніями и дары. Недалеко отъ трона, на огромномъ листѣ лотоса, представляющаго собою нѣчто вродѣ канделябра, стоятъ неизбѣжные спутники Озириса,—четыре погребальныхъ генія: Имсетъ, Гапи, Дуамутефъ и Кебхсеннуфъ.

Властителя подземнаго міра окружаютъ 42 божественныхъ засѣдателя частью съ человѣческими, частью со звѣриными или птичьими головами, украшенными страусовыми перьями. Судьи эти назывались „владыками истины“ и судили каждый извѣстный грѣхъ.

Прямо передъ Озирисомъ—четвероногое чудовище, „пожиратель душъ“ съ головой крокодила, туловищемъ льва и задней частью бегемота. Надъ душой умершаго прежде, чѣмъ она достигнетъ престола „владыки вѣковъ“ производится нѣчто въ родѣ предварительнаго слѣдствія, что видно изъ 125-ой главы Книги Мертвыхъ, содержащей разговоръ покойника съ различными духами, встрѣчающимися на пути, съ представителями вратъ ада и ихъ частей. Онъ обращается къ нимъ въ началѣ текста:

«Слава вамъ, боги! Я знаю васъ; я знаю имена ваши; да не паду я отъ меча вашего, не дайте моему злу дойти до бога, въ свитѣ котораго вы состоите; да не достигнетъ мой порокъ до васъ. Скажите «правогласный» относительно меня предъ лицомъ вседержителя»...

Доказавъ такимъ образомъ, что онъ дѣйствительно, „знаетъ имена“ встрѣчающихся ему на пути препятствій и миновавъ благополучно „матросовъ Ра,“ покойникъ наталкивается на божественнаго привратника и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ:

«Я не доложу о тебѣ, если ты не скажешь моего имени», — «Вѣдущій сердца, испытующій утробы—имя твое». — «Я доложу о тебѣ, какому изъ дежурныхъ боговъ? Назови его». — «Промыслитель обѣихъ земель—Тоть». — «Приди», говоритъ Тотъ. «Зачѣмъ ты пришелъ? — «Я пришелъ доложить». «Разкажи о себѣ». — «Я чистъ отъ всякой нечистоты; я охранялъ себя отъ грѣховъ (?), пребывающихъ въ ихъ дняхъ; я не нахожусь среди нихъ». — «Я доложу о тебѣ. Кто, врата котораго—пламя, стѣна изъ живыхъ уреевъ, почва дома—потокъ. Кто это?» — «Это, Озирисъ». — «Ступай! О тебѣ доложили»... 1).

1) В. Тураевъ «Богъ Тотъ», V, 53—54.

И душа умершаго, имѣя видъ женщины, вводится въ судилище богиней справедливости Маатъ и обращается къ Озирису съ краткой рѣчью слѣдующаго, приблизительно, содержания:

«Я являюсь сюда къ господину вѣчности, нѣтъ во мнѣ никакого зла, никто не обвиняетъ меня, ибо не подавалъ я къ тому повода; люди свидѣтельствуютъ о моихъ дѣяніяхъ и боги радуются имъ; хвала тебѣ владыка Аменти, благой богъ, господинъ Абидоса; дозвожь, чтобы проложилъ я себѣ путь черезъ пространство мрака и присоединиться къ твоимъ служителямъ».

Послѣ такого вступленія покойникъ, обращаясь послѣдовательно къ каждому изъ божественныхъ судей, мистическія имена которыхъ онъ обязанъ „знать“, заявляетъ, что живя на землѣ онъ не совершилъ того грѣха или преступнаго дѣянія, какія призванъ судить каждый изъ 42-хъ божественныхъ засѣдателей. Тутъ то мы встрѣчаемся съ тѣмъ, что Шамполліонъ называлъ отрицательной исповѣдью, а Ленорманъ—апологіей самому себѣ.

«Хвала вамъ, владыки истины и правды... Я, конечно, знаю васъ, владыки истины и правды; я принесъ вамъ истину, я уничтожилъ для васъ ложь. Я никого не обманывалъ изъ людей! Я никогда не мучилъ вдовы! Я не лгалъ передъ судомъ! Я не знаю лжи! Я не сдѣлалъ ничего запрещеннаго! Я не заставлялъ рабочихъ трудиться сверхъ положеннаго! Я не сквернословилъ, не обманывалъ, не убивалъ вѣроломно, не напивался пьянымъ!... Я не имѣлъ нескромнаго любопытства! Я не позволялъ моимъ устами болтать! Я не обращалъ въ свою пользу жертвенные хлѣбы въ храмѣ! Я не похищалъ у мертвыхъ ни провизіи, ни ихъ повязокъ! Я не собиралъ мошенническихъ барышей! Я не обманывалъ на хлѣбныхъ мѣрахъ! Я никого не обманулъ во время молотбы хлѣба! Я не присваивалъ себѣ ничего чужого на поляхъ! Я не плутовалъ, увеличивая вѣсъ чашки вѣсовъ! Я не отнималъ молока отъ устъ грудныхъ дѣтей! Я не производилъ выкидыша!... Я не охотился за священными животными на ихъ пастбищахъ! Я не ловилъ сѣтями священныхъ птицъ! Я не удилъ въ прудахъ священныхъ рыбъ! Я не мѣшалъ разливу воды, когда приходило его время или преграждалъ пути рѣчнымъ рукамъ! Я не гасилъ священнаго огня въ тѣ часы, когда онъ долженъ былъ горѣть!... Я не отвращался отъ быковъ съ божественными свойствами! Я не отвращался отъ божества во время процессій! Я чистъ, я чистъ, я чистъ!»

Совѣсть умершаго говорить за него или противъ него ¹⁾ и представленный ею отчетъ о совершенныхъ добрыхъ и злыхъ дѣлахъ ведетъ къ полному оправданію или къ полному осужденію покойника.

¹⁾ Въ діалогѣ «Горгіи» Платонъ говоритъ, что душа хранитъ на своемъ ви́шнемъ видѣ слѣды грѣховъ, совершенныхъ ею при жизни въ тѣлѣ, и усвоенныхъ ею пороковъ. Не правда и нарушение клятвы оставляютъ на ней рубцы и шрамы, ложь и хвастовство

Затѣмъ на одну чашку вѣсовъ истины ставилась ваза съ сердцемъ умершаго, которое считалось вмѣстилищемъ пороковъ и добродѣтелей, а на другую—клали или страусово перо (символь справедливости) или гири въ видѣ статуэтокъ богинь Маатъ.

Младшіе боги, „пресвѣтлый“ Горъ, изображенный съ головой копчика и Анубисъ съ головой шакала повѣряютъ чашки вѣсовъ, а секретарь эннеады и „писецъ“ Озириса, богъ Тотъ, ибикоcephаль, записываетъ результаты взвѣшиванія, чтобы представить его верховному судѣ, который и постановляетъ окончательный приговоръ.

Какъ показалъ въ своемъ изслѣдованіи ¹⁾ г. Тураевъ, роль Тота, роль милостиваго покровителя покойника иногда беретъ верхъ надъ функціей справедливаго прототипа египетскаго чиновника и покровителя точныхъ наукъ: онъ позволяетъ себѣ перетягивать вѣсы въ пользу покойника. Затѣмъ онъ торжественно ведетъ послѣдняго къ престолу судьбы и произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Говорить Тотъ, владыка словесъ божіихъ, писецъ правды божественной эннеады предъ лицомъ Озириса, владыки вѣковъ: Вотъ Озирисъ (каждый покойникъ отождествлялся съ Озирисомъ). Онъ въ чертогѣ справедливости съ тобою, чтобы взвѣшено было сердце его на вѣсахъ предъ лицомъ трибуналовъ великихъ, владыкъ преисподней. Онъ найденъ праведнымъ; не найдено никакого земного порока въ сердцѣ его. Онъ исходитъ, какъ правогласный изъ чертога въ Хернетрѣ (подземный міръ). Дано ему сердце его съ глазами его. Сердце его—на мѣсто во время свое; душа его—на небо; тѣло его—въ преисподнюю, какъ у служителя Гора. Да будетъ тѣло его отдано Анубису, обитающему въ могилѣ... да будетъ онъ, какъ одинъ изъ хвалимыхъ, которые позади тебя, да находится душа его во всякомъ мѣстѣ, угодномъ ей въ некрополѣ».

По объясненію г. Тураева (см. цитир. сочин. V, 53), слова эти не вошли цѣликомъ въ каноническую редакцію Книги Мертвыхъ, но попадаютъ на нѣкоторыхъ саркофагахъ Новаго Царства, на которыхъ, какъ уже было сказано выше, изображеніе страшнаго суда встрѣчается довольно часто.

Каковы были результаты приговора, объ этомъ у египтянъ, по видимому, не было яснаго и опредѣленнаго представленія. Насколько можно судить по комментаріямъ къ Книгѣ Мертвыхъ ¹⁾, душа, признанная порочною, попадала въ адъ, гдѣ осуждалась томиться въ семидесяти пяти отдѣленіяхъ.

морщатъ ее, распушенность и излишество дѣлаютъ ее несимметричною. Можетъ быть Платонъ заимствовалъ эти идеи у египетскихъ жрецовъ и затѣмъ развилъ самостоятельно.

¹⁾ Birch. Введеніе и переводъ Книги Мертвыхъ у Буэнена т. V.

Вѣчный мракъ господствовалъ въ царствѣ того свѣта; даже солнце, проходя черезъ эту область, утрачивало свой блескъ и распространяло тусклый, зеленоватый свѣтъ. Вода была вонючая, выдѣлявшая ядовитыя испаренія и потому непригодная для питья.

Здѣсь то душа грѣшника осуждена была нести наказаніе. Ее преслѣдовали страшныя змѣи, чудовища, скорпіоны въ такихъ безобразныхъ формахъ, которыя могла изобрѣсти только самая необузданная фантазія. Чудовища эти питались душами умершихъ, пожирали ихъ сердца и высасывали кровь. Тутъ грѣшная и порочная человѣческая душа находила окончательное уничтоженіе, получивъ такимъ образомъ законное возмездіе за неправедно прожитую земную жизнь.

Праведная душа, выслушавъ свой приговоръ, не была изъята еще отъ испытаній и опасностей. Чтобы восторжествовать надъ злыми силами, она должна отождествиться съ Озирисомъ и получить отъ добрыхъ божествъ поддержку и помощь, благодаря чему ей открывается доступъ въ божественныя сферы—Сада Аалу и Поля Жертвоприношеній, а затѣмъ она присоединяется къ сонмищу боговъ и всецѣло сливается съ ними въ обоготвореніи солнца.

По объясненію книжниковъ, это состояніе есть величайшее изъ благъ, доступныхъ человѣку, теряющему тогда свою земную индивидуальность и растворяющемся въ нетлѣнномъ, вѣчномъ, истинномъ бытіи. Въ сліяніи съ богомъ человѣкъ чувствуетъ абсолютное, сознаетъ свое безсмертіе и испытываетъ при этомъ неизъяснимое блаженство. Оторвавшись отъ земныхъ своихъ оковъ, воспрянувъ кверху, душа паритъ въ надзвѣздныхъ пространствахъ, двигается вмѣстѣ съ солнцемъ, луною и другими небесными тѣлами, ослѣпляясь божественнымъ сіяніемъ.

Что касается до народа и вообще всѣхъ рядовыхъ людей, то понятія ихъ объ этихъ божественныхъ сферахъ, иначе сказать, объ раѣ—отличались довольно грубымъ матеріализмомъ, что, впрочемъ, совершенно понятно, такъ какъ, по воззрѣнію этихъ людей, загробная жизнь есть скорѣе продолженіе существованія, чѣмъ безсмертіе; конечно, въ умѣ древняго египтянина это продолженіе земной жизни рисовалось только съ ея радостями, утѣхами, удовольствіями, словомъ сказать, безъ всякихъ невзгодъ.

Обитатели страны фараоновъ были слишкомъ привязаны къ своей земной родинѣ, не знали ничего лучше плодоносныхъ долинъ Нила, воображенію ихъ и самый рай представлялся ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же Египтомъ; какое блаженство не ожидало бы ихъ въ

Садахъ Аалу, они не могли примириться съ мыслью, что имъ нельзя уже будетъ посѣщать свою земную родину.

Но и этого можно было достигнуть съ помощью магическихъ заклинаній и волшебныхъ чаръ; приобрѣтая вѣчное существованіе въ загробномъ мірѣ и, такъ сказать, акклиматизировавшись въ немъ, египтянинъ получалъ возможность принимать различныя формы,—журавля, ястреба, голубя и т. п. представителей пернатого царства и посѣщать тѣ мѣста, съ которыми связывались у него самыя дорогія и близкія сердцу воспоминанія.

Въ болѣе древнія времена идея о необходимости добрыхъ дѣлъ не имѣла ровно никакого значенія въ эсхатологическихъ представленіяхъ жителей фараоновскаго Египта и лишь только во время сравнительно позднее и, вѣроятно, не безъ помощи чужеземныхъ вліяній, египетская теологія сдѣлала рѣшительный шагъ впередъ указаніемъ на то, что отъ cadaго челоуѣка боги требуютъ не только принесенія жертвъ и уваженія къ священнымъ животнымъ, но и исполненія имъ его обязанностей въ связи съ нравственнымъ совершенствомъ и добродѣтельной жизнью. Но со всѣмъ тѣмъ, даже впослѣдствіе, когда представленія египтянъ о будущей жизни въ значительной степени развились и возвысились, мы все таки на каждомъ шагу натываемся на безвыходныя противорѣчія, лишь только касаемся цикла загробныхъ вѣрованій подданныхъ фараоновъ.

Выше было выяснено, что знаніе о всѣхъ предстоявшихъ испытаніяхъ и мытарствахъ, ожидавшихъ покойнаго „въ мірѣ печали и слезъ“, было для него обязательно, иначе онъ обрекался на неизбѣжную гибель; преодолѣть же всѣ опасности онъ могъ только съ помощью магическихъ заклинаній, которыми въ изобиліи были испещрены стѣны его гробницы, дабы ему облегчить пользованіе ими въ загробномъ путешествіи.

Такимъ образомъ мы здѣсь невольно сталкиваемся съ животрепещущимъ вопросомъ: что было важнѣе для умершаго, знаніе ли этихъ заклинаній и чаръ или заявленіе о безупречной жизни? Египетская теологія вынуждена была, слѣдовательно, искать нѣчто вродѣ средней пропорціональной, чтобы устроить хоть какой нибудь компромисъ между сказанными противорѣчіями, но другой вопросъ—увѣнчались ли ея попытки успѣхомъ.

Какъ бы то ни было, можетъ быть даже предвосхищая основу теологическаго ученія Ансельма Кентерберійскаго „Я вѣрую, чтобы понимать, а не стараюсь понять, чтобы потомъ увѣровать“ (*Credo, ut intelligam, neque quaero intelligere, ut credam*), египтянинъ той эпохи,

дабы сдѣлаться достойнымъ загробнаго блаженства, долженъ былъ выполнять извѣстныя предписанія, составлявшія нѣчто въ родѣ кодекса практической морали, отдѣльныя статьи котораго встрѣчаются въ болѣе или менѣе полномъ видѣ на памятникахъ всѣхъ эпохъ и самое полное изложеніе котораго представляетъ глава СХХV вышеупомянутой Книги Мертвыхъ—огромномъ сборникѣ магическихъ формулъ.

Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе этой книги исчерпывается исключительно волшебствомъ и магіей, безъ которыхъ древній египтянинъ буквально не могъ ступить ни шагу; магическія заклинанія и формулы со стѣнъ гробницъ переходили на папирусъ, гдѣ они, сгруппированныя въ извѣстномъ порядкѣ, клались въ гробницу умершаго, какъ справочная книга, долженствовавшая облегчить покойнику приобрѣтеніе загробнаго блаженства и сліяніе его „знающей“ души съ лучезарными богами свѣта.

Намъ неоднократно приходилось указывать на тотъ фактъ, что въ древнѣйшую эпоху своего историческаго существованія египетскій народъ ставилъ судьбу души въ зависимость отъ цѣлости ея бывшаго тѣла и потому, естественно, заботился объ его ненарушимомъ покоѣ и сохранности. Но, какъ мы видѣли, съ теченіемъ времени, представленія египтянъ о состояніи души послѣ смерти значительно развились и сохраненіе трупа, хотя было желательно, но уже не безусловно необходимо, а гораздо важнѣе сдѣлалось приготовленіе души къ страшному суду въ Аменти.

Тѣмъ не менѣе заботы о сохранности тѣла продолжали существовать въ странѣ фараоновъ, но уже скорѣе по традиціи, въ силу обычая, нежели вслѣдствіе требованія культа, подобно тому, какъ многое изъ нашихъ идей и обычаевъ существуетъ скорѣе потому, что оно старо, чѣмъ потому, что оно хорошо. По ученію теологовъ Египта, истинное блаженство для души, обладающей знаніемъ магическихъ формулъ и заклинаній, состоитъ не въ томъ, чтобы вѣчно пребывать въ какомъ нибудь, даже самомъ привлекательномъ уголку подземнаго міра: она должна стремиться занять мѣсто въ ладѣ солнца во время плаванія бога Ра по Амъ-Дуату, уподобиться небесному свѣтлу и раздѣлить его судьбу. Но, понятное дѣло, далеко не всѣ покинувшіе земной міръ могутъ рассчитывать на такое благополучіе, такъ какъ великій богъ солнца не распространяетъ благодѣянія, что называется, по пустыкамъ, изливая свои щедроты исключительно на души, обладающія знаніемъ магическихъ формулъ, чаръ и заклинаній.

Несмотря на подобное ученіе, проникнутое вѣрой въ чудотворную силу магіи, египтяне сознавали, что съ прекращеніемъ земнаго суще-

ствования окончена всякая радость бытія и что индивидуальное существование души прекращается навсегда; отсюда, по ихъ мнѣнію, слѣдовало пользоваться жизнью, пока можно было ею обладать. „Мертвый въ гробѣ мирно спи,—жизнью пользуйся живущій!“—вотъ истинное воззрѣніе позднѣйшаго времени, какъ этому, напримѣръ, поучаетъ одинъ изъ многочисленныхъ текстовъ: „Покой есть завершеніе судьбы; тѣла людей исчезаютъ и возникаютъ новыя поколѣнія. А потому справляй веселые пиры въ твоей жизни, пусть пѣніе улаживаетъ твои уши и оставь заботы позади себя, ибо придетъ день, когда твоя ладья пристанетъ къ тому міру“.

Другая надпись приглашаетъ „пировать и веселить себя любовью, ибо мѣстопребываніе мертвыхъ пусто и темно, и сердце ихъ не нуждается въ женѣ и дѣтяхъ. Здѣсь Богъ,—и всѣ умершіе должны придти къ нему и отдать ему свои души“.

Какъ можно заключить, ученіе о загробной жизни и приготовленіе души къ послѣдному суду Озириса не могло не явиться большимъ козыремъ въ рукахъ жрецовъ, служителей культа и прочихъ духовныхъ лицъ, которые упорчивали такимъ образомъ свое господство надъ сѣрой, приниженой народной массой. Эти жирные, лимфатическіе клопы, записавшіеся въ святыя, заявляли себя не людьми, желающими, подобно остальнымъ, заслужить рай, а скорѣе его собственниками и владѣльцами, раздающими умирающимъ болѣе или менѣе тепленькія мѣстечки на будущемъ свѣтѣ ¹⁾.

Но чтобы ученіе этихъ лицъ, зараженныхъ какой то эсхатологической чесоткой, не обратилось въ пустую легенду, оно было подкрѣплено подготовительнымъ къ нему испытаніемъ, полнымъ значенія, какъ объ этомъ подробно сказано будетъ вслѣдъ за симъ. Не довольствуясь многочисленными текстами, содержащими въ себѣ разнаго рода молитвы и заклинанія, служители культа, понимая, что на неразвитыя народныя массы дѣйствуетъ главнымъ образомъ то, что сильно поражаетъ воображеніе, озаботились изображеніемъ подземнаго міра на цѣлой вереницѣ картинъ; имъ хотѣлось, чтобы человекъ не только читалъ, но и, такъ сказать, видѣлъ воочию всѣ тѣ ужасы, какіе ожидаютъ его по смерти, и—впечатлѣніе выходило, дѣйствительно, потрясающее.

¹⁾ Невольно вспоминается здѣсь выраженіе одного французскаго писателя: «Toutes les religions sont stupides, avec leur morale puérile et leurs promesses égoïstes monstruement bêtes». А Theodor Parker со своей стороны добавляетъ: «Авторитетъ принимается за истину, а не истина за авторитетъ. Слѣное довѣріе стало сущностью религіи, авторитетъ—ея подтвержденіемъ, а преданіе—основаніемъ».

Ренанъ, посѣтившій гробницу одного изъ фараоновъ XIX-й династїи, Сети I, замѣтилъ, что все начертанное на ея стѣнахъ кистью художника, могъ породить только мозгъ въ состоянїи лихорадочнаго бреда.

Такое же значеніе, какъ и Книга Мертвыхъ, имѣлъ другой погребальный требникъ, Книга Странствій, въ которой находились тексты, повѣствовавшіе о путешествїи бога Ра въ подземный мїръ и которую иногда клали въ гробницы усопшихъ. Имѣлась еще Книга о дыханїи (snsp), написанная Тотомъ, авторомъ магическихъ формулъ, который написалъ это божественное произведеніе „своими перстами“.

Наконецъ въ позднѣйшее время появилась Книга о процвѣтанїи имени, которая, подобно названному выше, была цѣликомъ построена на волшебствѣ и магїи, — двухъ искусствахъ, которыя господствовали въ древнемъ Египтѣ во все время его исторической жизни, являясь квинтъ-эссенціей самаго грубаго суевѣрїя.

3. *Погребеніе мертвыхъ.* Такъ какъ по вѣрованїю египтянъ при погребенїи умершихъ руководящею идеею является та, что для души облегчается узнаваніе тѣла на случай, если она вновь вздумаетъ отыскать его, то понятны заботы ихъ о сохраненїи труповъ, вызывавшія искусство бальзамированїя или приготовленїя мумїи, — искусство, доведенное ими до совершенства.

Умершаго человѣка относили въ особое помѣщеніе, гдѣ его тѣло поступало въ руки калхитовъ (бальзамировщики), подраздѣлявшихся на нѣсколько специальностей, и пребывало у нихъ около сорока дней.

Бальзамированіе было троякаго разряда, смотря по цѣнѣ, и, какъ видно, требовало не мало времени. Обыкновенно калхиты, ремесло которыхъ переходило изъ рода въ родъ, представляли на выборъ родственниковъ три деревянныя модели въ натуральный ростъ человѣка, отличавшіяся способомъ приготовленїя.

Въ первомъ случаѣ съ трупомъ поступаютъ такъ, какъ, по преданїю, Горъ сдѣлалъ съ Озирисомъ: тутъ примѣняются къ человѣку самыя мельчайшіе прїемы, которые послужили къ упроченїю безсмертїа бога при употребленїи подобныхъ же средствъ: благовонныхъ веществъ, медикаментовъ, матерїй, амулетовъ и молитвъ. Но указанный способъ бальзамированїя считался слишкомъ дорогимъ (около пяти тысячъ рублей на наши деньги) и, естественно, былъ доступенъ только бога-

тымъ; остальные способы требовали гораздо меньше времени, денегъ и были по плечу людямъ средняго достатка.

Всѣ три способа основаны на одномъ и томъ же началѣ: удаленіе тѣхъ частей тѣла, которыя легко подвергаются порчѣ и пропитаніе остальныхъ солями и ароматическими веществами, предохраняющими ихъ отъ разложенія. Различіе могло быть только въ выборѣ необходимыхъ для бальзамированія матеріаловъ, болѣе или менѣе дорогихъ, и отдѣлкѣ въ работѣ, болѣе или менѣе тщательной и роскошной, смотря по цѣнѣ, но цѣль оставалась все та же: предупредить разрушеніе тѣла покойника и обезпечить, такимъ образомъ, его нетлѣнность и нетлѣнность двойника ¹⁾.

Предварительно калхиты вынимали изъ ноздрей трупа бронзовымъ крючкомъ мозгъ, послѣ чего особый операторъ — парасхитъ (прозекторъ) по боковой линіи взрѣзывалъ тѣло каменнымъ ножомъ ²⁾ и вынималъ внутренности; послѣднія помѣщали въ четыре особахъ сосуда, крышки которыхъ были съ изображеніями четырехъ боговъ, считавшихся покровителями усопшаго.

Вмѣсто сердца вкладывали камень—въ видѣ священнаго жука скарабея—съ надписью, что покойникъ проситъ свое сердце не высказываться противъ него на страшномъ судѣ въ Аменти. Затѣмъ на мѣсто вынутыхъ внутренностей клали ароматическія вещества и душистыя смолы. Важнѣйшую роль въ процессѣ бальзамированія игралъ натръ или щелочная соль; въ немъ довольно долго держали трупъ, чтобы его совершенно высушить. Затѣмъ мумію завертывали въ лентообразную длинную ткань, смазывали клеемъ и заливали гипсомъ.

Египетскіе мастера достигли высокаго искусства въ сохраненіи труповъ и найденныя муміи, по прошествіи тысячелѣтій, оказываются невредимыми. „Черты лица можно узнать, тѣло незначительно лишь утратило свою упругость; вѣки, губы, уши, носъ, щеки, всѣ мясистыя части имѣютъ видъ, приближающій ихъ къ естественному состоянію; зубы остались на своихъ мѣстахъ, и наконецъ волосы плотно держатся на головѣ“ ³⁾.

¹⁾ Maspero «Lectures historiques», 100—101.

²⁾ Геродотъ, II, 86. Въ до-историческую эпоху у покойника соскабливали съ костей мясо, вынимали мозгъ и положивъ умершаго головой къ сѣверу, покрывали его смолой. Вотъ гдѣ таилось начало бальзамированія. Трупы царей, въ видѣ исключенія, тогда еще сжигались.

³⁾ Mémoire de Jomard. Ваас говоритъ, что женскіе трупы бальзамировались женщинами, см. «Grundniss d. geschichte der Medicin». 1876 г. Въ послѣднемъ №-рѣ журнала «Nature» за 1902 г. помѣщено описаніе раскопокъ, произведенныхъ докт. Рейснеромъ въ

Loret, со своей стороны, добавляет: „Мнѣ приходилось распеленовать не мало мумій; тѣла ихъ сохраняли гибкость и антисептическія мази, которыми натирали ихъ, отличались клейкостью“.

А мумія Тутмеса III, лежавшая въ Булакѣ нѣкоторое время на воздухѣ, содержала въ себѣ еще столько питательныхъ соковъ, что породила особаго рода грибъ (покрывавшій все тѣло), которому Швейнфуртъ далъ наименованіе *rhagopsis*. Муміи пятидесяти фараоновъ, извлеченныя на Божій свѣтъ Масперо въ 1881 году на западѣ отъ Фивъ и перевезенныя въ Булакскій музей, сохранились такъ хорошо, что черты ихъ лица не измѣнились; полотняныя тесьмы не истлѣли и даже найденныя цвѣты, заключавшіяся въ каменныхъ гробахъ, казались увядшими не болѣе, какъ за нѣсколько мѣсяцевъ, тогда какъ они были срѣзаны четыре тысячи лѣтъ тому назадъ (см. выше. Флора).

Тайна бальзамированія осталась неизвѣстной, хотя, быть можетъ, что Марини угадалъ секретъ; въ настоящее время для бальзамированія труповъ пользуются различными противогнилостными растворами (сулема, двухлористая ртуть, мышьяковистая кислота, уксуснокислый глиноземъ, сѣрнокислый цинкъ, карболовая кислота и нѣк. друг.). Но нынѣшнее искусство сохраненія труповъ не можетъ и мечтать хоть о какомънибудь подобіи древне-египетскому бальзамированію.

Нечего и прибавлять, что послѣднее было по плечу лишь достаточнымъ людямъ, бѣдняки же ограничивались тѣмъ, что солили трупы, завертывали ихъ въ какуюнибудь чистую тряпицу, высушивали на солнцѣ и затѣмъ закапывали въ песокъ. Мариеттъ нашелъ около Мемфиса множество такихъ труповъ,—они лежали безъ гробовъ, не болѣе какъ на одинъ метръ подъ землей.

Въ греческую эпоху набальзамированныя муміи укладывались въ особые ящики изъ картона, сдѣланнаго изъ листьевъ папируса, какъ это выяснили находки Жуге въ Фаіумѣ (см. *Cartonnage de parurus* въ „*Revue Universelle*“, IV).

По окончаніи всей установленной процедуры мумію разрисовывали, перевозили въ домъ покойника и ставили ее въ гробу стояма въ одной изъ внутреннихъ комнатъ дома. Въ извѣстные часы жрецы совершали передъ ней возліянія, приносили богамъ жертвы и творили молитвы. Если покойникъ принадлежалъ къ высшей знати, то мумію

мѣст. Гиргѣ, въ Верхнемъ Египтѣ. Самой важной и оригинальной находкой являются замѣчательно сохранившіяся человѣческія тѣла, у которыхъ сохранились не только волосы, ногти и жлы, но даже мускулы и нервы. Во многихъ случаяхъ сохранилась также мозговая масса. Поразительнѣе же всего то, что у двухъ тѣлъ оказались въ хорошемъ состояніи даже глаза съ хрусталикомъ.

его въ торжественной процессіи, въ сопровожденіи жрецовъ, которые, понятное дѣло, кормились отъ мертвыхъ, родственниковъ, большой толпы народа и наемныхъ плакальщицъ отвозили на другой берегъ Нила въ Вастъ (некрополь, т. е. городъ мертвыхъ, кладбище). Рѣка покрывалась въ это время цѣлой флотиліей разной величины лодокъ, перевозившихъ процессію, похоронная же барка съ муміей, построенная по образцу таинственнаго челнока, служившаго при похоронахъ Озириса, была особенно разукрашена, обита матеріей, вышитой пестрыми цвѣтными узорами и имѣла балдахинъ.

Достигнувъ высѣченной въ скалѣ гробницы, извѣстной подъ именемъ катакомбы, мумію вкладывали въ деревянный или каменный саркофагъ, который ставили стоймя въ погребальной комнатѣ.

По установкѣ гроба, согласно похороннаго ритуала, начиналась весьма сложная и продолжительная церемонія „открытія рта“ умершаго, — церемонія, ведущая свое начало отъ самой сѣдой древности. Обрядъ этотъ состоялъ въ томъ, что убиваютъ быка, разсѣкаютъ его тутъ же на части и жрецъ подноситъ окровавленное бедро убитаго животнаго къ устамъ находящейся на крышкѣ гроба позолоченной маски; касаясь губъ послѣдней различными инструментами при безчисленныхъ заклинаніяхъ, служитель боговъ убѣждаетъ присутствующихъ, что умершій отселѣ является способнымъ къ принятію пищи. Обрядъ „открытія рта“ повторялся и впоследствии, но уже не надъ гробомъ или муміей, а надъ статуей покойника.

Цѣль этого страннаго обряда состояла въ томъ, чтобы доставить свободу двойнику (см. выше): съ момента открытія рта послѣдній получалъ способность видѣть, слышать, говорить, уходить, приходиться, ѣсть и т. п. однимъ словомъ двойникъ очеловѣчивался и приобреталъ возможность копировать умершаго во всѣхъ проявленіяхъ его прошлой жизни. Странная идея о духѣ, поѣдающемъ матеріальную пищу!

Если катакомба, въ которую ставили саркофагъ покойника, предназначалась для цѣлой семьи, то ея двери запирались наглухо, а если для одного лица, — то ихъ закладывали кирпичемъ, а входъ заваливали камнями. Послѣднее съ особенной тщательностью дѣлали съ гробницами фараоновъ, такъ что до сихъ поръ большая часть ихъ остается еще неоткрытой.

Чѣмъ знатнѣе и богаче былъ покойникъ, тѣмъ, понятное дѣло, похоронный обрядъ совершался съ большей пышностью. Толпы народа оглапали воздухъ воплями и причитаніями, а наемныя плакальщицы, подобно всѣмъ людямъ, купленнымъ за деньги, съ убѣжден-

ной страстностью выражали самое неистовое отчаяніе, царапая себѣ лицо и вырывая волосы.

Обыкновенно кто нибудь изъ родственниковъ усопшаго принималъ на себя нѣчто вродѣ роли публичнаго завывателя, время отъ времени боговзывая: „Шествуй на Западъ, въ жилище великаго Озириса, о ты, лучший изъ людей, всегда ненавидѣвшій лицемѣрие!“ и наемныя плакальщицы, подхватывая послѣднія слова, общимъ хоромъ, хныкая и проливая слезы, завывали: „Видя, какъ направляешься ты къ Западу, сами боги скорбятъ о твоей участи!“ и т. д., и т. д.

Въ причитаніяхъ и завываніяхъ безпрестанно упоминается о Западѣ потому, что царство того свѣта, по убѣжденію египетскихъ теологовъ, находилось тамъ, гдѣ происходитъ закатъ солнца.

Какъ и большинство древнихъ народовъ, обитатели фараоновскаго Египта были увѣрены, что переходъ въ иной міръ совершается въ какой нибудь опредѣленный точкѣ земли; по ихъ мнѣнію, это была разщелина въ горѣ (нѣсколько западнѣе Абидоса), вступая въ которую души умершихъ направлялись прямо въ царство Озириса.

Вслѣдствіе перевозки муміи черезъ Нилъ и погребенія ея въ западной сторонѣ, именно въ той мѣстности, гдѣ водится шакаль,—мертваго поручали заботамъ Анубиса, божества съ головой шакала, который сопровождалъ усопшаго на судъ въ Аменти.

Надгробныя сооруженія фараоновъ носятъ греческое названіе пирамидъ, а могилы частныхъ лицъ—арабское наименованіе мастабъ; о тѣхъ и о другихъ мы будемъ говорить ниже при обзорѣннй архитектуры (см. Искусство).

Отдѣльную катакомбу могли сооружать для себя исключительно богатые люди, бѣднѣйшіе классы довольствовались устройствомъ общихъ могилъ на кладбищахъ: изъ селеній высушенные трупы пересылались въ города для преданія ихъ землѣ некрополя, причемъ отдѣльнымъ муміямъ привѣшивались ярлыки съ обозначеніемъ имени, занятій, происхожденія и т. п.

Одна изъ найденныхъ мумій, ставшая нынѣ достояніемъ Британскаго музея, отличается отъ мумій позднѣйшихъ эпохъ тѣмъ, что трупъ не обернуть въ саванъ, а просто залить асфальтомъ и положенъ въ согнутомъ положеніи въ простой гробъ. Это и есть извѣстная египетская мумія доисторической эпохи.

Выше было говорено, что египтяне старались замедлить разрушеніе труповъ посредствомъ бальзамированія, такъ какъ желали сохранить за усопшимъ тѣлесную оболочку. Но обезображенная мумія являлась лишь отдаленнымъ подобіемъ человѣка и кромѣ того, не-

смотря на всѣ старанія сохраниться, могла превратиться въ прахъ, такъ или иначе погибнуть,—какая же участь ожидала бы тогда двойника, которому, по древнѣйшимъ египетскимъ воззрѣнiямъ, слѣдовало для вѣчнаго существованiя непременно соединиться съ тѣломъ умершаго? И вотъ въ дополненiе къ брэнной тѣлесной оболочкѣ стали дѣлать статуи, т. е. каменные или деревянные изваянiя, въ точности воспроизводившiя образы умершихъ; статуи имѣли передъ мумiями преимущество прочности, и притомъ ничто не мѣшало воспроизводить ихъ въ любомъ количествѣ экземпляровъ.

Что касается до саркофаговъ, то многiе изъ нихъ, дошедшiе до насъ, поражаютъ необыкновенной роскошью и изяществомъ. Лейпцигскiй академическiй музей обладаетъ между прочимъ однимъ древне-египетскимъ гробомъ изъ кедроваго дерева, на которомъ вырѣзано около трехъ тысячъ рельефныхъ фигуръ и всѣ съ такимъ изяществомъ, что несмотря на ихъ миниатюрность, можно различить волосы, перья птицъ, даже ногти на пальцахъ.

Каменные гробы дѣлались изъ гранита, базальта и известняка; гробъ одного изъ фараоновъ IV-й династiи, Мекерина, найденный въ 1837 году полковникомъ Вайзомъ (Wyse), былъ сдѣланъ изъ великолѣпнаго буроватаго базальта и покрытъ множествомъ барельефовъ.

Г. Клингенъ, посѣтившiй Гизехскiй музей, замѣчаетъ: „Я осмотрѣлъ множество саркофаговъ и мумiй славнѣйшихъ фараоновъ и жрецовъ, подивился громадному росту и мощности членовъ прежнихъ людей, сравнительно съ которыми наши европейцы могутъ показаться тщедушными“¹⁾.

Для египтянина,—говоритъ Дiодоръ,—дома не болѣе, какъ временныя помѣщенiя, а могилы—постоянныя жилища; земное существованiе уподобляютъ они мимолетному существованiю, а смерть—настоящей жизни.

Дѣйствительно, знатный или богатый египтянинъ считалъ непремѣннымъ долгомъ возможно чаще посѣщать мѣсто, избранное имъ для своего успокоенiя и наблюдать за отдѣлкой саркофага, въ которомъ рано или поздно суждено ему найти вѣчное, тихое и беззаботное пристанище.

Многiе предпринимали благочестивыя поѣздки въ Саисъ, чтобы получить отъ тамошнихъ жрецовъ чудодѣйственной тесьмы, которая шла на обертку мумiй; тесьмы эти изготовлялись при храмѣ богини Нейтъ (см. выше) и обладали тѣмъ диковиннымъ достоинствомъ, что

¹⁾ Клингенъ «Среди патриарховъ земледѣлiя» 1898. I, 134.

сама богиня вводила усопшихъ, имѣвшихъ ихъ на себѣ, въ царство того свѣта.

Вообще люди со средствами не стѣснялись въ довольно значительныхъ иногда расходахъ, чтобы только возможно комфортабельнѣе обставить свой вѣчный одръ успокоенія. Мы не говоримъ уже про „божественныхъ“ фараоновъ, которые начинали сооружать себѣ пирамиду лишь только вступали на престолъ и надѣвали двойную корону: въ древнѣйшую эпоху этого уже требовалъ этикетъ, освятившій созданный предшествовавшими вѣками обычай, который повелѣвалъ воздвигать великія усыпальницы земнымъ богамъ, двойственные олицетворенія земного и небеснаго безсмертія.

Упомянемъ ужъ здѣсь за одно и о муміяхъ рыбъ, погребенныхъ въ песчаной равнинѣ къ востоку отъ Латополиса и кромѣ того найденныхъ въ большомъ количествѣ и въ человѣческихъ усыпальницахъ эпохи Птолмеевъ и римской.

Всѣ рыбы, какъ большія, такъ и малыя, отлично сохранились. Многія, когда ихъ очистили отъ ила, въ которой онѣ были погружены, казались только что вынутыми изъ воды, чешуя не потеряла ни своего блеска, ни, часто, даже своей яркой окраски. Иногда совершенно неповрежденное глазное яблоко позволяетъ видѣть внутри золотистый и серебристый отливъ радужной оболочки. Исслѣдованія г. Гюгуненка указываютъ, что рыба болѣе или менѣе продолжительное время вымачивалась въ водѣ соленыхъ озеръ, а потомъ ее покрывали слоемъ пропитаннаго солью ила, который удерживался искусно положенными бинтами.

По химическому составу священныхъ рыбъ, очень богатому минеральными солями (35%), Гюгуненкъ заключаетъ, что египтяне, чтобы добиться такого совершеннаго сохраненія, обертывали ихъ смѣсью глины и песку, содержащихъ большой процентъ солей, щелочныхъ металловъ, въ особенности хлористаго натра. Соли при содѣйствіи сухого климата способствовали удивительному сохраненію рыбы въ теченіе такого долгаго періода.

5. Письменность и литература.

Древнѣйшими памятниками письменности страны фараоновъ служатъ древне-египетскія надписи, трудность разбора которыхъ послужила къ созданію особой науки о древнихъ письменахъ, вспомо-

гательнаго отдѣла археологіи—палеографіи представляющей поразительное торжество человѣческаго ума.

Со времени выхода въ свѣтъ „Le précis du système hieroglyphique“ Шамполліона разборъ египетскихъ письменъ подвигается очень быстро, благодаря работамъ выдающихся египтологовъ: Мариетта, Бругша, Э де Руже, Масперо, Лепсіуса, Дюмихена, Бирча, Розеллини, Эрмана, Шабаса, Голенищева, Тураева, Эберса и мн. друг., которые работали всё по системѣ Шамполліона и произвели много цѣнныхъ открытій. Послѣдній въ особенности оказалъ услугу египтологіи, пробудивъ къ ней интересъ общества своими романами изъ древне-египетской жизни.

Въ настоящее время египетскія письмена утратили свой загадочный характеръ и переводятся съ такой же легкостью и точностью, какъ и книги классической литературы. Изъ открытій и изслѣдованій поименованныхъ ученыхъ выяснилось, что письменность древней страны фараоновъ была очень обширна и разнообразна. У ней даже былъ свой богъ „Владыка града восьми“, уже знакомый намъ Тотъ, подъ покровительствомъ котораго находились многочисленныя книжныя залы, существовавшія при отдѣльныхъ храмахъ.

Одинъ изъ текстовъ, призывая секретаря божественной эннеады и „писца“ Озириса, боговзываетъ:

«Тотъ, владыка правды, глава книгъ, да дастъ искусство въ писаніи, способность въ іероглифахъ... А бібліотека храма въ Эдфу заключаетъ въ себѣ гимнъ въ честь его, гдѣ мы, между прочимъ, находимъ: «Слава тебѣ, Тотъ, единый, прославляемый царемъ Птолемеемъ, который подноситъ тебѣ твою руку, установленіемъ (?) правды. Онъ снабдилъ око потребнымъ. Онъ сіяетъ и ты сіяешь, онъ освѣщаетъ зѣнницу, движущій оба свѣтила, воздвизая небо, идя со священнымъ весломъ по Нунъ... (богъ наводнений; здѣсь въ смыслѣ вода). Слава тебѣ, величайшій въ эннеадѣ, не знающій смерти, презирающій конецъ жизни, не имѣющій порока, премудрый, полагающій запасы, единый, владыка жизни, не имѣющій подобнаго, дѣлающій здоровымъ тѣло свое, совершенный по красотѣ, возвѣщающій повелѣнія, справедливый въ счетѣ, понимающій вещи, считающій дань, приносящій дары самъ, великій верхняго и нижняго Египта» ¹⁾.

Третій памятникъ величаетъ Тота „владыкой іероглифовъ“. Отсюда, видно, какое значеніе придавалось письменности, разъ послѣдняя находилась подъ милостивымъ покровительствомъ „владыки писанія“ и „книжника“ Тота.

¹⁾ Тураевъ «Богъ Тотъ», III, 136.

До насъ дошло столько памятниковъ египетской письменности, что они превосходятъ число греческихъ и римскихъ памятниковъ; кромѣ множества надписей на камняхъ, сохранились многія тысячи папирусныхъ свитковъ. По увѣренію одного знатока, отъ египтянъ осталось болѣе тысячи томовъ, если не считать, что содержаніе многихъ папирусовъ совершенно тождественно ¹⁾.

1. Египетскія письма. Обращаясь къ разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи письменности въ странѣ фараоновъ, слѣдуетъ замѣтить, что египетское письмо появилось, вѣроятно, болѣе, чѣмъ за 5.000 лѣтъ до начала нашей эры и постепенно развивалось, начиная отъ сложныхъ начертаній и кончая простѣйшими. У египтянъ существовало три рода писменъ, причемъ каждая послѣдующая система развивалась изъ предыдущей и въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи представляла, какъ только что замѣчено, значительное упрощеніе.

Первоначальная разновидность этой письменности,—іероглифическое письмо было рисованіемъ и состояло изъ условныхъ изображеній и фигуръ предметовъ, о которыхъ шла рѣчь.

Свое греческое названіе („іероглифъ“ — „священное изваяніе“) древне-египетскія письма получили потому, что они обыкновенно высѣкались острыми орудіями на различныхъ общественныхъ зданіяхъ—храмахъ, дворцахъ, пирамидахъ, гробницахъ, пріобрѣтая такимъ образомъ священное значеніе.

Въ сохранившихся египетскихъ письменахъ насчитываютъ до тысячи такихъ фигуръ, представляющихъ людей, животныхъ, части тѣла тѣхъ и другихъ, затѣмъ растенія, плоды, различныя постройки, оружіе и т. п. Отъ нашего письма іероглифы отличаются большимъ количествомъ условныхъ изображеній, соединяющихся съ начертательными или символическими значками. Они распадались на два отдѣла: звуковые и образные знаки; звуковые обозначаютъ или отдѣльные звуки или же сочетанія звуковъ, т. е. слога, а образные, какъ показалъ Шамполліонъ, имѣли лишь значеніе первой буквы обозначаемого предмета... „Каждый іероглифъ—писалъ онъ—означаетъ тотъ звукъ, которымъ начинается слово, изображаемое іероглифомъ“.

По мнѣнію Бругша, правило это нельзя считать безусловно вѣрнымъ и необходимо допустить исключенія, но для большинства случаевъ прямой путь былъ найденъ. Далѣе необходимо замѣтить, что въ древне-египетскомъ языкѣ существовали звуки, которыхъ нѣтъ въ

¹⁾ Вуттке «Die Entstehung der Schrift» 62.

современныхъ европейскихъ языкахъ и, наоборотъ, у египтянъ не было начертанія, которое въ точности соотвѣтствовало бы нашимъ гласнымъ **о** и **е**, изъ чего легко усмотрѣть, что названные звуки въ чисто египетскихъ словахъ не встрѣчались вовсе. Такимъ образомъ въ царскихъ именахъ мы видимъ не **Тета** а **Тта**, не **Пеи** а **Пи**, не **Аменготепъ** а **Амгтп** и т. д. Если, напримѣръ, нужно написать слово **hgw** (день), то пишутъ три согласныя **h**, **g** и **w** присоединяютъ знакъ *, означающій солнце и относящійся къ числу такъ называемыхъ опредѣлителей, которые ставились при каждомъ словѣ съ цѣлью намека на его приблизительный смыслъ.

Примѣры: слово крокодилъ писалось звуками и потомъ присоединялось изображеніе крокодила, знакъ руки, держащей оружіе, кромѣ прямого смысла, означаетъ также насиліе, знакъ въ родѣ узла съ двумя концами веревки—свитокъ папируса, передняя часть льва придавалась къ слову „начало“, тогда какъ задняя часть этого животнаго означала „конецъ“ и т. д., и т. д.

Опредѣлители ставились почти вездѣ. Послѣ слова мужчина рисовался человѣкъ, послѣ слова женщина рисовалась сидящая женская фигура, обѣ фигуры вмѣстѣ, т. е. мужчина и женщина означало слово „человѣчество“ и проч.

При однозвучныхъ словахъ всегда ставились соотвѣтствующіе опредѣлители.

Въ іероглифическомъ текстѣ нерѣдко встрѣчаются слова, изображенныя идеографически, т. е. въ видѣ фигуры, выражающей извѣстную идею, независимо отъ звука слова и придаваемого ему произношенія. Такъ посредствомъ метафоры изображали предметъ, имѣвшій какое либо дѣйствительное подобіе или сходство, соотвѣтствовавшее его реальному представленію. Напримѣръ, коршунъ являлся символомъ... матери (!), такъ какъ египтяне были убѣждены, что названная порода птицъ состоитъ только изъ самокъ и размножается безъ содѣйствія самцовъ; фигура нильскаго гуся означала сына, въ силу народнаго повѣрія, которое приписывало этой птицѣ добродѣтели сыновней привязанности, достойныя служить примѣромъ для людей. Идея храбрости выражалась головою льва, пчела обозначала фараона, такъ какъ насѣкомое это подчинялось правильному монархическому правленію, и т. д. ¹⁾

Понятное дѣло, что посредствомъ іероглифовъ въ ихъ первоначальномъ видѣ нельзя написать и одной фразы, а трудность чтенія

¹⁾ Fr. Lenormant. loc. cit., V, 169.

ихъ усложняется еще тѣмъ, что, служа выраженіемъ идеи или понятія, іероглифы, помѣщенные послѣ фонетическаго слова, повторяютъ послѣднее и служатъ нерѣдко его нагляднымъ переводомъ.

Такимъ образомъ египтяне были принуждены присоединить въ своихъ іероглифахъ къ простымъ рисункамъ предметовъ особые знаки изображающіе понятія аллегорически. Для изображенія однихъ собственныхъ именъ, ставившихся, какъ доказалъ Цоэга, въ кружечкахъ, они необходимо должны были уже рано перейти къ употребленію буквъ.

Слѣдовательно іероглифическое письмо еще въ раннемъ періодѣ утратило своей первоначальный характеръ и стало заключать въ себѣ три рода знаковъ; начертательные или простые рисунки предметовъ, аллегорическіе и фонетическіе, т. е. выражающіе звукъ слова или отдѣльной буквы, которая образовалась такимъ образомъ, что начертательный и аллегорическій знакъ превратился въ начальную букву соотвѣтствующаго ей слова.

Какъ справедливо замѣтилъ покойный Эберсъ, іероглифическое письмо часто бываетъ трудно для чтенія именно вслѣдствіе желанія какъ можно болѣе разъяснить мысль присоединеніемъ къ ней прибавочной, поясняющей фигуры, т. е. вслѣдствіе правила сначала начертать слова по звуковой методѣ, а потомъ присоединить къ нимъ извѣстный, поясняющій образъ ¹⁾.

Надо полагать, что іероглифы не были письменами тайными извѣстными только жрецамъ и вообще однимъ только избраннымъ, такъ какъ на домашней утвари, встрѣчаемой въ гробницахъ бѣднѣвшихъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, попадаются такія же іероглифическія надписи, заставляющія думать, что и эти люди могли ихъ разбирать.

Іератическое письмо было только сокращеніемъ іероглифическаго и первымъ переходомъ отъ рисованія къ письму. Въмѣсто того, чтобы рисовать цѣлую фигуру стали ограничиваться изображеніемъ части ея, другими словами, буквы этого письма представляли болѣе или менѣе измѣненное сокращеніе іероглифовъ.

По такой системѣ (письмо всегда писалось и читалось отъ правой руки къ лѣвой) написаны лучшіе манускрипты временъ XIX-ой династїи, приблизительно за четырнадцать вѣковъ до начала нашей эры, а начиная съ VIII вѣка до Р. Х. (при XXVI-ой династїи) іератическое письмо уже исчезаетъ.

¹⁾ Эберсъ «Aegypten und die Bücher Moses».

Демотическое или энхорическое письмо есть въ свою очередь сокращеніе іератическаго и возникло вслѣдствіе необходимости имѣть болѣе скорый видъ письма. Знаки были не только упрощены, но и число ихъ значительно сокращено по сравненіи съ іератическимъ письмомъ, гдѣ ихъ почти также много, какъ и въ іероглифическомъ; кромѣ того изъ этой системы письменъ исключены всѣ фигурныя изображенія, что приближаетъ ее къ обыкновенному алфавиту семитическихъ языковъ.

Такимъ образомъ, благодаря изслѣдованіямъ ученыхъ, мы теперь знаемъ, что египтяне употребляли 24 согласныхъ буквы, имѣвшія 31 обозначеніе, а для слоговъ у нихъ было около 200 условныхъ знаковъ (демотика). Что касается чтенія іероглифовъ, то необходимо знать, что послѣдніе читаются въ ту сторону, куда повернуты фигуры, т. е. отъ правой къ лѣвой или отъ лѣвой къ правой и даже сверху внизъ.

Демотическое (народное) письмо состоитъ, приблизительно, изъ 150 слоговыхъ знаковъ и 200 звуковыхъ (буквъ) и по своей упрощенности, не исключавшей, однако, трудности его при чтеніи, явилось письмомъ обыденныхъ сношеній; имъ писаны начиная съ VIII вѣка до Р. X. всѣ договоры, контракты, судебныя распоряженія, письма и т. п. При изученіи древне-египетской письменности начинали съ этого простѣйшаго рода и потомъ приступали къ другимъ, труднѣйшимъ, тогда какъ мы видѣли, что историческое происхожденіе ихъ совершалось въ обратномъ отношеніи.

Естественно, что не легко было усвоить подобную грамоту и египетскіе писаря, занимавшіе большую часть чиновничьихъ должностей, имѣли полное основаніе гордиться своимъ знаніемъ, которое доставляло имъ прекрасное общественное положеніе и, что гораздо важнѣе, матеріальныя выгоды.

Въ Египтѣ впервые стали писать на бумагѣ изъ папируса. Названное растеніе, слегка нами описанное выше (см. Флора), имѣетъ высокій стебель, достигающій двухъ сажень высоты и лишенный всякаго рода растительности. Этотъ треугольный стебель разрѣзывали на тонкія пластинки, а послѣднія, смочивъ водою, раскладывали такимъ образомъ, чтобы онѣ краями покрывали другъ друга, при чемъ благодаря содержащемуся въ нихъ сахаристому соку, пластинки склеивались между собою довольно крѣпко. Полученные указаннымъ способомъ большіе листы прессовались и затѣмъ высушивались на солнцѣ.

Если требовалась особенная толщина бумаги, то на первый слой пластинокъ накладывали еще второй, но уже поперекъ перваго, кре-

стообразно; ширина отдѣльныхъ пластинокъ въ этомъ случаѣ не превосходила 2—3 дюймовъ.

На основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Плиніемъ ¹⁾, новѣйшіе ученые пробовали не безъ успѣха готовить бумагу по египетскому способу, а одному изъ нихъ, французу Dugot de la Malles удалось, слѣдуя указаніямъ Плинія, приготовить изъ стволовъ папируса, и нынѣ растущаго еще въ дикомъ состояніи въ Сициліи, нѣсколько листовъ *charta papyrusae*, похожихъ на листы, найденные въ древне-египетскихъ гробницахъ. Такъ какъ при складываніи папируса легко ломался, то уже давно вошло въ обычай свертывать его въ „свитки“. Видъ египетской бібліотеки, по всей вѣроятности, весьма близко подходилъ къ виду современнаго магазина обоевъ или географическихъ картъ.

Жители страны фараоновъ сохранили за собой, если не секретъ, то привилегію приготовленія и распространенія своей бумаги среди народовъ бассейна Средиземнаго моря вплоть до изобрѣтенія пергамента (ок. III вѣка до Р. X.); въ Грецію египетская бумага проникла не ранѣе VII вѣка до христіанской эры, между тѣмъ, какъ древнѣйшіе изъ дошедшихъ до нашего времени папирусовъ относятся къ XV вѣку. Кромѣ папируса, изготовленіе котораго было весьма дорого, роль писчей бумаги играли выдѣланныя особымъ способомъ кожанныя ленты, деревянныя дощечки и глиняныя „плитки“.

Писали при помощи заостренныхъ каламіей, т. е. тонкихъ тростниковыхъ палочекъ, расщепленныхъ на концѣ въ видѣ кисточки.

Черная тушь, приготовлявшаяся изъ тростниковаго угля, замѣняла чернила; послѣднія, какъ и въ настоящее время, бывали иногда красныя и служили для соотвѣтственныхъ отмѣтокъ.

Въ заключеніе дадимъ краткія понятія объ египетской грамматикѣ.

Въ древне-египетскомъ языкѣ считалось два рода: мужской и женскій; членовъ также было два: опредѣленный и неопредѣленный. Первый для мужскаго рода единственнаго числа былъ *pa* или *pe*, для женскаго *ta* или *te*, во множественномъ числѣ для обоихъ родовъ *pa* или *pe*. Неопредѣленный членъ только въ единственномъ числѣ для обоихъ родовъ *oia* или *oian*. Личныя мѣстоименія слѣдующія:

Единственное число.

Множественное число.

Я—*annuk*.

Мы—*anonne*.

Ты—*entouk* (мужск.) *entout* (женск.)

Вы—*entouten*.

¹⁾ Плиній Ст. «*Historia naturalis*» lib. XIII, II, § 22.

Единственное число.

Онъ—entouf.
Она—entousse.

Множественное число.

Они—
Онѣ— } entoussen.

При спряженіи мѣстоименіе ставилось всегда на концѣ глагольныхъ корней. Для примѣра приводимъ здѣсь спряженіе глагола ouon (быть).

Я (есмь)—ouona.

Мы (есмы)—ouonap.

Ты (еси)—ouonk (мужск.) ouont (женск.) · Вы (есте)—ouonten.

Онъ (естъ)—ouonf.

Они }
Онѣ } суть—ouonssen.

Она (естъ)—ouonssse.

Прилагательное ставилось послѣ существительнаго, согласуясь съ нимъ въ родѣ и числѣ и имѣя три степени сравненія. Нужно еще замѣтить, что ученые считаютъ древне-египетскій языкъ, судя по его запасу словъ, стоящимъ отдѣльно, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ могъ окончателно установиться только на почвѣ нильскаго оазиса.

Въ этомъ языкѣ преобладали односложныя коренныя слова, не было еще настоящихъ флексій и многіе корни безразлично употреблялись въ качествѣ существительнаго, глагола или прилагательнаго. Большое количество словъ играло въ этомъ языкѣ исключительно служебную роль, благодаря чему они настолько исказились, что стали совсѣмъ непригодны для иного назначенія. Такъ образовался въ египетскомъ языкѣ особый разрядъ словъ—предлоги.

Первоначально принадлежавшія сюда слова выражали, по всей вѣроятности, неопредѣленно извѣстныя отношенія между предметами; для болѣе же точной формулировки этихъ отношеній приходилось прибѣгать къ жестамъ. Поэтому, какъ доказалъ Абель, такія слова могли соединять въ себѣ взаимно-противоположныя значенія.

Предлогъ m, напримѣръ, обозначалъ одновременно и нахождение въ предметѣ, и направление къ предмету и направление отъ предмета; но все же произнося этотъ звукъ, говорящій давалъ понять слушающему, что онъ желаетъ выразить именно пространственное отношеніе между двумя предметами; затѣмъ ему уже было легко посредствомъ движенія руки показать болѣе опредѣленно, каково именно это отношеніе.

Въ письменной же рѣчи значеніе такого предлога опредѣлялось, разумѣется, общимъ смысломъ. Кромѣ того египтяне имѣли способъ для обозначенія того, что корень употребляется въ качествѣ существительнаго, но они ставили предназначенный для этого слогъ не послѣ слова, а передъ нимъ и односложное слово, разъ навсегда выбранное для такого употребленія, теряло уже всякій самостоятельный смыслъ, подобно члену во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Итакъ отношенія существительнаго къ другимъ словамъ предложенія выражались не окончаніями, а при помощи предлоговъ. Отсюда ясно, что въ египетскомъ языкѣ не существовали склоненія: какъ сказано, одинъ и тотъ же предлогъ въ соединеніи съ началомъ служилъ для опредѣленія лица, а въ соединеніи съ существительнымъ выражалъ принадлежность одного предмета другому. Такимъ образомъ, хотя въ египетскомъ языкѣ не существовало еще настоящихъ флексій, но были уже „грамматическія“ части рѣчи ¹⁾).

2. Литература, ея характеръ и образцы. Памятники древнеегипетской письменности весьма разнообразны, но совсѣмъ тѣмъ, очень трудно разграничить опредѣленными чертами различные роды ихъ.

Происходитъ это главнымъ образомъ потому, что по своему содержанию всѣ они тѣсно связаны съ религіей. Здѣсь уместно будетъ упомянуть о томъ, что подданные фараоновъ отнюдь не обладали фантазіей, способностью поэтическаго творчества, вслѣдствіе чего письменность древняго Египта, несмотря на свой чудовищный объемъ, не можетъ похвалиться богатствомъ содержанія.

Въ многочисленныхъ гимнахъ проблески религіознаго воодушевленія и сколько нибудь глубокаго чувства являются рѣдкостью, и мы, дѣйствительно, ничего въ нихъ не находимъ, кромѣ высокопарныхъ фразъ, въ которыхъ перечисляются атрибуты величія того или другого божества. Но если оставить въ сторонѣ многочисленныя религіозныя рукописи, то и папирусы содержатъ въ сущности не слишкомъ богатый матеріалъ. Къ тому же достоинства хорошаго стиля—ясность изложенія и изобразительность, — древній египтянинъ понималъ довольно своеобразно, въ чемъ мы будемъ имѣть не одинъ случай убѣдиться при разсмотрѣніи памятниковъ египетской литературы. Чѣмъ темнѣе и необычайнѣе были выраженія, чѣмъ болѣе они отзывались высокопарностью и напыщенностью, — тѣмъ болѣе они цѣнились и ставились въ образецъ.

У египтянъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ древности, поэзія является въ сущности лишь болѣе благороднымъ способомъ выраженія и указанное стремленіе къ необычнымъ фразамъ и оборотамъ рѣчи въ прозаической формѣ очень часто совпадаетъ со стремленіемъ къ поэтической окраскѣ произведенія.

¹⁾ Ю. Липпертъ, «Исторія культуры» III, 276.

Какъ будетъ видно изъ приведенныхъ ниже образчиковъ „изящной литературы“, послѣдніе, по своему содержанію, представляютъ главнымъ образомъ собраніе сказокъ реллигіозныхъ, волшебныхъ, анекдотическихъ и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, историческихъ, подходящихъ къ современному историческому роману.

Правда, что литература здѣсь никогда не могла имѣть широкаго, общенароднаго характера и почти исключительно составляла достояніе высшихъ классовъ.

Образовавшіяся бібліотеки съ теченіемъ времени сдѣлались настолько обширными, что требовались особые чпновники для завѣдыванія ими.

Выше было упомянуто, что на одной изъ гизекскихъ гробницъ нѣкій важный сановникъ первыхъ временъ VI-й династіи именуется „управляющимъ книжнымъ домомъ“,—лучшее доказательство, какого удивительнаго разцвѣта достигла въ то время египетская цивилизація. Нерѣдко встрѣчаемъ мы извѣстія о существованіи бібліотекъ въ разныхъ мѣстахъ страны, преимущественно тамъ, гдѣ находились большіе храмы: въ Оивахъ, Мемфисѣ, Дендерѣ, Эдфу, Рамессеумѣ и проч. Въ основаніе царской бібліотеки легли духовныя сочиненія, главы изъ „Книги Мертвыхъ“, списанныя съ подлинныхъ текстовъ, хранившихся въ храмахъ, нѣсколько ученыхъ трактатовъ и историческія книги, въ которыхъ были занесены дѣянія фараоновъ съ точнымъ указаніемъ на продолжительность ихъ жизни и царствованія.

Само собою разумѣется, что по своему содержанію большинство литературныхъ памятниковъ, какъ мы уже упоминали, тѣсно связано съ религіей или, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени проникнуто ея духомъ. Одинъ изъ памятниковъ, находящійся въ настоящее время во Флоренціи, удостовѣряетъ, что за семь вѣковъ до начала христіанской вѣры въ Египтѣ было написано не менѣе семидесяти разныхъ сочиненій о змѣи Апопи (см. выше), игравшемъ столь видную роль въ загробныхъ вѣрованіяхъ подданныхъ фараоновъ.

О древнемъ египтянинѣ было справедливо сказано, что онъ отличался страстью къ писательству; усвоивъ себѣ грамотность въ такія отдаленныя эпохи, о которыхъ мы должны довольствоваться лишь крайне скудными преданіями, онъ, видимо, гордился своимъ искусствомъ, которое ставило его неизмѣримо выше сосѣднихъ съ нимъ варварскихъ народовъ; при всякомъ удобномъ случаѣ спѣшитъ онъ воспользоваться этимъ божественнымъ даромъ; стѣны храмовъ и гробницъ, саркофаги, покровы мумій, статуи, самые разнообразныя величественныя и мелкіе памятники,—все испещрилъ онъ письменами.

Но въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ египтяне вовсе не цѣнили облагораживающаго вліянія ихъ на душу и стремленіе къ изысканію истины, за нѣкоторыми исключеніями, въ сущности было имъ совершенно чуждо. Для этого въ высшей степени практическаго народа во всякомъ знаніи на первомъ планѣ стояло примѣненіе его къ жизни, та польза, которую можно изъ него извлечь; египтянинъ не понималъ даже возможности заниматься теоретическимъ изслѣдованіемъ и формулировкой того или другого затронутаго вопроса: этому препятствовалъ черезъ чуръ утилитарный взглядъ его на знаніе, науку и искусство.

Образчики литературныхъ произведеній др. Египта дошли до насъ съ отдаленныхъ эпохъ, приблизительно съ 2150 г. до Р. X. Особенною любовью пользовались рассказы о приключеніяхъ въ далекихъ странахъ, причемъ требовалось, чтобы все это было изложено красивымъ изящнымъ языкомъ. Языкъ эпохи Средняго Царства остался навсегда литературнымъ и научнымъ языкомъ Египта. Въ эпоху Новаго Царства преобладаютъ уже сказки и рассказы на обыкновенномъ разговорномъ языкѣ и фабула ихъ зачастую имѣетъ историческій оттѣнокъ (см. ниже).

Разсматривая памятники египетской письменности ¹⁾, въ большинствѣ случаевъ, мы не знаемъ автора, личность котораго умышленно скрывается. Въ объясненіе названнаго факта слѣдуетъ замѣтить, что писателю эпохи фараоновъ не приходило никогда въ голову связывать свое имя съ произведеніемъ имъ написаннымъ, такъ какъ для увѣковѣченія послѣдняго, по мнѣнію автора, слѣдовало прибѣгнуть къ авторитету какого нибудь фараона древнѣйшихъ династій или, еще лучше, выдать свою книгу за произведеніе бога Тота „царя книгъ“—и тогда сочиненіе его могло почестся бессмертнымъ.

Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло не съ произведеніемъ отдѣльнаго лица, служившаго отголоскомъ понятій и воззрѣній той среды, къ которой онъ принадлежалъ, а преимущественно съ трудами извѣстнаго сословія или корпораціи, усвоившей себѣ собственные опредѣленные взгляды на литературныя произведенія.

Нѣкоторые папирусы, находящіеся теперь въ Британскомъ музеѣ, заключаютъ собраніе писемъ и служебныхъ бумагъ, принадлежавшихъ египетскимъ писарямъ и сохранившихся какъ образцы стиля. Вотъ одинъ изъ такихъ образцовъ:

¹⁾ Изъ глиняныхъ табличекъ, найденныхъ при раскопкахъ Телль-эль-Амарны и отмѣченныхъ красными египетскими чернилами видно, насколько ученый страны фараоновъ старался облегчить себѣ пониманіе иностраннаго текста.

„Мое сердце уже далеко,—пишетъ одинъ изъ подъячихъ своему начальству, прося разрѣшенія отпуска—оно въ путешествіи и не думаетъ о возвратѣ; оно примѣтило Мемфисъ и устремилось къ нему. Да соблаговолятъ дозволить мнѣ быть съ нимъ. Я здѣсь, но всѣ мои помыслы стремятся въ Мемфисъ. У меня здѣсь нѣтъ никакого дѣла и мое сердце сокрушается; да благоволилъ богъ Фта направить меня въ Мемфисъ, а ты разрѣши, чтобы меня видѣли тамъ прогуливающимся. У меня есть свободное время,—продолжаетъ пыть подъячій, выпуская, повидимому, послѣдній запасъ канцелярскаго яда,—мое сердце больше не въ моей груди, члены мои поражены безсиліемъ, глаза мои помутились, слухъ глухнетъ, голосъ смолкъ—я разрушаюсь. Умоляю тебя, подай помощь исцѣленія!...“ Вычурность и изысканность слога, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, ставились въ особую заслугу писавшему и произведенія его въ подобномъ родѣ служили образцами, заслуживавшими изученія и подражанія, почему они и предлагались молодымъ книжникамъ и вообще всѣмъ учащимся для копированія, заучиванія наизусть и соотвѣтственнаго назиданія.

А вотъ и другой рапортъ „изъ маленькаго гарнизона“, замѣчательный по краткости и точности стиля; несомнѣнно, что авторомъ его былъ военный челоувѣкъ, такъ какъ содержаніе названной служебной бумаги касается инспекторскаго смотра, произведеннаго подателемъ рапорта. „Прибывъ въ Абу (Элефантина)—доноситъ онъ—я выполнилъ командировку: произвелъ смотръ пѣхотѣ и всадникамъ на колесницахъ, точно также, какъ и прислугѣ и денщикамъ, находящимся въ услуженіи офицеровъ Его Святости, ж. з. с. (Сокращеніе словъ: жизнь, здоровье, сила, или, по египетски, о н х у, у з а, с о н б у, которыя ставились всегда какъ привѣтствіе, послѣ имени и титула фараона). Такъ какъ я долженъ предстать съ рапортомъ передъ Его Святостью, ж. з. с., то не изволь беспокоиться за меня, ибо дѣло мое течетъ также быстро, какъ Ниль“.

Будучи свернуты въ трубочку, письма связывались и на внѣшней сторонѣ писались адресъ и имя отправителя. До насъ дошла дѣловая переписка чиновниковъ „Дома Вѣчности“,—присутственнаго мѣста, завѣдывавшаго культомъ покойнаго царя. Стиль этихъ писемъ чисто чиновническій, въ приниженномъ тонѣ при обращеніи къ начальству. Но кромѣ официальныхъ донесеній, есть и дружескія письма, напр., одной дамы къ другой, лицъ, стоящихъ на одной степени табели о рангахъ; наконецъ имѣется письмо такого рода:

«Донесеніе. Говоритъ слуга твой: господинъ мой достигъ города Анх-усертессенъ въ 4-й мѣсяцъ наводненія въ день десятый. Ахъ злодѣй! Путешествуй

здравъ и невредимъ». Отвѣтъ. «Рѣчь твоя во всякомъ злѣ да будетъ въ милости Себека, владыки Фаума; да пошлетъ онъ тебѣ погибель по милости своего духа. Да будетъ слухъ о тебѣ неблагопріятель» 1).

Въ 1877 году сдѣлался извѣстенъ хранящійся въ Бейтанскомъ музеѣ папирусъ, названный Hood-Willour. Масперо, издавшій памятникъ съ переводомъ и комментариемъ, а также занимавшійся имъ одновременно Бругшъ, отнесли его ко времени XXII—XXVI династии. Начинается онъ слѣдующими словами:

„Начало наставленій и правильныхъ объясненій для невѣжды и знающаго о всемъ существующемъ, созданнымъ Пта и записанномъ Тотомъ: о небѣ со звѣздами, о землѣ, и всемъ, что на ней, о водахъ, горахъ, о наводненіи, объ океанѣ, всѣхъ вещахъ, находящихся подъ твердью (?) Ра, всей іерархіи, установленной на землѣ“. Тутъ же помѣщена замѣтка, гласящая, что папирусъ написанъ „писцомъ бога въ серебрянномъ домѣ Аменематомъ, сыномъ Аменематта“ 2).

Что касается до любовной переписки, то одинъ изъ ея образцовъ будетъ приведенъ ниже при обзорѣ положенія египетскихъ женщинъ и тогда же выяснится, что страсть къ писательству, такъ сказать, бумажный зудъ господствовалъ не у однихъ мужчинъ, но и находилъ себѣ ревностныхъ поклонницъ среди представительницъ прекрасной половины человѣческаго рода.

Переходимъ къ разсмотрѣнію наиболѣе типичныхъ образчиковъ древне-египетской литературы, не придерживаясь хронологическаго порядка появленія ихъ на свѣтъ, но имѣя въ виду сгруппировать лирическія произведенія отдѣльно отъ эпическихъ, имѣющихъ, въ извѣстномъ смыслѣ, видъ современнаго историческаго романа.

Тамъ, гдѣ египтянинъ, полный вѣры и искренности, воспѣваетъ доступныя его наблюденію явленія природы, онъ стоитъ на твердой почвѣ и въ указанномъ отношеніи его творчество производитъ пріятное впечатлѣніе.

1. *Гимнъ Нилу*. Таковъ, напримѣръ, Гимнъ Нилу,—поэтическое произведеніе, записанное въ эпоху XII-ой династии, но составленное, очевидно, въ болѣе отдаленное время.

Въ этомъ трогательномъ привѣтствіи, обращенномъ къ Нилу, неизвѣстный авторъ проводитъ мысль, которую очень ясно сознавалъ каждый египтянинъ, что благодѣтельная священная рѣка служить

1) Б. А. Тураевъ. Докладъ: «Кахунская бібліотека».

2) Онъ же. «Страница изъ исторіи древне-египетской литературы».

источникомъ жизни его родной земли, и что недостаточный разливъ Нила приводитъ къ страшнымъ бѣдствіямъ, которыя обрушиваются на все населеніе нильскаго оазиса.

Слава тебѣ, Ниль!—начинается такъ священный гимнъ древнихъ египтянъ—слава тебѣ, явившемуся на землѣ, въ міръ, чтобы подарить жизнь Египту. Скрывающій во мракѣ тайну бытѣя своего, ты замѣняешь день тьмою, гдѣ тебѣ это нравится, ты орошаешь сады и поля, созданные природою съ тѣмъ, чтобы даровать жизнь всѣмъ жаждущимъ, ты повсемѣстно поишь Землю! Едва ты только сошелъ къ намъ, а ужь Себекъ, богъ земли съ любовію обратился къ заботѣ о хлѣбѣ, Нопри, богъ зерна предлагаетъ свои дары, богъ Фта умножаетъ благополучіе ремесль. О, создатель рыбъ! Когда ты приподнимаешься надъ затолченной землей, ни одна птица не можетъ уже расхищать твои благодатные дары. Создатель пшеницы и ячменя, ты доставляешь вѣчное существованіе времени. Ты даешь основу храмамъ боговъ, страдаешь ли ты, бездѣйствуютъ ли персты твои, и уже цѣлые милліоны существъ поражены бѣдствіемъ; уменьшается ли мощь твоя въ небесахъ, и сами боги гибнутъ, а съ ними и люди. Ты покрылъ живущими всю землю и благодаря тебѣ всѣ они благоденствуютъ... Едва поднимаются твои воды, земля наполняется ликованіемъ, все живущее веселится, всякое существо получаетъ свою пищу, каждый зубъ перетираетъ ее. Ты несешь съ собою чудные продукты, создаешь вкуснѣйшія вещи, ты господинъ и создатель пріятной и изысканной пищи; если у насъ есть жертвы для поднесенія, то только благодаря тебѣ. Ниль заставляетъ произростать траву для животныхъ и приготавливать жертвоприношенія для каждаго бога. Өміамъ—лучшій продуктъ, производимый имъ. Ниль овладѣваетъ двумя странами (Өиваидой и Дельтой) для того, чтобы наполнить продуктами всѣ склады, всѣ житницы, чтобы приготовить пищу для бѣдныхъ. Онъ даетъ жизнь всему, чтобы исполнить желаніе всѣхъ, но самъ отъ того не истощается. Доблесть его—щитъ бѣдняковъ. Тебя не изображаютъ на камнѣ, тебѣ не воздвигаютъ статуй и не вѣнчаютъ двойнымъ вѣнцомъ. Ты не доступенъ взору, тебѣ не платятъ подати и не приносятъ жертвъ (?) Нельзя помѣстить тебя въ святилище, никому неизвѣстно мѣсто твоего нахождения, никто не стремится познать его силою магическихъ письменъ. Нѣтъ жилища, которое могло бы вмѣстить тебя, и никому не дано проникнуть въ глубину сердца твоего, а все же ты наполняешь радостью сердца поколѣній дѣтей твоихъ, потому что ты царствуешь какъ царь, законы коего предназначены для всей земли, который равно проявляетъ себя и для людей юга, и для людей сѣвера. Ты тотъ, который поглощаешь слезы со всѣхъ очей и расточаешь въ изобиліи свои величайшія блага» ¹⁾).

¹⁾ «Papyrus Sallier», II, табл. XI, 6; XII, 9; Chelu «Hil» 171; Maspero. «Les origines Egypte et Chaldée» p 40.

Гимнъ Нилу нельзя причислить къ религіознымъ произведеніямъ, скорѣе это поэма свѣтскаго характера, въ которой рельефно изображаются благодѣянія, изливаемая священной рѣкою на страну.

Этотъ гимнъ, замѣчательный особенно по своему контрасту съ лирическими преувеличеніями Ведъ и другихъ извѣстныхъ произведеній того же рода—справедливо замѣчаетъ Мечниковъ,—нѣтъ основаній приписывать творчеству какогонибудь свѣтскаго поэта или одного изъ многочисленныхъ чиновниковъ, кормившихся при дворцахъ и государственныхъ учрежденіяхъ, съ древнѣйшихъ временъ родившихся въ Египтѣ. Еще болѣе неосновательно считать его авторомъ какогонибудь жреца, проводившаго свою жизнь въ праздномъ созерцаніи... Человѣкъ, создавшій его, былъ очень близко знакомъ съ тягостью трудового ярма и мученіями голода: „отдыхъ, радость жизни, измельчаніе пищи зубами“ имѣютъ болѣе цѣны въ его глазахъ, нежели различныя славословія, придуманныя изступленными почитателями для возвелчченія другихъ божествъ.

Пѣвецъ Нила вступаетъ во область поэзіи, не смущаясь упоминаніями о мелкихъ банальностяхъ повседневной жизни, и даже въ рѣдкіе моменты, когда онъ платитъ свою дань паесу, неразлучному съ этимъ родомъ творчества, онъ все-таки говоритъ о реальныхъ фактахъ, но только такимъ образомъ, что ихъ истинное значеніе можетъ съ перваго взгляда не возбудить вниманія... Авторъ гимна обладалъ великой поэтической душой и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ добросовѣстнымъ и точнымъ изслѣдователемъ: въ самомъ дѣлѣ, невозможно было бы болѣе кратко и точно перечислить благодѣянія Нила, нежели это сдѣлано имъ ¹⁾. За то и не было ничего въ мірѣ, чего бы пожалѣли древніе египтяне для жертвъ своему благодѣтельному, дорогому и любимому богу!...

Другимъ образчикомъ древне-египетской лирики служить *ода въ честь Тутмеса III*, открытая Маріэттомъ на одной изъ гранитныхъ стелъ Карнака и переведенная де Rouge. Вотъ эта торжественно-религіозная ода:

2. *Ода въ честь Тутмеса III*. «Говоритъ Аммонъ: Ты сынъ мой, Тутмесъ III, меня чтущій, вѣчно живущій, черезъ любовь свою меня въ блескѣ прославляющій, Радуйся и удивляйся моему величію! Веселится сердце мое, когда ты направляешь стопы твои къ моему храму и руки мои (тогда) опускаются на тебя, принося тебѣ жизнь и здоровье. Почтительность твоя къ моему святому изобра-

¹⁾ Мечниковъ, цит. соч. VIII, 192—193.

женію приноситъ мнѣ радость... За это хочу я тебя прославить и дарую тебѣ власть побѣды надъ всѣми странами, дабы всѣ народы до крайнихъ предѣловъ свѣта испытали страхъ передъ душою твоею... Я даю тебѣ силу надъ всѣми животными: да раздастся твой кличъ боевой надъ землями чужеземцевъ, да будутъ цари міра въ десницѣ твоей! И вотъ, простирая руки свои, я отдаю тебѣ десятками тысячъ и тысячами кочующихъ нубійцевъ, жителей сѣвера, — да падутъ они въ плѣнъ сотнями тысячъ! Врага твоего я заставляю упасть подъ ноги твои! Рази толпы вражескія: тебѣ отдаю землю во всю ея длину и ширину и пусть жители запада и востока будутъ считать тебя своимъ властелиномъ. Смѣло проходи земли, которыхъ никто еще не посѣщаль въ твое время. Я буду твоимъ вождемъ! Иди же туда и пройди великій водный кругъ въ землѣ Нахараинъ (Месопотамія), облеченный сіяніемъ побѣды. Я хочу, чтобы твой кликъ боевой былъ слышенъ народамъ, проникая въ пещеры ихъ. Я отнял у воздрей ихъ дыханіе жизни. Пусть твоя мужественная храбрость поразитъ сердца ихъ! Корона моя на головѣ твоей есть огонь пожирающій, притягивающій и овладѣвающій коварнымъ отродіемъ (народа) Хета ¹⁾. Огнемъ, исходящимъ отъ нея, владѣтели превращаются въ пепель; она раздѣляетъ главъ (народа) Аму и не могутъ они ускользнуть. Падаетъ на землю (тотъ), кто оборачивается передъ ея силой. Да коснутся побѣды твои всѣхъ народовъ. Моя царская змѣя блеститъ на твоемъ челѣ. И въ ничто обратится врагъ твой до края неба! И вотъ они приходятъ и несутъ подати на плечахъ своихъ, падая ницъ передъ твоею святостью. Такова моя воля. Вѣроломный да падетъ измученный близъ тебя, съ жгучимъ горѣніемъ въ сердцѣ и дрожаніемъ членовъ его.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить князей Цахи (сѣверная Финикія); я бросаю ихъ къ твоимъ ногамъ вмѣстѣ съ ихъ владѣніями, — я имъ показываю твое величіе, когда ты, подобно повелителю свѣта, блистаешь надъ ихъ головами, какъ мое изображеніе.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить азіатскихъ варваровъ, увести въ плѣнъ начальниковъ племени Рутену; да увидятъ они твое величіе, когда, облачившись въ военные доспѣхи и стоя на колесницѣ, ты берешься за оружіе.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить землю Востока; Кафти (Финикія) и Асебъ (Кипръ) трепещутъ предъ тобою; пусть видятъ они твое величіе въ видѣ молодого, полного мужества, снабженнаго рогами быка, къ которому нельзя близко подойти.

---

¹⁾ Египтяне были убѣждены, что царская корона обладаетъ чудодѣйственной силой и во время битвы изрыгаетъ пламя, уничтожая всякаго, кто осмѣлился бы напасть на «сына солнца». Необходимую принадлежность короны составляло изображеніе священной змѣи — уреуса (см. ниже).

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить народы, защищающіеся въ приморскихъ городахъ; земля Матень (Мать, Ассирія? Можетъ быть Миттани, великая держава XV—XIV вѣковъ?) тренещетъ предъ тобою; да увидятъ они твое величіе въ видѣ згема (бегемота), страшнаго властителя водъ, къ которому никто не можетъ подойти.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить народы, живущіе на островахъ; тѣ, которые обитаютъ у морского залива, страшатся твоего военнаго клика; пусть удивятъ они твое величіе, въ видѣ мстителя, бросающагося на спину своей жертвы.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить землю (народа) Тхухень; Данаискіе острова находятся въ твоей власти; да узрятъ они твое величіе въ видѣ разъяреннаго льва, лежащаго на ихъ трупы въ ихъ долинахъ.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ покорить края океана, въ твоихъ рукахъ круговой поясъ водъ; я далъ имъ видѣть твою славу какъ парящаго ястреба, отъ зоркихъ глазъ котораго ничто не ускользнетъ.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить народы «переднихъ странъ» и взять въ плѣнъ повелителей песковъ; да увидятъ они величіе твое въ образѣ южнаго шакала, переходящаго по землѣ тайно.

Я пришелъ, я позволяю тебѣ сокрушить варваровъ Нубіи, все-до народа Путь уже въ рукахъ твоихъ; пусть увидятъ они величіе твое, подобно величію обоихъ твоихъ братьевъ, руки которыхъ я соединилъ, чтобы обезпечить за тобою твое могущество. Твои двѣ сестры да даруютъ тебѣ счастье и здоровіе. Отъ тебя я, любимый сынъ мой, сильный быкъ, возставшій царемъ въ Өивахъ и рожденный отъ меня, отстраню всѣ бѣдствія, простирая свои руки съ неба на Тутмеса вѣчноживущаго и дающаго любовь моему существу. Долговѣчной работой ты возстановилъ храмъ мой, расширивъ жилище мое гораздо больше, чѣмъ оно было. Ты установилъ радостные празднества въ честь Аммона, и памятники твои больше, нежели всѣхъ прежнихъ царей. Я поручилъ тебѣ воздвигнуть ихъ и твое желаніе было согласно съ моимъ. Вотъ поэтому на тронъ Гора я сожаю тебя на безчисленное число годовъ. Управляй и руководи живущими поколѣніями» ¹⁾).

Приведенная ода неизвѣстнаго Өиванскаго поэта представляетъ одинъ изъ образцовъ высшаго развитія древне-египетскаго языка и нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ прекрасный гимнъ сдѣлался классическимъ гимномъ Египта настолько, что позднѣйшіе фараоны, томимые жаждой величія, заимствовали изъ него нѣкоторыя выраженія, приспособивъ ихъ для прославленія своихъ подвиговъ.

¹⁾ Mariette «Revue générale de l'Architecture», XVIII, 57; его же «Notice des principaux monuments du Musée de Boulaq», 78—80; Бруншъ, loc cit, XIV, 352—354; Масперо «Du genre épistolaire», 85—89. Э. де Руже. «Revue archéologique» 1861.

Что касается до нѣкоторой туманности и расплывчатости выраженій, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что указанные качества едва ли можно считать безусловной принадлежностью египетскаго языка, въ которомъ, примѣнительно къ данному случаю, каждое слово выбрано съ великимъ искусствомъ и имѣетъ свое значеніе; гораздо вѣроятнѣе, что европейскій языкъ не въ состояніи передать тѣхъ возрѣній и чувствъ, которыя воодушевляли автора гимна; переводъ совсѣмъ не то, что оригиналь,—подобіе лишь приблизительное.

Изъ остальныхъ лирическихъ произведеній укажемъ на *оду въ честь фараона Усуртусена III*, состоящую изъ вступленія и пяти строфъ, въ которыхъ, подобно тому какъ и въ карнакской одѣ, каждый стихъ начинается одними и тѣми же словами и на *гимнъ Аммону-Ра*,—восторженный панегирикъ въ честь дневнаго свѣтила,—солнца,—произведеніе скорѣе религіознаго, нежели свѣтскаго характера и, во всякомъ случаѣ, замѣчательное по глубинѣ содержащихся въ немъ религіозныхъ идей.

Ограничиваясь лишь упоминаніемъ о названныхъ двухъ образцахъ египетской лирики ¹⁾ и переходя къ разсмотрѣнію отдѣльных родовъ поэзіи, не можемъ не обратить вниманія читателя на то обстоятельство, что у египтянъ почти вовсе не существовало эпоса и лишь во время, сравнительно, позднее, въ эпоху XIX-ой династіи можно отмѣтить возникновеніе у нихъ нѣчто подобнаго. Это такъ называемая *поэма Пентаура* (Le roéme de Pentaour), начертанная на стѣпахъ Луксорскаго храма съ пояснительными къ ней изображеніями, по которымъ можно прослѣдить всѣ воспѣваемые ею эпизоды. Посвящена она прославленію воинскихъ доблестей фараона Рамзеса II (См. исторію Египта въ Ново-Оиванскій періодъ), воспѣвая побѣду послѣдняго надъ царемъ Хета при Кадешѣ. Воспѣвается собственно не побѣда и не разгромъ непріятельской арміи, а главнымъ образомъ превозносится самъ „сынъ солнца“, его блестящая храбрость, его пламенная вѣра въ помощь боговъ и неопредолимая сила его царственной руки.

3. *Поэма Пентаура*. Вотъ содержаніе поэмы. Обманутый ложными донесеніями и не будучи въ надлежащей степени ориентированъ относительно непріятели и дѣйствительнаго расположенія его войскъ, фараонъ двигался къ Кадешу (на Оронтѣ) безъ принятія необходимыхъ мѣръ предосторожности и вслѣдствіе этого попалъ въ засаду,

¹⁾ Относительно перваго образца см. The Petrie Papyri. Hieratic. papyri from Kahun and gurob edited by F. L. I. Griffith. I. II. London, Quaritch, 1897—1898. Относительно втораго—Делсіусъ «Denkm.» VI, табл. CXX, 66—77.

устроенную царемъ Хета. При Рамзесѣ находилось лишь небольшое число войскъ, такъ какъ главныя силы его арміи были направлены въ Халупу (Алепо) на поискъ арміи противника и потому, конечно, не въ состояніи были своевременно поддержать атакованныя войска. Поневолѣ фараону пришлось принять сраженіе, несмотря на очевидную вѣроятность быть разбитымъ.

«И поднялся царь—гласить поэма—уподобившись отцу своему богу Монту; онъ схватилъ оружіе и возложилъ на себя доспѣхи; онъ походилъ на Ваала въ наступившій для него часъ. Благородные парные кони его Святости—«Иванская побѣда»—ихъ имя были взяты изъ конюшенъ Усирмари Сотпенри, любимца Аммона. И ускорилъ фараонъ бѣгъ своихъ коней и порвалъ ряды этихъ нечестивыхъ Хета. Онъ былъ совершенно одинъ и никого другого съ нимъ не было. И совершивъ это, фараонъ оглянулся и увидѣлъ себя окруженнымъ 2500-ми колесницами; отступление было ему отрѣзано всѣми войнами нечестивыхъ Хета и многочисленными народами, сопровождавшими ихъ,—жителями Арада, Мизіи, Педаса. Они всѣ собрались вмѣстѣ по три человѣка въ каждой колесницѣ».

Въ эти тяжелыя для него минуты фараонъ обратился съ молитвой къ верховному Иванскому богу.

«Гдѣ же ты, отецъ мой Аммонъ? Возможно ли, чтобы отецъ забылъ своего сына? Развѣ я дѣлалъ что нибудь помимо твоей воли? Развѣ я преступилъ твои приказанія? Развѣ не ходилъ я и не дѣйствовалъ я по слову устъ твоихъ? Развѣ не приносилъ я тебѣ безчисленныхъ жертвъ? Я наполнялъ храмы твои моими военноплѣнными, я воздвигнулъ тебѣ храмъ, долженствующій простоять многія тысячи лѣтъ; я отдалъ все, что имѣлъ для твоихъ складовъ, не пожалѣлъ никакихъ богатствъ міра, чтобы украсить твои владѣнія. Никогда не уклонялась назадъ рука моя, дабы не случилось, чтобы ты чего пожелалъ. Я выстроилъ тебѣ пилоны и чудеса строительнаго искусства изъ камня, поставилъ тебѣ мачты на вѣчныя времена, привозилъ для тебя обелиски съ Абу. Я былъ тотъ, который приказалъ доставить для тебя долговѣчный камень, который для тебя посылалъ морскіе корабли въ море, чтобы привозить тебѣ произведенія чужой земли. Гдѣ найти можно подобное? Несчастливая участь грозитъ тому, кто будетъ противиться твоимъ намѣреніямъ. Счастье тому, кто позналъ тебя, ибо всѣ твои дѣйствія вытекаютъ изъ сердца, полного любви... И вотъ я взываю къ тебѣ, отецъ мой Аммонъ! Со всѣхъ сторонъ окружаютъ меня многочисленные и невѣдомые мнѣ народы, всѣ они соединились противъ меня, и я одинъ посреди ихъ, и никого нѣтъ со мною. Мои многочисленные войны покинули меня, ни одинъ изъ всадниковъ (на колесницахъ) не обернулся въ мою сторону; когда я звалъ ихъ, ни одинъ не послушалъ моего голоса. Но я думаю, что Аммонъ драгоценнѣе для меня, чѣмъ милліоны войновъ, чѣмъ сотни тысячъ коней, чѣмъ десятки тысячъ братьевъ и сыновей, если бы даже всѣ они со-

брались подъ моею рукою. Человѣческія усилія ничто, воля Аммона сокрушаетъ ихъ. То, что со мной совершается, совершилось по повелѣнію устъ твоихъ, Аммонъ! Я не преступилъ заповѣдей твоихъ и разнесъ славу твою до дальнѣйшихъ предѣловъ земли».

Понятное дѣло, что Оиванскій богъ не могъ остаться глухимъ къ мольбѣ царственнаго вождя.

«Раздался голосъ до самаго Гермонтиса; Аммонъ идетъ на мой призывъ, онъ протягиваетъ мнѣ свою руку. Я возрадовался и услышалъ голосъ его позади себя: «Я послѣдилъ къ тебѣ, Раззесъ Міамунъ, отнынѣ я съ тобою. Это я, твой отецъ! Я полезенъ для тебя, чѣмъ сотни тысячъ войновъ: я владыка побѣды, любящій доблесть; вижу я въ тебѣ мужественное сердце и сердце мое радуется тому; воля моя совершиться».

Одушевленный поддержкой верховнаго бога, фараонъ снова бросается въ битву.

«Подобно Монту, я металъ правой рукою мои стрѣлы, а лѣвой—опрокидывалъ враговъ. Я былъ какъ Ваальъ передъ лицомъ ихъ въ свой часъ; 2.500 колесницъ, окружавшихъ меня, вдребезги были разбиты моими кобылицами. У непріятельскихъ войновъ не хватило мужества, чтобы сопротивляться; они не дерзали метать въ меня стрѣлы, не нашли они въ себѣ храбрости поднять копье. Я ниспровергнулъ ихъ въ воду, какъ падаютъ въ нее крокодилы. Они пали ницъ одинъ за другимъ, и я наносилъ имъ удары; они даже не оглядывались, каждый, кто падалъ, уже не поднимался болѣе»...

Царь Хета, пораженный столь невѣроятнымъ чудомъ, отдалъ приказъ объ отступленіи.

«Я бросился на нихъ, подобно Монту и рука моя скосила ихъ въ минуту; я поражалъ и убивалъ ихъ на мѣстѣ. Они говорили другъ другу: это не человѣкъ среди насъ, это самъ Сутеху славный; одинокій, совѣмъ одинокій, безъ военачальниковъ и войновъ, онъ торжествуетъ надъ сотнями тысячъ; подобное чудо не дѣло рукъ человѣческихъ; послѣшимъ укрыться отъ него, сохранимъ нашу жизнь и переведемъ еще разъ духъ».

Когда непріятель обратился въ бѣгство, фараонъ созвалъ своихъ войновъ и сказалъ имъ:

«Будьте тверды, закалите ваши сердца, мои солдаты! Вы видите мою побѣду, а я былъ одинъ. Это Аммонъ придалъ мнѣ силы, его рука со мною».

Поэма Пентаура, изображающая одно изъ наиболѣе грандіозныхъ событій въ военной исторіи Египта, производитъ странное впечатлѣніе по той причинѣ, что войску отведена въ ней самая позорная роль.

Фараонъ клеймитъ его жестокими упреками.

«Что скажетъ вся земля, когда узнаетъ, что вы оставили меня одного безъ помощи, что ни одинъ военачальникъ, ни одинъ начальникъ стрѣлковъ,

ни одинъ командующій боевыми колесницами не протянулъ мнѣ руку помощи? Если бы я не стоялъ крѣпко, какъ господинъ и царь, то васъ поразили бы. Я возвышалъ, обогащалъ васъ, я дѣлалъ сына наслѣдникомъ отца его, отвращая всякій вредъ отъ земли египетской, никакой другой фараонъ не сдѣлалъ для васъ такъ много... и вотъ вы отплатили мнѣ!.. Изъ васъ никто не былъ готовъ подать мнѣ руку помощи, когда я сражался, клянусь именемъ отца моего Аммона... Это великій проступокъ, совершенный моими солдатами и всадниками на колесницахъ, проступокъ болѣе тяжкій, чѣмъ можно его описать. Я сражался, я заставилъ отступить миллионъ народовъ, одинъ я! Ибо каждый, метавшій стрѣлу, въ меня направленную, терялъ то оружіе, которое должно было меня коснуться. «Ѣванская побѣда» и «Нурритъ-утѣха», мои лошади только и находились у меня подъ рукою, когда я былъ совершенно одинъ посреди бунтующей толпы непріятельскихъ полчищъ. И отнынѣ я ежедневно самъ буду кормить ихъ, когда вернусь во дворецъ, ибо они были со мною, вмѣстѣ съ моимъ оруженосцемъ Менюю и сопровождавшими меня офицерами гвардіи, бывшими очевидцами боя, вотъ все, что я нашелъ... И вотъ, когда враги уже лежали подъ ногами моихъ коней, какъ сѣно, тогда пришли и вы около вечерняго времени; вы увидѣли лучшихъ витязей Хета изуродованными и плававшими въ крови,—и начали славословить мое имя; до тѣхъ же поръ, погнутый вами, я одинъ подвергалъ свою жизнь опасности; а вы предавались покою!»¹⁾

Таково содержаніе поэмы, приведенной нами въ нѣкоторомъ сокращеніи и приписываемой писарю Пентауру, одному изъ еиванскихъ поэтовъ, хотя нѣтъ прямыхъ данныхъ утверждать, что онъ дѣйствительно былъ ея авторомъ.

Какъ уже замѣчено выше, подвигъ Рамзеса II былъ увѣковѣченъ на различныхъ памятникахъ въ Рамессеумѣ, въ Абидосскомъ, Карнакскомъ и Луксорскомъ храмахъ. На стѣнахъ этого послѣдняго релігіознаго зданія изображено, какъ, получившій божественную помощь, фараонъ поражаетъ непріятелей и какъ армія послѣднихъ, объятая паническимъ страхомъ, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ.

Кромѣ поэмы Пентаура, написанной, приблизительно, за 3.200 лѣтъ до начала христіанской эры, изъ эпическихъ произведеній сохранились остатки басенъ, два сатирическихъ папируса, изъ которыхъ одинъ представляетъ нѣчто въ родѣ альбома каррикатуръ, доходящихъ до самой крайней вольности и возмутительнаго цинизма (здѣсь осмѣяно правленіе фараоновъ XX-й династіи), да еще сборникъ магическихъ

¹⁾ Papyrus Sallier III; Э. де Руже «Recueil de travaux», I, 1—8; его же «Le Poème de Pentaour»; Maspero «Histoire ancienne», V, 229—232; Бругшъ, цит. соч. 475—483.

формуль и заклинаній, получившихъ столь обширное распространіе на древней почвѣ фараоновскаго Египта.

Нѣтъ сомнѣнія, что продолжающіяся раскопки подарятъ насъ новыми литературными памятниками, подобно сокровищамъ въ папирусахъ Sallier и Anastasi, относящихся къ эпохѣ Новаго Царства.

Было уже достаточно говорено, что литература прельщала древнихъ египтянъ не столько своимъ содержаніемъ, сколько велерѣчивой, изысканной и вычурной до приторности формой.

Главная задача заключалась не въ томъ, чтобы высказать что нибудь опредѣленно и ясно,—напротивъ, писатель ухищрялся одну и ту же мысль развивать на тысячу разныхъ ладовъ въ напыщенныхъ, до крайности вычурныхъ, а иногда даже совершенно непонятныхъ, темныхъ и загадочныхъ фразахъ.

5. Наставленія Усуртусену 1-му. Одно изъ произведеній, представляющее родъ маленькаго памфлета, дошедшаго до насъ отъ эпохи XII-й династїи, есть наставленіе фараона Аменемхата I, своему сыну и соправителю Усуртусену (или Усертисену) о томъ, какъ слѣдуетъ управлять.

«Послушай меня,—говорится въ этомъ любопытномъ памятникѣ—ты царь обоихъ міровъ и управитель трехъ областей (т. е. Оиваиды, Дельты и Нубїи). Поступай еще лучше, нежели твои предшественники и поддерживай добрыя отношенія между тобою и твоими подданными, чтобы они не поддавались страху; не удаляйся отъ нихъ, но и не называй своимъ братомъ только богатаго и знатнаго, а также не приближай къ себѣ первыхъ встрѣчныхъ, дружба которыхъ еще не испытана».

Затѣмъ, переходя къ своей жизни, старый царь продолжаетъ:

«Я сдѣлалъ такъ, что носящіе трауръ перестали носить его и о немъ не стало даже слышно. Безпрестанныя войны прекратились, тогда какъ до меня люди дрались, какъ быки, не знавшіе прошлаго и ничье благосостояніе, ни невѣжды, ни ученаго не было обезпечено... Ни передъ чѣмъ не дрогнулъ я, начиная съ первыхъ дней моей жизни: ни передъ опустошеніемъ саранчи, ни передъ дворцовыми беспорядками, ни передъ бѣдствіемъ недостатка водъ нильскихъ, когда пересыхали водные запасные резервуары, ни даже тогда, когда, пользуясь твоею молодостью, замышляли противъ меня... Я расширилъ предѣлы земледѣлія до Абу (Abou), я разлилъ радость до границъ Аду (Adhou), я другъ Нопри (богъ урожая), я выростилъ три породы хлѣбныхъ злаковъ. Ниль, склоняясь на молитвы мои, даровалъ воды на всѣ поля; не было ни одного голоднаго въ царствованіе мое, не было ни одного жаждущаго въ управленіе мое, потому что исполнялись повелѣнія мои, каждый разъ, когда я дер-

жалъ рѣчь, она заключала въ себѣ всегда новое доказательство моей любви (къ народу). Я побѣдилъ льва и плѣвилъ крокодила; я покорилъ Уауаиту, я увелъ въ рабство Мазіу, я заставилъ азіатовъ слѣдовать за собою какъ борзыхъ собакъ».

Обращаясь къ своему сыну и наслѣднику, авторъ „Наставленій“ между прочимъ говоритъ:

«Изъ подданнаго, какимъ ты былъ, я возвысилъ тебя и далъ тебѣ возможность пользоваться своими руками, чтобы этимъ (?) ты могъ внушить страхъ. Что же касается до меня—продолжаетъ фараонъ—то я одѣлся въ тончайшія ткани моего дворца, чтобы походить на растеніе моего сада, я надушился благовоніями, чтобы они исходили отъ меня, какъ вода изъ моихъ цистернъ»¹⁾.

Это небольшое сочиненіе, содержащее не болѣе трехъ страницъ и хранящееся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ, считалось классическимъ произведеніемъ и болѣе тысячи лѣтъ заучивалось въ школахъ, становясь для молодыхъ книжниковъ образцомъ слога. Въ немъ разсѣяно не мало здравыхъ и гуманныхъ мыслей, но не содержаніе придавало ему цѣну, а главнымъ образомъ его вычурный, изысканный языкъ.

Въ „Наставленіяхъ“ особенный интересъ представляетъ забота фараона о поддержаніи добрыхъ отношеній между собою и своими подданными и поощреніе ихъ къ важнымъ общественнымъ работамъ, вмѣсто того, чтобы изнурять ихъ надъ постройкой пирамидъ. Онъ стремится нѣкоторымъ образомъ узаконить свое положеніе заботами о подданныхъ и трудомъ на пользу народа, стараясь ввести въ свои правительственныя дѣйствія элементъ общественной пользы.

5. *Воспоминанія Синугита*. Большой извѣстностью пользовалось въ фараоновскомъ Египтѣ одно изъ сочиненій, относящееся къ той же эпохѣ и прекрасно рисующее положеніе Египта и сосѣднихъ съ нимъ земель въ указанный періодъ времени.

Это такъ называемыя Воспоминанія Синугита.

Излишне прибавлять, что произведеніе это, подобно всѣмъ прочимъ, цѣнилось не вслѣдствіе занимательности содержанія, а благодаря лишь литературной формѣ, отличающейся удивительной изысканностью.

Сюжетъ „Воспоминаній“ въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему.

¹⁾ Papyrus Sallier II, табл. I, 5—7; Maspero «Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire» 116—117. Наставленія Аменемхата I по своему характеру очень напоминаютъ поученія нашего Владиміра Мономаха.

Нѣкій искатель приключеній, по имени Синугить (Синехъ), занимавшій видное мѣсто при дворѣ вышеупомянутаго фараона Аменхата I, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, бѣжалъ изъ Египта и послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, испытанныхъ имъ въ пустынѣ на востокъ отъ Дельты, очутился въ землѣ Тену (Едомъ, библия. Идумея).

Одинъ изъ начальниковъ этой страны, по имени Амуненша, принялъ живое участіе въ бѣглецѣ, который, наскучивъ кочевой жизнью, съ удовольствіемъ принялъ предложеніе своего покровителя поселиться въ его владѣніяхъ. Начальникъ сказалъ: „Оставайся у меня, ты услышишь здѣсь твой говоръ“.

„Такъ онъ говорилъ потому—замѣчаетъ Синугить,—что слышалъ уже не мало о моей доблести и о моихъ заслугахъ отъ египтянъ, находившихся въ его владѣніяхъ“.

Итакъ бѣглецъ, согласно просьбѣ Амуненши, улегализировавшаго его положеніе, поселился въ землѣ Тену.

„И поставилъ меня князь области Тену выше всѣхъ своихъ дѣтей—пишетъ авантюристъ—женить меня на своей старшей дочери и далъ мнѣ выбрать лучшія изъ всѣхъ принадлежавшихъ ему земель до границъ сосѣдней страны. Эта прекрасная земля, называвшаяся Эаа, изобиловала виноградомъ и фиговыми деревьями и въ ней вина было болѣе, чѣмъ воды, а также великое множество оливокъ, всякихъ другихъ фруктовъ, ячменя, пшеницы и разныхъ животныхъ.“

Начальникъ оказалъ мнѣ, конечно, большое довѣріе, облакая меня властью, и сдѣлалъ меня главнымъ надъ однимъ изъ лучшихъ племенъ страны. Я получалъ ежедневныя порціи хлѣба, вина, вареной говядины, жареныхъ гусей, не считая мѣстной дичи, которую мнѣ приносили въ большемъ количествѣ, чѣмъ мои охотничьи собаки; для меня приготовлялись разные сорта масла и сыру...

Я прожилъ здѣсь много лѣтъ, сыновья мои выросли храбрецами и каждый изъ нихъ управлялъ своимъ племенемъ; если гонецъ проѣзжалъ по близости моихъ владѣній, то нарочно сворачивалъ съ дороги, чтобы посѣтить меня, ибо я всѣмъ оказывалъ услуги, покровительствовалъ путешественникамъ, встрѣчавшимъ препятствія, преслѣдовалъ грабителей... Начальникъ любилъ меня, зная мою храбрость; онъ поставилъ меня надъ своими дѣтьми, зная силу моей руки“.

Словомъ Синугить чувствовалъ себя отлично, хоть подвергался иногда опасностямъ.

„Одинъ удалецъ изъ Тену—пишетъ Синугить—пришелъ ко мнѣ въ палатку и вызвалъ меня на бой: это былъ знаменитый боецъ, не имѣвшій себѣ равнаго, такъ какъ онъ уничтожилъ всѣхъ своихъ со-

перниковъ. Онъ сказалъ: „пусть Синугить сразится со мною, ибо ему еще ни разу не удалось поразить меня“, и заранѣе радовался, что возьметъ для своего племени весь мой скоть“.

Слѣдуетъ довольно подробное описаніе приготовленій къ поединку, причѣмъ Синугить недоумѣваетъ, какое право имѣетъ незнакомый ему человѣкъ вызывать его на бой.

„Я не знаю его, я не братъ его и держусь далеко отъ его жилища; развѣ я когда нибудь открывалъ его дверь или проходилъ черезъ ограду? Это какой нибудь авантюристъ, желающій меня видѣть и считающій себя призваннымъ отнять у меня моихъ кошекъ, собакъ, еще болѣе моихъ коровъ, напасть на моихъ быковъ, козъ, телятъ—и все это присвоить себѣ“.

Изъ поединка Синугить выходитъ побѣдителемъ. „Я пустил стрѣлу въ своего врага—пишетъ онъ:—когда она вонзилась ему въ шею, онъ испустилъ страшный крикъ и упалъ на землю; я же, попирая его ногами, огласилъ воздухъ радостнымъ кликомъ; все его имущество, весь его скоть умножили достояніе мое. Такова была воля бога, бывшаго моею опорю“.

Подъ старость бывшій бѣглець воспламеняется желаніемъ снова увидѣть покинутую имъ родину; онъ рассказываетъ въ Тену о величїи и славѣ Аменемхата I, „льва, поражающаго когтями и никогда не сдающагося, храбреца, идущаго впередъ при видѣ боя, воина, бросающагося на варваровъ, правителя, расширяющаго границы своихъ владѣній, который подчинилъ себѣ азіатовъ и покорилъ Немашаиту (страна, занятая бедуинами пустыни)“.

Съ разрѣшенія своего тестя Синугить посылаетъ письмо къ фараону, умоляя его о помилованїи и о дозволенїи вернуться въ Египетъ. Отвѣтъ получился благопрїятный: фараонъ далъ согласіе и Синугить, раздѣливъ все свое достояніе между дѣтьми, отправился на родину, гдѣ его ожидалъ почетный прїемъ.

„Увидавъ меня, Его Святость произнесъ: пусть не страшится онъ; между сановниками моими удостоенъ онъ будетъ званія друга (одинъ изъ высшихъ титуловъ въ придворной іерархіи)“.

„И повели меня—продолжаетъ свой рассказъ Синугить—въ то отдѣленіе дворца, гдѣ находились разныя сокровища, облекли меня тамъ въ одежду изъ самаго лучшаго полотна и тончайшаго, подали мнѣ пирогъ для утоленія голода и благовонное масло для натиранія тѣла; трижды и четырежды въ день угощали меня рѣдкими плодами; построена была для меня пирамида среди другихъ усыпальницъ и начальникъ художниковъ разрисовалъ ее; воздвигнули въ

ней мою статую, отдѣланную золотомъ; самъ фараонъ позаботился объ этомъ“¹⁾.

Въ воспоминаціяхъ Синугита можно отмѣтить ту привязанность, которую послѣдній неизмѣнно питалъ къ своей дорогой родинѣ: несмотря на пріобрѣтенныя имъ въ землѣ Тену почести, значеніе и богатство—египтянина-эмигранта неудержимо тянетъ опять къ берегамъ священнаго Нила.

6. Простой и безыскусственный рассказъ, *Повѣсть о двухъ братьяхъ* представляетъ едва ли не древнѣйшій романъ, намъ извѣстный и, что всего удивительнѣе, напоминающій исторію библейскаго Іосифа, добродѣтель котораго, какъ извѣстно, подвергалась не малой опасности со стороны жены Потифара, желавшей во чтобы то ни стало овладѣть молодымъ, статнымъ и красивымъ евреемъ. Нѣчто подобно происходитъ и въ вышеназванной повѣсти.

Однажды египтянинъ Анепу послалъ своего младшаго брата Бита съ поля домой, чтобы принести сѣмянъ. „И онъ (Анепу) послалъ своего младшаго брата, говоря ему: принеси поскорѣе сѣмянъ изъ деревни. И братъ нашель жену своего старшаго брата заплетающую свои волосы. И онъ сказалъ ей: встань, дай мнѣ сѣмянъ, чтобы я не мѣшкая возвратился въ поле, ибо такъ наказывалъ мнѣ старшій. Женщина сказала ему: войди, отвори ларь и возьми, сколько сердце твое желаетъ... И вошелъ юноша въ кладовую и взялъ оттуда большой сосудъ, ибо желаніе его было принести много сѣмянъ. И онъ взялъ на себя зерно и сѣмена дурры и вышелъ съ ними. Тогда она сказала ему: какъ велика тяжесть въ рукѣ твоей? Онъ отвѣтилъ ей: двѣ мѣры дурры и три мѣры пшеницы составляютъ вмѣстѣ пять мѣръ, которыя лежатъ на рукахъ моихъ. И сказала она опять: велика сила твоя, давно я смотрѣла на нее во всякое время. И сердце ея познало его...

И она встала и обняла его, говоря: дай намъ насладиться часомъ покоя; лучше будетъ для тебя, ибо я приготавлию тебѣ одежду праздничную.

Тогда уподобился юноша пантерѣ страны полуденной отъ внутренняго гнѣва по поводу дурныхъ словъ, которыя она ему говорила; она же испугалась превыше всякой мѣры.

¹⁾ Chabas «Les papyrus hiératiques de Berlin». 36—51. Maspero «Les contes populaires», 108—111. Лучшій переводъ этого папируса принадлежитъ Гудвину (Goodwin) «The story of sancha in Frazer's magazine», 1865.

И онъ говорилъ ей: ты, о женщина, была мнѣ какъ мать, и мужъ твой былъ мнѣ какъ отецъ, ибо онъ старше меня, такъ что могъ бы быть моимъ родителемъ. Зачѣмъ такой большой грѣхъ ты мнѣ предлагала? Не говори мнѣ ничего подобнаго въ другой разъ, ибо въ этотъ разъ я ничего не скажу и ни одно слово объ этомъ не выйдетъ изъ устъ моихъ кому бы то ни было. И взявъ съ собою ношу, онъ пошелъ въ поле, гдѣ вмѣстѣ со своимъ старшимъ братомъ они совершили работу дня. Когда же насталъ вечеръ, тогда возвратился старшій братъ въ свой домъ, а младшій братъ его, навьючивъ быковъ зерномъ и соломой, гналъ ихъ въ хлѣвъ.

И вотъ жена старшаго брата боялась за слово, сказанное ею...

И мужъ ея возвратился вечеромъ, какъ обыкновенно дѣлалъ онъ каждый день, и вошелъ въ домъ свой и нашелъ жену свою, лежавшую въ припадкѣ дурноты. Она не подала воды на руку его какъ обыкновенно, и свѣтильникъ не былъ зажженъ, такъ что домъ былъ въ темнотѣ. Она же лежала и ее рвало. И мужъ ея сказалъ ей: кто имѣлъ дѣло съ тобой, встань!

Она отвѣтила ему: никто не имѣлъ дѣла со мной, кромѣ твоего младшаго брата, ибо когда онъ пришелъ, чтобы взять сѣмянъ для тебя, то онъ нашелъ меня сидящую одну и говорилъ мнѣ: давай повеселимся одинъ часъ на покоѣ; распусти свои волосы. Такъ говорилъ онъ мнѣ, я же не послушала его и сказала: смотри, не мать ли я тебѣ и старшій братъ твой не отецъ ли для тебя? Такъ говорила я ему, онъ же не переставалъ говорить и сдѣлалъ мнѣ насиліе, дабы я тебѣ не сказала этого. Нынѣ же, если ты оставишь его въ живыхъ, то я сама себя убью ¹⁾.

Услыхавъ разсказъ жены, Анепу вскипѣлъ гнѣвомъ и рѣшился убить брата, но послѣдній успѣлъ спастись бѣгствомъ; видя, что Анепу настигаетъ его, грозя нанести ему смертельный ударъ ножомъ, Бита обратился съ молитвой къ богамъ, которые, внявъ его мольбѣ, преградили путь преслѣдователю широкимъ потокомъ, полнымъ крокодиловъ.

Тогда Бита, стоя на другой сторонѣ этого ручья, разсказываетъ брату происшествіе такъ, какъ оно было, словомъ восстанавливаетъ истину и для того, чтобы подтвердить свои слова дѣйствіемъ, отрѣзываетъ себѣ дѣтородный членъ.

Анепу возвращается домой, убиваетъ невѣрную жену, вдобавокъ оклеветавшую его брата, и бросаетъ трупъ ея собакамъ.

¹⁾ Parugus d'Orbiney; Бругшъ, «Исторія фараоновъ», XII, 267—268.

Въ названной повѣсти можно отмѣтить нравственное сходство жены Анепу съ распутной женой Потифара, при чемъ весьма замѣчательно, что оба юноши, Бита и Иосифъ рисуются добродѣтельными и не поддающимися женскимъ любовнымъ чарамъ; съ этой точки зрѣнія повѣствованіе о Битѣ служить важнымъ пособіемъ и разъясненіемъ исторіи Иосифа въ фараоновскомъ Египтѣ.

7. *Чародѣй Деде*. Одна изъ самыхъ характерныхъ египетскихъ сказокъ, найденная давно, была переведена и обнародована лишь въ послѣднее время. Главнымъ героемъ ея является чародѣй Деде (Деди). Сказка выставляетъ его юношей, но въ то же время объясняетъ читателямъ, что онъ имѣлъ сто десять лѣтъ и ежедневно съѣдалъ пятьсотъ хлѣбовъ, заднюю часть быка и запивая все принимаемое сотней кружекъ пива. Между прочимъ мудрецъ этотъ славился тѣмъ, что зналъ мѣсто, гдѣ хранились чудодѣйственныя вещи, принадлежавшія богу Тоту.

Узнавши о такомъ волшебникѣ, фараонъ Хуфу (Хеопсъ) поинтересовался видѣть Деде и приказалъ послѣднему прибыть въ Мемфисъ, дабы явиться передъ лицомъ царя. Чародѣй исполнилъ приказаніе фараона и пріѣхалъ въ царскую резиденцію, нагрузивъ цѣлое судно книгами, содержавшими его „ученость“. При разговорѣ Хуфу между прочимъ спросилъ Деде: „Правду ли говорятъ, будто ты можешь приставить къ туловищу отрубленную голову“? Волшебникъ отвѣчалъ утвердительно. „Пускай приведутъ сюда какого нибудь плѣнника изъ темницы!“ воскликнулъ фараонъ, крайне заинтересованный предстоящей перспективой столь невѣроятнаго чуда. „О, нѣтъ, царь—возразилъ Деде—прикажи мнѣ показать свое искусство не на человѣкѣ, а на животномъ“. Хуфу согласился на просьбу „мага и чародѣя“,—принесли гуся и отрубили ему голову; туловище птицы положили у одной стѣны царской залы, а голову у другой. Деде произнесъ магическое заклинаніе и вотъ обѣ разрозненныхъ части начали сближаться, затѣмъ совсѣмъ слились, гусь всталъ на ноги и загоготалъ. Принесли утку и съ ней произошло то же самое; привели быка, отрубили ему голову—и его оживилъ заклинатель.

На просьбу фараона указать мѣсто, гдѣ скрыты вещи, принадлежавшія богу Тоту, чародѣй отвѣтилъ, что потаенное мѣсто можетъ быть указано только сыновьями, которыхъ должна родить Реддетъ.

„Кто эта Реддетъ?“ спросилъ Хуфу. „Она жена одного изъ жрецовъ Ра—отвѣтилъ Деде—и забеременѣла отъ этого бога; Ра возвѣстилъ ей, что сыновья ея будутъ облечены самымъ высокимъ саномъ

въ государствѣ“. Услыхавъ слова Деде, Хуфу пришелъ въ ужасъ, такъ какъ понялъ, что дѣтямъ, родившимся отъ бога, суждено основать новую династію, которая смѣнитъ его потомковъ. И дѣйствительно, продолжаетъ легенда, когда наступило время, Ра призвалъ къ себѣ богинь-сестеръ Изиду и Нефтиду и сказалъ имъ:

„Поспѣшите помочь Реддетъ освободиться отъ бремени тремя сыновьями; они воздвигнутъ вамъ новые храмы, будутъ заботиться о вашихъ алтаряхъ, умножать приносимыя вамъ жертвы“. Такъ оно и случилось: сыновья Ра и Реддетъ сдѣлались основателями слѣдующей послѣ фараона Хуфу династіи ¹⁾.

Очевидно, что цѣль сказки сводилась къ тому, чтобы выставить внѣ всякихъ сомнѣній легитимность новаго царствующаго дома и придать власти послѣдняго божественную санкцію.

8. *Похожденія Сатни-Камоиса*. А вотъ и другая сказка, цѣликомъ построенная на магическихъ заклинаніяхъ и волшебствѣ. Сынъ фараона Онзирмари (Рамзесъ II), по имени Сатни-Камоисъ, прослышалъ однажды, что на гробницѣ Ноферкефты (сына фараона Минефты) находится чудодѣйственная книга, въ которой богъ Тотъ собственноручно начерталъ магическія заклинанія, сообщавшія божественную силу ея обладателю; по прочтеніи двухъ страницъ послѣдній очаровывалъ небо, землю, преисподнюю, горы и моря, узнавалъ языкъ птицъ небесныхъ и пресмыкающихся, разсматривалъ рыбъ и чудовищъ морской бездны.

Чтеніе специально второй страницы давало возможность находящемуся въ преисподней снова подняться на землю въ прежнемъ видѣ, созерцать лучезарнаго бога и мѣсяцъ въ его блистаніи. Любопытный юноша рѣшился овладѣть завѣтной книгой. Съ этой цѣлью онъ отправился въ Мемфисъ, въ некрополѣ котораго находилась гробница Ноферкефты и увидѣлъ на этой гробницѣ чудодѣйственную книгу, окруженную яркимъ свѣтомъ.

Сынъ фараона былъ сильно пораженъ представившейся ему картиной, но изумленіе его не имѣло границъ, когда вмѣсто Ноферкефты онъ увидѣлъ передъ собою жену его Агури и сына Миконзу, о которыхъ ему было достовѣрно извѣстно, что они погребены не въ Мемфисѣ, а въ Кобти (Коптосъ): присутствіе ихъ въ Мемфисской гробницѣ объяснялось тѣмъ, что двойники ихъ (см. выше, культъ двойниковъ

¹⁾ Erman. «Mittheilungen aus den orient. Sammlungen der könig. Museen, VII, 5 и IX, I.

или Ка) получили возможность переселиться къ тѣлу близкаго человека.

Агури умоляетъ Сатни не брать книгу Тота, написанную его собственными перстами.

„Прежде, чѣмъ отважиться на такой поступокъ,—говорить она—выслушай печальную исторію нашихъ бѣдствій, ибо мы были жестоко наказаны именно за то самое, что ты намѣреваешься теперь совершить“. Изъ разсказа ея видно, что счастливыя дни миновали для нихъ съ того времени, какъ мужъ ея, Ноферкефта, узнавши, что въ Коптосѣ, среди рѣки, въ пяти вставленныхъ одинъ въ другой ящикахъ (железномъ, мѣдномъ, деревянномъ, изъ слоновой кости, золотомъ и серебряномъ) хранилась божественная книга Тота, охраняемая стражами—чудовищами, пожелалъ ею завладѣть.

Руководствуясь указанной цѣлью и стремясь сдѣлаться обладателемъ столь дивнаго сокровища, онъ приказалъ осушить дно рѣки, при помощи магическихъ чаръ и заклинаній побѣдилъ божественнаго стража книги „вѣчнаго змія“ и такимъ образомъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, т. е. явился собственникомъ книги, доставившей ему возможность околдовать небо, землю, воду и даже подземный міръ.

Но подобный кощунственный проступокъ не прошелъ ему даромъ: оскорбленный Тотъ обратился съ жалобой къ богу Ра,—и вся семья погибла. Сначала утонулъ въ рѣкѣ сынъ ихъ Миконзу, такая же участь постигла затѣмъ разскащицу и, наконецъ, самъ Ноферкефта уже добровольно обрекъ себя на смерть. Исповѣдь эта произвела совершенно не то дѣйствіе, какое ожидала Агури: выслушавъ ея разсказъ, принцъ еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи завладѣть столь диковинными писаніями Тота.

Тогда на сцену появляется Ноферкефта и всячески отговариваетъ Сатни отъ его намѣренія, но всѣ его увѣщанія оказываются бессильными и не могутъ сломить воли любознательнаго юноши. Чтобы порѣшить споръ Неферкефта предлагаетъ принцу сыграть съ нимъ въ шашки и три раза сряду выигрываетъ партію. Состязаніе не прекратилось на этомъ, ибо Сатни приказалъ принести себѣ магическія заклинанія бога Фта и съ помощью ихъ наносить окончательное пораженіе своему противнику ¹⁾.

¹⁾ Масперо видитъ здѣсь указаніе на преимущество магической силы Фта передъ Тотомъ, но, какъ показалъ г. Тураевъ, утвержденіе это бездоказательно: желавшій завладѣть книгою Тота не могъ обращаться къ его помощи и долженъ былъ прибѣгнуть къ силѣ другого бога, который былъ къ тому же мѣстнымъ богомъ—хозяиномъ кладбища (объ отношеніяхъ Фта и Тота см. выше).

Послѣ такого успѣха уже ничто не мѣшало сыну фараона наложить руки на божественную книгу; когда онъ покинулъ гробницу „свѣтъ шелъ передъ нимъ, а мракъ разстился позади него“; слышались вопли Агури, которую Ноферкефта утѣшалъ тѣмъ, что скоро Сатни-Камоисъ долженъ будетъ раскаяться въ совершенномъ имъ святотатственномъ проступкѣ.

Конецъ сказки самый необычайный, а развязка ея въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена, никоимъ образомъ не вяжется съ тѣмъ, о чемъ можно предполагать, судя по ея началу.

Не останавливаясь надъ этой кучей несообразностей, скажемъ кратко, что спустя нѣсколько времени по полученіи драгоценнаго талисмана, Сатни, прогуливаясь однажды около храма Фта (въ Мемфисѣ), увидѣлъ женщину необыкновенной красоты, которая совершала утреннюю прогулку въ сопровожденіи двѣнадцати молодыхъ дѣвушекъ и пятидесяти двухъ прислужниковъ. Будучи знатокомъ женской красоты или, выражаясь по русски, большимъ бабникомъ, сластолюбивый принцъ сразу влюбился въ красавицу-незнакомку и поручилъ одному изъ своихъ многочисленныхъ слугъ прослѣдить ее, узнать имя, общественное положеніе, однимъ словомъ исполнить все то, что въ подобныхъ случаяхъ дѣлается вездѣ и всегда.

Доморощенный Лепорелло съ ловкостью, которой позавидывали бы Меттернихъ или Бисмаркъ, удачно справился съ возложеннымъ на него порученіемъ и по возвращеніи доложилъ своему господину, что красивая женщина, приглянувшаяся принцу,—жена жреца изъ Бубаста, что зовутъ ее Тубуи и что въ Мемфисѣ она только проѣздомъ.

Съ тѣхъ поръ Сатни и спалъ, и видѣлъ, какъ бы ему овладѣть этой женщиной, очевидно, упуская изъ виду, что стараясь проглотить такой кусокъ, можно, пожалуй, имъ и подавиться, какъ то въ дѣйствительности и случилось.

Тубуи не осталась равнодушной къ ухаживанію принца, но по пріѣздѣ его въ Бубастъ, куда онъ послѣдовалъ за нею, объявила, что она согласна ему принадлежать только въ томъ случаѣ, если онъ отдастъ ей всѣ свои помѣстья, сокровища, деньги и вообще все имѣющееся у него имущество.

Легкомысленный и праздный барченокъ, у котораго, какъ видно, воля шла впереди ума, а желанія впереди воли, былъ согласенъ на все и тотчасъ же послалъ за писаремъ, совершившимъ формальный актъ, въ силу котораго имущество принца передавалось женѣ Бубастскаго жреца.

Но послѣдняя не удовольствовалась подобной дарственной записью и потребовала подписи на этомъ актѣ дѣтей Сатни въ томъ, что они не имѣютъ претензіи и не будутъ оспаривать законность совершившейся сдѣлки. И это было исполнено, но тутъ Тубуи заявляетъ новую просьбу, чтобы принцъ для ея успокоенія пожертвовалъ дѣтьми. „Пусть падетъ на меня преступленіе, мысль о которомъ зародилась въ моемъ сердцѣ!“ воскликнулъ безумно влюбленный юноша,—и несчастные были умерщвлены на его глазахъ.

Казалось бы, что теперь сынъ фараона имѣлъ полное право на обладаніе той женщиной, ради которой онъ [принесъ такіа ужасныя жертвы и Тубуи не должна была бы ему сопротивляться, но въ ту минуту, какъ онъ уже простиралъ къ ней руки, готовясь овладѣть ею, она раскрыла свой ротъ такъ ужасно широко, что изъ него хлынула страшная буря (?).“

Такой необычайной развязкой оканчивается не доведенный до конца романъ, въ которомъ карточный домикъ влюбленнаго принца разсыпался самъ собою. Но это была лишь волшебная галлюцинація, которой подвергнулъ Сатни Ноферкефта: и Тубуи, и передача имущества, и смерть дѣтей—все это было плодомъ волшебства,—въ дѣйствительности Сатни-Камоисъ отдѣлался однимъ страшнымъ кошмаромъ и на яву ничего особеннаго не происходило.

Вразумленный совершившимся чудомъ, чтобы загладить кощунственный проступокъ Сатни, по приказанію отца своего, фараона, съ палкой и вилами въ рукахъ и съ горящей жаровней на головѣ, относитъ чудодѣйственную книгу обратно въ Мемфисъ, на гробницу Ноферкефты, откуда она была взята, несмотря на протесты тѣхъ людей, которые изъ-за нее погибли.

Изъ приведенной сказки видно, что волшебство, заклинанія и магическія чары, какъ это неоднократно указывалось выше, играли громадную роль не только въ религіи, культѣ и обыденной жизни, но и вообще во всѣхъ произведеніяхъ древне-египетскаго народнаго творчества.

9. *Обреченный принцъ*. Одна изъ лучшихъ египетскихъ сказокъ, подъ названіемъ „Обреченный принцъ“ служитъ примѣромъ того, что разъ предсказанная судьба не минуетъ человѣка, несмотря на всѣ тѣ предосторожности, которыя онъ принимаетъ, чтобы помѣшать исполненію пророчества. Вотъ краткое содержаніе этой сказки.

Какой то фараонъ долго не имѣлъ дѣтей; наконецъ, къ великой его радости, у него родился сынъ, которому было предсказано, что

ему суждено погибнуть или отъ крокодила, или отъ змѣи, или отъ собаки. Естественно, что чадолюбивые родители приняли всѣ мѣры, чтобы отвратить угрожающую ихъ сыну опасность: на высокой горѣ принцу былъ построенъ прекрасный дворець, гдѣ его всячески развлекали, но не позволяли выходить оттуда. Однажды, прогуливаясь по террасѣ своего дворца, онъ увидѣлъ неизвѣстное ему животное и на распросы о немъ получилъ отъ окружающихъ отвѣтъ, что это собака. Тогда онъ сталъ просить позволенія имѣть при себѣ понравившееся ему животное и по странной непослѣдовательности просьба его была уважена.

Вслѣдъ за симъ у принца возникло новое желаніе. „Не стыдно ли—воскликнулъ онъ съ горечью—прожить весь свой вѣкъ въ праздности? Если я долженъ страшиться трехъ предсказаній, то неужели мнѣ нельзя отправиться на охоту?“ Пришлось исполнить и это желаніе, не менѣе роковое. Очутился онъ со своей собакой въ Нахаранѣ (сѣверная часть Сиріи, между рѣками Ефратомъ и Оронтомъ), князь которой занять былъ тогда весьма важнымъ, съ его точки зрѣнія, дѣломъ: онъ только что выстроилъ дворець съ семидесятью окнами, отстоявшими въ разстояніи семидесяти локтей отъ земли, и объявилъ, что отдастъ свою дочь въ замужество тому изъ иностранныхъ владѣльцевъ и князей, который безъ лѣстницы и вообще безъ всякой посторонней помощи проникнетъ къ ней черезъ окно.

Нашлось не мало охотниковъ заслужить такимъ образомъ руку княжны и владѣтельные гимнастеры ежедневно упражнялись въ соотвѣтственныхъ прыжкахъ и скачкахъ, подобно современнымъ канатнымъ плясунамъ. Египетскій принць, скрывавшій отъ всѣхъ свое происхожденіе, увидалъ гимнастическія занятія этихъ людей и поинтересовался узнать, что это означаетъ.

„Стараясь добраться до окна, чтобы получить обѣщанную награду“, объяснилъ пришедшему одинъ изъ претендентовъ на руку нахаранской княжны.

„Если вы ничего не имѣете противъ — сказалъ принць, у котораго, очевидно, начинался уже брачный зудъ,—то я заколдую боговъ и приму участіе въ вашихъ занятіяхъ“. И съ перваго же раза онъ достигнулъ окна, около котораго стояла принцесса, разцѣловавшая царственного удальца.

Отець ея не хотѣлъ, однако и слышать объ исполненіи своего обѣщанія. „Никогда, воскликнулъ онъ, не отдамъ я свою дочь какому то египетскому бѣглецу: пускай онъ вернется туда, откуда пришелъ“.

Узнавъ о рѣшеніи отца, принцесса поклялась, что не будетъ ни ѣсть, ни пить, если не сдѣлается женою своего избранника. Тогда отецъ ея приказалъ его убить. „Если его умертвятъ — воскликнула энергичная дѣвушка — то клянусь богами, что еще до захода солнца я лишу себя жизни!“ Волей-неволей князь Нахараны принужденъ былъ согласиться на ихъ бракъ.

Спустя нѣсколько времени принцъ повѣрилъ женѣ свою тайну, т. е., что согласно предсказанію ему суждено погибнуть отъ крокодила, змѣи или собаки. Нечего и говорить, что испуганная молодая женщина всячески настаивала на томъ, чтобы тотчасъ же умертвить собаку, на что принцъ никакъ не могъ согласиться.

Вскорѣ онъ отправился со своей собакой въ египетскія земли. Здѣсь ожидала его новая бѣда: изъ рѣки вышелъ крокодилъ и проникнулъ въ тотъ городъ, гдѣ находился принцъ. Последняго тотчасъ же отдали подъ охрану великана, который никогда не выпускалъ его, а самъ выходилъ гулять, когда крокодилъ засыпалъ. Такъ продолжалось цѣлый мѣсяць. Однажды онъ легъ отдохнуть, и въ это время змѣя, выползшая изъ щели, направилась прямо къ нему, но жена его и служанки, успѣли ее убить.

Въ другой разъ, прогуливаясь по полямъ, принцъ подошелъ къ рѣкѣ и снова очутился лицомъ къ лицу съ крокодиломъ, но и на этотъ разъ избѣжалъ гибели, благодаря своевременно подоспѣвшему великану. Крокодилъ сказалъ принцу: „Береги себя сколько хочешь, а все-таки ты встрѣтишься со мной; если ты узнаешь, что чары мои восторжествовали и великанъ умеръ, то немедленно наступить и твой смертный часъ!“...

Къ сожалѣнію, конецъ сказки не сохранился и можно останавливаться на различныхъ предположеніяхъ относительно дальнѣйшей судьбы принца.

Масперо полагаетъ, что послѣдній побѣдилъ крокодила, но въ борьбѣ съ нимъ любимая его собака нечаянно нанесла ему смертельную рану, вслѣдствіе чего и исполнилось одно изъ предсказаній.

10. *Таинственный островъ*. Нашему соотечественнику, почтенному египтологу В. С. Голенищеву ¹⁾ наука обязана открытіемъ весьма любопытной сказки, относящейся къ эпохѣ XII-й династіи. Мы озаглавимъ ее: „Таинственный островъ“ въ pendant къ извѣстному роману Жюль Верна, хотя, разумѣется, измышленное нами заглавіе

¹⁾ См. его «Sur un ancien conte égyptien». Leipz. 1881.

не может претендовать на безусловное научное признаніе. Въ общихъ чертахъ сущность этой сказки сводится къ слѣдующему.

Одинъ морякъ былъ посланъ фараономъ къ шахтамъ Верхняго Египта. „Я отправился—начинаетъ рассказъ свой морякъ—на баркѣ, имѣвшей полтораста локтей въ длину и сорокъ въ ширину; на ней находились 150 лучшихъ во всемъ Египтѣ матросовъ, которые знали и небо, и землю, и сердце коихъ было умнѣе, чѣмъ у льва. Говорили они, что вѣтеръ будетъ благопріятный и даже совсѣмъ уляжется“. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія видно, что экипажъ благополучно переплылъ водопады, проѣхалъ страну Уауа (негровъ) и до тѣхъ поръ поднимался по Нилу, пока не выплылъ въ море. Тамъ разразилась страшная буря, потопила корабль и всѣ погубил, кромѣ самого рассказчика, которому удалось прицѣпиться къ какой то доскѣ. „Волна, продолжаетъ онъ, выбросила меня на островъ послѣ того какъ цѣлыхъ три дня оставался я въ морѣ совершенно одинокій, только со своимъ сердцемъ. Прилегъ я тамъ въ кустарникѣ и потемнѣло у меня въ глазахъ, потомъ я поднялся и пустился на поиски, чтобы утолить чѣмъ нибудь голодь; мнѣ удалось найти фйги, виноградъ, всякаго рода превосходные овощи, дыни, а также рыбъ и птицъ; насытившись, вырылъ я яму, развелъ огонь и принесъ жертву богамъ.

Вдругъ раздался трескъ, подобный небесному грому, деревья колебались, содрогнулась земля; открылъ я глаза и увидѣлъ, что приближается ко мнѣ змѣя, ростомъ въ тридцать локтей и съ бородой болѣе чѣмъ въ два локтя; кожа ея, покрытая золотомъ, имѣла цвѣтъ настоящей ляписъ-лазури. Извиваясь подвигалась она впередъ, я паль передъ ней ниць, а она, открывъ ротъ, произнесла: „Какъ очутился ты здѣсь, малютка, кто привелъ тебя сюда?.. Только не лги, а то я знаю всю божественную мудрость“...

Злополучный морякъ рассказалъ ей, какимъ образомъ очутился онъ на островѣ и змѣя удовлетворилась его рассказомъ. „Не бойся--отвѣчала она—пусть не омрачается печалью твое лицо, ибо если ты достигнулъ этого острова, то, значить, самъ богъ восхотѣлъ сохранить тебѣ жизнь; цѣлыхъ четыре мѣсяца останешься ты здѣсь, затѣмъ приѣдетъ изъ твоей земли судно съ матросами, они возьмутъ тебя съ собой и ты вернешься умереть на своей родинѣ. Расскажу тебѣ теперь, что здѣсь происходитъ: я живу окруженная моими братьями и дѣтьми, всѣхъ насъ семьдесятъ пять змѣй и, кромѣ того, еще двѣ вушка... (дальнѣйшія слова текста не поддаются пониманію). Если ты обладаешь мужествомъ и терпѣніемъ, то снова прижмешь къ сердцу своихъ дѣтей, обнимешь свою жену, увидишь свой домъ“.

Тогда преклонился я передъ змѣей, коснувшись руками земли, и произнесъ:

„Я повѣдаю о тебѣ фараону, расскажу ему какого ты громаднаго роста и постараюсь, чтобы присланы были тебѣ всякія благовонныя произведенія, которыя употребляются у насъ въ храмахъ при почитаніи боговъ, не скрою и того, что пришлось мнѣ испытать здѣсь, и всѣми жителями моей страны воздана будетъ тебѣ благодарность; я зарѣжу ословъ (!), оциплю птицъ для жертвоприношеній въ твою честь и направлю къ берегамъ твоего острова суда со всѣми богатствами Египта, какъ подобаетъ это для бога, покровителя людей въ такой отдаленной странѣ, которая совершенно неизвѣстна имъ“. Змѣя засмѣялась, услышавъ эти слова, и сказала: „ты не богатъ ароматами, ибо всѣ перечисленные тобою не что иное, какъ ладонь; подъ моею же властью находится земля Пунтъ, изобилующая всякими благовонными произведеніями, развѣ вотъ масло Гекенъ рѣдко встрѣчается на нашемъ островѣ, но знай, что какъ скоро ты покинешь его, онъ будетъ поглощенъ водою“.

Черезъ четыре мѣсяца прибылъ египетскій корабль. „Счастливаго пути, малютка, — сказала своему гостю змѣя — пусть имя твое сохранится честнымъ въ твоемъ городѣ, вотъ чего я тебѣ желаю“. На прощаніе она подарила моряку богатый грузъ драгоценныхъ ароматовъ. И лишь только судно надуло паруса, какъ таинственный островъ погрузился въ волны моря. Морякъ съ торжествомъ вернулся въ Египетъ, гдѣ, разумѣется, встрѣтилъ блестящій приемъ. „Мнѣ было сказано: ты достигнешь почестей, и дѣйствительно я достигъ ихъ“ оканчиваетъ онъ такимъ образомъ свой рассказъ.

Мы не будемъ отыскивать въ этой сказкѣ иносказательный смыслъ, какъ это дѣлаетъ Масперо, предполагающій соприкосновеніе вышеизложенной повѣсти съ египетскими повѣртіями о загробной жизни; для насъ важно отмѣтить простой и безыскусственный рассказъ, дышущій первобытной наивностью и представляющій одинъ изъ лучшихъ памятниковъ древне-египетской изящной литературы; въ настоящее время этотъ любопытный памятникъ древне-египетскаго творчества находится въ С.-Петербургѣ.

Мы привели лишь содержаніе главнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, такъ какъ дошедшихъ до насъ египетскихъ романовъ довольно много и притомъ самаго разнообразнаго содержанія, главнымъ образомъ, религіознаго.

Тѣмъ не менѣе такъ называемое легкое чтеніе, иначе говоря, сказки процвѣтали въ странѣ фараоновъ, но извѣстны онѣ стали

только въ позднѣйшее время и греческіе писатели равно ничего объ нихъ не знаютъ, хотя, какъ не безъ основанія замѣчаетъ Масперо, сказки, встрѣчающіяся у Геродота, слѣдуетъ считать столь же египетскими, какъ и тѣ, которыя начертаны на сохранившихся папирусахъ; конечно, — продолжаетъ знаменитый египтологъ — было бы несравненно лучше, если бы дошли онѣ до насъ на природномъ своемъ языкѣ, но греческая ихъ оболочка такъ прозрачна, что нисколько не измѣняетъ основныя ихъ черты ¹⁾.

6. Наука.

Занятія наукой были предоставлены главнымъ образомъ жрецамъ, служителямъ культа и наиболѣе способнымъ „ученымъ писарямъ“, которые одни и занимались ею, что, конечно, не могло не стѣснять ея развитія, такъ какъ ограниченіе предѣловъ образованія одною и притомъ ничтожной частью націи не доставило послѣдней всѣхъ тѣхъ выгодъ, на которыя она имѣла полное право рассчитывать; благодаря указанному обстоятельству степень, до которой успѣли развиваться науки на берегахъ Нила ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа высокой, не идя далѣе первыхъ началъ и простѣйшаго практическаго примѣненія. Количество сохранившихся до нашего времени научныхъ сочиненій поразительно мало и, какъ было уже замѣчено, содержаніе ихъ не таково, чтобы увѣрывать въ рассказы грековъ о высокомъ уровнѣ древне-египетской науки.

Правда, самые памятники, дошедшіе до насъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что лишь немногіе народы древности обладали такимъ же богатствомъ практическихъ свѣдѣній, какъ подданные фараоновъ, но, соглашаясь съ подобнымъ мнѣніемъ, нельзя въ то же время не признать, что у египтянъ мы находимъ лишь ничтожныя зачатки того, что можетъ назваться наукой, т. е. переработки знаній съ помощью широко обобщающихъ точекъ зрѣнія. Это не была наука въ собственномъ смыслѣ, а лишь начала точныхъ знаній въ наукѣ и искусствѣ, которыя за тридцать пять столѣтій до нашего времени, обнимали извѣстный тогда міръ и вліяли на развитіе образованности и на возвышеніе художественнаго вкуса.

¹⁾ Maspero. «Contes populaires de l'ancienne Egypte», Paris 1881.

Достигнувъ извѣстной степени развитія, наука въ Египтѣ остановилась неподвижно, такъ сказать, замеревъ на одной точкѣ; причины подобнаго застоя въ умственной жизни заключались не столько въ подчиненіи науки религіознымъ системамъ, сколько въ крайней бѣдности положительныхъ данныхъ и опытовъ. Съ другой стороны обитатели фараоновскаго Египта никакъ не могли себѣ усвоить столь понятную теперь истину, что просвѣщеніе не роскошь, не излишество, а величайшая сила, къ которой рано или поздно приложится все остальное.

Народъ фараоновъ, какъ сказано выше, смотрѣлъ на просвѣщеніе слишкомъ утилитарно.

Славой истинной учености Египетъ обязанъ грекамъ, которые разложили знанія, заимствованныя у египтянъ и другихъ иноземцевъ, на основаніи принциповъ, давно уже ставшихъ для нихъ очевидными, благодаря ученію ихъ собственныхъ философовъ.

Цивилизованная монархія береговъ Нила всегда казалась таинственной страной для грековъ, считавшимъ страну фараоновъ тѣмъ то въ родѣ очага всемірной цивилизаціи и которымъ, по мѣткому выраженію Бунзена, Египетъ представлялся сфинксомъ съ разумнымъ человѣческимъ лицомъ.

1. Астрономія. Хотя космографическія понятія египтянъ въ значительной степени носятъ еще характеръ первобытной наивности, тѣмъ не менѣе въ дѣлѣ находенія и познанія звѣзднаго неба они подвинулись всего далѣе, что, впрочемъ, было естественно, такъ какъ правильный возвратъ наводненій Нила долженъ былъ давно уже натолкнуть подданныхъ фараоновъ на правильное же наблюденіе небесныхъ свѣтилъ.

Въ эпоху, сравнительно, раннюю жрецы замѣтили, что разливъ священной рѣки совпадаетъ съ гелиакическимъ восхожденіемъ Сиріуса (егип. Сопти, передѣланное греками въ Sothis), звѣзды изъ созвѣздія Большого Пса и, принимая совпаденіе восхожденія „Звѣзды Изиды“ съ поднятіемъ нильскихъ водъ за причину, стали приписывать наводненіе дѣйствию небесныхъ тѣлъ. Въ виду этого всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чтобы названная самая блестящая звѣзда неба заняла требуемое положеніе, отъ котораго, по убѣжденію египтянъ, зависѣлъ разливъ ихъ священной рѣки.

Вскорѣ, вслѣдствіе внимательнаго наблюденія звѣзднаго неба, было замѣчено, что появленіе Сиріуса повторяется черезъ правильные

промежутки времени, приблизительно черезъ каждые триста шестьдесятъ дней.

Это было первое опредѣленіе продолжительности года въ странѣ, хронологическая система которой покоилась такимъ образомъ на періодическихъ движеніяхъ звѣзды Изиды — Сиріуса. Основаніе египетскаго календаря относится къ 28-му вѣку до Р. Х.; первый извѣстный намъ историческій годъ древнихъ египтянъ состоялъ изъ двѣнадцати мѣсяцевъ, сообразно числу ихъ созвѣздій, которыя мы теперь называемъ знаками Зодіака, образующими на небѣ поясъ, шириною въ 17°.

Эти двѣнадцать мѣсяцевъ, состоявшіе изъ тридцати дней каждый, раздѣлялись на три эпохи или времени года, причемъ каждая эпоха заключала въ себѣ по четыре мѣсяца: „время начала“—Ша, совпадавшее съ періодомъ разливовъ Нила; „время посѣва“—Про, соотвѣтствовавшее зимѣ и „время жатвы“—Шему, соотвѣтствовавшее лѣту. Начало первой эпохи (29 августа, стар. стил.) считалось и началомъ года.

Названіе мѣсяцевъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ:

Ша (время начала).	Про (время посѣва).	Шему (время жатвы).
1. тотъ.	5. тоби.	9. памомъ.
2. паофи.	6. меширъ.	10. паини.
3. атиръ.	7. феменотъ.	11. епифи.
4. шоякъ.	8. фармути.	12. мезори.

Каждый мѣсяць состоялъ изъ трехъ декадъ (какъ и во французскомъ революціонномъ календарѣ), по десяти дней каждая; ночь и день раздѣлялись на двѣнадцать часовъ, такъ что полдень соотвѣтствовалъ 6 часамъ дня, а полночь—6 часамъ ночи.

Какъ ни проста была подобная система, однако, недостатки ея не замедлили обнаружиться. Между тогдашнимъ египетскимъ годомъ и тропическимъ составилаь разниа въ $5\frac{1}{4}$ дней, почему времена года перестали согласоваться съ фазами луны, иначе говоря, вслѣдствіе ежедневнаго уклоненія отъ дѣйствительнаго года на указанную разницу, восходъ Сиріуса каждые четыре года подвигался на одинъ день позже, благодаря чему черезъ 1460 лѣтъ (365×4) возвращалось то же положеніе звѣзднаго неба, совпадавшее съ наводненіемъ, которое было въ день перваго (древнѣйшаго) наблюденія.

Новыя наблюденія надъ движеніемъ солнца побудили египетскихъ астрономовъ въ концѣ каждаго года прибавить пять дополнительныхъ дней, которые получили названіе сверхгодичныхъ (эпагоменныхъ). Но такъ какъ астрономическій годъ, въ дѣйствительности,

болѣе почти на четверть дня, то изъ этого излишка въ четыре года составлялся почти день, въ 120 лѣтъ—мѣсяць, а въ 1460 лѣтъ—цѣлый годъ.

Такимъ образомъ 1461-й годъ совпадалъ съ началомъ астрономическаго года, — и это совпаденіе новогодія по календарю и по настоящему положенію солнца относительно земли ознаменовывалось въ странѣ торжественными празднествами.

Періодъ въ 1460 лѣтъ названъ великимъ Сотійскимъ періодомъ и египетскій календаръ по этой системѣ имѣлъ сходство съ нашимъ, такъ какъ священный годъ исправлялъ ошибку гражданскаго года путемъ включенія каждые четыре года лишняго дня.

Но и Сотійскій періодъ былъ исправленъ впоследствии, такъ какъ египетскіе астрономы убѣдились, что не 6 часовъ составляютъ разность гражданскаго года со звѣзднымъ, а только 5 час. 48' 48"; отсюда понятно, что Сотійскій періодъ долженъ былъ расширяться на 45 лѣтъ, т. е. = 1505 годамъ (къ этому періоду относится извѣстный миѳъ о фениксѣ, возрождавшагося изъ пепла каждые пятьсотъ лѣтъ). Подъ именемъ Аписова періода (см. выше) разумѣется періодъ въ двадцать пять лѣтъ, въ который лунный годъ совпадалъ съ гражданскимъ ¹⁾).

Геродотъ, отмѣчая несовершенство эллинскаго календаря, сравнительно съ египетскимъ, замѣчаетъ: „Египтяне поступаютъ лучше, нежели эллины, ибо эллины по истеченіи двухъ лѣтъ для согласованія лѣтосчисленія съ временами года прибавляютъ остальной мѣсяць, а египтяне, считая 12 мѣсяцевъ по 30 дней, ежегодно прибавляютъ сверхъ этого числа по 5 дней и круговоротъ временъ года совершается у нихъ въ одно и то же время“ ²⁾).

Очевидно, египетская астрономія переживала подобные же фазисы своего развитія, какъ и европейская. Стоитъ только припомнить, что во время послѣдней реформы календаря (при Юліи Цезарѣ) было принято, что астрономическій годъ состоитъ изъ $365\frac{1}{4}$ дней; такимъ образомъ, каждые четыре года надо было вставлять одинъ лишній день сверхъ 365, т. е. дѣлать годъ високоснымъ.

На самомъ дѣлѣ, астрономическій годъ, по вычисленію Бэкона, почти одиннадцатую минуту меньше $365\frac{1}{4}$ дней, и изъ этихъ минутъ при юліанскомъ календарѣ приблизительно каждые 130 лѣтъ накапливается одинъ лишній день, который надо выкидывать, т. е. одинъ разъ въ 130 лѣтъ не должно быть високоснаго года.

¹⁾ Лелсіусъ. «Chronologie der Aegypten. Erster Theil, Einleitung und Kritik der Quellen».

²⁾ Геродотъ, II, 4.

Достойно замѣчанія, какъ доказательство связи, существовавшей между астрономіей и религіозными обрядами, что жрецы храма въ Пилакѣ (Филе) ставили каждое утро передъ могилой Озириса 360 бронзовыхъ жертвенныхъ чашъ, изъ которыхъ ежедневно одна наполнялась молокомъ и знаменовала собой данный день въ году. Отсюда ясно, что происхожденіе этого обряда относилось къ очень отдаленному времени, когда продолжительность года опредѣлялась въ 360 дней и не была приведена въ соотвѣтствіе съ тропическимъ годомъ.

На одной изъ многочисленныхъ гробницъ Бени-Хассана имѣется календарная надпись, содержащая въ себѣ росписаніе египетскихъ праздниковъ, таблицу которыхъ съ нѣкоторыми поправками, принадлежащими Бругшу, мы приводимъ здѣсь цѣликомъ, сохраняя расположеніе праздничныхъ дней въ томъ видѣ, въ какомъ воспроизводитъ ее авторъ „Исторіи фараоновъ“.

а) Годовые праздники.

1. Праздникъ новаго года (т. е. гражданскаго).
2. „ великаго года (лунный годъ + 5 дней).
3. „ малаго года (лунный годъ).

б) Мѣсячные праздники.

1. Праздникъ великаго горѣнія (въ меширѣ).
2. „ малаго горѣнія (праздновался въ началѣ феменота).

в) Праздничные дни.

1. Праздникъ 1, 2, 4, 5, 8, 15, 17, 29 и 30 каждаго мѣсяца.
2. Праздники пяти эпагоменныхъ (прибавочныхъ) къ году дней.

г) Особые праздники.

1. Праздникъ восхожденія Сотиса (Сиріуса).
2. „ Уакъ (17 и 18 мѣс. тота).
3. „ Тота (19 мѣс. тота).
4. „ Караблеплаванія.
5. „ Начала наводненія.
6. „ Корабля Тебетъ.
7. Великій радостный праздникъ.
8. Хорошій праздникъ на горѣ.
9. Праздникъ Аша.
10. „ Ша.

11. Праздникъ Шему.

12. „ Шетатъ¹⁾.

Для наблюденія за движеніями небесныхъ свѣтилъ въ Египтѣ существовало нѣчто вродѣ нашихъ обсерваторій. Діодоръ утверждаетъ, что фараонъ Озимандисъ (I династ.) на вершинѣ построенной имъ пирамиды соорудилъ обсерваторію и на ней золотой кругъ въ 365 футовъ, на которомъ были обозначены восхожденія и захожденія звѣздъ на каждый день года.

Переходя собственно къ астрономическимъ познаніямъ древнихъ египтянъ, слѣдуетъ замѣтить, что они весьма точно опредѣлили эклиптику, т. е. путь видимаго движенія солнца по небу и, какъ сказано выше, раздѣлили это движеніе на двѣнадцать равныхъ частей, соответствующихъ мѣсяцамъ года, при чемъ каждая часть связывалась съ извѣстнымъ созвѣздіемъ, а весь кругъ созвѣздій былъ названъ Зодіакомъ, т. е. кругомъ звѣрей, такъ какъ каждое изъ созвѣздій носило имя какого либо животнаго.

Не безынтересно замѣтить, что эти знаки Зодіака, принятые у насъ, вслѣдствіе предваренія равноденствій, теперь не совпадаютъ съ тѣми зодіакальными созвѣздіями, которыя носятъ одинаковыя съ ними названія.

Солнце, по понятіямъ египтянъ, пребываетъ въ вѣчномъ движеніи, подобно тому какъ и звѣзды, небо же состоитъ изъ жидкой массы, покоющейся на атмосферѣ и окружающей землю. Далѣе, намъ извѣстно, что египетскіе астрономы имѣли достаточныя свѣдѣнія о солнцестояніяхъ, когда склоненіе дневного свѣтила достигаетъ наибольшей величины ($23^{\circ} 27'$) и нѣкоторое время двигается по дугѣ эклиптики, почти параллельной экватору, вслѣдствіе чего его склоненіе и высота измѣняются очень мало.

Кромѣ того подданные фараоновъ были знакомы съ фактами, сопровождающими, какъ предвареніе равноденствій, такъ и съ тѣми перемѣнами, которыя вносятся указаннымъ явленіемъ въ положеніе звѣздъ, хотя самую прецессию суждено было открыть не имъ: имъ были извѣстны лишь послѣдствія годового перемѣщенія точки весенняго равноденствія съ востока на западъ. Точно также намъ извѣстно, что египетскіе астрономы, повидимому, весьма точно измѣрили дугу земного меридіана и сдѣлали выводъ изъ данныхъ измѣреній о сферической формѣ земли.

¹⁾ Вругшъ, цпт. соч. IX, 186—187; ср. надписи храма Аммона въ Медпнетъ-Абу, опубликованную Дюмхеномъ.

Издавна они знали, что городъ Сіена (Сунъ) лежитъ подъ тропикомъ, такъ какъ тамъ въ длиннѣйшіе дни года предметы въ полдень вовсе не бросали отъ себя тѣни; въ глубокой древности въ названномъ городѣ былъ выкопанъ колодець, который въ полдень солнцеворота былъ освѣщенъ до дна.

Aristid ¹⁾ говорить, что во время лѣтняго солнцеворота Сіена представляла необыкновенную картину природы; въ полдень тамъ не было ни малѣйшаго признака тѣни: храмы, обелиски, люди освѣщались полнымъ солнечнымъ сіяніемъ; солнечный дискъ отражался въ священномъ колодцѣ и покрывалъ собою всю поверхность воды до самыхъ краевъ.

Египтяне первые стали соединять звѣзды въ созвѣздія; они подраздѣляли небесный сводъ на 36 декановъ и регулярно отмѣчали положеніе звѣздъ въ звѣздныхъ таблицахъ.

Диогенъ Лаэртій, основываясь на историческихъ изслѣдованіяхъ Манеѳона, утверждаетъ, что астрономы страны фараоновъ наблюдали 373 солнечныхъ и 832 лунныхъ затмѣній и что отношеніе между названными двумя числами представляетъ какъ разъ то отношеніе, которое для дѣйствительнаго знакомства съ затмѣніями потребовало бы около тысячи двухсотъ или около тысячи трехсотъ лѣтъ.

Нечего и прибавлять, что здѣсь, какъ повсюду въ древнія времена и даже въ средніе вѣка, астрономія служила астрологическимъ бреднямъ, фантазіямъ и химерамъ. Достаточно было знать, подъ какимъ созвѣздіемъ родился человекъ, чтобы предсказать ему приключенія, которыя ждутъ его въ жизни, его судьбу и даже родъ смерти, которымъ онъ умретъ и т. д. и т. д.

Подводя итогъ астрономическимъ познаніямъ египтянъ, нельзя не придти къ заключенію, что названныя отрасли знаній лишь зародились на почвѣ нильской долины; оставаясь въ теченіе цѣлыхъ эпохъ въ одномъ и томъ же состояніи до тѣхъ поръ, пока съ ними не стали знакомиться греки, которые, обладая зародышами астрономическихъ знаній, расширили ихъ и сдѣлали наукой; у народа же фараоновъ, какъ это было уже указано, настоящей науки не было вовсе и всѣ ихъ свѣдѣнія по астрономіи, представляя не болѣе какъ сумму отрывочныхъ и случайныхъ знаній, почитаться за науку, конечно, не могутъ.

Наконецъ, какъ бы внимательно ни производилось наблюденіе за движеніями небесныхъ свѣтилъ,—все же невооруженнымъ глазомъ

¹⁾ I, 347.

трудно было подмѣтить точный моментъ cadaго небеснаго явленія: египтянамъ не доставало оптическихъ инструментовъ, съ помощью которыхъ опредѣляется положеніе свѣтилъ на небесномъ сводѣ и производятся наблюденія за ихъ движеніемъ, а безъ содѣйствія зрительныхъ трубъ, телескоповъ и т. п. астрономическихъ орудій наблюденія, производимыя помощью однихъ глазъ, крайне недостаточны, неполны и неточны.

Указаннаго обстоятельства нельзя упускать изъ виду при оцѣнкѣ тѣхъ успѣховъ, которые были достигнуты древними египетскими астрономами въ самой строгой и точной изъ современныхъ естественныхъ наукъ.

2. Математика. Математическія познанія подданныхъ фараоновъ были какъ разъ достаточны, чтобы разрѣшить большую часть задачъ, поставленныхъ практической жизнью. Насколько здѣсь можно вѣрить показаніямъ грековъ, повѣствовавшихъ объ обширныхъ математическихъ познаніяхъ жрецовъ, судить довольно трудно, но дошедшее до насъ руководство по математикѣ ставитъ и рѣшаетъ лишь задачи обыденной жизни.

Счисленіе производилось по десятиричной системѣ, но величина цифры не зависѣла, какъ у насъ, отъ занимаемаго мѣста. Въ іероглифахъ I—означаетъ единицу, II—два, III—вообще множество; та же особенность проявляется, какъ мы видѣли выше, и въ языкѣ древнихъ египтянъ, которые при спряженіяхъ различали три числа: единственное, двойственное и тройственное (оно же множественное), различавшихся перемѣной окончаній и прибавленіемъ изображенія цифры 2 или 3. Такимъ образомъ при дальнѣйшемъ развитіи счисленія „три“ становятся какъ бы основнымъ числомъ, чѣмъ то въ родѣ единицы высшаго разряда, подобно „десяти“ у насъ ¹⁾.

Единицей мѣры считался амаге (локоть)=2-мъ пать (футамъ)=6 тотъ (ладонямъ)=24 тебъ (пальцамъ); 1 пать=3 тотъ=12 тебъ; 1 тотъ=4 тебъ; длина амаге равнялась приблизительно 52,4 сантиметра.

Что касается до дробей, интересно замѣтить, что египтянамъ были извѣстны только дроби съ числителемъ 1 (единицей), причѣмъ дробь изображалась такъ же, какъ и цѣлое число, но надъ нею ставился знакъ изъ двухъ дугъ $\circ$, то есть ρ , что значитъ часть; т. о. всѣ дроби съ числителями не равными единицѣ представлялись въ видѣ суммы дробей съ числителями равными единицѣ, такъ, на примѣръ: дробь $\frac{5}{8}$ изображалась $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{8}$ дробь $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{8}$ $\frac{1}{16}$ и т. д.

¹⁾ Липпертъ. «Исторія культуры» 292.

Памятники свидѣтельствуютъ, что эпоха пирамидъ должна была сильно повліять на развитіе геометріи, если не теоретической, то по крайней мѣрѣ практической, служащей для измѣренія площадей и вычисленія объема твердыхъ тѣлъ. Дѣйствительно папирусъ, приобретенный недавно Британскимъ музеемъ, содержитъ съ дюжину теоремъ изъ трактата практической геометріи, которая, кстати сказать, заходила за предѣлы элементарныхъ задачъ плоской тригонометріи. Уже во времена первыхъ фараоновъ въ Египтѣ былъ въ ходу строгій кадастръ, т. е. расцѣнка земли по ея площади, плодородію и доходности, причемъ величина каждаго нома вычислялась въ геометрическихъ площадяхъ.

Но съ другой стороны положительно извѣстенъ фактъ, что когда ученый грекъ Талесъ измѣрилъ высоту пирамидъ по длинѣ ихъ тѣни, то фараону Амазису (XXVII-й династіи) это казалось изумительнымъ изобрѣтеніемъ генія ¹⁾.

Внѣ сомнѣнія, что архитекторы, воздвигавшіе пирамиды и другія колоссальныя сооруженія, должны были имѣть достаточныя понятія о первыхъ началахъ геометріи, но, къ сожалѣнію, отъ книгъ, куда они вписывали научныя доктрины, ничего не сохранилось; единственный дошедшій до насъ математическій трактатъ относится ко времени, спустя двѣ тысячи лѣтъ послѣ эпохи пирамидъ и даетъ намъ понятіе о состояніи науки въ сравнительно новѣйшее время ²⁾.

Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что періодическое разлитіе Нила, совпадавшее, какъ мы знаемъ, съ геліакическимъ восхожденіемъ Сириуса, способствовало развитію прикладной математики, выжившейся въ устройствѣ всякаго рода механико-гидравлическихъ сооружений, описаніе которыхъ отлагается до своего мѣста. Въ древне-египетскихъ элементарныхъ школахъ довольно основательно преподавались ариметика, геометрія и черченіе, которыя были необходимы будущимъ архитекторамъ и зодчимъ для сооруженія такихъ грандіозныхъ и величественныхъ построекъ, какъ храмы и пирамиды.

Въ Кахунской бібліотекѣ, изданной Griffith, мы находимъ, какъ и въ папирусѣ Rhind'a вычисленіе объемовъ и задачи на ариметическіе ряды. Но здѣсь есть нѣчто новое — *извлеченіе квадратнаго корня* и интересная задача на счетъ домашней птицы, гдѣ за единицу принята стоимость утки ³⁾.

¹⁾ Фр. Кольбъ. «Исторія человѣческой культуры», 96.

²⁾ Papyrus Rhind des Britisch Museum. Онъ былъ изданъ Эйзенлоромъ. «Ein mathematisches Handbuch der Alten Aegypten» 1877 г. и изученъ математикомъ Канторомъ.

³⁾ Тураевъ. «Кахунская бібліотека», 2.

Содержаніе одного свитка папируса, найденнаго недавно въ Египтѣ и хранящагося въ Британскомъ музеѣ, доказываетъ, что поданнымъ фараоновъ элементарная математика была извѣстна почти во всемъ ея теперешнемъ объемѣ ¹⁾).

Другой изъ найденныхъ папирусовъ принадлежитъ къ эпохѣ приблизительно за 1700 лѣтъ до начала нашей эры. Длинное наименованіе его гласитъ: „*Какъ достигъ познанія всѣхъ невѣдомыхъ вещей?*“ Онъ содержитъ прежде всего четыре ариѳметическія дѣйствія надъ цѣлыми и дробными числами, изъ которыхъ видно, что вычитаніе и дѣленіе не были самостоятельными, какъ теперь, но производились при помощи сложенія и умноженія.

Далѣе слѣдуютъ задачи, составленныя по той же методѣ, какая принята въ наше время; среди нихъ, на примѣръ, есть такія двѣ задачи: 1) 10 мѣръ ячменя раздѣлить между десятью человекѣми такъ, чтобы каждый получилъ на $\frac{1}{3}$ мѣры меньше, чѣмъ предыдущій.

¹⁾ Эйзенлоръ недавно разобралъ и перевелъ древнюю египетскую рукопись, хранящуюся въ Британскомъ музеѣ и представляющую собой ученый трактатъ, посвященный отвлеченнымъ математическимъ вопросамъ. Изъ него мы узнаемъ, что проблемой *квадратуры круга* интересовались уже въ глубокой древности.

Чтобы получить квадратъ, поверхность котораго равнялась поверхности даннаго круга, нужно, по мнѣнію автора трактата, раздѣлить діаметръ круга на девять частей и построить квадратъ, сторона котораго равнялась бы $\frac{8}{9}$ этого діаметра, что и составитъ искомый квадратъ. Для рѣшенія этой проблемы древніе египтяне должны были опредѣлить отношеніе окружности къ діаметру, т. е. π , по коимъ мы разумѣемъ теперь число, равняющееся 3,14159. Египтяне же вычислили его $\approx 3,160$ и, значитъ, опредѣляли π болѣе точно, нежели средневѣковые арабы, у которыхъ величина π опредѣлялась числомъ 3,163

Для нахождения площади треугольника египтяне брали равнобедренный треугольникъ и площадь получали, умножая основаніе на одну изъ равныхъ сторонъ и произведеніе дѣлили на два; разумѣется, здѣсь точность будетъ зависѣть отъ основанія: чѣмъ меньше основаніе, тѣмъ ошибка отъ истинной величины площади треугольника будетъ меньше.

Дѣйствительно, если возьмемъ равнобедренный треугольникъ, у котораго основаніе будетъ 4 линейныхъ единицы, а одна изъ равныхъ сторонъ равна двадцати такимъ единицамъ, то площадь его, по египетскому вычисленію, будетъ равна $\frac{20 \cdot 4}{2} = 40$ квадр. единицъ; вычисляя же площадь треугольника по обыкновенной формулѣ, т. е. по тремъ сторонамъ, найдемъ площадь съ приближеніемъ въ сотыхъ доляхъ равной 39,96....; такимъ образомъ площадь истинная отличается отъ площади найденной египтянами, меньше чѣмъ на 0,04.

Площадь равнобедренной трапеціи находится, складывая нижнее и верхнее основаніе и умножая полученную сумму на половину ребра.

Египтянамъ было также извѣстно свойство прямоугольнаго треугольника и умѣніе составлять такой треугольникъ, стороны котораго равнялись 3, 4 и 5. (Д. Адамантовъ «Краткая исторія развитія математическихъ наукъ» 1904, стр. 19—20).

2) Семь человекъ имѣютъ по семи кошекъ, изъ которыхъ каждая съѣла семь мышей, а каждая мышь съѣла семь зеренъ ячменя изъ каждаго зерна выросло бы семь мѣръ ячменя. Сколько ячменя пропало такимъ образомъ?

Далѣе названный папирусъ содержитъ вычисленія плоскостей, опытъ опредѣленія квадратуры круга и, наконецъ, вычисленія объема пирамидъ.

Тамъ же попадаются разнаго рода нравоучительныя поученія и изреченія въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: „Уши ученика на спинѣ; ты долженъ его сѣчь, чтобы онъ слушалъ“ и т. д.; однимъ словомъ лишній разъ свидѣтельствуется о примѣненіи палки во всевозможныхъ случаяхъ. Надо полагать, что изученіе математики также сопровождалось побоями, какъ это, напримѣръ, видно изъ письма одного писаря, по имени Энна, къ своему бывшему наставнику:

„Съ самыхъ юныхъ лѣтъ я учился у тебя: ты билъ меня палкой по спинѣ и твои наставленія вошли въ мои уши“ и проч.

Само собой разумѣется, что назначеніе учителей по названной отрасли науки заключалось не въ томъ, чтобы двигать науку, а почти исключительно въ томъ, чтобы двинуть впередъ образованіе. Начало чистой математики, какъ науки, было заложено Эвклидомъ; здѣсь, какъ и въ астрономіи, египтяне не ушли далѣе первыхъ началъ и простѣйшихъ задачъ, которыя ставились самой жизнью: измѣреніе площадей (землемѣріе), возведеніе построекъ, храмовъ, пирамидъ, крѣпостей и башенъ, устройство каналовъ, дамбъ, мостовъ, регистрація налоговъ, подсчеты разныхъ итоговъ,—вотъ тѣ практическія примѣненія математики, которыя были извѣстны этому народу, пропитанному узко утилитарнымъ духомъ. Математика же, какъ наука, была неизвѣстна на берегахъ священнаго Нила.

3. Медицина. Свѣдѣнія объ египетской медицинѣ мы можемъ почерпнуть изъ двухъ дошедшихъ до нашего времени рукописей, восходящихъ къ XVIII-й и XIX-й династіямъ, одного медицинскаго трактата, относящагося къ древнѣйшему періоду египетской исторіи, именно къ эпохѣ пирамидъ, затѣмъ изъ *Papyrus médical de Berlin*, медицинскихъ текстовъ Кахунской бібліотеки и, наконецъ, изъ такъ называемаго папируса Эберса, содержаніе котораго приведено извѣстнымъ французскимъ химикомъ Бертелло, здравствующимъ и доселѣ, въ „*Journal des savants*“.

Этотъ любопытный памятникъ древне-египетской медицины, найденный Эберсомъ въ 1872 году и признанный имъ за тотъ трудъ „о

врачебныхъ средствахъ“, на который указывалъ еще Климентъ Александрійскій, заключаетъ въ себѣ 108 листовъ папируса и рисуетъ довольно ясную картину того состоянія, въ которомъ находилась медицина три тысячи лѣтъ тому назадъ.

Благодаря вѣмъ указаннымъ даннымъ о врачебномъ искусствѣ древнихъ египтянъ мы освѣдомлены гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ объ ихъ научной дѣятельности по другимъ отраслямъ человѣческаго знанія. Понятно, что съ древностью египетской медицины не можетъ сравниться никакая другая.

Въ теченіе многихъ вѣковъ лѣкаря, принадлежавшіе большею частью къ жрецескому сословію или, вѣрнѣе, къ низшему иррегулярному духовенству (пастофоры), старались изучить цѣлебную силу разныхъ травъ, тщательно записывали тѣ изъ нихъ, которыя оказывались наиболѣе дѣйствительными и нерѣдко относительно рецептовъ прибѣгали къ заимствованіямъ у сирійцевъ и финикіянъ. Бертелло указываетъ, что египетскіе врачи были извѣстны на всемъ древнемъ Востокѣ до распространенія греческой науки; объ нихъ упоминается еще въ Одиссеѣ, и объ нихъ повѣствуетъ Геродотъ 1).

Въ большинствѣ случаевъ занятія медициной передавалось по наслѣдству. Въ Гелиополисѣ существовалъ родъ медицинской школы для всей страны, откуда наиболѣе способные и даровитые врачи, окончивъ свое образованіе по разнымъ специальностямъ, отправлялись въ Фивы, гдѣ оставались въ качествѣ лейбъ-медиковъ при дворѣ или дѣлались наставниками медицины и приглашались для консультаціи въ трудныхъ случаяхъ.

Достоинно замѣчанія то обстоятельство, что древнѣйшая врачебная школа грековъ возникла въ Киренахъ, на сѣверномъ берегу Африки, на границѣ Египта, и Le Page Renouf, между прочимъ доказалъ, что въ одномъ сочиненіи, приписываемомъ Гиппократу, встрѣчается египетскій рецептъ почти въ буквальной передачѣ.

Если вѣрить классическимъ писателямъ, въ Александріи были знаменитѣйшіе врачи и тамошнія медицинскія школы, повидимому, представляли наилучшія условія для изученія врачебной науки; вслѣдствіе этого тутъ проживало всегда множество учащейся молодежи и для начинающаго врача служило самой дѣйствительной рекоменда-

1) По словамъ Плинія, египетскихъ врачей нарочно выписывали въ Римъ для излѣченія нѣкоторыхъ болѣзней, эндемическихъ въ ихъ отечествѣ (Plin. II. № XXVI, 3). Эти эскулапы умѣли составлять себѣ состоянія и пользоваться своимъ положеніемъ не хуже современныхъ медицинскихъ знаменитостей.

цей, если онъ окончилъ курсъ въ Александріи. Самъ Галенъ учился тамъ ¹⁾).

Врачи должны были строго держаться предписанныхъ методовъ лѣченія, каждое отступленіе дозволялось лишь на свой рискъ и страхъ и въ случаѣ смерти паціента ихъ обвиняли въ предумышленномъ убійствѣ и наказывали какъ убійць, между тѣмъ нисколько не вмѣнялось въ вину, если больной умеръ послѣ пользованія по всеѣмъ правиламъ искусства и предписаній ²⁾). Согласно послѣднимъ въ острыхъ горячечныхъ болѣзняхъ до четвертаго дня лѣченіе должно было быть выжидательное, точно также послѣ пятаго дня не позволялось употреблять сильнодѣйствующихъ средствъ. Это правило, очевидно, имѣло въ виду не нарушать несвоевременнымъ и неумѣстнымъ вмѣшательствомъ естественнаго теченія болѣзни и цѣлительной силы природы. Самое лѣченіе состояло въ употребленіи простыхъ, несильныхъ средствъ, преимущественно же въ строгой діетѣ ³⁾).

Переходимъ къ изложенію собственно медицинскихъ свѣдѣній подданныхъ фараоновъ на основаніи данныхъ, найденныхъ въ упомянутыхъ папирусахъ и нынѣ опубликованныхъ.

1. Анатомія. Теоретическая медицина не сдѣлала большихъ успѣховъ, несмотря на то, что искусство бальзамированія давало врачамъ полную возможность изучить устройство человѣческаго тѣла. Религіозный страхъ не позволялъ имъ во имя чистой науки анатомировать тѣла, которымъ суждено было воскреснуть; парасхиты (прозекторы), обязанные дѣлать извѣстные надрѣзы, были предметами всеобщаго омерзѣнія. Дѣйствительно, съ одной стороны вскрытіе трупа считалось большимъ нечестіемъ, а съ другой — оно находило свое оправданіе въ религіи, ибо, согласно преданію, Горъ собралъ разрозненныя части тѣла своего отца Озириса, умерщвленнаго Сетомъ, и съ помощью Изиды и Нефтиды, Тота и Анубиса подвергнулъ ихъ бальзамированію. Медицинскіе способности Изиды, кромѣ выставленныхъ ею въ вышеназванной полинявшей сказкѣ, по словамъ Діодора, явствуютъ изъ того, что эта богиня, нашедши своего сына Гора, убитаго титанами, возвратила его къ жизни и научила его медицинѣ и приготовленію лекарствъ, вслѣдствіе чего онъ оказалъ человѣчеству великія услуги ⁴⁾).

¹⁾ Sprengel. Gesch. d. Medic. II, 137.

²⁾ Діодоръ, I, 82.

³⁾ Ковнеръ, «Исторія медицины», 1878 г. I, стр. 14.

⁴⁾ Діодоръ, I, 25; 29—30.

Что египтяне теоретически считали вскрытіе труповъ за нечестіе — это въ силу указанныхъ причинъ совершенно понятно, какъ понятно и то, что бальзамированіе не способствовало распространенію у нихъ анатомическихъ познаній.

Но вотъ чего нельзя понять: когда въ концѣ XIII вѣка болонскій профессоръ Луиджи Мондини первый рѣшился анатомировать два женскихъ трупа ¹⁾, появилась знаменитая булла героя сцены въ Ананьи, папы Бонифація VIII, которая подвергала анафемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто осмѣлится „расчленивъ“ умершаго чело-вѣка! Однимъ словомъ, Ordnung und strenge Disciplin!

Ученіе о строеніи чело-вѣческаго тѣла, особенно о распредѣленіи въ послѣднемъ *metu* (сосуды и нервы) представляетъ единственную дѣйствительную попытку научнаго изложенія медицины, хотя доста-точно наивную съ нашей точки зрѣнія.

Согласно этой теоріи жизненныхъ силъ, египетскіе врачи объ-ясняли, что въ головѣ чело-вѣка находятся тридцать два сосуда (по другимъ свѣдѣніямъ двадцать четыре), которые несутъ и передаютъ „дуновенія жизни“ во внутрь и по всѣмъ частямъ тѣла. Согласно *Parvus médical de Berlin*, 4 „*metu*“ развѣтвляются въ ноздряхъ, 4 въ вискахъ, по 2 въ каждомъ ухѣ, по 2 въ каждой рукѣ и ногѣ, 2 въ яичкахъ, 4 въ сидѣннн и по 2 въ задней части головы, темени, за-тылкѣ и вѣкахъ.

По ученію врачей дуновенія эти проникали въ вены и артеріи и смѣшивались съ кровью, которая разносила ихъ по всему тѣлу; въ моментъ смерти они удаляются вмѣстѣ съ душой, кровь сгущается, вены и артеріи пустѣютъ и чело-вѣкъ оканчиваетъ свою земную жизнь²⁾.

Одинъ изъ такихъ „*metu*“ идетъ отъ мизинца къ сердцу, отсюда у египтянъ обычай, сохранившійся еще до нынѣ у евреевъ, погру-жать мизинецъ въ жертвенные напитки.—Египетскіе медики прини-мали, что до пятидесяти лѣтъ сердце чело-вѣка ежегодно увеличи-вается въ вѣсѣ на $\frac{1}{2}$ лота, затѣмъ ежегодно настолько же уменьшается въ вѣсѣ, вслѣдствіе чего наступаетъ смерть у стариковъ.

¹⁾ Вспомнимъ, что и Везаль, авторъ «Фабрики чело-вѣческаго тѣла» еще въ XVI вѣкѣ не смѣлъ открыто заниматься трупосвѣченіемъ, а дѣлалъ это тайкомъ, воруя необходи-мый матеріалъ.

²⁾ Палирусь Эберса, табл. XCIX, кн. I; *Parvus médical de Berlin*, табл. XV, кн. 3. На всей библейской медицинѣ лежитъ яркая печать египетскаго врачеванія. Вполнѣ по-нятно, что Моисей, этотъ великій впоследствии гигиенистъ и законодатель, закинутый судь-бою въ Египетъ, не могъ не познакомиться между прочими тайнами туземной мудрости и съ египетской медициной.

2. *Патологія и терапія.* „Der geist der Medizin ist leicht zu fassen“ (сущность медицины—понять мигъ) говоритъ у Гёте Мефистофель Фаусту. Вотъ этотъ-то „мигъ“, хотя довольно своеобразно, и старались понять египетскіе медики. Въ медицинскихъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы имѣемъ возможность составить себѣ понятіе по немногимъ дошедшимъ до нашего времени папирусамъ, встрѣчаются указанія на лѣченіе глазъ, подвергавшихся воспаленію, перемежающейся лихорадки, растяженія жилъ, нарывовъ, рожи и эпилепсіи.

Наиболѣе обширная практика принадлежала окулистамъ, такъ какъ воспаленіе глазъ (ophthalmie), быстро принимавшее гранулезную форму и вообще всѣ глазныя болѣзни, зависящія отъ физическихъ условій страны, съ особенной силой свирѣпствовали между обитателями фараоновскаго Египта. Причина этихъ глазныхъ болѣзней—тончайшая пыль, наносимая сухимъ, раскаленнымъ самумомъ, ядовитымъ вѣтромъ Сахары; она проникаетъ въ поры, ввергая въ сильное лихорадочное состояніе весь организмъ.

Далѣе, египетскіе врачи лѣчили головную и зубную боль, болѣзни пищеварительныхъ органовъ, глистную болѣзнь, расстройство *os ventriculi*, геморрой, парши и т. п. Изъ дѣтскихъ болѣзней главнымъ образомъ лѣчилось затрудненное мочеиспусканіе. Особенно много говорится о болѣзни *Uchet*, нѣчто въ родѣ рака желудка и конечностей, лѣченіе котораго состояло въ употребленіи извѣстныхъ напитковъ, клистировъ и соскабливаніи „*Uchet*“ на бедрахъ ножомъ.

Другая наружная болѣзнь на вискахъ называлась *Sti*. При гнилостныхъ болѣзняхъ назначались припарки. Рожистое воспаленіе („*Htau*“) лѣчилось втираніями женской мочи и ослинаго помета!.

Папирусъ, найденный авторомъ „*Арахнеи*“, представляетъ изъ себя цѣлую медицинскую энциклопедію (нѣчто подобное *Canon medicinae* Авиценны), въ которой не только изложены рецепты, но и описаны болѣзни внутреннія, женскія, глазныя, ушныя и проч.

Съ самаго начала объясняются способы приготовленія различныхъ врачебныхъ средствъ, и каждый листъ папируса пересыпанъ воззваніями къ Озирису, Изидѣ, Тоту и другимъ божествамъ, даже упоминается въ видѣ рекламы, что такое то лекарство употреблялось богиней Изидой, „когда у Ра болѣла голова“. Противъ глистовъ („*hott*“) рекомендуется сваренный и простывшій сокъ дерева *Chebcheb*. По словамъ Вѣнига, найденный въ древнихъ могилахъ *Stratiotes aloides* употреблялся египтянами при излѣченіи переломовъ костей ¹⁾.

¹⁾ Woenig. «Die Pflanzen in alten Aegypten». 23.

Нѣкоторымъ специальнымъ болѣзнямъ посвящены въ папирусь Эберса цѣлые научные трактаты. Хотя мы здѣсь имѣемъ дѣло съ цѣлой самостоятельной анатоміей и довольно таки своеобразной паталогической теоріей, однако, нельзя не признать, что первая глава прославленнаго медицинскаго папируса достаточно ясно раскрываетъ его магическій, а не научный характеръ, почему онъ и является въ сущности чѣмъ то въ родѣ медицинской панацеи.

Нѣкоторые способы лѣченія, прямо, непонятны. Напримѣръ, близорукаго человѣка лѣчили тѣмъ, что брали два глаза свиньи и полученнымъ жидкимъ веществомъ разводили извѣстное количество меда и коллирія, а потомъ полученную такимъ образомъ странную смѣсь клали не на глаза, а въ ухо! Душевные болѣзни, повидному, были распространены въ значительной степени.

По крайней мѣрѣ одинъ изъ современныхъ невропатологовъ, италіанецъ Ораполло, утверждаетъ, что въ древнемъ Египтѣ существовалъ особый родъ умопомѣшательства (*mania*) и что меланхолія особенно была распространена среди лицъ, занимавшихся вскрытіемъ и бальзамированіемъ труповъ, а Прунеръ, изслѣдуя муміи, нашелъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ такія аномаліи въ строеніи черепа, которыя могутъ служить несомнѣнными признаками помѣшательства.

Такъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ сказать что либо опредѣленное по этому поводу, въ виду молчанія источниковъ, въ настоящее время врядъ ли представляется возможнымъ.

3. *Диагностика.* При изслѣдованіи больного врачъ долженъ быть обращать вниманіе на теплоту тѣла, цвѣтъ кожи, свойства языка, испражнений и мочи, а также изъ распросовъ составить себѣ опредѣленное понятіе о теченіи болѣзни и объ общемъ состояніи больного. И дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ приведенъ діагнозъ, который могъ бы послужить лѣкарю для распознаванія рода болѣзни. Вотъ, напримѣръ, діагнозъ одного воспаленія.

„Тяжесть въ желудкѣ, боль въ шейкѣ сердца; воспаленіе и учащенное биеіе сердца. Одежды давятъ больного и не могутъ его согрѣть; по ночамъ жажда. Испорченный вкусъ, какъ у человѣка, поѣвшаго плодовъ сикоморы. Слабость во всемъ тѣлѣ, близкая къ обморочному состоянію. Животъ воспаленъ и, несмотря на позывъ, больной не можетъ очистить кишечникъ“¹⁾.

¹⁾ Papyrus médical de Berlin, табл. XIII, 3—6; Масперо, цит. соч. II, 75. Невольно вспоминаются симптомы, такъ часто встрѣчающейся теперь болѣзни—воспаленіе слѣпой кишки.

4. *Гигіена*. Хотя страна, гдѣ протекаетъ Ниль, обладала и обладаетъ весьма здоровымъ климатомъ, тѣмъ не менѣе древніе обитатели ея чрезвычайно внимательно относились къ своему здоровью, и въ этомъ отношеніи египетская профилактика стояла высоко.

Въ указанномъ отношеніи египтяне слѣдовали тому принципу, который рекомендовалъ С. П. Боткинъ: „не излѣчивать нужно болѣзни, а предупреждать ихъ“.

Каждый мѣсяць, въ продолженіе трехъ дней, они производили очищеніе съ помощью рвотнаго и клистировъ, считая, что всѣ болѣзни человѣкъ получаетъ черезъ пищу ¹⁾.

Равнымъ образомъ существовали опредѣленные часы для половых сношеній.

Вообще гигиена играла у египтянъ чрезвычайно важную роль. Религіозный законъ предписывалъ всѣмъ умѣренность и опрятность; съ этой цѣлью дѣлалось обрѣзаніе у дѣтей мужескаго пола, производились частыя омовенія, ванны, растиранія тѣла мазями, предписывалось воздержаніе отъ извѣстной пищи, напимѣръ, свинины, отчасти рыбъ и т. п.

Каждый египтянинъ обязанъ былъ носить чисто вымытое полотняное нижнее бѣлье, шерстяныхъ платьевъ не дозволялось брать ни въ храмъ, ни въ гробъ. Дѣти должны были ходить босикомъ. Наконецъ къ области гигиены слѣдуетъ отнести обязательное истребленіе насѣкомыхъ въ домахъ и платьѣ ²⁾.

Къ жрецамъ и вообще служителямъ культа, не исключая и низшаго иррегулярнаго духовенства, предъявлялись болѣе строгія требованія къ исполненію гигиеническихъ предписаній,—какъ объ этомъ уже говорилось въ своемъ мѣстѣ. Вообще соблюденіе важнѣйшей внѣшней добродѣтели—опрятности было господствующей чертой у древнихъ жителей фараоновскаго Египта, и черта эта, въ значительной степени, сохранилась и среди обитателей нынѣшняго мусульманскаго Египта—у феллаховъ и коптовъ.

5. *Хирургія*. Судя по дошедшимъ до насъ помяткамъ, отрасль медицины, лѣченіе болѣзней помощью разныхъ приѣмовъ и механическихъ средствъ—хирургія достигла въ странѣ фараоновъ, относительно, довольно высокаго развитія.

Египетскіе врачи умѣли перевязывать гноящіяся язвы „Ибенни“, пускать кровь, ставить кровососныя банки (для чего служили рога,

¹⁾ Геродотъ, II, 82.

²⁾ Ковнеръ, цит. соч. 18.

отпиленные у верхушек), производить обрѣзаніе и кастрацію и даже дѣлать ампутаціи, какъ доказываютъ изображенія, найденныя въ храмахъ Карнакскомъ и Луксорскомъ.

Кромѣ того въ гробницахъ Бени-Хасана найдена фигура врача, перевязывающаго голову раненаго, а также другого врача, подающаго лѣкарство больному, на груди котораго находится повязка ¹⁾.

Въ своихъ хирургическихъ операціяхъ, какъ и при вскрытіяхъ, лѣкаря употребляли кремневые ножи. Въ египетскомъ отдѣленіи Берлинскаго музея намъ пришлось видѣть ланцеты, пинцеты, ножи, бритвы, формой похожіе на нынѣшнія, но, конечно, страшно неуклюжіе, обращеніе съ которыми требовало значительнаго искусства.

На муміяхъ находили хорошо зажившіе переломы, для лѣченія которыхъ существовали особые рецепты. Въ приведенномъ выше медицинскомъ папирусѣ Эберса упоминается „объ открытіи зрѣнія въ зрачкахъ позади глазъ“, изъ чего можно заключить, что помутнѣніе хрусталика глаза, извѣстное подъ именемъ катаракты, лѣчилось египетскими врачами, хотя можно сомнѣваться въ успѣшности этого лѣченія и главнымъ образомъ потому, что египтяне не знали оптическихъ стеколъ, замѣняющихъ нынѣ вылушеніе хрусталика.

По словамъ Плинія ²⁾ сокъ растенія Corchorus (Anagallis), обладающая способностью расширять зрачки при „потемнѣніяхъ глаза“, втирался передъ его проколомъ.

Приносило ли это какую нибудь пользу или нѣтъ,—неизвѣстно, но вѣра въ подобное чудодѣйственное свойство растенія была общераспространена.

Оперативная хирургія практиковалась и надъ животными, хотя, разумѣется, въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, главнымъ образомъ, при ихъ кастраціи или кровопусканіи. Медицинскіе тексты Кахунской библіотеки содержатъ въ себѣ рецепты противъ болѣзни собакъ („трепетаніе червя“), чумы рогатаго скота и т. п.

На картинахъ гробницъ мы видимъ ветеринаровъ, внимательно осматривающихъ полость рта у быковъ, газелей, антилопъ, козъ.

Въ другомъ мѣстѣ связанному быку прижигаютъ пальникомъ сложное тавро, изображающее его принадлежность извѣстному хозяину.

По мнѣнію Кювье, демонстрируемая имъ кость ибиса вправлена послѣ вывиха знающими свое дѣло ветеринарами.

¹⁾ Haeser. «Lehrbuch der geschichte der Medicin». I, 57.

²⁾ Plin. Histor. Natur. XXI, 106.

Выдергиваніе зубовъ производилось въ значительныхъ размѣрахъ и египетскіе зубодеры достигли въ этомъ искусствѣ большого совершенства. Въ челюстяхъ многихъ мумій найдены искусственные зубы, а въ одной изъ нихъ, по опубликованному въ 1879 году сообщенію Финнея, найденъ даже запломбированный зубъ,—открытие, по нашему мнѣнію, прямо, невѣроятное.

6. *Гинекологія.* Гинекологическія данныя очень скудныя и притомъ наполнены всякими невозможными бреднями касательно опредѣленія пола потомства и удостовѣреній въ безплодіи.

Извѣстно, что египтянки рожали гораздо труднѣе, чѣмъ еврейки. Повивальныя бабки существовали въ странѣ фараоновъ еще до Моисея и весьма вѣроятно, что египетскіе лѣкаря-акушеры дѣлали кесарское сѣченіе, т. е. хирургическую операцію, помощью которой производится искусственное отверстіе въ животъ и маткѣ роженицы, для извлеченія ребенка.

Выкидышъ, весьма частый въ жаркомъ египетскомъ климатѣ, обнаруживающійся кровотеченіями, болями въ маткѣ и въ мочевомъ пузырьѣ, предотвращался холодными обмываніями, ваннами и примочками, послѣ чего беременной предписывался абсолютный покой и самая строгая діета.

Примѣты беременности были самыя оригинальныя и, съ нашей точки зрѣнія, крайне наивныя. Если, напримѣръ, отъ напитка, приготовленнаго изъ травы Boudodou-ка и молока родившей мальчика, испытываемую женщину рветъ, то она беременна, если же происходитъ только отрыжка, то это—„фальшивая тревога“.

Столь модная нынѣ теорія доктора Шенка о произвольномъ зарожденіи пола въ потомствѣ имѣла своимъ прототипомъ, хотя, конечно, до крайности своеобразнымъ и непохожимъ, нѣкоторыя гинекологическія примѣты, вѣра въ которыхъ была распространена въ фараоновскомъ Египтѣ. Именно, въ мочу женщины, беременность которой желали опредѣлить, клали пшеницу и ячмень въ двухъ отдѣльныхъ мѣшечкахъ, и если зерна начинали пускать ростки, то это означало, что испытываемая женщина родить: если проростала пшеница,—то мальчика, если же ячмень,—то дѣвочку ¹⁾.

Общими признаками беременности считались недомоганіе, боли въ поясницѣ, жажда, тошнота и потемнѣніе сосковъ.

Излишне прибавлять, что беременной женщиной (конечно высшихъ классовъ) предписывался покойный образъ жизни, опрятность

¹⁾ Haeser *ibid.* 54.

легкая пища, а равно запрещалось плотское сношеніе съ мужчиной, къ чему, впрочемъ, у ней врядъ ли являлась и склонность.

Надъ развитіемъ зародыша наблюденій, кажется, не производилось.

7. *Фармакологія*. Всѣ лѣкарства, составлявшіяся изъ различныхъ веществъ всѣхъ царствъ природы, раздѣлялись на четыре сорта: мази, питье, припарки и клистиры; лѣкарства принимали большею частью въ чистой водѣ, но нерѣдко также смѣшивали ихъ съ разными жидкостями: съ коровимъ или овечьимъ молокомъ, ячменнымъ пивомъ, съ человѣческой или животной мочей, при чемъ вся эта дрянь, подслащенная медомъ, принималась въ видѣ горячаго питья утромъ и вечеромъ.

Сырое мясо, сердце, печень, желчь, свѣжая и высушенная кровь нѣкоторыхъ животныхъ, оленья шерсть и рога играли большую роль при составленіи важнѣйшихъ мазей противъ воспаленія. Сюда относились также различнаго рода хлѣбныя растенія, горькая рыба желчь и, что страннѣе всего,—стрихнинъ, ядовитыя свойства котораго были извѣстны египетскимъ лѣкарямъ.

Весьма много рекомендуется спецефическихъ средствъ: кровь крокодила противъ укушеній змѣй и бѣльмъ на глазахъ, зола его сожженной кожи—какъ дѣйствительное средство противъ ожоговъ, затѣмъ для пользованія отъ многихъ болѣзней совѣтуется употреблять „молоко женщины, родившей мальчика“, мозги черепахи, пометъ льва, бычачья желчь, жиры, мясо стараго козла, свареннаго въ оливковомъ маслѣ и т. д. и т. д.

Нѣкоторые изъ рецептовъ отличаются удивительной фантазіей; такъ, между прочимъ, лѣкарство отъ мигрени состояло изъ головы рака, зуба свиньи, крови ящерицы, мозга черепахи, помета антилопы и внутренностей кошки! Надо думать, что вся эта дрянь стоила не мало и съ больныхъ врачи сдирали деньги не хуже, чѣмъ наши аптекаря, отпускающіе „унціально“ самыя дешевыя лѣкарства по трижды дорогой цѣнѣ.

Растительныя вещества имѣли большое значеніе въ древне-египетской фармакологіи: въ ней употреблялись алоэ, анисъ, шафранъ, опиумъ, мирра, различныя смолы, можжевельникъ, опилки кедра, пальмовое вино и т. д.

Одна изъ самыхъ любопытныхъ растительныхъ смѣсей была такъ называемая к и ф и (kurphi),—знаменитое душистое курево, изъ котораго приготовлялись благовонныя шарики. Рецепты для его пригото-

вленія сохранились въ папирусѣ Эберса, у Плутарха и Diosкорида; въ кифи входили изюмъ, вино, можжевельникъ, алоэ, кипарисъ, мирра, ладонь, виноградныя ягоды и медь.

Изъ металлическихъ веществъ употреблялась иногда ярь-мѣдianка, а изъ минеральныхъ главнымъ образомъ соль, селитра и отчасти мышьякъ.

Въ упомянутомъ папирусѣ Эберса сохранилось два рода рецептовъ для пилюль: безъ меда для мужчинъ и съ медомъ для женщинъ. При приготовленіи лѣкарствъ, для котораго существовали точныя правила, а также передъ приемомъ этихъ лѣкарствъ, произносились особыя молитвы ¹⁾.

8. *Магическая медицина.* Если въ области медицины мы видимъ первую попытку научной работы, то все же здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ другихъ областяхъ наукъ,—мы сталкиваемся съ всепроницающимъ вліяніемъ колдовства; магическихъ заклинаній, формулъ и ворожбы. Врачи прибѣгали къ магіи не только изъ шарлатанства, но и по искреннему убѣжденію, такъ какъ всѣ они были заражены господствовавшими суевѣріями, а астрологическія вычисленія и всевозможныя бредни служили у нихъ необходимой подкладкой для терапіи.

Не слѣдуетъ думать, будто между чародѣями и лѣкарями была сколько нибудь осязательная разница; если первые изъ нихъ считали своею спеціальною магію, то и послѣдніе, какъ сказано, безпрерывно прибѣгали къ ней.

Такимъ образомъ у древне-египетскаго лѣкаря медицина шла рука объ руку съ магіей, такъ какъ дѣйствуя на внѣшнія проявленія болѣзни можно было облегчить больного, но для полнаго выздоровленія необходимо уничтожить причину болѣзни, т. е. заклинаніями изгнать злого духа, овладѣвшаго человѣкомъ. Напримѣръ, чтобы избавиться отъ головной боли слѣдовало повторить четыре раза слѣдующій завѣдомо дѣйствительный заговоръ: „Передняя часть головы—божественнымъ шакаламъ, задняя часть—поросенку бога Ра; положи ихъ на жаровню; когда вышедшія изъ нихъ испаренія достигнутъ неба, то на землю упадетъ капля крови“. Если эта галиматья не излѣчивала больного, то по крайней мѣрѣ освобождала его отъ суевѣрнаго страха, которымъ онъ былъ охваченъ ²⁾.

¹⁾ Ковнеръ, *ibid.* 21. Здѣсь же заодно можно замѣтить, что древній Египетъ считался *классической страной отравъ* и даже въ этомъ отношеніи явился учителемъ грековъ.

²⁾ Масперо, «*Histoire ancienne des peuples de l'Orient*» 76.

Надежнѣйшимъ средствомъ для изгнанія злыхъ духовъ, терзающихъ больного, являлось внушеніе этимъ зловреднымъ существамъ, что больной находится подъ особымъ покровительствомъ боговъ и что если они не отойдутъ отъ него, то ихъ всѣхъ ожидаетъ неминуемая гибель.

Заклинатель, опытный „сихъ дѣлъ мастеръ“ занимается перечисленіемъ всѣхъ членовъ больного, утверждая громогласно, что каждый изъ нихъ представляетъ собою отдѣльное божество: „верхняя его губа—это Изида, нижняя Нефтида, зубы его божественные мечи, пальцы—голубыя змѣи, сыновья богини Селькъ, бокъ—два пера (?) Аммона, спина—хребетъ бога Себека, животъ—Нуть“ и т. д. до самой подошвы ногъ.

Послѣ произнесенія этой безмыслицы, врачъ считалъ уже возможнымъ испытывать на больномъ дѣйствіе традиціонныхъ лѣкарствъ.

Магическимъ было также лѣченіе въ храмахъ Изиды, гдѣ больные во время сна черезъ сновидѣнія и оракулы получали откровенія насчетъ средствъ къ излѣченію своихъ недуговъ ¹⁾, такъ какъ въ Изидѣ жрецы почитали таинственную цѣлительную силу природы, которой они умѣли пользоваться, возбуждая въ больныхъ восторженное религиозное настроеніе.

Такимъ образомъ, какъ показываетъ само заглавіе, главный способъ лѣченія магической медицины сводился къ молитвамъ, чарамъ, ворожбѣ и заклинаніямъ, которыми даже считали возможнымъ вправлять вывихи предпочтительно помощи костоправовъ!

Количество врачей-спеціалистовъ въ монархіи фараоновъ было весьма значительно: существовали врачи головные, окулисты, дантисты, внутреннихъ болѣзней, акушеры и т. п., хотя не возбранялось одному и тому же лицу лѣчить всѣ болѣзни и кормиться отъ всѣхъ народныхъ недуговъ.

Древнѣйшимъ врачомъ Египта, какъ это видно изъ доклада доктора Сендвизо засѣданію Британскаго Медицинскаго Общества, считался нѣкій врачъ-жрецъ, по имени Сокиитніонки, гробница котораго открыта девять лѣтъ тому назадъ въ Саккарѣ и который жилъ въ царствованіе фараона V-й династіи Сахура (см. ниже). Надпись надгробная гласитъ: „Его Святость сказалъ своему придворному врачу Сокиитніонки: да будетъ твой носъ (?) силенъ (?!), такъ какъ шаги твои къ западу угодны богамъ и да продлится вѣкъ твой при-мѣрнаго слуги“.

¹⁾ Діодоръ, I, 29.

Изъ того, что выше было сказано о развитіи медицины въ Египтѣ, не трудно вывести заключеніе, что несмотря на множество наблюденій о признакахъ болѣзней и массу чисто эмпирическихъ рецептовъ, египтяне не могли достигнуть особенно выдающихся успѣховъ и въ указанномъ отношеніи далеко были превзойдены греками, положившими первыя основы научной медицины—дочери греческаго духа.

Первыми научными попытками медицина безъ сомнѣнія обязана древней греческой философіи. Занимаясь рѣшеніемъ самыхъ отвлеченныхъ вопросовъ, отыскиваніемъ начала и сущности вещей, она вмѣстѣ съ тѣмъ положила основаніе естествознанію и научной медицинѣ.

Преслѣдуя самыя отвлеченныя цѣли, древніе мыслители не забывали міра явленій, собирали наблюденія и факты, дѣлали опыты, а многіе изъ нихъ даже занимались ею практически и неудивительно, что въ ихъ рукахъ медицина въ первые приобрѣла научный характеръ.

Но съ другой стороны, благодаря именно этой тѣсной связи съ философіей, угрожавшей совершеннымъ ея захватомъ, она снова уклонилась отъ своей первоначальной задачи и чуть не слилась съ послѣдней, такъ что для освобожденія ея понадобился цѣлый научный переворотъ, блистательно совершенный геніемъ Гиппократомъ.

Философскій умъ великаго грека преобразовалъ медицину въ смыслъ правильнаго наблюденія и обоснованія ея на началахъ науки; оттого онъ и теперь еще считается отцомъ медицины, хотя самъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ упоминаетъ о заслугахъ своихъ предшественниковъ, въ числѣ которыхъ находились и египетскіе лѣкаря.

Очень можетъ быть, что своимъ происхожденіемъ греческая медицина обязана египетской, но уже въ эпоху Птолмеевъ послѣдней суждено было окончательно сойти со сцены и уступить мѣсто первой, заключавшей въ себѣ гораздо болѣе задатковъ къ дальнѣйшему развитію. Періодъ первобытнаго эмпиризма, поглощенный магической медициной, уступалъ теперь мѣсто научному періоду врачебнаго искусства.

4. Философія. Возвышаясь надъ современной дѣйствительностью, философія ставитъ себѣ задачей выработать понятіе объ идеалѣ, который есть не что иное какъ основной смыслъ будущей дѣйствительности; только при наличности указанныхъ условій идеалы могутъ играть роль руководителей человѣческаго разума. Отдѣльныя науки начали свое развитіе раньше философіи; въ то время, какъ онъ началъ съ опыта обыденной жизни и долго состояли изъ однихъ

лишь отрывочныхъ знаній и несовершенныхъ опредѣленій, онѣ тѣмъ самымъ подготовляли и философію, добывали ей матеріалъ, приводили его въ надлежащій порядокъ, сводили къ общимъ опредѣленіямъ, и только затѣмъ могла уже правильно начать свою работу сама философія.

Постоянная работа ума надъ самыми трудными задачами человѣческаго мышленія незамѣтно, такимъ образомъ, дѣлала свое великое дѣло.

Основаніе философіи, какъ науки, положили греки, но нѣкоторыя отдѣльныя философскія идеи пришли въ Грецію съ Востока и развились въ Элладѣ именно потому, что въ силу собственнаго греческаго развитія тамъ существовали особыя, благопріятныя для высшей культуры условія. Мистическая сторона того же стоицизма, его пантеизмъ и склонность къ аллегоріи, равно какъ проповѣдуемая имъ спокойная покорность судьбѣ—носятъ на себѣ явные слѣды восточной фантазіи и восточнаго терпѣнія. Эта философія была однимъ изъ первыхъ и, быть можетъ, самымъ крупнымъ результатомъ эллинизма въ собственномъ смыслѣ, въ ней сказалось вліяніе мысли и культуры Востока на эллинскій міръ ¹⁾.

Но въ то время какъ движущая идея греческой философіи—объяснить происхожденіе міра посредствомъ примѣненія естественныхъ законовъ вознесла научное умозрѣніе эллиновъ на недостижимую высоту, египтяне во всѣ эпохи пребывали въ оковахъ религіозныхъ фантазій и потому, несмотря на тотъ почетъ, какимъ пользовалось въ странѣ философская литература, искать въ фараоновскомъ Египтѣ философскихъ произведеній было бы совершенно напрасно. То, что можно было бы съ нѣкоторой долей основанія причислить къ послѣднимъ—это собраніе моральныхъ предписаній, нѣчто въ родѣ библейской мудрости.

Нѣкоторыя изъ этихъ изреченій, наиболѣе назидательныя, мы здѣсь отмѣтимъ.

„Сынъ, повинующійся волѣ отца, доживетъ до глубокой старости“.

„Непослушный видитъ знаніе въ невѣжествѣ, добродѣтель въ порокѣ; его повседневная жизнь то, что мудрецъ называетъ смертью; проклятія сопровождаютъ его на пути“.

Въ собраніи пословицъ мы находимъ слѣдующія:

„Счастіе находитъ всѣ мѣста равно прекрасными, но и малая бѣда унижаетъ великаго человѣка“.

¹⁾ Mahaffy. «Greek life and thought».

„Доброе слово блеститъ ярче, чѣмъ изумрудъ въ рукѣ раба, нашедшаго его въ грязи“.

„Мудрецъ довольствуется знаніемъ; его сердцу легко; уста его душисты“. И т. д. въ томъ же родѣ.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію философскаго обоснованія египетской религіи, вокругъ котораго вертѣлись полу-пантеистическія умозрѣнія еиванской жреческой школы. Все болѣе и болѣе удаляясь отъ народныхъ вѣрованій, послѣдняя главнымъ образомъ стремилась къ тому, чтобы, очистивъ нарождавшуюся идею монотеизма отъ чуждыхъ примѣсей и приблизивъ понятіе о Богѣ къ тѣмъ представленіямъ, которыхъ требовало уже весьма развитое религіозно-философское сознаніе, сконцентрировать всѣ египетскія божества въ поклоненіи единому Богу, какъ Верховной причинѣ всего совершающагося въ мірѣ. Аммонъ, по ученію жрецовъ названной школы, есть единственный богъ и единственный творецъ неба и земли.

Въ началѣ всего сущаго находился только Нуть, первобытный океанъ, въ бездонныхъ нѣдрахъ котораго въ хаотическомъ видѣ находились налицо зародыши всего существующаго. Но прежде всѣхъ вѣкъ, въ этой безформенной и неимѣющей опредѣленнаго назначенія жидкой массѣ, былъ богъ, зародившейся въ ней самъ собою. Этотъ богъ (Аммонъ) являлся существомъ единымъ, совершеннымъ, разумнымъ и непостояннымъ. Онъ „единый по существу, живущій во всемъ существующемъ, единственный творецъ неба и земли, самъ не родившійся, отецъ отцовъ, мать матерей“. Всегда одинаковый, неизмѣнный въ своемъ совершенствѣ, всегда существующій какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, онъ наполняетъ собою всю вселенную, и никакое изображеніе въ мірѣ не можетъ дать даже слабаго понятія объ его всеобъемлемости; присутствіе его чувствуется повсюду, но его не увидѣшь нигдѣ.

Единый по существу, онъ не единъ въ лицахъ. Онъ отецъ уже по тому одному, что онъ есть; онъ даетъ начало всему, и сущность его такова, что онъ никогда не оскудѣваетъ. Ему незачѣмъ искать внѣ себя плодотворнаго начала,—онъ носитъ въ своихъ нѣдрахъ источники вѣчнаго произрожденія. Единый по полнотѣ своего существа, онъ носитъ въ себѣ оба необходимыя начала всякой жизни: плодотворящее и произрождающее, и самъ себя рождаетъ изъ самаго же себя. Онъ въ одно и то же время и отецъ, и мать, и сынъ божій. Зарожденныя въ богѣ, оплодотворенныя богомъ, не выходя изъ него, эти три лица суть богъ въ богѣ и не только не нарушаютъ единства, но напротивъ способствуютъ его безконечному совершенству.

Этотъ тройственный и единый богъ обладаетъ всѣми божественными свойствами: онъ всеобъемлющій, вѣчный, свободный, всемогущій, всеблагій, постоянно развивающій, дающій эти славныя основныя качества, „онъ создаетъ собственные члены, т. е. боговъ“, и они соединяются къ его благодѣтельнымъ дѣйствіямъ.

Каждый изъ этихъ вторичныхъ боговъ, отождествляемый съ единымъ богомъ, можетъ также образовать низшихъ боговъ, которые, въ свою очередь, производятъ такимъ же путемъ божества низшаго типа... Но всѣ эти безчисленныя разновидности божества, съ самыми разнообразными именами, бывшія въ представленіи простого народа различными, независимыми другъ отъ друга богами, являлись въ умѣ просвѣщеннаго вѣрующаго единымъ существомъ, единымъ богомъ. Всѣ вещества, взаимно поглощаясь другъ другомъ, терялись въ одномъ высшемъ богѣ. Ихъ подраздѣленія, доходившія до безконечности, не мало не нарушали единства божественной сущности ¹⁾.

Такимъ образомъ сущность изложенной религіозно-философской системы сводится къ тому, что при безусловномъ единствѣ Бога признается существованіе цѣлага сонма низшихъ боговъ, составляющихъ не что иное, какъ олицетворенныя божественныя атрибуты. Это Предвѣчная Первопричина, играющая въ названномъ ученіи роль метафизической субстанціи, была тѣмъ активнымъ, движущимъ, творческимъ началомъ, внѣ котораго немислима жизнь и немислимо бытіе міра.

Указанная религіозная система, представляющая попытку соединенія философіи съ положительнымъ вѣроученіемъ и пытавшаяся внести лучъ свѣта въ религіозныя умовозрѣнія погруженнаго въ суевѣріе и слѣпо придерживавшагося обрядовой стороны религіи египетскаго народа, возникла въ ту эпоху, когда монархія фараоновъ приближалась къ своему упадку и, конечно, не могла произвести коренного переворота въ народныхъ вѣрованіяхъ, на которыхъ, какъ сказано выше, мало отражалась квинтъ-эссенція жреческой мудрости (см. Религія). Независимо отъ подобнаго ученія, появленію котораго предшествовала пятистолѣтняя реформаціонная работа, въ древнѣйшую эпоху мы встрѣчаемъ вполне разумное воззрѣніе въ загробную жизнь; такъ, напримѣръ, одинъ изъ папирусовъ даетъ намъ отрывокъ разговора одного египтянина со своей душой, при чемъ послѣдняя старается доказать, что смерть есть естественное завершеніе жизни и не представляетъ ничего страшнаго для человѣка.

¹⁾ Масперо, цит. соч. VI, 278—279.

Душа указываетъ на то, что жизнь на землѣ вовсе не такъ жалка, какъ человѣкъ ее себѣ представляетъ: нужно только умѣть наслаждаться.

Бесѣда длится продолжительное время, наконецъ, авторъ этого діалога, въ лицѣ кандидата на самоубійство, приводитъ болѣе сильныя аргументы. Душа не можетъ опровергнуть выставленныхъ противъ жизни обвиненій, послѣ долгаго колебанія она, наконецъ, соглашается, что при такихъ обстоятельствахъ уже лучше покинуть временное, чѣмъ упорствовать въ жизни.

Другой папирусъ, извѣстный въ наукѣ подъ именемъ папируса Prisse d'Avennes, является единственнымъ полнымъ трудомъ, дающимъ намъ образчикъ первобытной египетской философіи. Это такъ называемая въ исторической литературѣ Наставленія Птахотпу.

Сынъ фараона V-й династіи и „комендантъ города и его окрестностей“, Птахотпу въ своемъ сочиненіи преподаетъ читателямъ-старикамъ мудрость предковъ, дабы они, въ свою очередь, научили ей молодежь и этимъ содѣйствовали бы поддержанію добродѣтели въ мірѣ. Въ заголовкѣ его афоризмовъ стоятъ слѣдующія слова: „Это мудрость городского правителя Птахотпу изъ временъ цара Ассы, ж. с. з.“. Взятая наудачу изъ разныхъ мѣстъ сочиненія названнаго автора-моралиста нѣкоторыя выдержки съ достаточной ясностью освѣщаютъ достоинства *древнѣйшей изъ сохранившихся рукописей міра*. Вотъ, напр., нѣсколько такихъ выдержекъ.

«Когда ты возвысился, выйдя изъ ничтожества, когда ты разбогатѣлъ послѣ миновавшей нищеты и если ты сдѣлался знатнѣйшимъ въ своемъ городѣ, и люди знаютъ тебя по твоему изобилію, считая тебя за могущественнаго господина, не позволяй твоему сердцу возноситься только ради богатства, ибо даятель его богъ. Не презирай ближняго твоего, который теперь въ томъ положеніи, въ какомъ ты находишься самъ, но обращай съ нимъ какъ съ человѣкомъ совершенно равнымъ.—Если ты принадлежишь къ мыслителямъ, то не воображай себѣ, что ты есть такой человѣкъ, память о которомъ сохранится долгое время. Никакое слово не пріобрѣтаетъ продолжительной славы. Взгляни, какъ всплываетъ и ныряетъ крокодилъ—и уже о немъ забыли совсѣмъ!—Не питай высокомерныхъ мыслей по поводу твоихъ познаній: ни одинъ мастеръ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не бываетъ совершеннымъ. Остерегайся показывать свое неразуміе. Заботься о томъ, чтобы ты былъ богаче познаніями и разумомъ, и цѣлью твоей жизни должно быть стремленіе заслужить приговоръ: онъ былъ наставникомъ каждому. Любовь къ человѣчеству достойна большаго уваженія, чѣмъ жертвенный хлѣбъ. Если ты замѣтишь въ своемъ ближнемъ злонамѣренность, то не презирай его за это, и не старайся вредить

ему въ общественномъ мнѣніи. Переговори съ нимъ наединѣ, но не унижай его такъ, чтобы онъ тебя стыдился. Будь довѣрчивъ къ нему и не подавляй его своимъ превосходствомъ.—Если ты встрѣтишь мудреца своего времени, превосходнаго умомъ, высшаго тебя, то склони руки твои, согни спину твою. Смотри на то, что находится предъ тобою, но не останавливай на немъ своего взора и даже не вглядывайся въ него часто. Тотъ, кто поступаетъ такимъ образомъ считается человѣкомъ, заслуживающимъ презрѣнія»...

Повидимому, царскій сынъ Птахотпу достигъ почтенной старости, когда писалъ свою книгу, такъ какъ описывая въ одномъ мѣстѣ сочиненія старческаго недомоганія, онъ не безъ горечи замѣчаетъ: „Глаза слабѣютъ, уши заложены, уста говорятъ тихо, память тупѣетъ, (она) не можетъ вспомнить вчерашняго дня; кости страдаютъ въ свою очередь. Хорошее принимается за дурное: вкусъ совершенно исчезаетъ, носъ заложень, безъ воздуха, одинаково утомительно стоять или сидѣть“, и проч. и проч.

Полное отсутствіе критики въ трудѣ Птахотпу удивительно даже для того времени, и, конечно, въ книгѣ его нечего и искать особенной глубины мысли и тонкаго анализа, но важно то, что во многихъ мѣстахъ названнаго произведенія, несмотря на ихъ вычурность и изысканность, просвѣчиваетъ любовь автора ко всему человѣчному, честному и благородному. Какъ замѣтилъ еще Бругшъ, Птахотпу учитъ молодое поколѣніе не какъ жрецъ или князь, а просто какъ человѣкъ, сообщающій то, чему научила его опытность. Это не мрачный ученый, это старецъ, у котораго не угасла любовь къ жизни и всему человѣчному. „Да свѣтитса радостно лицо твое, пока живешь—замѣчаетъ онъ—никто не оставялъ своего гроба, послѣ того какъ онъ былъ въ него уложенъ“ ¹⁾.

Въ чемъ же собственно заключалась египетская мудрость?

Возрастъ ея очень почтененъ: первый владыка страны фараонъ Менесъ (см. исторію Египта въ Мемфисскій періодъ) царствовалъ, по крайней мѣрѣ, за три тысячи лѣтъ до начала греческой исторіи. Въ тридцать вѣковъ можно было чему нибудь научиться, и указанное обстоятельство въ глазахъ грековъ служило основаніемъ ихъ сужденій, что подданные фараоновъ являются какими то учителями во всемірной исторіи, а бритая каста жрецовъ представляетъ нѣчто въ родѣ тѣсносплоченнаго карре разсадника знаній.

Но всѣ эти рассказы какъ то плохо вяжутся съ дѣйствительнымъ характеромъ хваленой египетской мудрости. При разборѣ древне-

¹⁾ Papyrus Prisse d'Avannes; ср. Бругшъ, цит. соч. VII, 142.

египетскихъ надписей, текстовъ и свитковъ папируса лишь въ исключительныхъ случаяхъ можно напасть на слабыя, чуть чуть замѣтные слѣды какого нибудь научнаго трактата. Нѣкоторыя наблюденія изъ природы и собственной духовной жизни не могутъ быть разсматриваемы какъ ученныя или философскія темы, такъ какъ они сами собой приходятъ на умъ наблюдателю и не затрагиваетъ болѣе глубокихъ причинъ представляющихся явленій.

Фактъ ежегоднаго выступленія Нила изъ береговъ въ извѣстное время года установленъ благодаря опыту и сообщеніе такого факта не имѣетъ ничего общаго съ наукой; научной постановкой вопроса можетъ считаться только разъясненіе причинъ, вызывающихъ ежегодное разлитіе водъ священной рѣки.

Между тѣмъ, когда Геродотъ спрашивалъ жителей Египта о причинѣ періодическихъ разливовъ Нила, то оказалось, что ни у жрецовъ, ни у свѣтскихъ людей не имѣлось никакой гипотезы для объясненія явленія, столь близко касавшагося страны фараоновъ (нелѣпное объясненіе, что разливы Нила образуются отъ переполненія слезами богини Изиды годилось исключительно для грубой и невѣжественной толпы); греки же придумали три объясненія и „отецъ исторіи“, разсматривая ихъ каждое отдѣльно, даетъ четвертое отъ себя.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, мотивированныхъ приведенными данными, можно, кажется, признать, что мудрость гордыхъ своей пустопорожной ученостью обитателей фараонскаго Египта существовала только въ воображеніи классическихъ писателей и отъ нихъ перешла въ наше собственное воображеніе. Истинная же мудрость, т. е. попросту говоря, наука никогда въ Египтѣ не существовала и поэтому ее больше не для чего и искать.

У большинства древнихъ народовъ, въ томъ числѣ и у египтянъ, основы морали, личныхъ и правовыхъ отношеній, — основы, которыя греки того времени находили только въ положительномъ законѣ и въ развитомъ сознаніи нравственныхъ принциповъ—заключались въ религіи, почерпая въ ней свою непреложность и силу. Просвѣтить народы Востока, снять съ нихъ оковы суевѣрія и рабскаго благочестія, пробудить въ нихъ стремленія и силу независимой мысли, словомъ эманципировать ихъ для исторической жизни, — такова была работа, исполнить которую попытался эллинизмъ и которую онъ отчасти исполнилъ въ послѣдствіи ¹⁾.

¹⁾ Дройзенъ «Исторія эллинизма», т. I, 160.

Но какъ бы то ни было, египетская жизнь и искусство слишкомъ давно отлились въ опредѣленные и неизмѣнныя формы, чтобы подчиниться серьезному вліянію со стороны другой и притомъ совершенно чуждой расы, хотя бы даже и не зараженной сектантской строгостью семитическихъ расъ.

Съ другой стороны не надо забывать также сильнаго пантеистическаго теченія, которое въ эпоху Лагидовъ охватило всю Грецію и нашло выраженіе въ зародившейся тогда стоической философской системѣ. Съ этой пантеистической точки зрѣнія боги всѣхъ національностей и различныя божества каждаго культа оказывались только мѣстными проявленіями одного и того же „единаго“ космическаго начала,—міровой сущности и міроваго духа.

Такіе взгляды, какъ мы уже знаемъ, обнаруживаются съ самыхъ раннихъ временъ въ египетской литературѣ, и вліяніе ея въ указанномъ отношеніи на греческую философію не подлежитъ сомнѣнію.

5. Магія. Вмѣсто науки мы видимъ у древнихъ египтянъ то, что для нихъ было выше всякихъ другихъ умственныхъ интересовъ—магію. Этой „наукой“ полны всѣ памятники древне-египетской письменности. Магія, главная ихъ сущность, выставляется въ нихъ какой то панацеей, способной вызывать таинственныя силы на помощь людямъ и одарять умершихъ новой жизнью посредствомъ различныхъ заклинаній, чаръ и волшебства.

Относительно суевѣрій, господствовавшихъ въ египетской религіи (см. выше) не было, кажется, особаго различія между высшими и низшими классами общества; и тѣ и другіе, повидимому, были одинаково убѣждены, что только *магическія формулы могутъ обезпечить благоденствіе земной жизни и блаженное существованіе въ загробномъ мірѣ.*

Можно сомнѣваться, обладало ли пропитанное религіознымъ дурманомъ жречество той мудростью, какую ему приписываютъ и не оказывается ли по всѣмъ даннымъ наличность послѣдней въ странѣ фараоновъ великой неправдой, но несомнѣнно, что главнымъ отличіемъ жреческаго сословія слѣдуетъ считать совершенно особую мудрость, которая поясняла все, что было сокровеннаго на небѣ и землѣ, отверзала двери загробнаго міра, руководила душами умершихъ, изгоняла бѣсовъ изъ человѣческаго тѣла, могла вызывать не только демоновъ, но и самихъ боговъ.

Это была та „великая тайна“, то-есть квинтъ-эссенція самаго грубаго суевѣрія, въ истолкованіи которой египетскіе жрецы обнаружи-

вали всегда необычайное мастерство. Всѣ безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрятъ во всякія чудеса и во всякія нелѣпости и общество, можно сказать, жило въ сферѣ сверхъестественнаго; оно было искренно убѣждено, что дѣла земнаго міра предопредѣляются вліяніемъ высшихъ міровъ, именно созвѣздіи и звѣздъ; послѣднія образуютъ, такъ сказать, небесную книгу, въ которой можно читать условія, предопредѣляющія будущее. Господствовала твердая увѣренность, что посредствомъ извѣстныхъ обрядовъ, магическихъ заклинаній и ворожбы можно заставить боговъ исполнить желанія ихъ поклонниковъ или, по крайней мѣрѣ, измѣнить естественный порядокъ вещей.

Изъ числа боговъ двое считались изобрѣтателями магическихъ искусствъ, совершая безпримѣрныя чудеса помощью своей мудрости, т. е. посредствомъ магическихъ словъ со включеніемъ мистическихъ именъ. Это знакомые намъ Тотъ и Изида, — представители небесной мудрости, приходящей на помощь человѣку. Выше было выяснено, что Тотъ являлся, что называется, магомъ *magus* и „магическая“ роль его иногда сводила на нѣтъ его дѣятельность, какъ носителя правды и правосудія, но этимъ то она и была привлекательна для народныхъ массъ; народъ видѣлъ въ немъ, главнымъ образомъ, автора магическихъ формулъ, защищающихъ противъ временныхъ и вѣчныхъ враговъ. При постоянныхъ заботахъ объ ожидающихъ ихъ за гробомъ врагахъ, египтяне, однако, не забывали и тѣхъ, которые могутъ быть имъ опасны и въ земной жизни; особенно приходилось вспоминать объ нихъ во время болѣзней или другихъ обстоятельствъ. Отсюда масса магическихъ текстовъ, все болѣе и болѣе наводнявшихъ литературу и достигавшихъ нерѣдко внушительныхъ размѣровъ.

Извѣстный туринскій папирусъ XXIII—XXV, принадлежащей болѣе древней, чѣмъ другіе, эпохѣ, также можетъ быть отнесенъ къ этой категоріи, хотя тонъ его нѣсколько иной, и въ своей заключительной части онъ переходитъ въ недурной гимнъ этому богу. Къ сожалѣнію, текстъ сильно пострадалъ и не допускаетъ полнаго яснаго перевода; ясно только, что и здѣсь большой отождествляетъ себя съ Тотомъ, при чемъ надѣляется, конечно, послѣдняго важными эпитетами и перечисляетъ его функціи ¹⁾.

Итакъ спешая съ неба на землю магія — настоящая мудрость древне-египетскихъ жрецовъ — теперь передъ нами во множествѣ образцовъ на камнѣ и папирусѣ, и мы имѣемъ полную возможность изслѣдовать глубину этой мудрости.

¹⁾ В. Тугаевъ. «Богъ Тотъ», V, 75--76.

Невольно приходится думать, что содержаніе доставшихся нынѣ намъ сочиненій по магіи должно представлять главную суть того, до чего додумался въ продолженіе столькихъ тысячелѣтій цѣлый народъ, ревниво оберегавшій эти измышленія и передававшій ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ самое драгоцѣнное наслѣдіе отцовъ. Эти сборники магіи возникли, повидимому, изъ ряда отдѣльныхъ заклинаній, которыми въ силу своей профессіи пользовался древнѣйшій египетскій знахарь.

Разумѣется, что разнообразіе обрядовъ, выдуманныхъ чародѣями безконечно: они исцѣляютъ недуги растираніями, сопровождаемыми магическими словами (см. выше), заклиная такимъ образомъ болѣзни, наводятъ порчу посредствомъ таинственныхъ церемоній, изгоняютъ бѣсовъ, вызываютъ души умершихъ, указываютъ дни благоприятные для начатія какого нибудь дѣла, ворожатъ по разнымъ снадобьямъ и проч. и проч.

Удивительнѣе всего здѣсь то, что мудрствованіе лженаучной магіи, въ заговорахъ и заклинаніяхъ которой приходится долго и безуспѣшно искать хотя бы простаго смысла, не говоря уже объ очевидной невозможности найти ключъ къ таинственнымъ словамъ, господствовало надъ цѣлымъ народомъ нѣсколько тысячелѣтій вплоть до эпохи распространенія на почвѣ нильской долины христіанства. Но и тогда ей не настала еще конецъ: она только облеклась въ форму народнаго письма и языка и смѣшалась со многими лингвистическими элементами, заимствованными изъ всевозможныхъ теологическихъ системъ Востока.

Самый знаменитый образецъ позднѣйшей магіи изъ II столѣтія нашей эры представляетъ обширный гностическій папирусъ, названный такъ въ предположеніи, что документъ этотъ имѣетъ извѣстную связь съ ученіемъ гностиковъ, религіозной секты, смѣшавшей христіанскіе догматы съ философскими умозрѣніями и мифическими бреднями Востока и построившей на подобномъ эклектизмѣ свою собственную религіозную систему.

Этотъ замѣчательный свитокъ папируса содержитъ въ себѣ настоящіе перлы древне-египетской мудрости, т. е. воображаемой магіи, пересаженной на родной языкъ съ языка болѣе древняго и заключаетъ рецепты различныхъ фокусовъ. Судя по названному образчику египетская мудрость оказывается не слишкомъ высокой пробы.

Что же касается до чародѣевъ, кудесниковъ и знахарей, лѣчившихъ отъ всѣхъ болѣзней и вызывавшихъ всѣхъ духовъ, то эти господа въ большинствѣ случаевъ были не болѣе и не менѣе какъ шар-

латаны, прикрывавшіе свой поддѣльный товаръ разными шарлатанскими фокусами и искавшіе не мудрости, а добычи. Конечно, не всегда можно провести границу между искренней вѣрой маговъ и чародѣевъ въ чудо и ихъ сознательной эксплуатаціей легковѣрія массъ, опутанныхъ сѣтью суевѣрій, во всякомъ случаѣ, многіе производители чудесъ искренно вѣрили въ дѣйствительность своихъ шарлатанскихъ фокусовъ и чистосердечно подыскивали имъ блестящія оправданія, что, впрочемъ, не мѣшало имъ превращать наиболѣе священныя предметы культа въ грубое орудіе обмана, въ дерзкое средство кормиться отъ суевѣрій простодушной толпы.

Ореоль, окружавшій въ теченіе тысячелѣтій древній Египеть, теперь съ каждымъ днемъ тускнѣетъ по мѣрѣ того, какъ египтологи знакомятся съ ничтожнымъ содержаніемъ памятниковъ древности, вслѣдствіе чего вся эта прославленная древне-египетская мудрость, за которую такъ энергически ратовали греческіе писатели и которая придавала Египту ореоль таинственности, оказалась великой неправдой.

6. Механика и гидравлическія сооруженія. Въ своемъ мѣстѣ указывалось, что хотя періодическіе разливы священнаго Нила и потребности земледѣльческой культуры толкали обитателей фараоновскаго Египта къ занятію землемѣріемъ, но геометрія находилась у нихъ, можно сказать, въ зародышѣ и не пошла далѣе первыхъ началъ и простѣйшаго практическаго примѣненія.

Почти то же самое можно сказать и о механикѣ. Египтяне передвигали огромныя массы камня (до 250.000 пудовъ) при содѣйствіи множества рабочихъ рукъ, съ помощью крайне простыхъ, нехитрыхъ машинъ и съ затратой громаднаго количества времени. Намъ извѣстно, напримѣръ, что три тысячи человѣкъ употребили равнымъ счетомъ три года на перевозку одного огромнаго камня изъ Абу (Элефантина) въ Саисъ, какъ про это упоминалось выше при обзорѣ городовъ Дельты.

При отсутствіи надлежащихъ машинъ приходилось пользоваться обыкновенными канатами и простѣйшими катками и блоками, при помощи которыхъ древне-египетскіе рабочіе ворочали и подымали на огромную высоту большія глыбы искусно обтесанныхъ камней. Тѣмъ удивительнѣе, что каменные сооруженія и плотины, развалины которыхъ отчасти сохранились и до нашего времени, приводятъ въ изумленіе лучшихъ инженеровъ нашего вѣка.

Для предохраненія отъ наводненій и для цѣлей орошенія египетскимъ строителямъ-инженерамъ приходилось возводить цѣлую систему дамбъ (съ откосами), на которыхъ имъ приходилось учиться

строительному искусству. Весьма вѣроятно, что при сооруженіи древнѣйшихъ построекъ примѣнялся иль, какъ строительный матеріалъ, а при дальнѣйшемъ совершенствованіи архитектуры онъ началъ облицовываться наклонными плитами (см. Искусство).

Итакъ гидравлическія сооруженія жителей страны фараоновъ сводились главнымъ образомъ къ устройству дамбъ, шлюзовъ, плотинъ и каналовъ. Очевидно вся важность подобныхъ предпріятій въ странѣ, гдѣ успѣхъ культуры находится въ прямой зависимости отъ распредѣленія водъ на поверхности почвы и становятся вполне понятными тщательныя изысканія всевозможныхъ средствъ для избѣжанія послѣдствій то чрезмѣрнаго, то недостаточнаго наводненія. И дѣйствительно мы видимъ, что цѣлая сѣть большихъ и малыхъ каналовъ, запрудъ, каменныхъ плотинъ и водоспусковъ покрывали историческій Египетъ.

Самый громадный и въ то же время самый полезный трудъ изъ всѣхъ, который когда либо предпринимался фараонами—это Меридово озеро (егип. Гунитъ), честь ископанія котораго приписываютъ фараону XII династіи Аменемхату III (см. исторію Египта въ Древне-Фиванскій періодъ), хотя нѣтъ сомнѣнія, что предшественники названнаго фараона принимали въ этомъ трудѣ большое участіе путемъ исполненія подготовительныхъ работъ. Но Аменемхатъ III всѣхъ ихъ превзошелъ широтою своихъ замысловъ и тѣмъ умѣніемъ, съ которымъ онъ доводилъ до конца самая гигантскія предпріятія.

Недовольный, вѣроятно, незначительными результатами, какіе получались отъ небольшихъ резервуаровъ, расположенныхъ, какъ и теперь, вдоль Нила, онъ составилъ проектъ замѣнить или, по крайней мѣрѣ, дополнить ихъ громаднымъ резервуаромъ, въ которомъ сохранился бы избытокъ воды послѣ обильныхъ наводненій до того времени, когда недостаточный разливъ священной рѣки станетъ угрожать засухой всему краю.

Упомянутый водяной бассейнъ, это громадное искусственное водовмѣстилище, одно изъ самыхъ удивительныхъ чудесъ фараоновскаго Египта, имѣлъ нѣсколько названій: Гунитъ (наводненіе), затѣмъ Мери (озеро), отъ котораго греки стали называть бассейнъ „Moeris“, наконецъ Ф—іумъ (море), названіе, передѣланное арабами въ Фаіумъ и перенесенное ими на цѣлую провинцію, въ которой находился этотъ гигантскій резервуаръ нильскихъ водъ ¹⁾. Во время умѣреннаго разлива Нила вода, собранная въ озерѣ и спускаемая по мѣрѣ надоб-

¹⁾ Шамполлионъ, «l'Égypte sous les Pharaons», I, 323.

ности, поддерживала уровень рѣки на необходимой высотѣ во всей Гептаномидѣ и по лѣвому берегу Нила до самаго моря.

Напротивъ, при сильномъ наводненіи, если послѣднее угрожало городамъ и деревнямъ Дельты, несмотря на то, что большинство селеній строилось на искусственныхъ насыпяхъ или—если вода долго застаивалась въ низкихъ мѣстахъ, угрожая обратить ихъ въ болото, излишекъ ея направлялся въ Меридово озеро и сохранялся тамъ до тѣхъ поръ, пока рѣка не начинала убывать, возвращаясь въ свое обычное русло.

Итакъ назначеніе озера Мери заключалось въ урегулированіи высоты уровня воды какъ при недостаточномъ, такъ и при слишкомъ обильномъ разливѣ Нила, а равно и къ обезпеченію урожая не только въ нынѣшней Фаіумской долинѣ, но и въ большей части Средняго Египта. Два канала, снабженные шлюзами, соединяли озеро съ великой рѣкой, регулируя такимъ образомъ входъ и выходъ воды.

Посреди озера, по преданію,—излишне прибавлять, что оно не на чемъ не основано ¹⁾—будто бы возвышались двѣ небольшихъ пирамиды, увѣнчанныя сидящими статуями фараона Аменемхата III и его супруги, царицы Себекнефру. Казалось, съ высоты этого пьедестала,—замѣчаетъ Масперо — старый фараонъ владычествуетъ надъ дѣлами рукъ своихъ и вѣчно созерцаетъ страну, благосостояніе которой онъ упрочилъ ²⁾.

Такимъ образомъ колоссальный резервуаръ снабжалъ страну со-размѣрнымъ количествомъ воды, а отъ этого то именно зависѣло здѣсь все; вмѣщая въ себя болѣе трехъ тысячъ милліоновъ кубическихъ метровъ воды, грандіозное озеро сыграло важнѣйшую роль въ гидрологической экономіи стараго Египта, какъ огромное подспорье въ общей системѣ орошенія и по справедливости считается полезнѣйшимъ изъ всѣхъ сооружений фараоновъ ³⁾.

¹⁾ Ср. однако, Дюдоръ I, 52; Геродотъ II, 149.

²⁾ Масперо, цит. соч. III, 108.

³⁾ 10 декабря 1902 г. въ Ассуанѣ произошло торжественное открытіе *Великой Нилской плотины*, предназначенной къ урегулированію уровня водъ рѣки и выстроенной по проекту англ. инженера Вилькокса. Плотина будетъ задерживать 1.000.000.000 кубич. метровъ воды во время разлитія Нила, а затѣмъ этотъ запасъ будетъ, по мѣрѣ надобности, выпускаться черезъ шлюзы, открывающіеся помощью электричества. Благодаря поднятію уровня воды въ Нилѣ, сдѣлается годной для земледѣлія, въ Верхнемъ Египтѣ площадь въ 1.600.000 гектаровъ, до сихъ поръ остававшаяся невоздѣланной. Длина плотины 1.700 метр. Выстроена англійскою компаніей—Рапсомъ и Рапиръ. Открытіе произошло въ присутствіи хедива и герц. Конаутскаго.

Остальные гидравлическія сооруженія, въ томъ числѣ начатый еще при Рамзесѣ II такъ называемый Великій каналъ, предназначенный къ соединенію Нила съ Краснымъ моремъ, исчезли подъ сыпучимъ пескомъ пустыни, оставивъ по себѣ мѣстами едва замѣтные слѣды. Въ виду осуществившагося уже на нашихъ глазахъ грандіознаго проекта соединенія двухъ морей при помощи Суэцкаго канала, небезынтересно будетъ бросить здѣсь взглядъ на исторію этихъ сооруженій, начало которыхъ относится къ эпохѣ фараоновъ, и разсмотрѣть, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ сдѣланныя повелителями Египта попытки дабы соединить воды Краснаго (Чермнаго) и Средиземнаго морей.

Мы только что видѣли, что Рамзесу II приписывали планъ соединить оба моря посредствомъ Пелузійскаго рукава Нила, отъ Ха-Уара (Аварисъ) до Бубаста и сдѣлать этотъ каналъ судоходнымъ, проведя въ него воды изъ озера Героополита (такъ назывался длинный заливъ, которымъ въ древности оканчивалось Красное море и крайняя оконечность котораго образуетъ нынѣ обширную впадину, извѣстную подъ именемъ Горькихъ озеръ).

Гигантская работа эта стоила жизни ста двадцати тысячамъ чело-вѣкъ, поглотила безчисленное количество средствъ и все-таки, какъ утверждаютъ Страбонъ и Плиніи, не была приведена къ концу.

При фараонѣ Нехао (см. исторію Египта въ Сапсскій періодъ) была проведена часть канала отъ Бубаста къ Героополиту, но вслѣдъ затѣмъ работа была прекращена. Плиніи Старшій опредѣляетъ длину этого канала въ 62 римскія мили, т. е. около 93 верстъ, что вполне согласуется съ разстояніемъ, раздѣляющимъ Бубастъ отъ сѣвернаго пункта Горькихъ озеръ, слѣдуя по долинкѣ Уаиди, пересѣкавшей каналъ Нехао.

Когда Египетъ подпалъ подъ власть персовъ, то послѣдніе (при Даріи I) сдѣлали попытку прорѣзать каналъ въ томъ же родѣ, но искусство ихъ инженеровъ оказалось недостаточнымъ для такого грандіознаго предпріятія и они принуждены были отказаться отъ него, послѣ того какъ довели работу до Горькихъ озеръ и явилось опасеніе, что при продолженіи ея соленая вода проникнетъ въ Дельту. Длина прорытаго канала равнялась пятнадцати верстамъ и еще нынѣ въ окрестностяхъ Шалуфа можно видѣть его крутые берега.

При Птоломееѣ II Филадельфѣ естественное загражденіе, отдѣлявшее каналъ Нехао отъ Героополита, было прорыто и затѣмъ при примѣненіи шлюзовъ и при помощи затворовъ съ обоихъ концовъ устроено прямое сообщеніе упомянутаго канала съ заливомъ. Древній каналъ

Дарія, уже въ то время завалившійся и занесенный пескомъ, былъ прокопанъ, расширенъ и съ тѣхъ поръ принялъ названіе канала Птолемеевъ.

Но со всѣмъ тѣмъ указанный путь сообщенія между Ниломъ и Краснымъ моремъ оказался недостаточнымъ, равно какъ не были достаточными и дополнительныя работы, предпринятыя въ римскую эпоху при Траянѣ и Антонинахъ.

Первый проектъ прямого соединенія Средиземнаго моря съ Краснымъ приписываютъ арабскому полководцу Амру, завоевателю страны фараоновъ, этой же мыслью задавался во время своего пребыванія въ Египтѣ Бонапартъ, но только уже на нашихъ глазахъ французскому инженеру Лессепсу, основавшему въ 1854 году съ помощью Саида-паши „Compagnie universelle du canal maritime de Suéz“, удалось прорыть прямой каналъ изъ Средиземнаго моря въ Красное,—подвигъ, который фараоны и Птолемеи считали невозможнымъ. Новооткрытый (5 ноября 1869 года) морской каналъ имѣетъ въ длину 160 километр. отъ Суэца до Портъ-Саида; ширина отъ 58—275 метровъ по поверхности воды и 22 метра по низу; средняя глубина—9 метр. 30 с., мѣстами достигаетъ 8 метровъ. Общая выемка считалась въ семьдесятъ четыре милліона кубическихъ метровъ.

Въ заключеніе два слова объ *автоматическихкихъ приборахъ*. По словамъ Герона Александрійскаго, жрецы между прочимъ эксплуатировали суевѣріе массы при помощи автоматическихкихъ приборовъ, патентъ на изобрѣтеніе которыхъ принадлежалъ, вѣроятно, одному изъ жрецовъ, преуспѣвавшихъ въ искусствѣ втиранія очковъ довѣрчивому люду.

Передъ храмами богини Изиды стояли чудодѣйственныя урны, снабжавшія вѣрующихъ благословеніемъ богини въ видѣ нѣсколькихъ капель священной воды каждый разъ какъ въ щель урны кидали пятидрахмовую монету. Самодѣйствующія урны нѣсколько вѣковъ подрядъ являлись источниками огромныхъ доходовъ для жрецовъ и секретъ ихъ устройства охранялся строгими законами. Геронъ подробно описываетъ механическое устройство самодѣйствующаго аппарата. Брошенная монета попадала черезъ проводную трубку на хорошо уравновѣшанное плечо рычага, вслѣдствіе чего на мгновеніе открывался клапанъ на днѣ наполненнаго водою сосуда и по выводной трубкѣ выливалось нѣкоторое количество воды. Нужно сознаться, что несмотря на всю несложность и даже наивность устройства, древняя чудо-урна въ отношеніи своего коммерческаго успѣха оставляетъ далеко за собой всѣ самые остроумныя автоматическіе приборы нашего времени.

Изъ Египта приборы эти распространились по всему свѣту и, пройдя черезъ всѣ вѣка, въ измѣненномъ и въ усовершенствованномъ видѣ дошли до насъ, но изобрѣтателемъ ихъ все-таки остается древне-египетскій жрецъ-механикъ, а не англичанинъ Эвериттъ, которому приписывается это изобрѣтеніе.

Объ остальныхъ гидравлическихъ сооруженіяхъ, принадлежавшихъ къ эпохѣ фараоновъ, мы здѣсь не упоминаемъ, такъ какъ объ нихъ у насъ еще будетъ идти рѣчь при изложеніи египетской исторіи и при разсмотрѣніи культурно-государственной дѣятельности „божественныхъ“ фараоновъ.

7. Искусство.

Если внимательно всмотрѣться въ памятники древне-египетскаго національнаго искусства, то не трудно замѣтить, что послѣднее хотя какъ будто и отмѣчено характеромъ неподвижности, будучи сколкомъ съ традиціонныхъ образцовъ своеобразнаго художественнаго стиля, но тѣмъ не менѣе, говоря вообще, искусство это, полное оригинальности, типичности и реализма, отнюдь не страдало характеромъ застоя и недостатка прогресса, какъ это иногда проскальзываетъ въ современной исторической литературѣ.

Конечно, оно, какъ и все прочее было поставлено въ тѣснѣйшую зависимость отъ религіи, являясь, такъ сказать, ея наружнымъ придаткомъ, такъ какъ предназначалось главнымъ образомъ для приданія большаго великолѣпія и большей пышности религіозному культу, а отнюдь не для цѣлей повседневной жизни; все это неоспоримо вѣрно, какъ вѣрно и то, что кто видѣлъ греческіе образцы, тотъ останется равнодушнымъ къ египетскимъ, блѣднѣющимъ передъ дивными произведеніями эллинскаго генія, основанными на изученіи живой природы и свободными отъ всякой условности и формализма.

Но для правильной оцѣнки памятниковъ древне-египетскаго искусства необходимо помнить, что грандіозныя сооруженія, обнаруживающія зачатки художественнаго развитія и требующія опытной техники, возникли за нѣсколько тысячелѣтій до начала той же греческой эры и потребовали неимоверныхъ усилій отъ народа-самоучки, которому приходилось все создавать впервые.

1. Архитектура. Разсматривая сохранившіеся памятники египетскаго искусства, относящіеся къ зодчеству, мы поражаемся ихъ

грандіозностью, мощностью размѣровъ и формъ, громадностью механическаго труда и ихъ техническимъ совершенствомъ. Богатство каменнаго строительнаго матеріала, разбросаннаго по всей нильской низменности въ монолитахъ или въ скалистыхъ образованіяхъ не могло не произвести извѣстной дозы сильнаго вліянія на развитие архитектуры, на массивный, грандіозный характеръ ея формъ.

Терпѣніе и настойчивость, необходимыя для такихъ сооружений, тѣмъ удивительнѣе, что египтяне употребляли для нихъ самые твердые камни: гранитъ, сіэнитъ и базальтъ—кристаллическія горныя породы, образующія обширное плоскогорье на восточной сторонѣ Нила.

Преобладающее значеніе религіи, охватывавшей, какъ мы знаемъ, всѣ стороны общественной жизни, господство жреческаго сословія и патріархальный деспотизмъ фараоновъ служили здѣсь главными факторами возникновенія монументальныхъ сооружений, а изобиліе камня и другихъ естественныхъ матеріаловъ (напримѣръ, известнякъ и песчаникъ съ Ливійской пустыни) въ связи съ бесплатнымъ рабочимъ трудомъ давали средства для выполненія идеи строителей. Нашъ обзоръ указанной отрасли искусства мы начнемъ съ храмовъ, которые остались почти единственными и во всякомъ случаѣ самыми совершенными памятниками художественной архитектуры древняго Египта.

1. Храмы. Высокое развитіе религіознаго чувства у подданныхъ фараоновъ, создавшее полный таинственности культъ не могло не обусловливать важнаго значенія храма, какъ святаго мѣста, куда стекались многочисленныя молящіяся для поклоненія божеству и принесенія ему жертвъ, почему во всѣ вѣка исторіи египетскаго народа мы видимъ, что матеріальныя силы страны направляются главнымъ образомъ на созданіе соотвѣтствующихъ святилищъ, удовлетворяющихъ потребностямъ догмата.

Изъ сущности самой религіи вытекало то или иное расположе- ніе, та или иная форма религіозныхъ построекъ. Такимъ образомъ созданіе храма коренилось въ весьма чуткомъ религіозномъ чувствѣ египетскаго народа, старавшагося постоянно выполнять волю божества и оказывать послѣднему почитаніе, что и дало поводъ Геродоту аттестовать подданныхъ фараоновъ самымъ религіознымъ народомъ въ свѣтѣ. Изъ сознанія зависимости людей отъ боговъ и нужды въ нихъ естественнымъ образомъ вытекло сознаніе необходимости богопочитанія. Человѣкъ исполнялъ религіозныя обряды, отдавалъ богамъ часть своего имущества въ видѣ жертвъ или даровъ, но взамѣнъ просилъ у нихъ того, въ чемъ онъ нуждался.

Отъ эпохи Древняго Царства храмовъ почти не сохранилось, а потому, чтобы составить понятіе о древне-египетскихъ святилищахъ достаточно рассмотреть ихъ устройство въ послѣдующее время, такъ какъ начиная съ XII-й династіи и вплоть до эпохи римскаго владычества оно почти не измѣнилось и ихъ основная форма осталась все та же. Въ многочисленныхъ развалинахъ храмовъ, покрывающихъ почву нильской долины, видѣнъ не только общій планъ храмовыхъ построекъ, но и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилось относительное расположеніе отдѣльныхъ частей зданія.

По расположенію плана египетскіе храмы можно подраздѣлить на двѣ группы: 1) большіе главные храмы и 2) малые боковые храмы (тифоніумы, какъ называетъ ихъ Страбонъ, мамизи по Шамполліону), а по способу выполненія на: 1) гротовыя (sreos) и 2) отдѣльно стоящія, но какъ тѣ, такъ и другія представляютъ болѣе или менѣе одинаковое расположеніе плана: храмы строились продолговатымъ, иногда очень обширнымъ четырехугольникомъ на массивномъ кирпичномъ фундаментѣ и въ каждой самой сложной храмовой постройкѣ было то, что составляло ея первоначальный существеннѣйшій элементъ,— ворота, утвержденныя между двумя массивными пирамидальными башнями, извѣстными подъ именемъ пилоновъ или порталовъ, бока которыхъ спускаются къ низу не вертикально, а откосами.

Пилоны являются самой высокой частью храма; отъ нихъ постепенно зданіе становится ниже.

Надъ самымъ входомъ въ храмъ находился такъ называемый пектораль, т. е. изображеніе „крылатаго солнца“, которому приписывалась охранительная сила и которое служило чѣмъ то въ родѣ талисмана, отгонявшаго отъ храма всякую нечисть. Въ центрѣ этого египетскаго символа находился солнечный дискъ, вокругъ котораго обвивалось изображеніе священной змѣи Uraeus, считавшейся символомъ солнца и неизмѣнной принадлежностью египетской царской короны; къ диску съ обѣихъ сторонъ прикрѣплены крылья, символически знаменовавшія быстроту свѣтовыхъ солнечныхъ лучей.

Подобные символы не только являлись необходимой принадлежностью величественнаго египетскаго храма, но зачастую, чтобы не сказать всегда, украшали собою частныя жилища, такъ какъ полинявшая легенда утверждала, что богъ „Горъ-Добхетитъ въ образѣ разноцвѣтномъ, въ видѣ великаго крылатаго диска“ побѣдилъ духа тьмы и въ знакъ одержанной побѣды повелѣлъ вѣрующимъ черезъ бога Тота изображать крылатое солнце надъ всѣми окнами и входами въ домъ.

Храмъ былъ окруженъ высокой стѣной сажень въ пять толщины, за которой находилось нѣсколько храмовыхъ построекъ, составлявшихъ жилища жрецовъ и вообще членовъ священнаго персонала. Постройки эти занимали огромное пространство. Такъ развалины храмовъ при нынѣшней деревнѣ Карнакъ занимаютъ мѣсто около четырехъ верстъ въ окружности и нѣкогда тамъ за четырьмя широкими стѣнами ограды, возведенными пирамидально и увѣнчанными массивнымъ карнизомъ, находилось одиннадцать отдѣльных святилищъ ¹⁾. За оградой, въ близкомъ отъ нея разстояніи, располагались обыкновенно рощицы и небольшіе пруды, предназначенные для совершенія омовеній и разнаго рода религіозныхъ церемоній, установленныхъ богослужебнымъ ритуаломъ. Самый храмъ раздѣлялся на четыре части.

Тотчасъ же за входомъ лежалъ такъ называемый перестиль, т. е. четырехугольный дворъ, величина котораго не была постоянной, а опредѣлялась обширностью самого храма; окаймленный съ боковъ массивной колоннадой, перестиль образовывалъ такимъ образомъ вокругъ гипертрона (открытой части) крытые портики съ плоской и сложенной изъ каменныхъ плитъ кровлей.

Слѣдующая часть храма (наось) носила названіе „заль ожиданій“ и отдѣлялась отъ двора нѣсколькими ступенями; она была ниже предыдущей, потому что полъ тамъ возвышался, а потолокъ соответственно понижался по направленію къ Sanctuarium'у (святилище),—самой низкой части всего зданія. „Заль ожиданія“, представляя крытое, но лишенное оконъ помѣщеніе, освѣщался отчасти при помощи четырехугольнаго отверстія крыши храма, поддерживавшейся колоннадой, а главнымъ образомъ свѣтъ проникалъ сюда со двора; но, конечно, и то, и другое средство было недостаточно для полнаго освѣщенія, такъ что названная часть храма пребывала въ таинственномъ полумракѣ, способствовавшемъ усиленію набожнаго чувства въ молящихся. Надо полагать, что сюда допускалась только избранная публика, которая здѣсь ожидала момента выноса въ торжественной процессіи святыни изъ святилища, составлявшаго третью часть храма.

Въ обширномъ Карнакскомъ храмѣ, обращенномъ фасомъ къ Нилу, откуда вела дорога, обставленная двумя рядами сфинксовъ (см. ниже), средніе ряды колоннъ значительно выше боковыхъ, что ясно видно при сопоставленіи слѣдующихъ цифръ: вышина среднихъ двѣнадцати колоннъ, считая отъ основанія до антаблемента (верхняя

¹⁾ Знаменитому Карнакскому храму нынѣ грозитъ разрушеніе; девять колоннъ, подмытыхъ разливами Нила, уже рухнули.

часть колонны), равнялась 66 футамъ при окружности каждой изъ нихъ—36 футовъ, тогда какъ высота каждой изъ боковыхъ колоннъ не превышала 40 футовъ при окружности—27 фут. Общее же число всѣхъ колоннъ Карнакскаго храма достигало почтенной цифры—134-хъ.

Къ „залу ожиданія“ примыкаетъ внутренняя часть святилища, узкое, низкое и темное зданіе, въ глубокихъ нишахъ котораго разставлялись статуи божествъ или на гранитномъ пьедесталѣ помѣщалась статуя какого-нибудь одного бога, если ее не замѣняло священное животное. Излишне прибавлять, что какъ послѣднее, такъ равно и первыя или первая были погружены въ таинственный полумракъ, господствовавшій въ названной части храма, предназначенной быть жилищемъ чтиваго божества.

Продолженіе *sanctuarium*'а составляло четвертое и послѣднее отдѣленіе храма, самая низкая и самая мрачная комната, предназначенная для храненія богослужебныхъ принадлежностей. Вся поверхность стѣнъ, потолковъ и колоннъ, равно какъ и наружной ограды, испещрена лицевыми изображеніями, живыя краски которыхъ и таинственный символизмъ усиливаютъ производимое этими монументами впечатлѣніе до высокой степени.

Итакъ *большой египетскій храмъ представляетъ цѣлый рядъ построекъ, расположенныхъ симметрично по главной оси, начиная отъ пилоновъ до sanctuarium'a*. Съ художественной точки зрѣнія—замѣчаетъ профессоръ М. С. Корелинъ—лучшая египетская постройка не блещетъ достоинствами. Великіе художники и архитекторы древней Греціи приучили насъ смотрѣть на зданіе какъ на нѣчто цѣлое и вполне законченное, такъ что къ нему нельзя ничего прибавить и отъ него нельзя ничего отнять безъ нарушенія его единства и цѣлостности.

Египетскій храмъ не обладалъ законченностью и сверхъ того былъ лишенъ и другого признака художественной архитектуры—симметрии, т. е. правильнаго и гармоническаго отношенія между отдѣльными частями постройки. Особенно рѣзко обнаруживается отсутствіе симметрии въ устройствѣ кровли. Обыкновенно египетскій храмъ наминаетъ собою слуховую трубу, широкому концу которой соответствуетъ пилонъ, потому что, начиная отъ входа потолокъ постепенно понижается, а полъ возвышается. Но иногда по какому то странному капризу архитектора, самую высокую часть зданія является не пилонъ, а „залъ ожиданія“ и отсутствіе потребности симметрии обнаруживается самымъ несомнѣннымъ образомъ ¹⁾.

¹⁾ Корелинъ. «Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія». 1893, 27—28.

Потолокъ египетскихъ храмовъ, состоящій изъ массивныхъ каменныхъ балокъ и плитъ, ясно выражаетъ свое конструктивное назначеніе. На колоннахъ и стѣнахъ, располагавшихся на небольшомъ разстояніи перекрывались мощные каменные переводы, которые сверху перекрывались еще плитами. Тяжесть строительнаго матеріала и ограниченность конструктивныхъ приемовъ обусловливали слишкомъ богатое примѣненіе опорныхъ частей, сравнительно съ размѣрами перекрываемаго помѣщенія. Что касается до формы плоскостей потолка, то таковая, соотвѣтственно общему размѣщенію, всегда была квадратная или прямоугольная.

Колонны составляютъ главный элементъ въ устройствѣ отдѣльныхъ частей египетскаго храма, хотя съ нашей точки зрѣнія онѣ не всегда удовлетворяютъ архитектурному смыслу и художественной законченности: иногда въ египетской колоннѣ можно найти прямую несуразность, въ родѣ, на примѣръ, того, что капитель шире стержней или основаніе толще вершины, что, разумѣется, не мѣшало имъ производить сильное впечатлѣніе на египтянина, не замѣчавшаго въ подобномъ архитектурномъ уродствѣ полное отсутствіе художественнаго вкуса. Наиболѣе грандіозное впечатлѣніе производили колоннады во дворѣ храма и въ „залѣ ожиданія“; въ упомянутомъ Карнакскомъ храмѣ, на примѣръ, это послѣднее помѣщеніе занимало площадь въ 1.400 кв. сажень и другой подобной колоннады не знаетъ всемірная исторія архитектуры.

Нужно еще замѣтить, что столбъ четырехугольнаго сѣченія, плотно примыкающій къ стѣнѣ—пилястръ, равно какъ и колонна, появился впервые въ гробницахъ Бени-Хассана за двѣ тысячи лѣтъ до начала нашей эры. Онъ встрѣчается здѣсь въ двойной формѣ,—собственно пилястра и отдѣльно стоящаго столба; въ простѣйшемъ своемъ видѣ, какъ украшеніе гробничнаго портика, онъ представляетъ восьмигранную подпорку съ плоскимъ, по краямъ закругленнымъ основаніемъ и кубической верхушкой. Отсюда развилась впоследствии извѣстная греческая форма „храма между пилястрами“ (*templum in antis*).

Въ египетской архитектурѣ развились преимущественно опорныя формы колоннъ, имѣвшія большое вліяніе на развитіе греческаго стиля. Въ только что упомянутыхъ гробницахъ Бени-Хассана найдены восьми и шести-гранныя колонны, получившіяся отъ скашиванія реберъ четырехугольныхъ столбовъ. При дальнѣйшей обработкѣ этой чисто конструктивной формы, стержень колоннъ утонялся кверху, а его грани получали углубленія или каннелюры между заостренными ребрами.

Подъ основаніе стержня вставлялась низкая круглая плита, а сверху подъ балкой—четыреугольная подушка или абака. Кромѣ указанныхъ колоннъ-столбовъ мы встрѣчаемся съ другой формой опоръ—колонной-лотосъ¹⁾; эта первоначальная форма колонны, имѣвшая, вѣроятно, отношеніе къ символическому значенію лотоса, осталась навсегда господствующей въ египетской архитектурѣ, хотя и была значительно измѣнена и усовершенствована, достигнувъ высшей степени своего декоративнаго развитія въ обширныхъ храмахъ, построенныхъ въ эпоху XVIII династіи.

Дальнѣйшее преобразованіе привело къ замѣнѣ рубчатой капители, подражавшей лепесткамъ лотоса, гладкою, которая представляла удобную поверхность для іероглифическихъ изображеній. Таковы, на примѣръ, капители колоннъ въ Карнакскомъ храмѣ, гдѣ онѣ имѣютъ форму раскрытой цвѣточной чашечки.

Основаніе или база колоннъ во всѣхъ случаяхъ представляетъ круглую плиту съ прямолинейнымъ или выпуклымъ профилемъ. Стержень какъ бы состоитъ изъ нѣсколькихъ стеблей, соединенныхъ вмѣстѣ, благодаря чему естественнымъ путемъ происходитъ выпуклое канцелированіе. Въ позднѣйшую эпоху дѣлались гладкіе неканцелированные колонны, украшенныя картинными изображеніями и іероглифами. Украшенія располагались горизонтальными полосами, одна надъ другой, перпендикулярно оси колонны, благодаря чему получались массивныя, тяжелыя, но болѣе устойчивыя прапорціи²⁾.

Въ эпоху XIX династіи къ существовавшимъ формамъ капители прибавляется новая, составленная изъ рельефнаго изображенія головы богини Гаторъ и храмовидной надставки надъ нею. Форма эта осталась любимой и въ позднѣйшую эпоху при Птоломеяхъ; ее, на примѣръ, мы находимъ въ развалинахъ храма въ Дендерѣ: круглый стержень колонны оканчивается четырехсторонней надставкой, нижнюю половину которой составляютъ изображенія головы богини, а верхнюю—нѣчто въ родѣ куба, которому данъ видъ храма.

Такая двойная капитель ставилась иногда даже поверхъ капителей растительной формы и, выработавшись до чрезвычайнаго разнообразія, сдѣлалась совершенно произведеніемъ скульптуры (подобно греческимъ каріатидамъ), которая истощила въ ней всевозможныя сочетанія листьевъ, стеблей, геометрическихъ фигуръ и проч. Что эти комбинаціи часто не лишены живописнаго эффека можно судить по развалинамъ храмовъ въ Эснехѣ, Эдфу, Филе и друг.

¹⁾ И. Володихинъ. «Архитектурный стиль», 1898, т. I, гл. II, 25.

²⁾ Ibid. 26.

Размѣщеніе колоннъ не подчинялось какому либо опредѣленному архитектурному закону, а производилось довольно произвольно. Иногда всѣ колонны зданія имѣли одинаковыя капители, иногда различныя; въ послѣднемъ случаѣ соблюдалось, однако, извѣстная симметрія: колонны съ одинаковыми капителями ставились поочередно то рядомъ, то одна противъ другой. Въ крытыхъ галлерейхъ, окружавшихъ дворы, противъ ряда колоннъ, поддерживавшихъ крышу, шелъ иногда вдоль стѣны цѣлый рядъ пилястръ.

Чтобы нѣсколько смягчить однообразіе наружной формы храма, его стѣны покрывались скульптурными и живописными украшеніями, рельефамъ и картинами, служившими изображеніями того или другого историческаго событія съ объяснительнымъ іероглифическимъ текстомъ.

Декоративныя украшенія внутреннихъ стѣнъ, будучи однообразны по сюжету, по большей части, изображали, какъ фараонъ приносить богамъ жертвы и какъ боги подаютъ ему за это разныя милости, тогда какъ военные подвиги царей признавались за лучшее изображать снаружи для соотвѣтствующаго назиданія народной массы, умилявшейся чудеснымъ и геройскимъ подвигамъ своихъ „божественныхъ“ фараоновъ. Кромѣ большихъ храмовъ, подобныхъ вышеописаннымъ, въ древнемъ Египтѣ существовали такъ называемые *speos naft*, т. е. храмы-гроты. Въ расположеніи и обработкѣ пилона, они въ общемъ напоминаютъ обыкновенные храмы съ залами и колоннадами. Наиболѣе извѣстный *speos* въ Абу-Симбелѣ (Ибсамбуль въ Беледь-эль-Барабрѣ, т. е. въ Нубіи); онъ изсѣченъ при Рамзесѣ II, четыре колоссальныхъ статуи котораго украшаютъ входъ. Бругшъ довольно восторженно отзывается о *speos*.

„Скальный храмъ этотъ до того смѣлъ, до того грандіозенъ, до того превосходитъ всякій масштабъ человѣческой работы, что онъ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто великаны передѣляли въ живое произведеніе искусства недвижимыя скалы. Здѣсь, передъ этимъ созданиемъ рукъ человѣческихъ, мыслящій человѣкъ нашего времени начинаетъ чувствовать величіе старины въ проявленіи ея гигантской силы. Работа эта создана не по глубокомысленному расчету выгоды или пользы, приносимой ею, а въ основаніи ея лежала религіозная мысль о поклоненіи божеству и о созданіи храма, достойнаго идеи безсмертнаго, непостижимаго, всемогущаго божества, которому эта высокая древность посвящала этотъ храмъ, благоговѣя передъ безконечнымъ и необъемлемымъ“ ¹⁾.

¹⁾ Бругшъ. «Исторія фараоновъ», XVII, 511—512.

Наряду со спесами въ эпоху, сравнительно, позднѣйшую въ странѣ существовали тифоніумы или мамизи, маленькіе храмики, предназначенные служить для поклоненія богу Тифону или Сету (см. Религія). Главная часть храмика или собственно святилище окружено поддерживающей плоскую крышу колоннадой, но угловыя колонны замѣнены пилястрами или толстыми пирамидальными столбами, забранными до трети ихъ вышины отвѣсными каменными стѣнами, за исключеніемъ промежутка между столбами, лежащаго противъ входа. Капители кубической формы съ рельефнымъ изображеніемъ Тифона составляютъ главное и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическое украшеніе этихъ храмиковъ ¹⁾).

Храмы, находившіеся на западной сторонѣ Нила, имѣли тѣсное отношеніе къ царскимъ гробницамъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже. Въ то время какъ на Мемфисскомъ полѣ царскій прахъ покоился въ пирамидѣ, а подлѣ нея находились храмы, гдѣ жрецы воздавали божескія почести памяти царя, въ западной половинѣ Фивъ муміи фараоновъ, положенныхъ въ великолѣпные саркофаги, поконились въ нѣдрахъ горъ, у подошвы которыхъ воздвигались храмы и приносились жертвы. Такому поминальному храму греки давали названіе мемноніума.

По уцѣлѣвшимъ остаткамъ небольшихъ храмовъ, относящихся къ эпохѣ XVIII-й династіи, видно, что существенное отличіе ихъ отъ большихъ святилищъ заключалось въ отсутствіи пилоновъ и дворовъ. Они имѣли форму продолговатаго четырехсторонника, раздѣлялись внутри на нѣсколько различной величины комнатъ, а снаружи обносились небольшою колоннадой. Образцами такихъ храмиковъ могутъ служить небольшіе, уже теперь полуразвалившіеся храмы на островѣ Элефантинѣ.

На восточной сторонѣ Нила существуютъ двѣ главныя группы храмовыхъ развалинъ, которыя извѣстны по именамъ двухъ арабскихъ деревень Карнакъ и Луксоръ (арабское слово, означающее дворцы, Эль-Аксорейнъ). Оба названныхъ храма, посвященныхъ „сокровенному“ Амону, представляютъ лабиринтъ пилоновъ, дворцовъ, колоннадъ, портиковъ и колоссальныхъ статуй, воздвигнутыхъ въ разное время разными фараонами.

Гигантское сооруженіе въ Карнакъ, которое по объясненію находящейся тамъ надписи строилось въ продолженіе одиннадцати столѣтій, было сооружено на сложенной изъ кирпичей терасѣ и въ

¹⁾ Г. Вейсъ. «Kostümkunde». 67.

окружности, какъ уже сказано выше, имѣло около четырехъ верстъ. Огромный крытый залъ храма имѣлъ 320 футовъ ширины и 164 фута глубины, а плоскую крышу поддерживали 134 колонны, разставленныя правильными рядами и раздѣленныя на двѣ равночисленныя и одна другой противолежащія группы колоннадой изъ 12 колоннъ, которая шла по срединѣ „зала ожиданій“. Открытый дворъ занималъ четырехугольную площадь въ 260 фут. ширины и 320 фут. длины.

Крыша зданія лежала непосредственно на огромныхъ каменныхъ брусьяхъ въ 22 фута длины, 6 футовъ вышины и 4 фута толщины каждый.

Два такихъ бруса замѣняли архитравъ (часть антаблемента надъ капителью) и въ свою очередь опирались на каменные плиты въ 28 футовъ длины, 4 фута ширины и почти столько же толщины. — Каждая изъ колоннъ Карнакского храма, сохранившаяся до настоящаго времени, покрыта рисунками и іероглифами.

Что касается до Луксорскаго храма, то почти сходный по величинѣ и по расположенію съ Карнакскимъ, онъ былъ сверхъ того въ изобиліи украшенъ колоссальными статуями властителей Египта — фараоновъ.

2. *Пирамиды*. Главные памятники древне-египетскаго архитектурнаго искусства отмѣчены характеромъ колоссальнаго и самыми прославленными ихъ представителями являются надгробныя сооруженія фараоновъ — п и р а м и д ы.

Пирамида — греческое слово; египтяне называли это зданіе Абумиръ (какъ гробница и какъ математическое тѣло); собственно же грани пирамиды носили названіе п и р - а - м - у с ъ и, быть можетъ, это слово перешло къ грекамъ для обозначенія тѣла ¹⁾. Жрецы увѣряли, что пирамиды настолько же углублены въ землю, насколько поднимаются вверхъ ²⁾.

Наибольшее число этихъ архитектурныхъ памятниковъ, способныхъ противостоять разрушительному вліянію времени, сосредоточено въ Гептаномидѣ, именно въ окрестностяхъ дровяго Мемфиса, гдѣ къ западу отъ нынѣшняго Каира лежитъ арабская деревушка Гизехъ (Gizeh), около которой, къ сторонѣ ливійской пустыни, простирается такъ называемое *поле пирамидъ*. Пирамиды — четырехстороннія зданія,

¹⁾ См. примѣч. Brugsch'a, p. 73.

²⁾ Aristid. or, XLVIII, 363.

боковыя поверхности которыхъ составляютъ треугольники, постепенно суживающіеся къ верху. По своему внѣшнему виду эти колоссальныя громады представляютъ развившуюся форму кургана, насыпавшагося въ память покойника надъ его могилой, что встрѣчается у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ культурной лѣстницы: египтяне дали этому первобытному памятнику, лучшему и типичному прообразу несокрушимой земной власти, архитектурическую правильность, законченность и создали такимъ образомъ пирамиду, свидѣтельница возрожденія земного величія, скованнаго необозримыми предѣлами знойной, голой и безцвѣтной пустыни.

Предназначенныя служить колоссальной усыпальницей и мѣстомъ вѣчнаго успокоенія земныхъ боговъ, пирамиды должны были своей громадностью напомнить величіе тѣхъ, кого онѣ скрываютъ въ глубинѣ таинственныхъ нѣдръ, а своею прочностью, недоступностью никакимъ разрушительнымъ вліяніямъ, обеспечивать невозмутимый покой ихъ царственныхъ строителей на вѣчныя времена.

Основаніе пирамиды всегда составляетъ четырехугольникъ, а въ самыхъ большихъ—квадратъ, что придаетъ воздвигаемому зданію большую прочность, такъ какъ стороны его имѣютъ взаимную опору. Большая часть памятниковъ-гигантовъ построены изъ плотнаго известняка, другіе сложены изъ необожженныхъ кирпичей, у третьихъ, наконецъ, ребра выведены изъ плитняка, а остальная часть состоитъ изъ того же кирпича, являющагося главнымъ матеріаломъ для сооружений.

Разсматривая пирамиду, какъ художественное произведеніе, нельзя не признать ея значительнаго несовершенства. Эта коллосальная громада, лишенная всякихъ слѣдовъ архитектурнаго изящества во внѣшнемъ и во внутреннемъ устройствѣ, представляетъ несравненно больше интереса для исторіи техники, чѣмъ для исторіи искусства.

При ея сооруженіи архитекторъ преслѣдовалъ только двѣ цѣли: сохранить трупъ царя отъ разрушительнаго вліянія всепоглощающаго времени и поставить предѣлъ преступному хищничеству къ нарушенію вѣчнаго покоя фараоновъ. Первая цѣль достигалась несокрушимую прочностью постройки, которая, несмотря на разрушительныя атмосферическія вліянія, далеко пережила срокъ, назначенный для сохраненія въ ней муміи, а вторая—ея внутреннимъ устройствомъ, о которомъ будетъ говоритья вслѣдъ за симъ.

По своему расположенію относительно другъ друга пирамиды распадаются на нѣсколько группъ, извѣстныхъ по именамъ сосѣднихъ съ ними деревень: Гизехъ (собственно Эль-Гизе), Абуширъ, Сау-

іэть-эль-Аріанъ, Абу-Роашъ, Рига, Саккара, Дашуръ, (Меншіатъ) и мн. друг.

Первая изъ названныхъ группъ, Гизехская, самая сѣверная, заключаетъ въ себѣ три величайшія пирамиды, которыя, несмотря на миллионы пудовъ, давящихъ ихъ, по прошествіи пятидесяти вѣковъ сохранили совершеннѣйшую и удивительнѣйшую правильность. Великія пирамиды Гизеха, выстроенныя фараонами IV-й династіи Хеопсомъ (Хуфу), Хефреномъ (Хафра) и Мекериномъ (Менкера), ориентированы такъ, что бока ихъ соотвѣтствуютъ математически точно странамъ свѣта и кромѣ того, продолженіе одной изъ діагоналей пирамиды Хефрена, совпадаетъ съ діагональю пирамиды Хеопса, самой колоссальной громадой изъ надгробныхъ сооружений египетскихъ владыкъ.

„Если-бы эта пирамида—замѣчаетъ Амперъ—была изъ жести и полая внутри, то ея можно было-бы накрыть соборъ св. Петра и Павла въ Римѣ, и онъ исчезъ-бы въ ней, какъ шарикъ фокусника подъ стаканомъ“.

Дѣйствительно, это грандіозное сооруженіе, одно изъ чудесъ всемірнаго зодчества, состоитъ изъ 203 рядовъ камня, имѣетъ около семидесяти сажень отвѣсной высоты (слѣдовательно, въ два раза выше парижской Notre Dame) и четырехугольное основаніе въ 110 сажень въ каждомъ фасѣ, а объемъ камня, вошедшаго въ ея составъ, равняется 250.000 куб. саж. (2.521.000 куб. метра). Принимая въ кубич. сажня пирамиды въ 1.000 п., получимъ для всей пирамиды—250.000.000 пудовъ, иначе говоря, масса этой пирамиды могла-бы доставить матеріалу на стѣну, высотой въ шесть футовъ и длиною приблизительно въ тысячу лѣ, т. е. 4.173 версты!

Вершина названной пирамиды представляетъ площадку (въ тридцать одинъ футъ въ поперечникѣ), которая почти незамѣтна, если смотрѣть на грандіозное сооруженіе издали; входъ во внутренность пирамиды—на высотѣ $5\frac{1}{2}$ саж.

Остальныя пирамиды ниже: пирамида Хефрена достигаетъ высоты 61 сажени (объемъ нѣсколько болѣе 71 миллиона кубич. футовъ), Мекерина—44 сажень, а самая маленькая усыпальница не превышаетъ высоты семи сажень. Встрѣчаются нѣкоторыя варіаціи и во внѣшней формѣ.

Такъ стороны одной изъ пирамидъ въ Меншіатъ-Дашурѣ, приблизительно, на половинѣ ея высоты пріобрѣтаютъ болѣе наклонъ, такъ что линія ихъ пересѣченія не прямая, а ломанная; въ Саккарѣ есть пирамида, стороны которой имѣютъ видъ лѣстницы и которая

при этомъ неправильно ориентирована, отклоняясь на 4° 35' къ востоку отъ меридіана (что, по замѣчанію Прокешъ-Остена, служитъ однимъ изъ доказательствъ древности сооруженія упомянутой пирамиды) и т. д. Наружный видъ этихъ гробничныхъ сооружений вовсе не соответствуетъ внутреннему расположенію; несоразмѣрность между затраченнымъ матеріаломъ и внутренними помѣщеніями, можно объяснить влияніемъ гротовъ, устройство которыхъ ко времени сооруженія пирамидъ сдѣлалось какъ-бы религіознымъ догматомъ.

Возведеніе величественнаго усыпальища, которое приготавливали себѣ деспотическіе властелины, начиналось еще при жизни фараона и размѣры сооруженія зависѣли отъ степени могущества властителя Египта и продолжительности его царствованія. Конечно, это относится къ древнѣйшей эпохи египетской исторіи и хотя фараоны послѣдующихъ временъ также занимаются устройствомъ пирамидъ, но матеріаломъ для этихъ сооружений служатъ уже кирпичъ и размѣры ихъ весьма скромны въ сравненіи съ гигантскими каменными громадами предыдущихъ вѣковъ¹⁾.

Сначала пирамида изъ известковаго камня возводилась уступами небольшой (лишь относительно) величины, но могла уже служить гробницей; по мѣрѣ того, какъ продолжалась жизнь властителя, онъ одѣвалъ пирамиду одеждой изъ камня, и прибавлялъ одежду на одежду доколѣ она не достигала гигантскихъ размѣровъ; въ заключеніе четыре громаднхъ треугольника, составлявшіе бока пирамиды, одѣвали камнемъ самыхъ красивыхъ и крѣпкихъ породъ²⁾.

Въ массѣ пирамиды устраивались жертвенный покой, а также комнаты фараона и его супруги, сообщавшіяся между собою узкими корридорами, которые потомъ тщательно замуравливались для предохраненія умершихъ властителей отъ всѣхъ тѣхъ, кто могъ-бы нарушить ихъ вѣчный сонъ и потревожить безмятежно покоющійся прахъ.

Внутреннее расположеніе погребальныхъ камеръ, комнатъ и покоевъ не имѣло опредѣленнаго и тщательно обдуманнаго плана; за то ихъ отполированныя гранитныя стѣны обнаруживаютъ большое совершенство техники. Гдѣ горизонтальныя каменные балки были недостаточны для перекрытія камеръ, на стѣны, на подобіе стропиль, ставились большія плиты или съ этой цѣлью посредствомъ постепеннаго сдвиженія рядовъ кладки, устраивался родъ свода, а ограничен-

¹⁾ Мечниковъ, *loc. cit.*, VIII, 205.

²⁾ Бругшъ, *loc. cit.* III, 41.

ные размѣры помѣщеній требовали постановку отдѣльно стоящихъ опоръ ¹⁾).

Мы видѣли, что основная идея строителя пирамиды, главнымъ образомъ, сводилась къ тому, чтобы сдѣлать доступъ къ покоящемуся въ ея нѣдрахъ саркофагу крайне затруднительнымъ, чтобы не сказать, вовсе недоступнымъ.

Указанной цѣли стремились достигнуть слѣдующимъ образомъ: недалеко отъ входа, продѣланнаго въ одномъ изъ боковъ пирамиды, во внутренность послѣдней и въ направленіи ея оси вели нѣсколько развѣтвлявшихся проходовъ, изъ которыхъ одинъ, спускаясь внизъ подъ основаніе пирамиды, шелъ по направленію къ погребальной камерѣ; остальные проходы (обыкновенно три) послѣ нѣсколькихъ подъемовъ, иногда до половины высоты надгробнаго сооруженія, также оканчивались камерами, могущими служить для погребенія.

Проходы всѣ подъ угломъ къ горизонту и имѣютъ площадки. Есть доказательства, что послѣ внесенія муміи въ камеру, заранѣе приготовленныя каменные глыбы спускались собственной тяжестью по пазамъ прохода къ площадкѣ и заваливая наглухо проходъ, дѣлали невозможнымъ не только проникнуть къ саркофагу, стоявшему въ погребальной камерѣ, но и отыскать направленіе корридора ²⁾).

Древнѣйшія пирамиды совершенно лишены надписей и только начиная съ эпохи VI династіи вошло въ обычай расписывать внутреннюю поверхность пирамиды священными текстами. Такъ въ текстахъ пирамидъ мы можемъ найти намеки на участіе Тота (см. Религія) къ судьбѣ покойника, при чемъ приводятся формулы соединенія съ послѣднимъ его Ка и другіе ритуальные тексты, на которые мы уже ссылались и которые, повторяясь, сообразно четыремъ странамъ свѣта по четырежды, обращаются между прочимъ и къ Тоту, какъ представителю запада ³⁾).

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на пирамиды, несомнѣнно только то, что эти колоссальныя усыпальницы представляютъ неопровержимое свидѣтельство могучаго вліянія религіи или, вѣрнѣе, жреческаго дурмана на жизнь древнихъ египтянъ и громадной власти ихъ фараоновъ; чтобы построить себѣ прочную могилу, зараженный пирамидоманіей египетскій владыка въ теченіе многихъ лѣтъ доводилъ до крайняго напряженія народныя силы,— до такой степени важ-

¹⁾ Володихинъ, цит. соч. 18.

²⁾ Бругшъ, Ibid. 42.

³⁾ Тураевъ, «Богъ Тотъ», III, 30.

нымъ казалось ему и пропитанному какой то бѣлой горячкой строительства народу сооруженіе надежнаго помѣщенія для царскаго трупа.

Немедленно по вступленіи на престолъ фараонъ отдавалъ приказаніе обтесывать скалу и рыть землю для сооруженія своей пирамиды; знатные люди страны, душесмятеніе которыхъ въ виду сказанныхъ условій становится совершенно понятнымъ, объѣзжали всю монархію въ поискахъ за алебастровой или гранитной глыбой, достойной сдѣлаться матеріаломъ для царскаго саркофага, а населеніе городовъ, иногда даже цѣлыхъ провинцій сгонялось въ каменоломни.

Необходимо добавить, что саркофаги ставились на мѣсто ранѣе возведенія надгробныхъ сооружений, и пирамида строилась около установленнаго уже на мѣсто саркофага; только одна мумія вносилась позднѣе, буде царствующій правитель доживалъ до окончанія всей постройки. Обыкновенно при каждой пирамидѣ, съ восточной ея стороны выстраивался небольшой храмикъ (мемноніумъ, см. выше), иногда въ связи съ царской усыпальницей, иногда отдѣльно; онъ былъ посвященъ культу почившаго фараона и заключалъ обыкновенно каменную статую послѣдняго.

Обращаемся къ разсмотрѣнію собственно великихъ пирамидъ Гизеа, начиная нашъ обзоръ съ колоссальнаго каменнаго гиганта—пирамиды Хеопса. Это надгробное сооруженіе, имѣющее іероглифическое имя Хуть („блестящая“), стоитъ на террасѣ высотой около девятнадцати сажень и возвышаясь, по изслѣдованію полковника Вайза, еще до высоты 450.75 англ. фут., при длинѣ одной стороны квадрата основанія 746 англ. фут., покрываетъ пространство въ 669.124 квадр. фута.

Первоначально гигантская усыпальница фараона состояла изъ 205 слоевъ камня, каждый около двухъ съ половиной футовъ толщиною, которые лежали одинъ на другомъ, но въ настоящее время два самыхъ верхнихъ слоя разрушены, и ихъ осталось, какъ указано выше, двѣсти три.

Выстроенная изъ плотнаго известняка, привезеннаго изъ каменоломень Туру и Массара, пирамида Хеопса была одѣта снаружи красивымъ красно-чернымъ гранитомъ, добытымъ изъ „красной горы“, Ту-Тешеръ (близь Ассуана). Въ настоящее время этой гранитной облицовки не существуетъ, такъ какъ арабы воспользовались лежавшимъ подъ бокомъ прекраснымъ матеріаломъ и употребили его на постройку своихъ городовъ и селеній.

Всѣ каменные плиты, которыя пошли на постройку пирамиды, обтесаны самымъ тщательнымъ образомъ и каждая изъ нихъ смы-

кается съ сосѣдной такъ, что верхняя на своей нижней поверхности имѣетъ ребровидный выступъ, высотой въ два дюйма, который входитъ въ точно такого же размѣра углубленіе, находящееся на верхней сторонѣ лежащаго подъ нею камня, черезъ что сдвиганіе или треніе послѣдняго абсолютно невозможно.

При указанномъ способѣ кладки пирамида образуетъ родъ громадной лѣстницы, состоящей болѣе, чѣмъ изъ двухсотъ ступеней, при чемъ для гладкости облицовки, въ нихъ закладывались трехстороннія гранитныя призмы; строго говоря, это были неправильныя четырехстороннія призмы, потому что каждая нѣсколько выдается надъ ступенью, такъ что въ наружныхъ поверхностяхъ (наклонныхъ бокахъ пирамиды) соприкасаются только верхнія и нижнія стороны гранитныхъ призмъ; вотъ почему край ступени лежитъ всегда значительно *внутри* въ горизонтальномъ направленіи.

Входъ во внутренность пирамиды расположенъ на высотѣ пятнадцатой ступени на сѣверо-восточной сторонѣ, но корридоръ, ведущій во внутрь усыпальницы настолько узокъ ($3\frac{1}{2}$ фута высоты), что пробраться туда можно только ползкомъ. Погребальная камера фараона занимаетъ 32 фута въ длину, 10 фут. въ ширину и 19 фут. въ высоту; полъ, стѣны и потолокъ сдѣланы изъ полированного гранита, а для противодѣйствія давленію верхней части, потолокъ камеры подпертъ пирамидальными столбами, сложенными изъ обтесанныхъ камней. Гробница царская, сдѣланная изъ великолѣпнаго гранита, имѣетъ $7\frac{1}{2}$ фут. длины, $3\frac{1}{2}$ фут. ширины и $3\frac{1}{2}$ фут. высоты.

Въ концѣ горизонтальнаго входа, длиною въ 16 сажень, находится погребальная камера царицы, выложенная бѣлымъ мраморомъ. Надъ царской погребальной камерой лежатъ четыре маленькихъ комнатки, изъ которыхъ самую нижнюю называютъ комнатою Дависона, такъ какъ послѣдній измѣрилъ и описалъ ее (она открыта Мейнаромъ). Наконецъ слѣдуетъ еще комната Кэмпбелля, достигающая $8\frac{1}{2}$ фут. высоты съ откосно сбѣгающимъ потолокомъ.

По свидѣтельству Геродота, наружная обшивка пирамиды была покрыта надписями, которыя сохранились до эпохи калифовъ и, по словамъ арабскаго писателя Абдель-эль-Латифа, еще видѣвшаго ихъ, были такъ многочисленны, что если бы списать ихъ на бумагу, то онѣ наполнили бы собою 10.000 страницъ. Арабы, завладѣвшіе страпою фараоновъ въ началѣ среднихъ вѣковъ; никакъ не хотѣли допустить, чтобы такой громадный памятникъ имѣлъ другое назначеніе, кромѣ храненія сокровищъ, до которыхъ они были большими охотниками, тѣмъ болѣе, что завоеванія развили въ нихъ къ нимъ вкусъ.

Сынъ извѣстнаго Гаруна-аль-Рашида, калифъ Аль-Мамунъ (820 г. по Р. Х.), движимый алчностью, приказалъ проникнуть во внутренность диковиннаго сооруженія, но посланные арабскимъ намѣстникомъ рабочіе ничего не могли найти въ величественной царской усыпальницѣ, кромѣ однихъ гробовъ.

Пирамида Хефрена, носившая іероглифическое имя Уртъ („великая“), имѣетъ нынѣ 447.5 англ. фут. высоты, при длинѣ бока основанія 690.75 англ. фут. Хотя названная постройка была ниже пирамиды Хеопса на двадцать два фута, но она и теперь, и въ древнія времена высилась надъ нею и другими пирамидами, потому что построена на возвышеніи: основаніе ея положено на высѣченномъ искусственно плато въ скалистомъ отрогѣ горъ, проходящемъ по полю отъ окружающихъ высотъ.

На пирамидѣ этой можно видѣть двѣ гранитныя одежды, которыя покрывали обшивку изъ полированнаго известняка; два слоя гранита находятся внизу, при основаніи пирамиды, одежда которой изъ бѣлаго известняка сохранилась на самой верхушкѣ сооруженія. Камера, гдѣ найденъ саркофагъ, находящаяся внутри пирамиды, называется по имени открывшаго ее археолога комнатою Бельцони¹⁾.

Пирамида Микерина, носившая іероглифическое имя Хиръ („высокая“), имѣетъ нынѣ 203 англ. фут. высоты, при длинѣ бока основанія 352,88 англ. фут. Она сложена изъ прекраснаго гранита красноватаго цвѣта, отчего и зовется *красной пирамидой*, съ которой связывалась поэтическая легенда давно минувшихъ вѣковъ: ее считали гробницею Нитакри, „красавицы съ розовыми щечками“, супруги одного изъ фараоновъ, которая послѣ своей трагической смерти была похоронена въ третьей пирамидѣ, выстроенной четвертымъ царемъ IV династіи (см. исторію Египта въ Мемфисскій періодъ²⁾).

„Всѣ путешественники отзываются о пирамидахъ съ восторгомъ — замѣчаетъ Volney, — и этотъ восторгъ нельзя считать преувеличеннымъ. Приближаясь къ этимъ искусственнымъ холмамъ, ихъ можно видѣть за десять миль. Какъ будто удаляясь по мѣрѣ приближенія къ нимъ, на разстояніи мили онѣ такъ выдѣляются отъ земли, что кажется, будто вы уже достигли ихъ подошвы.

Наконецъ вы къ нимъ приблизились, и трудно выразить разнообразіе ощущеній, какое онѣ заставляютъ испытывать: высота ихъ вершины, крутизна боковъ, величина ихъ поверхности, ихъ тяжесть,

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* 750.

²⁾ См. разсказъ Геродота, II, 134—135, ср. Страбонъ, XV, 1. Оба эти писатели смѣшиваютъ Нитакри съ куртизанкой Родопой (Rodopis).

воспоминаніе о прошлыхъ временахъ, стоимость труда на нихъ затраченнаго, мысль, что эти громадныя скалы созданы человекомъ, маленькимъ и слабымъ, ползающимъ у ихъ основанія,—все разомъ наполняетъ умъ и сердце удивленіемъ, ужасомъ, смиреніемъ, восторгомъ и уваженіемъ“¹⁾.

Другой путешественникъ, Jomard, выражается еще опредѣленнѣе.

„Только на вершинѣ пирамиды—пишетъ онъ—можно составить себѣ о ней ясное понятіе, и зрѣлище превосходить ожиданіе. Оттуда можно было бы видѣть на двѣнадцать миль въ окружности, если бы глазъ въ силахъ былъ проникнуть такъ далеко. На этой высотѣ, на этой величественной вершинѣ кажется, будто душа стремится въ высь, будто умъ расширяется; все содѣйствуетъ подъему воображенія.. Оттуда виднѣются бѣлая и зеленая поверхности: бѣлая это—пустыня, зеленая—долина Нила и его дельта. Камень, брошенный сильной рукой съ вершины, едва достигаетъ подошвы пирамиды; обыкновенно онъ падаетъ на уступы, достигая двухъ третей ея или трехъ четвертей; этотъ опытъ я дѣлалъ самъ нѣсколько разъ такъ же, какъ и мои спутники, съ одинаковымъ результатомъ. Арабы увѣряютъ, что даже съ помощью пращи нельзя бросить камень на большое разстояніе“²⁾.

Остальныя египетскія пирамиды значительно уступаютъ по размѣрамъ, описаннымъ выше: однѣ изъ нихъ сложены изъ простыхъ неотесанныхъ камней, болѣе или менѣе искусно сплоченныхъ, другія выведены изъ кирпичей и только снаружи обложены плитами изъ болѣе твердаго камня, третьи, наконецъ,—изъ однихъ только высушенныхъ плитъ нильскаго ила безъ всякой обшивки. Пирамиду Хеопса нельзя считать самой древнѣйшей; въ мѣстности Каками (въ Саккарѣ) существуетъ и доселѣ извѣстная „пирамида ступенями“ (см. выше)—древнѣйшая гробница Аписовъ—построенная фараономъ Уэнефесомъ, пятымъ царемъ I-й династіи и насчитывающая себѣ *свыше шести тысячъ лѣтъ!*

Множество памятниковъ погибло и исчезло безслѣдно съ лица земли, другіе лежатъ въ развалинахъ, а могучія надгробныя усыпальницы фараоновъ по прежнему стоятъ гордо въ своемъ величїи, какъ несокрушимые свидѣтели изумительной энергіи своихъ строителей, создавшими себѣ чудовищныя мавзолеи безсмертія. Правда, и въ этихъ громадныхъ глыбахъ уже замѣтны слѣды разрушенія, но такія незначительныя раны не могутъ повалить великихъ усыпальницъ,

¹⁾ Volney, «Voyage en Egypte», I, ch. XIV.

²⁾ Jomard, «Mémoires de la Commission d'Egypte».

наглядно свидѣтельствующихъ о справедливости извѣстной поговорки, приведенной выше: „Все боится времени, только время боится пирамидъ“.

Судя по послѣднимъ извѣстіямъ, нынѣшнее египетское правительство заключило контрактъ съ американской компаніей, взявшейя устроить электрическое освѣщеніе у пирамидъ.

Двигательная сила будетъ доставляться Ниломъ, причемъ электрическая энергія будетъ направлена по кабелю на разстояніе ста англійскихъ миль вплоть до мѣста назначенія. Снилось ли фараонамъ, что ихъ гигантскіе мавзолеи, окутанные мрачнымъ геніемъ фантазіи, будутъ освѣщены многочисленными лучами электрическихъ искръ и лампочекъ, утилизированныхъ и созданныхъ духовнымъ творчествомъ новыхъ народовъ!

У Геродота есть описаніе приемовъ, употреблявшихся при постройкѣ пирамидъ, которые оказываются весьма достойными вѣроятія; у него есть указанія на выломку камней на восточномъ берегу Нила на перевозку ихъ на плотахъ, на подвозку къ мѣсту постройки пирамиды по специально сдѣланной для того изъ каменныхъ глыбъ дорогѣ, слѣды которой существуютъ и понынѣ. Онъ указываетъ, далѣе, что пирамида строилась уступами, въ видѣ гигантской лѣстницы или террасъ, возвышающихся, уменьшаясь, одна надъ другою.

Когда эта первая работа была окончена, тогда готовые полированные камни, предназначенные для уравниванія боковъ въ одну плоскость и для одежды пирамиды, подымались при помощи машины на первую террасу и потомъ на всѣ послѣдующія ступени. Работа окончанія пирамиды и заравниваніе боковъ начиналась сверху и шла внизъ до подошвы ея ¹⁾.

Трудъ постройки дѣйствительно былъ громадный, но не слѣдуетъ думать, что условія его были легче при сооруженіи кирпичныхъ пирамидъ (кирпичъ дѣлался въ Египтѣ изъ нильскаго ила). По крайней мѣрѣ, до насъ дошла довольно таки характерная надпись, въ которой одинъ изъ фараоновъ хвалится, что по суммѣ труда, потребовавшегося на сооруженіе его пирамиды, послѣдняя превосходитъ труды которые испытали строители каменныхъ пирамидъ.

„Не суди объ этой пирамидѣ низко—возвѣщаетъ упомянутая надпись—по сравненію съ пирамидами каменными. Она несравненно цѣннѣе ихъ: чтобы добыть иль для кирпичей, изъ которыхъ она построена, втыкали въ иль длинныя жерди, вынимали ихъ, и на кирпичи шла

¹⁾ Вругшъ, *ibid.* 748; Геродотъ II, 124--133.

только грязь, соскобленная съ вынутыхъ жердей“. Вотъ какимъ образомъ на счетъ народнаго пота воздвигались громадныя, величественныя, но въ сущности бесполезныя сооруженія!

По словамъ Бокля, никакое богатство, какъ бы оно ни было велико, никакія затраты, какъ бы онѣ ни были щедры, не могли бы покрыть того расхода, который-потребовался бы на эти работы, если бы ихъ дѣлали люди свободные, получающіе порядочное, честное вознагражденіе за свой трудъ... Чтобы въ такомъ состояніи общества слишкомъ много обращали вниманія на страданія человѣческія, — этого нельзя было ожидать. Но насъ тѣмъ не менѣе поражаетъ бесполезная щедрость, съ какой высшіе классы въ Египтѣ расточали трудъ и жизнь народа; въ этомъ отношеніи они, какъ ясно видно изъ сохранившихся до сихъ поръ памятниковъ, являются единственными въ своемъ родѣ и не имѣютъ соперниковъ ¹⁾.

А Гердеръ не безъ основанія замѣчаетъ, что пирамиды далеко не должны служить признакомъ благоденствія и просвѣщенія древняго Египта, а представляютъ несомнѣнный памятникъ суевѣрія и бессмысленности какъ тѣхъ несчастныхъ, которые строили, такъ и тѣхъ тщеславныхъ, которые приказывали строить.

По мѣткому выраженію Клингена, пирамида должна была служить лучшимъ прообразомъ несокрушимой земной власти и равновѣсія слагаемыхъ соціальныхъ формаций государства, широкимъ основаніемъ которому служилъ народъ, а на немъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, расположились, постепенно сходясь къ вершинѣ, всѣ прочія сословія, служа всей громадой своей — лишь постаментомъ божественному лику фараона ²⁾.

Мы уже высказали разъ наше личное мнѣніе по поводу сооруженія величественныхъ надгробныхъ усыпальницъ египетскихъ царей и теперь лишній разъ его повторяемъ: все великое создается только единодушнымъ напряженіемъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ всѣхъ классовъ человѣческаго общества, а потому объяснять успѣхъ построекъ грандіозныхъ сооружений одной суровой тиранніей фараоновъ и приписывать народу такое участіе въ дѣлѣ ихъ возведенія, какое ему было совершенно несвойственно, значить гнуть историческую истину съ полнымъ произволомъ ³⁾.

¹⁾ Бокль. «Исторія цивилизаціи въ Англіи» пер. Буйницкаго, 1896. II, 34—35.

²⁾ Ш. Клингенъ, цит. соч. VI, 346.

³⁾ Нужно помнить и то, что крѣпостные и рабы врядъ ли были бы въ состояніи довести египетское искусство до той высоты, на какой оно намъ представляется на памятникахъ этого древняго государства.

3. *Катакомбы*. Вблизи пирамидъ находятся многочисленныя погребальныя гробницы или катакомбы, для изсѣченія которыхъ отвѣсно стоящіе скалистые берега Нила представляли готовый матеріалъ. Каждая катакомба состояла обыкновенно изъ наружной комнаты, нѣчто въ родѣ нашей часовни, гдѣ совершались поминовенія усопшихъ, и подземныхъ камеръ, гдѣ ставились саркофаги съ положенными въ нихъ муміями. Гробницы, открытыя въ Саккарѣ, своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаютъ рядъ усѣченныхъ пирамидъ, взаимное расположеніе которыхъ образуетъ узкія улицы и глухіе переулки, однимъ словомъ, настоящій городъ мертвыхъ, гдѣ царствуетъ вѣчный покой и тишина и гдѣ его обитатели не чувствуютъ тревожной жизни. Египтяне называли эти могилы „вѣчными домами“ и, дѣйствительно, богатое, даже роскошное, убранство погребальныхъ покоевъ, безчисленное множество изображеній, покрывающихъ стѣны искусственныхъ гробницъ,-- все это какъ будто подтверждаетъ справедливость даннаго наименованія. Мы уже знаемъ, что по вѣрованію поданныхъ фараоновъ, умершій продолжалъ жить и послѣ того какъ его опускали въ могилу,—недаромъ саркофагъ назывался у нихъ „господиномъ жизни“ а умершіе—„живущими“ (анхіу). Далѣе, изъ культа двойниковъ или Ка намъ извѣстно, что гробница покойника снабжалась всѣмъ тѣмъ, что было ему необходимо или просто пріятно во время земного существованія.

Такъ въ катакомбахъ находилась всякаго рода мебель,—постели, кресла, стулья, кушетки, тутъ же можно было видѣть игральныя кости, пашки, принадлежности для охоты, лодку, небольшую кухню, бібліотеку, дѣтскія игрушки и т. п.; однимъ словомъ, какъ уже было говорено, въ назначеніи этихъ гробницъ и въ ихъ устройствѣ выразились первобытныя понятія народа фараоновъ о загробной жизни, какъ о простомъ продолженіи земного существованія.

Недалеко отъ того мѣста, гдѣ находились древніе Фивы, на западъ отъ нихъ, ущелія Ливійскаго хребта поражаютъ своимъ мрачнымъ безжизненнымъ характеромъ. „На голыхъ отвѣсныхъ стѣнахъ нѣтъ ни кустарника, ни тропинки—говоритъ Масперо—кругомъ желтобурья скалы, обсыпанныя пескомъ... Шакалы и гіены гнѣздятся въ мрачныхъ расщелинахъ камня, голодные коршуны кружатся около вершинъ“. Ясно, что все здѣсь напоминаетъ о смерти и, конечно, нельзя было выбрать мѣста болѣе пригоднаго для устройства некрополя. Одно изъ ущелій—Бабъ-эль-Молукъ—ведетъ въ котловину, окаймленную горами, съ обѣихъ сторонъ которой виднѣются темные входы въ послѣднія жилища фараоновъ.

Это знаменитыя царскія гробницы, извѣстныя у грековъ подъ именемъ сирингъ. Всѣ онѣ устроены по одинаковому плану: передъ каждой находится довольно большое пространство, въ родѣ двора, на который выходитъ высѣченная въ скалѣ четырехугольная дверь—входъ въ гробницу. За этой дверью, надъ которой изображалось символическое украшеніе подземныхъ гробницъ — солнечный дискъ и священный жукъ скарабей,—начинается постепенно опускающійся проходъ съ примыкающими къ нему узкими и широкими корридорами, прерываемыми камерами различной величины.

Другіе проходы или корридоры, опускающіеся внизъ какъ колодцы или шахты, ведутъ въ нижніе покои и, углубляясь во внутрь скалы, приводятъ къ постепенно расширяющемуся горизонтальному проходу, который заканчивается помѣщеніемъ, гдѣ находится каменный саркофагъ. Потолокъ названнаго помѣщенія высѣченъ сводобразно и подпертъ толстыми четырехугольными столбами.

Главное убранство гробницъ, представляющихъ каждая отдѣльное и законченное цѣлое, заключается въ ярко расписанныхъ рельефныхъ изображеніяхъ частью историческаго, частью міеологическаго содержанія, которыми почти до излишества покрыты всѣ стѣны. Особенно богато расписаны стѣны покоя, который предназначался для храненія муміи фараона.

Между царскими гробницами наиболѣе важное значеніе приобрѣла гробница второго фараона XIX-й династіи—Сети I (См. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ). Хотя она уже извѣстна давно, со времени Бельцони, напавшаго на ея слѣды, но вполне удовлетворительное ея описаніе было сдѣлано около тринадцати лѣтъ тому назадъ французскимъ египтологомъ Лефобюромъ (Lefébure) ¹⁾.

Гробницу Сети и по размѣрамъ ея и по отдѣлкѣ ея различныхъ частей правильнѣе было бы назвать подземнымъ дворцомъ съ палатами, корридорами и камерами, простирающимися въ длину сажень на двадцать пять; почти всѣ стѣны ея покрыты скульптурными изображеніями и рисунками (сохранившими еще необычайную яркость красокъ), содержаніемъ коихъ служатъ исключительно различные эпизоды странствованій солнца въ подземномъ мірѣ. Между гробницами Рамессидовъ заслуживаютъ вниманія гробницы фараоновъ Рамзеса III и Рамзеса V.

Въ первой между прочимъ находится символическая картина древне-египетскаго года въ видѣ олицетвореній и эмблематическихъ

¹⁾ Lefébure. «Le tombeau de Seti I». 1889.

образовъ, а во второй наглядно изображаются муки и награды, кое-муждо по дѣламъ, которыя душа усопшаго должна встрѣтить въ будущей жизни.

Гробницы царицъ занимаютъ особую часть обширнаго еиванскаго некрополя и носятъ арабское названіе *Ба бъ-эль-султанатъ*; устройство ихъ въ общемъ похоже на вышеописанныя, только онѣ гораздо меньше царскихъ и убранство ихъ не такъ богато и роскошно.

Гробница священнаго быка Аписа (см. Культь животныхъ) представляетъ рядъ огромныхъ галлерей съ камерами, изъ которыхъ каждая достаточно велика, чтобы вмѣстить въ себѣ саркофагъ муміи подохшаго животнаго. Склепъ состоитъ изъ хода въ 16 фут. ширины и 14 футовъ высоты, по обѣ стороны котораго находится множество камеръ со сводами или колоссальными нишами; въ каждой изъ этихъ нишъ стоитъ великолѣпная гробница изъ гранита 12½ футовъ длины, 7½ фут. ширины и 11 фут. высоты.

Въ гробничныхъ гротахъ Бени-Хассана мы встрѣчаемъ каменные столбы и балки, изсѣченные изъ одной монолитной каменной массы; столбы ставились въ серединѣ камеры въ два ряда и раздѣляли помещеніе на три корабля или наоса. Передъ внутреннимъ помещеніемъ, съ внѣшней стороны, устраивалось нишеобразное углубленіе на подобіе портиковъ со столбами; въ этихъ столбахъ-опорахъ съ примитивными капителями и каменными балками-архитравами, мы видимъ зачатки зодчества, получившаго широкое развитіе у всѣхъ народовъ¹⁾.

Болѣе интереса, чѣмъ пирамиды и царскія гробницы для исторіи религиозныхъ вѣрованій представляютъ могилы частныхъ лицъ, по своей внѣшности мало похожія на грандіозныя пирамидальныя сооруженія фараоновъ.

4. Мастабы. Такимъ могиламъ, имѣть которыя разрѣшалось лишь самымъ знатнымъ лицамъ страны, присвоено арабское названіе *мастабъ* (*mastaba*—скамейка).

По внѣшней формѣ послѣднія весьма близко подходятъ къ геометрическому тѣлу, въ основаніи котораго лежитъ прямоугольникъ, а каждая сторона изображаетъ собою трапецію. Мастабы эти выводились уступообразно изъ камня и кирпича или высѣкались въ скалѣ и по своимъ размѣрамъ не были одинаковыми: длина основанія колеблется между 27 и 4 саж., ширина—между 14 и 4 саж., а высота—между 6 и 2 саж.

¹⁾ Володихинъ, цит. соч. II, 15.

По внутреннему расположению мастабы напоминают гроты и состоятъ изъ трехъ частей: жертвеннаго покоя для поминокъ по усопшимъ, сердца ба, т. е. узкаго замуравленнаго корридора, въ которомъ хранились статуи умершаго и склепа—сводчатого помѣщенія, находившагося какъ разъ подъ жертвеннымъ покоемъ и предназначавшагося для храненія муміи. Наружныя стѣны мастабы имѣли форму прямоугольнаго четырехсторонника, при чемъ на пирамидально суживающуюся переднюю стѣну опирается плоская крыша, обведенная простымъ желобовиднымъ карнизомъ, а надъ дверью, пробитою по срединѣ стѣны, лежитъ круглый каменный брусъ. Входы всѣхъ этихъ гробницъ всегда обращены на востокъ.

Вертикальный четырехугольный колодець ведетъ въ сводчатое помѣщеніе, въ склепъ и заваливался землею или закладывался камнемъ, лишь только саркофагъ съ муміей ставился въ погребальной камерѣ.

Внутренность жертвеннаго покоя представляетъ небольшую комнату, предназначенную, какъ сказано, для поминокъ по усопшемъ, куда собирались его родственники и гдѣ приносились дары. Все великолѣпіе орнаментовки сосредоточено въ этомъ жертвенномъ покоѣ. Здѣсь въ гробницахъ Древняго Царства, т. е. до эпохи XII-й династіи включительно, находимъ многочисленныя картины и надписи.

Покойникъ, по большей части, изображенъ посреди обстановки его земной жизни: онъ занимается охотой, рыбной ловлей, слуги его приносятъ ему произведенія земли; окруженный своимъ семействомъ, онъ смотритъ на пляску танцовщицъ или благодушно взираетъ, какъ ломаются передъ нимъ канатные плясуны и акробаты; иногда умершаго изображали дающимъ пиръ и всѣ до мелочи приготовленія къ пиршеству воспроизводятъ рядъ картинъ.

Позднѣе, начиная съ эпохи XVIII-й династіи, появляется другой стиль: покойникъ изображается предстающимъ на судъ божества и проходящимъ разныя испытанія, дабы достигнуть вѣчнаго блаженства; сцены домашней жизни исчезаютъ изъ гробницъ¹⁾.

Передъ входами въ эти послѣднія жилища усопшихъ устраивались иногда цвѣтники или палисадники, среди которыхъ разводились рѣдкіе цвѣты и растенія.

Запечатавъ саркофагъ, на которомъ вырѣзывались имена и титулы умершаго, рабочіе тщательно замуровывали узкій проходъ и наполнили всю шахту, имѣвшую видъ глубокаго колодца, который, начи-

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* III, 43—44.

нася на крышѣ могилы, проходилъ всю ея массу, углубляясь въ землю иногда сажень на двѣнадцать, до самаго основанія осколками камней, смѣшанныхъ съ землей и пескомъ. Все это обильно политое водою обращалось въ концѣ концовъ въ непроницаемый и прочный цементъ. Вычислено, что подобныя мастабы, относящіяся лишь къ эпохѣ XXVI-й династїи (654—525 г. до Р. X., см. исторію Египта въ Саисскій періодъ), занимаютъ площадь почти въ 24,000 квадратныхъ футовъ.

Какъ было указано выше, мастабу разрѣшалось имѣть только самымъ знатнымъ покойникамъ и, можетъ быть, лишь въ видѣ особой милости царской. Изъ одной надписи мы узнаемъ, что однажды царскій лейбъ-медикъ, удачно вылѣчившій фараона, получилъ въ награду мастабу и пропитаніе на казенный счетъ послѣ своей смерти: необходимыя яства должны были доставляться изъ царскихъ запасовъ.

Другая надпись свидѣтельствуетъ о предоставленіи мастабы нѣкому Ату, „управляющему пѣніемъ, который радовалъ сердце господину своему“. Обоимъ названнымъ господамъ, какъ видно изъ надписей, льгота пользованія мастабами была, такъ сказать, высочайше утверждена и, само собою разумѣется, отнюдь не являлась исключеніемъ.

Что касается до саркофаговъ, то послѣдніе были самыми разнообразными въ зависимости отъ матеріала, который шелъ на ихъ изготовленіе; богатые люди заказывали саркофагъ изъ розоваго гранита, чернаго или голубого базальта, а кто былъ побѣднѣе, тотъ довольствовался гробомъ изъ обыкновеннаго сѣроватаго гранита или известняка. Понятно, что и простонародныя гробницы были гораздо проще великолѣпныхъ мастабъ.

Каждый городъ имѣлъ свой собственный некрополь, т. е. подземное кладбище, состоявшее изъ камеръ и гротовъ, соединенныхъ между собою перекрещивавшимися проходами, и расположенныхъ одни надъ другими въ нѣсколько этажей. Муміи, большею частью, безъ саркофаговъ, въ однѣхъ полотняныхъ оболочкахъ, складывались въ каждомъ этажѣ одна подлѣ другой до самого верха. Нижніе этажи брали себѣ (конечно за плату) люди болѣе зажиточные, а въ верхнихъ хоронили бѣдняковъ.

Подводя итогъ зодчеству фараоновскаго Египта, не можемъ еще разъ не указать, что архитектура его отмѣчена характеромъ колоссальнаго и въ то же время техническимъ совершенствомъ ея образцовъ въ связи со строгимъ соблюденіемъ древнѣйшихъ приемовъ, употреблявшихся при постройкахъ.

Потребность въ ясности, чувство мѣры и стремленіе къ опредѣленнымъ и точнымъ очертаніямъ (что составляетъ отличительныя черты греческой архитектуры), почти не замѣтны въ произведеніяхъ египетскихъ зодчихъ. Въ типичныхъ образцахъ ихъ искусства ясно сквозитъ черта настойчиваго уклоненія отъ симметріи, которую Вилькинсонъ мѣтко окрестилъ симметрофобіей.

Такъ, напримѣръ, дворъ одного изъ храмовъ съ западной стороны имѣетъ колонны, капители которыхъ украшены полураспустившимся цвѣткомъ лотоса, а съ восточной стороны, вмѣсто подобныхъ колоннъ, мы видимъ пять массивныхъ каменныхъ пилястровъ, къ которымъ прислонены колоссальныя статуи Рамзеса III съ атрибутами Озириса. Кромѣ того, какъ указывалось выше, самой высокой частью храмовой постройки иногда являлся не пилонъ, а „залъ ожиданія“ и т. д. однимъ словомъ, такихъ примѣровъ можно привести не малое число. Какъ бы то ни было, но архитектура древняго Египта оказала извѣстное вліяніе на греческое зодчество въ томъ смыслѣ, что ввела въ послѣднее дорическій стиль, первымъ образцомъ котораго явился извѣстный храмъ Геры въ Аргосѣ и хотя нѣкоторые полагаютъ ¹⁾, что такая простая форма, какъ форма дорической колонны могла быть найдена самостоятельно, однако поразительное сходство между мрачнымъ и суровымъ видомъ этой архитектуры и видомъ древнихъ египетскихъ храмовъ заставляеть склоняться къ мнѣнію, что указанный оригинальный тонъ заимствованъ эллинами (около VII вѣка) изъ страны фараоновъ.

Памятники называютъ намъ имена весьма многихъ извѣстныхъ зодчихъ Египта: 1) Имготепъ, жившій въ эпоху III династіи, 2) Рахотепъ, 3) Уцахунзу, 4) Ноферъ-Менну, 5) Каноферъ, 6) Горемсафъ, 7) Цахибъ, 8) Аамесъ-Синить, 9) Пепи, 10) Ми, 11) Уах-а-б-ра-ран-уеръ, 12) Анхъ-Псамитикъ, 13) Насшуну и мн. друг. ²⁾.

2. Скульптура. Если мы обратимся къ скульптурѣ, которая стояла въ тѣсной связи съ архитектурой и подобно послѣдней была вызвана къ жизни религіознымъ культомъ, то увидимъ, что изображенія живыхъ существъ обличаютъ свойственную египетскимъ художникамъ манеру передавать идеаль красоты въ образѣ реального міра. И дѣйствительно особенность египетскаго искусства, въ кото-

¹⁾ Напр. Рейнакъ. «Manuel de philologie classique», t. 2 appendice, p. 56.

²⁾ Врушъ. Ibid. XXIII, 715.

ромъ такъ много условнаго, заключалась въ томъ, что точкою отправленія ему служить реализмъ ¹⁾).

Хотя техника выполненія довольно развита, но композиція, какъ сказано, представляетъ много условностей, получившихъ характеръ догмата, почти не измѣнявшагося въ теченіе многихъ вѣковъ. Еслибы египетское искусство, которое, быть можетъ, считалось второстепеннымъ дѣломъ, и религія намѣренно поддерживала его въ извѣстномъ состояніи символизма, продолжало двигаться впередъ, въ томъ же направленіи, какъ въ эпоху Древняго Царства, оно дошло бы, вѣроятно, до высшихъ степеней творчества. Но ему не суждено было развиваться свободно: жреческая каста поработила его себѣ, сдѣлавъ своимъ орудіемъ, и всякое нововведеніе въ области художественнаго творчества стало считаться грѣхомъ. Съ другой стороны, впрочемъ, эта служебная роль искусства по отношенію къ религіи послужила отчасти къ поддержкѣ въ немъ реалистическаго направленія.

Въ противоположность эллинскому искусству, которое всегда давалось попыткой выразить движеніе, искусство фараоновскаго Египта стремилось къ выраженію абсолютнаго покоя. Насъ до сихъ поръ поражаетъ вѣчная недвижимость въ позахъ египетскихъ статуй и строгое спокойствіе въ архитектурныхъ линіяхъ древне-египетскихъ зданій. Аллегорія всюду давитъ свободу творчества, заставляетъ художника прибѣгать къ самымъ наивнымъ изображеніямъ, а въ позднѣйшее время виртуозность въ дѣлѣ обработки камня беретъ верхъ надъ стремленіемъ къ выраженію идеи.

Такимъ образомъ, подобно архитектурнымъ формамъ, скульптурныя формы не получили здѣсь дальнѣйшаго развитія, оставаясь застывшими, однообразными. Египетская скульптура всегда оставалась монументальной и задача ея главнымъ образомъ заключалась въ передачѣ человѣческой формы, не заботясь о подробностяхъ, иначе говоря, художники страны фараоновъ, достигая значительной механической ловкости, не могли возвыситься до настоящаго пониманія искусства. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что скульпторы древняго Египта испытывали не малое препятствіе отъ самого матеріала: мраморъ, матеріаль греческихъ художниковъ, совершенно у нихъ отсутствовалъ, а гранитъ подвергался такой обработкѣ, которая, пожалуй, представила бы трудности даже для новѣйшей техники.

---

¹⁾ Далекое, конечно, не такой крайній, какъ въ ассирійскомъ искусствѣ, которое, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть противопоставлено египетскому, какъ реальное—идеальному. Последнее понимается здѣсь условно.

Во всякомъ случаѣ, какъ ни тѣсно были связаны религіозныя вѣрованія съ реалистическимъ направленіемъ въ искусствѣ, все же оно значительно способствовало наложенію на послѣднее оковъ условности, и произведенія египетскихъ художниковъ имѣютъ главнымъ образомъ шаблонный характеръ, стремясь къ соблюденію портретнаго сходства.

1. *Статуи.* Скульптурныя произведенія, относящіяся къ первымъ временамъ государства, выказываютъ наиболѣе развитое и точное наблюденіе природы; древнія египетскія статуи свободны отъ всякой условности и суть на дѣлѣ не что иное, какъ превосходно сдѣланныя изображенія живыхъ людей.

„Правильность соотношенія частей тѣла—замѣчаетъ де Rouge—тщательное изученіе главныхъ мышцъ, лицо, изваянное съ тонкостью и индивидуальностью портрета, схваченное часто весьма удачно,—таковы похвалы, какія можно и теперь высказать художникамъ вѣка первыхъ династій. Это можно сказать о нихъ и тогда, когда они обтесывали известковый камень, и тогда, когда они пользовались прекрасными древесными породами, которыя росли въ долинѣ Нила, и тогда, наконецъ, когда они обращались къ самымъ твердымъ породамъ и заставляли повиноваться себѣ наиболѣе упорно сопротивляющійся гранитъ могуществомъ и гибкостью рѣзца, приводящими насъ въ безграничное изумленіе“¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не отмѣтить тщательности, съ какою выражены особенности строенія лица у различныхъ расъ; ни одинъ древній народъ не изобразилъ посредствомъ своей пластики такъ рельефно этнографическихъ особенностей, но за то остальной рисунокъ тѣла почти всегда неудаченъ. Въ разныя эпохи и при разныхъ степеняхъ цивилизаціи народы проникаются извѣстными понятіями о красотѣ и та форма, въ какую воплощается ея идеаль, имѣетъ для воспитанія народа огромное значеніе, не только теоретическое, но и практическое.

Самый высокій идеаль человѣческой красоты, доселѣ выработанный, былъ созданъ греками; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ и самымъ здоровымъ, и въ этомъ отношеніи его благодѣтельное вліяніе на человечество во всѣ послѣдующія времена было чрезвычайно велико. Шаблонный характеръ произведенія египетскихъ художниковъ, трудившихся падъ выработкой устойчиваго и долговѣчнаго изъ типовъ кра-

¹⁾ Э. де Руже. «Rapport au ministre de l'instruction publique». 1864.

соты, способствуетъ тому, что мы можемъ составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ идеалѣ красоты, какой выработали себѣ египтяне.

Разница между мужскимъ и женскимъ типами лицами у нихъ очень незначительна: женскія лица отличаются только сравнительною мягкостью очертаній, которая у мужчинъ замѣняется выраженіемъ спокойной силы. Черты лица тонки, носъ орлиный, станъ высокъ и тонокъ, мускулатура развита умѣренно, но достаточно для того, чтобы мужская фигура производила впечатлѣніе силы, а женская—свободной непринужденной граціи.

Таково же впечатлѣніе, производимое фигурами, изображенными на древнихъ египетскихъ барельефахъ, но только, разсматривая ихъ, надо имѣть въ виду, что законы перспективы у египтянъ представляли очень мало сходства съ нашими.

Статуи египетскихъ боговъ лишены красоты и производятъ отталкивающее впечатлѣніе. У каждаго бога—голова своего священнаго животнаго, которое въ то же время символически намекаетъ на его главное свойство. Иногда боговъ, какъ мы уже знаемъ, изображали и въ чисто человѣческомъ видѣ, но и въ этомъ случаѣ сохраняли какіе-нибудь ихъ признаки изъ обычнаго изображенія въ формѣ животныхъ.

Само собою разумѣется, что такіе приемы были чрезвычайно несовершенны съ художественной точки зрѣнія, но за то давали возможность легко отличить одного бога отъ другого. Гораздо труднѣе задача предстояла египетскому скульптору при изображеніи царя. На видѣ фараонъ—обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ люди, а по существу онъ богъ, и эту божественность необходимо было выразить на его статуѣ. Для выраженія этой двойственности скульпторы весьма рано изобрѣли нѣсколько приемовъ, которые оставались неизмѣнными цѣлыя тысячелѣтія.

Статуя была портретомъ царя и это выражало его человѣческую природу, а чтобы обозначить его сверхчеловѣческія свойства, статую дѣлали колоссальныхъ размѣровъ, высѣкая ее изъ болѣе цѣннаго камня, чѣмъ статуи обыкновенныхъ людей. Кромѣ того божественность выражалась позой и цѣлымъ рядомъ символическихъ изображеній. Царь всегда сидитъ на креслѣ; лѣвая рука его покоится на колѣнѣ, а въ правой онъ держитъ свитокъ или ключъ отъ Нила, — мистическая эмблема, выражающая благотѣльную силу божественнаго царя. Выраженіе его лица всегда одинаково, спокойное и нѣсколько торжественное; на головѣ высокая корона, а на затылкѣ статуи — фигура коршуна—символь царской власти. Таковъ былъ типъ божественнаго

фараона, и этот типъ, созданіе котораго стоило, вѣроятно, много труда разнымъ художникамъ, съ религіознымъ благоговѣніемъ повторялся позднѣйшими поколѣніями ¹⁾.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ выкопанъ великолѣпный колоссъ Рамзеса II, можетъ быть, тотъ самый, который видѣли Геродотъ и Діодоръ. Названная статуя была опрокинута на землю, что обезпечило сохраненіе прежняго положенія тѣла. Она имѣетъ еще 34½ фут. высоты, несмотря на то, что прическа и часть ногъ отбиты; въ цѣломъ видѣ она, вѣроятно, имѣла около 45 фут. высоты. Лицо отъ края прически до начала подбородка имѣетъ 4 фут. 5 дюйм., носъ 1 фут. 9 дюйм., ухо—1 фут. 8 дюйм. длины; рука имѣетъ въ ширину 10 фут. 7 дюйм. Кисти рукъ украшены браслетами, лѣвая рука держитъ свитокъ папируса.

Колоссальныя статуи должны были служить какъ бы олицетвореніемъ всемогущества властителей Египта, и египетское ваяніе истощало всѣ свои средства, чтобы достойно исполнить эту задачу, но строгія предписанія условнаго стиля стѣсняли свободу ваятелей и только въ отдѣлкѣ подробностей они могли до нѣкоторой степени проявить свое художественное чувство. Потому то всѣ эти статуи представлены сидящими въ спокойной, какъ бы оцѣпенѣлой позѣ, съ плотно прижатыми къ тѣлу руками и вмѣстѣ сдвинутыми ногами.

Эта, нѣкоторымъ родомъ архитектурная, неподвижность ихъ вполне соотвѣтствовала прямымъ спокойнымъ линіямъ зданій, для украшенія коихъ онѣ предназначались ²⁾.

Статуи фараоновъ разставлялись длинными симметрическими рядами передъ колоннами внутреннихъ помѣщеній или украшали входы гротовыхъ храмовъ. Въ противоположность разнообразію колоннъ, статуи дѣлались совершенно одинаковыми по формѣ, величинѣ и посадкѣ и въ своихъ деталяхъ получали условную, какъ бы архитектурную обработку.

Хотя египетскіе ваятели не могли, подобно греческимъ, такъ художественно прослѣдить на живомъ тѣлѣ всю игру мускуловъ, тѣмъ не менѣе въ прямую противоположность „архитектурной симметрофобіи“, у нихъ являлись попытки опредѣлить отношеніе, существующее между частями тѣла. Діодоръ говорилъ, что они раздѣляли человѣческое тѣло на 21¼ частей и на основаніи этого регулировали всю экономію произведенія (Послѣдняя цифра, которую дробь дѣлала

¹⁾ Кореливъ, цит. соч. 35—36.

²⁾ Вейсъ, loc. cit. I, 58.

странной, стала понятной, благодаря изображенію въ „Monuments funeraires de l'Égypte“ Лепсіуса одного человѣка, стоящаго прямо, лицомъ впередъ, тѣло котораго раздѣлено параллельными линіями на 19 равныхъ частей. Каноническая единица опредѣлялась среднимъ пальцемъ лѣвой руки, вытянутой вдоль бедра; эта единица, повторенная 19 разъ, соотвѣтствуетъ точному размѣру всего тѣла; но остается еще $2\frac{1}{4}$ части для волосъ, съ находящимся поверхъ нихъ традиціоннымъ дискомъ, что въ одно и то же время объясняетъ и цифру и ошибку Діодора ¹⁾.

Мы видѣли, что статуи фараоновъ и вообще знатныхъ покойниковъ всегда слишкомъ торжественны, натянуты и потому вся фигура страдаетъ оцѣпенѣлостью и безжизненностью. Гораздо живѣе, свободнѣе и естественнѣе статуи, изображающія свиту умершихъ. Такъ въ одной найденной деревянной статуи художникъ сумѣлъ схватить и выразить во всей фигурѣ то добродушіе, которое особенно свойственно людямъ, обладающимъ полнотою и округленностью формъ ²⁾.

Она изображаетъ важнаго старика-сановника эпохи IV-й династии въ спускающейся до колѣнъ „пенти“ и съ палкой въ рукѣ. Голова, лицо, изгибъ рта вырѣзаны великолѣпно, а сдѣланные изъ горнаго хрустала глаза придаютъ этому произведенію видъ настоящаго художественнаго chef d'oeuvre'a. Въ настоящее время названная статуя хранится въ Гизехскомъ музеѣ.

Не менѣе, если еще не болѣе замѣчательна статуя писца, найденная на могилѣ одного египетскаго вельможи и нынѣ находящаяся въ Луврѣ, гдѣ намъ и довелось ее видѣть. Не описывая подробно этотъ замѣчательный памятникъ древне-египетской скульптуры, не можемъ не замѣтить, что обработка глазъ, вставленныхъ въ статую, произведена такъ художественно, что, пожалуй, могла бы сдѣлать честь и современному европейскому скульптору.

Глазное яблоко сдѣлано изъ бѣлаго кварца; въ серединѣ его хрустальный зрачекъ, въ центрѣ котораго крошечный металлическій бутонъ и все это вмѣстѣ вдѣлано въ бронзовую оболочку, образующую также вѣки и рѣсницы. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго въ томъ, что когда Маріеттъ, спустя по меньшей мѣрѣ четыре тысячи лѣтъ послѣ того, какъ указанная статуя была сдѣлана и замурована въ корридорѣ мастабы, пробилъ отверстіе въ стѣнѣ могилы, то глаза писца такъ засверкали, что работавшіе феллахи сначала разбѣжались,

¹⁾ Cougny «L'art antique» III, 14; ср. Бланъ «Grammaire des arts du dessin». Principes VII, 45.

²⁾ Корелинъ, *ibid.* 51.

а потомъ, вернувшись, порѣшили разбить статую, гдѣ, по ихъ мнѣнію, сидѣлъ злой духъ, такъ что археологъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ револьверу, чтобы спасти одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ египетской скульптуры.

Статуи фараоновъ отличались грандіозными размѣрами: такъ, упомянутая уже нами колоссальная фигура, изображающая Рамзеса II, носитъ названіе „величайшей монолитической статуи въ мірѣ“ и вѣситъ около девяти сотъ тоннъ (55.800 пудовъ).

Изъ остальныхъ египетскихъ статуй особенное значеніе приобрѣли колоссальныя изображенія фараона Аменофиса III и одно изъ нихъ, господствующее надъ всей Фиванской равниной, извѣстно всему свѣту подъ именемъ колосса Мемнона.

Трудно сказать, когда именно начали называть это грандіозное сооруженіе послѣднимъ именемъ и въ какое время оно сдѣлалось всеобщимъ, но мы въ первый разъ встрѣчаемъ его въ естественной исторіи Плинія Старшаго, которая составлена однако не ранѣе времени Нерона ¹⁾. Эти двѣ огромныя статуи — единственныя уцѣлѣвшія изъ дворца Аменофиса III (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ) и высѣченныя изъ цѣльнаго темнокраснаго камня достигаютъ почти 8½ сажень высоты и представляютъ фараона, по обыкновению, въ сидящемъ положеніи на тронѣ съ руками, протянутыми на колѣна. Сѣверный колоссъ, хотя не имѣетъ никакого очевиднаго преимущества передъ своимъ сосѣдомъ и даже ниже его, такъ какъ вся половина его тѣла была реставрирована, обладаетъ, однако, привиллегіей и донинѣ привлекать особое вниманіе туристовъ и путешественниковъ по причинѣ репутаціи говорящей статуи, которой онъ пользовался нѣкогда.

Дѣйствительно, вслѣдствіе землетрясенія въ 27 году до Р. X. верхняя часть упомянутаго колосса упала на землю и раскололась пополамъ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ этого событія, именно въ царствованіе Нерона, статуя приобрѣла извѣстность удивительными звуками, которые она издавала при восхожденіи солнца.

Страбонъ, первый сообщившій объ этомъ феноменѣ, говоритъ, что звукъ, исходившій изъ статуи, былъ похожъ на шумъ, производимый легкимъ ударомъ; другіе сравнивали его со звукомъ лопнувшей струны или съ ударомъ въ мѣдный сосудъ; нѣкоторые же находили въ немъ подобіе съ человѣческимъ голосомъ.

¹⁾ Plin. Н. N. XVI, 234. 76 p. С. ib. XXXVI, 58; ср. Тацитъ I, 1. II, 61. (Memnonis saxea effigies).

Греки, несмотря на положительное свидѣтельство обитателей Фивъ, отказывались видѣть въ поющей статуѣ колосса фараона Аменофиса III и считали ее изображеніемъ мифическаго царя Эѳіопіи Мемнона, сына Титона и Авроры, который послѣ смерти Гектора оказалъ помощь Пріаму противъ грековъ и былъ убитъ Ахилломъ. Каждое утро Мемнонь привѣтствовалъ свою мать Аврору чистыми гармоническими звуками, напоминавшими звуки обрывающейся струны арфы или лиры и привлекавшими еще въ древности многихъ греческихъ и римскихъ путешественниковъ, какъ о томъ свидѣлствуютъ вырѣзанныя ими многочисленныя надписи на пьедесталѣ колосса: число ихъ равняется семидесяти двумъ.

Въ числѣ любопытныхъ посѣтителей въ половинѣ II вѣка нашей эры были императоръ Адрианъ со своей женой, императрицей Сабиной, которые въ ноябрѣ 130 года нарочно предприняли путешествіе въ Верхній Египетъ, чтобы услышать это удивительное пѣніе.

Слава говорящаго колосса возросла еще болѣе въ эпоху позднѣйшихъ Антониновъ, когда благочестивые пилигримы толпами отправлялись къ нему на поклоненіе, совершали передъ нимъ возліянія и приносили жертвы.

Желая реставрировать статую, императоръ Септимій Северъ (вѣроятно во время своего пребыванія въ Египтѣ въ 200 году) велѣлъ поднять упавшую часть колосса, при чемъ верхняя половина статуи вмѣсто цѣльнаго куска была составлена изъ пяти наложенныхъ одинъ на другой рядовъ камня и въ этомъ видѣ она осталась до нашихъ дней. Послѣдствіемъ произведенной реставраціи было то, что, противъ всѣхъ ожиданій, Мемнонь онѣмѣлъ, что ясно указываетъ на физическую причину, производившую таинственные звуки: расколовшіяся скалы или скалистыя стѣны съ трещинами, охлаждаясь ночью, издають при восходѣ солнца, когда камни начинаютъ обогрѣваться, продолжительные звенящіе звуки, другими словами, по причинѣ внезапно измѣнившейся температуры появляются быстрые токи воздуха, стремящіеся сквозь трещины и производящіе пѣвучіе, жалобные звуки.

Когда статуя Мемнона была восстановлена, то, естественно, что звуки прекратились не только отъ того, что верхнее отверстіе было закрыто, но еще отъ того, что тяжесть наложенной верхней части статуи придавила все туловище и закрыла всѣ мелкія скважины, могущія образоваться въ камнѣ пьедестала ¹⁾. Напрасно путешественники, посѣщающіе колосса Мемнона, проводятъ теперь долгіе часы у

¹⁾ Вругшъ, цит. соч. XV, 397.

его ногъ или на его огромныхъ колѣнахъ въ надеждѣ услышать диковинные звуки: колоссальный Мемнонь смолкъ окончательно.

Извѣстный французскій египтологъ Шамполлионъ Младшій въ „Lettres écrites d'Égypte“, говоритъ слѣдующее: „Я не отрицаю существованія факта, единогласно подтверждаемаго столькими свидѣтелями, что чудесный колоссъ дѣйствительно издавалъ когда-то гармоническіе звуки, лишь только первые лучи солнца касались его; я скажу только, что мнѣ неоднократно приходилось сидѣть передъ разсвѣтомъ на необъятныхъ колѣнахъ Мемнона, созерцая меланхолическую равнину, разстилающуюся вокругъ Фивъ, съ разбросанными по ней обломками этого древнѣйшаго царственного города,—и ни одинъ музыкальный аккордъ ни разу не нарушалъ окружающаго безмолвія“ ¹⁾.

Древнѣйшія, дошедшія до насъ рельефныя изображенія эпохи IV-ой династіи показываютъ такую же высоту техники, какъ и лучшія пзображенія позднѣйшихъ временъ: въ композиціяхъ, заимствованныхъ почти исключительно изъ сценъ обыденной жизни, господствуетъ удивительная живость и ясность, а изображенія животныхъ передаются съ замѣчательной точностью. Прекрасный известнякъ Мокаттамскихъ горъ (близъ нынѣшняго Каира) представлялъ въ данномъ случаѣ отличный матеріалъ для древне-египетскихъ скульпторовъ.

Шарль Ленорманъ особенно восхищается четырьмя колоссами, представляющими Рамзеса II, „главу правосудія, посланника Солнца, возлюбленнаго Аммона“ и украшающаго фасадъ большого Ибсамбульскаго храма. Эти черезчуръ гигантскія массы, замѣчаетъ египтологъ, исполнены скорѣе во вкусъ болѣе широко, нежели изящномъ, исключая головъ, равныхъ которымъ я никогда не видывалъ ни въ жизни, ни въ скульптурныхъ произведеніяхъ.... Дайте движеніе этимъ скаламъ,—и греческое искусство будетъ побѣждено ²⁾.

Близъ Абукира, въ южной части долины, гдѣ начинается большое поле пирамидъ, нѣмецкимъ изслѣдователямъ удалось открыть гробницу царя Невосеръ-ре (?), въ которой были найдены очень важные въ археологическомъ отношеніи предметы, какъ-то: рельефы храма, гробы и орудія, произведенія древнѣйшей культуры, въ тайны которой археологи проникаютъ теперь съ новымъ рвеніемъ и новыми ожиданіями.

¹⁾ Шамполлионъ. «Lettres écrites d'Égypte» p. 312; ср. Лерронъ «La statue vocale de Memnon considérée dans ses rapports avec l'Égypte et de la Grèce», 1833.

²⁾ Lenormant. V, 209.

Единственнымъ въ своемъ родѣ является, на примѣръ, большой рельефъ храма, сдѣланный изъ бѣлаго известняка и найденный въ западной части храма. На немъ изображенъ царь Невосеръ-ре, сидящій на своемъ тронѣ; у него надѣто ожерелье и короткій передникъ съ львинымъ хвостомъ, отличительнымъ признакомъ египетскихъ царей; сзади него стоитъ Буто, богиня-покровительница Нижняго Египта, обнявъ его правую рукой за плечи, а стоящій передъ нимъ богъ Анубисъ подаетъ царю нѣсколько іероглифовъ, обозначающихъ жизнь. Скульптурная работа исполнена замѣчательно тонко и тщательно.

Съ этимъ произведеніемъ искусства могутъ сравняться развѣ только парадныя ворота, какія устраивались для гробницъ царей и особъ царской крови. Ворота эти были взяты изъ гробницы Дьдземъ-онха и немедленно сняты съ помощью цвѣтной фотографіи,—предосторожность, оказавшаяся очень не излишнею, такъ какъ во время перевозки этихъ воротъ краски на нихъ почти совершенно исчезли.

Изваянныя изъ плотнаго известняка статуи весьма часто раскрашивались отъ ногъ до головы; статуи изъ гранита окрашивались только въ нѣкоторыхъ частяхъ, какъ на примѣръ, краскою покрывались лишь глаза, волосы, иногда одежда. Одно изъ мастерскихъ произведеній египетской скульптуры древнѣйшаго періода составляетъ видѣнная нами въ Берлинскомъ музеѣ гигантская нога, сдѣланная изъ чернаго гранита и представляющая обломокъ статуи Усуртусена I, найденный въ развалинахъ Таниса, въ Нижнемъ Египтѣ. Указанный обломокъ свидѣтельствуетъ, что древнѣйшая школа египетскаго искусства была на лучшемъ пути развитія, чѣмъ позднѣйшая школа такъ называемаго „Средняго Царства“. Въ названный періодъ египетской исторіи искусство сильно развилось и измѣнилось, что дѣлается особенно замѣтнымъ по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ Новаго Царства. Отъ соприкосновенія съ религіей и нравами покоренныхъ семитовъ религіозныя вѣрованія въ загробную жизнь слабѣютъ и строго реалистическія изображенія уступаютъ мѣсто болѣе идеальнымъ, условнымъ, хотя не лишеннымъ извѣстной оригинальности. Является одинъ общій типъ и для изображенія женскаго образа: низкій лобъ, глаза удлинненные, миндалевидной формы, короткій носъ, улыбающіяся губы, круглый подбородокъ и длинная, прямая шея.

Нагія женскія фігуры производятъ впечатлѣніе цѣломудренности и чистоты, въ нихъ какъ будто отсутствуетъ тотъ колоритъ „оголенности“, который такъ свойственъ произведеніямъ нашихъ скульпторовъ, и видъ этихъ нагихъ фігуръ какъ будто свидѣтельствуетъ о чудной проблемѣ „грѣха безгрѣшнаго“—грѣшить и въ грѣхѣ не знать

грѣха!... Узелъ, связующій грѣхъ и святость.... Самымъ образцовымъ произведеніемъ скульптуры указаннаго періода можно считать голову царицы Ти, супруги Аменофиса III, съ которой намъ еще придется встрѣтиться впослѣдствіи. Вотъ какъ описываетъ ее Шармъ:

„Глядишь на эту прелестную головку съ изящными чертами, на этотъ ротъ съ приподнятыми, какъ у сфинкса, углами губъ, на глаза съ продолговатымъ разрѣзомъ, полные какой-то интенсивной жизни, на это выраженіе презрительнаго кокетства, на всю ея увлекающую, таинственную, волнующую красоту, и невольно въ головѣ возникаетъ цѣлый романъ, героиней котораго была эта загадочная женщина, или же начинаешь въ ней видѣть главную виновницу тѣхъ религиозныхъ трагедій, которыя потрясали ея эпоху и слѣды которыхъ дошли и до насъ“¹⁾.

Но мало по малу идеализмъ и условность, замѣнившіе реализмъ, перешли въ манерность и искусственность; началось паденіе египетскаго искусства, которое, исчерпавъ свои жизненные соки, оказалось не въ состояніи конкурировать съ полнымъ творчествомъ и вдохновеніемъ греческимъ искусствомъ. Если послѣднее проявило свои силы въ архитектурѣ, поэзіи и въ живописи, то во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ оно не было такъ велико и такъ оригинально, какъ именно въ скульптурѣ.

Египетская мифологія мало способствовала развитію эстетическаго чувства въ искусствѣ и, разумѣется, не могла вдохновлять художниковъ, подобно Элладѣ, да и самый культъ женской красоты, воплощенной въ божество, былъ совершенно чуждъ устойчивой, живучей и узко-практической египетской расѣ.

Техническій способъ исполненія рельефовъ отличался у художниковъ Египта особымъ характеромъ: фигуры не выступали своею поверхностью изъ плоскости стѣны и получали слабое пластическое оживленіе только тѣмъ, что фонъ вокругъ нихъ былъ нѣсколько углубленъ. Такіе рельефы, едва выступавшіе изъ поверхности стѣны, носятъ названіе койланаглифовъ—впалые рельефы „bas-reliefs en creux“, какъ именуютъ ихъ французы.

2. *Сфинксы*. Идеаль египетскаго художественнаго творчества яснѣе всего выразился въ созданіи сфинкса, фантастическаго существа, созданнаго воображеніемъ подданныхъ фараоновъ, которые были убѣждены въ его дѣйствительномъ существованіи въ сосѣдней пустынѣ.

¹⁾ Шармъ здѣсь имѣетъ въ виду религиозную реформу страны, произведенной Аменофисомъ IV, сыномъ Ти. (См. исторію Египта въ Ново-Эванскій періодъ).

Онъ считался могущественнымъ стражемъ храма, удаляя отъ послѣдняго всякое зло, — поэтому у него львиное туловище, а чтобы выразить ту же мысль его человѣческой головой, послѣднюю копировали со статуи царствовавшего фараона, считавшагося стражемъ и охранителемъ всего Египта. Хотя въ созданіи этой символической фигуры незамѣтно художественнаго творчества, тѣмъ не менѣе спокойная поза изваяннаго чудовища, его глубокій, полный серьезной задумчивости загадочный взглядъ и непреодолимая сила, разлитая во всей фигурѣ, производятъ впечатлѣніе почти художественное.

Недалеко отъ Гизехской группы пирамидъ, къ востоку отъ пирамиды Хефрена и по прямой линіи съ нею по направленію къ Нилу лежитъ гигантская фигура сфинкса; это фигура льва съ человѣческимъ лицомъ, которому въ іероглифахъ присвоено имя Ху и котораго арабы называютъ Абулхоль (отецъ ужаса).

Къ сожалѣнію, несмотря на повторяющіяся раскопки и расчистки, нижняя половина его занесена желтымъ пескомъ пустыни и видны только спинной хребетъ и шея, надъ которымъ вздымается могучая голова, украшенная царскимъ вѣнцомъ ¹⁾. Вотъ размѣры сфинкса:

Длина его отъ когтей лапъ до начала хвоста	172	фут.
Высота фигуры отъ темени головы до основанія	64	„
Длина уха	6	„
Величина рта	7	„ 4 дюйм.
Ширина лица	13	„ 2 „

Внутри сфинкса не открыто никакихъ комнатъ или камеръ; тѣло его изваяно изъ цѣлой натуральной скалы, но такъ какъ на половинѣ тѣла приходилось углубленіе, то оно было выравнено каменной кладкой на извести и заравнено по фигурѣ животнаго. Сторона скалы, обращенная къ востоку не сръзана, а изъ возвышающейся части ея изваяна была съ замѣчательнымъ искусствомъ голова съ бородой и уреусомъ ²⁾.

Чтобы судить о громадности названнаго скульптурнаго памятника, достаточно сказать, что между его лапъ открытъ небольшой храмикъ, задняя сторона котораго состояла изъ гранитной плиты (въ

¹⁾ Знаменитый каменный колоссъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ охранявшій входъ въ пустыню, начинаетъ приходить въ ветхость: онъ сталъ крошиться и можно опасаться катастрофы. По объясненію египтологовъ, причина этого грустнаго факта, — зачистившіе, съ нѣкотораго времени, продолжительные дожди, вслѣдъ за которыми надъ Египтомъ пронеслись жестокія песчаныя бури, сильно расшатавшія гигантскаго сфинкса, котораго считали вѣчнымъ.

²⁾ Г. Власовъ. «Приложенія къ исторіи фараоновъ Вругша» II, 754.

14 фут. высоты), прислоненной къ груди великаго сфинкса. Судя по всѣмъ признакамъ, это скульптурное изображеніе создано древнѣйшими фараонами, вѣроятно, во время, предшествовавшее эпохѣ пирамидъ и потому съ нѣкоторымъ правомъ его называютъ „древнѣйшимъ памятникомъ на древнѣйшемъ, намъ извѣстномъ кладбищѣ міра“.

Обыкновенно къ главнымъ воротамъ египетскаго храма вела аллея изъ сфинксовъ; въ Карнакѣ, напр., она тянулась на двѣ версты, отъ рѣки къ главному portalу и имѣла двѣнадцать сажень въ ширину, при разстояніи между сфинксами въ двѣ сажени, такъ что съ каждой стороны ихъ находилось по пятисотъ штукъ. При помощи такой же оригинальной аллеи Карнакскій храмъ соединялся съ подземнымъ храмомъ въ нынѣшней долинѣ Эль-Азазифъ, а равно и со знаменитымъ храмовымъ сооруженіемъ Луксора. Сфинксы изъ гранита гладко отполировывались, а сдѣланные изъ песчаника или известняка раскрашивались красками: головной платокъ желтой или синей краской, лицо коричневой, борода черной и т. п.

На подобіе сфинксовъ изваялись въ такихъ же характерныхъ позахъ другія фантастическія соединенія животныхъ, какъ напр., льва съ бараномъ или ястребомъ. Всѣ эти изваянія носили характеръ строго стилизованной обработки и покоились на продолговатыхъ четырехугольныхъ цоколяхъ, приготовленныхъ изъ одинаковаго съ ними матеріала.

Лишь за послѣдніе годы удалось ближе опредѣлить происхожденіе загадочнаго сфинкса, который въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій былъ предметомъ разныхъ преданій и ученыхъ споровъ.

Теперь, однако, доказано, что сфинксъ изображаетъ колоссальную статую Ра-Гармахиса, бога утра, побѣждающаго мракъ и обращающаго лицо свое къ восходящему солнцу.

Разрѣшеніе этого вопроса получено благодаря надписямъ, найденнымъ на стѣнахъ одного храма, находящагося у подножія одного сфинкса и вокругъ него.

Храмъ этотъ, раскопанный однимъ американскимъ ученымъ, былъ посвященъ Гармахису; нѣсколько высѣченныхъ въ камнѣ покоевъ были могилами царей и жрецовъ, посвятившихъ себя этому культу.

Въ 1896 году было найдено нѣчто въ родѣ каменнаго головного убора, въ которомъ спереди было выдолблено изображеніе священнаго змѣя; этотъ камень покрывалъ нѣкогда въ видѣ царскаго шлема голову сфинкса, придавая ей еще болѣе величественный видъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вызолоченъ.

Амперъ такъ передаетъ свое впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ осмотра изображенія великаго сфинкса. „Это большая испорченная фигура—говоритъ онъ—производитъ чудесное впечатлѣніе, она какъ бы вѣчное явленіе. Каменный призракъ кажется внимающимъ; можно сказать, что онъ слушаетъ и смотритъ. Его большое ухо какъ будто собираетъ шумъ прошедшаго, его глаза, обращенные къ востоку, какъ бы засматриваютъ въ будущее; взглядъ заключаетъ такую глубину и правду, что обвораживаетъ зрителя. Въ этой фигурѣ на половину статуѣ, на половину скалѣ, открываешь особое величіе, большую ясность и даже нѣкоторую нѣжность“.

Впечатлѣніе дѣйствительно могло быть грандіозное. Къ сожалѣнію, голова великаго сфинкса сильно попорчена: солдаты хедива, обучаясь стрѣльбѣ, не могли найти болѣе подходящей мишени, чѣмъ этотъ древнѣйшій памятникъ египетской скульптуры и изуродовали его могучую, полную спокойствія голову!

3. *Обелиски.* Въ числѣ многочисленныхъ памятниковъ, воздвигнутыхъ фараонами, мы должны упомянуть объ обелискахъ (егип. *teshen*), которые ставились передъ входными пилонами храмовъ на небольшихъ цоколяхъ, что придавало имъ особый характеръ стройности и ту силу впечатлѣнія, какую оставляютъ въ душѣ зрителя эти изящныя произведенія египетской скульптуры.

Хотя обелиски слѣдуетъ скорѣе отнести къ придаткамъ архитектурнаго сооруженія, чѣмъ къ произведеніямъ ваянія, мы тѣмъ не менѣе нашли умѣстнымъ рассмотреть ихъ въ настоящей главѣ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что высѣканіе этихъ монолитовъ изъ скалъ и камней, а равно и обработка ихъ совершалась путемъ аналогичнымъ съ приемами скульптурной работы. Съ другой стороны несомнѣнно, что факторомъ возникновенія ихъ служило эстетическое чувство, а не матеріальныя требованія жизни, чѣмъ собственно опредѣляется и обусловливается зодчество; со всѣмъ тѣмъ считать обелиски чисто скульптурнымъ произведеніемъ также нельзя по той простой причинѣ, что предметомъ ваянія является сама природа, а въ сооруженіи этихъ гранитныхъ, заостренныхъ сверху столбовъ подражанія послѣдней найти, очевидно, невозможно.

Такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ названіе „обелискъ“ придумано въ первый разъ александрійскими греками. Геродотъ ихъ называетъ „каменными копьями“ и дѣйствительно, обелискъ есть собственно уменьшительное названіе копья и потому на русскій языкъ это наименованіе слѣдуетъ перевести словомъ „копьецо“.

Обелиски утверждались на невысокомъ прямоугольномъ плинтусѣ параллелепипидной формы, служившимъ имъ основаніемъ, были монолитны, т. е. высѣкались изъ цѣлаго куска камня и, суживаясь отъ основанія къ вершинѣ, оканчивались фигурой маленькой усѣченной пирамиды.

Назначеніе обелисковъ заключалось въ томъ, чтобы посредствомъ надписей, которыми въ изобиліи были испещрены бока ихъ, сообщать входящему въ храмъ время постройки, а равно увѣковѣчить имя строителя. Они были посвящены богу солнца, какъ олицетворяющему производительную и возрождающую силу солнечныхъ лучей, разгоняющихъ всякій мракъ и устраняющихъ всякое зло.

Высота ихъ не была одинакова, такъ Гелиополискій обелискъ Усургусена I—66 фут. 6 дюйм. высоты, Луксорскій—75 фут., Римскій—82 фут. 9 дюйм., Латеранскій въ Римѣ—105 фут. 10 дюйм., обелискъ царицы Хатасу—108 фут. 10 дюйм. и т. д. Привезенная въ 1836 году въ Парижъ и украшающая тамъ теперь Place de la Concorde стройная и величественная игла Луксорскаго обелиска, стояла прежде въ египетскомъ дворцѣ и, судя по ея надписи, была воздвигнута фараономъ-строителемъ Рамзесомъ II.

Къ сожалѣнію, въ этомъ превосходномъ сіенскомъ гранитѣ, испещренномъ болѣе чѣмъ 1.600 іероглифами, высѣченными со всѣхъ сторонъ, показались трещины и щели, какъ слѣдствіе вліянія средне-европейской зимы и съ ея сыростью и перемѣнами погоды. Другой подобный обелискъ въ началѣ христіанской эры (при Августѣ) былъ перевезенъ въ Римъ и украшалъ собой „городъ цезарей“ до тѣхъ поръ, пока подъ вліяніемъ бурнаго времени не былъ погребенъ подъ развалинами цирка Нерона. Въ этомъ положеніи онъ оставался до 1586 года, когда папа римскій, извѣстный Сикстъ V (Перетти) высвободилъ его изъ подъ мусора и поставилъ передъ базиликой св. Петра, наглядно сопоставляя такимъ образомъ замѣчательный памятникъ древне-египетскаго придатка архитектуры съ чуднымъ произведеніемъ новѣйшаго искусства.

Обелиски не всегда ставились передъ храмами и зачастую украшали собою не только царскіе дворцы, но и широкую, вымощенную плитами дорогу.

Въ древней Александріи у самого берега моря стояли два великолѣпныхъ обелиска, называвшіеся иглами Клеопатры, но принадлежавшіе гораздо болѣе древнему времени: слишкомъ за 1625 лѣтъ до Р. X. ихъ воздвигъ фараонъ XVIII династіи, Тутмесъ III у входа въ храмъ бога Ра въ Гелиополисѣ, откуда Птоломеи перевезли ихъ

въ свою столицу. Одна изъ такихъ „иголокъ“ въ 1878 году перевезена въ Лондонъ, вѣчный туманъ котораго въ связи съ сырмь морскимъ воздухомъ не замедлитъ оказать на гранитный монолитъ самое разрушительное дѣйствіе. Другой же изъ названной пары обелисковъ въ 1880 году перевезенъ въ Америку. Но самый большой изъ этихъ памятниковъ, высѣченный при упомянутомъ фараонѣ, есть обелискъ, нынѣ находящійся въ Константинополѣ. Превосходно изсѣченные письменные знаки покрываютъ четыре стороны этого громаднѣйшаго монолита розоватаго гранита и гласятъ, между прочимъ: „Царь Тут-мезъ III прошелъ великую окружность земли Нахараны побѣдоноснымъ завоевателемъ во главѣ своего войска. Онъ поставилъ свою границу на концѣ свѣта и на земляхъ задней воды (Тигра) Нахараны“.

Въ Карнакскомъ храмѣ, въ такъ называемой залѣ каріатидъ находится знаменитый обелискъ царицы Хатасу (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ), весь вызолоченный съ вершиной, украшенной золотыми шарами. Мариеттъ указываетъ на замѣчательную точность, съ которой названное сооруженіе поставлено въ самомъ центрѣ храмовой постройки.

Въ самомъ Римѣ находится большая часть перевезенныхъ обелисковъ (около 12-ти), украшающихъ собою площади вѣчнаго города: Piazza-del-Popolo, Piazza-della-Minerva (поставленъ въ 1667 году на фигурѣ слона архитекторомъ Бернини), Piazza Ravona и т. д.

Позднѣйшій изъ всѣхъ обелисковъ есть такъ называемый Бар-беришевскій, поставленный въ Римѣ на Monte-Pincio,—позднѣйшій потому, что на немъ находятся имена императора Адриана, его супруги Сабины и Антиноя,—этого пассивнаго орудія противоестественной страсти грека на римскомъ престолѣ.

На обелиски древніе египтяне смотрѣли не только съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, но самое приближеніе къ нимъ соединено было съ жертвоприношеніями и молитвами: въ Геліополисѣ они посвящались богу Ра, а въ Фивахъ—„сокровенному“ Аммону.

Подводя итогъ всему, что выше сказано было относительно древне-египетскаго ваянія, слѣдуетъ признать ¹⁾, что несмотря на техническую ловкость, обнаруженную ваятелями страны фараоновъ и довольно точное наблюденіе ими природы, оно, за рѣдкими единич-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы не можемъ согласиться съ Лепсіусомъ, который считаетъ что египетское искусство есть искусство въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. См. «Ueber einige aegyptische Kunstformen und ihre Entwicklung»,—сочиненіе, по нашему мнѣнію, тенденціозное pur sang.

ными исключеніями, оказалось не въ состояніи возвыситься до истиннаго искусства: всѣ фигуры отличаются суровостью, обнаруживающую предвзятую идею,—все принести въ жертву благородству позы и величественности произведенія.

Вліяніе египетской скульптуры на возникновеніе греческой сказалось въ томъ смыслѣ, что типъ мужскихъ статуй введенъ въ Элладу благодаря ввозу небольшихъ моделей, изваянныхъ въ Навкратисѣ подъ вліяніемъ египетской пластики. Дѣйствительно, типы и техника древнѣйшихъ произведеній греческой скульптуры носятъ на себѣ ясныя слѣды вліянія египетскаго искусства; въ числѣ предметовъ, найденныхъ Шлиманомъ въ микенскихъ гробницахъ, оказалось нѣсколько скульптурныхъ памятниковъ и по содержанію, и по стилю весьма сходныхъ съ тѣми, какіе встрѣчаются въ долинѣ Нила.

Но какая безконечная разница между монотоннымъ, символическимъ и безжизненнымъ египетскимъ ваяніемъ и высотой той спокойной гармоніи, которая была для эллиновъ первымъ условіемъ тѣлесной красоты, воспроизводящей идеаль челоувѣческой личности, неподражаемо передаваемый пластическимъ изображеніемъ греческаго скульптора! Подъ рѣзцомъ послѣдняго многообразныя формы челоувѣческаго лица являются упрощенными до общаго типическаго отпечатка и въ нихъ выражается пластическій характеръ цѣлаго.

Но хотя скульптура въ Египтѣ имѣла единственной цѣлью служить украшеніемъ гробницъ и храмовъ, т. е. была вызвана къ жизни религіознымъ культомъ, тѣмъ не менѣе въ ней можно подмѣтить нѣкоторое стремленіе пріобрѣсти самостоятельное значеніе, явившись выразительницею красоты или идеи, подобно древне-египетской примитивной живописи, къ разсмотрѣнію которой мы теперь и обратимся.

3. Живопись. Если на первый взглядъ кажется, что египтяне во всѣ времена стояли на одинаковой ступени художественнаго развитія, то виною этому главнымъ образомъ тотъ способъ, какимъ они передавали свою внѣшность и жизнь въ произведеніяхъ пластическаго искусства. То же самое можно сказать и объ ихъ живописи, въ которой не видно настоящаго характера предмета и нѣтъ гармоніи, связывающей отдѣльныя части картины въ стройное цѣлое. Какъ извѣстно, живопись передаетъ только внѣшній видъ дѣйствительности и область, подлежащая ея творчеству, ограничивается лишь тѣми предѣлами, какіе указаны самой природой.

Живописецъ не воспроизводитъ предметовъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, но такими, какими они представляются его глазу

на основаніи законовъ оптики, слѣдовательно, въ уменьшенномъ видѣ. Безъ знанія перспективы, основанной на геометрическихъ данныхъ, немислимо никакое художественное произведеніе, которое сохраняло бы наружный видъ дѣйствительности. При этомъ должно быть изучено вліяніе свѣта на тѣла, чтобы передать круглоту предметовъ, ихъ моделировку, посредствомъ наложенія тѣней и правильнаго распределенія свѣта и тѣни. Третій элементъ составляетъ краска, возвышающая рисунокъ на степень картины ¹⁾).

Совсѣмъ не то видимъ мы въ древнемъ Египтѣ. Въ изображеніи сцены господствуетъ полная условность, и въ нихъ нѣтъ ни перспективы, ни настоящей группировки. Дѣйствительно, отсутствіе въ рисунокѣ перспективы не только воздушной, но и линейной, требуемыми отъ каждаго художественнаго произведенія, составляетъ отличительный призракъ египетской живописи.

На древне-египетскихъ памятникахъ часто встрѣчаются изображенія, какъ фараонъ поражаетъ своихъ враговъ, стоящихъ на колѣняхъ, при чемъ тѣла побѣжденных закрываютъ другъ друга, и получается впечатлѣніе одного туловища со множествомъ головъ.

Кромѣ того всѣ фигуры, за весьма рѣдкими исключеніями, рисуются въ профиль, позволяющей проще всего нарисовать портретъ, что и дало Скотту поводъ замѣтить полное отсутствіе египетской фигуры въ натуральной человѣческой позѣ. На большинствѣ рисунковъ рука изображается одна, глазъ, при профили лица, нарисованъ en face и всегда направленъ впередъ, а кисть руки при невозможномъ положеніи большого пальца рисуется съ тыльной стороны и т. п.

Для пониманія такого рода рисунка необходимо помнить, что изображая, напримѣръ, деревья, дома, утварь и вообще нѣчто подобное, египетскій художникъ, какъ только что упомянуто, обходился совсѣмъ безъ перспективы, такъ что для распознаванія его мазни зрителю слѣдуетъ представить себѣ нагроможденное сверху стоящимъ рядомъ съ изображеннымъ ниже. Точно также на картинномъ изображеніи столы, стулья, кресла и кровати рисуются имѣющими только двѣ ножки, а домъ, храмъ, пирамида и пр. изображены всегда съ одной стороны.

Живописецъ фараоновскаго Египта въ своемъ стремленіи представить опредѣленный и ясный образъ изображаемыхъ предметовъ старался достигнуть этого не гармоніей отдѣльныхъ частей картины,

---

¹⁾ Любке «Иллюстрированная исторія искусства». 2 дополн. изд. перев. Ф. И. Булгакова, 1890, гл. III, 137.

не совокупностью рисуемыхъ предметовъ, а изображеніемъ ихъ по одиночкѣ, при чемъ все приносилось въ жертву главной фигурѣ, которая выдѣлялась своей массивной величиной: рядомъ съ ней все остальное казалось мизернымъ, какъ бы исчезало въ ничтожество.

Всѣ вообще фигуры выражаютъ собой только какое нибудь дѣйствіе, но нигдѣ нельзя подмѣтить настоящей жизни, признака чувства или страсти. Лицо фараона, напримѣръ, всегда одно и то же, сражается ли онъ или приноситъ богамъ жертвы. Подобно ваянію, живопись первоначально имѣла цѣлью украшеніе храмовъ и гробницъ и лишь впоследствии приняла видъ самостоятельнаго значенія, но со всѣмъ тѣмъ, какъ сказано, въ ней нечего и искать свободы или разнообразія. Гораздо болѣе удовлетворительны рисунки, изображающіе животныхъ, а нѣкоторые изъ изображеній послѣднихъ, найденные на гробницахъ Древняго Царства, по своей красотѣ и тонкости выполненія заслуживаютъ быть поставленными на одну линію съ произведеніями греческихъ художниковъ, которые въ позднѣйшій періодъ стяжали себѣ всесвѣтную славу. Но нигдѣ не проявляется такъ смѣлость египетскаго рисунка, какъ на покрытыхъ изображеніями стѣнахъ еиванскихъ гробницъ.

Художники берутся даже за пейзажи, пытаются рисовать группы строеній и домовъ, обнаруживая своеобразное смѣшеніе плана съ фасадомъ, но вскорѣ отказываются и отъ этихъ попытокъ, которыми собственно и заканчивается развитіе новыхъ идей въ живописи, продолжавшей держаться только инертной силой традиціи. Количество употребляемыхъ красокъ и цвѣтовъ, а равно выборъ ихъ носить условный характеръ, несоотвѣтствующій колориту или общему впечатлѣнію красокъ картины. За то египетскіе живописцы владѣли такими красками, что по истеченіи шестидесяти вѣковъ яркость ихъ не потускнѣла, и онѣ удивляютъ насъ своею свѣжестью, хотя сохраненіе ихъ въ значительной мѣрѣ объясняется благопріятнымъ вліяніемъ климата.

Для писанія красками художники употребляли плоскія кисти; краски разводились въ небольшихъ сосудахъ и къ нимъ примѣшивался клей, который, во время работы, держали на огнѣ въ маленькомъ тиглѣ. Рисовали не по бѣлому грунту, такъ какъ рисунки и изображенія названнаго цвѣта въ такомъ случаѣ не отличались бы отъ одноцвѣтнаго грунта; вотъ почему, прежде, чѣмъ рисовать на послѣднемъ, ему предварительно давалась соотвѣтственная цвѣтная подмалевка. Употреблялись преимущественно краски слѣдующихъ цвѣтовъ.

1. Черная. Ею изображались волосы, борода, шнуръ, которымъ поддерживалась искусственная борода (см. домашній бытъ) и проч.

2. Бѣлая употреблялась для многихъ одеждъ, ногтей и ею изображались бѣлки глазъ.

3. Синяя,—желѣзо, воды, горы, иногда головной платокъ и т. д.

4. Желтая—песчаникъ, известнякъ, бронза, необдѣланное разныхъ породъ дерево, львы и пр.

5. Зеленая—листья деревьевъ, трава, растенія, крокодилъ и пр.

6. Коричневая краска служила для изображенія лошадей, антилопъ, зайцевъ, стволовъ деревьевъ, а также для раскрашиванія радужной оболочки глаза.

7. Киноварью изображали солнечный дискъ, луну и т. п. Среди всѣхъ названныхъ цвѣтовъ встрѣчаются оттѣнки свѣтлые и темные, яркіе и матовые.

Что касается до цвѣтовъ бураго, сѣраго и фіолетоваго, то хотя они были извѣстны египетскимъ художникамъ, но почти никогда не употреблялись въ стѣнной живописи. Интересно, что встрѣчающіяся на памятникахъ изображенія мужчинъ и женщинъ отличаются другъ отъ друга единственно при помощи красокъ, такъ какъ въ древнѣйшія времена оба пола не различались ни по одеждѣ, ни по прическѣ; женскія фигуры неизмѣнно окрашиваются въ желтый цвѣтъ съ краснымъ контуромъ, а мужскія—въ коричневый съ чернымъ контуромъ.

Вообще изображенія носятъ характеръ натянутости и мрачности, но на нѣкоторыхъ деревянныхъ стелахъ мы видимъ, что предметы нарисованы тамъ съ чрезвычайной тонкостью и съ большимъ изяществомъ стила; впрочемъ живопись эта была вполне скульптурна и и задумана по правиламъ барельефа. Манускрипты на папирусь Книги Мертвыхъ чаще всего представляютъ нѣчто въ родѣ виньетокъ, нарисованныхъ съ легкостью и вѣрностью руки, чрезвычайной смѣлостью, иногда съ чистотой въ рисунокѣ, напоминающею украшенія греческихъ вазъ ¹⁾.

Въ гробницѣ вышеупомянутаго фараона XIX династіи, Сети I, открытой въ 1827 году Бельцони, находится весьма любопытная картина, нарисованная по тонкой желтоватой штукатуркѣ и изображающая странствованіе души по подземному міру. Тутъ же мы видимъ торжественное шествіе шестнадцати челоуѣкъ, представляющихъ четыре челоуѣческихъ расы, приведенныхъ къ престолу фараона.

На первомъ планѣ можно различить четверыхъ *путу*, въ которыхъ сразу виденъ характерный обликъ египетской расы, затѣмъ слѣ-

¹⁾ Лепорманъ. «Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres Mediques». T, 200.

дуютъ четверо *аму*, голубоглазые съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи,—семиты, заселявшіе въ то время Переднюю Азію и сѣверовосточныя провинціи Египта; послѣ аму слѣдуютъ четверо *нахазу*, т. е. негры, южные сосѣди египтянъ; ихъ лица такъ характерны, что этого одного довольно, даже безъ черной краски; въ заключеніе шествуютъ бѣлокожіе *тамаху* (мармарида) съ перьями на головѣ, въ цвѣтныхъ одеждахъ, съ русыми волосами и голубыми глазами.

Вся эта картина набросана мастерской и смѣлой рукой, свидѣтельствуя, что хотя египетскіе художники держались совсѣмъ дѣтскихъ пріемовъ, но въ техническомъ выполненіи они достигли необыкновеннаго совершенства. Выше было замѣчено ихъ искусство въ приготовленіи красокъ, еще достаточно свѣжихъ и яркихъ по прошествіи столькихъ тысячелѣтій, а равно замѣчательное чисто практическое умѣніе сообщать стѣнной живописи характеръ монументальной эффектности. Они покрывали самыя огромныя пространства необыкновенно ровнымъ фономъ, такъ что нельзя найти пятнышка свѣтлѣе или темнѣе, но манера ихъ остается тою же до позднѣйшаго времени.

Изъ египетскихъ художниковъ, въ качествѣ величайшаго мастера, особенной славой пользовался одинъ мазилка, по имени *Аменуахсу*, жившій въ эпоху Сети I и бывшій чѣмъ то въ родѣ придворнаго гофъ-маляра. Надписи называютъ его „первымъ живописцемъ“¹⁾, но каковы собственно произведенія, принадлежавшія кисти этого египетскаго Рафаэля совершенно неизвѣстно,—можно только думать, что въ нашемъ смыслѣ слова это былъ не живописецъ, а пачкунъ.

Заканчивая обзоръ древне-египетскаго изящнаго искусства въ сферѣ зодчества, ваянія и живописи, мы не можемъ не придти къ заключенію, неизбѣжно напрашивающемуся какъ конечный выводъ, что искусство это мертвое, неподвижное и натянутое, несмотря на отдѣльныя попытки къ его реформированію, возникнувшія подъ вліяніемъ позднѣйшаго эллинскаго искусства, оказалось не въ состояніи самостоятельно переработать новыя идеи и пребывало до конца въ какомъ то художественномъ квіетизмѣ, не находя изъ него выхода.

Да иначе и быть не могло: не надо забывать, что искусство Мемфиса и Фивъ было, такъ сказать, искусство этнографическое, представлявшее совокупность индивидуальныхъ чертъ, свойственныхъ живущей египетской расѣ и впитавшее въ себя всѣ жизненные соки прошлой исторической жизни Египта; если къ этому прибавить религіозныя предписанія, стѣснявшія свободу искусства и, значить, его твор-

¹⁾ Лепиусъ «Denkmäler» III, 132.

чество и извѣстный консерватизмъ націи, взиравшей на сѣдую древность какъ на неизмѣнный образчикъ для руководства позднѣйшимъ поколѣніямъ, то станетъ понятно, почему всѣ попытки къ реформированію искусства не дали, да и не могли дать положительныхъ результатовъ. Искусство египтянъ, спеленатое, подобно муміямъ, сохраняло ихъ холодную неподвижность.

4. Музыка. Несмотря на сообщеніе Діодора, утверждавшаго, что египтяне не отличались особенной любовью къ музыкѣ¹⁾, монархія фараоновъ представляетъ собой любопытный примѣръ замѣчательнаго развитія техники названнаго искусства. Могилы царей и обыкновенныхъ смертныхъ изобилуютъ изображеніями множества самыхъ разнообразныхъ музыкальныхъ инструментовъ и свидѣтельствуютъ, что уже въ концѣ эпохи Древняго Царства тамъ находились во всеобщемъ употребленіи тѣ ударные, духовые и струнные музыкальные инструменты, какіе и теперь еще попадаютъ въ Египтъ.

Древнѣйшими ударными инструментами являлись деревянные колотушки, которыми били тактъ; первоначально они были лишь грубо сдѣланными деревяшками, но впоследствии имъ старались придать красивый видъ путемъ вырѣзыванія соотвѣтственныхъ украшеній.

Затѣмъ имѣлись тупары или тофы, нѣчто въ родѣ нашихъ барабановъ разнообразной величины и формы: одни, похожіе на нынѣшніе такъ называемые дарабуко, въ которые били рукою или кривыми палками, другіе—круглые и продолговатыя, на которые съ обѣихъ сторонъ натягивалась кожа посредствомъ шнурковъ, обвивавшихъ барабанъ на подобіе сѣти. Такой барабанъ, металлическія тарелки и круглый или четырехугольный тамбуринъ являлись обычными музыкальными инструментами, которыми египетскія танцовщицы сопровождали свою пляску²⁾.

Между указаннымъ родомъ инструментовъ наибольшее значеніе имѣла систра или кемкемъ, ударный инструментъ, изобрѣтеніе котораго приписывалось богинѣ Изидѣ и который по своему внѣшнему виду напоминаетъ наши бубны.

Металлическія пластинки систры, приводившіяся въ движеніе въ извѣстные моменты религиозныхъ процессій или богослуженія, обращали вниманіе молящихся на соотвѣтственную важность какого либо

¹⁾ Діодоръ, I, 81.

²⁾ Вейсъ, loc. cit. 87—88.

момента священной церемоніи, настраивая въ этомъ смыслѣ участниковъ процессіи и вызывая въ нихъ надлежащія чувства. Значеніе сестры при богослуженіи было, такимъ образомъ, аналогично дѣйствию колокольчика при совершеніи мессы въ современныхъ католическихъ церквахъ, когда послѣ словъ патера „Sanctus, Dominus, Deus, Sabaoth“ или „Nunc est enim corpus meum“, онъ напоминаетъ своимъ звономъ о приближеніи великаго таинства искупленія.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобная музыка вполне соотвѣтствовала довольно скромнымъ требованіямъ слушателей и они, надо полагать, испытывали извѣстное эстетическое наслажденіе, прислушиваясь къ звукамъ національнаго инструмента, который имѣлъ столь обширное распространеніе, что иногда въ Египтѣ въ древности говорили, какъ о „странѣ сестры“. Инструментъ этотъ дѣлался изъ бронзы и носилъ на себѣ изображеніе богини Изиды или Гаторъ, но въ красивой формѣ и богатой отдѣлкѣ онъ появляется, однако, не ранѣе эпохи Новаго Царства.

Изъ духовыхъ инструментовъ египтяне знали только флейты (простыя и двойныя) и трубы; первыя, судя по нѣкоторымъ сохранившимся экземплярамъ, были деревянные, а послѣднія, какъ видно изъ Библии ¹⁾—металлическія.

Тѣмъ разнообразнѣе были за то струнные инструменты, древнѣйшей представительницей которыхъ являлась арфа; на мемфисскихъ гробницахъ она представлена еще въ своей первобытной формѣ, т. е. въ видѣ лука, на которомъ натянута нѣсколько струнъ, что указываетъ на происхожденіе арфы изъ боевого лука съ гудящей тетивой. Впослѣдствіе къ луку была придана подножка и въ такомъ усовершенствованномъ видѣ арфа представлена на гробницахъ Бени Хассана.

Несмотря, однако, на эти усовершенствованія и на болѣе красивую внѣшнюю отдѣлку, арфа была все-таки еще инструментомъ неуклюжимъ и тяжелымъ, и въ такомъ видѣ дожила до начала эпохи Новаго Царства. Съ этихъ поръ большія старинныя арфы отчасти уступаютъ мѣсто инструментамъ меньшихъ размѣровъ, отчасти же получаютъ лучшее устройство черезъ присоединеніе къ нимъ резонанціоннаго ящика; въ то же время можно отмѣтить появленіе новаго рода арфы, образовавшейся изъ соединенія литавры съ арфой изъ волосяныхъ струнъ. вмѣстѣ съ тѣмъ форма и устройство названнаго музыкальнаго инструмента становятся разнообразнѣе и число струнъ увеличивается съ шести до двадцати двухъ ²⁾.

¹⁾ Кн. Числѣ, X, 2.

²⁾ Вейсъ, *ibid.* 89.

Въ гробницѣ фараона XX династїи, Рамзеса III, открытой старшіями Брюса, мы видимъ изображеніе двухъ арфъ, величиной въ ростъ человѣка и формой почти тождественной съ современными; одна изъ нихъ съ одинадцатью струнами, другая—съ тринадцатью. Арфы, по большей части, приготовлялись изъ дерева и обтягивались тисненной кожей; особенно роскошной отдѣлкой отличались арфы, предназначенныя для храмовъ и дворцоваго оркестра фараоновъ: они украшались позолотой, живописью и различными символическими фигурами чеканной работы. Такъ большая Карнакская надпись, перечисляя благодѣянія Тутмеса III храму бога Аммона въ Фивахъ, упоминаетъ „о великолѣпной арфѣ, выложенной серебромъ и золотомъ, и превосходными камнями, голубыми и зелеными, чтобы на этой арфѣ играть пѣснопѣнія о славѣ бога“...

Въ музей Лувра намъ пришлось видѣть одну древне-египетскую арфу, края которой обиты зеленой узорчатой кожей съ сохранившимися на ней цвѣтами.

Лиры входятъ въ употребленіе съ эпохи XII-й династїи, но дальнѣйшее ея усовершенствованіе относится ко времени Новаго Царства. До насъ дошло нѣсколько экземпляровъ названнаго инструмента, сдѣланныхъ изъ дерева весьма тщательно и аналогично изображеніямъ памятниковъ; одинъ изъ этихъ экземпляровъ, видѣнный нами, хранится въ Берлинскомъ музеѣ совершенно неповрежденнымъ.

Кромѣ лиры у египтянъ находились струнные инструменты, похожіе по своему внѣшнему виду на гитару и лютийю, на которыхъ играли помощью костяной палочки или плектрона. Арфа, лира и гитара составляли вмѣстѣ съ флейтой почти полный ensemble египетскаго оркестра, въ которомъ держали тактъ нарочно приставленныя для того женщины, ударяя въ ладоши или стуча въ колотушки.

Памятники свидѣтельствуютъ о громадномъ значеніи инструментальной и вокальной музыки въ религіозной, общественной и частной жизни подданныхъ фараоновъ.

Въ новѣйшее время были открыты картины и рисунки, относящіяся къ самымъ отдаленнымъ временамъ египетской исторїи и доказывающіе, что нѣсколько тысячелѣтїи тому назадъ тамъ существовало нѣчто похожее на наши музыкальныя консерваторїи, хотя, разумѣется, съ совершенно отличной организаціей отъ этихъ учрежденій въ наше время.

По недостатку свѣдѣній вопросъ о томъ, была ли извѣстна древнимъ египтянамъ гармонія или полифонія, долженъ, однако, остаться открытымъ.

Свойства нѣкоторыхъ струнныхъ инструментовъ заставляютъ специалистовъ признать возможнымъ существованіе въ странѣ фараоновъ многоголосной музыки, но если это и такъ, то все-таки трудно допустить, чтобы практика въ указанномъ отношеніи хотя бы сколько нибудь походила на приемы новѣйшей музыки.

Вообще при всемъ разнообразіи древне-египетскихъ музыкальныхъ инструментовъ и при всей роскоши ихъ внѣшней отдѣлки, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что тамошніе оркестры не могутъ быть даже и сравниваемы съ современными. Иначе говоря, объ истинно музыкальномъ искусствѣ въ древнемъ Египтѣ не можетъ быть даже и рѣчи.

Можно думать, что музыканты фараоновскаго Египта не имѣли понятія о возможности производить различные звуки на одной и той же струнѣ сокращеніемъ ея посредствомъ ладовъ; сверхъ того они были лишены смычка, изобрѣтеніе котораго относится къ періоду Среднихъ вѣковъ и приписывается арабамъ.

Смычекъ (l'archet) занимаетъ самое видное мѣсто въ оркестрахъ послѣднихъ вѣковъ и облагораживаетъ инструментальную музыку въ такой степени, что послѣдняя до его изобрѣтенія должна считаться занимающею сравнительно низкую степень развитія.

Наши свѣдѣнія о культурно-историческомъ значеніи музыки въ монархіи фараоновъ довольно обстоятельны. Египтологія, сдѣлавшая въ теченіе послѣдняго столѣтія огромные успѣхи, собрала множество данныхъ касательно названной отрасли искусства; начиная съ „Description de l'Égypte“ эпохи Наполеона и до новѣйшихъ открытій Бругша, Эберса, Масперо и Мюлера, разныя великолѣпныя изданія заключаютъ въ себѣ подробности о значеніи древне-египетской музыки въ богослуженіи, объ отношеніи законодательства къ этому искусству, о техникахъ и т. п.

Сначала музыка въ Египтѣ была какъ бы монополіей жрецовъ, затѣмъ народу было разрѣшено заниматься ею, но не иначе, какъ соблюдая извѣстныя правила, установленіе которыхъ было признано необходимымъ по отношенію къ этому искусству. Путемъ устнаго преданія, при полномъ отсутствіи нотныхъ письменъ (они если не изобрѣтены, то усовершенствованы въ XI столѣтіи италіанскимъ монахомъ Гвидо изъ Ареццо), мелодіи сохранялись въ одномъ и томъ же видѣ. При храмахъ существовали особые пѣвчіе; сынъ пѣвчаго почти всегда посвящалъ себя специальности отца, занимая по смерти послѣдняго его мѣсто при храмѣ. По свидѣтельству Геродота, сынъ флейтичника непременно посвящалъ себя искусству играть на флейтѣ.

Греческіе писатели утверждаютъ, что не было города музыкальнѣе Александріи: люди, не умѣвшіе ни читать, ни писать, замѣчали каждую фальшивую ноту въ игрѣ на систрѣ ¹⁾, а Діодоръ прямо говоритъ, что пѣвцы и пѣвицы доводили массу до неистовыхъ изъясненій восторга, и александрійская музыка была извѣстна въ цѣломъ мірѣ ²⁾. Трудно сказать, насколько народныя пѣсни въ Египтѣ заключаютъ въ себѣ остатки и слѣды древне-египетской музыки,—вѣрно лишь то, что послѣдняя умолкла навсегда при нашествіи арабовъ.

Извѣстный египтологъ Максъ Мюлеръ недавно издалъ сборникъ древне-египетскихъ пѣсень, найденныхъ имъ на папирусахъ, хранящихся въ Лондонскомъ музеѣ. Почти все пѣсни любовнаго содержанія и относятся къ эпохи XVIII-й династии и въ нихъ очень часто встрѣчается воспѣваніе возлюбленной, которую называютъ „сестрой“. Въ пѣсняхъ, вообще очень короткихъ, слышатся вздохи покинутой женщины, обращеніе воиновъ къ своей родинѣ. Нѣкоторыя по своему содержанію очень оригинальны. Такъ одному юношѣ руки его возлюбленной напоминаютъ, по его словамъ, арабскія благовонныя мази, другой говоритъ, что губы его красавицы опьяняютъ его такъ же, какъ пиво. „Я желалъ бы быть тѣмъ кольцомъ, которое обвивается вокругъ твоего пальца,—говоритъ одинъ влюбленный—потому, что тогда—объясняетъ онъ въ слѣдующей строфѣ—ты меня всегда имѣла бы при себѣ, какъ украшеніе твоей жизни“. „Милая и дорогая сестра,—поетъ другой—я желалъ бы быть миртовой гирляндой, чтобы украсить твои плечи“... и т. д. въ томъ же духѣ.

Одна пѣсенка гласитъ:

«Къ твоей ли любви мое сердце не склонно? Не расстанусь я со своимъ чувствомъ, если-бы даже меня гнали до земли сирійцевъ палками, до Нубии—пальмовыми вѣтками, до горъ—прутьями, до долины—вѣтвями. Не стану я слушать ея совѣтовъ—оставить мои вождѣнія».

Совсѣмъ по современному звучитъ слѣдующая пѣсня:

«Голосъ голубя зоветь—она говоритъ: земля свѣтла, гдѣ моя дорога? Ты, птица, ты зовешь меня! Но я нашла своего возлюбленнаго на его ложѣ. Сверхъ мѣры счастливо мое сердце и каждый изъ насъ говоритъ: не расстанусь я съ тобой, во всякомъ прекрасномъ мѣстѣ ты дѣлаешь меня первой изъ красивыхъ дѣвушекъ, только не огорчай моего сердца».

На одной изъ картинъ въ храмѣ Рамзеса III, въ Меддинетъ-Абу представлена торжественная процессія, при чемъ впереди фараона идетъ оркестръ музыки съ хоромъ пѣвцовъ и въ числѣ музыкаль-

¹⁾ Athen, IV, 176.

²⁾ Діодоръ, I, 371.

ныхъ инструментовъ можно различить флейту, трубы и тупары. Войска имѣли свою военную музыку, которая сопровождала ихъ во время походовъ или учений мирнаго времени.

Приведенными историческими указаніями мы и закончимъ нашъ обзоръ древне-египетской музыки, отсылая желающихъ получить болѣе подробныя о ней свѣдѣнія къ трудамъ названныхъ египтологовъ, а равно и къ сочиненію ф. Доммера „Handbuch der Musikgeschichte“.

8. Военное искусство ¹⁾.

Фонъ-деръ-Гольцъ въ предисловіи къ «Краткому очерку искусства веденія войны въ наше время» говоритъ: «Если теорія военнаго искусства можетъ намъ дать для веденія военныхъ операцій какія-либо неоспоримо вѣрныя правила, то примѣненіе этихъ правилъ на практикѣ не будетъ приводить всякій разъ къ одинаковымъ результатамъ, какъ, напримѣръ, примѣненіе двухъ одинаковыхъ математическихъ формулъ» ²⁾. Иначе говоря, когда дѣло касается развитія данной военной операціи въ смыслѣ перелива ея въ жизнь, то ходъ ея зачастую не соотвѣтствуетъ логическимъ выводамъ мыслителей, развиваясь по своимъ отдѣльнымъ исключительнымъ законамъ. Отсюда неизбежный выводъ, что въ военномъ искусствѣ нѣтъ безусловныхъ принциповъ (правилъ), а есть только условныя, т. е. зависящія отъ наличности условій силы, времени и мѣста; единственный безусловный принципъ, о которомъ дѣйствительно можно говорить, всегда вѣчный и неизмѣнный,—это дѣйствовать сообразно съ быстро-мѣняющейся и капризной боевой обстановкой, нацѣливая войска туда, куда она ихъ требуетъ.

Военное искусство потому и есть искусство, что въ немъ далеко не все доступно расчету, далеко не все заключается въ цифрахъ, вычисленіяхъ и эфемерныхъ «отправныхъ точкахъ», а многое неизбежно должно быть отнесено на долю творчества, т. е. опять таки принципа дѣйствій сообразно съ обстановкой, подразумѣвая подъ послѣдней и надлежащую эксплуатацію гадательной воли противника.

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Обществѣ ревнителей военныхъ знаній 13 апрѣля 1899 г. Въ предлагаемомъ сочиненіи глава о военномъ искусствѣ египтянъ переработана заново и ей предпосланъ небольшой очеркъ, касающійся разработки теоретическихъ вопросовъ современной военной науки (см. Предисловіе).

²⁾ Фонъ-деръ-Гольцъ, цит. сочин. 1897. Переводъ генеральнаго штаба капитана Кольшмита подъ редакціей А. К. Пузыревскаго.

Но и здѣсь неизбѣженъ извѣстный рискъ, такъ какъ разныя соображенія, кажущіяся осуществимыми въ теоріи, иными выходятъ на практикѣ, не говоря уже про то, что успѣхъ на войнѣ въ большинствѣ случаевъ связанъ съ нѣкоторымъ рискомъ самыми неразрывными узами. *Wer schläge geben will, auch welche ertragen muss*, какъ говорятъ нѣмцы.

Самородный военный талантъ, развитый внимательнымъ и критическимъ изученіемъ Военной исторіи и особенно дѣяній великихъ художниковъ войны въ связи съ выработкой осмысленнаго стратегическаго міросозерцанія, основаннаго на тщательномъ изученіи фактовъ и сопровождавшей ихъ обстановки, а не на шаблонныхъ теоретическихъ измышленіяхъ и голыхъ принципахъ, ни какой пользы не приносящихъ,—вотъ что необходимо для нашего, хотя заманчиваго, но за то самаго труднаго изъ всѣхъ искусствъ!

Лучшая стратегія—это, конечно, своя собственная и на первый взглядъ кажется, что изучать теорію войны, основанную на твердо установившихся фактахъ военной исторіи, было бы непроизводительной тратой времени. Оно дѣйствительно, было бы такъ, если бы въ основаніе стратегіи клались исключительно выводы, почерпнутые изъ военной исторіи, но въ виду того, что стратегія является продолженіемъ политики, представляющей въ свою очередь сумму весьма многихъ слагаемыхъ и дающей отправныя точки для рѣшеній, становится яснымъ, что теоретическое изученіе искусства веденія войны непременно должно слагаться изъ изученія двухъ исторій—культурно-политической и военной, которыя при извѣстномъ взаимодействіи не могутъ не сообщить основательнаго знакомства со стратегіей (теоріей войны), конечно, при условіи вдумчиваго, критическаго и, главное, разносторонняго ознакомленія съ прошлой исторіей человѣчества.

Извѣстно, что чтеніе біографіи Плутарха было особенно любимо Наполеономъ; кто читалъ эти біографіи, согласится, что названный писатель, повѣствуя о жизнеописаніи извѣстнаго дѣятеля рисуетъ главнымъ образомъ политическую подкладку его дѣятельности и съ указанной точки зрѣнія трудъ Плутарха является тѣмъ то въ родѣ политическаго катихизиса греко-римской эпохи, не взирая на анекдотическую сторону историческаго разказа, которую такъ старательно подчеркиваетъ въ своихъ біографіяхъ Плутархъ, особенно, когда касается эпилога разыгрывающейся драмы, надъ которой спускается занавѣсъ послѣдняго акта, знаменующаго паденіе творца и гибель творенія.

Можно и даже должно быть узкимъ специалистомъ въ отмежеванной сферѣ техническихъ особенностей искусства и ихъ практическаго приложенія, насколько послѣднее является выразителемъ этихъ особенностей, такъ сказать, ихъ кристаллизацией, но въ смыслѣ идейнаго знанія, въ смыслѣ подготовки къ осмысленному и разностороннему изученію военнаго дѣла проведеніе узкоспеціальнаго и, значитъ, до извѣстной степени, косога взгляда слѣдуетъ признать явле-

ніемъ безусловно нежелательнымъ, не говоря уже про то, что нравственная цѣнность, такъ сказать, удѣльный вѣсъ указаннаго явленія въ лучшемъ случаѣ не можетъ не знаменовать собой извѣстной прямолинейности и заскорузлости понятій.

Вѣдь это очень похоже на то, что если бы кто нибудь отлично зналъ домъ, въ которомъ живетъ, всѣ комнаты, корридоры, надворныя строенія и въ тоже время имѣлъ бы весьма смутное и сбивчивое понятіе о томъ городѣ, гдѣ помѣщается его домъ, объ городскихъ улицахъ, площадяхъ, церквахъ и прочихъ неизмѣнныхъ принадлежностей большого обитаемаго города.

Не трудно предугадать, что слѣдствіемъ подобной неправильной постановки дѣла не можетъ не явится одностороннее изученіе предмета и, какъ непремѣнный результатъ, односторонніе выводы, тѣмъ болѣе нежелательные, что они легко усваиваются массой, страдающей большимъ нетерпѣніемъ и стремленіемъ все понять сразу, легко, наглядно и предпочитающей ту лѣстницу спеціальныхъ обобщеній и логическихъ выводовъ, на которыхъ выѣзжала и доселѣ выѣзжаетъ нѣкоторая часть нашей прессы.

Стремленіе обхватить предметъ съ возможно большого числа точекъ зрѣнія, широкій мысленный кругозоръ, почерпающій свою силу изъ трезваго анализа фактическихъ данныхъ и, пожалуй, даже нѣкотораго рода эклектизмъ (въ смыслѣ дѣйствительнаго соединенія, синтеза, а отнюдь не смѣси), — вотъ чего требуетъ наше практическое дѣло, задерганное чуть не во всѣ стороны узко-спеціальными взглядами, создающими вокругъ него какую то искусственную пустоту и размножающими истинную бацилу стратегическаго кувырканія.

Что военная наука при своемъ кажущемся однообразіи должна представлять нѣкоторыя спеціальныя стороны, заслуживающія тщательнаго изученія, — объ этомъ никто спорить не будетъ, говорятъ только о томъ, что осмысленному усвоенію теоріи военнаго дѣла слѣдуетъ предпослать широкую подкладку общую, подобно пирамидѣ, покоящейся на широкомъ базисѣ и затѣмъ постепенно суживающейся до тѣхъ поръ, пока, благодаря устраненію всего частнаго и развитію общаго (Стратегія), она въ своихъ основныхъ принципахъ не достигнетъ остроконечной вершины. При игнорированіи же рекомендуемаго способа изученія теоріи военнаго искусства и отсутствія наличности указанныхъ данныхъ, можно обложиться сотнями томовъ военныхъ книгъ и сочиненій, изучить всѣ походы, сраженія и операціи, — и все-таки не выработать правильнаго стратегическаго міросозерцанія, — и главнымъ образомъ потому, что нельзя начинать съ того, съ чего слѣдуетъ кончать, и что необходимо для увѣнчанія зданія.

Вышеприведенными разсужденіями мы отнюдь не думаемъ воздвигать алтарь противъ алтаря, въ смыслѣ поклоненія одному богу и игнорированія другого, мы, основываясь на нашемъ сильномъ пониманіи основъ военнаго дѣла, которое мы любимъ и, смѣемъ думать, знаемъ, хотимъ лишь указать на

то, что *la partie divine de l'art* (божественная сторона искусства) почерпаетъ свою силу въ извѣстной планосообразной комбинаціи между элементами военнаго и общаго порядка, взаимодействіе которыхъ облегчаетъ талантливому *condottieri* обнаруженіе полной мощи своей стратегической дѣятельности.

Твердо вѣруемъ и исповѣдуемъ, что при рекомендуемомъ нами способѣ изученія, знаніе основъ военнаго искусства должно вылиться само собою безъ заглядыванія въ академическіе учебники, ограничивающіеся въ самомъ лучшемъ случаѣ трудолюбивой компиляціей источниковъ подъ субъективнымъ угломъ зрѣнія составителей, другими словами, осмысленно выработанная теорія войны должна явиться производной нѣсколькихъ множителей: исторіи культурно-политической и военной, элементовъ разрушенія (Артиллерія), созиданія (Фортификація), организаціи (Военная Администрація), боя (Тактика) и наконецъ вѣро-степенныхъ данныхъ частью военнаго, а частью общаго порядка. Со всѣмъ тѣмъ корень дѣла все-таки въ личныхъ талантахъ, т. е. въ природѣ, а не въ знаніи; послѣднее только помогаетъ первой, но замѣнить ее не въ состояніи и потому обрекается на служебную роль. Да иначе и быть не можетъ, разъ въ военномъ искусствѣ далеко не все подлежитъ предварительному расчету и большая часть просачивающихся сквозь боевую обстановку данныхъ и синтезъ послѣднихъ неизбѣжно долженъ быть отнесенъ къ личному творчеству. Для среднихъ людей подобная *guerre d'inspiration* всегда является тѣмъ кускомъ, которымъ имъ рано или поздно суждено подавиться, такъ какъ конечнымъ результатомъ ихъ стратегическаго безсилія и пляски идей неизбѣжно бываетъ пораженіе, хотя, конечно, иногда случается, какъ крупное противорѣчіе, что произведенная средь шума невѣрно вычитанной боевой обстановки несомнѣнная фальшь въ концѣ концовъ все-таки приводитъ къ благимъ результатамъ, но надѣяться на то, что образъ дѣйствія будетъ опредѣляться случайными обстоятельствами, а не пониманіемъ обстановки, врядъ ли даже логически мыслимо.

Съ другой стороны слѣдуетъ твердо помнить, что самыя блестящія идеи разрѣшаются ничѣмъ, если онѣ не вытекаютъ изъ требованія данной обстановки и не ведутъ къ достиженію важной цѣли. Все это понятно до очевидности.

Теоретическое изученіе военнаго искусства безъ прирожденныхъ военныхъ способностей можетъ подготовить только удовлетворительнаго техника, да и то въ небольшой, сравнительно, области искусства, но ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи дать ему творчества въ руки. Академія не фабрикуетъ военныхъ талантовъ; она можетъ ихъ только соотвѣтственнымъ образомъ развить, если послѣдніе имѣются у ея питомцевъ, которымъ она даетъ въ руки технику дѣла. Этимъ и кончается ея задача и требовать отъ нея большаго нельзя, такъ какъ цѣль Академіи, повторяемъ, главнымъ образомъ, должна заключаться въ подготовкѣ техниковъ для спеціальныхъ надобностей военнаго дѣла, а не въ фабри-

каціи талантовъ, которые самородны и не нуждаются въ возрожденіи. Если, какъ сказано, послѣдніе окажутся у нѣкоторыхъ изъ ея слушателей и будутъ соотвѣтственнымъ образомъ развиты, то Академія, попутно со своей главной задачей, разрѣшаетъ задачу второстепенную, въ сущности для нее необязательную, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно важную и необходимую для пользы военнаго дѣла. Несомнѣнно, слѣдовательно, то огромное вліяніе, какое оказываетъ Академія на своихъ питомцевъ путемъ ли сообщенія имъ необходимыхъ знаній и утилизаціи послѣднихъ, путемъ ли развитія въ слушателяхъ ихъ скрытыхъ военныхъ дарованій, буде таковыя объявятся, во всякомъ случаѣ названное учебное заведеніе служитъ прекраснымъ фильтромъ для отдѣлки той или другой группы слушателей.

Вотъ почему мы не придаемъ особаго значенія постановкѣ въ Академіи курса Стратегіи: въ большинствѣ случаевъ, техника и творчество не идутъ въ ногу, по крайней мѣрѣ, въ одномъ и томъ же лицѣ, и та или другая сторона непремѣнно должна перевѣшивать.

Техническія основы Стратегіи болѣе или менѣе постоянны, поэтому врядъ-ли мыслимъ такой переворотъ, который опрокинулъ бы верхъ дномъ стратегическое міросозерцаніе слушателей первой категоріи, т. е. большинства, если бы въ виду «извращенія» метода преподаванія, постановка названнаго предмета въ академической программѣ подвергалась бы радикальному измѣненію.

Съ другой стороны прирожденный талантъ при первой встрѣчѣ съ дѣйствительностью будетъ руководствоваться не столько «принципами», сколько собственнымъ стратегическимъ чутьемъ, а въ этомъ то и заключается вся соль вопроса. Разсуждать иначе—значить смотрѣть на Академію, какъ на фабрику талантовъ, которые, какъ мы видѣли, отнюдь не нуждаются въ возрожденіи, будучи самородными.

Наиболѣе же практичный, жизненный методъ изученія теоріи войны приведенъ нами выше: его выдумали не мы, его выдвигаетъ сама жизнь. Разумѣется, настоящее никогда не принадлежитъ отрицательнымъ направленіямъ, но за то за ними будущее!

Переходя къ разсмотрѣнію военнаго искусства съ точки зрѣнія идеи прогресса, мы наталкиваемся на животрепещущій вопросъ, возможенъ ли вообще прогрессъ (понимая его въ широкомъ смыслѣ) въ названной отрасли искусства? Однако этотъ вопросъ легче задать, чѣмъ на него отвѣтить.

Нѣкоторые историки-соціологи склонны, повидимому, рѣшать его отрицательно, понимая подъ прогрессомъ военнаго искусства совершенствованіе такихъ предметовъ, вещей и формъ, которые соотвѣтствуютъ не высшему, а низшему пониманію жизни. Мы же, напротивъ, полагаемъ, что здравое обсужденіе затронутого вопроса скорѣе оправдываетъ противоположное мнѣніе. Прислушаемся сначала къ авторитетному голосу уважаемаго Н. И. Карѣева.

«Совершенствованіе военнаго искусства, — говоритъ почтенный профессор — заключается въ пользованіи плодами прогресса въ наукѣ для непрогрессивныхъ цѣлей, именно лучшимъ знаніемъ законовъ природы и большею властью надъ нею, сообщаемою этимъ знаніемъ, для цѣлей, которыя нисколько не вышайютъ насъ надъ дикарями, также имѣющими кое какія средства для истребленія людей. Тогда, напримѣръ, и замѣну простой стрѣлы отравленною пришлось бы назвать явленіемъ прогрессивнымъ. Совершенствованіе какого либо искусства заключается въ замѣнѣ средствъ менѣе цѣлесообразныхъ болѣе цѣлесообразными, и въ этомъ совершенствованіи дѣйствительно есть указаніе на происшедшій прогрессъ въ нашемъ умѣніи подчинять природу цѣлямъ нашей жизни, но въ замѣнѣ простой стрѣлы отравленною, стараго ружья скорострѣльнымъ не сдѣлано ни малѣйшаго шага впередъ въ уясненіи смысла жизни. Прогрессомъ въ военномъ дѣлѣ можно назвать только подчиненіе побѣдителей извѣстнымъ обычаямъ или законамъ, указывающимъ на болѣе высокой принципъ, положенный нами въ основу пониманія смысла жизни»¹⁾...

Отсюда выводъ, что простое совершенствованіе того или другого искусства не можетъ быть названо прогрессомъ, если не является орудіемъ для цѣлей прогрессивныхъ. Послѣднее положеніе врядъ ли можно признать теоретически вѣрнымъ и неоспоримымъ, но вопросъ заключается въ томъ, имѣетъ ли право наше искусство причислить себя къ орудіямъ названной категоріи или же, понимая подъ идеей прогресса установленіе отношеній между людьми на принципахъ солидарности, коопераціи и права, его слѣдуетъ причислить къ такого рода искусству, принципъ котораго соответствуетъ низшему пониманію смысла жизни? Посмотримъ.

Всякая картина неизбѣжно должна сочетать въ себѣ свѣтъ и тѣни, извѣстное взаимодѣйствіе которыхъ и составляетъ собственно фонъ картины; для разсмотрѣнія ея, примѣнительно къ данному вопросу, попытаемся хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ провести параллель между «боемъ» и «бойней», «искусствомъ» и «ура». Повальное истребленіе людей, разумѣется, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ бойней: жертвы съ обѣихъ сторонъ громадныя, человѣческая жизнь въ колоссальныхъ размѣрахъ приносится въ жертву взаимному истребленію, — чѣмъ больше истреблено враговъ, тѣмъ лучше. Это бойня въ полномъ смыслѣ настоящаго слова, «conduire les troupes à la boucherie», какъ выражаетъ приведенную мысль нашъ великій учитель военнаго искусства. Совсѣмъ не то представляетъ бой.

Побѣдоносный бой въ результатѣ, разыгранный артистически, въ духѣ внутренней его цѣльности, единства въ его веденіи, т. е. планообразности,

¹⁾ Н. Карѣевъ. «Историко-философскіе и социологическіе этюды» (Философія, исторія и теорія прогресса) 1895, V, 103.

при условии затраты возможно меньшаго числа человеческихъ жизней, т. е. при условии доведенія подготовки (во всѣхъ ея видахъ) рѣшительной атаки до послѣдней степени ея зрѣлости, въ предѣлахъ данной обстановки, — таковъ идеаль Тактики (тактическаго искусства); короче, синтезъ Тактики — это бой (сраженіе), искусно разыгранный, а искусное веденіе боя выражается: во первыхъ — въ планообразности его, во вторыхъ — въ возможно тщательной его подготовкѣ»¹⁾.

Отсюда ясно, какая безконечная разница между «boucherie» и «combat», между бойней и боемъ, между повальнымъ истребленіемъ людей и синтезомъ тактическаго искусства, требующаго, какъ мы видѣли, минимальную затрату человеческихъ жертвъ!

Такова же по существу роль и военнаго искусства: при кратковременномъ, но полномъ напряженіи силъ въ началѣ войны, при минимальной затратѣ человеческихъ жизней и безъ перерыва въ веденіи операций принудить непріателя къ скорѣйшему заключенію выгоднаго для насъ мира.

Въ частности же искусство веденія войны преслѣдуетъ и другую задачу: подведя къ рѣшительному пункту театра военныхъ дѣйствій превосходныя сравнительно съ непріателемъ силы и поставивъ ихъ передъ рѣшающимъ судьбу операціи боемъ, по возможности, въ болѣе выгодное стратегическое положеніе по отношенію къ противнику, одержать побѣду, извлекая изъ нея возможно полные результаты, а проигравъ сраженіе, низвести вредныя послѣдствія пораженія до возможнаго *minimum*'а.

Это не бойня, не «ура», исключительно ѣздящее на солдатской спинѣ, а искусство въ полномъ значеніи этого слова. Нѣкоторые господа, почерпающіе свои убѣжденія изъ случайныхъ разговоровъ, изъ первой газетной статьи или изъ странички какой нибудь насыщенной и невѣжественной рецензіи, склонны относиться къ нашему искусству скептически, утверждая, что главную роль на войнѣ играетъ слѣпой случай, что они «не вѣрятъ» въ военное «искусство» и что въ сущности его нѣтъ и быть не можетъ. Не полемизируя съ этими непризнанными знатоками военнаго дѣла и оставляя при нихъ ихъ собственное «мнѣніе», не можемъ однако не замѣтить, что не будь искусства веденія войны, а будь одна бойня или «ура» — міръ давно захлебнулся бы въ крови и международное право (хотя оно эфемерное, но все-таки какъ ни на есть, а «считается» правомъ) замѣнилось бы правиломъ рыбъ, по которому большая рыба пожираетъ меньшую. Задача военнаго искусства — достигъ побѣды «съ малымъ трудомъ и съ малой кровью». Поэтому упорядоченіе военнаго дѣла и возведеніе его на степень искусства есть одна изъ величайшихъ заслугъ художниковъ войны на

¹⁾ Лееръ. «Приложенія къ части I Стратегія», 1898. Приложение 8. Синтезъ тактики, 147.

пользу общественную и разсуждать иначе, взирая на него съ высоты своей искверканной и сытой философіи, могутъ лишь ограниченныя, заклепанныя умы, страдающіе рабской войскобоязнѣй. X

Мы не будемъ касаться всѣхъ этихъ колоссальныхъ софизмовъ, облеченныхъ иногда въ блестящую внѣшнюю форму, такъ какъ разсмотрѣніе ихъ не можетъ представлять особеннаго интереса, замѣтимъ только, что, къ сожалѣнію, они очень часто являются одними изъ самыхъ мощныхъ орудій извращенія понятій, — коренной лжи нашего вѣка.

Намъ остается только закончить настоящій очеркъ, которому, разумѣется, мы не можемъ придавать рѣшающаго значенія, указаніемъ, что пустопорожнія попытки къ выработкѣ формулы законовъ войны на подобіе выведенія закона паденія тѣлъ, не имѣютъ подъ собой никакихъ твердыхъ основаній и, построенныя субъективно, по самому своему существу, являются великимъ военно-соціологическимъ пуфомъ...

Общественное и политическое положеніе народа всегда находится въ зависимости отъ характера и состава его войскъ. Классъ, достаточно сильный для внѣшней защиты общества, достаточно силенъ и для того, чтобы завоевать себѣ въ немъ право и пользоваться въ немъ законнымъ вліяніемъ. Съ указанной точки зрѣнія мы и разсмотримъ постановку военного дѣла въ цивилизованной монархіи береговъ Нила, а затѣмъ послѣдовательно коснемся отдѣльныхъ сторонъ *древне-египетскаго военнаго искусства*, насколько послѣднее обрисовывается дошедшими до насъ памятниками.

Эгоистически-корпоративный характеръ общественнаго строя фараоновскаго Египта не могъ не способствовать сохраненію наследственнаго навыка и боевыхъ традицій въ рядахъ военнаго сословія, составляющаго самый прочный, устойчивый кадръ, а съ другой стороны, значительно содѣйствовалъ ускоренію темпа завоевательной политики фараоновъ. Казалось бы, что при такомъ положеніи дѣлъ военный классъ долженъ былъ бы сыграть выдающуюся историческую роль въ культурно-бытовой и соціальной жизни Египта на подобіе, напримѣръ, Ассирій, представлявшей настоящее офицерское царство въ полномъ смыслѣ этого слова. Но на дѣлѣ здѣсь является не то.

Армія фараоновъ служила пассивной рабочей силой и въ нѣкоторомъ родѣ представляла наковальню, по которой работали три молота: царь, жрецъ и чиновникъ. Конечно, она не была убита шагистикой и фронтомъ, ей не командовали отъявленные бездарности, не исполнявшія, а „обсуждавшія“ приказанія главнокомандующаго и не вели въ бой не слыхавшія его шуму тупицы, — наоборотъ, въ періодъ развитія военнаго искусства египетская армія заставляла трепетать

всю Азію громомъ своихъ военныхъ колесницъ—но со всѣмъ тѣмъ ненормальное, угнетенное ея положеніе, смахивавшее на какой то низкопоклонный кліентизмъ, врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Литература,—это типичное отраженіе жизни,—полна насмѣшекъ и глумленій надъ военной профессіей и египетскіе книжники не стѣснялись въ своихъ поученіяхъ изливать на измученную долгими походами армію ушаты помоевъ и грязи, осмѣивая труды походной жизни и страданія солдата.

Понятное дѣло, что при такомъ отношеніи не только этихъ господъ, зараженныхъ чиновничьимъ ядомъ, но и всего общества къ военному элементу, послѣдній занималъ низшее служебное положеніе сравнительно съ гражданской администраціей, въ глазахъ которой онъ былъ чѣмъ то въ родѣ неизбежнаго зла, терпимаго только по необходимости.^X Но хуже всего было то, что сами военные, сознавая свою приниженность, которая въ виду важнѣйшей роли, возложенной на защитниковъ отечества, ни въ какомъ случаѣ не должна бы была, казалось, имѣть мѣста, съ какой то тупой пассивностью подчинялись господствовавшему настроенію въ обществѣ и врядъ ли имъ даже приходило въ голову подобное противоестественное положеніе дѣлъ. Даже въ эпоху XVIII-й и, отчасти, XIX-й династїи, когда благодаря побѣдамъ и завоеваніямъ, войско прїобрѣло въ странѣ нѣкоторое вліяніе и, такъ сказать, нѣсколько повысилось во мнѣніи общества, послѣднее—и главнымъ образомъ жрецы—мало раздѣляло народное увлеченіе побѣдами и славою фараоновъ-завоевателей и не боялось высказывать мысли, косвенно порицавшія непрерывные далекіе походы (см. ниже).

Ясно, что при наличности всѣхъ вышеуказанныхъ условій египтяне не могли внести въ область военного дѣла тѣ высочайшіе образцы искусства, съ которыми мы сталкиваемся въ военной исторїи Ассїріи и, позднѣе, Греціи, что, впрочемъ, не могло имъ помѣшать, при сравнительно высокой культурѣ и цивилизаціи, достигнуть въ названномъ отношеніи кое какихъ успѣховъ даже и не сомнительной цѣнности. Но—замѣчаетъ генералъ А. К. Пузыревскій въ своемъ „ислѣдованіи боя въ древнія и новѣйшія времена“—военное искусство подчиняется многочисленнымъ измѣненіямъ соответственно научному и промышленному прогрессу и т. д. и т. д. Только одна вещь не мѣняется: сердце человѣка; и такъ какъ въ конечномъ изслѣдованіи бой принадлежитъ къ явленіямъ нравственнаго порядка, то во всѣхъ измѣненіяхъ, вводимыхъ въ арміи, въ организаціи, дисциплинѣ, тактикѣ существеннымъ вопросомъ является истинное усвоеніе

всѣхъ этихъ измѣненій человѣческимъ сердцемъ въ данный рѣшительный моментъ, въ моментъ сраженія ¹⁾.

Но сердце египтянина усваивало себѣ совѣтъ не тѣ стремленія, какія должны составлять необходимую принадлежность порядочнаго солдата и будучи лично храбрымъ, терпѣливымъ и дисциплинированнымъ войномъ, онъ по самому складу своей природы склонялся къ болѣе мирнымъ профессіямъ, нежели къ такой, полной приключеній, бѣдствій и невзгодъ жизни, какой ему представлялась военная.

Не отличаясь воинственностью, подданные фараоновъ обнаружали, однако, нѣчто въ родѣ воинственнаго пыла, когда въ началѣ эпохи Новаго Царства, по изгнаніи изъ страны кочевниковъ-семитовъ, потокомъ перелившихся въ Египетъ изъ глубины далекихъ пустынь Азіи, они предприняли отдаленныя экспедиціи въ Сирію и Нахаранну и на ихъ короткихъ мечаяхъ задымилась свѣжая азіатская кровь.

Но этотъ подъемъ народнаго духа, говоря à соеиг ouvert, является, въ сущности, крупнымъ историческимъ противорѣчіемъ посреди многовѣковой жизни Египта, представляя явленіе исключительное, объясняющееся совокупностью весьма многихъ причинъ, выясненіе которыхъ мы по необходимости должны отложить до своего мѣста.

1. Комплектованіе арміи. Было уже говорено, что во владѣннн военнаго сословія находились пожалованныя ему ленныя помѣстія, которыя были освобождены отъ всякаго рода налоговъ и передавались по наслѣдству подъ условіемъ поголовной личной службы въ строю, при чемъ всѣ собственники поземельнаго имущества вносились въ особые списки, хранившіеся у военнаго начальника нома. Нечего и прибавлять, что призывъ этихъ людей на службу производился всегда быстро, такъ какъ исправность явки обуславливалась здѣсь личнымъ интересомъ: уклонявшійся отъ призыва терялъ право пользоваться земельнымъ надѣломъ, на которомъ производилась экспроприація, и бенефициальная собственность либо отбиралась въ казну, либо передавались другимъ лицамъ. Совѣтъ другое дѣло было съ *рекрутами*, поставляемыми низшими классами населенія.

По закону каждый номъ обязанъ былъ выставить опредѣленный контингентъ вполне здоровыхъ рекрутовъ, годныхъ для перенесенія трудовъ походной жизни. Но такъ какъ большинство молодыхъ людей, при объявленіи мобилизаціи, скрывались въ горы, то сельскіе старосты, отвѣчавшіе имуществомъ за воинственный духъ своихъ под-

¹⁾ А. К. Пузыревскій. «Исслѣдованіе боя въ древннхъ и новѣйшихъ времена». (Извлеченіе изъ сочиненія Ardaant du Pieq, «Etudes sur le combat»), Варшава 1893. II, 57.

чиненныхъ, задерживали всѣхъ подозрѣваемыхъ въ намѣреніи уклониться отъ набора и препровождали ихъ въ тюрьмы, гдѣ они дожидались рѣшенія своей участи.

Командированный для производства набора чиновникъ предварительно повѣрялъ списки, въ которые вносилось какъ населеніе деревень и поселковъ, принадлежавшихъ къ данному ному, такъ равно и количество рекрутъ, которыхъ они обязаны были выставить пропорціонально населенности. Затѣмъ всѣ подлежащіе призыву собирались въ указанномъ мѣстѣ, куда прибывали номархъ, военный начальникъ нома и командированный фараономъ чиновникъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ писарей, на которыхъ собственно лежала вся письменная часть и бумажная формальность по дѣлопроизводству.

По окончаніи повѣрки призывныхъ списковъ, одинъ изъ писарей, по приказанію своего начальника, выкрикивалъ имена молодыхъ людей, внесенныхъ въ списки; каждый при произнесеніи своего имени обязанъ былъ поднимать руку. Если кого нибудь не оказывалось налицо, то начальникъ допрашивалъ деревенскаго старосту о причинѣ неявки отсутствующаго: не боленъ ли онъ? не оказалъ ли неповиновенія? не занимаетъ ли какой нибудь должности или не страдаетъ ли какимъ нибудь недостаткомъ, освобождающимъ его отъ военной службы? Староста отвѣчаетъ, какъ умѣетъ, на обращенные къ нему вопросы и при этомъ дрожить всѣмъ тѣломъ, ибо рядомъ съ нимъ стоитъ одинъ изъ шауишей (стражниковъ) и дѣло можетъ закончиться палочными ударами, если его объясненія покажутся неубѣдительными представителю фараона ¹⁾. По окончаніи всей процедуры чиновникъ производилъ рекрутамъ смотръ, увольнялъ тѣхъ изъ нихъ, которые казались ему слабосильными и доводилъ число оставшихся до опредѣленнаго количества солдатъ, которыхъ каждый номъ обязанъ былъ выставить по первому требованію правительства.

Мы уже говорили, что участь такихъ рекрутъ была несравненно тяжелѣ положенія привилегированнаго военного класса: попадая въ армію, они уводились въ далекія страны Сиріи и Эіопіи и почти никогда не возвращались къ своему очагу. Что же касается до военного сословія, то оно, какъ сказано выше, выступало въ походъ поголовно, при чемъ члены его занимали большинство офицерскихъ мѣстъ или входили въ составъ колесничнаго войска въ сопровожденіи слугъ и оруженосцевъ, однимъ словомъ какъ говорилось у насъ на Руси въ до-петровское время—„конно, людно и оружно“.

¹⁾ Maspero. «Lectures historiques», V, 63.

Кромѣ прирожденныхъ египтянъ, воинская повинность распространялась и на народности, чуждыя египтянамъ по происхожденію, но расселившіяся по нильскому оазису: они выставляли такъ называемыя *вспомогательныя войска*, управлявшіяся собственными командирами и подчинявшіяся Хирь-питу „вождю иноземцевъ“ ¹⁾. Въ составъ названныхъ войскъ, придававшихся къ отдѣльнымъ отрядамъ, входили племена Кушъ, Мацаи, Шардана, Машуаша, Тамаху, Уауа, ливійцы, негры, сирійцы и мн. друг., а равно и поселенные въ странѣ военноплѣнные, главнымъ образомъ, семиты ²⁾.

Что касается до *пополненія корпуса офицеровъ*, то свѣдѣнія по этому поводу весьма неполны, противорѣчивы и относятся къ эпохѣ, сравнительно, позднѣйшей, именно ко времени Новаго Царства. Судя по Papyrus Anastasi III, можно думать, что въ фараоновскомъ Египтѣ существовало нѣчто въ родѣ военныхъ школъ, въ которыя принимались малолѣтніе мальчуганы для прохожденія соответствующаго курса: врядъ ли, однако, можно допустить, чтобы эти школы имѣли характеръ и организацію, подходившіе хоть сколько нибудь къ современнымъ военно-учебнымъ заведеніямъ и чтобы главная цѣль ихъ сводилась къ профессиональной подготовкѣ офицеровъ: до подобной системы не доросъ не только Египетъ, но и Греція, Римъ и даже средніе вѣка, не говоря уже про то, что прохожденіе курса военныхъ наукъ было въ сѣдой древности, прямо, неслыханной вещью.

Военная подготовка въ указанную эпоху производилась только въ полѣ, что и было вполне естественно, разъ гражданинъ еще не различался отъ воина и во всякое время могъ принять на себя исполненіе его обязанностей: такъ было въ Элладѣ, въ Римѣ и то же самое въ указанномъ отношеніи представляетъ Египетъ.

Тотъ же Papyrus Anastasi III, табл. VI, повѣствуя о томъ, что молодые люди, предназначавшіеся для занятія офицерскихъ мѣстъ въ колесничномъ войскѣ „выбирали запряжку (т. е. колесницу съ парой лошадей) въ конюшняхъ въ присутствіи Его Святости“, не безъ ироніи добавляетъ, что „обучившійся всему (?)“ офицеръ „чтобы доѣхать до своего города пускаетъ свою лошадь въ голопъ, но голопировать онъ способенъ, развѣ, на палкѣ“... Вотъ какихъ „кавалеристовъ“ выпускали военные школы!

¹⁾ Бругшъ, loc. cit. XVII, 518.

²⁾ Древнѣйшій памятникъ ливійскаго языка, написанный іероглифическимъ шрифтомъ,— это военный гимнъ ливійскаго племени *кежакъ*, которое, въ числѣ прочихъ, выставило вспомогательныя войска фараону.

Отсюда явствуетъ, что ни о какомъ специальномъ образованіи и обученіи въ поименованныхъ школахъ не можетъ быть и рѣчи: гораздо вѣроятнѣе, что обучившимся въ школахъ грамотности молодымъ людямъ, по окончаніи курса, въ видѣ казеннаго вспоможенія, выдавалась запряжка,—колесница съ парой лошадей, умѣлая ѣзда на которыхъ должна была составлять уже собственную заботу „новоиспеченныхъ“ представителей колесничнаго войска.

Солдаты-туземцы, призванные на дѣйствительную службу, раздѣлялись на четыре легіона, именовавшихся по богамъ: легіонъ Аммона, легіонъ Ра, легіонъ Фта и легіонъ Сутеху, при чемъ въ отношеніи призыва новобранцевъ было установлено, чтобы каждый номъ выставлялъ опредѣленный контингентъ для укомплектованія одного изъ названныхъ легіоновъ.

Такимъ образомъ эти части войскъ получали всегда новобранцевъ изъ однихъ и тѣхъ же участковъ комплектованія, хотя примѣненіе территориальной системы на практикѣ было сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами, выразившимися въ невѣроятной пестротѣ національнаго состава арміи, представлявшей въ указанномъ отношеніи какой-то космополитическій сбродъ. Кромѣ чистокровныхъ египтянъ сюда входили совершенно чуждые элементы, въ видѣ семитовъ, ливійцевъ, машуашей, негровъ и проч., которые хотя и составляли, какъ сказано, вспомогательныя войска, но тѣмъ не менѣе придавались къ отдѣльнымъ египетскимъ отрядамъ, являясь такимъ образомъ частью всей арміи, притомъ частью далеко немаловажною.

Благодаря наличности элементовъ, не сжившихся вмѣстѣ и зачастую, чтобы не сказать всегда, враждовавшихъ между собою, египетское войско не могло не быть въ извѣстномъ смыслѣ импровизованнымъ, лишеннымъ внутренней органической связи, а когда, позднѣе, національное войско стало мало по малу исчезать подъ наплывомъ наемниковъ, осыпаемыхъ наградами и почестями на зависть остальной арміи, послѣдняя къ концу египетской исторіи представляла изъ себя жалкій на вербованный сбродъ, лишенный какихъ бы то ни было боевыхъ достоинствъ.

Массовая эмиграція военнаго сословія, удалившагося въ эпоху XXVI династіи въ Эіопію (см. Исторію Египта въ Саисскій періодъ) еще болѣе ослабила страну и оставила ее почти беззащитной на легкую добычу чужеземцамъ-персамъ. Кровосмѣсительная связь египетскихъ войскъ съ наемными греческими отрядами, не пользовавшихся симпатіями народа и державшихся только фараонами Саисской эпохи, расшатала, такимъ образомъ, то, что призвана была укрѣпить.

2. **Организація.** Указаннымъ способомъ комплектовался древнѣйшій и главный родъ египетскихъ войскъ — пѣхота, въ которой несли службу низшіе классы населенія. Въ эпоху Новаго Царства мы уже застаемъ раздѣленіе ея на тяжелую (копейщики) и легкую (стрѣлки), какъ и у всѣхъ остальныхъ народовъ древности, при чемъ всѣ пѣхотныя части, въ свою очередь, подраздѣлялись еще на извѣстныя тактическія единицы, числительность и составъ которыхъ опредѣлить довольно трудно.

Раздѣленіе на четыре легіона было несомнѣнно самое крупное и въ него пока мы никакихъ другихъ не знаемъ, но, конечно, они не могли не быть, такъ какъ на берегахъ Нила и въ отдаленныя отъ насъ времена прекрасно сознавали, что удобоуправляемость части и быстрота ея маршей находится въ зависимости отъ числа ногъ ее составляющихъ, т. е. чѣмъ часть мельче, тѣмъ она движется быстрѣе и обратно. Нѣкоторые памятники даютъ намъ, правда, изображенія чего то похожаго на пѣхотныя колонны, но выводить отсюда какія бы то ни было заключенія о числительности этихъ естественныхъ подраздѣленій тактическихъ единицъ было бы слишкомъ рискованно.

Единственно, что можно сказать—это то, что въ египетской арміи существовало нѣчто похожее на наши роты и взводы, хотя, быть можетъ, величина этихъ войсковыхъ крупицъ не была строго опредѣленной, видоизмѣняясь сообразно требованію тѣхъ или другихъ причинъ. Какъ бы то ни было, мы полагаемъ, что для надлежащаго освѣщенія затронутаго вопроса необходимы новыя открытія.

Въ безчисленныхъ изображеніяхъ арміи фараоновъ, встрѣчающихся на памятникахъ, мы совсѣмъ не встрѣчаемъ кавалерійскихъ частей и лишь крайне рѣдко можно натолкнуться на фигуру отдѣльнаго всадника, сидящаго на лошади безъ стремянъ и управляющаго ею обѣими руками при помощи поводевъ. Впрочемъ, всѣ эти изображенія относятся исключительно ко времени Новаго Царства, когда подъ вліяніемъ азіатскихъ войнъ, въ Египтѣ впервые создались конница, хотя, какъ отдѣльный родъ оружія, она имѣла второстепенное значеніе и роль ея съ успѣхомъ выполнялась боевыми колесницами, идея устройства которыхъ была заимствована египтянами у сирійскихъ народовъ.

По нѣкоторымъ хорошо сохранившимся экземплярамъ видно, что военная колесница, которая должна была настолько удовлетворять требованію легкости, чтобы ее одинъ человекъ могъ свободно нести на плечахъ, дѣлалась изъ сикомороваго дерева, обтягивавшагося кожей и обивавшагося тонкими металлическими листами. Колеса были

деревянные, безъ шинъ, діаметромъ въ 8—10 вершковъ и дѣлались о четырехъ, шести и даже восьми спицахъ, а ось, къ которой они прикрѣплялись чеками, приготовлялась изъ акаціи и на ней лежалъ неподвижно задъ кузова, имѣвшій видъ полуэллипсиса, края котораго были соединены прямымъ поперечнымъ брускомъ. Къ оси толстымъ концомъ прикрѣплялось изогнутое дышло, оканчивавшееся похожимъ на рычагъ ярмомъ, которое накладывалось лошадямъ на холку и пристегивалось груднымъ ремнемъ, прикрѣпляясь къ дышлу металлическимъ штифтомъ.

Для удобства управленія лошадьми, которыхъ впрягали въ колесницу въ количествѣ двухъ, иногда четырехъ и даже восьми экземпляровъ, черезъ петли и кольца, придѣланныя къ нагрудникамъ, пропускались возжи (по двѣ на каждую лошадь), концы которыхъ во время боя обвязывались вокругъ тѣла колесничнаго всадника. Бокowychъ постромокъ не было.

Къ колесницѣ, съ обѣихъ сторонъ, наглухо придѣлывались съ одной стороны колчанъ для лука и стрѣлъ, а съ другой — нѣчто въ родѣ футляра для бича. На лошадей надѣвалось головное украшеніе изъ страусовыхъ перьевъ и полосатая попона. Въ каждой боевой колесницѣ, которыхъ въ египетской арміи всегда было множество, помѣщался возничій (представленный на памятникахъ держащимъ однохвостный бичъ съ красиво украшеннымъ кнутовищемъ) и не болѣе одного воина.

Въ гробницѣ Похира, между прочими сценами обыденной жизни, мы видимъ изображеніе двухъ коней, запряженныхъ въ колесницу. Возничій, названный семитическимъ именемъ „Казанъ“, держа въ рукахъ возжи, стоитъ за колесницей, дожидаясь господина, котораго (говоритъ надпись) „любятъ умные кони“.

Царская боевая колесница была, разумѣется, великолѣпнѣе всѣхъ остальныхъ, отличаясь своими символическими украшеніями, роскошной упряжью и отборнымъ сортомъ впрягавшихся въ нее лошадей, при чемъ пара послѣднихъ имѣла свое особое имя, въ родѣ „Фиванской побѣды“, „Муть довольна“, „Побѣдоносный Аммонъ“ и т. п.

Недавно найдена Дэвисомъ колесница Тутмеса IV, но, къ сожалѣнію, она очень попорчена. Весь ходъ колесницы сдѣланъ изъ крѣпкаго дерева и покрытъ узорчатой кожей; дышло легко возстановить, такъ какъ его рисунокъ сохранился на барельефахъ.

Военныя колесницы составляли особый корпусъ, въ которомъ собственно не было нижнихъ чиновъ (за исключеніемъ, быть можетъ, возничихъ), а только одни офицеры („сенни“), принадлежавшіе къ

знатному служилому дворянству. Нечего и прибавлять, что войско это считалось привилегированнымъ.

Въ объясненіе подобнаго взгляда слѣдуетъ сказать, что въ первые вѣка исторіи гражданскихъ общинъ сила войска состояла въ конницѣ (это явленіе повсемѣстное) и настоящимъ воиномъ былъ тотъ, кто сражался на колесницѣ или на лошади; пѣхотинецъ, мало пригодный къ битвѣ, цѣнился очень низко.

Вотъ почему древняя аристократія повсюду сохраняла за собою право сражаться конною; въ нѣкоторыхъ городахъ высшій классъ даже назывался всадниками и *celerēs* Ромула—всѣ патриціи. Аристотель не безъ основанія замѣчаетъ, что во всѣхъ древнихъ гражданскихъ общинахъ, гдѣ конница являлась преобладающимъ родомъ войскъ, правленіе было олигархическимъ ¹⁾.

Однако, мало по малу пѣхота прибрѣла соотвѣтствующее значеніе и съ полнымъ успѣхомъ могла сопротивляться конницѣ, — легионеры и гоплиты стали основной силой войска. Но въ Египтѣ колесничное войско, какъ, сравнительно, молодой родъ оружія, распространившійся только въ эпоху Новаго Царства, было скорѣе почетнымъ и вспомогательнымъ родомъ оружія, нежели главнымъ, которое всецѣло принадлежало пѣхотѣ. Само собой разумѣется, что приравненіе колесницъ къ современной конной артиллеріи, въ смыслѣ подготовки ими пѣхотныхъ атакъ, лишено всякихъ разумныхъ основаній и должно быть отвергнуто, какъ безусловно невѣрное.

Боевыя дѣйствія военныхъ колесницъ, подобно таковымъ же дѣйствіямъ конницы въ конномъ строю въ современныхъ массовыхъ арміяхъ, сводились исключительно къ атакѣ и именно къ атакѣ непріятеля натискомъ массы несущихся во всю прыть лошадей, т. е. путемъ непосредственнаго удара. Свойства же артиллеріи обратно пропорціональны свойствамъ конницы и сила ея проявляется лишь тогда, когда она находится на мѣстѣ.

Такимъ образомъ боевая роль колесницъ, по самому ихъ существу, является чисто кавалерійской, а что онѣ не употреблялись для охраненія и очень рѣдко для развѣдокъ, то это указываетъ только на примитивную постановку кавалерійскаго дѣла въ фараоновскомъ Египтѣ. Соотвѣтствіе же атакъ колесницъ артиллерійской подготовкѣ нашихъ дней здѣсь ровно не причемъ, такъ какъ хотя колесницы и подготовляли успѣхъ пѣхоты путемъ фронтальнаго прорыва расположенія непріятельскихъ войскъ, но тѣмъ не менѣе подготовка эта не

¹⁾ Аристотель «Политика», IV, 3, 2.

имѣла ни малѣйшаго сходства съ артиллерійской и всецѣло была построена на дѣйствіяхъ конной массы.

Въ виду вышеизложеннаго, мы находимъ совершенно правильнымъ мнѣніе Масперо о тождествѣ колесничнаго войска съ нашей кавалеріей и какія бы возраженія противъ этого не поднимались, они не поколеблютъ нашего фактическаго убѣжденія въ ихъ безусловной произвольности ¹⁾.

Въ организаціи и устройствѣ египетскихъ войскъ замѣтно сильное вліяніе сосѣдней Азіи, откуда, какъ сказано, египтянами была заимствована не только идея боевой колесницы, но и живое воплощеніе всякихъ передвиженій, — лошадь. Обыкновенно во главѣ дѣйствующей арміи стоялъ самъ фараонъ въ качествѣ верховнаго руководителя, но очень часто командованіе войсками, отправляемыми на театръ военныхъ дѣйствій, поручалось особому главнокомандующему, облеченному большою властью и не менѣ большими полномочіями, которыми, разумѣется, онъ пользовался сообразно обстоятельствамъ въ томъ размѣрѣ, какой былъ признанъ необходимымъ.

Штабъ арміи составляли искушившіеся въ канцелярской наукѣ писаря, несшіе адъютантскія обязанности и нагромождавшіе подъ шумокъ своего писарскаго суфлированія цѣлые ворохи бумаги, сносившей терпѣливо все, что на ней писалось.

Излишне прибавлять, что рутинна и страшная вѣковая тенденція въ пользу бумажной формальности раздувала въ рукахъ этихъ „табуретныхъ кавалеристовъ“ канцелярское производство до размѣровъ, вредившихъ сущности дѣла, чѣмъ они, конечно, не смущались, такъ какъ съ одной стороны пренаивно воображали, что, дѣйствительно, дѣлаютъ важное дѣло, а съ другой — здѣсь былъ матеріальный расчетъ: чиновные паразиты кормились отъ бумаги и, естественно, склонны были видѣть въ ней чуть не залогъ успѣха боевыхъ операций. О существованіи должности Начальника Штаба арміи мы ровно ничего не знаемъ и надпись на гробницѣ военачальника Аменемхиба, что онъ во время войны „состоялъ при царѣ“ (Тутмесъ III) никоимъ образомъ не позволяетъ вывести заключеніе о томъ, что упомянутая должность была дѣйствительно установлена.

Единственно, что можно допустить, не впадая въ ошибку, это то, что старшій изъ писарей, какъ дока письменной части, такъ сказать, главный бумагоѣдъ, являлся чѣмъ то въ родѣ директора походной канцеляріи главнокомандующаго, при чемъ его канцелярскія обя-

¹⁾ Ср. Е. А. Пасыпкинъ «Военное искусство древняго Египта» 1901. Гл. II, 44.

занности не выходили изъ узкихъ бумажныхъ рамокъ обыденнаго дѣлопроизводства и не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ тѣмъ важнымъ военнымъ обязанностямъ, которыя возложены на Начальника Штаба арміи: составленіе списковъ, исчисленіе состава отрядовъ, повѣрка какихъ нибудь вздорныхъ „рѣвизионныхъ тетрадей“ — вотъ въ какой сферѣ ёрзалъ заржавѣвшій мірокъ чиновныхъ тунеядцевъ „штаба“ главнокомандующаго! Чиновникъ и здѣсь перевѣшивалъ офицера, и здѣсь эти сѣдыя піявки постоянно высасывали его богатырскую горячую кровь, которая широкимъ потокомъ проливалась на сирійскихъ поляхъ и въ нубійскихъ пустыняхъ.

Надо думать, что въ свитѣ главнокомандующаго были лица, знакомыя съ военнымъ дѣломъ, которыя, быть можетъ, въ надлежащихъ случаяхъ являлись его совѣтниками, но отсюда до правильно организованнаго полевого штаба еще очень далеко и между ними, по истинѣ, „дистанція огромнаго размѣра“.

Что касается до удобоуправляемости и самостоятельности отдѣльныхъ войсковыхъ атомовъ, то перваго вопроса мы уже отчасти коснулись, а разсмотрѣніе втораго не представляетъ особаго интереса, такъ какъ оно можетъ быть основано только на однѣхъ догадкахъ, въ которыхъ предвосхищается рѣшеніе вопроса, наталкивающегося еще на важныя трудности и недоумѣнія.

3. Снаряженіе и вооруженіе. Войны съ азіатами сильно повлияли на снаряженіе и вооруженіе древне-египетскихъ войскъ въ томъ смыслѣ, что сдѣлали, во первыхъ, какъ первое, такъ и второе разнообразнѣе, благодаря чему явилась возможность раздѣлить армію по роду оружія на нѣсколько одинаково вооруженныхъ частей, а во вторыхъ, доброкачественнѣе, такъ какъ въ употребленіе начало входить частью азіатское оружіе, отнятое или полученное въ видѣ дани, частью сдѣланное по его образцу доморощенными египетскими оружейниками. На одной изъ гробницъ Абд-эль-Курна, въ Оивахъ представлено полное вооруженіе азіатовъ, сходное до мелочей съ вооруженіемъ, которое, судя по памятникамъ, было во всеобщемъ употребленіи въ монархіи фараоновъ въ эпоху Новаго Царства.

Оригинальности національнаго вооруженія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экземпляровъ оружія, составляющихъ, такъ сказать, самобытное творчество египетской расы, мы что-то не замѣчаемъ, да это и естественно въ виду малой воинственности подданныхъ фараоновъ, склонявшихся болѣе къ мирнымъ занятіямъ и профессіямъ, нежели къ воинственному грому оружія.

Предназначавшееся для войны вооруженіе, выдававшееся отъ казны, хранилось въ складахъ и раздавалось непосредственно передъ походомъ, при чемъ каждый воинъ изъ рекрутовъ въ зависимости своей принадлежности къ тяжелой пѣхотѣ или къ легкой, получалъ соответственное обмундированіе, объ особенностяхъ котораго будетъ сказано вслѣдъ за симъ.

Изъ предохранительнаго снаряженія въ египетской арміи употреблялись щиты, панцири, латы, шлемы, налокотники, наколѣнники и широкія металлическія кольца, предохранявшія кистневое сочлененіе лѣвой руки отъ ударовъ.

Древнѣйшіе египетскіе щиты (около 2½ фут. вышины) состояли изъ легкой деревянной рамки, прямоугольной въ нижней части и закругленной сверху; иногда они сплетались изъ крѣпкаго тростника, обтягивались кожей и для прочности обивались металлическими полосами.

Начиная съ эпохи XVIII династіи форма щитовъ стала разнообразнѣе: они начали дѣлаться въ ростъ человѣка и въ центрѣ ихъ вдѣлывался металлическій кружокъ, около фута въ діаметрѣ, предназначенный, во первыхъ, для того, чтобы задержать направленные въ воина дротикъ или стрѣлу, а во вторыхъ для закрытія сдѣланнаго въ верхней части щита отверстія, роль котораго сводилась къ тому, чтобы, не открываясь, наблюдать за движеніями противника. Выпуклые щиты употреблялись, сравнительно, рѣдко, а большіе круглые щиты, обитые металлическими бляхами, составляли исключительную принадлежность азіатскихъ вспомогательныхъ войскъ, нанимавшихся фараонами въ подлежащихъ случаяхъ для службы въ рядахъ египетской арміи.

Желѣзные или бронзовые горшкообразнаго вида шлемы считались въ Египтѣ большою рѣдкостью даже и въ позднѣйшее время, почему ихъ носили только высшія начальствующія лица, украшавшія ихъ иногда металлическими бляхами и длинными цвѣтными лентами, ниспадавшими на затылокъ; войска же (собственно тяжело вооруженная пѣхота) поверхъ небольшой мягкой шапочки или безъ нея обыкновенно надѣвали на голову полосатые, доходившіе до плечъ шишаки.

Панцири и чешуйчатая кольчуги составляли одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ предметовъ дани, которой облагались покоренныя страны Передней Азіи. Особенно красивою отдѣлкою отличались кольчуги, сдѣланныя изъ разноцвѣтныхъ металловъ: желтыя, синія, красныя и зеленыя чешуи чередовались въ нихъ симметрическими рядами, подобными съ замѣчательнымъ вкусомъ. Понятно, что такого рода

снаряженіе становилось собственностью фараоновъ и нѣкоторыхъ главнѣйшихъ военачальниковъ.

Гораздо болѣе распространены были, особенно въ позднѣйшую эпоху, нагрудники, которые первоначально дѣлались, по всей вѣроятности, изъ кожи, а впослѣдствіи на кожу стали накладывать металлическія полосы.

Налокотники и наколѣнники употреблялись въ исключительныхъ случаяхъ.

Метательное оружіе египтянъ составляли: простой деревянный лукъ, дротикъ и праща. Величина лука была отъ четырехъ до пяти футовъ, а отдѣлка соотвѣтствовала званію его обладателя: боевые луки высшихъ военныхъ начальниковъ, тѣмъ болѣе фараоновъ, блистали золотыми украшениями и выкладывались наборомъ изъ наиболѣе дорогихъ сортовъ дерева; для предохраненія лука отъ порчи во время похода его вкладывали въ особый чехолъ, а въ колесничномъ войскѣ, какъ уже было говорено, для этой цѣли устраивался въ одномъ изъ боковъ корпуса колесницы соотвѣтственный футляръ.

Стрѣлы, украшенныя съ одного конца разноцвѣтными перьями, были снабжены частью каменными, частью бронзовыми остріями различной формы.

Изъ надписей видно, что отдѣланные золотомъ и цвѣтной эмалью колчаны получались изъ Азіи въ видѣ военной добычи или какъ предметъ дани; мѣстные же колчаны приготовлялись изъ кожи и кое-гдѣ для прочности обивались металлическими пластинками. Для удобства и увеличенія скорости стрѣльбы изъ лука, вынимали изъ колчана разомъ нѣсколько стрѣлъ и клали ихъ передъ собой на землю или держали въ рукѣ между большимъ и указательнымъ пальцами, при чемъ для предохраненія ея отъ удара тетивой кисть руки обматывалась тесьмою или, какъ сказано, для этой цѣли употреблялись (преимущественно начальствующими лицами) широкія металлическія кольца—наручни ¹⁾.

Дротикъ приготовлялся изъ легкаго дерева и, если вѣрить Геродоту ²⁾; иногда дѣлался изъ округленной по краямъ полосы кожи бегемота съ бронзовымъ наконечникомъ; древко дротика нерѣдко украшалось позолотою и разноцвѣтными узорами. Оружіе это считалось почетнымъ и право носить его было предоставлено военачальникамъ.

¹⁾ Вейсъ, «Gesch. des Kostüms». 45—46; Готтенротъ, «Исторія вѣшной культуры» 1900. I, 7.

²⁾ Геродотъ, II, 71.

Что касается до пращи, то самый простой ея видъ — это кожаный ремень, оба конца котораго удерживаются въ рукѣ, а на сгибѣ его помѣщается камень; праща начинаетъ описывать круговое движеніе до той точки, откуда камень долженъ полетѣть по касательной; въ этотъ моментъ освобождается одинъ изъ концовъ ремня, закатыхъ въ рукѣ, и камень летитъ по намѣченному направленію.

Нападательное оружіе древнихъ египтянъ отличалось большимъ разнообразіемъ и усовершенствованію его въ значительной степени способствовало желѣзо, которое съ эпохи азіатскихъ войнъ стало получаться изъ Арменіи въ видѣ дани ¹⁾. Къ указанному разряду боевого оружія принадлежали: палицы, сѣкиры, топоры, короткіе серпообразные мечи, темы и хопшу.

Палицы, сѣкиры и топоры встрѣчаются уже на гробницахъ Древняго Царства; въ послѣдствіе форма ихъ усложнилась и стала разнообразнѣе, чему, конечно, много содѣйствовали войны съ Азіей, служившей для египтянъ прекрасной боевой школой. Соединеніе металлической палицы съ сѣкирой образовало родъ бердыша, извѣстнаго подъ именемъ „тема“: на рукояткѣ, длиною слишкомъ въ два фута, — тяжелая металлическая булава съ топоромъ или ножемъ сбоку.

„Хопшу“ — широкій ножъ съ изогнутымъ клинкомъ.

Тяжелая пѣхота была еще вооружена копьями съ мѣдными или желѣзными наконечниками.

По недостатку свѣдѣній вопросъ о томъ, предпочитали ли египтяне вообще рубящее оружіе колющему или второе первому во всякомъ случаѣ долженъ остаться открытымъ, хотя наше личное мнѣніе склоняется въ пользу перваго предположенія, т. е. что рубящее оружіе употреблялось предпочтительнѣе колющаго, появленіе котораго, какъ намъ кажется, скорѣе было вызвано подражаніемъ сирійскимъ народамъ, нежели въ силу естественной необходимости. Конечно, одного предположенія очень мало, тутъ требуется полное фактическое убѣжденіе, а этого то въ данномъ случаѣ, сознаемся, мы совсѣмъ не имѣемъ.

Обмундированіе арміи фараоновъ было до крайности примитивное, что, конечно, въ значительной степени обуславливалось климатомъ: овальный передникъ, сшитый изъ кожаныхъ полосъ и прикрывавшій нижнюю часть туловища, поясъ, шишакъ или войлочная мягкая шапочка (для легкой пѣхоты) и соломенные (иногда кожаные) сандалии — вотъ и все нехитрое обмундированіе древне-египет-

¹⁾ Birch. «Statistical. Tablet of Karnak», p. 13.

скаго пѣхотинца. Одежда же пращниковъ заключалась всего на всего въ одномъ передникѣ.

Наемники, составлявшіе нѣчто въ родѣ фараоновской гвардіи, носили длинную египетскую юбку (каласирисъ) изъ плотной съ бѣлыми и черными полосами матеріи и короткій камзолъ, который поддерживался сверху широкими подтяжками. Головной уборъ—круглый шлемъ, украшенный шарикомъ.

Офицеры отличались отъ простыхъ воиновъ полуметаллической каской съ прикрѣпленнымъ къ ней перомъ, болѣе дорогимъ оружіемъ (щитовъ они не имѣли) и сверхъ того, какъ и всѣ вообще начальствующія лица, носили жезлы для командованія. По всей вѣроятности это были высочайше утвержденнаго образца палки, которыми начальники собственноручно расправлялись съ провинившимися за проступки, упущенія и отступленія отъ установленнаго внутренняго порядка.

Какъ увидимъ ниже, отъ тѣлесныхъ наказаній не были изъяты и офицеры, которыхъ безъ всякихъ церемоній дубасили дубьемъ, вкалывавшая, такимъ образомъ, дисциплину помощью палокъ, игравшихъ нѣкоторымъ образомъ роль шпицрутеновъ и фухтелей.

Знамена и военные значки съ изображеніями священныхъ животныхъ и различныхъ эмблематическихъ фигуръ, украшенные пучками разноцвѣтныхъ лентъ, были извѣстны въ египетской арміи съ незапамятныхъ временъ. Помимо того, что всякій легіонъ имѣлъ свое собственное знамя, у воиновъ каждаго нома находился одинъ общій штандартъ, такъ что по числу знаменъ можно было почти безошибочно опредѣлить точную численность арміи во время совершенія ею походныхъ движеній въ сферѣ вліянія противника, чѣмъ послѣдній, разумѣется, не разъ пользовался къ собственной выгодѣ.

Мы видѣли, что въ составъ египетской арміи входили самые разнообразныя элементы: военное сословіе, низшій классъ населенія—рекруты, иностранцы и наемники, которые вѣчно враждовали другъ съ другомъ; чистокровные египтяне завидовали наемникамъ за изливаемые на нихъ фараонами милости и награды и въ то же время съ презрѣніемъ относились къ легіонамъ, гдѣ служили простые новобранцы, между тѣмъ какъ всадники на колесницахъ видѣли въ себѣ нѣчто высшее, чѣмъ пѣхотные офицеры.

Внутренняя неспѣтность шла здѣсь, что называется, и оптомъ, и въ розницу и требовалось не малое умѣніе, чтобы хоть сколько нибудь спаять тянувшія врозь части, и временно подобная спайка удавалась. Особенно трудно было ладить съ наемниками: они вообще были довольно распушены, знали себѣ цѣну и не уступали въ наг-

лости позднѣйшимъ римскимъ преторіанцамъ, на которыхъ, во многихъ отношеніяхъ, они были удивительно похожи.

4. Тактика. Наши свѣдѣнія о тактикѣ египетскихъ войскъ весьма неполны и отрывочны, но со всѣмъ тѣмъ, благодаря кое какимъ указаніямъ памятниковъ, можно составить себѣ опредѣленное понятіе о тактическихъ формахъ строя и способахъ дѣйствій египтянъ въ боевыхъ столкновеніяхъ при рѣшеніи той или другой военной операціи.

На основаніи свидѣтельства памятниковъ можно вывести заключеніе, что въ египетской арміи изъ боевыхъ формъ строя наибольшее примѣненіе находили: разсыпной строй (для легкой пѣхоты), развернутый одношереножный и, наконецъ, сомкнутыя колонны. Разсыпной строй находился въ зачаточномъ состояніи и, само собой разумѣется ни по идеѣ, ни по его произвольной, случайной формѣ не можетъ выдержать сравненіе съ боевымъ порядкомъ современной войсковой части, короче, это не былъ разсыпной строй въ нашемъ смыслѣ слова, а какое то „разсыпное“ кривлянье, въ которомъ каждому легковоруженному пѣхотинцу былъ предоставленъ полнѣйшій произволь, слегка урегулированный указаніемъ узкой, зажатой въ тѣсныхъ рамкахъ цѣли. При тогдашнемъ состояніи военнаго искусства большого, впрочемъ, и не требовалось.

Что касается развернутаго одношереножнаго строя, то послѣдній примѣнялся въ тяжелой пѣхотѣ и, главнымъ образомъ, въ колесничномъ войскѣ, гдѣ названный строй, можно сказать, имѣлъ характеръ универсальности и употреблялся при первой къ тому возможности; довольно часто мы встрѣчаемъ на памятникахъ однолинейное построеніе колесницъ съ интервалами, оставлявшимися, приблизительно, черезъ каждыя 6—7 колесницъ, такъ что развернутый строй этихъ послѣднихъ терялъ свою дѣвственность, являясь прерывчатымъ.

Въ пѣхотѣ (на этотъ разъ мы имѣемъ въ виду тяжеловооруженную пѣхоту) люди ставились безъ интерваловъ, локоть объ локоть, почему и значеніе вышеназваннаго строя по своей формѣ приближалось къ современному, отличаясь отъ послѣдняго тѣмъ, что употребленіе его было ограничено въ виду второстепенности играннымъ роли.

Въ тяжелой пѣхотѣ универсальнымъ боевымъ строемъ являлись колонны, какъ наиболѣе подвижныя части боевого порядка. Излишне прибавлять, что появленіе ихъ въ египетской арміи отнюдь не было вызвано наступательными тенденціями и исключительной активностью

будто бы принадлежавшей имъ роли: колонны явились потому, что подвижность, поворотливость и удобоуправляемость частей слишкомъ настоятельно требовали ихъ примѣненія, въ качествѣ строевого регулирующаго фактора, не говоря уже про то, что возникновеніе ихъ могло совершиться естественнымъ путемъ, какъ законѣрная утилизациа людской кучи.

Для какого способа дѣйствія болѣе приспособлены колонны, для наступательнаго ли или для оборонительнаго,—этого мы не знаемъ, да и вообще сомнѣваемся, можно ли указанный вопросъ рѣшить безусловно внѣ обстановки: въ одномъ случаѣ колонна прекрасно сыграетъ свою оборонительную роль, въ другомъ — наступательную и въ обоихъ случаяхъ совершенно правильно. Испанская бригада XVI вѣка, составленная изъ четырехъ расположенныхъ въ трехлинейномъ шахматномъ порядкѣ терцій, была равноспособна и къ оборонѣ и къ наступленію; то же самое мы видимъ гораздо ранѣе, въ римскую эпоху въ видѣ первой и второй формы построенія по когортамъ, не упоминая уже про демонстративную колонну Эпаминонда оборонительную при одной обстановкѣ и наступательную при другой. Значитъ корень дѣла все таки въ обстановкѣ, а никакъ не въ тактическихъ свойствахъ колоннъ и ихъ мнимой приспособляемости къ тому или другому способу дѣйствій; вообще колонна — это палка о двухъ концахъ: приспособляя ее къ наступательнымъ дѣйствіямъ, ее по необходимости приспособляютъ и къ оборонительнымъ, иначе при одностороннемъ эфемерномъ увлеченіи пораженіе неизбежно. А что фактъ возникновенія колоннъ отнюдь не предрѣшалъ способа ихъ утилизациа въ смыслѣ безусловнаго предпочтенія одного изъ нихъ,—это говоримъ утвердительно.

Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ нашего уважаемаго товарища по мундиру и собрата по наукѣ Е. А. Пасыпкина, полагающаго, что „колонны являлись строемъ болѣе пригоднымъ для наступленія и, вообще, для активныхъ дѣйствій“¹⁾.

Выше уже было сказано, что всѣ такія разсужденія одинаково хорошо истолковываются совершенно въ противоположную сторону, тѣмъ болѣе относительно такого невоинственнаго народа, какимъ были древніе египтяне, наступательныя тенденціи которыхъ (какъ это мы постараемся выяснить ниже) отнюдь не давались имъ въ видѣ готоваго рѣшенія— „immer Vorwärts“—а являлись производными окружавшей ихъ этнографическо-политической обстановки и, такъ сказать,

¹⁾ Е. А. Пасыпкинъ, loc. cit. II, 42.

противъ воли, ихъ наталкивали на атаку, между тѣмъ какъ по свойствамъ въ высшей степени пассивной природы народу этому какъ разъ была по плечу оборона.

Будемъ разсматривать дальше проявленіе тактическихъ особенностей египетскихъ войскъ. Памятники изображаютъ намъ различныя движенія и эволюціи частей войскъ какъ въ развернутомъ строѣ, такъ равно и въ колоннахъ.

Такъ, на одномъ изъ Оиванскихъ памятниковъ можно видѣть изображеніе своеобразнаго церемониальнаго марша: сначала двигаются боевыя колесницы, за ними легкая пѣхота безъ предохранительнаго снаряженія съ одними луками или пращами и, наконецъ, тяжелооруженные пѣхотинцы съ щитами и копьями на лѣвомъ плечѣ и съ сѣкирами или топорами въ правой рукѣ. Идутъ все равно, точно по ниточкѣ.

На лѣвомъ флангѣ легковооруженной пѣхоты находится знаменщикъ съ ввѣренной его попеченію воинской хоругвью, а на таковомъ же флангѣ тяжелой пѣхоты изображенъ офицеръ, безъ оружія, но съ традиціонномъ жезломъ-фухтелемъ.

На другомъ памятникѣ представленъ отрядъ солдатъ, идущій въ разомкнутой колоннѣ, насколько это можетъ казаться изъ разсмотрѣнія относительнаго положенія шеренгъ, находящихся одна отъ другой на извѣстной дистанціи, размѣръ которой опредѣлить довольно трудно, тѣмъ болѣе, что вполне возможно предположеніе объ ошибкахъ художниковъ и объ ихъ „картинномъ“ враньѣ. Если это такъ, то, конечно, ни о какихъ разомкнутыхъ колоннахъ не можетъ быть и рѣчи и остается только переименовать этихъ художниковъ въ художниковъ, отъ слова „худо“, что, какъ мы видѣли выше, при разсмотрѣніи древне-египетской живописи, отнюдь не противорѣчитъ состоянію названнаго искусства въ цивилизованной старой монархіи береговъ Нила.

Каковы же были формы боевого порядка, принятыя въ египетской арміи при тактически-наступательныхъ и тактически-оборонительныхъ дѣйствіяхъ?

Въ боевомъ порядкѣ, расчленявшимся на центръ и фланги, армія фараоновъ располагалась такимъ образомъ, что первую линію занимали легкія войска въ рассыпномъ, а колесницы въ развернутомъ строѣ, за ними на извѣстной дистанціи выстраивались боевыя колонны тяжелооруженной пѣхоты, а конница (если была) прикрывала фланги, располагаясь за однимъ изъ нихъ уступомъ назадъ. Если считать боевой порядокъ, принятый Рамзесомъ II въ сраженіи

подъ Кадешомъ за норму построения въ эпоху Новаго Царства, то можно допустить существованіе третьей линіи (колесницы въ развернутомъ строѣ), игравшей роль резерва, хотя мы склонны высказать полнѣйшее сомнѣніе въ томъ, чтобы идея тактической поддержки самостоятельно зародилась на почвѣ Нильской долины, а не явилась слѣдствіемъ чужеземныхъ вліяній и притомъ въ эпоху значительно позднѣйшую.

Примѣнительно къ разсматриваемому случаю—третья линія не резервъ въ томъ смыслѣ слова, который придается этому понятію и какъ понимаемъ его мы, а скорѣе запасныя части, ожидающія момента вступленія въ бой; если онѣ принимали участіе въ сраженіи въ рѣшительную минуту, то это можно объяснить лишь случайнымъ умѣлымъ направленіемъ и руководствомъ свыше, какъ извѣстная транспирація тактическаго безсилія, резервъ же какъ логическая, осмысленная идея и ея живое воплощеніе въ искусствѣ здѣсь равно не при чемъ.

Уже и въ то время сознавали трудность фронтальной атаки непріятеля, успѣвшаго сосредоточить свои силы и потому старались соединить ее съ охватомъ одного изъ фланговъ, для чего весь фронтъ боевого порядка дѣлался возможно длиннѣе, дабы охватъ произошелъ вслѣдствіе естественнаго расположенія войскъ. Но, разумѣется, нельзя поручиться, чтобы и здѣсь задуманные тактическіе охваты не приводили въ концѣ концовъ къ фронтальнымъ атакамъ, что такъ характеризуетъ наше время при производствѣ такого деликатнаго маневра какъ удачное нацѣливаніе охватывающихъ колоннъ. Вѣроятно, нѣчто подобное происходило и въ древнихъ бояхъ.

Обезпеченіе собственныхъ фланговъ достигалось примыканіемъ ихъ къ естественнымъ преградамъ или къ такимъ мѣстнымъ предметамъ, которые могли способствовать упорной оборонѣ; иногда наружный флангъ нѣсколько загибался (Кадешъ), обезпечиваясь, такимъ образомъ, соотвѣтственнымъ расположеніемъ войскъ, преимущественно развернутой пѣхотой.

Выбирались, главнымъ образомъ, фронтальныя позиціи и очень рѣдко, въ исключительныхъ случаяхъ, фланговыя. Бой начинался дѣйствіемъ легкой пѣхоты (предназначенной собственно для завязки его и игравшей, слѣдовательно, роль войскъ передовой линіи), которая осыпала противника градомъ стрѣлъ и камней, а затѣмъ стрѣлки и пращники разступались, чтобы дать мѣсто боевымъ колесницамъ.

На памятникахъ мы ясно можемъ видѣть стремительную атаку послѣднихъ: въ развернутомъ строѣ, равняясь на середину, онѣ дви-

гаются сначала тихимъ аллюромъ, потомъ аллюръ постепенно увеличивается до послѣднихъ мгновеній, предшествующихъ удару и столкновенію съ непріятельскими колесницами происходитъ на полномъ карьерѣ.

Связавъ узломъ возжи, всадникъ обматываетъ ихъ вокругъ туловища на поясицѣ и, подаваясь въ разныя стороны, вправо и влѣво, впередъ и назадъ, править своей лошады; въ рукахъ у него натянутый лукъ, тетива котораго заведена за ухо, а остроконечная стрѣла уже нацѣлена и ее остается только спустить; возникшій, опираясь одной рукой на кузовъ колесницы, въ другой держитъ большой щитъ, чтобы прикрыть имъ всадника. Одновременно, по командѣ, летятъ египетскія стрѣлы, а затѣмъ колесницы стремительно врѣзываются въ середину непріятельскаго боевого расположенія съ цѣлью произвести прорывъ, при успѣхѣ котораго тяжелая пѣхота, построенная въ сомкнутыя колонны и прикрываясь огромными щитами, двигалась въ атаку, чтобы однимъ ударомъ смять разстроенныя непріятельскія войска.

Что касается до самаго процесса боя, то нельзя не замѣтить, что египтяне, не отличаясь блестящей отвагой, были мужественны, неутомимы и, главное, обладали неистощимымъ запасомъ стойкости, съ какимъ имъ приходилось выдерживать стремительныя атаки азіатовъ, не всегда бывавшихъ въ состояніи прорвать этотъ твердый и устойчивый центръ.

Конечно, нельзя утверждать, что египетская тактика была проникнута безусловнымъ духомъ обороны и что начальники арміи старались достигнуть наступательныхъ результатовъ оборонительными средствами, но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, наступательныя тенденціи арміи фараоновъ были привиты ей окружавшей обстановкой, которая слишкомъ настоятельно требовала безпощаднаго наступленія для того, чтобы имъ было не воспользоваться.

По готовой, дававшейся имъ прямо въ руки, идеѣ египтяне не могли не отдавать первенства наступленію передъ обороной, ибо послѣдняя почти никогда не соотвѣтствовала окружавшей военно-политической обстановкѣ; по характеру же своей въ высшей степени пассивной натуры и по отсутствію воинственныхъ наклонностей, египтяне болѣе склонялись къ тактической оборонѣ, что ясно видно изъ малой тактической самостоятельности египетскихъ военачальниковъ: у послѣднихъ на первомъ планѣ—обеспеченіе пути отступленія, тыла и вообще принятіе мельчайшихъ предосторожностей для спасенія арміи отъ совершеннаго пораженія, т. е. отрицательная цѣль всецѣло господствовала надъ положительной.

Такимъ образомъ тотъ наступательный духъ, которымъ насквозь проникнута военная исторія семитической Ассиріи,—это вѣчное, неуклонное до болѣзненности стремленіе только впередъ и впередъ, иногда при полномъ игнорированіи окружавшей обстановки,—никогда глубоко не проникалъ въ египетскую тактику, главныя теченія которой направлены скорѣе въ совершенно противоположную сторону, что впрочемъ, далеко не выходило за предѣлы тогдашняго пониманія вещей. Не претендуя на всестороннее освѣщеніе затронутого вопроса, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не признать наличность глубокаго противорѣчія между вызванными обстановкой наступательными тенденціями египетской арміи и ея внутреннимъ предрасположеніемъ къ оборонительнымъ, т. е. между извнѣ навязанной цѣлесообразной идеей и тактическимъ міровоззрѣніемъ, исходящимъ изъ глубины египетскаго національнаго духа, являвшагося производнымъ нравственныхъ и физическихъ свойствъ этого народа.

При тактически-наступательныхъ дѣйствіяхъ наиболѣе излюбленный приѣмъ египетскихъ тактиковъ для направленія силъ при атакѣ заключался въ нападеніи всѣми силами съ фронта при болѣе или менѣе удачномъ нацѣливаніи тактическаго охвата на флангъ непріятельской арміи. Но независимо отъ фронтальной атаки и атаки охватывающихъ колоннъ, примѣнялся, хотя и крайне рѣдко, тактической обходъ непріятельскаго фланга, если указанному способу дѣйствія благопріятствовали мѣстныя условія и если контръ-атака противника могла парализоваться одновременно-совокупными дѣйствіями фронта и фланга, т. е. согласованіемъ движеній названныхъ частей боевого порядка. Вообще же, повторяемъ, фланговыя атаки производились очень рѣдко и при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда фронтальная атака, „въ лобъ“ не могла имѣть почему либо шансовъ на успѣхъ или когда расположеніе непріятеля особо тому благопріятствовало. Выигранное сраженіе заканчивалось обыкновенно тактическимъ преслѣдованіемъ на небольшомъ, сравнительно, разстояніи отъ протяженія поля битвы, при чемъ роль эту исполняла конница или преслѣдованіе ввѣрялось боевымъ колесницамъ.

Во всякомъ случаѣ правило это не было всеобщимъ, хотя примѣнялось, сравнительно, часто и въ направленіи одержаннаго успѣха, какъ это и вполнѣ естественно, разъ имѣется въ виду достигъ окончательнаго пораженія надломленныхъ силъ противника.

Объ общемъ преслѣдованіи на театрѣ военныхъ дѣйствій, за ничтожными исключеніями, разумѣется, не могло быть и рѣчи при тогдешнемъ состояніи древне-египетскаго военнаго искусства.

О расположеніи египетскихъ войскъ на позиціи мы знаемъ очень мало; извѣстно только, что послѣдняя выбиралась на открытой мѣстности и представляла, относительно, небольшое пространство, на которомъ располагались сомкнутыя группы: впереди пращники и стрѣлки, вообще легкая пѣхота, за ними развернутыя колесницы и, наконецъ, массивные квадраты тяжело вооруженныхъ пѣхотинцевъ.

Помимо обезпеченія фланговъ, обнаруживалась чрезмѣрная заботливость о безопасности пути отступленія и стремленіе получше прикрыть тылъ, т. е., какъ мы уже говорили, фактически отрицательная сторона операціи перевѣшивала положительную, такъ что египетская армія нѣкоторымъ образомъ напоминала римскаго Януса, оба лица котораго были обращены въ противоположныя стороны; съ одной стороны египетскіе тактики понимали, что оборона сама по себѣ не можетъ дать благоприятныхъ результатовъ и самое большее, что она въ состояніи приподнести—это возможность частнаго успѣха въ смыслѣ отбитія удара и отраженія атаки, а съ другой, воплощая въ себѣ духъ, характеръ и наклонности породившаго ихъ народа, они видѣли въ активныхъ дѣйствіяхъ нѣчто для нихъ чуждое, мало подходившее къ особенностямъ ихъ расоваго темперамента.

Рѣшаясь на атаку, они боязливо оглядывались назадъ, принимая оборону только и думали объ опорныхъ пунктахъ въ тылу и на флангахъ. Повторяемъ, это было глубокое противорѣчіе, въ которомъ скрывалось что-то роковое и имѣ, въ значительной степени, объясняется непрочность египетскихъ завоеваній; въ самомъ дѣлѣ пристегнутыя къ Египту азіатскія провинціи отваливались безпрестанно, чуть не каждое царствованіе, а вѣдь, присоединялись даже не государства, не націи, въ нашемъ смыслѣ слова, а скорѣе толпы, служащія этнографическимъ матеріаломъ для образованія націй.

„Наступленіе“ съ вѣчной оглядкой на Ниль и на пирамиды далеко не сослужило египтянамъ всей той службы, на которую они имѣли право рассчитывать въ силу особыхъ историческихъ обстоятельствъ и окружавшей ихъ политической обстановки. Разумѣется, непрочности египетскихъ завоеваній содѣйствовало много причинъ, которыя мы разберемъ впослѣдствіи, здѣсь же отмѣчается только военная, какъ косвенный показатель степени примѣненія идей въ искусствѣ веденія войны ¹⁾.

¹⁾ Ниже мы болѣе подробно разберемъ затронутый вопросъ и постараемся намѣтить основныя данныя для его рѣшенія.

Для производства походныхъ движеній войска свертывались въ походныя колонны; при хроническомъ всеобщемъ бездорожьи естественно, что фронтъ колоннъ не могъ быть широкимъ и, дѣйствительно, судя по памятникамъ, онъ не превышалъ четырехъ чело-вѣкъ,—это наша колонна рядами. Колесницы для походныхъ движе-ній вытягивались въ колонну по одной и, крайне рѣдко, по двѣ.

Конница (если была) двигалась въ интервалахъ между пѣхотой и какъ втиснутая въ столь узкій ящикъ, вѣроятно, должна была пред-ставлять въ этомъ отношеніи довольно странное зрѣлище. Размѣръ дистанцій между колоннами неизвѣстенъ; надо думать, что онъ былъ невеликъ.

Скорость движеній и величина переходовъ, вѣроятно, приближа-лись къ современнымъ и находились въ зависимости отъ мѣстности, грунта, состоянія погоды, времени года и сутокъ и т. п. При движеніи къ сторонѣ непріятеля впередъ высылались конные развѣдчики, хотя сомнительно, чтобы составъ этихъ „летучихъ“ отрядовъ былъ разъ навсегда опредѣленъ точно, а не видоизмѣнялся сообразно обстановкѣ вплоть до замѣны конныхъ всадниковъ колесницами.

Военная исторія Египта представляетъ нѣсколько примѣровъ со-вершенія форсированныхъ маршей, при чемъ величина суточного пе-рехода доходила до 35—40 верстъ, что еще очень немного даже для пѣхоты, особенно если такіе „марши“ приходилось совершать день или два, не болѣе. На основаніи кое-какихъ, чисто косвенныхъ ука-заній памятниковъ, можно предполагать, что легкая пѣхота и часть колесницъ, не говоря уже про конныхъ развѣдчиковъ, шли всегда въ головѣ колонны, на небольшомъ, сравнительно, разстояніи отъ глав-ныхъ силъ, чуть не въ виду послѣднихъ и изображали нѣчто подоб-ное нашему авангарду, конечно, по идеѣ, а отнюдь не по формѣ.

Аррьергардъ арміи соответствовалъ древне-русскому „стороже-вому полку“; можно думать, что разстояніе его до главныхъ силъ было довольно незначительно, да и цѣль его высылки, думается намъ, сводилась болѣе къ охраненію двигавшагося впереди обоза, нежели къ выполненію спеціальнаго назначенія.

Бивакъ египетскихъ войскъ, насколько можно судить по изо-браженію Рамессеума, представлялъ огороженный со всѣхъ сторонъ прямоугольникъ, обведенный рвомъ и внутреннимъ валомъ, вышиною въ ростъ челоуѣка. Большіе ивовые щиты укрѣплялись съ наружной стороны вала, придавая ему довольно оригинальный видъ.

Ворота устраивались въ тыльномъ фасѣ бивака и при нихъ всегда находился бивачный карауль, выставлявшій часовыхъ къ этому един-

ственному ходу. Внутренне пространство бивака разбивалось по длинѣ на три части: центр занималъ фараонъ въ особой палаткѣ, устроенной со всѣми удобствами и роскошью египетскихъ дворцовъ.

По обѣимъ сторонамъ царскаго шатра разбивались палатки штаба и свиты, а за ними, на флангахъ бивака, располагались въ нѣсколько линій колесницы, въ самомъ же тылу—багажныя фуры, повозки съ провіантомъ, упряжные быки и ослы. Остальныя части лагеря служили для размѣщенія пѣхотинцевъ; у послѣднихъ не было палатокъ (иногда устраивался родъ шалашей изъ щитовъ, главнымъ образомъ, въ дурную погоду) и они, привыкнувъ еще дома жить подъ открытымъ небомъ, свободно обходились безъ нихъ.

На памятникѣ мы видимъ, что передъ каждой бивакирующей частью сложены на землѣ принадлежавшее ей оружіе, провіантъ, одежда и т. п. Насколько выборъ бивака обусловливался боевыми, хозяйственными и санитарными отношеніями свѣдѣній нѣтъ, равно какъ неизвѣстно, въ какую сторону былъ всегда обращенъ общій фронтъ бивака; по всей вѣроятности къ сторонѣ непріятеля или, по крайней мѣрѣ къ тому направленію, откуда появленіе его было болѣе вѣроятно.

Въ случаѣ нечаяннаго нападенія обороноспособность бивака не подлежала сомнѣнію, но еще вопросъ, уравнивалась ли она съ возможностью быстрого и безпрепятственнаго перехода въ наступленіе, и не оказывалось ли на ея сторонѣ значительнаго перевѣса въ этомъ отношеніи. Мы, положительно, склонны думать, что это и на самомъ дѣлѣ было такъ. Въ самомъ дѣлѣ, расположенная за валомъ, пѣхота, прикрытая щитами, могла долго и упорно оборонять укрѣпленную бивачную позицію съ извѣстными шансами на успѣхъ, тогда какъ ея переходъ въ наступленіе, какъ вообще изъ всякаго укрѣпленія, былъ сопряженъ со значительными затрудненіями, не говоря уже про то, что при наличности указанныхъ условій столкновеніе съ противникомъ, что называется, съ мѣста обращалось въ хаосъ. Какіе же здѣсь шансы на успѣхъ! Даже и вцѣпиться въ непріятеля толкомъ нельзя. Египтяне сознавали это какъ нельзя лучше, приспособляя бивакъ къ укрѣпленной, въ полномъ смыслѣ слова, позиціи и руководясь соображеніемъ, что успѣхъ боя зависитъ не отъ ея силы, а отъ тѣхъ мѣръ, которыя будутъ приняты для занятія этой позиціи и ея обороны,—воззрѣніе, съ ихъ точки зрѣнія, совершенно правильное, да и не лишнее смысла даже въ наше время.

Развѣдывательная служба—сборъ свѣдѣній о противникѣ и осмотръ мѣстности—была организована весьма тщательно, что, ко-

нечно, не исключало возможности и такихъ сюрпризовъ, какъ захватъ самой, производившей развѣдку египетской арміи врасплохъ, что составило прелюдію извѣстнаго Кадепскаго боя, въ самомъ началѣ котораго судьба войска фараона висѣла на волоскѣ (см. ниже). Но за исключеніемъ такого колоссальнаго развѣдочнаго провала, слѣдуетъ признать, что, въ общемъ служба развѣдчиковъ была поставлена вполне удовлетворительно; не малымъ облегченіемъ служило имъ, конечно, то, что походы египтянъ почти всѣ безъ исключенія велись въ одномъ и томъ же направленіи, въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ, которыя, такимъ образомъ, были отлично извѣстны чинамъ Штаба арміи до мельчайшихъ подробностей.

Вся суть развѣдки сводилась къ освѣщенію группировки непріятельскихъ силъ, занятыхъ позицій, биваковъ, а отнюдь не мѣстныхъ предметовъ, которые, какъ сказано, настолько были закрѣпощены въ умѣ египетскихъ военачальниковъ, что пріобрѣтали цѣнность лишь постольку, поскольку могли имѣть маневренное значеніе.

Итакъ сборъ свѣдѣній о противникѣ и о его расположеніи составлялъ корень развѣдки и ея внѣшнія проявленія.

Подобно тому, какъ и въ настоящее время, производились опросы военноплѣнныхъ, перебѣжчиковъ и мѣстныхъ жителей, добывались „языки“, предпринимались тайныя развѣдки (военное шпіонство), обыски подозрительныхъ лицъ и т. п. Усиленная развѣдка—это прологъ сраженія, прологъ же всегда длинный, и въ большинствѣ случаевъ знаменующій приближеніе кризиса и притомъ довольно таки скоротечнаго. Врядъ ли эта идея была понимаема въ фараоновскомъ Египтѣ въ современномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ безсвязныя рекогносцировки, предпринятыя съ ничтожными силами, этого недоказываютъ. Гораздо вѣроятнѣе, что цѣль рекогносцировавшаго отряда сводилась къ высматриванію положенія силъ противника (т. е. къ выясненію обстановки) и самое большое, что отъ него могло потребоваться,—это прорваться за непріятельскіе передовые посты и, пользуясь первымъ временемъ тревоги, составить себѣ понятіе объ его расположеніи, о чемъ и рапортовать по начальству. Что это было дѣйствительно такъ, тому являются въ военной исторіи Египта нѣсколько примѣровъ, о которыхъ мы упомянемъ въ своемъ мѣстѣ.

Сторожевая служба, какъ непосредственное исполненіе охраненія войскъ на бивакѣ и въ виду противника, несомнѣнно получила соотвѣтствующую организацію, сколько объ этомъ можно судить на основаніи отрывочныхъ указаній памятниковъ, но со всѣмъ тѣмъ нельзя не сознаться, что всѣ свѣдѣнія наши въ отношеніи исполненія

охранительной службы египетскими войсками крайне неполны и подчас даже противорѣчивы.

Можно думать, что при расположеніи на позиціи впереди выставались особые отряды, составленные изъ пѣхоты, конницы и колесницъ, на которыхъ возлагалось исполненіе охранительной службы, но величина отрядовъ, порядокъ ихъ относительнаго расположенія, не говоря уже о примѣненіи къ мѣстности, — все это остается еще въ туманѣ, освѣтить который могутъ лишь новыя открытія и изысканія.

Логически, конечно, все можно предположить, особенно путемъ сравненія съ нынѣшними приемами, употребляемыми современными европейскими арміями при несеніи ими сторожевой службы, но мы рѣшительно отказываемся пускать логику туда, гдѣ ея примѣненіе не можетъ пролить достаточно свѣта на выясненіе вопроса, да и вообще полагаемъ, что положительная форма „логическихъ“ заявленій еще не составляетъ неопровержимаго доказательства, противъ котораго не нашлось бы (и совершенно на равныхъ основаніяхъ) весьма существенныхъ возраженій.

Надписи даютъ намъ слѣдующую картину движенія египетскаго ойска.

«Мирно подвигалась эта армія: она вступила, какъ и слѣдовало, въ страну Хирушаиту (въ Нубіи); мирно подвигалась эта армія: она пробила брешь во всѣхъ ихъ укрѣпленіяхъ. Мирно подвигалась эта армія: она срѣзала ихъ смоковницы и виноградники. Мирно подвигалась эта армія: она истребила милліоны ихъ воиновъ. Мирно подвигалась эта армія: она увела въ плѣнъ большое количество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, чему больше всего радовался Его Святость (фараонъ VI династіи Пепи I)».

Послѣ побѣдоноснаго боя солдатамъ, можно сказать, вмѣнялось въ обязанность отрѣзывать у павшихъ враговъ кисти правыхъ рукъ (у необрѣзанныхъ отрубались половые члены) и приносить ихъ писарю для внесенія имени принесшаго въ особый списокъ. Изъ надписи Минефты II (XIX династіи), относящейся къ Ливійской войнѣ, мы узнаемъ, что число отрѣзанныхъ кистей рукъ у убитыхъ враговъ равнялось 2.370, а количество необрѣзанныхъ членовъ достигало почтенной цифры 6.365 ¹⁾. Нельзя не отмѣтить здѣсь столь страннаго и слишкомъ уже прозаическаго способа исчисленія павшихъ враговъ!

5. Фортификація. Строители пирамидъ не могли, конечно, не владѣть ловко кирками, лопатами и мотыгами для производства

¹⁾ Бруншъ. «Исторія фараоновъ», перев. Властова, XVIII, 543 и 544.

военно-инженерныхъ работъ и сооружений, но, насколько извѣстно, устройствомъ простѣйшихъ окоповъ и нехитрыхъ траншей, возводимыхъ на позиціи или съ цѣлью окруженія непріятельской крѣпости путемъ изолированія ея отъ сообщенія съ окружавшей мѣстностью (см. Танисская операція 360 года) ограничивалось почти все примѣненіе полевой фортификаціи. Слѣды окоповъ, замѣтныхъ на восточной сторонѣ Нила, недалеко отъ арабской деревушки Мединетъ-Абу принимаются нѣкоторыми за остатки древне-египетскаго постоянного лагеря, хотя подобное утвержденіе нельзя признать за безусловно вѣрное.

Что это были за окопы и за траншеи, какой профили и какіе приемы употреблялись при ихъ возведеніи, — этого, вѣроятно, мы никогда не узнаемъ.

Гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣются о состояніи долговременной фортификаціи, зародившейся на почвѣ Нильской долины въ эпоху Древняго Царства и тогда еще чуждой иноземныхъ заимствованій на сирійскій образецъ, съ чѣмъ мы встречаемся впоследствии. Немногіе уцѣлѣвшіе остатки древне-египетскихъ укрѣпленій, особенно развалины нагорныхъ крѣпостей близъ Сіены, показываютъ необыкновенную прочность постройки, удивительную даже для того времени.

Ограда устраивалась въ видѣ толстой зубчатой стѣны, сложенной изъ необожженнаго кирпича или изъ большихъ песчаныхъ плитъ, имѣла отвѣсныя стороны и плоскую верхнюю поверхность, на которой были устроены особыя приспособленія, имѣвшія цѣлью воспрепятствовать укрѣпленію штурмовыхъ лѣстницъ. Контръ-эскарпъ былъ земляной, а эскарпомъ служила наружная поверхность стѣны. Нѣкоторыя долговременныя укрѣпленія были даже гласисированы, т. е. снабжены чѣмъ то въ родѣ гласиса, который, скрадывая часть высоты ограды, содѣйствовалъ ея маскировкѣ. Иногда встрѣчались и двойныя ограды.

Всматриваясь въ исторію крѣпостной фортификаціи съ древнѣйшихъ временъ, мы не можемъ не замѣтить, что чѣмъ далѣе мы уходимъ въ глубь исторіи, въ эпоху болѣе несовершеннаго состоянія орудій, тѣмъ ровъ и валъ пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе, какъ крѣпостное препятствіе.

Въ древнемъ Египтѣ, въ періодъ Новаго Царства, не безъ сильнаго вліянія сосѣдней Азіи, крѣпость выросла въ настоящую оборонительную систему съ примѣненіемъ принципіальнаго требованія крѣпостной обороны — охраненіе отъ всякихъ лишнихъ потерь живой силы

крѣпости, т. е. при ея минимальной затратѣ. Отсюда былъ уже одинъ шагъ до примѣненія принциповъ *фланковой обороны* путемъ возведенія фланкирующихъ построекъ, хотя бы и въ самомъ простѣйшемъ видѣ, будутъ-ли эту роль играть наружные выступы стѣнъ или квадратныя башни. Во всякомъ случаѣ, въ виду тѣсной зависимости, существовавшей между частями фронта, не могло быть и рѣчи о сколько нибудь цѣлесообразной организаціи обороны рва, такъ какъ идея независимости фланкирующей постройки отъ вала еще никакъ не могла уложиться въ головы тогдашнихъ военныхъ инженеровъ, да, правду сказать, не совсѣмъ укладывается и у современныхъ; по крайней мѣрѣ кремальберное начертаніе фронта никоимъ образомъ не доказываетъ, что устройство фланкирующей постройки произведено на началахъ независимости ея отъ вала.

Конечно, египетскія крѣпостныя башни могли сообщать рву фланговую оборону, но въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Несравненно лучше и цѣлесообразнѣе было организовано фланкированіе фасовъ, при чемъ для приданія фронту перекрестной обороны въ послѣднихъ дѣлали переломы, дабы использовать такимъ образомъ значеніе входящихъ угловъ ¹⁾.

Излишне прибавлять, что система бастіоновъ съ фланковой обороной была крайне несовершенна и находилась въ зародышѣ, но тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить, что успѣхи долговременной фортификаціи въ Египтѣ не могутъ подлежать сомнѣнію, какъ это можно заключить по сохранившимся слѣдамъ крѣпостей Кубана, Семнеха и Куммеха.

Расположенный напротивъ Дакке, на восточномъ берегу Нила, въ Нубіи, Кубанъ являлся однимъ изъ самыхъ массивныхъ укрѣпленій южной границы монархіи фараоновъ.

Ограда его была сложена изъ необожженного кирпича, какъ и большинство сооружений той эпохи, имѣла нѣсколько воротъ, защищенныхъ фланкирующими выступами внутренней стороны стѣнъ и была окружена съ трехъ сторонъ водянымъ рвомъ, ширина котораго равнялась тремъ саженямъ. По своему внѣшнему виду Кубанъ представлялъ сильную укрѣпленную искусствомъ позицію, свернутую въ квадратъ и предназначенную служить защитой страны противъ непріятельскаго вторженія съ юга.

Крѣпости-близнецы—Семнехъ и Куммехъ, расположенныя другъ противъ друга, на обоихъ берегахъ Нила, связанныя въ геогра-

¹⁾ Подробности см. въ сочиненіи де-Вогюэ «Fortifications de Semneh en Nubie» стр. 81 и слѣд.

фическомъ отношеніи съ Кубаномъ, образуютъ вмѣстѣ съ послѣднимъ нѣчто подобное укрѣпленному треугольнику крѣпостей, хотя общая система обороны достигалась только первыми двумя, въ виду ихъ взаимной географической близости.

Основаніе названныхъ крѣпостей относится къ эпохѣ XII династіи, именно къ царствованію фараона Усуртусена III, но въ періодъ Новаго Царства (собственно въ Ново-Θиванскій, а можетъ быть и гораздо позднѣе) онѣ были значительно усовершенствованы египетскими военными инженерами, сообразно съ зародившимися подъ вліяніемъ азіатскихъ войнъ новыми идеями и взглядами, касавшимися крѣпостной обороны. Здѣсь уже былъ несомнѣнный прогрессъ.

Самымъ совершеннымъ типомъ египетскихъ крѣпостей является Симнехъ (Самина), расположенный на лѣвомъ берегу Нила и командовавшій этимъ берегомъ. Мѣстоположеніе его было выбрано чрезвычайно удачно. Здѣсь, сжатая двумя горными скалами могучая рѣка суживается до ширины полутора саженъ, а затѣмъ, расширяясь, образуетъ небольшой заливъ-бухту, годную для стоянки судовъ. Въ этомъ мѣстѣ—что понятно само собой—рѣка легко можетъ быть замкнута какъ для торговыхъ судовъ, такъ равно и для непріятельскихъ военныхъ флотилій.

Самая крѣпость, по внѣшнему видѣ, представляла нѣчто въ родѣ входящаго угла, образовавшагося посредствомъ соотвѣтственныхъ переломовъ фасовъ и предназначеннаго для дѣйствій перекрестной обороны. Стѣны ея возведены изъ необожженнаго кирпича, но гласисъ, контръ-эскарпъ и, отчасти, эскарпъ сооружены изъ каменныхъ плитъ.

Такимъ образомъ начертаніе вала, шедшаго не по направленію сторонъ крѣпостнаго полигона, а располагавшагося въ видѣ тупого входящаго угла, нѣсколько напоминало то сочетаніе участковъ ограды, которое на современномъ языкѣ носитъ названіе крѣпостнаго капо-нирнаго фронта, наиболѣе выгоднаго въ отношеніи трудности анфилированія его фасовъ. Чтобы тамъ не говорить, сходство, или, точнѣе, совпаденіе это случайное и лишь по формѣ, но оно заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, какъ примѣненіе новыхъ фортификаціонныхъ идей въ дѣлѣ сооруженія укрѣпленій.

Фланкированіе достигалось посредствомъ деревянныхъ башней, установленныхъ на стѣнныхъ выступахъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ переломъ фасовъ образуетъ входящій уголъ, приспособленный для перекрестной обороны. Ровъ, обнимавшій крѣпость съ трехъ сторонъ, имѣлъ около пяти саженъ ширины и его фланкъ получалъ оборону

изъ установленной на выступѣ, близъ эскарпа, башнѣ. Крѣпостныя ворота имѣлись одни въ сѣверномъ фасѣ ¹⁾).

Куммехъ (Кумму) былъ значительно меньше и самъ по себѣ ровно ничего не представлялъ: все значеніе его исчерпывалось взаимностью обороны обѣихъ крѣпостей, составлявшихъ въ совокупности вполне оборонеспособную укрѣпленную позицію, расположенную, въ добавокъ, на трудно доступной мѣстности.

Изъ остальныхъ крѣпостей можно назвать Омбосъ съ простѣйшими зачатками бастіоновъ и съ весьма несовершенной доставляемой ими фланковой обороной, затѣмъ Хауаръ (Аварисъ), Сесеби и Шунетъ-эсъ-Зебибъ.

Послѣднія два укрѣпленія замѣчательны въ томъ отношеніи, что первое было окружено небольшими фортификаціонными конурочками, призванными играть роль нашихъ фортовъ, а второе, какъ дополнительное укрѣпленіе Абидоса, представлялъ частный случай такихъ конурочекъ, безъ которыхъ въ ту отдаленную отъ насъ эпоху смѣло можно было бы обойтись, какъ совсѣмъ не вызываемыхъ обстановкой.

Мемфисъ съ его цитаделью Бѣлая Стѣна, Пелузіумъ (Перема), Бубастъ, Танисъ, Шашотпу и Оцебъ составляли остальные крѣпостныя этапы фараоновскаго Египта.

О незначительныхъ укрѣпленіяхъ мы здѣсь не упоминаемъ.

Переходя къ разсмотрѣнію осадной войны слѣдуетъ сказать, что, судя по памятникамъ, послѣдняя получила довольно широкое распространеніе.

Нападенія производятся большею частью приступомъ и всходомъ на стѣны осажденной крѣпости при помощи штурмовыхъ лѣстницъ, при чемъ особенное примѣненіе имѣютъ стѣнобитныя машины самаго примитивнаго устройства, идея котораго была цѣликомъ заимствована изъ Сиріи. Изъ способовъ скорого овладѣнія укрѣпленными пунктами египтяне очень часто пользовались нечаяннымъ нападеніемъ и атакой открытою силою.

Одна изъ картинъ Карнака изображаетъ намъ взятіе египтянами Аскалона (при Рамзесѣ II); войны взбираются на стѣны, укрѣпляя на нихъ штурмовыя лѣстницы и при помощи топоровъ выбиваютъ крѣпостныя ворота подъ градомъ стрѣлъ и камней, которыми хананеи осыпаютъ штурмующихъ; фараонъ изображенъ стоящемъ на колесницѣ, откуда и исходитъ общее руководство штурмомъ.

¹⁾ De-Vogüe, loc. cit, 85. Его же «L'Architecture du 1-er au VII-e siècle en Syrie», 1868, 14.

Изъ надписи на гробницѣ уже упомянутого нами военачальника Аменемхиба (Amenemhibi), принимавшаго дѣятельное участіе въ походахъ Тутмеса III, видно, что пробитіе бреши въ крѣпостной стѣнѣ считалось до того труднымъ дѣломъ, что для совершенія такого необыкновеннаго подвига вызывались храбрѣйшіе войны. Это мѣсто указано надписи гласить:

«Его Святость (т. е. фараонъ) приказалъ вызвать наиболѣе храбрыхъ изъ его войновъ. Надо было открыть (т. е. пробить брешь) крѣпость, которую жители Кадеша выстроили заново. Я (продолжаетъ Аменемхибъ) былъ тотъ, который открылъ ее; я былъ предводителемъ всѣхъ храбрыхъ: никто другой не сдѣлалъ того ранѣ меня... Его Святость былъ доволенъ»... 1).

Но атака открытой силой вообще представляетъ собою въ высшей степени рискованное предпріятіе, имѣющее очень мало шансовъ на успѣхъ, если крѣпость имѣетъ достаточный гарнизонъ и въ прочихъ отношеніяхъ организована, какъ слѣдуетъ. Это вѣрно теперь и еще болѣе вѣрно было тогда, въ эпоху несомнѣннаго перевѣса обороны надъ атакой въ дѣйствіяхъ крѣпостной войны.

Сознавая трудности открытаго штурма, приводящаго къ успѣху послѣ нѣсколькихъ десятковъ отраженныхъ приступовъ и послѣ того, какъ у штурмующаго выбывало изъ строя множество людей, египетскіе военачальники какъ бы предвосхищая извѣстную идею Вобана, что „поспѣшность въ осадахъ не ускоряетъ срока взятія крѣпостей, часто его замедляетъ и всегда сопряжена съ большими потерями“, нерѣдко прибѣгали къ блокадѣ, т. е. къ обложенію со всѣхъ сторонъ укрѣпленнаго пункта войсками, съ цѣлью прервать его сообщеніе съ окружающей мѣстностью и принудить гарнизонъ къ сдачѣ вслѣдствіе недостатка продовольственныхъ запасовъ.

Извѣстно, что Псамитихъ I (см. исторію Египта въ Саисскій періодъ) долженъ былъ прибѣгнуть къ указанному способу при осадѣ Ашдода (Азота), который онъ блокировалъ, по сообщенію одной греческой побасенки, двадцать девять лѣтъ. Излишне прибавлять, что подобная цифровая нелѣпость, передаваемая Геродотомъ съ полной вѣрой, произошла отъ того, что „отецъ исторіи“ былъ введенъ въ заблужденіе тѣмъ обстоятельствомъ, что взятіе упомянутого города случилось на двадцать девятомъ году царствованія Псамитиха, вслѣдствіе чего въ сообщеніи Геродота и могло проскользнуть такое колоссальное историческое вранье, повторяемое, тѣмъ не менѣе, и до сихъ поръ нѣкоторыми новѣйшими писателями.

1) Эберсъ «Thaten und Zeit Tothmes III in der Zeitschrift für Aegypt». spr. 1873. p 3. et sequ.

Дѣйствія обороны сводились къ перестрѣлкѣ съ приближающимся противникомъ. Кромѣ величины, состава и тактическаго распредѣленія гарнизона, на способность обороняющагося къ отраженію приступа имѣла вліяніе принятая имъ организація мѣръ охраненія, отъ которой собственно зависѣла степень внезапности штурма.

Разумѣется, при отсутствіи бдительности и нецѣлесообразной организаціи мѣръ охраненія, атакующій имѣлъ возможность почти безъ потерь приблизиться къ гласисамъ крѣпостныхъ верковъ, что, конечно, весьма облегчало производство штурма. Но за то при фланковой оборонѣ послѣдній былъ затрудненъ до чрезвычайности, несмотря на то, что фланки—это въ полномъ смыслѣ слова, Ахилесова цята обороны.

Увеличеніе обороноспособности крѣпости путемъ примѣненія новыхъ фортификаціонныхъ идей, заключавшихся, какъ сказано, во фланкирующихъ частяхъ укрѣпленія, значительно понизило шансы атаки, которая не могла еще успешно бороться съ новой системой обороны.

Нужно сказать, однако, что главная линія обороны, подразумеваемая подъ послѣдней поясъ вокругъ крѣпости, на которой сосредоточивалась главная сила обороны, обладала весьма крупнымъ недостаткомъ,—это отсутствіе достаточной глубины для размѣщенія людей на этой прерывающейся оборонительной линіи, что, конечно, не могло, до известной степени, не компрометировать оборону крѣпости.

Опредѣленіе направленія фронта атаки для обороняющагося было несравненно легче, чѣмъ теперь, когда выборъ этого фронта атакующимъ, не упоминая уже объ относительной тактической важности частей крѣпостной оборонительной линіи, находится въ зависимости отъ общаго хода военныхъ дѣйствій и связанъ съ необходимостью оставаться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ полевой арміей и тыловыми учрежденіями. Въ періодъ тогдашняго состоянія военного искусства всѣ приведенныя условія, за исключеніемъ перваго, не существовали и потому противодѣйствіе атакѣ было значительно легче.

Вылазки изъ крѣпости производились весьма часто и, разумѣется, преслѣдовали опредѣленную задачу, при чемъ и величина вылазочнаго отряда сообразовалась съ важностью цѣли. Египтяне правильно оцѣнивали значеніе крѣпости, какъ эмблемы борьбы за время и сознавали разницу между активной обороной крѣпости и наступательными дѣйствіями войскъ изъ крѣпости, ничего общаго съ оборонной не имѣющими. Подобное воззрѣніе примѣнимо какъ нельзя лучше и въ наши дни,—дни какого то фортификаціоннаго дальтонизма.....

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ выбирались передовыя позиціи передъ тѣми частями крѣпости, которыя были наиболѣе доступны для непрі-

ятельской атаки. Эти передовыя позиціи, отдаленіе которыхъ отъ крѣпости зависѣло отъ характера мѣстности и силы гарнизона, состояли, по большей части, изъ центрального опорнаго пункта, по сторонамъ котораго группировались мѣстные предметы, обладавшіе извѣстной обороноспособностью.

Такимъ образомъ, въ противоположность эллинскому военному искусству, у египтянъ, какъ и у всѣхъ прочихъ народовъ древняго Востока, въ крѣпостной войнѣ *перевѣсъ обороны надъ атакой* является отличительнымъ признакомъ тогдашняго военно-инженернаго искусства: города чаще всего берутся голодомъ, измѣной, нечаяннымъ нападеніемъ и гораздо рѣже открытымъ штурмомъ, если послѣдній не обращается въ довершеніе обнаруженнаго осажденными нечаяннаго нападенія.

Предварительно штурма или блокады непріятельскимъ городамъ предлагалась сдача на сносныхъ, сравнительно для нихъ, условіяхъ, въ случаѣ принятія которыхъ съ жителями обходились дружелюбно и они облагались умѣренной данью; если же городъ упорствовалъ и не обнаруживалъ желанія сдаться, то съ нимъ уже не церемонились: по взятіи города на жителей накладывалась тяжелая контрибуція и, кромѣ того, съ нихъ взыскивалась значительная ежегодная дань. Неисправимые въ смыслѣ повторяемости возстаній города разрушались, при чемъ уничтожались плантаціи, заложники уводились въ плѣнъ, а съ оставшагося населенія сдирали настоящую „фараоновскую“ подать ¹⁾.

Какъ конечный выводъ объ египетскомъ военно-инженерномъ искусствѣ слѣдуетъ сказать, что послѣднее находилось на высокой ступени совершенства (конечно относительно), чему не мало способствовали безконечныя войны съ Азіей, которыя дали сильный толчекъ для его развитія. Тактика у египтянъ прихрамывала, Стратегія, какъ увидимъ вслѣдъ за симъ, тоже далека была отъ совершенства, одна Фортификація, какъ естественная дань оборонительнымъ стремленіемъ египтянъ, находилась у этого народа въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ всѣ остальные отрасли военнаго искусства и, дѣйствительно, сослужила строителямъ пирамидъ свою великую службу.

6. Стратегія и путь завоеваній. Выше было говорено, что въ военномъ искусствѣ нѣтъ безусловныхъ принциповъ (правилъ), а есть только условныя, т. е. зависящія отъ условій силы, времени и

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* XIV, 341.

мѣста. Общія же руководящія положенія, заключающіяся въ извѣстныхъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ искусству веденія войны, несомнѣнно, существуютъ, какъ теоретическій масштабъ, прикладываемый къ послѣднему въ смыслѣ желательности примѣненія ихъ на практикѣ. Разумѣется, эти руководящія начала можно разсматривать какъ принципы, годные при наличности любой обстановки, но они не идутъ, да и не могутъ идти далѣ самыхъ общихъ опредѣленій и классификація ихъ, по существу, не можетъ не являться дѣломъ празднымъ, продуктомъ кабинетныхъ измышленій, изнемогающихъ въ непосильныхъ мукахъ бумажнаго творчества и какого то противоестественнаго стратегическаго зуда, свойственнаго самодовлѣющей посредственности. Не останавливаясь надъ подобной умственной эквилибристикой, въ сущности, довольно безобидной и взирая на нее *les bras croisés*; мы, какъ сказано, отвергаемъ безусловные принципы, такъ какъ измѣненія этихъ принциповъ подъ вліяніемъ обстановки сводить ихъ безусловность къ нулю и выставляетъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ этого требуетъ сама жизнь, чуждая какихъ бы то ни было поддѣльваній.

Поэтому, разсматривая египетское военное искусство съ точки зрѣнія его основныхъ принциповъ, мы просимъ читателей не забывать, что послѣднимъ придается здѣсь условное значеніе и за ними всегда слѣдуетъ подразумѣвать наличность извѣстной комбинаціи элементовъ силы, времени и мѣста. Но мы слишкомъ отклонились бы въ сторону и вдалились бы въ обширныя разсужденія, несогласныя съ планомъ настоящаго сочиненія, если бы, выставляя наши аргументы во всей полнотѣ, захотѣли доказать это болѣе фактически.

Послѣдняя сторона дѣла или, другими словами, вопросъ объ основныхъ принципахъ военнаго искусства, лежитъ за предѣлами нашего труда и потребовалъ бы самостоятельнаго и обширнаго изслѣдованія. Впослѣдствіе, быть можетъ, мы и займемся имъ специально и тогда попытаемся обосновать изученіе искусства веденія войны на началахъ исторической Стратегіи, но, конечно, безъ всякихъ „отправныхъ точекъ“, въ настоящее же время, дабы не уклоняться отъ предмета, будемъ разсматривать стратегическое искусство подданныхъ фараоновъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало въ древнемъ Египтѣ въ эпоху Новаго Царства.

Сначала коснемся способа и характера египетскихъ войнъ.

Мы уже говорили, что окружающая египтянъ политическая обстановка въ огромномъ большинствѣ случаевъ требовала такого плана войны, который былъ бы построенъ на быстрыхъ стратегически-наступательныхъ дѣйствіяхъ, дабы приготовить тактическое столкновеніе

сь непріятелемъ при найвыгоднѣйшихъ условіяхъ. Перевѣсъ египтянъ на полѣ сраженія, особенно въ эпоху XVIII и, отчасти, XIX династїи былъ несомнѣненъ и побѣды ихъ покупались, сравнительно, дешево, но за то и противники ихъ дороже не стоили. То были мелкіе народцы, стоявшіе на низшихъ стадїяхъ культурной лѣстницы и еще не переходившіе отъ племенной обособленности къ національному единству. Связь ихъ была непрочная, случайная и разрывалась при первомъ удобномъ случаѣ, подобно часто составляемымъ ими коалиціямъ. Разумѣется, имъ не подѣ силу было тягаться съ цивилизованной монархіи береговъ Нила и съ ея сильной центральной властью, столь необходимой въ интересахъ войны и не пропитанной безпредѣльнымъ военнополитическимъ фантазерствомъ.

Ясно, что при наличности такихъ условій, имѣя въ распоряженіи хорошо дисциплинированную армію съ опытными военачальниками и цѣлесообразнымъ устройствомъ, ограничиваться стратегически оборонительными операціями противъ очевиднаго военнаго безсилія этой каши народцевъ, было бы вопіющей нелѣпостью, прямо, какой то непонятной жертвой на алтарь „невѣдомому богу“.

Хотя фараоновскій Египетъ въ эпоху вступленія его на путь иноземныхъ завоеваній нельзя считать государствомъ безусловно молодымъ, предпочитавшимъ наступленіе оборонѣ, какъ лучшему выразителю жизненной энергіи, и шедшему въ авангардѣ тогдашней политической жизни, но тѣмъ не менѣе его внѣшняя обстановка, какъ сказано, была такова, что онъ волей-неволей долженъ былъ двигаться по линіи, касательной къ стратегическому наступленію. Указанный родъ операціи вызывался, слѣдовательно, самой исторїей страны, общимъ ходомъ историческаго процесса, управляющаго народами независимо отъ ихъ желаній и наклонностей, а совсѣмъ не характеромъ народа, военныя доблести котораго представляются чисто пассивными и который по своей натурѣ былъ скорѣе склоненъ отражать нападенія, нежели нападать самому. Это роковое противорѣчіе, проходящее красной нитью черезъ всю военную исторію Египта, не могло не подрѣзывать крылья стратегическаго творчества націи, что, какъ сказано, мы замѣчаемъ рѣшительно во всѣ эпохи исторической жизни фараоновскаго Царства.

Въ безконечныхъ войнахъ Египта, продолжительныхъ и безсистемныхъ, ясно можно подмѣтить поразительное однообразіе результатовъ, вслѣдствіе однообразія причинъ.

Одно изъ основныхъ руководящихъ началъ — *крайнее напряженіе силъ въ началѣ войны*, чтобы тотчасъ же послѣ побѣды имѣть

возможность принудить неприятеля къ скорѣйшему заключенію выгоднаго мира (иначе говоря, извѣстный стратегическій способъ дѣйствій какъ бы предрѣшаетъ и тактическую развязку), проводился большинствомъ царственныхъ стратеговъ-завоевателей (Тутмесь I, Тутмесь III, Аменофисъ III, Сети I, Рамзесь II и Рамзесь III) не всегда съ должной послѣдовательностью. Правда, начиная кампанію они тщательно заботились объ увеличеніи числительности арміи, при чемъ стремленіе это нерѣдко доводилось до крайности и при послѣднихъ Рамессидахъ числительность войска возрастала насчетъ его качества.

Но съ другой стороны, выставляя въ поле многочисленную армію при открытіи военныхъ дѣйствій, фараоны вели послѣднія съ перерывами и остановками, давая противнику возможность продлить сопротивление и вообще затянуть войну на неопредѣленное время. Исключенія, разумѣется, бывали, но, какъ общее правило, подобный способъ войны можно считать общепринятымъ.

Только принимая во вниманіе указанное обстоятельство и можно объяснить, какимъ образомъ столь талантливый стратегъ, какъ Тутмесь III, принужденъ былъ предпринять *пятнадцать походовъ* противъ мятежной Сиріи, чтобы принудить ея правителей къ миру. Понятное дѣло, что рип такихъ условійхъ принципъ крайняго напряженія силъ въ началѣ войны парализовался безчисленными перерывами въ ходѣ военныхъ дѣйствій и примѣненіе его на практикѣ теряло всякій положительный смыслъ, улучшая стратегическое положеніе неприятеля, сопротивление котораго, при наличности быстроты и непрерывности въ ходѣ боевыхъ операцій, было бы сломлено окончательно и въ относително кратчайшій промежутокъ времени.

Фараоны-стратеги не могли, конечно, не понимать столь очевидной истины, но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ случаевъ владыки Египта были принуждены сообразоваться съ политическими условіями какъ своей собственной страны, такъ особенно и государства противника, и этимъ окончательно связывали себѣ руки. Здѣсь ясно сказывалась неоспоримая истина, что самая лучшая стратегія не можетъ исправить ошибокъ дурной политики.

Изъ множества подтверждающихъ нашу мысль примѣровъ изъ военной исторіи Египта, мы приведемъ одинъ. Послѣ пораженія хеттской арміи подъ Кадешомъ (см. ниже) Рамзесь II намѣревался энергически продолжать войну, чтобы разъ навсегда покончить съ традиціонными соперниками Египта, но продолженію войны съ одной стороны препятствовало естественное опасеніе, что южная Сирія, заключивъ союзъ съ сосѣдними народцами, муравейникъ которыхъ копо-

шился къ сѣверо-востоку отъ Нильской долины, можетъ подать руку помощи побѣжденному государству и — что всего важнѣе — ставъ на операционной линіи египетской арміи, поднять возстаніе въ ея тылу, а съ другой—внутреннее состояніе Египта требовало скорого возвращенія своего государя. Но, конечно, миръ, на принятіе котораго фараонъ согласился съ сожалѣніемъ, въ дѣйствительности, оказался ничѣмъ инымъ, какъ кратковременнымъ перемиріемъ и послѣ побѣды при Кадешѣ война продолжалась еще пятнадцать лѣтъ безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ и кончилась почти въ ничью.

Переходимъ къ разсмотрѣнію примѣненія остальныхъ руководящихъ началъ, выработанныхъ исторической Стратегіей.

Принципъ одновременности и экономіи силъ, т. е. сосредоточеніе арміи на важнѣйшемъ участкѣ, жертвуетъ для достиженія указанной цѣли всѣмъ второстепеннымъ и побочнымъ, дабы получить неоспоримый численный перевѣсъ надъ противникомъ въ рѣшительный моментъ, не могъ не сознаваться въ Египтѣ, военачальники котораго все же смекали, что искусство веденія войны сводится въ концѣ концовъ къ умѣнію быть сильнѣйшимъ въ рѣшительномъ пунктѣ и рѣшительный моментъ.

Но примѣненіе этого принципа не всегда обходилось безъ крайностей, такъ какъ нетерпѣливое желаніе фараоновъ покончить войну однимъ ударомъ заставляло ихъ совершать въ указанномъ отношеніи цѣлый рядъ ошибокъ и стратегическихъ промаховъ, которые иногда приводили къ пораженію арміи (Кархемышъ 605 г.) или ставили ее въ положеніе, къ тому весьма близкое (Кадешъ). Цѣль ю боя не всегда служило уничтоженіе непріятельской арміи и довольно часто замѣчается непростительное увлеченіе географическими пунктами въ явный ущербъ истинной цѣли войны, хотя, въ отдѣльныхъ случаяхъ, подобное игнорированіе принципа—бить противника въ самое чувствительное мѣсто—могло быть оправдываемо обстановкой. Такъ упомянутый нами фараонъ XVIII-ой династіи, Тутмесъ III, дѣлаетъ строгій выговоръ своей арміи за то, что она, побуждаемая алчностью, бросилась грабить непріятельскій обозъ, черезъ что упустила взять городъ Мегеддо. „Если бы вы взяли Мегеддо—говоритъ онъ—это значило бы гораздо больше, чѣмъ всѣ милости, посланныя мнѣ сегодня богомъ Ра (указаніе на пораженіе сирійцевъ). Всѣ начальники страны заперлись въ этомъ городѣ, такъ что взять Мегеддо значило бы то же, что взять тысячу непріятельскихъ городовъ“.

Что же это такое, какъ не стратегическое кувырканье? Ну добро бы, взятіе Мегеддо окончило бы войну если не навсегда, то, по крайней

мѣръ, на долгое время, тогда, конечно, взятіе этого города имѣло бы громадное значеніе, какъ подрубка того сука, на которомъ держалось извѣстное военно-политическое объединеніе сирійскихъ начальниковъ.

Но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ не то: фараонъ долженъ совершить еще пятнадцать походовъ, потратить массу людей, средствъ и времени, чтобы успѣть, наконецъ, утвердить кое какъ свое шаткое господство въ Сиріи. Не отрицая военныхъ талантовъ Тутмеса III, а равно и важнаго значенія Мегеддо, запиравшаго дорогу изъ Египта въ сѣв. Сирію, не можемъ, однако, не признать, что проглотивши такую приманку, какъ Мегеддо, фараону слѣдовало бы принять необходимыя мѣры, чтобы парализовать, хотя бы для будущаго, стратегическое значеніе упомянутаго города, путемъ ли его разрушенія или включенія въ составъ собственной территоріи,—тогда ни ему, ни его преемникамъ не пришлось бы безъ устали катить камень Сизифа, т. е. въ переводѣ на прозаическій языкъ, — брать одинъ и тотъ же городъ десятки разъ. Но „простилъ фараонъ чужеземныхъ властителей“, преемники его также въ большинствѣ случаевъ „прощали“ этихъ господъ, проявляя самое нелѣпое донъ-кихотство, и какой наивный сантиментализмъ политическаго невѣжества.

Какая странная и противоестественная экономія силъ!.. Что толку послѣ этого, въ выработкѣ правильной основной идеи операціи, когда въ концѣ концовъ переливаніе этой идеи въ жизнь приводило къ тому же, къ чему обыкновенно приводятъ самыя безъидейныя „операціи“? Отсюда ясно, что колоссальное противорѣчіе между извнѣ навязанной, хотя бы и цѣлесообразной идеей стратегическаго наступленія и собственными оборонительными тенденціями съ одной стороны и неумѣлой экономіей боевыхъ силъ — съ другой, имѣли огромное вліяніе на необыкновенную продолжительность войнъ, веденныхъ египтянами и истинная бацила этой продолжительности, по нашему мнѣнію, заключалась, главнымъ образомъ, въ роковомъ взаимодействіи названныхъ выше элементовъ.

Это былъ какой то заколдованный кругъ, сжимавшій въ желѣзныхъ тискахъ древне-египетское военное искусство, которое за весьма рѣдкими и единичными случаями, до своего послѣдняго часа не могло выбраться изъ опутывавшихъ его сѣтей. Впрочемъ, со стороны такого мирнаго народа, какимъ были древніе египтяне, трудно было ожидать полного соотвѣтствія между ихъ невоинственнымъ міровоззрѣніемъ и государственной необходимостью безпощаднаго наступленія, какъ слѣдствія извѣстныхъ этнографическо-политическихъ условій.

Принципъ инициативы или господство надъ волей и умомъ противника самъ собой вытекаетъ изъ идеи стратегическаго наступленія. Справедливость требуетъ отмѣтить стремленіе высшаго команднаго персонала египетской арміи заручиться выгодами инициативы.

Въ виду небольшого, относительно, числа конницы, освѣщающей районъ военныхъ дѣйствій и служащей въ указанномъ отношеніи ориентирующимъ фонаремъ, при открытіи кампаніи наиболѣе расторопные офицеры посылались предварительно на рекогносцировку предстоящаго театра войны и ихъ донесенія служили основаніемъ для предварительнаго расположенія войскъ и для выработки основной идеи операціи.

Такъ Рамзесъ II, разославъ по разнымъ направленіямъ отдѣльныхъ развѣдчиковъ за Иорданъ, къ Дамаску, къ Тиру и Сидону, согласно донесенію своихъ посланцевъ, выработалъ основную идею операціи и выбравъ традиціонную операціонную линію Газа—Аскалонъ—Мегеддо—Кадешъ, двинулся на поискъ арміи Хитисара (см. ниже). Какъ операція, поискъ этотъ былъ крайне слабо обоснованъ, несмотря на стремленіе фараона заручиться господствомъ инициативы и едва не имѣлъ результатомъ страшнаго погрома египетскихъ войскъ, часть которыхъ съ Рамзесомъ во главѣ попала въ ловушку. Но по исключительности подобныхъ случаевъ, послѣдніе не могутъ идти въ счетъ. Тутмесъ III и Сети I, какъ это будетъ видно изъ исторіи Египта, умѣли использовать дававшуюся имъ въ руки инициативу, что называется, вдоль и поперекъ. Послѣдній, на примѣръ, неожиданно для сирійцевъ вторгнулся въ „страну аммореевъ“ и прежде, чѣмъ гарнизонъ Кадеша успѣлъ приготовиться къ защитѣ, взялъ штурмомъ крѣпость и увелъ ея жителей въ Египетъ.

Эксплуатація побѣды, т. е. развитіе ея послѣдствій путемъ энергическаго преслѣдованія, непосредственно слѣдующаго за побѣдоноснымъ боемъ, составляла одну изъ самыхъ слабыхъ сторонъ египетской стратегіи. Преслѣдованія на театрѣ военныхъ дѣйствій совсѣмъ не существовало (за исключеніемъ двухъ-трехъ случаевъ за всю исторію Египта, да и то не было преслѣдованіемъ въ нашемъ смыслѣ слова) и египтяне ограничивались однимъ тактическимъ преслѣдованіемъ, иногда весьма энергическимъ.

Такъ, на примѣръ, Тутмесъ III, разбившій хеттеянъ, такъ безпощадно преслѣдовалъ послѣднихъ, что, по словамъ надписи, „никто изъ нихъ не осмѣлился даже оглянуться; охваченные единственной мыслью—бѣжать безъ оглядки—они мчались, какъ стадо барановъ“.

Итакъ, кромѣ тактическаго преслѣдованія, преслѣдованія на полѣ сраженія, иного почти не существовало. Это не покажется удивительнымъ, если вспомнить, что даже у грековъ преслѣдованіе на театрѣ военныхъ дѣйствій впервые вступаетъ въ законныя права и, такъ сказать, получаетъ силу гражданства не ранѣе эпохи Александра Македонскаго, да и то, развѣ, въ смыслѣ правильнаго выбора направленія, а вовсе не непрерывности преслѣдованія, которое вообще нельзя назвать безотвязнымъ.

Безопасность операціи при стратегически-наступательныхъ дѣйствіяхъ египетской полевой арміи была крайне условна. Немаловажное препятствіе заключалось здѣсь въ томъ, что войска удалялись отъ своей базы на огромное разстояніе, особенно при походахъ въ Нахарану и благодаря указанному обстоятельству никогда не могли быть спокойными за свой путь отступленія, который не разъ подвергался опасности быть занятымъ возставшими въ тылу арміи враждебными народами, не упоминая уже про то, что операціонная линія все время находилась на воздухѣ.

О „стратегическихъ резервахъ“ мы ничего не знаемъ, хотя безусловно отвергать ихъ существованіе, конечно, по идеѣ, а не по формѣ, нельзя, такъ какъ намъ положительно извѣстенъ фактъ, что при значительномъ удаленіи отъ границъ фараоны обезпечивали коммуникаціонную линію путемъ занятія нѣкоторыхъ пунктовъ гарнизонами, особенно при сирійскихъ походахъ, когда базированіе могло быть только на крѣпости Дельты.

Но обезпеченіе линіи сообщеній нельзя не признать въ общемъ довольно слабымъ, что, между прочимъ, явствуетъ изъ того, что враждебные Египту народы безъ особыхъ усилій могли прорвать тылъ арміи, такъ что при коалиціонной войнѣ, египетскія войска зачастую находились внутри опоясаннаго непріятелемъ пространства, т. е. въ положеніи стратегическаго окруженія, конечно, не безвыгоднымъ, потому что могли дѣйствовать по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ.

Во всякомъ случаѣ указанный фактъ на говоритъ о прочномъ обезпеченіи операціонной линіи и потому слѣдуетъ признать, что принципъ безопасности операціи, несмотря на чрезмѣрную, въ этомъ отношеніи, заботливость фараоновъ, въ дѣйствительности оказывался пуфомъ.

Правда, замѣтно стремленіе удлинить и расширить базу путемъ подчиненія мелкихъ пограничныхъ народцевъ, въ земляхъ которыхъ строились опорныя крѣпости склады, занимавшіяся сильными гарни-

зонами, но все это существовало до перваго возстанія, когда подчиненные народцы сбрасывали египетское иго, разрушали всѣ опорные пункты, перерѣзывали гарнизу и, подавъ руку помощи своимъ союзникамъ, заставляли (хотя бы и временно) фараоновъ ограничиться господствомъ въ одной своей собственной территоріи. Такъ повторялось регулярно почти каждое царствованіе. Мудрено-ли послѣ этого, что удлиненіе и расширеніе базы было крайне незначительное, а въ большинствѣ случаевъ база являлась базой-точкой.

Главный театр войны, на которомъ разыгрывались боевыя операціи, представляла сосѣдняя Сирія, являвшаяся посредницей въ торговыхъ сношеніяхъ монархіи фараоновъ съ Халдеей и развившая довольно значительную культуру. Походъ, предпринятый противъ нее Тутмесомъ I, намѣтилъ путь, по которому во всѣхъ послѣдующихъ азіатскихъ войнахъ неуклонно слѣдовали египетскія войска. Такимъ образомъ *основная идея операціи* была установлена въ неизмѣнномъ видѣ на долгія времена, что, конечно, не могло не облегчить творческую работу главнокомандующаго, которому оставалось только пользоваться этой идеей безъ всякихъ существенныхъ поправокъ: онъ зналъ навѣрняка, гдѣ, у какихъ пунктовъ можетъ произойти столкновение съ войсками противника, ему отлично была знакома окружающая мѣстность, а равно болѣе или менѣе извѣстно расположеніе непріятельской арміи. Въ „творчествѣ“ преобладалъ шаблонъ и „выучка“ замѣняла „натуро“.

При относительно малой величинѣ арміи (не свыше 50 тысячъ) стратегическое развертываніе не представляло особыхъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что оно, главнымъ образомъ, производилось въ одной массѣ и почти всегда вблизи однихъ и тѣхъ же пунктовъ, какъ при Тутмесѣ I, такъ равно и при Рамзесѣ II. Надлежащимъ образомъ ориентированный военачальникъ при извѣстныхъ, во время принятыхъ, мѣрахъ предосторожности, въ сущности, не рисковалъ ничѣмъ, слѣдуя традиціонному плану, успѣшное выполненіе котораго продолжалось чуть не изъ года въ годъ.

Это былъ не походъ, какъ мы его понимаемъ, гдѣ необходимо вчитаться въ обстановку и принять въ соображеніе гадательную волю противника, могущую нарушить наши расчеты и приготовить намъ не совсѣмъ пріятные сюрпризы, — а скорѣе ученіе съ обозначеннымъ противникомъ, котораго застаютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ожидаютъ и гдѣ каждая складка мѣстности заранее указываетъ о наиболѣе вѣроятномъ построеніи боевого фронта, вслѣдствіе чего и самый способъ дѣйствій какъ бы предопредѣляется заранее.

Признаемся, мы не видимъ особаго проявленія искусства тамъ, гдѣ все разыгрывается точно по нотамъ, по одному и тому же шаблону, путемъ подмѣченнаго крапа карточной колоды, дающаго возможность точно и безошибочно опредѣлить, какая изъ картъ будетъ „дана“ и какая „бита“. Само собой разумѣется, что въ указанномъ отношеніи бывали исключенія, что видно изъ разсмотрѣнія боевой дѣятельности нѣкоторыхъ фараоновъ-стратеговъ, которые съ успѣхомъ прибѣгали къ инымъ приемамъ для проявленія полной мощи своей стратегической дѣятельности (стоитъ только вспомнить первый походъ Тутмеса III въ Сирію, предшествовавшій сраженію на берегахъ Кины), но все это, повторяемъ, исключенія рѣдкія и единичныя, а потому идти въ счетъ не могутъ. Для большинства же доморощенныхъ и невоинственныхъ стратеговъ рутинный путь—путь стратегическаго обвѣшиванія—былъ найденъ, а тактическое рѣшеніе уже представляло значительно меньшія трудности.

Итакъ, по выходѣ изъ Дельты, гдѣ всегда происходило сосредоточеніе египетскихъ войскъ, послѣднія направлялись на Рафію (Raphia), самый южный сирійскій городъ, а оттуда на Газу (Гацату), Аскалонъ, Іерсу (нынѣ Хирбетъ-Іерза) и Іухемъ (теперь Эль-Хеймехъ). Это былъ обыкновенный маршрутъ каравановъ, который велъ прямо на сѣверъ, оставляя слѣва большую укрѣпленную гавань Іоппе, а справа цѣпь Аморрейскихъ горъ.

Близъ Ааруна дорога углублялась въ кармельскія ущелья, а по выходѣ изъ дефиле снова шла по равнинѣ нѣсколько сѣвернѣе Таанакху (Θαμναεъ ¹⁾) и затѣмъ достигала лежавшаго среди ездRELONской долины укрѣпленнаго города Мегеддо (въ надписяхъ „Макита“), къ которому сходились всѣ пути изъ Ливана, благодаря чему онъ пріобрѣталъ въ войнахъ важное стратегическое значеніе не только какъ ворота изъ Египта въ сѣверную Сирію, но и какъ заслонъ дороги на пути къ Ефрату.

Вотъ почему Мегеддо игралъ такую значительную роль во всѣхъ войнахъ, которыя египтяне вели въ Азіи: *сраженіе, проигранное подъ его стѣнами, отдавало въ руки побѣдителя всю Палестину и открывало послѣднему путь въ глубину Сиріи.*

Сирійскіе вожди, разбитые при Мегеддо, отступали до стѣнъ Кадеша (нынѣ Химса или Эмеза на Оронтѣ) и давали здѣсь второе сраженіе, рѣшавшее участь всей операціи. Въ случаѣ пора-

¹⁾ Крѣпостныя стѣны этого города обнаружены недавно раскопками доктора Селлина.

женія сирійцамъ оставалось только разсѣяться по сторонамъ, послѣ чего каждый предводитель запирался въ своей крѣпости.

Побѣдившіе ихъ египтяне, слѣдуя вдоль Аруната (Оронта), брали укрѣпленный городъ Х а м а т ь (Хемту, библ. Емаѣ), затѣмъ поворачивали на сѣверо-востокъ черезъ Х а л е б у (Хилибу, теперь Алеппо, арабск. Эсъ-Шебха) и Т у н е п ь, достигали К а р х е м ы ш а (Джераблусъ, теперь Мембидже ¹⁾),—сильной крѣпости, обеспечивавшей переправу черезъ Ефратъ, и завоевавши, такимъ образомъ, стратегически-выгодное положеніе, могли предпринять вторженіе въ Нахарану.

Народы, жившіе по обѣимъ сторонамъ этого военнаго пути, не всегда подчинялись власти фараоновъ и съ ними приходились вести долгія и ожесточенныя войны; исключеніе составляли финикіяне, охотно мирившіеся съ политической зависимостью отъ Египта вслѣдствіе своихъ особыхъ торговыхъ расчетовъ (см. Финикія).

Другое поле военныхъ дѣйствій находилось къ югу отъ Элефантины,—въ Нубіи, изъ которой угрожали Египту бродячія племена Уауа, Шемикъ, Ану, Хаса и мн. друг. борьба съ которыми тянулась очень долго и только фараонамъ Средняго Царства удалось подчинить ихъ своей власти. Изъ нубійскихъ областей, подвластныхъ Тутмесу III, Карнакская надпись называетъ Т а к а р у (нын. Тигре), Г у р е с е с ь (теперь Кассала), Т а р у т ь (Дере), К а а м ь, К е н с е т ь, М а с с у а (теперь Массова), Б е к е т ь (въ верхней Нубіи), Т е п е с т а м ь, А б с а ф у, А а м а и мн. др.

На востокъ Египту, отдѣленному отъ кочевыхъ племенъ песками пустыни, нечего было опасаться; самое большее, что могло ему угрожать—это простые набѣги кочевыхъ хищниковъ, жившихъ по сосѣдству съ нильской долиной. Для защиты страны отъ этихъ набѣговъ, избѣжать которыхъ несмотря на бдительность пограничныхъ крѣпостей и „наблюдательныхъ лѣстницъ“; было довольно трудно, фараоны возвели на пространствѣ отъ Краснаго моря до Нила цѣлую серію мелкихъ укрѣпленій и построили стѣну, пересѣкавшую весь перешеекъ отъ Пелузіума до Геліополиса и преграждавшую лакомымъ до грабежа хищникамъ путь въ Уади Тумилать.

Стѣна эта, заботливо поддерживаемая правительствомъ, служила чѣмъ то въ родѣ пограничнаго заслона, за которымъ начиналась пустыня и почти невѣдомый міръ для людей той эпохи.

Въ заключеніе два слова о *мобилизаціи*. При сильной центральной власти и заранѣе заготовленныхъ запасахъ переходъ съ мирнаго положенія на военное производился очень быстро.

¹⁾ Кархемышъ находился вблизи нынѣшняго Алеппо, недалеко отъ р. Биреджика.

Числительность войск почти не возростала и съ нашей точки зрѣнія дѣйствующая армія являлась, въ сущности, арміей не мобилизованной, такъ какъ ея штатъ въ мирное и военное время былъ одинъ и тотъ же. Иное дѣло было съ мобилизаціей ополченія, игравшаго въ Египтѣ роль запаса, но и тутъ все было до нельзя просто и примитивно, тѣмъ болѣе, что сборъ ополченія по характеру ничѣмъ не отличался отъ обыкновеннаго рекрутскаго набора.

7. Быть воинскихъ чиновъ. Намъ неоднократно приходилось указывать на мирный и невоинственный характеръ подданныхъ фараоновъ, у которыхъ идея военной службы, какъ всеобщей повинности и какъ національнаго долга не лежала даже въ зародышѣ. Солдатство—это самое страшное и мучительное пугало для египтянина той эпохи.

Мы видѣли, что большинство рекрутъ, попавшихъ въ армію, погибало для своего отечества гдѣ нибудь въ гарнизонѣ сирійскихъ крѣпостей или въ нубійскихъ укрѣпленіяхъ, совершенно забытое своимъ правительствомъ, которое не могло не смотрѣть на жизнь солдата какъ на простую цифру для разрѣшенія военныхъ задачъ. Понятно, что случаи дезертирства были весьма многочисленны и самыя строгія мѣры не могли искоренить этого зла.

Какъ уже было говорено выше, даже военное сословіе, кормившееся отъ земли и обязанное личной строевой службой, тяготилось послѣдней и отлынивало отъ нея сколько возможно. Здѣсь было то же, что впослѣдствіе и у насъ въ до-петровской Руси. „Дай Боже рану нажать легкую, чтобы немного отъ нея поболѣть и отъ великаго государя получить за нее жалованіе!“—молились служилые русскіе люди передъ отправленіемъ въ походъ, а иные желали еще меньшаго: „дай Богъ великому государю служить, а саблю изъ ноженъ не вынимать!“

Того же, вѣроятно, хотѣли и подданные фараоновъ, которые могли видѣть воочію весьма неприглядную картину бытовой жизни воинскихъ чиновъ Египта.

Дисциплина въ арміи была, прямо, драконовской и имѣла тотъ формальный и прямолинейный характеръ, какой замѣчается въ современныхъ европейскихъ арміяхъ съ тою, конечно, существенной разницей, что военная служба не являлась для египтянъ школой послушанія и преданности царю, какъ у насъ, а была продолженіемъ школы рабства, въ которомъ держали ихъ социальныя условія страны и внутренняя политика фараоновъ. Памятники свидѣтельствуютъ, что

палочно-костоправная муштра распространялась и на офицеровъ, которыхъ за проступки дубасили дубьемъ, предварительно растянувши виновныхъ на землѣ; про нижнихъ чиновъ нечего и говорить: они буквально не выходили изъ подъ падокъ, которыми щедро награждали ихъ маниаки строя, убѣжденные, что „разумная“ дисциплина вколачивается побоями и затрещинами, конечно, при обилии рассыпаемыхъ во всѣ стороны самыхъ разнообразныхъ и отборныхъ ругательствъ. Иначе говоря, палки служили чѣмъ то въ родѣ дрожжей для „всхода“ истинной дисциплины.

Офицерскіе жезлы-фухтеля преисправно полосовали солдатскія спины, будучи особенно удобны тѣмъ, что постоянно находились подъ рукою, такъ что расправа не заставляла себя долго ожидать.

Такимъ образомъ дисциплина въ египетской арміи поддерживалась исключительно страхомъ наказанія, т. е. палками и зуботычинами, вообще рукоприкладствомъ, но, какъ свидѣлствуютъ дошедшіе до насъ памятники, уклоненія отъ нея не были рѣдкостью не только со стороны отдѣльныхъ лицъ, но и со стороны всей „дисциплинированной“ массы.

Мы видѣли выше, что Тутмесь III долженъ былъ сдѣлать строгій выговоръ своей арміи, увѣковѣченный въ надписи Карнакского храма, за то, что она вмѣсто преслѣдованія бѣжавшаго противника принялась грабить непріятельскій обозъ и мародерничать. Это фактъ, который не сотрешь никакимъ разсужденіемъ.

А одинъ изъ военачальниковъ эпохи XII династіи считаетъ за что-то необыкновенное, заслуживающее особаго упоминанія, что въ его отрядѣ не было ни одинаго случая дезертирства, о чемъ онъ и счелъ долгомъ вѣщать для назиданія потомства.

Все это плохо вяжется съ настоящей дисциплиной, но становится естественнымъ, если принять въ соображеніе разнокалиберный составъ египетской арміи, прошедшей не разумную школу повиненія, послушанія и долга, а школу настоящей рабской дрессировки.

Относительно обученія войскъ памятники даютъ мало свѣдѣній. Извѣстно только, что войска упражнялись въ гимнастикѣ, бѣгѣ, фехтованіи на копьяхъ, маршировкѣ и лучной стрѣльбѣ въ цѣль. Одна изъ надписей удостовѣряетъ, что фараонъ Тутмесь IV „занимался метаніемъ копій для своего удовольствія, на землѣ Мемфисскаго округа, по направленію его (округа) къ сѣверу и югу, стрѣляя въ цѣль мѣдными стрѣлами“ ¹⁾.

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* XV, 385.

Что касается до сосредоточенія войскъ въ лагеря для совокупнаго обученія,—то этотъ вопросъ и по сіе время не можетъ считаться выясненнымъ. Указаніе Манеѳона на Хауарскій укрѣпленный лагерь относится къ эпохѣ иноземнаго господства, слѣдовательно, къ обстановкѣ исключительной и потому не можетъ претендовать на безусловное научное признаніе.

Въ эпоху Новаго Царства мы слышимъ о существованіи лагеря близъ г. Пи-Рамзеса (Танисъ?) въ Дельтѣ, но что это былъ за лагерь, имѣлъ ли онъ случайный характеръ или его можно разсматривать какъ постоянное учрежденіе, приуроченное къ специальной цѣли,—совмѣстному обученію войскъ и упражненію послѣднихъ въ различныхъ хитростяхъ ратнаго строя,—объ этомъ памятники упорно молчатъ.

Служба войскъ въ мирное время была въ общемъ довольно таки однообразна. На первомъ планѣ, разумѣется, фигурировала пограничная служба въ крѣпостяхъ и укрѣпленіяхъ. Какъ видно изъ Papyrus Anastasi III, послѣдняя была необыкновенно бдительная и отвѣтственная, какъ то вполне и подобало важности указанныхъ пунктовъ.

Излишне прибавлять, что гарнизонная жизнь въ такихъ глухихъ и микроскопическихъ ячейкахъ не могла не быть жалкой, способствуя окончательному тупѣнію загнанной въ эти щели гарнизы. При несеніи службы за предѣлами государства, въ вассальныхъ странахъ Сиріи и Эѳіопіи, гарнизона сталкивалась съ серьезными опасностями, потому что при непрерывныхъ возстаніяхъ въ вѣчно волновавшихся и скованныхъ съ Египтомъ областяхъ, ей на каждомъ шагу угрожало истребленіе, такъ сказать, высочайше утвержденное, ибо посылая гарнизину въ вассальныя земли правительство знало, что обрекаетъ ее на смерть въ первомъ вспыхнувшемъ возстаніи туземнаго населенія.

Такимъ образомъ военный характеръ службы мирнаго времени исчерпывался почти одной гарнизоной какъ въ собственной странѣ, такъ и за ея предѣлами, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ войска несли несвойственную имъ полицейскую службу; отряды ихъ сопровождали транспорты, экспедиціи, охраняли рудники и каменоломни, конвоировали преступниковъ, поддерживали спокойствіе среди жителей и т. д., однимъ словомъ превращались въ полицію „усиленнаго наряда“, столь ненавидимую населеніемъ, которое страшилось этихъ „охранителей“ пуще враговъ и, при случаѣ, дубьемъ отгоняло ихъ отъ своихъ мѣстъ.

Для повѣрки службы и осмотра вооруженія и снаряженія въ египетской арміи производились инспекторскіе смотры или са-

мимъ фараономъ или лицами, командированными по его приказанію; въ послѣднемъ случаѣ о результатѣ смотра инспектора представляли установленный рапортъ. Провѣркѣ подлежало и офицерское снаряженіе.

Изъ одного рапорта, приведеннаго нами выше, оказывается, что офицерамъ полагалась казенная прислуга, которую также представляли на смотръ. Въ чемъ собственно состоялъ послѣдній—прямыхъ указаній нѣтъ; можно только догадываться, что цѣль смотра сводилась къ уясненію матеріальныхъ нуждъ арміи и къ провѣркѣ всѣхъ выданныхъ воинамъ казенныхъ вещей, снаряженія, оружія, жалованія и т. п. съ тѣмъ, чтобы объ оказавшемся донести по начальству.

Сколько кажется, инспектора не брезгали взятками и, получивши мзду, доносили иногда о томъ, чего въ дѣйствительности совсѣмъ не оказывалось и что являлось лишь результатомъ сорваннаго этими хапугами довольно изряднаго куша.

О наградахъ по службѣ мы знаемъ очень мало. Достоверно извѣстны только повышеніе должностями и пожалованіе „золотыхъ даровъ“, напомилавшихъ, по значенію, наши ордена съ мечами, какъ это, повидимому, явствуетъ изъ надписи уже не разъ упомянутаго нами военачальника Аменемхиба ¹⁾).

Надо думать, что погоня за внѣшними отличіями была въ Египтѣ не меньше, чѣмъ въ наше время и какой нибудь негодующій старикъ-царедворецъ, обойденный кавалеріей, не только бросался въ оппозицію, но иногда принималъ и участіе въ заговорѣ противъ правящей династіи. Такъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ гоньба за „золотыми дарами“ принимала въ странѣ фараоновъ видъ настоящей орденманіи. Надпись гробницы военачальника Аамеса въ Эль-Кабѣ съ необыкновенной тщательностью перечисляетъ всѣ полученные имъ „золотые дары“, которыми, судя по упомянутой надписи, онъ былъ награжденъ восемь разъ „передъ лицомъ всей страны“.

А старому соратнику Тутмеса III, Аменемхибу за его подвиги былъ пожалованъ „изъ чистѣйшаго золота левъ“, не считая другихъ наградъ „за храбрость“, которыя всѣ тщательно перечислены на его гробницѣ. Ни о какой постепенности въ пожалованіи наградъ не можетъ быть и рѣчи: онѣ жаловались произвольно, по царскому усмотрѣнію, и лишь ближайшимъ соратникамъ; низшее офицерство, вѣроятно, не могло объ нихъ даже мечтать: до такой степени цѣнили его волною проливавшуюся кровь!..

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* XIV, 335.

Продовольствіе, положенное для арміи во время похода, заключалось въ выпеченной изъ плотнаго тѣста лепешкѣ, черной, плоской и твердой какъ камень, которую прежде, чѣмъ ѣсть предварительно необходимо было размягчить въ водѣ ¹⁾. Довольствіе мясомъ производилось при помощи убоя порціоннаго скота, который гнался въ хвостѣ арміи, съ обозомъ, для чего, надо полагать, имѣлись скоторѣзы.

Здѣсь какъ будто нашло себѣ примѣненіе извѣстное выраженіе Наполеона I-го: „L'art de vaincre; c'est l'art de subsister“. О винномъ довольствіи намъ ничего неизвѣстно, хотя весьма возможно, что оно существовало не для однихъ начальствующихъ лицъ.

Хлѣбныя лепешки были единственнымъ видомъ довольствія, выдававшегося изъ особыхъ магазиновъ, при чемъ нерѣдко случалось, что оно застревало у амбарныхъ смотрителей или выдавалось со значительными урѣзками, шедшими въ пользу чиновныхъ паразитовъ, кормившихся у солдатскаго пайка.

Путевое довольствіе войска носили при себѣ, получая его на руки.

Фуражъ, въ видѣ сѣна и зерна, везли въ обозѣ только тогда, когда армія двигалась по пустынѣ или вообще по бесплодной мѣстности, а при вступленіи войскъ въ хлѣбородныя области фуражное довольствіе, какъ слѣдующее отъ казны, прекращалось и добывалось уже собственнымъ попеченіемъ „фуражировъ“, иначе говоря, оно взималось съ жителей въ видѣ дани, а то и просто отнималось по праву войны, при чемъ заодно съ нимъ грабилось и многое другое.

Реквизиціонная система находилась въ зародышѣ и не простиралась дальше первыхъ робкихъ и неувѣренныхъ попытокъ къ правильной организаціи системы довольствія.

Чтобы вознаградить войска за труды походной жизни и въ то же время навести страхъ на жителей враждебныхъ государствъ, области, занятыя египтянами, съ разрѣшенія фараона, отдавались на грабежъ.

Такъ послѣ разграбленія и опустошенія Арадской области (въ Финикии) Тутмесомъ III, обиліе въ станѣ побѣдителей настолько было велико, что войны могли ежедневно опиваться оливковымъ масломъ,—

---

¹⁾ Въ Берлинскомъ музеѣ находится кусокъ хлѣба, испеченный около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ и найденный въ саркофагѣ Ментуготепы, жены одного изъ фараоновъ XVIII-й династіи. Кусокъ имѣетъ видъ угля и твердъ, какъ камень. Около него найдены частицы ржи и миндаля.

роскошь, которую они позволяли себѣ дома лишь по праздничнымъ днямъ ¹⁾).

Правило о томъ, что война должна кормить себя сама, формулированное только въ новѣйшія времена, неукоснительно соблюдалось фараонами и въ связи съ крайней нетребовательностью войскъ, ограниченныхъ въ своихъ матеріальныхъ нуждахъ, сильно вліяло на малочисленность двигавшагося за арміей обоза.

Послѣдній состоялъ большею частью изъ четырехколесныхъ повозокъ со сплошными колесами и дышловой запряжкой; въ повозки впрягались упряжные быки и ослы по расчету 2-хъ, 4-хъ и даже 6-ти на одну повозку. Независимо отъ колеснаго обоза, при арміи существовалъ вьючный обозъ, также весьма незначительный, при чемъ его таскали ослы, предназначавшіеся въ равной мѣрѣ для перевозки больныхъ или раненыхъ военныхъ чиновъ ²⁾).

Въ обозѣ возились боевые припасы, провіантъ (для начальствующихъ лицъ), лагерныя принадлежности, походныя кухни, фуражъ, пожитки начальниковъ и т. п. Сзади гнался порціонный скотъ,—главнымъ образомъ козы и овцы—убой котораго производился по мѣрѣ надобности. Съ обозомъ же шелъ нестроевой элементъ—писаря, музыканты и, если вѣрить Діодору, военные врачи, которые пользовались больныхъ или раненыхъ военныхъ чиновъ во время похода, а при расположеніи бивакомъ открывали нѣчто подобное нашимъ полевымъ госпиталямъ. Сверхъ того при обозѣ находились *camp followers*—публичныя дѣвки.

Египтяне какъ будто предвосхитили извѣстную мысль Ификрата, утверждавшаго, что тотъ солдатъ лучше дерется, который удовлетворилъ своему сладострастію.

Дѣйствительно, между послѣднимъ и кровавымъ побоищемъ, а равно и жестокостью есть какая то темная и таинственная психологическая связь, что, между прочимъ, видно изъ того, что у офицеровъ и у солдатъ послѣ боя всегда замѣчается подъемъ полового аппетита.

Древній египтянинъ по своему характеру былъ удивительный сластена, обуреваемый какой то гипертрофіей полового любопытства, и эта черта всегда отмѣчается историками. Понятное дѣло, что при такомъ эротическомъ возрѣніи и вообще при задаткахъ распутства,

¹⁾ «*Annales de Thutmes III*», 1—7. Буквальныя слова надписи: «Тамъ войны упились и умастили себя елеемъ, какъ дѣлаютъ то въ праздничные дни въ землѣ египетской».

²⁾ *Papyrus Anastasi III*, табл. 2, стр. 10.

женщина была ему гораздо нужнѣе хлѣба, экономію на которомъ можно было загнать именно путемъ причисленія публичныхъ дѣвокъ къ штату „нестроевого“ элемента арміи.

Какова же была участь египетскихъ офицеровъ, этихъ неизмѣнныхъ хранителей духа и традицій арміи? Отвѣтъ на указанный вопросъ заключается въ двухъ папирусахъ, содержаніе которыхъ приводится вслѣдъ за симъ.

«Почему тебѣ кажется—спрашиваетъ жрецъ-наставникъ своего воспитанника, что пѣхотный офицеръ счастливѣе писаря? Хочешь, я опишу тебѣ участь пѣхотнаго офицера и всю силу испытываемыхъ имъ бѣдствій?! Его уводятъ еще ребенкомъ, чтобы запереть въ казармѣ; у него рана на животѣ, рана на глазу и брови разсѣчены рубцами, а на головѣ у него образуются гноящіяся язвы (Это описаніе ранъ, являвшихся слѣдствіемъ тренія о тѣло и голову металлическихъ латъ и шлема). *Его бытъ, какъ связку папируса и онъ совсѣмъ разбитъ палкой.* Послушай теперь, что я разскажу тебѣ объ его походахъ въ Сирію и его экспедиціяхъ въ отдаленныя страны? Онъ несетъ на себѣ свой хлѣбъ и воду; онъ навьюченъ какъ оселъ и ему кажется, что позвонки его спины надтреснуты. Вѣчно проводитъ онъ время на часахъ и въ караулѣ, а утоляетъ жажду гнилой водой. Настигаетъ-ли онъ непріятеля, онъ дрожить, какъ гусь, ибо члены его не имѣютъ болѣе силы. Возвращается-ли онъ, наконецъ, въ Египетъ—онъ похожъ на палку, избѣденную червями. Боленъ-ли онъ, придется-ли ему слечь,—его увозятъ на ослѣ (см. выше), одежду его похищаютъ воры, денщики его разбѣгаются. Подумай объ этомъ, дитя мое и перемѣни мнѣніе, которое ты составилъ себѣ о писарѣ и объ офицерѣ...¹⁾

Такова участь пѣхотинца, но немногимъ лучше живется кавалерійскому офицеру или всаднику на колесницѣ, какъ это можно заключить изъ письма писаря А меномопита къ своему пріятелю Пенбиситу:

«..... Послушай, какъ утомительны обязанности офицера, командующаго боевыми колесницами. Когда родители отдають его въ школу, то изъ пяти рабовъ, имѣющихся у него, онъ долженъ отдать двухъ (вѣроятно, какъ плату за ученіе). Обучившись всему, онъ ѣдетъ выбирать себѣ упряжь въ конюшнѣ въ присутствіи Его Святости. Получивъ хорошихъ кобылицъ, онъ не помнитъ себя отъ радости. Чтобы доѣхать до своего города, онъ пускаетъ лошадь въ галопъ, но *галопировать онъ способенъ, развѣ, на палкѣ!* Не зная, что съ нимъ можетъ случиться въ будущемъ, онъ передаетъ свое владѣніе родителямъ, затѣмъ привозитъ себѣ колесницу, дышло которой вѣситъ три утну, тогда какъ

¹⁾ Papyrus Anastasi III, таб. V, 5. Э. де-Руже «Discours d'ouverture», 34—35; Maspero «Du genre épistolaire», 41—42.

сама колесница вѣситъ пять утнѣ 1). Поэтому, когда онъ хочетъ пуститься вскачь на своей колесницѣ, онъ принужденъ сойти на землю и тащить ее. Онъ берется за нее, но запутывается въ возжахъ и падаетъ въ терновникъ, гдѣ скорпионъ насквозь прокусываетъ ему пятку. А когда производятъ провѣрку выданнымъ ему вещамъ, тогда бѣдствія его достигаютъ послѣднихъ предѣловъ: *его растягиваютъ на землю и даютъ ему сто ударовъ палкой!*" 2).

Если даже и предположить, что авторы приведенныхъ папирусовъ умышленно сгустили краски, описывая современный имъ офицерскій бытъ какъ рѣзкую противоположность съ безпечальнымъ житьемъ писаря, то все же нарисованная ими картина довольно неутѣшительна, подтверждающая жалкое существованіе загнаннаго офицерства,—представителя лучшихъ нравственныхъ сторонъ арміи.

Но замѣчательнѣе всего то, что папирусы эти были написаны въ царствованіе Рамзеса II, подъ звуки побѣдныхъ пѣсенъ и громъ триумфальныхъ колесницъ.

Что же, спрашивается, было позднѣе, когда въ силу историческихъ условій нравственная сила египетской націи оказалась исчерпанной и когда монархія фараоновъ отъ нападенія перешла къ отчаянной самооборонѣ? Загнанный, заплеванный и нравственно початый офицеръ отказывался отъ службы, бывшей его злощей мачихой, онъ уже не хотѣлъ мѣшаться въ то дѣло, въ которомъ его на каждомъ шагу ожидали оскорбленія, насмѣшки и побои и охотно предоставлялъ правительству вѣдаться съ врагами какъ оно знаетъ. Пришлось замѣнить его, правда, болѣе искуснымъ и предприимчивымъ, но за то и болѣе жаднымъ, корыстолюбивымъ и сознавшимъ себя цѣну наемникомъ, который явился не защитникомъ населенія, а его палачемъ,—печальное наслѣдіе Саисской эпохи!...

Эта „шурта“ была уже прямымъ орудіемъ позднѣйшихъ фараоновъ, которые находили въ ней средство держать въ уздѣ своихъ обобранныхъ до чиста подданныхъ, но уже не о какихъ экспедиціяхъ и отдаленныхъ завоеваніяхъ не могло быть и рѣчи.

Наступили сотни лѣтъ жалкаго упадка, раздѣленія, чужеземныхъ вторженій и Египеть, какъ будто предчувствуя свою роковую кончину, подготовилъ грандіозную эмиграцію своей арміи въ Эіопію, а самъ, лишенный національныхъ жизненныхъ соковъ, началъ сначала медленно, потомъ быстрѣе и быстрѣе истекать кровью. Угасло офицерство,—угасъ и Египеть.

1) Здѣсь говорится о колесницѣ для грузовъ, конструкція которой неудобна и части которой плохо соразмѣрены. (См. Maspero «Histoire ancienne», VI, 272).

2) Papyrus Anastasi III, табл. VI, стр. 2—10.

Офицерство — камень прочный, но при недостаточной заботливости, при презрѣннѣи къ его нуждамъ и потребностямъ и его можно превратить въ сыпучій песокъ, представляющій не опору, а предательски разступающійся подъ всякимъ давленіемъ. Страна фараоновъ нагляднѣе, чѣмъ всѣ остальные монархіи древняго Востока доказала, что при чудовищномъ господствѣ тунеяднаго чиновничества, духовная энергія офицерства почти сводилась на нѣтъ, а отлетѣвшая душа послѣдняго увлекла въ глубокую пропасть и все національное зданіе, заботливо сооружаемое фараонами Древняго Царства....

8. Морское дѣло. Вся хозяйственная жизнь жителей нильскаго оазиса могла ихъ направить если не къ мореплаванію, то по крайней мѣрѣ къ плаванію по Нилу и его безчисленнымъ рукавамъ. Дѣйствительно, судно играло въ ихъ жизни весьма важную роль, и большія суда, ходившія по священной рѣкѣ, указываютъ намъ на успѣхи, имѣвшіе существенное вліяніе на будущность мореплаванія.

Какъ свидѣтельствуютъ рисунки стѣнной живописи въ гробницахъ Бени-Хассана и въ пирамидахъ Гизеха, корпусъ древне-египетскаго судна заканчивался круглымъ килемъ, имѣлъ значительно приподнятую корму и носъ, снабженный чѣмъ то въ родѣ металлическаго водорѣза, прикрѣпленнаго веревками. Корма устраивалась длиннѣе и выше носа, заканчиваясь металлической фигурой лотоса. Къ кораблю придѣлывался руль, состоявшій изъ двухъ большихъ веселъ, которыя опирались на двѣ вертикальныя стойки, при чемъ управление ввѣрялось особо назначенному для того рулевому. На кормѣ и на носу устраивались особыя возвышенія съ галлереями, — намекъ на баки позднѣйшихъ военныхъ кораблей. Высокая мачта (иногда ихъ было двѣ) возвышалась отвѣсно посреди судна и укрѣплялась четырьмя подпорками, по двѣ съ каждой стороны. Между двумя реями натягивался парусъ, изображеніе котораго имѣется въ числѣ іероглифическихъ знаковъ.

Трюмъ не былъ глубокъ и потому могъ вмѣщать самое ограниченное количество клади въ видѣ оружія, провіанта, тюковъ съ товарами и т. п. Гребцы помѣщались на узкихъ скамьяхъ, прислоненныхъ къ бокамъ корабля, а между скамьями оставлялось свободное мѣсто для воиновъ или, въ коммерческихъ судахъ, для пассажировъ, предназначенныхъ къ перевозкѣ.

Экипажъ корабля состоялъ приблизительно изъ 50—60 человекъ, изъ числа которыхъ, почти половину составляли гребцы, раздѣлявшіеся на двѣ смѣны въ 12—15 человекъ каждая; кромѣ того на суднѣ

находились два „морскихъ волка“ (рулевые), четверо марсовыхъ матросовъ, лоцманъ и, наконецъ, главный начальникъ корабля, — капитанъ.

Военныя суда имѣли каждое свое особое наименованіе, какъ это видно изъ надписи гробницы военачальника Аамеса, напимѣръ „Теленокъ“, „Съверъ“, „Восходъ въ Мемфисѣ“ и т. п. 1).

Во время морского сраженія высокіе края судна, возвышавшагося своими обшивками, предохраняли гребцовъ и экипажъ отъ неприятельскихъ стрѣлъ, такъ что издали можно было только различить однѣ головы гребцовъ. Двое стрѣлковъ ставились на переднемъ помостѣ, третій помѣщался на марсѣ, а остальные разставлялись по палубѣ и на заднемъ помостѣ, откуда и поражали своими стрѣлами экипажъ неприятельской галеры 2).

Хотя монархія фараоновъ почти не знала моря, владѣя незначительными морскими берегами, усѣянными дюнами и болотами, но судостроеніе въ ней развилось весьма рано, чему, безъ сомнѣнія, способствовали періодическіе наводненія, которымъ подвергалась страна.

Мы видѣли, что разливъ Нила превращалъ весь Нижній Египетъ въ одно сплошное огромное озеро: города, мѣстечки и дома, построенные на природныхъ или искусственныхъ возвышеніяхъ, выступали изъ воды на подобіе острововъ. По всѣмъ направленіямъ плавали безчисленныя лодки, изъ которыхъ многія были сдѣланы изъ выдолбленнаго дерева или даже изъ связанныхъ вмѣстѣ глиняныхъ черепковъ 3).

Но уже на стѣнахъ древнѣйшихъ мемфисскихъ гробницъ встрѣчаются изображенія, представляющія изготовленіе лодокъ изъ коры стеблей папируса. Чтобы сдѣлать ихъ водонепроницаемыми, ихъ осмаливали особой смолой. Будучи настолько легкими, что лодочникъ свободно могъ унести свой челнъ на плечахъ, онѣ являлись самымъ распространеннымъ типомъ судна вдоль всего Нила и считались весьма прочными. На позднѣйшихъ памятникахъ мы уже видимъ плывущія съ грузомъ большія рѣчныя суда со снастями, каютами, словомъ со всѣми принадлежностями настоящаго судна. Они плавали по всей судоходной части Нила и поддерживали весьма оживленныя сношенія между разными мѣстностями государства 4).

1) Вруншъ, *ibid.* XII, 253.

2) Maspero. «Lectures historiques» IX, 136.

3) Страбонъ, XVII, p. 788. Тувен XV, 126; Heliodor. Aetn. I, 31.

4) Вейсъ, *loc. cit.* 74—75.

На случай перевозки войскъ транспортныя суда были приспособлены къ поднятiю десанта, а равно и сопровождавшаго его обоза, грузившагося вмѣстѣ съ упряжными быками и ослами въ особыхъ помѣщенiяхъ и на палубѣ.

Что касается до посадки войскъ на суда, ея послѣдовательности и подъемной силы различныхъ перевозочныхъ средствъ, то свѣдѣнiя по этимъ вопросамъ отсутствуютъ. Извѣстно только, что александрийскiя грузовыя суда достигали 180 футовъ длины, сидѣли въ водѣ на 40 футовъ слишкомъ и поднимали грузъ въ 1.575 тоннъ; снаружи они окрашивались въ различные цвѣта и въ числѣ другихъ украшенiй на каждой сторонѣ носа находилось изображенiе того божества, имя котораго носило судно. Въ верфи Путеоли показывали первый Александрийскiй корабль „Акатъ“, пришедшiй при Августѣ въ Остiйскую гавань, на которомъ былъ привезенъ въ Римъ обелискъ для *signus maximus*; кромѣ обелиска на немъ находилось 1.200 пассажировъ, огромный грузъ пшеницы, папируса, селитры, полотна и проч. ¹⁾ Но, конечно, такая подъемная сила явилась лишь въ послѣдствiе, когда фараоновскiй Египетъ уже не существовалъ и мѣсто его царей сначала заняла греческая династiя Птолomeевъ, а затѣмъ — въ римскую эпоху — цезари. Вернемся, однако, къ древне-египетскому мореплаванiю.

Лодки или шлюпки фараоновъ блистали позолотой, яркими красками и разноцвѣтными парусами изъ дорогихъ матерiй, отличаясь сверхъ того отъ остальныхъ судовъ соотвѣтственными символическими украшенiями.

Итакъ египтяне почти не знали моря, но за то, какъ сказано, съ самаго дѣтства священнiй Нилъ приучилъ ихъ управлять парусами и веслами и опытъ, приобрѣтенный въ прѣсныхъ водахъ, облегчалъ для нихъ трудъ приспособленiя къ водамъ соленымъ. Тѣмъ не менѣе о плаванiи по Средиземному морю въ древнѣйшiя времена мы ровно ничего не слышимъ. Немаловажное препятствiе къ развитiю мореплаванiя составляли, съ одной стороны, недостатокъ лѣсного матерiала въ нильскомъ оазисѣ (см. выше), а съ другой — свойства морского берега Дельты.

Въ силу указанныхъ причинъ фараоновскiй Египетъ, несмотря на близкое сосѣдство съ обѣими морями, никогда не могъ возвыситься до положенiя морской державы. Геродотъ увѣряетъ, что Рамзесъ II завелъ на Красномъ морѣ флотъ изъ четырехсотъ судовъ и что онъ былъ первымъ изъ фараоновъ, построившихъ военныя корабли ²⁾.

¹⁾ Catal. imp. въ *Abhdlgn. d. Sächs. Gesch.* II, 1; *Plin.* I п XVI, 201.

²⁾ Геродотъ, II, 102.

Это пустая болтовня. Рамзесъ II не имѣлъ флота и морскія экспедиціи начались много вѣковъ спустя послѣ его смерти (исключая, конечно, экспедиціи въ Пунтъ въ эпоху XVIII династіи, около 1650 г. до Р. X. при царицѣ Хатасу (см. ист. Египта въ Ново-Фиванскій періодъ).

Ко времени царствованія фараона Нехао или Нико II (XXVI династіи, Саисскій періодъ) относится удачная попытка состоявшихся на службѣ фараона финикійскихъ мореплавателей объѣхать африканскій материкъ. Такое смѣлое предпріятіе было тѣмъ опаснѣе для тогдашнихъ мелкихъ судовъ, что моряки все время должны были держаться вблизи материка, не говоря уже про то, что плаваніе вдоль скалистаго африканскаго берега не могло не быть сопряжено съ значительными затрудненіями. Но опытные финикійскіе матросы удачно справились съ препятствіями. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ они плыли все къ югу вдоль негостепримнаго берега, имѣя материкъ съ правой руки, а востокъ—съ лѣвой.

Съ наступленіемъ осени они высадились на ближайшій берегъ, посѣяли тамъ хлѣбъ, сѣменами котораго запаслись на родинѣ и, дождавшись жатвы, собрали хлѣбъ и тотчасъ же пустились опять въ море ¹⁾. Точное воспоминаніе о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ и открытіяхъ скоро утерялось: извѣстенъ только тотъ фактъ, что достигнувъ опредѣленнаго мѣста, финикіяне съ удивленіемъ замѣтили, что солнце какъ бы измѣнило свой обычный ходъ и стало вставать справа отъ нихъ.

Сообщая объ этомъ путешествіи (продолжавшимся три года), Геродотъ отказывается вѣрить, чтобы финикійскіе мореплаватели могли видѣть солнце по правую руку, а между тѣмъ именно это наблюденіе, которое финикіяне не могли изобрѣсти, служить прямымъ доказательствомъ того, что смѣлое предпріятіе выполнено ими на самомъ дѣлѣ, ибо, дѣйствительно, перейдя экваторъ, они должны были видѣть солнце по правую руку, въ сѣверномъ направленіи.

Мы нарочно остановились на приведенномъ фактѣ, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о второй морской экспедиціи, предпринятой фараонами съ цѣлью расширенія коммерческихъ сношеній. (Первая экспедиція была, какъ сказано выше, отправлена въ страну Пунтъ,—мѣстность къ югу отъ Коссеира, между южной Аравіей и африканскимъ берегомъ Сомали).

Что же касается до устройства гаваней на берегу Дельты, то эти искусственныя сооруженія появились лишь въ позднѣйшій пері-

¹⁾ Геродотъ, IV, 144.

одъ египетской исторіи, когда потребность въ нихъ назрѣла настолько, что ихъ существованіе стало уже политической необходимостью. Но торговые суда, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ рисункамъ, отличались слишкомъ дурной конструкціей, чтобы быть вполне пригодными для морского плаванія; построенныя по образцу нильскихъ судовъ, они не имѣли трюма, и товары складывались прямо на борту. Въ періодъ римскаго владычества морская торговля Египта (о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ) получила широкое распространеніе. Плиніи пишетъ, что видѣлъ флотъ изъ ста двадцати кораблей, настоящій морской караванъ, плававшій по Красному морю изъ Египта въ Индію. Это путешествіе, не всегда безопасное, длилось туда и обратно около семи мѣсяцевъ при попутныхъ муссонахъ, при чемъ торговые суда сопровождались особымъ военнымъ прикрытіемъ для защиты отъ нападеній пиратовъ ¹⁾.

Примѣромъ (кажется единственнымъ) морского сраженія, „великой битвы на водѣ“ является бой при Мигдолѣ, между Рафіей и пелузійскимъ рукавомъ Нила, гдѣ фараонъ Рамзесъ III одержалъ блестящую побѣду, о которой намъ сообщаютъ надписи храма побѣды. Въ виду того, что подробности упомянутаго сраженія будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, при обзорѣ внѣшней дѣятельности фараоновъ XX династіи, мы считаемъ достаточнымъ ограничиться здѣсь однимъ упоминаніемъ о Мигдольскомъ побоищѣ.

9. Сельское хозяйство.

Сельско-хозяйственная дѣятельность древнихъ египтянъ извѣстна намъ въ достаточной степени, благодаря свидѣтельству памятниковъ и надгробныхъ рисунковъ, изображающихъ то ту, то другую сторону ихъ сельско-хозяйственнаго быта, а равно наглядно представляющихъ наиболѣе важные моменты полевыхъ занятій и работъ подданныхъ фараоновъ.

1. Земледѣліе. Богатство Египта основано на земледѣліи, которому принадлежитъ безусловно преобладающая и первенствующая роль и для котораго утилизируется каждый клочекъ земли. Въ важнѣйшіе праздники самъ фараонъ выѣзжалъ на священную рѣку на великолѣпно украшенномъ кораблѣ и совершалъ на берегу таинства

¹⁾ Pliu. XVI, 202.

въ честь земледѣлія. Жрецы признавали за земледѣльческими орудіями столь же священный характеръ, какъ за священной утварью и распространяли вѣрованіе, что высшимъ счастіемъ человѣка, окончившаго свое странствованіе, будетъ воздѣлываніе священныхъ полей Озириса въ подземномъ мірѣ ¹⁾).

Но хотя земледѣліе вознаграждается здѣсь лучше, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ, однако оно соединено съ тяжелымъ трудомъ, при чемъ наибольшія заботы въ указанномъ отношеніи представляетъ орошеніе.

Систему хозяйства древняго Египта правильнѣе назвать не ирригаціонной, а „регулированной аллювіальной системой“, составляющей естественный переходъ отъ первобытной болотной системы къ ирригаціонной-полевой, т. е. съ искусственнымъ орошеніемъ; зачатки послѣдней въ видѣ поливки садовъ и огородовъ, мы видимъ, уже начиная съ первыхъ фараоновскихъ династій.

Постепенно развиваясь во времени, ирригація достигла впоследствии весьма широкаго примѣненія и, подъ именемъ „Sefi“, или лѣтнихъ культуръ, заняла весьма важное мѣсто въ общей сельско-хозяйственной экономіи новѣйшаго Египта. Она была естественнымъ переходомъ къ четвертой и послѣдней стадіи эволюціи земледѣлія—нагорному хозяйству, и въ особенности, степному, равнинному, которое въ Египтѣ въ виду особенностей среды могло проявиться лишь въ самой зачаточной формѣ ²⁾). Библия свидѣтельствуетъ, что орошеніе въ Египтѣ примѣнялось въ значительныхъ размѣрахъ. „Тамъ (т. е. въ Палестинѣ) не такъ, какъ въ Египтѣ, гдѣ во время посѣва напаиваютъ почву водою, дѣйствуя ногами ³⁾).

Орошаемая земля носила наименованіе ш а р а к ѣ, а только затопляемая—„gei“ или „gaie“. При помощи ш а д у ф ѣ (водокачки) или с а к і е (древнѣйшей ирригаціонной машины) земледѣлецъ доставляетъ необходимую влагу значительно отдаленному иногда своему пахотному полю.

Какъ подобный порядокъ вещей существуетъ въ Египтѣ въ настоящее время, такъ равно существовалъ и въ вѣкѣ фараоновъ съ тою лишь разницею, что тогда и способы орошенія и порядокъ производства полевыхъ работъ были еще примитивнѣе.

На безчисленныхъ надгробныхъ картинахъ мы видимъ распашку полей, сѣяніе, сборъ жатвы, свозку хлѣба, уборку его въ склады и

¹⁾ Бругшъ, loc. cit, II, 82.

²⁾ Клингенъ, цит. соч. VI, 32.

³⁾ Кн. Второзаконія, V, 10.

т. п. Главными земледѣльческими орудіями являлись мотыга, соха, плугъ и серпъ.

При помощи мотыги, которая, какъ прототипъ перваго упряжнаго земледѣльческаго орудія, весьма близко подходила къ русской сохѣ, земледѣлецъ разрыхлялъ глыбы земли и тутъ же бросалъ въ нее сѣмена.

Соха состояла изъ деревяннаго сошника, связаннаго деревяннымъ брускомъ съ дышломъ, снабженнымъ рукоятками, при помощи ивовой плетяной обвязи. Для тяжелой, мало обводнявшейся почвы употреблялся впоследствии болѣе прочный плугъ съ пятой и рукоятками. Сошникъ плуга оканчивался мѣднымъ наконечникомъ-лемехомъ; первоначально плугъ не имѣлъ отвала, лемехъ его былъ узкій и плоскій, предназначенный исключительно почти для рыхленія, а не для оборачиванія пласта. Примѣненіе его было, вообще, ограничено ¹⁾.

Серпъ, изображенія котораго встрѣчаются уже на древнѣйшихъ гробницахъ, состоялъ изъ изогнутой деревянной пластинки съ рукояткой; внутреннее ребро ея выдолблено въ видѣ узкаго желоба, и въ него вплотную насажены мельчайшіе кремневые зубья; впоследствии появились металлическіе серпы.

Чтобы втоптать зерно, по засѣяннымъ нивамъ прогоняли скоть, главнымъ образомъ (вѣроятно первоначально) свиней, которыя специфическими особенностями своей походки наилучшимъ образомъ выполняли роль первобытнаго запашника. Для той же цѣли употребляли также и козъ; „прогонъ козъ“ изображенъ на стѣнахъ древнѣйшихъ пирамидъ Гизеха.

Пахали быками, которые тянули при помощи головного ярма, почему то часто отсутствующаго на изображеніяхъ. Зрѣлый хлѣбъ жали серпомъ, собирали въ кучи, сметая метлами или сгребали зерновымъ гребкомъ (длинная съ развилиной на концѣ палка), связывали въ короткіе снопы и упаковывали въ особые мѣшки, которые везли на топчакъ, гдѣ прогонявшійся черезъ нихъ скоть вымолачивалъ такимъ образомъ хлѣбныя зерна.

На надписи одной изъ гробницъ Вг. el.-Kав., находящейся надъ быками, вымолачивающими ногами зерна, мы читаемъ такой припѣвъ: „молотите, молотите, бычки, для себя молотите и для хозяина и да успокоится сердце ваше. Не давайте себѣ отдыха, вѣдь прохладенъ нынче день“.

¹⁾ Клингенъ, *ibid.* 301.

По окончаніи всей процедуры хлѣбъ вѣяли для удаленія остатковъ шелухи ¹⁾ и очищенное зерно ссыпали въ амбары, т. е. особыя строенія со сводчатой или плоской крышей, въ которой продѣлывалось отверстіе для всыпанія зерна, а внизу амбара устранивался родъ небольшой двери, предназначенной для выпораживанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ внутреннее пространство житницы разгораживалось на узкія сводчатыя помѣщенія—засѣвки, располагавшіяся другъ надъ другомъ и между собою не сообщавшіяся; иногда же хлѣбные запасы складывались скирдами на огороженныхъ дворахъ.

Итакъ главная тайна египетскаго земледѣлія заключалась не въ томъ, чтобы рыхлить землю возможно усовершенствованными орудіями, изобрѣтеніе которыхъ было къ тому же не подъ силу древнему египтянину,—а въ наиболѣе совершенномъ использованіи важнѣйшихъ даровъ Нила: влаги и плодороднаго ила.

Въ древности Египетъ слылъ житницей свѣта и если онъ утратилъ эту славу въ наше время, то все же богатство его въ хлѣбномъ отношеніи бесспорно. Какъ велико было плодородіе страны можно видѣть изъ того, что во времена Іосифа избытокъ семи хорошихъ годовъ позволилъ выдержать семь послѣдовавшихъ затѣмъ неурожаевъ. Главнѣйшіе продукты земледѣлія составляли пшеница, ячмень, полба, маисъ (однозернянка) и разновидность сорго—просо дурра, награждавшая земледѣльца урожаемъ самъ 240.

Посѣвы совершались большею частью въ послѣдній періодъ разлитія Нила, приблизительно къ началу нашей зимы, когда рѣка начинаетъ постепенно возвращаться въ свои берега. Уборка жатвы начиналась съ наступленіемъ весны и ее спѣшили окончить до того времени, когда наступало господство шамсина.

Такимъ образомъ египетскій годъ, какъ было это указано въ своемъ мѣстѣ, естественно раздѣлялся на три періода: четыре мѣсяца, приблизительно соотвѣтствовавшіе нашимъ ноябрю, декабрю, январю и февралю,—время посѣва и созрѣванія хлѣбовъ, четыре мѣсяца уборки, по нашему календарю, съ марта по іюнь включительно и, наконецъ, четыре мѣсяца разлива священной рѣки завершаютъ циклъ египетскаго года (см. выше).

На почвѣ, орошаемой искусственно посредствомъ послѣдовательнаго орошенія получается второй и даже третій сборъ, но, понятное

¹⁾ Вѣяніе производилось на широкихъ плоскихъ совкахъ или лопатахъ съ короткими рукоятками. Одинъ изъ рисунковъ изображаетъ надсмотрщика, держащаго въ рукахъ что то въ родѣ ручного шуа, которымъ, вѣроятно, онъ время отъ времени испытываетъ добротность хлѣба.

дѣло, для достиженія подобныхъ результатовъ сама природа страны должна была вызвать населеніе на неустанную борьбу по управленію наводненіемъ, побуждая его къ выполненію общественныхъ работъ.

Слѣдствіемъ успѣшности борьбы съ нильскимъ наводненіемъ явилось то обстоятельство, что *жатва въ Египтѣ могла быть предсказана и заранее распределена*, а потому предварительныя земледѣльческія соображенія покоились почти на математически-точныхъ расчетахъ; жрецы провозглашали до какой высоты поднялась вода на ниломѣрѣ (восьмигранный столбъ съ высѣченными на немъ отмѣткамн, единицу которыхъ можно принять въ полтора фута и которая, въ свою очередь, подраздѣляется на многія болѣе мелкія части),—и земледѣлецъ дѣлалъ зависѣвшія отъ него приготовленія къ скудной или къ обильной жатвѣ.

Правительство завѣдывало земледѣліемъ, предпринимало и поддерживало искусственныя улучшенія и получало извѣстный налогъ, который взимался въ размѣрахъ, соотвѣтствовавшихъ количеству воды, доставляемой рѣкой каждому земельному участку. Слѣдовательно, земледѣліе въ странѣ фараоновъ было обезпечено и благодаря этому обезпеченію человекъ здѣсь то впервые и сдѣлался цивилизованнымъ.

Подъ страхомъ неминуемой смерти — замѣчаетъ Мечниковъ— рѣка-кормилица внушаетъ населенію солидарность и стремленіе объединить свои силы... Съ перваго взгляда въ прозаичномъ матеріалистѣ-египтянинѣ нельзя было замѣтить ни малѣйшихъ чертъ солидарности. Каждый, казалось, былъ поглощенъ эгоистическими заботами о самосохраненіи и, однако, едва только наступалъ моментъ общественныхъ работъ, всѣ хватались за нихъ со страстнымъ рвеніемъ истинно вѣрующихъ людей, которое такъ легко отличить отъ привычнаго возбужденія при исполненіи повседневной работы ¹⁾.

Пшеница, какъ товаръ, составляла главное богатство древняго Египта; она вызвала мало по малу обширную торговлю съ сосѣдними народами, и Египетъ всегда служилъ житницей для послѣднихъ, особенно во времена господства римлянъ. Во времена Августа Египетъ поставлялъ въ Римъ до 20.000.000 римскихъ модій ($\frac{1}{3}$ мѣрки)—833.000 четвертей. Другіе хлѣба: бобы, чечевица, разныя кормовыя травы явились позднѣе, съ постепеннымъ развитіемъ системы плодосмѣна ²⁾.

Ячмень съ древнѣйшихъ временъ употреблялся на пивовареніе. Дурро воздѣлывалось въ видѣ сплошныхъ полей и давало чудесныя

¹⁾ Мечниковъ, *ibid.* VII, 171—172 (ссылка на Ленормана. *Hist. ancien*).

²⁾ Клингенъ, *loc. cit.* 321.

урожай. Нижняя долина Нила, начинающаяся отъ древняго Мемфиса, по строенію почвы, плодородію и климату существенно отличается отъ верхней; въ ней, благодаря сосѣдству Средиземнаго моря,—болѣе сырой климатъ и атмосферическіе осадки не могутъ не содѣйствовать значительному развитію ниже-египетской растительности.

2. Садоводство. Объ египетской флорѣ мы уже упоминали въ своемъ мѣстѣ и тамъ же перечислили главнѣйшіе виды культурныхъ растений, почему во избѣжаніе повтореній, ограничимся здѣсь, кромѣ общаго обзора, разсмотрѣніемъ одной отрасли садоводства—винодѣлія, имѣвшаго въ странѣ весьма важное экономическое значеніе. Виноградная культура появляется съ самыхъ незапамятныхъ временъ и въ древнѣйшихъ гробницахъ Schweinfurth отыскаль изюмъ изъ большихъ черныхъ ягодъ съ синеватымъ пушкомъ. Нельзя не замѣтить, что климатическія и почвенныя условія хотя, въ общемъ, благопріятствовали здѣсь виноградной культурѣ, тѣмъ не менѣе послѣдняя ограничивалась немногими, сравнительно, округами, да и вино-то не отличалось особенными выдающимися достоинствами.

Судя по изображеніямъ, сохранившимся въ гробницахъ Бени-Хассана, выжимка винограда производилась въ большихъ яйцеобразныхъ мѣшкахъ изъ прочной ткани, повѣшенныхъ горизонтально между двумя отвѣсно стоящими столбами; одинъ конецъ мѣшковъ прикрѣпляется неподвижно, а другой закручивается посредствомъ рукояти, постепенно сжимая содержимое мѣшка. Выдавливаемый сокъ стекаетъ въ подставленные сосуды.

Такимъ образомъ получалось густое, сладковатое сусло, подвергавшееся вслѣдъ затѣмъ отстаиванію, переливкѣ и процѣживанію, при чемъ, во избѣжаніе превращенія сусла въ уксусъ, къ нему примѣшивали смолы. Со времени XVIII-й династіи начали устраивать большіе давяльные чаны кубической формы, иногда съ надстроеннымъ надъ ними плоскимъ балдахиномъ, такъ что чанъ принималъ видъ красиваго павильона; съ верхушки балдахина въ чанъ спускались веревки, за которыя держались рабочіе, давившіе виноградъ ногами. Механическій виноградный прессъ принадлежитъ уже позднѣйшему времени.

Картины изображаютъ намъ обработку виноградниковъ, сборъ винограда, его прессованіе, разливку вина въ кувшины, перенесеніе его въ погребъ и т. п., однимъ словомъ, передъ нашими глазами проносится вся процедура приготовленія вина въ фараоновскомъ Египтѣ. Первыя изображенія, относящіяся къ винодѣлію, появились на стѣ-

нахъ древнѣйшихъ пирамидъ Гизеа за три тысячи лѣтъ до начала нашего лѣтоисчисленія.

Вино сохранялось въ большихъ высокихъ кувшинахъ, закупоренныхъ деревянными или глиняными пробками, обмазанными иломъ, окрашеннымъ, преимущественно, въ синій цвѣтъ и припечатанными клеймами, носившими имена собственника или царствовавшего фараона.

На этикеткахъ обозначалось мѣсторожденіе вина и время сбора винограда. Такъ мы читаемъ: „Годъ XXIII, ввозное вино,—годъ XIX, вино изъ Буто“, и т. д. Вина имѣлись всевозможныхъ сортовъ, бѣлыя и красныя, сладковатыя и неподслащенные: легкое бѣлое вино Мареотиса, воспѣтое Виргиліемъ, вина изъ Пелузіума, Себеннита, вина Гора „повелителя неба“, вина изъ Суны (Сіена), Эіопіи, Сиріи и проч. ¹⁾ На выдѣлку вина, которое въ странѣ всѣ пили охотно, шла, конечно, наибольшая часть собраннаго винограда, остальная часть употреблялась въ свѣжемъ и, отчасти, въ засушенномъ видѣ; выше было упомянуто, что въ древне-египетскихъ гробницахъ найдены ягоды черно-синяго винограда, такъ хорошо сохранившіяся, что позволили весьма точно химически опредѣлить количество содержащагося въ нихъ сахара.

Что касается до торговли виномъ и его сбыта, то на этотъ счетъ памятники совершенно глухи и отвѣта на вопросъ не даютъ.

Хотя въ странѣ фараоновъ можно обнаружить движеніе къ развитію плодоводства, выразившееся въ стремленіи къ культивированію плодовыхъ деревьевъ, изъ которыхъ многія привозились изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, но тѣмъ не менѣе, несмотря на нѣкоторое возрастаніе площади плодовыхъ насажденій, состояніе египетскихъ садовъ въ культурно-техническомъ отношеніи было довольно таки ничтожно: маточныхъ деревьевъ почти не существовало, такъ что, большей частью, даже не знали плодовъ тѣхъ сортовъ, которые находились въ многочисленныхъ фруктовыхъ садахъ, не говоря уже про отсутствіе теоретическихъ свѣдѣній касательно культуры и ухода за плодовыми деревьями.

Кромѣ винограда, лозы котораго располагали въ видѣ саженныхъ сводообразныхъ шпалеръ, воздѣлывалось много другихъ плодовыхъ деревьевъ: гранатовъ, фигъ, *Balanites egypciaca* и проч. (см. Флора), совокупность которыхъ образовывала многочисленные фруктовые сады, украшенные декоративными деревьями, вывозившимися для акклиматизаціи изъ отдаленныхъ странъ Сиріи, Эіопіи и Пунта.

¹⁾ Maspero «Lectures historiques», II, 23—24.

Сады тщательно обрабатывались и поливались. На одномъ изъ гробничныхъ рисунковъ мы видимъ садъ древняго египтянина: въ центрѣ виноградная лоза, окруженная томариндами, маслинами и сикоморами, а по краямъ финиковыя пальмы, смоковницы и цѣлый рядъ декоративныхъ деревьевъ. Среди этихъ чащъ открываются небольшія лужайки цвѣтовъ священнаго лотоса и разноцвѣтныя водяныя розы-кувшинчики, окруженныя кустарниками и цѣлой аллеей сѣровато-зеленыхъ фигъ и пунцовыхъ гранатъ.

3. Скотоводство во всѣхъ его видахъ составлявшее весьма важную отрасль сельско-хозяйственной промышленности фараонскаго Египта, являлось тамъ или тѣсно связаннымъ съ земледѣліемъ или вполнѣ самостоятельнымъ, а мѣстами даже исключительнымъ занятіемъ населенія.

Врожденная египтянамъ любовь къ животнымъ и уваженіе, которое они питали, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, къ нѣкоторымъ видамъ зоологическаго царства, побуждали ихъ, даже ставили имъ въ обязанность заботливо пецись объ охраненіи здоровья прирученныхъ четвероногихъ. Дѣйствительно, намъ извѣстно, что поданные фараоновъ съ рѣдкой внимательностью относились къ своимъ домашнимъ животнымъ; помѣщенія для скота отличались удобствомъ и чистотой.

Въ гробницахъ Бенни-Хассана представлены весьма подробно различныя моменты воспитанія и ухода за скотомъ, начиная съ разведенія; затѣмъ сцены, изображающія помощь ветеринара при рожденіи теленка, дойку, кормленіе ребенка одновременно съ теленкомъ подъ выменемъ коровы. Каждый хозяинъ отмѣчалъ принадлежавшихъ ему животныхъ особымъ знакомъ, который выжигался на тѣлѣ раскаленнымъ желѣзомъ.

Главную часть имущества составляли стада крупнаго рогатаго скота изъ породы, близкой къ зебу, но безъ характеристическаго горба, хотя иногда на изображеніяхъ попадаются горбатые африканскіе быки и камолая (безрогая) порода коровъ. Скотъ этотъ пасся на невоздѣланныхъ земляхъ, въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ, проводя день и ночь подъ открытымъ небомъ, при чемъ водопоемъ для стадъ служили каналы или обширныя лужи, оставленныя наводненіемъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходило естественное увлажненіе почвы, появлялась густая, сочная трава, служившая лучшимъ кормомъ для стадъ, которыя, со своей стороны, отличались прекрасными мясными и рабочими качествами.

По словамъ арабскаго писателя Абдуль-эль-Латифа, древне-египетская корова отличалась весьма большою молочностью; это не покажется удивительнымъ, если принять въ соображеніе, что при хорошихъ кормовыхъ условіяхъ продуктивность стадъ не могла не быть довольно значительной. Большая же удоилвость коровъ обнаруживалась при лучшемъ пастбищномъ кормѣ и древне-египетскіе хозяева отлично сознавали ту истину, что главнымъ рѣшающимъ моментомъ, какъ въ дѣлѣ выращиванія скота, такъ равно и его содержанія, является трава и пастбище.

Виды крупнаго рогатаго скота въ Египтѣ были перечислены выше (см. Фауна) и потому на нихъ здѣсь мы останавливаться не будемъ, замѣтимъ только, что въ виду степного характера западной части Фиваиды скотоводство въ ней достигло наиболѣе крупныхъ размѣровъ въ численномъ отношеніи и носило характеръ мясного и рабочаго скоторазведенія, не говоря уже о надлежащей удоилвости стадъ.

Переходя къ коневодству слѣдуетъ замѣтить, что оно развилось значительно позднѣе, подъ влияніемъ сношеній съ Сиріей въ эпоху азіатскихъ войнъ, т. е. съ періода Новаго Царства, при вступленіи на престолъ представителей XVIII династіи. Какъ сказано выше, лошадь занесена была въ нильскую долину кочевниками-семитами и здѣсь акклиматизировалась, освѣжаясь время отъ времени прилитіемъ посторонней крови степныхъ лошадей, которыя огромными партіями захватывались на полѣ сраженія или доставлялись въ видѣ дани. Сознвая важность улучшенія породы лошадей въ смыслѣ надлежащаго укомплектованія ими конницы и колесничнаго войска, фараоны Новаго Царства обратили особое вниманіе на устройство конскихъ заводовъ (ahait) и государственныхъ конюшенъ, для которыхъ закупались въ Сиріи породистые жеребцы и кобылы. По показаніямъ Діодора, на прибрежной полосѣ между Мемфисомъ и Фивами можно было насчитать сто конюшенъ, изъ которыхъ въ каждой содержались двѣсти лошадей.

Вліяніе обширныхъ казенныхъ заводовъ, составившихъ себѣ громкую славу при XIX династіи и остатки которыхъ можно еще отыскать въ Донголь, къ югу отъ Сіены, было такъ велико, что въ районѣ ихъ расположенія (Фивы, Мемфисъ, Хмуну и Хинензу) образовались особая породы, на цѣлыя столѣтія пережившія существованіе самихъ государственныхъ конюшенъ. Известно ¹⁾, что царь Соло-

¹⁾ Кн. Царствъ, IX, 14.

монъ торговалъ лошадьми въ обширныхъ размѣрахъ, скуная ихъ въ Египтѣ и, надо думать, что экспортъ ихъ въ древнюю Іудею не былъ ничтожнымъ. До чего фараоны высоко цѣнили культивировку лошадей можно судить по тому, что во главѣ коневодства ставились нерѣдко принцы крови.

Про частное коннозаводство мы вѣрныхъ свѣдѣній не имѣемъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что принадлежавшіе военному сословію производители путемъ скрещиванія давали значительное число полукровнаго приплода, шедшаго на усиленіе военно-коневыхъ средствъ монархіи фараоновъ. Что же касается до тяжеловозныхъ породъ, то ихъ въ Египтѣ не существовало вовсе, какъ и на всемъ древнемъ Востокѣ, и тяжести перевозились на быкахъ или ослахъ, выдающихся по силѣ и выносливости животныхъ.

Въ общемъ, преслѣдуя спеціальныя цѣли, коневодство въ Египтѣ оказалось мало доходной статьей и не было въ силахъ конкурировать съ другими видами промышленности; не получая хорошаго сбыта, обезпечивающаго его доходность.

Овцеводство не было особенно развито и ограничивалось, главнымъ образомъ, нѣкоторыми округами Верхняго Египта. Разводилась, преимущественно, порода, близко подходящая къ мериносамъ, — жирногодичныя овцы (*Ovis steatoruga*) съ короткими и тонкими рогами и желтовато-бѣлымъ цвѣтомъ шерсти. Овцы разводились исключительно ради шерсти (ихъ стригли дважды въ годъ), такъ какъ эти животныя не считались долгое время достойными идти на пищу человѣку, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ихъ прямо запрещено было ѣсть. Что касается до потребности въ навозѣ, такъ необходимымъ для земледѣлія и могущимъ быть весьма пригоднымъ къ условіямъ нашего степного хозяйства при значительномъ развитіи овцеводства, — то въ нильскомъ оазисѣ эта потребность всецѣло удовлетворялась иломъ священной рѣки и не нуждалась ни въ какихъ „навозныхъ“ добавкахъ.

Изъ козъ стоитъ упомянуть о горбоносой еврейской козѣ (*Hircus thebaicus*) съ маленькими рожками, длинными ногами и короткой шерстью; всего замѣчательнѣе ея голова, — она чрезвычайно мала и такъ странно сформирована, что рѣзко отличается отъ всѣхъ остальныхъ видовъ козлиныхъ головъ, а узкія, плоскія уши по длинѣ равняются головѣ. Козы весьма часто изображаются на памятникахъ обгладывающими кору деревьевъ и мелкихъ низкорослыхъ кустарниковъ.

Ради полноты упомянемъ здѣсь о свиноводствѣ. Египетская свинья, соединяя въ себѣ качества какъ мясной свиньи, такъ и

сальной, имѣеть грубое сложеніе, высокія и сильныя ноги и длинное рыло съ костистой головой. Такъ какъ подданные фараоновъ почти совсѣмъ не употребляли мяса этого животнаго, считавшагося нечистымъ, то свиноводство ограничивалось, главнымъ образомъ, одной Дельтой, гдѣ свиней разводили для семитовъ, въ то время еще не чуждавшихся свиного мяса.

Пастухи (и свинопасы въ особенности) находились въ презрѣніи у чистокровныхъ египтянъ и составляли особый классъ населенія съ нравами болѣе суровыми и болѣе дикимъ характеромъ, нежели у остальныхъ народныхъ сословій, что, впрочемъ, не мѣшало имъ въ приобрѣтеніи многихъ практическихъ свѣдѣній по свинной, козлиной и овечьей специальностямъ.

Въ большихъ помѣстьяхъ скотные дворы отличались обширностью, такъ, напримѣръ, на гробницѣ Ranni въ Eileithya въ числѣ богатствъ покойнаго упомянуты и его стада, состоявшія, по свидѣтельству надписи, изъ 122 быковъ, 200 барановъ, 2.200 телятъ, 1.200 козъ, 1.500 свиней и т. д. ¹⁾

О птицеводствѣ въ странѣ фараоновъ мы знаемъ немного. Достоверно извѣстно, что домашняя птица, преимущественно, водяная, составляла важную хозяйственную статью.

Изъ птицъ наиболѣе распространены были гуси, которыхъ египтяне всегда держали въ большомъ количествѣ. Искусственная выводка гусятъ и утятъ не безъ основанія приписывается египетскимъ птицеводамъ.

4. Рыболовство въ древнемъ Египтѣ составляло весьма важную отрасль народнаго хозяйства. Отъ древнѣйшихъ временъ сохранились рисунки, изображающіе ловъ и потрошеніе всякаго рода рыбы. Рыбная ловля была однимъ изъ любимыхъ занятій подданныхъ фараоновъ, которой забавлялись одинаково всѣ классы общества, преимущественно, люди богатые; послѣдніе почти поголовно были страстными рыболовами. Изображенія рыбачьихъ челновъ съ веслами встрѣчаются довольно часто на египетскихъ барельефахъ.

Рыболовныя сѣти были очень длинныя, съ широкими петлями, верхній край ихъ поддерживался на поверхности воды деревянными поплавками, а нижній удерживался на днѣ свинцовой тяжестью. Ихъ плели главнымъ образомъ изъ пальмовыхъ лыкъ, камыша и, отчасти, изъ папируса. Изъ найденныхъ во множествѣ принадлежностей рыб-

¹⁾ Brugsch. «Reiseberichte». s. 221.

ной ловли наиболѣе часто попадались метательные гарпуны или остроги, которые можно видѣть и доселѣ у современныхъ негровъ Судана. Иногда двѣ такихъ связывались вмѣстѣ такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было бросить или рядомъ, или на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой.

Затѣмъ были въ употребленіи удочки съ одной или нѣсколькими лесами, невода, мережи съ поплавками и грузилами и т. п. Вообще, все, что имѣетъ какое-либо отношеніе къ водѣ и къ рыбной ловлѣ представлено на памятникахъ съ достаточной полнотой, свидѣтельствующей о развитіи названной отрасли сельскаго хозяйства.

Изъ рыбъ часто попадались латусь (окунь)¹⁾, сипрень, голавль, оксирикъ, фагакъ, угорь, щука и минога. На одномъ гробничномъ изображеніи мы видимъ, какъ стоя на лодкѣ, съ туловищемъ нѣсколько наклоненнымъ впередъ, рыболовъ, погружая свою длинную острогу въ воду, вытаскиваетъ двухъ крупныхъ окуней. На другомъ рисункѣ изображены нѣсколько человекъ, несущихъ на шеѣ пойманныхъ рыбъ, при чемъ послѣднимъ сквозъ жабры продѣты тонкія веревочки. Очевидно египетскіе рыболовы наметались въ своемъ искусствѣ.

Пойманную рыбу взрѣзывали длиннымъ ножомъ и потрошили; затѣмъ, смотря по желанію, ее или солили или сушили на солнцѣ. Значительное количество рыбы шло для корма священныхъ животныхъ: кошекъ, крокодиловъ, ибисовъ и проч., а въ извѣстный день года, согласно религіознаго обычая каждый египтянинъ (кромѣ жрецовъ) долженъ былъ съѣсть передъ дверьми своего дома испеченную рыбу. Обычай этотъ сохранялся очень долго.

При большомъ потребленіи рыбы множество людей занималось рыболовствомъ ради насущнаго хлѣба, придавая такимъ образомъ своему труду значеніе промысла. Особенно богатый уловъ доставляла рыба ходовая, т. е. шедшая въ извѣстное время года на неритинища: устья Нила всегда были переполнены морской и рѣчной рыбой, приходившей сюда для метанія икры и ловимой даже въ моментъ икрометанія сѣтями и острогами.

Но рыболовство, какъ промыселъ, было крайне не развито въ странѣ фараоновъ, производился небольшими ручными орудіями, а

¹⁾ Въ глубокихъ бассейнахъ, образуемыхъ первымъ порогомъ Нила, *lates Niloticus*, по наблюденію Лорте и Гюгунека, достигаетъ болѣе двухъ метровъ длины, между экземплярами, пойманными у Ассуана и тѣми, которые ловили рыбаки древняго Эснеха, не существуетъ никакой морфологической разницы. Какими онѣ были двѣ тысячи пятьсотъ лѣтъ назадъ, такими остались и теперь.

ловцы являлись въ то же время потребителями, продававшими на сторону лишь ненужный для нихъ избытокъ улова.

Нужно добавить еще, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нильскаго оазиса считалось грѣхомъ ѣсть извѣстныхъ рыбъ, игравшихъ роль въ религіи, а позднѣе дошли до того, что запретили, по религіознымъ основаніямъ, употреблять всякаго рода рыбу, но подобное запрещеніе соблюдалось лишь лицами жреческаго сословія, тогда какъ весь свѣтскій Египетъ съ удовольствіемъ ѣлъ эту здоровую и дешевую пищу. Разумѣется, въ ту отдаленную эпоху не могло быть и рѣчи объ обезрыбленіи рѣкъ и озеръ уже по одному тому, что общаго вздорожанія рыбныхъ продуктовъ вслѣдствіе усиленія потребления тогда не существовало и рыба, въ сущности, являлась малоцѣннымъ товаромъ.

Что же касается до культурнаго рыбоводства, то, понятное дѣло, въ странѣ не дѣлалось даже попытокъ къ его созданію и прудовое хозяйство, основанное на разведеніи рыбъ извѣстныхъ породъ, встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія въ позднѣйшую исторію древняго Египта. На памятникахъ эпохи кочевниковъ-семитовъ (см. Исторію Египта) мы видимъ, что рыба приносится въ даръ божеству, чего мы, впрочемъ, совсѣмъ не встрѣчаемъ въ послѣдующую исторію монархіи фараоновъ и потому остается предположить, что приношеніе рыбъ богамъ ограничивалось лишь указаннымъ періодомъ и совсѣмъ не составляло народнаго обычая. Напротивъ, памятники, желая подчеркнуть благочестіе кого либо изъ высшихъ государственныхъ людей или сановниковъ, говорятъ: „онъ былъ чистъ и не ѣлъ рыбъ“. Надо полагать, что тутъ имѣется въ виду исключительно морская рыба, которая, какъ и все происходившее изъ моря, считалась нечистою.

Какъ бы то ни было, но сцены поимки рыбы то и дѣло встрѣчаются на памятникахъ, а на гробницѣ Ратах. Нотер. (эпохи V династіи, см. выше) мы видимъ изображеніе рыбака, въ рукахъ у котораго находится „морская ворона“ (бакланъ), выдрессированная для производства рыбной ловли (см. Фауна).

5. Охота въ Египтѣ не была только забавой, празднымъ препровожденіемъ времени, а являлась, наоборотъ, существенной необходимостью, такъ какъ ею преслѣдовались двѣ цѣли, одинаково важныя: приобрѣтеніе полезныхъ и истребленіе хищныхъ животныхъ.

Съ теченіемъ времени крупные представители семейства кошекъ, какъ, на примѣръ, львы, тигры, леопарды и проч. (см. фауна) были

отгѣснены къ предѣламъ пустыни, при чемъ фараоны истребляли ихъ безъ милосердія, на что имѣются многочисленныя свидѣтельства надписей. Охотничьи снаряды и оружіе были различны, смотря по роду охоты.

Наиболѣе употребительнымъ оружіемъ являлся большой египетскій лукъ съ остроконечными стрѣлами, примѣнявшійся на охотѣ за зайцами, антилопами, дикими козами, страусами и газелями, а для охоты за хищными животными, какъ, на примѣръ, за крокодилами и бегемотами употреблялись багры, копья и металлическія палицы. Ловля боласомъ также часто встрѣчается на памятникахъ.

За птицами охотились при помощи бумеранга, — короткой палки, съ одной стороны выпуклой, а съ другой плоской — который съ силой бросали въ воздухъ и если онъ попадалъ въ птицу, то послѣдняя полумертвая падала на землю; нерѣдко на птицъ устраивалась охота сѣтями, тенетами, силками и другими приспособленіями, изображенными на памятникахъ чрезвычайно вѣрно; въ эти нехитрыя западни попадались дикія утки, перепелки, куропатки, драхвы, дикіе голуби и т. п.

Интересно, что для охоты за дичью преимущественно дрессировали нашего пріятеля кота, котораго приучали къ поноскѣ и который отлично справлялся съ такой, повидимому, совсѣмъ не свойственною ему ролью.

Псовая охота также была очень распространена, при чемъ въ составъ собачей своры входили не только борзые и волчьи собаки, но геноиды и шакалы.

Для извѣстнаго рода охоты употреблялся гепардъ (тигрокотъ или чита), водившійся въ странахъ верхняго Нила и добываемый оттуда съ большими издержками. Это животное представляетъ собою нѣчто среднее между кошкой и собакой: по внѣшнему виду онъ напоминаетъ кошку, — его голова, узоръ мѣха и своеобразное мурлыканье заставляютъ причислить его къ кошачьей породѣ, но когти у него не втяжные, какъ у собаки. Длина тѣла $2\frac{1}{2}$ фута, вышина — $1\frac{1}{2}$ фута. Для дрессировки животное это очень пригодно, тѣмъ болѣе, что нравъ его, сравнительно съ другими крупными кошками, довольно кроткій. Его безъ особаго труда можно приучить къ охотѣ за антилопами; въ неволѣ онъ скоро приручается, теряетъ всякую дикость и, отличаясь собачьей преданностью, никогда не проявляетъ того коварства, которое присуще всѣмъ кошкамъ ¹⁾.

¹⁾ Э. Брэмъ, цит. соч. II, 316.

Иногда для охоты дрессировался и левъ, что изображается на памятникахъ.

Большинство египетскихъ номовъ имѣло своихъ завѣдывающихъ охотою, которые подчинялись особому начальнику, нѣчто въ родѣ егермейстера и обязаны были выслѣживать звѣря. Нерѣдко для указанной цѣли, а также и для удовлетворенія noble passion самого номарха они устраивали цѣлыя обширныя облавы, отрывая отъ работы крестьянскія руки даже отнимая сонъ у представителей низшаго податнаго класса.

Нѣкоторые изъ фараоновъ славились какъ лихіе охотники: такъ про Аменофиса III извѣстно, что въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія онъ собственноручно убилъ сто двѣнадцать львовъ ¹⁾, выполняя такимъ образомъ обязанность египетскихъ царей, которымъ обычай повелѣвалъ уничтожать хищныхъ звѣрей. Такимъ же охотникомъ былъ въ своей молодости и Рамзесъ II.

Охотой, какъ промысломъ, составляющимъ одно изъ главныхъ занятій населенія или, по крайней мѣрѣ, виднымъ подспоріемъ въ хозяйствѣ его, въ фараоновскомъ Египтѣ почти не занимались и, какъ видно изъ предыдущаго, все въ указанномъ отношеніи ограничивалось лишь истребленіемъ наиболѣе вредныхъ хищныхъ звѣрей, заготовленіемъ про запасъ полевой дичи и, въ лучшемъ случаѣ, прирученіемъ нѣкоторыхъ пойманныхъ животныхъ ради приносимой ими въ домашнемъ хозяйствѣ пользы.

Памятники изображаютъ намъ различнаго рода охоты, ловли и травли. Одинъ изъ барельефовъ, напримѣръ, представляетъ охоту на дикаго быка, другой на бегемота, третій изображаетъ ловлю антилопъ или дикихъ козъ боласомъ, на четвертомъ мы видимъ пойманнаго козленка и связанныхъ газелей и т. п., однимъ словомъ, подданные фараоновъ были не менѣе страстными охотниками, какъ и рыболовами.

Излишне прибавлять, что царскія охоты отличались многолюдствомъ, роскошной обстановкой и огромнымъ количествомъ затравленнаго звѣря или убитой дичи, на что, надо полагать, доморощенные „егермейстеры“ не щадили ни трудовъ, ни времени. Разумѣется, не обходилось и безъ жертвъ: иного „горе-охотника“ подниметъ на рога разсвирѣпѣвшій быкъ, другой попадетъ въ пасть бегемоту или крокодилу, третьяго сожретъ „царь пустыни“—левъ и т. д., но со всеѣмъ тѣмъ заманчивость охоты заставляла древняго египтянина пренебрегать опасностями и принимать въ ея процессѣ самое дѣятельное участіе.

¹⁾ Бругшъ, «Исторія фараоновъ» XV, 388

Ю. Городское хозяйство.

Древній Египетъ, подобно остальнымъ первобытнымъ государствамъ Востока, старался собственными средствами удовлетворить всѣ свои хозяйственныя потребности. Сельское хозяйство, какъ мы видѣли, было не особенно прибыльнымъ занятіемъ; сбыта для его произведеній почти не существовало: городская жизнь была еще не развита и во всякомъ имѣніи было все, что нужно,—некому было продать накопившіеся продукты. Оттого всякій крупный землевладѣлецъ работалъ только на себя и самъ находилъ употребленіе тому, что вырабатывали его слуги и рабы. Конечно, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ сношеній съ культурными странами Азіи натуральное хозяйство перешло на новыя рельсы, но переворотъ этотъ совершался очень медленно и завершился, и то не вполне, лишь съ концомъ египетской исторіи.

1. Ремесла и промышленность. Ремесла у египтянъ стояли высоко. Утварь и остатки тканей, находимыхъ въ гробницахъ, доказываютъ раннее развитіе матеріальныхъ средствъ жизни. Но въ ремеслахъ, какъ во всемъ остальномъ, достигнувъ разъ извѣстной степени совершенства, египетскіе мастера останавливались и не шли далѣе, вслѣдствіе чего ихъ позднѣйшія произведенія являлись либо повтореніемъ прежнихъ, либо шагомъ назадъ. Мы видимъ у нихъ распределеніе труда, доведенное до мелочей; каждый отдѣлъ цеховой корпораціи изъ поколѣнія въ поколѣніе занимается одной и той же работой или частью ея.

Впрочемъ, даже въ древнѣйшее время, для котораго мы располагаемъ достаточнымъ матеріаломъ, такое распределеніе труда врядъ ли могло существовать; выше было уже упомянуто, что сынъ, вообще говоря, наследовалъ отцовское ремесло, однако, сколько извѣстно, наследственность занятій устанавливалась безъ законодательнаго принужденія и свободный выборъ ремесла былъ также дозволенъ.

Ремесленная техника, какъ сказано, прогрессировала, сравнительно, мало, зиждившись на принципѣ неподвижнаго покоя, а не прогрессивнаго развитія. Вездѣ видѣнъ самый мелочный расчетъ, строгая трезвая осмотрительность ремесленнаго производства. Со всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя техническія искусства достигли на берегахъ Нила немаловажной степени механическаго развитія. Ремесленные инструменты, при всемъ разнообразіи, были очень просты. Столярное мастерство въ странѣ, за нѣсколько тысячелѣтій до начала нашей эры, работало большую часть пріемовъ, извѣстныхъ намъ теперь. Слѣдуетъ

лишь замѣтить, что на рисункахъ и на памятникахъ не найдено ничего подобнаго рубанку, строганіе которымъ замѣнялось полированіемъ посредствомъ камней. Плотничные и столярные инструменты состояли изъ разнаго вида топоровъ, круглыхъ, плоскихъ и остроконечныхъ долотъ, большихъ и малыхъ пилъ (появившихся съ эпохи Новаго Царства), небольшихъ клещей, разнообразной величины рѣзцовъ, молотковъ, буравовъ, маленькихъ колотушекъ и т. п.

Со времени Новаго Царства входятъ въ употребленіе линейка, на угольникъ и нѣчто похожее на отвѣсъ. Извѣстны были также плавильный тигель, паяльная трубка и раздувательные мѣхи. Египетскіе вѣсы состояли изъ горизонтальнаго стержня, который вставлялся въ кольцо и могъ передвигаться въ немъ; кольцо поддерживалось крючкомъ въ видѣ изображенія обезьяны, такъ какъ названное животное служило символомъ равновѣсія. Попадались также вѣсы съ обращенной внизъ стрѣлкой, но, кажется, это было рѣдкостью.

Одинъ изъ сохранившихся рисунковъ даетъ намъ понятіе о работѣ египетскаго столяра при дѣланіи имъ мебели; мы видимъ одного изъ подмастерьевъ, просверливающаго дыры на рамкѣ, чтобы прикрѣпить плетенку, служащую сидѣніемъ, и другого, шлифующаго пемзой заготовленные имъ четыре стульных ножки, въ видѣ львиныхъ лапъ. Тутъ же находится тесло, любимый инструментъ столяра, служащій ему для разныхъ подѣлокъ; инструментъ этотъ состоялъ изъ короткой пластинки, отточенной на одномъ концѣ и прикрѣпленной ремнями къ изогнутой деревянной рукояткѣ.

Инструменты каменотесовъ походили на нынѣшніе и состояли изъ рѣзцовъ, молотковъ и шлифовальныхъ камней. Кожевники употребляли шило, иглу, кривой рѣзакъ, плоскій скобель и закругленные сверху деревянные станки для скобленія, выколачиванія и сгибанія кожъ.

Памятники наглядно представляютъ производство сапожной работы: одинъ изъ работниковъ протыкаетъ шиломъ ушко толстой подошвы въ формѣ простой стельки, другой просверливаетъ сандалию, а третій протаскиваетъ зубами ремень, чтобы укрѣпить его на мѣстѣ. Въ стѣнной живописи можно даже разсмотрѣть, какъ сапожный подмастерье искривляетъ лицо, когда при сшиваніи кожаныхъ ремней непослушная игла идетъ не туда, куда ей надо идти.

Равнымъ образомъ, многіе памятники сохранили намъ изображеніе оружейныхъ мастерскихъ: по этимъ гробничнымъ рисункамъ можно до мелочей прослѣдить работу оружейниковъ и при-

готовленіе ими различныхъ предметовъ снаряженія и вооруженія, главнымъ образомъ, боевыхъ луковъ, сѣкиръ и палицъ.

Старинные ткацкіе станки имѣли видъ простыхъ рамъ, положенныхъ горизонтально на низкія подставки и потому были крайне неудобны. Съ эпохи Новаго Царства начинаютъ входить въ употребленіе болѣе усовершенствованные станки, значительно облегчавшіе занятіе ткачей. По изображеніямъ на древнѣйшихъ памятникахъ видно, какъ одна изъ ткачихъ прядетъ нитки и скручиваетъ ихъ пальцами, другая лоштитъ ихъ, а третья завариваетъ; двѣ остальные женщины, сидя на корточкахъ, съ каждой стороны станка, ткуть тонкое и прозрачное полотно. Для пряденія употреблялись веретена, сплетенныя изъ тростника; нѣсколько экземпляровъ ихъ найдено въ древне-египетскихъ гробницахъ.

Въ гончарномъ дѣлѣ и въ обработкѣ твердыхъ камней египтяне могли поспорить съ любымъ народомъ древности; на рисункахъ часто встрѣчается гончарный станокъ, а также изображается обжиганіе чашъ и другихъ глиняныхъ сосудовъ, которыхъ для этой цѣли ставили рядами въ высокія продолговатыя печи. Вообще мы можемъ сказать, что все, что люди могутъ производить безъ примѣненія настоящихъ машинъ, было создано египтянами, большей частью, уже во времена Древняго Царства; уже тогда существовала настоящая промышленность, а ремесла сохранились и въ томъ періодѣ, когда прежнее великолѣпіе давно уже рухнуло ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ произведенія египетской промышленности отличались большимъ разнообразіемъ, что доказывается найденными въ гробницахъ вещами въ видѣ тканей, утвари, оружія и т. п.

Нѣкоторыя ткани были чрезвычайно топки и великолѣпны. Особенно славилась тонкостью выдѣлки матерія подъ названіемъ виссонъ, упоминаемая въ Библии.

Въ своихъ матеріяхъ обитатели фараоновскаго Египта предпочитали снѣжную бѣлизну однако познанія ихъ и техника въ дѣлѣ производства цвѣтныхъ и узорчатыхъ тканей, отнюдь не были ничтожными. Плиніи сообщаетъ способъ окраски матерій (въ древнѣйшія времена ткани, главнымъ образомъ, красились въ красный, синій или зеленый цвѣта), практиковавшійся египетскими красильщиками: быстрые рисунки они рисовали на матеріи различными красками, обозначивъ ихъ различными безцвѣтными жидкостями, а затѣмъ весь кусокъ матеріи варили въ котлѣ съ красильнымъ веществомъ и вы-

¹⁾ Гюнтеръ, «Исторія культуры» 1901, гл. VII, стр. 169.

нимали его оттуда пестро разрисованнымъ; это красильное вещество являлось на матеріи различными красками, смотря по тому, чѣмъ именно была передъ тѣмъ протравлена ткань. Подобный способъ окраски нельзя не признать химическимъ красильнымъ искусствомъ, въ которомъ древній Египетъ былъ соперникомъ финикійскаго Тира, Вавилона и далекой Индіи.

Египетская пряжа, самая тонкая, какая была только извѣстна въ древности, особенно цѣнилась халдеями и находила огромный сбытъ на всѣхъ торговыхъ рынкахъ Востока.

Холстъ въ странѣ фараоновъ сдѣлался почти единственнымъ матеріаломъ для одежды, шерсть и даже шелкъ являются позднѣе и уже въ обработанномъ видѣ.

Кромѣ льна Египетъ обладалъ еще однимъ культурнымъ растеніемъ, значеніе котораго уже было подчеркнуто выше, именно папирусомъ; изъ названнаго растенія, принадлежащаго исключительно къ мѣстной флорѣ, дѣлалось самое широкое примѣненіе: кора его шла на веревки, стебли на корзины и рогожи и, наконецъ, изъ кожи его приготавливали бумагу; корни же этаго растенія издавна служили пищевымъ веществомъ. Такъ какъ въ позднѣйшее время Египетъ снабжалъ въ сущности весь тогдашній цивилизованный міръ своими письменными принадлежностями, то можно составить себѣ понятіе о величинѣ фабрикъ, гдѣ приготавливалась эта бумага. Александрійскія фабрики папируса производили всякаго рода письменныя принадлежности отъ тончайшихъ листиковъ до самой грубой оберточной бумаги¹⁾.

Съ трудомъ вѣрится,—а между тѣмъ это почти вполнѣ доказано,—что египетская бумага проникла въ Грецію только около VII в. до начала христіанской эры, а никакъ не ранѣе; по крайней мѣрѣ египтяне сохранили за собою, если не секретъ, то привилегію приготвленія и распространенія бумаги среди народовъ Средиземнаго моря къ выгодѣ своихъ купцовъ. Однако же эта монополія, принадлежавшая странѣ фараоновъ благодаря тому, что она почти одна только производила въ изобиліи папирусъ, не замедлила вызвать конкуренцію, которая впоследствии повела къ замѣнѣ папируса малоазіатскимъ пергаментомъ (*Charta Pergamena*²⁾).

О фабрикаціи кожъ можно замѣтить, что она почти согласуется съ нашей; египтянамъ также былъ извѣстенъ родъ сафьяна, для котораго, какъ и для другихъ издѣлій, они имѣли особенный лакъ.

1) Gallus II, 326, 370, III, 205.

2) Э. Эггеръ «Исторія книги», 1900, гл. I, стр. 15—16.

Стекло выдѣлывалось въ Египтѣ задолго до появленія въ исторіи финикіянь, которымъ, на основаніи фальсифицированной побасенки, долго приписывали это изобрѣтеніе.

Гроенер полагаетъ, что египтянамъ извѣстно было только массивное, непрозрачное стекло, употреблявшееся на вазы, бусы, амулеты, а также какъ глазурь на терракотахъ, косякахъ дверей, скарабейхъ. Финикіяне замѣнили приготовлявшійся изъ растительнаго щелока „литой камень“ минеральнымъ щелокомъ и получили прозрачное стекло. Нѣкоторые виды стекла съ разноцвѣтными, волнистыми линиями высоко цѣнились въ древности.

Стѣнная живопись, приходящая на помощь научному знанію, показываетъ намъ процессъ „стеклованія“, напоминающій отчасти современное стеклодѣліе. Одинъ изъ работниковъ погружаетъ въ расплавленную массу длинную выдувательную трубку, приставляетъ одинъ конецъ ея къ губамъ и „выдуваетъ“ сосудъ, совсѣмъ аналогично тому, какъ это дѣлается у насъ. Работа состояла главнымъ образомъ въ формовкѣ,—приданію формы матеріалу, взятому чаще всего въ особомъ физическомъ состояніи, среднемъ между жидкимъ и твердымъ. Изъ стекла приготовлялась не одна посуда, а всевозможныя мелкія вещи, на что главнымъ образомъ шло окрашенное стекло; матеріаломъ для приготовленія *фальшивыхъ драгоценныхъ камней* служило также стекло, но уже высшаго сорта, для производства котораго употреблялся натръ, получавшійся изъ натровыхъ озеръ (см. выше).

Окраска стекла производилась въ слѣдующіе цвѣта: желтый, красный, бурый, черный и, чаще всего, синий. Въ египтологическомъ отдѣленіи Лувра намъ довелось видѣть темносиніе стеклянные сосуды, на которыхъ въ видѣ звѣздочекъ находятся блески желтаго и бѣлаго цвѣта, при чемъ большинство видѣнныхъ нами сосудовъ отличалось превосходной шлифовкой и даже, отчасти, сохранило позолоту. Самые значительные заводы находились въ Оивахъ и, позднѣе, въ Александріи, гдѣ выдѣлывались самыя затѣйливыя вещицы всѣхъ видовъ и цвѣтовъ.

Египтянамъ былъ извѣстенъ родъ фарфора, изъ котораго приготовлялись большія вазы и сосуды, пестро раскрашенные всевозможными цвѣтами изъ числа вышеперечисленныхъ. Знакомство съ эмалью также не было чуждо странѣ фараоновъ; эмальрованную посуду часто находятъ въ гробницахъ. Какъ на чудо искусства называютъ на маленькую чернильницу изъ эмальрованной глины, составленную изъ сидящихъ львовъ и образующую сквозную рѣшетку.

Обработка металловъ изображается уже на рисункахъ, относящихся къ эпохѣ Древняго Царства. Отливка дutoй бронзы, золоченіе листовымъ золотомъ, промывка и сплавъ мѣдной руды, серебряніе были извѣстны въ Египтѣ еще въ глубокой древности; сравнительно позднѣе на памятникахъ появляются желѣзо и литыя металлическія зеркала подѣ влияніемъ знакомства съ Азіей.

Изобрѣтеніе фаянса по справедливости принадлежитъ странѣ фараоновъ; нѣкоторые образчики его поразительно красивы и до сихъ поръ вызываютъ удивленіе. Изъ драгоценныхъ камней, нуждавшихся въ соотвѣтственной отдѣлкѣ, чаще всего встрѣчались изумруды, топазы, сердолики, яшмы и рубины.

Объ оружейномъ производствѣ было говорено выше.

Деревянные издѣлія отличались удивительнымъ разнообразіемъ: домашняя утварь, кресла, стулья, столы, кровати, скамьи, носилки, различные ящики, украшенные рѣзбою и т. п. предметы, о которыхъ подробно поговоримъ ниже при описаніи домашняго быта подданныхъ фараоновъ.

Первоначально египетская промышленность ограничивалась производствомъ предметовъ первой необходимости, но, начиная съ эпохи Новаго Царства, подѣ влияніемъ развившихся сношеній съ Азіей, мы начинаемъ видѣть на памятникахъ изображенія различныхъ производствъ, вызванныхъ роскошью и большими матеріальными потребностями, обнаруживавшимися у высшихъ классовъ египетской націи въ эпоху азіатскихъ войнъ.

2. Торговля. Мы перечислили, такимъ образомъ, главнѣйшія произведенія египетской промышленности, наличность которыхъ даетъ право заключить, что у египтянъ не было недостатка въ товарахъ для обмѣна, по крайней мѣрѣ, въ эпоху разцвѣта ихъ цивилизаціи.

Торговая дѣятельность вообще присуще человѣку. Самые древніе слѣды жизни первобытныхъ людей указываютъ на такого рода дѣятельность и всѣ народы, находившіеся на низшихъ ступеняхъ культурной лѣстницы и не вышедшіе изъ первобытнаго состоянія, все-таки ведутъ пассивную торговлю, т. е. обмѣнъ, съ цѣлью пріобрѣтенія предметовъ, чуждыхъ ихъ собственной культурѣ.

Съ удлиненіемъ цѣпи торговыхъ отношеній изъ пассивнаго обмѣна произведеніями вырастаетъ активная торговля, — тотъ лучший изъ миссіонеровъ, способствующій значительному подъему культуры и постоянному міровому обмѣну товаровъ, понятій и вѣрованій. Тотъ же процессъ происходилъ и въ фараоновскомъ Египтѣ.

Внутренняя торговля по рѣкѣ Нилу была важнѣе внѣшней, по крайней мѣрѣ, первоначально. Торговля эта была тѣмъ значительнѣе, что по берегамъ священной рѣки обитала самая значительная, образованная и многочисленная часть египетскаго народа, а проведенные каналы вскорѣ соединили и сосѣднія плодородныя области съ главной артеріей страны ¹⁾. Даже большіе религіозные праздники оканчивались обыкновенно ярмарками, на которыя приходили настоящіе караваны съ товарами ²⁾. Дѣло, значитъ, было налажено хорошо.

Внѣшняя торговля, несмотря на огромную земледѣльческую и промышленную производительность Египта и то обстоятельство, что размѣры ея въ эпоху Новаго Царства были чрезвычайно обширны, всегда оставалась чуждой подданнымъ фараоновъ, находясь въ рукахъ иностранцевъ, сначала финикянъ, а потомъ грековъ.

До введенія греческой монеты (изобрѣтенной въ срединѣ VII вѣка въ Лидіи) торговля, естественно, сохраняла мѣновой характеръ. Когда предметы украшенія начали дѣлаться изъ благородныхъ металловъ, то они стали самыми пригодными средствами обмѣна, при чемъ, употребляя золотыя и серебряныя кольца неодинаковаго вѣса, египтяне различали ихъ стоимость исключительно взвѣшиваніемъ.

При постепенномъ приливѣ благородныхъ металловъ всему добывавшемуся ихъ количеству не придавали формы какой-либо потребительной цѣнности, а предпочитали раздѣлять золото и серебро по вѣсу въ маленькіе слитки и пользоваться послѣдними какъ средствами обмѣна.

Такимъ образомъ появились и вѣсы, сдѣлавшіеся неизбѣжной принадлежностью при заключеніи торговаго.

Какъ видно изъ сохранившихся изображеній, металлы взвѣшивались на вѣсахъ съ коромысломъ (дѣлавшагося подвижнымъ посредствомъ кольца, которое придерживалось крючкомъ, имѣвшимъ обыкновенно форму обезьяны,—эмблемы равновѣсія, о чемъ уже было говорено) и двумя чашками, а вмѣсто нашихъ гирь употреблялись каменные или мѣдныя изображенія животныхъ, большею частью, лежащихъ быковъ.

Система египетскихъ мѣръ вѣса въ точности неизвѣстна; однако была найдена разновѣска изъ аккуратно обтесаннаго зеленого базальта, вѣсящая ровно шестьдесятъ два грамма; гиря эта была снаб-

¹⁾ Кольбъ «Исторія человѣческой культуры», I, 99.

²⁾ Летурно «Эволюція торговли» XII, 207.

жена цифрой пять и, слѣдовательно, составляла пять единицъ мѣры; каждая по двѣнадцать съ половиной граммъ; другихъ мѣръ, крупныхъ и мелкихъ, мы не знаемъ. Это могли быть *outen* или *ten* и ихъ подраздѣленія *kite* ¹⁾.

Обращаясь къ разсмотрѣнію предметовъ ввоза, нельзя не указать, что послѣдніе шли въ монархію фараоновъ главнымъ образомъ съ востока изъ Азіи и съ юга изъ Нубіи.

Первая доставляла въ большомъ количествѣ кедровый лѣсъ, кипарисъ, оливковое масло, различныя благовонія, на которыхъ въ Египтѣ вообще былъ большой спросъ, затѣмъ рабовъ, вазы, предметы роскоши и проч.

Въ частности Сирія и Финикія доставляли гилеадскій бальзамъ (смола, вытекающая изъ мастикового дерева), ладонъ, некотъ (курительная смола), хемаръ (асфальтъ), вино, медъ и деревянное масло (послѣднее изъ Іудеи ²⁾).

Месопотамія снабжала Египетъ лошадьми, рабами, рогатымъ скотомъ, козами, фруктами, елеемъ, военными принадлежностями, сосудами и крашеными тканями, монополию на которыя Халдея сохранила за собою почти до римской эпохи.

Изъ Аравіи получалось золото, ляписъ-лазурь, камедь, каучукъ, пряности, благоухающее дерево, а изъ Индіи,—перламутръ, жемчугъ, аметисты, корица, бальзамъ, обезьяны, различныя декоративныя растенія, фрукты и т. п. Съ острова Кипра привозили мѣдь, свинецъ, строевой лѣсъ, желѣзо, квасцы, агатъ и маслину.

Изъ Нубіи, гдѣ находились большія каменоломни, доставлявшія главный строительный матеріалъ гранитъ, доставлялись весьма цѣнныя въ Египтѣ продукты Судана: слоновая кость, страусовыя перья, шкуры пантеръ, золото, бальзамъ, черное дерево, душистыя смолы, невольники, нубійская пшеница и т. д.

Изъ надписи Хирхуфа, указывающей на дѣятельныя сношенія Египта съ отдаленной экваторіальной Африкой, можно заключить о весьма оживленной торговлѣ, существовавшей между послѣдней и страной фараоновъ, доставлявшими взаимно другъ другу свои естественныя произведенія.

¹⁾ Летурно, *ibid.* 209.

²⁾ Іезекіиль XXVII.

Предметы вывоза составляли: зерновой хлѣбъ (главнымъ образомъ пшеница), полотна, тонкая пряжа, шерстяныя матеріи, стекляныя и гончарныя издѣлія, письменныя матеріалы и мн. др.

Въ эпоху римскаго владычества быстро поднялась и достигла огромнаго разцвѣта торговля Александріи. Выгодное географическое положеніе города на крайнѣ плодоноснѣйшей страны, не имѣвшей на всемъ берегу никакой другой гавани, при устьѣ единственной судоходной рѣки, на границѣ двухъ частей свѣта и на берегу Средиземнаго моря, которое столько же соединяло, сколько и отдѣляло этотъ городъ отъ третьей части свѣта, — все это дѣлало Александрію важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ древняго міра. Уже въ первые годы правленія Августа привозъ товаровъ изъ Аравіи и Индіи вшестеро превышалъ размѣръ привоза во времена послѣднихъ Птолемеевъ. Не менѣе увеличился привозъ изъ внутренней Африки, а сбытъ въ Италію и на западъ товаровъ, составлявшихъ предметъ александрійской транзитной торговли, еще болѣе усилился въ продолженіе перваго столѣтія, по мѣрѣ увеличенія роскоши и успѣховъ культуры въ провинціяхъ. Золотой песокъ, слоновая кость, пряности изъ Аравіи, жемчугъ съ береговъ Персидскаго залива, драгоценныя камни изъ Индіи, шелкъ изъ Китая, — все это, равно, какъ и многіе другіе товары, нагружались здѣсь и отправлялись въ Римъ и перепродавались тамъ по такой цѣнѣ, которая во сто разъ превышала закупную цѣну ¹⁾.

Нечего и прибавлять, что важнѣйшимъ предметомъ торговли являлся хлѣбъ, которымъ Египетъ снабжалъ въ сущности весь древній міръ; въ Библии говорится, что неурожайный годъ въ Египтѣ повлекъ за собою голодъ въ Сиріи ²⁾, а Аристотель сообщаетъ намъ, что когда египетское правительство запретило вывозъ хлѣба, эта мѣра имѣла результатомъ немедленную пріостановку платежей налоговъ ³⁾.

Сухопутная торговля производилась караваннымъ путемъ, не всегда безопаснымъ вслѣдствіе многочисленныхъ разбоевъ, которыми промышляли бедуины или ливійцы пустыни, не пропускавшіе ни одного проѣзжавшаго каравана безъ того, чтобы его надлежащимъ образомъ не выдоить.

¹⁾ Нбск. Röm, Geschichte 1, 290.

²⁾ Кн. Бытія XIII, 5.

³⁾ Аристотель «Экономія» кн. II.

Указанное обстоятельство вынуждало придавать торговымъ экспедиціямъ соотвѣтственное военное прикрытіе, за это съ купцовъ взималась извѣстная пошлина или, выражаясь современнымъ языкомъ, казенный сборъ, точно опредѣленный въ законѣ и шедшій на усиленіе специальныхъ средствъ государственнаго казначейства.

Разсматривая завоевательныя войны фараоновъ XVIII и XIX династій, не трудно замѣтить, что, въ общихъ чертахъ, онѣ слѣдовали по стопамъ торговли и мы имѣемъ не мало свѣдѣній о далекихъ торговыхъ походахъ, предпринимавшихся фараонами-завоевателями, которые, по свидѣтельству памятниковъ, настолько внимательно относились къ интересамъ торговли и промышленности, что въ текстъ заключаемаго договора непременно включали статью, касающуюся выгоды или облегченія указанныхъ сторонъ экономическаго производства (см. напримѣръ договоръ Рамзеса II съ Хитисаромъ, вырѣзанный на таблицѣ, находящейся около наружной стороны юго-западной стѣны карнакской залы, о немъ см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ).

Само собой понятно, что если техника обработки сырья оказывала свое вліяніе на размѣръ и внутреннюю структуру отдѣльныхъ хозяйствъ, обуславливая существованіе несвободнаго труда, то все же врядъ ли возможно, чтобы она порождала правильно организованныя торговыя сношенія между отдѣльными хозяйствами или создавала свободное сословіе профессиональныхъ ремесленниковъ, а ужъ тѣмъ болѣе профессиональныхъ предпринимателей. Хозяйство страны фараоновъ было, такъ сказать, планомѣрное удовлетвореніе потребностей безъ всякаго раздѣленія потребныхъ для того работъ.

Подводя итогъ торговымъ сношеніямъ Египта, мы должны сказать, что его внутренняя торговля, въ силу географической обособленности монархіи фараоновъ отъ прочихъ народовъ древняго міра, имѣла неоспоримый перевѣсъ надъ внѣшней и долгое время существовала только одна. Первый извѣстный намъ переворотъ въ социальномъ строѣ Египта совершился при фараонѣ Псаметихѣ I (XXVI династ.) подъ сильнымъ вліяніемъ международныхъ сношеній, и указанный моментъ слѣдуетъ считать поворотнымъ пунктомъ исторіи Египта и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ развитія внѣшнихъ правильно организованныхъ торговыхъ сношеній, которыя до тѣхъ поръ находились можно сказать, въ зародышѣ, при чисто домашнемъ характерѣ промышленности и малому производству излишка.

Теперь же можно отмѣтить возникновеніе особаго класса промышленниковъ, работающихъ для экспорта и купеческой корпораціи,

которая путемъ купли—продажи стремится реализовать значительные барыши ¹⁾. Число переводчиковъ возрастало по мѣрѣ того, какъ учащались торговые сношенія; въ концѣ-концовъ они составили въ городахъ Дельты особый классъ, занятія котораго состояли исключительно въ торговомъ посредничествѣ ²⁾.

Этимъ мы и закончимъ обзоръ состоянія древне-египетской торговли, такъ какъ наши источники умалчиваютъ или говорятъ весьма неопредѣленно объ ея размѣрахъ и характерѣ, а равно и дѣйствительной производительности, да и свѣдѣнія-то эти относятся главнымъ образомъ къ эпохѣ значительно позднѣйшей, когда страна фараоновъ уже лишилась политической независимости и вошла въ составъ другихъ государствъ какъ мѣстная провинція.

3. Денежное хозяйство. Финансовое управленіе было важнѣйшимъ въ государствѣ и его органомъ въ указанномъ отношеніи являлось государственное казначейство, носившее наименованіе серебрянаго дома, фондъ котораго отличался большимъ разнообразіемъ: кромѣ драгоценныхъ металловъ, изъ которыхъ особенно цѣнилось серебро, давшее казначейству его названіе и бывшее лишь на двѣ пятыхъ дешевле золота, большая часть „фонда“ состояла изъ хлѣба въ зернѣ, скота, рыбы и т. п. предметовъ, вносимыхъ натурой.

Если принять въ расчетъ, какая масса доходовъ доставлялась государству изъ однѣхъ только вассальныхъ странъ, которымъ оставляли ихъ прежнюю администрацію и управленіе подъ условіемъ аккуратнаго платежа дани, то станетъ понятна грандіозность „серебрянаго дома“ съ его многочисленными амбарами, сараями, кладовыми, сокровищницами и съ цѣлой арміей высшихъ и низшихъ бумажныхъ паразитовъ,—подъячихъ и чиновниковъ. Какимъ образомъ названное управленіе, сосредоточившееся, разумѣется, въ столицѣ, распредѣляло второстепенные органы по всей странѣ, а равно, какъ были высоки въ послѣдней подати — обо всемъ этомъ мы знаемъ очень немного. Извѣстно только, что во главѣ финансоваго управленія стоялъ особый сановникъ, нѣчто въ родѣ государственнаго стряпчаго, которому надписи присваиваютъ наименованіе Ц а т и; какъ кажется, онъ совмѣщалъ въ себѣ обязанности министра финансовъ и главнаго прокурора, онъ былъ „верховный казначей“ и „верховный судья“.

¹⁾ Легурно, *ibid.* 211.

²⁾ Масперо «*Histoire ancienne*» XII 541. Иначе говоря, между производителемъ и потребителемъ становится предприниматель, разумѣется, къ невыгодѣ обоимъ. Тотъ же процессъ замѣчается и въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

Его помощникомъ по завѣдыванію государственной казною и начальникомъ „серебрянаго дома“ являлся особый чиновникъ, а по завѣдыванію царскими кладовыми и горными промыслами—такъ называемый въ надписяхъ Божіей казначей, представлявшій нѣчто среднее между министромъ государственныхъ имуществъ и министромъ общественныхъ работъ.

Что же касается до податей, то послѣднія не могли быть въ Египтѣ черезъ чуръ низкими, а на основаніи найденныхъ папирусовъ положительно извѣстно, что налогамъ подлежало почти все: жатва, вино, скоть, рыбная ловля и т. д., даже жертвы приносимыя богамъ. Насколько можно судить по памятникамъ, въ странѣ фараоновъ былъ въ ходу строгій кадастръ, т. е. раздѣлка земли по ея площади, плодородію и доходности.

Каждый, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ былъ ежегодно показывать измѣненія, происшедшія въ площади владѣмаго участка, потому что, вслѣдствіе разливовъ Нила, одни участки подвергались отчасти смыву, другіе, наоборотъ, приращенію, вслѣдствіе наплавленія ила и прироста отмелей.

Особые кадастровые чиновники провѣряли постоянно всѣ земельные участки, вели подробныя кадастровыя книги и реестры и слѣдили за порядкомъ пользованія землей, которая дѣлилась, какъ намъ извѣстно, на: 1) пшеничные участки, подвергаемые затопленію, 2) водноболотные — для культуры водныхъ и болотныхъ растений и разведенія водяной птицы, и 3) степные, не затопляемые Ниломъ.

Виноградники и сады отмѣчались особо, и площади угодій разныхъ классовъ, включительно до мельчайшихъ подраздѣленій, въ точности измѣрялись, для чего назначались особые землемѣры, издавна знакомые съ элементарными правилами геометріи ¹⁾.

Надѣлы, принадлежавшіе военному сословію, освобождались отъ налога.

Подесятинная подать взималась натурой съ земли, скота, рыбнаго улова и прочихъ естественныхъ богатствъ, находившихся въ пользованіи частныхъ лицъ. Но въ то время, какъ народъ стоналъ подъ бременемъ налоговъ, которые наперерывъ изобрѣтали доморощенные финансисты и алчные писаришки, сильное, вліятельное и проникнутое корпоративнымъ духомъ жречество всѣми силами старалось оградить свои богатства отъ цѣпкихъ рукъ государственнаго казначейства. Служители культа только и дѣлали, что всякими способами приумно-

¹⁾ Клингенъ, цит. соч. VI, 335.

жали свои огромныя земельныя владѣнія и движимыя сокровища, открыто домогаясь изыятія изъ національнаго обложенія.

Фараоны же, со своей стороны, только и думали, какъ бы лучше ограбить богатыхъ церковниковъ, если не въ свою пользу, то въ пользу государственнаго казначейства, средства котораго не всегда были достаточны для удовлетворенія общественныхъ нуждъ.

Въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда государству угрожало иноземное вторженіе не только жрецовъ, но и всѣхъ богатыхъ людей правительство принуждало вносить въ казну драгоценныя металлы, золото, серебро, цѣнныя вещи и проч., расплачиваясь за нихъ впослѣдствіе „натурой“, иначе говоря (по крайней мѣрѣ по дошедшему до насъ весьма типичному примѣру это, кажется, можно утверждать положительно), собственники внесенныхъ въ государственное казначейство денегъ, въ видѣ благородныхъ металловъ, получали затѣмъ вмѣсто нихъ мыльные пузыри (см. ниже).

Что касается до выплачиванія податей, то оно производилось весьма энергично и налоги вносились лишь послѣ изряднаго количества палочныхъ ударовъ, какъ это можно видѣть на одной гробницѣ Древняго Царства, на которой изображенъ приводъ сельскихъ старшинъ къ „расчету“, при чемъ за каждымъ старшиной идетъ податный надзиратель съ дубемъ въ рукахъ, очевидно, для „ограбтки“.

Даже въ подчиненные фараонамъ страны по временамъ являлись царскіе посланники для повѣрки, — соотвѣтствуютъ ли доходы ихъ количеству вносимой въ египетскую казну дани.

Въ одномъ изъ папирусовъ, хранящемся нынѣ въ Луврскомъ музеѣ и приводимомъ профессоромъ Магаффи въ его „A History of Egypt under the Ptolemae Dynasty“ заключаются пламенные обвиненія противъ сборщиковъ податей, въ числѣ которыхъ стали занимать видное мѣсто евреи со времени Птолемея VII. Другой подобный же папирусъ, относящійся къ эпохѣ Птолемея IX, выясняетъ, что съ одной стороны налоги, а съ другой воинская повинность вовлекли туземцевъ въ безконечныя долги, лишая ихъ возможности самимъ обрабатывать землю. Не только частные люди, но и само государство бѣднѣло отъ этой системы.

Но не то же ли самое видимъ мы въ современномъ Египтѣ, въ которомъ положеніе земледѣльческихъ классовъ самое тяжелое и безотрадное?

Посадить феллахъ пальму—плати пошлину, срубить ее—опять плати, бьетъ ли вола,—шкура не его и т. д. и т. д., однимъ словомъ кромѣ обычной подати тамъ существуетъ масса мелкихъ сборовъ,

одно названіе которыхъ составить маленькій лексиконъ. Не мудрено, что и безъ того горемычное хозяйство феллаха разоряется въ конецъ и онъ осужденъ влачить самую темную, монотонную и жалкую жизнь. Аналогія съ фараоновскимъ Египтомъ полная. Въ государственной экономіи послѣдняго можно лишь различить слабые слѣды твердо установленныхъ финансовыхъ началъ: невѣжество не могло внушить грубымъ народнымъ массамъ ни порядка цивилизованныхъ обществъ, ни убѣжденій въ необходимости ихъ.

Иной фараонъ не шутя воображалъ, что если у него большая казна, какими путями она не набралась бы, значить, государство благоденствуетъ и онъ—прекрасный правитель.

Въ „серебряный домъ“ поступала и часть военной добычи. Опись послѣдней въ томъ видѣ, въ какомъ она значится въ надписи Лувр-скаго музея, мы приводимъ здѣсь въ сокращеніи.

«Изъ благородныхъ людей земли Тунець: царь этого города, 329 Марина (витязей), 100 фунтовъ серебра, 100 фунтовъ золота, лазореваго камня, зеленого камня, утварь изъ желѣза и мѣди. Взяты корабли, нагруженные всякими вещами (а именно): рабами и рабынями, свинцомъ, бѣлымъ золотомъ (вѣроятно серебро) и всякими другими годными для употребленія вещами... «А изъ земли Пахи увезены, «51 рабъ и рабыня, 40 кобыль, 10 серебряныхъ блюдь, 470 кружекъ бальзаму, елею, меду, 6.428 кружекъ вина... 3.636 козь»... и т. д. ¹⁾»

Жалованіе большею частью производилось натурою, но часть его, какъ это и теперь еще практикуется на Востокѣ, оставалась въ складахъ начальства, такъ что жалобы на неудовлетвореніе положеннымъ отъ казны довольствіемъ сохранились въ большомъ количествѣ и дошли до насъ.

Весьма характерно и то, что часть подарковъ, отправляемыхъ фараонами, иноземнымъ государямъ, никогда не выходила изъ Египта, по крайней мѣрѣ до насъ дошло письмо одного изъ халдейскихъ царей (Вуравурія или Бурнабуриаша), въ которомъ онъ умоляетъ Аменофиса IV не довѣрять посылаемаго имъ золота египетскимъ казначеямъ, откуда можно заключить, что послѣдніе далеко не отличались добросовѣстностью, зачастую представляя изъ себя разжирѣвшихъ хапугъ и казнокрадовъ.

Законодательныя предписанія относительно долговъ, нормы процента и т. д. навѣрно не разъ измѣнялись въ продолженіе многовѣковаго существованія царства фараоновъ, но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ мало свѣдѣній о нихъ, особенно касательно древнѣйшихъ временъ Египта.

¹⁾ Бругшъ, loc. cit. XIX, 312.

Сообщенія Діодора по нѣкоторымъ правовымъ постановленіямъ приведены выше.

Въ нѣкоторыхъ текстахъ „Кахунской бібліотеки“, изданной Griffith и относящейся къ эпохѣ Средняго Царства, находимъ списки членовъ семейства, при чемъ при именахъ главы иногда стоятъ цифры, по всей вѣроятности, сумма налога. Эти документы снабжены точными датами и подписями чиновниковъ.

Затѣмъ имѣется много разнаго рода условій съ рабочими, счетовъ, квитанцій въ уплатѣ, списки рабочихъ, также чиновниковъ, ихъ жалованія и т. п. ¹⁾

Земельная собственность, какъ мы уже говорили, обкладывалась налогомъ соотвѣтственно ея площади и качеству; подушная подать, государственный поземельный налогъ, налогъ на дома существовали еще въ глубокой древности, о чемъ упоминается въ надписи временъ Аменхмата III. Въ это же царствованіе, одинъ изъ приближенныхъ къ фараону сановниковъ, по имени Аменхотепъ возвѣщаетъ въ своей надписи, что онъ „исчислилъ количество податей сотнями тысячъ. Я (продолжаетъ упомянутая надпись) отдавалъ урожай сонмамъ, на мѣстахъ, гдѣ они облагались податями... Я раскладывалъ подать на дома, смотря по числу ихъ... Я умножалъ подданныхъ лучшими изъ плѣнныхъ, которыхъ царь взялъ на войнѣ“... ²⁾ и проч. и проч. однимъ словомъ обычный панегирикъ самому себѣ.

Въ счетъ налога натурой принимались пшеница, дурро, бобы, которые платились собственниками въ качествѣ подесятиннаго налога и въ зависимости, какъ указано выше, отъ успѣшности наводненія, а равно и роста хлѣбовъ.

II. Соціальный вопросъ.

Домашній трудъ опирается на первобытное производство, или по просту на сельское хозяйство. Оно сохраняетъ форму простого самоснабженія, пока распределеніе земельной собственности благопріятно для него. Продукты домашняго производства идутъ иногда въ случаѣ нужды въ обмѣнъ, но это не есть обычное явленіе.

По мѣрѣ роста неравенства во владѣніи землей и развитія сношеній (средствъ сообщенія) это измѣняется. Хотя крестьянская семья

¹⁾ Б. А. Тураевъ. Докладъ. «Кахунская бібліотека», 2.

²⁾ Вругшъ *ibid*, XV, 392.

старается и теперь еще сохранить автономность своего хозяйства, но излишки домашнего производства она несет на рынок и взамен его приобретает блага, которых собственное хозяйство или вообще не производит или уже не в состоянии больше производить. Если в древнем Египте мы видим, что начатки самостоятельной торговли промышленными произведениями появляются раньше, чем самостоятельная промышленность, то один взгляд на крупные замкнутые хозяйства монархии фараонов убедит нас в том, что эти хозяйства, благодаря большому числу рабочих, были в состоянии с одной стороны вести в крупных размерах ремесленное товарное производство, а с другой стороны дать сбыту самостоятельную организацию.

Но такой односторонне развитый домашний труд нельзя смешивать с нашей предпринимательской фабричной промышленностью. Здесь все дело сводится главным образом к наиболее успешной эксплуатации рабочей силы и к использованию ее, что называется, во всех отношениях. Это обстоятельство заставляет нас подробнее остановиться на рассмотрении одного из самых жгучих вопросов общественности, — *участи рабочего класса*, в той стране, про которую ведем речь.

1. Участь рабочего класса. Плод движимой собственности, будет ли последняя состоять из денег или предметов, могущих быть обращенными в деньги, мы называем процентом, плод недвижимой (т. е. связанной с местом) собственности носить наименование ренты, а плод личной собственности, нераздельной от лица, называется заработной платой. Излишне подчеркивать факт зависимости личного капитала от других видов собственности, в которых лежит основание всех наших отношений. Земля и капитал вечно будут стремиться к захвату львиной доли в распределении плодов, добытых от совместной деятельности с представителями труда и только коллективная самозащита может придать неимущим классам некоторую силу. Таковы, по крайней мере, современные экономические основы.

Посмотрим, каковыми они представляются при рассмотрении экономического развития в древней стране фараонов.

В Египте мы находим свободных представителей труда во всех отраслях хозяйственной деятельности; нам известны там свободный хлебопашец, свободный ремесленник, и не хватает только фабричного рабочего, но и этого мы можем искать в ря-

дахъ тѣхъ рабочихъ массъ, которыя были заняты въ единственно извѣстной Египту отрасли крупнаго производства, а таковой, сколько намъ извѣстно, была дѣятельность строительная, обнаружившаяся въ сооруже́нiяхъ храмовъ, пирамидъ, каналовъ и проч.

Заработанная плата простыхъ рабочихъ была очень низка; значительная доля ея состояла въ зерновомъ хлѣбѣ, просѣ, ржи и, отчасти, маслѣ и все это выдавалось рабочимъ каждое первое число за мѣсяцъ впередъ, до слѣдующаго мѣсяца.

Но несмотря на показное человѣколюбіе, которымъ такъ хвалятся управители и номархи на своихъ гробничныхъ памятникахъ, положеніе египетскихъ рабочихъ нельзя считать даже сколько нибудь сноснымъ. Находясь въ ежевыхъ рукавицахъ вооруженныхъ дубьемъ надсмотрщиковъ, они принуждены были трудиться съ утра до вечера за скудное вознагражденіе, состоявшее, какъ сказано, въ опредѣленномъ количествѣ сѣстныхъ припасовъ, едва достаточнаго для прокормленія каждаго изъ рабочихъ и его семьи.

Къ тому же обычная непредусмотрительность рабочаго класса, на которую давала нѣкоторое право самая неизмѣняемость его положенія, дѣлала недостаточнымъ назначенное количество провіанта, если бы его даже не урѣзывали алчные писаришки,—и начинались жалобы, волненія и небольшія вспышки, имѣвшія своимъ слѣдствіемъ болѣе или менѣе продолжительную забастовку.

Нѣмецкій профессоръ Шпигельбергъ (Spiegelberg) въ своемъ обстоятельномъ очеркѣ „Arbeiter und Arbeiterbewegung in Pharaonenreich unter den Ramessiden“, составленнымъ на основаніи недавно открытыхъ папирусовъ, рассказываетъ о частыхъ болѣзняхъ рабочаго люда, который изнурялся тяжелымъ трудомъ въ гробницахъ фараоновъ, объ ихъ грамотности и нравственномъ уровнѣ, объ корпораціяхъ и стачкахъ, которыя составлялись отнюдь не съ цѣлью возвышенія заработной платы, а для полученія удерживаемаго обманнымъ образомъ жалованія.

Дѣйствительно, стачки, какъ средство борьбы между трудомъ и капиталомъ, были нерѣдки въ Египтѣ. Рабочіе собирались толпами около хлѣбныхъ амбаровъ и житницъ и грозились, что не вернуться къ работамъ прежде, чѣмъ будутъ исполнены ихъ требованія. Приходилось вступать въ переговоры со стачечниками, усовѣщевать ихъ и задабривать обѣщаніями.

Въ концѣ концовъ требованія рабочихъ нѣсколько удовлетворялись и они получали дополнительные порціи, хотя и небольшія, но достаточныя для того, чтобы кое-какъ дотянуть до слѣдующаго мѣ-

сяца. Извѣстный французскій египтологъ Maspero въ своихъ „Lectures historiques“ вотъ въ какомъ видѣ изображаетъ одну изъ стачекъ древне-египетскихъ рабочихъ, относящейся къ эпохѣ царствованія Рамзеса II.

«Въ концѣ улицы вдругъ раздается сильный шумъ, толпа быстро разступается и человекъ сто рабочихъ, крича и жестикулируя, съ лицами, покрытыми глиной и известкой, стремительно появляются, увлекая съ собой трехъ или четырехъ писцовъ, испуганныхъ и жалкихъ. Это каменщики, подраженные для постройки новыхъ зданій храма богини Mont, устроили забастовку и направляются съ жалобами къ господину Рзачо и ¹⁾ губернатору города и главному директору царскихъ работъ.

Такия небольшія вспышки не рѣдкость и всегда вызываются нищетой и голодомъ. Лучшіе платежи заработной платы состоятъ изъ хлѣба, дурры, масла, порціяхъ пици, которыя начальники работъ обыкновенно раздаютъ перваго числа каждаго мѣсяца и которыхъ должно хватить до перваго же числа слѣдующаго мѣсяца. Предназначеннаго для каждаго рабочаго количества, конечно, могло бы хватить, если бы только съ нимъ обращались экономнымъ образомъ, но попробуйте толковать объ экономіи съ людьми, которые возвращаются домой голодными послѣ тяжелой дневной работы, озлобленными длиннымъ рабочимъ днемъ и которые около полудня съѣли только двѣ лепешки, приправленныя глоткомъ мутной воды!

Въ теченіе первыхъ дней мѣсяца семья насыщается вдоволь, не думая о сбереженіи провизіи, но уже въ серединѣ мѣсяца порціи уменьшаются и начинаются жалобы; на послѣдней же недѣлѣ наступаетъ настоящая голодовка и это отражается даже на самой работѣ. Если бы кто нибудь захотѣлъ взглянуть въ официальные реестры писцовъ или просто въ записныя книжки подрядчиковъ, то увидѣлъ бы въ нихъ отмѣтки въ концѣ каждаго мѣсяца о часто повторяющихся прогулахъ, а иногда даже и о стачкахъ, вызванныхъ голодомъ и слабосиліемъ рабочихъ.

Десятаго числа послѣдняго мѣсяца каменщики, занятые при новыхъ постройкахъ въ храмѣ Mont, нуждаясь во всемъ, съ шумомъ оставили работы и разсѣлись позади одного храма, выстроеннаго въ честь Тутмеса III, находящагося тутъ же по близости, и жаловались на свое безвыходное положеніе. «Мы голодны, а ждать до слѣдующаго мѣсяца еще остается восемнадцать дней». Что же: плата-ли, получаемая ими, слишкомъ недостаточна для ихъ прокормленія, или же они ее расходуютъ слишкомъ неразумительно, что она у нихъ выходитъ раньше, чѣмъ бы слѣдовало?

Если послушать ихъ, то окажется, что писцы обогащались на ихъ счетъ тѣмъ, что обкрадывали ихъ, писцы, напротивъ, обвиняютъ бѣднягъ въ непре-

¹⁾ Очевидно, фиктивное имя.

дусмотрительности и утверждают, что они расточают свой заработок тотчас же по получении. Впрочемъ, ничего удивительнаго не было бы, если бы тѣ и другіе оказались правы.

Но только что недовольные успѣли выйти на улицу, какъ прибѣжалъ директоръ работъ въ сопровожденіи полицейскаго страпчаго и началъ переговоры съ рабочими. «Вернитесь на мѣсто работъ,—говорилъ онъ,—и мы торжественно клянемся проводить васъ въ то мѣсто, гдѣ находится фараонъ, когда онъ явится осматривать работы по постройкѣ храма». Дня два спустя, въ самомъ дѣлѣ, фараонъ прибылъ и писецъ Пентауръ отправился къ нему съ полицейскимъ страпчимъ. По выслушаніи ихъ доклада, фараонъ удостоилъ отправить одного изъ находившихся при немъ писцовъ, а также нѣсколькихъ жрецовъ храма для переговоровъ съ рабочими. Последніе изложили свою жалобу въ слѣдующихъ прекрасныхъ выраженіяхъ:

«Мы пришли, гонимые голодомъ, преслѣдуемые жаждой, не имѣя болѣе ни одежды, ни масла, ни рыбы, ни овощей. Донесите объ этомъ фараону, нашему господину, донесите фараону, нашему повелителю, чтобы намъ дали, наконецъ, чѣмъ жить». Фараонъ, тронутый ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, приказалъ раздать имъ хлѣба пятьдесятъ мѣшковъ и эта неожиданная помощь позволила имъ дотянуть до конца мѣсяца безъ особой нужды. Первые дни мѣсяца епифи прошли довольно спокойно, но къ 15-му уже обнаружился недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ, и недовольство проявилось снова. 16, 17 и 18-го числа рабочіе не принимались за работу, 19-го утромъ, рабочіе пытались было покинуть мѣсто работъ, но писецъ Пентауръ, наблюдавшій за ними, втихомолку удвоилъ стражу и такъ хорошо принялъ мѣры предосторожности, что ни одинъ изъ нихъ не проскользнулъ за ворота. Тогда рабочіе, разбившись на маленькія группы, провели цѣлый день въ обсужденіи, что имъ дѣлать. Наконецъ, сегодня утромъ, съ восходомъ солнца они собрались около неоконченной стѣны и замѣтивъ директора работъ, совершавшаго свой обычный обходъ построекъ, гурьбой направились къ нему и съ шумомъ его окружили. Напрасно онъ старался успокоить ихъ добрыми словами, они не хотѣли его слушать.

Ихъ крики привлекли другихъ служащихъ и многихъ жрецовъ храма Мout, рабочіе бросились къ нимъ навстрѣчу и требовали отъ директора, чтобы онъ пошелъ и изложилъ ихъ дѣло. Они говорили: «Клянемся Аммономъ, нашимъ властителемъ, гнѣвъ котораго убиваетъ, что мы не хотимъ болѣе идти на работы; ступай, объяви объ этомъ своему начальству, которое собралось тамъ». Утомившись, наконецъ, кричать безъ толку и видя, что они этимъ ничего не достигнутъ, они вдругъ рѣшились отправиться къ самому еиванскому губернатору и искать у него справедливости. Разстояніе отъ храма Мout до дома, гдѣ жилъ Psarou, невелико, минутъ десять ходьбы; приходилось идти по ули-

цамъ, гдѣ обошлось не безъ нѣкоторыхъ стычекъ съ уличной толпой, которая не обнаруживала желанія разступаться достаточно быстро, но вотъ они уже у самыхъ дверей. (Далѣе идетъ описаніе жилища хозяина, которое мы здѣсь опускаемъ).

Сторожа, какъ только слышали шумъ, тотчасъ же заперли дверь крѣпкими засовами, но послѣдніе должны были податься, благодаря сильному напору извнѣ,—и вся толпа въ беспорядкѣ съ шумомъ хлынула во дворъ и разбрелась по немъ, не зная, что ей остается еще предпринять.

Въ это время является Psarou, и уже одного его появленія совершенно достаточно, чтобы остановить этихъ людей, привыкшихъ съ малыхъ лѣтъ гнуть свою шею передъ начальствомъ. Наконецъ, одинъ изъ этихъ рѣшается заговорить, другіе ободряютъ его сначала робко, потомъ, возбуждаясь при разсказѣ о собственныхъ страданіяхъ, доходятъ даже до угрозъ, когда губернаторъ пытается ихъ урезонить и успокоить обѣщаніями. Но теперь имъ недостаточно однихъ словъ, они требуютъ дѣла съ громкимъ крикомъ. «Развѣ намъ болѣе не хотятъ дать хлѣба кромѣ того, который мы уже получили? Если нѣтъ, то мы не двинемся отсюда!» Въ это самое время рабъ пробивается сквозь толпу и сообщаетъ на ухо Psarou, что фараонъ вышелъ изъ дворца и вотъ уже въ теченіе четверти часа шествуетъ по направленію къ храму Аммона, что, вѣроятно, онъ пройдетъ мимо его дома, такъ какъ кортежъ уже промаршировалъ по сосѣдней улицѣ.

Фараонъ, попадающій въ самый разгаръ мятежа, фараонъ, лично принимающій жалобы рабочихъ!...

Psarou быстро обдумываетъ свое положеніе, обрываетъ споръ и, подзвавъ своего управляющаго Хамоизита ¹⁾, обращается къ нему со слѣдующими словами: «Поди посмотри, сколько у тебя въ житницахъ хлѣба, и раздай его вотъ этимъ людямъ». Затѣмъ онъ обращается къ остальнымъ, говоря: «Идите съ Хамоизитомъ въ житницы и возьмите все, что онъ вамъ дастъ». Толпа, не догадываясь о мотивахъ такого внезапнаго рѣшенія, приписала его порыву естественнаго великодушія губернатора и разразилась въ благодарственныхъ восклицаніяхъ: «Ты нашъ отецъ, а мы твои дѣти, ты опора нашей старости, кормилецъ дѣтей, защитникъ несчастныхъ! Ты пріютъ, согрѣвающій тѣхъ, кому холодно въ Оивахъ! Ты хлѣбъ изнуренныхъ, въ которомъ нѣтъ отказа людямъ нашей страны!»....

Сколько благодарностей и признательности! Но Psarou быстро прерываетъ всѣ эти изліянія благодарности, выпроваживая всѣхъ поскорѣе и лишь только тогда въ состояніи вздохнуть свободно, когда за житницами вмѣстѣ съ Хамоизитомъ скрылся послѣдній изъ стачечниковъ. Черезъ пять минутъ дворъ опустѣлъ и улица приняла свой обычный видъ. Фараонъ можетъ входить!» ²⁾.

¹⁾ См. предыдущую выноску.

²⁾ Maspero «Lectures historiques», 1892. Гл. II, 26—29.

Аналогичные случаи повторялись и при позднѣйшихъ Рамессидахъ ¹⁾.

Мы видѣли, что вся частная и общественная жизнь египетскаго народа была запечатлѣна неустаннымъ трудомъ, которымъ щедро его снабжало правительство. Пользуясь неограниченной властью, увѣренные въ своемъ правѣ, въ своей силѣ и въ своемъ божественномъ происхожденіи, фараоны смотрѣли на подданныхъ какъ на рабовъ и не задумывались угнетать ихъ тяжкими повинностями и настоящей „египетской“ работой. Въ данномъ случаѣ мы сталкиваемся со своего рода диковиннымъ явленіемъ — добровольнымъ рабствомъ, источникъ котораго заключался въ пассивности народнаго характера и въ непоколебимой вѣрѣ въ божественное происхожденіе царственнаго рабовладельца, абсолютизмъ котораго тяготѣлъ надъ Египтомъ во всей своей патріархальной прелести, сталкиваясь, однако, съ абсолютизмомъ (конечно, очень условнымъ) наслѣдственныхъ номарховъ (см. выше).

По всей вѣроятности, ни одному изъ фараоновъ не приходила въ голову мысль, выраженная предсмертнымъ восклицаніемъ „великаго Фрица“ и служащая лучшимъ свидѣтельствомъ, выданнымъ прусскимъ королемъ нѣмецкому „канальѣ“: „Я усталъ царствовать, надъ рабами!“

Добровольное рабство массы юридически совершенно свободныхъ людей тѣмъ удивительнѣе, что социальное положеніе тѣхъ же рабочихъ было немного лучше рабскаго и трудъ ихъ Perrot и Chipiez не безъ основанія сравниваютъ съ трудомъ негровъ въ бывшихъ невольничьихъ штатахъ Сѣверной Америки, въ Каролинѣ и Виргиніи.

Долгое время спустя послѣ эпохи пирамидъ, когда фараоны Древняго Царства и ихъ подданные уже затерялись во мракѣ вѣковъ, воспоминаніе о трудахъ, положенныхъ на возведеніе этихъ гигантскихъ усыпальницъ, было еще живо въ памяти египетскаго народа.

По свидѣтельству греческихъ писателей, которое, впрочемъ, судя по памятникамъ, подтверждается лишь отчасти и притомъ путемъ косвенныхъ указаній, Хеопсъ (Хуфу) заперъ всѣ храмы страны и принудилъ подданныхъ трудиться надъ возведеніемъ своей гигантской могилы. Однимъ было вмѣнено въ обязанность перетаскивать массивныя глыбы изъ каменоломень Аравійской горной цѣпи къ Нилу, другіе должны были подвозить эти глыбы на баркахъ и доставлять ихъ къ ливійскимъ горамъ, а остальные—подъ руководствомъ

¹⁾ См. напр. Ad. Erman. «Aegypten», стр. 182 и слѣд., гдѣ говорится о волненіи рабочихъ при Рамзесѣ III.

архитекторовъ-спеціалистовъ выполняли ту часть работъ, которая не требовала спеціального обученія и техническихъ знаній.

Десять лѣтъ пошло на сооруженіе насыпи, на которую перетаскивались каменные глыбы; насыпь имѣла въ длину четыреста двадцать сажень и была сложена изъ обтесанныхъ, украшенныхъ скульптурными изображеніями камней. На постройку самой пирамиды понадобилось около двадцати лѣтъ. Въ виду дешевизны рабочихъ рукъ на нихъ не скупилась: каждые три мѣсяца смѣнялись партіи въ сто тысячъ человѣкъ каждая.

Чтобы выяснитъ будущимъ поколѣніямъ все величіе своей затѣи, Хеопсъ приказалъ вырѣзать на своей пирамидѣ надпись, возвыщавшую, что 1.600 серебряныхъ талантовъ были истрачены только для снабженія рабочихъ лукомъ, чеснокомъ, рѣпой и петрушкой въ достаточномъ количествѣ. „Сколько же потребовалось расхода,—спрашиваетъ Геродотъ, сообщающій намъ объ этой постройкѣ,—на инструменты, съѣстные припасы и одежду для рабочихъ, необходимые не только въ продолженіе указаннаго времени, ушедшаго на постройку пирамиды, но также и того, не менѣе продолжительнаго времени, которое ушло на обточку и перевозку камней, и рытье подземныхъ ходовъ?“ 1).

Хефренъ слѣдовалъ примѣру своего предшественника и также выстроилъ себѣ гигантскую пирамиду, прибѣгая къ тѣмъ же средствамъ. Всѣ эти работы, по рассказамъ Геродота, продолжались сто шесть лѣтъ и во все указанное время подданные фараоновъ (т. е. простой народъ) терпѣли всевозможные лишения и гибли подъ тяжестью изнурительнаго труда.

Желая имѣть какъ можно болѣе рабочихъ рукъ, нѣкоторые фараоны XXV династіи замѣнили смертную казнь общественными работами, а другіе, кромѣ преступниковъ, употребляли для этой цѣли военнопленныхъ и рабовъ, украшая воздвигнутыя ими постройки надписью: „Ни одинъ египтянинъ не приложилъ къ этому своихъ рукъ“. Стѣнная живопись въ Фивахъ изображаетъ плѣнниковъ, дѣлающихъ кирпичи (техника этой работы будетъ изложена ниже), преимущественно евреевъ, на которыхъ, по свидѣтельству Библии, былъ возложенъ этотъ тяжелый и изнурительный трудъ 2).

На основаніи нѣкоторыхъ древнихъ папирусовъ, весьма любопытныхъ и не разъ приводимыхъ нами въ выдержкахъ, нельзя не

1) Геродотъ II, 74—75.

2) Исходъ I, 11--14.

прийти къ заключенію, что трудъ египетскихъ рабочихъ былъ подневольнымъ, но подневольнымъ, такъ сказать, на законномъ основаніи и отдѣльные члены этой корпораціи работали отнюдь не на основаніи свободно заключеннаго рабочаго договора. Каждый день или, по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время года, египетскій ремесленникъ обязанъ былъ представить узаконенное количество готовой работы; за нимъ наблюдали особо приставленные къ тому подъячіе и, въ случаѣ нерадѣнія, подвергали строгому наказанію, пуская въ ходъ дубье и поощряя прикосновеніемъ послѣдняго усердіе работниковъ.

Если это была не крѣпостная зависимость, то во всякомъ случаѣ обязательность тяжелыхъ и долгихъ работъ. Очевидно, что всѣ возрѣнія египтянъ въ указанномъ отношеніи сводились къ тому, что ремесла и промышленность много выигрываютъ въ своихъ достоинствахъ, если ими занимаются люди, которые имѣютъ возможность къ личному опыту присоединить наслѣдственный. Вслѣдствіе подобнаго взгляда на дѣло, ремесленники были прикрѣплены къ ремеслу предковъ и не имѣя доступа къ общественнымъ дѣламъ, а равно не составляя въ политическомъ отношеніи ничего подобнаго средневѣковымъ цехамъ (безъ которыхъ едва-ли возможно было возникновеніе многочисленнаго и свободнаго класса гражданъ, развитіе культуры и вообще процвѣтаніе вольныхъ городовъ въ широкихъ размѣрахъ), они волей-неволей принуждены были заниматься тѣмъ, чѣмъ занимались ихъ отцы и дѣды.

Само собой разумѣется, что на положеніе египетскихъ рабочихъ сильное вліяніе оказывала ихъ профессія; въ то время, какъ земледѣлецъ болѣе или менѣе самостоятеленъ, вслѣдствіе особыхъ условій, въ которыхъ находится его трудъ, ремесленникъ, въ сущности, пролетарій, такъ какъ, не имѣя земельного обезпеченія, онъ всецѣло зависитъ отъ своей работы, а тамъ, гдѣ она принудительна, какъ было, на примѣръ, въ Египтѣ, неизбежно происходитъ закрѣпощеніе рабочаго люда.

Мы уже видѣли, что страна фараоновъ не вышла въ экономическомъ отношеніи за предѣлы натурального хозяйства, въ ней не было крупныхъ частныхъ капиталистовъ и предпринимателей, а работы производились или совѣмъ безъ помощи машинъ или машинами самаго простѣйшаго, нехитраго устройства. Массы рекрутированныхъ рабочихъ рукъ трудились въ каменоломняхъ, добывая строительный матеріалъ для сооруженія гигантскихъ памятниковъ и зарабатывая мѣдные синайскіе рудники или золотые пріиски Нубіи, гдѣ погибало много жертвъ подъ гнетомъ этого тяжелаго и изнуритель-

наго труда. Это была какая-то муравьиная культура, гдѣ нѣтъ муравья, а есть только муравейникъ. При чтеніи описанія быта древне-египетскихъ рабочихъ само собой напрашивается сравненіе ихъ съ современными труженниками-строителями желѣзной дороги, какъ это широкой кистью рисуетъ извѣстный некрасовскій стихъ:

— Мы надрывались подъ зноемъ, подъ холодомъ,
 Съ вѣчно согнутой спиной,
 Жили въ землянкахъ, боролися съ голодомъ,
 Мерзли и мокли, болѣли цынгой,
 Грабили насъ грамотѣи-десятники,
 Сѣкло начальство, давила нужда...
 Все претерпѣли мы, Божьи ратники
 Мирныя дѣти труда...
 Все заносили десятники въ книжку—
 Бралъ-ли на баню, лежалъ ли больной:
 «Можетъ, и есть тутъ тепереча лишку,
 Да вотъ, поди жь ты!»... Махнули рукой...

Картина, нарисованная нашимъ общенароднымъ скорбнымъ пѣвцомъ, по всей вѣроятности, подходила и къ царству фараоновъ, отдѣленномъ отъ насъ промежуткомъ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ и погребенномъ давнымъ-давно „подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ“.

Но лучше всего рисуется безотрадное положеніе древне-египетскихъ рабочихъ въ одномъ изъ папирусовъ, относящемся по стилю и по именамъ къ эпохѣ XII династіи и принадлежащемъ перу нѣкоего книжника, по имени Кроди. Въ названномъ любопытномъ памятникѣ, приведеннымъ Maspero въ его сочиненіи „Du genre épistolaire chez les Egyptiens de l'époque pharaonique“, поименованный книжникъ начерталъ наставленія для своего сына, чтобы побудить послѣдняго избрать литературную карьеру.

Содержаніе названнаго папируса здѣсь приводится цѣликомъ.

I. Я видѣлъ насиліе, я видѣлъ насиліе! Вотъ почему совѣтую тебѣ пристраститься къ литературѣ! Я присмотрѣлся къ ручному труду и поистинѣ *ничего нѣтъ лучше литературы*. Погрузись же въ нѣдра книги, подобно тому, какъ это дѣлается въ водѣ, тамъ найдешь слѣдующее наставленіе въ его буквальныхъ выраженіяхъ: «если существуетъ такой писарь, жилище котораго обращено къ Хеппи (Сильсились, см. выше), то его ничегонедѣланіе нисколько повредить ему не въ состояніи».

II. Другой будетъ кормить его, онъ ничего не дѣлаетъ, онъ отдыхаетъ. Человѣкъ, прошедшій черезъ школу уже тѣмъ самымъ становится на первую

ступень лѣстницы, по которой можетъ подняться очень высоко; не даромъ старался я заставить тебя полюбить литературу, на этой землѣ она не пустое слово. Тотъ, кто умѣетъ извлекать изъ нея пользу, приобретаетъ почетъ и уваженіе. Писарь избавленъ отъ всякой ручной работы, которая угнетаетъ другихъ; невѣжественнаго человѣка можно уподобить ослу, обремененному тяжелой яшей, но тотъ, кто въ сердце своемъ носитъ науку, не имѣетъ ничего общаго съ такими людьми; никогда онъ не голодаетъ: *ученый питается отъ собственной учености.*

III. Я видѣлъ кузнеца за работой передъ раскаленнымъ жерломъ печи,—его руки такъ морщинисты, какъ кожа крокодила и онъ издаетъ невыносимый запахъ хуже, чѣмъ отъ рыбьей икры (?!).

IV. А работающій надъ металлическими издѣльями, развѣ у него больше отдыха, чѣмъ у земледѣльца? Дерево—его нива, металл—его орудіе. Ночью, когда предполагается, что онъ свободенъ, онъ все еще продолжаетъ работать, не взирая на то, что руки его въ теченіе дня перенесли тяжелую работу. Ночью онъ бодрствуетъ при свѣтѣ факела.

V. А каменотесъ развѣ счастливѣе? Цѣлый день съ ранняго утра сидитъ онъ скорчившись за работой, такъ что даже во время отдыха ему трудно разогнуть спину отъ боли, а колѣни его совершенно изломаны.

VI. Цырульникъ бреетъ цѣлый день до ночи и только за фдой онъ можетъ отдохнуть, облокотившись на столъ; въ поискахъ за работой онъ обѣгаетъ всѣ дома и утомляетъ свои руки, чтобы наполнить желудокъ, подобно тому какъ пчелы питаются продуктами своихъ трудовъ.

VII. Лодочникъ спускается внизъ вплоть до Atchu, чтобы заработать себѣ что нибудь. Когда онъ наработалъ больше того, чѣмъ сколько могли сработать его руки, когда онъ настрѣлялъ гусей и фламинго и едва добрался до своего дома, къ себѣ, какъ ему необходимо уже уходить....

VIII. Работникъ на поляхъ проводитъ всю свою жизнь среди животныхъ, онъ надрывается надъ виноградникомъ и надъ свиньями, онъ чувствуетъ тяжесть своихъ одеждъ; оправа его инструментовъ ломается. Если онъ на свѣжемъ воздухѣ, онъ страдаетъ, когда же онъ возвращается къ своему очагу, онъ чувствуетъ себя здоровымъ. У него путы на ногахъ; если же онъ произвольно отъ нихъ освободится, переступивъ порогъ своего дома, то его выгоняютъ....

IX. Я тебѣ скажу словами самого каменщика, что его подтачиваетъ болѣзнь; его продуваетъ вѣтеръ въ то время, когда при трудныхъ строительныхъ работахъ онъ высоко привязанъ къ лотообразнымъ капителямъ зданій, чтобы достать ихъ верхушки. Руки его портятся отъ работы, одежда въ безпорядкѣ, онъ поѣдаетъ самъ себя, его пальцы—это его хлѣбъ, онъ моется лишь одинъ разъ въ сутки. Онъ долженъ унижаться, чтобы поправиться. Онъ подо-

бень пѣшкѣ, переходящей съ одного квадрата шахматной доски на другой, на разстояніи 6—10 локтей; эта пѣшка, которая проходитъ изъ мѣсяца въ мѣсяць по бревнамъ, прикрѣпленнымъ къ капителямъ домовъ, совершая такимъ образомъ всѣ необходимыя работы. Когда у него есть хлѣбъ, онъ возвращается домой и бьетъ своихъ дѣтей...

X. Садовникъ приноситъ мнѣ газелей, всѣ его руки переполнены оброками... Послѣ того, какъ онъ покончилъ съ уваживаніемъ, утромъ онъ занимается поливкой садовыхъ растений, а вечеромъ—воздѣлываніемъ виноградниковъ. Послѣ продолжительной работы его желудокъ страдаетъ. Кто отворачивается отъ литературы, можетъ-ли быть болѣе покоенъ, чѣмъ всѣ остальные ремесленники?

XI. Вотъ фермеръ. Одежда его служитъ ему вѣчно. Когда онъ возвышаетъ свой голосъ, то онъ звучитъ также грубо, какъ и у грубоголовой птицы... его руки изсушены вѣтрами, если ему приходится отдохнуть, то онъ отдыхаетъ на затопленныхъ земляхъ. Если онъ находится въ добромъ здоровьѣ, онъ пользуется имъ наравнѣ со звѣремъ, а когда его коснулась болѣзнь, то служитъ ему жилищемъ земля среди животныхъ. Едва онъ приходитъ къ своему дому и саду, какъ уже долженъ уходить.

XII. Ткачъ, находящійся внутри дома, несчастнѣ женщины. Его колѣни всегда находятся на одной высотѣ съ сердцемъ, онъ не дышитъ чистымъ воздухомъ; если хоть одинъ день онъ не изготовилъ положеннаго количества матеріи, его привязываютъ, какъ лотосъ на болотѣ. Только подкупивъ привратниковъ взятками, давая имъ куски хлѣба, онъ можетъ повидать дневной свѣтъ.

XIII. Оружейникъ также испытываетъ тяготу, отправляясь въ чужія страны; онъ обязанъ внести крупную сумму за ослось, а на дорогѣ долженъ уплатить большія деньги за ихъ постои. Не успѣетъ онъ вернуться къ себѣ, къ своему очагу, какъ уже снова нужно отправляться въ дорогу.

XIV. Гонецъ, посылаемый въ чужія страны, спѣшитъ завѣщать свое имущество дѣтямъ, опасаясь дикихъ звѣрей и азіатовъ. Что же ждетъ его по возвращеніи въ Египетъ? Не успѣетъ онъ пріѣхать къ себѣ домой, въ свой садъ, какъ снова уже надо пускаться въ путь. Уѣзжая онъ чувствуетъ весь гнетъ нищеты, онъ радуется, если ему можно остаться...

XV. У красильщика руки пахнутъ какъ гнилая рыба, глаза въ болячкахъ, ни на минуту онъ не можетъ оторваться отъ своего дѣла. Онъ проводитъ время въ рѣзаніи лохмотьевъ; его одежда въ ужасномъ видѣ.

XVI. Сапожникъ вѣчно нищенствуетъ. Его здоровье—это здоровье дохлой рыбы, онъ гложетъ кожу, чтобы имѣть возможность утолить свой голодъ.

XVII. Прачечникъ, когда моетъ на мосту, находится въ сосѣдствѣ съ крокодилами... Его провизія смѣшалась съ его одеждами, у него нѣтъ ни одного члена, который находился бы въ чистотѣ; онъ обрѣтается въ нищетѣ жен-

щины.... Когда я приношу одежды для мойки, то ему говорятъ: «если ты опоздаешь принести ихъ обратно, то тебѣ оборвутъ обѣ губы!»...

XVIII. Птицеловъ испытываетъ много мученій: онъ не находитъ ничего даже при ныряніи. Это область Nûm, что раскрывается передъ нимъ; если прикажетъ богъ, то сѣтъ отказывается служить....

XIX. Я говорю тебѣ, какъ рыболовъ мучается болѣе, чѣмъ всякій занятый въ какомъ либо иномъ ремеслѣ и который не работаетъ надъ рѣкой. Онъ предоставленъ крокодиламъ; когда ему не хватаетъ пучковъ папируса и когда онъ взываетъ о помощи, то если ему даже и не скажутъ: «крокодилъ здѣсь!» то и тогда ужасъ ослѣпляетъ его. Когда отецъ спускаетъ сѣтъ въ воду, то судьба его находится въ Божьихъ рукахъ....

XX. Кто знаетъ письма, тотъ уже въ силу этого одного выше тебя. Совсѣмъ иное дѣло въ ремесленномъ трудѣ, картину котораго я развернулъ передъ тобою, тамъ товарищъ презираетъ товарища. Никогда не скажутъ книжнику: «работай за такого-то» или «не нарушай установленныхъ предѣловъ». Итакъ я веду тебя въ Хенпи изъ любви къ тебѣ, потому что, если бы ты хоть одинъ день пробылъ въ школѣ, то польза для тебя была бы вѣчная; труды, которымъ тамъ предаются, такъ же неизблемы, какъ горы. Ихъ то я хочу, чтобы ты позналъ какъ можно скорѣе и полюбилъ, такъ какъ они удаляютъ врага.

XXI. Я скажу тебѣ также и другое, для того, чтобы ты зналъ средства избѣгать ссоры. Вообрази себя человѣкомъ, у котораго рисунки положены подъ тяжелые прессы; если снять эти прессы очень быстро, то неизвѣстно, куда дѣнутся и самые рисунки. Кто имѣетъ въ рукѣ лазурикъ для защиты отъ дикихъ звѣрей и рассчитываетъ на что нибудь сверхъ этого, тотъ ошибается въ ожиданіяхъ.

XXII. Когда ты въ числѣ прочей свиты сопровождаешь знатнаго сановника, то ты совершаешь путь, какъ человѣкъ богатый. Если тыходишь въ домъ и если объятія хозяина не встрѣчаютъ тебя, то садись, подперевъ рукою ротъ точно такъ, какъ если бы кто нибудь умолялъ тебя о чемъ либо. Тогда ты подобенъ тѣмъ, которые говорятъ: «да будетъ такъ» и хотятъ разбить о сваю трость ¹⁾.

Не взирая на то, что авторъ приведеннаго папируса умышленно старается выставить свою корпорацію въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, свѣдѣнія, почерпаемые нами изъ другихъ источниковъ убѣждаютъ, что картина, начертанная упомянутымъ Кроди, отличается, вообще говоря, вѣрнымъ колоритомъ.

Дѣйствительно, изученіе письменъ и званіе книжника или ученаго писаря открывало пути къ любой карьерѣ и это званіе въ фа-

¹⁾ Maspero, цит. соч. 48—49.

раоновскомъ Египтѣ цѣнилось чрезвычайно высоко. Вотъ что писалъ современникъ Рамзеса II и его библіотекаръ А менеманъ поэту Пентауру, автору извѣстной поэмы, содержаніе которой приведено выше при обзорѣ изящной литературы.

«Мнѣ сказали, что ты бросилъ литературу, что ты охладѣлъ къ стилистикѣ, что ты увлекся сельскимъ хозяйствомъ, повернулся спиной къ священнымъ текстамъ. Подумай, незавидна судьба земледѣльца! Еще прежде, нежели онъ собралъ жатву, насѣкомыя уничтожаютъ часть его сбора, множество крысъ пожираютъ его хлѣбъ, потомъ налетаетъ саранча, скотина опустошаетъ его жатву, овцы валяются стадами на снопахъ. Если онъ не поторопится свезти съ гумна, что онъ собралъ, воры унесутъ остатокъ жатвы. Стирается сошникъ сохи его, лошаденка, запряженная въ нее, едва передвигаетъ ноги отъ усталости. Прибылъ сборщикъ податей.... Онъ требуетъ десятую часть урожая. Приемъ надсмотрщики съ палками и негры съ пальмовыми розгами. Вотъ они кричатъ «подавай свой хлѣбъ!» А ихъ не прогонишь. Земледѣльца связываютъ и насильно отсылаютъ его на барщину,—работать въ каналахъ; его подгоняютъ пинками. Жена его тоже связана, дѣти плачутъ, сосѣди разбѣжались во всѣ стороны; у нихъ своя жатва на рукахъ. Другое дѣло писарь. Его работа не обложена налогомъ, съ нея совсѣмъ нѣтъ никакихъ поборовъ. Знай же это хорошо!...» ¹⁾.

По окончаніи экзаменовъ получившій званіе книжника или писаря, смотря по наклонностямъ, могъ сдѣлаться жрецомъ, военачальникомъ, инженеромъ, архитекторомъ, сборщикомъ податей, управляющимъ государственными финансами и т. п. Будучи средствомъ къ блестящей каррьерѣ, литература, какъ мы видѣли, находилась въ большомъ почетѣ на берегахъ священнаго Нила и отъ нея осталось нѣсколько отрывковъ, которые были приведены нами въ своемъ мѣстѣ. Вотъ почему всѣ, кто только могъ, стремились получить званіе книжника или писаря, ибо со званіемъ этимъ была сопряжена возможность не только выйти изъ угнетеннаго положенія, но и занять высшія мѣста при дворѣ фараона и въ администраціи, обращаясь, такимъ образомъ, изъ угнетенныхъ въ угнетателей той самой сѣрой массы, изъ которой они выдрались. Конечно, они старались доставить правительству побольше средствъ, но еще болѣе внимательно слѣдили они за собственными карманами. На рабочихъ у нихъ была большая пожива.

Положеніе послѣднихъ, какъ указано, было самое тяжелое, но за то, въ виду постояннаго спроса на трудъ, спроса обыкновенно

¹⁾ Thaer. A. Aeg. Landw.

превышавшаго предложеніе—оборотная сторона денежнаго хозяйства, безработица была явленіемъ неслыханнымъ. Пролетаріатъ не содержался на счетъ общества, какъ это, напримѣръ, имѣло мѣсто въ императорскомъ Римѣ, а наоборотъ, само общество, можно сказать, было основано на трудѣ пролетаріата, хотя утвержденіе это слѣдуетъ принять съ большими оговорками уже по одному тому, что, несмотря на огромное экономическое неравенство, господствовавшее въ странѣ, послѣдняя не переступала границъ натуральнаго хозяйства.

Гораздо яснѣе просвѣчиваетъ другая черта: постоянное вмѣшательство власти въ экономическія отношенія населенія. Въ древнемъ египтянинѣ какъ будто замирала жизнь и онъ не могъ ступить ни шагу безъ своего земнаго Провидѣнія; здѣсь правительственный контроль шелъ гораздо дальше огражденія потребителя отъ порчи матеріала и слишкомъ грубаго обмана,—всюду замѣчается самая мелочная регламентація подробностей производства въ связи съ закрѣпощеніемъ рабочаго люда, котораго держали въ ежесекундныхъ рукавицахъ и подъ вѣчнымъ страхомъ прикосновенія дубья.

Вышеприведенные факты, вкратцѣ резюмированные нами, даютъ въ общихъ чертахъ достаточное представленіе о подневольномъ трудѣ у древнихъ жителей страны фараоновъ,—трудѣ, съ которымъ тѣсно связанъ экономически важный вопросъ о рабахъ и объ ихъ положеніи.

2. Рабство въ Египтѣ. Характеристическая форма собственности, рабство въ древнемъ Египтѣ поддерживалось и питалось тѣми же источниками, какъ и у другихъ народовъ древности, главнымъ образомъ, войнами, а затѣмъ и покупкой.

На памятникахъ, мы часто встрѣчаемъ изображеніе вереницы плѣнныхъ азіатовъ и негровъ, а равно читаемъ о многочисленныхъ рабахъ, получаемыхъ въ видѣ дани. Военноплѣнные, надо полагать, вообще становились собственностью государства; ими пользовались для выполненія колоссальныхъ общественныхъ работъ, для сооруженія дамбъ, плотинъ, каналовъ и для работъ въ рудникахъ и каменоломняхъ, куда, впрочемъ, въ видѣ коллективнаго наказанія иногда ссылались цѣлыя семьи. Способнѣйшіе и обученные военному дѣлу плѣнные зачислялись въ особые отряды, начальниками которыхъ, по большей части, назначались чистокровные египтяне (см. выше). Многіе изъ нихъ назначались на службу въ царскій домъ, въ храмъ или въ дома знатныхъ египтянъ, тогда какъ значительнѣйшая часть ихъ отсылалась на работы въ каменоломни и рудники.

На плѣнныхъ раскаленнымъ желѣзомъ клали клейма съ именемъ фараона, чтобы воспрепятствовать ихъ бѣгству и облегчить, въ случаѣ нужды, ихъ поимку ¹⁾. Сколько можно думать, работы въ рудникахъ считались государственной регаліей, хотя мы видимъ, что частные предприниматели, назначавшіеся правительствомъ, являются въ большинствѣ случаевъ завѣдывающими ходомъ работъ, которыя распределялись соотвѣтственно полу и возрасту работавшихъ. Рабы старше тридцати лѣтъ толкли минералы въ каменныхъ ступкахъ мѣдными пестами или складывали известковые и гранитныя глыбы, женщины растирали куски руды на ручныхъ мельницахъ, а дѣти, пролѣзая въ узкія расщелины скаль, розыскивали тамъ мелкіе осколки руды.

Благодаря указанному раздѣленію труда, явилась полная возможность утилизировать каждаго раба и вытягивать изъ него все, что только возможно, независимо отъ его пола, возраста, силы и слабости. Тѣхъ плѣнниковъ, которые не годились ни въ каменщики, ни въ рудокопы, обыкновенно продавали въ рабство частнымъ лицамъ. Владѣльцамъ рабовъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность заносить имена послѣднихъ въ правительственные списки, такъ что всякій незаконно удерживаемый въ рабствѣ могъ требовать своего освобожденія.

Законъ защищалъ раба отъ жестокости господина, не дѣлая даже разницы между убійствомъ раба и убійствомъ свободнаго человѣка: въ обоихъ случаяхъ убійцу ожидала смертная казнь.

Но само собой понятно, что мѣры, предпринимаемыя въ видахъ защиты раба отъ произвола господина по существу своему имѣли характеръ чисто полицейскихъ постановленій; по своей основной идеѣ онѣ ничѣмъ не отличались отъ постановленій закона, издаваемыхъ, напримѣръ, въ защиту животныхъ, являясь лишь простымъ отраженіемъ извѣстныхъ вѣяній общественной жизни, а не логическимъ выводомъ изъ начала, правомѣрно обоснованнаго.

Итакъ главнѣйшими источниками рабства въ фараоновскомъ Египтѣ служили: а) война, превращавшаяся нерѣдко въ грандіозный походъ для добыванія рабовъ, трудами которыхъ возводились величественныя общественныя постройки и сооруженія; б) торговля, получившая довольно значительные размѣры вслѣдствіе большого спроса на этотъ двуногій скоть; в) дань, которая уплачивалась нѣкоторыми вассальными странами, обязанными поставкой живого товара для египетскихъ сооружений; г) рожденіе, такъ какъ дѣти раба, родившіеся

¹⁾ Вругшъ «Исторія фараоновъ» XVII, 518.

послѣ обращенія послѣдняго въ рабское состояніе, считались такими же невольниками, какъ и ихъ родители и е) судебные приговоры, т. е. утилизація труда людей, осужденныхъ на смерть преступниковъ, избавленныхъ отъ казни милостью фараона; подъ категорію указанныхъ лицъ, по всей вѣроятности, подводились также жертвы правительственнаго произвола и родственники осужденныхъ, которые по тогдашнимъ правовымъ воззрѣніямъ египтянъ, считались такими же преступниками, какъ ихъ осужденные сородичи.

Несмотря на то, что съ рабами въ Египтѣ обходились, сравнительно, не сурово, тѣмъ не менѣе участь этихъ невольниковъ была весьма печальная. Діодоръ лично видѣлъ египетскихъ рабовъ, закованныхъ въ цѣпи, работавшихъ въ рудникахъ подъ надзоромъ стражниковъ, поощрявшихъ ихъ усердіе звонкимъ прикосновеніемъ кнута.

„Никакого снисхожденія, никакого состраданія—говоритъ онъ—къ увѣчнымъ, больнымъ, женщинамъ, старикамъ. Каждый подъ градомъ ударовъ долженъ работать почти безъ отдыха день и ночь, пока хватитъ силъ, пока онъ не упадетъ безжизненнымъ трупомъ гдѣ нибудь въ подземельѣ... Всѣ они наги и грязны: чистота для нихъ недозволённая роскошь“... 1). Онъ же прибавляетъ, что въ рудники попадали также люди, осужденные за ложный доносъ.

По свидѣтельству Библии, домашнахъ рабовъ можно было продавать или дарить 2).

Нѣкоторые изъ фараоновъ Древняго Царства заставляли производить общественныя работы туземное населеніе и памятники изображаютъ намъ легіонъ надсмотрщиковъ, вооруженныхъ дубьемъ и наблюдающихъ за рабочими, взятыми принудительно изъ среды народа.

Съ увеличеніемъ количества рабовъ, что имѣло мѣсто въ эпоху Новаго Царства, повинность по выполненію общественныхъ работъ была возложена на рабовъ, и Рамзесъ II, придерживаясь этой популярной политики, снимавшей бремя съ туземнаго народа, успѣлъ оставить по себѣ добрую память, тогда какъ наоборотъ, всѣ порицали Хеопса, который посылалъ на общественныя работы египтянъ 3).

Какovy были цѣны на рабовъ—въ точности неизвѣстно, но, какъ кажется, цѣна колебалась (беремъ греческую мѣру) между пятью и десятью минами, а по временамъ возвышалась еще болѣе, не только въ зависимости отъ наличнаго спроса и предложенія, но и смотря

1) Діодоръ V, 38.

2) Кн. Бытія XII, 16.

3) Геродотъ II, 24.

по возрасту, физической силѣ, умственному развитію и нравственности раба.

Надо думать, что продуктивность невольника была весьма значительна, хотя ее и нельзя теперь опредѣлить въ точности. Ибо рабовладѣлец не только выручалъ тотъ высокій процентъ, которымъ вообще отличалась древняя эпоха, но успѣшно погашалъ и самый капиталъ, затрачиваемый на приобрѣтеніе раба и безвозвратно погибавшаго въ лицѣ невольника, неспособнаго къ труду или умершаго. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить и премію за рискъ, такъ какъ рабовладѣлец могъ ожидать, что его рабъ,—особенно въ военное время—убѣжитъ и что на поимку его, быть можетъ, напрасно, придется тоже потратить не мало денегъ ¹⁾.

Выше было говорено, что рабамъ, принадлежавшимъ государству, клали клеймо съ именемъ царствовавшаго фараона для того, чтобы облегчить ихъ поимку въ случаѣ весьма возможнаго бѣгства, при чемъ право клейменія предоставлялось также тому храму, въ рабство которому отдавались плѣнные. По крайней мѣрѣ надпись Ибсамбула влагаетъ въ уста Рамзеса II слѣдующія слова, обращенныя къ богу Фта (см. Религія): „...Я клеймлю горячимъ клеймомъ имени твоего чужеземцевъ всей земли“; отсюда можно заключить, что подобный порядокъ въ Египтѣ былъ общепринятъ, что правомъ клейменія рабовъ пользовались всѣ храмы, имѣвшіе невольниковъ и что,—прибавимъ отъ себя,—права этого не были, вѣроятно, лишены и многія частныя лица изъ чиновъ придворной аристократіи или служилаго дворянства, которые являлись собственниками и владѣльцами живого товара, добываемаго на войнѣ или приобрѣтаемаго посредствомъ покупки.

Но каковъ бы ни былъ источникъ рабства, въ существѣ названнаго установленія, ведущаго свое начало отъ самой сѣдой древности, всегда сохранялась его основная идея, что рабъ есть военноплѣнный, которому дарована милосерднымъ побѣдителемъ жизнь и этой идеей опредѣлялась не только участь отдѣльныхъ рабовъ, но и вся исторія развитія рабства, какъ правоваго института.

3. Положеніе женщинъ. Главный общественный трудъ въ древнемъ Египтѣ заключался, разумѣется, не въ грандіозныхъ сооруженіяхъ и постройкахъ, а въ полевыхъ работахъ и въ связанныхъ съ ними отрасляхъ сельско-хозяйственнаго труда. Мы знаемъ, что указанный трудъ несли главнымъ образомъ низшіе податные классы насе-

¹⁾ Грюнбергер «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», IV, 157.

ленія, но не имѣемъ достаточно подробныхъ свѣдѣній, насколько принимали въ немъ участіе женщины.

Найденные документы и даже письменныя свидѣтельства говорятъ, что египтянки пользовались большою независимостью, но это безъ сомнѣнія относится къ женщинамъ высшихъ сословій; въ Египтѣ, какъ и повсюду въ мірѣ, простонародіе, чернь не имѣетъ исторіи и потому врядъ ли мы ошибемся, если предположимъ, что положеніе женщины—простолюдинки въ царствѣ фараоновъ было далеко не изъ блестящихъ ¹⁾.

Изображенія на могилахъ показываютъ намъ женщинъ или, вѣрнѣе, ихъ двойниковъ (см. выше) на томъ свѣтѣ, работающихъ на поляхъ, какъ мужчины и вмѣстѣ съ мужчинами идущихъ за плугомъ, запряженнымъ коровами. Кромѣ того онѣ сѣютъ, жнутъ, заставляютъ коровъ разминать колосья, однимъ словомъ исполняютъ всѣ тѣ полевныя работы, которыя обыкновенно дѣлаетъ сильная половина рода человѣческаго.

Но выводить отсюда заключеніе о крайне подчиненномъ положеніи египетской женщины значило бы впасть въ большую ошибку. Напротивъ, въ странѣ фараоновъ женщина пользовалась достаточной самостоятельностью, отнюдь не была беззащитна относительно отца, мужа и дѣтей; если при вступленіи въ бракъ она получала приданое или ей было обезпечено извѣстное содержаніе, то она распоряжалась этой собственностью по своему усмотрѣнію.

Полученіе приданого мужъ признавалъ въ слѣдующей, одинаковой повсюду, формѣ:

«Пока мужъ и жена живутъ между собою ладно, то мужъ обязанъ доставлять женѣ все, что ей нужно, именно одежду и предметы, требующіеся замужней женщинѣ, но согласно его средствамъ; если же они поссорятся и перестанутъ жить вмѣстѣ, то мужъ обязанъ возратить женѣ приданое немедленно, если онъ самъ удалилъ отъ себя жену и въ теченіе тридцати дней, если разводъ совершенъ по обоюдному согласію; если же онъ этого не сдѣлаетъ въ опредѣленный срокъ, то жена имѣетъ право взыскать съ него въ полуторномъ размѣрѣ стоимость приданого, при чемъ мужъ отвѣчаетъ лично и имущественно, а взысканіе производится исполнительнымъ порядкомъ безъ судебного приговора».

Такимъ образомъ личное достояніе египтянки было ея исключительною собственностью, мужъ, по закону, не имѣлъ надъ нимъ безу-

¹⁾ Древнѣйшій египетскій врачъ, упомянутый выше Сокиятіонки изображенъ на своей гробницѣ рядомъ съ женой, но имя мужа тщательно выведено надъ головой его, а имя его благовѣрной старательно затерто, изъ чего можно заключить, что протецъ медицины былъ счастливѣе при дворѣ, чѣмъ въ семейной жизни.

словнаго права и не могъ имъ пользоваться сообразно своему желанію или прихоти. Но за то изъ найденныхъ папирусовъ видно, что женщины могли совершать акты только при содѣйствіи мужа, брата, сына, зятя или какого нибудь другого родственника, хотя изъ этого правила бывали исключенія: въ римскую эпоху нѣкая женщина, по имени Тармуеа объясняетъ въ своей жалобѣ, поданной римскому префекту, что она дѣйствуетъ отъ своего имени по причинѣ отсутствія мужа и неимѣнія другихъ родственниковъ, которые могли бы отъ ея имени, согласно закону, совершать установленные юридическіе акты и заключать разнаго рода имущественныя сдѣлки.

Изъ текста договоровъ видно, что мужья клялись въ обязательствѣ подчиняться волѣ женъ, которыя имѣли право даже не жить въ одномъ домѣ съ мужемъ.

Несомнѣнною оставалась только обязанность мужей кормить и воспитывать дѣтей жены, несмотря на то, что отеческія свои на нихъ права они рѣдко могли доказать съ совершенной несомнѣнностью.

„Ростите и множитесь!“—таковъ былъ девизъ исповѣданій всего древняго Востока, который въ сохраненіи и умноженіи племени видѣлъ общественный долгъ и обязанность. Долгъ не представлялъ особенныхъ жертвъ и отъ этихъ обязанностей уклоненія были почти неизвѣстны.

Еще Геродота удивляло, что египтянки свободно расхаживаютъ повсюду безъ провожатыхъ и безъ покрывала съ ношами на плечахъ въ противоположность мужчинамъ, которые носятъ тяжести на головахъ. Онъ подчеркиваетъ тотъ странный фактъ, что въ то время какъ онѣ ходятъ по рынкамъ и торгуютъ въ лавкахъ, мужья и отцы ихъ остаются дома, ткуютъ полотно, мѣсятъ горшечную глину и исполняютъ различныя ремесленныя работы ¹⁾. Благодаря наличности указанныхъ данныхъ самостоятельность египтянокъ значительно развилась и онѣ сумѣли выработать себѣ то, чего лишены были почти всѣ остальные женщины древняго Востока,—личность и характеръ. Рамзесъ III, перечисляя свои распоряженія относительно водворенія порядка и благочинія, говоритъ между прочимъ: „Я достигъ того, что нога египтянки могла безпрепятственно проникать всюду и никто по дорогѣ не дерзалъ ее оскорбить“.

Очевидно, что огражденіе женщины отъ приставаній ловеласовъ и прочихъ уличныхъ непріятностей фараонъ считалъ одной изъ немаловажныхъ своихъ заслугъ, достойныхъ того, чтобы объ нихъ упомянуть на памятникахъ.

¹⁾ Геродотъ II, 80.

Какъ повсюду на Востокѣ, въ Египтѣ господствовало узаконенное многоженство, но, какъ мы только что видѣли, о замкнутой гаремной жизни не было и помина.

Во главѣ женъ египтявина находилась такъ называемая госпожа дома, на обязанности которой лежало управленіе домою и хозяйствомъ, при чемъ компаньенками ея были остальные жены, считавшіяся столь же законными.

Разумѣется, возможность имѣть нѣсколькихъ женъ предоставлялась богатымъ или, по крайней мѣрѣ, достаточнымъ людямъ, у бѣдняковъ же была всегда одна жена, помощница мужа въ трудовыхъ занятіяхъ и исполнявшая большую часть работъ: она занимается стращней, прядетъ, шьетъ, носитъ на рынокъ продавать масло, яйца, полотно своего произведенія и т. п., являясь той пружиной, которая приводитъ въ движеніе весь домъ и оставаясь до конца жизни его полной хозяйкой. Но и богатые египтяне нерѣдко предпочитали моногамію, справедливо рассуждая, что если съ одной женой подчасъ нѣтъ слада, то со многими не будетъ его и подавно, а жрецамъ, какъ было уже сказано, многоженство воспрещалось формальнымъ закономъ.

Гаремы фараоновъ отличались особенной роскошью и для прихоти ихъ въ отношеніи числа женъ и наложницъ не допускалось никакихъ ограниченій; характерно, что тексты пирамидъ, говоря о блаженствѣ, которое ожидаетъ въ загробной жизни фараона Унаса (V династіи), упоминаютъ, между прочимъ, что и на томъ свѣтѣ онъ можетъ „отнимать женъ у ихъ мужей“, изъ чего можно заключить, что почтенный фараонъ былъ порядочнымъ бабникомъ, который, не довольствуясь гаремными овечками, зарился еще на чужихъ женъ, очевидно, не раздѣляя мнѣнія, высказаннаго Лепорелло въ „Донъ-Жуанѣ“: „у курицы одинъ и тотъ же вкусъ, что съ чернымъ ли хохломъ она, что съ бѣлымъ!“...

Выйдя очень рано замужъ, къ пятнадцати годамъ египтянка становилась матерью, а къ тридцати—бабушкой. Воля родителей въ сущности рѣшала судьбу дочери, да иначе и быть не могло, такъ какъ помимо исполненія родительской воли, дѣвушку отдавали замужъ слишкомъ молодою.

Зачастую бракъ являлся только сдѣлкой между двумя фамиліями, что, къ сожалѣнію, болѣе, чѣмъ часто повторяется и въ наше время, съ неизбѣжной плутней если не съ обѣихъ сторонъ, то уже навѣрно съ одной.

Въ странѣ фараоновъ обращаетъ на себя вниманіе обычай частыхъ браковъ между братьями и сестрами; примѣръ такихъ брач-

ныхъ союзовъ былъ поданъ богами, — женами Озириса и Сета были сестры ихъ Изида и Нефтида (Nephtis).

Съ теченіемъ времени указанный обычай до того укоренился, что по свидѣтельству одного памятника, относящагося къ царствованію императора Коммода, около двухъ третей гражданъ города Шоду (греч. Арсиноэ) связаны были брачными узами со своими ближайшими родственницами. Въ сборникѣ древне-египетскихъ пѣсень, изданномъ Максомъ Мюлеромъ (см. Музыка) встрѣчается воспѣваніе возлюбленной, которую называютъ сестрой; въ этомъ нельзя не видѣть намекъ на обычай выдавать замужъ дочерей за сыновей, а изъ исторіи Египта, намъ, положительно, извѣстно, что сыновья фараоновъ очень часто брачались со своими родными сестрами, не говоря уже про то, что для узаконенія узурпаціи и продолженіе „солнечной расы“, подобное сохраненіе чистоты фараоновской крови было, до нѣкоторой степени, даже обязательно ¹⁾.

Одинъ изъ древнѣйшихъ египетскихъ моралистовъ, уже извѣстный намъ Птахопту, называя женщину сосудомъ всего дурного, мѣшкомъ, наполненнымъ всякими пороками ²⁾, въ наставленіяхъ своихъ даетъ слѣдующіе совѣты: „если ты благоразуменъ, то наблюдай внимательно за своимъ домомъ, люби свою жену, наполняй ея желудокъ, не отказывай ей въ нарядахъ, старайся привлечь ее къ себѣ ласками; кроткое обращеніе лучше, чѣмъ суровое“.

Другой египетскій мудрецъ, по имени Хонсотпу обращается съ такими наставленіями къ сыну своему Ани:

«Богъ далъ тебѣ мать; бремя за бремя, тяжелую ношу вынесла изъ-за тебя, и я ей не могъ даже помочь въ этомъ. Прошли мѣсяцы—ты родился и она тогда превратилась въ твою настоящую рабыню. Три года ея сосцы питали тебя и, по мѣрѣ того, какъ твои нечистоты становились все противнѣе, брезгливость не заставила ея сердце сказать: «довольно, какая мнѣ нужда выносить это!» Отправляясь съ тобой въ школу, въ которой ты

¹⁾ Подобный же обычай какъ бракъ съ сестрами, существуетъ и у новѣйшихъ сингалезовъ, но ограничивается у нихъ только королевской семьей (см. Тэйлоръ «Первобытная культура» пер. Корочевского, т. I, гл. II, стр. 45).

²⁾ Здѣсь само собой напрашивается на сопоставленіе поученія одного древне-русскаго книжника — женофоба. Сей мужъ, надо полагать, разума не пряткаго, но за то преисполненный самой искренней вѣры, между прочимъ, поучаетъ: «Что есть жена? Дерзая на земли и прелестямъ источникъ, злобѣ сокровище, нечистотѣ смертоносная бесѣда, очамъ попользованіе, душамъ пагуба, сердцу язва, юнимъ погибель, хоругвь адова, ниспадаемое желаніе... Много бо бѣсу помощи въ женахъ... Отъ жены начало грѣху...» и т. д. и т. д.

обучался грамотѣ, она ежедневно приносила съ собой изъ дома хлѣбъ и пиво и садилась около твоего учителя. Теперь ты выросъ, собираешься взять себѣ жену и, въ свою очередь, будешь управлять своимъ домомъ; имѣй же всегда передъ глазами всѣ заботы и попеченія, которыя не щадила для тебя твоя мать и веди себя такъ, чтобы она не имѣла повода упрекнуть тебя въ чемънибудь и воздѣтъ свои руки къ богу, — повѣрь мнѣ, онъ внялъ бы ея материнскому проклятію»...

И въ общественной жизни женщина вовсе не была угнетеннымъ существомъ, на котораго можно было бы смотрѣть *de haut en bas*. Геродотъ говоритъ, что будто ни одна изъ нихъ не допускалась къ исполненію жреческихъ обязанностей, но сообщеніе его невѣрно. Напротивъ, въ самыя отдаленныя времена пользовались онѣ этимъ правомъ, а начиная съ эпохи Новаго Царства нельзя не указать ни одного храма, при которомъ не состояли бы онѣ въ званіи жрицы; дѣвицы также могли поступать въ это званіе; теперь открыто пятьдесятъ гробницъ жрицъ Аммона археологомъ Баллерини.

Памятники почти всегда изображаютъ женщину сидящей на корточкахъ передъ мужемъ и обнимающей его колѣни или стоящей передъ нимъ, если онъ сидитъ, съ положенной къ нему на плечо рукой. Надписи неизмѣнно повторяютъ одну и ту же фразу: „она любила своего мужа“.

Несмотря, однако, на всѣ эти доказательства любви, которыя такъ старательно подчеркиваютъ надписи, нельзя не признать, что упреки египетской женщины въ распущенности нравовъ справедливы какъ нельзя болѣе: даже въ сказкахъ принцессы, жены и дочери жрецовъ и сановниковъ, знатныя и незнатныя одинаково не щеголяютъ добродѣтелью. У Геродота мы находимъ не мало разказовъ въ томъ же родѣ: фараонъ Хеопсъ (Хуфу), по словамъ греческаго историка, не отступилъ даже передъ тѣмъ, чтобы послать свою царственную красавицу-дочь выманивать горячими поцѣлуями у богатыхъ чужеземцевъ золото и драгоценныя камни для обезпеченія окончанія постройки своей пирамиды, Рампсинить (Рамзесъ III?) приказалъ допускать къ своей дочери Бертрери всѣхъ мужчинъ съ той цѣлью, чтобы въ любовныхъ объясненіяхъ вывѣдала она, не окажется ли между ними тотъ воръ, который похищалъ сокровища изъ его кладовой; Ферону (?) царю было предсказано, что исцѣлить его отъ слѣпоты можетъ только женщина, всегда сохранявшая вѣрность своему мужу: тщетно обращался несчастный слѣпецъ ко множеству замужнихъ женщинъ, пока послѣ долгихъ поисковъ не нашелъ, наконецъ, одну, отъ которой удалось ему получить исцѣленіе.

Въ pendant ко всѣмъ указаннымъ сообщеніямъ можно вспомнить и извѣстный библейскій рассказъ о женѣ Потифара ¹⁾ и романъ Сатни-Камоиса съ Тубуи, которая, какъ видно изъ сказки, отличалась жадностью и корыстолюбіемъ продажной женщины, готовой даже на преступленіе.

Разумѣется, нѣкоторыя черты, встрѣчающіяся въ рассказахъ, не слѣдуетъ слишкомъ обобщать, тѣмъ болѣе, что во многихъ изъ нихъ женщина умышленно выставлена въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того нельзя не принять въ расчетъ того обстоятельства, что вся обстановка и домашней, и общественной жизни не могла дѣйствовать на нее благотворно.

„Съ раннихъ своихъ лѣтъ—говоритъ Maspero—вращалась египтянка въ средѣ, оказывавшей вредное вліяніе на ея природныя инстинкты; въ городѣ служанки, окружавшія ея родителей и гостей, не имѣли на себѣ ничего, кромѣ короткой юбки или, вѣрнѣе, пояса; въ деревнѣ работники обходились даже безъ этого легкаго костюма. Религіозныя церемоніи и соблазнительныя изображенія нѣкоторыхъ божествъ не могли не смущать молодую дѣвушку; она развивалась слишкомъ преждевременно; когда впервые говорили ей о любви, то едва ли возникало у нея представленіе о чемъ то идеальномъ и загадочномъ, что облагораживаетъ страсть“...

Въ томъ кругу, гдѣ вращались женщины-аристократки, господствовали суетность, раболѣпство и лесть, интрига за спиной мужа находила себѣ благопріятную почву, всякая страсть—сильнѣйшія возбужденія, кокетство—неистоцимую пищу ²⁾. И какъ было устоять слабымъ натурамъ противъ такого множества искушеній! Здѣсь господствовало непоколебимое убѣжденіе, что всякую женщину можно соблазнить—надо только знать какъ.

Такимъ образомъ, истина эта такъ же стара, какъ и міръ и человѣчество подчинено закону возврата вещей.

„Можно ли держатся тому—замѣчаетъ Сенека—что составляетъ предметъ столькихъ желаній: одинъ плѣняетъ ее (женщину) красотою, другой умомъ, третій остроуміемъ, четвертый щедростью,—крѣпостью, на которую со всѣхъ сторонъ нападаютъ, рано или поздно будетъ взята тѣмъ или другимъ способомъ“ ³⁾.

¹⁾ Кн. Бытія XXIV, 3; ср. Parvugus d'Orbiney.

²⁾ Послѣднимъ Рамессадамъ становился необходимымъ жгучій воздухъ, окружавшій сладострастный сераль, въ которомъ они погружались въ восточную пзвѣженность и окончательно тупѣли въ объятіяхъ придворныхъ одалисокъ.

³⁾ Seneca. De matrim. ed. Haase III, 429.

Женщины вращались въ обществѣ вмѣстѣ съ мужчинами (и памятники очень часто изображаютъ эту пеструю компанію) и потому, конечно, представлялись удобные случаи для сближенія половъ и для завязки любовныхъ отношеній.

Если вѣрить сообщенію Секста Эмпірика, египтянки славились тѣмъ, что въ первую брачную ночь отдавались всякому, кто дѣлалъ имъ подарки; чѣмъ болѣе онѣ зарабатывали указаннымъ образомъ, тѣмъ болѣе было имъ чести. Этотъ обрядовой пережитокъ, по свидѣтельству Страбона, сохранялся весьма долго въ Фивахъ, гдѣ встрѣчались слѣды проституціи, обусловливавшейся культомъ: дѣло въ томъ, что многіе египтяне, не исключая самыхъ знатныхъ, придерживались древняго обычая,—передъ замужествомъ своихъ дочерей отдавать послѣднихъ на службу богинѣ Гаторъ (египетская Венера, см. выше).

Дѣвушка должна была оставаться въ храмѣ до тѣхъ поръ, пока ей не удавалось отдаться тамъ какому нибудь мужчинѣ,—и подобнымъ „благочестивымъ“ обычаемъ не шокировался ни одинъ женихъ. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, подобное обыкновеніе господствовало на всемъ древнемъ Востокѣ (кромѣ Іудей) и нѣтъ ни одного значительнаго народа, который не придерживался бы его ¹⁾.

Развратъ, если такъ можно выразиться, процвѣталъ въ царствѣ фараоновъ и внѣбрачныя связи были самымъ зауряднымъ дѣломъ, даже простыя рабочіе имѣли любовницъ ²⁾. Въ эпоху римскаго владычества большая часть путешественниковъ пріѣзжала въ Канопъ (егип. Карба, см. выше), чтобы предаться тутъ самому необузданному разврату и въ этомъ отношеніи названный городъ славился въ древнемъ мірѣ болѣе другихъ мѣстъ увеселеній и даже вошелъ въ поговорку ³⁾.

Въ Египтѣ, какъ и вездѣ, рабство погубно дѣйствовало на супружескія связи: та же жена Потифара старалась выбрать себѣ любовника между покорными и молчаливыми рабами и такого рода отношенія врядъ ли являлись рѣдкими исключеніями. Діодоръ говоритъ, что женщинамъ, уличеннымъ въ прелюбодѣянніи, рѣзали носы, но само собою разумѣется, что къ его сообщенію нужно относиться осторожно и выше мы показали, съ какимъ сомнѣніемъ принимаемъ сообщаемое имъ свѣдѣніе.

¹⁾ Липпертъ «Исторія семьи» II, 141.

²⁾ Erman «Aegypten und aegyptisches Leben im Altertum», 183. При такой всеобщей эротоманіи странно, что іероглифы не имѣютъ соответствующаго обозначенія слова «поцѣлуй».

³⁾ Страбонъ, XVII, 801; Plut. de Is. et Ozir. c. 27.

Всякій ребенокъ считался законнымъ, даже тотъ, который былъ рожденъ отъ невольницы, такъ какъ, по воззрѣнію народному, отецъ являлся единственной причиной рожденія дѣтей, мать же только питала ребенка. Ради увеличенія населенія древне-египетское законодательство вмѣняло въ обязанность обитателямъ страны „вскормить каждаго родившагося младенца“, а многочисленная семья, по понятію населенія, считалась знакомъ особаго благоволенія со стороны боговъ, за которое они тѣмъ болѣе были признательны, что ея содержаніе стоило немного.

Нѣтъ сомнѣнія, что воззрѣнія на многочисленность потомства, господствовавшія въ странѣ фараоновъ, были цѣликомъ заимствованы евреями, у которыхъ большая семья и доселѣ служить признакомъ милости Іеговы, тогда какъ безплодіе женщины почитается страшнымъ несчастіемъ и можетъ вести къ разводу.

Лишь только дѣти начинали ходить, какъ уже имъ задавалась работа: они подбирали прутья и сухія растенія для заготовки топлива, стерегли гусей, гоняли на водопой скотину и т. п., а начиная съ шести-семи лѣтъ мальчиковъ или посылали въ школу или отдавали обучаться мастерству, чаще всего тому же самому, которымъ занимался отецъ. На дѣвочекъ мало обращали вниманія; однако, достоверно извѣстно, что многія изъ нихъ обучались грамотѣ и первымъ началкамъ знаній, вслѣдствіе чего умственныхъ плебеекъ въ фараоновомъ Египтѣ было значительно менѣе, чѣмъ въ остальныхъ странахъ азіатскаго Востока.

Въ своемъ мѣстѣ упоминалось, что провинціями Египта или номами управляли особые намѣстники (номархи), должности которыхъ, по общему правилу, были наслѣдственны. Однако эта важная должность, начало которой относилось къ самой сѣдой старинѣ и которая возникла ранѣе господства фараоновъ (см. выше), переходила не отъ отца къ сыну, а согласно древне-египетскому закону, къ старшему внуку, рожденному отъ дочери, т. е. не по роду мужскихъ предковъ, а по линіи матерей.

Точно также и въ указанномъ порядкѣ передовались нѣкоторыя административныя должности. Геродотъ говоритъ, что попеченіе о престарѣлыхъ и дряхлыхъ родителяхъ возлагалось на дочерей, а не на сыновей ¹⁾, однако извѣстіе это нельзя признать достовернымъ и памятники его ничѣмъ не подтверждаютъ; существуютъ даже указанія, правда, косвенныя, что попеченіе о родителяхъ представлялось

1) Геродотъ II, 35; ср. Reclus «Primitive Folk», 157.

мужской половинѣ семьи, но какъ бы то ни было, вопросъ этотъ настолько мало разработанъ, что рѣшеніе его теперь еще преждевременно.

Въ церковныхъ документахъ Книги Мертвыхъ, многочисленные экземпляры которой сохранились въ древнихъ гробницахъ, умершій всегда называется сыномъ названной по имени матери, тогда какъ имя отца нерѣдко вовсе отсутствуетъ. Изъ гражданскихъ же документовъ мы узнаемъ, что даже во времена греческаго господства въ странѣ, материнское имя было безусловно необходимо для ихъ составления и только подѣ влияніемъ грековъ оно было вытѣснено отцовскимъ именемъ ¹⁾.

Египтянки отличались тонкими чертами лица, маленькими руками и свѣтлооливковымъ цвѣтомъ кожи, переходившимъ у женщинъ высшихъ классовъ почти въ бѣлый, но все онѣ, какъ уже это водится повсюду, имѣли обычай краситься и мазаться: черной сурьмой (мастемуть) онѣ разрисовывали себѣ брови и рѣсницы, бѣлой краской—ногти, оранжево-желтой ноги и руки и зеленой (иногда) глазныя впадины. Кромѣ того эти широкобедрыя, низкорослыя и болтливыя существа румянили себѣ губы, подводили глаза и тонко разрисовывали несмываемой татуировкой лобъ, подбородокъ и груди. Объ ихъ одѣяніяхъ, прическахъ и украшеніяхъ будемъ говорить при описаніи домашняго быта.

Послѣ смерти мужа вдова его была обязана, согласно установленному обычаю, распустить волосы, посыпать голову землей и въ одной рубашкѣ, спущенной до пояса, бѣгать по улицамъ, неистово вопя о потерѣ супруга; по дорогѣ къ ней обыкновенно присоединялись съ криками и причитаніями ея родственники, друзья, кліенты умершаго и вскорѣ весь кварталъ оглашался дикими воплями и завываніями, на которые даже совсѣмъ посторонніе и, казалось бы, равнодушные люди считали своей непремѣнной обязанностью отвѣчать изъ домовъ.

Впрочемъ, вдовство молодой египтянки не было для нея особенно тяжело, такъ какъ отъ „утѣшителей“ не было отбоя и она, погоревавъ немного, или опять выходила замужъ, создавая себѣ такимъ образомъ новую марьяжную карьеру или сходилась съ однимъ изъ представителей сильной половины рода человѣческаго.

О законахъ касательно женской части мы уже говорили выше (см. Юстиція).

¹⁾ Reivilon. «Papyrus desnotique»; Reclus, *ibid.* 159.

При самостоятельномъ и, относительно говоря, независимомъ положеніи женщинъ въ Египтѣ, онѣ, подобно полькамъ эпохи Ягеллоновъ и *dynastie de Saxe*, имѣли значительное вліяніе на политическую жизнь фараоновскаго Царства, вліяніе, съ которымъ мы встрѣтимся не разъ при изложеніи египетской исторіи, изобилующей многими любопытными подробностями относительно политической роли древнихъ египтянокъ.

О проституціи въ странѣ фараоновъ мы знаемъ мало; извѣстно только, что роль публичныхъ дѣвокъ, кромѣ любострастныхъ бабъ-дурехъ и „женщинъ дивана“, часто исполняли танцовщицы и пѣвицы, прошедшія, надо полагать, всѣ стадіи кутежа и разврата.

Чтобы окончательно покончить съ женскимъ вопросомъ на берегахъ Нила, намъ остается только привести здѣсь содержаніе одного изъ найденныхъ недавно отрывковъ папируса, литература котораго касается совершенно новаго отдѣла,—отдѣла любовной поэзіи. Въ названномъ произведеніи молодая египтянка обращается къ своему обожателю съ такою рѣчью:

«Взгляни, какъ провожу я время; вотъ своею рукою разставляю я силки; всякія птицы Аравіи порхаютъ надо мною; та или другая изъ нихъ становится моею добычей, пухъ ея пропитанъ ароматами Пунта, но не это занимаетъ меня,—какъ было бы хорошо, еслибы и ты вмѣстѣ со мною разставлялъ силки, прислушиваясь къ жалобному писку моей плѣнницы, какъ отрадво гулять по полямъ, когда любишь другъ друга... Я вся трепещу, не могу справиться съ силками, по неволѣ надо бросить ихъ; что скажу и матери, когда вернусь домой? Каждый разъ приносила я богатую добычу, а теперь у меня нѣтъ ничего; это потому, что любовь къ тебѣ овладѣла мною... О, красавецъ, только и желаю я, чтобы быть хозяйкой въ твоемъ домѣ, чтобы рука моя не разлучалась съ твоею... Если ты не придешь ко мнѣ сегодня вечеромъ, я буду похожа на того, кто лежитъ въ гробу,—вѣдь для меня ты жизнь и здоровье... Выхожу я изъ дома, очи мои обращены на дорогу, ухо прислушивается къ отдаленнымъ шагамъ, жду я своего друга; нѣтъ, это посланный, который спѣшитъ смутить меня извѣстіемъ, что онъ не свободенъ, что ему нельзя придти... О, дорогой мой, зачѣмъ разбивать любящее тебя сердце!»...

Въ этомъ произведеніи можно подмѣтить вопль любящей женской души, сильно тоскующей въ разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ, къ которому стремятся всѣ ея надежды и помыслы.

Изъ всего того, что было говорено выше о положеніи женщины въ фараоновскомъ Египтѣ, на трудно вывести заключеніе, что оно было во всѣхъ отношеніяхъ болѣе, нежели удовлетворительно, и во всякомъ случаѣ представляло рѣзкую противоположность съ рабскимъ

состояніемъ ея въ остальныхъ странахъ древняго Востока (кромѣ Іудей, разумѣется, въ которой социальное положеніе еврейки при исключительно моногамическомъ строѣ общества было несомнѣнно выше, нежели женщины древняго Египта), гдѣ менѣе всего цѣнилось и доселѣ мало цѣнится нравственное достоинство женщины, вслѣдствіе привычки видѣть въ ней только рабу или наложницу.

12. Домашній бытъ.

Плодородная почва Египта дѣлаетъ излишнимъ производство большей части полевыхъ работъ, требуя главнымъ образомъ попеченія о правильномъ орошеніи и позволяя прокармливать громадное населеніе. Діодоръ утверждаетъ, что Египетъ былъ такъ густо населенъ, что въ немъ имѣлось восемнадцать тысячъ городовъ; цифра эта несомнѣнно преувеличена, но самая смѣлость преувеличенія указываетъ на густоту населенія царства фараоновъ сравнительно съ другими странами. Тогдашнее его населеніе полагають въ семь милліоновъ, т. е. почти столько же, сколько и теперь, если исключить изъ счета населеніе Нубіи и восточнаго (египетскаго) Судана.

1. Одежда. Климатъ нильской долины жаркій и потому одежда для взрослыхъ требовалась въ небольшомъ количествѣ и притомъ легкая. Изображаемая на памятникахъ одежда египтянъ весьма несложна; у низшаго рабочаго класса она, повидимому, ограничивалась однимъ прямоугольнымъ передникомъ, укрѣпленнымъ при помощи пояса и спускавшимся до колѣнъ; онъ состоялъ изъ куска кожи или бумажной матеріи.

Одежда знатныхъ состояла изъ большого продолговатаго куска матеріи, который надѣвался поверхъ передника такимъ образомъ, что обертываясь вокругъ пояса и верхней части ногъ давала возможность видѣть нижнюю часть узкаго, надѣтаго спереди передника, форма котораго можетъ считаться характерной для египтянъ и встрѣчается на большинствѣ изображеній. Кромѣ него, въ древнѣйшія времена иногда употреблялась еще узкая накидка, покрывавшая спину и плечи и застегивавшаяся на груди.

Начиная съ эпохи Новаго Царства входитъ во всеобщее употребленіе такъ называемый каласирисъ, т. е. передникъ изъ прозрачной матеріи, имѣвшій форму короткой юбки, спускавшейся складками. Короткій каласирисъ поддерживался на подтяжкахъ, а длинный

разрѣзной состоялъ изъ прямоугольнаго куска ткани, длина котораго равнялась двойному человѣческому росту и который складывался вдвое. Ширина матеріи въ плечахъ обыкновенно была нѣсколько меньше, чѣмъ внизу. Тканый каласирисъ былъ до такой степени эластиченъ, что, плотно охватывая тѣло, нисколько не стѣснялъ свободы движеній.

Этотъ родъ одежды носился и женщинами, а также и людьми рабочаго класса; у послѣднихъ онъ былъ нѣсколько подрѣзанъ и укороченъ. Туземцы Нубіи и Абиссиніи употребляютъ каласирисъ въ такомъ же точно видѣ и до сихъ поръ ¹⁾.

Жрецы носили бѣлую холстинную одежду, а при богослуженіяхъ набрасывали на плечи шкуру пантеры или леопарда, которая охватывала спину, пропускалась подъ мышку и на плечѣ связывалась ремнями; кромѣ того при извѣстныхъ церемоніяхъ надѣвались длинные вышитые пояса и другія украшенія.

Фараонъ одѣвался необыкновенно пышно, какъ это подобало „вѣчноживущему сыну солнца“. Длинная одежда изъ дорогихъ прозрачныхъ тканей со складками, украшенная сзади хвостомъ шакала, а спереди передникомъ изъ толстой золотой парчи съ символическими изображеніями, затѣмъ широкой поясъ съ золотыми украшеніями, богатыя сандалии съ загнутыми кверху носками и довольно затѣйливый головной уборъ: какъ властелинъ Верхняго Египта царь носилъ бѣлую корону, — что-то среднее между тиарой и конусообразнымъ шлемомъ, а какъ повелитель Нижняго Египта, — красную, — низкій уборъ съ высокимъ наконечникомъ въ видѣ остраго выступа. Соединеніе ихъ обѣихъ образовало двойную корону — *псентъ*. Знаки царскаго достоинства состояли изъ скипетра, въ формѣ загнутаго посоха, треххвостаго бунчука и уреуса (*uraeus*), священной змѣи, символически обозначавшей власть фараона надъ жизнью и смертью; она красовалась на нижнемъ краю короны и приготавливалась изъ золота, эмали или изъ позолоченной бронзы (о значеніи ея см. выше).

При жертвоприношеніяхъ одѣяніе и головной уборъ измѣняются сообразно свойству совершаемаго обряда, причемъ впродолженіе его они иногда мѣняются нѣсколько разъ. Одному обряду жертвоприношенія приличествуетъ барсовая шкура на плечѣ и сандалии съ приподнятыми носками, другой требуетъ, чтобы совершающій его опоясался передникомъ съ хвостомъ шакала и разулся и т. п. ²⁾.

¹⁾ Г. Вейсъ. «Kostümkunde». 27. Lepsius «Briefe aus Aegypten» etc. 182; Ф. Готтенротъ «Истор. вѣщн. культур.», т. I, 2.

²⁾ Maspero «Lectures historiques», 56.

Въ извѣстныхъ случаяхъ фараонъ надѣвалъ спереди на животъ треугольную фигуру, сдѣланную изъ золота, кожи или цвѣтной льняной ткани и представлявшую собой нѣчто вродѣ передника.

Женщины обыкновенно изображаются въ длинной полотняной туникѣ, прилегавшей плотно къ тѣлу и закрывавшей его отъ груди до ладыжекъ; платье это придерживалось двумя тесьмами на плечахъ, но иногда оно покрывало грудь и плечи и въ такомъ случаѣ ткалось съ короткими и узкими рукавами.

Знатныя женщины носили тонкія и прозрачныя матеріи, которыя не мѣшали видѣть очертанія ихъ легкаго стройнаго стана.

Въ эпоху Новаго Царства костюмъ знатныхъ египтянокъ состоялъ изъ широкой сорочки и короткаго каласириса, а сверху накидывался четырехугольный съ закругленными краями плащъ, который драпировался довольно живописнымъ образомъ.

Одной изъ отличительныхъ чертъ костюма у высшихъ классовъ, возникшій въ вышеуказанную эпоху египетской исторіи, являлся широкій воротникъ-ожерелье, прикрывавшій верхнюю часть груди. Это національное украшеніе, носимое одинаково какъ мужчинами, такъ и женщинами, отдѣлялось золотомъ и разноцвѣтной эмалью, считаясь почетнымъ царскимъ подаркомъ. Онъ приготовлялся также изъ сплетенной изъ цѣпочекъ сѣтки, на которую нашивались жемчугъ, стеклянные шарики съ цвѣтными жилками и разныя символическія украшенія изъ разноцвѣтныхъ камней, глазурированной глины или благородныхъ металловъ. Въ гробницахъ часто можно встрѣтить эти украшенія, являющимися лучшими образчиками тогдашняго ювелирнаго искусства (см. Ремесла и промышленность).

Обувь состояла изъ сандалій, приготовлявшихся или изъ кожи или изъ папирусовыхъ волоконъ и прикрѣплявшихся къ ногѣ посредствомъ двухъ ремней,—широкаго, усаженнаго металлическими бляшками и охватывавшаго подъемъ ноги и узкаго, прикрѣпленнаго къ носку сандаліи; узкій ремень пропускался между большимъ и вторымъ пальцами и крѣпко пристегивался къ срединѣ широкаго. Иногда эти ремни связывались наглухо, и тогда сандалію можно было надѣвать на ногу какъ башмакъ или туфлю.

Простой людъ не носилъ, разумѣется, сандалій съ загнутыми къ верху носками и разноцвѣтными ремешками, а довольствовался толстой подошвой въ видѣ простой стельки; съ обѣихъ сторонъ у каблука она снабжалась ушками, въ которыя продѣвались кожаные ремни, а третій ремень, прикрѣпленный между большимъ и вторымъ

пальцами, шелъ къ подъему и тутъ привязывался къ двумъ другимъ. Иногда сандалии приготовлялись изъ соломы.

Женская обувь ничѣмъ не отличалась отъ мужской, развѣ, была меньше и изящнѣе. Нужно еще замѣтить, что обувь носили только достаточные люди, кто былъ побѣднѣе довольствовался собственной подошвой.

Обычай брить голову былъ распространенъ почти повсемѣстно (исключеніе составляли солдаты, когда они находились въ отдаленныхъ походахъ и путешественники), при чемъ для защиты отъ солнца носили небольшія легкія накладки. Съ эпохи Новаго Царства можно отмѣтить начало употребленія париковъ, по азіатскому обычаю, со свернутыми въ трубку локонами. Мода эта господствовала у высшихъ классовъ, которые носили иногда по два парика за разъ, надѣвая ихъ одинъ на другой.

Египту принадлежитъ честь изобрѣтенія зонга, который отсюда распространился по всему міру и употреблялся исключительно для защиты головы отъ палящихъ лучей солнца. (Настоящіе „дожденосцы“ вошли въ употребленіе не ранѣе XVIII вѣка нашей эры).

Дѣти носили накладныя косы, считавшіяся отличительными признаками дѣтства. Бороду дозволялось носить только нѣкоторымъ лицамъ изъ знати и въ видѣ исключенія нѣкоторымъ жрецамъ, при чемъ борода была „установленнаго образца“ и почти всегда искусственная. Фараоны присвоили право украшать свой подбородокъ загнутымъ пучкомъ волосъ на подобіе улитки, на которомъ иногда помѣщался уреусъ,—священное изображеніе змѣи.

Женщины носили длинные волосы, ниспадавшіе до самыхъ плечъ тонкими локонами; иногда, впрочемъ, и онѣ брили головы и носили парики, но это встрѣчалось крайне рѣдко, въ большинствѣ же случаевъ онѣ придерживались болѣе естественнаго обычая носить природныя волосы, которые расчесывались ими съ большимъ стараніемъ. Большая длина и пышность женскихъ волосъ, какъ природныхъ, такъ и фальшивыхъ, обуславливали различіе между мужскимъ и женскимъ головнымъ уборомъ.

Круглая шапочка, которою мужчины покрывали свою обриту голову, замѣнялась у женщинъ широкимъ платкомъ, который накидывался на голову и своими связанными концами, собранными въ складки, охватывалъ волнистыя волосы на подобіе чехла. Этотъ простой головной уборъ обратился впоследствии, черезъ прибавленіе къ нему различныхъ головныхъ украшеній въ особаго рода нарядъ ¹⁾.

¹⁾ Вейсъ *ibid.* 33.

Одежда царицъ въ общемъ походила на одежду женщинъ высшихъ сословій и состояла въ большинствѣ случаевъ или изъ длиннаго платья (выражаясь по современному), сшитаго изъ прозрачной ткани или изъ національной женской рубашки и надѣтаго поверхъ ея драгоцѣннаго, шитаго золотомъ одѣянія. Ея талія дважды охватывалась шарфомъ, концы котораго спереди опускались внизъ ¹⁾. Символами ея достоинства были: лиліеобразный скипетръ и золотой головной уборъ въ формѣ коршуна или ястреба, когти котораго держали перстень съ печатью или разноцвѣтную шапочку съ цвѣткомъ лотоса.

Иногда этотъ пышный головной уборъ замѣнялся простой діадемой, которую носили также молодыя царевны.

Одежда придворныхъ сановниковъ отличалась большимъ разнообразіемъ, смотря по должности каждаго изъ нихъ, опредѣлявшей не только самый костюмъ и головной уборъ, но и малѣйшія ихъ подробности; напримѣръ, жрецы носили особыя символическія изображенія, составленныя изъ перьевъ птицъ и листьевъ лотоса, верховный судья—грудную пластинку, вырѣзанную изъ ляписъ-лазури, ученые—двойное перо и т. п. При религіозныхъ процессіяхъ иногда надѣвали маски священныхъ животныхъ: ибиса, шакала, ястреба и проч.

Объ одеждѣ войскъ было говорено выше.

Мужскія украшенія состояли изъ широкихъ колецъ, которыя одѣвались на руки выше локтя, на запястье, и на ноги вокругъ щиколки; они были круглыя, дѣлались большей частью изъ золота съ узоромъ изъ разноцвѣтной эмали и всегда тщательно пригонялись къ той части тѣла, для которой предназначались. Находили муміи, руки которыхъ были буквально всѣ унизаны кольцами. Кромѣ колецъ мужчины носили еще перстни или металлическіе или приготавливавшіеся изъ глазурированной каменной массы въ формѣ какого нибудь іероглифическаго знака.

Женщины носили украшенія почти на всѣхъ частяхъ тѣла, гдѣ только это было возможно, даже на бедрахъ. Въ торжественныя дни онѣ надѣвали металлическія или стеклярусныя браслеты на кисти рукъ, на ладышки и проч., широкое ожерелье изъ фаянсовыхъ муравленыхъ трубочекъ или изъ металлическихъ фигурокъ, серьги съ подвѣсками и безъ оныхъ, узорчатая повязка, сѣтки для волосъ и т. п. Кромѣ того онѣ любили украшать себя кольцами, лентами, живыми цвѣтами, помадили свои волосы, причемъ выкрашивали ихъ

¹⁾ Готтенротъ, *ibid.* I, 6.

иногда въ синій цвѣтъ, наряжались, румянились, однимъ словомъ продѣлывали все то, что такъ свойственно вообще женщинамъ всѣхъ эпохъ, земель, состояній и націй.

Парфюмерія пользовалась огромнымъ почетомъ въ Египтѣ: люди высшаго общества, особенно дамы, всегда имѣли во рту для благоуханія пилюли изъ мастики, меда, мирты, смолы и проч.

Вліяніе, которое оказали на египтянъ азіатскія войны и порожденныя ими сношенія съ богатой Азіей, отразились уже на самыхъ древнихъ памятникахъ указанной эпохи; изображенныя на этихъ памятникахъ костюмы, мужскіе и женскіе, отличаются роскошью, разнообразіемъ и нисколько не похожи на простую одежду предыдущаго періода. Уже въ эпоху XI-ой династіи, т. е. еще до завоевательныхъ походовъ въ Сирію, въ обычаи и образъ жизни египтянъ начинается мало по малу проникать азіатская утонченность, вліяніе которой не ограничивалась одной внѣшней обстановкой, но проникло даже и въ культу 1).

Въ древне-египетское религіозное ученіе былъ внесенъ новый азіатско-греческій элементъ (при XXVI-ой династіи), который не мирился съ древней храмовой мудростью Египта (см. Религія); однако уже при послѣднихъ фараонахъ XIX-ой династіи (см. ниже) стало обнаруживаться губительное вліяніе азіатской культуры; государство начало утрачивать свою первоначальную силу и постепенно близилось къ окончательному распаденію подъ напоромъ усиливавшася наплыва азіатскихъ элементовъ, которыхъ особенно привлекала богатая и цвѣтущая долина священнаго Нила и которые, наконецъ, овладѣли царствомъ фараоновъ въ эпоху персидскаго нашествія. (См. Исторію Египта въ Саисскій періодъ).

2. Жилище и утварь. Большая часть жилыхъ помѣщеній была построена изъ земли, ила или необожженной глины; каждый кирпичъ приготовлявшійся изъ нильскаго ила и рубленной соломы, имѣлъ около фута въ квадратѣ, отъ трехъ до четырехъ дюймовъ толщины и носилъ врѣзанное въ форму имя царствовавшего фараона.

Такимъ образомъ обитателямъ нильскаго оазиса какъ бы самой природой былъ указанъ матеріалъ, болѣе удобный для обработки, чѣмъ камень; дѣло въ томъ, что жирный иль, размягчаемый во время полноводія, отвердѣваетъ на солнцѣ, приобрѣтая твердость камня, которому по желанію можно было придать любую форму и въ странѣ,

1) Подробн. см. Бругшъ XXIII, 702.

гдѣ почти никогда не бываетъ дождя изъ такихъ высушенныхъ на открытомъ воздухѣ кирпичей, а добовъ, можно было строить весьма прочныя стѣны. О томъ, какъ возводились въ Египтѣ дома мы можемъ составить себѣ понятіе на основаніи изображеній, покрывающихъ памятники. Ходъ работъ, приблизительно, слѣдующій. Нѣсколько рабочихъ отправляются къ ближайшему тинистому пруду и ведрами начинаютъ черпать изъ него иль, выбрасывая на землю; заготовивши его вдоволь, мѣсятъ и сбиваютъ съ галькой и рубленной соломой, смѣсью наполняютъ деревянные формы, которыя одинъ изъ работниковъ уноситъ и опрастываетъ для просушки на солнцѣ. Черезъ нѣсколько часовъ кирпичъ готовъ для употребленія и начинается работа.

Объ очисткѣ мѣста постройки отъ нанесеннаго на него мусора и объ утвержденіи прочнаго фундамента даже рѣчи нѣтъ и всѣ подготовительныя работы ограничиваются выравниваніемъ образовавшихся отъ наноса мусора неровностей. Новая постройка ничѣмъ не отличается отъ прежней, развѣ только тѣмъ, что она возведена на мѣстѣ болѣе возвышенномъ.

Вслѣдствіе того, что послѣ каждаго наводненія перестройка жилыхъ зданій совершается всегда подобнымъ образомъ, происходитъ постепенное возвышеніе уровней кварталовъ надъ окружающею долиною какъ бы подъ вліяніемъ почвеннаго возвышенія, и черезъ нѣсколько столѣтій всѣ эти населенныя мѣстности оказываются расположенными на настоящихъ холмахъ, образовавшихся изъ наносной земли, ила и на обломкахъ разрушенныхъ зданій ¹⁾.

На памятникахъ нигдѣ не встрѣчаются изображенія зданій болѣе, чѣмъ въ три этажа, но по свидѣтельству Діодора, уже въ самыя отдаленныя времена въ странѣ воздвигались зданія въ четыре и въ пять этажей ²⁾, что весьма возможно, если принять въ расчетъ скученность древне-египетскаго населенія.

Городскіе дома состояли по большей части изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ маленькимъ дворикомъ, надъ которыми возвышалась тонкая кровля изъ наложенныхъ другъ на друга пальмовыхъ листьевъ. Въ болѣе богатыхъ помѣщеніяхъ, обнесенныхъ стѣною съ пробитою въ ней невысокой дверью, полъ и потолокъ состояли изъ распиленныхъ пополамъ настилокъ и бревенъ, обтесанныхъ на два или на четыре канта, причемъ плоская кровля покрывалась тонкимъ слоемъ земли и засаживалась цвѣтами.

¹⁾ Maspero, loc. cit. 3.

²⁾ Діодоръ I, 45.

Надъ нижнимъ этажемъ, предназначеннымъ служить кладовою для съѣстныхъ припасовъ и разнаго рода хозяйственныхъ принадлежностей, находилась терраса и возводился второй этажъ изъ двухъ-трехъ комнатъ, въ которыя можно было проникнуть по лѣстницѣ, прислоненной къ стѣнѣ со двора. Этотъ верхній этажъ занимала семья. Въ зависимости отъ величины дома, въ немъ устраивался одинъ или нѣсколько входовъ, которые запирались деревянной дверью, обыкновенно, двухстворчатой, съ предохранительными засовами. Дома богатой знати украшались красивыми порталами (см. выше), открытыми сверху и поднятыми отъ земли на нѣсколько ступеней.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ богатаго жилого дома являлась небольшая башенка, въ которой обыкновенно устраивались спальныя покои, гдѣ обитатели дома могли спать, не тревожимые комарами. Снаружи на улицу домъ имѣлъ, по большей части, простой, ничѣмъ не украшенный фасадъ и маленькія окна его были обращены на сѣверъ.

Облицовка дѣлалась изъ дерева или камня въ господствовавшемъ архитектурномъ стилѣ. Надъ дверьми занятаго и обитаемаго дома на щитѣ выставлялось имя и званіе хозяина, подобно современнымъ надворотнымъ вывѣскамъ. Для защиты отъ дневного зноя служили ставни, занавѣсы и ковры. Шедшія вокругъ двора галлерей играли роль столовой, куда къ обѣду собиралась вся семья¹⁾, причемъ для охлажденія употреблялось превосходное средство: на сквозномъ вѣтру ставились пористыя глиняныя кувшины („кулле“) съ водою, которая при охлажденіи испарялась и освѣжала воздухъ.

Дворцы фараоновъ отличались громадными размѣрами и великолѣпіемъ, что, конечно, должно было соответствовать царскому сану, представители котораго являлись въ то же время видимые представители божества.

Между архитектурой храмовъ и дворцовъ не было существенной разницы, а если она была, то до сихъ поръ еще не удалось опредѣлить, въ чемъ она заключалась (о храмахъ см. выше, Архитектура); остатки такъ называемаго дворца Рамзеса III (въ Мединетъ-Абу) врядъ ли составляли жилище фараона, скорѣе всего они служили пристройкой къ большому царскому дворцу.

За домомъ находился обыкновенно садъ съ плодовыми деревьями, правильно разбитыми куртинами и аллеями и орошаемый посредствомъ каналовъ, которыми, какъ мы знаемъ, была изрѣзана вся нильская

¹⁾ Геродотъ II, 35.

долина; между деревьями устраивалось нѣсколько продолговатыхъ бассейновъ, обведенныхъ каменными стѣнками и украшенныхъ густыми группами лотоса. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ садахъ находились красивые кіоски изъ досокъ, затѣйливые крытые ходы, бесѣдки и т. д.

За садомъ слѣдовали амбары, скотные дворы, конюшни, склады и прочія хозяйственныя постройки. Въ большинствѣ случаевъ все пространство, занятое усадьбой, огораживалось заборомъ или обносилось каменной стѣной, наружная сторона которой была сложена откосомъ¹⁾.

Само собой разумѣется, что описанное устройство домовъ и вообще различныхъ помѣщеній могли имѣть только состоятельные люди, бѣдняки же довольствовались простыми лачугами, гдѣ вмѣстѣ съ ними помѣщался и ихъ скотъ. Обѣдали они, конечно, не на галлереяхъ, какъ богачи, а у себя на дворѣ или даже прямо на улицѣ, ибо, по возрѣнію ихъ, только некрасивые дѣла должны совершаться въ тайнѣ, честныя же—открыто²⁾.

Мебели въ народномъ быту почти не существовало за исключеніемъ, развѣ, чисто національнаго сѣдалища—цыновокъ изъ тростника или грубыхъ толстыхъ подстилокъ, сплетенныхъ изъ камыша. У высшихъ классовъ употреблялись разныхъ формъ стулья съ подушками и фигурными ножками, а также складныя кресла съ высокими спинками, самыхъ разнообразныхъ формъ столы, каменные или деревянные объ одной, трехъ или четырехъ ножкахъ, маленькія скамейки, родъ нашихъ табуретокъ и т. п. мебель, съ которой египтяне познакомились во время своихъ походовъ въ Азію. Спали на кроватяхъ или кушеткахъ, со спинкою и безъ оной, а иногда спальное ложе замѣнялось низкими и длинными скамейками; вмѣсто подушекъ подъ голову клали особыя подстилки изъ кожи. Часто вмѣсто кровати употреблялась цыновка изъ пальмовыхъ волоконъ, загнутая кверху и снабженная особыми колючками для предохраненія спящихъ отъ нападенія непрошенныхъ гостей,—скорпіоновъ, которые нерѣдко залѣзали подъ одѣяло: не спасалъ и пологъ.

Для храненія одежды служили болѣе или менѣ изящныя сундуки и ящики. Въ домашней мебели подданные фараоновъ предпочитали мягкія, волнообразно-изогнутыя кривыя линіи въ противоположность мебели ассирійской³⁾, у которой преобладали прямыя вытянутыя линіи.

¹⁾ Вейсъ, *ibid.* 55.

²⁾ Геродотъ II, 36.

³⁾ Готтенротъ, *ibid.* 7.

Въ богатыхъ домахъ мы видимъ ванны, каменные и металлическіе (у фараоновъ золотые) умывальники, металлическія туалетныя зеркала, каменныя бритвы, деревянныя и костяныя гребешки, коробочки съ румянами и прочими косметическими средствами, флаконы для мазей и т. п. Приборами для освѣщенія служили лампы въ видѣ плоской чашки и небольшіе ручныя фонари самаго примитивнаго устройства.

Изъ посуды употреблялись глиняныя кувшины, яйцевидныя длиннгорлыя сосуды, металлическіе и деревянныя, съ ручками и безъ оныхъ, обыкновенныя ведра, затѣйливой формы кубки чашы, стаканы, куфлы и мног. друг.

Кухонную посуду составляли плоскія чашы, блюда съ коническими крышками, родъ нашихъ ложекъ, сосуды съ ручками, ковши, деревянныя и каменныя ступки, плоскія и круглыя корзинки, разнаго рода воронки, дорогіе подносы, посуда для питья и т. п. Ножей и вилокъ не существовало; кушанье подавалось на столъ уже разрѣзаннымъ на куски, которые брали и отправляли въ ротъ пальцами правой руки. Для варки пищи употреблялись металлическіе котлы, сковороды и вертела.

Что касается до утвари фараоновъ, то она такъ разнообразна, что нѣтъ возможности даже перечислить ее всю, тѣмъ болѣе, что помимо національныхъ издѣлій, главная масса ея поступала изъ Азіи какъ дань отъ вассальныхъ народовъ. Упомянемъ лишь о царскомъ тронѣ, который, какъ наиважнѣйшая принадлежность власти, сохранилъ въ древнемъ Египтѣ освященную вѣками форму равносторонняго куба, но пышностью своего убранства превосходилъ всю остальную утварь.

Обитое золотыми листами и расписанное разноцвѣтной финифтью сидѣніе, съ богато вышитой подушкой стояло, на роскошно отдѣланномъ широкомъ возвышеніи. Главнѣйшія украшенія трона состояли изъ іероглифическихъ знаковъ, имѣвшихъ отношеніе къ особѣ царя и его божественному сану. Надъ трономъ возвышался на четырехъ стройныхъ колонкахъ съ лотосовыми капителями плоскій, къ переди слегка покатый балдахинъ, дополнявшій убранство этого сѣдалища, которое должно было символизировать собою могущество возсѣдающаго на немъ фараона ¹⁾.

Тронныя носилки, въ которые садились цари во время торжественныхъ процессій и надъ сидѣніемъ которыхъ былъ утверждень

¹⁾ Вейсъ, *ibid.* 90; ср. Lepsius «*Todtenbuch der Aegypter*» 125; Rosellini II, 75.

родъ зонта, въ видѣ распущеннаго опахала, приготовлялись изъ золота или позолоченной бронзы и украшались изображеніями различныхъ священныхъ животныхъ и неизмѣннымъ уреусомъ.

О боевыхъ колесницахъ и объ ихъ устройствѣ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

И въ утвари, подобно тому, какъ въ одеждѣ, мы можемъ подмѣтить сильное вліяніе азіатской культуры, что сказывается въ умноженіи и усовершенствованіи различныхъ принадлежностей и потребностей комфорта въ эпоху безконечныхъ сирійскихъ войнъ и походовъ.

3. Пища. Образъ жизни низшихъ классовъ отличался большой простотой и былъ вполне приуроченъ къ климатическимъ условіямъ страны. Такова же была и ихъ пища.

Обыкновенный хлѣбъ приготовляли изъ дурры, разновидности сорго, о значеніи котораго было говорено при обзорѣни мѣстной флоры; хлѣбъ этотъ отличался необыкновенной питательностью, но былъ нѣсколько тяжелъ. Въ отдаленную эпоху дурру не знали въ Нижнемъ Египтѣ и въ дополненіе къ финикамъ употребляли въ пищу нѣчто вродѣ хлѣба изъ лотоса, корень котораго считался съѣдобнымъ. Кромѣ того въ огромномъ количествѣ потреблялись пшеничные и ячменные хлѣбы. Процессъ хлѣбопеченія производился слѣдующимъ образомъ. На продолговатый камень насыпаютъ нѣсколько горстей хлѣбныхъ зеренъ и размельчаютъ послѣднія при помощи другого камня, играющаго роль катка.

Перемолотая такимъ примитивнымъ способомъ мука получается довольно крупной съ плохо раздавленными зернами, смѣшанной съ отрубями, пылью и мелкими осколками камня. Въ этомъ видѣ муку мѣсятъ съ небольшимъ количествомъ воды, а вмѣсто дрожжей прибавляютъ немного стараго тѣста и изъ образовавшагося указаннымъ путемъ тѣста готовятъ круглыя лепешки толщиной въ палецъ и шириной въ діаметрѣ вершка въ четыре, потомъ кладутъ ихъ на плоскіе камни и покрываютъ горячей золой ¹⁾. Хлѣбы были плоскіе, продолговато-круглой формы, съ приподнятыми краями. Болѣе изящное печеніе имѣло видъ звѣздъ, цвѣтовъ, рыбъ, треугольниковъ и т. п.

Къ покупателямъ хлѣбы эти относились на длинныхъ доскахъ или, въ большинствѣ случаевъ, въ низенькихъ корзинахъ на головѣ.

¹⁾ Maspero, *ibid.* 11.

Меню древнихъ египтянъ было несложно: родъ плоской лепешки, кисловатой на вкусъ, испеченной изъ кулешти (полба), луковица, кусочекъ мяса или птицы, запиваемой кружкой вина или пива;—таковъ былъ непрехотливый египетскій обѣдъ, которымъ харчилась цѣлая семья. Затѣмъ употреблялись въ пищу различные овощи: огурцы, лукъ, дыни, чеснокъ, смоквы, баджанъ, лупинъ, дикій просвирнякъ и т. п. У высшихъ классовъ харчъ отличался большей изысканностью и къ столу подавались: жареный гусь, утка, говядина, рагу, рыба и разнаго рода дичь; кромѣ вина они употребляли шо ду (пальмовая водка) и различные ароматическіе ликеры, своеобразно приготовленные и, на нашъ взглядъ, врядъ ли заслуживающіе такого наименованія. Обыкновеннымъ питьемъ служила здоровая, пріятная на вкусъ нильская вода; въ періодъ наводненія, при господствѣ Зеленаго Нила (см. выше) ее заготовляли въ достаточномъ количествѣ, такъ какъ въ указанное время рѣка была мутная и вода ея испорченная, негодная для употребленія.

Вино въ странѣ фараоновъ всѣ пили очень охотно и въ значительномъ количествѣ. По сообщенію Геродота, жители города Бубаста не безъ самодовольной гордости утверждали, что во время празднествъ въ честь патронессы ихъ города богини Бастъ (Сохетъ, см. Религія) выпивалось вина въ одинъ день болѣе, чѣмъ во весь остальной годъ ¹⁾.

Кромѣ вина египтяне пили *молоко* и опьяняющее ячменное *пиво*; первый изъ названныхъ напитковъ всегда подавался къ царскому завтраку, холоднымъ или кипяченымъ. Что касается до пива, то имъ, при случаѣ, что называется, упивались вдрызгъ; по крайней мѣрѣ въ самыхъ древнихъ надписяхъ можно отыскать нравоученія, какъ стыдно упиваться пивомъ. Въ особенности послѣдній напитокъ былъ распространенъ въ Дельтѣ, и Швейнфуртъ даже отыскалъ у одной древней муміи мѣшочекъ вокругъ шеи съ проросшимъ ячменемъ, употребляемомъ въ пивовареніи въ видѣ солода для забраживанія пива. Можно думать, что собственникъ этого мѣшечка съ проросшимъ ячменемъ былъ довольно таки порядочный пьяница, можетъ быть, даже и пропойца, который, не довольствуясь выпиваніемъ въ земной жизни, имѣлъ намѣреніе нализываться одуряющимъ пивомъ и въ подземномъ мірѣ! Разумѣется, пьяницы „допингировались“ всевозможными наркотическими средствами, а не однимъ пивомъ.

¹⁾ Геродотъ, II, 138.

Кулинарное искусство Египта, подобно утвари и одеждѣ, несомнѣнно развилось и усовершенствовалось подѣ влияніемъ Азіи и мы видимъ, что въ эпоху Новаго Царства египетскій столъ началъ разнообразиться многими новыми кушаньями и напитками.

Умѣренность въ пищѣ и питьѣ не принадлежала, повидимому, къ числу добродѣтелей высшихъ классовъ египетскаго общества, которые объѣдались и опивались, что называется, за милую душу. На изображеніяхъ можно видѣть не только какъ слуги несутъ на рукахъ домой своихъ пьяныхъ господъ, допившихся до чортиковъ, но и какъ эти господа, мужчины и женщины, начинаютъ блевать, извергая назадъ излишне съѣденное и выпитое.

Низшіе классы, конечно, не предавались обжорству по той простой причинѣ, что объѣдаться было нечѣмъ, если бы они того и хотѣли, но за то, при случаѣ, рабочій людъ нализывался пивомъ, вѣроятно, въ такомъ же объемѣ, какъ русскій мужикъ налиывается „казенной слезой“.

4. Нравы и развлечения. Религіозные тексты вводятъ насъ въ характеръ древне-египетскаго міросозерцанія, объясняя глубокую религіозность народа и его страстное желаніе заслужить небесное блаженство; не даромъ Геродотъ называетъ подданныхъ фараоновъ самымъ религіознымъ народомъ въ свѣтѣ. Долина священнаго Нила была наполнена многочисленными храмами и мемноніумами, въ которыхъ всегда толпился молящійся людъ и приносились жертвы; въ указанномъ отношеніи фараоновскій Египетъ имѣлъ, по всей вѣроятности, такой же видъ, какъ и нѣкоторыя современные католическія страны. Фараонъ ежедневно присутствовалъ при богослуженіи и торжественно изъ золотой чаши дѣлалъ возліянія богамъ, прося у нихъ помощи или благодаря за дарованныя ему милости. Выше достаточно было говорено о томъ, что жрецы и прочіе монополисты религіи кормились отъ народнаго благочестія, эксплуатировали послѣднее сколько могли и находили выгоднымъ держать египетскаго „каналью“ въ полнѣйшей слѣпотѣ, ибо что другое, какъ не слѣпота способствуетъ господству царства „не отъ міра сего?..“

Мы знаемъ, что египетская религія, проповѣдовавшая, что усердное служеніе культу и долгая жизнь находятся во взаимной связи, и что подземный судъ владыки Аменти Озириса требуетъ нравственнаго совершенства и добродѣтельной жизни, оказывала несомнѣнно благотворное влияніе на народные нравы, которые, дѣйствительно, по сравненію съ кровожадными инстинктами остальныхъ народовъ Во-

стока (напр. ассиріянь), были запечатлѣны гуманностью, хотя, конечно, съ нашей точки зрѣнія, послѣдняя не всегда выдерживаетъ критики.

Выше было указано, что къ числу племенныхъ пороковъ египетскаго народа, которые ясно выставляетъ намъ многовѣковая исторія страны фараоновъ, нельзя не отнести гордости, самомнѣнія, жадности къ наживѣ, зависти, коварства, нѣкотораго рода безстыдства и ненасытнаго сластолюбія. Но съ другой стороны древніе египтяне отличались громаднымъ терпѣніемъ, мужествомъ, трудолюбіемъ, твердостью духа и гостепріимствомъ.

Обращеніе и манеры каждаго египтянина, къ какому сословію онъ ни принадлежалъ бы, были всегда очень вѣжливы и мягки. При встрѣчи знакомые останавливались на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, кланялись и дѣлали видъ, что обнимаютъ другъ у друга колѣни. Молодые люди уступали дорогу старикамъ, а если сидѣли при встрѣчѣ съ ними, то поднимались съ мѣста, чтобы пропустить ихъ мимо ¹⁾.

Крайній націонализмъ также можно считать отличительной чертой египтянь, которые привыкнувъ къ своимъ варварскимъ сосѣдямъ-иноплеменникамъ, невольно ассоціировали самое понятіе иноплеменника съ понятіемъ варвара, существа низшаго сравнительно съ ними, съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ сношеній съ Азіей и, позднѣе, со Греціей этотъ узкій націонализмъ былъ значительно ослабленъ, а въ эпоху Птолемеевъ можно уже подмѣтить фактъ проникновенія подданныхъ фараоновъ начатками тѣхъ великихъ умственныхъ пріобрѣтеній, которыми обезсмертила себя древняя Эллада.

Вообще характеръ древняго обитателя береговъ Нила былъ въ высшей степени уживчивъ, говоря относительно, мягокъ и раболѣпенъ до крайности: искусство „гнуть спину“ въ то время было извѣстно не хуже, чѣмъ теперь, вознаграждаясь сильной поддержкой со стороны начальства и довольно осязательными благодѣяніями матеріальнаго свойства. Часто протекцію пріобрѣтали черезъ посредство женщинъ, которыя отлично умѣли провести черезъ придворныя переднія и дѣвичьи своего снисходительнаго кредитора или любовника, доставивъ имъ тепленькія мѣстечки не только съ хорошимъ казеннымъ окладомъ, но и съ полной возможностью и, главное, безнаказанностью брать посулы и взятки. Разумѣется, это продѣлывалось съ замѣчательнымъ дипломатическимъ пронырствомъ, передъ которымъ пассивало даже инертное казенное равнодушіе, несмотря на то, что

¹⁾ Геродотъ II, 41.

придержавшія власти могли въ большинствѣ случаевъ по пальцамъ сосчитать всѣхъ заклеименныхъ взяточниковъ и хапугъ, которыхъ протаскивали ихъ любовницы на „административные“ посты и должности. Но эти господа въ совершенствѣ обладали инстинктомъ животныхъ, которыя прячутся, чтобы переменить шкуру, когда приходитъ время мѣнять и, не изнывая въ многолѣтнемъ карантинѣ, будучи выгнаны изъ одного мѣста, быстро вслѣдъ затѣмъ получали другое благодаря кумовству и связямъ съ передними сановниковъ и ихъ дѣвичьими. Здѣсь какъ будто находила себѣ оправданіе мудрая русская пословица: „пусти бабу въ рай,—она и корову за собой ведеть“.

Какъ бы то ни было, мы не имѣемъ ни охоты, ни времени развѣивать дальше вопросъ о протекціяхъ въ древнемъ Египтѣ, тѣмъ болѣе, что затронувъ его en passant, рискуемъ встрѣтиться со сказкой о волкѣ, козѣ и капустѣ. Для нашей цѣли достаточно знать, что протекція въ странѣ фараоновъ имѣла громадное значеніе (что, конечно, не исключало возможности и даже неизбежности признанія личныхъ заслугъ, разъ онѣ дѣйствительно были заслугами, а не драпировались въ ихъ тогу) и зачастую покупалась взятками или какими бы то ни было другими отношеніями, не исключая и собственной особы.

Изображенія на памятникахъ оставили намъ богатый матеріалъ для составленія понятія о томъ, какія услады жизни, удовольствія и развлеченія господствовали среди обитателей фараоновскаго Египта.

Музыка, какъ было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, играла важную роль въ странѣ и безъ ея участія не обходилась не одна процессія, ни одно празднество. Подобно тому, какъ это дѣлается у насъ, тамъ нерѣдко устраивалось нѣчто въ родѣ концерта, причемъ дѣйствовали вмѣстѣ три-четыре арфы, нѣсколько флейтъ, тамбурины, родъ гитары, двойная флейта, лира, систра (кемкемъ) и пара трещетокъ. Надо полагать, что подобный оркестръ вполнѣ услаждалъ своею игрою неприхотливыхъ слушателей, доставляя имъ своего рода эстетическое удовольствіе (см. выше Музыка).

Танцы имѣли нѣкоторое сходство съ балетомъ, но, конечно, совсѣмъ не имѣли того значенія, какъ у насъ: приглашенные не танцевали сами, а смотрѣли на танцовщицъ, которыя часто являлись безъ всякой одежды, но за то обремененныя всевозможными украшениями, чѣмъ, разумѣется, сильно соблазняли сильную половину рода человеческого. Мы уже говорили, что танцовщицы въ Египтѣ играли роль проститутокъ, но не были подчинены гласному полицейскому надзору. Излишне упоминать, что танцы этихъ „рабынь веселія“ въ

сущности являлись канканомъ, сопровождаясь непристойными тѣлодвиженіями и мимами, нѣчто въ родѣ испанскихъ „danzas hablados“, но за то доставляли истинное наслажденіе зрителямъ, которые, смотря на „танцы“, гоготали, аплодировали и вообще захлебывались отъ восторга.

О пиршествахъ было говорено ранѣе и къ сказанному о нихъ тамъ здѣсь можно добавить немного: пиры, сколько кажется, происходили въ поздніе часы дня, по окончаніи всѣхъ дѣлъ, и продолжались далеко за полночь. На пиршествахъ было въ обычаѣ предлагать гостямъ возможно большой выборъ развлеченій и удовольствій, которыя были, разумѣется, очень разнообразны, смотря по вкусу, склонностямъ и степени образованія хозяина.

Геродотъ сообщаетъ, что въ самомъ разгарѣ пира мимо гостей проносили неожиданно деревянное изображеніе муміи, а иногда и настоящую мумію. Для чего это дѣлалось сказать опредѣленно трудно: одни полагаютъ, что появленіе муміи знаменовало напоминаніе о короткости жизни и какъ бы приглашало присутствующихъ не терять „золотыхъ дней“, наслаждаясь ими, что называется, во всю, другіе же видятъ (и это кажется болѣе справедливо), что мумія должна была понудить гостей къ умѣренности и возбудить въ нихъ мысль о высшихъ цѣляхъ жизни.

У мужчинъ въ большомъ употребленіи была игра въ шашки и въ зѣрнѣ; шашки были черныя и бѣлыя и у богатыхъ людей вырѣзывались изъ слоновой кости; кромѣ того въ употребленіи была игра, подобная шахматной, при чемъ играли на доскѣ, разбитой на клѣтки, деревянными фигурками или разноцвѣтными камешками. Найденныя въ гробницахъ бронзовыя игральныя кости съ вытиснутыми по ихъ сторонамъ золотыми очками, очень похожія на нынѣшнія, доказываютъ, что и эта игра была знакома подданнымъ фараоновъ.

Мора принадлежала къ числу азартныхъ игръ и заключалась въ слѣдующемъ: оба играющіе, держа за спиной сжатый кулакъ, сажались одинъ противъ другого; каждый изъ игроковъ открывалъ нѣсколько пальцевъ своего кулака, затѣмъ они разомъ выставляли руки впередъ и въ то же мгновеніе выкрикивали предполагаемое число всѣхъ вытянутыхъ пальцевъ, т. е. каждый изъ играющихъ выкрикивалъ больше, нежели онъ самъ открылъ.

Весьма часто практиковалась какъ между дѣтьми, такъ и среди взрослыхъ игра въ четъ-нечетъ и въ слѣпого. Последняя игра состояла въ томъ, что между двумя игравшими помѣщался третій съ завязанными глазами, который долженъ былъ угадать, который изъ сосѣдей дотронулся до него рукою.

Изъ игръ подъ открытымъ небомъ древнеегипетская молодежь предпочитала мячь и обручь. Мячики окрашивались въ различные цвѣта и въ нѣкоторыхъ гробницахъ найдены хорошо сохранившимися; между ними попадаются набитые мочалами, а также глиняные съ разноцвѣтными полосками. На могильныхъ памятникахъ Бени-Хассана можно видѣть много изображеній, представляющихъ игру въ мячь; на нѣкоторыхъ изъ нихъ представлены молодыя египтянки, подбрасывающія мячики въ воздухъ и затѣмъ ловящія ихъ съ различными тѣлодвиженіями, присѣданіемъ, хлопаніемъ въ ладоши и т. п. Онѣ бросали по два, по три мяча заразъ, играли со сложенными на крестъ руками и вообще продѣлывали всѣ штуки, которыя составляютъ достояніе фокусниковъ и канатныхъ плясуновъ.

Одинъ древне-египетскій гробничный памятникъ даетъ изображеніе слѣдующей игры въ мячь: дѣвушки стоятъ въ наклонномъ положеніи, одна противъ другой, а двѣ другія сидятъ на нихъ верхомъ и перебрасываются мячами; суть игры сводилась къ тому, что не поймавшая мячика должна была сойти на земь и принять на свою спину подругу, на которой сидѣла во время игры.

Не менѣе игры въ мячь распространены были въ царствѣ фараоновъ игры съ обручами, при чемъ играющіе старались подцѣпить обручь на крюкъ, которымъ оканчивались находившіяся у нихъ длинныя палки. Весьма возможно, что наше сегсеау египетскаго происхожденія.

Для дѣтской забавы существовали различныя игрушки, изъ которыхъ многія были сдѣланы съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ Лейденскомъ музеѣ, въ отдѣлѣ египетскихъ древностей, хранится деревянная фигура, изображающая невольника, который при дерганіи за шнурокъ начинаетъ молотить хлѣбъ. Тамъ же находятся деревянные крокодилы съ подвижными хвостами.

Куклы изготовлялись изъ кожи и дерева, съ подвижными конечностями, и, вѣроятно, производили на дѣтей за тысячи лѣтъ тому назадъ не менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ теперь. Вообще въ странѣ фараоновъ можно было встрѣтить множество всевозможныхъ игрушекъ, приспособленныхъ для дѣтскихъ игръ какъ дома, такъ и на свѣжемъ воздухѣ.

О томъ, какое важное значеніе египтяне придавали этимъ играмъ, можно судить по тому, что дѣтямъ, какъ сообщаетъ Плутархъ, дозволялось играть даже въ оградѣ храмовыхъ дворовъ ¹⁾.

¹⁾ Plutarch, De Iside et Osir. 14.

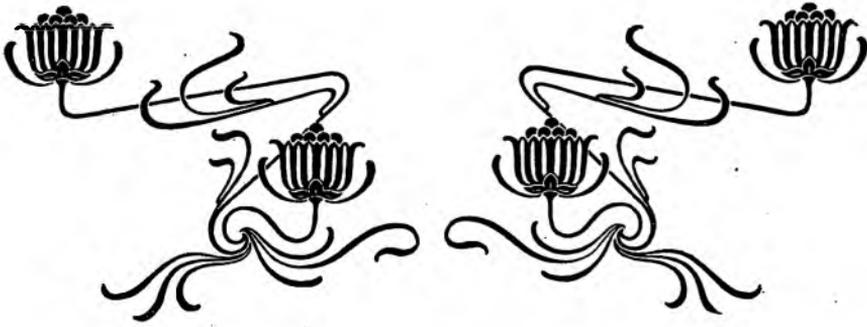
Мы умышленно остановились на дѣтскихъ играхъ, которыя хотя практически могутъ быть не важны, но тѣмъ не менѣе, съ философской точки зрѣнія, онѣ не лишены значенія, такъ какъ относятся къ одной изъ самыхъ поучительныхъ фазъ древней культуры ¹⁾).

Сплетни, и добродушныя, и злокачественныя свили себѣ прочное гнѣздо на берегахъ Нила; болтливая толпа трезвонила и судачила рѣшительно обо всемъ, особенно отличались женщины: эти сороки съ обычной дерзостью, присущей ихъ полу, положительно, не могли совладать со своимъ длиннымъ языкомъ и, пуская въ ходъ говорильню, старались никогда не давать ему ржавѣть.

---

¹⁾ Тэйлоръ, т. I, гл. III, стр. 100.

Книга II.

Исторія Египта.

(4400—332 г. до Р. X.).

Первоначально египтяне занимали только верхнюю часть нильскаго оазиса, но уже во времена Авраама, т. е. за двѣ тысячи лѣтъ до начала нашей эры, Нижній Египетъ былъ не только густо населенъ, но и успѣлъ достигнуть цвѣтущей цивилизаціи. Основанная первымъ достовѣрнымъ египетскимъ царемъ Менесомъ монархія существовала, по крайней мѣрѣ, свыше четырехъ тысячъ лѣтъ при тридцати послѣдовательныхъ династіяхъ. Указанный промежутокъ времени, самый длинный, какой только можетъ представить исторія, принято дѣлить на три части: Древнее Царство, отъ I-ой до XI-ой династіи, затѣмъ Среднее Царство отъ XI-ой династіи до вторженія кочевниковъ-симитовъ и, наконецъ, Новое Царство отъ XVIII-ой династіи до эпохи персидскаго завоеванія. Но въ виду того, что указанное подраздѣленіе не вполне соотвѣтствуетъ ходу историческаго процесса страны фараоновъ, мы воспользуемся предложеннымъ Maspero раздѣленіемъ египетской исторіи на три періода, соотвѣтственно эпохамъ преобладанія того или другаго города, той или другой части страны надъ всѣмъ остальнымъ Египтомъ:

1) Мемфисскій періодъ съ I по X династіи (4400—2500 гг.).

2) Θиванскій періодъ съ XI по XX династіи (2500—1095 ¹⁾ и

3) Саисскій періодъ съ XXI по XXVII династіи (1095—525).

Само собой разумѣется, что приведенные года указаны приблизительно, такъ какъ лѣтоисчисленіе исторіи фараоновъ далеко еще не установлено и до сихъ поръ ученые не могутъ столкнуться отно-

¹⁾ Какъ увидимъ ниже, Θиванскій періодъ дѣлится, въ свою очередь, еще на два періода: Древне-Θиванскій и Ново-Θиванскій, грань между которыми составляетъ вторженіе кочевниковъ (при XIV династіи).

сительно хронологіи событій, имѣвшихъ мѣсто во время I-ой династіи. Разница между мнѣніями по этому вопросу, высказанными разными учеными выражается громадной цифрой 2079 лѣтъ! Такъ, напримѣръ, Боекъ (Voeskh) относитъ восшествіе на престолъ перваго фараона къ 5702 году до Р. Х., Унгеръ считаетъ дату — 5613, Бругшъ — 4455, Лаутъ—4157, Лепсіусъ — 3892, Гоммель — 3800, Бунзенъ — 3623, Мейеръ—3180, и т. д. и т. д. Мы останавливаемся на датѣ 4400, не потому, чтобы эта дата казалась намъ наиболѣе вѣроятной, а потому, что она представляетъ нѣкоторыя удобства, являясь средне-арифметической данной среди выше приведенныхъ цифръ-датъ.

До начала минувшаго столѣтія всѣ свѣдѣнія объ исторіи монархіи фараоновъ были основаны на сочиненіяхъ греко-римскихъ писателей, да на отрывкахъ изъ сочиненія Манеэона, уроженца города Себенита (въ Дельтѣ) и первосвященника египетскихъ храмовъ, который въ царствованіе Птолемея II Филадельфа (285—247) написалъ по гречески исторію Египта на основаніи официальныхъ архивовъ, хранившихся при храмахъ. Къ сожалѣнію, написанная имъ исторія пропала и теперь мы имѣемъ изъ нея только небольшое количество отрывковъ и списокъ царей, помѣщенный Манеэономъ въ концѣ своего произведенія, который, къ счастью, сохранился въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ писателей христіанской эпохи. Не говоря уже объ искаженіи именъ и цифръ манеэоновскаго оригинала, сдѣланными позднѣйшими переписчиками, а также принимая въ соображеніе и то обстоятельство, что египтяне, не имѣя опредѣленнаго непрерывнаго лѣтоисчисленія, вели хронологію по годамъ царствованія фараоновъ, весьма трудно разобратъся въ массѣ царскихъ именъ и почти невозможно составить себѣ точное понятіе о продолжительности египетской исторіи. Три вѣка спустя послѣ Манеэона нѣкій ученый грекъ Херемонъ написалъ книгу объ іероглифахъ, въ которой, конечно, объяснилъ соотечественникамъ тайны языка подданныхъ фараоновъ, но и это сочиненіе до насъ не дошло. Въ началѣ минувшаго столѣтія былъ найденъ, наконецъ, ключъ къ чтенію іероглифовъ, раскрывшихъ свой сокровенный смыслъ, когда, по мѣткому выраженію Бунзена, богиня нильской долины возстала отъ своего глубокаго тысячелѣтнаго сна, пробужденная громомъ пушекъ подъ пирамидами.

Въ 1799 году во время экспедиціи Бонапарта въ Египетъ, при возведеніи форта St. Julien въ Розеттѣ, лейтенантъ Бушаръ нашель горный гранитный камень (10 фут. высоты и 3½ фут. ширины) названный въ ученомъ мѣрѣ „la clef de Rosette“ (нынѣ находится въ Британскомъ музеѣ) съ тремя надписями: двѣ были написаны загадоч-

ными письменами, а третья—греческая. Эта послѣдняя имѣла пятьдесятъ четыре строки и содержала въ себѣ постановленіе жрецовъ о сооруженіи статуи въ честь Птолемея V Епифана въ благодарность за многочисленныя благодѣянія, оказанныя послѣднимъ странѣ и жреческому сословію. Кромѣ того надпись гласила, чтобы фараону и его изображенію воздавались божескія почести („За оказанныя народу благодѣянія и вниманіе къ жрецамъ фараонъ причисляется къ лику божествъ, его изображенія ставятся во всѣхъ храмахъ Египта и имъ будутъ воздаваемы божескія почести“ и проч.) Она то и послужила ключемъ къ разъясненію двухъ другихъ надписей, которыя, какъ справедливо предположили ученые, заключали то же самое постановленіе на древне-египетскомъ языкѣ; притомъ, какъ оказалось, одна изъ нихъ, въ которой сохранилось четырнадцать строкъ, была начертана письмомъ іероглифическимъ или образнымъ, а другая, имѣвшая тридцать двѣ строки,—демотическимъ или скорописью (см. выше). Сличая знаки той и другой съ соотвѣтствующими греческими словами, ученые добрались до состава азбуки іероглифической и демотической, а съ помощью языка коптовъ, который произошелъ отъ древне-египетскаго языка, они успѣли добиться и самаго чтенія египетскихъ письменъ. Разумѣется, эти результаты были достигнуты долгими и соединенными усиліями многихъ европейскихъ ученыхъ. Но главное основаніе разбору іероглифовъ положено было трудами француза Шамполліона Младшаго (1791—1832), успѣвшаго въ 1812 г. прочитавъ нѣсколько знаковъ древне-египетскихъ текстовъ. Дальнѣйшія открытія, напримѣръ, обелиска на островѣ Филе съ двумя параллельными надписями,—іероглифической и греческой, дали Шамполліону еще большую увѣренность въ истинности принятаго пути. Главная заслуга этого ученаго заключается въ уничтоженіи господствовавшаго заблужденія, будто египетскія письмена имѣли исключительно идеографическій характеръ; доказавъ, что египтяне имѣли и буквы, онъ положилъ основаніе египетской грамматики и словаря. Выше было уже упомянуто, что подданные фараоновъ пользовались 24-мя согласными буквами, имѣвшими 31 обозначеніе и около 200 знаками для слоговъ (см. Письменность).

Съ тѣхъ поръ наши свѣдѣнія о древнемъ Египтѣ постоянно расширялись съ каждымъ прочитаннымъ папирусомъ, съ каждой разобранной надписью на памятникахъ. Въ настоящее время, благодаря искусству читать древне-египетскія письмена, исторія народа фараоновъ, его религіозныя вѣрованія, обряды, обычаи и вся его гражданственность возстали передъ нами въ своемъ почти полномъ свѣтѣ и мы

имѣемъ возможность возстановить въ воображеніи эту древнюю оригинальную цивилизацію, начало которой теряется въ мракъ времени.

Такимъ образомъ египетскій походъ Наполеона, не имѣвшій почти никакого политическаго значенія, въ научномъ отношеніи имѣлъ громадные послѣдствія, такъ какъ въ это время было сдѣлано много открытій, положившихъ основаніе египтологіи, науки, изучающей древній Египетъ, которая опровергла множество фактовъ, сообщаемыхъ греческими историками, оживляя для насъ до сихъ поръ мертвые памятники древне-египетской культуры и представляя многовѣковую исторію страны фараоновъ въ надлежащемъ освѣщеніи.

Изъ послѣдующихъ египтологовъ мы обязаны указать Масперо, Лепсіуса, Эрмана, Бругша, Шабаса, Э. де-Ружэ, Дюмикена, Флиндерса Петри, Бунзена, Маріэтта, Эберса, Мюллера, Скіапарелли, Годвина, Бирча, Тураева и Голенищева.

Сдѣлавъ этотъ краткій очеркъ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію четырехтысячелѣтней исторіи фараоновскаго Египта, въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется на основаніи новѣйшихъ археологическихъ изысканій и, руководствуясь, гдѣ слѣдуетъ, главнѣйшими памятниками въ родѣ *table d'Abydos*, *papyrus royal de Turin*, *Königstafel von Saqqarah*, *la nouvelle table d'Abydos* и мног. друг.

I. Мемфисскій періодъ ¹⁾.

I династія. Первоначальнымъ средоточіемъ, откуда развилась египетская государственная жизнь, служила та область Средняго Египта, столицей котораго былъ Мемфисъ (Маннофри); основаніе этого города, отъ котораго нынѣ остался рядъ далеко тянущихся кургановъ, оканчивающихся небольшимъ пальмовымъ лѣскомъ, окружающимъ арабскую деревушку Мить-Рахипегъ, приписываютъ первому египетскому фараону Менесу или Мину. Какъ сообщаетъ Геродотъ, названный фараонъ около основаннаго имъ города приказалъ вырыть озеро, воду для котораго отвелъ изъ рѣки, окаймляющей Мемфисъ

¹⁾ Въ виду того, что культурная исторія Египта была изложена выше, мы будемъ возвращаться къ ней лишь тогда, когда это окажется нужнымъ по ходу историческаго разсказа; ниже будетъ излагаться политическая и военная исторія царства фараоновъ, съ той полнотой, какая является возможной при современномъ состояніи науки.

съ востока, между тѣмъ какъ озеро замыкаетъ его съ сѣвера и запада ¹⁾. Плотина перваго египетскаго царя, которой онъ окружилъ свою столицу, существуетъ до настоящаго времени подъ именемъ Кошеишской плотины, служащей ключемъ всѣхъ резервуаровъ, образуемыхъ наводненіями въ Верхнемъ Египтѣ.

Основаніе Мемфиса, этой египетской Москвы, имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу образовавшагося молодого государства, состоявшаго изъ пристегнутыхъ къ центральному ядру номовъ и областей: сдѣлавъ своимъ мѣстопробываніемъ начало Дельты и привлекая въ новый городъ, свободный еще отъ религіозныхъ традицій, всѣ живыя силы страны, Мини произвелъ коренную перемѣну во внутреннемъ устройствѣ Египта, отодвинувъ на задній планъ значеніе сильнаго жречества и давъ перевѣсъ военному сословію. Мемфисъ становится очагомъ египетской цивилизаціи, центромъ просвѣщенія объединеннаго государства, которое между тѣмъ начало постепенно складывать крупныя и мелкія территоріальныя дробы въ одно политическое цѣлое. Мы уже говорили, что Гептаномида играла роль Суздальской земли на Руси или Бранденбурга въ Германіи и была предназначена къ такой же исторической роли, какъ и названныя земли. Вотъ почему, несмотря на легендарность сказаній о дѣятельности Мини, сообщаемыхъ греческими писателями, нельзя не поставить въ заслугу первому египетскому фараону, что *онъ объединилъ подъ своею властью племена, населявшія нильскую долину, положивъ такимъ образомъ основаніе египетскому государству*, которое появилось на всемірно-исторической сценѣ во всеоружіи сложной социальной организаціи (см. выше).

Типичный образецъ египетскаго монарха, Мини въ одно и то же время былъ и строитель (воздвигнулъ большой храмъ богу Фта въ Мемфисѣ, между Кумъ-эль-Ханциръ и Эль-Кассаріе), и законодатель, и воинъ (ему приписывается побѣдоносный походъ въ Ливію, о которомъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ извѣстій). Въ народномъ сознаніи имя перваго египетскаго фараона осталось навсегда дорогимъ и находилось въ заголовкѣ всѣхъ царскихъ списковъ, а культъ его продержался почти до эпохи Птолomeевъ. Озлобленное жречество, оттѣсненное на задній планъ, постаралось сочинить сказку, что Мини умеръ отъ укушенія бегемота, посланнаго разгнѣванными богами ²⁾, процарствовалъ около шестидесяти двухъ лѣтъ.

О Менесѣ мы въ сущности знаемъ очень мало. Еще въ 1897 году Морганъ нашелъ въ Негадахѣ великолѣпную гробницу царя, по имени

¹⁾ Геродотъ II, 99.

²⁾ Маневонъ, изд. Унгера, 78—81.

Аха, котораго профессор Сэъ и другіе ученые Берлинской школы отождествляли съ Менесомъ, хотя по объясненію Flinders Petrie настоящая гробница Аха-Менеса открыта имъ въ Абидосѣ, что, по его словамъ, можно видѣть на отысканныхъ имъ въ упомянутомъ городѣ глиняныхъ кувшинахъ съ надписями, которые вполне подтвердили, что Аха тотъ же Менесъ, а гробница, найденная Морганомъ въ Негадахѣ, принадлежитъ супругѣ упомянутаго фараона ¹⁾. Такъ это или нѣтъ, во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ спорный и разрѣшеніе его еще впереди.

Преемникомъ Мини называютъ сына его Тети, который положилъ основаніе большому мемфисскому дворцу и выстроилъ городскую цитадель „Бѣлую Стѣну“. Преданіе, записанное Манеэономъ, выставляетъ его ученымъ докторомъ, писавшимъ трактаты по анатомическимъ вопросамъ; къ его царствованію относится извѣстный папирусъ Эберса, въ которомъ говорится, что въ правленіи названнаго фараона было изобрѣтено средство растить волосы на головѣ.

Этими данными исчерпываются всѣ наши свѣдѣнія о второмъ фараонѣ I династіи, самое существованіе котораго нѣкоторые ученые допускаютъ съ трудомъ, равно какъ и существованіе его ближайшихъ преемниковъ Атоти, Ата (Кенкенесъ), Уэнефеса, Гузапати (Сапти? Озимандисъ?) Мириби (Мирбапенъ), Семсу (Семемпесъ) и Кебе, не смотря на свидѣтельства Манеэона въ дѣйствительности царствованія перечисленныхъ фараоновъ, которымъ онъ приписываетъ различнаго рода сооруженія и постройки.

Какъ бы то ни было, мы должны сознаться, что если всѣ эти фараоны существовали, то все же о нихъ кромѣ однихъ именъ намъ ничего неизвѣстно. При фараонѣ Кебе вспыхнулъ мятежъ, повлекшій за собой паденіе I династіи, изъ чего можно заключить, что объединеніе страны подъ главенствомъ одного властителя, какъ шитое бѣлыми нитками, утвердилось не сразу и не безъ потрясеній, что преемникамъ основателя монархіи пришлось выдержать упорную борьбу съ партикуляризмомъ номарховъ, борьбу, въ которой первые Миниды оказались побѣжденными и должны были уступить зашатавшуюся на ихъ головѣ корону слѣдующей династіи.

II династія, родоначальникъ которой Бѣтосъ (Буцау, Бузіу) занялъ престолъ послѣ Кебе, происходила, подобно I династіи, изъ города Тини (тиниты) и, какъ можно заключить на основаніи Parvugis

¹⁾ Flinders Petrie «The Royal Tombs of the Earliest Dynasties». London. 1901.

royal de Turin, находилась въ ближайшемъ родствѣ съ Минидами. По сообщенію Манеона, въ царствованіе Бѣтоса близъ города Бубаста открылась бездна и поглотила множество народа ¹⁾.

Съ воцареніемъ сына его Какау (Кайхось) начинается рядъ фараоновъ-законодателей, которымъ преданіе или, вѣрнѣе, басня приписываетъ разнаго рода постановленія, измѣнившія религіозную и политическую сторону государственнаго строя страны.

Такъ, на примѣръ, при Какау были учреждены культы Аписа Мемфискаго, считавшагося за живое воплощеніе Фта (см. Религія), Мневиса Геліополискаго и священнаго козла изъ Винебеда (Мендеса), а преемникъ названнаго фараона, Байнутерь (Бинотрисъ), руководствуясь государственными соображеніями, предоставилъ женщинамъ царской крови право престолонаслѣдія. Въ объясненіе этого закона слѣдуетъ сказать, что при перевѣсѣ „линіи матери“ надъ родомъ мужскихъ предковъ, являлось естественнымъ логическимъ порядкомъ, что законнымъ царемъ считался не супругъ наслѣдницы короны, а его сынъ, рожденный отъ наслѣдницы, взявшей его въ супруги. Повидимому—замѣчаетъ Бругшъ,—новыя династіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ начинались именно такимъ образомъ, что наслѣдница престола отдавала свою руку лицу не царскаго рода, которое хотя и принимало титулъ фараона, но не имѣло его правъ. Родной отецъ такого фараона носилъ почетный титулъ Атефъ-Нутерь („отецъ божественнаго“), а мать пользовалась титуломъ Мутъ-Сутень („мать царя“ ²⁾).

Наши свѣдѣнія объ остальныхъ представителяхъ II династіи ограничиваются почти одними именами: Утнасъ, Сента (Сонду, Сетенесь), Ноферкери, Сезохрисъ (Ноферказокари) и Хутефа (Хенересь). О Ноферкери ходила басня, что въ его царствованіе воды Нила приняли на одиннадцать дней вкусъ меда, а Сезохрисъ оставилъ по себѣ репутацію гиганта, имѣя 7½ футовъ роста и 4½ фут. въ плечахъ, какъ стараются увѣрить наивные повѣствователи.

Съ послѣднимъ царемъ II династіи, Хутефой окончился домъ Минидовъ, царствовавшій пять съ половиной вѣковъ, успѣвшій послѣ продолжительной борьбы съ князьями различныхъ номовъ, низведенныхъ на степень наслѣдственныхъ правителей провинцій, слить въ одинъ народъ племена, населявшія нильскій оазисъ и создать

¹⁾ Манеонъ, 84; Э. де Руже «Recherches sur les monuments», 20—21.

²⁾ Бругшъ «Исторія фараоновъ», пер. Властова, VI, 121; ср. Масперо «Histoire ancienne des peuples de l'Orient», I, 45 объ узаконеніи узурпаціи, благодаря браку съ продолжательницами «солнечной расы» или самого фараона или его наслѣдника.

такимъ образомъ однородную, стойкую и живучую египетскую націю. *Заслуга Минидовъ заключалась, следовательно, въ томъ, что они, подобно нашимъ князьямъ-собирателямъ Руси и первымъ французскимъ Капетингамъ положили прочные устои для національнаго объединенія страны: ихъ преемникамъ оставалось только докончить то, чему положили начало представители двухъ первыхъ династій,—еще болѣе обезсилить политическій сепаратизмъ номарховъ, создавая полное единовластіе. Насколько они справились съ поставленной задачей—мы увидимъ ниже.*

III династія. Первые фараоны III династии, происходившей изъ Мемфиса, не оставили намъ никакихъ памятниковъ, почему для восстановленія ихъ исторіи приходится прибѣгать къ сообщеніямъ компиляторовъ труда Манеона. Согласно приведеннымъ источникамъ, начало III династии было ознаменовано войной съ возставшими ливійцами, которые послѣ продолжительной и упорной борьбы снова были приведены къ покорности фараономъ Бубуи (Тотаи, Нехерофесъ). Манеонъ сообщаетъ, что когда обѣ враждебныя арміи стояли другъ передъ другомъ съ намѣреніемъ завязать бой, лунный дискъ вдругъ сдѣлался огромнымъ, къ ужасу ливійцевъ, принявшихъ это явленіе за знакъ гнѣва боговъ и потому поспѣшившихъ подчиниться безъ битвы ¹⁾.

Преемникъ Бубуи, фараонъ Тозортросъ (Небка?), подобно Тети, написалъ нѣсколько медицинскихъ трактатовъ, существовавшихъ до первыхъ вѣковъ христіанской эры. Этому же царю приписывалось изобрѣтеніе искусства воздвигать изъ тесанныхъ камней колоссальныя постройки, а равно и усовершенствованіе письма.

О ближайшихъ наслѣдникахъ Тозортроса, къ числу которыхъ относятся Тосеръ, Зосертити, Сосесъ, Ноферкери (гробница котораго и его наслѣдника найдены недавно профессоромъ Герстангомъ среди пустыни Бейтъ-Каллафъ, къ востоку отъ Гирги), Хенъ-Кетъ, Небкари и Хуни, а равно объ ихъ дѣятельности свѣдѣній не имѣется и только начиная съ послѣдняго царя этой династии Снофру (Сеноферу, Сорисъ) мы встрѣчаемъ историческія указанія на памятникахъ. Про этого фараона извѣстно, что онъ: 1) велъ удачную войну съ однимъ изъ кочевыхъ азіатскихъ племенъ, меніи, которое тревожило безпрестанными набѣгами восточныя границы Дельты; 2) овладѣлъ мѣдными рудниками Синайскаго полу-

¹⁾ Манеонъ, изд. Унгера 86--87.

острова, гдѣ въ долинѣ Уади Махара, на отвѣсной скалѣ находилось изображеніе его фигуры, подѣ которой вырѣзана надпись: „пора-звившій чужеземцевъ“; 3) оградилъ Дельту рядомъ укрѣпленій съ съ восточной стороны; 4) воздвигъ себѣ въ Дашурѣ пирамиду подѣ названіемъ Ха, что значитъ „восходъ“, подобно тому какъ одинъ изъ его предшественниковъ, выстроилъ знаменитую пирамиду „усту-пами“ и 5) побѣдивъ негровъ, увелъ изъ ихъ страны 7.000 плѣн-ныхъ: 4.000 мужчинъ и 3.000 женщинъ, а также угналъ 20.000 головъ скота. Культъ царя Снофру, установленный послѣ его смерти, про-должаясь много вѣковъ, подобно культу Мини, просуществовалъ до эпохи Птолемеевъ ¹⁾).

IV династія. Родоначальникомъ IV династіи считается знакомый уже намъ строитель высочайшей пирамиды — Хеопсъ (Хуфу), лич-ность котораго, благодаря легендарнымъ рассказамъ греческихъ исто-риковъ, выставившимъ фараона какимъ то тираномъ, мучителемъ изнуренныхъ работой подданныхъ, до сихъ поръ еще не можетъ считаться выясненной. Отрицать безусловно тираніи Хуфу, конечно, нельзя, такъ какъ его гигантская, облитая народнымъ потомъ пира-мида слишкомъ краснорѣчиво говоритъ о страданіяхъ націи, вынуж-денной воздвигать исполинскій памятникъ тщеславію фараона, но совсѣмъ тѣмъ невозможно согласиться и съ мнѣніемъ, основанномъ на розсказахъ Геродота и видящемъ въ лицѣ Хеопса только какого то взбалмашнаго деспота. Памятники его эпохи ничѣмъ не подтверждаютъ сообщенія греческаго историка и на основаніи ихъ можно заключить, что названный фараонъ былъ правителемъ не безъ дарованій, продолжая политику своего предшественника, ведя успѣшныя войны съ кочевниками Аравіи и защищая отъ нападений послѣднихъ мѣдные рудники, открытые Снофру на Синайскомъ полу-островѣ ²⁾. Кромѣ того положительно извѣстно, что онъ не только никогда не запиралъ храмы Египта, какъ повѣствуетъ объ этомъ Геродотъ, но напротивъ, сооружалъ и реставрировалъ святилища въ своей монархіи, но съ другой стороны, быть можетъ, правдоподобно сообщеніе Діодора, что возмущившійся народъ растерзалъ трупъ умершаго царя и что статуя послѣдняго была найдена въ храмовомъ колодецѣ, куда, вѣроятно, была выброшена въ день революціи ³⁾.

¹⁾ Э. де-Руже «Recherches sur les monuments», 41.

²⁾ Maspero «Fragment de commentaire» въ «Annuaire l'Association pour l'encoura-gement des Etudes grecques».

³⁾ Діодоръ I, 64.

Преемникомъ Хеопса считаютъ фараона Дудуффи (Ратотефъ?), о которомъ, кромѣ имени ничего не сохранилось; греческіе историки не знали объ его существованіи и наслѣдникомъ Хеопса называли Хефрена (Хафра), о традиціонномъ беззаконіи котораго они сообщаютъ намъ подробныя свѣдѣнія, но все повѣствованія ихъ на эту тему давно слѣдуетъ признать баснями. Намъ извѣстно, напротивъ, что поименованный фараонъ былъ очень религіознымъ человекомъ, котораго подданные съ обычнымъ ливрейнымъ краснорѣчіемъ украсили титуломъ „добраго Гора, великаго бога, господина діадемъ“, а жена его, царица Мерисанхъ считалась жрицей „владыки словесъ“—Тота.

Послѣ Хефрена послѣдовало воцареніе Микерина (Менкера, Менкаура), соорудителя третьей пирамиды, котораго преданіе представляетъ благочестивымъ царемъ, ревностнымъ поборникомъ религіи и основателемъ многихъ храмовъ. Геродотъ рассказываетъ про него, что онъ пользовался наибольшими похвалами подданныхъ не только за свою справедливость, но еще и потому, что онъ всегда старался удовлетворить недовольнаго приговоромъ, предлагая ему какой нибудь подарокъ ¹⁾.

Фараономъ Шепсекасфомъ, про котораго только и извѣстно, что онъ соорудилъ пирамиду подъ названіемъ Кебе („прохлада“), заканчивается IV династія, царствовавшая, по Манеону, 284 года. Списокъ ея царей далеко не полонъ и можетъ быть возстановленъ только новыми открытіями. Такъ на основаніи раскопокъ, произведенныхъ Шассине, можно предвидѣть нарожденіе еще одного фараона IV династіи о существованіи котораго не подозрѣвали, главнымъ образомъ, потому, что онъ устроилъ свой храмъ и могилу въ очень уединенномъ и мало извѣстномъ мѣстѣ, близъ пирамидъ Абу-Роашъ. Раскопки уже раскрыли часть памятниковъ, хотя статуи и барельефы значительно изуродованы, но М. Шассине надѣется разобрать имя и титулъ загадочнаго фараона ²⁾.

V династія. Мѣсто IV династіи, въ лицѣ Узиркафа (Усерхерсъ), занимаетъ теперь V-ая, которая почти во всѣхъ отношеніяхъ является продолженіемъ предыдущей, хотя дѣятельность ея царей попрежнему тонетъ во мракѣ. Къ эпохѣ названной династіи относится уже извѣстное намъ на основаніи Papyrus Prisse d'Avannes сочиненіе „Наставленіе Птахотпу“, нѣсколько выдержекъ изъ котораго были

¹⁾ Геродотъ II, 129.

²⁾ «Un nouveau pharaon» въ «Revue Universelle» 1901. IV.

приведены нами въ своемъ мѣстѣ (см. Философія). Подобно тому какъ ихъ предшественниковъ, такъ и фараоновъ V династіи, заѣдала, можно сказать, пирамидальная горячка и каждый царь считалъ своей непремѣнной обязанностью строить себѣ надгробное сооруженіе. Такъ основатель династіи, Узиркафъ воздвигнулъ пирамиду Абсету („чистѣйшее мѣсто“), его преемникъ Сахура—пирамиду Ха-ба („восхожденіе душъ“), Ноферирикери,—пирамиду Ба („душа“), Ранусеръ выстроилъ пирамиду Мен-сету („крѣпчайшее мѣсто“), Менхехоръ (Менхересь),—пирамиду Нутер-сету („святѣйшее мѣсто“), Татхара (Татхересь),—пирамиду Неферъ („прекрасная“) и т. д., однимъ словомъ пирамидоманія процвѣтала такъ же, какъ и въ эпоху царей предшествовавшей династіи.

Про внѣшнюю дѣятельность поименованныхъ фараоновъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ, развѣ, глухого указанія памятниковъ на удачный походъ фараона Сахуры противъ кочевниковъ, но противъ какихъ кочевниковъ и когда—неизвѣстно. Кека совсѣмъ не оставилъ послѣ себя слѣдовъ и, кажется, можно даже сомнѣваться въ его существованіи, по крайней мѣрѣ, какъ ближайшаго преемника Сахуры, за которымъ въ *Königstafel von Saggarah* слѣдуетъ Ноферирикери (А въ *Table d'Abydos* послѣдній фараонъ показанъ преемникъ Кека).

Про Унаса было упомянуто выше, какъ про отъявленнаго бабника, который, будучи лакомъ до чужихъ женъ, хотѣлъ и въ будущей жизни „отнимать ихъ отъ мужей“, очевидно, руководствуясь не лишеннымъ нѣкоторой доли истины соображеніемъ, что жены смотрятъ на своихъ мужей, какъ на военноплѣнныхъ и рады случаю ихъ обмѣнять. За исключеніемъ столь похвальныхъ стремленій, увѣковѣченныхъ на памятникѣ, про фараона Унаса мы больше ничего не знаемъ, если, конечно, не считать его гигантскую гробницу, находящуюся къ сѣверу отъ Дашура (такъ называемую „Мастабатъ-эль-фараунъ“¹⁾).

VI династія. Памятники и таблицы Саккара и Абидоса называютъ первымъ фараономъ VI династіи Отоэса (Тета), при которомъ къ обычнымъ титуламъ фараоновъ прибавился новый—„сынъ солнца“. Этотъ же царь выстроилъ себѣ пирамиду, носившую названіе Тат-сету („долговѣчнѣйшее мѣсто“). Вотъ и все, что мы про него знаемъ, если не считать сообщаемого Манееномъ извѣстія, что онъ

¹⁾ Вругшъ, loc. cit. VII, 143.

(а можетъ быть его соправитель или преемникъ Ата) былъ убитъ офицерами своей гвардіи¹⁾ и престолъ достался Пепи I Мирири.

Съ воцареніемъ этого фараона освященный вѣками авторитетъ Мемфиса начинаетъ постепенно падать, вслѣдствіе предпочтенія, оказываемаго представителями новой династіи большимъ южнымъ городамъ, особенно Абуду (Абидось). Пепи царствовалъ восемнадцать лѣтъ и благодаря удачнымъ войнамъ успѣлъ расширить предѣлы царства, а также возвратить послѣднему синайскія завоеванія, потерянные его предшественниками и привести въ усиленную зависимость отъ Египта Нубію, Ливію и часть пограничной съ Дельтой полосы Сиріи. Сверхъ того были побѣждены кочевыя племена пустыни—Аму и Хирушаиту.

Громадное количество доставленныхъ всѣми этими войнами плѣнныхъ было употреблено на общественныя работы или продано въ рабство частнымъ лицамъ. Памятники свидѣтельствуютъ, что подвластныя Египту негрскія племена (Артеть, Цамъ, Амамъ, Уауа, Керау и Токамъ) доставили свой контингентъ для арміи фараона, причемъ это черное войско, по увѣренію надписи, обучалось ратному строю и разнымъ военнымъ хитростямъ египетскими офицерами, которые въ данномъ случаѣ являлись чѣмъ то вродѣ инструкторовъ.

Благодаря умѣлой и искусной государственной дѣятельности перваго министра фараона, Уна (Уни), гробница котораго даетъ драгоцѣнныя указанія объ этихъ отдаленныхъ временахъ, была улучшена администрація Египта, урегулированы работы въ синайскихъ рудникахъ, введена болѣе цѣлесообразная эксплуатація послѣднихъ и проложена изъ Кенеха къ Красному морю, въ Коссеиръ прекрасная дорога, открывшая новые пути для торговли. Самъ же фараонъ, по обычаю того времени, выстроилъ себѣ пирамиду Маннофри („хорошее мѣсто“, синонимъ Мемфиса, см. выше) и основалъ въ Гептаномидѣ городъ своего имени, но мѣстоположеніе его осталось неизвѣстнымъ. Кромѣ того изъ надписей явствуетъ, что Пепи приказалъ реставрировать храмъ богини Гаторъ (въ Дендерѣ), который былъ основанъ еще въ эпоху IV династіи, и сверхъ того, по свидѣтельству надписи Эль-Каба, производилъ обширныя строительныя работы, имѣвшія цѣлью увѣковѣчить имя этого царственного соорудителя.

Душой всѣхъ предпріятій являлся даровитый Уна, этотъ настоящій египетскій Сугерій или Рипелье, который сохранилъ свое значеніе и при преемникѣ умершаго фараона, — Мирири I Сок-

¹⁾ Manethon, ed. Unger. p. 101.

ка р и м с а ф ѣ. Новый фараонъ возвелъ своего перваго министра въ достоинство „управляющаго землею“ Верхняго Египта, чего, по замѣчанію надписи, „подобнаго ничего не случалось въ верхней землѣ“. Изъ гробничной лѣтописи Уна видно, что онъ принялъ дѣятельное участіе при сооруженіи царской погребальной пирамиды Х а н о ф е р ѣ („прекрасный восходъ“), въ которой Мирири думалъ найти вѣчный покой. Каменные глыбы были перевезены на выстроенныхъ въ Нубіи судахъ: „шесть широкихъ кораблей, три буксирующихъ судна, три плота и корабль съ воинами“, причемъ для производства всѣхъ подготовительныхъ работъ по сооруженію гробницы были навербованы работники изъ черныхъ племенъ, т. е. негры, которые ломали громадные куски крѣпкаго камня, полировали ихъ и приготавливали для сплава внизъ по рѣкѣ. Царь Мирири лично посѣтилъ всѣ работы и желая увѣковѣчить память о своемъ посѣщеніи, приказалъ высѣчь свое изображение на скалахъ Ассуана ¹⁾.

Въ противоположность минувшему царствованію, наполненному походами въ Эіопію и въ пограничную Сирію, въ Египтѣ теперь сохранялся полный миръ, дававшій возможность обратить все вниманіе на внутреннія дѣла государства, хотя въ указанное царствованіе они носили, если такъ можно выразиться, пирамидальный характеръ: въ Нубіи было уничтожено четыре лѣсныхъ роши для флотиліи, плотовъ и судовъ, перевозившихъ каменные монолиты на постройку пирамиды царствующему фараону.

Преемникамъ Мирири, умершаго бездѣтнымъ, былъ его младшій братъ, вступившій на престолъ подъ именемъ П е п и II Н о ф е р к е р и, царствованіе котораго, по свидѣтельству Манеона, подтверждается отчасти *Parvus royal de Turin*, продолжалось около ста лѣтъ, но о которомъ въ сущности мы знаемъ очень мало. Извѣстно только, что пирамидальная чesотка заставила и его воздвигнуть себѣ пирамиду М е н х а н х ѣ („поворотъ жизни“), но за то названный фараонъ энергически продолжалъ разработку мѣдныхъ синайскихъ рудниковъ, отражая съ этой сторонѣ нападенія варваровъ ²⁾.

Непосредственно послѣ этого необыкновеннаго, по своей продолжительности, царствованія, а можетъ быть даже въ послѣдніе годы правленія Пепи, въ государствѣ начались волненія и мятежи, но, къ сожалѣнію всѣ наши свѣдѣнія о смутномъ періодѣ древне-египетской исторіи ограничиваются легендами и побасенками, собранными Мане-

¹⁾ Эрманъ «Commentar zur Inschrift des Una» въ «Zeitschrift», 1882, 1—29.

²⁾ Надпись Уиди Махара; ср. Lepsius «Denkmäler aus Aegypten und Ethiopien», II, табл. 116а.

еонамъ и „отцомъ исторіи“ Геродотомъ, которые сбыли наукъ свои историко-литературные товары подъ фальшивой маркой, особенно касательно указанной эпохи.

Со смертью царя Миринри II Соккаримсафа (Ментесуфисъ), павшаго отъ руки убійцы, престолъ перешелъ къ его сестрѣ „красавицѣ съ розовыми щечками“ Нитакри (Nitacris), которая согласно обычаю, была замужемъ за покойнымъ фараономъ. По словамъ полинявшей сказки, передаваемой Геродотомъ, Нитакри была дочерью виноторговца, пріѣхавшаго въ страну фараоновъ съ острова Самоса и отличалась необыкновенной красотой. Однажды, вмѣстѣ со своими подругами, она купалась въ хрустальныхъ водахъ рѣки Яро (Нила), какъ вдругъ внезапно появился съ небесной высоты необыкновенной величины коршунъ, который, опустившись на землю и схвативъ одну изъ сандалій Нитакри, скрылся со своей странной добычью въ недосыгаемомъ небесномъ пространствѣ. Въ это время „сынъ солнца“, владыка Египта расположился со своими совѣтниками въ чистомъ полѣ, недалеко отъ своей столицы, чтобы творить судъ и расправу между подданными. Вдругъ вниманіе всѣхъ присутствующихъ было привлечено огромной величины коршуномъ, парящимъ въ небѣ надъ головою фараона. Описавъ нѣсколько круговъ, онъ спустился и быстро поднялся вновь подъ облака, выпустивъ изъ своихъ когтей маленькую, изящную сандалию, упавшую на колѣни къ царю. Совѣтъ жрецовъ и прорицателей истолковалъ это знаменіе такимъ образомъ, что боги предназначаютъ фараону въ жену дѣвушку, которой принадлежитъ эта сандалия. Послѣ долгихъ поисковъ по всей странѣ, Нитакри была, наконецъ, отыскана и сдѣлалась супругой фараона. Въ своемъ новомъ положеніи она сумѣла заслужить всеобщую народную любовь. Черезъ нѣсколько лѣтъ ея царственный супругъ палъ жертвою заговора и безутѣшная Нитакри, сдѣлавшись правительницей страны, поклялась жестоко отомстить убійцамъ. Затаивъ въ глубинѣ души свое намѣреніе, она приступила къ постройкѣ пирамиды и роскошной подземной залы для торжественныхъ пиршествъ. Обѣ эти постройки были готовы черезъ шесть лѣтъ. Въ назначенный день, подъ предлогомъ освященія подземной залы, царица пригласила многихъ знатныхъ египтянъ, подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ къ убійству покойнаго фараона. Въ самый разгаръ пиршества, по знаку Нитакри, были открыты шлюзы подземнаго канала, проведеннаго изъ Нила, вода хлынула и всѣ пирующие погибли, а царица удалилась въ сосѣдную комнату, наполненную пепломъ, и тамъ задохлась, чтобы избѣжать мщенія родственниковъ утопленныхъ.

Съ тѣхъ поръ прошло многія тысячи лѣтъ. Чуждый народъ живетъ теперь около пирамидъ, чуждый языкъ звучитъ на берегахъ священнаго Нила, но если путешественникъ заинтересуется маленькой пирамидкой, гдѣ почиваетъ прахъ красавицы-царицы, то проводникъ не только расскажетъ ему вышеприведенную исторію, но и сообщитъ объ одномъ странномъ явленіи, которое подтвердятъ и всѣ здѣшніе арабы: въ ясную звѣздную ночь видно бываетъ иногда блѣдное сіяніе, выходящее изъ пирамиды. Если путникъ подходитъ ближе, то онъ можетъ увидѣть прекрасный женскій образъ неземной красоты, покрытый длиною развѣвающимся прозрачною одеждой... Она облетаетъ пирамиду, въ которой нашла свой послѣдній покой, и кто на нее посмотритъ, тому она улыбается такъ печально и въ то же время такъ нѣжно, что онъ уже никогда не въ состояніи этого забыть. Это возведенная на царство самими богами, возвѣстившими свою волю черезъ коршуна—прекрасная Нитакри „розовые щечки“¹⁾.

Изъ выписокъ Манеона явствуетъ, что Нитакри считалась основательницей третьей пирамиды, т. е., какъ мы видѣли, выстроенной фараономъ Микериномъ; благодаря точнымъ изслѣдованіямъ Перринга, въ настоящее время положительно извѣстно, что царица только удвоила размѣры этаго памятника и выложила его цѣннымъ сіанитомъ, что составляло въ послѣдствіи достойный предметъ восхищенія греческихъ, римскихъ и арабскихъ путешественниковъ. По сообщенію полковника Вайза, въ самомъ центрѣ этой пирамиды, подъ комнатою, гдѣ за восемь вѣковъ передъ тѣмъ былъ похороненъ Микеринъ, устроена усыпальница царицы Нитакри, погребенной, въ свою очередь въ великолѣпномъ саркофагѣ изъ голубого базальта²⁾.

Греческіе писатели-путешественники, основываясь на рассказахъ проводниковъ о „красавицѣ съ розовыми щечками“ ничего не могли придумать удачнѣе какъ сдѣлать изъ царицы какую то куртизанку, замѣнивъ имя Нитакри Родоной (Rodopis). Въ разборъ этой и подобныхъ ей басенъ мы не входимъ.

Послѣ кратковременныхъ царствованій преемниковъ Нитакри, между которыми Раругус royal de Turin называетъ Ноферка, Снофру (II?) и Абу, *Египетъ вычеркивается изъ исторіи лѣтъ на пятьсотъ*; памятники прекращаются.

Несомнѣнно, что въ указанный періодъ времени страна фараоновъ была раздираема гражданскими войнами, бывшими, вѣроятно,

¹⁾ Геродотъ, II, 100. П. Ватъе, «Egypte de Murtadi, fils gu Gaphiphe», 65. Оппель, «Чудеса древней страны пирамидъ», ч. II, 276. Maspero, loc. cit. II, 85; Бругшъ, *ibid.* VIII, 151.

²⁾ Wyse «Pyramids of Gizeh», 79.

причиной послѣдовавшаго затѣмъ раздѣленія монархіи на нѣсколько независимыхъ государствъ, надъ которыми утвердившіеся въ Мемфисѣ правители сохраняли чисто номинальную власть. Очевидно въ Египтѣ не выработалось еще національнаго сознанія и преданій, и провинціи, спаянныя между собою внѣшнимъ образомъ, приростали и отваливались безъ смертельныхъ потрясеній отъ матеріально слабаго центральнаго ядра.

Смутный періодъ. VII, VIII, IX и X династии. Разумѣется въ процессѣ политической и, отчасти, культурной отчужденности нововъ главную роль игралъ сепаратизмъ областныхъ правителей или номарховъ (см. Номы), противоположавшихъ идеѣ національнаго единства если не принципъ полной автономіи, то, по крайней мѣрѣ, идею федераціи, которая, конечно, не могла не явиться на практикѣ мертворожденнымъ политическимъ уродствомъ. Какъ бы то ни было, номархи сдѣлали попытку вернуть себѣ самодержавныя права, отвѣтныя у нихъ политикой Минидовъ и ихъ преемниковъ, децентрализовавъ страну и вернувъ послѣднюю въ то положеніе, въ которомъ она находилась до своего объединенія первымъ египетскимъ фараономъ. Удача ихъ попытки доказываетъ, по нашему мнѣнію, не только ослабленіе центральной власти въ рукахъ позднѣйшихъ преемниковъ Минидовъ, но и то (какъ выше указано), что пристегнутыя къ центральному ядру номы и области, жившія долгое время самостоятельной исторической жизнью, выработавшія свои культурныя особенности и, быть можетъ, запасшіяся собственными историческими воспоминаніями, настолько оказались обособленными другъ отъ друга, настолько не забывали свою прошлую независимую политическую жизнь, что не было никакого труда разорвать на части шитое бѣлыми нитками единство государственнаго зданія, элементы котораго вошли въ его составъ далеко не въ нѣжномъ возрастѣ. Выражая только наше личное мнѣніе, вынесенное изъ тщательно изученныхъ источниковъ по исторіи указанной эпохи, мы, конечно, далеки отъ претензіи присваивать ему безусловную вѣрность, а тѣмъ болѣе навязывать современному ученому міру, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно не подтвердится новыми археологическими изысканіями на почвѣ фараоновскаго Египта и пока все скрытое „подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ“ не появится, наконецъ, на свѣтъ во всеоружіи достовѣрности.

Наконецъ послѣ продолжавшихся полтора вѣка волненій и смуть, мемфисская линія пресѣклась и мѣсто ея заняла новая династія изъ Хинензу (Гераклеополисъ). Этотъ послѣдній городъ, основанный въ

до-историческія времена, сдѣлался на нѣкоторое время политическимъ центромъ страны и далъ двѣ послѣдовательныя династіи IX и X.

Здѣсь оканчивается Древнее Царство или, какъ мы его назвали, Мемфисскій періодъ египетской исторіи, существовавшій девятнадцать вѣковъ. Конецъ его тонетъ въ непроницаемомъ мракѣ и по отсутствію оригинальныхъ памятниковъ не позволяетъ распределить по династіямъ царей, а также опредѣлить общую продолжительность ихъ царствованія.

Мы видѣли, что съ воцареніемъ Мени цивилизація сосредоточивается въ средней части страны и главнымъ ея очагомъ является Мемфисъ: названный періодъ египетской исторіи отмѣченъ такими величественными и грандіозными памятниками, какихъ намъ нигдѣ не представляетъ всемірная исторія архитектуры, не взирая на то, что въ эту эпоху національное искусство только еще зарождалось на почвѣ нильской долины и вопросъ о его развитіи принадлежалъ слѣдующему періоду.

Подъ конецъ Мемфисской эпохи мы можемъ уже замѣтить явные и характерные слѣды постепеннаго возвышенія Юга, номы котораго начинаютъ играть главную политическую роль въ странѣ. Пирамиды мало по малу исчезаютъ, замѣняясь общепольными работами и сооруженіями, что нельзя не привѣтствовать какъ знаменіе прогресса, хотя бы послѣдній и покупался цѣной значительнаго упадка въ техническихъ искусствахъ и съ художественной точки зрѣнія не подходилъ къ этому понятію: грядущіе вѣка идутъ уже по новой дорогѣ, указанной имъ ходомъ египетской исторіи.

2. Древне-Фиванскій періодъ.

Итакъ съ потерей верховной власти Мемфиса эпоха пирамидъ погружается въ вѣчность. Начинаютъ возрождаться къ политической жизни большіе города Верхняго Египта,—Коптосъ, Сильсилісъ и главнымъ образомъ „стовратные“ Фивы, вокругъ которыхъ постепенно завязывался крѣпкій государственный узелъ. Мемфисскіе и гераклеополісскіе боги, понижаясь рангомъ, нисходятъ на степень провинціальныхъ боговъ, какъ только помянутые города утратили свое политическое первенство. Напротивъ, съ увеличеніемъ значенія Юга и, въ частности, Фивъ—мѣстные боги—покровители послѣдняго города

начинають получать распространение въ остальныхъ областяхъ, повышая такимъ образомъ свой рангъ насчетъ провинціальныхъ боговъ. Впрочемъ указанное явленіе стало замѣтно обнаруживаться лишь въ послѣдствіи, когда первенствующее значеніе пріобрѣлъ культъ еиванскаго патрона бараньеголового Аммона и когда, по возстановленіи царства, еиванскіе фараоны выступили на путь иноземныхъ завоевателей, что, главнымъ образомъ, относится къ слѣдующему періоду.

XI династія. Молчаніе памятниковъ прерывается съ воцареніемъ XI династіи въ лицѣ Энтуфа I, который, подобно своимъ ближайшимъ преемникамъ, находился въ вассальныхъ отношеніяхъ къ царямъ Хинензу, считавшихся законными владѣтелями египетской страны.

Сынъ его Ментухотепъ I, имя котораго встрѣчается въ надписяхъ близъ Филе и на скалахъ Хамамата, и слѣдовавшіе затѣмъ фараоны,—Энтуфъ II, Ментухотепъ II, выстроившій пирамиду Ху-Сету („свѣтящееся мѣсто“), Ментухотепъ III Нибтоуири и Энтуфъ III были въ сущности Ѳиванскими номархами, которые хотя имѣли до нѣкоторой степени самодержавныя права, но тѣмъ не менѣе оставались вассалами гераклеополисскихъ царей и уплачивали имъ соответствующую дань.

Только фараону Энтуфу IV Нубхопирри удалось уничтожить вассальную зависимость, но авторитетъ его не распространился на всю страну, такъ какъ гераклеополисскіе цари удерживали еще за собою шаткое господство надъ Дельтой.

Первымъ изъ еиванскихъ царей, объединившимъ подъ своимъ скипетромъ „обѣ стороны“ былъ Ментухотепъ IV Нибхроури, который поэтому считается нѣкоторыми египтологами единственнымъ представителемъ XI династіи ¹⁾.

Мы думаемъ, однако, что эта невѣрно, такъ какъ въ „Table d'Abydos“ указанъ фараонъ Санхкара, имя котораго найдено на скалахъ Хамамата, гдѣ вырѣзана надпись, указывающая, что при этомъ царѣ впервые была предпринята торговая экспедиція въ страну Пунтъ, откуда были привезены въ Египетъ произведенія той земли ²⁾.

Строительная дѣятельность фараоновъ XI династіи не можетъ быть названа значительной и изъ немногихъ памятниковъ, оставленныхъ ими, заслуживаетъ упоминанія лишь отдѣльные экземпляры, не говоря уже про то, что послѣдніе довольно просты, первобытны,

¹⁾ Марриэттъ «La Table de Saqqarah» 6.

²⁾ Надпись Ханну на скалахъ Хамаматъ.

а иногда и прямо таки грубы. По сравненію съ предшествовавшимъ періодомъ они представляютъ собой шагъ назадъ.

Что касается до внѣшнихъ успѣховъ, то и здѣсь счастье, въ общемъ, мало благопріятствовало фараонамъ, которые несмотря на отдѣльные успѣшные походы и экспедиціи (Ментухотепа I и II, Энтуфа IV, Санхкара), потеряли на югъ всѣ пріобрѣтенія царей VI династіи и сѣзуили границы монархіи до самой Элефантины (Абу). Удивительнаго здѣсь, впрочемъ, ничего не было, потому что разьединенная страна, вышедъ изъ періода смуть и гражданскихъ войнъ, не достаточно еще окрѣпла въ своихъ силахъ для того, чтобы преслѣдовать обширныя политическія цѣли. Роль эта была совсѣмъ не по плечу названнымъ фараонамъ и ее взяла на себя новая династія, занявшая престолъ послѣ большихъ внутреннихъ смуть.

XII династія. Основателю XII династіи, фараону Аменехмату I пришлось выдержать продолжительную и до крайности упорную борьбу съ остальными соискателями царской діадемы, которые считали себя имѣющими столько же правъ на престолъ, сколько ихъ могъ представить Аменехматъ. Но благодаря отчасти хорошо сложившимся обстоятельствамъ, отчасти своей энергіи и искусно веденнымъ военнымъ дѣйствіямъ, перевѣсъ остался на сторонѣ фараона: взятіе крѣпости Титауи (къ югу отъ Мемфиса, на границѣ Верхняго и Нижняго Египта), вокругъ которой сконцентрировалась, наконецъ, война, рѣшило ея успѣхъ и повлекло за собой подчиненіе всего Египта. Умиротворивъ страну, овладѣвъ непокорными городами и возстановивъ въ государствѣ порядокъ, фараонъ обратилъ свое вниманіе на внѣшнія предпріятія: 1) онъ овладѣлъ золотоносными рудниками Нубіи, заброшенными въ смутное время; 2) предпринялъ успѣшное вторженіе въ земли, занятыя народами Уауа, Мацаи (Мазіу), Сати и Хирушаиту ¹⁾ и 3) распространилъ свою власть „отъ города Абу до Ату въ нижней землѣ“.

Строительная дѣятельность Аменехмата I выразилась: 1) въ сооруженіи для себя пирамиды подъ названіемъ Каноферъ („высокая-красивая“), весьма скромныхъ размѣровъ въ сравненіи съ гигантскими каменными громадами предыдущихъ вѣковъ; матеріаломъ для ея возведенія служилъ не камень, а кирпичъ, что значительно облегчало работу и требовало гораздо меньше времени; 2) въ основаніи храма Аммона въ Фивахъ, въ которомъ бараньеголовый богъ былъ высѣченъ

¹⁾ Надпись Lüttque въ ущельи Хиргауи (къ востоку отъ Нила, подъ 23° с. ш.).

изъ розоваго ассуанскаго гранита и 3) въ реставрированіи храма Фта въ Мемфисѣ, какъ то свидѣтельствуя надписи въ каменоломняхъ Мокаттама (къ востоку отъ Мемфиса) и въ долину Хамаматъ ¹⁾).

Вотъ, сколько кажется, и всѣ постройки.

О „Наставленіяхъ“ фараона упомянуто выше при обзорѣ египетской литературы. Къ его же царствованію относятся „Воспоминанія Синугита“ ²⁾, рисующія, какъ мы видѣли, состояніе Египта въ эпоху Аменемхата I и его сына Усургусена I Хеперкари, которому старый фараонъ, можетъ быть, даже вынужденный обстоятельствами, еще при жизни передалъ власть, а самъ удалился въ свой дворецъ, и здѣсь окончилъ жизнь, окруженный божескими почестями.

Новый фараонъ успѣшно продолжалъ политику своего предшественника. По свидѣтельству гробничной надписи Амени, Усургусенъ предпринялъ удачную экспедицію въ землю Кушъ, названіе которой, сколько можно судить по памятникамъ, прилагалось къ странѣ, извѣстной нынѣ подъ именемъ Судана, покорилъ темнокожія племена Хаса, Шеатъ, Шемикъ и друг. и раздвинулъ предѣлы страны до Уаиди Гальфа, т. е. почти до второго водопада. А на Синайскомъ полуостровѣ вновь было приступлено къ разработкѣ мѣдныхъ рудниковъ, причемъ за одно съ мѣдью (хومتъ) добывалась бирюза (мафкатъ). Вышеизложенное подтверждаютъ надписи Уаиди Махара.

Обращаясь къ бѣглому обзору строительной дѣятельности Усургусена I, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія сооруженія названнаго фараона: 1) обелискъ въ Ану (Геліополисѣ) изъ крѣпчайшаго розоваго гранита, поставленный передъ главнымъ входомъ въ храмъ бога солнца, съ іероглифическими надписями на четырехъ его сторонахъ; 2) начатый храмъ „благого бога“ Озириса въ Абидосѣ, причемъ работы велись по порученію фараона сановникомъ-инженеромъ Менгхотепомъ, который „собственноручно выполнялъ свои предначертанія“, т. е. составлялъ планы зданій и рисунки для статуй, и 3) продолжены работы Аменемхата I по сооруженію храма „сокровеннаго“ Аммона въ Фивахъ.

По примѣру своего предшественника, подъ конецъ царствованія фараонъ приобщилъ къ дѣламъ правленія своего сына Аменемхата II Нубкаури, свѣдѣнія о царствованіи котораго довольно незначительны. Извѣстно только, что при немъ: 1) было выстроено нѣсколько крѣпостей для защиты Нубіи отъ безпрестанныхъ набѣговъ

¹⁾ Бругшъ, *ibid.* IX, 164.

²⁾ *Les papyrus hiératiques de Berlin*, p. 36—51.

негритянскихъ племенъ, и 2) земля Уауа обратилась въ провинцію Египта, которой управлялъ особый намѣстникъ ¹⁾).

Еще менѣе мы знаемъ про сына, затѣмъ сопровителя и, наконецъ, преемника Аменемхата, — Усуртусена II Хакари, продолжавшаго, повидимому, съ большимъ успѣхомъ дѣло своихъ предшественниковъ, законченное сыномъ его Усуртусеномъ III Хакаури. Фараонъ этотъ на восьмомъ году своего царствованія предпринялъ завоеваніе „презрѣнной страны Кушъ“ и ставъ лично во главѣ арміи окончательно подчинилъ своему владычеству всю Нубію. Надписи говорятъ, что царь углубился въ страну между Ниломъ и Краснымъ моремъ, захватилъ въ плѣнъ женщинъ и мужчинъ, спасавшихся около колодцевъ, угналъ скотъ и зажегъ хлѣбъ на поляхъ. *Со времени экспедиціи Усуртусена III началась систематическая египтизація Нубіи*, сопровождаемая монументальными постройками, религиозными и правовыми воззрѣніями и прочими элементами матеріальной и духовной культуры. Южная граница монархіи фараоновъ простиралась до основанныхъ Усуртусеномъ крѣпостей-близнецовъ, Симнеха и Куммеха, служившихъ Египту прекрасными оплотами противъ вторженій съ юга (см. Фортификація). На стелахъ Симнеха была начертана знаменательная надпись, гласившая, что неграмъ, за исключеніемъ торговцевъ, воспрещенъ доступъ въ Египетъ ²⁾). Что за причина подобнаго постановленія, — сказать мудрено, но надо думать, что оно вызвано какими либо экономическими соображеніями.

Изъ памятниковъ эпохи названнаго фараона можно указать на колоссъ изъ розоваго гранита, воздвигнутый Усуртусеномъ у одной изъ дверей храма Озириса въ Абидосѣ, на погребальную кирпичную пирамиду, сооруженную въ Дашурѣ и на основаніе вышеупомянутыхъ крѣпостей — Симнеха и Куммеха, а равно и на закладку въ недавно покоренной южной части Нубіи укрѣпленія Сохемъ-Хакаури.

По смерти фараона престолъ перешелъ къ его старшему сыну Аменемхату III Ранмаату, съ которымъ мы уже знакомы по его гигантскимъ сооруженіямъ: ископаніе озера Мери (Ми-уэръ) и постройка знаменитаго Лабиринта, въ развалинахъ котораго находится погребальная пирамида фараона, существующая и по настоящее время. Кромѣ того, по сообщенію Діодора, Аменемхатъ воздвигъ въ Мемфисѣ пропилеи, окаймляющіе съ сѣверной стороны храмъ бога Фта ³⁾).

¹⁾ Lepsius «Denkmäler aus Aegypten und Ethiopien» II, 123.

²⁾ Ibid. II, 136.

³⁾ Діодоръ I, 51.

Изъ фортификаціонныхъ построекъ фараону приписываютъ сооруженіе противъ Пселхиса (егип. Пи-Селькъ, нынѣ Дакке) сильной крѣпости съ оградой изъ необожженныхъ кирпичей (имя этой крѣпости осталось неизвѣстнымъ и мѣсто, занимаемое нынѣ ея развалинами, носить названіе Contra Pselchis; можно думать, что это Кубань, хотя весьма возможно, что поименованная крѣпость существовала за долго до Аменемхата III).

Во времена Геродета имя царя-соорудителя Лабиринта и Меридова озера—этого огромнаго резервуара, имѣвшаго тѣсное отношеніе къ древнему усыхающему озеру Биркетъ-эль-Керумъ въ Фаіумъ и служившаго огромнымъ подспоріемъ въ общей системѣ орошенія Нижняго Египта,—было совершенно забыто и греческаго путешественника увѣряли, что огромный водяной резервуаръ былъ вырытъ царемъ Меридомъ (Moeris), что легковѣрный историкъ поспѣшилъ занести въ свою книжку, нисколько, повидимому, не сомнѣваясь въ правдивости слышаннаго, между тѣмъ какъ въ, новѣйшее время открыто настоящее имя царственнаго соорудителя, которое оставалось скрытымъ болѣе двадцати вѣковъ.

О Лабиринтѣ и искусственномъ озерѣ было упомянуто выше и потому на нихъ здѣсь мы останавливаться не будемъ, замѣтимъ только, касательно послѣдняго предпріятія, что каменные сооружения и плотины, развалины которыхъ отчасти сохранились и до нашего времени, приводятъ въ изумленіе лучшихъ инженеровъ нашего вѣка. Очевидно, что самъ фараонъ могъ считаться первымъ инженеромъ своей страны, благосостояніе которой онъ упрочилъ грандіозными общепольными работами.

Что касается до внѣшней политики Аменемхата III, то существуютъ нѣкоторыя указанія памятниковъ (напр. надпись въ долинѣ Хамаматъ), что онъ велъ нѣсколько удачныхъ войнъ съ неграми и южными сирійцами, но подробности его военныхъ экспедицій и походовъ намъ совершенно неизвѣстны. По смерти фараона „поразившаго негровъ и открывшаго міръ“, Египетъ вступилъ въ періодъ процвѣтанія: эпоха господства XII династіи была важна въ томъ смыслѣ что: 1) были улучшены природные источники богатства страны искусственными средствами, цѣль которыхъ сводилась къ урегулированію періодическихъ разливовъ Нила; 2) зодчество достигло высокой степени развитія: одинъ изъ портиковъ гробницъ Бени-Хассана былъ украшенъ колоннами чистѣйшаго дорическаго стиля, по крайней, мѣрѣ за двѣ тысячи лѣтъ до появленія послѣдняго въ архитектурномъ искусствѣ Эллады, и 3) скульптура этого періода оставила

намъ много хорошихъ образцовъ, дальше которыхъ древне-египетское ваяніе уже не шло: оно, если такъ можно выразиться, точно описало кругъ и вернулось къ своей исходной точкѣ.

Въ общемъ нельзя не признать, что царствованіе фараоновъ названной династіи представляетъ, быть можетъ самое полное и наиболѣе цвѣтущее развитіе цивилизаціи фараоновскаго Египта. Династія удвоила богатство страны, продолжая дѣло XI династіи, намѣтившей планъ этихъ дѣйствій и закончилась двумя незначительными царствованіями А менем х ата IV Ма х р о у р и, получившаго власть еще при жизни отца, а по смерти его правившаго единолично, и сестры его, царицы Себекнефру (Скеміофриса), послѣ которой на сцену выдвинулась XIII династія.

XIII династія. Себекхотепъ I Рахутауи былъ родоначальникомъ династіи, продолжавшейся, по преданію, 453 года и насчитывавшей 60 царей. Порядокъ наслѣдованія ихъ въ точности неизвѣстенъ, а у Манеона имена царей XIII династій обойдены полнѣйшимъ молчаніемъ, и потому руководствуясь Туринскимъ папирусомъ, довольно, впрочемъ, испорченнымъ, можно придти къ выводу, что династія нѣсколько разъ прекращалась за неимѣніемъ наслѣдника мужской линіи, но снова возобновлялась безъ потрясеній, благодаря наслѣдственнымъ правамъ принцессъ, которыя передавали ихъ своимъ дѣтямъ.

Себекхотепъ II Схемуазтоуири, сынъ простого жреца и принцессы царской крови Хонзу, получилъ корону Египта послѣ смерти своей матери, а Нофирготепъ II Хасошшури, отецъ котораго не принадлежалъ къ царствующей фамиліи, сдѣлался фараономъ по правамъ своей матери Камы ¹⁾.

Восемнадцатый царь по списку Туринскаго папируса носилъ имя Смонхкара, по прозвищу Мермеша (Мурмашау), двѣ статуи котораго были найдены во время раскопокъ на мѣстности древняго Таниса.

Въ лицѣ названнаго фараона Мариеттъ предполагаетъ мятежнаго полководца, достигшаго престола, благодаря своимъ побѣдамъ ²⁾, а Бругшъ, основываясь на томъ, что главный жрецъ Мендеса тоже носилъ титулъ Мермеша, видитъ слѣды узурпаціи со стороны жре-

¹⁾ Масперо loc cit, III, 120; Lepsius «Denkmäler». II, 151.

²⁾ Мариеттъ «Deuxième lettre à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis», 4—5; см. также его «Aperçu de l'hist. d'Égypte depuis les temps les plus reculés jusqu'à la conquête musulmane», 1864. p. 34—35.

цовъ ¹⁾. Какъ бы то ни было, настоящій вопросъ представляется довольно тусклымъ и для разрѣшенія его необходимы новыя открытія.

Двадцать пятый фараонъ этой династіи Себекхотепъ III Схемхутоуири, какъ свидѣтельствуютъ надписи на скалахъ выше второго водопада близъ крѣпостей-близнецовъ Симнеха и Куммеха, приказалъ измѣрять и записывать высоту водъ Нила въ продолженіе первыхъ четырехъ лѣтъ своего царствованія.

Себекхотепъ IV Ханофири, статуя котораго хранится нынѣ въ Луврѣ, воздвигалъ свои изображенія даже за предѣлами Египта, близъ нынѣшней Донголы.

Свѣдѣнія наши объ остальныхъ фараонахъ XIII династіи ограничиваются одними именами: Себекхотепъ V, Себекхотепъ VI и Себекхотепъ VII.

Всѣ цари названной династіи, которая обезпечила Египту нѣсколько вѣковъ благоденствія, прилагали свои старанія къ украшенію большихъ городовъ различными произведеніями искусства, но стиль этихъ произведеній значительно уступаетъ въ указанномъ отношеніи эпохи предшествовавшей династіи, хотя большинство извѣстныхъ до сихъ поръ царскихъ статуй считаются образцовыми произведеніями, съ которыми рѣдко могли сравняться позднѣйшіе скульптурные памятники ²⁾.

XIV династія. Конецъ XIII династіи намъ неизвѣстенъ, но не трудно предположить, что она исчезла среди смутъ, междуусобій и гражданскихъ войнъ. Ксоисъ (егип. Сахау, нынѣ Сакха) далъ Египту XIV династію, которая насчитывала 75 царей, царствовавшихъ 484 года; исторія ихъ также неизвѣстна. Можно сказать одно, что династія эта, возвысившись въ Дельтѣ, съ успѣхомъ соперничала съ послѣдними фараонами XIII династіи и въ концѣ концовъ заняла ихъ мѣсто; раздѣленіе Египта на рядъ враждующихъ между собою государствъ, въ которыя опять обратились номы и происшедшія отсюда смуты повлекли за собою паденіе фараоновъ и облегчили вторженіе иноземцамъ.

При царѣ Тимеосѣ Египетъ подвергся нападенію хананеевъ-семитовъ и аравійскихъ кочевниковъ, которые покорили страну, „подчинили себѣ тѣхъ, которые въ ней царствовали, сожгли города, опу-

¹⁾ Brugsch. «Geschichte Aegyptens unter d. Pharaonen, nach d. Denkmälern», 1877—1878, 181.

²⁾ Maspero «Hist ancien». III. 122.

стошили святилища боговъ“¹⁾ и господствовали въ Египтѣ около четырехъ столѣтій²⁾. Здѣсь при ураганномъ вторженіи иноземцевъ блестящая эпоха древне Египетскаго періода погружается въ вѣчность.

3. Владычество кочевниковъ.

Изученіе памятниковъ подтверждаетъ дѣйствительность ужасныхъ опустошеній, произведенныхъ хищниками, цѣлыя орды которыхъ успѣли хлынуть въ Дельту въ облакахъ пыли, взбиваемой конями и стадами этихъ хищныхъ номадовъ, перелившихся въ нильскій оазисъ изъ глубины азіатскихъ пустынь: при ураганномъ вторженіи города и храмы были разрушены и разграблены, часть мужского населенія перебита, а другая часть вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми обращена въ рабство. Весь Египетъ, кромѣ Египта, въ главномъ городѣ который въ это пестрое беспорядочное время успѣла удержаться отрасль національной династіи, былъ завоеванъ ими; но, какъ увидимъ ниже, завоеваніе кочевниковъ въ сущности оказалось эпизодомъ, хотя бы и долговременнымъ, а не поворотнымъ пунктомъ исторіи Египта.

Трудно рѣшить положительно, кто были эти непрошеные гости. Египтяне называли ихъ Шасу, т. е. „грабители“, „воры“, откуда греки произвели гиксосъ, гиксы; Манеонъ объясняетъ имя Гиксосъ въ послѣднемъ его слогѣ ссылкой на народный говоръ своего времени, въ которомъ сосъ означаетъ пастуха, точно также и нынѣ тоже значеніе въ коптскомъ имѣетъ слово шосъ³⁾, слово же Гикъ означаетъ царя. Но все это ни на волосъ не подвигаетъ рѣшенія вопроса о происхожденіи кочевыхъ завоевателей и дѣйствительно не всѣ ученые согласны между собою относительно того, кто были эти кочевники: Лепсіусъ считаетъ ихъ кушитами, Ленорманъ—аккадійцами, Линанъ—арабами и т. п. Гораздо вѣроятнѣе, что пришельцы принадлежали къ сирийскимъ семитамъ (хананей), которые при вторженіи въ страну фараоновъ были усилены родственными имъ по происхожденію аравійскими кочевниками и вмѣстѣ съ ними совершили завоеваніе Египта.

¹⁾ Фл. Иосифъ противъ Аппіона I, (выдержки изъ Манеона).

²⁾ По Манеону 510 лѣтъ, что, по нашему, несомнѣнно преувеличено.

³⁾ Вругль «Исторія фараоновъ» пер. Властова XII, 240; ср. надпись храма Эдфу.

Нѣкоторые полагають, что нынѣшніе фуланы, переселившіеся въ XVI столѣтіи съ горныхъ возвышенностей Фута-Джалонъ въ область, граничащую съ французской Гвинеей и западной частью Судана и подчинившіе себѣ государство хаусовъ Капо (въ сѣверной Нигеріи)—потомки гиксовъ, сохранившихъ и въ наружности первобытный семитическій типъ. Указывая на этотъ фактъ, мы не входимъ въ разборъ его.

Такъ это или нѣтъ, но вторгнувшіеся варвары, имѣвшіе намѣреніе твердо и прочно обосноваться въ завоеванной ими богатой странѣ, выбрали царемъ одного изъ своихъ военачальниковъ, по имени Салати (Salatis).

Новый царь сдѣлалъ своей резиденціей Мемфисъ, установилъ извѣстную правительственную организацію и обложилъ податями своихъ египетскихъ подданныхъ. Полудикій семитъ не могъ не сообразить, что для завоевателей, въ ихъ собственныхъ интересахъ, гораздо выгоднѣе стричь овецъ, нежели сдирать съ нихъ шкуру, не уподобляясь тѣмъ правителямъ, которые весьма склонны рѣзать куръ, неспихъ золотыя яйца. Тѣмъ не менѣе онъ держалъ въ уздѣ новыхъ подданныхъ и обращался съ ними грозно, по-военному. На развалинахъ древняго города Хауара (Аварисъ въ Сестроитскомъ номѣ, у Танитскаго рукава Нила) Салати основалъ обширный укрѣпленный лагерь и занялъ его 240.000 арміей, которая такимъ образомъ играла роль живого редюита. Ежегодно лѣтомъ царь отправлялся туда, чтобы наблюдать за раздачей войску продовольствія и жалованія, а равно присутствовать при военныхъ упражненіяхъ (маневры?) дабы сохранить для арміи хорошую строевую подготовку и возбудить страхъ враговъ ¹⁾. Вообще про перваго царя гиксовъ можно сказать положительно, что онъ былъ замѣчательнымъ политикомъ. Онъ сознавалъ очень хорошо, что главная опасность угрожала ему не со стороны еиванскихъ князей, ослабленныхъ внутренними несогласіями и лишенныхъ возможности предпринять противъ завоевателей что либо серьезное, а съ сѣвера, откуда грозила гиксамъ Халдея.

Вотъ почему Салати перенесъ главныя силы арміи къ перешейку и черезъ устройство укрѣпленнаго лагеря въ Аварисѣ оградилъ свое новое царство не только отъ вторженій эламитскихъ завоевателей Халдеи, но и отъ своихъ ханаанскихъ сородичей, которые, въ случаѣ появленія на границахъ Египта, неминуемо должны были бы разбиться объ этотъ сильный передовой форпостъ.

¹⁾ Manethon, ed. Unger 1

Борьбу же съ непокорнымъ Югомъ онъ оставилъ въ наслѣдство своимъ преемникамъ. Бнонъ, Апахнасъ, Апопи I (Сеть-Нубъ) и Аннасъ провели всю жизнь въ войнахъ съ еиванскими князьями, шагъ за шагомъ отгѣсня послѣднихъ все далѣе и далѣе къ югу. Наконецъ царю Асету (Асесъ) послѣ большихъ усилій удалось свергнуть мѣстную (XV) династію и сдѣлаться единственнымъ повелителемъ Египта, закончивъ такимъ образомъ двухсотлѣтнюю борьбу съ Югомъ и укрѣпивъ тронъ Салатидовъ.

Вмѣстѣ съ нравами и обычаями египтянъ гиксы приняли ихъ оффиціальныи языкъ, письмена, систему управленія, поручали многія государственныя дѣла чистокровнымъ египтянамъ и все прежнее великолѣпіе двора фараоновъ окружало теперь „царей-пастырей“, резиденція которыхъ находилась въ Цоанѣ (Танисъ). Вообще темная эпоха владычества гиксовъ, смѣнившая классическій періодъ Средняго Царства, вовсе не была, какъ теперь доказано, чужда культуры; напротивъ, и при загадочныхъ властителяхъ наука и литература находили покровительство, и до насъ дошли замѣчательныя произведенія, написанныя именно въ указанную эпоху. Верховнымъ божествомъ чужеземцевъ считался Сеть или Сутехъ, которому они воздвигали храмы и другіе памятники, главнымъ образомъ, сфинксовъ изъ крѣпкаго камня Сіены. Эти сфинксы и статуи даютъ намъ возможность составить себѣ понятіе о состояніи скульптуры въ эпоху господства кочевниковъ; на памятникахъ ясно представлены выраженія ихъ семитическихъ лицъ, манера носить бороду, прическу волосъ и другія особенности.

„Глаза малы, носъ крупный, горбатый.... толстыя и скуластыя щеки, выдающійся подбородокъ и ротъ, углы котораго опущены особеннымъ образомъ. Общій характеръ лицъ поражаетъ грубостью чертъ, а жесткія космы волосъ придаютъ памятникамъ еще болѣе поразительный видъ“¹⁾.

Вліяніе чужеземцевъ на покоренныхъ сказалось, между прочимъ, и во введеніи въ національное египетское искусство новыхъ формъ и образовъ, семитическое происхожденіе которыхъ бросается въ глаза при первомъ взглядѣ на эти произведенія. Характеристической фигурѣ этого новаго извнѣ принесеннаго направленія искусства является крылатый сфинксъ²⁾.

Къ сожалѣнію, большинство памятниковъ эпохи гиксовъ погибло безвозвратно, такъ какъ туземные цари, по возстановленіи Царства,

¹⁾ Мариеттъ. «Lettre à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis», 9.

²⁾ Вруншъ, цит. соч. XII, 245.

старались тщательно изгладить всякое воспоминаніе о чужеземцахъ, уничтожая или самые памятники, или стирая съ нихъ имена ненавистныхъ завоевателей. Тѣмъ не менѣе кое что сохранилось: 1) четыре большихъ сфинкса изъ діорита, на которыхъ вырѣзано имя „Апопи, любимый Сетомъ“; 2) гранитная группа, находящаяся нынѣ въ Булакскомъ музеѣ и 3) голова статуи одного изъ „царей-пастырей“, найденная въ Мить-Фаресѣ. Кромѣ того сохранился одинъ любопытный документъ въ видѣ свертка папируса, хранящагося нынѣ въ Британскомъ музеѣ и извѣстнаго въ наукѣ подъ именемъ *Papyrus Sallier* № 1. Суть этой сказки, у которой сохранилось только одно начало, символически изображаетъ борьбу за освобожденіе на почвѣ религиозной подкладки, путемъ противопоставленія бога Сутеха—Аммону-Ра, національному божеству египтянъ. „Царь Апопи—гласитъ названный папирусъ — избралъ себѣ божественнымъ господиномъ бога Сутеха и не служилъ ни одному изъ боговъ, которымъ молились во всей странѣ. Онъ выстроилъ ему святилище превосходной работы и долговѣчное... Апопи установилъ празднества и дни для жертвоприношеній во всякое время богу Сутеху“ ¹⁾ и т. д.

Чувствуя непрочность положенія и желая укрѣпить свое шаткое господство въ Египтѣ, завоеватели вступали въ союзы съ сирійскими семитами, которые подъ покровительствомъ „царей-пастырей“ переселялись въ Египетъ цѣлыми родами. Іосифъ, сынъ Іакова управлялъ страной при дворѣ царя Апопи I (Апофисъ), время царствованія котораго лишь нѣсколькими годами предшествовало воцаренію XVIII династии. Изъ Библии видно, что Іосифъ приводитъ въ порядокъ оросительную систему, проводитъ новые каналы, улучшаетъ старые, устраиваетъ знаменитое хлѣбное продовольствіе на случай голодныхъ лѣтъ, но въ то же время отчуждаетъ большую часть земель у жителей за долги въ пользу фараона и налагаетъ на землю тяжелую подать въ 20% походнаго налога. Тогда же братья Іосифа переселились въ Египетъ, гдѣ имъ была отведена земля Гесемъ, между Себенитскимъ рукавомъ Нила и пустыней. Нѣтъ сомнѣнія, что врожденная египтянамъ ненависть къ евреямъ ²⁾ была перенесена на послѣднихъ съ завоевателей-гиксовъ, которые были одинаковаго происхожденія съ сынами Израиля, обреченныхъ, по изгнаніи ихъ сородичей, на тяжкія общественныя работы и покинувшихъ страну (при XIX дин.) фараонъ которой „не зналъ Іосифа“ ³⁾. Подданные фараоновъ, дѣйствительно,

¹⁾ *Papyrus Sallier* I.

²⁾ Вругшъ XII, 258 думаетъ, что ненависть египтянъ къ семитамъ не была сильной, но соображенія почтеннаго египтолога, по нашему, малоубѣдительны.

³⁾ Исходъ I, 8.

глубоко ненавидѣли гиксовъ и народная ненависть надавала имъ позорныхъ эпитетовъ, называя ихъ проклятыми, зачумленными, прокаженными ¹⁾. Однако эта новая цивилизація, наполовину египетская, наполовину семитическая развилась во время второй династіи „царей - пастырей“, которую національные историографы въ концѣ концовъ признали и стали разсматривать какъ XVI египетскую династію ²⁾.

Неоднократно пытались египтяне сбросить тяжелое иго пришельцевъ, но всѣ попытки, предпринимаемыя ими для достиженія указанной цѣли, долго не приводили къ желательнымъ результатамъ. Последніе фараоны-пришельцы—Апопи II Аусири, Апопи III Акнури и проч. употребляли всѣ усилія, чтобы удержаться въ завоеванной странѣ и весьма продолжительное время счастливо боролись съ еиванскими князьями, оспаривавшими у нихъ владычество надъ Египтомъ. Къ сожалѣнію, подробности этой борьбы неизвѣстны, во всякомъ случаѣ она была чрезвычайно упорна и продолжалась, съ нѣкоторыми перерывами, около полутора ста лѣтъ. Дѣло освобожденія страны тѣмъ не менѣе все подвигалось впередъ и пошло успѣшнѣе, когда во главѣ вооруженнаго возстанія сталъ одинъ изъ правителей южныхъ округовъ (гакъ), еиванскій князь Ра-Сакененъ I Тауа (Сокнунри, одинъ изъ героевъ сказки *Papyrus Sallier* № 1), основавшій XVII династію; сторону его приняли всѣ мелкіе египетскіе князья и владѣтели, оказавъ ему значительную поддержку войсками. Пламя войны опять запылало; она велась съ перемѣннымъ счастьемъ, представляя смѣны успѣховъ и неудачъ, о которыхъ мы, къ сожалѣнію, знаемъ очень мало. Извѣстно только, что послѣ ожесточенной борьбы противъ національныхъ враговъ фараонъ, котораго Манеонъ называетъ погречески Алисфрагмутозисомъ (національное имя его неизвѣстно), взялъ Мемфисъ, а вслѣдъ затѣмъ обжившіеся и изнѣжившіеся въ Египтѣ завоеватели были отбѣснены въ восточную часть Дельты до Хауара (Авариса), гдѣ они заперлись и продержались довольно продолжительное время.

Еиванскимъ царямъ Ра-Секенену II, Ра-Секенену III (Тауа) и Камесу Уотхепери пришлось выдержать крайне тяжелую и упорную борьбу съ кочевниками, причемъ всѣ усилія названныхъ царей сокрушились о неприступныя твердыни Авариса.

¹⁾ Chabas «*Mil égyptologiques*» 40.

²⁾ Масперо, *loc. cit.* IV, 163.

Расплата съ грозными варварами замедлялась и через несогласія союзниковъ, которые, какъ кажется, не были особенно склонны усилить могущество еиванскихъ фараоновъ и помогали имъ недостаточно энергично. Притомъ война наносила страшный ущербъ матеріальному благосостоянію страны: большинство населенныхъ мѣстъ лежало въ развалинахъ, сельское хозяйство пришло въ окончательный упадокъ, повсюду царилъ голодъ. При наличности подобныхъ условій ничего не было удивительнаго, что борьба съ варварами тянулась страшно долго.

Наконецъ преемнику Камеса, Ахмосу, на пятомъ году своего царствованія, удалось овладѣть Аварисомъ, послѣ чего остатки побѣжденной арміи удалились въ Сирію, гдѣ еще разъ были разбиты египтянами при Шаруханѣ, а сама крѣпость взята штурмомъ. Теперь было достигнуто полное освобожденіе національной территоріи отъ владычества ненавистныхъ семитовъ. Но были-ли послѣдніе, дѣйствительно, такъ ненавистны народу, какъ это хочетъ выставить еиванскій царственный домъ? Отрицать гнета гиксовъ, разумѣется, нельзя, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена ихъ вторженія, но затѣмъ, подъ вліяніемъ египтизації, и у нихъ появились культурные признаки, и они растворялись въ океанъ египетской культуры, побуждавшей „царей-пастырей“ смотрѣть на египтянъ какъ на подданныхъ, а не какъ на побѣжденный народъ.

4. Ново-Еиванскій періодъ.

XVIII династія. Ахмосъ или Аамесъ Небпехутири (греч. Амосисъ), получившій корону по правамъ своей жены Нофертари, дочери царя Камеса и начавшій собою XVIII династію, пользовался огромнымъ уваженіемъ египетскаго народа, какъ царь-освободитель, хотя страна, раздѣленная на мелкія княжества, владѣтелямъ которыхъ въ благодарность за помощь противъ изгнанныхъ гиксовъ были оставлены пожизненно царскій титулъ и присвоенныя послѣднему сану почести, не безъ сопротивленія признала власть единоличнаго властителя. На югѣ Египта, въ странѣ То-Хонтъ (Нубія) вспыхнуло возстаніе подъ предводительствомъ одного царька, по имени Тетана, которое прекратилось лишь пораженіемъ мятежнаго вассала и Нубія снова была приведена къ покорности.

Дѣятельность Ахмоса, царя освобожденнаго Египта, по изгнаніи пришельцевъ изъ предѣловъ страны, можно свести къ слѣдующему: 1) Онъ привелъ въ порядокъ дѣла правленія, запущенныя въ періодъ войны за освобожденіе, поднялъ, насколько это оказалось возможнымъ, матеріальное благосостояніе страны „святилища которой (гласитъ Моккатамская надпись) пришли въ упадокъ со времени предковъ“; 2) по свидѣтельству надписи на скалахъ Туру и Массара, „приказалъ открыть каменоломныя пещеры, чтобы вырѣзать лучшій бѣлый камень (известнякъ) горной мѣстности по имени Анъ для храмовъ долговѣчнаго существованія“...; 3) началъ постройку около нынѣшняго Карнака огромнаго храма еиванскаго Аммона, оконченнаго много столѣтій спустя ¹⁾; 4) предпринялъ удачный походъ противъ земли Цахи (сѣверная Финикія), гдѣ, какъ выше сказано, нанесъ отступавшей арміи кочевниковъ пораженіе при Шаруханѣ и 5) обезпечилъ укрѣпленіями восточную границу Египта, построивъ, между прочимъ, стратегически важную крѣпость Зару (Царь), предназначенной играть роль форпоста, долженствовавшего заслонить собой дорогу азіатскимъ ордамъ въ долину Нила на случай новаго вторженія.

Борьба за независимость имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія для подданныхъ фараоновъ: въ столь невоинственной націи, какой была египетская, пробудился воинственный пылъ, вскорѣ повлекшій за собой безконечныя походы въ Сирію, проснулось сильное національное чувство, окрѣпъ патріотизмъ. Азія и Египетъ мѣняются ролями: Азія обороняется, Египетъ наступаетъ, правда, наступаетъ довольно неувѣренно, боязливо, съ вѣчной оглядкой на Нилъ и на пирамиды, но всетаки наступаетъ, ибо къ наступленію его толкаетъ отчасти временный подъемъ воинственнаго духа, а главнымъ образомъ—окружающая обстановка. Ахмосу наслѣдовалъ малолѣтній сынъ Аменготепъ I Серкара (Аменофисъ I), до совершеннолѣтія котораго управляла государствомъ, въ качествѣ регентши, его мать, царица Нофертари. Достигнувъ юношескихъ лѣтъ, молодой фараонъ докончилъ завоеваніе Эфіопіи, такъ что египетская монархія въ его царствованіе снова раскинулась по нильской долинѣ отъ Сенаара до морскихъ береговъ Дельты. Вслѣдъ за тѣмъ Аменготепъ двинулся на сѣверъ и нанесъ сильное пораженіе ливійскому племени Амукехакъ (принадлежавшаго къ отрасли народа Тхухенъ, греческ. Мармариды, обитавшимъ къ западу отъ Дельты), которое, повидимому, замышляло вторженіе въ монархію фараоновъ. Касательно Азіи фараонъ, придер-

¹⁾ При XXII-ой династіи.

живаясь политики отца, не предпринималъ походовъ въ Сирію и ограничивался защитой границъ государства, представляя его расширеніе своимъ преемникамъ—Тутмессидамъ.

Тутмесь I Аахеперкари (греч. Тутмозисъ), сынъ Аменго-тепа (отъ царицы Аахотепъ), первый изъ фараоновъ XVIII династїи выступилъ на путь иноземныхъ завоеваній. Онъ вновь покорилъ отпавшую страну Та-Хонтъ (Нубію), разбилъ эіоплянъ и упрочивъ границы своей монархіи на югъ путемъ сооруженія многочисленныхъ укрѣпленій и наблюдательныхъ постовъ, долженствовавшихъ сдерживать набѣги чернокожихъ на Египетъ, двинулъ свои закаленные въ бояхъ войска въ Азію. Первые удары обрушились на Сирію, которая была варварски опустошена египтянами. Но походъ этотъ, какъ мы видѣли выше (см. Стратегія и путь завоеваній), въ сущности былъ усиленной рекогносцировкой, намѣтившей путь, по которому во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ должны были неуклонно слѣдовать египетскія войска и, самъ по себѣ, сопровождался малоощутительными результатами. Разбивъ сирійцевъ и захвативъ громадную добычу, фараонъ направился въ Нахарану и у Кархемыша переправился черезъ широкій Ефратъ, на берегахъ котораго воздвигъ себѣ памятники, послѣ чего съ многочисленными плѣнными, конями и колесницами вернулся обратно въ Египетъ.

О вліяніи азіатскихъ войнъ сказано было выше, здѣсь замѣтимъ только, что при походѣ Тутмеса I египтяне впервые познакомились съ сирійско-азіатской культурой, заимствовали изъ Азіи идею устройства боевыхъ колесницъ, ввели въ свою страну лошадь (въ это царствованіе былъ устроенъ первый конскій заводъ въ Дельтѣ), которая только съ названной эпохи начинаетъ фигурировать на памятникахъ, и организовали войска по образцу азіатскихъ, подраздѣливъ ихъ на части и урегулировавъ, насколько возможно, командныя отношенія (см. выше Военное искусство).

Войны и походы не позволили фараону воздвигать и украшать памятники; поэтому его строительная дѣятельность довольно таки ничтожна. Извѣстно только, что онъ пристроилъ къ западной сторонѣ храма Аммона въ Фивахъ обширную колоннаду и пилоны, а передъ входомъ въ святилище еиванскаго бога поставилъ пару обелисковъ, изъ коихъ одинъ здравствуетъ и доселѣ.

На 21-мъ году царствованія Тутмесь I умеръ оставивъ корону сыну своему Тутмесу II Аахеперенри, рожденнаго отъ царицы Аамесъ, который, однако, долженъ былъ раздѣлить власть со своей старшей сестрой Хатасу (Хатшопситу), бывшей соправительницей

покойнаго фараона. Выйдя замужъ за Тутмеса II, властолюбивая и энергичная царица не выпускала власти изъ своихъ рукъ и, предоставивъ брату-супругу веденіе внѣшнихъ дѣлъ, сама занялась внутренними, главнымъ образомъ сооруженіемъ храмовъ и гробницъ.

Кратковременное царствованіе Тутмеса II отмѣчено: 1) онъ отразилъ отъ границъ орду хищныхъ арабовъ, которые предприняли походъ противъ Дельты, имѣя въ виду ее хорошенько пограбить, но отбитые фараономъ принуждены были вернуться обратно; 2) какъ свидѣтельствуеть надпись на скалѣ близъ Сіены, побѣдилъ негровъ, укрѣпивъ свою верховную власть надъ Эѳіопіей и 3) предпринялъ нѣсколько построекъ и сооружений въ Деиръ-эль-Бахри, гдѣ найдены двойные картуши царя и его сестры.

Послѣ смерти ненавистнаго для нея брата-супруга, Хатасу-Хнумъ-Аммонъ-Макери фактически сдѣлалась полновластной царицей Египта, отстранивъ временно отъ престола своего младшаго брата Тутмеса (рожденнаго отъ Исеты, одалиски царскаго гарема), котораго она, впрочемъ, намѣтила себѣ въ наслѣдники, женивъ его на своей единственной дочери Хатшопситу Мерири, бывшей плодомъ брака царицы съ покойнымъ фараономъ. Излишне прибавлять, что регентство Хатасу было прямой узурпаціей правъ законнаго наслѣдника и обстоятельство это въ концѣ концовъ привело къ тому, что она, подъ давленіемъ ропота законниковъ-жрецовъ, принуждена была, по достиженіи Тутмесомъ совершеннолѣтія допустить его къ участію въ управленіи государствомъ, признавъ его своимъ соправителемъ.

Мы не будемъ останавливаться долго на семнадцатилѣтнемъ царствованіи Хатасу, для нашей цѣли достаточно отмѣтить только наиболѣе выдающіеся дѣянія египетской Софіи, которыми приобрѣло извѣстность ея спокойное и, говоря относительно, счастливое правленіе. Главное мѣсто между указанными событіями занимаетъ, конечно, прославленная экспедиція въ Пунтъ, о которой мы скажемъ здѣсь нѣсколько словъ. Страна эта находилась, какъ мы знаемъ, къ югу отъ Коссеира, между южной Аравіей и африканскимъ берегомъ Сомали, вблизи нынѣшняго мыса Gardez-vous, составляющаго восточную оконечность материка Африки. Надписи сообщаютъ, что Хатасу рѣшилась „изслѣдовать землю Пунтъ до самаго конца земли Та-Нутирь“ (т. е. „святой земли“, прилегавшей къ берегамъ Краснаго моря) и съ этой цѣлью отправила туда значительное число кораблей¹⁾

¹⁾ Масперо (V, 195) полагаетъ, что ихъ было пять, но мы имѣемъ основаніе думать, что судовъ было много больше. Ср. Вругиъ XIII, 293.

съ десантомъ и со многими цѣнными вещами для подарковъ тамошнимъ властителямъ. Во главѣ экспедиціи находился особый посоль и знатные придворные.

Достигнувъ страны Пунтъ, жители которой безъ труда согласились подчиниться власти царицы (конечно, номинально) и заключили съ египтянами союзъ мира и дружбы, экспедиція пробывъ тамъ нѣкоторое время, приготовилась къ обратному плаванію. Посланные царицы получили отъ пунтскихъ князей много подарковъ: золотыя кольца, слоновыя клыки, благовонная смола, тридцать два драгоцѣнныхъ дерева, пересаженныхъ въ большія кадки, шкуры пантеръ, разныхъ животныхъ и т. п., однимъ словомъ, по выраженію надписи, „никогда ничего подобнаго не привозилось ни къ одному изъ царей (египетскихъ) съ того времени, какъ стоитъ свѣтъ“. Разумѣется, что возвращеніе экспедиціи „съ князьями земли той“, заявившими, что „они стали подданными Ея Святости, владычицы страны Пунтъ“, было отпраздновано какъ величайшее событіе и изображенія того времени посвящены почти цѣликомъ указанному предпріятію.

Строительная дѣятельность царицы Хатасу выразилась въ слѣдующихъ сооруженіяхъ: 1) она положила основаніе террасовидному храму (въ Деиръ-эль-Бахри), отъ котораго вплоть до Нила шла длинная аллея сфинксовъ; 2) при ней были начаты постройки гробницъ близъ Небанха („гора гробовъ“, теперь Мединеть-Абу), продолжавшіяся все ея царствованіе, и 3) воздвигла въ честь отца своего, фараона Тутмеса I дваobelиска, изъ которыхъ одинъ еще до сихъ поръ стоитъ средь развалинъ Карнака (см. выше Искусство). Надписи говорятъ, что одна только ломка гранита въ Сіенѣ для сооруженіяobelисковъ продолжалась семь мѣсяцевъ, отъ 1 числа мѣсяца мешира 15 года царствованія Хатасу до послѣдняго дня мѣсяца мезори слѣдующаго 16 года.

Въ царствованіе Хатасу былъ устроенъ въ Оивахъ первый ботаническій садъ и тутъ же помѣщеніе для рѣдкихъ животныхъ и птицъ. Устроителемъ этого сада былъ „руководитель царскихъ развлеченій“ нѣкто Ани.

Мы не имѣемъ свѣдѣній и памятники на этотъ счетъ глухи, умерла-ли Хатасу царицей Египта или ея преемникъ, которому могло показаться, что она слишкомъ зажилась, свергнувъ ее съ престола, чтобы занять его самому. Гробница царицы недавно найдена Девисомъ въ Деиръ-эль-Бахри.

Какъ бы то ни было, въ 1625 году до Р. Х. Тутмесъ III Менх о при возсѣлъ на прародительскій престоль, который занималъ со

славой почти пятьдесятъ пять лѣтъ (1625—1571). Нѣмецкій ориенталистъ С. F. Lehmann въ своемъ сочиненіи „Zwei Hauptprobleme der altorientalischen chronologie und ihre Losung“ при помощи цѣлаго ряда хронологическихъ выкладокъ и надписей Тель-Амарны пытается опредѣлить съ достаточной точностью, что поименованный фараонъ правилъ съ 1515 года по 1461. Но это предположеніе нуждается еще въ фактическомъ подтвержденіи и потому мы его не считаемъ для себя обязательнымъ.

Долгое царствованіе преемника Хатасу было цѣлымъ рядомъ удачныхъ войнъ, лѣтописи которыхъ начертаны священными знаками на внутренней части стѣнъ входнаго зала знаменитаго Карнаккаго храма.

Успѣхи Тутмеса III произвели столь сильное впечатлѣніе на его подданныхъ, что они дали ему наименованіе Великаго и онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ героевъ легендарныхъ романовъ. Въ самомъ дѣлѣ фараонъ расширилъ предѣлы египетскаго царства и передалъ его своимъ преемникамъ такимъ могущественнымъ и обширнымъ, какимъ оно никогда не бывало ни до, ни послѣ него. Вступивъ на престолъ онъ прежде всего обратилъ свое оружіе противъ мятежной Сиріи. Выступивъ изъ крѣпости Зары (Царь) и достигнувъ Іухема, египетская армія черезъ Аарунское ущелье подошла къ Мегеддо, гдѣ по донесенію развѣдчиковъ были собраны значительныя силы сирійцевъ. Если бы противники фараона оказались болѣе предусмотрительными, то они могли бы вмѣсто концентраціи всѣхъ своихъ силъ у Мегеддо занять частью войскъ Аарунское ущелье и сильно затруднить, если не сдѣлать совсѣмъ невозможнымъ дебушированіе оттуда арміи Тутмеса. Нѣкоторые изъ египетскихъ военачальниковъ, принимая во вниманіе, что движеніе къ Ааруну, помимо его опасности вслѣдствіе возможности засады, обращалось въ концѣ концовъ во фронтальное наступленіе, высказались въ пользу обхода со стороны Цафата (на пути Наблусъ—Іорданъ—Дамаскъ), чтобы, выйдя у Таанаку (ѠамнаѠ), обойти лѣвый флангъ сирійцевъ. Но вѣрное стратегическое чутье подсказало фараону, что по отношенію ко всей обстановкѣ путь черезъ Аарунъ является удобнѣйшимъ, такъ какъ даетъ возможность неожиданно очутиться передъ непріателемъ, а внезапность—лучшій способъ подготовки какой бы то ни было операціи; что же касается до мѣстныхъ затрудненій, то Тутмесъ рассчитывалъ ихъ преодолѣть. Расчетъ его оказался вѣрнымъ: сирійцы не только не заняли Аарунскаго ущелья, но даже не наблюдали за нимъ, ожидая обхода со стороны Цафата. Благодаря указанному обстоятель-

ству, дебушированіе и развертываніе египетской арміи было произведено безъ помѣхъ, къ вечеру она достигла Мегеддо и расположилась на ночлегъ въ виду непріятели.

Съ разсвѣтомъ она построилась въ боевой порядокъ: правый флангъ ея былъ обезпеченъ отъ обхода теченіемъ рѣчки Кины, въ которую онъ упирался, а лѣвый, развернувшись по равнинѣ, доходилъ до сѣверо-западныхъ предѣловъ Мегеддо. Самъ фараонъ командовалъ боевыми колесницами, составлявшими центръ боевого порядка и, какъ говорить надпись Карнака, „богъ Аммонъ находился около Его Святости“. Планъ Тутмеса заключался въ томъ, чтобы рѣшительной атакой праваго фланга сирійцевъ отбросить ихъ отъ пути отступленія и прижать къ рѣкѣ, для чего фронтъ боевого порядка былъ обращенъ къ сѣверо-востоку. Въ этомъ смыслѣ фараономъ еще наканунѣ былъ отданъ приказъ старшимъ начальникамъ, которые были собраны передъ царской ставкой. Такимъ образомъ главная атака возлагалась на лѣвый флангъ.

21 памома произошла рѣшительная битва при Мегеддо. Подробностей боя, къ сожалѣнію, не сохранилось, извѣстно только, что онъ былъ непродолжителенъ и непріятельскія войска въ паникѣ обратились въ бѣгство. Нѣтъ сомнѣнія, что Мегеддо былъ бы взятъ въ тотъ же день, если бы, по выраженію надписи, „воины царя не отдали себя желанію взять въ добычу вещи враговъ“, другими словами, если бы они, вмѣсто неотступнаго преслѣдованія не увлеклись грабежомъ и благодаря своей алчности не потеряли возможности на плечахъ враговъ ворваться въ крѣпость.

Побѣда досталась египтянамъ легко, но, вѣдь, и противникъ дороже не стоилъ: 83 человекъ убитыхъ и 140 плѣнныхъ,—вотъ и вся потеря сирійцевъ, большая часть арміи которыхъ успѣла скрыться въ горы, оставивъ египтянамъ въ добычу 2.132 боевыхъ коня, 994 колесницы и множество добычи въ видѣ оружія, провіанта, скота и т. п. Спустя нѣсколько дней послѣ разгрома азіатовъ обложенный и доведенный до голода городъ былъ вынужденъ капитулировать и его паденіе рѣшило исходъ войны. „Тогда—продолжаетъ упомянутая Карнакская надпись—пришли цари этой страны вмѣстѣ съ дѣтьми (?), чтобы преклониться передъ царемъ и умолить дать дыханіе ноздрямъ ихъ, вслѣдствіе силы руки его и вслѣдствіе величія духа его... И простилъ фараонъ чужеземныхъ царей“... Остальная часть похода черезъ Палестину до Ливана и сирійскія провинціи до Ефрата была лишь триумфальнымъ шествіемъ и, обремененный несмѣтной добычей, ведя тысячи плѣнныхъ и заложниковъ, фараонъ съ торжествомъ вер-

нулся въ Египеть, гдѣ побѣдныя празднества и благодарственныя жертвы Аммону слѣдовали одни за другими. Жертвы приносились еиванскому богу, не оставшемуся въ убыткѣ отъ похода Тутмеса, для того, какъ говоритъ надпись, „чтобы возблагодарить его за побѣды надъ землею верхняго Рутенъ (сѣверная Сирія)“.

Подчинивъ своей власти Сирію и южную Финикію, на двадцать девятомъ году царствованія, Тутмесь III двинулъ свои побѣдоносныя войска въ Нахаранну, взялъ и разорилъ ея города Тунепъ (Дафне) и Кархемышь, а затѣмъ, обратившись противъ страны Цахи (сѣверная Финикія), подступилъ къ стѣнамъ укрѣпленнаго Арада и, не успѣвъ взять городъ, опустошилъ окружающую его область, отдавъ ее на грабежъ войску.

Въ слѣдующемъ году египтяне снова появились въ Сиріи и принудили къ сдачѣ непокорные города Кадешъ, Цамиру (Семира), Анапуть (Арроту), упомянутый Арадъ и нѣкот. друг. Сирійскіе вожди были принуждены заключить миръ, отдать своихъ сыновей въ заложники и принять на собственное попеченіе заботу о поставкѣ провіанта для египетскихъ войскъ въ случаѣ движенія послѣднихъ по сирійской территоріи. Вслѣдъ затѣмъ Тутмесь вторгнулся въ Нахаранну и нанесъ сильное пораженіе племени хеттеянь, занимавшимъ въ то время часть сѣверной Сиріи, которую ассирійскіе тексты называютъ именемъ *mat Hatti* (страна хеттовъ). Для увѣковѣченія своей побѣды фараонъ приказалъ воздвигнуть на берегахъ Ефрата два побѣдныхъ памятника, вѣроятно, вблизи нынѣшняго Джераблуса (Мембидже, Іерополь, Кархемышь древнихъ). На обратномъ пути египтяне заняли городъ Нии или Ни (въ сѣверной Сиріи), гдѣ Тутмесь устроилъ охоту на слоновъ и убилъ сто двадцать штукъ этихъ животныхъ ¹⁾.

На 37-мъ году царствованія противъ Тутмеса III составила сильная коалиція, во главѣ которой сталъ правитель Нахаранны, но кровавое пораженіе союзниковъ въ битвѣ подъ Амунной снова привело ихъ къ покорности, а подвластныя имъ страны должны были испытать на себѣ всю тяжесть войны.

Осада аморейскаго города Кадеша на Оронтѣ отмѣчена любопытнымъ эпизодомъ, начертаннымъ на гробницѣ неоднократно нами упоминаемаго военачальника Аменемхиба, надпись которой была открыта и опубликована покойнымъ Эберсомъ: „*Thaten und Zeit Toth-*

¹⁾ См. Галевн «*Melanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples sémitiques*», р. 27, который переноситъ Нии въ южную Нубію, но надпись военачальника Аменемхиба ясно указываетъ, что городъ этотъ лежалъ въ сѣверной Сиріи.

mes III, in der Zeitschrift für Aegypt. spr. 1873. Относящееся сюда мѣсто надписи гласитъ:

«Въ то время, когда царь Кадеша выпустилъ коня съ головой...(?), который бросился въ середину воиновъ, я (продолжаетъ Аменемхибъ) побѣждалъ за нимъ пѣшкомъ, держа кинжалъ и распоролъ ему брюхо. Я отрѣзалъ хвостъ и передалъ его царю, за что получилъ отъ божественнаго похвалу. Радость, уготованная имъ, наполнила тѣло мое и удовольствіе проникло въ члены мои...¹⁾»

Надо думать, что это была одна изъ тѣхъ военныхъ хитростей, которыя практиковались въ ту эпоху; выпуская разъяренную лошадь, (а можетъ быть и другое животное) въ станъ непріятелей, царь Кадеша имѣлъ, вѣроятно, въ виду произвести тамъ тревогу и замѣшательство и воспользовавшись столь благопріятными обстоятельствами ударить изъ крѣпости на осаждающихъ, принудивъ ихъ къ снятію осады. Вышеупомянутый Аменемхибъ совершилъ здѣсь, какъ мы знаемъ (см. выше Фортификація) и другой подвигъ, а именно пробитіе бреши крѣпости, сдѣланное имъ съ нѣсколькими смѣльчаками, послѣ чего городъ былъ взятъ штурмомъ и отданъ войску на разграбленіе.

Таковы были главнѣйшія войны фараона. Объ его экспедиціяхъ въ Сирію и въ страну Цахи, слѣдующихъ за вышеназванными мы не упоминаемъ, такъ какъ, съ одной стороны, подробности ихъ намъ почти неизвѣстны, а съ другой—это уже не были завоеванія, а только подавленія мятежей и возстаній въ вассальныхъ провинціяхъ.

О походахъ Тутмеса III на югъ мы ничего не знаемъ и въ указанномъ отношеніи присоединяемся ко мнѣнію Бругша, который утверждаетъ, что обширный списокъ съ перечнемъ африканскихъ мѣстностей начертанъ скорѣе изъ тщеславія, едва ли имѣя историческое основаніе въ дѣйствительныхъ завоеваніяхъ ²⁾.

Какъ бы то ни было, но безспорно, что Тутмесь III былъ величайшимъ изъ египетскихъ царей-завоевателей, и не удивительно, что его громкіе подвиги и дѣла такъ воодушевляли придворныхъ поэтовъ (см. Поэму въ честь названнаго фараона, приведенную выше при обзорѣ древне-египетской изящной литературы). Энергія фараона была поразительна: всегда на конѣ, окруженный свитой, дѣлившей съ нимъ всѣ его походы, переносясь съ одного края своего государства на противоположный конецъ и расширяя предѣлы страны, онъ былъ

¹⁾ Inscription d'Amenemhibi. 22.

²⁾ Бругшъ loc. cit. XIV 343; ср. Maspero V, 201. Вѣрнѣе всего, что господство Тутмеса III на югѣ было водворено мирнымъ путемъ.

превосходнымъ военачальникомъ и вель военныя операціи въ томъ духѣ, въ какомъ это настоятельно рекомендуется теоріей военнаго искусства. Онъ не увлекался второстепенной цѣлью, какъ бы подчасъ послѣдняя ни представлялась заманчивой и легкодостижимой, предпочитая выиграть все дѣло въ главномъ пунктѣ и стремясь прежде всего къ разбитію арміи противника, ибо въ поражени ея справедливо видѣль корень дальнѣйшихъ успѣховъ.

Высокоталантливый стратегъ прекрасно умѣлъ оцѣнивать силы, намѣренія и моральныя достоинства непріятели и какъ бы убѣждая послѣдняго, что для египетской арміи, когда его предводительствуетъ онъ, Тутмесь Менхопри, не существуетъ препятствій, съ которыми она бы не справилась. Такъ во время перваго похода въ Сирію, окончившагося, какъ мы видѣли, побѣдой при Мегеддо, фараонъ отвергъ мнѣніе военачальниковъ объ обходѣ непріятельской позиціи со стороны Цафата (Цифтъ), говоря имъ: „Пусть желающіе идутъ по другимъ дорогамъ, названнымъ вами, а тѣ, кто желаетъ пусть слѣдуетъ за мной (по дорогѣ въ Ааруну, что, какъ мы видѣли, приводило къ фронтальному наступленію, не говоря уже про рискъ движенія въ ущелии). Ибо не говорили бы враги, не знающіе о богѣ Ра: царь идетъ по другой дорогѣ; онъ удаляется отъ ужаса, производимаго нами“¹⁾. Во время этого похода, фараонъ подавалъ личный примѣръ солдатамъ, сойдя съ лошади и идя пѣшкомъ или, какъ говоритъ упомянутая надпись, „оставилъ царь своего коня и пошелъ на ногахъ своихъ, и тѣ, которые слѣдовали (т. е. свита и старшіе начальники), имѣли коней своихъ за собою“...

Нельзя сказать, однако, чтобы Тутмесь былъ вполнѣ свободенъ отъ заблужденій той эпохи, которыя раздѣлились въ сравнительно еще недавнее время: признавая, что главнымъ объектомъ дѣйствія должна быть непріятельская армія, съ поражениемъ которой открывалось поприще дальнѣйшихъ успѣховъ, фараонъ во многихъ случаяхъ отступалъ отъ указаннаго принципа, подсказаннаго ему собственнымъ стратегическимъ чутьемъ и возился съ городами и крѣпостями, весьма мало заботясь о побѣдѣ надъ арміей противника. Вотъ почему, въ связи съ другими причинами, указанными выше, только совершивъ пятнадцать походовъ противъ безпокойной Сиріи, Тутмесь III могъ принудить ея правителей къ окончательному миру.

Здѣсь уместно будетъ отмѣтить то весьма важное обстоятельство, что покоренныя египтянами области отнюдь не походили на крѣпко

¹⁾ Карнакская надпись.

спитыя съ государственнымъ тѣломъ провинціи: каждая страна сохраняла національное правленіе, законы, религію, царей и проч., являясь чѣмъ то въ родѣ феодальнаго государства, верховнымъ сюзереномъ котораго былъ царствующій фараонъ. Ему выплачивались подати, поставлялись, въ случаѣ надобности, вспомогательныя войска и отдавались заложники, но, повторяемъ, во внутреннемъ управленіи всѣ вассальныя государства, какъ напримѣръ, та же Сирія или страна Цахи были вполнѣ самостоятельны. Конечно, свое подчиненіе они сносили не легко и возмущались при каждомъ удобномъ случаѣ: смерть царствовавшего фараона, пораженіе египетскихъ военачальниковъ, а иногда одинъ слухъ объ ихъ пораженіи бывали причиной общаго возстанія и Египеть, теряя въ короткое время всѣ свои завоеванія, ограничивался собственной территоріей; завоевавъ страну въ продолженіе одного царствованія, египтяне теряли ее при началѣ слѣдующаго, чтобы снова отвоевать его и позднѣе опять потерять, никогда не создавая ничего прочнаго; эти страны приростали и отваливались безъ всякихъ ощутительныхъ потрясеній для государственнаго организма, съ которымъ онѣ были спаяны лишь одной внѣшней принудительной силой.

Обращаясь къ разсмотрѣнію строительной дѣятельности Тутмеса III, мы должны заявить, что въ виду сооруженія названнымъ фараономъ неисчислимаго количества памятниковъ и разнообразнѣйшихъ произведеній искусства, ограничиваемся здѣсь только общимъ обзоромъ главнѣйшихъ строительныхъ сооружений, принадлежавшихъ эпохѣ брата царицы Хатасу. 1) Онъ воздвигъ нѣсколько грандіозныхъ обелисковъ, которые, какъ мы знаемъ, ставились передъ входными пилонами храмовъ; самый большій изъ нихъ находится нынѣ въ Константинополѣ съ извѣстной надписью, приведенной выше; 2) построилъ святилище богу Фта въ Мемфисѣ, посвятилъ ему богатые дары и назначилъ жрецовъ для отправленія требъ; 3) приказалъ реставрировать и украсить геліополисскій храмъ бога солнца и обнести этотъ храмъ каменной стѣной; изъ сохранившейся надписи видно, что всѣми строительными работами въ Геліополисѣ руководилъ инженеръ, или какъ называютъ его надписи, „главный строитель царя“, зодчій Аменемантъ; 4) возобновилъ храмъ богини Гаторъ въ Тентирѣ (Дендера, Анъ) „въ память матери своей, богини Гаторъ, госпожи Анъ, глазу солнца, божественной царицы всѣхъ боговъ“, 5) выстроилъ храмъ въ Гермонтисѣ (Ерментъ) въ честь бога Монта, въ Латополисѣ (Эснехъ)—въ честь бога Хнума, въ Омбосѣ (Пи-нубъ) въ честь Себека и проч.; 6) началъ постройку храма, посвященнаго

Хнума въ Абу (Элефантина), существовавшего до 1798 года, когда онъ былъ разобранъ и матеріалъ употребленъ на постройку казармъ; 7) заложилъ храмъ въ Куммехъ; 8) закончилъ постройку частей храма Аммона въ Фивахъ, сооруженіе котораго начато, какъ мы знаемъ, Аменемхатомъ I. Тутмесъ III окружилъ зданіе каменной стѣной и вырылъ съ южной стороны его озеро, на которое въ праздничные дни спускались священныя барки. Большая карнакская надпись говоритъ, что фараонъ приказалъ возвести многочисленныя входныя ворота „изъ настоящаго дерева акаціи, обитыя золотыми листами, связанныя черной бронзой и желѣзомъ“; 9) создалъ огромную Ху-Менну, т. е. залу колоннъ (въ Карнакѣ) со множествомъ комнатъ и проходовъ, а также выстроилъ тамъ рядъ гигантскихъ пилоновъ, которые нынѣ обратились въ кучу развалинъ; 10) реставрировалъ основанный Усуртусеномъ III храмъ въ Симнехъ и 11) заложилъ близъ Амада (въ Нубіи) храмъ въ честь бога Ра.

Изъ скульптурныхъ произведеній эпохи Тутмеса III можно отмѣтить: 1) возстановленіе разрушенныхъ статуй двухъ первыхъ Тутмесовъ, стоявшихъ передъ однимъ изъ южныхъ пилоновъ Карнака; 2) множество барельефныхъ изображеній, найденныхъ раскопками Мариетта и 3) сооруженіе статуй боговъ, поставленныхъ въ храмахъ, разсѣянныхъ по всей долинѣ священнаго Нила. Разумѣется, что всѣ строительныя работы производились плѣнными подъ надзоромъ египетскихъ мастеровъ, которые, со своей стороны, подчинялись главному мастеру. При Тутмесѣ это званіе носилъ нѣкій Туамъ, что въ переводѣ значитъ „сытый“¹⁾.

Почти пятьдесятъ пять лѣтъ правилъ фараонъ монархіей береговъ Нила, достигшей при немъ кульминаціонной точки своего могущества и, сходя въ могилу, передавъ свою озаренную славой корону сыну Аменготепу II Аахепрури (Аменофисъ II), начавшему свое царствованіе усмирениемъ возстанія Нахаранны и сѣверной Сиріи, которыя при извѣстїи о смерти грознаго фараона возмутились и сдѣлали попытку сбросить тяжелое египетское иго. Мятежъ продолжался около трехъ лѣтъ и былъ подавленъ самыми крутыми мѣрами. Аменготепъ варварски опустошилъ область верхняго Иордана, взялъ крѣпости Аринатъ, Ни и Акеритъ, побѣдилъ и захватилъ въ плѣнъ семерыхъ мятежныхъ царьковъ страны Тахисъ. По свидѣтельству надписи нубійскаго храма Амада, во время триумфальнаго въѣзда побѣдителя въ Фивы плѣнники были привязаны къ передней части цар-

¹⁾ Вругшъ, loc. cit, XIV, 355.

скаго корабля „Аменготепъ II сохранитель земли“, послѣ чего шестеро изъ нихъ подверглись смертной казни, а одинъ сосланъ въ Налату (столица Эѳіопіи) для того, какъ поясняетъ надпись, „чтобы негры могли видѣть побѣды его святости во всѣхъ земляхъ и среди всѣхъ народовъ міра“...; т. е. для острастки мелкихъ эѳіопскихъ князьковъ.

Извѣстный уже намъ Аменемхибъ, занимавшій при Аменофисѣ тотъ же самый постъ, какъ и при его отцѣ, подавилъ возстаніе кочевыхъ племенъ къ востоку отъ Нила и привелъ къ покорности возмущившихся жителей оазисовъ. Такимъ образомъ сынъ великаго Тутмеса успѣлъ сохранить всѣ завоеванія своего отца и, несмотря на кратковременность царствованія, выказалъ себя прекраснымъ правителемъ. Памятники его эпохи довольно незначительны: Аменофисъ велъ постройки въ Египтѣ и въ Нубіи, сооружалъ храмовыя зданія (въ Куммехѣ и Фивахъ) и воздвигалъ статуи, одна изъ которыхъ найдена въ гротѣ Ибрима, но въ общемъ, какъ сказано, его эпоха не создала особенно выдающихся произведеній ни въ зодчествѣ, ни въ скульптурѣ.

Царствованіе сына Аменготепа, Тутмеса IV. Менхепрури (Хахау) было непродолжительно и, судя по отрывкамъ изъ Манеэона, продолжалось только девять лѣтъ. До насъ дошли свѣдѣнія объ его счастливыхъ экспедиціяхъ въ Сирію и Эѳіопію, но подробностей объ нихъ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Надпись амадскаго храма рассказываетъ о побѣдахъ фараона надъ землею Кушъ, но въ такихъ общихъ и безсодержательныхъ выраженіяхъ, что трудно составить себѣ ясное понятіе о происходившей войнѣ. Мумія фараона отыскана пять лѣтъ тому назадъ въ могилѣ Аменготепа II.

Въ царствованіе Тутмеса IV мы замѣчаемъ первую попытку умалить черезъ чуръ возросшее значеніе и вліяніе еиванскихъ жрецовъ, служителей Аммона, путемъ пониженія ранга еиванскаго бога. Подъ впечатлѣніемъ видѣннаго имъ таинственнаго сна, фараонъ приказалъ отрыть изъ подъ песковъ громаднаго сфинкса и возстановилъ культъ Хармахи (Гармахисъ), солнца обоихъ горизонтовъ, т. е. „Горъ въ солнечномъ кругѣ“.

Въ надгробной надписи, найденной Буріаномъ въ Ахмимѣ, приведена слѣдующая молитва божеству солнца обоихъ горизонтовъ: „Слава тебѣ, Гармахисъ, создавшій себя самъ! Какъ прекрасенъ восходъ твой на горизонтѣ! Ты освѣщаешь обѣ земли лучами твоими. Боги ликуютъ созерцая его на небѣ... обѣ короны на челѣ твоемъ... Тотъ твердо стоитъ впереди корабля твоего“...¹⁾.

¹⁾ Буріанъ «Resueil», 9, 87.

Возникновеніе новаго божества, покровительствуемаго царской властью, было сильнымъ ударомъ для служителей Аммона, такъ какъ съ пониженіемъ значенія еиванскаго бога падало и ихъ собственное значеніе и усиливалась власть придержащая. Впрочемъ до открытаго разрыва еще не дошло, но рано или поздно послѣдній не могъ не совершиться, ибо царская власть и неограниченное жречество не могли существовать бокъ о бокъ безъ того, чтобы не склонить вѣсы въ ту или другую сторону. Уже прорывались зловѣщія нотки, но царская власть пока еще не проявляла тенденціи прибѣгнуть къ насилію, какъ къ послѣднему доводу и вынуть изъ государственнаго тѣла занозу, торчавшую тамъ со времени изгнанія гиксовъ. Въ царствованіе Тутмеса IV только яснѣе стала звучать струна, указывавшая къ какому ближайшему этапу должна направляться отселѣ внутренняя политика фараоновъ.

Аменготепъ III Манебри (Аменофисъ III), сынъ и преемникъ Тутмеса IV, принадлежитъ къ числу величайшихъ государей Египта. Мы не ошибемся—говоритъ Бругшъ—если поставимъ этого монарха рядомъ съ великимъ Тутмесомъ III, взявъ за основаніе при нашихъ выводахъ о величійи и могуществѣ при немъ царства, многочисленность и красоту оставленныхъ имъ памятниковъ и содержаніе тѣхъ надписей, которыя еще не исчезли съ лица земли египетской¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ названный фараонъ приобрѣлъ славу не побѣдами надъ чужеземцами, не совершеніемъ отдаленныхъ походовъ и экспедицій, а исключительно своею строительною дѣятельностью, ибо онъ былъ по преимуществу царь-строитель. Но указанное обстоятельство, понятное дѣло, не мѣшало фараону сдерживать мощной рукой стремленія народовъ Нахаранны и Нубіи къ отысканію политической независимости и энергически предупреждать всѣ попытки къ ея осуществленію. Надписи близъ Сіены говорятъ о походѣ царя противъ „презрѣнной земли Кушъ“, предпринятымъ на пятомъ году его царствованія; очевидно, походъ былъ удаченъ, такъ какъ, по свидѣтельству той же надписи, фараонъ „поставилъ границы по своей волѣ“, иначе говоря, принудилъ еѳіопскихъ князьковъ признать свою власть и подчиниться главенству египетскаго монарха. Со своей стороны Семнехская надпись указываетъ, что Аменефисъ проникъ въ глубину Еѳіопіи и взялъ „семьсотъ сорокъ живыхъ головъ“, т. е. захватилъ въ плѣнъ или получилъ въ видѣ дани указанное число негровъ, употребленныхъ, согласно обычая, на общественныя работы. Кромѣ

¹⁾ Бругшъ цит. соч. XV, 388.

того намъ извѣстно, что Аменготепъ III предпринялъ удачную экспедицію противъ мятежной Нахаранны, гдѣ онъ во время своихъ охотъ собственноручно убилъ двѣсти десять львовъ, какъ повѣствуютъ о томъ найденныя съ именемъ фараона надписи на скарабеяхъ.

Переходя къ обзору строительной дѣятельности фараона Аменготепъ III, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія сооруженія: 1) статуи его, такъ называемыя колоссы Мемнона, о которомъ было упомянуто при обзорѣ древне-египетской скульптуры, куда, въ избѣжаніи повтореній, мы отсылаемъ читателей; 2) основалъ храмъ въ Напатѣ (нын. Джебель-Баркаль), аллеи котораго вмѣсто традиціонныхъ сфинксовъ были обставлены изображениями сидящихъ барановъ; 3) прибавилъ значительныя постройки къ храму Аммона въ Карнакѣ и выстроилъ новый Луксорскій храмъ въ честь названнаго бога; 4) въблизи священнаго озера Ашеръ выстроилъ храмъ богини Мутъ; 5) заложилъ огромныя пилоны передъ храмомъ Аммона съ западной стороны Апе; 6) близъ Мединетъ-Абу выстроилъ новое святилище Аммону; въ надписи царя представляется говорящимъ съ еиванскимъ богомъ: „Приди Аммонъ-Ра, господинъ Оивъ, въ Апе, посмотри на свое жилище, приготовленное тебѣ на великой мѣстности Усъ (Оивы)“.... 7) воздвигнулъ храмъ въ Солебѣ (близъ третьяго водопада), надпись котораго приводитъ списокъ подвластныхъ Египту южныхъ земель, и 8) слѣды строительной дѣятельности фараона встрѣчаются въ Элефантинѣ, Сильсильѣ, Сіенѣ, на синайскомъ полуостровѣ, въ Мемфисѣ и т. д.

Несмотря на то, что Аменофисъ былъ ревностнымъ почитателемъ „сокровеннаго“ Аммона и воздвигалъ въ честь еиванскаго бога многочисленныя храмы, онъ чувствовалъ, однако, необходимость, подобно отцу своему Тутмесу IV дать надлежащій отпоръ честолюбивымъ стремленіямъ жречества. Съ этой цѣлью онъ перенесъ въ Оивы культъ Атона, божества солнечнаго диска и на десятомъ году своего царствованія учредилъ въ Карнакѣ торжественное празднество въ честь названнаго божества, къ негодованію еиванскихъ жрецовъ и служителей культа, видѣвшихъ въ появленіи новаго бога поруку чести для божественнаго покровителя Оивъ. Однако, фараонъ, преисполненный, быть можетъ, благодарности къ Аммону, не рѣшался еще круто повернуться отъ отцовскихъ вѣрованій и традицій: обѣ враждебныя стороны заключили между собою нѣчто въ родѣ перемирія, какъ бы приготовляясь къ новой борьбѣ и собираясь съ силами, чтобы развернуть ихъ въ единоборствѣ. Коренныя причины обоюднаго антагонизма были такъ глубоки и существенно важны, что достаточно было только повода для обнаруженія этой скрытой и сильной вражды,

начавшейся непосредственно послѣ смерти Аменготепе. Вопросъ религиозный заслонялся, въ сущности, вопросомъ политическимъ, такъ какъ подъ видомъ борьбы между культурами боговъ, происходила борьба между царской властью и жречествомъ, между „трономъ“ и „алтаремъ“. Духовная власть хотѣла кривляться въ роли Гильдебранда и устроить для свѣтской что-то въ родѣ Каноссы, тогда какъ фараонизмъ точно мечталъ о сценѣ въ Ананьи, стараясь сокрушить силу бритыхъ „янычаровъ церкви“. Въ царствованіе Аменофиса III или, вѣрнѣе, къ концу его правленія, несмотря на видимый миръ, глухая борьба за первенство продолжалась, фараонъ поддерживалъ культъ новаго божества, а жрецы совершали торжественныя празднества въ честь Аммона, котораго они считали единственнымъ истиннымъ богомъ и рядомъ съ которымъ другіе боги почти не имѣли никакого значенія. Гордые и избалованные жрецы Аммона не могли не сознавать, что усиленіе значенія еиванскаго бога, а слѣдовательно, и ихъ власти идетъ обратно пропорціонально паденію царскаго авторитета, который для сохраненія прерогативъ своей власти долженъ былъ выставить новаго бога, дабы, дѣйствуя на религиозное чувство народа и прикрываясь именемъ божества, сокрушить силу непокорнаго и вліятельнаго жречества, зазнавашагося превыше всякой мѣры.

Аменготепу IV Нофферхеперури (Аменофисъ IV, Хуна-тонъ), сыну и преемнику покойнаго фараона принадлежитъ единственная попытка во всей египетской исторіи круто реформировать старую религію и, такъ сказать, влить въ нее монотеистическую струю, сконцентрировавъ всѣ египетскіе культы въ поклоненіи единому богу солнца. Понятное дѣло, что жрецы были крайне возмущены подобной „ложью“ и обременили проклятьями память фараона, выставляя его какимъ то экзальтированнымъ фанатикомъ цезаропапизма, идиотомъ и сумасшедшимъ. На фараона большое вліяніе имѣла его мать, царица Ти (Teie), женщина низкаго происхожденія, но замѣчательнаго ума и характера, пользовавшаяся огромнымъ значеніемъ и при покойномъ фараонѣ, которое еще болѣе усилилось при восшествіи на престолъ ея сына. Къ какому племени принадлежала царица, въ точности неизвѣстно, но чужеземное ея происхожденіе не можетъ подлежать сомнѣнію, въ чемъ согласны всѣ писатели. Мы думаемъ, что Ти принадлежала къ гонимому библейскому племени, т. е. была чистокровною еврейкой и сообразно своему монотеистическому религиозному возрѣнію, черезъ посредство сына пыталась ввести въ египетскую религію элементъ единобожія. Можно также думать, что Ти была вавилонянка, сестра царя Куригальзу I (см. исторію Ассиро-Халдеи),

а нѣкоторые изслѣдователи полагають, что она жила въ позднѣйшую эпоху и вовсе не была матерью Аменготепя IV.

Первое предположеніе тѣмъ справедливѣе, что, какъ мотивируетъ свое мнѣніе Ленорманъ ¹⁾, можно сдѣлать любопытное сближеніе между внѣшними формами культа евреевъ въ пустынѣ и тѣми, которыя открываютъ памятники Тель-эль-Амарны.

Нечего и говорить, что *монотеизмъ потомковъ Израиля сильно измѣнился въ царствѣ фараоновъ, будучи въ значительной степени материализованнымъ*: окруженные идолопоклонниками, евреи не могли не обожать Иегову въ формѣ видимой и вещественной, и такимъ образомъ испорченная религія ихъ должна была сдѣлаться близкой къ той, которую рѣшился ввести Аменготепъ IV, доставивъ своему любимому божеству Атону первое мѣсто въ сонмѣ египетскихъ боговъ, не исключая, однако, послѣднихъ изъ поклоненія вѣрующихъ. Несомнѣнно, что на религіозномъ воззрѣніи фараона отразилось и мудрствованіе геліополисской школы жрецовъ, которые, завидуя могущественнымъ служителямъ Аммона, успѣли внушить Аменофису, что богъ солнца есть самый великій богъ, а остальные боги — лишь различные виды бога солнца и что покровительство, оказываемое жрецамъ Аммона, составляютъ большую обиду для божества солнечнаго диска. Можно думать, что вдовствующая царица, не разъ наталкивавшаяся при жизни мужа на интриги еиванскихъ жрецовъ, считавшихъ ее, какъ женщину худородную, недостойной быть супругой фараона, оказывала геліополисскому жречеству сильную поддержку, тѣмъ болѣе, какъ сказано, она была проникнута тѣмъ же религіознымъ воззрѣніемъ, какое проводили противники еиванскаго бога.

Такъ какъ по мысли реформатора боги Ра, Озирисъ, Горъ, Гармахисъ составляли какъ бы свиту божества солнечнаго диска, то процвѣтаніе культа названныхъ боговъ могло быть терпимо, но за то культъ Аммона, соперника новаго божества подвергся преслѣдованію. Царь съ какой то фанатической злобой преслѣдовалъ бараньеголоваго бога и приказалъ на всѣхъ памятникахъ своихъ предшественниковъ стереть именна Аммона и супруги его Муть. Аменофисъ III началъ было строить огромный залъ на дворѣ храма еиванскаго бога, но смерть не дала ему окончить эту постройку; сынъ его велѣлъ остановить работы и выстроить храмъ Гармахису „веселящемуся на горизонтѣ“; на стѣнахъ этого храма фараонъ былъ изображенъ молящимся своему богу. И въ другихъ городахъ, какъ напримѣръ въ

¹⁾ Lenormant loc. cit. 77—78.

Мемфисъ, воздвигались храмы новому божеству, вліяніе котораго все болѣе и болѣе возрастало.

Преданность царя новой религіи доходила до того, что не желая носить имя ненавистнаго божества (Аменготепъ—„Аммонъ доволенъ“) онъ перемѣнилъ его въ Хутатонъ, т. е. „блескъ солнечнаго диска“ или „великолѣпіе солнечнаго диска“. Введеніе новаго бога въ Фивы представляло, однако, значительныя затрудненія. Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли выше (см. Религія), каждый городъ въ фараоновскомъ Египтѣ принадлежалъ одному изъ боговъ, которому приписывалъ свое происхожденіе, развитіе, богатство, и отъ котораго не могъ отказаться, не отрекаясь отъ своего собственнаго существованія. Фивы, разставшіеся съ Аммономъ, уже не были бы настоящими Фивами, и Аменготепъ IV такъ хорошо зналъ это, что не сдѣлалъ даже попытки заставить городъ отказаться отъ своего бараньеголового патрона. Оставалось сдѣлать только одно: дать новому богу то, чѣмъ пользовались въ Египтѣ всѣ боги, а именно—провинцію или округъ, который принадлежалъ бы ему одному и въ которомъ жители поклонялись бы ему какъ своему покровителю. Такимъ образомъ для новаго божества требовался и новый городъ или округъ, такъ какъ всѣ остальные города Египта не согласились бы измѣнить своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и понизить рангъ своего божественнаго основателя.

Сообразивъ наличность указанныхъ условій и видя, что ему нѣтъ возможности оставаться долѣе въ Фивахъ, царь, что называется, плюнулъ на нихъ и въ сопровожденіи своего двора и всей знати удалился въ область Гептаномиды, гдѣ близъ Сіаута (греч. Ликополисъ) на правомъ берегу Нила основалъ городъ въ честь бога солнца—Хутатонъ (нын. Телль-эль-Амарна), соорудилъ здѣсь дворецъ для себя и храмъ для своего бога, котораго объявилъ покровителемъ новой столицы, сдѣлавшейся съ теченіемъ времени довольно обширной и украшенной многочисленными памятниками.

Главнѣйшія произведенія искусства были сдѣланы изъ гранита, который добывался въ горахъ Сіены и затѣмъ сплавлялся по Нилу до нынѣшней Телль-эль-Амарны. Памятники сохранили намъ имя царскаго зодчаго Бека, который, по словамъ надписи былъ, „сыномъ начальника скульпторовъ Мена и госпожи Ринанъ“ и который „строилъ памятники для храма солнечнаго диска въ Хутатонѣ“. Кромѣ Бека намъ извѣстенъ еще ваятель Пута, изображеніе котораго фигурируетъ на многихъ гробницахъ Телль-эль-Амарны.

Итакъ центръ политической жизни былъ перенесенъ въ Хутатонъ, а прежняя столица фараоновъ „стовратные“ Фивы заняла впро-

долженіе нѣсколькихъ лѣтъ положеніе провинціального города. Вдали отъ безпокойной столицы, нестѣсняемый недовѣрчиво-подозрительной опекой служителей Аммона, Аменготепъ IV тѣмъ легче могъ доставить здѣсь первое мѣсто культу своего любимаго божества. Онъ произвелъ себя въ первосвященники, лично совершалъ богослуженіе новому богу и возвелъ въ достоинство главнаго жреца нѣкоего Мерирри („любимецъ солнца“), который, по словамъ надписи, „былъ послушенъ этому (новому) ученію“, по убѣжденію ли своему, или просто вслѣдствіе раболѣпства,—сказать трудно, да это и не можетъ представлять особаго интереса.

До сихъ поръ фараонъ не мѣшалъ остальнымъ богамъ существовать на ряду съ новымъ богомъ, но съ теченіемъ времени, именно на шестомъ году его царствованія вѣра въ Атона была объявлена господствующею въ Египтѣ и въ подвластныхъ ему странахъ, а всѣ остальные боги упразднены, храмы ихъ закрыты, имущество конфисковано, имена стерты въ надписяхъ. Однимъ словомъ требовалось поклоненіе одному Атону, какъ единому богу. Надо думать, что введеніе новой религіи не встрѣтило нигдѣ особенно сильнаго сопротивленія, потому что о возстаніяхъ и о мятежахъ въ Египтѣ за это время ничего неизвѣстно.

Такимъ образомъ многобожіе прежней религіи, пропитанной мистическимъ жреческимъ дурманомъ, было замѣнено, хотя и довольно грубымъ, понятіемъ о едномъ богѣ „творцѣ жизни, все устраивающемъ и все поддерживающемъ“. Первоначально бога солнца продолжали изображать человѣкомъ съ птичьей головой, но затѣмъ изображенія эти прекратились, какъ вслѣдствіе ненависти къ старымъ идоламъ, такъ отчасти и потому, что изображать бога въ видѣ человѣка было не въ духѣ новаго ученія. Предметомъ поклоненія служилъ солнечный дискъ и лучи его изображались оканчивающимися человѣческими руками, держащими символъ жизни. Вѣра въ бога солнца все болѣе и болѣе распространялась и старые обряды постепенно замѣнялись новыми, хотя распространеніе культа Атона не могло идти далѣе извѣстныхъ предѣловъ. Въ жизни силой можетъ быть навязана только внѣшность, содержаніе же всегда самобытно, въ особенности въ томъ случаѣ, когда оно духовно. То же самое вышло и здѣсь. Всѣ правительственныя мѣропріятія касательно новой религіи остаются на поверхности; напротивъ, главное теченіе направлено скорѣе въ противоположную сторону, какъ это узнали по опыту ближайшіе преемники фараона, религіозно-политическіе идеалы котораго разбились объ историческую дѣйствительность.

Заботы религіознаго характера не мѣшали Аменготепу IV быть по примѣру своихъ предковъ, весьма ревностнымъ строителемъ воздвигаема всюду, гдѣ было возможно, храмы своему богу: кромѣ кутна-тонскихъ сооружений, онъ выстроилъ нѣсколько храмовъ въ Эѳіопіи, въ Мемфисѣ и даже одинъ въ Оивахъ, напротивъ Карнакского святилища Аммона.

Внѣшняя политика Аменофиса намъ мало извѣстна: мы знаемъ только, что на двѣнадцатомъ году своего царствованія фараонъ торжественно праздновалъ свои побѣды надъ сирійцами и неграми, хотя, какъ кажется, не принималъ личнаго участія въ походахъ. Солебская надпись содержитъ указаніе на экспедицію его войскъ въ глубь Эѳіопіи, но не сообщаетъ никакихъ подробностей объ этомъ вооруженномъ походѣ. Раскопки Телль-эль-Амарны, проливающія свѣтъ на международныя отношенія фараоновскаго царства, удостовѣряютъ сношенія поклонника Атона съ Нахаранной, Сиріей, Халдеей (царь Вуравурій) и съ южной экваторіальной Африкой.

Въ семейной жизни фараонъ былъ необыкновенно счастливъ; его жена, царица Ноферити, ревностно поддерживавшая культъ новаго божества, участвовала во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ государства; до насъ дошла ея задушевная молитва, обращенная къ богу солнечнаго диска „творца всѣхъ существъ“.

Въ одной изъ могилъ въ восточной части долины Телль-эль-Амарны сохранились рисунки, изображающіе Аменофиса въ разные моменты его жизни; такъ на одной изъ картинъ мы видимъ царицу, сидящую на колѣняхъ у мужа—единственный примѣръ на египетскихъ памятникахъ,—а другая изображаетъ счастливую чету сидящими на одномъ креслѣ и крѣпко обнявшимися. Такія картины изъ интимной жизни фараоновъ прежде никогда не изображались, а потому вполне возможно предположеніе, что тутъ оказала нѣкоторое вліяніе новая религія, которая, можетъ быть, иначе понимала значеніе фараона, какъ властелина ¹⁾. Иногда на картинахъ изображаются дѣти фараона и царица-мать Ти, окруженная штатомъ придворныхъ, и при ней всегда находится завѣдывающій ея дворомъ и „начальникъ палаты женщинъ“, казначей Хиа, который, сколько кажется, принималъ на себя исполненіе обязанностей, не имѣющихъ ничего общаго съ казначейской частью, являясь любовникомъ „Madame Mere“. Разу-мѣется, это только наша личная догадка, которую не беремъ под-

¹⁾ М. «Религіозный реформаторъ древняго Египта» въ «Вѣстникѣ Всемирной исторіи» 1901 г., стр. 192.

твердить фактическими ссылками на историческіе источники по той весьма простой причинѣ, что эти источники отсутствуют.

Сыновей не было у фараона, были однѣ дочери, но за то въ количествѣ цѣлыхъ восьми и имена ихъ сохранились на памятникахъ (Міатонъ, Макатонъ, Анхнесатонъ, Нофруатонъ, Бекатонъ, Ташера, Нофрура и Сотепенра).

Царствованіе Аменготепа IV продолжалось около пятнадцати лѣтъ и онъ умеръ еще совершенно молодымъ; его похоронили въ горѣ, къ востоку отъ построеннаго имъ города, въ глубинѣ жерла, гдѣ могила его оставалась затерянной до нашихъ дней и была найдена лишь въ 1891 году. Если бы фараонъ прожилъ дольше и преемники его были бы также энергичны, какъ и онъ, то новая религія, пересиливъ мертвый храмовый формализмъ поклонниковъ Аммона, въ концѣ концовъ одержала бы верхъ надъ „правовѣріемъ“, но все дѣло въ томъ, что новое ученіе не успѣло глубоко пустить корни въ народную массу и привиться, и держалось только личностью фараона, а извѣстно, что все основанное на личности государя, исчезаетъ вмѣстѣ съ этой личностью. Такъ было и тутъ. Правда, смерть Аменофиса не тотчасъ же остановила начатое имъ дѣло обновленія религіи; его зятя, наслѣдовавшіе ему одинъ за другимъ крѣпко держались за новое ученіе и старались всѣми силами утвердить господство культа божества солнечнаго диска.

Непосредственный преемникъ покойнаго фараона Саанахтъ (мужъ старшей дочери Аменофиса—Міатонъ), призванный соправителемъ еще при жизни тестя, былъ ревностнымъ приверженцемъ культа Атона и продолжалъ жить въ Хутнатонѣ въ теченіе тѣхъ немногихъ лѣтъ, на которые онъ пережилъ своего тестя.

Послѣ Саанахта на престолъ вступилъ мужъ третьей дочери Аменготепа (Анхнесатонъ) Тутанхаммонъ Хоперунебри, который убѣдился, что при ретроградномъ настроеніи духовенства новая вѣра не въ состояніи удержаться, какъ государственная религія, и что самъ онъ останется на престолѣ только тогда, если вернется къ культу Аммона. Поэтому измѣнивъ свое „еретическое“ имя (Тутанхатонъ) на „правовѣрное“ (Тутанхаммонъ), чему послѣдовала его супруга, отрекшаяся отъ отцовской вѣры (имя Анхнесатонъ было измѣнено на Анхнесаммонъ), онъ покинулъ злосчастную Телль-эль-Амарну и переселился въ Фивы, что окончательно рѣшило судьбу новаго ученія и участь божества солнечнаго диска. Вмѣстѣ съ фараономъ переселились въ Фивы и большинство жителей. Столица Хутнатонъ пришла въ состояніе упадка также быстро, какъ раньше выросла; нѣ-

которое время удержались еще тамъ основанныя Аменготепомъ и поддерживаемыя Саанатомъ эмалевыя фабрики и фабрики разноцвѣтныхъ стеколъ, но затѣмъ рабочіе выселились, имя Хутнатонъ было вычеркнуто изъ списка округовъ и отъ города, возникшаго въ великоермопольскомъ номѣ, который могъ стать столицей всего Египта, остались вскорѣ однѣ груды развалинъ...

Такимъ образомъ единственная попытка во всей многовѣковой исторіи фараоновъ реформировать египетскую религію, окончилась полной неудачей, и не пережила своихъ ревностныхъ поборниковъ. Жрецы и служители Аммона, поднявшіе вновь голову, съ бурсацкой грубостью объявили религію и весь культъ божества солнечнаго диска еретическими, разрушили новый храмъ, воздвигнутый Атопу, разбили статую Аменготепы IV, котораго они считали безумнымъ, экзальтированнымъ фанатикомъ и стерли имя основателя новой религіи съ памятниковъ. Жречество одержало полную побѣду надъ фараонизмомъ, но побѣда эта, подобно побѣдѣ средневѣковаго папства надъ имперіей, только обезсилила противниковъ и заставила продолжать ихъ общую агонію, осудивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и разлагавшееся жречество и выродившійся фараонизмъ на обоюдную погибель.

Свѣдѣній о дѣятельности Туханхаммона не имѣется, да и царствовалъ то онъ, сравнительно, не долго; извѣстно лишь, что названный фараонъ принималъ всенародно отъ вассальныхъ государствъ изъявленія вѣрнопопданническаго долга, причемъ надпись отъ имени земли Рутену возглашаетъ: „Даруй намъ свободу отъ руки твоей; неописанны побѣды твои и въ твоё время нѣтъ у тебя враговъ, всѣ земли покоятся въ мирѣ“¹⁾).

Однако Тутанхаммонъ считался жрецами близкимъ къ ереси и они не довѣряли фараону, подозрѣвая его въ тайномъ пристрастіи къ вѣрѣ Аменофиса IV, которую онъ покинулъ лишь повинуваясь обстоятельствамъ. Послѣ его смерти корона фараоновъ досталась Аи Хо пер хо перури (Ейе), который не происходилъ, однако, изъ царскаго дома и достигъ престола насиліемъ или хитростью; по словамъ надписи „святой отецъ“ былъ „носителемъ опахала по правую сторону царя, начальникомъ конскихъ заводовъ и царскимъ писцомъ правосудія“. Жреческое происхожденіе его несомнѣнно, какъ несомнѣнно и то, что онъ получилъ возможность овладѣть короной благодаря своимъ обширнымъ связямъ въ Хутнатонѣ. Впрочемъ, царь-жрецъ былъ не дурнымъ правителемъ. Официальныя надписи даютъ Аи

¹⁾ Lepsius «Denkmäler» III, 117.

титулы „побѣдителя азіатовъ“ и фараона „великаго силой“, что даетъ основаніе предполагать объ его удачныхъ экспедиціяхъ на сѣверъ (въ Сирію или Нахаранну). Объ его внутренней дѣятельности извѣстно, что онъ, очевидно, желая примирить еиванскихъ жрецовъ со своимъ прежнимъ отступничествомъ, въ качествѣ бывшего послѣдователя культа божества солнечнаго диска, въ одномъ изъ храмовъ котораго онъ занималъ высокое положеніе, обнаружилъ большую ревность къ Аммону и чтить еиванскаго бога богатыми приношеніями. Тѣмъ не менѣе жрецы не довѣряли ему, какъ перемѣнившему на своемъ вѣку не мало шкуръ, и, подобно Тутанхаммону, подозрѣвали въ тайной склонности къ культу Атона.

По смерти Аи, погребеннаго въ устроенной имъ гробницѣ Бабъ-эль-Молука, на престолъ вступилъ родственникъ Аменготепы IV, мужъ его свояченицы Нотемъ-Муть — Хоремхибъ Міамунъ, который командовалъ войсками при Аменофисѣ и уже въ то время показалъ себя противникомъ новаго ученія. Еиванскіе жрецы встрѣтили его съ восторгомъ и торжественно короновали въ храмѣ Аммона. Новый фараонъ, получившій титулъ „Господинъ двойнаго вѣнца“, началъ свое царствованіе разрушеніемъ храма Атона и посвященной этому божеству пирамиды Бенбенъ, матеріаль которой былъ употребленъ на постройку четвертой пары входныхъ пилоновъ на южной сторонѣ Карнака. Желая уничтожить послѣднія воспоминанія о новой религіи, Хоремхибъ приказалъ стереть съ памятниковъ имена царей-еретиковъ, разорить и опустошить гнѣздо врага правовѣрія—Хутнатонъ. Онъ возвратилъ храмамъ отнятое у нихъ имущество, уничтожилъ разбои, которые развились при неурядицѣ и безъ пощады казнилъ дерзкихъ грабителей. Разумѣется, все это прекрасно, но со всѣмъ тѣмъ, названный фараонъ, уничтоживъ дѣло своихъ предшественниковъ Аменготепы IV и Саанхта, — этихъ типичныхъ египетскихъ Гогенштауфеновъ, допустилъ вырвать у себя и у своихъ преемниковъ прерогативы духовной власти и развѣнчать какъ себя, такъ и ихъ въ глазахъ народа. Вотъ почему всѣ монархи послѣдующихъ династій въ виду всего этого едва-ли могутъ быть названы фараонами, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ своекорыстныхъ бритыхъ преторіанцевъ въ рясахъ, составившихъ къ этому времени дружную касту и пропитанныхъ лихорадкой изувѣрства, подъ которымъ таилось достиженіе чисто мірскихъ выгодъ. Возникла настоящая полицейская церковь, церковь подъячаго и жреца, пропитанная дурманомъ послѣдняго и искренно презиравшая трудолюбивую сѣрую массу. Вотъ каковы были слѣдствія близорукой внутренней политики бездарнаго Хоремхиба!...

Что касается до его внѣшней политики, то памятники сообщаютъ намъ, что поименованный фараонъ обложилъ данью отдаленныя племена Пунта и, какъ утверждаетъ надпись въ Сильсилісѣ, предпринялъ удачный походъ въ нынѣшній Суданъ, гдѣ побѣдилъ возмущившихся негровъ, которые сложили въ честь его извѣстную хвалебную пѣсню, найденную въ пещерахъ Хонну. Смыслъ ея можно передать такъ:

«Слава тебѣ фараону, солнцу кушитской страны!
Пресвѣтлое имя твое знаменито средь всей эіопской земли,
Тамъ, гдѣ раздался, твой радостный кликъ боевой..
Могучій, милосердный властитель стыдомъ всѣ народы покрылъ
И онъ, свѣтящее солнце, весь міръ блескомъ своимъ озарил!».

Со смертью фараона Хоремхиба оканчивается блестящій періодъ египетской исторіи, эпоха XVIII династіи, столь замѣчательная по своимъ дѣяніямъ и подымавшая на высшую степень славу и внѣшнее могущество страны фараоновъ. И позднѣе Египетъ велъ счастливыя войны, сооружалъ многочисленныя памятники и вообще поддерживалъ съ нѣкоторымъ блескомъ государственное зданіе, но могущество его никогда не достигало той кульминаціонной точки, на которую вознесла его XVIII династія, а напротивъ, по отшествіи ея представителей въ вѣчность, мы можемъ подмѣтить въ соціально-политическомъ строѣ Египта симптомы грядущаго разложенія, которое шло все crescendo и окончилось паденіемъ распатаннаго въ своихъ устояхъ государственнаго зданія.

XIX династія ¹⁾. Родоначальникомъ новой (XIX) династіи считается Рамзесъ I Менпехутири (Рамессу I), родство котораго съ покойнымъ фараономъ опредѣлить довольно затруднительно: одни изслѣдователи (Ленорманъ) считаютъ Рамзеса внукомъ Хоремхиба по женской линіи, другіе (Бругшъ) склонны видѣть въ немъ зятя или брата упомянутаго царя. Какъ бы то ни было, но пока вопросъ этотъ долженъ оставаться открытымъ.

Первое внѣшнее предпріятіе фараона было направлено противъ хананейскаго племени Хета, обитавшаго по теченію верхняго Оронта и распространявшаго свое вліяніе въ кашпадокійскія мѣстности—Эйюкъ, Богазкой, Ивризъ и Тіанъ, а равно и на Марашское царство

¹⁾ Масперо даетъ иной порядокъ царствованія XVIII династіи, причисляя Хоремхиба къ XIX династіи. Мы слѣдуемъ Бругшу; ср. Lenormant 80, Бирчъ «Inscription of Harmkabi» 486 и слѣд.

(Марашъ — городъ санджака Алепскаго вилайета въ Азіатской Турціи), находившееся въ долинѣ между Тавромъ, Гяуръ-Дагомъ и восточнымъ продолженіемъ Кургъ-Дага, не доходя до береговъ Ефрата¹⁾). Это воинственное племя, обладавшее прекрасной военной организаціей, вскорѣ приобрѣло такое значеніе, что сдѣлалось опаснымъ для египетскаго преобладанія въ Передней Азіи и, являясь во главѣ союза азіатскихъ городовъ, вело съ фараонами ожесточенныя войны. Рамзесъ первый изъ царей Египта напалъ на нихъ въ долинѣ Оронта и, кажется, не безъ успѣха, но вслѣдъ затѣмъ фараонъ и царь хеттовъ Саполулъ заключили между собою оборонительный союзъ, не нарушавшійся до самой смерти Рамзеса. Что были за причины, которыя побуждали противниковъ заключить этотъ союзъ въ точности неизвѣстно; можно только предположить, что Рамзесъ I, уразумѣвъ сильную политическую и военную организацію Хета и, такъ сказать, воочію убѣдившись въ перспективѣ упорной, продолжительной и далеко невѣрной борьбы съ соперниками египетскаго могущества, предпочелъ союзъ съ сильнымъ традиціоннымъ врагомъ, который, съ своей стороны, не настолько еще окрѣпъ, чтобы безъ риска тягаться съ войсками фараона. Такъ-ли было на самомъ дѣлѣ или иначе, но фактъ тотъ, что недавніе противники обратились въ союзниковъ, по крайней мѣрѣ, временныхъ,—и Рамзесъ успѣшилъ вернуться въ Египетъ.

Кромѣ похода въ страну Хета памятники свидѣтельствуютъ объ экспедиціи фараона въ Эіюпію, но подробности этой экспедиціи и конечный ея результатъ намъ совсѣмъ неизвѣстны. Фараонъ царствовалъ очень не долго, кажется, не болѣе двухъ — трехъ лѣтъ и, по смерти, былъ похороненъ въ долинѣ царскихъ гробницъ Бабъ-эль-Молука. Единственнымъ памятникомъ этого кратковременнаго царствованія осталась стела изъ Уаиди Хальфа, сообщающая о култѣ Мина-Аммона и датированная послѣднимъ днемъ египетскаго года.

Теперь на престолъ всходитъ сынъ Рамзеса—Сети I Минефта (греч. Сетозисъ), съ котораго какъ будто вновь начинается блестящій періодъ исторіи Египта, хотя, конечно, далеко не въ томъ объемѣ и блескѣ, какъ при Тутмессадахъ и ихъ ближайшихъ преемникахъ. Получивъ извѣстіе о возстаніи бедуиновъ племени Шасу, новый фараонъ поставилъ войска свои на военную ногу, черезъ Мигдолъ, Ути и землю Цахи двинулся въ страну возмущившихся бедуиновъ и достигъ крѣпости К а н а н а, стратегическое значеніе которой обусловливалось тѣмъ, что расположенная на склонахъ Аморрейскихъ горъ, она защи-

¹⁾ В. А. Тураевъ. «Къ исторіи Хеттскаго вопроса» 1900, 28—29.

щала входъ въ одну изъ богатѣйшихъ областей южной Сири. Удачный штурмъ Канана, защитники котораго, по словамъ надписи, „превратились въ кучу труповъ и лежали тамъ въ крови своей“, повлекъ за собою подчиненіе всей Идумеи; вслѣдъ затѣмъ, вторгнувшись въ Хару (Финикия), гдѣ собрались „презрѣнные“ Шасу, фараонъ нанесъ имъ полное пораженіе, отбросивъ остатки ихъ разбитой арміи къ предѣламъ пустыни.

Спустя нѣсколько времени дошла очередь и до южной Финикии, которая, сколько кажется, оказывала возмущившимся Шасу дѣятельную поддержку въ войнѣ съ египтянами: въ кровопролитной битвѣ подъ стѣнами Ямни (къ югу отъ нынѣшней Яффы) хананеи были разбиты на голову и страна подчинилась Сети. Отсюда египетская армія форсированнымъ маршемъ двинулась къ Кадешу, лежавшему въ странѣ аморреевъ, и благодаря скрытному приближенію, при помощи *нечаяннаго нападенія* овладѣла неприступной крѣпостью. Захвативъ въ свои руки ключъ къ долинѣ Оронта, Сети двинулся къ сѣверу противъ Хета, царь которыхъ Мотуръ (сынъ Морусара, внукъ Саполула) обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно египтянъ и отказался отъ союза съ послѣдними. Несмотря на отчаянное сопротивленіе арміи хеттовъ, фараонъ, по словамъ надписи „поразилъ азіатовъ и умертвилъ князей ихъ“. Заключивъ договоръ съ Мотуромъ, взявъ огромную добычу и множество плѣнныхъ, Сети предпринялъ вторженіе въ страну Либнану (у подножія Ливана), покорившуюся ему безъ боя; контрибуція съ жителей была взята довольно оригинальная: они обязаны были вырубить лучшія деревья страны и отправить въ Египетъ для начатыхъ Сети сооруженій въ честь Аммона. Дѣйствительно, на одной изъ картинъ мы видимъ, какъ хананеи рубятъ топорами самыя лучшія и самыя высокія деревья Ливана, предназначенныя для храма еиванскаго бога.

Изъ Либнану, фараонъ поспѣшилъ вернуться въ Египетъ, населеніе котораго съ торжествомъ встрѣтило своего царя-побѣдителя и его храбрую армію, возвращавшуюся въ отечество и обремененную добычей. Надпись говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Жрецы, великіе и знатнѣйшіе съ юга и сѣвера Египта прибыли сюда (т. е. въ крѣпость Хетамъ или Еоамъ въ Танисскомъ округѣ), чтобы восхвалять божественнаго благодѣтеля при возвращеніи его изъ земли Рутенъ ¹⁾ съ громадной добычей; ничего подобнаго не бывало со вре-

¹⁾ Египтяне различали двѣ земли Рутенъ: Верхній Рутенъ или Ханаанская земля и Нижній Рутенъ, подъ которымъ разумѣлась сѣверная Сирия или «страна аморреевъ».

мень бога Ра“... т. е. по нашему, отъ сотворенія міра. Надпись оканчивается обычнымъ восхваленіемъ доблестей фараона, которое мы здѣсь приводить не станемъ.

Слѣдующая экспедиція Сети I была направлена противъ ливійскихъ народовъ и окончилась чрезвычайно удачно: мелкіе князьки племени Тхухенъ (мармарида?) понесли сильное пораженіе. „Они—восхваляетъ царскую побѣду хвалебная надпись, — не могли держать лука и находились спрятанными въ своихъ пещерахъ какъ лисицы—страха ради Его Святости“. Въ этомъ походѣ фараону сопутствовалъ его сынъ и преемникъ Рамзесъ (II), тогда еще наслѣдникъ.

Касательно войнъ Сети на югъ извѣстно, что войска его ходили за Сіену, но зачѣмъ и по какому поводу свѣдѣній не имѣется, такъ какъ надписи въ Доше и Сезеби, сообщая фактъ экспедиціи египтянъ на югъ, ровно ничего не говорятъ объ ея причинѣ и конечныхъ результатахъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что Эіопія въ царствованіе Сети I продолжала оставаться въ полномъ подчиненіи у Египта и что „царскіе сыновья Кушъ“ управляли страной именемъ фараона, наполняя египетскую казну произведеніями золотоноснаго юга.

Обращаемся къ краткому обзору строительной дѣятельности царя, который благодаря огромной добычѣ, полученной въ войнахъ, имѣлъ возможность воздвигнуть нѣсколько самыхъ совершенныхъ памятниковъ египетскаго искусства. Такимъ образомъ онъ: 1) окончилъ постройку извѣстной залы колоннъ въ Карнакѣ, начатую его отцомъ; въ этой гигантской залѣ (Salle hypostyle) находилось 134 колонны (см. выше Архитектура); 2) выстроилъ такъ называемый *temponium*, посвященный памяти Рамзеса I, а также божествамъ Аммону, Озирису и Гаторъ; впрочемъ фараонъ не успѣлъ достроить это сооруженіе, которое было окончено преемникомъ Сети, „какъ памятникъ отцу своему Аммону-Ра, отцу боговъ, господину неба, владѣтелю Өивъ“; 3) соорудилъ храмъ Аммону въ Өивахъ; 4) устроилъ богатую усыпальницу въ Абидосѣ, въ храмѣ котораго, посвященнаго Озирису, была найдена знаменитая „Nouvelle table d'Abydos“, отысканная Мариеттомъ; 5) возвелъ нѣсколько храмовыхъ построекъ въ Мемфисѣ и Геліополисѣ, а также выстроилъ храмъ въ Хебенѣ (нын. Эль-Кабъ) въ честь богини Гаторъ и 6) соорудилъ въ долинѣ Бабъ-эль-Молука свою собственную гробницу, принадлежащую къ лучшимъ образчикамъ египетскаго искусства и открытую въ началѣ XIX вѣка италіанскимъ археологомъ Бельцони. Кромѣ того надпись храма въ Редезіи (близъ Эдфу) сообщаетъ, что на десятомъ году своего царствованія Сети приказалъ вырыть колодець въ пустынѣ, дабы облегчить доступъ къ золотымъ

рудникамъ Нубіи; около этого колодца былъ выстроены небольшой храмикъ.

Еще при жизни отца Сети женился на принцессѣ Ту и изъ древняго царскаго рода (можетъ быть дочь Хоремхиба?), почему по древне-египетскимъ воззрѣніямъ на порядокъ престолонаслѣдія, корона принадлежала родившемуся отъ этого брака сыну Сети I — Рамзесу или Рамессу, унаслѣдовавшему права матери. Пока кронпринцъ былъ еще молодъ и не могъ управлять государствомъ, до тѣхъ поръ власть его отца являлась болѣе или менѣе законной, но когда Рамзесъ возмужалъ и сталъ тяготиться бездѣйствіемъ, горя желаніемъ подобрать возжи, тогда Сети увидѣлъ себя вынужденнымъ объявить его своимъ соправителемъ. Излишне прибавлять, что эта кажущаяся уступка не могла стѣснять стараго фараона, управлявшаго государствомъ по своему желанію. Но приближаясь къ старости, утомленный дѣянiami своихъ молодыхъ годовъ, а можетъ быть вынужденный къ тому обстоятельствами, Сети уступилъ власть Рамзесу и удалился на покой. Сколько времени онъ провелъ въ такомъ квіетизмѣ неизвѣстно, мы знаемъ только, что смерть его прошла какъ-то незамѣтно и, выражаясь слогомъ надписи, „душа царя внезапно возлетѣла къ небу какъ птица, чтобъ возвеселиться тамъ лучшимъ существованіемъ въ солнечной лодкѣ великаго Ра“.

Царствованіе Сети нельзя не признать одной изъ блестящихъ эпохъ египетской исторіи. Какъ полководецъ фараонъ обладалъ вѣрнымъ стратегическимъ чутьемъ, пониманіемъ обстановки, рѣшительностью и вообще качествами военачальника, которыми онъ, безъ всякаго сравненія превосходилъ своего великаго сына; по крайней мѣрѣ, изучая операціи Сети, насколько объ нихъ можно составить себѣ понятіе на основаніи отрывочныхъ указаній памятниковъ, нельзя не придти къ выводу, что выполненіе этихъ операцій почти внѣ всякаго упрека: умѣлая комбинація элементовъ силы, времени и мѣста, безпощадное наступленіе и энергическое преслѣдованіе разбитаго противника,—таковы главнѣйшіе приемы войны, практиковавшіеся отцомъ великаго Рамзеса.

Теперь начиналось единоличное царствованіе самаго блестящаго и типичнаго представителя фараоновъ XIX династіи — Рамзеса II Міамуна, по прозванію Анахту („побѣдитель“), который съ легкой руки Геродота долго былъ извѣстенъ подъ мнѣгочисленнымъ именемъ Сезотриса Великаго.

Принявъ бразды правленія въ свои руки, новый фараонъ посѣшилъ заслонить дорогу въ Египетъ малоазійскому племени тирсе-

намъ, которые высадились на африканскомъ берегу и вступили въ союзъ съ ливійцами, чтобы общими силами пограбить богатую монархію береговъ Нила. Въ кровопролитномъ сраженіи Рамзесъ разбилъ на голову армію союзниковъ и принудилъ ихъ къ поспѣшному отступленію. Между тѣмъ на Египетъ надвигалась новая гроза, готовая разразиться въ громоносный ударъ.

Въ концѣ четвертаго года царствованія Рамзеса, союзникъ его отца, царь хеттовъ, извѣстный намъ Мотуръ былъ убитъ во время мятежа и царемъ былъ провозглашенъ братъ его, Хитисаръ, чловѣкъ въ высшей степени ловкій и честолюбивый, который задался цѣлью изгнать египтянъ изъ Сиріи, для чего немедленно по восшествіи своемъ на престолъ приступилъ къ составленію сильной коалиціи противъ новаго фараона.

Благодаря своему дипломатическому искусству онъ успѣлъ привлечь на свою сторону Нахаранну, Арадъ, сѣверную Финикію, Халебу (Алешо), Ликию, Кадешъ амморрейскій и „народовъ отъ отдаленнѣйшихъ концовъ моря до земли Хета“. Извѣстіе объ азіатскомъ возстаніи, душой котораго являлся Хитисаръ, заставило фараона тотчасъ же поставить войска свои на военную ногу и двинуться противъ коалиціонной арміи, дабы побѣдой надъ послѣдней прорвать несокрушимую фалангу противниковъ Египта. Въ Залу—сборномъ пунктѣ египетской арміи — фараонъ произвелъ смотръ всему войску и затѣмъ быстро перебросилъ его въ Сирію черезъ традиціонную дорогу Мигдоль-Рафія-Газа. Въ послѣднемъ городѣ онъ остановился на нѣсколько дней, чтобы подтянуть армію и выслать развѣдчиковъ для полученія ориентирующихъ указаній о расположеніи непріятеля, про котораго, что называется, не было ни слуху, ни духу. Наиболѣе расторопные и энергичные офицеры были отправлены на развѣдки за Иорданъ, къ Дамаску, Тиру и Сидону, чтобы обнаружить гдѣ либо присутствіе арміи союзниковъ.

Изъ Газы египетское войско двинулось обычнымъ путемъ (см. Стратегія и путь завоеваній) черезъ Мегеддо къ Кадешу и остановилось къ юго-западу отъ упомянутаго города, близь рѣки Ш а б а т у н ы (*Rivus sabbaticus*, берущая начало съ Ливанскихъ горъ и впадающая въ Средиземное море), куда вслѣдъ затѣмъ была перенесена главная квартира.

Кажущееся бездѣйствіе противника сильно озабочивало фараона: вѣрный своему стратегическому чутью, онъ не допускалъ мысли, чтобы Хитисаръ отдалъ безъ боя самыя богатыя области, принадлежавшіе къ его Царству и не раздѣлялъ оптимистическихъ воззрѣній

своего штаба, что „подлый“ вождь хеттовъ, не смѣя встрѣтиться съ египтянами въ открытомъ полѣ, размѣстивъ свои войска по крѣпостямъ и готовится вести оборонительную войну. Доводамъ военачальниковъ противорѣчило то обстоятельство, что какъ это было фараону извѣстно положительно,—большую часть непріятельскаго войска составляли варвары, предпочитавшіе кончать войну однимъ ударомъ и нерасположенные разставаться надолго съ родиной, къ чему непременно привела бы ихъ крѣпостная война.

Не подчиняясь на первыхъ порахъ стратегическому самообману своего штаба и взвѣсивъ серьезно положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, Рамзесъ пришелъ къ естественному заключенію, что армія хеттовъ и ихъ союзниковъ скрывается гдѣ нибудь въ ущелияхъ этой гористой и крайне пересѣченной мѣстности, дабы при первомъ представившемся случаѣ напасть врасплохъ на египетское войско. Все это было какъ нельзя болѣе вѣрно, но дальнѣйшій образъ дѣйствія сына Сети опредѣлялся не столько пониманіемъ обстановки, сколько случайными обстоятельствами.

Начать съ того, что Рамзесъ допустилъ провести себя на мякинѣ, т. е. былъ грубо обманутъ подосланными Хитисаромъ шпионами, которые увѣрили царя, что главные силы союзниковъ сосредоточены въ Халебу (въ 150 верстахъ къ сѣверу отъ Кадеша). Эти лазутчики, роль которыхъ играли два бедуина племени Шасу, говорили фараону: „Наши братья, начальники племенъ, которые находятся во власти подлаго предводителя Хета, послали насъ сказать Егю Святости: мы хотимъ быть слугами фараона и бросить подлаго предводителя Хета; онъ находится теперь въ странѣ Халебу, къ сѣверу отъ города Тунепъ, куда онъ отступилъ ради страха передъ фараономъ“. Подобное вранье легко могло быть обнаружено, еслибы была произведена настоящая развѣдка, которая освѣтила бы эту искусственно созданную пустоту и просвѣтила бы подернутый туманомъ мозгъ египетскаго главнокомандующаго, обнаружившаго на сей разъ роковой недостатокъ здравомыслія. Тутъ то и сдѣлалось яснымъ, что онъ вовсе не былъ тѣмъ великимъ стратегомъ, за котораго его выдавали и какимъ онъ считалъ себя самъ. И если хитрая попытка Хитисара перепилить мечъ фараона прежде, чѣмъ онъ будетъ извлеченъ изъ ноженъ, не удалась, то виною этого менѣе всего явился самъ Рамзесъ, который послѣ побѣды надъ тирсенами и ливійцами, чудовищно раздутой придворными льстецами, окончательно уже увѣровалъ въ свой военный геній.

Какъ бы то ни было, извѣстіе, принесенное шпионами, не было лишено нѣкотораго правдоподобія и согласовалось съ донесеніемъ

развѣдчиковъ, утверждавшихъ, что на сто верстъ въ окружности не открыто ни малѣйшихъ слѣдовъ присутствія непріятеля.

Сообразно этимъ указаніямъ и убѣжденный, что противникъ еще далеко, Рамзесъ рѣшился, оставивъ Кадешъ у себя въ тылу, двинуть свою армію впередъ на поискъ Хитисара. Однимъ словомъ здѣсь произошло то, что происходитъ обыкновенно, если не заглянувъ толкомъ въ святцы, ударить въ колокола; основываясь на донесеніяхъ шпионовъ и развѣдчиковъ, фараонъ видѣлъ лишь то, что ему хотѣлось видѣть, а ему хотѣлось видѣть непріятеля пораженнаго страхомъ, не смѣющаго приблизиться къ той арміи, которой онъ командовалъ и всячески уклоняющагася отъ встрѣчи съ непобѣдимымъ „сыномъ солнца“.

Вмѣсто того, чтобы остановиться на первомъ предположеніи, объясняющимъ съ достаточной ясностью подобное, повидимому, апатическое бездѣйствіе противника, Рамзесъ II въ концѣ концовъ подчинился стратегическому самообману своего штаба и составилъ себѣ убѣжденіе о непріятелѣ, пораженномъ страхомъ, иначе говоря, проглотилъ приманку, поднесенную ему Хитисаромъ, который какъ видно, отлично зналъ характеръ своего „божественнаго“ противника, „подобнаго Ра“.

Согласно отданной фараономъ словесной диспозиціи, войска начали движеніе: легіонъ Ра, составлявшій лѣвый флангъ египетской арміи, двинулся по дорогѣ къ западу отъ Шабатуны, легіонъ Фта (центръ) по направленію на деревню Арнамъ, легіонъ Сутеху (правый флангъ)—по большой дорогѣ въ Халебу, а легіонъ Аммона съ гвардіей (резервъ?), подъ личнымъ начальствомъ самого Рамзеса, временно остался въ лагерѣ, откуда долженъ былъ выступить спустя нѣсколько времени послѣ ухода остальныхъ частей арміи.

Пока происходили указанные событія армія союзниковъ, сосредоточившись въ ущеліяхъ, находившихся къ сѣверо-востоку отъ Кадеша, готовилась атаковать египтянъ во время совершенія или флангового марша. Силы непріятеля были довольно значителельны: однѣхъ боевыхъ колесницъ Хета и ихъ союзники имѣли свыше двухъ съ половиной тысячъ (на каждой колесницѣ помѣщалось трое воиновъ), не говоря уже пр. массы пѣхоты (по египетскимъ источникамъ у однихъ Хета 18.000 чел.).

Всѣ эти войска только и ожидали того момента, когда египтяне, свернувшись въ походныя колонны, станутъ двигаться мимо ихъ фронта, чтобы, выдвинувшись изъ своей засады, атаковать врасплохъ неожиданное нападенія войско фараона. Фланговые движенія, какъ

извѣстно изъ тактики, принадлежатъ къ разряду операций весьма деликатныхъ и весьма рискованныхъ, такъ какъ противнику подставляется длинная сторона колоннъ и кромѣ того путь отступленія отходить отъ фланга въ направленіи параллельномъ фронту. Быть вынужденнымъ при наличности такихъ условій къ бою значитъ поставить армию въ положеніе прямо безвыходное, ибо стратегическое преимущество всецѣло находится на сторонѣ противника. Указанныя соображенія, сколько можно догадываться, легли въ основу плана, выработаннаго предприимчивымъ царемъ хеттовъ, дабы при помощи такого маневра уничтожить непріятельскую армию, предводитель которой былъ введенъ въ роковое заблужденіе. Но слѣдя съ окрестныхъ высотъ за движеніями египтянъ, которые рѣшительно шли впередъ, исчезая въ облакахъ пыли, поднятой колесницами и копытами лошадей и убѣждаясь по числу знаменъ, что уже двѣ трети египетской арміи удалились къ сѣверу отъ Кадеша, Хитисаръ нѣсколько видоизмѣнилъ первоначальный планъ и видя, что сама судьба идетъ навстрѣчу его желаніямъ, рѣшился, выждавъ нѣкоторое время, необходимое для удаленія войскъ фараона отъ стѣнъ Кадеша, обойдя городъ съ западной стороны, обрушиться всѣми силами на легіонъ Аммона, чтобъ, уничтоживъ его, зайти въ тылъ остальнымъ египетскимъ отрядамъ, отрѣзать имъ путь отступленія къ водамъ Оронта. Разумѣется, и со стороны царя хеттовъ производство подобнаго маневра могло грозить серьезными осложненіями, еслибы египтяне, какъ то и случилось, вовремя спохватились и измѣнили направленіе, порядокъ и скорость движенія войскъ, но вѣроятность успѣха для союзниковъ была такъ велика и самый успѣхъ такъ важенъ, что изъ за него стоило рисковать. Хитисаръ рискнулъ и былъ вполнѣ правъ.

Со всѣмъ тѣмъ цѣли своей въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намѣтилъ себя ея достиженіе, царь хеттовъ достигнуть всетаки не могъ. Будучи порядочнымъ полевымъ тактикомъ, а можетъ быть, просто, по сказавшемуся въ немъ прирожденному инстинкту военной расы, фараонъ понималъ очень хорошо ходовую военную аксіому, что всякому маневру соотвѣтствуетъ свой контръ-маневръ и если совершить его во время, то какъ бы хорошо не была задумана комбинація, она окончится неудачей.

Получивъ извѣщеніе, что силы союзниковъ сосредоточены за Кадешомъ, Рамзесъ собралъ военный совѣтъ и объявилъ всѣмъ военачальникамъ о томъ критическомъ положеніи, въ которомъ очутилась теперь армія, благодаря колоссальному развѣдочному провалу. Къ главнымъ силамъ были немедленно посланы курьеры съ прика-

заніємъ вернуться назадъ и форсированнымъ маршемъ спѣшить на выручку. Тактика должна была выручать Стратегію. Въ это время пришло извѣстіе о наступленіи многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, сконцентрированныхъ теперь къ югу отъ Кадеша.

Теперь весь вопросъ заключался въ томъ, удержитъ ли легіонъ Аммона и фараоновская гвардія натискъ арміи союзниковъ до подхода главныхъ силъ и успѣютъ ли послѣдніе своевременно подоспѣть къ полю сраженія.

Между тѣмъ Хитисаръ подаль давно ожидаемый сигналъ—и колесницы его бросились во весь каррьеръ въ долину. Отрядъ Рамзеса долженъ былъ принять на себя стремительный натискъ противника, чтобы задерживая его упорной обороной, выиграть время и тѣмъ доставить возможность подоспѣть главнымъ силамъ. Въ то же время часть азіатскихъ колесницъ врѣзалась въ ряды легіона Ра, который подходилъ къ Кадешу, по словамъ поэмы Пентаура, „не приготовленный къ битвѣ. И были разбиты ими (т. е. врагами) войны фараоновы и парныя колесницы“. Однако, въ концѣ концовъ, хотя съ большимъ трудомъ, воины легіона, старые, опытные ветераны сирійскихъ походовъ, отбили нападеніе и продолжали форсированный маршъ по направленію къ Кадешу, гдѣ легіонъ Аммона, подобно послѣднему карре старой гвардіи подъ Ватерло, изнемогалъ въ неравной борьбѣ. Восемь разъ во главѣ своего отряда фараонъ бросался въ атаку, опрокидывалъ ряды непріятелей и выдерживалъ нападеніе до поздняго вечера. Потерявъ массу людей и не надѣясь уже на своевременную помощь, египтяне думали только о томъ, чтобы какъ можно дороже продать свою жизнь. Подъ стремительными атаками азіатовъ ряды легіона Аммона таяли все болѣе и болѣе и ужъ недалекъ былъ тотъ моментъ, когда весь отрядъ долженъ былъ сложить свои головы. Наконецъ, когда наполовину уничтоженному легіону и гвардейскому отряду, изнемогавшимъ въ отчаянной самооборонѣ, не оставалось, по видимому, никакого выхода,—тогда вдругъ въ тылу непріятельскихъ войскъ раздался воинственный крикъ: это спѣшилъ на выручку легіонъ Фта.

Прибытіе свѣжихъ войскъ разрушило замыслы азіатовъ и Хитисаръ приказалъ своей арміи начать отступленіе къ Кадешу; отступленіе это могло бы превратиться въ настоящее бѣгство, если бы египтяне безотлагательно атаковали отходившія войска союзниковъ, но въ виду изнуренія солдатъ и неприбытія легіона Сутеху, присоединившагося къ арміи лишь съ наступленіемъ темноты, атака была отложена до слѣдующаго дня.

Войска бивакировали на полѣ сраженія и съ разсвѣтомъ построились въ боевой порядокъ, фронтомъ на сѣверо-востокъ: первую линію составляли колесницы въ развернутомъ строю, вторая состояла изъ пѣхоты въ сомкнутыхъ колоннахъ, а третья (запасной отрядъ) опять состояла изъ развернутыхъ колесницъ. Правый флангъ былъ нѣсколько загнуть и прикрытъ развернутой пѣхотой, а за лѣвымъ—находилась конница.

Со своей стороны Хитисаръ дѣятельно готовился къ предстоящему сраженію: онъ стянулъ къ себѣ всѣ войска, привелъ въ порядокъ, усилилъ подкрѣпленіями и расположилъ ихъ впереди Кадеша, игравшемъ такимъ образомъ роль редюита, въ которомъ царь хеттовъ оставилъ часть своей пѣхоты, чтобы, въ случаѣ пораженія, при помощи сильной вылазки, она была бы въ состояніи задержать преслѣдованіе египтянъ и доставить возможность разбитой арміи укрыться въ стѣнахъ крѣпости. Правый флангъ боевого порядка арміи Хитисара упирался въ рѣку (Оронтъ) и потому былъ обезпеченъ отъ обхода, лѣвый, напротивъ, былъ открытъ, почему Рамзесъ рѣшился вести главную атаку именно на этотъ флангъ, чтобы въ случаѣ успѣха, прижать непріятеля къ Оронту. Въ сущности идея подобнаго маневра была очень близка къ тактическому окруженію, такъ какъ для обороняющагося единственный путь отступленія отходилъ на Кадешъ, а при обходѣ лѣваго фланга являлась возможность зайти непріятелю въ тылъ и отрѣзать его такимъ образомъ отъ его базы.

Съ разсвѣтомъ началась подъ стѣнами Кадеша „битва народовъ“. Къ сожалѣнію, памятники не сообщаютъ про нее никакихъ подробностей и самый ходъ ея можно уяснить лишь путемъ косвеннаго указанія надписей. Послѣ легкой перестрѣлки, служившей для завязки боя, египетскія колесницы, выдвинувшись впередъ, понеслись во весь каррьеръ на боевыя колесницы Хитисара, осыпая ихъ тучами стрѣлъ, опрокидывая ряды непріятелей и производя среди нихъ страшный безпорядокъ. Прорвавъ первую линію союзниковъ и погнавъ передъ собой разбитыя непріятельскія колесницы, египтяне уже готовились начать наступленіе всѣмъ фронтомъ, какъ вдругъ Хитисаръ, усиливъ свое послѣпно отступавшее колесничное войско запасными колесницами и частью тяжелой пѣхоты, обрушился на легіонъ Фта, составлявшій центръ египетскаго боевого порядка, опрокинулъ его и стремительно врѣзался колесницами въ разстроенные ряды подавшагося назадъ легіона. Но въ этотъ критическій моментъ фараонъ обошелъ уже лѣвый флангъ арміи союзниковъ и энергически повелъ на него атаку. Взятые во флангъ и опасаясь за свой путь отступленія,

который легко могъ быть отрѣзанъ обходящими войсками, армія союзниковъ дрогнула и обратилась въ бѣгство, оставивъ на полѣ сраженія массу убитыхъ, раненыхъ, а также и утонувшихъ въ водахъ Оронта. Опрокинувъ лѣвый флангъ арміи Хитисара и принудивъ его къ бѣгству, Рамзесъ успѣшилъ стать на пути отступленія союзниковъ, дабы не допустить ихъ къ крѣпости, но въ это время, согласно отданнаго заранѣе приказанія, восьмитысячный гарнизонъ Кадеша произвелъ сильную вылазку и, неожиданно атаковавъ торжествовавшихъ египтянъ, далъ возможность остаткамъ разбитой арміи укрыться въ стѣнахъ крѣпости.

Само собой разумѣется, что послѣ такого погрома для союзниковъ немислимо было продолжать войну и *volens-nolens* Хитисаръ долженъ былъ рѣшиться просить мира у торжествующаго побѣдителя. Съ этой цѣлью онъ отправилъ своихъ пословъ въ лагерь фараона съ письмомъ, составленнымъ въ самыхъ униженныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ. Приводимъ дословно этотъ любопытный документъ, написанный царемъ хеттовъ съ соблюденіемъ тогдашней фразеологіи.

«Да сдѣлать удовольствіе сердцу Его Святости, солнечнаго Гора, могущественнаго быка, по своей волѣ изливающаго свое живительное вліяніе, любящаго истину, великаго господина, охранителя своего народа, героя непобѣдиимаго меча, защитника, какъ стѣна своихъ войновъ въ день битвы, царя Верхняго и Нижняго Египта, Рамзеса Міамуна. Слуга твой Хитисаръ говоритъ тебѣ, милостивому господину, прекрасному сыну Ра-Гармахиса слѣдующее: тебѣ, сыну Аммона, происшедшему изъ его существа, какъ онъ ввѣрилъ тебѣ всѣ народы разомъ, соединенные воедино, то да будетъ земля Египетская вмѣстѣ съ землею Хета соединены, да пребываютъ они у ногъ твоихъ. Солнечный богъ Ра даровалъ тебѣ силу и побѣду, не дѣлай намъ насиліе, о ты, котораго душа великодушна! Сила твоя тяготѣетъ надъ народомъ Хета, но развѣ было бы хорошо, еслибы ты захотѣлъ умертвить твоихъ слугъ, которыхъ ты подчинилъ своему господству. Ты нашъ господинъ, неужели не укротится гнѣвъ твой на лицѣ твоёмъ и ты не смилнешься надъ нами. Ты пришелъ вчера и убилъ сотни тысячъ, приходишь сегодня—и никого не останется, чтобы служить тебѣ. Не приводи въ исполненіе твоихъ предназначеній, могущественный царь, честь войновъ; лучше миръ чѣмъ битва; даруй намъ, о побѣдоносный царь, дыханіе жизни» ¹⁾).

Фараонъ тѣмъ охотнѣе согласился на миръ, что несмотря на нанесенное пораженіе остатки арміи Хитисара были довольно еще грозны, а Кадешъ представлялся настолько укрѣпленнымъ, что нечего было

¹⁾ Э. де Руже «Le Poëme de Pentaour».

и думать о скоромъ покореніи упомянутой крѣпости. Если же рѣшиться на веденіе правильной осады—разсуждалъ Рамзесъ—то тѣмъ временемъ неугомонный царь хеттовъ можетъ набрать новыя войска, организовать въ тылу египетской арміи возстаніе, возмутивъ народы Ханаана и сосѣднихъ съ ними провинцій и такимъ образомъ затянуть кампанію до безконечности.

Руководствуясь приведенными соображеніями и посовѣтовавшись со своими военачальниками, фараонъ рѣшился не отклонять предложеній непріятеля и даровать Хета и ихъ союзникамъ миръ. „И такъ пошелъ царь въ мирѣ—замѣчаетъ авторъ поэмы—въ землю Египетскую со своими князьями, со своимъ войскомъ и военными колесницами, въ радостномъ настроеніи передъ лицомъ своего народа“...

Казалось, что рѣшительная побѣда египтянъ надолго прекратила войну и сдѣлала неоспоримымъ перевѣсъ ихъ въ Азіи, но, сверхъ ожиданія, битва подъ Кадешомъ, подобно Маренгскому сраженію, не имѣла тѣхъ послѣдствій, какія была вправѣ ожидать отъ нея египетская политика. Дѣло въ томъ, что въ тылу побѣдоносной арміи возстали народы Ханаана и сосѣднихъ съ нимъ земель, а это обстоятельство пришлось такъ нельзя болѣе кстати побѣжденному царю хеттовъ, который, задобривъ фараона пустыми обѣщаніями, ободрился, собрался съ силами и нарушилъ только что заключенный договоръ; тѣмъ легче могъ онъ это сдѣлать, что выполненіе условій мира всецѣло зависѣло отъ него.

Пламя войны запылало снова; вся Сирія отъ береговъ Ефрата до Краснаго моря сдѣлалась театромъ военныхъ дѣйствій. Хитисаръ, наученный опытомъ, избѣгалъ столкновеній въ открытомъ полѣ, почему во все продолженіе указанной кампаніи мы не видимъ, чтобы происходили такія генеральныя сраженія, какъ, на примѣръ, при Кадешѣ; въ большинствѣ случаевъ все дѣло ограничивалось мелкими стычками, демонстраціями, осадами городовъ и крѣпостей и т. п. причемъ успѣхи египтянъ нерѣдко смѣнялись весьма чувствительными неудачами. Такъ на одиннадцатомъ году царствованія Рамзеса войска его были отброшены азіатами въ долину Нила и подавленные превосходствомъ силъ противника, принуждены были очистить южную Сирію. Египтяне чувствовали себя настолько придавленными поворотомъ счастья, перешедшаго къ Хитисару, что считали взятіе Аскалона огромнымъ успѣхамъ, достойнымъ увѣковѣченія на памятникахъ. Но вслѣдъ затѣмъ счастье снова улыбнулось фараону: онъ взялъ города Шаламъ или Салимъ (упоминаемый въ Библии, какъ городъ Мелхиседека), Меромъ (въ Галилеѣ), Дапуръ (Кириаеъ-Сеферъ), лежавшій у подошвы

горѣ Фавора, Ацарѣ и проч., а затѣмъ, вторгнувшись въ страну Хета, овладѣлъ нѣкоторыми городами, принадлежавшими къ территоріи Хитисара. Эта серія мелкихъ стычекъ и осадъ продолжалась *около пятнадцати лѣтъ*, причемъ успѣхъ склонялся попеременно то на ту, то на другую сторону. Рамзесъ рѣдко являлся теперь передъ войсками, предоставляя веденіе боевыхъ операцій въ указанный періодъ кампаніи своимъ полководцамъ, которые оказались не въ силахъ сломить мужество и упорство хеттовъ.

Наконецъ на двадцать первомъ году царствованія фараона противники, утомленные бесполезными усиліями, рѣшились заключить миръ. Текстъ упомянутаго мирнаго договора, заключеннаго между Хитисаромъ и Рамзесомъ II, можетъ считаться *самымъ древнимъ памятникомъ дипломатическаго искусства* и, по важности своей, стоитъ того, чтобы на немъ остановиться подробнѣе. Подлинникъ договора былъ написанъ на языкѣ хеттовъ и выгравированный на серебряной пластинкѣ торжественно преподнесенъ фараону посланникомъ Хитисара, нѣкіемъ Тартизабомъ, который получилъ такую же серебряную плитку съ написаннымъ на ней текстомъ мирнаго договора на египетскомъ языкѣ. Церемонія эта происходила 21 тоби (16 января) въ городѣ Рамзесъ Анахту, куда прибылъ фараонъ для того, какъ говоритъ надпись, „чтобы принести свои молитвы и приношенія отцу своему Аммону-Ра“...

Между обоими народами былъ постановленъ вѣчный миръ.

„Если какой нибудь врагъ—сказано въ текстѣ договора—придетъ въ земли Рамзеса Міамуна, великаго властителя Египта и если послѣдній пошлетъ увѣдомленіе къ великому повелителю Хета: приходи на помощь и сдѣлай меня сильнѣе его, то великій повелитель Хета соберетъ своихъ воиновъ, придетъ и уничтожитъ враговъ его. Но если великій повелитель Хета не пожелаетъ выступить въ походъ лично, то онъ пришлетъ свое войско и свои боевые колесницы для уничтоженія враговъ фараона“.

Аналогичная статья обезпечивала за царемъ хеттовъ поддержку со стороны египтянъ. Этотъ пунктъ договора особенно важенъ, такъ какъ земля Хета непрерывно подвергалась опасности со стороны Халдеи, между тѣмъ какъ ближайшіе враги Египта, Ливія и Эѳіопія вовсе не были такъ могущественны, чтобы фараонъ не могъ справиться съ ними собственными средствами. Если онъ согласился на невыгодную для себя сдѣлку, то это только доказываетъ, что не столько Хета заискивали въ немъ, сколько онъ вынужденъ былъ дорожить сохраненіемъ добрыхъ съ ними отношеній.

Затѣмъ слѣдовали пункты, касавшіеся защиты торговли и промышленности обоихъ народовъ, а также лучшаго отправленія у нихъ правосудія. Вообще же главныя условія мирнаго трактата сводились къ заключенію наступательнаго и оборонительнаго союза между договаривавшимися сторонами, равенству во взаимныхъ отношеніяхъ и къ выдачѣ преступниковъ и перебѣжчиковъ, причемъ было постановлено, что каждый подданный или рабочій, перешедшій на жительство въ другую территорію или уведенный туда силою, возвращается на родину и переселеніе изъ нея не должно вмѣнять ему въ преступленіе: „Тотъ, кто будетъ возвращенъ такимъ образомъ—продолжаетъ упомянутый трактатъ—не долженъ быть наказанъ; да не будетъ ограбленъ его домъ и отняты его жены и дѣти и да не будетъ убита его мать, и да не бьютъ его по глазамъ или по устамъ или по подошвамъ и противъ него не должно возбуждать никакого преслѣдованія“¹⁾. Условія заключеннаго договора добросовѣстно соблюдались обѣими сторонами.

На тридцать четвертомъ году своего царствованія Рамзесъ женился на старшей дочери Хитисара, которая получила имя У р м а с ъ Н е ф е р у р а (что значитъ „Благодѣяніе великаго солнца правосудія“), а годъ спустя послѣ брака пригласилъ своего тестя посѣтить долину Нила. Картина, поясняющая надпись Ибсамбула, изображаетъ фараона въ сопровожденіи своей жены и ея отца, одѣтаго въ національную одежду хеттовъ.

Такъ окончились войны Рамзеса II и наступила длинная пауза спокойствія.

Греческіе писатели приписываютъ названному фараону покореніе Персіи, Бактріи и даже Индіи, но, понятное дѣло, что всѣ эти рассказы являются одними изъ тѣхъ побасенокъ, которыхъ давно слѣдовало бы исключить изъ всемірной исторіи. Разсказъ о его походѣ въ Европу, пройденную имъ будто бы до Фракіи, гдѣ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и суровый климатъ якобы принудили его къ отступленію,—есть ни больше, ни меньше, какъ вздорная выдумка: намъ извѣстно только, что кромѣ войнъ съ тирсенами, сирійцами и хета, Рамзесъ предпринималъ походы въ „землю Кушъ“, — Эѳіопію и въ Хару (Финикія), какъ на то указываютъ изображенія Бейтъ-эль-Валли, не сообщающія, однако, сопровождающими ихъ надписями о времени названныхъ экспедицій и походовъ. Благодаря глубокому миру, ко-

¹⁾ Э. де Руже «Etudes sur les publics» 243; Шабасъ «Le voyage d'un Egypten»; pp. 332 et suiv. Денциусъ, «Denkmäler» III, 46; Бругшъ «Geschichte» 519—526; текстъ этого договора былъ первоначально опубликованъ Шамполлиономъ.

торый, заключенный на двадцать первомъ году царствованія Рамзеса, не нарушался въ продолженіе остальныхъ сорока шести лѣтъ, фараонъ могъ отдаться въполнѣ своей любимой страсти къ сооруженію памятниковъ. По словамъ греческихъ историковъ, онъ выстроилъ въ каждомъ городѣ по храму въ честь главнаго мѣстнаго божества. За достоверность приведеннаго свѣдѣнія поручиться, конечно, нельзя, но оно не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что Рамзесъ, подобно Аменготепу III, былъ царемъ-строителемъ по преимуществу; за шестьдесятъ семь лѣтъ своего царствованія онъ не только успѣлъ окончить все начатое его предшественниками, но и исполнить самостоятельно работу нѣсколькихъ поколѣній, причемъ особое вниманіе въ указанномъ отношеніи быдо обращено на сооруженіе храмовъ.

Изъ важнѣйшихъ построекъ, воздвигнутыхъ имъ, мы укажемъ на слѣдующія: 1) онъ устроилъ заново весь сѣверный дворъ храма Фта въ Мемфисѣ съ принадлежащими къ нему пилонами, выстроилъ внутри ограды храмъ (развалины котораго открыты недавно вблизи арабской деревни Касріе), воздвигъ статуи боговъ и отпустилъ значительныя средства для совершенія богослуженія „великому строителю вселенной“. Здѣсь же были поставлены многочисленныя статуи самого Рамзеса II и членовъ его семейства ¹⁾; 2) выстроилъ въ томъ же городѣ храмъ и храмовое зданіе своего имени; 3) дополнилъ храмъ Аменготепы III въ Фивахъ (Луксоръ) пристроеннымъ къ нему дворомъ, двумя пилонами и двумя гранитными обелисками, изъ которыхъ красивѣйшій украшаетъ теперь парижскую Place de la Concorde; 4) въ Карнакскомъ святилищѣ докончилъ великую залу колоннъ Сети I и обвелъ это святилище каменной оградой; 5) достроилъ храмъ въ честь своего тѣзки Рамзеса I, начатый еще Сети (въ Курна), а къ юго-западу отъ упомянутаго сооруженія возвелъ такъ называемый Рамессеумъ, храмъ побѣдъ, посвященный Аммону; 6) въ концѣ своего царствованія окончилъ постройку храма Озириса въ Абидосѣ; 7) реставрировалъ и увеличилъ храмъ Аммона въ Танисѣ; 8) выстроилъ грандіозный храмъ Ибсамбула (Абу-Симбель въ Нубіи), фасадъ котораго былъ украшенъ четырьмя сидячими колоссами, высѣченными изъ цѣльнаго камня; каждая изъ этихъ статуй имѣетъ 10 сажень высоты, при чемъ одна корона равняется 2 сажнямъ, борода—1 саж., а ширина въ плечахъ доходитъ до 4 сажень; 9) воздвигъ въ Геліополисѣ обширный храмъ съ обелисками въ честь бога солнца; 10) соорудилъ храмовыя ворота въ Мемфисѣ и въ Фивахъ и поста-

¹⁾ Бругшъ, loc. cit, 540.

вилъ передъ ними статуи отца своего, фараона Сети I; 11) украсилъ храмъ Карнака декоративными сооружениями и 12) воздвигъ нѣсколько храмовъ въ Нубіи въ честь боговъ Аммона, Фта и Гармахиса. Египетскіе зодчіе—говоритъ Масперо—заваленные работой, произвели настоящія узурпаціи: они просто стирали на статуяхъ и храмахъ имена царей, ихъ основателей, и замѣняли ихъ гербами Рамзеса II¹⁾. На общественныя работы обращено было также надлежащее вниманіе. Возобновлены укрѣпленія, предназначенныя защищать страну отъ набѣговъ живущихъ въ пустынѣ кочевыхъ племенъ, подвинуто дѣло разработки золотыхъ приисковъ въ Нубіи, построенъ цѣлый рядъ станцій по дорогѣ, ведущей отъ Нила къ землѣ Уауа, при чемъ онѣ были въ изобиліи снабжены цистернами и колодцами и, наконецъ, увеличено число каналовъ, цѣлой сѣтью покрывавшихъ область Дельты. О работахъ фараона по сооруженію канала между Ниломъ и Краснымъ моремъ было говорено выше при обзорѣ гидравлическихъ построекъ и сооруженій древней страны Нильскаго оазиса.

Строительная дѣятельность царя выразилась кромѣ того въ основаніи новыхъ городовъ и поселеній. Не говоря уже про возстановленіе Таниса, поднявшагося изъ развалинъ и отстроеннаго заново, онъ основалъ городъ, носившій его имя и упомянутый нами выше—Рамзесъ Анахту (городъ храбрѣйшаго Рамзеса), сдѣлавшійся не только любимой резиденціей фараона, но и исходнымъ пунктомъ военныхъ дѣйствій въ эпоху борьбы съ Хитисаромъ, борьбы, первый періодъ которой закончился операцией у Кадеша.

Излишне упоминать, что гигантскія постройки, льстившія ненасытному тщеславію египетскаго монарха, сгубили не мало человѣческихъ жизней; тысячи плѣнныхъ трудились надъ задуманными имъ сооружениями, поощряемые къ тяжелой и изнурительной работѣ дубьемъ надсмотрщиковъ, при чемъ многіе изъ этихъ несчастныхъ дѣлались жертвами чрезмѣрнаго утомленія и всякаго рода лишеній. Выше мы отмѣтили тотъ фактъ, что стараніе превзойти другъ друга грандіозностью воздвигавшихся памятниковъ, надъ постройкой которыхъ сотни тысячъ людей работали десятки лѣтъ, доводило фараоновъ иногда до возмутительной виртуозности въ созданіи трудностей сооруженія. Книга Исхода представляетъ Рамзеса II тираномъ по причинѣ гоненій, которымъ подвергнулись въ его царствованіе семиты-евреи, этотъ маленькій затравленный народецъ. Дѣйствительно, положеніе сыновъ Израиля въ эпоху названнаго царя, изнурявшаго гонимое

¹⁾ Масперо, loc. cit, V, 228.

библейское племя всевозможными работами, было крайне печальное, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго мѣста Библии. „И поставилъ (фараонъ) надъ нимъ (еврейскимъ народомъ) начальниковъ работу, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И онъ построилъ фараону крѣпости Пиеомъ и Раамзесъ (т. е. Рамзесъ Аанахту). Но чѣмъ болѣе изнуряли его, тѣмъ болѣе онъ умножался и тѣмъ болѣе возрасталъ, такъ что египтяне опасались сыновъ Израилевыхъ. И потому египтяне съ жестокостью принуждали сыновъ Израилевыхъ къ работамъ и дѣлали жизнь ихъ горькою отъ тяжелой работы надъ глиной и кирпичами и отъ всякой работы полевой, отъ всякой работы, къ которой принуждали ихъ съ жестокостью“ ¹⁾. Несомнѣнно, что тяжелыя общественныя повинности и преслѣдованія египтянъ, выразившіяся, согласно еврейскому преданію, въ убіеніи новорожденныхъ младенцевъ мужскаго пола, заставили, наконецъ, сыновъ Израиля искать лучшихъ мѣстъ для поселенія и оставить страну, фараонъ которой „не зналъ Иосифа“. Впрочемъ выходъ евреевъ изъ Египта совершился уже послѣ смерти Рамзеса, въ царствованіе его ближайшихъ преемниковъ (см. ниже).

Не можемъ здѣсь не добавить, что, если принять на вѣру еврейское преданіе о томъ, что фараонъ велѣлъ душировать еврейскихъ младенцевъ мужскаго пола, то это обстоятельство, по нашему мнѣнію, врядъ ли рисуетъ Рамзеса II, какъ прекраснаго политика, хотя евреи, вѣроятно, сильно насолили египетскому народу, если фараонъ для истребленія ихъ не остановился передъ такимъ радикальнымъ кровоиспусканіемъ, какъ насильственная смерть еврейскихъ дѣтей. Точно предчувствуя опасность для человѣчества отъ колоссальныхъ залежей семитической расы, фараонъ открылъ на нихъ *первое во всемирной исторіи гоненіе*, но и онъ не могъ истребить библейское племя, вырвать съ корнемъ эту упругую живучую расу, не растворившуюся въ египетской стихіи, а наоборотъ, сложившуюся въ огромный особнякъ.

Личность Рамзеса II, насколько она представляется выясненной документами его эпохи, мало соотвѣтствуетъ личности легендарнаго Рамзеса, прозваннаго греками Сесотрисомъ Великимъ. Не лишенный политическихъ и административныхъ способностей, онъ не былъ, однако, безусловно выдающейся личностью, являясь человѣкомъ тщеславнымъ, упоеннымъ властью, самодуромъ и военачальникомъ со скромной военной прозорливостью, въ чемъ мы уже достаточно убѣдились при обзорѣ Кадешской операціи. Иначе говоря, Рамзесъ II

¹⁾ Исходъ I, 11—12.

былъ великой исторической личностью, но совсѣмъ не великимъ человекомъ.

Конецъ столь продолжительнаго царствованія былъ временемъ полного упадка во всемъ, временемъ бѣдствій, о которыхъ мы, впрочемъ, недостаточно хорошо освѣдомлены. Да и самъ состарившійся фараонъ сильно облѣнился, тупѣя въ объятіяхъ придворныхъ одалисокъ и являясь въ данное время тѣнью своего бурнаго прошлаго; по выраженію Ленормана, конецъ царствованія Рамзеса былъ чѣмъ то въ родѣ конца царствованія Людовика XIV, но безъ битвы при Дененѣ, поднявшей славу его въ самое послѣднее мгновеніе ¹⁾.

Въ 1886 году была вскрыта для изученія мумія Рамзеса, которую вмѣстѣ съ саркофагомъ видѣлъ во время египетской экспедиціи Наполеонъ. Замѣчательная картина Оранжа, изображающая этого „выразителя идей революціи“ безъ шляпы передъ царственной муміей, передаетъ намъ одинъ изъ величественныхъ моментовъ жизни Наполеона, духовный взоръ котораго уже увидѣлъ корону, которая въ скоромъ времени должна была увѣнчать его гениальную голову...

Если вѣрить свидѣтельству Абидосской надписи, то у Рамзеса II было сто девятнадцать человекъ дѣтей (59 сыновей и 60 дочерей), изъ чего явствуетъ, что кромѣ его законныхъ женъ (царицъ: Нофретари, Изеноферъ, Міенмутъ и Ноферуры), имѣлось еще множество наложницъ, щедро снабжавшими сластолюбиваго фараона дѣтьми. На тридцатомъ году царствованія онъ сдѣлалъ соправителемъ своего четвертаго сына Хамоиса, такъ какъ старшіе сыновья были похищены смертью. Хамоисъ, бывшій въ то время верховнымъ жрецомъ бога Фта въ Мемфисѣ, помогалъ отцу въ управленіи государствомъ до своей смерти; кажется, онъ не слишкомъ ретиво несъ на себѣ бремя государственныхъ заботъ и больше былъ склоненъ къ религіозной дѣятельности, пытаясь оживить нѣсколько упавшій культъ священнаго Аписа.

Изъ числа дочерей Рамзеса памятники называютъ принцессу Битъ-Анати (любимая дочь фараона), затѣмъ Мери-Аммонъ, Небтауи и, наконецъ Өермутисъ (Мери), которая, согласно еврейскому преданію, нашла маленькаго Моисея въ корзинкѣ на берегу Нила и такимъ образомъ спасла жизнь будущему пророку.

Старый фараонъ имѣлъ несчастіе пережить Хамоиса, со смертью котораго роль соправителя, въ теченіи двѣнадцати лѣтъ, т. е. вплоть до кончины Рамзеса II перешла къ четырнадцатому сыну послѣдняго,

¹⁾ Lenormant. «Manuel d'histoire ancienne de l'Orient jusqu'aux guerres Mediques» 150.

Минефтъ I Бинри Міамуну (Готфимаиту), который по смерти отца, погребеннаго въ приготовленной имъ для себя гробницѣ въ скалистомъ ущельѣ Бабъ-Эль-Молука, вступилъ на престолъ фараоновъ.

Онъ былъ далеко не молодъ, имѣя около шестидесяти лѣтъ, а между тѣмъ ему предстояло выполнить такую задачу, которая могла быть по плечу только молодому и дѣятельному правителю: тирсены, шарданы, ливійцы и нѣкоторые другіе народы Малой Азіи, сдерживаемые покойнымъ фараономъ, при извѣстии о его смерти, увидѣли въ перемѣнѣ царствованія удобный случай для вторженія въ Египетъ. Съ этой цѣлью они высадились на берегахъ Ливіи съ намѣреніемъ завоевать Дельту и основать тамъ свои колоніи. Съ ними соединился ливійскій царь Мар ау и съ подвластными ему племенами и союзники двинулись къ долинѣ Нила. Вѣсть о ихъ приближеніи навела ужасъ на страну, которая благодаря полувѣковому миру была совершенно неготова къ войнѣ: армія была сокращена, вспомогательныхъ войскъ не было, запущенныя крѣпости не были въ состояніи оказать непріятелю серьезныхъ препятствій и границы Египта оставались открытыми. Но не смотря на свой преклонный возрастъ, сынъ Рамзеса обнаружилъ замѣчательную энергію и распорядительность. Поспѣшивъ къ угрожаемому пункту, онъ возстановилъ дисциплину и порядокъ въ своей арміи, пополнилъ ее насколько позволяли время и средства, сдѣлалъ распоряженіе о вызовѣ наемныхъ войскъ изъ Азіи и выслалъ впередъ на развѣдки рекогносцировочныя отряды съ приказаніемъ извѣщать о движеніяхъ противника и о его расположеніи.

Убѣдившись, что послѣдній направляетъ свои удары съ запада на Дельту, Минефта принялъ рѣшеніе развернуть войска въ двухъ группахъ: главныя силы были сосредоточены на фланговой позиціи у Пеиру, а остальная часть у Канопскаго рукава Нила, приведеннаго въ оборонительное состояніе; въ чемъ собственно состояли эти укрѣпленія, имѣли ли они характеръ полевыхъ или представляли собою нѣчто въ родѣ фортвовъ,—по отсутствію свѣдѣній ничего нельзя сказать опредѣленнаго. Въ тактическомъ отношеніи оборонительная позиція у Пеиру представляла многія удобства, весьма существенныя, благопріятствуя активной оборонѣ (излишне прибавлять, что *путъ отступленія* съ этой позиціи въ случаѣ проиграннаго сраженія былъ обезпеченъ, т. е. соблюдено главное требованіе египетской тактики), да и въ стратегическомъ отношеніи была выбрана искусно, прикрывавая области Гептаномиды и заставляя противника, во избѣжанія открытія своихъ сообщеній, перемѣнить операціонную линію, что

приводило его къ атакъ пейрской позиціи въ лобъ. Хотя Минефта уклонился отъ личнаго присутствія на театрѣ военныхъ дѣйствій, объявивъ, что явившійся ему во снѣ богъ Фта запретилъ ему показываться на полѣ сраженія (по словамъ надписи храма Аммона, богъ сказалъ фараону: „оставайся совершенно назади... да отложишь ты праздное мужество“...), тѣмъ не менѣ распоряженіе его касательно борьбы съ союзниками обнаруживали въ немъ недюжинное стратегическое чутье: удерживая наступленіе непріятельскихъ силъ съ фронта по направленіи къ Пеиру, фараонъ понимая, что обстановка допускаетъ активное парированіе удара, до тѣхъ поръ медлилъ атакой, пока не получилъ извѣстіе, что отправленный имъ черезъ пустыню въ Ливію отрядъ войска не зашелъ противнику въ тылъ. Тогда онъ приказалъ своимъ военачальникамъ немедленно атаковать армію союзниковъ, колонны которыхъ подходили къ Пеиру съ намѣреніемъ сбить египтянъ съ позиціи, прикрывавшей дорогу въ Мемфисъ. Завязался упорный и продолжительный бой между обѣими враждебными арміями, изъ которыхъ каждая имѣла въ виду дѣйствовать наступательно. Счастіе благопріятствовало египтянамъ: послѣ шестичасового горячаго и упорнаго боя они успѣли нанести полное пораженіе ливійцамъ и ихъ союзникамъ, смятеніе которыхъ увеличивалось полученнымъ извѣстіемъ о диверсіи египетскаго отряда въ тылу ихъ базы.

Началось самое энергичное преслѣдованіе бѣжавшихъ варваровъ, производившееся конницей и боевыми колесницами, которые, слѣдуя по пятамъ за разбитой и деморализованной непріятельской арміей, препятствовали ей привести себя въ порядокъ и устроиться. Огромная добыча досталась въ руки побѣдителямъ; по свидѣтельству надписи храма Аммона въ Фивахъ они взяли 9.376 ч. плѣнныхъ, 1.307 головъ рогатаго скота, 120.214 штукъ мечей, кинжаловъ, топоровъ и прочаго оружія, множество утвари и т. п. Царь Марауи, считавшій, очевидно, свою жизнь слишкомъ драгоценной, чтобы подвергать ее опасности, предпочелъ спастись бѣгствомъ, оставивъ побѣдителямъ свое оружіе, казну „и все другое, что онъ съ собою принесъ“, какъ гласитъ смахивающая на акафистъ побѣдная надпись.

Извѣстіе о побѣдѣ надъ варварами, принужденными очистить занятые ими области и вернуться домой не солоно хлѣбавши, было въ Египтѣ встрѣчено съ чувствомъ живѣйшаго восторга и старикъ-фараонъ по возвращеніи въ Фивы сдѣлался предметомъ восторженныхъ овацій со стороны ликующаго населенія столицы. „Блаженъ твой торжественный возвратъ въ Фивы!—гласитъ конецъ одной надписи—люди везутъ на себѣ твою (побѣдную) колесницу, побѣжденные тобою

князя отступаютъ предъ тобою, когда ты ведешь ихъ къ твоему великому отцу Аммону, мужу твоей матери“ 1).

Такъ отражено было грозное нашествіе иноплеменниковъ, война съ которыми покрыла развалинами нѣсколько сѣверныхъ египетскихъ городовъ, но за то поддержала престижъ монархіи фараоновъ и доставила популярность сыну Рамзеса II. Впрочемъ престарѣлый царь не могъ вывести страну изъ начавшагося уже состоянія упадка и оцѣпенѣнія. А тутъ какъ разъ подоспѣла еще массовая эмиграція евреевъ (Исходъ), послѣдовавшая, какъ теперь доказано, именно въ царствованіе Минефты, когда сгруппировались всѣ благопріятныя для исхода условія. Намъ извѣстно, что съ незапамятныхъ временъ между Египтомъ и Палестиной существовали частыя воинственныя и мирныя сношенія. Тѣ и другія были сопряжены съ добровольными и насильственными переселеніями изъ одной страны въ другую, и въ Египтѣ такимъ образомъ постепенно создавалась еврейская колонія. Мы уже знаемъ, что первое спорадическое переселеніе евреевъ послѣдовало при владычествѣ гиксовъ, которые, чувствуя непрочность своего положенія въ Египтѣ и желая укрѣпить въ этой странѣ свое шаткое господство, вступили въ союзы съ сирійскими семитами, переселяя ихъ на берега Нила цѣлыми родами. Но послѣ изгнанія кочевниковъ, сородичи ихъ, сыны Израиля попали въ положеніе очень тяжелое. Они принуждены были до изнуренія работать въ каменоломняхъ, выдѣлывать кирпичи, рыть каналы и вообще исполнять всѣ общественныя работы и повинности, находясь подъ бдительнымъ надзоромъ правительственныхъ чиновниковъ. Ничего поэтому не было удивительнаго въ томъ, что, тяготясь своею участью, они пользовались всякой возможностью, чтобы возмутиться и бѣжать. Выходъ евреевъ изъ Египта, какъ сказано, слѣдуетъ отнести къ царствованію Минефты, но неизвѣстно, къ началу ли его или къ годамъ, непосредственно предшествовавшимъ царствованію его преемника. Въ послѣднее время въ англійскомъ журналѣ „Contemporary Review“ появилось описаніе недавно найденной въ Египтѣ древней надписи, бросающей свѣтъ на исходъ евреевъ изъ страны фараоновъ. Извѣстный египтологъ профессоръ Петри (Petrie) доказываетъ, что найденная надпись, составляющая подлинный рассказъ фараона, царствовавшего во время исхода евреевъ изъ Египта, объ его походѣ въ Ливію и Палестину, служитъ безспорнымъ подтвержденіемъ того

1) Papyrus Anastasi II, табл. IV; Э. де Руже «Mémoire sur les attaques» 35—36 въ «Revue Archéologique» Juillet et aout 1867.

факта, что еврейскій народъ никогда всецѣло не обиталъ въ Египтѣ, хотя и существовала въ этой странѣ еврейская колонія, и что помянутый фараонъ разгромилъ большинство еврейской націи, жившей тогда преспокойно въ Палестинѣ, во время своего похода въ Сирію, передъ такъ называемымъ исходомъ евреевъ изъ Египта. То мѣсто означенной надписи, которая касается евреевъ, говоритъ буквально слѣдующее:

«Солнце Египта совершило эту перемѣну, и рожденъ для того и для мести былъ царь Меремптахъ (Минефта?). Вожди страны преклонили свои головы, говоря: миръ тебѣ, и ни одна изъ преклоненныхъ головъ не поднялась. Побѣждены Тхухенъ, усмирены Хета, охустошена Па-Ханана (Ханунъ), взята силой Аскадни (Аскалонъ), захваченъ Казмель, стерть съ лица земли Іену (Янохъ) сирійцевъ; народъ израильскій разграбленъ, и въ немъ не осталось ни сѣмени; Сирія стала, какъ пустыня египетская; во всѣхъ странахъ царить миръ. Всѣ, кто были разбойниками, усмирены царемъ Меремптахомъ, дающимъ всему жизнь, какъ солнцу каждому дню».

Если бы израильскій народъ былъ подвергнутъ разграбленію фараономъ Меремптахомъ послѣ исхода его изъ Египта, то объ этомъ было бы упомянуто въ Библии, а слѣдовательно означенный набѣгъ египтянъ совершился до исхода евреевъ.

Такимъ образомъ доказывается, что *часть израильскаго народа уже жила въ Ханаанъ передъ тѣмъ, какъ Іисусъ Навинъ перевелъ другую его часть черезъ Іорданъ.*

Отмѣчая открытіе профессора Петри, мы не можемъ не упомянуть здѣсь о раскопкахъ, произведенныхъ Loret въ маѣ 1898 года въ Луксорѣ, которыя вынесли на свѣтъ десять мумій царей изъ гробницы Аменготепы II и въ одной изъ нихъ сначала Горфъ, а затѣмъ Масперо признали фараона Минефту I. На муміи былъ найденъ поясъ, на которомъ Масперо разобралъ и прочелъ имя упомянутаго фараона и перечень его военныхъ предпріятій вмѣстѣ съ эпизодомъ исхода евреевъ изъ Египта, подтверждавшимъ, такимъ образомъ, библейскій рассказъ ¹⁾.

До насъ дошло изображеніе Минефты въ видѣ обломка колоссальной статуи, украшавшей входную дверь подземелья въ Луксорѣ. Голова увѣнчана царской короной, священный змѣй (уреусъ), украшающій лобъ сломанъ, остальная же часть хорошо сохранилась. Лицо выражаетъ спокойное величіе, обрисовка лба, чистота профиля и

¹⁾ Исходъ II, 16. Въ хвалебномъ гимнѣ Моисея и Миріамъ сказано: «колесница фараона и вся его сила погибли въ морѣ», но только не говорится, что самъ фараонъ нашелъ смерть среди пучины морской. Это обстоятельство не мѣшаетъ помнить.

улыбка, освѣщающая все лицо,—даютъ ему изумительный характеръ жизненности и индивидуальности, по которому узнается всякій портретъ, взятый изъ дѣйствительности.

Другой изъ обломковъ, находящійся нынѣ въ Булакскомъ музеѣ, представляетъ Минефту I въ профиль; внизу изображенія находятся пластинки съ іероглифами, въ которыхъ можно прочесть имя фараона со всевозможными титулами.

Глядя на всѣ эти изображенія, нельзя не признать, что искусство „эиванскаго“ періода достигло высшей степени развитія и даже греки не умѣли выразить въ своихъ статуяхъ и дать человѣческому лицу выраженіе того величія, силы, сознающей себя и ненаружимаго царственнаго спокойствія, какъ это дѣлали художники Новаго Царства.

Возвратимся, однако, къ нашему историческому разсказу.

Сынъ Рамзеса Міамуна былъ, какъ указано выше, слишкомъ старъ и его жизненныя силы слабѣли все болѣе и болѣе, такъ что въ концѣ его царствованія мы можемъ подмѣтить кое-какія, болѣе или менѣе замаскированныя попытки къ узурпаціи со стороны родственниковъ покойнаго фараона, которые считали себя не менѣе законными претендентами на престолъ, чѣмъ самъ Минефта. Въ этомъ убѣждаетъ насъ нарушеніе порядка престолонаслѣдія, послѣдовавшее послѣ смерти Минефты и проложившее дорогу къ священной коронѣ фараоновъ внуку одного изъ дѣтей Рамзеса II, нѣкоему Аменмоссу Менхари, котораго „Изида взяла на царство“, тогда какъ сынъ Минефты, обладавшій правами на престолъ, временно былъ отѣсненъ отъ него своими родичами, очевидно, болѣе вліятельными и сильными, чѣмъ законный наслѣдникъ.

Аменмоссу царствовалъ нѣсколько лѣтъ, но и послѣ его кончины престолъ перешелъ не къ законному наслѣднику, каковымъ въ глазахъ населенія являлся Сети, сынъ Минефты, а къ собственному сыну Аменмоссу, котораго надписи называютъ Минефта II Сифта. Послѣдній получилъ корону Египта благодаря своему браку съ дочерью Минефты I, принцессой Таузеръ, продолжательницей „солнечной расы“, а также, если вѣрить надписи, пользуясь поддержкой одного вліятельнаго сановника по имени Би (Би); по крайней мѣрѣ послѣдній хвалится, что онъ „посадилъ царя на престолъ отца его“ и перечисляя собственные титулы называетъ себя „великимъ хранителемъ печати всей страны“¹⁾.

¹⁾ Lepsius «Denkmäler» III, 202. См. также надпись въ Ибсамбулѣ, намѣстника юга Сети.

Только со смертью названнаго фараона Сети II Минефта (бывшій въ предыдущее царствованіе намѣстникомъ южныхъ земель) вступилъ, наконецъ, на престолъ, по всей вѣроятности, благодаря удачному *coup d'état* или просто потому, что онъ оказался старшимъ въ царствующей династіи. Дѣйствительно, новый фараонъ достигъ короны уже въ преклонномъ возрастѣ и потому, конечно, не могъ обладать достаточной энергіей для того, чтобы сколько нибудь задержать разложеніе монархіи береговъ Нила. А съ ослабленіемъ центральной власти, усиливался сепаратизмъ отдѣльныхъ номовъ съ ихъ центробѣжными стремленіями и въ то же время чужеземные народы, пользуясь безурядицей, тревожили границу и разоряли области Нижняго Египта. Понадобилось отозвать отряды изъ сирійскихъ провинцій и предоставить послѣднія ихъ собственной участи. Большія внѣшнія экспедиціи уже не предпринимались. Дѣла столько было дома, что нечего было и думать о какихъ бы то ни было походахъ и завоеваніяхъ, какъ въ эпоху Тутмессидовъ; удержать существующее — вотъ ближайшая цѣль преемниковъ великаго Рамзеса, но и эта цѣль вскорѣ оказалась недосягаемой: Азія начинаетъ мало по малу отъ обороны переходить къ наступленію, тогда какъ Египетъ, воинствующій духъ котораго давно уже отлетѣлъ, начинаетъ переходить отъ наступленія къ оборонѣ, сначала активной, а затѣмъ пассивной, дѣлаясь добычей чужеземцевъ.

Надписи сообщаютъ, что духовнымъ жрецомъ Аммона при Сети II былъ Ло и „весь проникнутый мудростью преклонныхъ лѣтъ“.

О строительной дѣятельности Сети II намъ извѣстно, что онъ: 1) выстроилъ особое святилище въ храмѣ еиванскаго Аммона, состоящее изъ трехъ комнатъ и 2) соорудилъ для себя грандіозную гробницу въ Бабъ-эль-Молукъ. Въ его царствованіе была написана сказка „о двухъ братьяхъ“, съ которой познакомилъ насъ Э. де-Руже (*Rarugus d'Orbineu*) и содержаніе которой приведено нами выше ¹⁾.

Со смертью Сети II Египетъ все болѣе и болѣе клонился къ упадку, военное могущество фараоновъ и ихъ господство за предѣлами нильской долины быстро пали. Дошло до того, что, какъ говорить *Grand Rarugus Harris*, нѣкій финикіянинъ, по имени Аризу „сдѣлался начальникомъ надъ князьями номовъ и принуждалъ весь народъ давать ему дань“ ²⁾. Что это былъ за Аризу и какимъ путемъ

¹⁾ Бругишъ даетъ нѣсколько иной порядокъ престолонаслѣдія послѣднихъ фараоновъ XIX династіи (пит. соч. XVIII, 556—557); мы въ этомъ отношеніи придерживаемся Ленормана (106—112) и Масперо (VI, 258—264); ср. Шамполіонъ «*Not. Desc.*» I, 459.

²⁾ *Rarugus Harris* LXXV, 2—6.

попалъ „въ начальство“, на все это мы не имѣемъ отвѣта, ибо памятники проходятъ названную эпоху полнѣйшимъ молчаніемъ и начинаютъ говорить лишь тогда, когда XIX династія, продолжавшаяся сто семьдесятъ лѣтъ, сошла съ исторической сцены, не оставивъ грядущимъ вѣкамъ даже именъ своихъ послѣднихъ царей.

XX династія. Мѣсто ея заступила XX-ая въ лицѣ фараона Сетнахта Мерери, который возстановилъ порядокъ, смирилъ непокорныхъ номарховъ и отнялъ власть у финикіянина Аризу. По словамъ Grand Parigus Harris; этотъ фараонъ „очистилъ высокое царское сѣдалище Египта.... возстановилъ порядокъ въ храмахъ, давая священные доходы для правильныхъ жертвоприношеній богамъ, какъ подобаеть по ихъ уставамъ“....¹⁾ Царствование Сетнахта было очень короткое и, сколько кажется, ничѣмъ особенно выдающимся не ознаменовалось.

Соправителемъ фараона явился знаменитый сынъ его Рамзесъ III Хаконъ (греч. Рампсинитъ), послѣдній изъ великихъ царей древняго Египта. Задача его по вступленіи на престолъ заключалась въ томъ, чтобы, съ одной стороны, обезпечить внѣшнюю неприкосновенность своей монархіи, сдерживая все увеличивающуюся толпу варваровъ, которые со всѣхъ сторонъ грозили нападеніемъ странъ фараоновъ, а съ другой,—улучшить государственный механизмъ, порядкомъ заржавѣвшій въ эпоху предшествовавшихъ смуть. Счастливыя времена блестящаго періода Тутмессидовъ миновали безвозвратно: тогда охваченная воинственнымъ пыломъ нація могла желать побѣдъ, отдаленныхъ походовъ, экспедицій и завоеваній подъ вліяніемъ энергическаго толчка, даннаго вторженіемъ кочевниковъ, а теперь сила народа оказывалась уже исчерпанной и истощенная страна хотѣла мира, отказываясь отъ всякихъ внѣшнихъ пріобрѣтеній, вотъ почему всѣ войны Рамзеса III носятъ главнымъ образомъ оборонительный характеръ. Обстановка, слѣдовательно, не благоприятствовала наступленію, какъ въ эпоху XVIII династіи, и всякую мысль о немъ необходимо было теперь бросить окончательно, какіе бы правители и военачальники не стояли у кормила власти. Дѣятельность Рамзеса III, по мѣткому выраженію Клингена, была только живымъ воплощеніемъ того, что судорога тѣла не кончается со смертію.

На пятомъ году своего царствованія фараонъ долженъ былъ обратиться противъ ливійцевъ, занявшихъ область Гаутуть (въ запад-

¹⁾ Parigus Harris LXXVI, 8—9.

ной части Дельты) и имѣвшихъ намѣреніе съ помощью родственныхъ имъ народовъ (тмухены и машуаши) овладѣть Нижнимъ Египтомъ. Рамзесъ быстро двинулся имъ навстрѣчу и въ кровопролитномъ сраженіи при Хесефъ-Тхамху нанесъ ливійцамъ такое страшное пораженіе, что по свидѣтельству Grand Parugus Harris они потеряли 12.535 чел. убитыми. Кажется, что побѣда египтянъ была настолько рѣшительна, что одно это сраженіе рѣшило судьбу всей кампаніи; по крайней мѣрѣ, о дальнѣйшемъ ходѣ ея мы не имѣемъ свѣдѣній, такъ какъ памятники ничего объ этомъ не говорятъ.

Нѣсколько времени спустя Египту пришлось выдержать новую грозу и на этотъ разъ со стороны Сиріи: тирсены, шакалаши, текрійцы, ликійцы, филистимляне и прочіе мелкіе народцы Малой Азіи покинули свою родину съ намѣреніемъ утвердиться въ богатой и цвѣтущей монархіи береговъ Нила. У нихъ было хорошее сухопутное войско и довольно значительный флотъ.

Фараонъ не могъ не сознавать той опасности, которая грозила странѣ отъ этой коалиціи народовъ, имѣвшихъ въ виду не простой набѣгъ на Египетъ, а искавшихъ въ Дельтѣ мѣсть для своего поселенія. Борьба съ такимъ противникомъ была много серьезнѣе войны съ ливійцами и требовала напряженія всѣхъ силъ государства. Конечно, о широкихъ наступательныхъ планахъ не могло быть и рѣчи, большимъ выигрышемъ было и то, что Рамзесъ, взвѣсивъ серьезно положеніе дѣлъ, рѣшился въ предстоявшей войнѣ придерживаться того плана, который на современномъ военномъ языкѣ можно выразить формулой: тактически наступать, стратегически обороняться. По обыкновенію, отрицательная задача перевѣшивала положительную. Крѣпости Дельты приведены въ оборонительное состояніе, возведено много лишнихъ укрѣпленій, изъ которыхъ ни одно даже не видѣло непріятели, а полевая армія заняла позицію, усиленную съ праваго фланга линіей укрѣпленій, а съ лѣваго—моремъ, на которомъ господствовала египетская флотилія, содѣйствовавшая сухопутной арміи. Путь отступленія также былъ обезпеченъ и на немъ находились укрѣпленія. Таковой являлась позиція египтянъ при Мигдолѣ (между Рафией и Пелузіумомъ), гдѣ произошла рѣшительная битва, причемъ флотъ вступилъ въ сраженіе съ непріятельской эскадрой, а сухопутное войско съ арміей завоевателей, атакванной Рамзесомъ на походѣ.

Послѣ упорнаго боя побѣда склонилась на сторону египтянъ: непріятельской флотъ былъ потопленъ, а сухопутная армія, разбитая на голову, искала спасенія въ бѣгствѣ. Никакихъ подробностей объ

этой битвѣ мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, хотя изъ побѣдной надписи фараона, можно почерпнуть кое-какія свѣдѣнія о Мигдольскомъ боищѣ. Приводимъ отрывокъ надписи, который относится къ упомянутому сраженію:

«...Устья рѣки представляли какъ бы крѣпкую стѣну изъ военныхъ кораблей, торговыхъ судовъ, лодокъ и челноковъ, которые были наполнены отъ носа до кормы храбрѣйшими вооруженными воинами и лучшими изъ охранной стражи земли Египетской. Они подобны были львомъ, рыкающимъ на горахъ; во главѣ отборныхъ храбрецовъ, командующихъ боевыми колесницами находились витязи, сознающіе свои силы. Кони ихъ дрожали всѣми членами, готовые растоптать своими копытами всѣхъ этихъ иноплеменниковъ. Я былъ подобенъ Монту воителю: я стоялъ передъ ними и они видѣли силу руки моей. Я, царь Рамзесъ, дѣйствовалъ, какъ герой, знающій себѣ цѣну и защищающій войско свое въ день сраженія. Тѣхъ, которые нарушили неприкосновенность моихъ владѣній не вкусятъ болѣе отъ плодовъ земли: дни ихъ сочтены въ вѣчности... Тѣхъ, которые были на берегу, я повалилъ у самой воды и изрубилъ ихъ, какъ связку прутьевъ, я опрокинулъ ихъ корабли и все ихъ имущество упало въ воду. Такъ отнялъ я у народовъ обращать мысли ихъ на Египетъ»... 1).

Нашествіе чужеземныхъ народовъ было такимъ образомъ отражено и блестящая побѣда фараона праздновалась съ необыкновеннымъ торжествомъ.

Однако долго почить на лаврахъ не удалось, ибо вслѣдъ за окончаніемъ упомянутой войны, Египту начала грозить другая: на одиннадцатомъ году царствованія Рамзеса III ливійскій царь Капуръ съ сыномъ своимъ и наслѣдникомъ Маташаромъ и въ союзѣ съ нѣкоторыми изъ сосѣднихъ племенъ, позабывъ, очевидно, понесенное ими пораженіе при Хесефѣ-Тхамху, сдѣлали попытку овладѣть Дельтой, на что надпись указываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Они (т. е. ливійцы и ихъ союзники) вторично сказали себѣ въ душѣ, что проведутъ жизнь въ номахъ Египта и будутъ воздѣлывать его долины и равнины, какъ свою собственную землю“. Но энергичный фараонъ, зорко слѣдившій за всѣми ихъ дѣйствіями, не далъ имъ возможности привести намѣреніе ихъ въ исполненіе: поспѣшивъ къ берегу Канопскаго рукава Нила (нынѣ Ма-ддіехъ) и стремительно атаковавъ армію Капура, онъ разбилъ ее на голову и отбросилъ въ пустыню. Одно изъ ливійскихъ племенъ, машуаши получили на границѣ Дельты отдѣльную территорію для поселенія и составили нѣчто вродѣ фараоновской „шурты“, начальники которой

1) Надпись храма побѣдъ въ Оивахъ; Гринъ «Fouilles à Thèbes».

играли впоследствии видную роль во внутренней истории Египта, подобно средневековымъ франкскимъ майордомамъ и багдадскимъ эмиръ-аль-омра.

Вслѣдъ за побѣдой надъ Капуромъ, побѣдоносное войско фараона, перейдя границу, привело къ повиновенію возставшія сирійскія провинціи, списокъ которыхъ приводитъ надпись храма въ Мединетъ-Абу, не сообщая; однако, никакихъ подробностей объ названной экспедиціи, а равно объ ея продолжительности, извѣстно только, что египтяне проникли въ Карію, Киликію и на островъ Кипръ, занятый финикіянами и что они взяли во время этихъ походовъ большую добычу. Впрочемъ, врядь-ли это были тѣ походы, которые могли бы напомнить воинственныя экспедиціи Тутмессидовъ: скорѣе ихъ можно назвать набѣгами, ибо цѣль ихъ состояла не въ томъ, чтобы закрѣпить господство надъ чужеземной страной, а въ томъ, чтобы вывести изъ послѣдней какъ можно болѣе добычи и плѣнныхъ. Неизгладимая печать эпохи упадка ясно просвѣчиваетъ черезъ хвалебный тонъ побѣдныхъ надписей и не можетъ ввести въ заблужденіе опытнаго изслѣдователя. При Рамзесѣ III вновь упоминается о морской экспедиціи въ страну Пунтъ, дорога въ которую была извѣстна со временъ царицы Хатасу и которая въ изобиліи снабдила Египетъ произведениями своей „благовонной“ земли ¹⁾).

Обращаемся къ разсмотрѣнію внутренней дѣятельности фараона. Намъ извѣстно, что по вступленіи своемъ на престоль, онъ тщательно разграничилъ права служилаго сословія, создавъ извѣстную градацию между военными и гражданскими должностями, т. е. узаконивъ то, что въ теченіе тысячелѣтій соблюдалось какъ обычай. Высшую ступень придворной іерархіи занималъ *Абентирао*, т. е. совѣтники фараона, за ними слѣдовали номархи, потомъ офицеры, командующіе боевыми колесницами и пѣхотными частями и, наконецъ, въ смыслѣ вліятельности, наемники, значеніе которыхъ возросло на столько быстро, что уже при послѣднихъ Рамессидахъ они превѣшивали значеніе придворной ливрейной аристократіи, состоявшей изъ чистокровныхъ египтянъ.

Фараонъ-бюрократъ не оставилъ безъ вниманія и другія нагрѣвшія потребности внутренняго управленія, расштатавшагося при послѣднихъ царяхъ предшествовавшей династіи: такъ онъ приложилъ особое стараніе къ водворенію въ странѣ безопасности и порядка и, выражаясь его словами, достигъ того, что „нога египтянки могла

¹⁾ Grand Papyrus Harris LXXVII.

безпрепятственно проникать всюду и никто по дорогѣ не дерзалъ ее оскорбить“.

Однако установленіе внутренняго порядка оказалось нелегкимъ дѣломъ, и упорная оппозиція ¹⁾ нѣсколькихъ видныхъ представителей египетской аристократіи перешла, какъ мы знаемъ (см. судебные процессы), въ широко развѣтвленный придворно-полицейскій заговоръ, имѣвшій цѣлью измѣненіе существовавшего порядка престолонаслѣдія и низложеніе правящей династіи. *Papyrus judiciaire de Turgin*, переведенный Devergia, приведенъ нами въ нѣкоторомъ сокращеніи при разсмотрѣніи египетской юстиціи, куда во избѣжаніи повтореній, мы отсылаемъ читателя. Рамзесъ былъ также ревностнымъ поклонникомъ Аммона и щедро снабжалъ его храмы богатыми вкладыми.

Строительная дѣятельность фараона Рамзеса III выразилась: 1) въ сооруженіи въ честь своихъ побѣдъ, близъ нынѣшняго Мединетъ-Абу большого дворца-храма, посвященнаго Фиванскому Аммону; 2) въ увеличеніи Карнакскаго храма путетъ заложения въ немъ святилища въ честь бога Хонзу; 3) въ реставрированіи Луксора; 4) въ сооруженіи Рамессеумовъ въ Абидосѣ, Коптосѣ, Мемфисѣ, Танисѣ, Геліополисѣ, Гермополисѣ и пр.; 5) въ устройствѣ собственной гробницы, открытой Брюсомъ въ Бабъ-эль-Молукъ; найденный въ ней саркофагъ въ настоящее время хранится въ египтологическомъ музеѣ Лувра, а крыша его—въ Кембриджѣ. Изъ военныхъ сооруженій фараона слѣдуетъ отмѣтить постройку крѣпости Аиана (теперь мѣстечко Касръ-эджи-рудихъ), о которой надписи говорятъ, что стѣны ея имѣли высоту тридцать египетскихъ локтей (около семи сажень).

Морское дѣло также не было забыто Рамзесомъ, который соорудилъ довольно значительный флотъ изъ большихъ и малыхъ кораблей, съ честью выдержавшій боевое крещеніе подъ Мигдоломъ. Наконецъ было обращено вниманіе на развитіе торговыхъ сношеній между Коссеиромъ (Лейкосъ-Лименъ), гаванью на Красномъ морѣ, и Коптосомъ на Нилѣ, причемъ движенія каравановъ были впервые урегулированы надлежащимъ образомъ, что, конечно, не могло не отразиться выгодно на торгово-промышленной дѣятельности страны. Со всѣмъ тѣмъ упадокъ Египта приближался. Большой организмъ его нельзя было вылечить палліативными средствами, необходимъ былъ немилосердный и твердый разрѣзъ острой сталью, который одинъ

¹⁾ До насъ дошелъ одинъ египетскій папирусъ, нынѣ хранящійся въ Британскомъ музеѣ, съ каррикатурой на Рамзеса III, который, сколько можно думать, далеко не пользовался народной любовью, будучи не вполне безупречнымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

могъ повлечь за собою благодѣтельное исцѣленіе. Къ несчастію, ударъ этотъ послѣдовалъ извнѣ, со сторонѣ чужеземцевъ, которые не исцѣлили государственный организмъ Египта, а лишь прикололи его на смерть...

Двадцать девять лѣтъ царствовалъ послѣдній изъ великихъ фараоновъ Египта, при которомъ послѣдній какъ бы переживалъ свою вторую молодость, послѣднюю вспышку своего былого величія. Дѣйствительно, какъ бы ни разсматривать дѣятельность Рамзеса III, все же нельзя не признать, что царствованіе его было весьма благодѣтельно для обезсиленной четырьмя вѣками непрерывныхъ войнъ страны, которая, по выраженію Масперо, „хотѣла мира во чтобы то ни стало“¹⁾. Мы видѣли, что и войны фараона были главнымъ образомъ оборонительныя, а сирійская экспедиція вызывалась стремленіемъ къ пріобрѣтенію добычи и плѣнныхъ.

Какъ далеко все это отъ завоевательной политики Тутмессидовъ!..

На 32 году царствованія старый фараонъ, утомленный властью, передалъ послѣднюю своему сыну, ограничившись ролью совѣтника. Рамзесъ IV Міамунъ (Хакмаитъ), при жизни отца принимавшій участіе въ управленіи государствомъ въ качествѣ соправителя, вступилъ теперь на престолъ. Царствованіе его было непродолжительно и не ознаменовалось ничѣмъ выдающимся, если не считать его хвастливой надписи, въ которой онъ возвѣщаетъ потомству, что ведя какую то войну онъ „уничтожилъ земли и ограбилъ жителей въ ихъ долинахъ“. Съ кѣмъ происходила война и изъ-за-чего,—неизвѣстно.

Относительно внутренней дѣятельности фараона слѣдуетъ сказать, что подобно своему великому отцу, онъ ревностно заботился о водвореніи въ странѣ правосудія: „ложь была изгнана“, замѣчаетъ по этому поводу хамаматская надпись, прославляющая дѣянія Рамзеса, подъ управленіемъ котораго настали „хорошія времена, какихъ не бывало со временъ бога Ра“. Несмотря, однако, на такія восхваленія своего царствованія, Рамзесъ IV кончилъ очень дурно: дворцовая интрига заставила его отказаться отъ престола въ пользу своего родственника, Рамзеса V Амунхихопшефа, про котораго велерѣчивая надпись Сильсилиса говорить, что онъ „удвоилъ доходы боговъ для ихъ жертвоприношеній..., полнота изобилія была въ странѣ его безъ числа“... Само собой понятно, что всѣ эти надписи, содержащія длинный рядъ льстивыхъ словъ и проникнутыя ливрейнымъ краснорѣчіемъ, въ

¹⁾ Масперо, цит. соч. VI, 273.

большинствѣ случаевъ не имѣютъ даже тѣни историческаго основанія, будучи почти буквальными копіями съ образцовыхъ надписей прежнихъ временъ.

Намъ ничего не извѣстно о царствованіи Рамзеса V, кромѣ, развѣ, того, что оно было непродолжительно и съ точки зрѣнія легитимистовъ представлялось незаконнымъ, ибо корона должна была перейти къ дѣтямъ Рамзеса III, а вовсе не къ его родственнику, который въ глазахъ населенія являлся узурпаторомъ. Какъ бы то ни было, Рамзесъ V успѣлъ сохранить за собой престолъ до своей смерти, послѣ которой послѣдній перешелъ ко второму изъ оставшихся въ живыхъ сыновей Рамзеса III, именно къ Рамзесу VI Нибмари. Подобно своимъ двумъ предшественникамъ, поименованный фараонъ не имѣлъ поводовъ особенно прославиться чѣмъ нибудь: про успѣхи его во внѣшней политики мы ровно ничего не слышимъ, да и строительная дѣятельность царя тоже не блещетъ разнообразіемъ; самымъ лучшимъ памятникомъ его эпохи считается собственная гробница фараона (въ Бабъ-эль-Молукъ), отдѣланная съ замѣчательной роскошью. На ней находилась таблица часовъ восхожденія звѣздъ, на основаніи которой Lepsius и Biot пытались установить хронологическую дату царствованія Рамзеса VI и, конечно, неудачно.

Преемники фараона, царствовавшіе другъ за другомъ (или совмѣстно), его братья, Рамзесъ VII Атамонъ и Рамзесъ VIII Ситхихопшефъ извѣстны намъ только по именамъ и еще потому, что при названныхъ Рамессидахъ съ точностью можно констатировать наличность упадка Египта во всѣхъ проявленіяхъ его культурно-политической жизни. Не было и рѣчи объ отдаленныхъ походахъ и экспедиціяхъ. „Фараоны-лѣнивцы“ совершенно отделились отъ народа, пряча свой ликъ въ роскошныхъ дворцахъ и окруживъ себя непроницаемой стѣною посредниковъ и довѣренныхъ лицъ.

Рамзесъ IX Сифта замѣчателенъ тѣмъ, что въ его царствованіе мы видимъ усиливающееся вліяніе жрецовъ, служителей Аммона, которые, не довольствуясь своимъ значеніемъ, какъ духовнаго сословія, сосредоточившаго въ себѣ въ то время всю высшую мудрость народную, начинаютъ мало по малу приближаться къ трону, дабы, вырвавъ окончательно изъ рукъ царей прерогативы ихъ духовной власти, посадить на престолъ одного изъ членовъ своей касты, замѣнивъ, такимъ образомъ, „царя-первосвященника“ — „первосвященникомъ-царемъ“. Мы увидимъ ниже, что они успѣли, хотя и на короткое время достигнуть своей цѣли, чему главнымъ образомъ способствовала полнѣйшая неспособность послѣднихъ Рамессидовъ, предста-

вителей выродившейся династии. При Рамзесѣ IX значеніе нѣкогда Аменготепа, верховнаго первосвященника бараньеголоваго Аммона, возросло на столько, что онъ считался какъ бы вторымъ монархомъ, „учителемъ царя“, который, по словамъ надписи, дѣлалъ „наилучшее для Аммона-Ра, великаго славнаго бога“.

Къ царствованію Рамзеса IX относится судебный процессъ обшайкѣ грабителей, занимавшейся обираемъ могилъ, склеповъ и усыпальницъ. Произведенное по инициативѣ еиванскаго губернатора, савновника Хамуса судебное слѣдствіе, съ которымъ мы познакомились выше (см. Судебные процессы), сохранилось въ такъ называемомъ папирусь Аббота, переведенномъ Шабасомъ ¹⁾, Масперо ²⁾ и Эрманомъ ³⁾ и находящимся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Взломанныя и ограбленныя гробницы принадлежали фараонамъ XI, XIII и XVIII династии, какъ сообщаетъ это упомянутый папирусь. Въ этомъ же драгоценномъ документѣ поименованы въ хронологическомъ порядкѣ имена царей, коимъ принадлежали гробницы.

При послѣднихъ трехъ Рамессидахъ, Рамзесѣ X Ноферкоури, Рамзесѣ XI Хопермари и Рамзесѣ XII Хамаисѣ упадокъ страны становился все явственнѣе, хотя ея внѣшнее могущество не испытало еще сильныхъ ударовъ; мы съ точностью знаемъ, что въ эпоху Рамзеса XII (приблизительно ок. 1150 г.) Месопотамія признавала верховную власть египетскихъ царей и, судя по свидѣтельству надписи храма Хонзу (фамильное святилище царей XX династии), платила имъ дань, но со всѣмъ тѣмъ авторитетъ фараоновъ въ уцѣлѣвшихъ азиатскихъ провинціяхъ въ сущности сводился къ одной фикціи и они волей-неволей принуждены были дѣлать имъ одну уступку за другой.

Рамзесъ XIII Нутеръ, послѣдній царь XX династии, сдѣлался жертвой жреческой узурпаціи и былъ принужденъ вмѣстѣ со своими приверженцами удалиться въ изгнаніе, уступивъ корону честолюбивому жрецу Аммона—Хирхору, основателю и первому царю слѣдующей династии.

Какъ мы видѣли, узурпація эта подготовлялась давно и не была случайной. Случайными могутъ быть только ближайшіе внѣшніе поводы къ историческимъ событіямъ, причины же основныя, внутреннія влекуція за собою тѣ или другія послѣдствія, всегда кроются глубже,

¹⁾ Шабасъ «Une spoliation des hypogees de Thebes au XI siecle» въ «Melanges egyptologique» I, 1—172.

²⁾ Масперо «Une Enquete judiciaire à Thèbes au temps de la 20-me dynastie».

³⁾ Эрманъ «Beitrag zur Kenntnis des aegyptischen gerichtsverfahrens 81—83; 142—152».

чѣмъ доступно первому взгляду, и всегда имѣются на лицо. Такъ было и здѣсь. Жрецы Аммона, усиленные своей побѣдой надъ ересью и безграничными богатствами ¹⁾, которыми одаряли ихъ счастливые завоеватели, достигли громадной власти въ государствѣ и не довольствуясь тѣмъ, что сдѣлали фараоновъ своими послушными орудіями, начали стремиться къ царской коронѣ, которая и была куплена ими цѣной изгнанія послѣдняго Рамессаида. Ставка была слишкомъ крупная, и расчетливое жречество, крѣпкое своей солидарностью и богатствомъ, играло здѣсь навѣрняка. Ученые богословы, строгіе блюстители древняго благочестія и вліявшіе своимъ авторитетомъ на народную массу, подобно средневѣковымъ арабскимъ факихамъ, „первосвященники-цари“ не могли, однако устоять противъ напора другой власти, также покровительствуемой фараонами, именно власти арміи, состоявшей въ то время болѣе чѣмъ на половину изъ чужеземныхъ наемныхъ войскъ: они вскорѣ уступили ей мѣсто.

Здѣсь оканчивается Ново-Фиванскій періодъ исторіи Египта, періодъ блестящихъ успѣховъ въ началѣ (XVIII династія) и постепеннаго упадка подъ конецъ (XX династія). Фиванская эпоха представляется кульминаціонной точкой внѣшняго могущества фараоновскаго Царства, которое уже прожило свой героическій періодъ первой молодости и переставъ быть замкнутой страной, въ силу исторической реакціи, въ лицѣ фараоновъ XVIII династіи выступило на путь иноземныхъ завоеваній. Къ концу эпохи могущество страны падаетъ и самобытности Египта начинаетъ угрожать разложеніе и гибель, которыхъ не могли остановить послѣднія вспышки государственной дѣятельности саисскихъ царей, успѣвшихъ на короткій мигъ оживить политическое существованіе этой забытой смертью дряхлости. Начинается Саисская эпоха—и центръ культурно-политической жизни переносится на сѣверъ, въ Дельту, ближе къ угрожаемымъ границамъ, около которыхъ уже заблѣлись первыя палатки пришлыхъ племенъ...

5. Саисскій періодъ.

XXI династія. Однако власть царя-жреца, основавшаго свои притязанія на престолъ на дѣйствительномъ или мнимомъ завѣщаніи своей матери, принцессы царской крови, встрѣтила сильное противодѣйствіе въ сѣверныхъ городахъ страны, которые, завидуя

¹⁾ Разумѣется, одно богатство не могло быть единственной причиной теологической революціи, какъ это ошибочно полагаютъ нѣкоторые историки.

главенству Фивъ, выдвинули имъ соперника. Танисскій номархъ Сіамонъ-Міамунъ (Смендесъ), видя, что приспѣло удобное время, объявилъ себя фараономъ и былъ признанъ въ своемъ достоинствѣ въ Среднемъ Египтѣ, тогда какъ весь югъ держался за Хирхора и за его двухъ ближайшихъ преемниковъ Піанхи и Пинотема. Но политическая жизнь страны съ юга, отъ Фивъ отхлынула безвозвратно и перенеслась на сѣверъ. Подобное перемѣщеніе центра тяжести объясняется тѣмъ, что Фивы были слишкомъ удалены отъ границы, подвергавшейся безпрестаннымъ нападѣніямъ, что вынуждало уже нѣкоторыхъ фараоновъ XIX и, въ особенности, XX династіи жить въ восточной части Дельты, ближе къ угрожаемымъ пунктамъ. Главенство Фивъ имѣло свое значеніе пока завоеванія фараоновъ ограничивались приблизительно бассейномъ Нила, но съ расширеніемъ предѣловъ царства при помощи завоеваній, а также, когда частыя вторженія азіатскихъ варваровъ побуждали фараоновъ, время отъ времени, переносить свои резиденціи въ области Нижняго Египта, Фивы должны были склониться передъ сѣверными городами Танисомъ, Бубастомъ и Саисомъ, возродившимся къ политической жизни, и уступить имъ свое мѣсто. Тѣмъ не менѣе пышная столица Фиванской эпохи отказывалась отъ своего освященнаго давностью первенства не сразу и прошло не мало времени до тѣхъ поръ, пока танисскій фараонъ Писебханъ I Міамунъ не овладѣлъ Фивами и тѣмъ не рѣшилъ окончательно побѣду сѣвера. Сынъ и преемникъ фараона, Пинотемъ II Хоперкери объединилъ подъ своею властью весь Египетъ, чему много помогла женитьба его на принцессѣ изъ дома „изгнанниковъ въ великомъ оазисѣ“ — Рамессидовъ. Со всѣмъ тѣмъ „двуглавая схизма“ не была покончена: правители съ титуломъ царей замѣнили Пинотема II въ управленіи Танисомъ и лишь долгое время спустя сыновья названнаго фараона, Масгирти и Менхопери унаслѣдовали другъ другу въ исполненіи обязанностей первосвященника Аммона и управляли всѣмъ Египтомъ, начиная отъ Фаіума ¹⁾).

Фараоны XXI династіи, по примѣру своихъ предшественниковъ, были весьма усердными строителями: Писебханъ I возобновилъ храмъ близъ Гизехской группы пирамидъ, построенный еще при фараонахъ IV династіи и окружилъ исполинской стѣной главный храмъ своей резиденціи Таниса; возстановленіе этого храма, начатое при Рамессидовъ, было окончено упомянутымъ выше Сіамономъ Міамуномъ.

¹⁾ Maspero, loc. cit. VIII, 357.

Внѣшняя политика цѣрей названной династіи, не задаваясь обширными цѣлями, для осуществленія которыхъ не хватало уже средствъ, сводилась почти исключительно къ стремленію закрѣпить господство надъ южной Сиріей, для чего танисскимъ фараонамъ не оставалось другого средства какъ прибѣгнуть въ широкихъ размѣрахъ къ помощи наемниковъ-чужеземцевъ, такъ какъ изнуренная непрерывными войнами страна была уже не въ состояніи поставлять необходимый контингентъ войскъ. Теперь главную силу египетской арміи составляли машуаши, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ фараоновъ предпочтительно передъ туземными отрядами. Начальники машуашей (въ большинствѣ случаевъ князья царской крови) скоро достигли преобладающаго вліянія и, опираясь на солдатъ, при послѣднихъ царяхъ ХХІ династіи, навязывали странѣ угодныхъ имъ фараоновъ. Получилось нѣчто подобное *wizarat tafwyd* послѣднихъ Аббасидовъ или франкскимъ майордомамъ. Грубые и жадные преторіанцы взяли въ свои руки всѣ дѣла государства, управляли страной по собственному почину, а не какъ исполнители высочайшихъ повелѣній, сами назначали чиновниковъ, сами разрѣшали всѣ государственные вопросы. Фараоны оставались на тронѣ въ видѣ простого украшенія дворцоваго церемоніала. Мало, по малу предводители преторіанцевъ начинаютъ пролагать себѣ дорогу къ престолу, пользуясь тѣмъ, что ничтожные потомки выродившейся династіи, лишенные значенія, добровольно замыкались въ узкій мірокъ своихъ гаремовъ.

ХХІІ династія. Послѣ смерти Пинотема ІІІ, одинъ изъ начальниковъ машуашей, соединивъ подъ своей властью всю долину Нильскаго оазиса, провозгласилъ себя царемъ подъ именемъ Шашанка І Міамуна (Сесонхисъ Манеона, Сусахимъ по Библии ¹⁾) и сдѣлался основателемъ ХХІІ династіи, причемъ по традиціонному обычаю узурпація эта была узаконена бракомъ: Шашанкъ, происшедшій самъ отъ царскаго рода (его бабушкой была принцесса Мештуносхитъ) женилъ сына своего на дочери Пинотема ІІІ, чѣмъ обезпечилъ за своимъ домомъ право на престолъ. (Родъ послѣдняго фараона ХХІ династіи удалился въ Эіопію, въ Напату, гдѣ основалъ независимое государство). Сдѣлавъ своей резиденціей Бубастъ и перенеся въ поименованный городъ всѣ прерогативы столицъ, предприимчивый фараонъ рѣшилъ нѣсколько раздвинуть предѣлы Египта въ сѣверномъ направленіи. Съ этой цѣлью онъ двинулъ войска свои

¹⁾ 3 кн. Царствъ XI, 40; XIV, 25.

въ Іудею, взялъ и разграбилъ Іерусалимъ, гдѣ въ то время царствовалъ сынъ Соломона Ровоамъ ¹⁾. Среди городовъ Палестины, которыми овладѣлъ Шашанкъ и списокъ которыхъ фигурируетъ на стѣнѣ храма Аммона, можно встрѣтить мѣста, знакомыя намъ по священному писанію: Гаваонъ, Хафараимъ, Рама, Равбиѣ, Аіалонъ, Маханаймъ, Еглонъ и проч., но сравненіе этого списка со спискомъ Тутмеса III показываетъ ясно, что могущество египетскихъ царей, даже въ моментъ военнаго успѣха миновало безвозвратно и первому фараону XXII династіи пришлось выгравировать на стѣнахъ Карнакского храма лишь списокъ самыхъ незначительныхъ еврейскихъ городовъ. Шашанкъ дошелъ до Нахаранны и самымъ сѣвернымъ пунктомъ, котораго достигли египетскія войска былъ извѣстный намъ городъ Мегеддо, лежавшій въ ЕздRELONской долинѣ и служившій нѣкогда мѣстомъ столкновенія египтянъ съ народами Азіи. Въ сущности походъ фараона въ Палестину доставилъ ему лишь номинальную верховную власть надъ Іудеей, которая прекратилась вслѣдъ за его смертью, да огромную военную добычу, преимущественно сокровища іерусалимскаго храма и царскихъ дворцовъ. Строительная дѣятельность родоначальника XXII династіи выразилась въ томъ, что онъ заложилъ въ Карнакѣ родъ портика, ведущаго съ юга мимо восточной стороны святилища Рамзеса III въ великій дворъ главнаго храма. Такъ какъ въ этомъ довольно скромномъ зданіи записаны имена многихъ членовъ этого семейства, начиная со строителя Шашанка I и слѣдующихъ за нимъ его потомковъ, то эта постройка справедливо можетъ назваться памятной залой Бубастидовъ ²⁾.

Послѣ смерти Шашанка, правителя съ большими дарованіями, при которомъ какъ будто нѣсколько оживились дряхлѣвшія силы Египта, корона досталась второму сыну фараона, Озоркону I Міамуну „господину верхняго и нижняго Египта“, за которымъ быстро слѣдовали Такелатъ I, Озорконъ II и Шашанкъ II. При перечисленныхъ царяхъ, объ исторіи которыхъ памятники хранятъ упорное молчаніе, страна фараоновъ ускореннымъ темпомъ приближалась къ паденію, чему не мало способствовало ослабленіе центральной власти. Наслѣдственные правители номовъ, всегда игравшіе роль запѣвалъ при всѣхъ неурядицахъ, опираясь на отряды наемныхъ ливійцевъ и машуашей, отказывались признавать верховную власть законной династіи, которая со своей стороны не имѣла достаточно силъ,

¹⁾ 2 Паралипом. XII, 2; ad. voc. Shishak Pool.

²⁾ Бругшъ, loc cit. 629.

чтобы справиться съ сепаратными стремленіями номарховъ и подчинить ихъ авторитету своей призрачной, впрочемъ, власти. Внутреннія возмущенія повторялись почти каждое царствованіе. И далекіе, и близкіе походы стали уже теперь историческимъ анахронизмомъ.

Такелать II, Шашанкъ III Сибастъ, Пимаи Міамунъ и Шашанкъ IV Ахеперри были довольно ничтожные государи, при которыхъ распаденіе государства вслѣдствіе внутреннихъ смуть и вторженія варваровъ шло все *crescendo* и историческое значеніе названныхъ правителей теряется среди борьбы.

XXIII династія. Послѣ смерти послѣдняго Бубастиды, съ которымъ окончилась XXII династія, престолъ занялъ родоначальникъ XXIII-ой, Петсибастъ Сехерабри, владѣтель танисскій, который, по свидѣтельству Манеэона, царствовалъ сорокъ лѣтъ и успѣлъ подчинить своему шаткому господству большинство мятежныхъ номарховъ, но при двухъ его ближайшихъ преемникахъ, именно при Озорконѣ III Міамунѣ и Псимутѣ Сотепента страна дошла до крайней степени распаденія: она дѣлилась между двадцатью правителями, изъ которыхъ четыре, по крайней мѣрѣ, присвоили себѣ гербы и внѣшніе знаки царской власти ¹⁾.

Очевидно, что подобное положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться, и ему рано или поздно долженъ былъ быть положенъ конецъ въ томъ смыслѣ, что, соединивъ отвалившіяся отъ центрального ядра провинціальныя крупы и обуздавъ центробѣжныя стремленія непокорныхъ номарховъ, придать странѣ хоть внѣшній признакъ единства, не допуская ее до расчлененія на мелкія территоріальныя дробы.

XXIV династія. Съ такой, приблизительно, программой выступили саисскіе князья, давшіе Египту новую (XXIV) династію, первымъ царемъ которой считаютъ обыкновенно нутирскаго владѣтеля Тафнахта (греч. Тнефактосъ). Новый фараонъ, признанный только въ Саисѣ, рѣшился расширить свое господство путемъ распространенія вліянія послѣдняго на весь Египетъ. Съ этой цѣлью не безъ усилий и не безъ борьбы онъ овладѣлъ номами, расположенными къ западу отъ главнаго рукава Нила, а затѣмъ, поднявшись вверхъ по рѣкѣ, принудилъ къ подчиненію нѣсколько сосѣднихъ областей вмѣстѣ съ ихъ наслѣдственными правителями. Казалось, что, Тафнахтъ, при его желѣзной энергіи и несомнѣнныхъ военныхъ дарованіяхъ, успѣетъ въ

¹⁾ Масперо цит. соч. IX, 412.

своемъ намѣреніи объединить всю страну подъ властью своего дома. Оно бы, вѣроятно, такъ и случилось, еслибы нѣкоторые князья Оиваиды и Дельты, опасаясь могущества Тафнахта и не будучи въ состояніи противостоять ему открытой силой, не обратились за помощью къ Эѳіопіи, гдѣ, какъ мы знаемъ, утвердились потомки XXI династіи, основавшіе тамъ теократическое государство со столицей Напата (нын. Джебель-Баркаль). Пользуясь неурядицами, раздиравшими монархію фараоновъ въ эпоху господства XXIII династіи, честолюбивые царь-жрецы страны Купъ успѣли завладѣть югомъ Египта и не скрывали своего намѣренія подчинить своему господству всю долину Нильскаго оазиса.

Въ силу указанныхъ условій эѳіопскій царь знаменитый Піанхи Міамунъ, одинъ изъ потомковъ Хирхора, сочувственно отнесся къ просьбѣ князей объ оказаніи имъ помощи, и тотчасъ же отдалъ своимъ войскамъ приказаніе вторгнуться въ области Гептаномиды и принудить Тафнахта къ отступленію. Предпринимая экспедицію въ Египетъ, Піанхи, весьма мало заботясь о поддержаніи сепаратическихъ тенденцій номарховъ, рассчитывалъ объединить Нильскую долину подъ верховной властью Эѳіопіи, сдѣлавъ Напату столицей всей объединенной страны, къ чему теперь представлялся желанный поводъ. Подробности похода его противъ Тафнахта мы извлекаемъ изъ извѣстной стелы Піанхи, надпись которой, обнародованная Мариеттомъ и переведенная на языки французскій (Э. де Руже), нѣмецкій (Лаугъ и Бругшъ) и англійскій (Кукъ), велерѣчиво распространяется объ успѣхахъ эѳіопскаго царя въ походѣ на Египетъ. Начало войны ознаменовалось морской побѣдой эѳіоплянъ надъ флотомъ Тафнахта, плывшимъ вверхъ по Нилу къ Оивамъ, послѣ чего Піанхи осадилъ городъ Хмуну (Гермополисъ великій, нын. Ашмуненъ), владѣтель котораго, вассалъ Тафнахта, Намрудъ, пользуясь тѣмъ, что эѳіопляне слишкомъ долго мѣшкали въ занятыхъ ими провинціяхъ, успѣлъ подготовиться къ защитѣ. Блокада Хмуну продолжалась безъ всякаго успѣха до тѣхъ поръ, пока Піанхи не приказалъ замѣнить ее правильной осадой. Вокругъ стѣнъ осажденнаго со всѣхъ сторонъ города были сооружены земляныя насыпи, при помощи которыхъ къ городскимъ стѣнамъ подкатывались массивныя башни, построенныя эѳіопскими военными инженерами; фортификаціонное искусство послѣднихъ развилось несомнѣнно по египетскимъ образцамъ. Каждая башня была вооружена отрядомъ стрѣлковъ и пращниковъ, которые, по словамъ указанной надписи, „бросали камни, чтобы непрерывно убивать людей изъ среды ихъ (защитниковъ)“.

Видя невозможность держаться дольше и не получая помощи от своего сюзерена, Намрудъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сдать городъ эѳіоплянамъ, которые, овладѣвъ вслѣдъ затѣмъ Хнипсу, Мейдумомъ и Титауи, двинулись по дорогѣ къ Мемфису. Послѣдній былъ сильно укрѣпленъ, имѣлъ значительный гарнизонъ, усиленный восьмитысячнымъ отрядомъ, который Тафнахтъ, въ предвидѣніи осады, успѣлъ ввести въ городъ и, сверхъ того, обезпеченъ продовольствіемъ. „Пшеницы, дурры и всякаго зерна въ хлѣбныхъ магазинахъ находилось въ городѣ необозримое количество — продолжаетъ вышеупомянутая надпись, —... скотный дворъ наполненъ быками. Казнохранилище снабжено всѣмъ необходимымъ: серебромъ, золотомъ, мѣдью, тканями, бальзамомъ, медомъ, масломъ...“. А про укрѣпленія Мемфиса надпись сообщаетъ: „цитатель (Бѣлая Стѣна) хорошо укрѣплена, зубцы крѣпостной стѣны сильны, причемъ укрѣпленія рассчитаны, взявъ во вниманіе (положеніе) рѣки, которая дѣлаетъ поворотъ на восточной сторонѣ. На этомъ мѣстѣ невозможна никакая битва... стѣны (города) были высоки, выстроены вновь, стѣнные зубцы были сложены прочно (толсто), такъ что не было пути къ битвѣ съ городомъ“... 1).

Между тѣмъ флотъ эѳіоплянъ проникнулъ въ гавань, захвативъ стоявшіе тамъ сайскія суда, а сухопутное войско въ тоже самое время двинулось на штурмъ, ведя послѣдній со стороны набережной, причемъ воинамъ былъ данъ такой наказъ: „Будьте внимательны, когда будете окружать стѣны и когда будете входить въ жилые дома, со стороны рѣки. Каждый изъ васъ, который взошелъ на (городскую) стѣну, да не стоитъ на мѣстѣ“... 2). Послѣ двухдневной упорной битвы на улицахъ Мемфиса, городъ сдался на капитуляцію, а съ паденіемъ древней столицы Минидовъ большинство областныхъ владѣтелей и князей подчинилось власти Піанхи.

Что же въ это время дѣлалъ Тафнахтъ? Убѣжденный, что твердыни Мемфиса устоятъ противъ всѣхъ покушеній эѳіоплянъ, онъ удалился на сѣверъ набирать войска, съ которыми рассчитывалъ зайти въ тылъ арміи Піанхи и заставить послѣдняго снять осаду.

Паденіе города и измѣна вассаловъ, перешедшихъ на сторону эѳіопскаго царя, въ корнѣ измѣнили положеніе дѣлъ и принудили Тафнахта просить міра, который великодушный побѣдитель даровалъ ему безъ всякихъ условій, пожаловавъ злополучнаго фараона царскимъ саномъ.

1) Надпись Піанхи 87—89, пер. Бругша XXII, 662.

2) Ibid. 95.

Со всѣми тѣмъ Египетъ, какъ побѣжденная страна, принужденъ былъ принять *вассальную зависимость отъ Эѳіопіи* и Тафнахтъ, хотя былъ въ сущности независимъ у себя въ Саисѣ, тѣмъ не менѣе прекрасно сознавалъ, что сохраненіе этой независимости всецѣло зависѣло отъ милости царя эѳіоплянъ. Обремененный огромной добычей, „тканями и всѣми хорошими вещами Нижняго Египта“; Піанхисъ торжествомъ вернулся въ Напату, гдѣ спустя нѣкоторое время скончался въ зенитѣ своей славы.

Послѣ смерти Піанхиса, преемникъ его Міамунъ-Нутъ, если вѣрить свидѣтельству Напатской надписи, называющей его царемъ Верхняго и Нижняго Египта, могъ еще кое какъ поддержать свое непрочное господство на берегахъ Нила, но вскорѣ междуусобная война, вспыхнувшая между членами эѳіопской царской фамиліи, побудила царя Кашта отозвать войска изъ Средняго Египта и изъ Дельты.

Удаленіе эѳіоплянъ пришлось какъ нельзя болѣе кстати для сына и преемника Тафнахта, — Бокенранфа (греч. Боххорисъ); послѣдній не былъ фараономъ въ точномъ смыслѣ слова, а только удѣльнымъ царькомъ, представителемъ законной линіи и, въ качествѣ такового, помѣщенъ въ списокъ Манеэона. Предпримчивый Бокенранфъ вернулся къ политической программѣ своего отца, направивъ всѣ силы ума и характера на борьбу съ мелкими правителями, давно отвыкшими отъ подчиненія центральной власти: покоривъ большую часть городовъ Дельты и Гептаномиды и смѣстивъ безпокойныхъ князей-номарховъ, сынъ Тафнахта, собравъ значительное войско, рѣшился испробовать счастья и освободить страну отъ вассальной зависимости отъ Эѳіопіи. Но здѣсь его ожидала крупная неудача. Настоящій центръ тяжести дальнѣйшаго хода паденія фараоновскаго царства въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ былъ уже не на берегахъ Нила, а въ лагерѣ эѳіоплянъ.

Сынъ умершаго Кашта, дѣятельный и энергичный Шабакъ (Сабаконъ) при содѣйствіи недовольныхъ правителей номовъ предпринялъ завоеваніе отложившейся страны, которая, сколько кажется, не оказала ему особенно значительнаго сопротивленія. Несмотря на геройскую оборону, Бокенранфъ, разбитый войсками Шабака, былъ захваченъ въ плѣнъ и, по приказанію свирѣпаго побѣдителя, сожженъ живымъ на кострѣ, какъ мятежникъ ¹⁾. Бокенранфъ окончилъ свою жизнь такъ, какъ оканчиваетъ ее игрокъ послѣ несоразмѣрно

¹⁾ Манеэонъ, 246.

большого выигрыша, поставивший на послѣднюю карту все свое состояніе и проигравший его. Въ борьбѣ же съ эеіоплянами ставкой явилась его жизнь, которую онъ осужденъ былъ потерять столь ужаснымъ образомъ. Побѣдитель провозгласилъ себя фараономъ всего Египта и сталъ основателемъ XXV-ой династіи, состоявшей исключительно изъ эеіопскихъ царей.

XXV династія. Слѣдовательно, различіе между завоевательными экспедиціями Піанхи и Шабака состояло въ томъ, что первый имѣлъ конечной цѣлью *привести Египетъ въ вассальную зависимость отъ Эеіопіи*, а послѣдній, овладѣвъ страной фараоновъ, стремился *основать въ ней собственную династію*. Иной разницы здѣсь нѣтъ.

Какъ правитель, Шабакъ выказалъ себя администраторомъ крупнаго калибра: смирилъ областныхъ князей и уменьшивъ ихъ самостоятельность, онъ предпринялъ обширныя общественныя работы, исправилъ множество дорогъ, увеличилъ число каналовъ и принялъ мѣры къ защитѣ городовъ отъ угрожавшихъ имъ наводненій. Въ Карнакѣ были реставрированы пристройки къ храму Аммона, въ Мемфисѣ произведенъ капитальный ремонтъ храма бога Фта, а въ Луксорѣ передѣланы архитектурныя украшенія главныхъ воротъ, находившихся между двумя столбами большого пилона. Если вѣрить сообщеніямъ греческихъ писателей, фараонъ замѣнилъ для преступниковъ смертную казнь общественными работами ¹⁾; разумѣется, онъ принялъ указанную мѣру не ради челоуѣколюбія, которое вообще было чуждо грубому эеіопу, смотрѣвшему хладнокровно, какъ горѣлъ на кострѣ несчастный Бокенранфъ: „умысль другой здѣсь былъ“, — увеличеніе числа рабочихъ рукъ, необходимыхъ фараону для разнаго рода сооруженій и построекъ. Но надъ внѣшней политикой Шабака тяготѣлъ какой то злосчастный рокъ.

Несмотря на очевидное безсиліе страны, политическая жизнь которой давнымъ давно пережила зенитъ своей славы, фараонъ думалъ вернуть счастливыя времена XVIII и XIX династіи и причислить свое имя къ длинному списку царей-завоевателей. Но періодъ могущества Египта миновалъ безвозвратно; онъ напрасно, подобно Фаусту, стремился къ молодости, ибо его ждала политическая Нирвана. Теперь на сцену исторіи выступаетъ молодое, свѣжее месопотамское государство, — Ассирія, съ которой былъ уже не въ состояніи тягаться одряхлѣвшій Египетъ. Дѣйствительно, при извѣстіи о появленіи егип-

¹⁾ Геродотъ, II, 137; Діодоръ I, 65.

тянъ въ Сиріи, гдѣ Шабакъ, призываемый царемъ израильскимъ Осіею, соединился съ войсками Ганнона, владѣтеля Газы, чтобы общими силами начать наступленіе противъ ассирянъ, царь послѣднихъ Саргонъ, сдѣлавъ форсированный маршъ къ Газѣ, принудилъ союзниковъ къ бою при Рафіи и нанесъ имъ здѣсь кровавое пораженіе, чѣмъ окончательно парализовалъ завоевательные замыслы царя Шабакъ. Послѣдній былъ свидѣтелемъ паденія израильскаго царства и разрушенія Самаріи и не могъ подать помощи этому государству, составлявшему одинъ изъ тѣхъ мелкихъ заслоновъ, которые защищали страну фараоновъ отъ нашествія азіатовъ.

Неудача, испытанная египтянами, сейчасъ же отразилась на внутреннемъ состояніи нильской монархіи и послужила сигналомъ для возстанія городовъ Дельты, гдѣ главную роль игралъ одинъ изъ родственниковъ Бокенранфа,—Стефинатъ, возстановившій верховную власть Саиса и принявшій титулъ фараона (ок. 714 г. до Р. Х.). Эіопляне удержались только въ Оивандѣ, гдѣ мѣсто умершаго Шабакъ занялъ его сынъ Шабатокъ (Шабитку, греч. Себихось), который, пользуясь несогласіями, возникшими въ Саисѣ, успѣлъ принудить Стефината къ бѣгству и соединить весь Египетъ подъ своею властью. Впрочемъ царствованіе его было кратковременно: хотя онъ счастливо избавился отъ вторженія Сеннахериба ассирійскаго, который разгромивъ выставленное противъ него князьями Дельты войско при Алтаку, двигался уже на Египетъ и повернулъ обратно лишь послѣ того, какъ его армія была наполовину уничтожена развившейся въ ея рядахъ чумой, однако главная опасность угрожала на этотъ разъ Шабатоку съ юга, со стороны его же единоплеменниковъ. Дѣло въ томъ, что эіопскій царь Тахарка (Тиргакъ, Таракось Манеѳона), родство котораго съ Шабатокомъ до сихъ поръ еще не установлено толкомъ и въ которомъ нѣкоторые видятъ мятежнаго полководца-узурпатора, завидуя Шабатоку, предпринялъ походъ въ Египетъ, побѣдилъ своего соперника и, умертвивъ его, провозгласилъ себя фараономъ. Исторія этой борьбы совершенно неизвѣстна, равно какъ и очень мало выяснено царствованіе Шабатока, принадлежащее вообще къ одному изъ темныхъ мѣстъ египетской исторіи.

Какъ бы то ни было, Тахарка овладѣлъ трономъ фараоновъ, на которомъ удерживался въ теченіе двадцати шести лѣтъ ¹⁾. Онъ велъ довольно удачныя войны въ Сиріи ²⁾ и, какъ утверждаетъ Страбонъ,

¹⁾ Масперо, loc. cit. X, 464.

²⁾ 4 Кн. Царствъ XIX, 9; Исаія XXXVII, 9.

побѣдоносно прошелъ Африку отъ Краснаго моря до Геркулесовыхъ столбовъ ¹⁾. Такъ это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ распространилъ свою власть надъ Ливіей и принудилъ ея правителей къ уплатѣ дани. Барельефъ въ Мединетъ-Абу изображаетъ фараона держащимъ одной рукой за волосы нѣсколькихъ побѣжденныхъ начальниковъ, которыми онъ другой рукой грозитъ оружіемъ ²⁾.

Ассиріяне въ Египтѣ. Однако, конецъ этого царствованія былъ несчастливъ, ибо вторженіе ассиріянь въ долину Нила лишило Тахарка египетской короны. Сынъ и преемникъ Сеннахериба, даровитѣйшій представитель Саргонидовъ, Асаргадонъ (Сахерданъ по Библии) съ сильной арміей проникъ черезъ Пелузіумъ въ нильскій оазисъ, взялъ Мемфисъ и Фивы и нанесъ фараону такое сильное пораженіе, что ему ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ подумать о собственномъ спасеніи и бѣжать въ Напату, *Египетъ же подпалъ подъ власть ассиріянь*. Города были разграблены и вся огромная добыча, доставшаяся завоевателямъ, не исключая статуй боговъ и предметовъ культа, была отправлена въ Ассирію. Въ интересахъ собственной политики Асаргадонъ пошелъ на встрѣчу сепаратическимъ тенденціямъ египетскихъ номарховъ, раздѣливъ завоеванную страну на двадцать мелкихъ княжествъ; двѣнадцать изъ нихъ были раскинуты по Дельтѣ и восемь въ Фивайдѣ. Правители этихъ микроскопическихъ областей были обложены данью въ пользу Ассиріи и во главѣ ихъ, въ качествѣ вассальнаго царька, Асаргадонъ поставилъ потомка царской фамиліи, внука Стефината, саисскаго владѣтеля Нехао (Нико), обязаннаго въ свою очередь подчиняться главенству ассирійскаго монарха и вносить въ его казну опредѣленную дань. Нехао былъ дѣятельный и предприимчивый правитель, готовый на самыя рѣшительныя предпріятія лишь бы только объединить всю страну подъ своею властью. Цѣли этой онъ предполагалъ достигнуть, опираясь на поддержку Асаргадона, который возвратилъ ему Мемфисъ и доставилъ главенство надъ остальными египетскими правителями; роль послѣднихъ относительно Нехао близко подходила къ роли вассаловъ по отношенію сюзерена. Лично царственному правителю Мемфиса не удалось воспользоваться плодами своей политики, но за то его преемникъ, слѣдуя отцовской программѣ, успѣлъ захватить власть надъ Египтомъ въ свои руки и, какъ увидимъ вслѣдъ за симъ, сдѣлаться основателемъ слѣдующей (XXVI) національной династіи.

¹⁾ Страбонъ, XIV, I, 6.

²⁾ Lenormant, loc. cit. 131.

Новой ассирийской провинціи (Mussur), какой въ эпоху Асаргаддона сдѣлался Египеть, угрожали нападенія со стороны Эѳіопіи, почему владыка Ассиріи занялъ крѣпости Дельты гарнизономъ, которые въ то же время служили опорой господства завоевателей. Вернувшись въ Ниневію, Асаргадонъ велѣлъ вырѣзать на скалахъ Нахр-эль-Кельба (близъ нын. Бейрута), рядомъ съ побѣдными памятниками Рамзеса II, длинную надпись, въ которой онъ ~~возвѣщаетъ~~ ~~потомству~~ о своихъ побѣдахъ, именуя себя царемъ Египта, Эивъ и Эѳіопіи ¹⁾. Со всѣмъ тѣмъ господство ассирянъ въ долинѣ Нила ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать прочнымъ. При извѣстии о смерти Асаргаддона (ок. 667 г.) Тахарка снова появился въ Египтѣ, разбилъ слабыя силы ассирянъ подъ Мемфисомъ и овладѣлъ этимъ городомъ. Но удержаться въ Египтѣ онъ все таки не могъ.

Преемникъ Асаргаддона, царь Ассурбанипаль, получивъ извѣстіе объ египетскихъ событіяхъ, немедленно перебросилъ свою армію въ Дельту и при Карбанитѣ (Канопъ?) разбилъ на голову войско Тахарка, а вслѣдъ затѣмъ въ руки ассирянъ перешли Мемфисъ и Эивы, — и долина Нила была приведена въ то состояніе, въ какомъ находилась за пять лѣтъ передъ симъ. Въ надписи своей ассирийскій царь ~~возвѣщаетъ~~ : „.... Это суть цари, начальники и правители, которые были въ Египтѣ и которые обѣщавъ отцу моему, меня родившему, послушаніе, забыли его во время возмущенія Таркуу (Тахарка). Я (продолжаетъ царь) заставилъ ихъ снова исполнить мою волю и посадилъ ихъ опять на мѣсто, сообразно ихъ подчиненію“...

Какъ ни рѣшительна была побѣда ассирянъ и какъ ни казалось господство ихъ въ Египтѣ прочно установленнымъ, однако удаленіе Ассурбанипала повлекло за собою новое возстаніе. Неутомимый Тахарка, призванный областными князьями страны, которая сознавала опасность владычества семитовъ, снова появился въ Египтѣ, выгналъ ассирийскіе гарнизоны изъ Эивъ и Мемфиса и угрожалъ городамъ Дельты, находившимся въ сферѣ ассирийскаго вліянія. Тогда Ассурбанипаль рѣшилъ разъ навсегда положить конецъ завоевательнымъ попыткамъ Эѳіопіи и закрѣпить за собою верховную власть надъ царствомъ фараоновъ.

Первая попытка его кончилась, однако, неудачно: небольшая ассирийская армія была вытѣснена изъ Египта пасынкомъ умершаго Тахарка, Тонутамономъ (Урдамани ассирийскихъ клинообраз-

¹⁾ Оппертъ «Memoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie», 38—43; Шрадеръ «Keilinschrift. und Geschichtsforschung» 282.

ныхъ надписей), провозглашеннаго царемъ Фивъ, который овладѣлъ Мемфисомъ и приказалъ умертвить попавшаго въ его руки, сторонника Ассиріи, Нехао. Новое ассирійское войско вторгнулось въ Дельту, разбило армію Тонуатамона и принудило его къ бѣгству въ Эѳіопію, а вслѣдъ затѣмъ ассиріяне вторично овладѣли Фивами и разграбили ихъ. „Оный городъ взяли весь, призвавъ Ассура и Иштаръ — возвѣщаетъ упомянутая надпись.... Серебро, золото, металлы, камни, всѣ сокровища его царскаго дома, цвѣтныя ткани.... и полотна, большія лошади, мужчинъ и женщинъ, большихъ и малыхъ.... работы изъ базальта, мрамора (?) все это было отправлено въ Ниневію“.... 1). Вся страна принуждена была признать господство сына Асаргадона, который во главѣ мелкихъ правителей завоеваннаго края поставилъ нѣкоего царька, по имени Пакруру, лично ему преданнаго и обязаннаго поддерживать власть своего сюзерена.

Шаткое господство Ассиріи, опиравшееся на силу войска, не могло долго продолжаться, такъ какъ почти въ то же самое время ей приходилось подавлять безконечная возстанія въ подвластныхъ странахъ и напрягать всѣ усилія, чтобы сломить непокорный Эламъ, изъ борьбы съ которымъ она выходила не менѣе обезсиленной, чѣмъ покоренная ею область. Въ силу указанныхъ причинъ Ассурбанипаль увидѣлъ себя вынужденнымъ отказаться отъ своихъ верховныхъ правъ на Египетъ, удержать который ему было не по силамъ и предоставить его собственной участи. Вскорѣ Ассирійское царство пало такъ же быстро, какъ и поднялось, смытое арійской расой, любимицей исторіи, и своимъ паденіемъ дало возможность упрочить могущество Саисской династіи. Однако, это было совсѣмъ не легкимъ дѣломъ: областные правители враждовали между собою, большинство городовъ лежало въ развалинахъ, населеніе уменьшилось, благодаря безконечнымъ войнамъ, каналы и дороги находились въ полномъ запустѣніи. Казалось, что изъ разъединенной страны не можетъ уже образоваться центральное ядро, которое стянуло бы историческую жизнь края къ одному пункту. На самомъ дѣлѣ вышло не такъ и Египетъ могъ продолжить еще свои политическія судороги.

XXVI династія. Теперь на престолѣ фараоновъ вступаетъ послѣдняя изъ великихъ національныхъ династій, XXVI, въ лицѣ сына погибшаго правителя Саиса, Нехао, умерщвленнаго Тонуатамономъ, — Псамети́ха I, который еще при жизни отца получилъ отъ Ассур-

1) Э. де-Руже «Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne» I, 17—20.

банипала удѣль Атрибисъ (къ югу отъ Идфу) и изъ благодарности къ царю принялъ ассирійское имя Набу-Сезибани, подъ коимъ онъ фигурируетъ на памятникахъ эпохи послѣднихъ Саргонидовъ.

Мы не будемъ касаться тѣхъ побасенокъ, которыми насъ щедро угощаютъ греческіе писатели при повѣствованіи о воцареніи названнаго фараона, видящіе причину этого за кулисами событій того времени, но постараемся, исключивъ изъ разсказовъ ихъ все чудесное, передать историческій фактъ возможно ближе къ истинѣ, распутавъ клубокъ истинныхъ причинъ, подготовившихъ воцареніе Псаметиха и реставраціонный характеръ Саисской эпохи. На первыхъ порахъ Псаметиха ждали неудачи. Во время войны съ Тонуатамономъ (Урдамани), войны, въ которой Нехао потерялъ жизнь, сынъ его послѣ сдачи Мемфиса принужденъ былъ бѣжать въ Сирію, откуда вернулся обратно при новомъ вторженіи ассиріянъ въ Египетъ и, наслѣдовавъ владѣнія своего отца, сдѣлался однимъ изъ правителей, которымъ была ввѣрена власть надъ раздѣленной страной, гдѣ Пакруру занималъ мѣсто намѣстника Ассурбанипала.

Честолюбивый Псаметихъ неуклонно преслѣдовалъ ту цѣль, которая была намѣчена его отцомъ, именно объединить монархію фараоновъ подъ главенствомъ собственнаго дома и тѣмъ замедлить политическое гніеніе государственнаго тѣла, вызвавъ изъ этой вѣковѣчной скалы новую струю живой воды. Для достиженія поставленной цѣли необходимо было низложить всѣхъ игрушечныхъ царьковъ; а затѣмъ изгнать изъ страны ассирійскіе гарнизоны. Псаметихъ, хотя достигъ власти съ помощью ассиріянъ, тѣмъ не менѣе велъ свою политику противъ нихъ, справедливо рассуждая, что цѣпи остаются цѣпами, чтобы ни заставляло ихъ нести и онѣ не дѣлаются легче отъ того, что добровольныя. Сынъ Нехао мечталъ объ абсолютизмѣ первыхъ фараоновъ и объ ихъ громадной власти, которая расходилась бы по подвластнымъ странамъ и областямъ концентрическими волнами. Пустое волокитство за славой его не прельщало, да и вообще эта практическая натура, чуждая безцѣльной идеологіи, стремилась къ той программѣ, которая была достижима и выполнима при условіи употребленія соответствующихъ средствъ. Первоначально Псаметихъ не имѣлъ успѣха. Побѣжденный Пакрурой, онъ вынужденъ былъ удалиться въ болота Дельты, гдѣ счастливая случайность доставила ему возможность навербовать къ себѣ на службу карійскихъ и іонійскихъ наемниковъ, отряды которыхъ были еще значительно усилены помощью лидійскаго царя Гигга, поддерживавшаго обратившагося къ нему за помощью Псаметиха вспомогательнымъ войскомъ. При наличности указанныхъ условій попытка владѣтеля Саиса къ захвату египетской

короны имѣла много шансовъ на счастливый исходъ. Ассиріянь можно было не опасаться, такъ какъ расположенные по египетскимъ городамъ гарнизоны были ничтожны по числительности, а находившееся тогда въ полномъ разгарѣ возстаніе вавилонянь, приковывавшее къ себѣ вниманіе ассирійскаго царя, не позволяло Ассурбанипалу привести къ повиновенію отпавшій „Mussur“ и прислать для подавленія вспыхнувшаго въ немъ мятежа новое войско. Безъ помощи же ассиріянь правители Египта не могли оказать серьезнаго сопротивленія, не говоря уже про то, что превосходство греческой тактики и вооруженія составляло прочное ручательство за перевѣсъ Псаметиха, къ которому склонялись и народныя симпатіи. Въ самомъ дѣлѣ, выигранная послѣднимъ битва подъ стѣнами Мемфиса, доставила ему обладаніе Среднимъ Египтомъ, затѣмъ подчинилась восточная Дельта и, наконецъ, Оиваида, признавшая власть новаго фараона безъ сопротивленія. Не мало помогло Псаметиху и то утомленіе, которое испытывала народная масса, благодаря смутамъ и неурядицамъ, подрывавшемъ въ корнѣ экономической порядокъ края.

Однако борьба съ игрушечными царьками и изгнаніе изъ Египта ассиріянь, собственное государство которыхъ уже танцовало на вулканѣ, продолжалась около десяти лѣтъ и Псаметихъ сдѣлался единственнымъ повелителемъ страны не ранѣе 652 года. Мелкіе правители и царьки были частью низложены, частью низведены на степень вассаловъ, покорныхъ царскихъ слугъ. Въ сущности захватъ египетской короны, хотя бы и отпрыскомъ царской фамиліи, составляло узурпацію и по тогдашнимъ воззрѣніямъ узаконеніе послѣдней могло вослѣдовать лишь при бракѣ новаго фараона съ продолжательницей „солнечной росы“. Въ виду указаннаго обстоятельства Псаметихъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Шапенапъ (правнучка Піанхи, племянница Шабака), къ которой перешли права наслѣдства на тронъ фараоновъ и такимъ образомъ санкціонировалъ свою захваченною силою власть.

Въ состояніи запусътія нашелъ новый фараонъ свою монархію. Вторженія ассиріянь, гражданскія войны и неурядицы уменьшили населенія страны, поля были опустошены, богатства расхищены, храмы ограблены, большинство городовъ и селеній лежало въ развалинахъ. Нужно было имѣть много энергіи и умѣнья, чтобы исправить все зло нанесенное разоренной странѣ предшествовавшими неурядицами и войнами, залѣчить ея раны и, вызвавъ къ жизни истощенныя силы Египта, поднять сколько нибудь пришедшее въ полнѣйшій упадокъ благосостояніе фараоновскаго царства.

Въ пятьдесятъ восемь лѣтъ своего правленія Псаметихъ, на сколько то оказалось возможнымъ, старался исправить зло предшествовавшихъ времянь, и ему, дѣйствительно, удалось, по выраженію Масперо, изъ подъ развалинь стараго Египта вызвать къ жизни новый Египеть.

Главнѣйшія заботы фараона были направлены на окончаніе начатыхъ и возстановленія прежнихъ священныхъ зданія, черезъ что достигалась и другая цѣль,—поднятіе благосостоянія низшихъ классовъ, которые кормились отъ общественныхъ работъ, получая соотвѣтственный заработокъ. Въ Мемфисѣ Псаметихъ выстроилъ пропилеи съ восточной и южной стороны храма Фта 1), а также большой дворъ, въ которомъ содержался при жизни священный быкъ Аписъ. Въ Фивахъ были возстановлены тѣ части Карнакскаго храма, которыя пострадали при вторженіи Ассурбанипала, а увеличеніе числа прекрасныхъ статуй и барельефовъ вновь привело скульптуру фараоновскаго Египта въ цвѣтущее состояніе. Благодаря производству указанныхъ работъ древне-египетское искусство имѣло послѣднее возрожденіе, которое продолжалось во все время Саисской династіи и которое хотя не достигло натуральности и величія древнихъ школъ, но тѣмъ не менѣе произвело большое количество художественныхъ произведеній, замѣчательныхъ по тонкости исполненія 2). Особенно превосходно исполнены разные предметы небольшихъ размѣровъ: металлическія статуэтки, кольца, амулеты, разнаго рода украшенія и т. п. мелкія вещицы.

Псаметихъ не оставилъ безъ вниманія запущенныхъ дорогъ, каналовъ, дамбъ и прочихъ гидравлическихъ сооруженій и тщательно занялся¹ приведеніемъ ихъ въ должный порядокъ, не жалѣя ни средствъ, ни времени. Направленіе внѣшней политики фараона отличалось большимъ благоразуміемъ. Онъ понималъ, что пора наступательныхъ экспедицій и завоеваній для Египта канула въ вѣчность, что истощенная нація нуждается въ мирѣ и потому не тѣшилъ себя несбыточными иллюзіями и менѣе всего былъ склоненъ къ пустопорожному волокитству за славой. Въ этомъ отношеніи его завоевательные помыслы ограничивались лишь покореніемъ филистимлянъ, у которыхъ былъ взятъ городъ Ашдодъ (Азотъ), да овладѣніемъ присоединенной къ Египту нубійской территоріей Додекаскеной.

Для защиты страны отъ нападенія ассиріянь фараонъ укрѣпилъ находившійся близъ древней крѣпости Зару (Царъ) городъ Тунспъ

1) Геродотъ. II, 160; Діодоръ I, 67.

2) Ленорманъ, цит. соч. 139.

(Дафне), а многочисленные гарнизоны, поставленные въ укрѣпленіяхъ близъ перваго водопада и Мареа, защищали Ѡиваиду и западныя области Дельты отъ вторженія эѳіоплянъ и ливійцевъ. Естественно, что получивъ корону Египта съ помощью иноземцевъ-грековъ и видя воочію превосходство ихъ надъ туземцами, Псаметихъ осыпалъ ихъ милостями и подарками, довѣряя пришельцамъ самыя высокіе посты какъ при дворѣ, такъ и въ арміи. Земли вдоль Пелузійскаго рукава Нила были уступлены карійцамъ и іонійцамъ, услуги которыхъ сослужили нѣкогда фараону такую важную службу, а колонистамъ изъ Милета разрѣшено было построить у входа въ Болбитинскій рукавъ (теперь Розетта) нѣчто въ родѣ укрѣпленной факторіи, извѣстной подъ именемъ „лагеря милетцевъ“ ¹⁾. Всѣ греческіе переселенцы охотно принимались въ Египетъ, гдѣ ихъ возвышали, ласкали, обогащали, и фараонъ приказалъ подданнымъ отдавать своихъ дѣтей для обученія греческому языку. Съ увеличеніемъ торговыхъ сношеній возростало число переводчиковъ, составившихъ въ концѣ концовъ въ городахъ Дельты особую корпорацію, дѣятельность которой сводилась къ торговому посредничеству между обоими народами ²⁾.

Но Псаметихъ ошибался, если думалъ, что иностранцы встрѣтятъ радушный пріемъ со стороны его подданныхъ. Такъ могло, быть можетъ, казаться издали, съ высоты трона, вблизи же положеніе оказывалось инымъ и оптимизмъ фараона совсѣмъ не оправдывался фактами, покоясь на весьма зыбкихъ основаніяхъ. Въ этомъ отношеніи судьба устроила Псаметиху и его преемникамъ новую гримасу.

Подданные фараоновъ, будучи столько времени дритѣсняемы иноземцами, хозяйничавшими долго въ долинѣ священнаго Нила, отнеслись къ пришельцамъ крайне недовѣрчиво и подозрительно, тѣмъ болѣе, что до эпохи Псаметиха они почти ничего не знали о грекахъ, нравы и обычаи которыхъ рѣзко отличались отъ туземныхъ. Поэтому, въ противоположность той терпимости, съ которой египетскій народъ относился къ чужеземцамъ, ему знакомымъ издавна (финикіяне, эѳіопы, ливійцы, евреи и проч.), по отношенію къ грекамъ онъ показалъ себя явно нетерпимымъ, точно предчувствуя ихъ будущее главенство надъ Египтомъ. Особенно рѣзко выражало свое негодованіе военное сословіе, главнымъ образомъ, офицерство, оттѣсненное на задній планъ греческими наемниками, которыхъ фараонъ осыпалъ подарками и изъ которыхъ набиралъ себѣ тѣлохранителей. Выше мы

¹⁾ Страбонъ XVII. Лагерь милетцевъ находится около Бубаста.

²⁾ Геродотъ, II, 154.

видѣли, что кромѣ прирожденныхъ египтянъ, воинская повинность распространялась и на чуждыя имъ по происхожденію народности, выставлявшія такъ называемыя, вспомогательныя войска (См. Военное искусство), которыя являлись частью національной арміи и притомъ частью далеко немаловажной. Разумѣется, фараоны предпочли бы имѣть болѣе однородный составъ арміи, не прибѣгая къ помощи вспомогательныхъ войскъ, внѣсившихъ извѣстную неспѣтость въ ряды арміи, что первоначально и достигалось путемъ предоставленія каждому воину опредѣленнаго земельного надѣла, но съ теченіемъ времени, при отдаленныхъ походахъ и экспедиціяхъ, волей-неволей пришлось подкрѣплять національныя войска вспомогательными, которыя приносили огромную пользу. Но что въ свое время было хоть горькимъ, но цѣлебнымъ средствомъ, то стало теперь ядомъ и явилось началомъ конца. Въ указанную эпоху политическая температура въ Египтѣ стала столь жгучей, что трудно было себя представить, какимъ образомъ напряженіе могло бы разрѣшиться безъ сильныхъ грозovýchъ ударовъ. А гроза надвигалась. Когда туземные офицеры увидѣли что „гости фараона“ лишаютъ ихъ преимуществъ, которыя до сихъ поръ были предоставлены имъ однимъ, то они подняли громкій ропотъ, всячески выражая свое негодованіе противъ ненавистныхъ пришельцевъ. Расходившіяся страсти офицерства работали подъ высокимъ давленіемъ. Сигналомъ къ общему взрыву послужило возмущеніе гарнизоновъ въ Элефантинѣ, Тунепѣ и Мареа, которыхъ правительственный произволь умышленно не смѣнялъ въ теченіе трехъ лѣтъ, дабы удалить безпокойные элементы отъ центра государства и занять ихъ службой на окраинахъ. Но гарнизона вовсе не желала быть травленнымъ звѣремъ для эгоистическаго правительства и возмутилась. Къ ней пристали остальные военные элементы, крайне недовольные своимъ положеніемъ.

Сообразивъ, что открытый бунтъ ихъ можетъ быть безъ труда подавленъ многочисленными греческими наемниками, имѣвшими на своей сторонѣ превосходство тактики и вооруженія, недовольные рѣшились покинуть страну *путемъ массовой эмиграціи въ Эіопію*. Тѣмъ легче могли они удалиться изъ края, что земельная собственность ихъ, конфискованная эіоплянами въ эпоху господства XX династїи, не была имъ возвращена и въ сущности они ничего не теряли отъ ухода на другую территорію. И вотъ 240.000 воиновъ вмѣстѣ съ имуществомъ удалились на югъ. Несмотря на уговариванія фараона, которому слишкомъ поздно дано было знать о возмущеніи гарнизоны и который напрасно умолялъ ихъ вернуться, суля золотыя горы,

вооруженный народъ продолжалъ свой путь и по прибытіи въ Эѳіопію получилъ отъ царя Напаты дозволеніе завоевать для послѣдняго территорію, занятую его врагами.

Мѣсто поселенія выселившихся египтянъ находилось на полуостровѣ, образуемомъ сліяніемъ Бѣлаго Нила съ Голубымъ. Впослѣдствіе эмигрировавшее военное сословіе разрослось въ довольно значительное населеніе, извѣстное у греческихъ писателей подъ названіемъ автомоловъ и сембритовъ; сами же выселившіеся называли себя асмахами, т. е. воинами, стоящими по лѣвую руку царя. Эта грандіозная массовая эмиграція двухсотъ сорока тысячъ человѣкъ, представлявшихъ почти весь итогъ вооруженной силы страны, чрезвычайно ослабила Египетъ, который теперь-то особенно нуждался въ значительныхъ военныхъ силахъ, и приблизила его къ роковой катастрофѣ, которая случилась спустя восемьдесятъ шесть лѣтъ послѣ смерти основателя XXVI династіи.

Но еще при жизни Псаметиха, Египетъ, лишенный арміи и флота, не былъ въ состояніи воспользоваться паденіемъ когда-то столь могущественнаго и грознаго ассирійскаго царства и разрушеніемъ Ниневіи; всѣ выгоды политическаго раздѣла монархіи Саргонидовъ достались вавилонянамъ и мидянамъ, а египетскій фараонъ остался съ пустыми руками, принужденный лишь *les bras croisés* созерцать усиленіе Халдеи, не имѣя возможности ему помѣшать. Таковъ былъ конецъ царствованія Псаметиха. Въ 612 году онъ умеръ и былъ погребенъ въ Саисѣ, оставивъ престолъ своему сыну Нехао (Нико).

Новый государь оказался энергическимъ правителемъ. Съ помощью греческихъ инженеровъ и въ относительно короткое время ему удалось создать прекрасный флотъ, въ которомъ старинныя суда были замѣнены галерами болѣе совершеннаго устройства. Онъ помышлялъ о возстановленіи канала, нѣкогда соединявшаго воды Краснаго и Средиземнаго морей, но заброшеннаго и засыпаннаго пескомъ со времени послѣднихъ фараоновъ XX династіи. Истрепанная басня, передаваемая Геродотомъ, говоритъ, что потерявъ сто двадцать тысячъ человѣкъ на этомъ предпріятіи, Нехао отказался отъ него, внявъ голосу оракула, который предсказалъ ему, что онъ работаетъ для варваровъ ¹⁾. Потерпѣвъ неудачу при прорытіи канала, фараонъ тѣмъ не менѣе не отказался отъ морскихъ экспедицій; мы уже знаемъ (см. Морское дѣло), что желая расширить коммерческія сношенія Египта,

¹⁾ Геродотъ II, 158; см. также Эберсъ «Durch Gosen zum Sinai» 471 и слѣд.

Нехао поручилъ состоявшимъ у него на службѣ финикіянамъ объѣхать африканскій континентъ, но точное воспоминаніе о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ и открытіяхъ затерялось и вообще смѣлая экспедиція мореплавателей осталась безъ послѣдствій, что и подало потомъ поводъ утверждать, что это выдумка ¹⁾).

О строительной дѣятельности фараона мы мало освѣдомлены, да Нехао, какъ кажется, и не обнаруживалъ особаго влеченія къ постройкамъ. Извѣстно только на основаніи памятныхъ камней Аписовъ мемфисскаго *Segareum'a*, описаннаго Маріеттомъ, что Нехао выстроилъ окопѣвшему на 16 году царствованія фараона священному быку Апису „подземное гробовое мѣсто изъ хорошаго известняка..., чему подобнаго не бывало“. Этимъ, кажется, и исчерпывалась строительная дѣятельность царя, который не долго предавался мирнымъ занятіямъ и, забывъ, что въ его эпоху Египетъ это тѣнь безъ тѣла, выступилъ скоро на путь на иноземныхъ завоеваній, двинувши въ 605 году войска свои въ Сирію, находившуюся подъ владычествомъ халдеевъ. Еврейскія войска, подъ начальствомъ царя Іосіи, пытались загородить путь египтянамъ, но въ сраженіи при Мегеддо, на старомъ полѣ сраженія Тутмеса III, были разбиты на голову, а царь ихъ убитъ, послѣ чего Нехао овладѣлъ всей Сиріей, возстановивъ такимъ образомъ свое шаткое и кратковременное господство надъ названной страной и обложивъ Іудею данью въ сто талантовъ серебра и одинъ талантъ золота ²⁾).

Но власть фараона надъ Сиріей продолжалась очень недолго, какойнибудь годъ—два. Въ 604—603 году вавилонскій царь Набопассаръ рѣшился отнять у Нехао завоеванныя имъ провинціи и положить конецъ завоевательнымъ попыткамъ египтянъ въ Сиріи, выславъ противъ нихъ сильное войско подъ начальствомъ своего сына, знаменитаго впослѣдствіе Навуходоноссора (правильнѣе Набукудуруссуръ), истиннаго основателя Ново-Халдейскаго царства, человѣка съ выдающимися военными талантами и съ большимъ нравственнымъ фондомъ.

Теперь судьба древняго Востока покоилась какъ будто на вѣсахъ: въ одной чашкѣ ихъ находились халдеи, въ другой—египтяне; положеніе вѣсовъ зависѣло отъ того, уравнивалась ли личность одновременныхъ государей и ихъ матеріальная сила. И никогда, быть можетъ, чашка фараоновъ не была въ послѣднемъ отношеніи

¹⁾ Ср. Шлоссеръ «Всемирная исторія», т. I, стр. 57.

²⁾ 4 кн. царств. XXIII, 30—35.

такъ легковѣсна, какъ при Нехао, потому что никогда еще на противоположной чашкѣ не было такого груза, какимъ былъ Навуходносоръ.

Получивъ извѣстіе о наступленіи халдеевъ, фараонъ поспѣшилъ имъ навстрѣчу въ наивной увѣренности управиться безъ труда съ арміею Навуходносора. На берегахъ Ефрата при Кархемышѣ (Дже-раблусъ или Цирцесіумъ) произошла рѣшительная битва между войсками двухъ державъ, претендовавшихъ на господство въ Азіи. Подробности этаго сраженія намъ неизвѣстны, мы знаемъ только, что оно было упорное и окончилось полнымъ разгромомъ египетской арміи, атакованной халдеями съ фронта и съ фланговъ и прорвавшихъ слабый центръ наемныхъ войскъ Нехао. Побѣда халдеевъ была настолько рѣшительна, что вопросъ о самомъ существованіи Египта былъ поставленъ на карту и равнялся гамлетовскому „быть или не быть“. Къ счастью для Нехао, Навуходносоръ ограничился тактическимъ успѣхомъ и не преслѣдовалъ поспѣшно отступавшей арміи фараона, такъ какъ въ это время онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и это обстоятельство побудило его, не вторгаясь въ Египетъ, къ чему онъ, повидимому, готовился, заключить договоръ съ побѣжденнымъ противникомъ и вернуться въ Вавилонъ.

Пораженіе подъ Кархемышемъ повлекло за собой потерю всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ Нехао въ Сиріи, и ограниченіе предѣловъ монархіи фараоновъ долиною Нила. Однимъ сраженіемъ у египтянъ было отнято все! Но сынъ Псаметиха не упалъ духомъ отъ проигранной битвы, которая верхъ дномъ опрокинула его политическіе расчеты, бывшіе не слѣдствіемъ надлежащей оцѣнки окружающей обстановки, а исключительно плодомъ разнузданнаго политическаго фантазерства. Пораженіе подъ Кархемышемъ открыло ему глаза и онъ понялъ, какой страшный врагъ стучится въ долину Нила. Съ тѣхъ поръ всѣ силы своего ума и таланта Нехао направилъ къ тому, чтобы не допустить вавилонянъ выбить тотъ клинъ, который былъ загнанъ исторіей между Ниломъ и Ефратомъ—Иудею. Онъ поддерживалъ возставшихъ тирянъ и евреевъ, пользуясь ихъ ненавистью къ господству Вавилона, и самъ, въ свою очередь, усиленно готовился къ новой войнѣ съ халдеями, намѣриваясь отомстить за пораженіе. Къ несчастью для него, случай этотъ такъ и не представился: въ 596 году смерть похитила фараона послѣ шестнадцатилѣтняго царствованія, въ продолженіе котораго онъ тщетно старался доставить своей родинѣ тотъ блескъ и то значеніе, какими она пользовалась въ эпоху Тут-мессидовъ, и не его вина, если старческія силы Египта настолько

окопѣнѣли, что не въ состояніи были снова хоть отчасти завоевать свое прошлое боевое величіе.

Наслѣдникъ Нехао, Псаметихъ II (Псаммисъ) вступилъ на престолъ фараоновъ. Онъ былъ совсѣмъ еще ребенкомъ, когда ему досталась египетская корона и, конечно, нуждался въ умѣломъ руководствѣ для управленія государствомъ. Но царствованіе его было кратковременное, продолжалось всего пять-шесть лѣтъ и онъ умеръ, не достигнувъ совершеннолѣтія вслѣдъ за возвращеніемъ своихъ войскъ изъ Эіопіи, объ экспедиціи въ которую достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется. За то мы знаемъ, что юноша-фараонъ, желая укрѣпить верховныя права свои на Эіопію, женился на своей теткѣ. Нитакри (дочь царицы Шаленапъ, супруги Псаметиха I, племянницы Шабака), которая была старше его чуть не втрое, но которая санкціонировала его права на страну Кушь.

Саркофагъ Псаметиха II, открытый въ 1883 году, находится нынѣ въ Булакскомъ музеѣ.

Преемникомъ умершаго фараона былъ Уахабри (Уафрисъ, евр. Вафрій, греч. Апрій), человекъ предприимчивый, энергичный, честолюбивый, но въ то же время гордый, упрямый и до крайности самонадѣянный. Вернувшись къ азіатской политикѣ своихъ предшественниковъ, онъ, если вѣрить сообщеніямъ Геродота и Діодора, предпринялъ походъ въ Сирію, взялъ штурмомъ финикійскій Сидонъ и отразилъ вторженіе халдеевъ въ Египетъ: флотъ Уахабри, управляемый греками, нанесъ сильное пораженіе финикійскимъ кораблямъ, находившимся на службѣ у Навуходоносора, чѣмъ принудилъ послѣдняго отказаться отъ покоренія царства фараоновъ ¹⁾.

По разсказу же Іосифа Флавія, вавилонскій царь разбилъ войска Уахабри, опустошилъ Египетъ и увелъ съ собою всѣхъ еврейскихъ эмигрантовъ, жившихъ въ Дельтѣ ²⁾. Какое сообщеніе справедливѣе, сказать трудно; несомнѣнно только то, что фараонъ не могъ помѣшать халдеямъ взять Іерусалимъ и отвести послѣдняго іудейскаго царя Седекію плѣнникомъ въ Вавилонъ. Уахабри пытался, правда, произвести вооруженную диверсію въ пользу своего союзника, который, по словамъ Библии, „послалъ пословъ въ Египетъ, чтобы дали ему коней и много людей“ ³⁾, но послѣдующія событія доказали ясно, что египетскій царь не могъ быть полезенъ не только своимъ союзникамъ-евреямъ, но даже и самому себѣ. Своимъ покровительствомъ

¹⁾ Геродотъ II, 161; Діодоръ, I, 68.

²⁾ Іосифъ Флавій «Ant. Jud.» X, 11.

³⁾ Іезекииль XVII, 15.

иноземцамъ, особенно грекамъ, онъ возбудилъ ненависть жрецовъ и простого народа, вслѣдствіе чего египетская національная партія начала дѣятельно работать надъ сверженіемъ династіи Псаметиха, никогда не пользовавшейся популярностью за покровительство, оказываемое чужестранцамъ и за представляемые имъ выгоды въ ущербъ коренному населенію.

За поводомъ дѣло не стало. Греческіе колонисты Кирены, основанной въ 631 году минійцами и дорьянами съ острова Сиры, рано отдѣлившись отъ остальной эллинской націи и получившей сильную африканскую окраску, начали тѣснить ливійскія племена, жившія вдоль морского побережія и вынудили послѣднихъ обратиться съ жалобой къ фараону, прося у него защиты и покровительства. Уахабри тотчасъ же послалъ противъ киренцевъ отрядъ египетскихъ войскъ, который потерпѣлъ пораженіе отъ арміи колонистовъ при Ирасѣ и такъ сильно пострадалъ при отступленіи, что только небольшое число бѣглецовъ достигло границъ Дельты ¹⁾. Само по себѣ это довольно незначительное пораженіе было истолковано врагами фараона въ томъ смыслѣ, что Уахабри умышленно послалъ въ Ливію египетскихъ солдатъ на вѣрную гибель, дабы отдѣлаться такимъ образомъ отъ людей, вѣрность которыхъ начинала ему казаться сомнительной.

Неудовольствіе достигло крайней степени и вскорѣ перешло въ открытое возстаніе противъ нелюбимаго фараона, не умѣвшаго пользоваться своею властью какъ слѣдуетъ и всегда находившагося въ зависимости отъ обстоятельствъ. По разсказу Геродота, получивъ извѣстіе о мятежѣ Уахабри отправилъ противъ бунтовщиковъ военачальника А мас а (Амазисъ) съ приказаніемъ привести ихъ къ повиновенію. Въ то время какъ послѣдній уговаривалъ задорныхъ политиковъ, одинъ изъ воиновъ (вѣроятно офицеръ чужеземныхъ войскъ), прервавъ его разглагольствованія, надѣлъ ему на голову шлемъ и провозгласилъ царемъ. Армія поддержала избраніе А мас а и египетскій генераль превратился въ повелителя монархіи фараоновъ. При Мареа онъ разбилъ фараоновскихъ опричниковъ-грековъ и вслѣдъ затѣмъ взялъ Саисъ.

XXVII династія. Первоначально побѣжденный монархъ былъ пощажень узурпаторомъ и даже нѣкоторое время раздѣлялъ власть съ послѣднимъ, но ненависть къ Уахабри была такъ сильна и такъ искусно подогрѣвалась его врагами, что новый фараонъ увидѣлъ себя

¹⁾ Геродотъ IV, 159.

вынужденнымъ выдать несчастнаго царя злющей саисской черни, въ рукахъ которой погибъ мучительной смертью послѣдній отпрыскъ дома Псаметиха, являясь жертвой отпущенія за антинаціональную внутреннюю политику своихъ предшественниковъ. Амасъ (греч. Амазисъ) основалъ XXVII династію и чтобы укрѣпить себя на престолѣ женился на царицѣ Анхнасъ-Ноферибри, внучкѣ Псаметиха I и такимъ образомъ придавъ своей узурпаціи законный видъ. Если національная партія рассчитывала, что возведеніемъ на престолъ Амоса она достигнетъ изгнанія изъ Египта ненавистныхъ иностранцевъ, то ей пришлось вскорѣ разочароваться. Новый фараонъ, понимая откуда дуетъ вѣтеръ, не только оказывалъ имъ самое широкое гостепріимство и осыпалъ милостями наемныя греческія войска, но и самъ превратился въ эллина, насколько, конечно, подобное превращеніе было возможно для египтянина. Онъ завязалъ дружественныя сношенія съ главнѣйшими святилищами Эллады и многократно снабжалъ ихъ щедрымъ отпускомъ денежныхъ субсидій. Когда въ 548 году сгорѣлъ храмъ Апполона въ Дельфахъ, Амасъ послалъ въ Грецію тысячу талантовъ, дабы помочь этой суммой постройкѣ новаго храма дельфійскому богу ¹⁾, прорицалище котораго пользовалось огромной извѣстностью въ древнемъ мірѣ. Кромѣ того фараонъ переселилъ въ окрестности Мемфиса колоніи карійцевъ и іонійцевъ, которые, какъ мы знаемъ, жили до тѣхъ поръ между Пелузійскимъ рукавомъ Нила и городомъ Бубастомъ и, затѣмъ, открылъ для иностранцевъ гавань Навкратиса (у Канопскаго рукава), гдѣ разцвѣла іонійская колонія съ сильной африканской окраской и съ демократически-республиканскимъ общественнымъ строемъ. Вся торговля по Нилу проходила черезъ рынки этого города, получившаго торговую монополію и сдѣлавшагося въ нѣсколько лѣтъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ складочныхъ пунктовъ древняго міра. Эллинамъ разрѣшалось пріобрѣтать мѣста для жительства во всѣхъ городахъ страны, устраивать торговыя конторы и склады, а также свободно исповѣдывать свою религію.

Съ Киреной Амасъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ и даже женился на дочери одного киренскаго богача (Критобула), Ладике, которая пережила его и послѣ смерти супруга должна была удалиться обратно (см. ниже).

Такимъ образомъ дружба фараона съ греками была прочна, потому что спаивалась обоюдными интересами.

¹⁾ Ibid. II, 180.

Изъ эллинскихъ союзниковъ Амаза первое мѣсто принадлежало Поликрату Самосскому, который во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ пользовался такимъ неизмѣннымъ счастіемъ и такъ быстро лишился его, что позднѣйшіе греки часто приводили его судьбу въ примѣръ непостоянства колеса фортуны. Общеизвѣстенъ разсказъ Геродота, что Амаза, убѣжденный въ непрочности всего земного, въ томъ, что человѣкъ не можетъ быть постоянно счастливъ, и тѣмъ тяжелѣе поражается неизбѣжнымъ горемъ, чѣмъ болѣе счастья выпало ему на долю, упрашивалъ Поликрата самому причинить себѣ несчастіе, чтобы такимъ образомъ удовлетворить завистливую судьбу и доставить себѣ ту чередующуюся смѣсь страданія и радостей, изъ которой неизбѣжно состоитъ земная жизнь. Преданіе о „Поликратовомъ перстнѣ“ настолько всѣмъ извѣстно, что его касаться мы здѣсь не будемъ, тѣмъ болѣе, что историческая достовѣрность его весьма сомнительна.

Строительная дѣятельность фараона выразилась въ его многочисленныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, матеріаломъ для которыхъ послужили вновь открытыя каменоломни въ Сіенѣ, Туру и Роханну, разрабатывавшіяся весьма старательно. Карнакскіе памятники были реставрированы заново, а изъ Абу (Элефантина) перевезенъ въ Саисъ статуя изъ цѣльнаго розоваго гранита, которую предполагалось помѣстить въ храмъ богини Нейтъ. Двѣ тысячи перевозчиковъ были заняты перевозкой этой массивной статуи, вѣсившей около полумилліона килограммовъ. Въ Мемфисѣ фараонъ выстроилъ храмъ богинѣ Изидѣ, а передъ святилищемъ Фта въ томъ же городѣ соорудилъ громадный колоссъ. Во внѣшней политикѣ Амаза ограничился только тѣмъ, что возстановилъ верховную власть Египта надъ островомъ Кипромъ и, въ виду увеличивавшагося могущества персовъ, сдѣлавшихся обладателями Ново-Халдейскаго царства, заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Крезомъ Лидійскимъ, союзъ, впрочемъ, крайне непрочный и распавшійся послѣ пораженія лидійскаго царя при Тимбрарѣ (см. т. II исторію Персіи). Теперь персидскіе полчища должны были хлынуть на Египетъ и близкая война между двумя державами, претендовавшими на главенство, казалась неизбѣжной. Судьба была милостива къ фараону и не заставила его быть свидѣтелемъ трагическаго конца своей монархіи. При самомъ началѣ персидскаго вторженія, къ большому счастью для себя, онъ умеръ.

Амаза не пользовался расположеніемъ подданныхъ за то предпочтеніе, какое онъ оказывалъ иностранцамъ, съ помощью которыхъ думалъ обновить клонившуюся къ паденію монархію, вливъ въ нее потокъ свѣжихъ элементовъ и ожививъ ея старческій дряхлѣющій

организмъ. Особенно ненавидѣли фараона египтяне стараго закала, нерасположенные къ иноземцамъ-грекамъ и считавшіе наплывъ эллинской расы источникомъ бѣдствій для Египта, защита котораго за эмиграціей военнаго сословія въ Эѳіопію (см. выше), по необходимости поручалась греческимъ наемникамъ. На счетъ Амаса ходили самые злостные пасквили и слухи, въ которыхъ „сынъ солнца“ выставлялся мотомъ, пьяницей и похитителемъ чужой собственности ¹⁾).

Нѣтъ сомнѣній, что большинство всѣхъ этихъ розсказней являлось плодомъ выдумокъ, на которыя были такъ щедры порицатели Амаса, заслуги и несомнѣнныя достоинства котораго не имѣли въ ихъ глазахъ настоящей цѣны.

Персы въ Египтѣ. По смерти фараона египетскій престолъ достался сыну его, Псаметиху III, которому пришлось принять отъ отца тяжелое наслѣдство—войну съ Персіей.

Строго придерживаясь несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ и опуская, по возможности, всѣ саги и легенды, являющіяся въ большинствѣ случаевъ плодами разыгравшагося не въ мѣру воображенія, а иногда такъ и прямо завѣдомаго вымысла, мы не будемъ и здѣсь повторять баснословныхъ разсказовъ греческихъ писателей, пытавшихся объяснить причины столкновенія между обоими государствами личными побужденіями главныхъ дѣятелей открывшейся войны. Изъ внимательнаго изученія политическаго состоянія древне-восточныхъ государствъ въ эпоху персидскаго нашествія явствуетъ, что естественныя причины, которыя привели къ столкновенію „самаго молодого изъ восточныхъ народовъ съ самымъ древнимъ“ заключались въ томъ, что Египеть, по самому ходу историческихъ событій, не могъ не явиться противникомъ Персіи, съ которой рано или поздно ему предстояло вступить въ политическое соперничество, ибо оба они стремились къ господству надъ Азіей.

Чувствуя надвигавшуюся изъ Азіи грозу и будучи не въ силахъ отвести ее собственными средствами, фараоны старались задать Персіи работу дома, то возмущая ее подданныхъ, то поддерживая мятежную Халдею, то заключая, наконецъ, враждебные персидскому царю союзы. Очевидно, что владычество Персіи не могло быть прочно установлено, разъ у ней подъ бокомъ находился такой соперникъ, который строилъ козни противъ расширенія монархіи Ахеменидовъ. Въ силу указанныхъ причинъ персидскій царь Камбизъ,

¹⁾ Геродотъ II, 174.

сынъ Кира, по восшествіи своемъ на престоль, сооруженный геніемъ его отца, рѣшилъ, исполняя намѣченную программу послѣдняго, предпринять завоеваніе долины Нила и присоединить ее къ своему царству. Собравъ огромное войско, въ которомъ кромѣ персовъ находились греческіе отряды, предназначенные для дѣйствій противъ карійскихъ наемниковъ фараона и пройдя пустыню, переходъ черезъ которую благодаря принятымъ предосторожностямъ, окончился благополучно, онъ подошелъ къ Пелузіуму, подъ стѣнами котораго произошла рѣшительная битва (527 г.).

Египтяне, подкрѣпляемые вспомогательными греческими отрядами, бились съ мужествомъ отчаянія и до самаго вечера отражали стремительныя атаки азіатовъ, но исходъ сраженія можно уже было предвидѣть, ибо персидскія полчища съ такой силой хлынули на малочисленное, сравнительно, войско Псаметиха, что оно дрогнуло и начало подаваться назадъ. Къ тому же, если вѣрить свидѣтельству Полиена, персидскій царь приказалъ выставить впереди своей арміи кошекъ, собакъ, ибисовъ и другихъ священныхъ животныхъ, почему туземные солдаты не рѣшались стрѣлять въ персовъ изъ боязни убить или поранить какого нибудь бога ¹⁾).

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда не взирая на блестящую храбрость карійцевъ и другихъ эллинскихъ наемниковъ, сраженіе было окончательно проиграно и разбитая египетская армія начала поспѣшное, похожее на бѣгство, отступленіе къ югу. Фараонъ совершенно потерялъ голову: вмѣсто того, чтобы собрать остатки своего войска и защищать входъ въ каналъ, онъ, думая, что все потеряно, искалъ спасенія въ бѣгствѣ и заперся въ цитадели Мемфиса. Персидскіе послы, потребовавшіе отъ имени своего государя сдачи крѣпости, были умерщвлены разъяренной чернью, но, конечно, гибель пословъ насколько не помогла дѣлу защиты и осажденный со всѣхъ сторонъ городъ вынужденъ былъ капитулировать и открыть свои ворота побѣдителю.

Съ плѣннымъ фараономъ Камбизъ поступилъ весьма милостиво: онъ получилъ владѣніе въ окрестностяхъ Сузы съ дозволеніемъ взять туда съ собою шесть тысячъ имъ самимъ избранныхъ египтянъ. По другому, гораздо менѣ правдоподобному извѣстію, Псаметихъ III подвергся болѣе жестокой участи. Общеизвѣстенъ разсказъ Геродота о томъ, что, по приказанію сумасброднаго персидскаго деспота, мимо плѣннаго фараона провели его дочь въ одеждѣ невольницы, его сы-

¹⁾ Полиенъ, Strat. VII, 9.

новой и дѣтей знатнѣйшихъ египтянъ, осужденныхъ на смертную казнь въ качествѣ искупительныхъ жертвъ за смерть персидскихъ пословъ, которые требовали сдачи Мемфиса. Но во время всего печальнаго шествія лицо злополучнаго сына Амаса оставалось безстрастно спокойнымъ. Когда же мимо фараона прошелъ одинъ изъ его друзей въ одеждѣ нищаго, Псаметихъ заплакалъ навзрыдъ и сталъ бить себя по головѣ. Удивленный такимъ порывомъ отчаянія со стороны человѣка, который только что выказалъ необыкновенную твердость, персидскій царь черезъ переводчика потребовалъ объясненій. „О сынъ Кира!—будто бы отвѣтилъ Псаметихъ—мое личное горе слишкомъ велико, чтобы стоило его оплакивать, но иное дѣло несчастіе моего друга: когда человѣкъ на порогѣ старости повергается въ нищету отъ роскоши и изобилія, можно, конечно, заплакать надъ его участью!“ Суровое сердце Камбиза тронулось несчастіемъ царственнаго плѣнника и онъ приказалъ обращаться съ нимъ, какъ съ царемъ. Передавая это свѣдѣніе, греческій историкъ добавляетъ, что персидскій царь возстановилъ бы Псаметиха III на престолѣ въ качествѣ своего вассала, еслибы послѣдній не составилъ заговора, имѣвшаго цѣлью сверженіе ига завоевателей, за что Камбизъ осудилъ его выпить бычачьей крови, отъ которой фараонъ тотчасъ же умеръ. Было ли такъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ,—вопросъ этотъ не имѣетъ для насъ особенной важности, несравненно важнѣе то обстоятельство, что со вторженіемъ персовъ политическая свобода Египта погибла навсегда (если не считать кратковременный періодъ независимости, предшествовавшій завоеванію Оха) и *страна фараоновъ обратилась въ персидскую провинцію Мудрайю*, управленіе которой Камбизъ ввѣрилъ одному изъ своихъ приближенныхъ, персу Арианду.

На первыхъ порахъ побѣдитель выказалъ необыкновенную снисходительность къ завоеванной странѣ и не задѣвалъ ея вѣрованій. Мало того, онъ выразилъ желаніе быть посвященнымъ въ таинства богинѣ Нейтъ (Нить) главнымъ жрецомъ Саиса Уцагоренпирисомъ, который въ надписи своей поясняетъ: „Я далъ ему (т. е. Камбизу) понятіе о величіи города Саиса, какъ мѣстности богини Нейтъ, великой матери, родившей солнечнаго бога... также (далъ ему понятіе) о высокомъ значеніи палатъ богини Нейтъ, которыя суть ея мѣстопробыванія... Послѣ того какъ царь Камбатетъ (Камбизъ) прибылъ въ Саисъ, онъ самъ отправился въ храмъ богини Нейтъ. Онъ совершилъ обожаніе великой святой богини по всѣмъ хорошимъ обрядамъ“...

Греческіе писатели увѣряютъ, что царь персовъ, зная непопулярность покойнаго фараона Амаса и въ то же время удовлетворяя

собственной злобѣ противъ основателя XXVII династїи приказалъ разрушить его гробницу въ Саисѣ и сжечь его мумію (Впослѣдствіе была сочинена басня о томъ, что Амасъ, предупрежденный будто бы оракуломъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы послѣ смерти тѣло его было подмѣнено другимъ, набальзамированнымъ по царски, и что надъ этой то подставной муміей и надругался Камбизъ, между тѣмъ какъ настоящая царская мумія мирно покоилась въ тайномъ склепѣ). Наоборотъ со вдовой Амаса, царицей Ладике Камбизъ обошелся милостиво и отослалъ ее къ родителямъ въ Кирену, откуда она происходила родомъ.

У повелителя персовъ были, впрочемъ, особыя причины, побуждавшія его къ снисходительному обращенію со своими новыми подданными: онъ предполагалъ *сдѣлать Средній Египетъ и Дельту исходнымъ пунктомъ боевымъ операцій въ стѣврной Африкѣ*.

Первая добыча, которую онъ намѣтилъ себѣ послѣ завоеванія царства фараоновъ, была цвѣтущая финикійская колонія—Кареагенъ, находившейся тогда въ апогеѣ своего величія и возбуждавшей своими огромными богатствами алчность Камбиза. Но описаніе этой экспедиціи, въ которой такъ трагически погибъ авангардъ персидскаго войска, равно какъ рассказъ о неудачномъ походѣ персовъ въ оазисъ Аммона и въ Эѳіопію, мы отлагаемъ до обзора исторїи Персіи, а пока замѣтимъ, что неудача попытокъ Камбиза къ покоренію названныхъ мѣстностей невыгодно отразилась на характерѣ повелителя персовъ и онъ, если вѣрить показаніямъ грековъ, потерялъ простой человѣческій смыслъ.

По возвращеніи въ Мемфисъ послѣ того пблнѣйшаго fiasco, которое персидскій царь потерпѣлъ во время своего похода въ Эѳіопію, онъ засталъ весь городъ въ шумномъ ликованіи по случаю находенія новаго Аписа. Вообразивъ, что населеніе радуется неудачѣ персовъ, Камбизъ пришелъ въ страшную ярость: онъ собственноручно убилъ священнаго быка, а жрецовъ его приказалъ отодрать, что называется, на обѣ корки.

Такъ по Геродоту ¹⁾. По новѣйшимъ же изслѣдованіямъ выходитъ совсѣмъ не то. Покойному Бругшу удалось доказать, при помощи различныхъ математическихъ выкладокъ и вычисленій, произведенныхъ имъ на основаніи несомнѣнныхъ свидѣтельствъ памятниковъ, что греческое преданіе объ убіеніи Аписа безумныхъ царемъ персовъ есть чистая сказка, выдуманная, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ

¹⁾ Геродотъ II, 188.

злобу и жестокость чужеземнаго тирана ¹⁾). Особенно щедры были на сочиненіе подобныхъ розсказней и небылицъ позднѣйшіе египтяне, которые видѣли въ Камбизѣ поработителя ихъ родины и со словъ которыхъ разныя побасенки были записаны греческими историками, передававшими ихъ какъ несомнѣнныя истины и выставлявшими въ своихъ произведеніяхъ царя персовъ какимъ то кровожаднымъ эпилептикомъ.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить здѣсь за дальнѣйшей исторіей царствованія Камбиза, которая будетъ изложена въ своемъ мѣстѣ; теперь достаточно замѣтить, что завоеваніемъ персами Египта должна была бы закончиться многовѣковая исторія фараоновскаго царства, погруженнаго въ политическую Нирвану и представлявшаго какой-то политической скелетъ безъ органической жизни, но беря во вниманіе, что египтяне, нетерпѣливо переносившіе тяжелые персидское иго, господствовавшее надъ ними около двухсотъ лѣтъ, освобождались по временамъ отъ своихъ притѣснителей и даже имѣли собственныхъ государей, необходимо довести исторію Египта до паденія персидскаго царства и до завоеванія послѣдняго великимъ покорителемъ Азіи.

Конечно это не будетъ исторіей политически-самостоятельной націи, какой былъ египетскій народъ до персидскаго вторженія: дальнѣйшій историческій розсказъ имѣетъ цѣлью изложить въ общихъ чертахъ исторію мятежной провинціи, которая временами восстанавливаетъ свою независимость, имѣетъ опять таки временами собственныхъ царей, но со всѣмъ тѣмъ оказывается неспособной къ самостоятельной политической жизни и по прошествіи извѣстнаго времени снова приводится къ повиновенію либо въ силу собственной слабости и внутренняго безсилія, либо черезъ энергію завоевателей, либо, наконецъ, отъ того, что дѣло освобожденія страны отъ персидскаго ига принимали на себя лица, которымъ роль освободителей была совсѣмъ не по плечу.

Намъ предстоитъ теперь разсмотрѣть эти попытки къ сверженію господства персовъ, касаясь указанныхъ попытокъ лишь настолько, насколько онѣ имѣютъ соприкосновеніе съ египетской исторіей.

По удаленію Камбиза, оставленный имъ въ качествѣ намѣстника Ариандъ властвовалъ весьма недолго. Онъ возбудилъ подозрѣніе въ преемникѣ царя Камбиза, Даріѣ I Гистаспѣ (египтизированное имя Дарія — Нтхаріушь Сеттура, подъ которымъ онъ фигури-

¹⁾ Бругшъ, XXIII, 708.

руеть на памятникахъ) и подвергся смертной казни, не смотря на то, что увеличилъ персидскую монархію завоеваніемъ сѣверо-африканской области Барка. Дарій щадилъ религіозное чувство египтянъ и оказывалъ уваженіе ихъ божествамъ, несмотря на то отвращеніе, которое обнаружили персы къ звѣропочитанію. По свидѣтельству Геродота, царь принялъ участіе въ національномъ траурѣ по случаю смерти священнаго быка, для чего прибылъ въ Мемфисъ и общалъ сто талантовъ золота тому, кто отыщетъ новаго Аписа ¹⁾. Излишне прибавлять, что подобное отношеніе къ дѣлу египетской религіи было лишь ловкимъ политическимъ фортелемъ, такъ какъ въ глазахъ поклонниковъ Ормузда звѣропочитаніе египтянъ представлялось имъ кощунственной безсмыслицей, а церемоніальная набожность жрецовъ чѣмъ то вродѣ театральнаго представленія.

Вмѣстѣ съ Киреной и землею Барка Египетъ составлялъ шестую персидскую сатрапію—Мудрайю, находившуюся подъ управленіемъ намѣстника-сатрапа, въ распоряженіи котораго была двадцатитысячная армія, занимавшая три укрѣпленныхъ лагера: Дафне и Мемфисъ на границахъ Дельты и Абу (Элефантина)—на югѣ. Ежегодная подать, выплачиваемая страной, не превышала семисотъ талантовъ серебра и ста двадцати тысячъ медимновъ хлѣба, необходимаго для продовольствія оккупационной арміи ²⁾.

Войдя въ составъ царства Ахеменидовъ, раскинутого по тремъ материкамъ, Египетъ получилъ доступъ въ такія мѣстности, куда продукты его промышленности до того времени никогда прямо не проникали. Товары изъ Судана, направленные въ Сузу или Вавилонъ, должны были проходить черезъ долину Нила, которая такимъ образомъ сдѣлалась посредницей въ торговыхъ сношеніяхъ между Персіей и центральной Африкой.

Изъ построекъ, воздвигнутыхъ Даріемъ въ Египтѣ, можно указать на святилище „крѣпкоукаго“ (усхопешъ) Аммона, которое было сооружено въ оазисѣ Уахъ-эль-Харге (Хибисъ) и развалины котораго, какъ упомянуто выше, видны частью и понынѣ. Кромѣ того Дарій докончилъ каналъ отъ Нила къ Пелузіуму и снова открылъ путь изъ Коптоса къ Красному морю, хотя, по увѣренію Страбона, предпринятая работа не была доведена до конца, такъ какъ Дарія увѣрили, что Египетъ лежитъ ниже уровня Краснаго моря и потому странѣ угрожаетъ опасность быть затопленной; въ силу вышеприведенныхъ условий

¹⁾ Геродотъ II, 110.

²⁾ Ibid III, 99.

персидскій царь увидѣлъ себя вынужденнымъ прекратить начатую работу 1).

Возстаніе Хаббаша (486 г.). Не сразу примирилась страна фараоновъ со своимъ угнетеннымъ положеніемъ политически неспособной общины: пораженіе персидской арміи при Мараонѣ (490 г.) подѣйствовало на египтянъ какъ искра, брошенная въ открытый боченокъ съ порохомъ. Въ 486 году вспыхнулъ мятежъ, чужеземная гарнизона была прогнана, страна объявлена свободной, а родственникъ послѣдней династїи Хаббаша былъ провозглашенъ фараономъ Египта. Преемникъ умершаго Дарія, царь Ксерксъ (Хшіарша) по необходимости вынужденъ былъ приостановить свою экспедицію въ Грецію и заняться дѣлами мятежной Мудрайи, наливъ въ это пѣнящееся вино холодной воды.

Тѣмъ временемъ Хаббаша, овладѣвшій Мемфисомъ и принявшій оффициально титулъ царя, дѣятельно готовился къ отраженію нападенія Ксеркса.

Впродолженіе двухъ лѣтъ онъ подготовлялъ къ защитѣ берега Дельты и укрѣплялъ устье рѣки, чтобы быть въ состояніи дать отпоръ со стороны предвидѣннаго имъ нападенія съ моря. Несмотря, однако, на удивительную энергію фараона, служившую примѣромъ для подданныхъ, обезсиленная и лишенная жизненныхъ соковъ страна оказалась неспособной противостоятъ персидскимъ полчищамъ, которыя массовыми волнами залили долину Нила. Къ сожалѣнію, подробности этой войны намъ неизвѣстны; мы знаемъ лишь то, что возстаніе египтянъ было подавлено, области Дельты, игравшія роль первой скрипки въ вооруженномъ возмущеніи, жестоко наказаны, надъ захваченными главарями мятежа учинена кровавая расправа, на жрецовъ-подстрекателей наложена огромная пеня, а у храма Буто, болѣе всѣхъ скомпрометированнаго въ возстаніи, отнято принадлежавшее ему имущество 2).

Во время этихъ бѣдствій, разразившихся надъ долиною Нила, фараонъ исчезъ и исчезъ какимъ то таинственнымъ образомъ: что случилось съ нимъ—неизвѣстно. Братъ Ксеркса Ахеменисъ былъ назначенъ сатрапомъ-намѣстникомъ и принялъ соотвѣтствовавшія мѣры къ тому, чтобы недопустить повторенія мятежа. Нужно сказать правду, что въ дѣлѣ пресѣченія способовъ къ возстанію, персы совершили

1) Страбонъ, XVII, I, 25. См. выше—Механика и гидравлическія сооруженія.

2) Мариеттъ, «Monuments divers». 8--11.

грубую ошибку, бывшую слѣдствіемъ ихъ безтолковой политики. Въмѣсто того, чтобы изъять подвластныя наслѣдственнымъ номархамъ области изъ вѣдѣнія послѣднихъ и назначить туда чиновниковъ отъ правительства, чѣмъ до извѣстной степени гарантировалось бы спокойствіе въ предѣлахъ провинцій, персы оставили попрежнему всѣ области въ рукахъ національныхъ правителей и безъ того уже сильно скомпрометированныхъ въ послѣднемъ мятежѣ. Благодаря столь близорукому взгляду правительства, думавшему основать свое господство на полиціи и солдатахъ въ наивной увѣренности, что это лучший рецептъ для поддержанія своей власти, египтяне имѣли полную возможность сохранить вождей для послѣдующихъ возмущеній, чѣмъ они, разумѣется, не замедлили воспользоваться при первомъ удобномъ случаѣ.

Возмущеніе Инара (463 г.). Спустя двадцать лѣтъ послѣ усмиренія мятежа Хаббаша, отупѣлый отъ объятій придворныхъ одалисокъ, гаремный царь Ксерксъ палъ отъ руки Артабана (465 г.) и въ персидской монархіи начались смуты, неурядицы и междуусобія, во время которыхъ погибло нѣсколько членовъ царскаго дома, а остальные съ оружіемъ въ рукахъ вели споръ о престолонаслѣдіи (см. т. II исторію Персіи).

Отголосокъ указанныхъ событій рикошетомъ отразился на Египтѣ, гдѣ во главѣ новаго возмущенія сталъ ливійскій правитель Инаръ, котораго считали сыномъ злополучнаго Псаметиха III. Сторону его приняло населеніе Дельты, угнетаемое Ахеменисомъ, а двѣсти кораблей прислали аеиняне, отдѣливъ ихъ отъ своей эскадры, крейсировавшей около Кипра. При тогдашнемъ положеніи отношеній между эллинами и персами—пока прочный мирный договоръ не покончилъ въ пользу грековъ эту долгую кровавую распрю,—аеиняне, которымъ Инаръ обѣщалъ различныя торговыя преимущества, не могли сдѣлать ничего лучшаго, какъ послать помощь въ нильскую Дельту часть своего флота. Ахеменисъ вынужденъ былъ бѣжать къ Артаксерксу I (Артахспесешъ), младшему сыну покойнаго „шахиншаха“, утвердившемуся, наконецъ, на престолѣ Ахеменидовъ; въ то же время персидскій дворъ сыпалъ деньгами направо и налево, чтобы склонить спартанцевъ напасть на Атику и такимъ образомъ принудить аеинянъ отозвать ихъ флотъ изъ Дельты. Такъ какъ этотъ дипломатическій маневръ остался безъ послѣдствій и эфоры не пожелали играть въ руку персидскому царю, то Артаксерксъ рѣшился управиться съ мятежнымъ Египтомъ собственными силами и въ исполне-

ніе задуманной цѣли двинулъ въ Дельту армію и флотъ, а начальство надъ экспедиціей поручилъ тому же Ахеменесу, доводившемуся ему дядей. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній, при огромномъ превосходствѣ въ силахъ, могъ бы потушить мятежъ ливійцевъ, если бы на выручку ихъ не подоспѣли во время вспомогательные греческіе отряды, появленіе которыхъ сразу измѣнило положеніе дѣлъ.

У Папремиса персидская армія была разбита на голову и почти вся уничтожена, а предводитель ея Ахеменесъ былъ убитъ Инаромъ, который отослалъ его трупъ къ персидскому царю. Черезъ нѣсколько дней послѣ папремисской побѣды аеинская эскадра, подъ командой Харитимида, уничтожила финикійскій флотъ, который плылъ на помощь персамъ и, потопивъ тридцать кораблей, завладѣла остальными двадцатью. Вслѣдъ затѣмъ аттическо-іонійскія войска совместно съ туземной арміей Инара, выгнали персидскую гарнизу изъ Мемфиса и овладѣли городомъ: только цитадель крѣпости, Бѣлая Стѣна, куда укрылись остатки разбитой арміи Ахеменеса, упорное оказала сопротивленіе и блокада ея задержала союзниковъ ровно на годъ. Потеря времени всегда ведетъ къ потерѣ дѣла. Такъ вышло и здѣсь. Благодаря успѣшной оборонѣ цитадели Мемфиса, о которую разбились всѣ усилія союзниковъ, Артаксерксъ имѣлъ въ распоряженіи достаточно времени, чтобы выставить новую армію: со стороны суши въ Египтъ вторгнулся сирійскій сатрапъ Мегабазъ съ большимъ сухопутнымъ войскомъ, поддерживаемымъ финикійскимъ флотомъ, подымавшимся вверхъ по Нилу, подъ начальствомъ киликійскаго сатрапа Артабазы. Соединенныя силы обоихъ персидскихъ военачальниковъ принудили египтянъ и аеинянъ снять блокаду Мемфисской цитадели и отступить на небольшой нильскій островокъ Просопитиду (Prosopitis), гдѣ союзники были вынуждены въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ выдерживать настоящую осаду. Къ концу упомянутаго времени Мегабазу удалось отвести одинъ изъ нильскихъ рукавовъ, осушить его русло и взять островъ штурмомъ: большая часть вспомогательныхъ эллинскихъ войскъ пала въ бою или взята была въ плѣнъ, нѣкоторымъ удалось добраться до Кирены и вернуться въ отечество, а остальные бѣжали съ Инаромъ, но вскорѣ, преслѣдуемая по пятамъ, должны были сдаться вмѣстѣ съ предводителемъ. Къ довершенію же всѣхъ бѣдъ пятьдесятъ аеинскихъ кораблей, не зная о страшной катастрофѣ, постигнувшей армію Инара, вошли въ Мендесійскій рукавъ и попали въ руки финикіянъ. Сдаваясь, Инаръ выговорилъ жизнь себѣ и своимъ сторонникамъ, но черезъ пять лѣтъ царское обѣщаніе было забыто и несчастные плѣн-

ники выданы кровожадной матери царя (Амистриса), которая приказала распять Инара въ отмщеніе за смерть Ахеменеса ¹⁾.

Просопитидскій погромъ положилъ конецъ возстанію и привелъ возмутившихся къ покорности, заставивъ ихъ снова подчиниться ненавистному игу.

Но со всѣмъ тѣмъ нѣсколько туземныхъ отрядовъ, не желавшихъ покориться персамъ, укрылись въ недоступныхъ болотистыхъ частяхъ Дельты; вскорѣ у нихъ нашелся и предводитель, боевой сподвижникъ Инара, Амиртей, провозглашенный ими царемъ, съ которымъ они успѣхомъ защищались противъ нападений персовъ, воплощая въ себѣ воинственный духъ поработеннаго народа.

Завоеваніе—фактъ, а вовсе не право. Быть скованными еще не значить быть соединенными. Эти двѣ истины прекрасно сознавались на берегахъ священнаго Нила и на фактъ существованія собственныхъ номовъ египтяне могли видѣть, какъ трудно давалось государству внутреннее политическое единство, которое, строго говоря, въ древнемъ Египтѣ никогда не существовало. Тѣмъ менѣе могло оно имѣть мѣсто относительно Персіи: здѣсь ему противорѣчило все—раса, религія, происхожденіе и исторія. Ненависть египтянъ къ персамъ была, если такъ можно выразиться, ненавистью въ кубѣ: побѣжденных—къ побѣдителямъ, африканцевъ—къ азіатамъ и тотемистовъ къ дуалистамъ. Вотъ почему иго это было такъ невыносимо для Египта, который пользовался всякимъ случаемъ, чтобы стряхнуть съ себя азіатскія цѣпи. А обстоятельства складывались такимъ образомъ, что надежда египтянъ на освобожденіе, по крайней мѣрѣ, временное, могла осуществиться, такъ какъ внутри развинчивавшейся монархіи Ахеменидовъ, послѣ смерти Артаксеркса I начались обычные кровавые споры за престоль (425 г.).

Послѣдніе туземные цари. Пользуясь наличностью столь благопріятныхъ условій, открывавшихъ путь къ отысканію независимости, потомокъ Саисскаго дома, Ноферитъ I изгналъ изъ страны чужеземную гарнизу, восстановилъ ея фактическую независимость и принялъ титулъ фараона. Вслѣдъ затѣмъ онъ успѣшилъ заключить оборонительный и наступательный союзъ со Спартой, царь которой знаменитый Агезилай готовился къ походу во Фригію, и даже послалъ ей небольшой флотъ, нагруженный разными припасами. Впрочемъ изъ этого союза ровно ничего не вышло, такъ какъ гибель еги-

¹⁾ Ктезий «Persica» 34—36.

петскихъ кораблей и отозваніе героя Пактола въ Грецію, (гдѣ въ это время начиналась Коринеская война), заставили фараона надѣяться исключительно на себя и сосредоточить свои силы на сирійской границѣ, дабы въ случаѣ возможнаго съ ихъ стороны вторженія, персы наткнулись бы на его готовую къ бою армію. Но они, сверхъ ожиданія, не думали являться: находившіяся тогда въ полномъ разгарѣ возстанія въ Мизіи, Пафлагоніи и на островѣ Кипрѣ отвлекли ихъ вниманіе отъ Египта, который тѣмъ временемъ готовился къ предстоявшей войнѣ.

Въ 393 году Нофериту наследовалъ Хаkori, царствованіе котораго продолжилось десять лѣтъ. Подобно своему предшественнику, новый фараонъ обладалъ большой прозорливостью, умѣло оцѣнивая современную ему политическую обстановку и пользуясь ею въ собственныхъ интересахъ. Понимая, что съ подавленіемъ возстанія кипріотовъ руки „великаго царя“ будутъ развязаны и персидское войско перебросится въ Дельту, Хаkori всячески поддерживалъ возставшихъ, посылая имъ деньги, корабли, продовольствіе и боевые запасы.

Безопасность западной границы была достигнута договоромъ съ ливійцами, благодаря чему фараонъ успѣлъ сконцентрировать свои боевыя силы къ болѣе важнымъ, въ стратегическомъ отношеніи, пунктамъ и приготовиться къ оборонѣ на случай новаго персидскаго вторженія ¹⁾.

Въ то же время онъ нанялъ двадцать тысячъ греческихъ наемниковъ, заключилъ союзъ съ писидійцами и чувствовалъ себя уже настолько сильнымъ, что предполагалъ совершить диверсію въ Малую Азію.

Теперь стало очевидно, что колоссальная персидская держава до извѣстной степени была беззащитна передъ рѣшительнымъ нападеніемъ, что главная ея опора по отношенію къ врагу даже умѣренныхъ силъ состоитъ не столько въ государственномъ ополченіи, мобилизуемомъ слишкомъ медленно и потому слишкомъ поздно, сколько въ ея громадныхъ территоріальныхъ размѣрахъ. Оптический обманъ необходимости разсѣялся вмѣстѣ съ дымомъ пылавшихъ домовъ около Пактола и весь свѣтъ увидѣлъ, что это—декорація силы, а не сила. Сами персидскіе сатрапы, которые, какъ это было всѣмъ извѣстно, вели свою политику и войны, заключали договоры и перемирія, не обращая вниманія на дворъ въ Сузѣ, стали полагаться при всѣхъ большихъ предпріятіяхъ только на финикійскіе военные корабли и

¹⁾ Оеопомъ III; Діодоръ XV, 2.

на греческихъ наемниковъ, которыхъ они вербовали съ большимъ усердіемъ и за большія деньги (См. исторію Персіи). При наличности указанныхъ политическихъ условій: своеволія зазнавшихся и избалованныхъ сатраповъ и зависимости военной силы Персіи отъ притока военно-греческихъ элементовъ, страна фараоновъ могла, что называется, перевести духъ, не опасаясь немедленнаго персидскаго вторженія, которое такимъ образомъ отлагалось на неопредѣленное время. Но за то въ ней самой начались столь вредныя для пользы дѣла неурядицы и смуты, волновавшія Египетъ послѣ смерти талантливаго Хакори, когда цѣлыхъ два года не могли согласиться между собою насчетъ его преемника и каждая партія поддерживала своего кандидата съ настойчивостью, достойной лучшей участи.

Во всякомъ случаѣ непосредственные преемники покойнаго фараона, Псемуть и Ноферитъ II, царствованіе которыхъ быстро слѣдовало одно за другимъ, были ничтожными правителями и не могли воспользоваться плодами искусной политики Хакори. Если бы персы воспользовались удобнымъ моментомъ, они легко могли бы совершить вторженіе въ Египетъ и принудить къ покорности отпавшую страну, которая была совсѣмъ беззащитна и къ тому же раздираема внутренними неурядицами. Но возстаніе на островѣ Кипрѣ, руководимое талантливымъ Эвагоромъ Саламинскимъ и поддерживаемое аеинянами, поглощало все вниманіе персидскаго двора,—и благоприятный моментъ былъ упущенъ.

Тѣмъ временемъ Египетъ попалъ въ твердыя руки, собрался съ силами и, подготовившись къ борьбѣ, могъ ожидать новаго нашествія персовъ, которое въ самомъ дѣлѣ не замедлило послѣдовать. Но теперь шаткій тронъ фараоновъ занялъ правитель Себеннита, даровитый Нектанебъ I (Нехтариби), который началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ съ Персіей, подавившей, наконецъ, возстаніе кипріотовъ и сосредоточившей свои силы для нападенія на Египетъ.

Организацію арміи фараонъ поручилъ знаменитому аеинскому полководцу Хабрію, который воздвигъ въ Дельтѣ цѣлую систему укрѣпленій, снабдивъ ихъ гарнизою и боевыми запасами. Къ сожалѣнію, въ послѣднюю минуту Египетъ лишился своего лучшаго стратега: по интригамъ Сузскаго двора, опасавшагося талантовъ Хабрія и съ помощью персидскаго золота, розданнаго оппозиціоннымъ аеинскимъ ораторамъ, аеиняне отозвали Хабрія, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ уполномоченъ ими служить Нектанебу.

Между тѣмъ срокъ военныхъ дѣйствій приближался. Главкомандующій персидской арміей, сатрапъ Фарнабазъ устроилъ въ

Аккѣ (на южномъ берегу Сиріи) свою базу, куда въ продолженіе трехъ лѣтъ свозились продовольственные и боевые запасы и стягивались войска. Въ началѣ 373 года экспедиція была совершенно готова къ выступленію; она состояла изъ двухсотъ тысячъ воиновъ, двадцати тысячъ греческихъ наемниковъ, трехсотъ триремъ, двухсотъ тридцати весельныхъ галеръ и множества грузовыхъ кораблей ¹⁾. Въ маѣ того же года армія выступила въ походъ. Вслѣдствіе просьбы царя персовъ аэиняне не прислали ему своего талантливаго полководца Ификрата, который получилъ командованіе надъ греческими вспомогательными войсками ²⁾.

Несмотря на громадность экспедиціи и баснословную сумму денегъ, затраченную на ея снаряженіе, трудно было не сомнѣваться въ успѣхъ предпріятія: соперничество между персидскими вождями и придворныя интриги въ значительной степени должны были тормозить успѣхъ боевыхъ операцій и даже прямо свести его на нѣтъ.

Первая крѣпость, которая преградила путь арміи „великаго царя“ явился Пелузіумъ (Перема), усиленный укрѣпленіями, приведенными въ оборонительное состояніе еще Хабріемъ; независимо отъ сего, близъ лежащіе каналы были перерѣзаны и затопили подходъ къ крѣпости. Разумѣется обстоятельство это не могло задержать надолго наступавшую персидскую армію. По совѣту Ификрата, Фарнабазъ отправилъ

¹⁾ Діодоръ XV, 41.

²⁾ Ификратъ, стяжавшій себѣ славу тѣмъ, что вникъ въ тактическія нововведенія, изобрѣтенныя Ксенофонтъ на его походѣ изъ Ассиріи къ Босфору во всевозможныхъ видахъ сраженій, съ цѣлью достигнуть большей подвижности войскъ, сдѣлалъ въ томъ же направленіи еще одинъ шагъ впередъ, существенно измѣнивъ вооруженіе войска. Онъ отмѣнилъ старое массивное вооруженіе греческихъ голлитовъ, ходившихъ въ походъ въ металлическомъ шлемѣ, въ кожаномъ панцырѣ, обитымъ мѣдью, съ мечомъ и восьмифуртовымъ копьемъ; при подобномъ вооруженіи они могли исполнять лишь самыя медленныя эволюціи. Новые роды войскъ, образцово обученные Ификратомъ, были частью линейная пѣхота болѣе легкаго вооруженія (пельтасты), которую онъ одѣлъ въ войлочные шапки, обитыя жестью, въ болѣе удобную обувь съ голенищами, далъ ей въ руки небольшіе и легкіе щиты, но за то болѣе длинныя копія, частью же эти новыя войска Ификрата были настоящія легкія войска (копейщики), вооруженныя легкимъ предохранительнымъ снаряженіемъ, небольшими щитами и длинными мечами. Веденіе войны съ помощью наемныхъ войскъ получило въ указанную эпоху стараніями Ификрата полное право гражданства на эллинской почвѣ и наемничество стало съ этихъ поръ прибыльнымъ политическимъ ремесломъ.

М. Іенсъ не безъ основанія замѣчаетъ, что въ войны за свободу народы стали созавать свою собственную военную силу, но что они это вновь открытое добро тотчасъ же спѣшатъ выставить на продажу, какъ товаръ—это составляетъ рѣдкую черту въ картинѣ человѣчества (М. Іенсъ, цит. соч. 228).

трехтысячный отрядъ, который долженъ былъ овладѣть укрѣпленіями, защищавшими входъ въ Мендесійскій рукавъ и такимъ образомъ подготовить паденіе крѣпости. Планъ былъ задуманъ превосходно и нѣтъ сомнѣнія, что если бы даровитому предводителю вспомогательныхъ греческихъ отрядовъ поручили привести его въ исполненіе, Пелузіумъ непременно былъ бы взятъ, но благодаря раздорамъ и несогласіямъ между персидскими полководцами планъ, предложенный Ификратомъ, не осуществился и все предпріятіе рушилось. Правда, малочисленная гарнизона укрѣпленія, разбитая въ открытомъ бою, въ который втянули ее персы, не успѣла во время отступить въ защищаемый фортъ и на плечахъ поспѣшно отступавшихъ египтянъ непріятелю удалось ворваться въ укрѣпленіе, но это былъ частный успѣхъ, который не могъ искупить послѣдовавшей за взятіемъ форта неудачей. Пользуясь пробитіемъ бреши въ крѣпостной стѣнѣ, персы легко могли бы завладѣть цитаделью крѣпости, если бы, дорожа успѣхомъ и не теряя времени, они начали эскаладу крѣпостныхъ верковъ, но мало обращавшіе вниманія на приказанія главнокомандующаго и сильные вліаніемъ при дворѣ „великаго царя“, полководцы не воспользовались благоприятной минутой, чѣмъ дали возможность египтянамъ оправиться и отбить штурмъ нападавшихъ.

Тогда Ификратъ предложилъ Фарнабазу подняться вверхъ по Нилу и овладѣть Мемфисомъ, который, судя по добытымъ извѣстіямъ, былъ совсѣмъ очищенъ отъ войскъ. Но сатрапъ нашелъ предложенный планъ слишкомъ рискованнымъ и объявилъ, что на подобное предпріятіе можно рѣшиться не иначе, какъ стянувъ предварительно всѣ войска и что до окончательнаго сбора ихъ онъ не тронется съ мѣста. Не согласился онъ разрѣшить производство предполагаемой экспедиціи и Ификрату, предложившаго для этой цѣли собственныхъ солдатъ, такъ какъ недовѣрялъ ему, подозрѣвая предводителя грековъ въ тайныхъ умыслахъ относительно Египта.

Кончилось тѣмъ, чѣмъ должно было кончиться: пользуясь проволочками, происходившими отъ несогласій между персидскими вождями и отъ нерѣшительности Фарнабаза, Нектанебъ отъ обороны перешелъ къ рѣшительному наступленію, атаковалъ персидскій лагерь и въ нѣсколькихъ схваткахъ одержалъ побѣду надъ персами. Тутъ же кстати подоспѣлъ періодъ наводненія и Ниль выступилъ изъ береговъ.

Видя, что съ оголтѣлыми тупицами все равно каши не сварить и что они уподобляются баранамъ, которые увидѣли новыя ворота, Ификратъ, что называется, плюнулъ на нихъ и, предоставивъ Фарнабазу вѣдаться съ противникомъ, какъ онъ знаетъ, тайкомъ бѣжалъ

въ Грецію, что въ его положеніи, дѣйствительно, было самое лучшее. Теперь о продолженіи кампаніи нечего было и думать,—Фарнабазъ вынужденъ былъ отступить и вернуться въ Сирію, а греческія вспомогательныя войска отпущены домой ¹⁾).

Итакъ кампанія окончилась счастливо для египтянъ: непріятель былъ отбитъ съ урономъ, страна сохранила свою независимость, а фараонъ выказалъ большія военныя способности и вѣрный стратегическій взглядъ, подсказавшій ему выборъ времени и средствъ для борьбы съ персидской арміей. Впрочемъ, особаго проявленія искусства со стороны Нектанеба мы не видимъ,—въ этой войнѣ можно лишь найти подтвержденіе часто повторяющагося принципа, что „побѣда принадлежитъ тому, кто дѣлаетъ меньше ошибокъ“. Въ данной кампаніи фараонъ сдѣлалъ ихъ меньше, нежели безтолковый персидскій сатрапъ и потому выигралъ ее. Со всѣмъ тѣмъ не трудно было предвидѣть, что покореніе Египта персами есть вопросъ времени, такъ какъ обезсиленная страна сама по себѣ была не въ состояніи оказать имъ серьезное сопротивленіе.

Дни славы и побѣдъ давно уже миновали для фараоновскаго Египта—этого зарумянивашагося яблока, съѣденнаго внутри червемъ—и ему не подъ силу было дальше бороться съ арійской расой Ирана, которая собравшись съ силами, успѣла въ скоромъ времени нанести изнеможенной и одряхлѣвшей странѣ смертельный ударъ.

Въ 364 году Нектанебъ I умеръ и корона Египта перешла къ сыну его Таху. По вступленіи своемъ на престоль, понимая какъ важно создать персамъ всевозможныя затрудненія, дабы отвлечь ихъ вниманіе отъ границъ фараоновскаго царства, онъ озаботился заключеніемъ союза съ возставшими персидскими сатрапами западныхъ провинцій и посылкой имъ въ помощь пятидесяти кораблей и пятисотъ талантовъ серебра. Хотя благодаря измѣнѣ помощь эта не дошла по назначенію и попала въ руки персовъ, тѣмъ не менѣе Тахъ, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ врага, рѣшился предпринять вторженіе въ Сирію, совершенно обнаженную отъ войскъ „великаго царя“, который все еще не могъ никакъ управиться съ мятежными сатрапами. Правой рукой фараона явился знакомый намъ Хабрій, снова появившійся въ Египтѣ.

Зная, что въ казнѣ царской денегъ мало, а продолжительный походъ въ Сирію потребуетъ ихъ много, сообразительный грекъ какъ бы предвосхищая принципъ: „Faites moi de bonnes finances et je vous

¹⁾ Разсказъ объ этой экспедиціи см. у Діодора Сицилійскаго XI, 41—43.

ferai de la bonne politique“, указалъ фараону тотъ источникъ, откуда можно добыть деньги, разумѣя подъ этимъ источникомъ богатое египетское духовенство. И онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ чрезвычайное положеніе требовало и чрезвычайныхъ средствъ, обращенныхъ на нужды государства, которыя требовали скорѣйшаго удовлетворенія.

Какъ жрецы ни хитрили и ни притворялись нищими, однако должны были по настоянію фараона согласиться на сборъ усиленной подати со священныхъ доходовъ. Кромѣ того, по совѣту того же Хабрія были усилены нѣкоторые налоги, причемъ, нуждаясь въ звонкой монетѣ для уплаты жалованія наемникамъ, Тахъ объявилъ подданнымъ, чтобы они внесли въ государственное казначейство все имѣющееся у нихъ въ наличности золото и серебро съ тѣмъ, что расплата по этому „внутреннему займу“ будетъ произведена постепенно изъ доходовъ съ поступающихъ податей.

Послѣдствія указанной мѣры, вызвавшей всеобщее неудовольствіе, сказались въ томъ, что дали Таху возможность содержать 80.000 туземныхъ войскъ, 10.000 греческихъ наемниковъ и снарядить флотъ въ 200 кораблей¹⁾. До любви же подданныхъ и ихъ расположенія къ нему фараону не было дѣла, за что впоследствии ему пришлось сильно поплатиться. Особенно негодовало на Таха за его церковные налоги „аммонова пѣхота“—жрецы, которые болѣе всѣхъ пострадали отъ финансовыхъ мѣръ фараона и лишь противъ воли примирились съ fait accompli. Какъ бы то ни было, деньги теперь находились въ карманѣ у Таха, а съ ними онъ рассчитывалъ добиться очень многого въ смыслѣ обезпеченія успѣха въ войнѣ съ персами, для чего первымъ дѣломъ постарался войти въ близкія сношенія со Спартой. Слава стараго Агезилая, военные таланты котораго прославились въ Греціи и Малой Азіи, побудила фараона предложить ему главное начальство надъ войсками, предназначенными для персидской войны. Но суровый спартаецъ, явившійся въ Египетъ съ тысячею гоплитовъ, обманулся въ своихъ ожиданіяхъ играть главную роль въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Вопреки обѣщанію фараона, Агезилай не получилъ званія главнокомандующаго, которое Тахъ оставилъ за собой, а долженъ былъ удовольствоваться командованіемъ надъ отрядомъ греческихъ наемниковъ, да и то флотъ имѣлъ своего собственнаго адмирала Хабрія, подчиненнаго непосредственно фараону. Послѣдній, очевидно, недовѣрялъ предводителямъ наемныхъ отря-

¹⁾ Діодоръ XV, 92.

довъ, въ чемъ едва ли онъ былъ неправъ, такъ какъ эти господа, смотря по обстоятельствамъ и личнымъ воззрѣнiямъ, свободно переходили изъ одного лагеря въ другой и весьма склонны были брать деньги съ обѣихъ сторонъ: съ друзей за то, что находились на ихъ сторонѣ, а съ враговъ за то, что не сражались, когда обязаны были сражаться. Они играли святостью договора и положиться на ихъ слово было бы слѣдцемъ безразсудствомъ. Вотъ почему, зная честолюбіе и корыстолюбіе спартанскаго царя, наклоннаго къ дерзкой и безсовѣстной политикѣ, построенной на угнетенiи тѣхъ, надъ которыми онъ чувствовалъ свою силу, Тахъ обнаружилъ намѣреніе держать его на привязи и только въ рѣшительныя минуты спускать съ цѣпи, какъ льва. Хотя Агезилай согласился принять предложенный ему постъ, побуждаемый къ тому богатыми подарками, которые были ему приподнесены, но тѣмъ не менѣе не скрывалъ своего неудовольствiя противъ фараона и горѣлъ желанiемъ избавиться изъ подъ его опеки, подобно тому, какъ тридцать четыре года тому назадъ онъ рѣшительно стряхнулъ съ себя опеку Лизандра. Герой Пактола и Керонеи чувствовалъ себя глубоко уязвленнымъ. Не говоря уже про то, что ни одинъ изъ плановъ, предложенныхъ имъ, не былъ принятъ фараономъ, мстительнаго спартамца счумѣли оскорбить при египетскомъ дворѣ. Непривлекательная наружность хромоногаго Агезилая, его маленькій ростъ, дряхлость (онъ родился въ 442 году, слѣдовательно ему шелъ въ то время восемьдесятъ второй годъ) и отсутствіе приличныхъ манеръ возбуждали насмѣшки среди царедворцевъ, истощавшихъ надъ спартамцемъ весь арсеналъ придворнаго остроумiя. Положеніе его въ самомъ дѣлѣ было фальшивое и, какъ умный человекъ, онъ его прекрасно сознавалъ: выставивъ себя и своихъ гоплитовъ на продажу, какъ товаръ, спартанскій ландекнехтъ пока получилъ за это одни мыльные пузыри.

Между тѣмъ, вопреки его настоятельнымъ совѣтамъ, чтобы фараонъ оставался въ Египтѣ, предоставивъ веденіе боевыхъ операцій своимъ полководцамъ, Тахъ отправился въ походъ, назначивъ правителемъ страны на время отсутствiя своего зятя, носившаго также имя Таха.

Едва иноземныя войска оставили Египеть, какъ тамъ разразилась долго сдерживаемая ярость народа, озлобленнаго послѣдними финансовыми мѣрами фараона. Правитель, оставленный Тахомъ, не только не принималъ никакихъ мѣръ къ успокоенію недовольныхъ, но напротивъ, исподтишка самъ раздувалъ загорѣвшійся пожаръ, пользуясь случаемъ половить въ мутной водѣ рыбу, если не для

себя лично, то по крайней мѣрѣ для своего сына Нектанибуфа, который, по приказанію фараона, въ это время осаждалъ нѣкоторыя сирійскія крѣпости, занятыя персидской гарнизою.

Получивъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Египтѣ, Нектанибуфъ склонилъ на свою сторону туземныя войска и вступилъ въ переговоры съ предводителями наемныхъ греческихъ отрядовъ съ цѣлью заручиться ихъ содѣйствіемъ. Для Агезилая наступило теперь время проявить долго сдерживаемое чувство мщенія. Безсердечный, капризный, мстительный и подозрительный старикъ, никогда не прощавшій оскорбленій и считавшій месть за такое блюдо, которое всего лучше ѣсть холоднымъ, въ противоположность Хабрію, откаавшагося нарушить свои обязательства относительно Таха, рѣшительно склонялся на сторону претендента и къ тому положенію, въ какомъ теперь очутился фараонъ, благодаря проискамъ своего тезки, относился съ нескрываемымъ злорадствомъ. Когда Тахъ потребовалъ отъ спартанскаго царя, чтобы онъ двинулся противъ мятежнаго Нектанибуфа, Агезилай съ обычнымъ лагернымъ лаконизмомъ и не безъ злобной ѣдкости возразилъ, что его послали помогать египтянамъ, а не сражаться съ ними.

Результатомъ всего происходившаго было то, что спартанскій царь перешелъ отъ Таха къ Нектанибуфу, прикрывши «интересами отечества» свое грязное предательство, а фараонъ, покинутый своими ближайшими помощниками, бѣжалъ въ Сидонъ, а оттуда въ Персію, гдѣ въ скоромъ времени умеръ. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса о замѣщеніи престола фараоновъ зависѣло не отъ египтянъ, а отъ греческихъ наемниковъ или, вѣрнѣе, отъ ихъ предводителей, преслѣдовавшихъ только собственныя выгоды и совсѣмъ не обращавшихъ вниманія на нужды ввѣренной ихъ защитѣ страны.

Повелителемъ Египта фактически остался теперь Нектанибуфъ, принявшій имя Нектанеба II, но для прочнаго утвержденія на престолѣ ему пришлось выдержать упорную борьбу съ правителемъ Мендеса, котораго населеніе Египта провозгласило фараономъ и который тотчасъ же съ туземными войсками двинулся противъ своего соперника. Нектанебъ перенесъ свою главную квартиру въ Танисъ, гдѣ былъ запертъ многочисленной арміей противника; египтяне пустили въ ходъ все свое знаніе тогдашней полевой фортификаціи и окружили городъ траншеями съ цѣлью отрѣзать ему сообщеніе съ прилегающей мѣстностью. Въ Танисѣ сталъ ощущаться недостатокъ продовольственныхъ припасовъ и дѣло грозило принять нежелательный оборотъ для Нектанеба. Спасителемъ осажденныхъ явился Агезилай.

По разсказу Плутарха, когда концы рва, окружавшаго городъ, были близки одинъ къ другому и почти сходились, царь Спарты отправился къ фараону, который уже повѣсилъ носъ, и сказалъ ему между прочимъ: „...Непріятель своими собственными руками устранилъ отъ насъ опасность, выкопавъ огромный ровъ. Ихъ сооруженіе мѣшаетъ имъ дѣйствовать массой. Пространство между сторонами недоконченнаго рва позволяетъ намъ драться съ ними на равныхъ условіяхъ, не давая имъ преимуществъ... Выстроившіеся противъ насъ съ фронта непріятели не выдержатъ; другіе также не могутъ вредить намъ—имъ мѣшаетъ ровъ“ ¹⁾.

Предсказанія Агезилая оправдались: сдѣлавъ ночью сильную вылазку, онъ разорвалъ блокаду и загналъ осаждавшихъ въ такое мѣсто, гдѣ съ каждой стороны находился глубокій ровъ, наполненный водою, такъ что непріятель не могъ воспользоваться своимъ численнымъ превосходствомъ и зайти грекамъ въ тылъ. Битва подъ стѣнами Таниса окончилась пораженіемъ войскъ правителя Мендеса и временно укрѣпила шаткіи тронъ фараона.

Вслѣдъ за этой побѣдой Агезилая покинулъ Египетъ и поспѣшилъ домой, гдѣ вспыхнула новая война, получивъ отъ Нектанеба, не считая другихъ знаковъ отличій и подарковъ, двѣсти тридцать талантовъ серебра на военные расходы. Но не суждено было старому царю увидѣть снова родную Спарту: на возвратномъ пути онъ заболѣлъ и скончался отъ истощенія силъ въ гавани Мармарики, на семьдесятъ пятомъ году отъ рожденія (358 г.).

Управившись съ мятежниками, что потребовало не малаго труда и времени, Нектанебъ долженъ былъ подумать о защитѣ своихъ границъ отъ персидскихъ полчищъ, которыя двинулъ на Египетъ новый владыка Персіи Артаксерксъ III Охъ, добывшій царскую корону при помощи цѣлаго ряда мерзостей и преступленій и старавшійся обезпечить ее за собою путемъ энергическаго подавленія нескончаемыхъ возмущеній и мятежей (см. исторію Персіи). Подчиненіе Египта являлось существенной необходимостью для персовъ, такъ какъ возмущившаяся страна, успѣшно отвоевавшая свою независимость, представлялась желанной союзницей для cadaго возставшаго противъ персидскаго ига государства или мятежнаго сатрапа, которыхъ фараоны, несмотря на скудость средствъ, поддерживали сколько могли, посылая корабли, деньги и военные припасы. Въ этомъ ихъ былъ прямой расчетъ, потому что, создавая затрудненія персамъ въ

¹⁾ Плутархъ «Сравнительныя жизнеописанія» т. VI, вып. I. 56—57.

предѣлахъ ихъ собственной монархіи, они отвлекали вниманіе шахиншаха отъ границъ Египта и тѣмъ отдаляли срокъ завоеванія послѣдняго. Охъ лично руководилъ походомъ, но на первый разъ его ожидала серьезная неудача: нападеніе его было отбито съ большимъ урономъ, благодаря искусной тактикѣ предводителей греческихъ вспомогательныхъ отрядовъ, Ламія спартанскаго и Діофанта аеинскаго, находившихся на египетской службѣ. Подробностей объ этой войнѣ, къ сожаленію, не сохранилось, извѣстенъ только ея конечный результатъ, выразившійся, какъ сказано, въ томъ, что упомянутые полководцы Нектанеба II нанесли страшное пораженіе войску персидскаго царя и принудили его къ послѣдному отступленію.

Неудача персовъ сейчасъ же отразилась на внутреннемъ состояніи разваливавшейся монархіи Ахеменидовъ: вспыхнуло возстаніе на островѣ Кипрѣ, въ Финикіи возсталъ городъ Сидонъ, а въ Малой Азіи возмущился лидійско-фригійскій сатрапъ Артабазъ, соединившійся съ аеинскимъ адмираломъ Харитомъ, который помогъ ему нанести пораженіе царскому войску. Оставимъ, пока, въ сторонѣ усмиреніе Охомъ мятежныхъ провинцій, такъ какъ съ указанными фактами мы еще встрѣтимся въ исторіи Финикіи и Персіи, а теперь обратимъ наше вниманіе на многострадательный Египетъ, который снова долженъ былъ приготовиться къ новой встрѣчѣ арміи шахиншаха, состоявшей изъ 330.000 азіатскихъ войскъ и 10.000 греческихъ наемниковъ.

Противъ такой массы Нектанебъ могъ выставить 60.000 египтянъ, 20.000 ливійцевъ и столько же грековъ. Армія Оха была раздѣлена на три колонны, подъ предводительствомъ одного эллина и одного перса каждая. Теопомпъ говоритъ, что количество присланнаго къ персидской арміи соленаго мяса было такъ велико, что издали кучи его можно было принять за возвышавшіеся другъ противъ друга холмы и курганы ¹⁾.

Что касается до фараона, то послѣдній, понимая страшное превосходство персидскихъ силъ, дѣятельно готовился къ оборонѣ, лично распоряжаясь подготовкой будущихъ боевыхъ операцій и вселяя въ подданныхъ увѣренность въ успѣхѣ. Если взять въ соображеніе цѣлесообразность принятыхъ имъ мѣръ для борьбы съ надвигавшимся врагомъ и его умѣніе вчитаться въ смыслъ окружавшей боевой обстановки, то, казалось, можно было бы рассчитывать, что вторичное нападеніе персовъ будетъ отбито такъ же, какъ и первое.

¹⁾ Теопомпъ, 125 въ Fragm. N. Graec. I, 298.

По всей вѣроятности, такъ бы и случилось, еслибы неразумная поспѣшность греческихъ наемниковъ не разрушила планъ, построенный на выжидательной тактикѣ и соображенный съ наличными условіями силы, мѣста и времени.

Пелузіумъ былъ занятъ пятитысячнымъ отрядомъ Филофрона, которому была ввѣрена охрана этой крѣпости, преграждавшей персамъ путь въ долину Нила. Фиванцы, служившіе въ войскѣ у Оха, выманили гарнизу изъ крѣпости и хотя не одержали рѣшительной побѣды въ открытомъ бою, за то доставили возможность своему предводителю Лакратесу отвести воду изъ окружавшаго городъ канала, устроить черезъ послѣдній плотину и, придвинувъ отрядъ къ городскимъ стѣнамъ, помощью машинъ пробить удобовосходимую брешь. Обстоятельство это не имѣло важныхъ послѣдствій только потому, что защитники Пелузіума, скомпрометировавшіе оборону крѣпости, оказались искусными инженерами: въ то время какъ падала наружная стѣна, за нею уже возвышалась новая, представлявшая не менѣе серьезное крѣпостное препятствіе. Осада затягивалась, а прибытіе Нектанеба съ сорокапятитысячной арміей приковало къ нему вниманіе персовъ и не позволяло имъ двигаться впередъ. Но, какъ только это было замѣчено, поспѣшность греческихъ предводителей, служившихъ фараону, испортила все дѣло и послужила главной причиной проигрыша кампаніи. Античные condottieri совершенно упустили изъ виду, что имъ приходилось дѣйствовать не противъ дикихъ племенищъ азіатовъ, которыхъ они презирали и не ставили въ грошъ, а главнымъ образомъ противъ своихъ же собратій, обученныхъ тактическимъ приемамъ, изобрѣтеннымъ Ксенофонтомъ и усовершенствованнымъ Ификратомъ; кромѣ того въ персидскомъ войскѣ, въ числѣ эллинскихъ наемниковъ, служило много еиванцевъ, боевыхъ сподвижниковъ Эпаминонда, стяжавшихъ себѣ славу на поляхъ Левктры и Мантинеи и представлявшихъ собою лучшей элементъ въ арміи Оха. Наличие указанныхъ данныхъ была игнорирована греческими предводителями Нектанеба, міровоззрѣніе которыхъ въ этомъ отношеніи находилось въ странномъ, почти комическомъ противорѣчій съ дѣйствительностью, — и они очертя голову бросились въ самыя рискованныя предпріятія, погубившія разумно начатыя военныя дѣйствія выжидательной тактики, принятой фараономъ относительно противника. Это измѣненіе счастья, повернувшася къ персамъ, извѣстно въ военной исторіи подъ именемъ *маневра Никострата*, маневра, который привелъ къ самымъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ и возстановилъ цѣлость монархіи „великаго царя“.

Дѣло въ томъ, что аргивянинъ Никостратъ, служившій въ войскѣ у Оха, скучавшій бездѣліемъ и томившійся военной жаждой, возвратился къ плану, нѣкогда предложенному Ификратомъ безтолковому Фарнабазу: проникнуть въ одно изъ незащищенныхъ укрѣпленіями устьевъ Нила, высадить туда отрядъ и зайдя въ тылъ арміи Нектанеба, подготовить такимъ образомъ паденіе крѣпости. Благодаря добытымъ „языкамъ“, Никостратъ съ ничтожными силами удачно исполнилъ трудное и рискованное предпріятіе, удавшееся вслѣдствіе преступнаго разгильдяйства египетскихъ наемниковъ, наскучившихъ вести малую игру и горѣвшихъ непреодолимымъ желаніемъ помѣряться силами со своими собратьями.

Разсуждая теоретически, слѣдуетъ признать, что ландскнехты Нектанеба поступили бы гораздо цѣлесообразнѣе, еслибы не увлекаясь тактическимъ фантазерствомъ и избѣгая рѣшительнаго боя, они ограничились бы нападеніями и, изнузивъ отрядъ Никострата, принудили бы послѣдній къ сдачѣ или, по крайней мѣрѣ, къ поспѣшному отступленію и такимъ образомъ придали бы маневру персидскаго наемника видъ безумной авантюры; вмѣсто указанныхъ приемовъ, которые шли бы въ развитіе основной идеи операціи, выработанной фараономъ, начальникъ гарнизы сосѣдняго города, Клиній Косскій, одинъ изъ бездарнѣйшихъ греческихъ стратеговъ, для котораго война была миромъ, а миръ войной, вышелъ навстрѣчу Никострату и, само собой разумѣется, потерпѣлъ полное пораженіе. При такихъ условіяхъ, которыя позволили привести Никострату въ исполненіе его планъ, взятіе Пелузіума было только вопросомъ близкаго времени и, дѣйствительно, спустя нѣсколько дней послѣ пораженія Клиніа, крѣпость пала, открывъ своимъ паденіемъ дорогу во внутрь монархіи фараоновъ. Нектанебъ успѣлъ, однако, отступить въ вершинѣ Дельты, стараясь стянуть и устроить войска, но армія его, оставленная имъ назади, упала духомъ и изъ нея начали дезертировать цѣлыя отряды. Вскорѣ послѣ взятія Пелузіума сдался Бубастъ.

Теперь фараону ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ позаботиться о собственномъ спасеніи. Захвативъ съ собою сокровища, онъ бѣжалъ въ Эіопію, а его монархіа снова была принуждена покориться ненавистному персидскому игу (345 г. ¹⁾), хотя на этотъ разъ господство персовъ продолжалось только тринадцать лѣтъ, послѣ чего Египетъ какъ персидская провинція, перешелъ въ руки великаго завоевателя Азіи (см. ниже).

¹⁾ Объ этой войнѣ см. Діодоръ XVI, 46—51.

Охъ жестоко воспользовался своею побѣдой. По прибытіи его въ Мемфисъ послѣдовала кровавая расправа надъ всѣми замѣшанными въ дѣлѣ возстанія, которые не успѣли во время скрыться; особенно пострадали сторонники и приверженцы туземныхъ царскихъ династій: они были перерѣзаны почти поголовно.

Не довольствуясь многочисленными казнями, разъяренный персидскій деспотъ приказалъ скрыть до основанія стѣны многихъ городовъ, разграбить храмы и увести въ Персію сокровища, взятыя изъ казнохранилищъ и отнятыя, по праву побѣды, у богатыхъ туземцевъ. Греческіе наемники, такъ много содѣйствовавшіе выигрышу кампаніи, получили щедрое вознагражденіе и подарки.

Покончивъ съ дѣломъ усмиренія Мудрайи, Охъ вернулся въ Сузу, оставивъ въ качествѣ намѣстника сатрапа Ферендата, въ распоряженіи котораго была оставлена многочисленная персидская гарнизона; опираясь на нее, сатрапъ получилъ возможность предупредить малѣйшую попытку къ мятежу и задавить послѣдній при самомъ возникновеніи.

Владычество послѣднихъ туземныхъ династій фараоновскаго Египта было ознаменовано подъемомъ искусства; несмотря на тревожное время, переживаемое страной и на кратковременность царствованія большинства фараоновъ названной эпохи, послѣдніе ревностно трудились надъ реставраціей и украшеніемъ различныхъ памятниковъ, храмовъ и городовъ. Псемутъ воздвигъ нѣсколько святилищъ въ Карнакѣ, Нектанебъ I реставрировалъ храмы въ Эль-Кабѣ и Эдфу, Нектанебъ II возстановилъ храмъ въ Коптосѣ, Фивы, Мемфисъ, Бубастъ, Саисъ, Мендесъ и Себеннитъ также получили свою долю заботъ объ ихъ украшеніи. Судя по оставшимся памятникамъ, можно признать, что *образцовыя произведенія этого періода по чистотѣ стили и законченности исполненія не уступаютъ произведеніямъ минувшей Эванской эпохи.*

Напримѣръ гробница фараона Нектанеба I изъ зеленого мрамора высѣчена съ такимъ совершенствомъ, которое могло бы сдѣлать честь и современнымъ европейскимъ скульпторамъ, а не то что представителямъ художественнаго направленія у подданныхъ фараоновъ,—этого, типичнаго народа-самоучки, который вынесъ на своихъ плечахъ могучіе гиганты-пирамиды.

Теперь эпоха этихъ послѣднихъ была страшно далека отъ Египта, обращеннаго въ персидскую сатрапію и покорившагося ненавистному Оху. Египтяне еще болѣе ненавидѣли его, чѣмъ когда то Камбиза и, надо сказать, не безъ нѣкоторой доли основанія: въ самомъ дѣлѣ,

Охъ былъ жесточайшимъ изъ государей когда либо царствовавшихъ въ Персіи, и единственнымъ, быть можетъ, дѣйствительно, кровожаднымъ по натурѣ. Когда въ 340-мъ году персидскій царь погибъ трагическимъ образомъ, египтяне съ восторгомъ приняли это извѣстіе, видя въ необычайной кончинѣ шахиншаха заслуженное возмездіе со стороны оскорбленныхъ божествъ: въ бытность его въ Мемфисѣ, онъ приказалъ зарѣзать священнаго Аписа и приготовить себѣ кушаніе изъ бога и кромѣ того, насмѣхаясь надъ туземной религіей, ввелъ въ храмъ Фта осла, окруживъ его божескими почестями ¹⁾. Въ странѣ ходила басня, записанная греческими писателями, что убійца царя всесильный внучъ Богой (Bagoas), родомъ египтянинъ, мстя за смерть Аписа, покончилъ съ Охомъ и, бросивъ тѣло его кошкамъ, самъ отвѣдалъ его, а изъ костей „великаго царя“ сдѣлалъ свистки и рукоятки для ножей ²⁾. Излишне прибавлять, что столь фантастическая легенда не имѣетъ и тѣни историческаго основанія, будучи сочинена египетскимъ населеніемъ, кровно оскорбленномъ въ своихъ религіозныхъ чувствахъ и жестоко поправномъ завоевателями во время ихъ тяжелаго и невыносимаго господства.

Македоняне въ Египтѣ (332 г.). Но царство Ахеменидовъ пало и страна фараоновъ съ радостью встрѣтила великаго покорителя Азіи Александра Македонскаго, который вошелъ въ долину Нила вслѣдъ за покореніемъ Газы. Всѣ города отворили ему ворота, и Александръ торжественно вступилъ въ Мемфисъ. У персидскаго намѣстника, сатрапа Мазака не было ни войска, ни судовъ, ни охоты защищаться и онъ благоразумно предпочелъ безъ сопротивленія представить все въ распоряженіе побѣдителя при Иссѣ. Македонскій царь оставилъ старое раздѣленіе страны на номы, строго разграничилъ гражданское управленіе, военную администрацію и финансы и поставилъ двухъ египтянъ начальниками гражданскаго управленія, а войска отдалъ подъ команду своимъ полководцамъ. Подати приказано было собирать по старинному египетскому обычаю номархамъ, которые были обязаны вносить собранные ими налоги греку Клеомену, поставленному Александромъ, въ качествѣ сборщика податей, во главѣ всего финансоваго управленія. Еще до приведенія въ порядокъ администраціи страны, передъ своимъ походомъ въ оазисъ Сивахъ, гдѣ находился знаменитый храмъ Аммона, царь, понимая, что ни Оивы, ни

¹⁾ Диновъ. Fragm. H. Graec. II, 95.

²⁾ Діодоръ XVII, 5; ср. Арріенъ Anabase II, 14; Страбонъ XV, 24.

Мемфисъ не могутъ служить грекамъ опорой въ Египтѣ, и что для этого необходимъ приморскій городъ, выбралъ на берегу моря мѣсто для построения новой столицы этой богатой и плодородной страны, которая теперь принуждена была войти въ ближайшую связь съ остальнымъ міромъ. По имени своего основателя заложенный имъ городъ получилъ названіе Александріи, которая впослѣдствіи приобрѣла огромное значеніе для всего человѣчества и способствовала взаимному сближенію греческой и египетской цивилизаціи; ея основаніе создало міровой рынокъ, на которомъ египтяне и эллины обмѣнивались своими товарами и знаніемъ. Благодаря своему выгодному географическому положенію, на рубежѣ трехъ міровъ, Александрія скоро стала большимъ городомъ, а спустя семьдесятъ пять лѣтъ послѣ смерти Александра она, послѣ Кареагена и Антиохіи, считалась величайшимъ городомъ Востока ¹⁾.

За шестьдесятъ лѣтъ до начала нашего лѣтоисчисленія населеніе ея, по словамъ Діодора, равнялось тремстамъ тысячамъ свободныхъ людей, а съ рабами, значитъ, доходило до полумилліона. Въ первомъ столѣтіи нашей эры оно было, вѣроятно, еще больше, хотя точныхъ указаній на этотъ счетъ не имѣется; извѣстно только, что тогдашніе писатели считали ее вторымъ городомъ послѣ Рима.

Небольшое селеніе Ракотисъ, портъ котораго былъ часто посѣщаемъ уже съ давнихъ поръ греческими и финикійскими моряками, расположенное на узкой полосѣ побережія, между озеромъ Mareotis и открытымъ моремъ, привлекло вниманіе македонскаго царя и онъ рѣшилъ заложить здѣсь новую греческую столицу, отдавъ приказаніе архитектору своему Динократу (предложившему когда то превратить гору Аэонъ въ сидящую фигуру Александра, которая въ одной рукѣ держала бы городъ съ десяти тысячнымъ населеніемъ, а другой рукой выливала бы въ море изъ урны горный водопадъ ²⁾) начертить проектъ будущаго города, со всѣми подробностями, съ улицами, рынками, храмами и со стѣною, которая должна была окружать его. Работы начались немедленно, но постройка города была окончена только

¹⁾ Нельзя не замѣтить, что основаниями построекъ послужили *разрушенные храмы и памятники Сауса*, употребленные для закладки царскихъ дворцовъ, храмовъ, колодезь и другихъ публичныхъ сооружений. Такъ молодой греческій міровой городъ построенъ на развалинахъ древне-египетскаго величія (См. Бругшъ цит. соч. XXIII, 699—700).

²⁾ Другой проектъ того же Динократа состоялъ въ томъ, чтобы построить храмъ Арсиной изъ магнитнаго желѣзняка такъ, чтобы желѣзная статуя царицы-богини могла висѣть въ немъ на воздухѣ. Проектъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ выполненъ только за преждевременной смертью архитектора.

въ царствованіе Птоломея II Филадельфа, т. е. уже въ эпоху Лагидовъ.

Городъ былъ раздѣленъ по длинѣ своей на два главныхъ квартала: Брушіонъ—на востокѣ, примыкавшій къ Большому порту (нынѣ Новый портъ) и отдѣлявшійся особой оградой отъ остального города, и Ракотисъ—на юго-западѣ, на берегахъ Эвностоса.

Собственно въ восточной части города была построена большая часть дворцовъ, храмовъ, всѣхъ родовъ монументовъ, которыми пре-емники Александра украсили свою столицу. На этой же сторонѣ около порта стоялъ Дворецъ царей, Посидіонъ, Импоріумъ, бывшій въ эпоху Лагидовъ центромъ всемірной торговли, Апостазии или депо товаровъ, выстроенное вокругъ набережной, и Музеумъ—центръ наукъ и искусствъ. Въ западномъ кварталѣ и внутри праваго берега канала стоялъ Серапеумъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ храмовъ Египта, въ которомъ находилась библіотека, мало уступавшая библиотекѣ Музеума. По Страбону, посѣтившему Египетъ въ 24 году до Р. X. и изъ всѣхъ древнихъ писателей оставившему намъ наибольшіе подробности о топографіи Александріи, основаніемъ плану служили двѣ пересѣкавшіяся подъ прямымъ угломъ улицы, во сто футовъ ширины каждая. По бокамъ онѣ должны были быть украшены великолѣпными колоннадами, а посрединѣ имѣть мостовую. Остальные улицы шли параллельно двумъ первымъ, а весь городъ занималъ пространство въ три квадратныхъ мили.

Раскопки и изслѣдованія Махмудъ-Бей, оконченныя въ 1867 году, доказали, что планъ, сообщаемый Страбономъ, былъ выполненъ въ точности. Въ старой Александріи, дѣйствительно, были двѣ пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ улицы (Канобусъ и Дромось), обставленныя колоннадами и вымощенныя посрединѣ гранитными плитами въ сорокъ шесть квадратныхъ футовъ. Въ остальныхъ улицахъ мостовая была вдвое уже. Дома старой Александріи были выстроены изъ камня, низки и съ плоскими крышами. На этомъ пока и остановились современныя изслѣдованія, такъ что мы объ остальныхъ подробностяхъ плана Александріи можемъ судить лишь по Страбону. Картина первоначальнаго распланированія города лучше всего очерчена сообщеніемъ Плутарха: „За недостаткомъ известки—говоритъ онъ—Александръ приказалъ прокладывать главныя линіи плана, по темно-глинистой почвѣ, простой мукою. Сначала описали такимъ образомъ границы города, а потомъ провели въ нихъ хорды, обозначающія улицы. Вышло нѣчто похожее на удлиненный шлемъ. Александру это очень понравилось, но пока онъ радовался, вдругъ налетѣли отовсюду ту-

чами птицы разнаго рода и, сѣвъ на землю, въ короткое время поѣли всю муку. Царя это разстроило, какъ дурное предзнаменованіе, но предсказатели его успокоили, увѣривъ, что городъ, который онъ собирается строить, предназначенъ быть очень богатымъ и питать людей разныхъ національностей“.

Александръ вполне признавалъ стратегическую важность Египта; вотъ почему прочно утвердившись въ Дельтѣ и заложивъ тамъ городъ своего имени, онъ обезпечилъ базу своихъ дѣйствій, прежде чѣмъ предпринять походъ въ далекую Индію (Извѣстно, что и Наполеонъ впослѣдствіе овладѣлъ страной фараоновъ главнымъ образомъ для того, чтобы обратить нильскую долину въ базисъ своихъ дѣйствій противъ англичанъ въ Индіи; по этому поводу онъ писалъ Директоріи вскорѣ послѣ битвы при пирамидахъ: „Занявъ и удерживая Египетъ, я беру въ руки судьбы всего свѣта“).

Египтяне подчинились Александру тѣмъ охотнѣе, чѣмъ ненавистнѣе было для нихъ персидское господство, и македонскій царь отлично сѣумѣлъ обезпечить за собою симпатіи народа фараоновъ заботою объ его специальныхъ интересахъ и ловкимъ вниманіемъ къ его весьма оригинальнымъ религіознымъ воззрѣніямъ. Завоеватель Азіи съ уваженіемъ относился къ ихъ культу и не затронулъ тѣсно связаннаго съ нимъ общиннаго устройства; вообще всѣ распоряженія и мѣры, предпринятыя имъ въ Египтѣ, вполне соответствовали какъ интересамъ его собственной власти, такъ и характеру страны и ея обитателей. Этой политикой объясняется весьма странный шагъ, сдѣланный царемъ въ началѣ 331 года. А именно онъ посѣтилъ извѣстный храмъ Аммона (въ Сивахъ), гдѣ находился оракуль, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ также и въ Греціи. Здѣсь онъ позволилъ мѣстному жречеству продѣлать надъ собою церемонію посвященія въ „сына Аммона“, въ „сына солнца“ по древнему обычаю фараоновъ. Ближайшею практическою цѣлью было, конечно, стать по отношенію къ египтянамъ совершенно на ряду съ древними мѣстными царями. Въ виду предстоявшей на Востокъ борьбы изъ-за персидской короны также могло быть полезнымъ, если бы азіатскіе народы, видѣвшіе въ своихъ царяхъ земныя подобія боговъ, если бы они и въ великомъ греческомъ завоевателѣ узрѣли человѣка, который также находится въ таинственной связи съ богами ¹⁾).

Египтяне могли быть довольны Александромъ, который тонко понималъ своеобразную культуру и съ незапамятныхъ временъ выра-

¹⁾ Герцбергъ «Исторія Греціи» перев. Прахова, кн. III, гл. II, 535.

ботанную жизнь народов Востока, стремясь оживить послѣднихъ греческимъ образованіемъ и эксплуатировавъ ихъ иначе, чѣмъ это дѣлалось искони подѣ безпутнымъ владычествомъ персовъ. Къ сожалѣнію человѣкъ, поставленный во главѣ финансоваго управленія, Клеомень совсѣмъ не соотвѣтствовалъ занимаемой имъ должности, и въ выборѣ его Александръ ошибся. Для увеличенія казны македонскаго царя и для своего собственнаго обогащенія безсовѣстный грекъ употреблялъ самыя жестокия, насильственныя мѣры, и это было для него тѣмъ легче, что областными управителями являлись туземцы, а не греки или македоняне, которыхъ, конечно, трудно было бы заставить безропотно переносить всѣ притѣсненія. Такимъ образомъ тѣ, что для Египта было благодѣяніемъ и что, по мнѣнію Александра, могло лучше всего гарантировать хорошее управленіе страной, стало вслѣдствіе выбора Клеомена источникомъ бѣдствій для ея жителей. Для вымогательства у нихъ денегъ алчный грекъ пользовался всѣми возможными случаями. Такъ, напримѣръ, онъ объявилъ однажды жрецамъ одной области, въ которой крокодилы почитались священными животными, что хочетъ сдѣлать на нихъ охоту, потому что жертвою ихъ будто бы сдѣлались нѣсколько человѣкъ изъ его свиты. Чтобы спасти своихъ священныхъ животныхъ, жрецы собрали большую сумму денегъ, и Клеомень за этотъ подарокъ охотно отказался отъ своего намѣренія, котораго, онъ, конечно, и не думалъ приводить въ исполненіе. Въ другой разъ онъ скупилъ весь хлѣбъ и продавалъ его жителямъ вчетверо дороже обыкновенной цѣны; цѣну же онъ могъ назначить произвольную, такъ какъ ни откуда нельзя было ожидать подвоза хлѣба. Даже самое основаніе Александріи послужило этому проиходѣ отличнымъ средствомъ набить себѣ карманы. Чтобы скорѣе поднять значеніе города, Александръ приказалъ перевести въ него всѣхъ купцовъ и корабли изъ гавани Канопы, находившейся въ трехъ миляхъ отъ Александріи; жители Канопы, желая избавиться отъ этой насильственной мѣры, еще до постройки города предложили Клеомену деньги. Клеомень принялъ ихъ, но когда Александрія была заложена, онъ подѣ разными предлогами снова потребовалъ отъ нихъ такую огромную сумму, которую они никакъ не могли заплатить и такимъ образомъ должны были переселиться въ этотъ городъ. Александръ, благосклонность котораго къ себѣ Клеомень умѣлъ поддерживать, былъ слишкомъ слабъ по отношенію къ нему и прощалъ корыстолюбивому греку злоупотребленія по управленію. Послѣ смерти Александра онъ получилъ заслуженное наказаніе: македонскій полководецъ Птоломей, сдѣлавшись властелиномъ страны фараоновъ, прика-

заль умертвить его и такимъ образомъ получилъ двойную пользу: ему досталось, во-первыхъ, значительная сумма денегъ, собранная притѣсненіями Клеомена, а, во-вторыхъ, умерщвленіемъ мучителя египтянъ онъ пріобрѣлъ ихъ сочувствіе ¹⁾).

На этомъ мѣстѣ мы прерываемъ историческій рассказъ, такъ какъ дальнѣйшее повѣствованіе о судьбахъ Египта, перешедшаго по смерти Александра въ руки упомянутаго Птолемея Лага (Сотера), основавшаго на берегахъ Нила собственную династію, продержавшуюся на престолѣ фараоновъ до битвы при Акціумѣ (31 г. до Р. Х.) и насчитывающую пятнадцать царей, можно изложить лишь при знакомствѣ съ послѣднимъ періодомъ греческой исторіи и при выясненіи тѣхъ культурно-этнографическихъ условій, которыя были выдвинуты бурной эпохой діадховъ....

Египетъ игралъ всегда важную роль въ исторіи свѣта, и замѣчательно, что пророчество Іезекіиля о томъ, что египетская земля будетъ отдана въ чужія руки и на ней никогда не будетъ національныхъ государей, буквально исполнилось. Въ продолженіе двадцати вѣковъ нильская долина постепенно была занята персами, македонянами, греками, римлянами, арабами и турками; самое древнее государство, цари котораго воздвигли себѣ гробницы, доселѣ возбуждающія общее удивленіе, никогда со временъ фараоновъ не имѣла ни одного туземнаго государя.

И грекъ, и римлянинъ, вступая въ Египетъ, чувствовали себя какъ бы въ новомъ мірѣ. Такое впечатлѣніе производила эта своеобразная страна издавна, но во времена имперіи впечатлѣніе это еще болѣе усилилось. Чѣмъ долѣе продолжалось римское господство надъ міромъ, тѣмъ однообразнѣе становился міръ. На западѣ римская культура, а на востокѣ греко-римская уравнивали всякія національныя и мѣстныя особенности. Въ одномъ Египтѣ удерживались, подобно муміи, остатки той древней культуры, по сравненію съ которой греческая и римская казались какъ бы вчерашними, и Египетъ, эта земля прошлаго, со своими чудесами и тайнами, представлялся чѣмъ то окаменѣлымъ среди живого настоящаго. Всесокрушающее время оказывалось безсильнымъ надъ его искусственными каменными громадами, колоссальными храмами и дворами, высѣченными въ скалахъ пещерами и переходами, исполненскими статуями и сфинксами, безчисленными картинами и таинственными письменами, покрывавшими его стѣны. Египетъ былъ все тотъ же, что и за тысячу лѣтъ тому

¹⁾ Шлоссерь. «Всемирная исторія», т. I, 389—390.

назадъ; какимъ его описывали въ древности, такимъ онъ остался и послѣ, вѣчно новый, вѣчно поражающій своимъ величіемъ 1).

Объемъ нашего сочиненія требуетъ, чтобы мы, не вдаваясь въ обширныя разсужденія, подвели лишь итоги древней исторіи фараоновскаго Египта и выясняли значеніе послѣдняго въ ходѣ всемірно-историческаго процесса, къ чему мы теперь и обращаемся.

Значеніе Египта въ ходѣ всемірно-историческаго процесса. Въ исторіи каждаго государства, каждой политической общины можно подмѣтить наличность двухъ взаимнопротивоположныхъ началъ, которыя стремятся къ преобладанію, стараясь развиться одно на счетъ другого. Съ одной стороны—партикуляризмъ, стремленіе къ децентрализаци, къ непрерывному центробѣжному движенію какъ къ лучшимъ выразителямъ свободной дѣятельности отдѣльныхъ частей народа и богатства его внутренней жизни, съ другой—единство цѣлаго, централизаци, поглощеніе однородныхъ политическихъ атомовъ и развитіе объединительныхъ стремленій, какъ показатели могущества государства и его внѣшней независимости. Ни одно изъ этихъ началъ не можетъ развиться вполнѣ безъ помощи другого. Какъ въ физическомъ мірѣ, такъ и въ области общественныхъ отношеній равнодѣйствующая двухъ силъ всегда выбираетъ средній путь по діагонали, что, разумѣется, не исключаетъ нѣкотораго преобладанія той или другой силы въ зависимости отъ историческихъ условій, благодаря которымъ она сложилась.

При изложеніи исторіи фараоновскаго царства было уже обращено вниманіе на то обстоятельство, что внутренняя политическая жизнь Египта являлась неустанной борьбой центральной власти съ партикуляризмомъ наслѣдственныхъ номарховъ, центробѣжнымъ движеніемъ управляемыхъ и насильственнымъ центростремленіемъ управляющихъ. Гдѣ возможна такая борьба, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ абсолютномъ политическомъ безправіи и деспотизмѣ, нельзя говорить о восточномъ застоѣ, при которомъ неизмѣнность явленій приводитъ къ понятію о ихъ вѣчности и божественномъ освященіи, невозможно, наконецъ, усматривать вымираніе индивидуальной жизни среди мелкихъ территоріальныхъ дробей, объединенныхъ лишь внѣшней принудительной силой. Въ этомъ отношеніи Египетъ совсѣмъ не то, что Ассирія, Халдея, Персія или Китай, засосанные типич-

1) Friedlender. «Civilisation et moeurs romaines du règne d'Auguste à la fin des Antonins» v. II, p. 334.

нымъ азіатскимъ деспотизмомъ, приводящимъ къ полному окостенѣнію народности и, въ силу архаическихъ условій, ускоряющимъ процессъ разложенія политическаго трупa. Конечно, и фараоны, если такъ можно выразиться, наклеивали на свою правительственную систему азіатскій ярлыкъ, но силы, враждебныя ихъ власти (жречество, номархатъ) заставляли фараоновъ перерабатывать механически вгнѣд-рившіяся въ государственную дѣятельность азіатскія начала сообразно національно-правовымъ воззрѣніямъ народа и въ такомъ обработанномъ видѣ превращать ихъ въ нормы государственнаго правопорядка. Тутъ уже были на лицо тѣ элементы, которые могли составить прочный фундаментъ для дальнѣйшаго политическаго развитія и двинуть впередъ все общество, погруженное въ настойчивую борьбу съ природой и находившееся въ тѣснѣйшей зависимости отъ окружавшей географической среды. Власть опиралась, такимъ образомъ, на полную солидарность съ интересами народной жизни, по крайней мѣрѣ, первоначально, въ свой героическій періодъ первой молодости.

Цивилизація древности,—это цивилизація Востока, и въ указанномъ отношеніи страна фараоновъ представляетъ собою *первый фазисъ въ исторіи прогресса*, хотя нельзя сказать, чтобы этотъ прогрессъ былъ поставленъ въ особо благоприятныя условія, зависѣвшія какъ отъ внутреннихъ причинъ, такъ равно и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя тормозили прогрессъ и даже двигали общество назадъ. Со всѣмъ тѣмъ нельзя забывать, что древній Египетъ сосредоточилъ въ себѣ все то, до чего могла развиваться тогдашняя культура, до чего такъ или иначе могъ додуматься человѣческій умъ и, несмотря на нѣкоторый консерватизмъ націи, на безпрестанное оглядываніе назадъ, къ странѣ фараоновъ можетъ и должно быть приложимо почетное названіе *школы человечества*—и въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается всемірно-историческое значеніе фараоновскаго Египта: *онъ явился первымъ учителемъ во всемірной исторіи, учителемъ какъ семитовъ, такъ и арійцевъ* и носителемъ почетной миссіи руководителя человечества, сообщая ему поступательное движеніе впередъ по пути прогресса.

Такъ часто упоминаемая „замкнутость“ монархіи фараоновъ, какъ ее обыкновенно представляютъ, въ дѣйствительности никогда не существовала, въ особенности же не играла роли политическаго мѣропріятія. Въ эпоху Новаго Царства, когда подъ вліяніемъ безконечныхъ войнъ съ Сиріей Египетъ въ значительной степени воспринялъ азіатское вліяніе почти во всѣхъ проявленіяхъ его культурной жизни, двери страны были широко распахнуты для всевозможныхъ націй

сѣвера, сѣверо-запада и юга. Начинаясь процессъ взаимодействія между восточными народами и первый толчекъ къ нему исходилъ изъ Египта. Съ появленіемъ египтянъ въ Сиріи — говоритъ Масперо — открывается новая эпоха въ судьбахъ древнихъ націй: кончается исторія отдѣльныхъ народовъ и начинается всемірная исторія ¹⁾).

Осиливая инородные элементы, египетская культура воспринимала множество чертъ отъ побѣжденныхъ противниковъ Азіи, стоявшихъ уже на нѣкоторыхъ, и относительно говоря, высокихъ ступеняхъ культурной лѣстницы, а это обстоятельство не могло не повлечь за собою измѣненія уровня самой преобразующей культуры, въ смыслѣ повышенія универсальности ея характера съ одной стороны и отягощенія ея варварскими, слабо переработанными элементами — съ другой. Такимъ образомъ прогрессивность отнюдь не была чужда народу фараоновъ и, какъ замѣчено выше, постоянно обнаруживалась по мѣрѣ хода культурнаго процесса, вызваннаго взаимодействіемъ элементовъ самобытной африканской и механически внѣдрявшейся азіатской цивилизацій, сумма которыхъ перелилась въ государственное тѣло Египта и преобразовала его въ эпоху Новаго Царства: духовная жизнь египетскаго народа, его произведенія, памятники, военное искусство, религія, взаимныя отношенія, — въ значительной степени отражаютъ на себѣ вліяніе Азіи, вліяніе, правда, переработанное, приведенное въ связь съ индивидуальными особенностями египетской расы, но за то сильное, послѣдовательное и непрерывное, сообщающее самобытной культурѣ страны сильную азіатскую окраску. Въ этомъ видѣ начатки древне-египетской цивилизаціи были переданы эллинамъ, которые, переработавъ ихъ самостоятельно и наложивъ на нихъ печать греческаго генія, предоставили въ распоряженіе всего культурнаго челоуѣчества научный и художественный багажъ, фундаментъ котораго былъ заложенъ на берегахъ рѣкъ Нила и Ефрата. Нѣкоторые изслѣдователи полагаютъ, что, откинувъ декоративную сторону египетской цивилизаціи, не трудно замѣтить, что подъ этой прекрасной внѣшностью скрываются въ сферѣ науки и искусства шаблонъ, рутина, косность и авторитетъ сѣдой старины, — квинтъ-эссенція народнаго идеала, застывшаго въ своихъ вождѣленіяхъ, относившихся къ давно минувшей эпохѣ пирамидъ и блестящаго періода Тутмессидовъ. Съ подобнымъ утвержденіемъ трудно согласиться. Конечно, невозможно отрицать нѣ котораго консерватизма націи фараоновъ, которая до періода азіатскихъ войнъ, т. е., значить, до эпохи Новаго Царства,

¹⁾ Масперо «Hist. ancien. des peupl. de l'Orient» IV, 71.

замкнутая въ изолированной географической средѣ, невольно должна была въ самой себѣ искать источника развитія своихъ матеріальныхъ и духовныхъ основъ, но когда походъ Тутмеса I выломалъ для египтянъ входную дверь въ Азію и они, въ силу исторической реакціи, спѣшили расширить тѣсныя предѣлы страны, придавленной четырехсотлѣтнимъ владычествомъ гиксовъ,—тогда данъ былъ толчекъ къ болѣе широкому взаимодѣйствию между народами, отгороженными до тѣхъ поръ другъ отъ друга китайской стѣной,—и Египетъ подчинился матеріальному, экономическому и духовному прогрессу, вызванному взаимнымъ переливомъ культуры.

При наличности указанныхъ условій совершенно понятно, что вопросъ объ исторической косности египтянъ и о наличности мизо-неизма—неодолимаго отвращенія ко всему новому—давно уже опровергнуть критикой и не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ и болѣе или менѣе убѣдительныхъ аргументовъ.

Изучая внимательно многовѣковую исторію Египта, все же никакъ нельзя не замѣтить, что религія подчинила себѣ теченіе культурно-соціальной жизни народа и что сакральный элементъ, въ связи съ грубымъ суевѣріемъ и гнетомъ правящихъ классовъ, отражавшемся на экономической приниженности населенія, свилъ себѣ прочное гнѣздо въ долинѣ священнаго Нила, вліяя на всѣ стороны народнаго быта и затягивая послѣдній мрачной тѣнью нарастающихъ общественныхъ золъ. „Духовные избранники націи“, какъ это было замѣчено выше, презирали свой народъ и находили выгоднымъ держать его въ постоянной слѣпотѣ и въ мистическомъ жреческомъ дурманѣ, освѣщавшемъ ихъ собственное духовное ничтожество. Въ борьбѣ съ фараонизмомъ жречество одержало верхъ, вырвало у царей прерогативы ихъ духовной власти и развѣнчало монарховъ въ глазахъ народа. Универсальность культа бараньеголового Аммона, за котораго служители культа спрятались во время борьбы со свѣтской властью, была полной побѣдой жречества надъ вырождавшимся фараонизмомъ, побѣдой, которая затормозила прогрессъ и грозила ввергнуть государство въ восточную летаргію. Этого, къ счастью для Египта, не случилось и проложившіе себѣ дорогу къ престолу „первосвященники-цари“, основавшіе XXI династію, должны были сойти съ него долой, очистивъ мѣсто для свѣтскихъ властителей, дѣятельность которыхъ послѣ мертворожденнаго религіозно-политическаго уродства вплоть до окончательнаго паденія Египта оказалась въ сущности „кровавымъ пуфомъ“.

Можно сказать, не впадая въ ошибку, что культурно-историческая жизнь фараоновскаго царства смѣло могла бы закончиться эпохой XIX династіи, ибо послѣ названной эпохи, даже въ самомъ концѣ ея мы можемъ уже ясно констатировать не только приближеніе упадка страны, но и вырожденіе египетской цивилизаціи во всѣхъ проявленіяхъ ея историческаго бытія съ неизмѣннымъ повтореніемъ въ сферѣ искусства, литературы и науки—всего того, что давно уже было прочно установлено и безъ попытокъ оживить сухіе, мертвые образцы. Реставраціонный характеръ Саисской эпохи оказался не въ состояніи помѣшать политическому гніенію Египта, сила котораго оказалась исчерпанной, а надтреснутый старческій организмъ уже нельзя было вылѣчить никакими радикальными мѣрами, никакими реформами.

Выше мы имѣли уже случай рассмотреть основы египетскаго военнаго искусства и тамъ же констатировали фактъ, что миролюбивая нація, чуждая воинственнаго грома оружія, не могла создать тѣ высочайшіе образцы въ искусствѣ веденія войны, съ которыми мы сталкиваемся въ исторіи семитической Ассиріи и, позднѣе, Греціи. Да и какимъ образомъ могло оно развиться, если войско фараоновъ, крѣпкое лишь пассивными доблестями, представляло скорѣе „рабочихъ въ мундирѣ“, надъ которыми возвышалась еще бумажная „канцелярская армія“, нежели специальную силу, предназначенную для выполненія боевыхъ операцій? Правда, и эта армія побѣждала, когда ею командовали Уны, Тутмесы и Рамзесы, но указанное обстоятельство только лишній разъ подтверждаетъ ту истину, что талантливое руководство въ состояніи сдѣлать очень многое, если не все.

Про національное военное искусство Египта врядъ-ли можно говорить серьезно: у такого мирнаго, зараженнаго войскобоязнью народа оно находилось на примитивной степени и развилось лишь въ періодъ Новаго Царства подъ прямымъ, непосредственнымъ вліяніемъ сосѣдней Азіи: лошади, колесницы, оружіе, организація, — все это сколокъ съ организаціонныхъ средствъ сирійскихъ или нахаранскихъ народовъ, давшихъ толчекъ къ надлежащей постановкѣ военнаго дѣла на берегахъ священнаго Нила. Тѣмъ не менѣе, по сравненію съ остальными народами древняго Востока, египетское военное искусство даже съ сильной примѣсью азіатскаго оттѣнка оказывается весьма невысокой пробы, какъ это мы выяснили въ главѣ, посвященной искусству веденія войны, куда, во избѣжаніе повтореній, и отсылаемъ читателей (см. Военное искусство).

Подводя итоги культурно-политической жизни фараоновскаго Египта съ древнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія,

нельзя не подчеркнуть того факта, что древнѣйшіе народы Востока, египтяне и халдеи, не имѣя предшественниковъ въ исторіи, собственными усилиями создали каждый свою оригинальную культуру, которую своеобразно развили эллины и въ такомъ видѣ сдѣлали ее достояніемъ человѣчества, продолжавшаго и продолжающаго доселѣ дѣло Востока и, въ частности, Египта. Такимъ образомъ, какъ выше замѣчено, страна фараоновъ — это школа человѣчества, заключавшая въ себѣ всю сумму знаній, какая могла быть сконцентрирована въ Египтѣ, исполинскіе памятники котораго, ко времени передачи его духовнаго наслѣдства, уже давно лежали въ развалинахъ....

Въ заключеніе бросимъ общій взглядъ на многовѣковую исторію древней странѣ фараоновъ и постараемся въ общихъ чертахъ прослѣдить главныя теченія ея политической жизни.

Первоначально, на зарѣ своей исторіи, таинственная страна береговъ Нила представляется намъ въ видѣ цѣлаго муравейника карликовыхъ государствъ, изъ которыхъ каждое, обособленное другъ отъ друга, живетъ своей собственной исторической жизнью, почти внѣ всякаго соприкосновенія съ сосѣдями.

Какъ результатъ подобной обособленности, въ каждой отдѣльной микроскопической общинѣ мы замѣчаемъ установленіе своихъ собственныхъ законовъ, божествъ, административныхъ функцій и правовыхъ воззрѣній. Этотъ естественный партикуляризмъ, какъ мы видѣли выше, пустилъ глубокіе корни въ политическій строй египетскаго государства и не исчезъ даже тогда, когда мелкія политическія крупицы, вступая въ болѣе обширную общественную организацію, объединились подъ скипетромъ одного властителя: наоборотъ, подъ сѣнью политическаго феодализма, этого понудительнаго связующаго звена, царилъ такой же феодализмъ въ области религіозныхъ отношеній, въ правѣхъ и въ администраціи, обуславливаясь продолжительнымъ самостоятельно-политическимъ существованіемъ запасшейся историческими воспоминаніями отдѣльной общины. Понятное дѣло, что подобная интеграція мелкихъ владѣній, вызванная объединительными тенденціями фараоновъ, обуславливая возможность развитія соціального устройства, могла совершиться лишь внѣшнимъ принудительнымъ путемъ, ибо вошедшія въ составъ національнаго государства или, вѣрнѣе, прикованныя къ центральному ядру общины, будучи не въ состояніи отрѣшиться отъ сепаратическихъ традицій, съ которыми была тѣсно связана ихъ независимо-политическая жизнь и пристегнутыя въ возрастѣ далеко не нѣжномъ, во все продолженіе египетской

исторіи не переставали играть роль маленькихъ государствъ въ государствѣ, а правители ихъ присвоили себѣ, пользуясь неурядицами и смутами, почти царскія права.

Съ воцареніемъ фараона Мини (ок. 4400 г. до Р. Хр.) государственная жизнь древняго Египта сосредоточивается въ средней части страны, при чемъ первенствующее значеніе отводится Мемфису, который дѣлается очагомъ зарождавшейся египетской цивилизаціи, отодвигая значеніе южныхъ номовъ, играющихъ пока второстепенную историческую роль и вынужденныхъ подчиниться главенству центральнаго города Гептаномиды.

Преимники Мини, слѣдуя его политической программѣ, ведутъ упорную борьбу съ областными правителями, противодѣйствовавшими объединительной политикѣ фараоновъ и противопологавшими ей свои собственныя сепаративныя стремленія, и послѣ многихъ неудачъ успѣваютъ, наконецъ, создать единое египетское государство, единое, конечно, въ томъ смыслѣ, что разъединенная на мелкіе политическіе атомы страна вынуждена признать главенство сюзерена.

Мемфисскій періодъ египетской исторіи, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, отмѣченъ такими величественными и грандіозными памятниками, какихъ намъ нигдѣ не представляетъ всемірная исторія архитектуры, не взирая на то, что въ указанную эпоху національное искусство еще только зарождалось на почвѣ нильской долины и вопросъ объ его развитіи принадлежалъ слѣдующему періоду.

Почти тысячу лѣтъ удерживалъ Мемфисъ свое первенство, закрѣпленное эпохой пирамидъ, но при восшествіи на тронъ фараоновъ XI династіи, принужденъ былъ склониться передъ Ѡивами, которые съ этихъ поръ становятся центромъ политической жизни края и фокусомъ всѣхъ групповыхъ и индивидуальныхъ интересовъ объединеннаго политикой Минидовъ государства.

Ѡиванскій періодъ отмѣченъ съ одной стороны развитіемъ національнаго искусства, выразившагося въ сооруженіи грандіознѣйшихъ памятниковъ зодчества и скульптуры, а съ другой—завоевательными походами фараоновъ, которые увеличиваютъ политическое могущество страны, причемъ главной приманкой ихъ является богатая Сирія, куда почти каждое царствованіе двигаются тяжелые баталіоны Тутмесидовъ и первыхъ Рамессидовъ. Въ эту же эпоху начинаетъ сквозить сильное вліяніе Азіи, культура которой достигла къ тому времени значительнаго роста.

Подъ конецъ живого и бурнаго Ѡиванскаго періода утомленная безконечными войнами, походами и вооруженными экспедиціями нація

жаждетъ мира, почти не знакомаго ей со времени изгнанія изъ страны кочевниковъ; при послѣднихъ Рамессидахъ начинаетъ уже ясно звучать струна приближающагося упадка Египта во всѣхъ проявленіяхъ его культурно-исторической жизни. Оивы теряютъ свое первенство, которое переходитъ на сѣверъ, къ городамъ Дельты и, наконецъ, устанавливается за Саисомъ.

Начинается третій и послѣдній періодъ исторіи фараоновскаго Египта, который, подвергаясь безпрестаннымъ нападеніямъ со стороны азіатовъ и эіоплянъ, отъ энергическаго наступленія переходитъ къ пассивной оборонѣ и при нашествіи Камбиза окончательно падаетъ подъ ударами персовъ.

Еще нѣкоторое время продолжалась мучительная агонія государства передъ роковой кончиной и наконецъ завоеваніе Оха прекратило уже навсегда его самостоятельную политическую жизнь. На развалинахъ фараоновскаго Египта выросла греческая держава Лагидовъ, которую смѣнило римское господство, затѣмъ владычество ортодоксальной Византіи замѣнилось господствомъ полумѣсяца, которое, хотя и номинально, продолжается до сихъ поръ.

Такова историческая справедливость. Какъ говоритъ Гете, по вѣчнымъ, неизмѣннымъ великимъ законамъ всѣ мы совершаемъ круговой путь нашего бытія (*Nach ewigen, ehrnen grossen Gesetzen müssen wir alle unseres Daseins Kreise vollenden*). По этимъ же законамъ совершили свой историческій путь и Египетъ, пройдя черезъ всѣ фазы мыслимой для него соціальной эволюціи и передавъ другимъ народамъ свое накопленное духовное богатство, сдѣлавшееся отнынѣ достояніемъ всего человѣчества.

Политически страна фараоновъ погибла послѣ второго персидскаго нашествія, предшествовавшаго появленію на берегахъ Нила великаго завоевателя Азіи, который включилъ Египетъ въ составъ основанной имъ монархіи, но древній бытъ египетскаго народа, характеръ его искусства и путаница мифологическихъ образовъ и представленій,— все это держалось у него еще цѣлыя столѣтія послѣ того, какъ духъ времени совершенно измѣнился и Египетъ подѣ персидскимъ, греческимъ и римскимъ владычествамъ познакомился съ иными принципами, съ иными формами жизни.

Только послѣ прочнаго утвержденія въ странѣ христіанства, преобразовавшаго древній міръ, обновившаго его внутреннюю силу и вытѣснившаго древнихъ боговъ, рушился, наконецъ, старый бытъ Египта. Наступало другое время, вступали въ жизнь другіе принципы и зарождался новый порядокъ вещей, при которомъ древности уже не

оставалось мѣста въ исторіи и она принуждена была сойти съ міровой сцены, занятой ею въ продолженіе нѣсколькихъ тысячелѣтій. Тогда то увитый іероглифами старый Египетъ, имѣвшій за собою свыше четырехъ тысячъ лѣтъ историческаго существованія, зашатался подъ могучимъ давленіемъ всеокрушающаго времени и, оставивъ въ наслѣдіе грядущимъ вѣкамъ исполинскія пирамиды, испустилъ свой послѣдній вздохъ. Сгѣдо его было разрушено, священныя животныя исчезли, памятники прекратились, жречество пало. Роль страны была окончательно сыграна. Прошлое величіе ея сохранилось лишь въ могучихъ гигантахъ, вѣчныхъ пирамидахъ и памятникахъ сѣдой старины, вокругъ которыхъ, убаюкивая вѣчный сонъ ихъ царственныхъ соорудителей, попрежнему плещутъ синія волны священнаго Нила...

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Книга III.

Фихикія.

I. Географическій очеркъ страны и ея населеніе.

По восточному побережью Средиземнаго моря, начиная отъ Синайскаго полуострова и вплоть до Малой Азіи простирается страна, которую древне-египетскіе памятники называютъ Хару (Кефту) и которая позднѣе получила наименованіе Сиріи (турец. Суристанъ, арабск. Э'Шамъ).

1. Характеръ географическаго тѣла страны. Сѣверная граница названной географической области доходитъ до послѣднихъ отроговъ Тавра, окаймляющихъ юго-западный край малоазійскаго плоскогорія, восточная достигаетъ Ефрата и сливается съ сосѣдней Аравійской пустыней, а южная и западная границы примыкаютъ къ берегамъ сосѣднихъ морей,—первая Краснаго, вторая Средиземнаго моря.

По устройству поверхности Сирія представляетъ плоскогоріе, окаймленное съ запада узкой береговой полосой и разсѣченное въ направленіи съ сѣвера на югъ двумя глубокими долинами съ крутыми внутренними скатами; южная изъ названныхъ долинъ столь глубока, что дно ея на цѣлую треть версты лежитъ ниже уровня водъ океана, а сѣверная, болѣе возвышенная, съ востока и запада ограничивается параллельными горными цѣпями, — Ливаномъ (Джебель-Эль-Гарри) и Антиливаномъ, которыя, соединяясь на югѣ, образуютъ покрытый вѣчнымъ снѣгомъ горный кряжъ Гермонъ (араб. Джебель-Эль-Шейхъ). Сѣвернымъ продолженіемъ Ливана служатъ горы меньшей высоты—

Джебель Нузаиріе или Назаирскія горы, которыя доходятъ до 36° сѣверной широты.

По всей длинѣ долина эта прорѣзана рѣками Назаною (древній Leontes, Литани, теперь Нахрѣ-Эль-Касиміэ) и Оронтомъ (Арунать, нын. Нахрѣ-эль-Асси), между устьями которыхъ, при впаденіи въ море, высится довольно крутой берегъ, усѣянный скалистыми вершинами и высокими мысами, далеко вдающимися въ море; рядъ гаваней, соединенныхъ между собою узкими горными дорогами, изрѣзываетъ морское побережіе, образуя такимъ образомъ удобныя мѣста для стоянокъ судовъ. Здѣсь то, вдоль западной части Сирійская плоскогорія, захватывая долины Иордана ¹⁾, Назаны (у Баалбека) и верхняго Оронта, лежала гористая страна, извѣстная въ Библии подъ именемъ Ханаана, южную часть котораго занимала Палестина, а сѣверную—Финикія (египетск. Цахи, что относилось собственно не ко всей Финикіи, а лишь къ сѣверной части ея, служившей обычнымъ театромъ войны для фараоновъ эпохи Новаго Царства).

Согласно греческому преданію,—излишне прибавлять, что оно ни на чемъ не основано — Финикія получила свое названіе отъ нѣкоего Феникса, легендарнаго родоначальника одного изъ хананейскихъ племенъ, но, понятное дѣло, такое дѣтское объясненіе не можетъ считаться сколько нибудь удовлетворительнымъ и должно быть отнесено къ разряду тѣхъ побасенокъ, которыхъ давнымъ давно слѣдовало бы совсѣмъ исключить изъ всемірной исторіи. Гораздо правдоподобнѣе общераспространенное мнѣніе, которое придаетъ Финикіи названіе „страны пальмъ“, основываясь на томъ соображеніи, что слово *fenix* въ переводѣ значитъ пальма.

Эта страна пальмъ не была, однако же, страной въ собственномъ смыслѣ, такъ какъ представляла рядъ портовыхъ городовъ съ весьма небольшою, прилегавшею къ нимъ территорію.

Сѣвернымъ предѣломъ Финикіи можно считать устье Оронта, вытекающаго изъ горъ Антиливана (нын. Джебель-Эль-Шерки) и образующаго близъ Хомса небольшое озеро Кадезъ, а южнымъ — горный отрогъ Кармель (теперь Джебель-Маръ-Элиасъ), который, отдѣлившись отъ главной цѣпи горъ, южнѣ Генисаретскаго озера (нын. Бахрѣ-Табарійэ), тянется въ сѣверо-западномъ направленіи къ морю, образуя вдающійся въ него мысъ. Ливанъ или Джебель-Либнанъ, сѣверная часть котораго носитъ названіе Джебель-Аккара, а южная—Джебель-

¹⁾ Иорданъ начинается на Джебель-Эль-Шейхъ тремя истоками, изъ которыхъ наиболѣе значительный носитъ названіе Нахрѣ Газбани, впадающій въ оз. Эль-Гулахъ (въ Библии Меромъ).

Дерузь, тянется параллельно сирійскому берегу отъ сѣвера къ югу, достигая въ своихъ высшихъ точкахъ (Даръ-Эль Ходибъ) до 3.066 м. высоты, и перерѣзается глубокими разсѣлинами, разбивающими Ливанъ на отдѣльныя групповыя террасы, чрезвычайно живописныя со стороны моря.

Узкая полоса песчаной и скалистой земли финикійскаго берега не отличалась плодородіемъ, хотя мѣстами, на горныхъ склонахъ и кое гдѣ въ долинахъ почва позволяла заниматься земледѣліемъ. Такія плодородныя долины, богато орошенныя и удобныя для поселеній, залегали большею частью при устьяхъ горныхъ рѣкъ, особенно на сѣверѣ, гдѣ наносы Оронта, долина котораго своей дикой красотой превосходитъ всѣ другія мѣстности Сиріи, образовали плодородную черноземную почву, дававшую щедрое вознагражденіе за трудъ земледѣльца.

Площадь культурныхъ земель была вообще невелика. По нижнимъ склонамъ горъ встрѣчались цѣлыя лѣса финиковыхъ пальмъ, оливковыя и тузовыя деревья, лавры, мирты, смоковницы и виноградники; верхніе склоны были покрыты громадными дубовыми, кипарисовыми и кедровыми лѣсами, которыми издревле славились на Востокѣ горы Ливана. Знаменитые ливанскіе кедры, запахъ которыхъ присваивалъ Ливану названіе „душистаго“ въ настоящее время мало по малу исчезаютъ и не далеко то время, когда они исчезнутъ совсѣмъ, оставивъ по себѣ лишь одно воспоминаніе. Ливанъ давалъ матеріалъ для построекъ всего классическаго Востока, что служить достаточнымъ объясненіемъ, почему отъ роскошныхъ лѣсовъ Ливана уцѣлѣло лишь нѣсколько кедровъ.

Въ лѣсахъ Финикіи преобладали *Tamarix*, можжевелникъ, *Coryllus avellana*, *Thuia*, рябина, тополь, боярышникъ, мастиковое дерево, *Buxus sempervirens*, акаціи, астрагалы и проч. Кромѣ того, въ составъ финикійской флоры, вообще обильной ароматическими кустарниками и травами, входили мирты, барбарисъ, лавры, *Azalea*, *Pistacia lentiscus*, *Culutea*, *Lupinus*, растенія лилейныя и маковыя, *Cruciferae*, *Caryophyllaceae*, а на склонахъ горъ попадались розы, резеда, фіалки, герани, *Valeriana*, *Ranunculaceae*, платаны, буки, ивы и серебристые тополи.

Изъ огородныхъ растеній можно отмѣтить огурцы, тыквы, дыни, лукъ и чеснокъ.

Фауна страны была довольно однообразна. Кромѣ обычныхъ домашнихъ животныхъ, здѣсь встрѣчались кабаны, лисицы, шакалы, медвѣди, барсуки, дикообразы, сирійскіе даманы (*hyrax Syriacus*),

буйволы и газели. Изъ царства пернатыхъ слѣдуетъ упомянуть о куро-паткахъ, перепелкахъ, голубяхъ, аистахъ, цапляхъ и орлахъ. Не было недостатка въ змѣяхъ, ящерицахъ, скорпіонахъ, пчелахъ и саранчѣ.

Лѣто въ Финикіи жаркое, небо безоблачное и дожди замѣняются сильной ночной росой. Зима довольно суровая для такихъ широтъ, хотя значительно умѣряется близостью моря. Колебанія температуры, сравнительно, велики.

Возвращаясь къ географическому абрису страны, необходимо отмѣтить, что обработка земли на узкой полосѣ морского побережія была возможна лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ какъ все остальное пространство, занятое финикійской территоріей (около 250 кв. миль), представляло гористую страну, въ которой занятіе хлѣбопашествомъ встрѣчало особыя затрудненія. Пастушеская жизнь тоже не представляла особенныхъ выгодъ, такъ какъ для стадъ необходимы, главнымъ образомъ, степныя равнины, не говоря уже про то, что съ ростомъ населенія, улучшеніемъ путей сообщенія и проч. небольшія въ началѣ запашки все расширяются, а первобытное скотоводство сокращается, потому что при возможности обработать большее количество земли, засѣвая ее зерновыми хлѣбами, можно получить большія выгоды, нежели пользуясь ею, какъ пастбищамъ. Вслѣдствіе наличности приведенныхъ условій и земледѣліе, и скотоводство служили лишь подспоріемъ къ остальнымъ отраслямъ труда, не составляя главнаго занятія населенія, вынужденнаго поэтому обратить свое вниманіе совсѣмъ въ иную сторону.

Близость моря открыла финикіянамъ другіе пути для достиженія благосостоянія и пріобрѣтенія всемірно-историческаго значенія. Въ самомъ дѣлѣ при взглядѣ на карту восточнаго побережія Средиземнаго моря, той части Сиріи, гдѣ лежала древняя Финикія, сразу бросается въ глаза, что Ливанскія горы подходятъ почти къ самому берегу, а тамъ гдѣ онѣ пересѣкаются ущеліями или нѣсколько отступаютъ въ глубь страны, море врѣзывается въ сушу, образуя бухты—заливы, представляющіе прекрасную защиту для судовъ отъ вѣтра и морского волненія. Если принять во вниманіе чрезвычайное обиліе въ странѣ строевого корабельнаго лѣса, доставлявшаго превосходный матеріалъ для постройки судовъ, то станетъ понятно, что выгодное географическое положеніе Финикіи въ связи съ указанными выше физическими свойствами края, какъ бы толкали его населеніе перенести главную дѣятельность на морскія предпріятія.

Прежде, вопреки очевидности, утверждали, что берегъ Финикіи богатъ расчлененъ и изобилуетъ превосходными гаванями, но простой

взглядъ на карту показываетъ, что здѣсь нѣтъ ни слова правды, да и вообще слѣдуетъ признать, что наилучшія гавани, какъ, на примѣръ, Яффа и Бейрутъ, въ древности далеко не были знаменитѣйшими.

Всѣ гавани финикіянь были маленькія и мелкія; конечно, и тогдашнія суда были соотвѣтственно малы и мало погружались въ воду. Если сравнить гавани финикійской древности съ нынѣшними торговыми столицами, на примѣръ, Сидонъ и Тиръ съ Сиднеемъ, Санъ-Франциско и Бомбеемъ, то древнія гавани окажутся просто дѣтскими игрушками, вполне пропорціонально съ размѣрами тогдашней и нынѣшней торговли. Въ гавани Сиднея можно проплывать цѣлый день и не увидѣть даже половины кораблей, здѣсь находящихся; въ гавань Сидона можно было войти лишь въ очень маленькомъ челнокѣ, чтобы не натолкнуться тотчасъ же на другой конецъ ¹⁾. Со всѣмъ тѣмъ превосходно развитая береговая линія изстари привлекала къ себѣ многочисленное населеніе, ютившееся въ богатыхъ городахъ—гаваняхъ. Неудивительно, что этотъ тѣсный уголокъ земли сдѣлался пріютомъ для предприимчивыхъ промышленниковъ, пустившихся въ отдаленныя морскія предпріятія, и обратился въ торговый рынокъ для всего древняго міра.

Вотъ почему такъ своеобразна исторія развитія финикійскаго народа.

Выше мы видѣли, что исторія египтянь во все время продолженія ихъ политическаго бытія находится въ тѣсной связи съ территоріальной исторіей географически точно опредѣленной области. Относительно финикіянь дѣло обстоитъ совершенно иначе. Ихъ исторія, по замѣчанію Пичмана, совпадаетъ въ гораздо меньшемъ объемѣ съ исторіей ихъ страны. Изъ всѣхъ образованныхъ народовъ древности они первые сьумѣли, не утрачивая своей національной самобытности и своей культуры, стать въ независимость отъ того клочка земли, на которомъ имъ удалось пріобрѣсти эту самобытность.

Обращаясь къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ древне-финикійскихъ городовъ, игравшихъ столь значительную и богатую послѣдствіями роль въ торгово-промышленной дѣятельности страны, нельзя оставить безъ вниманія того обстоятельства, что всѣ они, будучи географически обособлены, распались на три группы, независимыя другъ отъ друга и имѣвшія каждая своеобразный характеръ.

2. Города. Въ сѣверной Финикіи (Цахи египетскихъ надписей) можно указать слѣдующіе города:

¹⁾ Гельвальдъ «Исторія культуры» пер. Филиппова. 1897 г. стр. 461.

1) Арадъ („убѣжище“) считался однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ этой части страны и велъ обширную морскую торговлю. Расположенный на маленькомъ гористомъ островкѣ Р у а д ѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ материковаго берега, онъ былъ окруженъ стѣною, предназначенной служить въ одно и то же время и укрѣпленіемъ и плотиною. Остатки этой стѣны существуютъ до сихъ поръ, на что имѣются указанія ¹⁾.

Въ узкомъ проливѣ, между островкомъ, занятымъ городомъ, и берегомъ находился источникъ прѣсной воды, пробивавшійся въ морскомъ днѣ и снабжавшій водою жителей острова въ военное время ²⁾.

Памятники Арада свидѣтельствуютъ о сильномъ египетскомъ вліяніи, господствовавшемъ въ сѣверной Финикии.

2) Нѣсколько южнѣ Арада находился Триполисъ (теперь Тараблусъ-и-Шамъ) или „тройной городъ“, основанный выходцами изъ Арада, Тира и Сидона. Какъ можно видѣть изъ названія, Триполисъ наименованъ такъ греками, національное же его имя осталось неизвѣстнымъ. Въ этомъ городѣ, какъ сообщаютъ греческіе писатели, первоначально собирались на общій сеймъ депутаты финикійскихъ большихъ городовъ для обсужденія текущихъ дѣлъ союза, пока послѣдній находился во главѣ отдѣльныхъ общинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Триполисъ былъ значительнымъ коммерческимъ портомъ съ гаванью-бухтой, и велъ обширную отпускную торговлю.

3) Семира (нын. Сумрегъ на Нахръ-Эль-Кебирѣ, древн. Eleutherus), подобно Араду, принадлежала къ разряду большихъ городовъ и отличалась безпокойнымъ и воинственнымъ населеніемъ, всегда готовымъ воевать съ сосѣдями или возставать противъ иноземнаго владычества; выражаясь фигурально, это былъ пороховой погребу, который могъ взрываться отъ малѣйшей искры.

4) Противъ Арада на материкѣ находились Антарадъ (теперь Тортоза), Карнеи и Мараетъ (нын. Амритъ); развалины этого послѣдняго города, разбросанныя на огромномъ пространствѣ, сохранились и доселѣ.

5) Далѣе къ югу лежала Симрона (греч. Ортозія), первоначально значительное поселеніе и торговый пунктъ; въ послѣдствіе значеніе города пало и почти свелось на нѣтъ.

6) Господство арвадитовъ (т. е. жителей Арада) простиралось далеко вдоль берега и въ глубь страны; помимо Антарада, Карнеи

¹⁾ Lenormant III. 452.

²⁾ Страбонъ XVI, 3753; Плиніи II, 103, V, 31; источники прѣсной воды въ морѣ, о которыхъ упоминаютъ эти писатели, видѣли Gaillardot и Вальполь.

Марава, они владѣли Семирой, Палтосомъ, а на востокѣ подчинили себѣ извѣстный намъ изъ египетской исторіи Хамама тъ (позднѣ Ерирhania, теперъ Хама), лежащій въ долинѣ Оронта.

7) Каламъ и Хихартъ считались второстепенными городами и за исключеніемъ довольно развитой торговли, не проявили себя ничѣмъ выдающимся за всю финикійскую исторію, почему упоминаются здѣсь исключительно ради полноты.

Къ югу отъ области Цахи лежала центральная Финикія, изъ городовъ которой стоитъ упомянуть о слѣдующихъ:

1) Библь (Biblos, теперъ Джебель), расположенный по теченію р. Адониса, почитался священнымъ городомъ, съ которымъ связывались древнѣйшія миеологическія воспоминаія и въ которомъ происходили торжественныя празднества въ честь финикійской богини Астарты (см. Религія). Судя по нѣкоторымъ памятникамъ „ливанскаго Іерусалима“, можно думать о сильномъ культурномъ вліяніи фараоновскаго Египта на упомянутый городъ.

Изъ папируса Эберса извѣстно, что Библь славился знаменитыми окулистами. Изъ Библа же египтяне получали кедровое масло для бальзамированія.

2) Берить (Бейрутъ), что въ переводѣ значитъ „колодцы“, представлялъ изъ себя хорошо защищенный портъ, построенный на оконечности одной изъ самыхъ плодородныхъ равнинъ финикійскаго берега. вмѣстѣ съ Библомъ Берить игралъ крупную политическую роль и до послѣднихъ дней язычества являлся центромъ одной изъ самыхъ живучихъ сирійскихъ религій.

3) Гельдуанъ и Порфиріонъ вели довольно значительную торговлю.

Въ южной части Финикіи пріютились самые большіе города страны, достигшіе необыкновеннаго процвѣтанія и получившіе всемірно-историческое значеніе.

Таковы были сначала Сидонъ (теперъ Саида), а впоследствии Тиръ (Сура).

Сидонъ лежалъ на сѣверномъ откосѣ небольшого мыса, по теченію рѣки Бострена (теперъ Нахръ-Эль-Ауали) и назывался въ Библии „первенцемъ Ханаана“. Значеніе названнаго города было таково, что финикіяне долгое время были извѣстны на Востокѣ и въ Греціи подъ именемъ сидонянъ. Еще во времена Іосифа о немъ упоминаютъ какъ о мѣстѣ, съ которымъ Египетъ велъ торговлю, а въ періодъ выселенія евреевъ изъ монархіи фараоновъ онъ являлся уже господствующимъ надъ большей частью страны.

Сидонъ обладалъ второстепенной гаванью и первоначально былъ рыболовной стоянкой, какъ это видно изъ самаго названія города, которое въ переводѣ значить „рыбная ловля“.

Къ югу отъ Сидона лежала Сарепта (теперь Сарафендъ), которая начиная съ XII вѣка въ политическомъ отношеніи зависѣла отъ Тира, затмившаго своимъ богатствомъ все города Финикіи. Въ древности Сарепта славилась своимъ стекломъ, которымъ вела обширную отпускную торговлю.

Тиръ (евр. Соръ, нын. Суръ, что въ переводѣ значить „утесь“) былъ расположенъ на островѣ, въ близкомъ разстояніи отъ берега, но не обладалъ, подобно Араду, источникомъ прѣсной воды на днѣ моря, почему послѣдняя либо заготовлялась въ цистернахъ, либо привозилась съ материка на лодкахъ. Классическіе писатели различаютъ два Тира: Новый Тиръ находившійся на островѣ, и Старый Тиръ, расположенный на берегу, въ нынѣшней мѣстности Расъ-эль-Аинъ. Городу принадлежалъ весь берегъ отъ устья Назаны до южныхъ склоновъ горнаго отрога Кармель, но первоначально владѣнія Тира находились въ вассальной зависимости отъ Сидона и лишь послѣ упадка послѣдняго начался періодъ преобладанія Тира и полного разцвѣта его торговли.

Пророкъ Іезекіиль, видѣвшій этотъ городъ, поэтически отождествляя его съ кораблемъ, живо изображаетъ колоссальныя богатства торговаго центра Финикіи.

«Тиръ! — восклицаетъ пророкъ, ты говоришь: я совершенство красоты! Предѣлы твои въ сердцѣ морей; строители твои усовершенствовали красоту твою. Изъ сенирскихъ кипарисовъ устроили все помосты твои, брали съ Ливана кедръ, чтобы сдѣлать на тебѣ мачты. Изъ дубовъ вассанскихъ дѣлали весла твои; скамьи твои дѣлали изъ буковаго дерева, съ оправой изъ слоновой кости съ острововъ киттимскихъ. Узорчатые полотна изъ Египта употреблялись на паруса твои и служили флагомъ; голубого и пурпуроваго цвѣта ткани съ острововъ Эллисы были покрываломъ твоимъ!»¹⁾

Изъ приведеннаго описанія можно составить себѣ понятіе о развитіи матеріальной культуры Финикіи и объ ея богатствахъ, главнымъ обладателемъ которыхъ являлся Тиръ. Въ городѣ находилась національная святыня страны храмъ Мелькарта, Тирскаго Геркулеса (см. Религія), привлекавшій толпы пилигримовъ не только изъ самой Финикіи, но и изъ ея многочисленныхъ колоній, какъ это мы увидимъ въ финикійской исторіи.

¹⁾ Іезекіиль XXVII.

Какъ соперникъ Иерусалима, Тиръ возбуждалъ особенную ненависть пророковъ и они громили его въ своихъ проповѣдяхъ.

Между Сарептой и Тиромъ находились города: Назана (древ. Мазака, позже Caesarea), Авафа (греч. Орпифополисъ) и Мегаллибъ (греч. Леонтополисъ), которые составляли какъ бы одну торговую улицу, окаймлявшую правый берегъ Сирии.

Южную границу Финикии составлялъ городъ Акка, именовавшійся у грековъ Птоломайдой (Аакъ египетскихъ памятниковъ, средневѣковый Акръ, позднѣе Сень-Жанъ д'Акра) и обладавшій обширной гаванью, достаточно безопасной, чтобы защищать корабли и суда отъ бурь и морскихъ волненій.

Наконецъ къ югу-западу отъ Тира были расположены: Сарра (Сераа), Ушъ (Александропень), Лаодикия (Каикана египетскихъ надписей, теперь Умъ-эль-Авамида), Мизрефотъ-Маймъ и Ахсивъ (егип. Аксапу греческ. Эkdиппа), упоминаемый въ Библии ¹⁾.

При разсмотрѣннн географическаго положенія древне-финикийскихъ городовъ, не трудно замѣтить, что конфигурація берега какъ бы не принималась въ расчетъ, такъ какъ самыя значительныя поселенія страны были расположены не тамъ, гдѣ находились лучшія якорныя стоянки, а тамъ, гдѣ сама мѣстность представляла наиболѣе удобную защиту отъ непріятельскихъ нападений и набѣговъ.

Чтобы окончательно покончить съ географическимъ обзоромъ страны, скажемъ въ заключеніе два слова о ближайшихъ, пограничныхъ съ Финикіей областяхъ и отдѣльныхъ государствахъ.

На сѣверномъ концѣ Ханаана, по верховьямъ рѣкъ Оронта и отчасти Ефрата лежала страна Хеттовъ, выгодное географическое положеніе которой сдѣлало изъ нея одинъ изъ богатѣйшихъ торговыхъ рынковъ Востока, такъ какъ занимая срединное положеніе между двумя главными государствами древняго міра и распространяя свое вліяніе до Эгейскаго моря, она естественнымъ образомъ становилась посредницей въ торговыхъ отношеніяхъ между Халдеей и Египтомъ. Это тѣ самыя хетты, съ которыми мы познакомились въ египетской исторіи какъ съ традиционными и упорными противниками фараоновъ. Они владѣли сосѣдней частью Сирии (Нахаранной) до Ефрата съ городомъ Халебу (Хилибу, теперь Алеппо, арабск. Эсъ-Шебха) и были почти полными хозяевами на этой рѣкѣ, сооружая по среднему теченію Ефрата, (гдѣ незначительная глубина его позволяла устраивать переправы), рядъ крѣпостей-городовъ, изъ которыхъ

¹⁾ Кн. Исуса Навина XV, 44.

наиболѣе извѣстны были Турмеда, Тапсакъ и знакомый намъ по исторіи Египта Кархемышъ (Джераблусъ, иначе Цирцесіумъ, теперь Мембидже)—складочный пунктъ товаровъ и обычное мѣсто переправы черезъ Ефратъ, что обусловливало его важное стратегическое значеніе.

Южный конецъ Ханаана занимала Палестина, скалистая и изсохшая плоская возвышенность, прорѣзанная по срединѣ плодосной долиной Іордана и составлявшая историческую арену „избраннаго Богомъ“ народа,—евреевъ.

Тамъ на узкомъ пространствѣ, въ странѣ въ пятьдесятъ миль длиною и семьдесятъ пять шириною, развилось племя, единственное въ своемъ родѣ, жившее только своей вѣрой и для своей вѣры. Это тѣсное сплетеніе религіи съ исторіей народа, это вѣчное участіе Іеговы (Яхвея) во всемъ, что касается Израиля, составляетъ главную особенность древняго еврейства и коренной факторъ еврейскаго міросозерцанія.

Самое сильное изъ еврейскихъ племенъ, колѣно Ефремово прочно утвердилось въ самомъ центрѣ страны, въ горахъ, отдѣляющихъ долину рѣки Іордана отъ сирійскаго берега, и поглотило прежнихъ обитателей этой мѣстности—амалекитянъ; остальные еврейскія племена размѣстились по мѣрѣ возможности.

Колѣно Веніаминово поселилось на югѣ, на возвышенностяхъ, которыя командовали плодородной іерихонской равниной; колѣно Манасино—на сѣверѣ, близъ іорданскихъ болотъ и въ ущелияхъ Фавора. Четыре второстепенныхъ колѣна,—Иссахарово, Асирово, Неваалимово и Завулоново,—заняли холмы, возвышавшіеся за Тиромъ и Сидономъ. Но многіе ханаанскіе города сохранили независимость и, не успѣвъ овладѣть ими, завоеватели оказались такимъ образомъ раздѣленными на три ничѣмъ не связанныя и неравныя по значенію части: два первыхъ колѣна—въ центрѣ Ханаана, четыре послѣднихъ на сѣверѣ, а колѣно Іудино и Симеоново—на югѣ ¹⁾.

Къ востоку отъ долины Іордана находилась страна аморреянъ, которые образовали здѣсь два государства: одно между Гермономъ и теченіемъ рѣки Яббока (теперь Зерна-Маинъ, притокъ Іордана), со столицей Едреей (егип. Адраа), а другое на югѣ, между Яббокомъ и Арнономъ (нын. Эль-Моджибъ, впадающій въ Мертвое море) съ главнымъ городомъ Хесбономъ (Есевонъ, егип. Хашбу).

Одно изъ амморрейскихъ племенъ проникло даже въ долину Оронта, гдѣ оно владѣло знакомымъ намъ по египетской исторіи

¹⁾ Кн. Судей I, 21 и слѣд.

Ка д е ш о м ъ (Химса или Эмеза), другое кочевало по берегу моря, между Экрономъ и Иоппе, а третье утвердилось близъ Сихема (собственно Шекемъ, теперь Наблусъ), къ югу отъ Хеврона (нын. Эль-Халиль) и сообщило горамъ, окружающимъ Бахрѣ-Лутъ (Мертвое море) названіе аморрейскихъ ¹⁾).

На восточномъ берегу Бахрѣ-Лута жили родственные финикіянамъ и евреямъ моавитяне, одна изъ воинственныхъ націи Сиріи, вѣчно боровшаяся съ іудеями за обладаніе богатыми сѣверными пастбищами ²⁾. Географическій центръ этого народа, не допущеннаго въ „общество Господне“, находился въ Арѣ (позже Раббатъ-Моавъ).

3. Населеніе. Финикіяне или п у н ы, какъ называли ихъ римляне, принадлежали къ кавказскому племени и составляли одну изъ вѣтвей многочисленной семитической расы; сами себя они называли к е п а і, т. е. хананей, названіе же финикіяне, встрѣчающееся въ классической географіи, греческаго происхожденія.

Древнѣйшая эпоха была свидѣтельницей большихъ этнографическихъ переворотовъ въ Передней Азіи, засвидѣтельствованныхъ какъ египетскими памятниками, такъ и ассирійскими лѣтописями: приблизительно за три тысячи лѣтъ до начала нашей эры, когда въ Нильской долинѣ и въ Месопотаміи сложились уже обширныя государства, достигшія извѣстной культуры, на Сирію двинулась огромная масса семитическихъ племенъ, сконцентрированныхъ еще въ глубокой древности на западномъ и южномъ берегахъ Персидскаго залива. Захваченные бурнымъ и стремительнымъ потокомъ семитическаго вторженія, туземныя племена Р е ф а и м ъ (Rephaim), Э м и м ъ, З у з и м ъ, З о м з о м и м ъ и Э н а с и м ъ, муравейникъ которыхъ копшился на обширной сирійской территоріи еще во времена Древняго египетскаго Царства, разсыпались подъ напоромъ завоевателей и почти безслѣдно исчезли съ міровой арены: пришельцы частью истребили ихъ, а частью ихъ жалкіе этнографическіе остатки растворились въ пришлой семитической волнѣ, захлестнувшей всю Сирію. Только очень немногимъ изъ аборигеновъ страны удалось сохранить независимость; по свидѣтельству Библии, на границахъ пустыни, въ окрестностяхъ горы Сеиръ, жило племя Х о р и м ъ, а на равнинѣ къ юго-востоку отъ Газы,—племя А в в и м ъ ³⁾. Кромѣ того въ направленіи къ

¹⁾ Исходъ I, 19—20.

²⁾ Подробности этой борьбы см. I Кн. Царствъ и Паралипом.

³⁾ Бытія XIV, 6; Исходъ II, 28.

каменистой Аравіи сохранились значительные этнографическіе остатки первобытныхъ народцевъ,—кенистовъ и кадмонитовъ ¹⁾).

Завоеватели овладѣли всей страной отъ Ефрата до Суэцкаго перешейка, причѣмъ нѣкоторыя изъ пришлыхъ семитическихъ племенъ, привлеченныя, безъ сомнѣнія, слухами о богатствахъ Египта, перешли пустыню, отдѣлявшую Азію отъ Африки и, проникнувъ въ Нильскую долину, завоевали монархію фараоновъ и владѣли послѣдней около четырехъ столѣтій до изгнанія ихъ Ахмосомъ (см. исторію Египта). Но большая часть семитическихъ племенъ, не желая послѣдовать примѣру гиксоновъ, предпочла остаться въ завоеванной Сиріи, усвоивъ себѣ наслѣдіе аборигеновъ и въ политическомъ, и въ культурномъ смыслѣ.

Вскорѣ по завоеваніи страны пришельцы распались на три крупныхъ, родственныхъ между собою народности: Хетана сѣверо-востокѣ Сиріи, хананеевъ, занявшихъ край къ западу отъ рѣки Иордана и все восточное побережіе Средиземнаго моря и, наконецъ, терахитовъ, поселившихся на границахъ Аравійской пустыни.

Значительная часть хананеевъ распозлзлась на мелкія пастушескія племена, которыя впоследствии были покорены отчасти евреями, отчасти филистимлянами, береговые же хананеи (kenai), замкнутые между горами и моремъ, сдѣлались мореплавателями и купцами, за которыми классическая древность усвоила имя финикіяпъ.

Это былъ въ высшей степени энергичный, подвижной и предпріимчивый народъ, дѣятельность котораго всецѣло сосредоточилась на торговлѣ, а подъ вліяніемъ послѣдней сложилась вся финикійская культура, начиная отъ религіи и кончая произведеніями промышленности. Не даромъ потомки ихъ, теперешніе сирійцы (понимая это имя въ собирательномъ смыслѣ), по отзыву Кремера, представляютъ чрезвычайно смышленное племя, отличающееся большой воспримчивостью и способностью къ усвоенію европейской культуры, а равно коммерческими способностями и страстью къ путешествіямъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что при такихъ выдающихся умственныхъ способностяхъ жителей, въ жилахъ которыхъ течетъ частица финикійской крови, въ нынѣшней Сиріи умственное развитіе населенія гораздо выше, чѣмъ въ иныхъ провинціяхъ Азіатской Турціи. Возвратимся, однако, къ знаменитымъ предкамъ теперешнихъ сирійцевъ,—финикіянамъ.

¹⁾ Lenormant, loc. cit III, 446. Роскопки доктора Селлина, произведенныя въ Палестинѣ, обнаружили двѣ шахты, содержащія такую массу матеріала, что можно легко составить себѣ картину культуры до-израильской эпохи (Das Neue Wiener Tageblatt 1902).

Находчивый, ловкий и изворотливый торгошъ поставилъ цѣлью своей жизни наживу и, надо отдать ему полную справедливость въ этомъ отношеніи, умѣлъ зашибить деньгу. При случаѣ, онъ не брезгалъ пополнять торговый барышъ выгоднымъ грабежомъ, если это можно было сдѣлать не рискуя своей шкурой и вообще безъ всякой опасности, былъ не прочь поднадуть покупателя, но за то умѣлъ приспособиться къ его вкусамъ и потребностямъ и хорошо зналъ, гдѣ можно купить товаръ дешево и гдѣ спустить его втридорога. Честность и добросовѣстность далеко не являлись принадлежностью алчныхъ финикійскихъ купцовъ и древніе греки не даромъ называли ихъ обманщиками, хитрецами и коварными людьми. Въ самомъ дѣлѣ тутъ шла ложь, что называется, и оптомъ, и въ рѣзницу. Неудержимая жажда къ наживѣ побуждала финикіянъ для расширенія торговыхъ операцій и открытія новыхъ рынковъ пускаться въ отдаленныя и опасныя экспедиціи на сушѣ и на морѣ, а ихъ необыкновенная изворотливость, пронырливость и умѣнье изъ всего извлекать барышъ, доставляли возможность вести торговля сношенія со всѣмъ извѣстнымъ тогда міромъ.

Практическій народъ-торгошъ, поглощенный торговой дѣятельностью, отодвигалъ на задній планъ всѣ другіе интересы и изъ-за коммерческихъ выгодъ легко примирялся съ тѣми тяжелыми политическими условіями, въ какія не разъ попадала его родина. Подобное политическое равнодушіе въ предприимчивомъ семитѣ будетъ совершенно понятно, если принять въ соображеніе, что финикійскій торговецъ, весь ушедшій въ свои коммерческіе расчеты и вездѣ ставившій на первомъ планѣ барышъ, видѣлъ врага не въ воинственномъ завоевателѣ, угрожавшемъ свободѣ его отечества, а въ торговомъ конкурентѣ, который, отбивая у финикійскаго торгоша большую часть торговыхъ рынковъ и устраивая подрывъ коммерціи, могъ такимъ образомъ бить его по карману.

Подобно тому какъ во главѣ древне-египетской общины стояло многочисленное и образованное жречество, такъ роль первой скрипки въ общественномъ строѣ Финикіи играли богатые купцы, которые задавали тонъ всей соціальной жизни страны, прикладывая свой коммерческій масштабъ ко всѣмъ ея внутреннимъ и внѣшнимъ проявленіямъ. Въ странѣ свирѣпствовалъ бичъ капитала, на которомъ покоилось могущество представителей этой „націи лавочниковъ“, — денежной аристократіи; простой народъ являлся въ сущности голытьбой, находился почти въ рабскомъ состояніи (ибо экономическая зависимость очень походитъ на рабство), не имѣя ни клочка земли, раз-

дѣленной между имущими классами, и влача самое бѣдственное существованіе. Вслѣдствіе наличности указанныхъ причинъ, большая часть безземельнаго пролетаріата предпочитала эмигрировать за предѣлы родины, отдаваясь колонизаціонной дѣятельности, причемъ эти эмигранты являлись въ роли передовыхъ піонеръ восточнаго вліянія на Западъ, который въ это время только что выступалъ на всемірно-историческую сцену на смѣну одряхлѣвшему Востоку.

Всѣ вообще финикіяне были превосходными мореходцами и въ своей родной стихіи долгое время почти не знали соперниковъ; какъ военный, такъ равно и коммерческій флотъ былъ палладіумомъ ихъ величія и стяжалъ себѣ заслуженную славу во всемъ тогдашнемъ мірѣ.

Довольно ясное представленіе о крѣмахъ финикійскихъ торговцевъ даетъ Геродотъ. Вотъ, что онъ говоритъ о томъ, какъ вели торговлю съ африканскими дикарями переселенцы изъ Финикіи, кареагеняне.

„Приходя на западный берегъ Африки для торговли, кареагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и разводятъ огонь. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Кареагеняне выходятъ на сушу и рассматриваютъ, достаточно ли оставлено золота за товары, если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же не достаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются, прибавляютъ золота, чтобы удовлетворить продавцевъ. По словамъ кареагенянъ никогда одна сторона не обижаетъ другой: кареагеняне никогда не прикасаются къ золоту, прежде, чѣмъ оно по стоимости не будетъ равняться товару; равнымъ образомъ туземцы уносятъ въ собою товары, когда золото взято кареагенянами“¹⁾.

Причина подобной коммерческой правдивости и толе ношенія къ покупателямъ при производствѣ торговыхъ снятна сама собой: разъ обманутый, дикарь болѣе не понес золота на морской берегъ въ обмѣнъ на финикійскіе товар рынокъ для сбыта былъ бы потерянъ навсегда.

Но, само собой разумѣется, что если сохраненіе добра было необходимо для привлеченія выгоднаго покупателя, сколько не препятствовало финикійскому торгашу, при къ тому возможности, совершить какой нибудь обманъ и

¹⁾ Геродотъ IV, 42.

лишь бы послѣдній не отразился невыгодно на его коммерческихъ дѣлахъ и не принесъ прямой вредъ его торговымъ интересамъ. Эти торговцы и маклеры *par excellence*, поглощенные жадностью къ наживѣ, въ которой они видѣли смыслъ земного существованія и, такъ сказать, своего рода *raison d'être*, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, безъ зазрѣнія совѣсти нарушали слово, клятву, были способны на самое грязное предательство и поступали иногда съ возмутительнымъ вѣроломствомъ, забирая въ плѣнъ довѣрчивыхъ покупателей и распродавая ихъ затѣмъ на рынкахъ въ качествѣ рабовъ, что находить себѣ фактическое подтвержденіе въ греческихъ преданіяхъ. Тотъ же Геродотъ рассказываетъ, какъ финикійскіе купцы, пріѣхавъ въ Аргось и распродавъ тамъ свои товары, похитили нѣкоторыхъ покупательницъ и отплыли съ нимъ въ Египетъ, гдѣ ихъ и продали съ барышемъ.

Такимъ образомъ, смотря по обстоятельствамъ, финикійскій торговецъ могъ превращаться въ пирата и, обратно, морской разбойникъ дѣлался купцомъ, когда пиратство представляло ему менѣе выгоду, чѣмъ торговля. Конечно, у него подъ рукою всегда бывали агенты и пособники, которые за деньги или за инья выгоды входили съ нимъ въ сдѣлку и дѣлили взаимные барыши.

Хорошо извѣстный эпизодъ Одиссеи (XV пѣсня) живо воспроизводитъ мало привлекательные нравственные образы финикійскихъ купцовъ. Рабъ Одиссея, Эвмей, „свинопасъ богоравный“ рассказываетъ Улиссу о своей судьбѣ. Онъ былъ сынъ царя острова Сиры, лежащаго на Эгейскомъ морѣ. Выгодное географическое положеніе острова и его естественныя богатства не замедлили привлечь къ Сирѣ предприимчивыхъ финикійскихъ купцовъ-мореплавателей.

Прибыли хитрые гости морей, финикійскіе люди;

Мелочи всякой привезли въ своемъ кораблѣ чернобокомъ.

Въ домѣ же отца Эвмея жила ихъ соотечественница „финикійская женщина, прекрасная и высокая, искусная въ тончайшихъ ручныхъ работахъ“. Одинъ изъ пріѣхавшихъ торговцевъ влюбился въ нее; она рассказала, что родина ея „богатый бронзою“ Сидонъ и что она похищена Тафіанскими пиратами и продана сюда на островъ. Купецъ предложилъ ей вернуться съ ними домой, на что финикіянка согласилась съ радостью, обѣщавъ не только принести на корабль столько золота, сколько она найдетъ, но и привести туда маленькаго царевича, что, по ея словамъ, было совсѣмъ не трудно.

Со мною гулять изъ дворца онъ всѣдневно ходитъ;

Я съ нимъ на корабль вашъ приду: за великую цѣну

Этотъ товаръ продадите вы людямъ иного языка...
 Но когда изготовился въ путь нагруженный корабль ихъ (т. е. купцовъ)
 Ими былъ вѣстникъ о томъ къ финикійской рабынѣ отправленъ;
 Въ домъ онъ отца моего дорогое принесъ ожерелье—
 Крупный электронъ (янтарь), оправленный въ золото съ чуднымъ искусствомъ;
 Тѣмъ ожерельемъ моя благородная мать и рабыни
 Всѣ любовались; оно по рукамъ ихъ ходило и цѣну
 Разную всѣ предлагали. А онъ по условію, молча
 Ей головою кивнулъ и потомъ на корабль возвратился.
 Изъ дому, за руку взявши меня, поспѣшила со мною
 Выйти она, спрятавъ три двоеручныхъ сосуда подъ платьемъ
 А я за нею пошелъ, ничего не размысливъ.
 Пристани славной, поспѣшно идя, наконецъ мы достигли
 Тамъ оплыватель морей, ожидалъ насъ корабль финикійскій...

Изъ дальнѣйшаго разказа Эвмея видно, что „вѣтеръ и вода“
 принесли корабль въ Итаку, гдѣ молодого царевича купилъ отецъ
 Одиссея—Лаэртъ. „И вотъ заключилъ свинопасъ—какъ я увидѣлъ эту
 страну“. Такимъ образомъ царскій сынъ съ острова Сиры сдѣлался
 свинопасомъ на Итакѣ.

Можно было бы и болѣе привести примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что торговля древнихъ обывателей финикійскаго побережья шла рука объ руку съ грабежомъ и съ похищеніемъ людей, но и сказаннаго, полагаемъ, достаточно для уясненія пріемовъ финикійскихъ торговцевъ, которые, ставя цѣлью своей жизни одну лишь наживу и пріобрѣтеніе барышей, не стѣснялись никакими средствами для набиванія своей мошны.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что своимъ положеніемъ въ міровой исторіи финикияне обязаны отважному духу предприимчивости, который побуждалъ ихъ пускаться по безпредѣльнымъ морскимъ путямъ въ погоню за соблазнительнымъ барышемъ и по собственному выбору отыскивать мѣста, въ которыхъ было бы выгодно основать новую осѣдность. Поэтому вліяніе расселенія этого влюбленнаго въ море народа, въ исторической жизни котораго ярко сказывается единство происхожденія, оставило глубокий слѣдъ на общемъ ходѣ исторіи культуры всѣхъ позднѣйшихъ временъ.

Представляя собою высшее выраженіе коммерческаго генія, всецѣло поглощенные торговлей, страстью къ обмѣну и связанными съ нимъ барышами, предприимчивые мореплаватели-торгаши цѣлыя столѣтія рыскали во всему свѣту, вездѣ стараясь продать подороже,

купить дешевле, а при случаѣ взять и совсѣмъ безъ уплаты. Другими словами, торговля для финикянъ была ихъ жизнью и когда интересы торговыхъ барышей ставились на карту, вслѣдствіе какихъ нибудь международныхъ осложненій или нашествія на Финикію враговъ, торгаши охотно забывали свое достоинство, гордость и честь, лишь бы только сохранить въ неприкосновенности свои туго набитые карманы: бей-де дубьемъ, а не рублемъ.

Итакъ близость моря и богатство строевого корабельнаго лѣса, которымъ покрыты склоны горъ, естественнымъ образомъ опредѣляли дѣятельность древнѣйшаго народа-мореплавателя. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ Финикіи, сдавленной между горами, вообще не много земли, годной для обработки; рабочихъ рукъ было больше, чѣмъ нужно: населеніе скоплялось въ городахъ, гдѣ этотъ избытокъ рабочей силы уходилъ въ фабричную промышленность, которая всегда и вездѣ является старшей сестрой торговли. О послѣдней мы будемъ говорить ниже, а пока представимъ ея картину, начертанную пророкомъ Іезекилемъ въ видѣ статистики въ поэтической формѣ.

«Фарсисъ (Карфагенъ) торговецъ твой—воскликаетъ пророкъ,—по множеству богатства, платилъ за товары свои серебромъ, желѣзомъ, свинцомъ и оловомъ. Таванъ, Фуваль и Мешехъ (Греція и ея колоніи) торговали съ тобою, вымѣнивая товары твои на души человѣческія и (на) мѣдную посуду. Изъ дома Фогарма за товары твои доставляли тебѣ лошадей и строевыхъ коней, и лошаковъ. Сыны Дедана торговали съ тобою; многіе острова производили съ тобою мѣну; въ уплату тебѣ доставляли слоновою кость и черное дерево. По причинѣ большого торговаго производства твоего, торговали съ тобою арамеяне; за товары твои они платили курбункулами, тканями пурпуровыми, узорчатыми и виссонами, и кораллами, и рубинами. Іудея и земля Израилева торговала съ тобою; за товаръ твой платили пшеницею миніеюскою, и сластями, и медомъ, и деревяннымъ масломъ, и бальзамомъ. Дамаскъ... торговалъ съ тобою виномъ хесбонскимъ и бѣлою шерстью... Аравія и всѣ князья кидарскіе производили мѣну съ тобою: ягнятъ, и барановъ, и козловъ промѣнивали тебѣ. Купцы изъ Савы и Раеши торговали съ тобою всякими лучшими благовоніями и всякими дорогими камнями, и золотомъ платили за товары твои. Харанъ и Хане, и Еденъ, купцы савейскіе, Асуръ и Халмадъ торговали съ тобою... драгоценными одеждами, шелковыми и узорчатыми матеріями, которыя они привозили на твои рынки въ дорогихъ ящикахъ, сдѣланныхъ изъ кедра и хорошо упокованныхъ. Фарсисскіе корабли были твоими караванами въ твоей торговлѣ, и ты сдѣлался богатымъ и весьма славнымъ среди морей»¹⁾.

¹⁾ Іезекиль XXVII. Здѣсь рѣчь идетъ о Тирѣ, представителѣ финикійской торговли, начиная съ 1200—1220 г. до Р. X.

Благодаря финикійскимъ торгашамъ, впервые развилась въ древнемъ мірѣ торговая политика, исходившая изъ той основной идеи, что наибольшія взаимныя выгоды достигаются не завоеваніями, а путемъ мирныхъ сношеній.

Высокая степень духовной воспримчивости, дававшая финикіянамъ возможность съ легкостью усваивать результаты чуждыхъ культуръ, комбинируя и перерабатывая элементы послѣдней, выдвинула міровое значеніе этого народа, историческая миссія котораго сводилась къ посредству между центрами восточной культуры и передачѣ ея элементовъ народамъ европейскаго Запада. (См. ниже).

4. Государственное устройство. Міровая торговля древнихъ финикіянь не могла не наложить свою печать на ихъ политическій и общественный строй, а потому и государственное устройство ихъ родины представляло такія особенности, съ которыми мы не сталкиваемся нигдѣ на всемъ древнемъ Востоку. При отсутствіи естественныхъ преградъ въ странѣ, послѣдняя никогда не составляла единаго государства: подобно своей соперницѣ Греціи, Финикія родилась и умерла раздѣленной. *Здѣсь дѣло объединенія не пошло дальше образованія небольшихъ политическихъ общинъ*, которыя первоначально представляли изъ себя рядъ микроскопическихъ монархій, гдѣ царская власть была значительно ограничена духовенствомъ и богатыми купцами. Ограниченіе это могло произойти тѣмъ естественнѣе, что власть царя была основана не на божественномъ происхожденіи, какъ въ фараоновскомъ Египтѣ, не на военныхъ подвигахъ и на поддержкѣ арміи, какъ въ Ассиріи, а исключительно на торговлѣ: слѣдовательно владыкой финикійскаго города являлся лишь самый знатный, самый ловкій и, главное, самый богатый купецъ. „Большою мудростью твоею—обращается пророкъ Іезекиль къ царю Тира,—посредствомъ торговли твоей ты умножилъ богатство твое, и умъ твой возгордился богатствомъ твоимъ... Отъ обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды и ты согрѣшилъ“... А пророкъ Исаія говоритъ, что въ Финикіи „кушцы—князья, торговцы—знаменитости земли.“

Торговая аристократія, т. е. управленіе многихъ въ пользу немногихъ, стремилась стѣснить царскую власть и захватить въ свои купеческія руки управленіе государствомъ, а такъ какъ при отсутствіи національной арміи у царя не находилось въ распоряженіи прочной военной силы, на которую онъ могъ бы опереться (наемничество представляло въ этомъ отношеніи плохую опору и уподоблялось *bâton cassé*), то избалованная и своевольная знать дѣлала все,

что хотѣла и въ концѣ концовъ ей удалось избавиться отъ царской, хотя бы номинальной опеки и превратить монархію въ аристократическую (но не въ патриціанскую въ строгомъ смыслѣ этого слова, а скорѣе бы тимократическую) республику. Здѣсь такимъ образомъ образовалась новаго рода аристократія, самая отвратительная изъ всѣхъ: аристократія денегъ.

Понятное дѣло, что вступая въ борьбу съ денежной аристократіей, капиталъ которой становился такимъ образомъ масштабомъ для опредѣленія политическихъ правъ личности, цари искали опоры въ низшихъ классахъ населенія, экономически приниженнаго, недовольнаго своимъ положеніемъ и угнетаемаго денежными тузами, и съ помощью этого безпокойнаго люда производили иногда государственные перевороты съ цѣлью добиться расширенія своей власти, но, конечно, подобное торжество надъ знатью, не могло быть особенно прочно уже по одному тому, что всѣми своими интересами цари были связаны не съ обнищалою народной массой, а съ крупными толстосумами, задававшими тонъ общественной жизни. Къ концу финикійской исторіи царская власть постепенно падаетъ и вмѣсто наследственныхъ царей появляются выборные правители изъ богатыхъ купцовъ—шофеты (суффеты). Неизвѣстно, насколько эта форма государственнаго устройства имѣла вліяніе на Элладу и Италію, въ которыхъ замѣчается нѣкоторое сходство съ финикійскимъ прототипомъ, во всякомъ случаѣ разница была неизмѣримо болѣе, чѣмъ сходство. Государственное устройство Рима, выработанное продолжительной внутренней борьбой, давало всѣмъ классамъ народа практическую, нѣкоторымъ образомъ, инстинктивную государственную мудрость, которая приносила такіе плоды, какіе не принесла не только въ Финикіи, но даже ни въ одномъ греческомъ государствѣ наука о государственномъ управленіи. О подобномъ государственномъ устройствѣ „нація лавочниковъ“ не могла мечтать даже въ позднѣйшую эпоху, когда картонныхъ царьковъ окончательно смѣнили республиканскія формы правленія, проникнутыя не идеей народовластія, а узко-корпоративнымъ и денежно-олигархическимъ духомъ, построенномъ на карманномъ масштабѣ.

Подобно тому, какъ у отдѣльнаго промышленника-купца на первомъ планѣ стоялъ барышъ, такъ и правительство подчинило послѣднему свою внутреннюю и внѣшнюю политику, мало обращая вниманія на благосостояніе городовъ и колоній, а, напротивъ, обнаруживая стремленіе эксплуатировать ихъ сколько возможно, а при случаѣ, и выжимать какъ губку. Чѣмъ больше денегъ въ карманѣ,

тѣмъ лучше,—вотъ на какомъ колоссальномъ софизмѣ покоилась правительственная дѣятельность толстосумовъ, а какимъ путемъ добывались эти деньги, для нихъ это было совершенно безразлично. Понятно, что подобная система не только расшатывала благосостояніе государства, но и препятствовала сколько нибудь правильному распредѣленію богатствъ, которое составляетъ одну изъ основъ дальновидной политики, такъ какъ производила быстрое и искусственное скопленіе имуществъ въ весьма немногихъ рукахъ.

Мы только что упоминали о томъ, что составляя въ этомъ отношеніи аналогію древней Греціи, Финикія распадалась на столько мелкихъ государствъ, сколько въ ней было городовъ и каждая политическая ячейка развивалась свободно, сообразно своимъ общественнымъ и бытовымъ условіямъ. Но всѣ эти города связывались между собою единствомъ племени, языка, религіи, а также однородными нравами и обычаями. Кромѣ того, съ теченіемъ времени, какъ реальное выраженіе политическаго единенія, на финикійской почвѣ образовались долго существовавшія федераціи, главенство въ которыхъ принадлежало сперва Сидону „первенцу Ханаана“, а потомъ перешло къ Тиру, но союзы эти, вообще говоря, не отличались особенной прочностью и зачастую распадались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе противоположности торгово-политическихъ интересовъ.

Собственная исторія финикіянъ, о которой они не оставили намъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, постоянно сосредоточивается на городахъ Сидонѣ и Тирѣ, бывшихъ, какъ сказано, попеременно центромъ ихъ торгово-промышленной дѣятельности и поочередно являвшихся во главѣ финикійской федераціи.

Если вѣрить сообщеніямъ классическихъ писателей, то представители администраціи, являвшіеся чѣмъ то вродѣ *Consulta di stato*—цари, вельможи, богатые комерсанты и, позднѣе, шофеты собирались для обсужденія общихъ дѣлъ въ Триполисѣ, куда посылались депутаты отъ союзныхъ городовъ. Сколько можно думать, этими совѣщательными конгрегаціями, въ которыхъ роль главныхъ запѣвалъ принадлежала представителямъ большихъ торговыхъ городовъ, ограничивалась зависимость союзныхъ городовъ другъ отъ друга; въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ каждый городъ былъ вполне самостоятеленъ, имѣя свои собственные законы, своихъ правителей, свой флотъ и свои колоніи.

Федеральное правительство не вмѣшивалось въ особенныя отношенія, которыя иногда существовали между большими городами и меньшими общинами и если принимало иногда охранительныя мѣры,

то лишь съ цѣлью предупредить крайнія и кровавыя столкновенія между федеративными атомами. Такъ какъ финикіяне не были воинственнымъ народомъ и избѣгали сколько возможно вооруженныхъ столкновений, то при наступленіи общественной опасности, въ эпоху „la patrie en danger“, они прибѣгали къ наемникамъ, причемъ каждый изъ политически-самостоятельныхъ городовъ „за свои деньги“ вербовалъ наемное войско, предпочитая лучше нести убытки отъ военныхъ расходовъ, чѣмъ выставять національную армію и такимъ образомъ приносить въ жертву родинѣ свою плоть и кровь. Торгаши были слишкомъ практичны для того, чтобы подставлять себя подъ опасность и всегда откупались отъ нея деньгами. Но за то отсутствіе національнаго войска губительно отразилось какъ на внутренней, такъ еще болѣе на внѣшней политики Финикіи и до извѣстной степени ускорило ея окончательное паденіе. Купеческое правитель-ство оказалось не въ состояніи держать въ подчиненіи всѣхъ недовольныхъ своимъ положеніемъ и враждебно относившихся къ правившему классу купцовъ-монополистовъ, а при такомъ положеніи общественныхъ устоевъ гражданскія революціи, смуты, мятежи и неурядицы сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ царствѣ торгашей.

Хотя Финикія не знала кастъ, но и въ ней находилась глубокая пропасть между угнетавшими народъ богачами и безземельнымъ пролетаріатомъ, который, какъ то и подобаеть обнищалою толпѣ, съ завистью взиралъ на накопленныя денежной аристокраціей богатства и горѣлъ непреодолимымъ желаніемъ урвать себѣ изъ нихъ хоть „клочекъ медвѣжьего уха“, основательно рассуждая, что барыши, извлекаемые богачами, вытягиваются въ большинствѣ случаевъ изъ его же собственнаго кармана. Излишне прибавлять, что эта масса, состоявшая по большей части изъ населенія, закрѣпощеннаго предпринимателями-монополистами, представляла изъ себя горючій матеріалъ, который нерѣдко взрывался при сильномъ общественномъ толчкѣ, погружая страну въ состояніе анархіи и неурядицы.

Впослѣдствіе городскому населенію, опиравшемуся на наемныя войска и на выдвигавшихся „героевъ толпы“, успѣвшихъ массу, удалось низвергнуть существовавшій политическій режимъ и добиться участія въ управленіи государствомъ, но бѣдный сельскій людъ мало выигралъ отъ подобной замѣны: благодаря землекрадству, у него попрежнему не было ни клочка земли, которая была захвачена правящими классами и ими же утилизирована. Для народа, такимъ образомъ, почти ничего не было сдѣлано, чтобы сколько нибудь поднять его экономическое значеніе,—мѣнялся одинъ ошейникъ.

Отсюда понятно, что приближаясь по формѣ правленія къ конституціонному государству, Финикія не меньше давила народную массу, чѣмъ азіатскія деспотіи, гдѣ янычарство въ государственномъ управленіи составляло обычное явленіе.

Если прибавить къ этому узко-эгоистическую и близорукую политику денежной аристократіи, стоявшей у кормила власти и измѣривавшей всѣ политическія отношенія карманнымъ масштабомъ, алчность и своекорыстіе правителей, избиравшихся не столько по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ, сколько по размѣрамъ своей мощны, если прибавить, говоримъ, отсутствіе сильной центральной власти, національнаго войска и безконечную борьбу между богачами и обнищавшимъ пролетаріатомъ,—то станетъ понятно, почему самостоятельная политическая жизнь древней Финикіи должна была окончиться за долго до полнаго паденія ея общественно-экономическаго строя. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе финикійской торговли и промышленности нисколько не пострадало отъ того, что страна лишилась независимости и вошла въ составъ иныхъ монархій древняго Востока: мало того, только подъ чужеземнымъ владычествомъ торговля Финикіи окрѣпла, развилась и достигла полнаго разцвѣта. Утверженіе это не покажется страннымъ, если принять во вниманіе, что финикійская нація была націей купцовъ и охотно мирилась съ политической зависимостью, находя чрезвычайно для себя удобнымъ войти въ подданство такой обширной монархіи, какъ, на примѣръ, египетская или персидская, дабы имѣть вполне обезпеченныя торговыя сношенія со всѣми ея частями: уплата дани съ избыткомъ возвращалась путемъ торговли. Правда, въ исторіи Финикіи мы встрѣчаемся съ рядомъ мятежей и возстаній, направленныхъ къ сверженію иноземнаго господства, но въ большинствѣ случаевъ подкладка ихъ была чисто экономическаго свойства и желаніе свободы тогда лишь захватывало финикійскаго торгаша, когда политическій гнетъ завоевателей и ихъ ненасытная алчность заставляли трещать его мощну.

Внѣ указанныхъ условій финикіянинъ былъ хорошимъ подданнымъ и исправно платилъ причитавшіяся съ него подати и разнаго рода налоги. Въ душѣ онъ оставался космополитомъ *pur sang*, патриотизмъ его былъ условный и проявлялся лишь тогда, когда жаднаго купца били по карману и когда у него появлялся страхъ за накопленные гроши.

Маленькая Финикія не могла, конечно, оказать особенно сильнаго сопротивленія внѣшнимъ завоевателямъ, и потому почти всегда находилась въ политической зависимости отъ другихъ народовъ

(египтянъ, ассиріянь, халдеевъ и, наконецъ, персовъ), уплачивая имъ дань и спасая черезъ это существованіе своихъ внутреннихъ экономическихъ распорядковъ. Поддаваясь узкимъ торговымъ интересамъ и преувеличивая значеніе ихъ, торгаши зачастую обнаруживали то близорукое мнимое благоразуміе, которое въ критическіе моменты заботилось болѣе объ отклоненіи непосредственной опасности, нежели объ устраненіи самага источника бѣдъ, что подтверждается многочисленными примѣрами, какъ изъ исторіи собственно Финикіи, такъ и ея знаменитой колоніи—Карагена.

Полководцевъ своихъ они нерѣдко оставляли безъ поддержки. Такъ, когда Римъ, во время второй пунической войны (218—201 г.) былъ поставленъ на край гибели геніемъ Аннибала, жадные карагенскіе купцы оставили великаго полководца безъ помощи: Аннибаль,—говорили эти близорукіе политики—побѣдилъ, значитъ онъ не нуждается въ подкрѣпленіи! Руководствуясь такой противоестественной логикой, бывшей слѣдствіемъ омертвенія политической жизни, Карагенъ не могъ не погибнуть сначала политически, а затѣмъ матеріально, слѣдуя примѣру своей метрополіи, — финикійскому Тиру, разрушенному за сто восемьдесятъ шесть лѣтъ передъ наступленіемъ послѣдняго часа Карагена.

Политика финикіянь всегда оставалась вѣрна своему принципу, который, какъ мы знаемъ, состоялъ въ томъ, чтобы стоять на стражѣ ихъ торговыхъ интересовъ, защищая ихъ *envers et contre tous*. Въ этомъ отношеніи взглядъ ихъ доводился до крайности и совпадалъ со взглядомъ того дикаря, который считалъ добромъ, если онъ у кого либо украдетъ жену, а зломъ, если у него украдутъ жену. Ради коммерческихъ выгодъ народъ-торгашъ примирялся, какъ сказано, и съ политическимъ безправіемъ, и съ гнетомъ завоевателей,—все для одной и той же цѣли,—потуже набить свою кошну.

Вотъ надъ кѣмъ дѣйствительно горѣли грозныя слова Валтасарова видѣнія!...

2. Религіозныя воззрѣнія Ханаана.

Главная услуга, оказанная міру семитической расой, состояла въ томъ, что она дала ему религію, въ чемъ собственно и заключалась ея историческая миссія. Іудейскій культъ, основанный на ясномъ и простомъ догматѣ единобожія, имѣлъ неоспоримое превосходство надъ

языческими культурами, которые, охраняемые только шаткимъ народнымъ преданіемъ и алчнымъ духовенствомъ, не могли не вырождаться въ грубое идолопоклонство. Вышедшія по большей части изъ первобытнаго культа природы, измѣняемыя воображеніемъ народовъ и всякаго рода религіозными примѣсами, языческія религіи, ограниченныя своимъ прошедшимъ, не могли въ то же время удовлетворять переросшее наивную вѣру общество, которое въ эпоху подготовленія міра къ принятію Истины вочеловѣчившейся, все болѣе и болѣе обращало свои взоры къ Востоку.

Греко-римское язычество въ послѣдней фазѣ своего развитія есть ни что иное, какъ обширный религіозный синкретизмъ; въ одномъ богѣ язычникъ поклоняется многимъ, и хотя послѣдовательно воздаетъ почести нѣсколькимъ, въ дѣйствительности различнымъ божествамъ, но сознаетъ единство верховнаго бога. На этой почвѣ греко-римскій синкретизмъ уже почти не отличается отъ синкретизма восточныхъ культовъ, такъ какъ въ концѣ концовъ онъ принимаетъ то одного, то другого бога за верховнаго, а другихъ—за его повтореніе. Говоря о вышеизложенномъ, мы имѣемъ въ виду то обстоятельство, что въ культурномъ кризисѣ, охватившемъ римское общество III вѣка, въ этой религіозной голодовкѣ, коснувшейся интеллектуальныхъ и этическихъ потребностей подданныхъ цезарей, сквозь призму восточныхъ элементовъ въ синкретизмѣ, ясно *просвѣчиваетъ вліяніе сиро-финикійскихъ божествъ*, культъ которыхъ широко распространился въ эпоху Северовъ, когда соотечественники великаго Аннибала облеклись въ пурпуръ цезарей.

Поэтому намъ вдвойнѣ интересно будетъ прослѣдить развитіе религіозныхъ воззрѣній древнихъ финикіянъ и уяснить сущность ихъ пантеистически натуральной религіи, обнаруживавшей несомнѣнные слѣды общесемитическихъ представленій и оказавшей такое сильное вліяніе на римское общество періода Северовъ.

Нужно сказать, однако, что свѣдѣнія наши о финикійской религіи не отличаются достаточной полнотой,—до начала минувшаго столѣтія объ нихъ почти ничего не было извѣстно—и только сравнительно недавно удалось собрать о религіозныхъ воззрѣніяхъ финикіянъ нѣкоторыя болѣе опредѣленные данныя.

Принимая объясненіе Моверса, слѣдуетъ сказать, что финикійская религія первоначально состояла въ обоготвореніи тайныхъ силъ и законовъ природы, творческихъ, оживляющихъ и поддерживающихъ, а также разрушающихъ и проявляющихся въ видимыхъ предметахъ: небесныхъ свѣтилахъ, источниковъ, горахъ, деревьяхъ. Подъ влія-

ніемъ халдейской культуры особенное распространеніе получило почитаніе небесныхъ свѣтилъ, которыя стали разсматриваться, какъ проявленія большей части активныхъ божествъ, а земля съ ея произведеніями пассивныхъ—женскихъ ¹⁾).

По мнѣнію Крейцера, финикіяне въ началѣ поклонялись одному общему богу Природы, отличавшемуся отъ нея по происхожденію, но вслѣдъ затѣмъ слившемуся съ нею во множествѣ различныхъ олицетвореній. Богъ финикіанъ, какъ во всякомъ древнемъ пантеизмѣ, являлся разомъ и единымъ, и во многихъ лицахъ; второстепенныя же божества, истекавшія изъ субстанціи первоначальнаго божества, являлись лишь его олицетворенными атрибутами и, такъ сказать, обоготворенными силами непостижимой и недоступной субстанціи.

Въ сущности процессъ развитія финикійской религіи былъ аналогичнымъ съ процессомъ всѣхъ древнихъ религій Востока. На смѣну фетитизма появляются божества-покровители съ колоритомъ, соответствующимъ состоянію культуры ихъ почитателей, затѣмъ эти божества приводятся въ систему, которой подыскивается богословское основаніе, и, наконецъ, изъ сложнаго пантеона божествъ выдѣляются новые миеологическіе образы. Финикійскія божества природы первоначально стали охотниками, потомъ царями и владыками городовъ, затѣмъ получили морской характеръ ²⁾).

Подчинившись вліянію сначала египетской, а потомъ халдейской политики, страна не могла остаться самостоятельной и въ дѣлѣ религіи. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ на слѣды вліянія чужеземныхъ религіозныхъ идей въ послѣдней и тамъ же постараемся выяснитъ, какимъ образомъ указанныя идеи, возникшія изъ разнообразныхъ источниковъ, комбинировались между собою, а пока въ видѣ предварительной исторической справки замѣтимъ, что знакомыя намъ египетскія божества, Озирисъ и Тотъ были давно извѣстны въ Финикіи и изображенія ихъ часто встрѣчаются на геммахъ, равно какъ и многія изъ хананейскихъ божествъ представляютъ изъ себя сколокъ съ халдейскихъ.

Займствованія изъ сосѣднихъ культовъ дѣлались съ одной стороны невольнo, въ силу сношеній, съ другой могли имѣть и намѣренный характеръ—желаніе выставить свой культъ болѣе древнимъ, а слѣдовательно и истиннымъ, объявить свой городъ имѣющимъ больше правъ на первородство. Что касается до иноземныхъ вліяній,

¹⁾ Б. А. Тураевъ «Очеркъ исторіи изученія Финикійской древности» въ «Историческомъ Обзорѣніи» 1793 г. VI, 19.

²⁾ Онъ-же «Остатки финикійской литературы», 1903 г. I, 30.

то они были неизбежны при политических условіяхъ древняго Востока съ его неоднократными попытками универсальныхъ монархій и сходствомъ многихъ религіозныхъ идей 1).

Финикійскія божества являются чисто *чувственно воспринимаемыми образами* въ той религіозной системѣ, основаніе которой заключается въ наличности оплодотворяющихъ мужскихъ и женскихъ элементовъ, воплощавшихся въ финикійскихъ богахъ и богиняхъ.

Въ противоположность религіозному міровоззрѣнію аріицевъ, религія семита, по мѣрѣ своего развитія, имѣетъ наклонность дѣлаться все болѣе мрачной и жестокой, допуская гораздо менѣе компромиссовъ, чѣмъ религія аріица. То, что для второго идея,—для перваго фактъ, который онъ и не думаетъ стирать никакимъ разсужденіемъ. Вотъ почему вліяніе религіи на жизнь и образъ дѣйствія человѣка было такъ сильно у народовъ семитической расы, которые вынуждены были покупать милость божества цѣною крупныхъ и тяжелыхъ жертвъ. Представленіе о томъ, что жертва въ видѣ закланія первожденныхъ существъ повышаетъ свою цѣнность и значеніе, вызвало у кареагено-финикійцевъ варварское умерщвленіе дѣтей, на которое они взирали, какъ на самое богоугодное дѣло. Въ объясненіе того дикаго состоянія, въ которомъ находилась эта религія, довольствовавшаяся попираніемъ естественныхъ чувствъ и устройствомъ ужасныхъ зрѣлищъ съ человѣческими жертвоприношеніями божеству, жаждавшему людской крови, въ объясненіе подобныхъ обычаевъ, повторяемъ, слѣдуетъ допустить, какъ это дѣлаетъ А. Мензисъ, что когда государство получаетъ опредѣленную организацію, не будучи еще вполне цивилизованнымъ въ другихъ отношеніяхъ, религія его имѣетъ наклонность сдѣлаться суровой и жестокой 2).

Трудно найти болѣе яркое доказательство, что человѣческій умъ можетъ совершенно сбиться съ толку и дойти до столь фанатическихъ иллюзій, какъ принесеніе гекатомбъ невинныхъ жертвъ для умилостивленія злобныхъ и кровожадныхъ боговъ! Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, оправдывается извѣстное утвержденіе, что не религія облагородила нравы человѣчества, а наоборотъ возрастающая культура дѣлала религію болѣе гуманной, по немногу освобождая ее отъ элементовъ варварства и безнравственности, — этой смѣси крови и разврата,—которые первоначально входили въ составъ богослуженія.

1) Ibid. 31.

2) А. Мензисъ «Исторія религій» 1898, стр. 132.

1. Вааль (Молохъ). Всеобщее признаніе получилъ въ древней Финикіи ассиро-халдейскій богъ Вааль (Baal, Бель, Иль), хотя наименованіе это нельзя разсматривать какъ собственное имя божества, а слѣдуетъ видѣть его прозвище, которое означаетъ „господинъ“, „учитель“, „повелитель“. Названное божество не было единымъ для всей страны: въ каждомъ городѣ почитали своего Ваала, являвшагося олицетвореніемъ силъ природы, солнца и небесныхъ свѣтилъ, Богъ, которому поклонялись въ Тирѣ, назывался Вааль-Суръ, т. е. повелитель Тира, а богъ, чтимый въ Сидонѣ, носилъ наименованіе Вааль-Сидона, т. е. повелителя Сидона. Кромѣ того имя Вааль встрѣчается въ соединеніи съ другими, дѣйствительно собственными именами божествъ: Вааль-Гадъ, Вааль-Шемешъ, Вааль-Малакъ, Вааль-Зебубъ (Вельзевулъ) и т. п., однимъ словомъ, происхожденія упомянутыхъ выше функций изъ одного божества было забыто и вмѣсто одного Ваала появилось нѣсколько боговъ различнаго характера, что не можетъ не служить признакомъ осложненія финикійскаго пантеона. Во всѣхъ языческихъ религіяхъ каждое божество имѣетъ свои особенныя функции, завѣдывая какимъ нибудь опредѣленнымъ явленіемъ природы, одинъ богъ моремъ, другой — вѣтромъ и т. п. Финикійскій Вааль, не имѣя опредѣленнаго значенія, вмѣщалъ въ себѣ различныя функции: *онъ былъ богъ жизни и смерти, созданія и разрушенія, добра и зла.*

Божество это отличалось свирѣпымъ характеромъ, требую отъ своихъ поклонниковъ принесенія себѣ въ жертву не только животныхъ, но и людей. Здѣсь необходимо замѣтить, что большинство доисторическихъ религій требовало для смягченія боговъ принесеніе наиболѣе цѣнной жертвы: единственнаго сына, дочь-дѣвственницу, первенца, при чемъ замѣна ихъ рабами и военноплѣнными не допускалась, но что въ частности принадлежало финикіянамъ, такъ это то, что они развили это вѣроученіе до крайности, придавъ ему характеръ массовой жестокости, отразившійся на всѣхъ церемоніяхъ ихъ культа и религіозныхъ обычаяхъ.

Въ случаяхъ чрезвычайной общественной опасности царь и представители знати отдавали для жертвоприношенія всѣхъ дѣтей, какихъ только требовали разгнѣванные боги; несчастныхъ страдальцевъ сжигали живьемъ, бросая ихъ въ раскаленное до красна чрево бронзоваго истукана, при громкой музыкѣ, заглушавшей крики невинныхъ жертвъ искупленія.

Монополисты религіи—жрецы, конечно, при помощи казуистическаго сочетанія „золотыхъ словъ“, объясняли, что человѣческія жертво-

приношенія установлены самимъ Вааломъ, который во время всеобщаго бѣдствія возложилъ на алтарь своего единственнаго сына, завѣщавъ дѣлать то же самое и своимъ поклонникамъ.

„Быль у древнихъ обычай—пишетъ Филонъ,—согласно которому во время великихъ бѣдствій отъ опасностей, властители государства или народа отдавали на закланіе богамъ-мстителямъ любимое дитя, въ качествѣ искупленія, во избѣжаніе всеобщей гибели. Отданные убивались при мистическихъ обрядахъ. Такъ Кронъ, котораго финикіяне называютъ Иломъ (т. е. тотъ же Вааль), и который царствовалъ въ странѣ, а затѣмъ послѣ своей смерти былъ обожествленъ подѣ видомъ священной звѣзды Крона (планета Сатурнъ), имѣлъ отъ туземной нимфы Анобретъ единственнаго сына.... котораго онъ, когда на страну обрушились величайшія бѣдствія вслѣдствіе войны, нарядивъ въ царское одѣяніе и соорудивъ жертвенникъ, съ готовностью принесъ въ жертву“¹⁾.

Изъ Библии намъ также извѣстно, что моавитскій царь Меша совершилъ примѣръ подобнаго жертвоприношенія²⁾. Если вѣрить Тертуллиану, обычай приносить въ жертву дѣтей продержался до времени проконсульствъ Тиверія, а въ сирійской Лаодикеѣ до эпохи императора Адріана приносили въ жертву молодую дѣвушку, какъ сообщаетъ писатель II вѣка, приведенный у Евсевія; когда же Адрианъ положилъ конецъ человѣческимъ жертвоприношеніямъ, то дѣвушку стали замѣнять ланью³⁾.

По сообщенію Плутарха⁴⁾, жертва считалась наиболѣе достигавшей цѣли, если мать приносимаго ребенка присутствовала при ней, холодная, безучастная, одѣтая въ праздничное платье....

И такихъ возмутительныхъ, ужасныхъ жертвъ смѣла требовать религія! Впрочемъ практическій торгашъ, не смотря на тяготѣвшее на немъ бремя суевѣрія, отлично умѣлъ обходить ея неумолимыя требованія. Онъ покупалъ или, просто, кралъ чужихъ дѣтей, выращивалъ ихъ и, когда было надо, отдавалъ Ваалу. Выходило, что и овцы цѣлы, и волки сыты,—кровожадный богъ получалъ свою жертву, а его хитроумный поклонникъ радовался, что могъ угодить Ваалу, отъ котораго ожидалъ за это богатыхъ милостей, почти нисколько не тяготясь принесенной имъ человѣческой жертвой.

¹⁾ Тураевъ, цит. соч. 43.

²⁾ III кн. царств. IV, 27.

³⁾ Евсевій. Праер. ev. IV, 16.

⁴⁾ Плутархъ. De Superst. 171.

Но жертва Ваалу являлась палкой о двухъ концахъ и не всегда можно было поднадуть кровожаднаго бога, провести его, что называется, на мякинѣ. Случалось неоднократно, что свирѣное божество, прозрѣвая обманъ, требовало себѣ настоящаго, такъ сказать, подлиннаго первенца, а не купленнаго или украденнаго мальчугана. Само собой разумѣется, что родители, исключая совсѣмъ обидіотившихся фанатиковъ, прибѣгали ко всевозможнымъ приемамъ, чтобы уклониться отъ подобной возмутительной жертвы, но тутъ вмѣшивалась государственная власть,—„тронъ“ въ данномъ случаѣ поддерживалъ „алтарь“—и обреченная на мучительную смерть невинная дѣтвора погибала въ раскаленномъ до красна чревѣ бронзоваго идола!

Это массовое сожженіе человѣческихъ жертвъ, способное насытить свирѣпаго бога, въ обширномъ размѣрѣ практиковалось въ финикійской колоніи Кареагенѣ, гдѣ процвѣталъ пышный культъ Молоха.

Молохъ („царь“) это тотъ же Вааль, но Вааль храма большого и богатаго города, а не земледѣльческой общины, культъ которой первоначально ограничивался безкровными жертвами и приношеніями богу произведеній полей и садовъ. Молоха изображали въ видѣ бронзоваго тѣльца или человѣка съ бычачьей головой и съ протянутыми руками, куда клали дѣтей, скатывавшихся въ раскрытую пасть раскаленнаго до красна истукана ¹⁾.

Въ години общественныхъ бѣдствій, когда являлась необходимость въ особомъ умилоствленіи свирѣпаго идола, человѣческія жертвы считались сотнями и, повидимому, это было не почемъ. Изъ множества поясняющихъ приведенную мысль примѣровъ мы остановимся на одномъ, предпославъ ему маленькое введеніе.

Въ 311 году до Р. Х. кареагеняне вступили въ борьбу съ сиракузскимъ тираномъ Агаэокломъ и нанесли войскамъ послѣдняго сильное пораженіе близъ Гелы (у горы Экнома). Слѣдствіемъ побѣды явилось то, что вся греческая Сицилія отпала отъ Агаэокла. Но когда кареагенскій полководецъ Гамилькаръ, сынъ Гисгона, сталъ блокировать его въ Сиракузахъ съ моря и съ суши, ему пришла въ голову мысль до тѣхъ поръ неслыханной смѣлости, въ томъ родѣ, какъ нѣсколько позднѣе дѣйствовалъ въ крайней опасности Дмитрій Поліоркетъ.

А именно Агаэоклъ рѣшился оставить въ сильно укрѣпленныхъ Сиракузахъ только надежный гарнизонъ подъ командой своего брата (Антандра) и, пробившись затѣмъ изъ города, перенести войну въ

¹⁾ Діодоръ. XX, 14.

Африку, гдѣ при богатствѣ страны его войско могло легко пропитаться, и гдѣ ему представлялись значительныя военныя выгоды въ видѣ антипатіи африканскихъ подданныхъ къ суровому правленію столицы, въ видѣ недостатка въ укрѣпленныхъ мѣстахъ (такъ какъ кареагеняне кромѣ своей колоссальной укрѣпленной столицы оставили стѣны одной Утикѣ), а можетъ быть онъ даже рассчитывалъ и на сторонниковъ въ самомъ Кареагенѣ.

Фантастическій планъ въ самомъ дѣлѣ удался. Съ отборнымъ 15.000 войскомъ и 60 кораблями смѣлый авантюристъ пробился черезъ блокаду и, счастливо избѣгнувъ преслѣдованія кареагенскаго флота, высадился въ концѣ августа 310 года въ сѣверной Африкѣ, близъ нынѣшняго мыса Cap. Bon. Здѣсь онъ съ расчитанной дерзостью сжегъ свой флотъ и съ большимъ успѣхомъ началъ разбойничью войну въ богатой и беззащитной землѣ. Блистательная побѣда въ открытомъ полѣ надъ гораздо сильнѣйшимъ ополченіемъ кареагенянъ повергла послѣднихъ въ такой страхъ, что они принесли возмутительную жертву Молоху, — а именно пятьсотъ человѣкъ дѣтей изъ лучшихъ городскихъ фамилій!...

Здѣсь не знаешь, чему больше удивляться, — ужасу ли этой религіи, жаждавшей крови и окруженной самыми мрачными образами, или тупоумію ея фанатическихъ поклонниковъ, думавшихъ торжественнымъ маршемъ смерти своихъ отроковъ заслужить милость божества. „Божьимъ мясомъ“ зачастую служили также плѣнные и рабы. Одна изъ обычныхъ сценъ жертвоприношенія Ваалу послужила сюжетомъ для извѣстной картины французскаго художника Henri Motte.

По обширнымъ и мрачнымъ улицамъ Кареагена тянется безконечная цѣпь плѣнниковъ. На лицахъ несчастныхъ видна тоска и отчаяніе, а у многихъ нѣтъ даже сознанія того, что происходитъ, что должно скоро совершиться: погруженные въ апатію, потерявшіе чувствительность, они автоматически тащатся, обливаясь потомъ и кровью... Часто обезсилевъ отъ тяжести цѣпей и потери крови, задыхаясь отъ зноя, нѣкоторые падаютъ, — тогда удары бичей, по чемъ попало, усиливаются и поднимаютъ несчастныхъ, все приходитъ въ порядокъ — и зловѣщее шествіе продолжается. Народъ съ кровожаднымъ любопытствомъ ждетъ предстоящаго зрѣлища и ближайшіе къ жертвамъ въ благоговѣйномъ униженіи повергаются во прахъ. Сверху, съ эстрады гіеродуль, несутся звуки кимваловъ и разныхъ струнныхъ инструментовъ, звенятъ сисструмы, грохочутъ литавры... Все это смѣшивается съ восторженными кликами народа, славящаго „царя царей“ и стопами плѣнныхъ киммерійцевъ или эеіоповъ. Длинная вереница плѣн-

ныхъ одинъ за другимъ исчезаетъ въ пасти бога; наконецъ послѣдній скрывается изъ глазъ замершаго въ ожиданіи народа.

Но вотъ, гремя цѣплями, возвращаются слоны, солдаты, начальники. Нижняя челюсть бога понемногу поднимается, приводимая въ движеніе цѣплями, которыя тащатъ за собой слоны, и захлопывается. Ворота храма начинаютъ раскаляться, воздухъ наполняется смрадомъ горящаго мяса заключенныхъ плѣнниковъ; страшные, раздрающіе душу вопли и стоны заживо горящихъ несутся къ небу, леденя кровь въ жилахъ... Но громкіе звуки музыки и ликованіе проснувагося звѣря-народа заглушаютъ эти стоны. Цѣпльй дождь цвѣтовъ летитъ на головы толпы съ эстрады гіеродуль, раздаются взрывы радостнаго смѣха, этого перваго предвѣстника той бѣшеннои оргіи и упоенія религіознымъ экстазомъ, какія всегда слѣдуютъ вслѣдъ за жертвоприношеніемъ. Мрачный богъ долженъ чувствовать удовлетвореніе, а потому народъ радуется и надѣется, что жизнь его теперь станетъ легче...¹⁾.

Вотъ въ чемъ заключалось настоящее „торжество Ваала!“.....

2. Астарта. Наряду съ Вааломъ финикійская религія признавала женское божество, культъ котораго былъ перенесенъ на Западъ вмѣстѣ съ другими произведеніями Востока. Это женское дополненіе Ваала мы встрѣчаемъ подъ именами Астарты, Ашеры, Милитты, Таниты, Деркетто (Атаргата) и Раббатъ („владительница“).

Эта тирская богиня, заимствованная египтянами еще во время завоеваній Новаго Царства (многіе фараоны, въ томъ числѣ Рамзесъ II, были ея особенными поклонниками, культъ ея проникъ въ Египетъ одновременно съ культомъ сѣверно-семитической богини Анатъ) и вошедшая черезъ сближеніе съ мѣстнымъ женскимъ божествомъ Сохетъ въ мемфисскую триаду, считалась покровительницей брака, совокупляющую всѣ твари; лучшимъ средствомъ умилостивить „матеръ наслажденій“ признавалось принесеніе въ жертву дѣвственности. Ея отвратительный культъ, вышедшій изъ древней соціальной потребности первыхъ путешествій финикіянъ по Средиземному морю, нашелъ себѣ доступъ въ различные греческіе города и съ теченіемъ времени сдѣлался оскорбленіемъ того, на что все болѣе и болѣе начинали смотрѣть, какъ на сущность религіи.

Первоначально и эта богиня чествовалась тѣми же обрядами, какъ Ваалъ; ей были посвящены роци и воды, а изъ птицъ—голуби.

¹⁾ Битнеръ. «Обзоръ главнѣйшихъ научныхъ и культурныхъ пріобрѣтеній настоящаго столѣтія», 1900.

Но подобно тому, какъ Ваалъ превратился въ кровожаднаго и свирѣпаго Молоха, такъ и Ашера превратилась въ жестокою Астарту, приговаривавшую своихъ жрецовъ къ бичеванію, уродыванію, а въ послѣднія времена существованія финикійскаго культа даже къ оскотленію (саллы—жрецы-кастраты).

Суровая и сладострастная богиня знаменовала луну, подругу божества солнца и изображалась въ видѣ дѣвы, ѣдущей на волѣ или на львѣ съ копьемъ въ рукахъ, а иногда въ видѣ нагой женщины съ различными атрибутами; въ то же время она олицетворяла производительныя силы, плодородіе и чувственную земную любовь, однимъ словомъ являлась воплощеніемъ древняго хананейскаго духа. Къ родовому имени богини присоединялось иногда ея мѣстное прозваніе (напр., Tanit, откуда Гезеніусъ производитъ имя Туниса) или эпитетъ, присвоенный ей въ честь одного изъ ея качествъ, напр., Асторета Наамахъ, т. е. добрая Астарта. Въ должности жрицы къ названной богинѣ допускались главнымъ образомъ развратныя женщины и блудницы, которыя прославляли могущество жизни въ природѣ, съ чисто семитическимъ сладострастіемъ, отдавая свое тѣло во славу чтимой ими богини у подножія алтарей сирійскихъ храмовъ.

Дважды въ годъ многочисленные пилигримы и паломники стекались къ храму Астарты, находившемуся близъ Библа, въ долину рѣки Адониса (нын. Nahr Abraim, берущій начало въ горахъ Ливана и впадающій въ Средиземное море у Кизруана).

Согласно финикійскому мѣю, заимствованному у ассириянъ и, позднѣе, превращенному греками въ поэтическое сказаніе, Астарта влюбилась въ красавца-юношу Адона (Adon) или Адониса, сына Феіаса (Кинира), который произвелъ его, въ невѣдѣніи, отъ своей собственной дочери Мирры (Смирна), превращенной богамъ въ мирровое дерево, откуда черезъ десять мѣсяцевъ явился на свѣтъ Адонисъ. Но богиня, упоенная любовью, не долго наслаждалась счастіемъ, ибо ея любовникъ погибъ на охотѣ жертвой ревнивой зависти боговъ. Въ воспоминаніе этого устраивали ежегодно на берегахъ Адониса родъ поминокъ или погребальнаго пира; улицы и храмы оглашались воплями, плачемъ и причитаніями, которые сопровождались пронзительными и жалобными звуками музыкальныхъ инструментовъ; толпы женщинъ съ распущенными или обрѣзанными волосами, въ разодранныхъ одеждахъ, съ расцарапанными, въ знакъ печали, лицами, превращавшими ихъ въ какихъ то вѣдьмъ, ходили по улицамъ города и съ обычной женской невыдержанностью всячески выражали свое горе. На катафалкахъ, устроенныхъ въ храмахъ или на возвышенныхъ

мѣстахъ, клались деревянныя раскрашенныя статуи, долженствовавшія символически изображать умершаго возлюбленнаго Астарты, послѣ чего одну изъ статуй послѣдняго хоронили съ соблюденіемъ традиціонныхъ обрядовъ.

Эти мистеріи, происходившія въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, принимали такимъ образомъ траурный характеръ; осенью же начинался праздникъ „пробужденія“, когда послѣ семидневнаго траура и оплакиванія умершаго бога, жрецы всенародно объявляли, что „владыка“ Адонисъ воскресъ и снова собирается соединиться съ богиней. Тогда всеобщая печаль смѣнялась шумнымъ ликованіемъ, празднествами и самыми скабрёзныѣшими, на нашъ взглядъ, проявленіями культа, установленнаго въ честь воскресенія умершаго бога. Начиналась сплошная и разнузданная сатурналія, гремѣлъ сладострастный балетъ и въ дикомъ хаосѣ безумной оргіи, символически изображавшей соединеніе Астарты съ ея возлюбленнымъ, происходило свальное распутство бѣсновавшейся толпы, наэлектризованной характеромъ праздника и одурманенной близостью обоихъ половъ...

Слѣдовательно, культъ финикійской Астарты былъ ничѣмъ инымъ, какъ освященной религіей проституціей; къ этому культу пророки древняго Израиля относились съ нескрываемымъ отвращеніемъ, горячо и пылко громя его въ своихъ обличительныхъ проповѣдяхъ и стремясь предохранить іудейскій народъ отъ „сидонской мерзости“¹⁾.

Культъ Адониса обязанъ своимъ происхожденіемъ перемѣнамъ въ жизни природы, ибо ежегодно гаснутъ ея производительныя силы и затѣмъ должно наступать ихъ возрожденіе. Земля, символизируя подругу воскресшаго божества, весной зарождается къ новой жизни, лѣтомъ безплодна, а осенью вновь обильна подъ оплодотворяющимъ вліяніемъ названнаго времени года.

Культъ Астарты, подъ именемъ Dea Coelestis, по окончаніи пуническихъ войнъ, былъ перенесенъ въ Римъ и римляне считали весьма выгоднымъ жить въ согласіи съ богиней, поклонники которой чуть не довели вѣчный городъ до гибели. Въ эпоху имперіи культъ финикійской богини съ его обрядами и безстыдствомъ получилъ немаловажное значеніе, особенно въ III вѣкѣ, при Элагабалѣ и примѣнялся въ тѣхъ колоссальныхъ размѣрахъ, которые допускало всемогущество императора, всецѣло поглощеннаго жреческой моно-

¹⁾ Финикіяне, подобно всѣмъ хананеямъ, признавали обрѣзаніе, за исключеніемъ сидонянъ, которые, въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ, его не придерживались (Иезек. XXXII).

маніей. Древній ханаанскій духъ, противъ котораго съ такой силой возставали израильскіе пророки, проявился въ немъ еще разъ въ полномъ разцвѣтѣ, чтобы затѣмъ навсегда исчезнуть изъ исторіи ¹⁾.

3. Мелькартъ. Выше было упомянуто, что вслѣдствіе географической раздробленности націи, въ странѣ развилось мѣстное поклоненіе и въ каждомъ городѣ находились свой Ваальъ и своя Астарта; только богъ-покровитель Тира не имѣлъ собственнаго имени: его просто называли Мелькартъ (Melkarth), что въ переводѣ означаетъ „царь города“, а женское дополненіе тирскаго бога, супруга его именовалась богиней Миликатъ („царица города“). Врядъ ли можно считать Мелькарта за тирскаго Ваала, скорѣе этотъ юный солнечный богъ соотвѣтствуетъ библейскому Адонису, миеъ о которомъ приведенъ выше, или халдейскимъ Мардуку и Таммузу. Онъ чтился покровителемъ всѣхъ мореплавателей страны, а его храмъ имѣлъ значеніе собора для цѣлой Финикіи.

Священное преданіе финикіянъ гласило, что въ отдаленную эпоху Мелькартъ, намѣреваясь увѣковѣчить славу своихъ дѣлъ, собралъ значительную армію и флотъ для завоеванія Иберіи, гдѣ въ то время царствовалъ Хрисааръ, сынъ Геріона. На своемъ пути онъ подчинилъ Африку, ввелъ тамъ земледѣліе и основалъ баснословный городъ Гекатомпилесъ, а затѣмъ достигнувъ Гибралтарскаго пролива, поставилъ тамъ два столба въ знакъ того, что на этомъ мѣстѣ оканчивается земля. Вотъ почему греки называли Мелькарта Тирскимъ Геркулесомъ („звѣздохитонный“ Иракль).

Аѳиней, ссылаясь на Евдокса книдскаго, заимствуетъ у него слѣдующее сказаніе, искаженное греческой передачей.

„Финикіяне приносятъ Ираклу въ жертву перепеловъ по той причинѣ, что Иракль, сынъ Зевса и Астеріи, убитый на пути въ Ливію Тифономъ, ожилъ, когда Юлай (Эпмунъ) принесъ и поднесъ ему перепела, и онъ его обонялъ. Ибо, какъ говорятъ, онъ еще при жизни любилъ это животное“ ²⁾.

На одномъ изъ изображеній Мелькарта, исполненномъ по повелѣнію Массинисы, руки бога окончиваются гранатовыми яблоками и виноградными лозами. Другое изображеніе представляетъ бога въ видѣ громаднаго фаллуса (изображеніе мужскаго дѣтороднаго члена—символа плодотворнаго начала въ природѣ). Кромѣ того на нѣкото-

¹⁾ Revill. «La religion à Rome sous les Severe». VIII, 262.

²⁾ Тураевъ. «Остатки финикійской литературы» 1903. 64, прим. 55.

рыхъ тирскихъ монетахъ встрѣчается изображеніе Мелькарта съ палицей, приносящаго жертву передъ двумя веѣлиями. Со всей страны къ храму великаго бога Тира стекались толпы поломниковъ и богомольцевъ съ обильными приношеніями; въ храмъ его горѣлъ неугасимый огонь, который, какъ и многое другое, перешелъ изъ древняго язычества въ христіанскій культъ. Всякій разъ, когда тиряне основывали новую колонію, одинъ изъ жрецовъ перевозилъ священный огонь изъ храма главнаго города въ новое мѣсто.

Впрочемъ Мелькартъ былъ строгій и даже жестокій богъ, который требовалъ человѣческихъ жертвъ. Греки, создавая своего Геркулеса по его подобію, смягчили и очеловѣчили его характеръ, какъ вообще очеловѣченіе страшныхъ божествъ составляетъ не послѣднюю заслугу эллиновъ ¹⁾.

Бога Мелькарта нельзя отнести къ разряду морскихъ божествъ, которыхъ у финикянъ собственно не было, а были только солнечныя божества, проявлявшія свою силу въ морѣ. Къ разряду ихъ, кромѣ Мелькарта, относятся Дагонъ, имя котораго встрѣчается въ древнѣйшей халдейской клинописи, какъ старинное семитическое божество, и Кисонъ; послѣдній, впрочемъ, подобно горнымъ духамъ Пніэлю, Казію и мн. друг. представлялъ божество низшаго ранга.

Изъ остальныхъ боговъ финикійскаго народа, частью специально ханаанскихъ или древне-семитическихъ, а частью и заимствованныхъ, укажемъ еще на Адада (ассир. Рамманъ, богъ бурь), Цеда („охотникъ“), Решуфа (Решепъ), бывшаго олицетвореніемъ пламени и отождествляемаго съ греческимъ Аполлономъ, и на богинь Баалатъ-Гебалъ, которую египтяне сопоставляли со своей Гаторъ, и „владычицу Библа.“—Ваалтиду (Bilit sa Gubla),—одно изъ рѣдкихъ божествъ семитическаго пантеона.

4. Кавиры. Другую религіозную систему, пользовавшуюся большою популярностью и перенесенную мореплавателями на берега Средиземнаго моря, гдѣ она пережила даже финикійскую колонизацію, представлялъ культъ кавировъ.

Изъ названной религіозной системы видно, что подъ именемъ кавировъ финикіяне чтили семь божествъ, къ которымъ вскорѣ было присоединено восьмое Эшмунъ, — олицетвореніе высшей міровой производительной силы; ему приписывался даръ врачеванія болѣзней, вслѣдствіе чего греки отождествляли его съ Эскулапомъ. По нашему мнѣнію, упомянутому божеству болѣе всего соотвѣтствуетъ египетскій

¹⁾ Фр. Кольбъ, loc. cit. I, 145.

Имготепъ, сынъ бога Фта (см. Египетъ), имѣющій много общихъ чертъ съ кавирами, хотя въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи этого божества, какъ одного изъ членовъ системы кавировъ изъ Египта въ Грецію уже по одному тому, что культъ Имготепа, по изслѣдованію Strauss und Torney, встрѣчается лишь въ эпоху Птолемеевъ. Thiele сопоставляетъ Эшмуна, какъ бога наукъ и искусствъ съ „владыкой града восьми“—Тотомъ, а отца кавировъ—Сидика съ Сутехомъ египетскихъ текстовъ ¹⁾. Если съ первымъ сопоставленіемъ можно еще кое-какъ согласиться, то второе во всякомъ случаѣ крайне неудачное и безусловно не можетъ претендовать на научное признаніе.

Что касается до культа Эшмуна, какъ третьяго лица божественной триады, встрѣчавшагося въ соединеніи съ божествами, въ основѣ представленія о которыхъ лежало представленіе о планетахъ, то онъ былъ распространенъ во многихъ финикійскихъ городахъ и главнымъ образомъ въ Беритѣ, Сидонѣ, Кареагенѣ, Тирѣ и на островѣ Кипрѣ. На монетахъ Берита Эшмунъ изображался вмѣстѣ съ семью кавирами, въ Сидонѣ былъ, повидимому, главнымъ божествомъ, а въ Кареагенѣ отождествлялся съ Астартой, сливаясь съ ней въ одинъ образъ Эшмуна-Астарты, бога любви и плодородія. Миѣ гласилъ, что цѣломудренный Эшмунъ, прекрасный юноша, отвергъ любовь богини и, преслѣдуемый ею, оскотилъ себя и умеръ. Но Астарта, воспользовавшись животворящей силой міровой теплоты, воскресила его и ввела въ сонмъ боговъ. Учрежденныя въ честь его знаменитыя мистеріи при посвященномъ ему храмѣ на островѣ Самоераки, просуществовали до послѣднихъ дней язычества. Внѣшній видъ патековъ (patéques), какъ иначе называли кавировъ, представлялъ карликовъ, — одно изъ наиболѣе распространенныхъ произведеній финикійской пластики (см. Искусство).

Названныя божества Финикіи, соотвѣтствовавшія греческимъ кавирамъ (отождествляемыхъ съ Діоскурами, хотя подобное отождествленіе не было постояннымъ), въ основѣ своей являлись божествами планетными или солнечными. Какъ на общую черту между греческими кавирами и финикійскими солнечными божествами вообще, слѣдуетъ указать, что тѣ и другія представлялись въ совершенно противоположныхъ чертахъ, то какъ благодѣтельныя божества, то какъ божества грозныя, причиняющія вредъ людямъ ²⁾.

¹⁾ Thiele. «Egyptische und Mesopotamische Gotsdiensten». 1872. Онъ же. «Rev. Hist. Relig.». 1881.

²⁾ Chantepie de la Saussaye. «Lehrbuch der Religionsgeschichte» I, 222. См. также Новосадскій «Культъ кавировъ въ древней Греціи» 1891.

Хотя планетарное значеніе упомянутыхъ божествъ доказать трудно, тѣмъ не менѣе врядъ-ли можно предположить чисто случайное совпаденіе финикійскихъ кавировъ съ извѣстными въ Греціи, тѣмъ болѣе, что финикійское происхожденіе послѣднихъ, повидимому, прочно установлено наукой.

Но какъ не разсматривать кавировъ — какъ демиурговъ-ли вселенной и величайшихъ изъ боговъ финикійскаго пантеона, или, слѣдуя Филону, видѣть въ нихъ только покровителей мореплаванія и медицины, — во всякомъ случаѣ культъ названныхъ божествъ явился шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія финикійской религіи, переходомъ отъ натурализма къ трансцендентальности: обоготвореніе возвышается отъ видимаго къ невидимому ¹⁾. Къ сожалѣнію, зарожденіе этого историческаго культа и его первоначальная стадія намъ извѣстны слишкомъ мало для того, чтобы высказаться съ полной опредѣленностью о процессѣ развитія финикійской религіи, вліяніе которой на греческую (собственно на развитіе мифовъ и культовъ, а отнюдь не на самыя божества) не подлежитъ сомнѣнію и обнаруживается весьма рано.

5. Crêdo финикійской религіи. Всѣ боги и богини считались живущими на вершинахъ горъ, преимущественно на Ливанѣ и Гермонѣ ²⁾, а также въ лѣсахъ и водахъ; они показывались смертнымъ на возвышенностяхъ (*batot*), обитали на деревьяхъ, въ неотесанныхъ камняхъ (*bétyles*) и въ отдѣльныхъ каменныхъ глыбахъ, принявшихъ форму колоннъ (*massébot*), при чемъ всѣ эти фетиши сами по себѣ требовали культа. Ниже, при обзорѣ древне-финикійскаго искусства съ его электизмомъ и экономіей, отличительными чертами этого коммерческаго народа, мы болѣе подробно коснемся затронутаго вопроса, а пока скажемъ два слова о пережиткахъ финикійскаго фетишизма — ашерахъ или кадуцеяхъ („жезлы“). Эти ашеры ставились въ храмахъ и часто изображались на могильныхъ стелахъ, которыхъ найдено очень много какъ въ самой Финикіи, такъ и особенно въ Карфагенѣ и на которыхъ изображались подносимые божеству предметы и приношенія. Небольшіе столбики въ формѣ обелисковъ, ставившіеся въ честь солнечныхъ божествъ, назывались *Hammanim*; изображенія ихъ можно видѣть на нѣкоторыхъ финикійскихъ стелахъ вмѣстѣ написанными на нихъ именами жертвователей.

¹⁾ Тураевъ «Очеркъ истор. изуч. Финик. древн.» въ «Ист. обзор.» 1893, стр. 55.

²⁾ См. de Vogüé. «Comptes rendus de l'Académie» 1869, стр. 63 относительно Ваала горы Ливана, также III кн. Царст. XVIII.

Культъ змѣй также существовалъ у древнихъ финикянъ, хотя свѣдѣнія наши о немъ весьма неполны и отрывочны; извѣстно только, что изображенія египетскихъ священныхъ змѣй (Uraeus) часто встрѣчались въ храмахъ хананеевъ, но какъ предметы-ли культа, или просто какъ декоративное украшеніе мы не знаемъ и потому этотъ вопросъ и по сіе время остается открытымъ. Во всякомъ случаѣ доказательства почитанія финикянами змѣй мы встрѣчаемъ на многихъ памятникахъ; на веилѣ тирскихъ монетъ, въ изображеніяхъ обвитыхъ змѣями аперъ и т. п. ¹⁾.

Финикійское жречество было довольно многочисленно. Изъ Библии мы узнаемъ, что когда тирская царевна Іезавель вышла замужъ за израильскаго царя Ахава, то она привела съ собой четыреста служителей Ваала и четыреста пятьдесятъ жрецовъ Астарты ²⁾.

Могущественной силѣ духовенства надо приписать страшное распространеніе человѣческихъ жертвъ и специальную форму проповѣдуемаго ими культа. Есть основанія полагать, что въ первобытномъ положеніи каждой языческой религіи существовалъ этотъ ужасный обычай, и прекращеніе, или упорное сохраненіе его зависѣло отъ большей или меньшей силы жрецовъ. Можно смѣло сказать, что тамъ, гдѣ жрецы не пользовались большой силой, люди отворачивались отъ человѣческихъ жертвоприношеній, — и напротивъ, чѣмъ сильнѣе жрецы, тѣмъ упорнѣе сохраняется этотъ видъ жертвъ. Такимъ образомъ среди цивилизованныхъ народовъ древности онъ всего долѣе сохранился у карагено-финикянъ и если недолго существовалъ у евреевъ, то это объясняется немногочисленностью у нихъ духовенства до плѣна Вавилонскаго, послѣ чего ихъ религія приняла формы восточныхъ религіозныхъ системъ. Какъ извѣстно, основы силы жречества у древнихъ заключались въ принципѣ заступничества передъ богами и чѣмъ болѣе были въ ходу жертвоприношенія, тѣмъ сильнѣе становилось жречество и обратно, чѣмъ сильнѣе были жрецы, тѣмъ многочисленнѣе и ужаснѣе дѣлались жертвоприношенія. Нельзя, разумѣется, утверждать о безусловности настоящаго вывода: стоить только вспомнить фараоновскій Египетъ, чтобы усмотрѣть въ указанномъ отношеніи изъ разсмотрѣнія культурной исторіи нильской монархіи самаго типичнаго и самаго блестящаго исключенія.

Мифологія, если не считать искаженную евгемеризмомъ и синкретизмомъ космогонію Филона, почти совсѣмъ отсутствовала у древ-

¹⁾ См. Baudissin «Die Schlange bei d. Phöniciern», studien zur Semitischen Religionsgeschichte; также Perrot et Chipiez. v. III.

²⁾ III кн. Царст. XIX.

нихъ финикіянь и лишь нѣкоторыя религіозныя преданія и легенды, заимствованныя у сосѣдей, играли роль въ культѣ, который отличался строго меркантильнымъ направленіемъ. Да иначе и быть не могло, разъ жреческія должности по большей части занимались купцами, придававшими богослуженію характеръ покупки человѣкомъ помощи божества и доводившими подобный узко-коммерческій взглядъ на помощь свыше до крайности. Финикійскій мореплаватель, бѣдный поэтической фантазіей и мало наклонный къ философскому мышленію, по натурѣ своей былъ трезвый практикъ, а потому онъ и интересовался больше практической стороною религіи, тѣми способами, посредствомъ которыхъ можно было привлечь къ себѣ милость божества или отвратить его гнѣвъ. Религія его являлась не дѣломъ ума и сердца, а дѣломъ тѣла и кошелька, однимъ словомъ это была не религія, а вѣра въ боговъ, что, конечно, не одно и тоже. Расчетливый торгашъ умѣлъ даже съэкономить на жертвахъ, предназначенныхъ богамъ, несмотря на то, что часто жрецы съ обычной бурсацкой грубостью требовали богатыхъ приношеній: такъ благодарственная жертва всегда была болѣе худшаго достоинства сравнительно съ просительной, ибо въ послѣднемъ случаѣ проситель ожидалъ, что жертвы его богу вознаграждаются сторицей.

Отсюда ясно, что древне-финикійскій культъ цѣликомъ былъ построенъ на коммерческомъ началѣ: проситель имѣлъ возможность заранѣе вычислить, на какую сумму ему нужно помощи божества, руководствуясь такъ называемыми тарифами жертвъ, т. е. выставленными передъ храмами металлическими дощечками, гдѣ точно была высчитана стоимость различныхъ жертвоприношеній. Надпись извѣстнаго марсельскаго камня, найденнаго въ 1845 году, оказалась тарифомъ взносовъ деньгами и мясомъ, которые должны были дѣлать въ храмъ Ваала лица, по заказу которыхъ приносится жертва. Аналогичнаго содержанія надписи найдены въ 1861 году на почвѣ древняго Кареагена.

Каковы были возрѣнія финикіянь на будущую жизнь мы не имѣемъ свѣдѣній, но, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ, идея безсмертія души врядъ-ли не была чужда націи торгашей, которые, смотря на землю, совершенно позабыли о небѣ; несмотря на сильное культурное и религіозное вліяніе Египта, выжившееся въ египетско-хананейскомъ религіозномъ синкретизмѣ, между финикіянами и подданными фараоновъ находилась цѣлая бездна въ смыслѣ противоположности возрѣній на загробную жизнь. Мы уже говорили при обзорѣ египетской религіи, что обитатели долины

Нила старательно заботились о томъ, чтобы получить загробное блаженство путемъ приготовленія къ послѣднему суду Озириса, между тѣмъ какъ идея возмездія почти совсѣмъ не проглядываетъ въ религіозномъ міросозерцаніи финикіянь, которые, отдавая все вниманіе настоящей жизни, мало интересовались будущей, считая, быть можетъ, что загробное блаженство—одна фикція.

Подобно всѣмъ первобытнымъ религіямъ, *финикійская религія есть религія страха*; если человекъ и ищетъ Бога, какъ причину всего сущаго, то лишь только для того, чтобы воспользоваться этой причиной для своихъ личныхъ цѣлей. Какъ замѣчено выше, финикіянинъ почти ничего не зналъ о своихъ богахъ, совсѣмъ не интересовался ихъ бытомъ и взаимными отношеніями: онъ, какъ буржуа въ морали, представлялъ изъ себя типичнаго утилитариста и въ основѣ его религіи лежало только чувство страха передъ невѣдомыми богами, да желаніе купить у нихъ за жертву помощь, т. е., какъ мы указывали, это была торговая сдѣлка, направленная къ тому, чтобы проситель, дѣйствительно, принесъ извѣстную жертву, а чтобы божество, получивъ ее, оказало бы просителю должную протекцію.

Понятное дѣло, что при подобномъ узко-коммерческомъ направленіи финикійская религія не могла благотворно вліять на населеніе и направлять его помыслы къ высшимъ цѣлямъ жизни. Самъ финикіянинъ былъ вполне земной человекъ, безъ тѣни философскаго мышленія, безъ углубленія въ смыслъ земного существованія, безъ строго выработаннаго религіознаго міровоззрѣнія. Такова же была его вѣра. Изъ религіи другихъ народовъ онъ взялъ для себя лишь то, что могъ утилизировать, а все остальное, т. е. сущность религіи и ея нравственную сторону, не поддающуюся куплѣ-продажѣ, онъ, можно сказать, прямо игнорировалъ.

Этотъ духъ заимствованія и приспособленія продуктовъ чужой культуры къ практическимъ потребностямъ наложилъ рѣзкую печать на религіозное міросозерцаніе торгошай, отношенія которыхъ къ божеству опредѣлялись, какъ сказано, меркантильными взглядами,—полное издѣвательство надъ религіей!

Про кровавый культъ Ваала и распутныя сатурналіи Астарты было говорено достаточно, причѣмъ въ своемъ мѣстѣ была подчеркнута таинственная психологическая связь между жаждой крови, жестокостью и сладострастіемъ; добавимъ теперь къ вышесказанному, что безнравственность культа Астарты происходила естественнымъ путемъ, такъ сказать, на законномъ основаніи: гдѣ поклоняются божествамъ, непосредственно связаннымъ съ плодородіемъ, тамъ, по-

нятное дѣло, культъ склоненъ характеризоваться половыми признаками и шумнымъ неистовымъ характеромъ. Обожаніе физическаго плодородія составляло сущность народнаго культа, построеннаго не исключительно на эротоманіи и безстыдной распущенности азіатскаго Востока, но имѣвшаго подъ собой вышеуказанныя, освященныя религіей, основы.

Религія—говорить Контъ въ своемъ позитивномъ катехизисѣ—заключается въ томъ, чтобы упорядочить всякую индивидуальную натуру и объединять всѣ индивидуальности, что составляетъ двѣ различныхъ стороны одной и той же проблемы.

Примѣняя формулу Конта къ финикійской религіи, нельзя не согласиться, что если послѣдняя стремилась къ достиженію второй изъ указанныхъ задачъ въ смыслѣ объединенія „индивидуальностей“ на почвѣ сакральнаго элемента, то за то способъ рѣшенія, ея выбранный,—упорядоченіе „натуръ“ черезъ костры и печи могъ лишь возвращать народъ и вести послѣдній къ изувѣрству, особенно въ странѣ, придавленной суевѣрїями, вкрапленными въ нее вѣковыми наслоенїями и при господствѣ духовенства, жестокость котораго, какъ извѣстно, есть самая неутолимая изъ жестокостей, равняющаяся, развѣ, жадности постыжагося человѣчества.

И, однако, какъ ни смотрѣть на древняго финикїянина, все таки нужно сознаться, что фанатикомъ онъ былъ менѣе всего. Религія его, практикуя передъ кровожадными богами человѣческія жертвоприношенія, была вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ реальна для того, чтобы въ ней могло имѣть мѣсто идейное изувѣрство; въ этомъ отношеніи она полный контрастъ съ монотеистическими религіями, въ томъ числѣ и съ христіанствомъ; въ которомъ, напримѣръ, изъ-за несогласія между такими отвлеченными понятїями какъ „единосущный“ и „подобно-сущный“ проливались потоки человѣческой крови или — возьмемъ время къ намъ близкое—когда двѣсти тридцать лѣтъ тому назадъ протопопъ Аввакумъ и его единомышленники всходили на костеръ и на плаху за право двоить аллилуїя, писать имя второго лица Божественной Троицы безъ восемиричнаго и и осѣнять себя „двуперстіемъ“, а не „щепотью“.

Подобныя отвлеченныя понятїя были совершенно не свойственны не только финикїйской религіи, но и вообще языческой, тѣмъ болѣе, что теологическія умозрѣнія и безплодный догматизмъ мало занимали финикїйскаго торгаша, который не сумѣлъ даже создать самобытной мѣологіи, довольствуясь тѣми религіозными воззрѣніями, какія ему удалось заимствовать у своихъ сосѣдей.

Подводя итогъ всему тому, что было говорено выше относительно финикійской религіи, не трудно вывести заключеніе, что послѣдняя въ значительной степени отражаетъ въ себѣ слѣды чужеземныхъ вліяній Египта и Ассиріи; поэтому, если искать въ ней оригинальныя черты, то усмотрѣть таковыя можно только въ построеніи ея на коммерческомъ началѣ. Творческая, созидательная дѣятельность народа въ ней совершенно отсутствовала, что не трудно понять, если припомнить извѣстный историко-соціологическій законъ: легко усваивается только матеріальное, а духовное надо выстрадать и претворить. А такъ какъ финикіяне страдали полнымъ отсутствіемъ религіозной самобытности, противорѣчившей узко-утилитарному, коммерческому направленію народа, то, понятное дѣло, они и взяли у своихъ сосѣдей готовое религіозное міровоззрѣніе съ той легкостью, съ какой они заимствовали отъ нихъ предметы матеріальной культуры.

Какъ было показано выше, финикіяне, подобно остальнымъ народамъ древности, первоначально были фетишистами и поклонялись горамъ, водамъ, камнямъ и т. п. предметамъ, за которыми они признавали благотворное для себя дѣйствіе въ какой нибудь моментъ жизни. Слѣдующей стадіей развитія финикійской религіи было, какъ мы уже знаемъ, почитаніе бога солнца (Ваала) и богини луны (Астарты), культъ которыхъ былъ перенесенъ въ Финикію изъ Месопотаміи, и, наконецъ, какъ вѣнецъ развитія религіи,—поклоненіе кавирамъ, что, впрочемъ, отнюдь не заслоняло человѣческихъ жертвоприношеній кровожадному Ваалу съ братіей. Но—вернемся нѣсколько назадъ—резвый реалистъ-купецъ, занятый меркантильными расчетами и способами обмѣриванія и обвѣшиванія и вообще надуванія покупателей, не могъ превратиться въ философа, который самостоятельно доходилъ бы до рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Подобная задача совершенно не соотвѣтствовала ни складу ума, ни наклонностямъ, ни общей формулѣ религіознаго міросозерцанія завзятыхъ торгашей. Повторяемъ, для жителя древней Финикіи было достаточно знать, что боги существуютъ, что они могутъ быть полезны или вредны и что ради собственнаго профита съ ними необходимо быть въ хорошихъ отношеніяхъ. Иначе говоря, религія представляла для него нѣчто въ родѣ страхового общества, гарантирующаго члена послѣдняго или, точнѣе, вкладчика отъ непріятностей, ожидающихъ его не столько на томъ свѣтѣ, сколько во время земного существованія. Слѣдовательно, весь расчетъ его въ указанномъ отношеніи сводился къ тому, чтобы какимъ бы то ни было образомъ снискать милость божества или отвратить его гнѣвъ; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ нужна была жертва

и чѣмъ обильнѣе и богаче являлась послѣдняя, тѣмъ, естественно, болѣе милостей вправѣ былъ онъ ожидать отъ чтимаго божества.

Вотъ въ чемъ состояло *сгѣдо* финикійской религіи!.

3. Письменность и литература.

Хотя до нашего времени дошло очень немного остатковъ финикійскихъ древностей и литературы, исчезнувшихъ во тѣмъ времени, тѣмъ не менѣе мы въ достаточной степени освѣдомлены о системѣ древне-финикійскаго письма.

Значеніе азбуки греки впервые узнали отъ финикіянь и потому называли ихъ изобрѣтателями буквъ, но въ настоящее время историческая критика опровергнула это ходячее мнѣніе: не только египетскіе іероглифы, но и клинообразная ассирійская клинопись гораздо болѣе древняго происхожденія, чѣмъ торговля и цивилизація Финикіи. Получивъ отъ финикіянь обильные и цѣнные плоды многовѣкового культурнаго развитія восточныхъ народовъ, древніе эллины не знали въ то же время истиннаго источника принесенной имъ цивилизаціи, такъ что финикіяне, бывшіе въ сущности не болѣе какъ факторы и простые посредники, въ глазахъ грековъ являлись творцами и изобрѣтателями. На самомъ дѣлѣ *практичные торговцы не были изобрѣтателями, а только усовершенствовали чужое изобрѣтеніе, заимствовавъ у египтянь ихъ письмена и упростивши систему принятой ими азбуки*. Это упрощеніе могло совершиться тѣмъ легче, что къ указанной эпохѣ египтяне уже превратили свои письмена въ знаки для обозначенія отдѣльныхъ звуковъ: финикіянамъ, слѣдовательно, оставалось только воспользоваться этими знаками, отбросивъ лишъ идеографическія и символическія изображенія.

1. **Азбука.** Языкъ мореплавателей достигъ уже высокой степени развитія, а потому они могли опредѣлить количество нужныхъ имъ отдѣльныхъ звуковъ, и затѣмъ для обозначенія ихъ заимствовать соотвѣтствующіе египетскіе знаки. Если не подлежитъ сомнѣнію вліяніе семитической культуры на Египетъ, то въ равной мѣрѣ оно исходило изъ страны фараоновъ на Сирію и между прочимъ выразилось въ письменахъ.

Такимъ именно образомъ за десять вѣковъ до начала нашей эры финикіяне создали для своего языка фонетическій алфавитъ изъ 23-хъ буквъ, большая часть которыхъ несомнѣнно заим-

ствована изъ іератическихъ курсивныхъ письменъ, хотя, конечно, не можетъ быть и рѣчи о точной ихъ передачѣ. Какъ доказалъ Э. де Руже, изобрѣтеніе алфавита должно быть отнесено къ тому времени, когда хананеи и семиты-кочевники господствовали въ долинѣ Нила: они выбрали изъ формъ іератическаго письма опредѣленное число знаковъ, соотвѣтствовавшихъ основнымъ звукамъ ихъ языка. Творчества въ этомъ преобразованіи очень мало, но со всѣмъ тѣмъ важность финикійскаго алфавита отъ этого нисколько не уменьшается, ибо современный книжный міръ ведетъ свое начало отъ того усовершенствованія, какое дала ему древняя *nation boutiquière*.

За послѣднее время въ исторической литературѣ проглядываетъ иногда предположеніе объ еврейскомъ происхожденіи финикійскаго алфавита; указываютъ, что алфавитъ впервые зародился у еврейскаго народа и зародился подъ небомъ Египта и на почвѣ его письменъ, а отсюда уже, благодаря событію Исхода, онъ перенесенъ былъ евреями въ землю Хананскую, гдѣ онъ окрѣпъ, выросъ и вмѣстѣ съ финикійскимъ товаромъ, получилъ распространеніе по всему міру. Сопоставляя это мнѣніе съ приведеннымъ выше доказательствомъ Э. де Руже, а также принимая во вниманіе, что всѣ азіатскія письмена имѣютъ одинъ общій признакъ, обличающій ихъ семитическое происхожденіе,—настоящія буквы существуютъ у нихъ только для согласныхъ, гласныя же обозначаются просто точками и черточками,—можно, кажется, признать, что мнѣніе это имѣетъ за собой нѣкоторыя основанія.

Дѣло въ томъ, что одна изъ Тель-эль-Амарнскихъ находокъ съ достаточной ясностью подтвердила фактъ, что во время пребыванія евреевъ въ Египтѣ, народы Сиріи, въ томъ числѣ и финикіяне, употребляли для международныхъ сношеній сложную и запутанную систему ассирійско-халдейской клинописи, не имѣющей почти ни одной общей черты съ алфавитнымъ письмомъ. Живя цѣлыя столѣтія между культурными египтянами въ непосредственной близости съ послѣдними, евреи, тѣмъ не менѣе, не заимствовали египетскихъ письменъ, а потому естественно предположить, что еврейскій народъ обладалъ алфавитомъ гораздо раньше исхода изъ Египта, хотя нѣтъ сомнѣнія, что еврейское письмо создано до появленія Моисея, скрижали завѣта котораго отнюдь нельзя разсматривать какъ первую пробу алфавитнаго письма.

Эвальдъ высказываетъ убѣжденіе, что нѣкоторыя главы Библии написаны значительно ранѣе эпохи Моисея, изъ чего нельзя не заключить, что во время пребыванія на берегахъ египетскаго Нила евреи уже знали употребленіе алфавита.

Для насъ, собственно, здѣсь безразлично заимствовали ли финикіяне свой алфавитъ отъ евреевъ или непосредственно отъ обитателей фараоновскаго царства: важно то, что египетское вліяніе, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ явилось господствующимъ источникомъ, изъ котораго вышелъ нашъ алфавитъ.

Знаніе азбучнаго письма финикіяне несли главнымъ образомъ туда, куда призывали ихъ торговые интересы и гдѣ завязывались коммерческія сношенія. Тайна этого искусства, необходимаго для развитія чловѣческаго духа, постоянно занимаетъ первое мѣсто между элементами цивилизаціи, передававшимися народамъ черезъ ихъ соприкосновеніе съ финикіянами, для которыхъ, по остроумному выраженію Ренана, азбука была однимъ изъ „предметовъ вывоза“¹⁾.

Греки усовершенствовали финикійскій алфавитъ, превративъ семитическіе знаки придыханій въ гласныя и прибавивъ нѣсколько совершенно новыхъ буквъ, сдѣлавъ его такимъ образомъ образцомъ всѣхъ европейскихъ алфавитовъ. Нельзя не упомянуть здѣсь о томъ, что еще до финикійскаго вліянія въ древней Греціи существовала письменность, причеъ отчасти вѣрили въ ея божественное туземное происхожденіе, отчасти же предполагали, что она перешла въ Элладу изъ Египта. Во всякомъ случаѣ, какъ сказано, греки не остановились на полученной отъ финикіянь формѣ письма, а видоизмѣнили и усовершенствовали принятыя буквы, создавъ свой алфавитъ. Общеизвѣстно преданіе объ Эпихармѣ и Симонидѣ, расширившихъ будто бы алфавитъ посредствомъ прибавленія новыхъ буквъ, которыя названные поэты впервые ввели въ литературу.

Алфавиты греческіе и латинскіе, отъ которыхъ происходятъ всѣ европейскіе алфавиты, суть ни что иное какъ алфавитъ финикійскій, построенный на чужихъ изобрѣтеніяхъ, но за то сведенный къ небольшому числу знаковъ, выразившихъ каждый членораздѣльный звукъ. Конечно, тѣ буквы, которыми пользовались древніе семиты, произошли отъ множества видоизмѣненій и въ настоящее время являются далеко не такими, какими были первоначально, но обстоятельство это нисколько не мѣняетъ сущности дѣла и не отнимаетъ у финикіянь ихъ заслугъ, которыя, разумѣется, были ими оказаны безсознательно.

Итакъ, суммируя вышеприведенные факты, можно признать почти безошибочно, что древнихъ финикіянь считали изобрѣтателями потому, что современные имъ народы черезъ нихъ научились

¹⁾ Lenormant. loc. cit. IV. 535.

пользоваться результатами изобрѣтеній. Во всякомъ случаѣ усовершенствованія финикіянами чужого изобрѣтенія ставятъ этотъ народъ на весьма почетное мѣсто въ исторіи цивилизаціи, такъ какъ онъ способствовалъ образованію языковъ народовъ, которые дали высокіе литературные образцы и лучше всего выразили человѣческія идеи. Мы не только не знаемъ никакого алфавита, предшествовавшаго финикійскому, но всѣ тѣ, которые сохранились въ употребленіи до настоящаго времени, происходятъ болѣе или менѣе прямо но по нѣкоторой филиаціи отъ перваго алфавита, составленнаго предприимчивыми и практичными сынами древняго Ханаана.

Древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникомъ фонетическаго письма профессоръ Вутке въ своемъ солидномъ трудѣ ¹⁾ считаетъ найденную въ 1855 году близъ древняго Сидона *надпись на гробницѣ Эшмуназара*; названный памятникъ относится къ эпохѣ по крайней мѣрѣ на тысячу лѣтъ предшествовавшей началу нашей эры.

Вторымъ по древности памятникомъ такого письма Вутке считаетъ открытую близъ Бахрѣ-Лута черную каменную глыбу *съ надписью моавитскаго царя Меша*, сына Хамоса, извѣстнаго по своей войнѣ съ Ахавомъ израильскимъ и по тому „бамоту“, который онъ воздвигъ въ Дибонѣ (ок. 900 г. до Р. Х.).

Обѣ надписи состоятъ не изъ іероглифовъ, а изъ планомѣрныхъ штриховъ, служащихъ для обозначенія буквъ; послѣднія безъ всякаго сомнѣнія тѣ самыя, отъ которыхъ произошло греческое и латинское письмо. По мнѣнію г. Тураева, основывающемся на надписи Меша, языкъ моавитянъ есть діалектъ того языка, на которомъ написанъ Ветхій Заветъ, а шрифтъ письма древне-семитическій, прототипъ еврейскаго-квадратнаго и греческаго ²⁾.

Здѣсь же умѣстно будетъ упомянуть о томъ, что, подобно всѣмъ семитамъ и въ противоположность народамъ классической древности, финикіяне писали отъ правой руки къ лѣвой; чѣмъ вызывался этотъ свойственный семитической расѣ способъ письма,—мы опредѣленно сказать не можемъ.

2. Памятники письменности. Что касается до памятниковъ древне-финикійской письменности, то большинство ихъ не сохранилось, а дошедшіе до насъ, найденные случайно, весьма неважны по содержанію и не всегда ясны по смыслу. Были также у финикіянь

¹⁾ «Die Entstehung d. Schrift, die verschieden Schriftsysteme und das Schrifthum der nichtalphabetarisch schreibenden Völker».

²⁾ Тураевъ. «Моавитяне». Гл. въ Энциклопед. слов. Брокгауза и Ефрона, стр. 558.

свои историческіе писатели, знаменитѣйшимъ изъ которыхъ считался Санхуніаѳонъ (Sanchuniathon или, судя по надписи изъ Уммел'Авѣмѣда, Sakkunjatou¹⁾). Онъ написалъ древнюю исторію Финикіи, съ которой мы, однако, знакомы только по немногимъ отрывкамъ, сохранившимся у Порфирія, Евсевія и Іоанна Лиды. Эти отрывки поименованные писатели позаимствовали у Филона Библискаго, который выдавалъ ихъ за сочиненія Санхуніаѳона. Существовалъ ли послѣдній на свѣтѣ или выдержки изъ финикійской исторіи составляютъ произведенія самого Филона,—вопросъ этотъ и по сіе время остается спорнымъ, хотя на основаніи не однихъ апріорныхъ соображеній разрѣшается большинствомъ ученыхъ въ смыслѣ отрицанія существованія Санхуніаѳона. Дѣйствительно, повѣствованія Филона, типичнаго представителя греко-римской эпохи и опытнаго писателя-эллиниста (онъ жилъ приблизительно около времени императора Адриана), помимо евгемеристическихъ тенденцій, въ сильнѣйшей степени проникнуты синкретизмомъ, къ которому древній міръ окончательно пришелъ въ періодъ имперіи, а Санхуніаѳонъ (если онъ только живое лицо, а не фикція, опиравшаяся на имя, пользовавшееся извѣстностью), судя по увѣренію того же Филона, жилъ около эпохи Троянской войны и не могъ на такомъ основаніи строить финикійскую космогонію и теогонію, проникнутыхъ воззрѣніями всѣхъ языческихъ религій, библейскихъ сказаній и греческихъ мифовъ²⁾.

Въ виду вышеизложеннаго полагаемъ достаточнымъ ограничиться однимъ упоминаніемъ о литературномъ товарѣ (сбытомъ „Филономъ Вивлянѣномъ“, по примѣру его сородичей, съ обычнымъ надувательствомъ), не входя въ разсмотрѣніе приводимыхъ въ немъ религіозно-космогоническихъ воззрѣній, имѣющихъ, однако, не только нѣкоторое значеніе для библейской экзегезы, но и интересныхъ самихъ по себѣ, тѣмъ болѣе, что справедливость заставляетъ признать въ Филонѣ незаурядный литературный талантъ, проявленный въ его культурной исторіи.

Въ финикійской колоніи Кареагенѣ сохранились два литературныхъ памятника, подлинность которыхъ, въ противоположность сочи-

¹⁾ Clermont Ganneau, Recueil. V, 150.

²⁾ Филонъ и Санхуніаѳонъ, стр. 2 въ «Fragm. H. Graec.» изд. Дидо; относительно значенія этихъ отрывковъ см. Ренанъ «Mémoire sur l'origine et le caractère véritable de l'histoire Phénicienne qui port le nom de Sanchoniathon». Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. 1858. v. XXIII. См. также Тураевъ «Остатки финикійской литературы» I, 2—19. Movers «Die Phönizier» 1841, т. I. Касательно же Санхуніаѳона, изд. Вагенфельда 1836 г.

ненію Филона, не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній. Авторъ одного изъ нихъ, принадлежавшій по рожденію и по состоянію къ кареагенской знати, Магонъ написалъ сочиненіе о земледѣліи, которое впослѣдствіи по повелѣнію римскаго сената было переведено Децимомъ Силаномъ на латинскій языкъ ¹⁾. Изъ этого трактата, о которомъ римскіе писатели по агрономіи, Катонъ, Плиніи и Колумелла отзываются съ большою похвалою, видно, что кареагеняне были знакомы съ рациональнымъ сельскимъ хозяйствомъ и занимались имъ, какъ наукой.

Въ трактатѣ Магона встрѣчаются мысли о необходимости грамоты, и кареагенскій агрономъ уже прямо требуетъ, чтобы управляющій поземельными участками, будь это даже рабъ, умѣлъ читать и писать. Отсюда, повидимому, приходится заключить, что дѣло элементарнаго образованія у кареагено-финикійцевъ было поставлено на подобающую ему высоту, что, впрочемъ, понятно само собой и не нуждается въ доказательствахъ: для фабриканта и торговца, готовыхъ *tojours oser*, ради ихъ собственныхъ матеріальныхъ интересовъ, грамотность была первое дѣло, хотя, конечно, для финикійнина, напичканнаго меркантильно-буржуазными соображеніями, образованіе не составляло цѣли само по себѣ, ибо, какъ торговецъ и беззащитный спекулянтъ, онъ въ сущности оставался чуждымъ высшимъ потребностямъ человѣческаго духа и больше всего на свѣтѣ цѣнилъ туго набитую кошню, основательно разсуждая, что она его не выдастъ. Пользуясь такимъ образомъ „плодами просвѣщенія“ и утилизируя ихъ на почвѣ наживы, онъ врядъ ли могъ оцѣнить облагораживающее вліяніе образованія, на которое онъ смотрѣлъ совсѣмъ по купечески, считая его, вѣроятно, полезнымъ лишь „для большихъ оказій“.

Второй литературный памятникъ древняго Кареагена есть такъ называемый *Отчетъ Ганона* (*Periplus Hannonis*) объ его экспедиціи на западный берегъ Африки, сохранившійся для насъ въ одномъ греческомъ переводѣ. Изъ названнаго сочиненія мы узнаемъ, что около тридцати тысячъ человѣкъ кареагенянь обоого пола, на шестидесяти большихъ корабляхъ, отправились по ту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ съ цѣлью основать тамъ колоніи (ок. 515 г. до Р. Х.).

Ганнонъ, принадлежавшій къ знатной и вліятельной кареагенской фамиліи, игравшей, подобно Магонамъ и Баркидамъ, значительную политическую роль въ республикѣ и начальствовавшій этимъ флотомъ, повѣдалъ тогдашнему міру результатъ своего путешествія

¹⁾ Отрывки изъ сочиненія Магона собраны и переведены Геереномъ (Heeren). «Du commerce et de la politique des peuples de l'antiquité». т. IV.

въ небольшомъ, но общераспространенномъ сочиненіи, заглавіе котораго приведено выше, и о которомъ мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ.

Во время упомянутой экспедиціи было основано семь колоній, но недостатокъ продовольствія принудилъ путешественниковъ вернуться ранѣе, чѣмъ они того хотѣли. Однако смѣлые мореплаватели повернули назадъ уже пройдя Сьерро-Лионскій берегъ. Описывая свое путешествіе, кареагенскій адмиралъ, между прочимъ, сообщаетъ:

«Запасшись водою, мы шли вдоль береговъ еще въ теченіе пяти дней и вступили въ обширный заливъ, который наши проводники называли Восточнымъ Рогомъ. Въ этомъ заливѣ находился большой островъ, а на немъ разливалось озеро, которое, въ свою очередь, заключало въ себѣ маленькій островокъ (нынѣ островъ Гарангъ). Мы въ этомъ мѣстѣ причалили къ берегу, гдѣ видѣли днемъ только лѣса, а ночью множество огней, и слышали звукъ флейтъ, кимваловъ, тамбуриновъ и страшный шумъ. Ужасъ овладѣлъ нами и наши гадатели велѣли намъ покинуть островъ. Мы подняли паруса и прошли мимо горячей страны, называемой страной ароматовъ (нынѣ берегъ Биссагосъ къ югу отъ Синегамбіи); она была полна огнями, которые спускались, какъ рѣки до моря. Страна эта оказалась недоступна, по причинѣ жары. Боязнь въ другой разъ насъ заставила внезапно покинуть эти мѣста.

Отпывъ отсюда и пройдя Огненные Потоки, мы прибыли на третій день въ заливъ, называющійся Южнымъ Рогомъ (нынѣ заливъ Шерборо); въ глубинѣ его находится островъ, гдѣ обитаютъ дикіе люди. Большая часть ихъ были женщины, обросшія волосами; проводники наши называли ихъ *гориллами*. Мужчинъ намъ не удалось поймать: они уходили отъ нашихъ преслѣдованій, потому что перелѣзали черезъ пропасти и защищались обломками скалъ. Мы настигли только трехъ женщинъ, но не могли увести ихъ съ собою, потому что онѣ кусались и царапались, вслѣдствіе чего намъ пришлось убить ихъ; мы сняли съ нихъ шкуры и отослали ихъ въ Кареагенъ».

Отчетъ свой кареагенскій адмиралъ помѣстилъ на дощечкѣ въ храмѣ Молоха и о немъ, какъ сказано, мы освѣдомлены, благодаря сохранившемуся греческому переводу.

Остальные памятники литературы, хотя найдены на почвѣ древняго Кареагена въ огромномъ количествѣ, но за то по содержанію крайне однообразны: это надписи, посвященныя Ваалу и Танитъ, мало интересныя для науки; въ другихъ заключаются имена покойниковъ, ихъ званія, иногда даты и т. п.

3. Наука. Въ наукахъ Финикія никогда не могла достигнуть болѣе или менѣе высокой степени развитія, потому что, какъ объ-

яснено выше, направленіе ея обитателей было односторонне практическое и лишь одни интересы торговли являлись импульсомъ дѣятельности государства и краеугольнымъ камнемъ его политики. Финикіяне занимались астрономіей и ариѳметикой съ единственной цѣлью пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній для безопаснаго плаванія по морю ночью и для интересовъ коммерческихъ: они обратили вниманіе на положеніе созвѣдія Малой Медвѣдицы, между тѣмъ какъ большинство народовъ, ихъ окружавшихъ, вынуждены были довольствоваться грубымъ приближеніемъ, которое давалось наблюденіемъ положенія Большой Медвѣдицы. Кромѣ того извѣстно, что торгоши-культуртрегеры, календарь которыхъ весьма близко подходилъ къ еврейскому, имѣли средства для уравниванія солнечнаго и луннаго годовъ.

Посидоній утверждаетъ, что финикіяне замѣтили связь между морскимъ приливомъ и фазами луны, но смотрѣли на это явленіе лишь съ практической точки зрѣнія, не выработавъ никакой теоріи, основанной на научныхъ данныхъ ¹⁾.

Относительно Ариѳметики Страбонъ въ своей „Географіи“ говоритъ, что современники его приписывали изобрѣтеніе этой элементарной части математики финикіянамъ, такъ какъ они первые стали производить обширную торговлю, которая безъ сомнѣнія требовала нѣкоторыхъ позпаній въ счетной наукѣ. Но „цыфирь“—одно, а математика совсѣмъ другое и первыми историческими математиками, сознательно излагавшими ариѳметику, какъ науку, должны быть признаны не финикіяне, у которыхъ простѣйшія начала знаній замѣняли науку, а бывшіе сначала учениками финикійскихъ мореплавателей—древніе греки (Эвклидъ, Діофантъ и Никомахъ). До самаго начала текущаго столѣтія сочиненіе Діофанта считалось самымъ крупнымъ представителемъ работъ въ области неопредѣленнаго анализа, предшествующихъ времени буквеннаго счисленія.

Математическое образованіе можетъ считаться однимъ изъ факторовъ культурности расы, такъ сказать, барометромъ ея умственнаго развитія. Если повѣрить Порфирію, утверждавшему, что финикіяне занимались „числами и вычисленіями“, то значитъ ихъ математическое образованіе не было уже такъ низко, какъ принято думать, и остается только пожалѣть, что мы не имѣемъ о немъ никакихъ данныхъ. Необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что факты повторенія уже сдѣланныхъ изслѣдованій, не замѣченныхъ по отсут-

¹⁾ Страбонъ III, 24.

ствію свѣдѣній, подтверждаются исторіей математики и считаются сотнями. Впрочемъ все это для нашихъ разсужденій, какъ увидимъ ниже, совершенно безразлично.

Цивилизація древней Финикія носила узко-утилитарный характеръ: все, что не служило интересамъ его торговли, финикійскій купецъ почти игнорировалъ. Вотъ почему, оставивши человѣчеству нѣсколько интеллектуальныхъ изобрѣтеній, по всей вѣроятности, безсознательно для самихъ себя, финикіяне не оставили ему ни одного художественнаго произведенія въ области литературы и искусства и ни одной философской идеи. Наука, философія, искусство, поэзія и, наконецъ, знаніе ради знанія—все это мы получили изъ Греціи; древній семитическій духъ по природѣ своей антифилософскій и антинаучный, да и вообще мудрость этой расы никогда не выходила изъ области притчи и пословицъ. Значить о наукѣ, какъ мы ее понимаемъ, не могло быть и рѣчи уже по одному тому, что ни Финикія, ни ея знаменитая колонія—Картагенъ не знали безусловной незыблемости законовъ природы. Но за то—еще разъ подчеркиваемъ это обстоятельство—усовершенствованіемъ чужихъ изобрѣтеній и популяризацией послѣднихъ среди народовъ древности финикіяне положили существенную основу для прочнаго упражненія человѣческой мысли и заслуги этой отнять у нихъ нельзя.

4. Искусство.

Еще менѣе успѣховъ оказали финикіяне въ искусствѣ. Если они создали торговлю и служили посредниками для сліянія различныхъ элементовъ культуры, то въ области искусства они не оставили никакихъ слѣдовъ творчества, являясь лишь неумѣлыми подражателями сосѣднихъ народовъ и находясь въ указанномъ отношеніи подъ цѣлой кашей чужеземныхъ вліяній?

Торгово-промышленное государство всегда обладаетъ идеализмомъ въ очень малой степени и художественные зачатки не получаютъ у него дальнѣйшаго развитія. Ужъ какое при этихъ условіяхъ можетъ быть творчество! Его замѣняютъ заимствованіе и восприниманіе. Тоже самое видимъ мы и въ древней Финикіи, которая не сумѣла даже выработать самобытной мифологіи. Отсюда отсутствіе оригинальности въ финикійскомъ искусствѣ, отразившемъ на себѣ слѣды вліяній египетскаго и ассирійскаго, что въ результатѣ привело къ какому то художественному дальтонизму.

При отсутствіи художественныхъ дарованій и не отличаясь глубиною мысли, финикіянинъ бралъ лишь то, что казалось ему удобнѣе приноровить къ своимъ потребностямъ. Онъ заимствовалъ у своихъ сосѣдей религіозныя миѣны, преданія и легенды и безъ всякихъ разговоровъ переносилъ ихъ на своихъ боговъ, которыхъ, въ свою очередь, создалъ по чужимъ образцамъ.

Древне-греческая религія, отчасти благодаря именно искусству, освободилась отъ варварства, облагородилась и сдѣлалась болѣе человѣчной. Эллины, обладая многосторонностью и богатствомъ фантазіи, могъ вызвать къ жизни вѣчно юныя образы гомеровскаго Олимпа, и воинственные, слегка развратные боги древняго грека—это тѣ же люди съ желаніями, чувствами и страстями, иначе говоря, олимпійцы были очеловѣчены; у кочующаго номада-семита, въ непосредственномъ общеніи съ пустыней, могло назрѣвать ученіе объ единомъ Богѣ, о самоотреченіи и о самыхъ возвышенныхъ идеалахъ человѣчества, но гдѣ, спрашивается, всему этому могъ научиться финикіянинъ, занятый своими барышами и торговыми расчетами?

А разъ не было самобытной миеологіи, не могло быть оригинальнаго творчества. Первоначально, какъ мы знаемъ, финикіяне были фетишистами и потому вмѣсто статуи бога поклонялись такъ называемому б е т и л ю. Этотъ бетиль считался обиталищемъ божества, какъ бы его храмъ, и роль его въ большинствѣ случаевъ игралъ какойнибудь неотесанный камень или иной предметъ, въ которомъ подозрѣвали присутствіе божественной силы. Определенной формы бетили не имѣли, хотя чаще всего они встрѣчались въ видѣ неправильнаго конуса.

Позже начинаются попытки представить изображенія боговъ въ человѣческомъ видѣ, но подобныя изображенія отличались крайней грубостью и носятъ совсѣмъ ремесленный характеръ, составляя въ нѣкоторомъ родѣ профанацію искусства.

Главная черта финикійской скульптуры—смѣсь египетскаго и ассирійскаго вліяній, а начиная съ V вѣка становится замѣтенъ греческій архаическій типъ. Но въ общемъ финикійское искусство мало тронута эллинизмомъ, да и явился онъ въ ту эпоху, когда Финикія перестала быть сама собой и политически, и культурно. Полное отсутствіе эстетическаго вкуса обнаруживаютъ памятники искусства древней Финикіи, которая, занятая своею коммерціей и связанными съ ней барышами, не могла создать національнаго искусства, предпочитая ухватиться за чтонибудь чужое да готовое, нежели почерпнуть самобытное творчество изъ глубины народнаго духа.

Но даже и заимствование сводилось лишь къ усвоенію внѣшнимъ образомъ чужестранныхъ произведеній искусства и безъ связи съ религиозными вѣрованіями, почему, будучи, такимъ образомъ, разнородными, эти произведенія не могли служить выраженіемъ одной общей идеи. Изъ множества подтверждающихъ высказанную мысль примѣровъ мы остановимся на одномъ, наиболѣе типичномъ.

При обзорѣ египетской религіи было говорено, что туземные боги, чтимые подданными фараоновъ, изображались то въ своей чело-вѣческой оболочкѣ, то въ животной, причемъ послѣдніе элементы комбинировались между собою во всевозможныхъ соотношеніяхъ. У Озириса—голова быка или ибиса, Бастъ—женщина съ кашачьей головой, у Хнума голова барана и т. п. Изображеніе божествъ съ ихъ звѣриными атрибутами въ Египтѣ развилось исторически: съ теоретическимъ развитіемъ своей религіи, египтяне стали приурочивать извѣстныхъ животныхъ къ извѣстнымъ богамъ, взирая на первыхъ, какъ на земное воплощеніе послѣднихъ; баранъ, на примѣръ, являлся какъ бы вмѣстилищемъ божественной силы Хнума, а его рога сдѣлались символомъ принадлежности къ изображенію названнаго божества. То же самое можно сказать и объ „сокровенномъ“ Аммонѣ, изображавшагося съ рогами меринуса.

Единственно въ силу подражанія, такъ сказать, здорово живешь, финикіяне сдѣлали своего Ваала „рогоносцемъ“, хотя это божество ни по характеру, ни по идеѣ не подходило къ Хнуму и Аммону. Очевидно заимствование производилось совсѣмъ механически и внѣ всякой связи съ вѣрованіями. Это ли не полнѣйшее отрицаніе искусства? А финикійскій сфинксъ—это мертворожденный скульптурный уродъ: съ женской головой и съ крыльями онъ менѣе всего похожъ на характернаго египетскаго сфинкса,—могучаго стража кладбища. Равнымъ образомъ было искажено и ассирійское вліяніе.

Одно изъ самыхъ оригинальныхъ и типичныхъ произведеній древне-ассирійской пластинки—левъ, подѣлкой художниковъ Сидона, превратился въ грубую ремесленную копію, обнаруживающую полное искаженіе заимствованнаго. Лишая произведенія иноземной культуры ихъ національнаго характера, при помощи сближенія ихъ съ памятниками другихъ народовъ, финикійскіе мастера въ своемъ стремленіи совмѣстить несомвѣстимое выказали полнѣйшее непониманіе того, что мы называемъ искусствомъ: въ представленіи ихъ созданныя чужой фантазіей божества не имѣли яснаго образа, а потому не могло быть и рѣчи объ художественномъ произведеніи заимствованнаго. Во многихъ случаяхъ видна смѣсь подражательности съ

попыткой дать свое оригинальное. Финикійскіе художники изображаютъ, напримѣръ, фигуры женщинъ въ тѣхъ же позахъ, какъ и египтяне, но даютъ уже не тѣ стройныя и чистыя линіи, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ египтянокъ, а фигуры болѣе массивныя и чувственныя съ выступающимъ переносемъ, широкими губами выдающимся подбородкомъ.

Реализмъ въ воззрѣніяхъ финикіянъ приводилъ ихъ къ тому, что они выдвигали все бросающееся въ глаза и преувеличивали крайности, представляя человѣческія фигуры въ позахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ греческимъ изяществомъ. Идеальныхъ фигуръ мы у нихъ не встрѣчаемъ. Отсутствие чувства мѣры, непониманіе изящества и недостатокъ вкуса болѣе всего выступаютъ въ ихъ фигурахъ божествъ, являющихся страшными уродцами, съ искаженными чертами лица, съ высунутыми языками и съ чудовищной смѣсю различныхъ природъ и половъ. Божокъ Безу, плюгавый, уродливый карликъ, вывезенный изъ южной Аравіи, — полная художественная безвкусица — былъ однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ произведеній финикійской пластики.

Что касается до финикійской архитектуры, то послѣдняя въ значительной степени обнаруживаетъ египетское вліяніе. Къ сожалѣнію, архитектурныхъ памятниковъ на почвѣ древней Финикіи почти не сохранилось и единственные остатки ихъ составляютъ маабеды (El Maabed), мегацили и бурди-эль-беззакъ (Burdi-el-Bezzak). Амритскій маабедъ, единственный изъ дошедшихъ до насъ въ цѣлости семитическихъ храмовъ, представляетъ довольно жалкое подражаніе египетскимъ храмовымъ постройкамъ. Судя по уцѣлѣвшему отъ окончательнаго разрушенія святилищу, можно думать, что весь храмъ состоялъ изъ окруженнаго стѣною двора съ портиками и колоннами. Селла (cella) монолитная, спереди камера прямоугольной формы имѣетъ дверь, увѣнчанную египетскимъ карнизомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что семитическій храмъ развился изъ палатки-скиніи.

Болѣе важное значеніе имѣютъ мегацили, — погребальные склепы, построенные отчасти въ скалахъ, отчасти на открытомъ пространствѣ. Склепы послѣдней категоріи стоятъ на цоколѣ, въ видѣ высокихъ цилиндровъ, зачастую въ нѣсколько уступовъ и съ пирамидальной верхушкой, свидѣтельствующей объ египетскомъ вліяніи. Наиболѣе выдающіеся изъ этихъ памятниковъ имѣютъ при основаніи полуфигуры львовъ, надъ ними два уступа съ зубчатымъ и ступенчатымъ вѣнцомъ и карнизомъ по образцу ниневійскихъ памятниковъ. Куполообразная верхушка также обличаетъ ассирійское вліяніе.

Что касается до памятника Burdi-el-Bezzak, то по изслѣдованію Gaillardot,—это погребальный склепъ, выстроенный для упокоенія богатой и знатной фамиліи.

И при разсмотрѣніи погребальныхъ сооруженій древнихъ финикіянъ опять таки бросается въ глаза чисто внѣшнее заимствование этихъ сооруженій отъ подданныхъ фараоновъ и отсутствіе всякой религіозной связи съ тѣми религіозными воззрѣніями, которыя вызвали надгробные постройки на берегахъ священнаго Нила. Колоссальная усыпальница фараоновъ, египетская пирамида, замѣнилась простымъ надгробнымъ памятникомъ, а саркофагъ былъ превращенъ въ маленькую гробницу.

Несмотря на отсутствіе художественной самостоятельности, постройки финикіянъ отличаются большимъ совершенствомъ техники. Сооруженныя ими стѣны, цоколи, фундаменты и дамбы кажутся какъ будто великанами изъ одной каменной массы: до того тщательно пригнаны отдѣльные камни. Къ числу такихъ построекъ можно отнести и вышеупомянутую круглую гробницу въ Амритѣ (Мараѣ) съ зубчатыми украшеніями и львиными фигурами.

Въ развалинахъ Баалбека исполинская работа свидѣтельствуемъ о высотѣ, достигнутой финикіянами въ качествѣ строителей; эта стѣна, окружающая акрополь, на которомъ римляне много времени спустя воздвигли одинъ изъ самыхъ величественныхъ храмовъ, какимъ они когда-либо украшали завоеванную провинцію.

Богатѣйшій храмъ страны, храмъ Мелькарта въ Тирѣ послужилъ образцомъ іерусалимскому храму „подъ арками котораго пѣлась уже намъ родная Псалтырь“. Изъ Ветхаго Завѣта мы узнаемъ, что архитекторы Тира и Сидона славились своимъ искусствомъ, и что постройка іудейскаго святилища производилась подъ ихъ руководствомъ. Исторія сохранила намъ даже имя одного такого строителя, зодчаго Хурамъ-а-би, который былъ командированъ своимъ правительствомъ въ помощь Соломону для сооруженія храма Іеговѣ. Въ виду того, что какъ сказано, моделью для постройки послѣдняго послужилъ храмъ тирскаго Геркулеса, а также принимая въ соображеніе, что сооруженіе еврейскаго святилища производилось по правиламъ, выработаннымъ зодчествомъ Финикіи и при посредствѣ ея архитекторовъ, считаемъ не лишнимъ сказать два слова объ его внутреннемъ устройствѣ: знакомясь съ послѣднимъ, мы въ то же время составляемъ себѣ довольно ясное понятіе о древне-финикійскомъ храмѣ, особенно, если примемъ въ расчетъ, что многія детали знаменитаго храма представляли точную копію финикійской церковной архитектуры. Зданіе

іерусалимскаго храма, обращенное фасадомъ на востокъ, имѣло въ длину шестьдесятъ локтей, въ ширину двадцать, а въ высоту тридцать. Стѣны были сложены изъ массивныхъ каменныхъ глыбъ, всѣ деревянные части сдѣланы изъ кедроваго лѣса, украшены рѣзбой и золотомъ. По свидѣтельству Библии, камни для храмовыхъ стѣнъ доставлялись на мѣсто постройки уже совсѣмъ обтесанными, такъ что „ни молота, ни тесла, ни всякаго другаго желѣзнаго орудія не было слышно въ храмѣ, при строеніи его“ ¹⁾. О толщинѣ стѣнъ указаній не имѣется. Внутренность храма дѣлилась на двѣ части: святое святыхъ (давирь) и святилище (гегаль). Въ первомъ находился ковчегъ завѣта подѣ крыльями двухъ херувимовъ, сдѣланныхъ изъ позолоченнаго дерева, а въ послѣднемъ стояли жертвенникъ, семисвѣчный свѣтильникъ и столъ для хлѣбовъ предложенія. Окна были прорѣзаны въ верхней части святилища, выступавшей надъ боковыми пристройками. „И пристроилъ ко всему храму боковыя комнаты, вышиною въ пять локтей; онѣ прикрѣплены были къ храму посредствомъ кедровыхъ бревенъ“ ²⁾. Въ этихъ комнатахъ хранились принадлежности культа. Во внутреннемъ дворѣ, противъ входа находились большой жертвенникъ для жертвъ всесожженія и девять водоемовъ, предназначенныхъ для омыванія различныхъ предметовъ, употребляемыхъ при жертвоприношеніяхъ ³⁾. Невысокая стѣна, украшенная вызолоченной бюлюстрадой изъ кедроваго дерева, отдѣляла этотъ внутренний дворъ отъ другаго двора, куда имѣли доступъ и непосвященные. Чтобы войти въ храмъ, необходимо было пройти подѣ портикомъ и между двухъ колоннъ изъ бронзы, называвшихся финикійскими именами Гахинъ и Воазъ.

Сравненіе указанныхъ размѣровъ съ величиной другихъ античныхъ и новѣйшихъ построекъ убѣждаютъ въ томъ, что сооруженіе Соломона далеко не заслуживаетъ тѣхъ восторженыхъ похвалъ, какими надѣляли его нѣкоторые писатели. На самомъ дѣлѣ храмъ этотъ значительно уступаетъ египетскимъ и халдейскимъ постройкамъ, хотя собственно для евреевъ, новичковъ въ дѣлѣ архитектуры, и эта финикійская работа могла казаться чудомъ искусства.

„Каково было строительное искусство финикіянъ — замѣчаетъ Гердеръ—видно по Соломонову храму, который едва ли можно сравнить съ египетскимъ, если ужъ двѣ бѣдныя колонны его восхваляются какъ чудеса“. Подѣ нынѣшней іерусалимскою мечетью Омара (Эль-

¹⁾ 3 Кн. Царствъ VI, 7.

²⁾ Ibid. VI 4, 10.

³⁾ 2 кн. Паралипъ, VI, 13.

Харамъ-эшъ Шерифъ), построенной на горѣ Моріа, сохранились еще своды Соломонова храма, составленные изъ громадныхъ монолитовъ; такъ какъ евреямъ доступъ въ мечеть запрещенъ, то они собираются у одной изъ стѣнъ ея, чтобы прочесть скорбный плачь Іереміи и прикоснуться къ стѣнѣ священнаго зданія.

Итакъ мы видимъ, что остатки финикійской архитектуры и ваянія далеко не поражаютъ тонкостью работы: напротивъ, вездѣ чувствуется рука ремесленника, для котораго не существуетъ оригинальнаго творчества.

„Въ дѣлѣ искусства—говоритъ профессоръ Сосинъ—финикіяне также мало отличались оригинальностью, какъ и евреи; лишь съ тѣхъ поръ, какъ Финикія подпала подъ владычество персовъ, въ ней стали систематически изучать и цѣнить искусство“. А извѣстный знатокъ Финикіи, Ренапъ (Renan) замѣчаетъ, что отличительной чертой памятниковъ финикійской архитектуры служить соединеніе массивной и величественной твердости, презрѣніе къ законченности въ деталяхъ какъ бы для того, чтобы легче было произвести общій эффектъ могущества и величія, и наконецъ, любовь къ монолитизму.

Перро, предпринявшій вмѣстѣ съ Шипье изданіе огромной „Histoire de l'art dans l'antiquité“, подчеркиваетъ параллель между искусствомъ и ремеслами финикіянь. Насколько въ первомъ они были вѣчными и притомъ плохими учениками сосѣдей, насколько въ немъ „вся ихъ оригинальность заключалась въ отсутствіи оригинальности“, настолько въ послѣднихъ достигли значительной высоты и усовершенствовались то, что было изобрѣтено на берегахъ Нила и Месопотаміи и во что греки вложили душу и идеаль¹⁾.

Та же смѣсь египетскаго съ ассирійскимъ обнаруживается въ области художественной промышленности и декоративнаго убранства. Такъ серебряная чаша украшена съ боковъ фигурами, представляющими охоту на льва,—обычный сюжетъ ассирійскихъ художниковъ, а дно ея—есть точная копія съ одного египетскаго памятника. Въ Финикіи между прочимъ получилъ сильное развитіе геометрической орнаментъ, примѣнявшійся для украшенія глиняныхъ вазъ. Но особенно замѣчательно примѣненіе крылатаго солнечнаго диска или пекторала, увѣнчивавшаго, какъ мы знаемъ, входы въ египетскіе храмы. Украшеніе это при дальнѣйшемъ развитіи получило форму одноглаваго и двуглаваго орла и въ позднѣйшее время сдѣлалось гербомъ

¹⁾ Тураевъ, «Очеркъ исторіи изученія финикійской древности» въ «Ист. Обзорн.» 1893. т. VI, 45.

европейскихъ государствъ, какъ эмблема государственной власти. Финикіяне усовершенствовали форму этого символическаго знака древне-египетской культуры и онъ, послѣ продолжительной эволюціи, сохранился до настоящаго времени. Египетско-ассирійскій отпечатокъ очень замѣтенъ и на капители одной изъ колоннъ; на ней изображенъ пектораль, а подъ нимъ два ассирійскихъ льва, однимъ словомъ, обычное стремленіе къ соединенію несоединимаго. Конечно, въ произведеніяхъ архитектуры и ваянія финикіянъ нельзя искать ни постепеннаго измѣненія въ стилѣ, какъ это бываетъ при всякомъ нормальномъ развитіи искусства, ни мѣстныхъ школъ, изъ которыхъ каждая представляла бы преимущественно одно изъ естественныхъ направленій зиждательной силы; финикійскіе зодчіе и художники повторяли одни и тѣ же типы съ рутинной легкостью ремесла, не черпающаго своего вдохновенія въ искусствѣ, одушевленномъ жизнью.

Изъ всего того, что было говорено выше о скульптурѣ и зодчествѣ древней Финикіи, не трудно сдѣлать выводъ, что искусство финикійскаго народа абсолютно лишено было всякаго національнаго характера, и не отражало въ себѣ духа націи, всецѣло погруженной въ свои торговыя расчеты и въ самомъ искусствѣ видѣвшей предметъ купли-продажи. Въ самомъ дѣлѣ, находчивый, ловкій, но лишенный творческаго генія торгошъ, смѣшивая въ одномъ предметѣ халдейско-ассирійскій стиль съ египетскимъ, лишалъ произведенія чужой культуры ихъ національной окраски, но за то умѣлъ приспособиться ко вкусамъ покупателей, и сбывая имъ различныя художественныя произведенія за цѣну, сравнительно, дешевую (ибо работа его была весьма несовершенная) способствовалъ такимъ образомъ ихъ распространенію. Тотъ, довольно странный въ семитѣ космополитизмъ, о которомъ мы упоминали при обзорѣ финикійской религіи, цѣликомъ отразился и на дѣятельности торгоша въ сферѣ произведеній архитектуры и ваянія.

Въ древнѣйшемъ періодѣ исторіи Финикія оказывала значительное вліяніе на Грецію, но только послѣдняя могла вдохнуть въ искусство идеаль. Всѣ европейскіе народы, достигшіе болѣе или менѣе выдающагося историческаго значенія, построили свое художественное творчество и развили его на почвѣ эллинскаго искусства. Безъ греческаго вліянія нельзя себѣ даже представить чистое, дѣйствительное развитіе художественнаго идеала въ искусствѣ, составлявшаго одно изъ существеннѣйшихъ явленій въ жизни греческаго народа и вліявшаго на условія и положенія индивидуума и цѣлой общины. Финикійское же искусство, какъ сказано выше, не могло возвыситься и

вдохнуть въ искусство идеаль, и поэтому навсегда осталось на ступени рутиннаго ремесла.

Да! Жестокая вещь это искусство!..

Раскопки, произведенныя въ Карфагенѣ изслѣдователями пунической древности въ настоящее время открываютъ тайны финикійскихъ могилъ и проливаютъ новый свѣтъ на темное прошлое Карфагена. Въ Дуимесскомъ некрополѣ, самомъ богатомъ въ научномъ отношеніи изъ всѣхъ некрополей, расположенныхъ между Бирсой и редутомъ Борджъ-Джедидъ, обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько статуэтокъ боговъ и богинь, большая часть которыхъ сдѣлана по египетскимъ образцамъ мѣстными финикійскими мастерами. Послѣдніе, сохраняя въ своихъ произведеніяхъ египетскій типъ, придавали имъ свой собственный финикійскій характеръ, довольно рѣзко отличающіеся отъ египетскихъ подлинниковъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не отмѣтить глубокое вліяніе Египта на древнюю пуническую цивилизацію: многіе предметы, найденные въ развалинахъ Карфагена, кажутся прямо перенесенными съ береговъ Нила.

Послѣднія раскопки, предпріятыя археологомъ Гауклеромъ, дали превосходные результаты; по всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени будетъ разрытъ уже весь древній карфагенскій некрополь. Открытыя до сихъ поръ карфагенскія могилы (здѣсь много потрудились французскій археологъ, патеръ Деляттръ) прекрасно сдѣланы, обширны, хорошо сохранились и почти всѣ имѣютъ греческій типъ. Раскопки, предпріятыя Гауклеромъ, представляютъ особенный интересъ тѣмъ, что надъ пуническимъ некрополемъ, на самыхъ могилахъ побѣжденныхъ карфагенянъ, римляне построили свой городъ, заступившій мѣсто финикійскаго Карфагена. Замѣчательно, что предметовъ изъ драгоценныхъ металловъ сохранилось здѣсь, сравнительно, много, что объясняется особымъ свойствомъ почвы въ карфагенской области, гдѣ не только вещи изъ кедра, но даже изъ серебра и бронзы только мѣстами оказываются истлѣвшими отъ времени.

Также интересны раскопки капитана Vincent и археологовъ Reinach, Babelon и Vernaz, которые всѣ были предшественниками Гауклера.

Фальбъ снялъ планъ съ развалинъ древняго Карфагена, служившій долгое время основаніемъ для производства очень многихъ работъ.

Раскопки и изысканія, производившіяся къ сѣверо-востоку отъ Туниса, близъ нынѣшней деревушки Сиди-бу-Саидъ, дали возможность обнаружить остатки подземной канализаціи, развѣтвленія которой могутъ служить къ уясненію понятія о направленіи древнихъ

улицъ; тамъ же были найдены погребальныя гробницы, статуэтки, фундаменты нѣкоторыхъ старинныхъ зданій и т. п.

5. Военное искусство.

Выгодное географическое положеніе и торговая политика древней Финикіи, частыя войны, веденныя ею въ связи съ защитой собственныхъ владѣній, съ раннихъ временъ сдѣлали необходимыми для нея образованіе и содержаніе сильнаго флота и сухопутной арміи. Но финикіяне были плохими солдатами и, какъ всякая торговая нація, чувствовали полнѣйшее отвращеніе къ военной службѣ, предпочитая лучше нести убытки отъ военныхъ расходовъ, чѣмъ выставлять національную армію, въ которой суммируются главнѣйшіе факторы, являющіеся зеркаломъ народа и придающими ему извѣстную фізіономію. Этимъ объясняется, что формою военнаго устройства, отвѣчающею интересамъ торговаго государства, является наемничество.

Морскія силы — палладіумъ финикійскаго величія — занимали главное мѣсто въ устройствѣ боевыхъ средствъ страны и были весьма значительны. Финикіяне славились во всемъ древнемъ мірѣ какъ превосходные матросы, неутомимые и опытные мореплаватели, для которыхъ водяная стихія была рабочимъ и боевымъ полемъ; служба во флотѣ являлась единственной, въ которой служили граждане въ качествѣ гребцовъ, матросовъ и морскихъ офицеровъ. Искусные и безстрашные моряки, они сохранили свое преобладаніе на морѣ вплоть до эпохи возникновенія эллинской колонизаціи, шедшей на встрѣчу распространенію колонизаціонной дѣятельности торгашей Тира и Сидона.

О состояніи военнаго искусства въ самой Финикіи намъ, къ сожалѣнію, извѣстно очень мало по той простой причинѣ, что обитатели ея не вели лично никакихъ сухопутныхъ войнъ, исключая, разумѣется, тѣхъ случаевъ, когда имъ приходилось запираяться въ крѣпостяхъ и, подъ защитой ихъ стѣнъ, вести оборонительную войну. Нельзя не отдать этимъ побочнымъ сынамъ Марса должной справедливости, что въ дѣлѣ обороны крѣпостей (а въ ту эпоху, какъ мы уже знаемъ, особенность военнаго искусства характеризуется перевѣсомъ обороны надъ атакой въ крѣпостной войнѣ) они выказали себя искусными военными инженерами. Салманассаръ V, Саргонъ и Навуходоносоръ, несмотря на тѣ огромныя средства, какія находились въ ихъ распо-

ряженіи, не могли взять Тира и даже самъ великій покоритель Азін, Александръ Македонскій долженъ былъ потратить цѣлыхъ семь мѣсяцевъ, чтобы овладѣть непокорнымъ городомъ. Какъ увидимъ ниже, во время этой осады тиряне сѣумѣли соорудить такія машины, что, осыпая осаждавшихъ градомъ раскаленныхъ желѣзныхъ ядеръ, причинили имъ большія потери и едва не принудили македонянъ къ снятію осады. Ихъ упорная защита дала въ послѣдствіе историкамъ поводъ утверждать, что въ изобрѣтеніи машинъ жители Тира оказались гораздо искуснѣе, чѣмъ побѣдоносная армія Александра.

Состояніе долговременной фортификаціи въ Кароагенѣ можетъ считаться по всей справедливости образцовымъ. Столица области была сильной крѣпостью. Къ старинной цитадели примыкали стѣны въ пятьдесятъ футовъ высоты и тридцать футовъ толщины, которыя окружали сначала старый городъ съ его узкими улицами и высокими домами, и гавани, а въ послѣдствіи также и предмѣстье на плоской возвышенности къ сѣверу отъ цитадели и стараго города, Магалію, снабжавшуюся водою посредствомъ проведеннаго съ горы Цагуанъ и имѣвшаго десять миль длины водопровода. Къ обширнымъ гаванямъ Кароагена, укрѣпленнымъ по всѣмъ правиламъ тогдашняго военнаго инженернаго искусства, доступъ былъ возможенъ только съ южной стороны. Необходимо было пройти мимо высокой искусственной плотины, и уже потомъ, если цѣпь при входѣ была опущена, вступить въ переднюю гавань Мандракію, представлявшую обширный четырехугольный бассейнъ, окруженный двойной стѣной, при чемъ задняя стѣна имѣла видъ дугообразной линіи. Изъ Мандракіи узкій проходъ велъ въ военную гавань, Котонъ, имѣвшую форму правильнаго круга и окруженную высокими стѣнами. Въ этой гавани могло расположиться до двухсотъ двадцати военныхъ судовъ. Стѣны имѣли два яруса со сводами и въ нихъ находились помѣщенія для защитниковъ (нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ казематовъ), а въ подвальномъ этажѣ крѣпостныхъ стѣнъ были устроены стойла для четырехъ тысячъ лошадей и для трехсотъ военныхъ слоновъ, составлявшихъ превосходно дрессированную элѣфантерію. Тутъ же, по близости, находились главнѣйшіе провіантскіе магазины.

Фланкированіе достигалось посредствомъ многочисленныхъ выступовъ, на которыхъ устанавливались деревянныя башни для стрѣлковъ. Расположеніе и связь отдѣльныхъ частей крѣпости были такъ хорошо предусмотрѣны и исполнены, и все зданіе ея имѣло видъ такой несокрушимости, что, казалось, смѣло могло противостоять самымъ отчаяннымъ усиліямъ осадныхъ орудій тогдашняго времени.

Не менѣ сильны были укрѣпленія, построенныя караегено-финикіянами для защиты своихъ складочныхъ мѣстъ и факторій. Упомянутыя укрѣпленія частью состояли въ каменныхъ стѣнахъ, тянувшихся на значительномъ протяженіи вдоль границъ, частью же въ сторожевыхъ башняхъ, построенныхъ на возвышенностяхъ. Главными же крѣпостями купцовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжищами на случай непріятельскаго нападенія, служили прибрежные острова, снабженные соответственными укрѣпленіями, иногда довольно значительными.

Такимъ образомъ военно-инженерное искусство, въ смыслѣ развитія техники осадной войны, было поставлено прекрасно какъ въ самой Финикіи, такъ равно и въ ея знаменитой колоніи. Со всѣмъ тѣмъ, какъ уже сказано, военное дѣло не пользовалось особымъ почетомъ у этой меркантильной націи: изъ купца, поставившаго цѣлью своей жизни наживу, невозможно сдѣлать порядочнаго солдата, привязаннаго къ своему знамени и ставящаго выше всего исполненіе долга, не говоря уже про то, что вооруженный человѣкъ и солдатъ еще не синонимы. Не мудрено, что питавшіе отвращеніе къ военно-сухопутному дѣлу караегеняне предпочитали покупать за деньги помощь отличной испанской (иберійской) пѣхоты, балеарскихъ пращниковъ, летучей нумидійской конницы, ливійцевъ и галловъ, назначая только предводителей этой пестрой арміи и офицеровъ. Несмотря, однако, на всю солдатскую пригодность подобнаго строевого матеріала для производства боевыхъ операцій, именно эти-то войска нерѣдко становились для караегенянь чрезвычайно опасными. Не говоря уже про то, что веденіе войны наемными войсками стоило страшно дорого и что въ критическіе моменты часто проходило драгоцѣнное время, прежде, чѣмъ успѣвали приступить къ найму этихъ ландскнехтовъ,—кромѣ всего этого Караегену слишкомъ часто приходилось испытывать, до какой степени чисто солдатское чувство чести и сознание долга стоять ниже той моральной силы, которая одушевляетъ національную армію. За исключеніемъ выговоренной наемной платы и надежды на богатую добычу не существовало никакой связи, которая привязывала бы этихъ наемниковъ къ караегенскому дѣлу,—въ наемникѣ рано или поздно просыпался задавленный дисциплиной звѣрь—и только нужно отдать честь караегенскимъ полководцамъ, которые своимъ личнымъ обаяніемъ умѣли приковать къ своему дѣлу навербованныя войска и внушить имъ энтузіазмъ¹⁾. Эти Ганноны, Магоны и, особенно, Баркиды, должности которыхъ переходили по наслѣдству,

¹⁾ Герцбергъ. «Исторія Рима» т. I, 162.

и которые, можно сказать, культивировали прирожденный инстинкт военной расы въ своихъ потомкахъ, оказали неоцѣненную услугу Картегену, расширивъ его политическое и колониальное могущество и задержавъ, насколько было возможно, паденіе африканской столицы.

Подобно своей метрополіи, Картегенъ былъ созданъ для счета, покупки и продажи, но не для войны. Его борьба съ Римомъ обозначаетъ, впрочемъ, одну изъ наиболѣе прославленныхъ исторіей эпохъ, *эпоху Пуническихъ войнъ* (264—146). Этотъ неравный поединокъ окончился не безславно, такъ какъ ожесточеніе римлянъ, съ какимъ они разрушали непріятельскій городъ, доказало, какъ они его боялись, даже побѣжденнаго, опасаясь, что изъ него можетъ появиться другой Аннибалъ. Величайшій изъ сыновъ Картегена въ теченіе семнадцати лѣтъ колебалъ судьбу Рима и послѣдній за время этой грандіозной борьбы не могъ выдвинуть ни одного полководца, котораго можно было бы сравнить съ гениальнымъ героемъ Каннъ. Его противникъ Сципіонъ, несмотря на Заму — это картегенское Ватерло — пигмей передъ Аннибаломъ, подобно тому какъ побѣжденные художники войны Наполеонъ и Ли — гиганты сравнительно съ побѣдителями Веллингтономъ и Грантомъ. Непонятый и не поддержанный правящимъ купечествомъ, безъ средствъ, безъ союзниковъ, съ крошечной арміей, исполненный дивнаго величія противникъ римлянъ нанесъ имъ такія раны, которыя они никогда не могли залѣчить вполнѣ. Такой дорогой цѣной Римъ никогда еще не платилъ за спасеніе своей будущности и своего преобладающаго мірового положенія! Непоколебимое упорство, холодное геройское мужество, та желѣзная стойкость, которая нѣкогда сломила Пирра и, наконецъ, практическій тактъ и энергія сломили силу гениальнаго вождя картегенянъ и обусловили перевѣсъ Рима.

Мы не можемъ здѣсь долго останавливаться на личности и значеніе Аннибала: для этого пришлось бы излагать всю 2-ю пуническую войну, имѣющую лишь косвенное отношеніе къ предмету и къ тому же обладающей спеціальной литературой, входить въ разсмотрѣніе которой мы не будемъ, такъ какъ оно не вызывается цѣлью предлагаемаго сочиненія.

Равнымъ образомъ мы не станемъ говорить о вооруженіи и боевомъ снаряженіи финикіянъ, потому что они, какъ указано выше, подобно своимъ сородичамъ-картегенянамъ, въ сухопутныхъ войнахъ лично не участвовали, довольствуясь покупкой чужой крови, а, слѣдовательно, вооруженіе, снаряженіе и организація арміи принадлежали не имъ, а наемнымъ войскамъ.

Можно упомянуть только о боевых колесницах, существовавших только въ Финикии (и то въ эпоху древнѣйшую) и въ качествѣ военной утвари заимствованныя у нихъ евреями, вождь которыхъ Гуда, въ борьбѣ съ хананеями, хотя и „овладѣлъ горой, но жителей долинъ не могъ прогнать, ибо у нихъ были желѣзныя колесницы“¹⁾. Карѳагенъ же совсѣмъ не зналъ колесницъ и главнымъ образомъ потому, что къ эпохѣ его политическаго и торговаго величія названная военная утварь уже являлась историческимъ анахронизмомъ.

Какъ на образецъ тактическаго искусства карѳагенянь слѣдуетъ указать на побѣду ихъ при Тунисѣ (255 г.) надъ пятнадцатитысячной арміей римскаго консула М. Атилія Регула²⁾. Мы выдвигаемъ это сраженіе по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что побѣда была одержана на африканской почвѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ столицы, а во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что большую часть арміи составляли карѳагенскіе граждане—почти единственный случай за всю исторію знаменитой финикійской колоніи.

Упомянутаго сраженія мы коснемся лишь въ общемъ очеркѣ.

Превосходный знатокъ военнаго дѣла, опытный и въ высшей степени свѣдующій офицеръ-тактикъ, спартаецъ Ксантипъ, согласившійся за богатое вознагражденіе принять постъ главнокомандующаго пунической арміей и сумѣвшій пріобрѣсти довѣріе подзрительнаго карѳагенскаго сената, мастерски построилъ вѣренное ему войско (12.000 пѣхоты, 4.000 конницы, и 100 военныхъ слоновъ) на позиціи у Туниса. Впереди всей арміи онъ выставилъ элѣфантерію, по бокамъ которой были развернуты массивныя квадраты нумидійской конницы, а собственно карѳагенская фаланга съ частью наемныхъ войскъ составляла нѣчто въ родѣ резерва, долженствовавшего поддерживать развернутую боевую линію. Конечно, Регулъ могъ еще отступить въ свой укрѣпленный лагерь, къ Клупеѣ и тамъ подождать прибытія изъ Италіи своего товарища, но онъ понадѣялся на собственныя силы и увлекся желаніемъ схватить новыя лавры, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія дѣлить ихъ съ кѣмъ бы то ни было.

Здѣсь повторилось то же самое, что всегда и вездѣ бываетъ: высокоуміе предшествовало паденію.

А между тѣмъ Ксантипъ убѣдилъ сенатъ, что въ недавнихъ неудачахъ виноваты сами карѳагеняне, такъ какъ они сражались въ

¹⁾ Кн. Судей. I, 19.

²⁾ Само собой разумѣется, что мы исключаемъ Тичино, Треббію, Тразименское озеро, Канны и вообще всю 2-ю пуническую войну, веденную такимъ выдающимся военнымъ гениемъ, какимъ былъ Аннибалъ.

мѣстностяхъ гористыхъ и лѣсистыхъ, гдѣ, разумѣется, не могли развернуть нумидійскую конницу и пустить въ дѣло слоновъ. По мнѣнію спартанца, необходимо избирать полемя сраженія открытыя пространства, дабы подставить противнику сильную сторону, уклонивъ слабую, т. е. онъ настаивалъ на чисто тактическомъ принципѣ примѣненія къ мѣстности.

Соображенія Ксантиппа были одобрены сенатомъ и онъ получилъ разрѣшеніе дѣйствовать по усмотрѣнію. Регуль, со своей стороны, плотно и глубже сомкнулъ ряды римской пѣхоты, дабы отразить натискъ слоновъ, а на флангахъ поставилъ свою конницу, поддерживавъ ее отрядами легковооруженной пѣхоты, т. е. принялъ боевой порядокъ такой же, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ это было сдѣлано консуломъ Маніемъ Куріемъ Дентатомъ при Беневентѣ противъ эфиротской арміи Пирра (275 г.). Но на этотъ разъ повторить Беневентскій маневръ не удалось, ибо обстановка была уже не та ¹⁾, да и самъ Регуль не могъ тягаться съ такимъ даровитымъ военачальникомъ, какимъ былъ Ксантиппъ. Спартанскій вождь, сообразившій, что укороченный фронтъ римской арміи дѣлаетъ возможнымъ охватъ ея съ фланговъ, началъ сраженіе тѣмъ, что пустилъ въ атаку великолѣпную нумидійскую конницу, подъ страшнымъ массовымъ напоромъ которой италійская кавалерія, разбитая на голову, быстро разсѣялась. Въ то же время правый флангъ и центръ арміи Регула понесли сильныя потери отъ слоновъ, которые прорвали фронтъ римскаго войска и хотя легіоны лѣваго фланга при помощи энергичной контръ-атаки смяли африканскихъ наемниковъ, а центръ, пробившись черезъ непріятельскую элѣфантерію, умѣло направляемую магутами, атаковалъ еще свѣжую кареагенскую фалангу, но тѣмъ не менѣе побѣдоносная нумидійская конница, слѣдуя указаніямъ Ксантиппа, лично руководившаго ходомъ боя, во всю прыть коней атаковала тылъ и фланги римлянъ, которые, не смотря на геройскую защиту и индивидуальную храбрость легіонеровъ, потерпѣли полное пораженіе. Только двѣ тысячи челоувѣкъ лѣваго фланга спаслись бѣгствомъ въ укрѣпленный лагерь Клупеи, остальные были или истреблены, или вмѣстѣ со своимъ консуломъ захвачены въ плѣнъ.

Конечно, вѣнецъ побѣды, по справедливости, принадлежалъ Ксантиппу, какъ образцовому главнокомандующему, покрывшему себя неуваждаемой славой и доказавшаго еще не разъ свои замѣчательные

¹⁾ Ср. дѣйствія Макъ-Магона подъ Вѣртомъ, когда онъ пытался повторить Маджентскій маневръ.

военные таланты впоследствии на службѣ у Лагидовъ, но стойкое мужество кареагенской фаланги, стоявшей непоколебимо подъ желѣзнымъ напоромъ легионовъ и лихая кавалерійская атака „сыновъ степей“—нумидійцевъ также не мало способствовали выигрышу Туннискаго сраженія, въ которомъ такъ трагически погибла прекрасная армія Атилія Регула.

Итакъ мы видимъ, что при умѣломъ руководствѣ и направленіи свыше, на вербованная и лишенная всякой внутренней связи кареагенская армія могла одерживать побѣды, да еще какія! Отсюда понятно, почему придается такое огромное, рѣшающее значеніе личному творчеству главнокомандующаго: объединить эту разнокалиберную, вѣчно недовольную и волнующуюся массу, привязать ее къ себѣ личными качествами, вдохнуть въ нее увѣренность въ успѣхъ и, наконецъ, въ предѣлахъ обстановки, умѣло распорядиться стратегическими и тактическими элементами, составляющими, какъ бы сказать, корень вещей,—это чего нибудь да стоитъ!

Продажные, хищные ландскнехты, лишенные всякой нравственной узды, думавшіе только о грабежѣ и объ увеличеніи наемной платы и вдобавокъ предававшіеся въ солдатской школѣ невѣроятной распущенности, подъ руководствомъ талантливыхъ военачальниковъ преобразовывались въ настоящихъ военныхъ исполиновъ, съ которыми не всегда могли тягаться римскіе легионеры.

Ганноны, Магоны и Баркиды, воплощая въ себѣ прирожденные качества военной расы, сослужили своей родинѣ великую службу: ими и только ими покорены Сардинія, Корсики и Испанія, ими отсрочено паденіе Кареагена и они же, наконецъ, окружили стертое съ лица земли семитическое государство тѣмъ ореоломъ военной славы, который во всѣ вѣка останется въ памяти потомства. И это все достигнуто наемными войсками, разнохарактерными по составу, часто не понимавшими другъ друга и служившими ради жалованія и добычи. Чего же нельзя было бы достигнуть при наличности національной арміи, крѣпкой внутренней связью, одушевленной патріотизмомъ и видящей въ войнѣ не ремесло, а исполненіе священнаго долга передъ отечествомъ?

Максъ Іенсъ справедливо замѣчаетъ, что для обыкновеннаго кареагенскаго офицера наемникъ имѣлъ не большую цѣну, чѣмъ въ настоящее время для насъ граната ¹⁾, иначе говоря, онъ служилъ только оружіемъ, обращеннымъ противъ кого прикажутъ.

¹⁾ Максъ Іенсъ. «Военное дѣло и народная жизнь», пер. Шульмана подъ редакціей А. К. Пузыревскаго. 1898, стр. 198.

6. Торговля и промышленность.

На древнемъ Востокѣ существовало три наиболѣе крупныхъ и производительныхъ пункта: Египеть, Халдея и южная Аравія, и главными, а иногда единственными посредниками между ними сдѣлались финикіяне, въ сферу торговли которыхъ входилъ весь тогдашній культурный міръ и даже многіе страны, лежавшія за его предѣлами. Не смотря на то, что въ Египтѣ и Халдеи промышленность стояла на довольно высокой ступени развитія и произведенія ея пріобрѣли себѣ заслуженную славу на Востокѣ, производство торговыхъ операций и вообще промышленная предприимчивость остались совершенно чуждыми обѣимъ названнымъ странамъ. Поэтому финикіяне захватили въ свои руки торговыя сношенія между восточными народами и сдѣлались поставщиками всего того, въ чемъ испытывали необходимость ихъ сосѣди и единоплеменники.

Такимъ образомъ благоприятными историческими условіями, выдвинувшими финикіянь на арену ихъ торговой дѣятельности слѣдуетъ считать центральное положеніе страны между двумя очагами культуры, да и вообще географическое положеніе сѣвернаго Ханаана было чрезвычайно удобно для торговыхъ сношеній: въ Сиріи скрещивались пути изъ Египта, главные склады котораго находились въ сирійскомъ Дамаскѣ и въ финикійскихъ городахъ, и изъ Вавилона, откуда товары, двигаясь сначала въ вверхъ по Ефрату, направлялись затѣмъ въ долину Оронта. Естественно, что Финикія, лежавшая въ фокусѣ этихъ путей, соединявшихъ культурныя страны, не могла не пользоваться выгодами такого положенія, которое создало изъ нея торговый центръ тогдашняго міра. При помощи многочисленныхъ каравановъ и судовъ финикіяне вели одновременно какъ сухопутную такъ равно и морскую внѣшнюю торговлю и въ той, и въ другой получали значительные барыши. На Финикіи какъ будто оправдывалось извѣстное выраженіе Адама Смита, что „свобода торговли—лучшая защита отъ голода“.

Всѣ дороги, ведущія на Западъ съ большихъ рынковъ крайняго Востока, изъ Индіи, Бактріи, Халдеи, Аравіи и Арменіи сходились въ финикійскихъ городахъ Тирѣ и Сидонѣ, задававшими тонъ экономической жизни страны.

Торговля финикіянь получила такіе обширные размѣры, какіе только были возможны въ древности, хотя, безъ сомнѣнія, не могла мечтать о какомъ бы то ни было сравненіи съ современной всемірной торговлей уже по одному тому, что она сосредоточивалась главнымъ

образомъ вокругъ бассейна Средиземнаго моря, которое, въ сравненіе съ океаномъ, не болѣе какъ озеро. Правда, торгошн Тира и Сидона выходили изъ Средиземнаго моря и проникали не только въ Красное море и Персидскій заливъ, но и въ Атлантическій океанъ, но свои поѣздки они облакали такой таинственностью, что на счетъ дѣйствительнаго предѣла финикійскихъ путешествій существуютъ только гипотезы.

Объ ихъ плаваніи вокругъ Африки, предпринятымъ по инициативѣ фараона Нехао, было упомянуто при изложеніи исторіи XXVI египетской династіи.

Морская торговля финикіянь доходила до устьевъ Инда, до Каситеридовъ или Оловянныхъ острововъ (нынѣ Сорлинггенскіе) и до знаменитаго въ древности Офиря. Что называлось этимъ именемъ трудно сказать съ точностью; надо полагать, что оно было родовымъ именемъ для обозначенія изобильной страны, и, принимая объясненіе Геерена, допустить, что названіе Офиръ было общимъ наименованіемъ богатыхъ южныхъ странъ побережья Аравіи, Африки и Индіи. Равнымъ образомъ предполагаютъ, что страна Офиръ есть мѣстность, находящаяся къ сѣверу отъ Трансваала, Матабеле, названная теперь Редесіей по имени Сесила Родса, завоевавшего ее для своей chartered Company.

Какое изъ приведенныхъ предположеній ближе подходитъ къ истинѣ—весьма трудно дать опредѣленный отвѣтъ при современномъ состояніи науки ¹⁾.

Древнія преданія сообщаютъ объ открытіи финикіянами необычайно плодородныхъ острововъ съ прекраснымъ климатомъ (Счастливые острова), подъ которыми безъ сомнѣнія слѣдуетъ подразумѣвать Мадеру и о-ва Канарскіе. Южнымъ продѣломъ ихъ экспедицій можно считать мысъ Доброй Надежды, открытый только въ XV столѣтіи Варроломеемъ Діацомъ; до тѣхъ поръ человѣчество не могло воспользоваться результатами путешествія финикіянь вокругъ Африки, которые такимъ образомъ были утеряны на долго.

Сухопутная торговля шла по слѣдующимъ направленіямъ: 1) изъ Финикіи въ Египетъ, Іемень и Арамъ-Нахаранну; 2) отъ устьевъ Сены до устьевъ Роны; 3) отъ Одера до По; 4) изъ Финикіи въ Месопотамію, причемъ у Кархемыша путь раздѣлялся на вавилонскій и ниневійскій и 5) изъ Харрана въ Арменію и Колхиду.

¹⁾ Въ Матинделѣ, на восточномъ берегу Африки находятся золотоносныя земли Зимбабве (Офиръ?), находившіяся подъ сильнымъ пуническимъ вліяніемъ. Формы для слитковъ, найденныхъ въ мусорѣ вблизи Зимбабве, имѣютъ одинаковую форму со слиткомъ олова, найденнымъ въ Фальмутѣ, въ Англии.

Торговля финокіянъ была транзитной и, имѣя мѣнливой характеръ, состояла преимущественно въ обмѣнѣ мануфактурныхъ товаровъ на сырые продукты. Только послѣ долгихъ сношеній съ сицилійскими греками, сородичи финикіянъ, карагеняне, рѣшились, наконецъ, ввести у себя металлическую монету, причемъ послѣдняя, будучи простымъ подражаніемъ сицилійской обращалась только на этомъ островѣ ¹⁾.

Само собой разумѣется, что страсть къ наживѣ всецѣло господствовала въ сношеніяхъ съ покупателями; корыстолюбивый таргашъ считалъ своей непремѣнной обязанностью надуть ихъ, когда видѣлъ, что обманъ онъ можетъ сдѣлать безнаказанно. Безхитростные дикари за какую нибудь погремушку давали такую массу золота или серебра, что барышъ достигалъ чудовищныхъ размѣровъ.

Но какъ ни была прибыльна сухопутная торговля, однако финикіяннинъ предпочиталъ ей морскую. Его родной стихіей было море; тамъ онъ не зналъ соперниковъ, и не только не боялся разбойничать, но и при случаѣ не брезгалъ пополнять выгоднымъ грабежомъ свою и безъ того туго набитую кошницу, не дѣлая особаго различія между торговлей и пиратствомъ, обманомъ и грабежомъ.

Для наглядности приводимъ составленную нами таблицу тѣхъ странъ, которыя, благодаря посредничеству финикійскихъ купцовъ, принимали участіе въ снабженіи тогдашняго міра произведеніями своей промышленности.

1. Египетъ отпускалъ пшеницу, полотна, тонкую пряжу, шерстяныя матеріи, стеклянныя и гончарныя издѣлія, письменные матеріалы и сафьянъ.

2. Изъ Аравіи, торговля съ которой велась черезъ посредство маданитянъ и идумеевъ, перевозившихъ тирскіе и сидонскіе товары до самой Макарабы (Мекки) доставлялись: шерсть, ладонъ, душистыя смолы, пряности, смирна, ониксъ, агатъ, драгоценныя камни, жемчугъ, корица и золото.

3. Халдея снабжала финикіянъ шелкомъ, дорогими тканями, бронзой, предметами роскоши, невольницами для гарема и парфюмерными принадлежностями.

4. Съ береговъ Краснаго моря доставлялись золото, слоновою кость, черное дерево и страусовыя перья.

5. Изъ Западной Африки привозился хлѣбъ, шерсть, камень, золото, шкуры пантеръ и т. п.

¹⁾ P. Lenormant «La monnaie dans l'antiquité», 139.

6. Изъ Арменіи шли лошади, мулы, колесницы, невольники, сѣрый мраморъ (bolus), квасцы и сѣра.

7. Сирія отпускала хлѣбъ, оливковое масло, пшеницу, медь, строевой лѣсъ съ Ливана (кипарисъ и кедръ), гилеадскій бальзамъ, некотъ и хемаръ (асфальтъ).

8. Малая Азія,—хлѣбъ металлы, мраморъ, рогатый скотъ, лошадей, рабовъ.

9. Изъ Западной Индіи шли корица, бальзамъ, черное дерево, слоновая кость, драгоценные камни, золото, павлины, обезьяны, курительныя смолы и благовонія, перламутръ, аметисты, различныя декоративныя растенія, фрукты и т. п.

10. Колхида снабжала финикіянъ пурпуромъ, свинцомъ, оловомъ, янтаремъ, рыбой (скумбрія), невольниками и произведениями мѣстной промышленности.

11. Островъ Кипръ доставлялъ мѣдь, желѣзо, квасцы, агатъ, строевой лѣсъ, вино и маслину.

12. Иберія (Испанія), „финикійская Перу“ отпускала въ большомъ количествѣ серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ, бирюзу, шерсть и рыбу.

13. Островъ Тринакрія (Сицилія) отпускала главнымъ образомъ оливковое масло и вино.

14. Съ острова Корсику привозились преимущественно воскъ и медь.

15. Островъ Мелитъ (Мальта) снабжалъ финикіянъ прекрасными тканями и матеріями.

16. о. Эльба доставляла желѣзо, которымъ и нынѣ славится островъ.

17. Съ береговъ Одера привозили столь цѣнный въ древности янтарь (электронъ).

18. Бухара доставляла въ значительномъ количествѣ шелкъ.

19. Островъ Цейлонъ—корицу, благовонія, драгоценные камни и пряности.

20. Британія—олово.

21. Мелось

22. Низиръ

23. Гіарось

24. Итанось

Цилеадскіе
острова.

Сѣра, квасцы, пурпуръ, сукновальная глина, различныя дорогія матеріи, невольницы для гарема, фрукты и маслина.

25. Съ острова Эллисы привозили пурпуръ.

26. Съ острова Тазоса—золото.

27. Изъ сѣвернаго Ирана—драгоценные камни, главнымъ образомъ, жемчугъ.

28. Дамаскъ снабжалъ финикіянь хесбонскимъ виномъ и бѣлой шерстью.

29. Иудея доставляла пшеницу „минниоскую“, деревянное масло, бальзамъ и медь.

30. Ассирія отпускала оружіе, боевыя колесницы, шелковыя и узорчатыя матеріи.

31. Нахаранна снабжала Финикію пурпурными тканями, кораллами и рубинами.

32. Сѣверная Африка доставляла хлѣбъ, финики, мѣха, золото и драгоценныя камни.

33. Изъ Нубіи привозились слоновая кость, страусовыя перья, душистыя смолы, невольники, шкуры пантеръ, нубійская пшеница, бальзамъ, золото и черное дерево.

Ловкіе, подвижныя и находчивыя купцы доставляли тѣмъ странамъ, съ которыми они вели торговлю все то, въ чемъ онѣ только нуждались: ткани для платья, пурпуръ, шерсть, вино, масло, янтарь, невольницъ, рабовъ и т. п. Конечно, чтобы удовлетворить такому обширному спросу, необходимо было ѣздить за товарами въ далекія страны, а это требовало необыкновенной предприимчивости и чрезвычайной смѣлости.

Первое, что бросается въ глаза при внимательномъ изученіи торговой исторіи финикіянь—это то предпочтеніе, которое отдавалъ этотъ практическій и сухой народецъ экономическому обладанію странами, богатыми золотомъ и серебромъ передъ мѣстностями, имѣющими другіе источники богатства. Тамъ, гдѣ находилась золотая или серебряная руда, торгаши прилипали къ ней какъ мухи къ меду, находя въ разработкѣ и эксплуатаціи рудниковъ свою прямую выгоду, перевѣшивающую обычный обмѣнъ товаровъ, въ которомъ барышъ не былъ столь значительнымъ. Очевидно здѣсь дѣйствовалъ основной экономической законъ: наименьшая затрата силъ съ наибольшей доходностью.

Вообще, дѣйствуя то какъ мирныя купцы, то какъ безпощадныя корсары, смотря по тому, на чьей сторонѣ было численное превосходство, финикіяне плавали вдоль береговъ или отъ одного острова къ другому въ поискахъ за прибыльными сдѣлками.

Взаимныя отношенія древне-восточныхъ государствъ, конечно, опредѣлялись не международнымъ правомъ, о соблюденіи котораго не могло быть и рѣчи въ ту эпоху, равно какъ и о *Consolato dal mare*, введеннаго въ морскія государства лишь въ средніе вѣка: въ то время, о которомъ мы говоримъ, здоровый кулакъ и мускулистая

рука считались самыми лучшими доказательствами права, и финикіяне, при случаѣ, отлично пользовались подобнымъ реальнымъ воззрѣніемъ въ интересахъ собственнаго барыша, для полученія котораго считались дозволенными всѣ средства.

Нельзя сказать опредѣленно, гдѣ былъ крайній предѣлъ, за который не заходили самые отважныя экспедиціи торгашей Тира и Сидона. На Атлантическомъ побережьи Африки, ихъ торговля простиралась, по меньшей мѣрѣ, до Сенегала, а на карабляхъ фараона Нехао, какъ мы уже знаемъ, они обогнули весь черный континентъ. Мысль Доброй Надежды можно считать южной границей торговыхъ сношеній Финикіи, одно имя которой стало какъ бы символомъ торговли: въ самомъ дѣлѣ, она служила важнѣйшимъ портомъ Азіи и при ея посредствѣ ввозились товары изъ странъ отдаленныхъ, а черезъ нея отправлялись произведенія материка. Тѣмъ не менѣе торговля и мореходство, доставившія Финикіи всемірно-историческое значеніе, очень часто преувеличиваются. Финикіяне прежде всѣхъ западныхъ народовъ Стараго свѣта совершали плаванія по морю и развили мореходное искусство, но врядъ ли можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они лишь въ позднѣйшее время достигли сѣверо-западныхъ береговъ Европы, гдѣ они добывали олово на Британскихъ островахъ. Цѣннымъ въ древности на вѣсь золота янтарь, они конечно не сами добывали въ Балтійскомъ морѣ, а покупали его на берегахъ Нѣмецкаго моря, куда онъ доходилъ черезъ мѣновую торговлю между жителями сѣверной Германіи ¹⁾.

Желая сохранить за собою прибыльную торговлю, финикійскіе купцы не желали, чтобы чужестранные корабли ходили вслѣдъ за ихъ судами; ихъ стремленіе, основанное на личной выгодѣ, было направлено къ тому, чтобы по возможности ограничить число конкурентовъ. Съ этой цѣлью они распространяли всякаго рода сказки и басни о тѣхъ ужасныхъ опасностяхъ, которымъ будто бы въ океанѣ подвергались мореплаватели. Такъ они рассказывали, что за Геркулесовыми Столбами (Гибралтарскій проливъ) море густо, какъ студень, и что, если плыть дальше, то приходится отбиваться отъ морскихъ чудовищъ, извергающихъ пламя. Бывали примѣры, что финикіяне нарочно сбивали съ дороги чужеземный корабль, если онъ слѣдовалъ за ними, чтобы освѣдомиться объ ихъ пути и почти всегда достигали того, что судно или садилось на мель или разби-

¹⁾ См. весьма интересное изслѣдованіе В. А. Тураева «Вопросъ о Финикіянахъ въ Балтійскомъ морѣ».

валось о подводные камни. Страбонъ сообщаетъ, что кареагеняне такъ ревниво оберегали путь къ Касситеридамъ (оловянные теперь Сорлингенскіе о—ва), что нарочно навели свое судно на мель, чтобы погубить римскій корабль ¹⁾.

При плаваніи финикійскіе моряки руководились „полярной звѣздой“,—вѣрной путеводительницей во время ночныхъ экскурсій и въ указанномъ отношеніи проявили болѣе вѣрности въ астрономическихъ наблюденіяхъ, нежели греки, избравшіе своимъ путеводнымъ свѣтиломъ блестящее созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Обращаясь къ разсмотрѣнію промышленности, необходимо замѣтить, что послѣдняя достигла у финикіянъ необыкновенной степени процвѣтанія и ея произведенія приобрѣли вполнѣ заслуженную славу на всемъ бассейнѣ Средиземнаго моря, вокругъ котораго пульсировала финикійская торговая жизнь. Но хотя въ техническомъ отношеніи произведенія промышленности названнаго народа стояли довольно высоко, тѣмъ не менѣе и въ этой сферѣ торгаши также мало обнаружили истиннаго творчества, какъ въ области религиозныхъ вѣрованій и произведеній искусства. Ихъ эклектизмъ сказался во всѣхъ главныхъ отрасляхъ промышленнаго производства, которые главнымъ образомъ сводились къ слѣдующимъ издѣліямъ:

1) На первомъ мѣстѣ изъ мануфактурныхъ произведеній древней Финикіи слѣдуетъ поставить произведенія красильнаго искусства, которое давало пурпуръ высоко цѣнимый древними народами, а одинъ изъ оттѣнковъ ^кего, считавшійся самымъ рѣдкимъ и самымъ краснымъ, сдѣлался знакомъ царскаго достоинства. Разговорный языкъ отождествилъ понятія „порфирноносца“ и „царя“. Подъ словомъ пурпуръ не слѣдуетъ понимать какой нибудь одинъ извѣстный цвѣтъ, но особый способъ окрашиванія, для котораго пользовались животными красками, напимѣръ, жидкостью, находимою въ „пурпурноносныхъ“ улиткахъ. Лучшій пурпуръ добывался около Тира и его ближайшихъ окрестностей, гдѣ находились огромные конгломераты *murex trunculus*. Моря Греціи доставляли чаще всего фіолетовую краску, извлекавшуюся изъ *murex brandaris*. Несмотря на то, что въ пурпуръ окрашивались всякія ткани, бумажныя, льняныя, шелковыя, этотъ родъ окраски примѣнялся предпочтительно для шерсти. Ее обмакивали въ пурпуръ и придавали пунцовый или фіолетовый цвѣтъ. Финикіяне обладали еще искусствомъ придавать этому цвѣту особый переливающийся глянецъ, который отсвѣчивалъ различными

¹⁾ Страбонъ III, 15.

оттѣнками. Красильныя заведенія не могли бы существовать безъ ткацкихъ фабрикъ. Изъ того обстоятельства, что финикіяне окрашивали въ пурпуръ, по большей части, шерстяныя ткани, отправлявшіяся ими въ чужія страны, можно заключить, что ткани эти изготовлялись ими самими. Самыя древнія фабрики подобнаго рода находились въ Сидонѣ, такъ какъ Гомеръ часто упоминаетъ о туникахъ, привозимыхъ изъ названнаго города, но впослѣдствіе эти фабрики распространились по всей Финикіи и, въ особенности, въ Тиръ ¹⁾.

2) Другимъ сортомъ промышленности, столь же широко развитымъ у финикіянь, явилась выдѣлка стекла и стеклянные заводы ихъ были извѣстными въ цѣломъ мірѣ. Апокрифическій рассказъ Плинія ²⁾ объ изобрѣтеніи стекла, финикіянами путемъ кипяченія глинянаго горшка на песчаномъ берегу, причемъ въ первый были брошены куски натра,—чистая выдумка; какъ упомянуто выше, стекло было изобрѣтено египтянами, но въ древности никто не умѣлъ такъ хорошо готовить его, какъ финикійскіе промышленники-стеклодѣлы. Стеклянные издѣлія Сидона и Сарепты пользовались большой славой, такъ какъ песокъ, добывавшійся на берегахъ небольшой рѣчки Бела (близъ г. Кармель) составлялъ превосходный матеріалъ для ихъ производства; изъ стекла готовились различныя украшенія, мелкія вещи, ожерелья, бусы, эмалированная посуда, разнаго рода сосуды и т. п. Иногда въ богатыхъ домахъ и дворцахъ стекломъ и глазурью покрывали внутренность комнатъ, стѣны и потолки. Сидонскіе стеклодѣлы умѣли превращать стеклянную доску въ зеркало, прикрѣпляя къ одной сторонѣ ея металлическую крышку ³⁾, а раскопки въ Кареагенѣ доставили нѣсколько флаконовъ расписнаго стекла превосходной работы. Мнѣніе Froehner'a о томъ, что прозрачное стекло было изобрѣтено финикіянами, тогда какъ египтянамъ было извѣстно лишь массивное, непрозрачное, а также глазурь, приведено выше при обзорѣ древне-египетскаго городского хозяйства.

3) Металлическія вещи всякаго рода: бронзовыя издѣлія, золотыя и серебряныя чаши, блюда, кубки, перстни съ печатями, ожерелья, золотыя кольца, браслеты и т. п. Однако оружія во время производства раскопокъ въ сидонскомъ некрополѣ обнаружено не было, да и вообще оно въ Финикіи встрѣчалось очень рѣдко. Тѣмъ не менѣе

¹⁾ Heeren «Du commerce et de la politique des peuples de l'antiquité, 109.

²⁾ Плиній, «Ест. ист.» XXVI, гл. 65.

³⁾ Rawlinson, 284.

въ древнихъ некрополяхъ Кипра и Карфагена было найдено нѣсколько экземпляровъ оружія, которые хранятся теперь въ музеѣ пуническихъ древностей у Бирсы (Musée de Saint-Louis), основанномъ стараніями Лавижери и Деляттра. Между прочимъ тамъ находится нѣчто въ родѣ стилета или кинжала изъ желѣза, въ деревянныхъ ножнахъ, длиною въ сорокъ сантиметровъ, найденнаго въ одной пунической могилѣ вмѣстѣ съ небольшимъ топорикомъ и двумя бронзовыми штифтиками. Топорикъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе тонкой, замѣчательно изящной чеканкой. Сколько можно судить, онъ относится къ III вѣку до Р. X. Издѣлія изъ бронзы славились по всему міру и на памятникахъ фараоновъ XVIII и XIX династіи неоднократно упоминается о бронзовыхъ финикійскихъ сосудахъ, фигурирующихъ, какъ предметы дани.

4) Гончарное производство осталось навсегда однимъ изъ главныхъ предметовъ вывоза изъ Финикіи, и въ концѣ тирскаго періода, когда начались морскія путешествія финикіянъ по Атлантическому океану и островамъ Британскимъ, гончарныя издѣлія являлись однимъ изъ предметовъ, которые мореплаватели доставляли въ наибольшемъ количествѣ туземцамъ взамѣнъ ихъ олова ¹⁾. Издѣлія эти также составляли немаловажный предметъ торга съ дикарями западной Африки. Финикійскія глиняныя вазы ²⁾ съ ихъ довольно таки фантастической окраской послужили впоследствии образцами для греческихъ вазъ. Вообще въ этомъ отношеніи финикіяне являлись учителями грековъ, которые, пользуясь ихъ образцами, довели разрисовку сосудовъ до высочайшей степени совершенства, хотя первыя попытки древнихъ эллиновъ представляютъ намъ буквальную копию съ финикійской работы.

5) Обдѣлка слоновой кости также достигла значительной степени совершенства и финикіяне обрабатывали этотъ прекрасный матеріалъ съ особеннымъ искусствомъ; всѣ вещи изъ слоновой кости, которыя до сихъ поръ вырыты изъ подъ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ,—всѣ финикійской работы. Слоновая кость доставлялась, главнымъ образомъ, изъ Индіи и съ западнаго берега Африки, а также и изъ Нубіи. Объ издѣліяхъ этой кости упоминаетъ и пророкъ Іезекіиль ³⁾.

6) Р а з л и ч н а я у т в а р ь изъ чернаго дерева, металловъ и камня, бронзовыя зеркала, курильницы для благовонія, кубки изъ чернаго

¹⁾ Lenormant, loc. cit., 540.

²⁾ См. межд. прч. Клермонъ-Ганно: «L'imagerie Phénicienne» I. La coupe Phénicienne de Palestrina въ «Journal Asiatique» 1880. VII, 11.

³⁾ Іезекіиль XXVII.

хрустала, мѣдные кимвалы, ковши для вина, сердоликовыя или металлическія статуэтки и фигурки божковъ, финикійскія лампы, биброновскія вазы и т. п.

7) Предметы роскоши изъ янтаря и благородныхъ металловъ: кольца, серьги, браслеты, бусы, различныя трости съ затѣйливыми наболдашниками, парфюмерныя принадлежности, всякаго рода духи, мази, бальзамы и проч. и проч.

8) Въ искусствѣ кораблестроенія финикіяне являлись первоклассными мастерами и греки признавались, что ихъ корабли стояли значительно ниже финикійскихъ, какъ по быстротѣ хода, такъ и по отдѣлкѣ. Торговое судно было снабжено широкой кормой, округленными боками и килемъ; одновременно съ веслами дѣйствовали паруса, а опытные кормчіе и лоцмана отлично умѣли проводить корабли въ опасныхъ мѣстахъ. Военныя суда строились проще, чѣмъ купеческія, но за то несравненно прочнѣе. Они были различной величины съ острымъ килемъ, и внутри раздѣлены на три яруса, предназначенныхъ для гребцовъ, тогда какъ для экипажа устраивалось особое помѣщеніе на палубѣ. Число военныхъ судовъ, сравнительно съ флотами сосѣднихъ государствъ, было чрезвычайно велико; даже въ эпоху персидскаго владычества, когда Финикія представляла изъ себя лишь тѣнь прошлаго величія, Сидонъ, Тиръ и Арадъ были въ состояніи вооружить триста триремъ для флота Ксеркса ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о боевыхъ строяхъ финикійскаго флота и только на основаніи кое-какихъ косвенныхъ указаній греческихъ писателей можно думать, что для атаки непріятельскаго фронта онъ строился въ линію кильватера и въ этомъ строѣ производилъ нападеніе на суда противника. Многія изъ государствъ древняго міра доставляли Финикіи обширные заказы и платили огромныя суммы за поставку снаряженныхъ и оснащенныхъ боевыхъ судовъ. Во всякомъ случаѣ, если финикіяне и не сдѣлали переворота въ искусствѣ кораблестроенія, то обстоятельство это отнюдь не мѣшало имъ быть самыми искусными и опытными моряками древняго восточнаго міра.

9) Эксплуатація рудниковъ велась весьма умѣло. Если вѣрить сообщеніямъ Діодора, финикійскіе промышленники сначала рыли глубокія вертикальныя шахты, затѣмъ съ самаго дна этихъ шахтъ прорывали по направленію рудной жилы горизонтальныя галлерей, въ которыхъ устроены были для вентиляціи отдушины на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга ²⁾. Извлеченная изъ жилы

¹⁾ Геродотъ VII, 90; Xenoph. Hellen. III, 41.

²⁾ Діодоръ V, 37.

руда подвергалась довольно сложной обработкѣ. Прежде всего ее надо было истолочь, затѣмъ ее просѣвали, очищали, еще разъ растирали и наконецъ плавляли или, вѣрнѣе, нагрѣвали. При послѣдней операціи, говорить Страбонъ, свинець, плавящійся скорѣе, чѣмъ серебро, вытекалъ и такимъ образомъ драгоцѣнный металлъ получался въ чистомъ видѣ ¹⁾. Серебряные рудники Картагены (которые, по Полибію, имѣли четыреста стадій въ окружности, при чемъ въ нихъ работало около сорока тысячъ человѣкъ) обогатили Картагенъ и долгое время служили ему военнымъ фондомъ, изъ котораго уплачивалось жалованіе наемнымъ войскамъ; въ эпоху же римскаго владычества, по сообщенію Страбона, упомянутые рудники ежедневно приносили римской республикѣ двадцать пять тысячъ драхмъ (около шестисотъ рублей на наши деньги).

Многочисленныя фабрики должны были удовлетворять обширному спросу безчисленныхъ покупателей, и, надо сказать правду, финикійскіе промышленники умѣло справлялись съ этой задачей, доставляя каждому народу то, въ чемъ онъ нуждался. Особенно вездѣ и почти во всѣхъ странахъ былъ огромный спросъ на бронзу, употребленіе которой предшествовало обработкѣ мѣди; въ позднѣйшее время богатства финикіянъ основывались преимущественно на посредничествѣ въ указанной отрасли торговли между народами, населявшими бассейнъ Средиземнаго моря.

Было говорено, что центральное положеніе Финикіи между двумя очагами культуры, удобство береговой линіи и обиліе корабельныхъ матеріаловъ сѣвернаго Ханаана заставили его обитателей устремить свои взоры на море и сдѣлаться въ полномъ смыслѣ слова морской націей. Съ другой стороны, благодаря тому обстоятельству, что простой народъ въ Финикіи былъ совсѣмъ исключенъ изъ владѣнія землею, раздѣленной, между имущими классами, въ большихъ финикійскихъ городахъ скоплялась масса рабочихъ рукъ, такъ какъ безземельный пролетаріатъ волей-неволей шелъ на фабрики и на заводы и искалъ въ нихъ заработка, что, въ свою очередь, не могло не повліять на усиленіе промышленной дѣятельности. Литейное искусство (металлургія), глиптика, чеканка золота, тканье, вышиваніе и производство разныхъ украшеній, а равно пурпура составляли главныя отрасли народной промышленности въ Тирѣ, имѣвшемъ монополію на торговлю пурпуромъ и кермесомъ.

Пестрыя ткани Сидона еще во времена Гомера считались у грековъ лучшими; при чтеніи Иліады можно замѣтить, что когда Гомеръ

¹⁾ Страбонъ III, 10.

желаетъ похвалить какую нибудь ткань и какое нибудь металлическое издѣліе, онъ называетъ ихъ сидонскими, что должно обозначать ихъ высшую доброту. Первенецъ Ханаана обладалъ большимъ торговымъ флотомъ и многіе суда его были отдѣланы съ замѣчательной роскошью; нерѣдко верѣчались корабли, обшитые драгоцѣннымъ деревомъ, выложенные самшитомъ (buxus), слоновой костью и покрывавшіяся въ праздничные дни парусами въ тонкихъ бумажныхъ тканей. Когда Сидонъ потерялъ свое первенство (см. исторію Финикіи), Тиръ захватилъ въ свои руки рынки въ восточной части Средиземнаго моря, а Кареагенъ — въ западной; но и послѣ того, какъ сила вещей обусловила этотъ раздѣлъ, равновѣсіе всетаки поддерживалось, жизнь и первенство не уходили въ другое мѣсто до тѣхъ поръ, пока звѣзда этой промышленной и торговой націи не стала клониться къ закату и затѣмъ исчезать въ глубинѣ вѣковъ. Когда могущество Эллады достигло значительнаго развитія, финикіянамъ пришлось повсюду отступать отъ энергическихъ соперниковъ, съ пожертвованіемъ своихъ торговыхъ выгодъ; начиная съ XIII вѣка до Р. X. широкая торговая дѣятельность древнихъ эллиновъ принимаетъ мало-по-малу универсальный характеръ, перевѣшивающій финикійское торгашество.

Греки вытѣснили финикійскую морскую торговлю со всѣхъ острововъ и береговъ Эгейскаго моря, усѣяли всю Малую Азію своими торговыми городами и сдѣлались счастливыми соперниками финикійскихъ купцовъ въ Египтѣ, Сициліи, нижней Италіи, южной Галліи и т. п. Только сѣверная Африка, гдѣ выросла тирская колонія Кареагенъ задержала развитіе греческаго колоніально-торговаго могущества (см. ниже Колонизаціонная дѣятельность).

Для полноты очерка промышленной производительности Финикіи мы должны упомянуть о земледѣліи. Хотя послѣднее по свойству и, главное, размѣру земледѣльческой площади не могло быть первымъ и важнѣйшимъ занятіемъ населенія, нуждавшагося въ подвозѣ хлѣба, но со всѣмъ тѣмъ этотъ густо населенный край былъ такъ превосходно воздѣланъ, что походилъ на обширный садъ. Вокругъ Тира, Габалы и Берита находилось множество виноградниковъ, доставлявшихъ прекрасное вино, которое подъ именемъ ливанскаго, служило немаловажной статьёй торговли. Ренанъ въ одномъ изъ своихъ донесеній объ археологическомъ изслѣдованіи упомянутой страны, между прочимъ, замѣчаетъ:

„Финикія — единственная страна въ мірѣ, гдѣ земледѣльческая промышленность оставила грандіозные слѣды. Въ окрестностяхъ Тира

эти остатки первобытнаго сельскаго хозяйства встрѣчаются почти на каждой возвышенности и всегда съ однимъ и тѣмъ же характеромъ: огромныя работы въ скалѣ, остатки четырехугольныхъ домиковъ, построенныхъ безъ стила изъ прекраснаго камня, плохо соединеннаго, огромное число водоемовъ, погребовъ, чановъ огромной величины, грандіозныхъ гробницъ ¹⁾.

7. Колонизаціонная дѣятельность.

Заботясь о расширеніи торговыхъ операцій въ смыслѣ увеличенія сбыта товаровъ и приспособляя производство послѣднихъ ко вкусамъ покупателей, финикіянинъ, самъ того не сознавая, оказалъ важныя услуги культурному развитію западныхъ странъ, при чемъ главными проводниками восточнаго вліянія явились многочисленныя финикійскія колоніи.

Помимо того, что избытокъ населенія, увеличившагося путемъ естественнаго прироста ²⁾, заставлялъ выселять нѣкоторую часть гражданъ въ колоніи, одной изъ причинъ образованія послѣднихъ было стремленіе финикійскихъ купцовъ *удешевить товаръ обработкой чужеземнаго сырья на мѣстѣ его добыванія*. Иначе говоря, открывъ гдѣ-либо залежи какой нибудь руды, напримѣръ, мѣди или серебра, практичныя торговцы находили болѣе выгоднымъ не перевозить металлъ въ сыромъ видѣ на свои домашнія фабрики, а обрабатывать его тутъ же на мѣстѣ. Вслѣдствіе указанной причины, на удобномъ приморскомъ пунктѣ, находившимся въ извѣстной географической близости къ мѣсту полученія сырья, устраивалась фабрика и возникла купеческая факторія, которая путемъ постепеннаго приращенія населенія превращалась въ колонію. *Финикійская колонизація началась довольно рано* и за шестнадцать вѣковъ до начала нашей эры пульсировала полнымъ ходомъ. Но, конечно, не одинъ торговый барышъ игралъ роль въ основаніи колоніи и не одна густота населенія, сконцентрированнаго на узкой береговой полосѣ финикійскаго берега, заставляла обитателей сѣвернаго Ханаана эмигрировать въ чужія страны. Тутъ не малую роль играли и политическія обстоятельства. Намъ извѣстно, что сильная центральная власть не существовала въ странѣ

¹⁾ Renan. «Rapport sur la mission de Phénicie».

²⁾ Это будетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе, что средства пропитанія увеличиваются только въ арифметической прогрессіи, тогда какъ населеніе возрастаетъ въ прогрессіи геометрической.

въ силу тѣхъ условій, которыя составляли препятствіе къ образованію единого государства. Колонизація изъ политическихъ побужденій усилилась вслѣдствіе борьбы между низшими классами народа, стремившимися выйти изъ угнетеннаго состоянія, и купеческой знатю, превратившей монархію въ олигархическо-тимократическую республику. Эта борьба сдѣлалась обычнымъ явленіемъ въ финикійскихъ городахъ и почти всегда сопровождалась всѣми ужасами гражданскихъ революцій. Расходившіяся страсти вооруженной толпы съ яростью обращались противъ олигархическихъ представителей управленія и противъ самого города съ его завидными сокровищами, какъ это имѣло, на примѣръ, мѣсто въ городахъ Тиръ и Сидонъ. Осколокъ революціоннаго безобразія, бунтующая чернь всегда остается чернью и не въ одной Финикіи была лакома до чужого добра.

Тутъ яснѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, сказывается правильность утвержденія, что свобода, даже и республиканская, тогда только благодѣтельна, когда она опирается на порядокъ, иначе государство по неволѣ должно существовать на вулканѣ, въ клокочущей глубинѣ котораго дремлютъ страшныя силы, чтобы взорваться при первомъ толчкѣ. Слѣдствіемъ названныхъ беспорядковъ, повторявшихся довольно часто, являлась эмиграція если не всей побѣжденной партіи, то хотя части безпокойныхъ элементовъ, которые предпочитали скорѣе покинуть родину, чѣмъ подчиниться торжествовавшему противникамъ и помириться съ ихъ политической программой.

Суммируя перечисленные данныя, тѣ причины, которыя толкали финикіянъ, этихъ „микробовъ моря“ къ выселенію и къ основанію колоній, можно свести къ слѣдующимъ:

1) Необходимость устранить чрезмѣрную густоту населенія страны, прижатой къ морю горами, которая, естественно, не могла вмѣстить въ себя всего народонаселенія и потому часть послѣдняго принуждалась волей-неволей покинуть родной финикійскій берегъ и искать новыхъ мѣстъ, болѣе соответствовавшихъ ея общественнымъ и бытовымъ условіямъ.

2) Торговый барышъ, перепадавшій финикійскимъ промышленникамъ, благодаря замѣнѣ перевозки сырого матеріала добываніемъ и эксплуатаціей его на мѣстѣ. Выгода была очевидна сама собой.

3) Образованію колоній много способствовали политическія неурядицы на родинѣ, возникшія на почвѣ социальна-экономическаго строя.

Всматриваясь въ исторію Эллады мы видимъ нѣчто подобное, но вся разница между финикійскими колоніями и греческими заклю-

чалась въ томъ, что первыя въ противоположность послѣднимъ лишены были всякаго политическаго значенія, играя, главнымъ образомъ, роль торговыхъ факторій и конторъ. Создавать дѣйствительныя колоніальныя государства вовсе не соответствовало коммерческому духу торгашей-культуртрегеровъ. Будучи отраженіемъ первоначальной родины, колоніи не желали имѣть между собою и Финикією иныхъ узъ, кромѣ тѣхъ, какія могли возникнуть изъ общаго культа и торговыхъ сношеній.

Ежегодно колоніи отправляли въ Тиръ торжественное посольство къ храму Мелькарта и вообще поддерживали дружественныя отношенія со своей метрополіей.

Значитъ главная ошибка финикіянъ состояла въ томъ, что они не стремились закрѣпить колоніи за собою политическимъ путемъ и превратить въ полныя колоніи, т. е. въ государства съ населенными землями, а заботились о сохраненіи за своими владѣніями торговаго характера, довольствуясь основаніемъ складовъ, конторъ и торговыхъ факторій.

Эксплуатировать данную мѣстность, выжать изъ нея всѣ соки, такъ или иначе извлечь изъ нея барышъ,—вотъ въ чемъ заключалась колоніальная система оцѣленѣвшихъ въ узкихъ эгоистическихъ стремленіяхъ торгашей, обнаруживавшихъ въ погонѣ за наживой удивительную политическую близорукость: греческое население поразительно быстро усвоило привозную культуру и затѣмъ забрало въ свои руки посредническую торговлю, принудивъ финикіянъ сдать одну торговую станцію за другой. Стремленіе на чужбину такъ глубоко коренилось въ натурѣ этого сильнаго племени, что въ концѣ концовъ осталось весьма мало эллинскихъ государствъ, которыя не принимали бы никакого участія въ созиданіи новаго греческаго міра по ту сторону морей, обрамляя, по выраженію Цицерона, страны варваровъ эллинской каймой. При этомъ, конечно, не могло быть и рѣчи о какомъ нибудь опредѣленномъ національномъ планѣ.

Когда же греки, достигнувъ полной экономической самостоятельности, расширили предѣлы своихъ торговыхъ операцій, оказывая сильнѣйшее вліяніе на культуру родственныхъ имъ италійскимъ народовъ, составлявшихъ, такъ сказать, лѣвый флангъ эллинскаго міра,—тогда торговля Финикіи начала утрачивать всякое значеніе, не говоря уже про колонизацію, которую окончательно захлестнула греческая волна. Нѣкоторымъ объясненіемъ, и, такъ сказать, смягчающимъ обстоятельствомъ въ отношеніи финикіянъ можетъ служить неспособность семитической расы вообще къ колонизаціи политической, что

подтверждаетъ и вся исторія семитизма. Финикіяне такъ хорошо сознавали это, что совѣмъ не претендовали на роль колонизаторовъ въ современномъ смыслѣ слова, предпочитая извлекать изъ облюбованной ими мѣстности торговыя выгоды и нисколько не заботясь объ ея политическомъ закрѣпленіи.

Вышеприведенныя условія, какъ кажется, достаточно ясно объясняютъ, почему эксплуататоръ-торгашъ, ставившій выше всего на свѣтѣ тугонабитую кошну и измѣривавшій все карманнымъ масштабомъ, оказался не въ силахъ тягаться съ грекомъ, который соединялъ въ себѣ высокую творческую геніальность съ поразительной предприимчивостью,—качества, съ помощью коихъ ему удалось вытѣснить семита-торговца со всѣхъ рынковъ древней Европы, Азии и Африки и положить прочное основаніе дальнѣйшему полету разносторонняго греческаго генія.

Сдѣлавъ этотъ краткій очеркъ и указавъ на отрицательныя стороны тирской и сидонской колонизаціи, переходимъ къ разсмотрѣнію собственно древне-финикійскихъ колоній, которыя, въ нѣкоторомъ родѣ, служили вѣхами, разставленными предприимчивыми, но чуждыми истиннаго политическаго смысла купцами на пути своихъ кораблей.

Первая колонія, основанная ими за 17 столѣтій до начала христіанской эры, былъ островъ Кипръ (египет. Асебъ, турец. Кыбрисъ), занятый выходцами изъ Сидона, которыя основали на немъ городъ Цитіумъ.

Кипръ, небольшой островокъ, занимающій пространство всего 170 кв. миль, составляетъ какъ бы продолженіе Малой Азии; двѣ цѣпи горъ проходятъ по Кипру, сохраняя направленіе цѣпей Тавра, причемъ находящаяся въ южной цѣпи гора Троодосъ (Monte Croce) достигаетъ 2.000 метровъ высоты. На западномъ берегу острова, среди кипарисовыхъ и миртовыхъ рощицъ Паеоса, находилось большое святилище Астарты. Черноземная почва Кипра, орошаемая разлитіемъ р. Педіаса, славилась необыкновеннымъ плодородіемъ, но не въ этомъ состояло главное богатство острова: оно заключалось въ рудникахъ, въ которыхъ добывались желѣзо, агатъ, квасцы и драгоценныя камни, а холмы Тамоссоса заключали въ себѣ столько мѣди, что римляне дали этому металлу названіе *cyprium*, перешедшее въ послѣдствіи въ романо-германскіе языки (*cyprium*, *civre*, *kupfer*, *copper*). Въ настоящее время это ископаемое богатство почти не разрабатывается и основанная англичанами нѣсколько лѣтъ тому назадъ „*Cyprus—coppermine company*“ уже прекратила свое существованіе. Какъ назывались аборигены острова и къ какой расѣ они принадлежали,—неиз-

вѣстно; мы знакомимся съ Кипромъ въ моментъ сидонской колонизаціи, обратившей весь островъ въ семитическое поселеніе.

Судя по египетскимъ документамъ, уже въ эпоху XVIII-й династіи островъ Асебъ находился во владѣніи финикіянь, которые тѣмъ болѣе дорожили имъ, что его превосходныя гавани представляли удобныя стоянки для судовъ, а густые строевыя лѣса въ изобиліи снабжали матеріалами для кораблестроенія. Къ тому же онъ отстоялъ отъ Финикіи лишь на сутки пути и являлся хорошимъ рынкомъ для сбыта товаровъ. Въ послѣднее время найдено довольно много надписей на островѣ, особенно въ его финикійскомъ центрѣ древней Китіи (теперь Ларнака).

Утвердившись на островѣ, предприимчивыя мореплаватели перешагнули въ Малую Азію, именно въ Киликію, гдѣ они покрыли торговыми факторіями весь берегъ, противоположный Кипру; изъ этихъ факторій были наиболѣе извѣстны: Кабира, Мигдале, Массура, Рускопусъ, Сидима и Фаселисъ (Facelis). Въ Ликии, въ виду противодѣйствія туземцевъ, финикіянамъ удалось основать только одну значительную колонію Астиру.

За то сидоняне высадились на островъ Родосъ и овладѣли тамъ тремя гаванями Ялисомъ, Линдомъ и Камиромъ. Родосъ представлялъ удобнѣйшій переходной пунктъ къ островамъ Эгейскаго моря, богатства которыхъ давно привлекали вниманіе финикійскихъ торговцевъ. Въ самомъ дѣлѣ они скоро колонизовали Делосъ (нынѣ Дили), Паросъ, Мелосъ (самый западный изъ Кикладовъ), Тиру (теперь Санторинъ), Низиръ, Гіаросъ, Косъ, Амургосъ, Тазосъ и мн. друг. Часть финикійскаго флота черезъ Геллеспонтъ проникла въ Черное море и достигла Колхиды, а другая часть утвердилась на островѣ Кандіи (Критъ), откуда господство финикіянь распространилось на Итаносъ и Киоеру (теперь Чериго). Этотъ послѣдній островокъ, на которомъ процвѣталъ культъ Астарты, введенный сидонскими мореплавателями, славился своими улитками (*murex brandaris*), водившимися здѣсь въ такомъ количествѣ, что сообщили острову названіе Порөироэса, т. е. „Пурпурнаго“.

Распростаняя свою колонизацію далѣе къ западу, финикіяне перешли на Ионическіе острова (Корциру, Итаку и Закинть, „il fiore di Levante“), южную Италію и Мальту, всюду основывая свои торговыя факторіи, конторы и склады.

Въ западной части острова Сициліи находились слѣдующія финикійскія колоніи: Русъ-Мелькартъ (греч. Гераклея-Миной), Селосисъ, Эриксъ, Зизъ и Маханаэъ (Панормъ, теперь Па-

лермо). На островѣ Сардиніи предприимчивыми мореплавателями были построены города-факторіи: Тарось, Сулки и Карались. Изъ южной Италіи финикіяне перешагнули въ сѣверную Африку, богатую обширными торговыми рынками.

Древнѣйшее финикійское поселеніе на африканскомъ берегу Утика, развалины которой сохранились близъ нынѣшней деревушки Бу-Шатеръ, была основана приблизительно за двѣнадцать вѣковъ до Р. Х. Вскорѣ возникли торговые города Гиппонъ, Адруметь (Hadrumetum теперь Суза), Лептисъ (Leptis parva, нынѣ Монастирь) и знаменитый Карфагенъ (собственно Каръ-Хадасть, т. е. новый городъ или Carthada), эта пышная жемчужина среди длиннаго ряда богатыхъ городовъ африканскаго побережья и важнѣйшая финикійская колонія, основанная выходцами изъ Тира, которая въ послѣдствіе, когда ослабѣвшая метрополія подпала подъ чужеземное владычество, явилась могущественной представительницей финикійской народности. Благодаря выгодному географическому положенію, новый городъ быстро перегналъ не только всѣ древнѣйшіе поселенія финикіянь въ сѣверной Африкѣ, но даже и самую метрополію. Карфагенъ лежалъ въ разстояніи тридцати миль отъ Сициліи на побережьѣ чрезвычайно плодородной холмистой мѣстности, близъ устья рѣки Багарда (Bagradas, теперь Уади Меджерда, съ притоками Уади Меллегъ и Уади Силіанъ), орошающей богатѣйшія хлѣбныя мѣста сѣверной Африки. Про гавани этого города было уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ.

Недалеко отъ берега, на крутой скалѣ, былъ расположенъ замокъ Бирса, гдѣ первые финикійскіе поселенцы соорудили храмъ въ честь Эшмуна (см. Культъ кавировъ).

Въ ближайшее къ основанію Карфагена время (между 880 и 814 г. до Р. Х.) торгоши достигли Болеарскихъ острововъ и Минорки,—одного изъ лучшихъ портовъ Средиземнаго моря, и вслѣдъ затѣмъ перешагнули за Гибралтаръ, въ Испанію, гдѣ были основаны города Гадиръ (Gades, „крѣпость“, теперь Кадиксъ), Малага („слономина“), Абдера (теперь Алмерія) и, въ нынѣшней Андалузіи,—Севилья. Испанія привлекала финикіянь своими минеральными богатствами и изобиліемъ металловъ, въ особенности серебра, большая часть котораго, обращавшагося въ древности, вышла изъ названной страны. По сообщенію Страбона, серебряная руда лежала въ Испаніи на поверхности земли¹⁾. Изобиліе серебра въ окрестно-

¹⁾ Страбонъ III, 8.

стяхъ Гартеса (библейскій Таршишъ) было такъ велико, что, по словамъ преданія, финикійскіе купцы возвратились домой съ серебряными якорями вмѣсто свинцовыхъ. Кромѣ серебра Испанія доставляла желѣзо, свинецъ, бирюзу, топазы и рубины.

Плодородныя равнины Бетиса (Гвадалквивиръ) и Анаса (Гвадіана) производили превосходную пшеницу, маслину, виноградъ, а тонкая шерсть разводившихся здѣсь овецъ (мериносы) доставляла самый лучшій матеріалъ для издѣлій, которыми славились финикійскіе мастера; море же у береговъ изобиловало всякаго рода рыбой, въ особенности скумбріей, составлявшей довольно значительный предметъ отпускной торговли.

На южномъ берегу Сиріи финикіяне имѣли нѣчто въ родѣ укрѣпленныхъ портовъ-складовъ, между которыми наибольшее значеніе приобрѣли Іоппе (нын. Яффа) и Дора (Нафоевъ-Доръ, теперь деревня Тантура).

Въ Египтѣ складочные пункты финикійскихъ товаровъ находились въ Мемфисѣ (кварталь Анхтоуи), Бубастѣ, Саисѣ, Танисѣ, Мендесѣ. Изъ Египта же, какъ мы знаемъ, финикійскіе моряки сдѣлали удачную попытку объѣхать всю Африку (см. исторію Египта въ Саисскій періодъ).

Вопросъ о финикійскихъ колоніяхъ въ самой Греціи принадлежитъ къ числу запутанныхъ и по сіе время не рѣшенъ окончательно, тѣмъ не менѣе отрицать существованіе финикійскихъ колоній на эллинской почвѣ все-таки нельзя. Намъ извѣстно, что финикіяне появились на коринѣскомъ перешейкѣ, а равно и на сосѣднихъ съ нимъ островахъ (Эгинѣ и Саламинѣ); въ Атикѣ, Беотіи и Арголидѣ они являлись частыми гостями, достаточно вспомнить легенду о Кадмѣ, мнѣическомъ основателѣ „семивратныхъ“ Фивъ, чтобы понять могущество культурнаго вліянія Востока на національный характеръ и на религію (собственно на миѣи и культъ) эллинской расы. Дѣйствиительно первыя страницы исторіи Коринѣа убѣждаютъ, что его ранніе поселенцы были предприимчивые финикійскіе колонисты, оставившіе въ наслѣдство Коринѣу страсть къ торговлѣ, мореплаванію, искусство въ фабрикаціи пурпурныхъ тканей и бронзовыхъ издѣлій и даже популярный культъ Астарты, образъ которой былъ замѣненъ идеальной фигурой Афродиты, созданной греческимъ геніемъ изъ отвратительнаго образа семитической богини.

Начиная съ XIII вѣка до Р. Х. финикійскія колоніи въ северномъ бассейнѣ Средиземнаго моря замѣняются греческими поселеніями; шагъ за шагомъ, оттѣсняя финикіянь, греки принудили ихъ оконча-

тельно сойти съ исторической сцены. Правда, до эпохи Александра Македонскаго греки почти не рѣшались основывать обширныя „завоевательныя“ колоніи, но указанное обстоятельство не мѣшало имъ вносить всюду эллинскій духъ и всюду вытѣснять вліяніе чужеземныхъ залетныхъ гостей. Въ IX вѣкѣ греки проникаютъ на западъ и постепенно очищаютъ отъ тирскихъ и сидонскихъ культуртрегеровъ южную Италію, Сицилію, Испанію и, отчасти, Африку. Изъ всѣхъ финикійскихъ колоній остался только могущественный Карфагенъ, къ которому перешла теперь руководящая роль и котораго геній Аннибала едва не сдѣлалъ владыкою міра.

Быстрота, съ какой былъ вычерпнуть финикійскій элементъ изъ странъ сѣвернаго бассейна Средиземнаго моря, показываетъ сильное развитіе эллинской народности, выступавшей теперь на смѣну предпріимчивымъ хананеямъ. Со всѣмъ тѣмъ существованіе основанныхъ послѣдними колоній не могло пройти безслѣдно для европейской культуры: будучи всемірною націей, народомъ-космополитомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, финикіяне принимали дѣятельное, хотя, быть можетъ, не всегда сознательное участіе въ общей культурной работѣ. А переработанные ими по извѣстной математической формулѣ переложеній и сочетаній элементы культуры были усвоены греками, которые въ это время охватили своей колонизаціей территорію несравненно большую, чѣмъ тирскіе и сидонскіе торгошники и наложили на заимствованныя ими зачатки восточной цивилизаціи печать собственнаго творческаго генія. Эллинизмъ широко распространился по древнему міру и заложилъ прочный фундаментъ для дальнѣйшаго прогресса, образованія, искусства и науки,—истинныхъ дочерей греческаго духа. Слѣдовательно, играя роль странствующихъ коммерческихъ агентовъ и передатчиковъ матеріальной культуры, финикіяне приводили въ соприкосновеніе между собою различныя народы и тѣмъ способствовали распространенію цивилизаціи, хотя въ дѣйствительности имѣли въ виду только свои личныя выгоды, основанныя на куплѣ-продажѣ, т. е. на томъ, что вело къ обогащенію и наполненію кошны.

Такъ какъ исторія Карфагена не входитъ въ наше сочиненіе, то говорить объ его колонизаціонной дѣятельности и перечислять подробно всѣхъ карфагенскихъ колоніальныхъ пріемышей здѣсь мы считаемъ излишнимъ; упомянемъ только ради полноты объ африканскихъ владѣніяхъ Карфагена, составляющихъ нынѣ мѣстности, принадлежащія государству Марокко.

Тамъ было основано до трехсотъ городовъ, изъ которыхъ можно назвать слѣдующіе: Тингисъ (Танжеръ), Зилисъ (Азила), Сала

(Рабать), Ликсусъ (Эль-Аришъ), Мулелаха (Мулла-бу-салламъ), Гермеумъ (Федала), Пена (Даръ-эль-Бейда), Рузибисъ (Мазаганъ) и Ганнариумъ (Аглау).

Кароагениянамъ приписываютъ также открытіе Канарскихъ острововъ, на которыхъ они имѣли нѣсколько незначительныхъ поселеній, но подлежить большому сомнѣнію, чтобы они пользовались результатами путешествія ихъ восточныхъ единоплеменниковъ вокругъ африканскаго материка.

В. Рабство въ Финикіи. Домашній бытъ.

Мореходы-семиты были ревностными сторонниками рабства, существованіе котораго пережило не только гибель восточныхъ цивилизацій, но и самое паденіе античнаго міра. Если въ своемъ блужданіи вдоль береговъ въ погонѣ за прибыльными сдѣлками, финикійскіе торговцы не чувствовали себя достаточно сильными, то мирно высаживались на берегъ, раскладывали товары и, на худой конецъ, удовлетворялись получаемымъ при обмѣнѣ законнымъ барышемъ. Если же они были увѣрены въ успѣхѣ, то обыкновенные хищническіе наклонности брали верхъ: обратившіеся въ пиратовъ купцы, умѣя разбойничать, а не воевать, грабили города, храмы и захватывали все, что имъ подвертывалось подъ руку, преимущественно женщинъ и дѣтей, которыхъ немедленно продавали въ рабство на восточныхъ рынкахъ, гдѣ этотъ живой товаръ цѣнился довольно высоко.

Библия упрекаетъ финикійскихъ торговцевъ въ томъ, что они продавали евреевъ въ рабство азіатскимъ грекамъ, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго мѣста Іоіиля:

«Что вы сдѣлали со мной, Тиръ и Сидонъ, и всѣ округа филистимлянскіе?.. Мое золото и серебро вы у меня взяли, самыя цѣнныя сокровища мои вы унесли въ свои жилища. Дѣтей Іуды и Іерусалима вы продали сыновьямъ Іоіи, чтобы тѣ увели ихъ далеко отъ своихъ границъ»...¹⁾

Торговля рабами была весьма прибыльна для купца: продавалъ ли пиратъ своихъ плѣнниковъ или бралъ съ нихъ выкупъ, онъ всегда оставался въ выигрышѣ, набивая свою кошну полученными тѣмъ или другимъ путемъ деньгами. Онъ игралъ роль посредника-фактора въ снабженіи наложницами, пѣвицами и танцовщицами гаремы избалованныхъ восточныхъ правителей, причемъ, какъ истый торгашъ, умѣлъ

¹⁾ Іоіиль IV, 1—7.

показать товаръ лицомъ, выставляя его достоинства и скрывая недостатки. Перепродажа молодыхъ дѣвушекъ и торговля ихъ невинностью—вазорная національная черта—носила уже совсѣмъ некрасивый характеръ, превращая финикійскаго купца въ какого то презрѣннаго сводника, и нравственно перекошеннаго человѣка. Ради своихъ торгашскихъ интересовъ онъ, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, тщательно заботился о сохраненіи молодости и красоты „живыхъ монетъ“, ибо въ данномъ случаѣ барышъ былъ прямо пропорціоналенъ указаннымъ двумъ качествамъ, и алчный купчина сознавалъ это очень хорошо.

Страсть къ выгодѣ и наживѣ задавили у финикійскихъ купцовъ всякую жалость къ рабу. Въ Тирѣ и въ его колоніи Кареагенѣ положеніе рабовъ было, дѣйствительно, невыносимое. Вотъ, что пишетъ Діодоръ: „Рабы, работающіе въ рудникахъ, приносятъ своимъ хозяевамъ огромные барыши. Эти несчастные, день и ночь трудящіеся въ подземныхъ галлерейхъ, истощаютъ свои силы и въ большомъ числѣ умираютъ отъ невозможныхъ условій. Имъ не даютъ ни малѣйшей передышки. Надсмотрщики понукаютъ ихъ ударами и заставляютъ работать до послѣдняго издыханія. Болѣе выносливые и закаленные долго влачатъ это жалкое существованіе, но тѣ ужасныя страданія, на которыя они осуждены, должны заставить ихъ предпочесть смерть“... 1).

Въ Кареагенѣ всѣ земледѣльческія и иныя работы возлагались на рабовъ, которыхъ все время держали въ оковахъ и на работу гнали толпой, какъ стадо. Въ Ливіи обширныя помѣстія кареагенскихъ богачей воздѣлывали закованные въ цѣпи рабы, число которыхъ у иного владѣльца простиралось до двадцати тысячъ человѣкъ и болѣе. Суровые и жестокіе вообще, кареагеняне въ отношеніи своихъ невольниковъ были просто безжалостны и едва ли имъ могло придти въ голову охранять интересы рабовъ закономъ, какъ это имѣло мѣсто у нѣкоторыхъ западныхъ народовъ.

Для привлеченія вниманія публики, предназначенныхъ къ продажѣ рабовъ одѣвали возможно лучше, причемъ продавецъ не жалѣлъ глотки, восхваляя достоинства этого живого товара; если находился покупатель, то раба раздѣвали, ощупывали, заставляли ходить, бѣгать, прыгать, какъ это дѣлаютъ съ лошадьми, и вообще проявлять свою ловкость и всѣ свои таланты подѣ угрожающимъ кнутомъ хозяина.

1) Діодоръ V, 38.

Главный контингентъ рабовъ финикіяне получали съ Лидіи, Фригіи, Пафлагоніи, Арменіи и съ побережья Понта. Жестокіе торгаша употребляли всѣ усилія, чтобы вытравить въ рабахъ все человѣческое и тѣмъ легче низвести ихъ до животнаго состоянія. Но охотясь за невольниками или покупая ихъ, финикійскій работровецъ долженъ былъ еще доставить ихъ въ такое мѣсто, гдѣ изъ нихъ можно было извлечь наибольшую выгоду. Излишне прибавлять, что переѣздъ этихъ несчастныхъ на тѣ пункты, гдѣ былъ на нихъ спросъ, являлся по истинѣ ужаснымъ: прикованные цѣпами къ другъ другу, осыпаемые градомъ палочныхъ ударовъ и почти безъ пищи, они находились въ положеніи скота, предназначеннаго на убой. Исключенія составляли плѣнники или плѣнницы, отъ продажи которыхъ торговецъ надѣялся извлечь барышъ; послѣднихъ сносно кормили, одѣвали и вообще поддерживали въ нихъ бодрый видъ, необходимый для приманки покупателей. Само собой разумѣется, что рабы, знавшіе какое нибудь мастерство или отличавшіеся какими нибудь внѣшними достоинствами, напримѣръ, силой, ловкостью и т. п. качествами цѣнились вдвое, втрое и даже вчетверо дороже обыкновеннаго „полевого“ раба. Равнымъ образомъ также стоили дорого красивыя невольницы, предназначавшіяся для гаремовъ или продававшіяся въ качествѣ домашнихъ рабынь-наложницъ. Средняя стоимость раба, такимъ образомъ, измѣнялась, смотря по времени, обстоятельствамъ и достоинствомъ невольниковъ, предназначенныхъ къ продажѣ. Высоко цѣнились азіатскіе рабы, какъ наиболѣе послушные и знакомые со всѣми ухищреніями утонченной роскоши, но дороже всѣхъ цѣнились эллины, охотно покупавшіеся на восточныхъ рынкахъ. Оставляемые для домашняго обихода рабы въ Финикіи и въ Кареагенѣ, какъ было говорено выше, переносили ужасныя страданія и расчетливый, не знавшій жалости торгошъ, безчеловѣчно эксплуатировавъ ихъ трудъ, отказывалъ ихъ подчасъ даже въ необходимомъ пропитаніи.

При наличности указанныхъ условій ничего не было удивительнаго, что жестоко притѣсняемые рабы пользовались всякимъ случаемъ для мятежа противъ своихъ свирѣпыхъ владыкъ. И можно себѣ представить, какъ ужасно было мщеніе людей, изъ которыхъ вытравили все человѣческое!

Юстинъ упоминаетъ объ одномъ такомъ возстаніи, результатомъ котораго была побѣда рабовъ и избіеніе всѣхъ свободныхъ гражданъ Тира ¹⁾. Подобный же бунтъ рабовъ произошелъ въ Кареагенѣ въ

¹⁾ Justin XVIII, 3.

350 г. до Р. Х. и былъ потушенъ въ потокахъ крови и цѣной напряженія всѣхъ силъ тирской колоніи.

До насъ не дошло никакихъ вещественныхъ памятниковъ, по которымъ можно было бы наглядно ознакомиться съ домашнимъ бытомъ древнихъ финикіянъ. Только весьма немногіе, и притомъ не имѣющіе особеннаго значенія остатки финикійскихъ древностей были найдены отчасти въ самой странѣ, гдѣ жилъ народъ-торгашъ, большею же частью вдали отъ нея, въ бывшихъ финикійскихъ колоніяхъ. На основаніи такихъ косвенныхъ указаній, подкрѣпленныхъ кое-какими свидѣтельствами греческихъ и римскихъ писателей, можно составить себѣ приблизительное понятіе о домашнемъ бытѣ кареагено-финикійскихъ культуртрегеровъ.

Одежда ихъ состояла изъ нижняго костюма, передника, замѣнявшаго собою верхнее платье, и большого широкого воротника. Нижняя одежда, обыкновенно желтаго или краснаго цвѣта, шла внизъ отъ таліи, спускаясь ниже икръ и, сколько кажется, дѣлалась безъ швовъ и надѣвалась на подобіе передника. Верхній костюмъ надѣвался сзади напередъ такимъ образомъ, что полы его заходили одна за другую, причемъ вмѣстѣ съ нижней одеждой онъ приторачивался къ таліи помощью ремня. Цвѣтъ его разнообразился по желанію.

Воротникъ имѣлъ почти яйцевидную форму, въ серединѣ его находилось отверстіе для головы, а на груди онъ застегивался посредствомъ крючковъ. Одна половина воротника была красная съ желтой каймой, другая имѣла красный фонъ, усѣянный лиловыми кружечками ¹⁾. Богатые люди носили дорогія шитыя мантии и пурпуроваго цвѣта одежду, украшенную золотомъ и драгоценными камнями. Про одного кареагенскаго милліонера положительно извѣстно, что онъ истратилъ сто двадцать талантовъ (около 35.000 р. на наши деньги), чтобы имѣть удовольствіе надѣтъ блестящее платье ²⁾.

По свидѣтельству Библіи Соломонъ перенялъ у тирско-сидонскихъ гражданъ не только мантии и шитые костюмы, но и пурпуровую одежду, напоенную благоуханіями ³⁾. Что подобнаго сорта одежда была дорога видно изъ того, что для окраски одного фунта шерсти требовалось до шести фунтовъ дорогаго сока улитокъ.

Женщины носили одежду, похожую на мужскую; схваченная у таліи широкимъ металлическимъ поясомъ или вышитымъ кушакомъ,

¹⁾ Ф. Готтенротъ «Исторія вѣшной культуры» пер. С. Л. Клячко 1900 г., т. I, 16.

²⁾ Church «Carthage», 125.

³⁾ Іезекіиль. XXVI, 16.

она мягко обрисовывала формы бюста и распускалась къ низу массами длинныхъ складокъ. Поверхъ такой нижней одежды накидывали не менѣе богатую верхнюю—распашную съ рукавами или кокетливо надѣтую безрукавку. При выходѣ изъ дому финикіянки завертывались въ плотный, а иногда полупрозрачный платокъ пурпуроваго цвѣта,—намекъ на чадру современныхъ восточныхъ женщинъ,

Обувь составляли сандалии или небольшіе полусапожки съ загнутыми или прямыми носками и сдѣланные изъ кожи или сафьяна. Низшій бѣдный людъ ходилъ, разумѣется, босикомъ или въ грубыхъ башмакахъ изъ кожи и дерева. Иногда, впрочемъ, и богатые люди довольствовались собственной подошвой, надѣвая обувь только въ торжественныхъ случаяхъ, когда полагался праздничный костюмъ съ различнаго рода цѣнными украшеніями.

Дома строились обыкновенно изъ обожженнаго или высушеннаго на солнцѣ кирпича, рѣже изъ камня; для связи употребляли известковый или гипсовый цементъ; деревянныя части,—перекладины, столбы и проч. дѣлали изъ сикоморовыхъ (а у богачей изъ пальмовыхъ) бревенъ, а иногда изъ сандалнаго и кипарисоваго дерева. Жилые покои выходили на четырехугольный дворъ, который въ богатыхъ домахъ былъ обнесенъ колончатой галлереей. Въ большихъ финикійскихъ городахъ, Тирѣ, Сидонѣ, Арадѣ и, позднѣе, въ Кареагенѣ дома строились въ нѣсколько этажей, образуя узкія, кривыя и темныя улицы.

Тѣ остатки водопроводовъ, которые встрѣчаемъ возлѣ Кареагена и до сихъ поръ, по всей вѣроятности, относятся къ позднѣйшему времени, т. е. когда римляне всецѣло владѣли знаменитой тирской колоніей. Стѣны въ комнатахъ у небогатыхъ людей бѣлились, а у богачей были увѣшаны коврами и обложены дорогимъ деревомъ или мраморомъ; полы дѣлались большею частью кирпичными и иногда раскрашивались причудливыми узорами.

О финикійскихъ храмовыхъ постройкахъ было говорено выше.

Домашняя утварь была довольно разнообразна, что совершенно понятно, такъ какъ, ведя всемірную торговлю, финикіяне не могли довольствоваться произведеніями однихъ туземныхъ мастеровъ и, естественно, привозили на родину различные экземпляры утвари изъ чужихъ странъ.

Въ комнатахъ находились диваны, мягкія кресла, постели, столы, табуретки, стулья со спинками и безъ оныхъ, небольшія скамейки, плетенныя софы, ковры и т. п. предметы. Свѣтильники и лампы были металлическіе, а каменныя чашки на подставкахъ. До насъ дошли

изображенія нѣкоторыхъ сосудовъ, представлявшихъ собою отчасти плоскія чаши, отчасти высокіе горшки; всѣ они имѣютъ громадныя размѣры и снабжены рельефными украшеніями, изображающими лошадиныя головы и человѣческія фигуры. Тонкость и тщательность отдѣлки ихъ изумительны, но вкуса въ нихъ незамѣтно. Кромѣ того для питья служили кубки, чарки и рога, натуральные и въ дорогой оправѣ, иногда золотые или серебряные; также во всеобщемъ употребленіи находились различныхъ видовъ кружки, металлическія и стеклянныя.

Со времени сближенія Палестины съ Финикіей дорогіе сосуды появились и у іудейскихъ царей. „И всѣ сосуды для питья у царя Соломона были золотые, и всѣ сосуды въ домѣ изъ ливанскаго дерева были изъ чистаго золота; изъ серебра ничего не было, ибо серебро во дни Соломоновы считалось ни за что“ ¹⁾. Кухонная посуда почти не отличалась отъ египетской, развѣ, была разнообразнѣе и цѣннѣе.

Украшенія составляли золотые браслеты, кольца, серьги, запястья, ожерелья, бусы, перстни, златотканья или узорчатая повязки и т. п. вещички, до которыхъ особенными охотницами являлись женщины, по своему воспринимавшія „опыты быстротекущей жизни“.

Если вѣрить *Виргилію*, тирскія дѣвицы,—конечно тѣ изъ нихъ, которыя имѣли возможность тряхнуть мощной своихъ папашъ—одѣвались такъ пышно что „ихъ ноги до икры были одѣты пурпуровымъ котурномъ“ ²⁾.

А разъ это дѣйствительно было такъ, то позволительно спросить, какія же великолѣпныя украшенія онѣ должны были носить въ *pendant* къ столь дорогому, доведенному до артистической нелѣпности костюму?

Комнатныя украшенія также отличались большимъ разнообразіемъ, начиная съ шелковыхъ занавѣсей и кончая великолѣпными произведеніями изъ золота, бронзы, янтаря и слоновой кости, въ видѣ статуэтокъ, литыхъ металлическихъ зеркалъ, мраморныхъ ваннъ и умывальниковъ, золотыхъ или серебряныхъ вазъ, чашъ изъ чернаго хрусталя и т. п. Тонкость и тщательность отдѣлки ихъ поразительны, но въ нихъ почти совсѣмъ не замѣчается вкуса, они слишкомъ обременены украшеніями и вообще носятъ на себѣ полуварварскій характеръ.

¹⁾ 3 кн. Царствъ, X, 21.

²⁾ *Виргилій «Энеида»* I, 336.

Со всѣмъ тѣмъ финикійскіе города достигли изумительнаго матеріальнаго процвѣтанія и пророкъ Іезекиль не преувеличивалъ, называя Тиръ въ своей суровой филиппикѣ складомъ всѣхъ богатствъ древняго міра „Когда товары твои—говорить отъ—выйдутъ изъ волнъ, ты насытишь несмѣтные народы, обогатишь царей земли“... 1).

Но несмотря на богатство городовъ, послѣдніе какъ впрочемъ, и вездѣ на Востокъ, имѣли чисто азіатскую фізіономію со всей ея неприглядностью, вонью и колоссальной грязью.

Вышеприведенными свѣдѣніями мы должны закончить обзоръ домашняго быта финикійскихъ мореплавателей, такъ какъ, къ сожалѣнію, почти лишены вещественныхъ памятниковъ, по которымъ можно было бы составить ясное представленіе о послѣднемъ и по неволѣ вынуждены довольствоваться отрывочнымъ и случайнымъ матеріаломъ до тѣхъ поръ, пока результаты новыхъ раскопокъ не прольютъ достаточно свѣта на темное прошлое Финикіи и ея знаменитой сѣвероафриканской колоніи, традиціонной соперницы Рима.

Народный характеръ достаточно обрисованъ въ своемъ мѣстѣ: дѣятельные, энергичные, предприимчивые и ловкіе торгаши преслѣдовали свои коммерческіе интересы съ необыкновенной алчностью и своекорыстіемъ, обнаруживая въ указанномъ направленіи все упорство семитической расы, для которой деньги были кумиромъ и ключемъ ко всѣмъ воротамъ, не исключая и небесныхъ. Во всемъ существѣ древняго финикіянина нѣтъ и слѣда египетской гуманности или солдатскаго добродушія ассиріянина. По натурѣ своей онъ былъ жестокъ, но боязливъ, что совершенно понятно, такъ какъ жестокіе люди никогда не бываютъ смѣлыми. Иногда, впрочемъ, въ качествѣ крупнаго нравственнаго противорѣчія, какъ объ этомъ свидѣтельству ютъ нѣсколько чертъ изъ исторіи кареагено-финикійской народности, онъ умѣлъ выказывать необыкновенное геройство, мужество и отвагу, но въ общемъ этотъ слабый сурогатъ солдатской накипи всецѣло растворялся въ узкомъ коммерческомъ морѣ, поглощавшемъ исключительно предметы купли-продажи.

Удивительно, какъ подобный антагонизмъ между противоположными стремленіями человѣческаго духа—мирный человѣкъ, лавочникъ и комисіонеръ по всѣмъ отраслямъ индустріи могъ превращаться въ пирата, разбойника и отважнаго мореходца—удивительно, говоримъ мы, какъ уживался онъ въ существѣ финикіянина торгашски-испорченнаго, корыстолюбиваго, суевѣрнаго и пропитаннаго чудовищной злостью!

1) Іезекиль XXVII, 17.

Развѣ это не поразительно, что изъ среды торговой націи, равнодушной ко всему тому, что находилось внѣ предѣловъ купеческихъ животишекъ, выходили величайшіе полководцы міра, что въ минуты общественной опасности она объединялась той дисциплиной, которая живетъ въ душѣ каждаго солдата и что, у ней, наконецъ, наряду съ любовью къ деньгамъ возникалъ пламенный, доходившій до самозабвенія патріотизмъ, заставлявшій ея героическихъ сыновъ пасть и быть погребенными подъ развалинами Тира и Кареагена?

Не всегда, какъ видно, лавочникъ въ Финикіи перевѣшивалъ патріота, случалось, значить, и обратное.

Какъ Востокъ, такъ равно и Западъ одинаково ненавидѣли финикіянь и ихъ ограниченную, жестокою культурою: первой потому, что они эксплуатировали его, что называется, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, второй—вслѣдствіе расоваго отвращенія и культурной непримиримости основъ ихъ жизни съ социально-экономическимъ міросозерцаніемъ греко-римской народности. Вопреки евангельскому изреченію, ученикъ сталъ выше учителя и вымелъ съ европейскаго материка поверхностную и наносную западно-азиатскую культуру, соперницу начавшаго расправлять крылья европеизма.

Богатство и наслажденіе,—вотъ къ какимъ прозаическимъ источникамъ, со всей пылкостью семитической натуры, стремились финикіяне и для достиженія указанной цѣли со спокойной совѣстью жертвовали образованіемъ, просвѣщеніемъ, наукой и тѣми вдохновенными произведеніями искусства, которыя впоследствии въ созданіяхъ античнаго интеллектуальнаго и эстетическаго творчества такъ всесторонне развили греческій геній.

Просвѣчивавшая сквозь шлюзы коммерческой морали погоня за рублемъ была доведена до крайности: изъ провинці высасывались всѣ соки, подданные обирались до послѣдней рубашки, а тяжесть налоговъ и податей возлагалась не на тѣхъ, кому она была по силамъ, а на тѣхъ, кто и безъ того былъ не въ мѣру угнетенъ.

Какъ выяснено въ своемъ мѣстѣ, практичный, орошенный золотымъ дождемъ торгашъ, исходившій изъ убѣжденія, что философія вообще никого никуда не приводитъ и что приходятъ къ чемунибудь только тѣ, кто не философствуетъ, такой сухой прозаикъ, говоримъ мы, умѣлъ выбрать и религію по своему вкусу,—религію возвышающаго обмана,—требованія которой, за нѣкоторыми исключеніями, исполнять было легко и выгодно, давая возможность или надувать божество или откупаться отъ послѣдняго деньгами. О томъ, что къ небу доходятъ лишь тѣ молитвы, которыя не угодны земнымъ богамъ—

объ этомъ финикіянинъ былъ совѣмъ противоположнаго мнѣнія и, считая, что на свѣтѣ деньги способны все сдѣлать, самъ, въ свою очередь, былъ способенъ все сдѣлать за деньги.

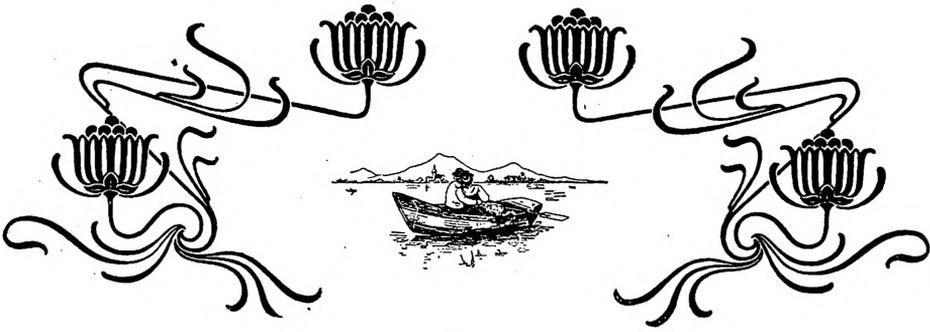
Итакъ нажива во чтобы то ни стало и какой бы то ни было цѣной—вотъ идеаль, къ которому съ ревностью присяжнаго сыщика, что называется сѣмо и овамо, стремился финикійскій торгошъ-реалистъ. Но, само собой разумѣется, онъ старался нажить не исключительно только для того, чтобы прятать накопленное золото въ кубышку въ сладостномъ сознаниі его наличности: барышъ доставлялъ богатство, а богатство—наслажденіе или, по крайней мѣрѣ, сытый буржуазный комфортъ, т. е. именно то, что требовалось для услады жизни купчинъ-культуртрегеру, міросозерцаніе котораго было чисто прозаическимъ, вполнѣ гармонировавшимъ съ узенькими задачками его дѣятельности.

Женщины-финикіянки въ нравственномъ отношеніи были совершенно подъ пару мужской половинѣ: практичныя, хитрыя и корыстолюбивыя, онѣ славились распутствомъ, которое освящала религія, что, однако, не мѣшало этимъ ординарнымъ вакханкамъ, не исключая и упрятанныхъ въ брачный кузовъ, выгодно продавать свои ласки, расплачиваясь за полученные подарки собственнымъ тѣломъ. Представляя изъ себя по большей части самокъ изъ сорта тѣхъ, кои не изгоняются ни молитвой, ни постомъ и основательно разсуждая, что *la vertu est toujours si mal recompensée*, онѣ не принимали любовь за чистую монету, а наоборотъ—принимали чистую монету за любовь, въ которую онѣ падали, какъ падаютъ въ грязную яму. Естественно, что знакомство съ финикійской сиреной той или другой масти, подмѣтившей алчный огонекъ въ глазахъ мужчины, обходились для послѣдняго весьма не дешево, какъ, впрочемъ, наблюдается повсюду, если перенестись въ область отношеній современныхъ.

Міръ всегда былъ развратенъ. Душевная рыхлость, блѣдная немочь любви, переходящая въ какое то болѣзненное, неутолимое сладострастіе, женолюбство и прикрытый вычурными и громкими фразами эротизмъ просвѣчиваютъ намъ изъ подъ историческихъ памятниковъ всѣхъ эпохъ: изъ подъ пепла, покрывшаго древній Востокъ, изъ подъ художественныхъ развалинъ пропитанной наслажденіемъ Эллады, изъ подъ „вѣчнаго“ города цезарей, изъ подъ папскаго Рима эпохи Возрожденія, изъ версальскаго двора „короля-солнца“, изъ общества кануна революціи и т. д. и т. д. вплоть до нашего времени включительно, которое, сколько кажется, въ отношеніи половой морали побило рекордъ...

Не касаясь здѣсь проституціоннаго вопроса, въ основѣ котораго лежитъ капиталистическое неравенство, нужно сказать вообще, что пылкая натура семитки, черноволосой, статной, съ роскошно развитыми формами, съ орлинымъ носомъ и съ опущенными густыми ревнивыми рѣсницами глазами, краснорѣчиво и безцеремонно говорящими о жаждѣ жить, требовала чего то большаго, и женщина подобнаго темперамента не могла снизить исключительно на степень простой родильной машины и заставить течь въ своихъ жилахъ святую воду вмѣсто крови, особенно подъ звѣзднымъ и жгучимъ небомъ южныхъ широтъ, подъ тихимъ, убаюкивающимъ плескомъ моря, гдѣ плавно одна за другою набѣгаетъ волна... Не надо быть одержимымъ Фаустовскимъ недугомъ сомнѣнія, чтобы понять страстное жизнелюбіе семитокъ (въ частности финикійскихъ женщинъ), которое, заставляя ихъ слѣдовать завѣтамъ обоготворяемой великой самки—природы, въ предѣлахъ возраста, препятствовало имъ ставить на своей любовной карьерѣ окончательную и безповоротную точку.

Книга IV.

Исторія Финикіи.

Исторія Финикіи въ томъ видѣ, въ какомъ она была написана историкомъ ея упомянутымъ выше Санхуніаономъ (если онъ только живое лицо, а не вымыселъ) до насъ не дошла и съ нею мы знакомы лишь по отрывкамъ, сохранившимся у Порфирія, Евсевія и Іоанна Лида, позаимствовавшихъ эти отрывки у Филона. (См. Письменность и литература). Кромѣ того нѣкоторыя указанія даютъ каноническія Книги Царствъ и отчасти надписи ассирійскихъ владыкъ, не говоря уже про памятники, добытые египтологами изъ нѣдръ нильской почвы. Архивъ Тель-эль-Амарны съ его 86 письмами изъ Финикіи, среди которыхъ 64 приходятся на долю одного Библа и 8—на долю Тира, ясно доказываютъ, что даже въ эпоху господства клинописи здѣсь не было недостатка ни въ любви къ писанію, ни въ средствахъ къ ея удовлетворенію ¹⁾).

Кромѣ Тель-эль-Амарнскихъ документовъ, вводящихъ насъ въ финикійскую исторію въ періодъ владычества фараоновъ, можно указать на папирусъ Anastasi I и папирусъ В. С. Голенищева о путешествіи египтянина Уну-Аммона въ Финикію и въ филистимлянскую землю. Засимъ кое-какія свѣдѣнія объ финикійской исторіографіи мы находимъ у Геродота, Саллюстія, Іосифа Флавія, Дія и Менандра.

Скудость историческаго матеріала, касающагося исчезнувшей финикійской націи, отчасти пополнена трудами, изслѣдованіями и раскопками нѣкоторыхъ европейскихъ ученыхъ и семитологовъ, изъ числа которыхъ слѣдуетъ назвать Бохарта, Скалигера, Фуллера, Гезеніуса, Моверса, Ренана, Gaillardot, Clermont-Ganneau, Thiele, Winckler, Bau-

¹⁾ Тураевъ, цит. соч. 89.

dissin, Gruppe, Берже, Мельцера, Гутшмида, Шмюлинга, Галеви и Деляттра.

Благодаря ихъ трудамъ, культурная исторія Финикіи, въ общемъ, можетъ считаться достаточно выясненной, но за то относительно политической исторіи страны наши свѣдѣнія оставляютъ желать еще очень многого. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что представить исторію Финикіи на подобіе, напримѣръ, исторіи Египта или Ассиріи тоже нельзя: намъ извѣстно, что большинство значительныхъ городовъ сѣвернаго Ханаана имѣли почти каждый свое собственное правительство и, первоначально, „порфироснаго“ главу, власть котораго была ограничена представителями купеческой знати—богатѣйшими гражданами, т. е. аристократіей денегъ. Не трудно предугадать, что при подобномъ политическомъ устройствѣ, мало мальски значительный финикійскій городъ съ принадлежавшей ему территоріальной областью, долженъ былъ имѣть отдѣльную политическую жизнь, а, слѣдовательно, и свою собственную исторію, которая, надо полагать, выражалась въ соответственныхъ „дѣписаніяхъ“.

Финикія, какъ замѣчено выше, никогда не составляла политически-единаго государства: она родилась и умерла раздѣленной, но сходясь въ указанномъ отношеніи съ Греціей, страна торгашей существенно отличалась отъ этой послѣдней тѣмъ, что широкое развитіе политической жизни, какое мы наблюдаемъ у эллиновъ, было совершенно чуждо государственному устройству и національному характеру древней Финикіи, эгоистическое правительство которой лишь тогда цѣнило призрачныя политическія блага, когда они сопровождались благами матеріальными.

Выше мы указывали, что нѣкоторые большіе города для защиты отъ непріятельскихъ вторженій и для охраненія торговыхъ интересовъ заключали между собой союзы, но подобная федерація носила случайный характеръ и не отличалась прочностью, будучи лишь частной сдѣлкой, а не сознательной государственной мѣрой, направленной къ усиленію внутренней скрѣпы между частями страны. Торгаши и здѣсь перевѣшивалъ политика. Понятное дѣло, что въ названномъ историческомъ процессѣ основныя политическія начала находили свое отраженіе, являясь въ своей направляющей роли, соответствующей извѣстному равновѣсію политическихъ силъ, элементами непрочными и не жизнеспособными. Разумѣется также и то, что богатѣйшіе торговые города становились во главѣ федеративнаго альянса и политической жизни древней Финикіи, почему и исторія послѣдней сводится обыкновенно къ исторіи городовъ Сидона и Тира, бывшихъ попеременно

центрами ея торгово-промышленной и политической дѣятельности. Первоначально пальма первенства принадлежала Сидону, хотя исторія названнаго города до эпохи египетскаго владычества намъ совсѣмъ неизвѣстна, если не считать торгово-промышленныхъ и колониальныхъ приобрѣтеній сидонянъ, выступившихъ на путь мореплаванія и коммерческихъ сношеній.

Изъ исторіи фараоновскаго Египта мы знаемъ, что Тутмесь I, перебросивъ войска свои въ Сирію, завоевалъ землю Цахи. Начиная съ указаннаго времени (ок. 1.666 г. до Р. X.), сидоняне, какъ и всѣ остальные сосѣдніе народцы, вынуждены были признать египетское господство, удержавшееся, съ нѣкоторыми перерывами, въ теченіе царствованій фараоновъ XVIII-ой, XIX-ой и XX-ой династій (отъ первой половины XVII вѣка до конца XIII-го).

Какъ истые купцы, проникнутые лавочно-мѣщанскимъ характеромъ торгашества, сидоняне предпочитали полнѣйшей свободѣ и удовлетворенію національнаго чувства, всегда уничтожаемаго чужеземной властью, матеріальныя выгоды и удобства, которыя находили они въ принадлежности большому государству и играя въ послѣднемъ роль привилегированныхъ маклеровъ.

Тѣ условія, въ какія была поставлена Финикія самой природой и географическимъ положеніемъ, не позволяли ей почти никогда пользоваться политической независимостью, почему въ продолженіе большей части своей исторіи, она, будучи въ вассальныхъ отношеніяхъ къ чужестраннымъ государствамъ, должна была во внѣшней политической жизни слѣдовать иноземной указкѣ. Къ тому же вѣчная борьба между купеческой знатью и обнищавшимъ пролетаріатомъ, смуты, междуусобія и гражданскія революціи вовлекли торгашей въ такое глубокое болото, что они въ немъ засѣли на долго и желали лишь, чтобы имъ помогли изъ него вылѣзть. Это и было исполнено чужеземнымъ владычествомъ, но въ общемъ все таки нельзя не признать, что финикіяне попали если не изъ огня въ полмя, то ужъ навѣрное изъ огня въ огонь: вмѣсто прекращенныхъ смуть, междуусобій и неурядиць, тяготившихъ страну, явился равномерный гнетъ иноземцевъ, угнетавшихъ не только привилегированныхъ богатыхъ купцовъ, но и всю финикійскую націю. Алчнымъ завоевателямъ всюду мерещилось золото и они несмотря на всѣ ухищренія торгашей, наровившихъ отдѣлаться копѣчными сборами, умѣли выдаивать ихъ по всѣмъ упрощеннымъ правиламъ тогдашней финансовой системы. Волей-неволей прижимистымъ и своекорыстнымъ кавалерамъ отъ индустріи приходилось развязывать кошелекъ и, похныкивая, платить, платить безъ

счета, а главное безъ надежды сколько нибудь удовлетворить аппетитъ чужеземныхъ властителей.

Хотя путемъ торговли финикияне возмѣщали убытки, причиненные имъ сборомъ дани и вымогательствомъ намѣстниковъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, угнетаемые жадными правителями, наострившимися въ искусствѣ переводить деньги изъ купеческой кубышки въ собственный карманъ, они нерѣдко поднимали возстанія, которыя почти всегда, послѣ жестокихъ репрессалій со стороны раздраженнаго побѣдителя, были подавляемы въ потокахъ мятежной крови. Этими возстаніями и бунтами наполнена исторія Арада, Семиры, Тира и Сидона. Но духъ, одушевлявшій поборниковъ національной независимости, сколько можно думать, ничего не имѣлъ общаго со свободолюбивымъ духомъ патріотовъ, жертвующихъ всеѣмъ для блага родины, ея политической свободы и самобытности, а являлся узко-эгоистическимъ духомъ одушевлявшимъ защитниковъ лишь для того, чтобы сохранить накопленныя богатства и имѣть возможность ихъ приумножить. Это былъ своего рода какой то перлъ златобѣсія, ибо все дѣлалось ради золота, даже сама смерть принималась ради него, точно это проклятое клеймо жизни въ самомъ дѣлѣ обладало и обладаетъ обѣщаніями вѣчности!...

Послѣ упадка сидонскаго могущества политическое и торговое первенство перешло къ Тиру, воспользовавшемуся разрушеніемъ „первенца Ханаана“ филистимлянами и захватившему въ свои руки всю морскую торговлю. Въ силу приведенныхъ причинъ здѣсь будетъ излагаться главнымъ образомъ исторія Тира, а къ исторіи Сидона, возставшаго изъ своихъ развалинъ, равно какъ и къ исторіи остальныхъ городовъ страны, мы будемъ обращаться лишь отчасти, когда это будетъ требоваться ходомъ историческаго разсказа. Нечего прибавлять, что въ виду скудости историческаго матеріала, вынесеннаго семитологами изъ нѣдръ финикійской почвы и дошедшаго до насъ въ отрывкахъ, сообщаемыхъ классическими писателями, разсказъ по необходимости долженъ имѣть отрывочный, фактическій характеръ съ неизбѣжными пропусками и пробѣлами, но ужъ въ этомъ не наша вина.

Первая извѣстная намъ глава изъ исторіи Тира основывается на документахъ, сохраненныхъ архивомъ Телль-эль-Амарны, въ эпоху которой царемъ Тира былъ Авимелекъ, состоявшій въ перепискѣ съ фараономъ Аменготепомъ IV (см. исторію Египта въ Ново-Фиванскій періодъ). Къ сожалѣнію, кромѣ имени мы ничего не знаемъ ни о вышеназванномъ царѣ, ни о характерѣ его государственной дѣятельности, ни даже объ его ближайшихъ преемникахъ.

1. **Хирамиды.** Свѣдѣнія, сообщаемыя Библіей, устанавливаютъ фактъ, что тирскій царь Хирамъ I вступилъ въ дружественный союзъ съ Давидомъ и прислалъ ему архитекторовъ для постройки задуманнаго имъ дворца, такъ какъ подданные іудейскаго царя были плохими зодчими. Кромѣ приведеннаго свѣдѣнія, о Хирамѣ I больше ничего неизвѣстно; даже гробница его (а можетъ быть его тезки Хирама II), „Kabr. Nigam“, по осмотрѣ ея въ 1861 году Ренаномъ, объявлена подложной.

Сынъ Хирама I, Авивалъ также поддерживалъ дружбу съ евреями, которые въ это время окончательно уничтожили надтреснутое могущество филистимлянъ и распространили свое политическое вліяніе почти до самыхъ береговъ Ефрата.

Сынъ и наслѣдникъ Авивала, Хирамъ II (ассир. Ni-gu-um-tu приблиз. 969—936), посылалъ царю Соломону матеріалы для сооруженія іерусалимскаго храма, а также снабжалъ его рабочими, архитекторами и матросами; съ помощью знающихъ свое дѣло моряковъ іудейскій царь выстроилъ флотъ въ Эціонгеберѣ. Библія говоритъ, что Соломонъ задолжалъ тирскому царю за работы въ храмѣ ¹⁾, и что Хирамъ послалъ Соломону сто двадцать талантовъ золота. Какъ бы тамъ ни было, сношенія между двумя блестящими сирійскими дворами стали особенно оживленными и при Хирамѣ II Тиръ достигъ апогея своего величія, вліяя на политическую жизнь всего Ханаана. Тирскіе корабли плавали по всѣмъ морямъ, поддерживая развившуюся торговлю, доставлявшую финикійской націи изрядную прибыль.

Насколько можно считать успѣшной внутреннюю дѣятельность тирскаго царя судить довольно трудно, такъ какъ необходимыя свѣдѣнія отсутствуютъ; мы знаемъ только, что Хирамъ приказалъ засыпать раздѣлявшіе кварталы Тира проливы и въ южной части города, при помощи насыпей и укрѣпленныхъ набережныхъ, отвоевалъ у моря часть суши, что, безъ сомнѣнія, увеличило площадь Тира. Впослѣдствіе при расширеніи предѣловъ города, большая часть его заняла близъ лежащій материкъ, а меньшая, въ которой сосредоточивался центръ правительственной жизни, осталась на островахъ, какъ пунктахъ менѣе доступныхъ вторженію извнѣ.

По смерти Хирама II престолъ перешелъ къ старшему сыну покойнаго царя—Валеазару (приблиз. 936—919), о которомъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній за исключеніемъ, развѣ, того, что онъ царствовалъ около семнадцати лѣтъ.

¹⁾ Кн. Царств. III, 9.

Спустя девять лѣтъ по смерти Валеазара обычная въ финикійскихъ городахъ революція низвергла съ трона сына и преемника его Абдастарта (приблиз. 919—910) и передала власть въ руки узурпаторовъ, господство которыхъ имѣло крайне прискорбныя послѣдствія: многіе колоніальныя приемыши были утеряны и перешли въ другія руки, а число эмигрантовъ изъ Тира возросло въ огромной пропорціи. Во время этихъ внутреннихъ неурядицъ картонныя царьки, оспаривая другъ у друга престолъ и совершая всевозможныя злодѣйства, окончательно ввергали государство въ состояніе политической анархіи.

Далеастартъ, Астартъ (Абдастартъ? ок. 900—889), Астаримъ (Astarimus, ок. 888—880) и Фелитъ (Фалій), смѣнявшіе другъ друга на тронѣ, оказались не въ состояніи прекратить междуусобія и вывести страну изъ состоянія разложенія. Фелитъ царствовалъ всего восемь мѣсяцевъ и былъ убитъ однимъ изъ своихъ родственниковъ, который захватилъ власть въ свои руки и счумѣлъ ее удержать въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ.

2. Ассиро-халдейское владычество. Это былъ жрецъ Астарты — Этбааль I (Итобаль, ок. 878—866), родоначальникъ новой династіи, свергнувшій домъ Хирамидовъ. Царь-жрецъ оказался искуснымъ правителемъ и царствованіе его было довольно спокойное. Дочь Этбаала, Іезавель была выдана замужъ за царя израильскаго Ахава, надъ которымъ, какъ видно изъ Библии, имѣла безграничное вліяніе. Въ царствованіе Этбаала появилась на историческомъ горизонтѣ международныхъ отношеній новая политическая величина—ассиріяне, впервые распространившіе свои захваты въ Сиріи и принудившіе Тиръ признать надъ собою верховную власть Ассурназирпала (см. т. II, исторію Ассиріи). Взвѣсивъ шансы на успѣхъ, Этбааль добровольно подчинился ассирійскому царю, рассчитавъ, что гораздо выгоднѣе купить миръ, нежели сопротивляться при очевидномъ неравенствѣ силъ. Зато сѣверная Финикія, Арадъ и Семира, упорствовавшіе въ сопротивленіи и не желавшіе покориться ассиріянамъ, испытали всю тяжесть ихъ нашествія: ассирійскій царь Салманассаръ II (въ царствованіе преемника Этбаала) до тла разорилъ ихъ области и принудилъ непокорные города признать себя данниками Ассиріи.

Сынъ Этбаала, Валезоръ (приблиз. 865—849) царствовалъ около семнадцати лѣтъ и оставилъ корону сыну своему Маттону I (Mattonus, Mutto, приблиз. 848—821), при которомъ Салманассаръ снова появился въ Сиріи и наложилъ тяжелую контрибуцію на Арадъ, Тиръ

и Библия. Къ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются относительно царствованія Маттона примѣшиваются мнѣя объ основаніи величайшей тирской колоніи на сѣверномъ берегу Африки—могущественнаго Карагена.

По словамъ полинявшей сказки, передаваемой классическими писателями, послѣ покойнаго царя остались несовершеннолѣтній сынъ Пигмалионъ (Pygmalion, ок. 820—774 г.) и дочь Элиссаръ (Elissa), находившаяся въ замужествѣ за своимъ дядей, главнымъ жрецомъ храма Мелькарта, Сихарваломъ, которому за малолѣтствомъ законнаго наслѣдника было вручено регентство. Спустя нѣсколько времени Сихарваль былъ убитъ своимъ племянникомъ, воспитаннымъ въ интересахъ народной партіи и тяготившагося опекою зятя, а, быть можетъ, мечтавшаго захватить сокровища послѣдняго.

Желая отомстить за смерть мужа, Элиссаръ составила заговоръ, имѣвшій цѣлью низвергнуть ея брата и, измѣнивъ государственный порядокъ, сосредоточить всю власть въ рукахъ аристократіи. Около трехсотъ членовъ сената, стоявшихъ во главѣ патриціанскихъ родовъ и преслѣдовавшихъ личные кастовые интересы, приняли дѣятельное участіе въ заговорѣ, надѣясь путемъ переворота вернуть утраченное значеніе въ государствѣ. Когда заговоръ былъ открытъ и конспиратамъ угрожала неминуемая гибель, Элиссаръ хитростью овладѣла тирскимъ флотомъ, который находился въ это время въ гавани и уже готовился къ отплытію, посадила на корабли своихъ приверженцевъ и оставила родину (ок. 826 г.).

Геній Виргилія сдѣлалъ извѣстнымъ всему міру имя Дидоны, что значитъ „бѣглянка“.

По словамъ той же легенды, первоначально бѣглецы направились къ острову Кипру (библейскій Хитимъ), но оракулъ приказалъ имъ плыть далѣе. Между тѣмъ многія молодая кипріотки собрались на финикійскіе корабли для покупки нарядовъ. А такъ какъ нѣкоторые изъ переселенцевъ оставили своихъ женъ въ Тирѣ, то они воспользовались удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія себѣ другихъ женъ. И вотъ невольные переселенцы незамѣтно отчалили отъ острова и съ захваченной добычей поплыли къ африканскому берегу.

Тамъ, гдѣ этотъ берегъ, направляясь къ востоку отъ Геркулесовыхъ Столбовъ, круто изгибается къ югу, на самой излучинѣ есть глубокій заливъ, внутри котораго африканскій материкъ образуетъ полуостровъ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы отыскать мѣсто болѣе благоприятное для основанія колоніи. За безцѣнокъ Элиссаръ сторговала у мѣстныхъ жителей, принадлежавшихъ къ племени гетуловъ,

усокъ земли, величиной съ воловью шкуру, а потомъ разрѣзала кожу а тоненькіе ремешки и обвела ими такое пространство, что можно ыло построить городъ.

Таково возникновеніе важнѣйшей финикійской колоніи Каръ-Гадаста (Karth-hadschath), откуда греки произвели Кархедонъ (Carhedon), а римляне—Карфагенъ (Carthago).

Легенда прибавляетъ, что замѣтивъ обманъ, князь гетуловъ Ирбазъ потребовалъ, чтобы пришельцы или оставили его земли или признали его своимъ царемъ, а Элиссаръ должна быть его женой. Гордый и свирѣпый предводитель дикихъ ордъ далеко не былъ по-ложь на перваго избранника Дидоны и, вѣрная памяти послѣдняго, царица рѣшилась лучше погибнуть, чѣмъ соединиться брачными узами съ кровожаднымъ африканскимъ дикаремъ. Однако для вы-грыша времени молодая вдова изъявила согласіе выйти замужъ за Ярбаза, но съ условіемъ, чтобы свадьба была отложена до тѣхъ поръ, пока она не справитъ тризну по своему убитомъ супругѣ. Когда назначенный срокъ прошелъ, царица приказала сложить огромный ко-стеръ, сама зажгла его, простилась съ народомъ и, бросивъ послѣд-ній взглядъ на основанный ею городъ, исчезла въ пламени. Карфаге-няне, воспользовавшись отсрочкой, приготовились къ оборонѣ, отра-зили набѣгъ гетуловъ и утвердили за собою обладаніе полуостровомъ.

Само собой разумѣется, что въ разсказѣ объ основаніи Карфагена нельзя признать ничего кромѣ легенды, составленной изъ различныхъ отрывковъ и возникшей въ такое время, когда уже ничего не было точно извѣстно относительно происхожденія великаго пунического города ¹⁾. Но изъ приведеннаго преданія для насъ важенъ тотъ фактъ, что тирскіе властители въ борьбѣ съ аристократіей нерѣдко одержи-вали верхъ, принуждая побѣжденную партію къ выселенію. Въ дан-номъ случаѣ Пигмаліонъ, очевидно, опирался на городское сословіе и съ помощью его одолѣлъ аристократію, во главѣ которой стояла его сестра. Несомнѣнно, что царь понялъ необходимость придти на помощь угнетенной массѣ и сломить силу богачей, желавшихъ под-держатъ старинныя привилегіи. Но, какъ было замѣчено въ своемъ мѣстѣ, подобные социальныя перевороты не могли служить радикаль-нымъ средствомъ для поднятія городского сословія ужъ по одному тому, что цари всѣми своими интересами были связаны съ денежной аристократіей и съ крупными торговцами, а не съ обнищалою город-

¹⁾ См. критику сказаній объ основаніи Карфагена у Meltzer, «Geschichte der Kart- hager», 90—141; Gutschmid, «Kleine Schriften», II; 91—94.

ской массой. Тѣмъ не менѣе Пигмаліонъ достигъ того, что приобрѣлъ себѣ почти самодержавныя права, несмотря на свое подчиненіе верховной власти ассиріянъ, господство-которыхъ въ Сиріи распростра-нялось съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе.

Братъ Дидоны Карфагенской умеръ около 774 года, процарствовавъ сорокъ семь лѣтъ. Сохраненный Менандромъ отрывокъ не сообщаетъ намъ именъ наслѣдниковъ этого царя и если на основаніи извѣстной сидонской надписи, дешифрованной де Вогюэ, можно установить послѣдовательныя царствованія двухъ одноименныхъ царей, то во всякомъ случаѣ нельзя не сознаться, что кромѣ однихъ именъ намъ объ нихъ ничего не извѣстно.

Между тѣмъ, воспользовавшись временнымъ упадкомъ Ассиріи, Тиръ отказался признавать верховную власть послѣдней, почему ассирійское господство въ Финикіи было на нѣсколько лѣтъ прервано. Вскорѣ тирскій царь Хирамъ III, угрожаемый нашествіемъ ассиріянъ, смирился и призналъ себя данникомъ Тиглатъ-Пелизара (около 740 г.), только что разгромившаго хеттскую коалицію подъ Арпадомъ.

Около же упомянутаго времени власть Тира надъ остальной Финикіей начала замѣтно ослабѣвать и „первенецъ Ханаана“, Сидонъ опять получилъ преобладаніе надъ нею, подчинивъ себѣ между прочимъ Арадъ и заселивъ его сидонскими колонистами. Гегемонія Сидона постепенно стала замѣнять первенство Тира. Въ царствованіе преемника Хирама, Маттона II армія Тиглатъ-Пелизара опять появилась въ Финикіи (около 735 г.) и Маттонъ, по свидѣтельству ассирійской надписи, долженъ былъ откупиться отъ ужасовъ осады за полтора ста талантовъ серебра.

Послѣ Маттона престоль перешелъ къ энергичному Элулаю (Luli ассирійскихъ клинообразныхъ надписей; около 729—693), который съумѣлъ воскресить бывшее обаяніе тирекаго могущества и принудилъ къ подчиненію возставшій противъ тирянъ на Кипрѣ городъ Цитіумъ. Но болѣе всего прославила Элулая его геройская война съ сильной и могущественной Ассиріей. Тирскій царь, покинутый большинствомъ финикійскихъ городовъ, которые, частью изъ зависти къ Тиру, частью же изъ страха передъ ассиріянами, отдали свои корабли въ распоряженіе Салманассара V, заперся въ своей столицѣ и приготовился выдерживать осаду, начатую, вѣроятно, около 725 года. Флотъ непріятели (60 кораблей и 80 гребныхъ судовъ) потерпѣлъ страшное пораженіе отъ тирской эскадры, вслѣдствіе чего ассирійскій царь увидѣлъ себя вынужденнымъ замѣнить осаду простой блокадой.

Безуспѣшная осада города продолжалась около десяти лѣтъ, причемъ послѣднее пятилѣтіе ея пришлось на долю преемника Салманассара—Саргона. Добился ли послѣдній сдачи Тира или заключенный съ враждебной сирійской коалиціей миръ заставилъ ассирійскаго царя, не домогаясь сдачи города, продиктовать мягкія условія мира,—этого мы не знаемъ, фактъ только тотъ, что во все дальнѣйшее царствованіе Саргона мы не слышимъ даже упоминанія о Тирѣ, который снова въ лицѣ Элулая выступаетъ на сцену „въ третьемъ походѣ“ Сеннахериба (701 г.). „Лули, царя Сидона—возвѣщаетъ Сеннахерибъ въ своей надписи—объявляя ужасъ предъ блескомъ моего царства; онъ бѣжалъ далеко, въ море, на Кипръ“... Мѣсто его занялъ Этбааль II (Тубалу ассирійскихъ надписей), признавшій себя данникомъ Сеннахериба, который „наложилъ на него ежегодную, неотмѣняемую дань, какъ подать моему господству“.

Съ этого времени тщательно поддерживаемое царями древнее главенство Тира исчезло и онъ снизошелъ на степень обыкновеннаго города, къ паденію котораго остальные финикійскіе города отнеслись съ чувствомъ нескрываемаго злорадства, такъ какъ политическое и торговое первенство „развѣнчанной царицы“ слишкомъ тяжело отзывалось на ихъ экономическомъ строѣ. Въ самомъ дѣлѣ Тиръ не только монополизировалъ всю торговлю сѣвернаго Хаанаана, получая чудовищные барыши, но и обращалъ жителей другихъ городовъ Финикии изъ союзниковъ въ простыхъ подданныхъ могущественной столицы. Царство Хирама и Итобала—говорить г. Тураевъ—теперь сошло на одинъ городской тирскій островокъ, который можно было обойти въ полчаса и который не могъ даже, какъ во времена Эль-Амарны, запастись съ берега водой безъ разрѣшенія ассирійскаго намѣстника ¹⁾.

Традиціонный соперникъ Тира, Сидонъ также пытался сбросить тяжелыя ассирійскія цѣпи и возстановить свою политическую самостоятельность. Около 680 года сидонскій царь Абдимилкутъ, пользуясь смертью Сеннахериба, поднялъ знамя мятежа, рассчитывая возстановить въ интересахъ собственной власти гегемонію, которой такъ долго пользовался Тиръ. Однако возстаніе сидонянъ было подавлено: ассирійскій царь Ассаргадонъ взялъ штурмомъ непокорный городъ, разрушилъ его стѣны и переселилъ наиболѣе безпокойную часть сидонскаго населенія въ Ассирію.

Около 670 г. города Тиръ, Арадъ и Акка заключили союзъ съ пасынкомъ энергичнаго фараона Тахарка, Тонуатамономъ (Урдамами

¹⁾ Тураевъ. Ibid. 108—109.

ассирійскихъ клинообразныхъ надписей) и открыто возмутились противъ Ассирии; тирскій царь Вааль I заперся въ городъ, осажденнымъ Ассаргаддономъ, который, по словамъ надписи „воздвигъ противъ него (Ваала) укрѣпленія и преградилъ ему пищу и воду для жизни его души“.

Тѣмъ не менѣе осада Тира ассириянамъ рѣшительно не удалось и Ассаргаддонъ долженъ былъ заключить миръ съ Вааломъ, удовольствовавшись обѣщаніемъ послѣдняго, что Тиръ обязуется платить ту же дань, какую выплачивалъ при Салманассарѣ ¹⁾. Памятникъ въ Зендширли, нынѣ хранящійся въ Берлинскомъ музеѣ, подробно повѣствуетъ о побѣдахъ Ассаргаддона. Сынъ Сеннахериба, исчисляя въ своей надписи имена финикійскихъ царей, своихъ вассаловъ, называетъ, кромѣ Ваала Тирскаго, Авивала Симронскаго, Идіосагата Гебальскаго и Кулавала Арадскаго.

Но заключенный миръ оказался непрочнымъ и, сколько кажется, Вааль вновь осоюзился съ Тонуатамономъ, который при открытіи египетской компаніи выгналъ ассирійскую гарнизу изъ Мемфиса (см. исторію Египта въ Саисскій періодъ). Преемникъ Ассаргаддона, Ассурбанипаль, разгромивъ войска Тонуатамона, двинулся въ сѣверную Сирію „противъ Ваала, царя Тира, жившаго среди моря“. Хотя и на этотъ разъ городъ не былъ взятъ, несмотря на то, что ассирійскій царь „возвелъ осадныя укрѣпленія, съ моря и суши обложилъ его пути и сузилъ его (Ваала) жизнь“, тѣмъ не менѣе тирскій царь вынужденъ былъ подчиниться власти Ассирии и выплатить „тяжелую дань“.

Обезсиленный постоянными осадами, Тиръ въ то же время началъ утрачивать свои западныя владѣнія; дѣйствительно, многочисленныя финикійскія колоніи стали дѣлаться добычей грековъ и этрусковъ: первые пользуясь разгромомъ тирской державы и утвердившись на Кипрѣ, кольцомъ опоясали южные берега Малой Азіи и затѣмъ проникли въ Сицилію, гдѣ еще въ 735 году коринѣяне и мегаряне основали крѣпость Сиракузы, въ 628 году — Селинунтъ, а въ 582 году выходцами изъ Родоса былъ основанъ Агригентъ (теперь Джирженти); что же касается до этрусковъ, то они утвердились на берегахъ Италіи и южной Галліи.

Колоніальная горячка „микробовъ моря“, остывавшая уже давно, теперь окончательно прекратилось и *къ концу царствованія Ассурбанипала во владѣніи Финикіи не было уже ни одной колоніи; у нея*

¹⁾ Клинообразный текстъ договора Ассаргаддона съ Вааломъ нынѣ хранится въ Британскомъ музеѣ. См. переводъ Winckler'a въ *Altorientalische Forschungen*. Къ сожалѣнію, во многихъ мѣстахъ этотъ текстъ сильно испорченъ.

не осталось другого исхода, какъ позабыть свои колонизаціонныя стремленія, уже не осуществимыя практически. Ограниченная предѣлами своихъ азіатскихъ владѣній, Финикія не пользовалась уже достаточнымъ вліяніемъ, чтобы сыграть болѣе или менѣе вѣскую роль въ судьбахъ Сиріи ¹⁾.

Намъ неизвѣстны имена тирскихъ царей конца VII вѣка и начала VI-го, да и объ историческихъ событіяхъ указаннаго періода мы тоже освѣдомлены крайне недостаточно и потому не останавливаясь на случайныхъ намекахъ памятниковъ, касавшихся этого періода, прямо перейдемъ къ разсмотрѣнію финикійской исторіи того времени, когда мѣсто исчезнувшей съ исторической арены Ассиріи заняла Халдея и вавилонскій царь Навуходоносоръ (Nabukudurussur), разрушивъ Іерусалимъ, вторгнулся въ сѣверную Сирію. Но здѣсь герой Кархемыша былъ остановленъ сопротивленіемъ Тира, подобно тому какъ за восемьдесятъ пять лѣтъ передъ тѣмъ городъ этотъ устоялъ передъ великолѣпнымъ войскомъ Ассурбанипала. Этбааль III (ок. 688—574) руководилъ обороной города, который, по увѣренію Менандра, продержался тринадцать лѣтъ ²⁾.

Сдался ли, наконецъ, Тиръ или халдеи вернулись ни съ чѣмъ—это въ точности неизвѣстно, равно какъ мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, чѣмъ окончилась диверсія представителя обновленной саисской династіи, фараона Уахабри (Апрій), имѣвшаго намѣреніе помѣшпать вавилонскому царю овладѣть Сиріей, дѣла которой привлекали тогда особенное вниманіе египтянъ, поддерживавшихъ вооруженной силой свои партіи въ Финикіи ³⁾.

По всей вѣроятности, Навуходоносоръ, въ предвидѣніи египетской войны, счелъ достаточной компенсаціей за заключенный миръ сверженіе Этбаала съ престола и признаніе своего господства надъ Тиромъ. По удаленію халдеевъ, тирскимъ царемъ былъ сдѣланъ креатура ихъ Вааль II (ок. 574—564), который царствовалъ десять лѣтъ и былъ низвергнутъ обычной революціей. Послѣ него монархическая власть, въ силу неизвѣстныхъ намъ причинъ, была уничтожена и мѣсто ея было замѣнено правленіемъ суфетовъ (шофеть, „судьи“), что, строго говоря, почти одно и то же. Кажется, они избирались пожизненно и правленіе ихъ (564—556) кишѣло тѣми же неурядицами и революціями, какъ и въ періодъ наслѣдственной царской власти.

¹⁾ Maspero. «Histoire ancienne des peuples de l'Orient», XI, 482.

²⁾ Menandr, ap. Joseph. Contr. App. I, 21. Ср. Іезекіиль XXIX, 18.

³⁾ Геродотъ II, 161; Діодоръ I, 68; Гутшмидъ, цит. соч. II, 70.

Первымъ „судьей“ считаютъ Экнибала, сына Васлиха, который впрочемъ, оставался въ этой должности всего два мѣсяца; преемники его—Хелвъ (Кальбелимъ) Авваръ, Миттонъ III (Герастратъ) и Валаторъ быстро смѣняли другъ друга, причемъ внутреннія волненія и междуусобія раздирали тирскихъ гражданъ, оспаривавшихъ власть другъ у друга. Халдеи не вмѣшивались во внутреннія дѣла Финикии и представляли ей вѣдаться съ ними какъ знаетъ, довольствуясь лишь признаніемъ своего верховнаго владычества и платежемъ опредѣленной дани.

Менандръ сообщаетъ, что по низверженіи Валатора (555 г.) былъ возведенъ на престолъ находившійся въ Вавилонѣ потомокъ древней династіи, Мервалъ (Мегербаль), который принялъ царскій титулъ и, опираясь на поддержку халдеевъ, за четыре года своего царствованія успѣлъ, до извѣстной степени, возстановить спокойствіе въ глубокопотрясенномъ Тирѣ.

3. Персы въ Финикии. Мервалу наследовалъ его братъ, Хирамъ IV (ок. 551—532), при которомъ Финикия добровольно покорилась побѣдителю халдеевъ, Киру Персидскому (537 г.). Хирамъ правилъ послѣ того около шести лѣтъ, какъ персидскій вассаль, и умеръ въ 532 году, оставивъ престолъ своему сыну Маттону IV, занимавшему тронъ тиро-финикійскихъ царей еще во время похода Ксеркса противъ Греціи.

Иго персовъ не было тяжелымъ для страны: ей было оставлено самоуправленіе подъ контролемъ царскихъ намѣстниковъ, предоставлены разнаго рода торговые преимущества, взаменъ чего съ нея взималась относительно небольшая подать и морская помощь персидскому флоту на случай войны.

Въ виду столь благоприятныхъ для финикиянъ условій, они до самаго паденія державы Ахеменидовъ не дѣлами попытокъ къ сверженію чужеземнаго владычества, которое не только ихъ не тяготило, но и приносило значительные торговые барыши, составлявшіе для коммерческой націи дѣло первостепенной важности. Кромѣ того прекратились кровавые споры за престолъ и внутреннія неурядицы, благодаря которымъ купеческое правительство вынуждено было терпѣть огромные и невознаградимые убытки, не имѣвшими уже столько мѣста при извѣстномъ уплотненіи государственнаго порядка.

Мятежъ традиціоннаго соперника Тира, „первенца Ханаана“—Сидона, послѣдовавшій въ началѣ царствованія персидскаго царя Артаксеркса III Оха (См. II томъ, Исторія Персіи) вызывался другими

причинами, главнымъ образомъ; грубо-алчной наглостью управлявшаго Финикіей сатрапа и безчинствами персидскихъ войскъ, возвратившихся на родину послѣ неудачнаго похода въ Египеть. Поводы къ возстанію были, такимъ образомъ, ничтожны, но тѣмъ не менѣе они послужили прологомъ къ драмѣ и вновь начали муссировать финикійскій вопросъ, который со времени персидскаго владычества уже потерялъ свою обостренность. Не останавливаясь на мелкихъ событіяхъ, предшествовавшихъ развитію этой драмы, скажемъ кратко, что на общемъ собраніи представителей финикійскихъ городовъ, съѣхавшихся въ Триполисѣ, сидонскому царю Теннесу,—знаменитости фурорнаго характера какъ увидимъ вслѣдъ за симъ,—котораго вдобавокъ укусилъ какой-то тарангуль честолюбія, было предоставлено общее руководство военными дѣйствіями. Послѣдній обратился за помощью въ Египеть, къ фараону Нектанебу II (см. исторію Египта), который прислалъ ему четыре тысячи греческихъ гоплитовъ подъ начальствомъ Ментора Родосскаго (братъ знаменитаго Мемнона ¹⁾). Благодаря присланной помощи, Теннесу удалось разбить сирійскаго сатрапа Велезія и освободить почти всю страну отъ персовъ.

Разсвирѣпѣвшій Охъ, рѣшившійся самыми экстравагантными мѣрами подавить вспыхнувшее возстаніе, собралъ триста тридцать тысячъ азіатскихъ войскъ, нанялъ десять тысячъ грековъ, охотно продававшихъ свою кровь за деньги,—и двинулъ всѣ эти силы для усмиренія мятежныхъ провинцій. Зная кровожадный характеръ персидскаго царя, окруженнаго вдобавокъ кряжемъ людей, которые умѣли его подвигивать, сидоняне приготовились къ тому, что французы называютъ *la formidable résistance*: по словамъ Діодора, они окружили свой городъ тройнымъ рвомъ, увеличили высоту стѣнъ и, наконецъ, сожгли свои корабли.

Къ сожалѣнію, жители Сидона, рѣшившіеся лучше погибнуть, нежели попасть въ руки персидскихъ палачей, сдѣлались жертвами возмутительнаго предательства со стороны своего царя, избраннаго въ военачальники—нѣчто въ родѣ римскаго *dictator rei gerundae causa*—и предполагавшаго измѣной заслужить милость Оха, съ которымъ онъ вступилъ въ тайную, вдвойнѣ преступную связь и передъ которымъ распинался въ чистотѣ чувствъ и бѣлизнѣ намѣреній. Отъ домашняго вора, говорятъ, трудно уберечься, но все же не могли не видѣть сидоняне, что за гусь былъ Теннесъ, считавшій милость персидскаго царя достаточной компенсацией за измѣну отечеству и на

¹⁾ О немъ у насъ рѣчи впереди (См. II томъ. Исторія Персіи).

этой почвѣ совершившій „закланіе агнцевъ“: птица видна была по полету.

Вѣчно окруженный пѣвицами, плясуньями и одалисками, этотъ исковерканный гаремный эстетикъ и герой амурныхъ побѣдъ, имѣвшій досугъ изучить плотскую любовь, какъ солдатъ ружейные приемы, съ какимъ то вкусомъ прозябалъ въ мірѣ разврата, въ мірѣ затхлої любви, въ которомъ собственно и воплощалось его міросозерцаніе, всегда облакавшееся въ какую нибудь юбку или, точнѣе, сразу въ десятки ихъ. Онъ, повидимому, думалъ, что обязанности правителя сводятся только къ тому, чтобы роскошествовать, веселиться, тратить шальные деньги и обнимать женщинъ, у которыхъ онъ любилъ лишь одно тѣло, взирая на послѣднее какъ на мясо къ потребленію, и культивируя свой распутный умъ на счетъ своей же гангренозной душонки.

Никто и не подумалъ справляться, есть ли у этого человѣка дѣльный планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій и имѣетъ ли онъ необходимое мужество и достаточное знаніе дѣла, чтобы разрѣшить задачу, за которую такъ дерзко принялся. Этого, повторяемъ, въ расчетъ не приняли и, конечно, жестоко заплатились.

Въ изложеніи дальнѣйшихъ событій финикійской войны мы будемъ придерживаться разсказа Діодора, ярко изобразившаго завязку всей этой драмы, завязку, полную опереточнаго легкомыслія.

У Теннеса служилъ повѣреннымъ нѣкій грекъ, по имени Тессаліонъ, одна изъ тѣхъ человѣческихъ разновидностей, которыя, при скользкой совѣсти и при готовности исполнять всевозможныя порученія, не исключая и самыхъ зазорныхъ, водятся подъ всѣми градусами широты и во всѣ эпохи, проникая, подобно бациламъ, какъ во дворцы, палацы и замки такъ равно и въ хижины и всегда находя подходящее для себя „дѣло“.

Этого то Тессаліона Теннесъ и выбралъ для соглашенія съ Охомъ, армія котораго тѣмъ временемъ приближалась къ Сидону. Несмотря на исключительную трудность подобнаго порученія и на опасности, которыя грозили послу и котораго за его вольныя рѣчи чуть-чуть не казнили, ловкій грекъ успѣлъ довольно удачно справиться съ возложенной на него задачей: Охъ временно подавилъ въ себѣ кровожадные инстинкты вспыхнувшей азіатской природы, посуливъ Теннесу сохраненіе его сана и всякаго рода милости, послѣ чего сидонскій царь, разыгрывая роль охотничьей собаки, натравленной на хозяина, счелъ себя въ правѣ приступить къ выполненію измѣнническаго умысла и, съ разнаго рода хитростями и прочими злоухищреніями, началъ свою игру въ поддавки.

Дальше все пошло, какъ по маслу. Когда персидская армія приблизилась къ городу, Теннесъ подь предлогомъ якобы общаго собранія созвалъ наиболѣе вліятельныхъ гражданъ Сидона и затѣмъ съ легкостью, съ какой берутъ и снимаютъ съ шахматной доски пѣшки, выдалъ ихъ персамъ, которые спровадили ихъ на тотъ свѣтъ. Къ довершенію же несчастія, Менторъ, помѣшанный на выпрашиваніи награды за службишку и, очевидно, большой знатокъ въ умѣніи пользоваться противнымъ вѣтромъ, изъявилъ намѣреніе нарушить свой долгъ честнаго солдата и вмѣстѣ со вторившими ему наемниками рѣшительно склонялся на сторону персовъ.

Тогда жители города, преданные тѣми людьми, которые обязаны были ихъ защищать, рѣшили испробовать послѣднее средство: просить милости у разгнѣваннаго персидскаго владыки. Пятьсотъ чело-вѣкъ челобитчиковъ съ масличными вѣтвями въ рукахъ отправились въ персидскій лагерь въ чаяніи заслужить если не милость Оха, то, по крайней мѣрѣ, его снисходительность, въ отношеніи злополучнаго города. Но надежда эта, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась тщетной и посольство возвратилось ни съ чѣмъ: лютый персидскій тигръ слишкомъ жаждалъ человѣческой крови, чтобы объявить амнистію, тѣмъ болѣе, что имѣлъ всѣ основанія быть увѣреннымъ въ своемъ успѣхѣ, подготовленномъ той цинической лотереей, которой суждено было разыгратъ въ его пользу. Поставленные au pied du mur, сидоняне поняли, что имъ остается только умереть: по свидѣтельству Діодора ¹⁾, они заперлись въ своихъ домахъ и подожгли ихъ, причемъ погибло около сорока тысячъ чело-вѣкъ обо-ею пола (346 г.). Какъ велика была роскошь въ финикійскихъ жилищахъ видно изъ того, что право вырывать изъ подь оставшихся послѣ пожара развалинъ слитки драгоцѣнныхъ металловъ продавалось алчной персидской администраціей за большія деньги.

Теннесъ получилъ возмездіе, котораго заслуживаютъ всѣ подобные измѣнники: Охъ воспользовавшись его безсовѣстностью, тотчасъ же приказалъ умертвить его. Что же касается до Ментора, военные таланты котораго хорошо были извѣстны царю, то онъ получилъ начальство въ войскѣ у Оха и впоследствии успѣлъ оказать персамъ важныя услуги.

Остальные финикійскіе города, устрашенные участіемъ Сидона и блеснувшимъ имъ миражемъ исторической Немезиды, сдались безъ сопротивленія и скоро вся страна была приведена къ покорности ша-

¹⁾ Діодоръ XVI, 44.

хиншаху, который, покончивъ съ сирійскими дѣлами, и не угрожаемый болѣе со стороны Оронта, могъ перебросить теперь свои войска въ Дельту для вторичнаго покоренія Египта (см. выше).

4. Разрушеніе Тира. Четырнадцать лѣтъ спустя послѣ сидонской катастрофы, всегдашній соперникъ „первенца Ханаана“, Тиръ испыталъ участь, еще болѣе горшкую, но уже не отъ персовъ, а со стороны великаго покорителя Азіи—Александра Македонскаго.

Когда персидская армія была разбита при Иссъ (333 г.) и царь Дарій III бѣжалъ въ Соху, Александръ двинулся вдоль береговъ Эгейскаго моря въ Финикію съ намѣреніемъ подчинить своему господству эту страну, затѣмъ завоевать Палестину и Египетъ, дабы имѣть въ своей власти всѣ прибрежныя страны Средиземнаго моря, прежде, чѣмъ углубиться во внутрь персидской монархіи. Но вопреки всѣмъ ожиданіямъ, здѣсь то македонскій царь былъ задержанъ свыше полугода. Внутренняя Сирія, правда, не представляла никакихъ затрудненій для его полководцевъ и онъ самъ могъ продолжать свое торжественное шествіе безъ всякой помѣхи до того узкаго пролива, который отдѣлялъ островной Тиръ отъ близъ лежащаго материка.

Но именно этотъ важнѣйшій городъ древней Финикіи, не желая послѣдовать примѣру Библа, Арада, Сидона, Марава и остальныхъ финикійскихъ городовъ, не только самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отдаться въ руки побѣдителя при Иссъ, но и не хотѣлъ допустить, чтобы Александръ, согласно выраженнаго имъ желанія, принесъ въ храмъ города жертву Тирскому Геркулесу, считая, очевидно, что жертвоприношеніе въ главномъ храмѣ государства есть выраженіе владычества надъ послѣднимъ.

Такая рѣшимость тирянъ и ихъ упорство покориться македонскому царю кажутся весьма странными, потому что Александръ обращался кротко съ жителями всѣхъ побѣжденныхъ имъ странъ и земель. Изъ этого необходимо должно заключить, что были важныя причины, заставившія тирскаго царя Аземилька остаться вѣрнымъ персидскому владычеству.

Зная, что финикійскій купецъ всегда и вездѣ ставилъ на первомъ планѣ интересъ своей мошны, не трудно предположить, что причины эти заключались въ выгодныхъ торговыхъ связяхъ Тира съ внутренней Персіей, Персидскимъ Заливомъ и Армеліей, которыя привязывали тирянъ къ персидскому господству сильнѣе остальныхъ финикійскихъ городовъ. По свидѣтельству Арріана, тиряне рѣшили не впускать въ свой городъ ни персовъ, ни македонянъ, предполагая,

что такой образъ дѣйствій будетъ наиболѣе благоразумнымъ и лучше всего обезпечить ихъ по окончаніи войны, исходъ которой находился еще подъ сомнѣніемъ. Между тѣмъ для Александра обладаніе Тиромъ было необходимо не только для совершеннаго овладенія Финикіей и ея морскими силами, но и для цѣлей стратегическихъ: оставить Тиръ при движеніи въ Египетъ, въ тылу арміи было въ высшей степени рискованно, такъ какъ находясь вблизи операціонной линіи македонянь, онъ могъ угрожать ихъ сообщеніямъ съ базой. Съ другой стороны обладаніе названнымъ городомъ вело къ господству надъ Эгейскимъ моремъ, къ окончательной изолировки персидскаго флота и, наконецъ, къ достиженію политической цѣли: оставаясь не взятымъ, Тиръ давалъ бы постоянную поддержку оппозиціоннымъ элементамъ въ самой Греціи. Вслѣдствіе указанныхъ соображеній Александръ рѣшился взять этотъ городъ во что бы то ни стало, хотя осада его представляла чрезвычайныя затрудненія.

Со времени осады Салманассара Тиръ былъ перенесенъ на небольшой скалистый островъ, отдѣлявшійся отъ материка проливомъ въ двѣ тысячи пятьсотъ футовъ шириною. Проливъ этотъ, совершенно исчезнувшій теперь, былъ уже отчасти засыпанъ пескомъ и въ то время (у берега онъ былъ довольно мелокъ, но близь острова глубина его доходила до двухъ съ половиной сажень), почему на военномъ совѣтѣ было положено докончить искусствомъ то, что было начато самой природой, т. е. построить черезъ проливъ дамбу или мостъ изъ свай и такимъ образомъ сдѣлать возможнымъ штурмъ Тира съ сухого пути. Все войско и согнанные изъ окрестныхъ мѣстъ жители должны были работать надъ возведеніемъ этой дамбы, которая, по Діодору ¹⁾ имѣла двѣсти футовъ въ ширину; самъ Александръ принялъ участіе въ работѣ и своимъ примѣромъ воодушевлялъ солдатъ.

Матеріаломъ для сооруженія дамбы послужили развалины стараго Тира и отчасти кедры ливанскихъ холмовъ, находившихся по близости.

Сначала постройка дамбы подвигалась очень быстро, но по мѣрѣ приближенія къ острову, она становилась все болѣе и болѣе затруднительной какъ благодаря возрастающей глубинѣ пролива, такъ равно и вслѣдствіе дѣйствія метательныхъ снарядовъ со стѣнъ города. Опытные финикійскіе водолазы, неожиданно ныряя изъ воды, нападали на работниковъ и мѣшали имъ воздвигать дамбу, а легкія

¹⁾ Діодоръ XVII, 43.

финикійскія суда, сновавшія близъ острова, осыпали македонянь градомъ стрѣль и камней.

Работы пошли медленнѣе. Волей-неволей пришлось соорудить нѣчто вродѣ баррикады, а потомъ даже цѣлыя башни съ катапультами и обить ихъ, въ предупрежденіи пожара, звѣриными шкурами, что, впрочемъ, не спасло башенъ отъ огня.

По разсказу Арріана ¹⁾, тиряне нагроузили огромную барку соломою, хворостомъ, сѣрой и легковоспламеняющей смолой, поставили на ея носу двѣ высокыхъ, наклоненныхъ впередъ мачты, между которыми были протянуты веревки, державшія боченки съ масломъ и смолой и, пользуясь попутнымъ западнымъ вѣтромъ, подогнали эту барку прямо къ дамбѣ. Съ зажегшейся барки огонь переметнулся на башни и дамбу и отъ дѣйствія масла и смолы разгорѣлся въ огромный пожаръ, въ которомъ погибла вся работа осаждавшихъ.

Убѣдившись въ невозможности взять городъ съ сухого пути, Александръ рѣшился напасть на Тиръ съ моря. Въ это время къ нему прибыло до 250 морскихъ судовъ съ Кипра, Родоса, Малой Азіи, Арада (царь Гиросстратъ), Библа (царь Ениль) и Сидона. Этими кораблями македонскій царь окружилъ городъ.

Жители Тира, стѣны котораго со стороны моря не были такъ крѣпки, какъ со стороны вновь сооружавшейся дамбы, съумѣли и тутъ встрѣтить съ мужествомъ новую угрожающую имъ опасность. Въ десяти футахъ отъ старой стѣны они построили новую, а оставшееся между обѣими стѣнами пространство засыпали мусоромъ и камнями. Александръ перевезъ на свои корабли новыя машины, сооруженныя механиками и инженерами, собранными съ Финикіи и Кипра, и помощью этихъ машинъ разрушилъ часть городской стѣны. Но тиряне тоже не дремали. Эти люди-кремни привели въ дѣйствіе свою первобытную „артиллерію“ и осыпая македонянь градомъ раскаленныхъ желѣзныхъ снарядовъ и камней, заставили ихъ отступить и возобновили стѣну.

Между тѣмъ широкая дамба, подъ защитой кораблей, все ближе и ближе подвигалась къ острову, почти достигая стѣнъ крѣпости, возвышавшихся на полтора фута надъ уровнемъ моря. На дамбѣ вновь были сооружены высокія башни, съ которыхъ осаждающіе пытались посредствомъ подъемныхъ мостовъ взобраться на городскія стѣны. Но желѣзная энергія тирянь дѣлала, положительно, чудеса: они изобрѣли новые замысловатые снаряды для отраженія

¹⁾ Арріанъ, II, XV, 6—XXIV.

непріятелей, стараясь превзойти послѣднихъ въ военно-инженерномъ искусствѣ. Они выковывали длинныя шесты, снабженныя множествомъ крюковъ, которыми срывали стоявшихъ на башняхъ солдатъ, бросали въ македонянъ огненные шары, осыпали ихъ раскаленнымъ пескомъ, обрубали якоря у плавающихъ машинъ и т. п. Однимъ словомъ жители Тира напрягли все свои силы, истощили всю свою изобрѣтательность и искусство и, по свидѣтельству историковъ, оказались гораздо искуснѣе македонянъ въ изобрѣтеніи боевыхъ машинъ. Геройство ихъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія, что они почти не могли надѣяться на помощь извнѣ: персидскіе адмиралы были слишкомъ вялы и слишкомъ неспособны, чтобы употребить все силы для спасенія Тира, который, отвлекая Александра долговременной осадой и, такъ сказать, приковывая его къ себѣ, выигрывалъ Дарію необходимое для приготовленій время.

Надежда на единоплеменныхъ карагенянъ тоже оказалась ложной: защитники города глаза высмотрѣли, ожидая увидѣть паруса карагенскаго флота, который такъ таки и не появился; припелъ лишь одинъ карагенскій корабль съ тридцатью поломниками для принесенія обычной ежегодной жертвы Мелькарту—и этимъ исчерпывалась вся помощь могущественной тирской колоніи.

Мы не будемъ слѣдить здѣсь за мельчайшими деталями, касающимися осады Тира, такъ какъ онѣ относятся болѣе къ исторіи Александра, нежели къ финикійской исторіи, замѣтимъ только, что въ концѣ концовъ македонскій царь усомнился въ возможности взять отчаянно защищавшійся городъ, и все его полководцы совѣтывали ему оставить это рискованное предпріятіе. Но царь рѣшился произвести послѣдній штурмъ. Можетъ быть онъ и на этотъ разъ не взялъ бы „орлинаго гнѣзда“, если бы ему не помогло глупое суевѣріе его жителей: они вообразили, будто одинъ изъ ихъ боговъ покинулъ Тиръ,—и упали духомъ.

Послѣ семимѣсячной осады и трехдневнаго кровопролитнаго штурма македоняне ворвались, наконецъ, въ городъ (августъ 332 г.). Защитники его бились съ мужествомъ отчаянія; съ необычайной энергіей, свойственной семитической расѣ, они воздвигли баррикады на улицахъ, превратили храмъ Мелькарта въ крѣпость и защищались, какъ единоплеменники ихъ карагеняне противъ Сципіона и какъ евреи въ Іерусалимѣ противъ легионовъ Тита.

Но мужество тирянъ не могло уже помочь дѣлу и они должны были уступить торжествующему непріятелю: 8.000 человекъ пало на приступѣ, 2.000 были подвергнуты казни, 26.000 проданы въ рабство,

остальные успѣли бѣжать въ Кареагенъ. Пощажены были только тѣ изъ обывателей Тира, которые нашли убѣжище въ храмѣ Мелькарта,—въ томъ числѣ царь Аземилькъ, старѣйшины города и кареагенское посольство ¹⁾. Тиръ былъ разрушенъ и хотя еще разъ поднялся изъ развалинъ, но древній блескъ богатаго финикійскаго города померкъ уже навсегда, и центръ всемірной торговли перемѣстился въ Александрію, новый городъ, основанный македонскимъ царемъ на западномъ устьѣ Нила.

5. Значеніе Финикіи. Итакъ въ моментъ македонскаго завоеванія древняя Финикія находилась уже при послѣднемъ издыханіи: ея историческая жизнь подходила къ концу и самое ее существованіе при измѣнившихся политическо-экономическихъ условіяхъ не могло не явиться анахронизмомъ.

Являясь въ роли восточныхъ пионеръ и передатчиковъ матеріальной культуры Западу, финикіяне до тѣхъ поръ сохраняли свое вліяніе, пока на смѣну ихъ не явились греки, вступавшіе въ историческую жизнь съ болѣе обширной программой, нежели проникнутые духомъ узкаго меркантилизма и торговой наживы обитатели сѣвернаго Ханаана. Блестящій расцвѣтъ греческой жизни въ столь благопріятныхъ для культуры мѣстностяхъ Пелопонесса и Эллады совершился подъ возбуждательнымъ вліяніемъ Финикіи, съ которой древняя Греція состояла въ довольно близкихъ сношеніяхъ черезъ посредство перекинутыхъ, какъ мостъ, многочисленныхъ острововъ. Слѣдовательно, какъ было замѣчено выше, финикіянь можно разсматривать какъ *передатчиковъ матеріальной культуры*, произведенія которой они распространили по всему бассейну Средиземнаго моря, становясь главными посредниками между Востокомъ и Западомъ, только что вступавшимъ на поприще всемірно-исторической жизни. Наиболѣе даровитые и смысленные ученики финикіянь—эллины, усвоивъ себѣ зачатки чужеземной культуры и самостоятельно переработавъ все заимствованное, пошли гораздо далѣе своихъ учителей, сдѣлавшись основателями всѣхъ извѣстныхъ теперь намъ наукъ. Но какъ бы то ни было, толчекъ къ знанію, первая ступень цивилизаціи несомнѣнно даны эллинамъ черезъ посредство финикіянина-торгаща, который, преслѣдуя чисто коммерческія цѣли, безсознательно сдѣлался пропагандистомъ восточнаго вліянія на Западѣ. Вычеркните Финикію изъ списка государствъ древняго азіатскаго Востока и вы увидите, что въ исторіи

¹⁾ Курцій, IV, 4, 13.

міра появиться пробѣль, т. е. исчезнетъ или, по крайней мѣрѣ, проявится значительно позднѣе культурное взаимодействіе между восточными и западными народами, такъ какъ изъ остальныхъ націй классическаго Востока, въ силу своеобразныхъ условій быта, ни одна не была бы въ состояніи замѣнить финикіянъ какъ въ сферѣ ихъ культурно-промышленной дѣятельности, такъ равно и въ области оживленныхъ международныхъ сношеній. Чтобы сыграть роль, возложенную на „микробовъ моря“ ходомъ историческаго процесса, необходимо было стеченіе тѣхъ бытовыхъ и историческихъ обстоятельствъ, совокупность которыхъ, въ связи съ особенностями расоваго темперамента, заставила этотъ народъ-космополитъ обратить свою энергію на морскія предпріятія и торговлю, и такимъ образомъ сдѣлаться связующимъ звеномъ между обѣими частями древняго міра.

Востокъ началъ свою историческую жизнь раньше Запада, поэтому естественно, что цивилизація его находилась въ полномъ расцвѣтѣ, когда Западъ былъ еще погруженъ въ дикое варварство и потому только съ Востока долженъ былъ послѣдовать приливъ культурной волны, чтобы привить западнымъ народамъ зачатки цивилизаціи, такъ сказать, дрожжи культуры, на которыхъ суждено было впоследствии расцвѣсть пышной, общечеловѣческой цивилизаціи. Таковую миссію приняла на себя Финикія. Ея историческая жизнь, какъ мы показали, не безслѣдно прошла для человѣчества, будучи направлена, главнымъ образомъ, къ *сближенію между народами древняго міра на почвѣ культурно-экономическаго строя* и, если такъ можно выразиться, къ популяризаціи тѣхъ культурныхъ элементовъ, которые были выработаны Востокомъ, сообразно высшему, по сравненію съ Западомъ, состоянію его культурности. Финикію удачно сравнивали съ громадной лабораторіей, въ которой комбинировались и перерабатывались элементы культуры, доставленные сюда съ береговъ Нила и Ефрата; морскіе пути, проложенные финикіянами, были путями распространенія христіанства и вообще культурныхъ явленій ¹⁾.

Со вступленіемъ греческаго міра, бывшаго въ періодъ финикійскаго могущества лишь молодою завязью прекраснаго цвѣтка и распустившагося во всей своей красѣ много позднѣе, со вступленіемъ этого міра на всемірно-историческую сцену, говоримъ мы, и съ распространеніемъ его торгово-колониальнаго могущества по значительной части Средиземнаго моря, а также его развѣтлений, историческое существованіе Финикіи теряетъ смыслъ, ибо отнынѣ культурная работа

¹⁾ Тураевъ. «Очерк. изуч. ист. финик. древн.» въ «Истор. Обзор.» 1893, стр. 23.

семитической расы въ указанномъ отношеніи становится излишней, являясь крупнымъ анахронизмомъ. Выражаясь фугурально, можно сказать, что финикияне вытопили, въ предѣлахъ возможности, огромную печку, тепломъ отъ которой суждено было воспользоваться въ полной мѣрѣ не имъ, не ихъ сородичамъ, а совершенно другой расѣ, въ жилахъ которой кипѣла львиная арійская кровь: возмужавшей расѣ не нужна была поддѣльная молоджавость Финикии и ея крикливая, суетливая, бьющая на рекламу жизнь. Знаменательно, что разрушеніе Тира Александромъ Македонскимъ какъ бы возвѣстило всему древнему міру, что отнынѣ человѣчество болѣе не нуждается въ услугахъ семитовъ, что другія страны опередили ихъ развитіемъ разумнаго и производительнаго коллективизма и что руководящая роль во всемірно-историческомъ процесѣ съ этихъ поръ переходитъ къ ихъ соперникамъ — эллинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, благодаря завоеваніямъ Александра, который подчинилъ своей власти обширную персидскую монархію, совершилось объединеніе народовъ Востока въ культурномъ отношеніи при помощи распространенія эллинизма, охватившаго широкой волной народовъ древняго міра, прозябавшихъ до того времени въ застарѣломъ цинизмѣ своего быта.

Въ до-эллинскій періодъ финикияне, составляя одно изъ звеньевъ великой исторической цѣпи между Востокомъ и Западомъ, являлись главными распространителями матеріальной культуры и передовыми піонерами восточнаго вліянія на Западѣ, не сознавая, разумѣется, своей почтенной миссіи и преслѣдуя узко-меркантильныя, коммерческія цѣли, заслонявшія отъ нихъ помыслы „не о хлѣбѣ единымъ“. Торгаши-культуртрегеры, погруженные въ торговые расчеты и смотрѣвшіе на все съ точки зрѣнія предпринимательской прибыли, никогда не выступали въ роли созидателей и организаторовъ, какъ вообще всѣ семиты: имъ недоставало гибкости и многосторонности натуры, которыми отличаются народы арійской расы.

Повинуясь колонизаціонному инстинкту, они могли занять извѣстный географическій пунктъ, почему либо привлекшій ихъ вниманіе, сдѣлать его исходной точкой торговыхъ операцій, завести на немъ складочныя мѣста, факторіи, конторы и т. п., могли, далѣе, базируясь (говоря военно-ученымъ языкомъ) на меньшую, сравнительно съ ними, культурность покупателей, эксплуатировать послѣднихъ, приспособиться къ ихъ вкусамъ и потребностямъ и, наконецъ, могли явиться незамѣнимыми поставщиками всего того, въ чемъ ощущали нужду страны, разбросанныя по бассейну Средиземнаго моря, — но возвыситься до истиннаго пониманія значенія международныхъ отношеній и раз-

вить широкую политическую жизнь они никогда не могли, да и врядъ ли понимали иныя потребности духа, кромѣ зоологическаго и экономическаго закона насилія, который нынѣ скрывается за крылатой фразой— „борьбы за существованіе“.

Религія и особенно культъ этого народа, составлявшаго, какъ мы знаемъ, государство трудно опредѣлимой формы, но съ общимъ финикійскимъ курсомъ, не будучи въ полной мѣрѣ самобытными, все же, при ближайшемъ разсмотрѣніи, носятъ на себѣ извѣстный отпечатокъ древняго хананейскаго духа, что, безъ сомнѣнія, отражалось на нравственномъ обликѣ финикіянъ, которые рисуются намъ алчными, жестокими, развратными, раболѣпными и, какъ истые торгаши, до крайности корыстолюбивыми. Что не служило прямо карману финикіянъ, они не интересовались и если бы мы стали подводить итогъ тому, что было сдѣлано ими въ смыслѣ высшаго развитія человѣческаго духа и его идеаловъ, то, пожалуй, пришлось бы поставить полный нуль. Въ указанномъ отношеніи между ними и греками находилась огромная пропасть и, быть можетъ, не безъ основаній „нація лавочниковъ“, смутно предчувствовавшая, что смѣлый полетъ греческаго духа рано или поздно смететъ ея собственное мелкое торгашество и откроетъ новую эру въ исторіи народовъ, такъ инстинктивно ненавидѣла эллиновъ, какъ самыхъ страшныхъ торговыхъ и политическихъ враговъ. Финикіяне чуяли для себя опасность не изъ Азіи, болѣзненный и постоянный консерватизмъ которой могъ довести ее до культурнаго банкротства, — безилія духа, а главнымъ образомъ изъ Европы, изъ той самой Европы, которая на зарѣ своей юности, искала ихъ культурнаго братанія и благодаря лучшимъ представителямъ которой— грекамъ, они остались націей безъ земли, безъ государства, безъ торгово-политической жизни, однимъ словомъ, сошли на нѣтъ: раса вымирала. Слѣдовательно весь полезный трудъ финикійскаго генія, съ какой бы стороны ни разсматривать его проявленія, заключался, главнымъ образомъ, въ томъ узкомъ эклектизмѣ, который былъ уже намѣченъ Сидономъ, „первенцомъ Ханаана“ и который, въ силу закона исторической послѣдовательности, восприняли двѣ крупныхъ семитическихъ жемчужины, Тиръ и Карфагенъ для того, чтобы продолжать эту традицію до своего послѣдняго часа...

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	Страницы. I—XXVIII
-----------------------	-----------------------

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Книга I.

Египетъ.

I. Естественнo-историческія условія страны	1— 59
1. Дельта.—2. Гептаномида.—3. Оиваида.—4. Оазисы.—5. Ниль и его разливы.—6. Флора.—7. Фауна.—8. Геологическое строеніе.—9. Климатъ.	
II. Населеніе фараоновскаго Египта	59— 82
Сословія.—1. Жрецы. 2. Воины. 3. Народъ.	
III. Администрація и право	82—115
1. Фараонъ.—2. Номы.—3. Чиновничество.—4. Юстиція.—5. Судебные процессы.—6. Полиція и прочія административныя функціи.	
IV. Религія	115—186
1. Культъ животныхъ.—2. Великіе боги.—1. Ра. 2. Озирисъ. 3. Фта. 4. Аммонъ. 5. Тотъ. 6. Горъ и пр. божества.—3. Теологическія умозрѣнія.—4. Культъ.—5. Ученіе о загробной жизни.—1. Двойники. 2. Судъ Аменти. 3. Погребеніе мертвыхъ.	
V. Письменность и литература	186—222
1. Египетскія письмена.—2. Литература, ея характеръ и образцы.—1. Гимнъ Нилу. 2. Ода въ честь Тутмеса III. 3. Повесть Пентаура. 4. Наставленія Усургусену I. 5. Воспоминанія Синугита. 6. Повѣсть о двухъ братьяхъ. 7. Чародѣй Деде. 8. Похожденія Сатни-Камоиса. 9. Обреченный принцъ. 10. Таинственный островъ.	
VI. Наука	222—259
1. Астрономія.—2. Математика.—3. Медицина. 1. Анатомія. 2. Патологія и терапія. 3. Диагностика. 4. Гигіена. 5. Хирургія. 6. Гинекологія. 7. Фармакологія. 8. Магическая медицина.—4. Философія.—5. Механика и гидравлическія сооруженія.	

	Страницы.
VII. Искусство	259—310
1. Архитектура.—1. Храмы. 2. Пирамиды. 3. Катакомбы. 4. Мстабы.— 2. Скульптура.—1. Статуи. 2. Сфинксы. 3. Обелиски.—3. Жи- вопись.—4. Музыка.	
VIII. Военное искусство	310—372
1. Комплектованіе арміи.—2. Организація.—3. Снаряженіе и во- оруженіе.—4. Тактика.—5. Фортификація.—6. Стратегія и путь завоеваній.—7. Бытъ воинскихъ чиновъ.—8. Морское дѣло.	
IX. Сельское хозяйство	372—386
1. Земледѣліе.—2. Садоводство.—3. Скотоводство.—4. Рыболов- ство.—5. Охота.	
X. Городское хозяйство	387—401
1. Ремесла и промышленность.—2. Торговля.—3. Денежное хо- зяйство.	
XI. Соціальный вопросъ	401—429
1. Участь рабочаго класса.—2. Рабство въ Египтѣ.—3. Положе- ніе женщинъ.	
XII. Домашній бытъ	429—446
1. Одежда.—2. Жилище и утварь.—3. Пища.—4. Нравы и раз- влеченія.	

Книга II.

Исторія Египта.

1. Мемфисскій періодъ	450—463
I, II, III, IV, V и VI династіи.—Смутный періодъ—VII, VIII, IX и X династіи.	
2. Древне-Фиванскій періодъ	463—471
XI, XII, XIII и XIV династіи.	
3. Владычество кочевниковъ	471—476
XV и XVI династіи.—XVII (Фиванская) династія.	
4. Ново-Фиванскій періодъ	476—532
XVIII, XIX и XX династіи.	
5. Саисскій періодъ	532—584
XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV династіи. Ассиріяне въ Египтѣ. XXVI и XXVII династіи.—Персы въ Египтѣ.—Возстаніе Хаб- баша.—Возмущеніе Инара.—Послѣдніе туземные цари.—Маке- доняне въ Египтѣ.—Значеніе Египта въ ходѣ всемірно-исто- рическаго процесса.	

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Книга III.

Финикия.

	Страницы.
I. Географическій очеркъ страны и ея населеніе	599—617
1. Характеръ географическаго тѣла страны.—2. Города.—3. Населеніе.—4. Государственное устройство.	
II. Религіозныя воззрѣнія Ханаана.	617—637
1. Вааль.—2. Астарта.—3. Мелькартъ.—4. Культъ кавировъ.—5. Сгѣдо финикійской религіи.	
III. Письменность и литература	637—645
1. Азбука.—2. Памятники письменности.—3. Наука.	
IV. Искусство.	645—654
1. Скульптура.—2. Архитектура.	
V. Военное искусство	654—660
VI. Торговля и промышленность.	661—673
VII. Колонизаціонная дѣятельность	673—681
VIII. Рабство въ Финикии. Домашній бытъ.	681—690

Книга IV.

Исторія Финикии . . . . . 691—714

1. Хирамиды.—2. Ассиро-халдейское владычество.—3. Персы въ Финикии.—4. Разрушеніе Тира.—Значеніе Финикии.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

---

1. *La guerre à va banque.*

(Опытъ изслѣдованія на почвѣ кампаніи 1849 года въ Италіи).
С.-П.Б. 1900 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 95 коп.

Настоящее сочиненіе, касаясь почти всѣхъ главныхъ отраслей военного дѣла, критически разсматриваетъ разрѣшеніе военно-бытовыхъ, административныхъ и стратегическихъ вопросовъ на основаніи опыта кампаніи 1849 года, совершенно еще не разработанной въ русской военной литературѣ.

Складъ изданія у В. А. Березовскаго, С.-П.Б., Колокольная, 14.

2. Исторія 25-го пѣхотнаго Смоленскаго полка за два вѣка его существованія (1700—1900 г.) съ помѣщеннымъ въ приложеніи къ ней офицерскимъ спискомъ, представляющимъ историческій интересъ для большинства пѣхотныхъ полковъ, какъ точная и документальная справка о переводахъ и назначеніяхъ офицеровъ въ Смоленскій полкъ и обратно. С.-П.Б. 1901 г.

Цѣна 13 руб., на веленовой бумагѣ—18 руб. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Съ требованіями обращаться въ полковую канцелярію.

3. Хронологическая таблица важнѣйшихъ военныхъ событій всемірной исторіи (Пособіе для слушателей военныхъ Академій). С.-П.Б. 1901 г. Цѣна 30 коп. съ пересылкой 40 коп. Складъ изданія въ Военно-Книжномъ магазинѣ Н. В. Васильева, С.-П.Б., Офицерская, 6.

СОЧИНЕНІЯ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. La guerre à la banque.

(Опытъ изслѣдованія на почвѣ кампаніи 1849 года въ Италіи). С.-П.Б. 1900 г. Цѣна 75 коп., съ пересылкой 95 коп.

Настоящее сочиненіе, касаясь почти всѣхъ главныхъ отраслей военнаго дѣла, критически разсматриваетъ разрѣшеніе военно-бытовыхъ, административныхъ и стратегическихъ вопросовъ на основаніи опыта кампаніи 1849 года, совершенно еще не разработанной въ русской военной литературѣ.

Складъ изданія у В. А. Березовскаго, С.-П.Б., Колокольная, 14.

2. Исторія 25-го пѣхотнаго Смоленскаго полка за два вѣка его существованія (1700—1900 г.) съ помѣщеннымъ въ приложеніи къ ней офицерскимъ спискомъ, представляющимъ историческій интересъ для большинства пѣхотныхъ полковъ, какъ точная и документальная справка о переводахъ и назначеніяхъ офицеровъ въ Смоленскій полкъ и обратно. С.-П.Б. 1901 г.

Цѣна 13 руб., на веленовой бумагѣ—18 руб. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Съ требованіями обращаться въ полковую канцелярію.

3. Хронологическая таблица важнѣйшихъ военныхъ событій всемірной исторіи (Пособіе для слушателей военныхъ Академій). С.-П.Б. 1901 г. Цѣна 30 коп. съ пересылкой 40 коп. Складъ изданія въ Военно-Книжномъ магазинѣ Н. В. Васильева, С.-П.Б., Офицерская, 6.

